

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

- Гусаим И.В. Философско-правовая трактовка дефиниций «Государственная безопасность», «Общественная безопасность» и «Национальная безопасность» 8
- Даниленкова Т.О. Влияние цифровой эпохи на правовое сознание молодежи 15
- Евдокимова А.И. История юридического образования в России в XIX веке 19
- Ильтер Серхат. Система кул как военный и административный институт в Османской империи 23
- Гасымов К.М., Корнилов А.Р. Мониторинг законодательства в России: ретроспективный анализ и перспективы трансформации 27
- Самедов В.А., Большакова В.М. Независимость суда как принцип конституционного строительства: реформаторские модели и их эффективность 31
- Шумахова З.Н., Токтаньязова А.Э., Щербинина Н.С., Чеботарева И.Ю. Профессионально-ориентированная коммуникативная компетенция юристов: теория и практика формирования 36

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

- Балашов Е.В., Шорохова А.А. Вопросы правового обеспечения государственного управления в области охраны окружающей среды 42
- Бахчиев И.А. Традиционные российские духовно-нравственные ценности как объект правовой политики: междисциплинарный анализ 47
- Бережной Н.С. Сравнительный анализ правового регулирования налоговых ИТ-льгот в России и США 52
- Волхова А.А. Адвокатская тайна и нейросети: проект «Безопасного контура» 60
- Демаков М.И. Взаимодействие системы государственного контроля (надзора) и норм международного права в области атомной безопасности 64
- Иванов А.А. Межбюджетные противоречия в системе распределения налоговых отчислений между регионами Российской Федерации 69
- Ижко И.В. Налоговый контроль в форме налогового мониторинга. Проблемы и перспективы развития 73

Учредитель: ООО «Издательство КНОРУС»
Издатель: ООО «Издательство «КноРус»

Издание зарегистрировано Роскомнадзором, регистрационный номер:
ПИ № ФС 77-74313 выдано 23.11.2018
ISSN 2220-5500
Подписной индекс Роспечати: 82319

Адрес редакции и издателя: 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2
E-mail: jurscience@mail.ru Сайт: www.jurnauka.ru

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Ашмарина Елена Михайловна, д-р юрид. наук, проф., Российский государственный университет правосудия; Барабанова Светлана Васильевна, д-р юрид. наук, доц., Казанский национальный исследовательский технологический университет; Бирюков Павел Николаевич, д-р юрид. наук, проф., Воронежский государственный университет; Галушкин Александр Александрович, д-р пед. наук, канд. юрид. наук, профессор РАО, Российская академия естественных наук; Казачкова Земфира Мухарбиевна, д-р юрид. наук, проф., Всероссийский государственный университет юстиции; Калининченко Пауль Алексеевич, д-р юрид. наук, проф., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); Кожанков Антон Юрьевич, кандидат юридических наук, Московский государственный институт международных отношений (университет); Липатов Эдуард Георгиевич, д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; Липски Станислав Андреевич, д-р экон. наук, Московский государственный университет геодезии и картографии (МИИГАиК); Малько Александр Васильевич, д-р юрид. наук, проф., Поволжский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции; Мамитова Наталия Викторовна, д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; Махтаев Махтай Шапиевич, д-р юрид. наук, проф., Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова; Мещерякова Ольга Михайловна, д-р юрид. наук, доц., Российский университет дружбы народов; Панченко Владислав Юрьевич, д-р юрид. наук, доц., Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России); Рузакова Ольга Александровна, д-р юрид. наук, проф., Московский государственный институт международных отношений (университет); Сангаджиев Бадма Владимирович, д-р юрид. наук, доц., Российский университет дружбы народов; Степанян Армен Жоресович, кандидат юридических наук, доц., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); Цареградская Юлия Константиновна, д-р юрид. наук, доц., проф., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); Чаннов Сергей Евгеньевич, д-р юрид. наук, проф., Саратовская государственная юридическая академия; Четвериков Артем Олегович, д-р юрид. наук, проф., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); Чихладзе Леван Теймуразович, д-р юрид. наук, проф., Российский университет дружбы народов; Шохин Сергей Олегович, д-р юрид. наук, проф., Московский государственный институт международных отношений (университет); Щукина Татьяна Владимировна, д-р юрид. наук, доц., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; Павликов Сергей Герасимович, д-р юрид. наук, проф. Департамента правового регулирования экономической деятельности, Финансовый университет при Правительстве РФ; Скитович Виктор Викторович, доктор юридических наук, проф., проф. Кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин, ФГБОУ ВО «РЭУ имени Г.В. Плеханова»; Шагиева Розалина Васильевна, д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; Джинджолия Рауль Сергеевич, д-р юрид. наук, проф., Российский новый университет; Стойко Николай Геннадьевич, д-р юрид. наук, проф., проф. Кафедры уголовного процесса и криминалистики, Санкт-Петербургский государственный университет;

Главный редактор:
Кашкин Сергей Юрьевич, доктор юридических наук, профессор

Заместитель главного редактора:
Коровяковский Денис Геннадьевич, канд. юрид. наук, доц.

Отпечатано в типографии ООО «Русайнс»,
117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2
Тираж 300 экз. Формат А4. Дата выхода в свет: 15.11.2025

Цена свободная
Все материалы, публикуемые в журнале, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию

Издание не подлежит маркировке согласно п. 2 ст. 1 Федерального закона от 29.12.2010 № 436-ФЗ
«О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»

Калугина Т.Ю. К вопросу о сущности взаимодействия органов прокуратуры с институтами гражданского общества в сфере обеспечения прав и свобод человека и гражданина.....	78
Кокулеков А.А. Применение мер предварительной защиты по делам об оспаривании нормативных правовых актов в свете постановления Конституционного Суда РФ от 11.04.2024 № 17-П.....	82
Кузнецов Л.Д. Теоретическое понимание элементов налогообложения в современной России.....	88
Курбатова А.И. К вопросу об объекте прокурорского надзора за исполнением законов о противодействии экстремистской деятельности.....	92
Львова Л.Н. Конституционно-правовые основы обеспечения экономической безопасности Российской Федерации в условиях экономических санкций.....	95
Михеев С.Д. Международный опыт правового регулирования информационных технологий в нефтегазовой промышленности.....	102
Мукасеева Н.Н., Артемова О.Е. Актуальные проблемы административной ответственности за нарушение законодательства в сфере рекламы.....	110
Олифиренко А.А. Правовое регулирование хранения и повторного использования пользовательских диалогов для обучения модели искусственного интеллекта: кейс Anthropic.....	116
Паршуков М.И. Научно-технические и социально-экономические условия формирования понятийного аппарата информационного права.....	121
Первушин Г.Ю. Правовые особенности обращения и контроля криптоактивов.....	126
Букалерева Л.А., Сидиков Г.А. Понятие и общая характеристика «тайны».....	132
Солодских Я.И., Родионова А.А. Отдельные тенденции в управленческой деятельности органов публичной власти.....	137
Трофимов В.В., Горюшина Ю.В. Функциональные возможности правосотворческого механизма публичной власти и гражданского общества в структуре правотворческой активности современного государства: некоторые аспекты методологии и теории.....	141
Фатьянов Е.В. Дихотомия интегративного и холистического подходов в доктринальном осмыслении права на образование.....	147
Хайбрахманова А.Д. Трансформация государственного финансового контроля: правовые императивы и новые реалии.....	151
Хохлова Д.П. Традиционные семейные ценности как фактор социальной стабильности.....	157

Чернышова А.О., Мамышева Е.А., Урзов В.А. Правовое обеспечение использования искусственного интеллекта в обязательственных отношениях.....	162
Щепотин А.В. Особенности использования искусственного интеллекта при отправлении правосудия в Российской Федерации.....	167

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

Абдуллина Л.Ф. Статус несовершеннолетнего предпринимателя в гражданском праве России: проблемы и пути их решения.....	174
Белоус А.М. Правовое регулирование оборота криптовалюты.....	179
Березкин А.С. Защита прав конечного приобретателя недвижимости при оспаривании ряда сделок с ней в деле о банкротстве.....	184
Губанова О.А. Вторая пенсия для сотрудников ФПС ГПС.....	190
Карнаухов С.С. История развития гражданско-правового регулирования инноваций.....	194
Кеклис А.Ю., Шкапская А.Д. Понятие и правовая природа цифровых прав, как объектов гражданских прав.....	198
Козлов Ю.А. Влияние философии Джона Локка на развитие института траста в английском общем праве.....	203
Кох А.А. Международное правовое регулирование ИИ.....	207
Кузьмин И.О. Проблема авторско-правовой охраны цифровых фабрикаций.....	217
Кеклис А.Ю., Шкапская А.Д. Цифровые объекты как предмет гражданских правоотношений.....	224
Мамаев А.А. Искусственное уменьшение изначальной цены иска с целью уклонения от обязанности по оплате государственной пошлины.....	228
Минина Н.В. Механизм защиты патентных прав: проблемы правового регулирования.....	231
Пожидаев Ю.П. Правовое регулирование паевых инвестиционных фондов в праве Российской Федерации и в зарубежном праве.....	236
Сатаров О.Д. О причине возникновения права на самозащиту в интересах третьих лиц: этико-правовое воззрение.....	242
Селивенко Д.А. Проблемы юридической ответственности при мультимодальных перевозках.....	246
Федоров Н.И. Механизм проектного финансирования: характерные особенности и отличия от мезонинного (гибридного) финансирования.....	250
Черкашин И.А. Концепция условно выделяемых частей в объектах незавершенного строительства как способ защиты прав участников долевого строительства.....	254

Яшин К.А. Предпосылки изменения регулирования расточительства как правовой категории российского гражданского права	259

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Айрапетян М.К. Лишение жизни и причинение вреда здоровью одним спортсменом другому как обстоятельство, исключающее преступность деяния	266
Алексанин А.С. Получение компьютерной информации в оперативно-розыскной деятельности полиции: проблемы и совершенствование форм взаимодействия	271
Аль-Мсафир Дурайд Мохаммед Хассун. Сравнительно-правовой анализ института прокуратуры в Российской Федерации и Республике Ирак: организационные основания и полномочия	276
Скоробогатов А.В., Бикеев И.И. Уголовное право в аксиологическом контексте.....	281
Богатырёва М.С. Личность преступника: отражение в нормах Особенной части УК РФ.....	286
Богунова Г.В. Особенности уголовной ответственности, связанной с управлением транспортными средствами в состоянии опьянения	290
Валуисков Н.В. Криминологическая характеристика современной преступности несовершеннолетних в России.....	293
Даровских О.И. К вопросу о понятии и формах злоупотребления правом в уголовном судопроизводстве	298
Дерябин А.С. Разграничение составов преступлений, предусмотренных ст. 172.2 УК РФ и ст. 159 УК РФ	303
Крюков А.В. Незаконные приобретение и хранение наркотических средств и психотропных веществ разных видов.....	309
Кузбагарова Е.В., Беседин К.Е. Применение программного обеспечения для экономического анализа при производстве судебных экономических экспертиз.....	312
Мезенева М.А. К вопросу об использовании возможностей ИИ в области материально-бытовому обеспечения осужденных.....	318
Мусина А.Р. Криминалистический потенциал технологий искусственного интеллекта: от формирования следственных версий к комплексным системам безопасности	323
Наумов В.В. Уголовная ответственность за незаконный ввоз и/или обращение импортированных из-за пределов территории КНР твердых отходов, а также за их самовольный ввоз без разрешительных документов в качестве вторичного сырья по законодательству Китая (ст. 339 УК КНР)	327

Недоступ Е.С. Виктимологические аспекты при совершении преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности личности	332
Оторов А.А. Правовое регулирование средств доследственной проверки по уголовно-процессуальному законодательству Кыргызской Республики и Российской Федерации: сравнительный анализ и проблемные вопросы	337
Посельская Л.Н. Особенности расследования неправомерных действий юридических лиц при банкротстве в условиях цифровизации	341
Радионова О.А. Проблемы систематизации судебно-экономических экспертиз в современной юриспруденции	346
Слободенюк М.А. Преступность несовершеннолетних: взаимосвязь между насильственными преступлениями, совершаемыми на почве национальной ненависти, и киберпреступлениями	350
Червяко Е.Д., Майборода Э.Т. Процессуальные особенности легализации результатов оперативно-розыскной деятельности при расследовании преступлений диверсионной направленности.....	355
Шушеначев А.В. Правовые, этические и психологические риски применения искусственного интеллекта (ИИ) в уголовном процессе с участием несовершеннолетних.....	361
Яблоков А.М. Досудебное соглашение о сотрудничестве как инструмент выявления и разрешения уголовно-правового конфликта	366

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Деникаева Р.Н., Юха Д.С., Соколов М.Д. Сравнительный анализ международного опыта регулирования криптовалют и возможность его применения в российском законодательстве	370
Епихин Е.В. Достижение технологического суверенитета Российской Федерации через развитие международного научно-технического сотрудничества: оценка потенциала региональных интеграционных объединений с участием РФ	375
Клюев В.В. Публичный интерес в морском праве	382
Митрофанов И.О. Система гарантий права на целостность личности в контексте применения новых технологий в области биомедицины	388
Мосякин И.А. Креативные индустрии как инструмент международно-правового сотрудничества государств БРИКС в сфере сохранения культурного наследия.....	394
Пахомова Н.А., Маркин С.П. Международное право в историческом развитии	401
Ткаченко В.М. Механизмы совершенствования правового регулирования в РФ в части соотношения международного и национального права	406

Филатов Г.И. Понятие и признаки киберпреступности, связанной с использованием искусственного интеллекта: эволюция подходов международно-правового регулирования	412

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОГО ПРАВОТВОРЧЕСТВА

Алексеев К.А. Криптовалюта и интеллектуальная собственность в наследственном праве: современные вызовы	417
Куровский С.В., Мишин Д.А., Гоглева С.В. Особенности правовой идеологии Китайской Народной Республики на современном этапе развития	422
Гребёнкин А.Ю. Цессия проблемных активов как риск недействительности медиативного соглашения.....	426
Кислицын Г.А. Проблемы реализации права ребенка на воспитание в семье в контексте института детства в РФ.....	431
Куценко Е.И. Организационный аспект обеспечения единообразия судебной практики в арбитражных судах Российской Федерации	436

Никишин В.А. Локальные технико-юридические нормы	444
Паршуков М.И. Развитие понятийного аппарата информационного права в правовом анализе информационного законодательства.....	447
Рехачева Т.В. Обзор рейтингов искусственного интеллекта и необходимости их использования юристами.....	452
Старикова А.Д. Методика составления вопросов для чат-бота на основе ИИ для создания фотокомбинированного портрета	457
Таранов И.Е. Обжалование решений по делам об административных правонарушениях в сфере рынка ценных бумаг: проблемы теории и практики	460
Трунцева Е.А. О некоторых вопросах, связанных с производством по делам об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 12.8 и ст. 12.26 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях	465
Фомин Д.С. Правовое сознание и правовая культура как социокультурные феномены	469

TABLE OF CONTENTS

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

<i>Gusaim I.V.</i> Philosophical and legal interpretation of the definitions “state security,” “public security,” and “national security”	8
<i>Danilenkova T.O.</i> , The impact of the digital age on the legal consciousness of young people	15
<i>Evdokimova A.I.</i> Problems of Russian Legal Education in the 19th Century	19
<i>Alter Sergat.</i> The kul system as a military and administrative institution in the ottoman empire	23
<i>Gasimov Kyanan Murad oglu, Kornilov A.R.</i> Monitoring of legislation in Russia: a retrospective analysis and transformation prospects.....	27
<i>Samedov V.A., Bolshakova V.M.</i> Judicial independence as a principle of constitutional development: reform models and their effectiveness	31
<i>Shumakhova Z.N. Toktanyazova A.E., Shcherbinina N.S., Chebotareva I.Yu.</i> Professionally oriented communicative competence of lawyers: theory and practice of development	36

PUBLIC LAW (STATE LEGAL) SCIENCES

<i>Balashov E.V., Shorokhova A.A.</i> Issues of legal support for public administration in the field of environmental protection	42
<i>Bakhcheev I.A.</i> Traditional Russian spiritual and moral values as an object of legal policy: an interdisciplinary analysis.....	47
<i>Berezhnoi N.S.</i> A Comparative Analysis of Legal Regulation of IT Tax Incentives in Russia and the United States.....	52
<i>Volkhova A.A.</i> Attorney-client privilege and neural networks: the “Safe Contour” project	60
<i>Demakov M.I.</i> Interaction of the state control (supervision) system and international law in the field of nuclear safety	64
<i>Ivanov A.A.</i> Inter-budgetary contradictions in the system of distribution of tax deductions between the regions of the Russian Federation	69
<i>Izhko I.V.</i> Tax Monitoring as a Form of Tax Control: Challenges and Prospects for Development	73
<i>Kalugina T.Yu.</i> On the essence of interaction between prosecutors’ offices and civil society institutions in ensuring human and civil rights and freedoms.....	78
<i>Kokulekov A.A.</i> Application of preliminary protection measures in cases on challenging normative legal acts in the light of the resolution no. 17-p of the constitutional court of the Russian Federation dated 04/11/2024	82
<i>Kuznetsov L.</i> Theoretical understanding of the elements of taxation in modern Russia	88

<i>Kurbatova A.I.</i> On the issue of the object of prosecutorial supervision over the execution laws on countering extremist activities	92
<i>Lvova L.N.</i> Constitutional and legal bases of ensuring the economic security of the Russian Federation in the conditions of economic sanctions	95
<i>Mikheev S.D.</i> International experience of legal regulation of information technologies in the oil and gas industry	102
<i>Mukaseeva N.N., Artemova O.E.</i> Actual problems of administrative responsibility for violation of legislation in the advertising	110
<i>Olifirenko A.A.</i> Legal regulation of the retention and reuse of user dialogues for artificial intelligence model training: the anthropic case	116
<i>Parshukov M.I.</i> Scientific, technical, and socioeconomic conditions for the development of the conceptual framework of information law	121
<i>Pervushin G.Yu.</i> Legal features of the circulation and control of cryptoassets	126
<i>Bukalero L.A., Sidakov G.A.</i> The Concept and General Characteristics of “Secret”	132
<i>Solodskikh Ya.I., Rodionova A.A.</i> Certain trends in the management activities of public authorities.....	137
<i>Trofimov V.V., Goryushina Ju.V.</i> Functional capabilities of the law-co-creation mechanism of public authorities and civil society in the structure of law-making activity of the modern state: some aspects of methodology and theory	141
<i>Fatyanov E.V.</i> Dichotomy of integrative and holistic approaches in the doctrinal understanding of the right to education	147
<i>Khaibrakhmanova A.</i> Transformation of State Financial Control: Legal Imperatives and New Realities.....	151
<i>Khokhlova D.P.</i> Traditional family values as a factor of social stability	157
<i>Chernysheva A.O., Mamysheva E.A., Urzov V.A.</i> Legal support for the use of artificial intelligence in liability relations.....	162
<i>Schepotin A.</i> Features of digitalization of law enforcement activities in the states of the Anglo-American legal family...	167

PRIVATE LEGAL (CIVILITY) SCIENCES

<i>Abdullina L.F.</i> The status of a minor entrepreneur in Russian civil law: problems and solutions	174
<i>Belous A.M.</i> Legal regulation of cryptocurrency turnover....	179
<i>Berezkin A.S.</i> Protection of the Rights of the Ultimate Purchaser of Real Estate in Challenging a Series of Transactions for Its Alienation Within the Framework of Bankruptcy Proceedings.....	184
<i>Gubanova O.A.</i> Second pension for employees of the FPS GPS.....	190

<i>Karnaikhov S.S.</i> History of development of civil-law regulation of innovations	194	<i>Valuyskov N.V.</i> Criminological characteristics of modern minors in Russia	293
<i>Keklis A.Yu., Shkapskaya A.D.</i> The concept and legal nature of digital rights as objects of civil rights	198	<i>Darovskikh O.I.</i> On the concept and forms of abuse of law in criminal proceedings	298
<i>Kozlov Iu.A.</i> The influence of John Locke's philosophy on the development of the trust institution in English common law	203	<i>Deryabin A.S.</i> Distinction between the offenses defined in Article 172.2 of the Criminal Code of the Russian Federation and Article 159 of the Criminal Code of the Russian Federation	303
<i>Kokh A.A.</i> International legal regulation of AI	207	<i>Kryukov A.W.</i> Illegal purchase and storage of drugs and psychotropic substances of various types	309
<i>Kuzmin I.O.</i> The problem of copyright protection of digital fabrications	217	<i>Kuzbagarova E.V., Besedin K.E.</i> Application of economic analysis software in court economic expertise	312
<i>Keklis A.Yu., Shkapskaya A.D.</i> Digital objects as subjects of civil law relations	224	<i>Mezenева M.A.</i> On the issue of using AI capabilities in the field of material and household support for convicts.....	318
<i>Mamaev A.A.</i> Artificially reducing the initial claim amount to avoid paying state fees	228	<i>Musina A.R.</i> The forensic potential of artificial intelligence technologies: from the formation of investigative versions to complex security systems	323
<i>Minina N.V.</i> Patent protection mechanism: problems of legal regulation	231	<i>Naumov V.V.</i> Criminal liability for illegal importation and/or handling of solid waste imported from outside the territory of the PRC, as well as for their unauthorized importation without permits as secondary raw materials under the legislation of China (art. 339 of the criminal code of the PRC).....	327
<i>Pozhidaev Yu.P.</i> Legal Regulation of Unit Investment Funds in the Law of the Russian Federation and in Foreign Law	236	<i>Nedostup E.S.</i> Victimological aspects of crimes against sexual freedom and sexual integrity	332
<i>Satarov O.D.</i> On the grounds for the rights to self-defense in the interests of third parties: an ethical and legal perspective	242	<i>Otorov A.A.</i> Legal Regulation of Pre-Investigation Verification Measures under the Criminal Procedure Legislation of the Kyrgyz Republic and the Russian Federation: Comparative Analysis and Problematic Aspects	337
<i>Selivenko D.A.</i> Liability issues in multimodal transportation	246	<i>Poselskaya L.N.</i> Features of investigating illegal acts of legal entities in bankruptcy in the conditions of digitalization.....	341
<i>Fedorov N.I.</i> The Mechanism of Project Financing: Distinctive Features and Differences from Mezzanine (Hybrid) Financing	250	<i>Radionova O.A.</i> Problems of systematizing forensic economic expertise in modern jurisprudence	346
<i>Cherkashin I.A.</i> Concept of Conditionally Allocated Parts in Objects of Unfinished Construction as a Method of Protecting the Rights of Shared Construction Participants.....	254	<i>Slobodenyuk M.</i> Juvenile delinquency: the relationship between violent hate crimes and cybercrimes	350
<i>Yashin K.A.</i> Prerequisites for changing the regulation of waste as a legal category of Russian civil law.....	259	<i>Cheryavko E.D., Mayboroda E.T.</i> Procedural Features of Legalizing the Results of Operational Investigative Activities in the Investigation of Sabotage-Related Crimes	355

CRIMINAL LEGAL SCIENCES

<i>Airapetian M.K.</i> Deprivation of life and causing harm to health by one athlete to another as a circumstance that excludes the criminality of the act	266	<i>Shushenachev A.V.</i> Legal, Ethical and Psychological Risks of Using Artificial Intelligence (AI) in Criminal Proceedings Involving Minors	361
<i>Aleksanin A.S.</i> Obtaining computer information in operational-search activities of the police: problems and improvement of forms of interaction	271	<i>Yablokov A.M.</i> Pre-trial cooperation agreements as a tool for identifying and resolving criminal conflicts	366
<i>Al-Msafir Duraïd Mohammed Hassoun.</i> Comparative Legal Analysis of the Institution of Public Prosecution in the Russian Federation and the Republic of Iraq: Organizational Foundations and Powers	276	<i>Denikaeva R.N., Yukha D.S., Sokolov M.D.</i> Comparative analysis of international experience in cryptocurrency regulation and the possibility of its application in Russian legislation	370
<i>Skorobogatov A.V., Bikeev I.I.</i> Criminal Law in Axiological Context	281		
<i>Bogatyreva M.S.</i> The identity of the perpetrator: reflection in the norms of the special part of the criminal code of the Russian Federation?	286		
<i>Bogunova G.V.</i> Features of criminal liability related to driving under the influence of alcohol.....	290		

INTERNATIONAL LEGAL SCIENCES

<i>Denikaeva R.N., Yukha D.S., Sokolov M.D.</i> Comparative analysis of international experience in cryptocurrency regulation and the possibility of its application in Russian legislation	370

<i>Epikhin E.V.</i> Achieving technological sovereignty of the Russian Federation through the development of international scientific and technical cooperation: assessing the potential of regional integration associations with the participation of the Russian Federation.....	375	<i>Grebenkin A.Yu.</i> Assignment of distressed assets as a risk of the invalidity of a mediation agreement	426
<i>Klyuev V.V.</i> Public interest in maritime law	382	<i>Kislitsyn G.A.</i> Problems of Implementing the Child's Right to Family Upbringing in the Context of the Institute of Childhood in the Russian Federation	431
<i>Mitrofanov I.O.</i> A system of guarantees for the right to personal integrity in the context of the application of new technologies in biomedicine	388	<i>Kutsenko E.I.</i> Organizational aspects of ensuring uniformity of judicial practice in arbitration courts of the Russian Federation	436
<i>Mosyakin I.A.</i> Creative industries as a tool for international legal cooperation between BRICS countries in the field of cultural heritage preservation.....	394	<i>Nikishin V.A.</i> Local technical and legal norms	444
<i>Pakhomova N.A., Markin S.P.</i> International law in historical development.....	401	<i>Parshukov M.I.</i> Developments in the conceptual framework of information law in the legal analysis of information legislation	447
<i>Tkachenko V.M.</i> Mechanisms for improving legal regulation in the Russian Federation in part of the relationship between international and national law	406	<i>Rekhacheva T.V.</i> Review of artificial intelligence ratings and the need for lawyers to use them.....	452
<i>Filatov G.I.</i> The concept and signs of cybercrime related to the use of artificial intelligence: the evolution of approaches to international legal regulation	412	<i>Starikova A.D.</i> Method for composing questions for an AI-based chat bot for Creating a photo combined portrait... ..	457
CURRENT ISSUES OF MODERN LAW-MAKING		<i>Taranov I.E.</i> Appeal of decisions in cases of administrative offenses in the field of the securities market: problems of theory and practice	460
<i>Alekseev K.A.</i> Cryptocurrency and Intellectual Property in Inheritance Law: Contemporary Challenges.....	417	<i>Truntseva E.A.</i> On some issues related to the proceedings in cases of administrative offences provided for in Articles 12.8 and 12.26 of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation	465
<i>Kurovsky S.V., Mishin D.A., Gogleva S.V.</i> Features of the legal ideology of the People's Republic of China at the present stage of development.....	422	<i>Fomin D.S.</i> Legal Consciousness and Legal Culture as Sociocultural Phenomena	469

Философско-правовая трактовка дефиниций «Государственная безопасность», «Общественная безопасность» и «Национальная безопасность»

Гусаим Иван Вячеславович,

аспирант кафедры правового обеспечения национальной безопасности, законности и правопорядка Института права и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; научный сотрудник Центра исследования проблем безопасности Российской академии наук (ЦИПБ РАН)

В статье представлен комплексный философско-правовой анализ ключевых категорий в сфере безопасности: «национальная безопасность», «государственная безопасность» и «общественная безопасность». Актуальность исследования обусловлена существующей в правовой доктрине и законодательстве терминологической неоднозначностью, приводящей к смешению данных понятий, а также затрудняющей теоретическое осмысление, а также практическую реализацию государственной политики данной области. Автор последовательно рассматривает каждую из дефиниций, выявляя сущностные их характеристики, объекты, субъекты и саму специфику правового регулирования.

Целью работы является разграничение исследуемых понятий и установление их иерархического соотношения для формирования четкого концептуального аппарата.

Методологическую основу исследования составили системный и структурно-функциональный анализ, сравнительно-правовой и формально-юридический методы. На основе анализа Стратегии национальной безопасности Российской Федерации и трудов отечественных правоведов автор приходит к выводу, что «национальная безопасность» является наиболее широкой, всеобъемлющей категорией, включающей в себя безопасность личности, общества и государства. «Государственная безопасность» определяется как ее ключевой, но более узкий компонент, сфокусированный на защите конституционного строя, суверенитета, территориальной целостности и институтов власти. «Общественная безопасность» рассматривается как состояние защищенности жизненно важных интересов общества и граждан от угроз преимущественно внутреннего характера, не всегда напрямую связанных с посягательствами на основы государственности. В статье делается вывод о том, что данные понятия образуют иерархическую систему, где государственная и общественная безопасность являются важнейшими, но не тождественными составляющими национальной безопасности. Четкое понимание их содержания и соотношения является необходимым условием для эффективного функционирования системы обеспечения безопасности и совершенствования законодательства.

Ключевые слова: национальная безопасность, государственная безопасность, общественная безопасность, философско-правовая категория, теория безопасности, Стратегия национальной безопасности, суверенитет, конституционный строй, правовое регулирование, разграничение понятий.

Введение

В условиях стремительной трансформации глобальной архитектуры миропорядка, эскалации геополитической напряженности и появления новых, гибридных форм угроз, проблема обеспечения безопасности приобретает экзистенциальное значение для устойчивого развития любого суверенного государства. Категориальный аппарат, используемый для осмысления и правового регулирования данной сферы, является фундаментом для выстраивания адекватной государственной политики. В российском правовом и научном дискурсе центральное место занимают три ключевые дефиниции: «национальная безопасность», «государственная безопасность» и «общественная безопасность». Однако, несмотря на их широкое применение, до настоящего времени сохраняется концептуальная неоднозначность в их трактовке, что порождает терминологический парадокс и создает существенные препятствия как для доктринального анализа, так и для правоприменительной практики.

Актуальность настоящего исследования обусловлена тем, что отсутствие четкого законодательного разграничения и общепринятой научной интерпретации данных понятий приводит к их смешению или неправомерному отождествлению. Это, в свою очередь, влечет за собой размывание компетенции и зон ответственности различных государственных органов, создает трудности в квалификации угроз и, как следствие, снижает эффективность всей системы обеспечения безопасности. Как справедливо отмечает С.В. Нестеров, глубокое теоретическое исследование безопасности как философско-правовой категории должно предшествовать обеспечению ее различных видов [Нестеров С.В. С. 11]. Эта терминологическая неоднозначность, отмечаемая многими исследователями [Юсупов Р.Г., Тимербулатов Т.А. С. 40], создает серьезные трудности в правоприменительной деятельности и требует глубокой научной проработки.

Целью данной статьи является проведение комплексного философско-правового анализа и концептуального разграничения дефиниций «национальная безопасность», «государственная безопасность» и «общественная безопасность» для установления их иерархии, взаимосвязи, содержательного наполнения. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

1. Проанализировать историко-правовую эволюцию, современное содержание понятия «наци-

Статья подготовлена в рамках реализации государственного задания «Комплексное исследование проблем общественной безопасности, как стратегического приоритета национальной безопасности Российской Федерации (FFPZ-2025-0001)»

ональная безопасность» как наиболее широкой, интегративной категории.

2. Выявить сущностные характеристики, специфику понятия «государственной безопасности», определив ее объекты, субъекты, место (в общей системе национальной безопасности).

3. Определить содержание понятия «общественная безопасность», разграничив его с сопряженными категориями, показав его роль защиты повседневного уклада жизни граждан.

4. Сформулировать выводы о системном соотношении данных категорий, предложить концептуальную модель их взаимосвязи, имеющую практическое значение (в рамках совершенствования законодательства, правоприменения).

Методологическую основу исследования составили системный, структурно-функциональный анализ, позволивший рассмотреть исследуемые понятия как элементы единой системы; сравнительно-правовой метод, использованный при анализе различных нормативных актов; а также формально-юридический метод, направленный на толкование правовых норм. Источниковой базой послужили Конституция Российской Федерации, Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, федеральные законы, а также научные труды отечественных ученых-правоведов.

«Национальная безопасность» как всеобъемлющая философско-правовая категория

Понятие «национальная безопасность» является наиболее широким и сложным в исследуемой триаде. Его введение в активный научный и правовой оборот в постсоветской России ознаменовало собой качественный переход от узкоклассовой, идеологизированной парадигмы безопасности, свойственной советскому периоду и сконцентрированной почти исключительно на защите государства, к более широкому, гуманистическому подходу. Этот подход ставит в центр системы безопасности не только государство, но и личность, и общество, отражая интересы всей нации – многонационального народа Российской Федерации.

Историко-правовая эволюция понятия

В исторической ретроспективе категория «национальная безопасность» является относительно новой. Принято считать, что ее концептуальное оформление произошло в США в первой половине XX века. Впервые она была использована президентом Т. Рузвельтом в 1904 году для обоснования действий по установлению контроля над зоной Панамского канала. Широкое распространение и институциональное закрепление термин получил после Второй мировой войны, с принятием в США в 1947 году Закона «О национальной безопасности», который заложил основы современной архитектуры американских спецслужб и оборонных ведомств. Изначально понятие трактовалось пре-

имущественно в военно-политическом ключе как защита от внешней агрессии. Однако с течением времени, особенно в условиях глобализации и усложнения мировых процессов, оно стало включать в себя экономические, информационные, экологические, демографические и иные невоенные аспекты.

В российском правовом поле понятие «национальная безопасность» стало активно использоваться с начала 1990-х годов, что было концептуально закреплено в Декларации о государственном суверенитете РСФСР от 12 июня 1990 г. Этот переход был обусловлен необходимостью отойти от советской модели, где доминировала концепция «государственной безопасности», зачастую в ущерб правам граждан и интересам общества, и сформировать новую парадигму, соответствующую принципам демократического правового государства. Важный вклад в методологическое осмысление этой новой парадигмы и формирование политики ее обеспечения внесла отечественная научная школа, в частности, в трудах таких исследователей, как А.В. Возжеников, который одним из первых комплексно рассмотрел вопросы методологии исследования национальной безопасности в постсоветский период [Возжеников А.В. С. 15–20].

Доктринальное и легальное определение

Современное официальное толкование национальной безопасности дано в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 (далее – Стратегия). Согласно п. 5 Стратегии, национальная безопасность – это «состояние защищенности национальных интересов Российской Федерации от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан, достойные качество и уровень их жизни, гражданский мир и согласие в стране, охрана суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности, социально-экономическое развитие страны». Философско-правовой анализ данного определения позволяет выделить несколько сущностных характеристик.

Во-первых, триединый объект защиты. Ключевым элементом дефиниции являются «национальные интересы», которые, в свою очередь, определяются как «объективно значимые потребности личности, общества и государства в безопасности и устойчивом развитии». Таким образом, национальная безопасность охватывает три взаимосвязанных и равнозначных уровня:

- Безопасность личности: гарантия реализации конституционных прав, свобод, обеспечение личной безопасности, физического, нравственного здоровья, достойного качества, уровня жизни.
- Безопасность общества: поддержание гражданского мира и согласия, защита традиционных российских духовно-нравственных ценно-

стей, а также культурного наследия, стабильность социальных институтов, снижение уровня социальной напряженности.

- Безопасность государства: защита конституционного строя, суверенитета, независимости, государственной и территориальной целостности, незыблемости основ федерализма.

Триединый подход принципиально отличает современное понимание от советского, ставя интересы личности, общества на один уровень с интересами государства, а также подчеркивая их неразрывную связь. Именно эта триединая структура объекта безопасности (личность – общество – государство) стала основополагающей для современной российской доктрины [Прохожев А.А. С. 98].

Во-вторых, всеобъемлющий характер угроз. Национальная безопасность предполагает защиту от всего спектра угроз, как внешних (военное давление, экономические санкции, информационно-психологическое воздействие, деятельность иностранных спецслужб, международный терроризм), так и внутренних (экстремизм, организованная преступность, коррупция, социальная и межэтническая напряженность, демографические проблемы, технологические и природные катастрофы).

В-третьих, двойственный характер: охранительный и развивающий. С одной стороны, безопасность понимается как «состояние защищенности», то есть как охранительная функция, направленная на нейтрализацию и парирование угроз. С другой стороны, ее целью является не просто стагнация и отсутствие опасностей, а создание благоприятных условий для «устойчивого развития» и «социально-экономического развития страны». Этот аспект сближает современное понимание безопасности с концепцией «sustainable development», где безопасность является не самоцелью, а необходимым условием для прогресса и процветания нации. Как отмечает С.В. Нестеров, безопасность призвана обеспечить развитие, защитить его от различного вида угроз [Нестеров С.В. С. 12].

Субъектный состав обеспечения

Обеспечение национальной безопасности является задачей не одного ведомства, а всего государства и общества. Согласно статье 4 Федерального закона «О безопасности», к основным субъектам обеспечения безопасности относятся: государство, осуществляющее свои функции через органы законодательной, исполнительной и судебной власти; граждане, их объединения и организации. Таким образом, система обеспечения национальной безопасности носит всеобщий характер и включает:

Органы государственной власти всех уровней: Президент РФ (определяющий основные направления политики), Федеральное Собрание (формирующее законодательную базу), Правительство РФ (организующее исполнение), судебные органы (осуществляющие правосудие), а также органы власти субъектов Федерации; специализированные силы и средства: Вооруженные Силы РФ,

другие войска, воинские формирования и органы (ФСБ, СВР, ФСО, Росгвардия, МВД, МЧС и др.), которые являются непосредственным инструментом защиты; институты гражданского общества: общественные объединения, политические партии, профессиональные союзы, средства массовой информации, которые участвуют в формировании культуры безопасности и осуществляют общественный контроль; граждане Российской Федерации, которые участвуют в обеспечении национальной безопасности через соблюдение законов, исполнение своего гражданского долга и проявление бдительности.

Таким образом, с философско-правовой точки зрения, национальная безопасность представляет собой родовую, интегральную категорию. Она охватывает всю совокупность общественных отношений, связанных с обеспечением защищенности и гармоничного, устойчивого развития личности, общества и государства.

«Государственная безопасность»: сущность, история и правовое измерение

Понятие «государственная безопасность» имеет в России глубокие исторические корни и традиционно является центральным элементом в системе обеспечения безопасности. В отличие от широкой и многоаспектной концепции национальной безопасности, государственная безопасность имеет более узкий, но при этом четко очерченный предмет, сфокусированный на защите государства как основного политического института.

Научное осмысление государственной безопасности в России начинается в XIX веке. В трудах теоретиков консерватизма и государственничества, таких как Н.М. Карамзин и М.М. Сперанский, безопасность государства рассматривалась как высшая ценность, неразрывно связанная с сильной монархической властью и национальным единством. Позднее, во второй половине XIX века, представители различных правовых школ, такие как А.Д. Градовский, Н.Я. Данилевский, Б.Н. Чичерин, развивали эти идеи, связывая безопасность государства с реализацией национальной идеи, обеспечением общегражданских прав и свобод и эффективным государственным управлением.

Однако подлинное доминирование эта категория получила в советский период. Законодательное оформление понятия в июле 1934 года и создание соответствующих органов (НКВД, позднее КГБ) стало одним из ярких признаков тотального огосударствления общества. Государственная безопасность стала трактоваться как защита советского строя, социалистической собственности, руководящей роли Коммунистической партии. Это сопровождалось жестким идеологическим контролем и репрессиями в отношении инакомыслящих. Именно эта историческая коннотация привела к тому, что в постсоветский период понятие «государственная безопасность» стало восприниматься многими как «вышедшее из моды», ассоциируясь

исключительно с охраной ценностей тоталитарного строя.

В современной российской правовой системе государственная безопасность является важнейшей составной частью национальной безопасности. Ее специфической целью является защита жизненно важных интересов государства как суверенного политического института. Ключевыми объектами государственной безопасности являются:

1. Конституционный строй: основы государственного и общественного устройства, закрепленные в главах 1 и 2 Конституции РФ. Это не только форма правления (республика) и государственное устройство (федерация), но и принципы правового государства, разделения властей, идеологического многообразия, светского характера государства.

2. Суверенитет и независимость: верховенство государственной власти на своей территории (внутренний суверенитет) и ее самостоятельность в международных отношениях (внешний суверенитет). Как отмечают исследователи, абсолютной независимости в условиях международного права не существует, однако суверенитет предполагает самостоятельность в принятии решений и независимость от деструктивного влияния других государств [Юсупов Р.Г., Тиммербулатов Т.А. С. 45].

3. Государственная и территориальная целостность: единство и неделимость территории Российской Федерации, защита от сепаратизма, ирредентизма и любых попыток отторжения территорий.

4. Институты государственной власти: обеспечение нормального, безопасного и бесперебойного функционирования федеральных органов государственной власти (Президента, Парламента, Правительства, судов) и органов государственной власти субъектов РФ.

Если национальная безопасность охватывает интересы личности и общества наравне с государственными, то государственная безопасность фокусируется именно на защите **самого государства, его основ и институтов**. Как отмечают Р.Г. Юсупов и Т.А. Тиммербулатов, суть государственной безопасности можно понимать как «обеспечение защищенности перечисленных объектов от внешних и внутренних угроз» [Юсупов Р.Г., Тиммербулатов Т.А. С. 41].

Субъекты и правовое регулирование

Субъектами обеспечения государственной безопасности выступают преимущественно специализированные государственные органы, наделенные особыми полномочиями и средствами. В Российской Федерации ведущую роль в этой сфере играет Федеральная служба безопасности (ФСБ России), на которую, согласно Федеральному закону от 03.04.1995 N 40-ФЗ «О федеральной службе безопасности», возложены задачи контрразведывательной деятельности, борьбы с терроризмом, особо опасными формами преступности, посягающими на безопасность государства, а также защи-

ты и охраны государственной границы. К другим ключевым субъектам относятся Служба внешней разведки (СВР России), осуществляющая защиту государства от внешних угроз путем добывания и анализа разведывательной информации; Федеральная служба охраны (ФСО России), обеспечивающая безопасность объектов государственной охраны и охраняемых объектов. Деятельность этих органов регулируется специальными федеральными законами, а не единым актом о государственной безопасности.

Таким образом, государственная безопасность является ядерным, стержневым элементом национальной безопасности. Без сильного, стабильного и суверенного государства невозможно обеспечить ни безопасность личности, ни безопасность общества. Однако, как показывает история, абсолютизация государственной безопасности в ущерб правам человека и интересам общества может привести к деформации правовой системы и установлению авторитарных режимов. Поэтому в современном демократическом правовом государстве она должна рассматриваться не как самоцель, а как необходимое условие обеспечения всей полноты национальной безопасности.

«Общественная безопасность»: защита социума и личности

Категория «общественная безопасность» также является неотъемлемым компонентом национальной безопасности, однако ее содержание и направленность имеют свою выраженную специфику, отличающую ее как от государственной, так и от национальной безопасности в целом. Если государственная безопасность сфокусирована на защите политических институтов, то общественная безопасность направлена на защиту жизненно важных интересов общества и личности от угроз, нарушающих повседневный уклад жизни, общественный порядок и спокойствие.

Концептуальное содержание и объекты

Общественная безопасность – это состояние защищенности человека и гражданина, материальных и духовных ценностей общества от преступных и иных противоправных посягательств, социальных и межнациональных конфликтов, а также от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера. Ключевыми объектами общественной безопасности являются:

- Жизнь, здоровье, права, свободы и законные интересы граждан. Это базовый уровень, отличающий данную категорию от государственной безопасности, где во главе угла стоят интересы государства.
- Имущество физических и юридических лиц (защита собственности от преступных посягательств).
- Общественный порядок и общественное спокойствие: нормальное функционирование об-

ществленных мест, транспорта, отсутствие массовых беспорядков, хулиганских проявлений.

- Нормальное функционирование социальных институтов и инфраструктуры жизнеобеспечения: системы здравоохранения, образования, транспорта, энергетики, коммунального хозяйства.
- Окружающая среда и население (защита от природных и техногенных катастроф, эпидемий, эпизоотий).

Специфика угроз и субъектов обеспечения

Угрозы общественной безопасности преимущественно носят внутренний характер и не всегда напрямую связаны с посягательствами на конституционный строй или суверенитет. К ним относятся:

- Преступность (в особенности насильственная, уличная, организованная, экономическая).
- Чрезвычайные ситуации природного (наводнения, землетрясения, лесные пожары) и техногенного (аварии на промышленных объектах, транспорте) характера.
- Массовые беспорядки, спровоцированные на социальной, бытовой или иной почве.
- Дорожно-транспортные происшествия.
- Распространение социально опасных явлений (наркомания, алкоголизм).
- Эпидемии и пандемии.

Субъектный состав обеспечения общественной безопасности также специфичен. Если в сфере государственной безопасности доминируют спецслужбы, то здесь на первый план выходят иные ведомства:

- Министерство внутренних дел (полиция) – ключевой орган, ответственный за охрану общественного порядка и борьбу с преступностью.
- Министерство по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий (МЧС России) – главный субъект в сфере защиты населения и территорий от ЧС.
- Федеральная служба войск национальной гвардии (Росгвардия), одной из задач которой является участие в охране общественного порядка и обеспечении общественной безопасности.
- Органы здравоохранения, санитарно-эпидемиологического надзора.
- Органы местного самоуправления, ответственные за организацию правопорядка на своей территории.

Взаимосвязь и разграничение с сопряженными категориями

Несмотря на различия, между государственной и общественной безопасностью существует тесная диалектическая взаимосвязь. С одной стороны, высокий уровень преступности (угроза общественной безопасности) может привести к делегитимации власти и социальной дестабилизации, создавая угрозу уже и государственной безопасности.

С другой стороны, ослабление государственных институтов (угроза государственной безопасности) неизбежно ведет к росту преступности и хаосу, то есть к подрыву общественной безопасности. Тем не менее, их разграничение имеет принципиальное практическое значение. Например, борьба с карманными кражами – это сфера общественной безопасности, и заниматься ею должна полиция. Противодействие же попытке государственного переворота – сфера государственной безопасности, и это компетенция ФСБ. Игнорирование этого различия может привести либо к неоправданному расширению полномочий спецслужб на сферы, не относящиеся к их прямой компетенции (так называемое «полицейское государство»), либо к недооценке угроз общественному порядку и спокойствию граждан.

Проблемы соотношения и правового регулирования в современной России

Анализ показывает, что, несмотря на доктринальное разграничение, в правовой и практической плоскости сохраняется ряд проблем, связанных с соотношением исследуемых категорий. Во-первых, терминологический разрыв в законодательстве. Федеральный закон «О безопасности» дает общее определение безопасности, но не содержит четких легальных дефиниций ни «государственной», ни «общественной» безопасности. Эти понятия используются в различных нормативных актах, но их содержание приходится выводить путем системного толкования, что создает почву для различных интерпретаций. Стратегия национальной безопасности упоминает «государственную и общественную безопасность» в связке, как единый стратегический приоритет, что также не способствует их четкому разграничению в правосознании [Юсупов Р.Г., Тимербулатов Т.А. С. 41]. Во-вторых, проблема «взаимозамещения» понятий. Особенно часто это происходит с терминами «национальная» и «государственная» безопасность. Как отмечают исследователи, в России многие склонны их отождествлять [Юсупов Р.Г., Тимербулатов Т.А. С. 40], что является отголоском советской традиции и недооценкой роли личности и общества в системе безопасности. Это проявляется и в дискуссиях о статусе ФСБ: является ли она органом государственной или национальной безопасности? Правильным ответом будет то, что ФСБ – это ключевой орган системы обеспечения государственной безопасности, который вносит свой вклад в обеспечение национальной безопасности в целом. В-третьих, вызовы глобализации и новые угрозы. Появление таких угроз, как кибертерроризм, информационные войны, пандемии, еще больше усложняет классификацию. Например, масштабная кибератака на банковскую систему страны является одновременно угрозой:

1. Информационной безопасности (как подвида национальной).
2. Экономической безопасности (как подвида национальной).

3. Общественной безопасности (вызывает панику, нарушение функционирования систем жизнеобеспечения).

4. Государственной безопасности (если она направлена на подрыв финансовой системы как основы функционирования государства).

Это доказывает, что в современных условиях жесткое разделение становится все более условным, однако сохранение концептуального ядра каждого понятия необходимо для правильного распределения ресурсов и полномочий.

Выводы

Проведенный философско-правовой анализ позволяет сделать вывод о том, что понятия «национальная безопасность», «государственная безопасность» и «общественная безопасность» не являются синонимами, а образуют сложную, иерархически выстроенную систему, понимание которой имеет фундаментальное теоретическое и практическое значение.

Национальная безопасность выступает в качестве родовой, наиболее широкой и интегративной категории. Она представляет собой состояние защищенности жизненно важных интересов триединого объекта – личности, общества и государства – от всего внутренних и внешних угроз. Это философско-правовая рамка, определяющая общую стратегию выживания и устойчивого развития нации.

Государственная безопасность является видовой категорией, ключевым, стержневым компонентом национальной безопасности. Ее специфическим объектом является государство как политический институт: его конституционный строй, суверенитет, независимость, территориальная целостность и институты власти. Она представляет собой политико-правовое ядро всей системы безопасности, без которого невозможно обеспечить ни права личности, ни стабильность общества.

Общественная безопасность – это также видовая категория, еще один важнейший компонент национальной безопасности, объектом которого выступают личность и общество. Она направлена на защиту граждан, их прав, имущества и общественного порядка от угроз преимущественно криминального, природного и техногенного характера, обеспечивая нормальные условия повседневной жизнедеятельности.

Таким образом, соотношение данных категорий можно представить как систему вложенных друг в друга сфер, где национальная безопасность является всеобъемлющей, а государственная и общественная безопасность – ее фундаментальными, взаимосвязанными, но самостоятельными подсистемами.

Четкое доктринальное и законодательное разграничение этих понятий имеет огромное практическое значение. Оно позволяет: более точно формулировать цели и задачи государственной политики в сфере безопасности, избегая как не-

дооценки угроз, так и чрезмерного расширения охранительных функций; корректно распределять полномочия и ответственность между различными государственными органами (ФСБ, МВД, МЧС, Росгвардия и др.), повышая эффективность их взаимодействия и исключая дублирование функций; создавать адекватные правовые механизмы для противодействия конкретным видам угроз, будь то шпионаж, уличная преступность или стихийное бедствие; обеспечивать необходимый в демократическом правовом государстве баланс между защитой интересов государства и соблюдением прав и свобод человека и гражданина, не допуская необоснованного расширения понятия «государственная безопасность» на все сферы общественной жизни.

Дальнейшая научная разработка и законодательное закрепление четких дефиниций в данной сфере является насущной задачей для отечественной правовой науки и практики, способствующей укреплению всей системы национальной безопасности Российской Федерации и повышению ее способности адекватно отвечать на вызовы XXI века.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).
2. Федеральный закон от 28.12.2010 N 390-ФЗ «О безопасности».
3. Нестеров С.В. Безопасность как философско-правовая категория // Теория и история права и государства, история правовых учений. – 2013. – № 1. – С. 11–13.
4. Юсупов Р.Г., Тимербулатов Т.А. Соотношение понятий «национальная безопасность» и «государственная безопасность» в праве. Место ФСБ России в обеспечении государственной безопасности // Правовое государство: теория и практика. – 2025. – № 2 (80). – С. 39–51.
5. Указ Президента РФ от 02.07.2021 N 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».
6. Федеральный закон от 03.04.1995 N 40-ФЗ «О федеральной службе безопасности».
7. Возжеников А.В. Национальная безопасность России: методология исследования и политика обеспечения. М.: Изд-во РАГС, 2002. – 424 с.
8. Общая теория национальной безопасности: Учебник / Под общ. ред. А.А. Прохожева. М.: Изд-во РАГС, 2005. – 344 с.

PHILOSOPHICAL AND LEGAL INTERPRETATION OF THE DEFINITIONS “STATE SECURITY,” “PUBLIC SECURITY,” AND “NATIONAL SECURITY”

Gusaim I.V.

Center for Security Research of the Russian Academy of Sciences, Institute of Law and National Security of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Acknowledgments: The article was prepared as part of the implementation of the state assignment “Comprehensive study of public

security issues as a strategic priority of national security of the Russian Federation (FFFZ-2025–0001)".

The article presents a comprehensive philosophical and legal analysis of key security categories: "national security," "state security," and "public security." The relevance of the study stems from the terminological ambiguity present in legal doctrine and legislation, which leads to the conflation of these concepts and complicates both theoretical understanding and practical implementation of state policy in this area. The author systematically examines each definition, identifying their essential characteristics, objects, subjects, and the specifics of their legal regulation.

The purpose of the work is to differentiate the concepts under study and establish their hierarchical relationship to form a clear conceptual apparatus.

The methodological basis of the research includes systemic and structural-functional analysis, as well as comparative-legal and formal-legal methods. Based on an analysis of the National Security Strategy of the Russian Federation and the works of domestic legal scholars, the author concludes that "national security" is the broadest, most comprehensive category, encompassing the security of the individual, society, and the state. "State security" is defined as its key but narrower component, focused on protecting the constitutional order, sovereignty, territorial integrity, and institutions of power. "Public security" is viewed as the state of protection of the vital interests of society and citizens from threats of a predominantly internal nature, not always directly related to encroachments on the foundations of statehood. The article concludes that these concepts form a hierarchical system in which state and public security are crucial but not identical components of national security. A clear understanding of their content and correlation is a necessary condition

for the effective functioning of the security system and the improvement of legislation.

Keywords: national security, state security, public security, philosophical-legal category, security theory, National Security Strategy, sovereignty, constitutional order, legal regulation, differentiation of concepts.

References

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020).
2. Federal Law of 28.12.2010 N 390-FZ "On Security".
3. Nesterov S.V. Security as a philosophical and legal category // Theory and history of law and state, history of legal doctrines. – 2013. – № 1. – P. 11–13.
4. Yusupov R.G., Timerbulatov T.A. The correlation of the concepts of "national security" and "state security" in law. The place of the FSB of Russia in ensuring state security // The Rule-of-Law State: theory and practice. – 2025. – № 2 (80). – P. 39–51.
5. Decree of the President of the Russian Federation of 02.07.2021 N 400 "On the National Security Strategy of the Russian Federation".
6. Federal Law of 03.04.1995 N 40-FZ "On the Federal Security Service".
7. Vozzhenikov A.V. National security of Russia: research methodology and policy of provision. M.: RAGS Publishing House, 2002. – 424 p.
8. General theory of national security: Textbook / Under the general editorship of A.A. Prokhojev. M.: RAGS Publishing House, 2005. – 344 p.

Даниленкова Татьяна Олеговна,

кандидат педагогических наук, доцент кафедры
государственно-правовых дисциплин, Федеральное
государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Смоленский государственный
университет»

E-mail: tany1085@mail.ru

Статья посвящена анализу влияния цифровой эпохи на правовое сознание молодежи, рассматривая как позитивные, так и негативные аспекты этого процесса. На основе комплексного анализа научной литературы, социологических данных и нормативных актов исследуются ключевые тенденции трансформации правовых представлений и ценностей молодежи под воздействием цифровых технологий и социальных медиа. Особое внимание уделяется двойственной роли интернета как агента правовой социализации, обеспечивающего доступ к правовой информации, и одновременно как источника дезинформации и цифровой девиации. В статье выявлены риски формирования фрагментарного правосознания, пассивного правового нигилизма и протестных настроений среди молодежи, а также подчеркивается необходимость совершенствования правового воспитания и нормативно-правовой базы для защиты цифровых прав. Результаты исследования указывают на важность повышения цифровой и правовой грамотности молодежи, развития критического мышления и создания эффективных механизмов регулирования цифровой среды. Особое значение придается формированию цифровой правовой культуры, способной противостоять манипулятивным воздействиям и способствовать усвоению правовых ценностей. Предложены рекомендации по разработке новой методологии правового воспитания, учитывающей специфику цифровой эпохи, и перспективы дальнейших исследований, включая проведение репрезентативных опросов для углубленного изучения влияния цифровизации на правовую социализацию молодежи. Работа подчеркивает важность междисциплинарного подхода к изучению данной проблематики и необходимость активного вовлечения государства и общества в процесс формирования устойчивого правосознания у молодого поколения.

Ключевые слова: правовое сознание, молодежь, цифровизация, социальные медиа, цифровая девиация, правовая социализация, цифровая правовая культура.

Введение

Цифровая эпоха, характеризующаяся стремительным развитием информационно-коммуникационных технологий, радикально изменила социальную, культурную и правовую среду, в которой формируется мировоззрение молодого поколения. Молодежь, как наиболее активный пользователь интернета и социальных медиа, оказывается под влиянием как позитивных, так и негативных аспектов цифровизации. Правовое сознание, представляющее собой совокупность представлений, знаний и чувств, выражающих отношение человека к праву и правовым явлениям, подвергается трансформации под воздействием цифровых технологий. Интернет предоставляет доступ к огромному объему информации, включая правовую, но одновременно создает риски дезинформации, манипуляций и формирования искаженных правовых представлений. Актуальность исследования обусловлена необходимостью понимания, как цифровая среда влияет на правовую социализацию молодежи, их отношение к закону, правовым ценностям и нормам поведения. Цель статьи – проанализировать влияние цифровой эпохи на правовое сознание молодежи, выявить основные тенденции, риски и перспективы этого процесса, а также предложить рекомендации для формирования устойчивого правового сознания в условиях цифровизации.

Материалы и методы исследований

Для достижения поставленной цели был использован комплексный подход, включающий анализ научной литературы, социологических данных и нормативных актов, посвященных влиянию цифровизации на правовое сознание и поведение молодежи. Основными источниками стали научные статьи, опубликованные в российских и международных журналах, а также материалы, доступные в электронных библиотеках. В частности, были проанализированы работы, посвященные политической идентичности молодежи в цифровую эпоху, влиянию цифровизации на правосознание несовершеннолетних, а также правовой культуре российского общества в условиях цифровой трансформации [1, 2, 9]. Методологическую базу составили теоретические подходы к правовой социализации, предложенные авторами, такими как О.А. Заячковский, М.Ю. Попов, В.И. Чупров и Ю.А. Зубок, а также исследования цифрового общества Д.Е. Добринской [6]. Использовались методы контент-анализа для изучения сетевого контента, влияющего на правовые представления молодежи, и сравнительного анализа для выявления общих тенденций и различий

в подходах к правовой социализации в цифровой среде. Кроме того, были рассмотрены примеры социально-педагогической практики и статистические данные, касающиеся девиантного поведения молодежи в цифровом пространстве [2]. Для анализа нормативной базы использовались тексты российских федеральных законов, включая Федеральный закон № 152-ФЗ «О персональных данных» и Указ Президента РФ № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» [9].

Результаты и обсуждения

Цифровая эпоха существенно изменила процесс формирования правового сознания молодежи, создавая как новые возможности, так и значительные вызовы. Интернет стал ключевым агентом правовой социализации, наряду с традиционными институтами, такими как семья и образовательные учреждения [6]. Молодежь активно потребляет правовую информацию через социальные медиа, новостные порталы и блоги, что позволяет быстро знакомиться с основными положениями законодательства, такими как Конституция РФ или отраслевые кодексы. Однако доступность информации сопровождается рисками фрагментарного восприятия правовых норм, что приводит к формированию поверхностного или искаженного правового сознания. Как отмечает Н.П. Кочеткова, социальные медиа играют двойственную роль: с одной стороны, они выступают платформой для обмена различными точками зрения, с другой – становятся инструментом манипулятивного распространения контента, включая дезинформацию [1]. Это особенно актуально для молодежи, которая, в силу возрастных особенностей, более восприимчива к эмоционально окрашенным и упрощенным нарративам.

Одной из ключевых тенденций является появление «цифровой девиации» – нового вида девиантного поведения, связанного с использованием цифровых технологий. В.Н. Жадан подчеркивает, что цифровизация способствует формированию таких форм поведения, как кибербуллинг, распространение ложной информации или участие в деструктивных интернет-сообществах, что может негативно сказываться на правосознании несовершеннолетних [2]. Например, подростки, подверженные влиянию деструктивных интернет-трендов, могут демонстрировать пассивный правовой нигилизм, выражающийся в отрицании права как социальной ценности или безразличии к правовым нормам [9]. Это подтверждается исследованиями, указывающими на рост протестных настроений среди молодежи в социальных сетях, которые иногда приобретают противоправный характер [9].

В то же время цифровизация открывает возможности для правового просвещения. Образовательные платформы, такие как сайт Роскомнадзора «Персональные данные. Дети», предоставляют доступ к материалам, направленным на повышение правовой грамотности молодежи [3]. Такие

ресурсы помогают формировать навыки безопасного поведения в интернете и понимание важности защиты личных данных. Однако, как отмечают Д.А. Казарова и Э.М. Дымов, существует дисбаланс между правовым просвещением и реальной правовой практикой, что усиливает влияние интернета на правовое сознание молодежи, особенно в контексте ее гедонистических и прагматичных интересов [4]. Это приводит к кризису правового сознания, когда молодые люди воспринимают право как нечто оторванное от их повседневной жизни.

Цифровые технологии также трансформируют правовые ценности молодежи. Исследования показывают, что основой правовых представлений студентов является ценность справедливости, связанная с принципами равенства перед законом и общественного баланса [6]. Однако алгоритмизация и датификация информации в цифровой среде могут искажать восприятие этих ценностей, предлагая упрощенные или манипулятивные интерпретации правовых явлений. Например, медиа-продукты, такие как короткие видео или мемы, часто формируют у молодежи фрагментарное представление о праве, что затрудняет глубокое усвоение правовых норм. Кроме того, бесконтрольное распространение цифрового контента, включая игровые и развлекательные форматы, способствует искажению представлений о правовой реальности [4].

Нормативно-правовая база в России пока недостаточно адаптирована к вызовам цифровой эпохи. Как отмечают С.С. Морозова и Ю.Г. Смирнова, отсутствие четкой регламентации деятельности цифровых корпораций и границ «цифровой власти» создает риски нарушения прав граждан, включая молодежь. В то же время международный опыт, например, принятие Европейской Декларации цифровых прав и принципов, демонстрирует стремление к институционализации цифровых прав, таких как право на забвение или защиту от нежелательной информации [8]. В России подобные инициативы находятся на стадии развития, что подчеркивает необходимость совершенствования законодательства и создания специализированных органов для контроля за соблюдением цифровых прав.

Еще одним важным аспектом является формирование цифровой правовой культуры, которая, по мнению А.А. Сироткина, представляет собой комплекс материально-духовных ценностей, отражающих степень цифровизации общества [9]. Эта культура напрямую зависит от уровня цифровой и правовой грамотности, а также от эффективности правового воспитания. Молодежь, активно взаимодействующая с цифровой средой, нуждается в навыках критического анализа информации и понимания правовых последствий своих действий в онлайн-пространстве. Без этого возрастает риск «цифровой интоксикации» правосознания, когда ложная или антиправовая информация формирует деструктивные установки [10].

Выводы

Цифровая эпоха оказывает значительное влияние на правовое сознание молодежи, создавая как новые возможности для правового просвещения, так и серьезные вызовы, связанные с дезинформацией и цифровой девиацией. Социальные медиа и интернет выступают мощными агентами правовой социализации, но их двойственная природа требует особого внимания со стороны общества и государства. Для формирования устойчивого правового сознания молодежи необходимо разработать новую методологию правового воспитания, учитывающую специфику цифровой среды. Это включает повышение цифровой и правовой грамотности, развитие критического мышления и совершенствование нормативно-правовой базы, регулирующей цифровое пространство. Важно также усилить роль образовательных платформ и институтов в трансляции правовых ценностей, чтобы минимизировать риски манипулятивного воздействия и формирования фрагментарного правосознания.

Литература

1. Кочеткова Н.П. Политическая идентичность в цифровую эпоху: анализ влияния социальных медиа на формирование убеждений и ценностей молодежи / Н.П. Кочеткова // *Философия и культура*. – 2024. – № 8. – С. 121–137. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskaya-identichnost-v-tsifrovuyu-epohu-analiz-vliyaniya-sotsialnyh-media-na-formirovanie-ubezhdeniy-i-tsennostey-molodezhi> (дата обращения: 14.10.2025).
2. Жадан В.Н. Влияние условий цифровизации на правосознание и поведение несовершеннолетних / В.Н. Жадан // *Психология и право*. – 2022. – № 3. – С. 103–119. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-usloviy-tsifrovizatsii-na-pravosoznanie-i-povedenie-nesovershennoletnih> (дата обращения: 14.10.2025).
3. Валиханова Г.И. Цифровая интоксикация правосознания молодежи / Г.И. Валиханова // *Молодой ученый*. – 2021. – № 49 (391). – С. 171–173. – URL: <https://moluch.ru/archive/391/86320> (дата обращения: 14.10.2025).
4. Казарова Д.А., Дымов Э.М. Влияние интернета на развитие правосознания молодежи в России / Д.А. Казарова, Э.М. Дымов // *Вестник науки*. – 2024. – № 12 (81), том 3. – С. 639–646. – URL: <https://www.vestnik-nauki.pf/article/19793> (дата обращения: 14.10.2025).
5. Мазитов Ш.А. Влияние цифровизации на развитие современного правосознания: общеправовые аспекты / Ш.А. Мазитов // *Всероссийская научно-практическая конференция «Цифровая трансформация образования: актуальные проблемы, опыт решения»*. – 2023. – С. 39–42. – URL: https://phsreda.com/ru/article/109168/discussion_platform (дата обращения: 14.10.2025).
6. Левина Р.А. Особенности правовой социализации студенческой молодежи в услови-

ях цифровизации: постановка проблемы / Р.А. Левина // *Гуманитарий Юга России*. – 2022. – Т. 11, № 2. – С. 78–88. – DOI: <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2022.2.6>

7. Глушкова С.И., Летунов Е.Д. Развитие нового поколения прав человека в эпоху цифровых технологий / С.И. Глушкова, Е.Д. Летунов // *Вестник Гуманитарного университета*. – 2020. – № 4 (31). – С. 16–28. – URL: <https://vestnik.gu-ural.ru/documents/articles/2020/4/2020-4-glushkova-letunov.pdf> (дата обращения: 14.10.2025).
8. Морозова С.С., Смирнова Ю.Г. Защита прав граждан современной России в цифровую эпоху: политико-правовой анализ / С.С. Морозова, Ю.Г. Смирнова // *Креативная экономика*. – 2024. – Т. 18, № 6. – С. 1375–1394. – DOI: 10.18334/ce.18.6.121082
9. Сироткин А.А. К вопросу о влиянии цифровизации на состояние правовой культуры российского общества / А.А. Сироткин // *Евразийская адвокатура*. – 2023. – № 2 (61). – С. 119–126. – DOI: 10.52068/2304-9839_2023_61_2_119
10. Добринская Д.Е. Что такое цифровое общество? / Д.Е. Добринская // *Социология науки и технологий*. – 2021. – № 2, т. 12. – С. 42–58. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?edn=vknnjs> (дата обращения: 14.10.2025).

THE IMPACT OF THE DIGITAL AGE ON THE LEGAL CONSCIOUSNESS OF YOUNG PEOPLE

Danilenkova T.O.,
Smolensk State University

The article analyzes the impact of the digital age on the legal consciousness of young people, considering both positive and negative aspects of this process. Based on a comprehensive analysis of scientific literature, sociological data and regulations, key trends in the transformation of legal concepts and values of youth under the influence of digital technologies and social media are being investigated. Special attention is paid to the dual role of the Internet as an agent of legal socialization, providing access to legal information, and at the same time as a source of disinformation and digital deviation. The article identifies the risks of the formation of fragmented legal awareness, passive legal nihilism and protest sentiments among young people, and also highlights the need to improve legal education and the regulatory framework for the protection of digital rights. The results of the study indicate the importance of increasing the digital and legal literacy of young people, developing critical thinking and creating effective mechanisms for regulating the digital environment. Particular importance is attached to the formation of a digital legal culture capable of resisting manipulative influences and contributing to the assimilation of legal values. Recommendations are proposed for the development of a new methodology of legal education, taking into account the specifics of the digital age, and prospects for further research, including conducting representative surveys to study in depth the impact of digitalization on the legal socialization of youth. The work highlights the importance of an interdisciplinary approach to the study of this issue and the need for the active involvement of the state and society in the process of forming a sustainable legal awareness among the younger generation.

Keywords: legal consciousness, youth, digitalization, social media, digital deviation, legal socialization, digital legal culture.

References

1. Kochetkova N.P. Political identity in the digital age: an analysis of the influence of social media on the formation of beliefs and values of youth / N.P. Kochetkova // *Philosophy and Cul-*

- ture. – 2024. – No. 8. – pp. 121–137. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskaya-identichnost-v-tsifrovuyu-epohu-analiz-vliyaniya-sotsialnyh-media-na-formirovanie-ubezhdeniy-i-tsennostey-molodezhi> (date of request: 14.10.2025).
2. Zhadan V.N. The influence of digitalization conditions on the legal awareness and behavior of minors / V.N. Zhadan // *Psychology and law*. – 2022. – No. 3. – pp. 103–119. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-usloviy-tsifrovizatsii-na-pravosoznanie-i-povedenie-nesovershennoletnih> (date of request: 10/14/2025).
 3. Valikhanov G.I. Digital intoxication of youth's legal consciousness / G.I. Valikhanov // *Young Scientist*. – 2021. – № 49 (391). – Pp. 171–173. – URL: <https://moluch.ru/archive/391/86320> (date of request: 14.10.2025).
 4. Kazarova D.A., Dymov E.M. The influence of the Internet on the development of youth legal awareness in Russia / D.A. Kazarova, E.M. Dymov // *Bulletin of Science*. – 2024. – № 12 (81), volume 3. – pp. 639–646. – URL: <https://www.вестник-науки. Russian Federation/article/19793> (date of reference: 14.10.2025).
 5. Mazitov Sh.A. The impact of digitalization on the development of modern legal awareness: general legal aspects / Sh.A. Mazitov // All-Russian scientific and practical conference “Digital transformation of education: current problems, experience solutions”. – 2023. – pp. 39–42. – URL: https://phsreda.com/ru/article/109168/discussion_platform (date of request: 10/14/2025).
 6. Levina R.A. Features of the legal socialization of student youth in the context of digitalization: problem statement / R.A. Levina // *Humanities of the South of Russia*. – 2022. – Vol. 11, No. 2. – pp. 78–88. – DOI: <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2022.2.6>
 7. Glushkova S.I., Letunov E.D. The development of a new generation of human rights in the digital age / S.I. Glushkova, E.D. Letunov // *Bulletin of the University of Humanities*. – 2020. – № 4 (31). – Pp. 16–28. – URL: <https://vestnik.gu-ural.ru/documents/articles/2020/4/2020-4-glushkova-letunov.pdf> (date of request: 10/14/2025).
 8. Morozova S.S., Smirnova Yu.G. Protection of the rights of citizens of modern Russia in the digital age: a political and legal analysis / S.S. Morozova, Yu.G. Smirnova // *Creative Economy*. – 2024. – Vol. 18, No.6. – pp. 1375–1394. – DOI: 10.18334/ce.18.6.121082
 9. Sirotkin A.A. On the issue of the impact of digitalization on the state of the legal culture of Russian society / A.A. Sirotkin // *Eurasian Advocacy*. – 2023. – № 2 (61). – Pp. 119–126. – DOI: 10.52068/2304-9839_2023_61_2_119
 10. Dobrinskaya D.E. What is a digital society? / D.E. Dobrinskaya // *Sociology of Science and Technology*. – 2021. – No. 2, vol. 12. – pp. 42–58. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?edn=vknnjs> (date of request: 14.10.2025).

Евдокимова Анна Игоревна,

ассистент кафедры истории России, ФГАОУ ВО Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

Статья посвящена проблемам нормативного закрепления образовательного ценза для государственных служащих Уставом об экзаменах на чины 1809 года, обосновывается необходимость в квалифицированных юридических кадрах в контексте реализации судебной реформы 1864 г., что обусловило острую потребность в добросовестных и подготовленных юристах для новой судебной системы.

Раскрывается взаимовлияние и взаимообусловленность реформы юридического образования и судебной реформы. Показано, что концепция правового образования, закрепленная в Университетском уставе 1863 г., получила экспериментальное внедрение в ходе подготовительных работ по судебной реформе 1864 г.. Но проблемой университетского устава 1863 г. стала недостаточная практическая направленность в подготовке будущих юристов. Делается вывод, что Университетский устав 1884 г. был более практико-ориентированным и нормативно закреплял обязательность проведения семинарских занятий. Обращение к историческому опыту становления и развития юридического образования в России сохраняет свою актуальность и для современной модели подготовки юристов в нашей стране.

Ключевые слова: образовательный ценз, университетские уставы, реформа образования, судебная реформа 1864 года, модели образования, практико-ориентированное образование.

Современный этап реформ российского юридического образования, связанный с отказом от болонских стандартов и выстраиванием национальных образовательных норм, более полно понятен через ретроспективный анализ процессов становления юридической подготовки в России, начиная с эпохи Александра I. В этот период юридическая наука в России претерпевала глубокие институциональные преобразования, формировались первые учебные планы и методические подходы, закладывались принципы системности и преемственности, которые во многом определили характер последующих этапов развития. Изучение университетских уставов позволяет выявить не только формальные правила и организационные механизмы, но и ценности, идеологические установки и педагогические принципы, которые определяли траекторию развития высшей школы на каждом историческом этапе.

Реорганизация государственного управления, проведенная в эпоху Александра I, потребовала расширения чиновничьего аппарата, что, в свою очередь, выявило низкую образовательную подготовку государственных служащих. Основными причинами такого положения являлось отсутствие на тот момент систематического юридического образования в стране, а также четких профессиональных требований при приеме на государственную службу. В связи с этим необходимо было изменить систему подготовки будущих российских чиновников.

Документом, определившим образовательные требования, стал Указ об экзаменах на чины, подписанный императором 6 (18) августа 1809 г. Ранее в ходе реформы образования 1802–1804 гг. было провозглашено, что «никто не будет определен к гражданской должности, требующей юридических и других познаний, не окончив учения в общественном или частном училище» [6]. 11 (23) декабря 1808 года М.М. Сперанский представил императору Александру I проект положений будущего указа об экзаменах на чин. Одновременно с указом был «конфирмован и предусмотренный в его первом пункте «порядок и образ» испытаний, разработанный Главным правлением училищ. Оба документа опубликовали вместе под одним порядковым номером (5) в «Санкт-Петербургских сенатских ведомостях» [6]. В «Полное собрание законов Российской империи» они вошли под общим заголовком «О правилах производства в чины по гражданской службе и об испытаниях в науках, для производства в коллежские асессоры и статские советники» [6]. «По данному Указу, «никто не мог получить чин коллежского асессора (8-й класс), которой давал право на потомственное

дворянство, и чин статского советника (5-й класс), не имея аттестата о сдаче экзамена по установленной форме и программе» [6]. Таким образом, данный нормативно-правовой акт положил начало обязательному образованию для государственных служащих.

Сама реформа образования Александра I состояла в том, что в 1802 году было учреждено Министерство народного просвещения, а в 1803 году уже начали издаваться первые предварительные правила народного просвещения. Иначе говоря, система образования оказалась полностью регламентирована государством. Территория России была разделена на шесть учебных округов, в каждом из которых был свой университет: Петербургский округ, Московский округ, Виленский округ, Дерптский округ, Харьковский округ, Казанский округ. Вместе с тем были открыты новые университеты: Дерптский, Виленский, Харьковский, Казанский и Санкт-Петербургский университеты.

Основным нововведением было принятие Университетского устава 1804 года, обеспечившего университетам широкую автономию. Данный нормативный акт закреплял порядок избрания на руководящие и профессорские должности, учреждение университетского суда, ограничение контроля со стороны государственной администрации и полномочия по назначению педагогических кадров в гимназии и учебные заведения подведомственного округа.

В начале XIX века образовательная и научная деятельность характеризовались отсутствием отраслевой систематизации и представляли собой единый комплекс изучения теоретических и прикладных правовых дисциплин, охватывающих российскую и зарубежную юриспруденцию, историю права и законотворческую практику. Как отмечает М.А. Кожевина, «эта деятельность носила бессистемный и абстрактный характер, отсутствовали четкие представления об объекте и предмете науки права, о методологии, но тем не менее за первую четверть XIX столетия было достигнуто больше успехов, чем за весь XVIII век» [1, с. 57].

К середине XIX столетия уровень юридического образования несколько снизился из-за влияния надзорной политики Николая I и принятого при нем, в 1835 г., Университетского устава. В целом, в отношении юридического образования стала появляться цензура, увеличилось число выпускаемых правил и инструкций для профессоров, преподавателей права, а также урезались преподаваемые дисциплины.

Необходимость в квалифицированных юридических кадрах появляется с проведением и претворением в жизнь реформ Александра II. По мнению М.В. Немытиной оформлением российской юридической науки как отдельного института можно считать время проведения судебной реформы, которая «обусловила потребность в доктринальной и догматической юриспруденции». Она отмечает: «В России в короткие сроки появились научные школы фундаментального и прикладного харак-

тера, появилась плеяда российских ученых в различных отраслях права. Вместе с наукой получило развитие юридическое образование – судебная реформа нуждалась в кадрах, которые могли бы обеспечить ее реализацию. В России во второй половине XIX в. Резко возросло как общее количество университетов, так и юридических факультетов в них» [2, с. 16].

Такого же мнения придерживается Т.Н. Ильина, считающая, что «преобразования 1860–1870-х годов предполагали создание законодательной базы, регулирующей новые общественные отношения в стране, с чем также могли справиться лица, обладающие достаточными правовыми знаниями» [3]. За незначительный промежуток времени трансформируются взгляды государственных деятелей, представителей власти на введение требований обязательного образования для работников судебной системы. Т.Н. Ильина отмечает, что «юридическое образование получило своеобразный социальный заказ на подготовку квалифицированных профессионалов в области юриспруденции и становилось одним из важнейших факторов, успешной реализации судебных преобразований в России в XIX веке» [3]. Необходимо также отметить, что подготовка квалифицированных кадров для службы находилась под государственным регулированием, то есть под контролем государства было появление, упразднение, специализация учебных заведений, учебные преподаваемые дисциплины, состав кафедр и др.

Либеральная направленность государственных реформ и подготовка судебных преобразований также повлияли на образовательную сферу. Университетский устав, принятый 18 июня 1863 года, был составлен в соответствии с принципами автономности управления университетами, что могло подчеркивать прогрессивный характер данного Университетского устава. По мнению А.Е. Яковленко, «предоставление определенных свобод практически всегда приводит к отрицательным последствиям, например, возникает клановый характер правления, когда ректор избирается не по принципу наиболее достойного этого места, а по родству, сватовству» [4, с. 224]. По новым правилам, возросло количество профессоров, преподававших юридические дисциплины, за счет чего можно было составить новые дисциплины и соответственно увеличить число кафедр, на которых эти дисциплины преподаются. В качестве новых дисциплин были введены в учебный план исторические и гуманитарные науки, которые ранее не преподавались. Как предполагает Т.Н. Ильина, «вероятно, что введение этих дисциплин было продиктовано стремлением подготовить юристов широкой фундаментальной направленности, которые смогут свободно ориентироваться в изменяющихся условиях правовой реальности». Она отмечает: «Общегуманитарные и историко-теоретические дисциплины дают знания о принципах и нормах права, знакомят с историческим контекстом, судебными методами и позволяют иметь достаточное представле-

ние о взаимоотношениях правовой и общественной жизни» [3]. Основным направлением формата юридического обучения по Университетскому уставу 1863 года стала теоретическая модель. Кроме того, общегуманитарная фундаментальная подготовка была призвана формировать у будущих правоведов высокие морально-этические качества, соответствующие статусу служителя правосудия, что должно было предотвратить воспроизведение недостатков прежней судебной системы.

Т.Н. Ильина подчеркивает, что «целями юридического образования должны были стать формирование и передача систематизированного научного знания, а также усиление значения гуманитарной ориентации в процессе обучения студентов. Фундаментальная концепция определялась ценностью знания как такового без учета его практического применения и прикладной значимости» [3].

Воспроизведением политических и социально-экономических потрясений, происходивших в стране, оказался Университетский устав 1884 года, принятый в эпоху Александра III. Документально была сохранена структура построения факультетов, но были изменены назначения органов управления и административных лиц. Ранее созданные кафедры исторических и гуманитарных наук прекратили свое существование. Несмотря на консервативный курс во внутренней политике Александра III, «устав 1884 года», по мнению Т.Н. Ильиной, «вполне отвечал запросам времени и потребностям государства», для которого «исторические дисциплины, дающие общие представления о государстве и праве России, вступившей в новую стадию социально-экономического развития, были не нужны» [3].

Устав 1884 года кардинально трансформировал механизм управления университетами и процедуру назначения в них административных кадров. Сокращение кафедр теоретической направленности обуславливалось потребностью в увеличении практических семинарских занятий. Такая политика была продиктована западными странами, где проводилось формирование образовательной реформы в сфере юриспруденции, целью которой являлось совершенствование практических навыков правовых специалистов. Такого же мнения придерживались и российские критики образования, сходясь во мнениях, что необходимо было повышать уровень практической подготовки юридических кадров в России. В Университетском уставе 1884 года впервые была определена самостоятельная работа студентов на семинарских занятиях как вид практической подготовки, который не менее важен, чем академические занятия, в виде прослушивания лекций.

Как подчеркивают М.В. Новиков и Т.Б. Перфилова, «в зачет полугодий входила отметка об участии студента в практических занятиях». Из чего справедливо следует вывод, что «организация практических занятий находилась под правительственным контролем, что можно трактовать, как появившуюся в конце XIX в. заботу государства

о повышении научного уровня университетского образования» [5, с. 34].

Таким образом, проблема нехватки компетентных профессиональных государственных служащих в начале XIX века была отчасти решена благодаря введению в действие Указа об экзаменах на чины, в соответствии с которым устанавливался образовательный ценз при поступлении на государственную службу. В период проведения масштабного реформирования в стране были затронуты все области, в том числе образование. Можно говорить о взаимовлиянии принятия нового Университетского устава 1863 года и судебной реформы 1864 года, потому как именно концепция правового образования, закреплённая в Университетском уставе 1863 года, получила экспериментальное внедрение в ходе подготовительных работ по судебной реформе 1864 года. В уставе закреплена модель юриста-теоретика, который способен благодаря высоким морально-этическим качествам предотвратить недостатки прежней модели судебной системы. Но проблемой Университетского устава 1863 года стала недостаточная практическая направленность в деле подготовки будущих юристов. Реализация судебной реформы выявила эту проблему в связи с возростающей потребностью в специалистах с конкретными практическими навыками. Университетский устав 1884 года внес значительные коррективы в автономию университетов, но при этом впервые законодательно закрепили внедрение практических занятий наравне с лекциями.

Литература

1. Кожевина М.А. История и методология юридической науки / М.А. Кожевина. Том ЧАСТЬ I. – Омск: Омская юридическая академия, 2017. – 116 с. – ISBN 978-5-98065-155-8. – EDN ZSTD-VD.
2. Немытина М.В. Институциональные основы судебной реформы 1864 года // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2024. № 4. С. 12–24.
3. Ильина Т.Н. Взаимосвязь судебной реформы 1864 года и преобразований в сфере образования в России во второй половине XIX века // Историко-правовые исследования: новый ракурс. 2014. № 2. // Электронный научный журнал. ISSN 2309-1592. ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ. НОВЫЙ РАКУРС | 9 часть II 2014 г. (Дата обращения 05.09.2025)
4. Яковленко А.Е. Преобразования университетских уставов на протяжении XIX века / А.Е. Яковленко // Уникальные исследования XXI века. – 2015. – № 8(8). – С. 222–225. – EDN UNXPQD.
5. Новиков М.В. Университетский устав 1884 г: иллюзия академической свободы (Часть I) // Ярославский педагогический вестник. – 2014. – Т. 1, № 4. – С. 34.

6. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е (ПСЗ 1). Санкт-Петербург, 1830. Т. 27. № 20597. С. 440. Цит. по: Большая российская энциклопедия. <https://bigenc.ru/c/ukaz-ob-ekzamenakh-na-chiny-1809-49f941>. (Дата обращения 05.10.2025 г.)

PROBLEMS OF RUSSIAN LEGAL EDUCATION IN THE 19TH CENTURY

Evdokimova A.I.

Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

This article examines the regulatory framework for educational qualifications for civil servants established by the 1809 Charter on Examinations for Ranks. It also substantiates the need for qualified legal personnel in the context of the 1864 judicial reform, which created an urgent need for conscientious and qualified lawyers for the new judicial system. The article explores the mutual influence and interdependence of legal education reform and judicial reform. It demonstrates that the concept of legal education, enshrined in the 1863 University Charter, was experimentally implemented during the preparatory work for the 1864 judicial reform. However, the 1863 University Charter lacked a practical focus in training future lawyers. It concludes that the 1884 University Charter was more practice-oriented and mandated seminars. Referring to the historical experience of the formation and development of legal education in Russia remains relevant for the modern model of training lawyers in our country.

Keywords: educational qualifications, university charters, education reform, judicial reform of 1864, education models, practice-oriented education

References

1. Kozhevina M.A. History and Methodology of Legal Science / M.A. Kozhevina. Volume PART I. – Omsk: Omsk Law Academy, 2017. – 116 p. – ISBN 978-5-98065-155-8. – EDN ZSTDVD.
2. Nemytina M.V. Institutional Foundations of the Judicial Reform of 1864 // Historical and Legal Problems: A New Perspective. 2024. No. 4. Pp. 12–24.
3. Ilyina T.N. The Relationship between the Judicial Reform of 1864 and Reforms in the Sphere of Education in Russia in the Second Half of the 19th Century // Historical and Legal Research: A New Perspective. 2014. No. 2. // Electronic Scientific Journal. ISSN 2309-1592. HISTORICAL AND LEGAL PROBLEMS. A NEW PERSPECTIVE | 9 Part II 2014 (Accessed 05.09.2025)
4. Yakovlenko A.E. Transformations of University Statutes Throughout the 19th Century / A.E. Yakovlenko // Unique Studies of the 21st Century. – 2015. – No. 8 (8). – Pp. 222–225. – EDN UHXPQD.
5. Novikov M.V. University Charter of 1884: The Illusion of Academic Freedom (Part I) // Yaroslavl Pedagogical Bulletin. – 2014. – Vol. 1, No. 4. – P. 34.
6. Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 1 (PSZ 1). St. Petersburg, 1830. Vol. 27. No. 20597. P. 440. Quoted from: The Great Russian Encyclopedia. <https://bigenc.ru/c/ukaz-ob-ekzamenakh-na-chiny-1809-49f941>. (Accessed October 5, 2025)

Система кул как военный и административный институт в Османской империи

Ильтер Серхат,

аспирант, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина
E-mail: s2021693@edu.msal.ru

В статье рассматривается система кул, считавшаяся одним из важных институтов Османской империи. В данном исследовании использовалась литература, регистрационные записи шарийе, записные книжки мухимме и правовые кодексы (канун-наме) османской эпохи. В литературе есть работы, посвященные теме «девширме». Однако в этих исследованиях недостаточно проанализирована система кул. В отличие от существующих в литературе научных исследований, данное исследование сосредоточено на «системе кул» и анализирует не только военное измерение и его последствия, но и административные аспекты и эффекты. Кроме того, была предпринята попытка исследования возникновения этой системы, ее функционирования, положительных и отрицательных аспектов, а также ее значения для Османской империи. Система кул занимала очень важное место в военной и административной организации Османской империи. Понятно, что система кул не была моделью рабства; это был институт, уникальный для Османской империи.

Ключевые слова: Османская империя, кул, девширме, военная организация, канун-наме, кадры, армия.

В целом, важнейшей особенностью государства является то, что оно представляет собой организованную структуру. В каждом государстве существуют институты, организации и системы, обеспечивающие административное функционирование. Османская империя также использовала ряд институтов и систем в административном плане. Государственная организация Османской империи делилась на две части: центральную и провинциальную, каждая из которых имела свои собственные институты. Долгое время важнейшими единицами центральной организации были султан и Диван-и Хюмаюн, а провинциальная организация состояла из эялетов, санджаков¹, казов [1, с. 119] и нахий [2, с. 307]. В этих подразделениях работает большое количество сотрудников, занимающих различные должности. Во дворце султана сопровождали слуги (кул), которые помогали ему в государственных и личных делах. В Диване, помимо главных должностных лиц, таких как визирь, визирь под куполом, нишанчи, дефтердар, были также рейс-уль-кютаб и подчиненный ему персонал, который помогал в делах Дивана и обеспечивал его административное функционирование. Сотрудники провинциальной организации, подчиненной центру и работающей в согласии с ним, также назначались из центра. Бейлербеи в эялетах, санджакбеи в санджаках и кади в казах работали в качестве глав провинциальных подразделений. В провинциях и санджаках существовали паша-диваны, которые были организованы и функционировали так же, как Диван-и Хюмаюн, и в этих диванах работали люди с аналогичной квалификацией. В каждом провинциальном подразделении также имелись государственные служащие, занимающие различные должности. В Османской империи существовали методы удовлетворения кадровых потребностей центральных и провинциальных подразделений и обеспечения взаимосвязи и кадровой сети между центром и провинциями. Система Кул, которая является предметом исследования, представляет собой институт, возникший для удовлетворения этих потребностей. Таким образом, система Кул представляет собой орден с военными и административными аспектами.

Важность системы кул в османской правовой истории заключается в том, что с определенного периода она являлась неотъемлемым институтом

¹ Санджак – административная единица в Османской империи, средняя между вилайетом и кадылыком. Во главе санджака стоял санджак-бей (губернатор). Санджак делился на несколько уездов, или кадылыков, в свою очередь несколько санджаков образовывали провинцию, или вилайет.

государственной организации Османской империи. Система Кул – это институт, созданный на основе обычного правового регулирования.

В Османской империи после битвы при Анкаре, в период Фетрета (1402–1413), завоевания прекратились, а добыча стала недоступной, поэтому потребность в солдатах для армии не могла быть удовлетворена. Поэтому наличие кадровых потребностей в армии привело к рождению новой системы «система кул».

Система Кул – это совершенно новый, отличный и оригинальный метод вербовки, не встречавшийся ранее в Османской империи и других исламских государствах [3, с. 254]. В рамках этой системы христианские дети дхимми, принявшие суверенитет Османской империи и проживавшие на ее территории, обращались в ислам через определенные промежутки времени в зависимости от необходимости, проходили обучение в соответствии со своими способностями и набирались в армию и административные кадры. Институционализация системы Куля началась во время правления Мурада II, но прочно утвердилась во время правления султана Мехмеда II. Можно сказать, что из важных причин введения системы Куля было стремление обеспечить централизацию и было желание сломить власть влиятельных турецких семей. Цель – не допустить, чтобы одна семья имела право голоса в администрации. В рамках системы Куля безусловное подчинение лиц, пришедших к власти, султану служит вышеупомянутой цели. Таким образом, султан взял на себя центральную роль в управлении государством и мог контролировать людей в бюрократии по своему усмотрению. Это понимание действовало на всех административных уровнях Османской империи, от центра до провинциальных организаций. Таким образом, бейлербеи, санджак-беи и другие администраторы, назначаемые султанским указом из центра в провинциальные организации, обеспечивали контроль и надзор даже в самых отдаленных уголках Османской империи [6, с. 129]. В связи с этим, чтобы предотвратить попытки децентрализации, удж-беи были превращены в санджак-беев, подчиненных центру, а солдаты-девширме были размещены в каждом завоеванном регионе, чтобы установить связь между центром и провинциями [7, с. 660]. Будучи абсолютным сувереном государства, османские султаны не допускали ни малейших ограничений и не признавали никакой другой власти, противоречащей их авторитету [8, с. 51]. Понимание, которое принесла с собой система кул, облегчило убийство государственных деятелей; ситуации, которые могли бы ограничить абсолютный суверенитет, можно было легко устранить. Одной из целей системы кул было предотвратить выступление немусульманских подданных против государства и восстание против него, используя в качестве посредников кулов, которые набирались из немусульманских подданных и воспитывались в соответствии с мусульманскими турецкими традициями [9, с. 35]. Кроме того, этот метод дол-

жен был повысить лояльность немусульман к государству. На этом этапе необходимо рассмотреть, каким образом немусульмане вербовались для достижения вышеупомянутых целей и какая процедура использовалась при девширме.

Процесс девширме является важным элементом системы Кул. Метод Девширме – это исламизация немусульманских детей, проживающих на османских землях, и их турецко-исламское воспитание. Девширме было проведено в соответствии с процедурой и методом, указанными в законе. По закону Девширме из немусульманских подданных Румелии и Анатолии набирали людей для обучения системе кул.¹⁰ Процедура девширме применялась от региона к региону и регулировалась в зависимости от необходимости. Лицом, определявшим эти потребности и представлявшим их в Диван-и Хюмаюн, был янычар-ага. Исходя из вышеизложенного, было бы неверно делать вывод о том, что метод девширме был исключительной практикой, поскольку девширме применялся по мере возникновения необходимости. Логичнее сказать, что процесс девширме – это общий принцип управления, потому что оно не регулярное, а постоянное и оказывает глубокое влияние на управление страной. Изначально девширме занимались местные власти соответствующего региона, такие как бейлербеи, санджак-беи и кади. Однако со временем, во время правления Мехмеда Завоевателя, из-за злоупотребления ими своими обязанностями, процесс девширме был регламентирован, и девширме-офицеров стали присылать из центра [3, с. 254]. Сотрудники девширме получали султанский указ о том, как вести свою работу, и письмо за подписью янычарского аги, адресованное кади тех мест, где должны были проходить девширме. Сотрудники проводили набор в соответствии с указом султана и письмом янычарского аги [11, с. 97]. Местные чиновники, такие как санджак беги и кади, были обязаны помогать и содействовать работе девширме. Девширме объявил, что он приехал на девширме через глашатаев в местах, которые он посетил, и дети в округе собрались в центре вместе со своими отцами. Девширме лично осматривал детей и отделял тех, кто подчинялся закону и инструкциям, чтобы их девширме забрали с собой. Хотя обычно было принято брать по одному мальчику из сорока семей в каждом каза, от этой практики иногда отказывались в зависимости от необходимости. Записывались такие идентификационные данные, как имя, имя матери и отца, место происхождения и описание детей, подлежащих вербовке. Повидимому, это делалось для того, чтобы облегчить идентификацию детей в случае их побега или исчезновения, а также для того, чтобы никто другой не смог присоединиться к группе [12, с. 46]. Составлялся детальный реестр, называемый «эшкаль дефтери», в котором содержалась информация о завербованных детях. Реестр составлялся в двух экземплярах. Один забирали кади, а второй – офицер сопровождения, который отвозил детей в специально подготовленные места в столице Османской империи. Это делалось для того, чтобы из-

бежать подмены детей в пути. Во время следования к месту назначения их бдительно охранял специальный отряд. Когда офицер приезжал в центр, он передавал этот реестр вместе с детьми [13, с. 70]. Мальчики девширме, доставленные в Стамбул, были проверены янычарским агой и записаны в книгу описаний [13, с. 70]. Отобранных для дворца отправляли во дворцы Галата или Ибрагим-паша в Стамбуле, а также в дворцы Эдирне и Маниса в провинциях. Большинство остальных были отданы турецким крестьянам в янычары; небольшое число было назначено «бостанчи» для службы в султанских садах. Тех, кто был предназначен для дворца, называли «ичогланы»; тех, кто становился янычарами, называли «аджеми оглан» [5, с. 207]. Расписание дня тех, кто получал образование во дворце, было тщательно организовано; были определены задачи, которые нужно было выполнять в течение каждого часа. Время для пробуждения, молитвы, еды, сна, упражнений и учебы было организовано отдельно. Таким образом, ичогланы получали строгое образование во дворце; они также проходили обучение и подготовку в медресе. За небольшое вознаграждение аги Анатолии и Румелии временно прикрепляли мальчиков «аджеми оглан» к турецким крестьянам в Анатолии и Румелии. Благодаря такой практике мальчики девширме, с одной стороны, вносили вклад в производство, работая, а с другой – изучали турецкий язык, турецкие обычаи и традиции, а также ислам. По окончании обучения их принимали на службу в военную организацию с зарплатой под именем аджеми огланы [3, с. 255].

В силу структуры Османской империи, как в общественных присутствовали как мусульмане, так и немусульмане. Дети немусульман из простолюдинов могли попасть в правящий класс через систему кул. Дети Девширме имели возможность работать на разных уровнях государства. Кулы Девширме допускались во дворец, получали привилегированное обращение и достигали самых важных постов. Начиная с XV века, со времен султана Мехмета II, османские султаны стали делегировать использование исполнительной власти исключительно своим слугам (кул). С момента завоевания Стамбула и вплоть до XIX века, за некоторыми исключениями, великие визири избирались из числа кул [14, с. 117]. Мехмета II также использовал своих кулов на всех уровнях управления. Так, из его кул выбирались губернаторы, сипахи, сборщики налогов и те, кто был уполномочен следить за исполнением султанских запретов. Тот факт, что кулы принадлежали к правящему классу, давал им другие права и полномочия. Они пользовались многими привилегиями. Самой важной из них было освобождение от большинства налогов, которые платили рея. Опять же, слуги, занимавшие важные посты, получали вотчинные земли с высоким доходом под названием «хас» [15, с. 525]. В дополнение к ним, закон, принятый во время правления Сулеймана Великолепного Статья 37 Бозок Санджак Кануна-намеси от 932/1525 года гласит следующее: «Никто из народа не должен поднимать руку на сипа-

хи, которому приказано быть слугой, а если он это сделает, то с него следует взять десять золотых монет» [16, с. 229]. Таким образом, признается, что они занимают привилегированное положение.

Первой и самой главной обязанностью слуг была верность государству и султану. В статусе кул высокое положение и богатство могли быть достигнуты только благодаря их строгой преданности государству и султану. Султан мог наказывать своих подданных; он мог даже приговаривать их к смерти по должности, без суда и следствия. Султан также мог опираться на фетву, чтобы не быть одиноким в своем решении. Иногда султан мог отдать приказ о политическом убийстве без малейшего расследования [8, с. 90].

Система кул успешно сохранялась в Османской империи с XV до конца XVII века. Однако уже во второй половине XVI века число капитанов превысило восемьдесят тысяч, что создавало дополнительную нагрузку на финансы государства, и время от времени на практику девширме накладывались ограничения. Вновь в этот период, с ослаблением власти султанов, слуги взяли под абсолютный контроль дворец, правительство и провинциальные администрации, пытались доминировать над вотчинами и источниками доходов государства. Наибольшим доказательством того, что власть слуг достигла своего пика в этот период, является их успех в убийстве султана Османа II. Османская администрация пыталась держать капитанов в узде, используя сипахи и янычар в качестве противовеса друг другу, но этой политики было недостаточно, чтобы положить конец анархии в стране. Кочибеи и Катип Челеби объясняли анархию и беспорядки этого периода коррупцией в системе кул. Нарушение закона о девширме привело к деградации янычарского корпуса. С конца XVI века новых сыновей янычар стали принимать в кулоглу, а незаконный набор в янычарский корпус с такими титулами, как брат кула или ученик аги, привел к ослаблению системы девширме. Начиная с XVII века, трудности с девширме для христианских подданных привели к ухудшению системы кул. Это одна из причин, влияющих на государство. В этот период Эндерун, который должен был готовить квалифицированных государственных деятелей для государства, был заполнен детьми государственных деятелей, вышедших из Эндеруна, вместо мальчиков-девширме, что привело к ухудшению традиции девширме. С назначением большего числа членов карательной администрации и возвышением айанов как доминирующей силы в провинциях, система кул полностью утратила свое значение. В первой половине XIX века султан Махмуд II движения и полностью отменил систему кул на долгие годы. Это положило конец очень важной традиции.

Вывод

Система Кул сыграла важную роль в централизации Османской империи. По этой причине рассматриваемая система имеет большое значение для

Османского государства. Система Кул была институтом, применявшимся на всех уровнях военно-административного класса. Система работала тщательно и скрупулезно. На самом деле, начиная с отбора детей в армию и заканчивая их обучением, происходил тщательный процесс. Тщательно отбирались здоровые, сильные, мощные, умные, физически совершенные дети и молодые люди. Те, кто становился солдатами, и те, кто оставался во дворце, проходили раздельное обучение. Девширы, чей выбор и воспитание высоко ценились, были наделены очень важными обязанностями. кулы получали престижные должности и посты в правящем классе. Они освобождались от налогов, могли торговать, приобретать имущество и владеть вотчинами. Это богатство и положение также накладывало на них определенные обязательства и ограничения. Самым важным из них было послушание и преданность султану. кулы обязаны выполнять все приказы и пожелания султана. Одним из самых больших ограничений, наложенных на них, была конфискация их имущества после смерти, даже если они не совершали никаких преступлений. Ведь здесь османы действовали по логике, согласно которой имущество этих людей, разбогатевших за счет государства, должно оставаться в руках государства. Еще одно ограничение заключалось в том, что султан мог в любой момент наказать своих подданных без суда и следствия и даже приказать их казнить. Эти ограничения возникают в ситуациях, угрожающих безопасности жизни и имущества кул.

Литература

1. Baykara T. Kaza // Türkiye diyanet vakfı islâm ansiklopedisi. 2022. № 25. С.119–120.
2. Şahin İ. Nahiye // Türkiye diyanet vakfı islâm ansiklopedisi. 2006. № 32. С. 306–308
3. Özcan Abdülkadir. Devşirme // Türkiye diyanet vakfı islâm ansiklopedisi. 1994. № 9. С. 254–257
4. С. Üçok, G. Bozkurt и др.; Türk hukuk tarihi. Ankara. 2024.
5. İnalçık H. Devlet-i ‘Aliyye-osmanlı imparatorluğu üzerine araştırmalar I. İstanbul. 2017.
6. Akyılmaz B. Osmanlı devletinde merkezden yönetimin taşra idaresi // Selçuk üniversitesi sosyal bilimler enstitüsü dergisi. 1999 № 4. С. 127–156.
7. Yaşar Y. Osmanlı imparatorluğunda desantralizasyona (adem-i merkeziyet) dair genel gözlemler // Belleten. 1974 № 38 (152). С. 657–708
8. Mumcu A. Osmanlı devleti’nde siyaseten katl. Ankara 2017.
9. Ekinci E.B. Osmanlı hukuku (adalet ve mülk). İstanbul 2017
10. Koçu R.E. Yeniçeriler. İstanbul 2004.
11. Uzunçarşılı İ.H. Osmanlı devlet teşkilatında kapıkulu ocakları I. Ankara1984
12. Ahmed Refik. Eski osmanlı askerliği: on birinci asr-ı hicrîde devşirme usulü // Edebiyat-ı umumiye mecmuası. 1335/1919 № 1(2), С. 42–67
13. Пенькова А.О. особенности проведения девширме в османской империи (вторая половина XIV – начало XVIII веков), Электронный научный журнал «Архонт». № 5 (8). 2018. С. 68–73
14. Avcı Mustafa Türk hukuk tarihi dersleri. Konya 2017.
15. Cin H., Akyılmaz G. Türk hukuk tarihi. Konya 2014.
16. Akgündüz A. Osmanlı kanunnâmeleri ve hukuki tahlilleri: 6. Kitap Kanunî devri kanunnâmeleri II. kısım eyâlet kanunnâmeleri (II), İstanbul 1993

THE KUL SYSTEM AS A MILITARY AND ADMINISTRATIVE INSTITUTION IN THE OTTOMAN EMPIRE

Alter Sergat

Moscow State University O.E. Kutafin Law University

The article examines the kul system, which was considered one of the most important institutions of the Ottoman Empire. This study used literature, shariyeh registration records, muhimme notebooks, and the legal codes (qanun-nameh) of the Ottoman era. There are works in the literature devoted to the topic of «devşirme». However, these studies have not analyzed the kul system sufficiently. Unlike existing scientific studies in the literature, this study focuses on the «kool system» and analyzes not only the military dimension and its consequences, but also administrative aspects and effects. In addition, an attempt was made to study the origin of this system, its functioning, positive and negative aspects, as well as its significance for the Ottoman Empire. The kul system occupied a very important place in the military and administrative organization of the Ottoman Empire. It is clear that the kul system was not a model of slavery; it was an institution unique to the Ottoman Empire.

Keywords: Ottoman Empire, kul, devşirme, military organization, kanun-name, cadres, army.

References

1. Baykara T. Kaza // Türkiye diyanet vakfı islâm ansiklopedisi. 2022. № 25. С.119–120.
2. Şahin İ. Nahiye // Türkiye diyanet vakfı islâm ansiklopedisi. 2006. № 32. С. 306–308
3. Özcan Abdülkadir. Devşirme // Türkiye diyanet vakfı islâm ansiklopedisi. 1994. № 9. С. 254–257
4. С. Üçok, G. Bozkurt и др.; Türk hukuk tarihi. Ankara. 2024.
5. İnalçık H. Devlet-i ‘Aliyye-osmanlı imparatorluğu üzerine araştırmalar I. İstanbul. 2017.
6. Akyılmaz B. Osmanlı devletinde merkezden yönetimin taşra idaresi // Selçuk üniversitesi sosyal bilimler enstitüsü dergisi. 1999 № 4. С. 127–156.
7. Yaşar Y. Osmanlı imparatorluğunda desantralizasyona (adem-i merkeziyet) dair genel gözlemler // Belleten. 1974 № 38 (152). С. 657–708
8. Mumcu A. Osmanlı devleti’nde siyaseten katl. Ankara 2017.
9. Ekinci E.B. Osmanlı hukuku (adalet ve mülk). İstanbul 2017
10. Koçu R.E. Yeniçeriler. İstanbul 2004.
11. Uzunçarşılı İ.H. Osmanlı devlet teşkilatında kapıkulu ocakları I. Ankara1984
12. Ahmed Refik. Eski osmanlı askerliği: on birinci asr-ı hicrîde devşirme usulü // Edebiyat-ı umumiye mecmuası. 1335/1919 № 1(2), С. 42–67
13. Penkova A.O. Features of conducting devşirme in the Ottoman Empire (second half of the 14th – beginning of the 18th centuries), Electronic scientific journal “Archon”. No. 5 (8). 2018. Pp. 68–73
14. Avcı Mustafa Türk hukuk tarihi dersleri. Konya 2017.
15. Cin H., Akyılmaz G. Türk hukuk tarihi. Konya 2014.
16. Akgündüz A. Osmanlı kanunnâmeleri ve hukuki tahlilleri: 6. Kitap Kanunî devri kanunnâmeleri II. kısım eyâlet kanunnâmeleri (II), İstanbul 1993

Мониторинг законодательства в России: ретроспективный анализ и перспективы трансформации

Гасымов Кянан Мурад оглы,

аспирант кафедры теории и истории права и государства,
Российский новый университет
E-mail: kanangasimov@outlook.com

Корнилов Алексей Радионович,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры
теории и истории права и государства, Российский новый
университет; доцент кафедры теории права и публично-
правовых дисциплин, Рязанский государственный университет
имени С.А. Есенина
E-mail: magelan7@mail.ru

В статье проводится комплексный анализ становления, современного состояния и перспектив развития института мониторинга законодательства в Российской Федерации. На основе ретроспективного анализа прослеживается эволюция мониторинга от первоначальных концептуальных идей начала 2000-х годов до его формальной институционализации и современной фрагментированной практики. Автор утверждает, что существующие разрозненные формы мониторинга (оценка регулирующего воздействия, антикоррупционная экспертиза, общественный контроль) являются проявлением механистического подхода к правовому регулированию и не образуют единой системы. В качестве теоретической основы для преодоления этой фрагментации предлагается системный подход, рассматривающий мониторинг как целостный институт, состоящий из правовой, институциональной и инструментальной подсистем. Особое внимание уделяется перспективам трансформации мониторинга в условиях цифровизации. Автор приходит к выводу, что цифровые технологии и искусственный интеллект выступают ключевыми детерминантами развития правовой системы, способными не только автоматизировать рутинные процессы, но и обеспечить переход к подлинно системному, комплексному и прогностическому мониторингу законодательства.

Ключевые слова: мониторинг законодательства, правовая система, системный подход, ретроспективный анализ, правоприменение.

Современная правовая система Российской Федерации характеризуется высокой динамикой законодательных процессов и увеличением массива нормативных правовых актов, что обусловлено как внутренними социально-экономическими факторами, так и глобальными вызовами. Нарастающий объем нормотворчества на всех уровнях публичной власти, начавшийся после принятия Конституции РФ в 1993 году, закономерно приводит к возникновению пробелов, коллизий и противоречий в законодательстве.

Интенсивность законодательного процесса остается на высоком уровне: по официальным данным, только в 2023 году Государственной Думой было принято 694 федеральных закона, а в 2024 году – 564 закона, что в несколько раз превышает аналогичные показатели зарубежных стран, например, Конгресса США [4]. С учетом регионального и муниципального нормотворчества, общий объем правового регулирования делает практически невозможным обеспечение его согласованности без применения специализированных инструментов. В этих условиях особую актуальность приобретает поиск и внедрение эффективных правовых технологий, способных обеспечить качество, системность и внутреннюю непротиворечивость законодательного массива. Одной из ключевых таких технологий является мониторинг законодательства – институт, предназначенный для систематического наблюдения, анализа и оценки как процесса создания правовых норм, так и результатов их применения.

Идея системного наблюдения за правовым полем страны зародилась в начале 2000-х годов, когда политические и академические круги осознали проблему хаотичного характера законотворчества. Как отмечалось на Всероссийской научно-практической конференции по мониторингу правового пространства и правоприменительной практики в 2004 году, инициированной Советом Федерации, за десять лет было принято огромное количество нормативных актов, однако отсутствовала «государственно-правовая стратегия», которая бы придавала этому процессу логику и последовательность [5]. Именно тогда была сформулирована «Концепция мониторинга правового пространства и правоприменительной практики», ставшая отправной точкой для дальнейшего развития этого института. Ретроспективный анализ показывает, что потребность в таком инструменте была исторически обусловлена, поскольку еще в 70-х годах XX века в СССР предпринимались попытки систематизации законодательства путем создания Сво-

да законов, что, по сути, являлось прообразом современного мониторинга, направленного на обеспечение единства и согласованности правового поля [6, с. 12].

Однако от концептуальной идеи, выдвинутой Советом Федерации, до формальной институционализации в современной России, прошло почти десятилетие. Ключевым этапом стало принятие Указа Президента РФ от 20 мая 2011 г. № 657 «О мониторинге правоприменения в Российской Федерации», который заложил правовые основы для систематической деятельности в этой сфере [1, с. 22].

Несмотря на формальное закрепление, на практике институт мониторинга законодательства до сих пор характеризуется значительной фрагментарностью. Как справедливо отмечает В.С. Елисева, в настоящее время происходит «дробление мониторинга законодательства на группу прикладных институциональных форм, не связанных в единую систему» [2, с. 4]. Антикоррупционная экспертиза, оценка регулирующего воздействия (ОРВ), общественный контроль и другие виды контрольно-оценочной деятельности существуют параллельно, их результаты и методики слабо согласуются между собой. Эта разрозненность является отражением доминирующего в отечественной юриспруденции механистического подхода к правовому регулированию, который, по меткому выражению М.А. Капустиной, сводит его к государственной «компоновке юридических средств» и приводит к «исчезновению субъекта» из правовой жизни, рассматривая его лишь как объект воздействия [3, с. 3, 6]. Такой подход не позволяет в полной мере реализовать прогностическую, контрольную и информационную функции мониторинга, которые выделяются в работах Э.Р. Черновой как его ключевые атрибуты [7, с. 19].

Эта функциональная и организационная разрозненность является прямым следствием доминирующего в правовой доктрине механистического, узко позитивистского понимания права и правового регулирования. В рамках данной парадигмы правовая система воспринимается не как живой социальный организм, а как формально-логическая конструкция, управляемая государством сверху вниз. Соответственно, каждый вид мониторинга создается как обособленный инструмент для «отладки» определенной части государственного механизма: антикоррупционная экспертиза – для выявления коррупционных факторов, ОРВ – для оценки экономических издержек бизнеса.

Преодоление этой фрагментарности и переход к целостной, эффективной модели мониторинга возможны на основе системного подхода. Данный подход, в отличие от механистического, рассматривает правовое регулирование как сложное, динамичное и интегративное образование. В рамках этой парадигмы мониторинг законодательства предстает как целостный правовой институт. Опираясь на доктринальные разработки, можно выделить три ключевые подсистемы этого института:

правовую (унифицированное нормативное регулирование), институциональную (скоординированная система государственных и общественных субъектов) и инструментальную (единый комплекс методик и технологий) [2, с. 12]. Важнейшим аспектом системного подхода является признание центральной роли правосознания. Как подчеркивает М.А. Капустина, правовое регулирование «опосредовано правовым (рациональным и психологическим) сознанием» [3, с. 33]. Мониторинг не может быть сведен к анализу текстов законов, он должен включать глубокое социологическое и психологическое исследование того, как нормы воспринимаются и реализуются всеми участниками правоотношений.

Особое место в институциональной системе мониторинга занимает судебная власть, и в частности, Конституционный Суд Российской Федерации. Как отмечает А.Р. Хабибуллин, Конституционный Суд, оценивая не только буквальный смысл правового акта, но и его толкование в сложившейся правоприменительной практике, сам выступает специфическим участником мониторинговой деятельности [8, с. 32]. Анализируя системную взаимосвязь оспариваемых норм, он выявляет дефекты правового регулирования. Так, в Постановлении от 17 октября 2017 г. № 24-П, Конституционный Суд, выявив пробел в регулировании процессуальных сроков, по сути, провел мониторинг правоприменения и указал законодателю на необходимость внесения изменений [9]. Это подтверждает, что деятельность высшего органа конституционного контроля носит вспомогательный характер по отношению к его основной, судебной-контрольной функции [8, с. 35].

Важно также отметить, что цифровая трансформация правовой сферы в России является не только теоретической перспективой, но и реальностью, развивающейся более десятилетия. Ключевым шагом на этом пути стало создание и последующая институционализация «Официального интернет-портала правовой информации» (www.pravo.gov.ru). С 2011 года, после внесения соответствующих изменений в федеральное законодательство, данный портал был приравнен по своему статусу к традиционным печатным изданиям, таким как «Российская газета» и «Парламентская газета». Целью этого нововведения было повышение оперативности официального опубликования, обеспечение достоверности правовых актов и предоставление к ним свободного доступа, что является необходимым условием для эффективного правоприменения и формирования правосознания граждан.

Глобальный переход к цифровой эпохе выступает мощным фактором, детерминирующим трансформацию всех социальных институтов, включая право. Цифровизация является не просто технологическим обновлением, а фундаментальной предпосылкой изменения процессов нормотворчества и правоприменения. Для мониторинга законодательства это открывает принципиально новые

перспективы. Современные технологии, включая искусственный интеллект (ИИ) и Legal Tech, позволяют автоматизировать рутинные операции, анализировать огромные массивы правовой информации. Как отмечается в исследованиях, ИИ обладает значительным потенциалом в подготовке законодательных текстов и актуализации нормативных актов [10, с. 141]. Более того, цифровизация позволяет перейти от ретроспективного анализа к прогностическому моделированию. Системы ИИ способны прогнозировать социальные и экономические последствия принятия тех или иных норм, превращая мониторинг из констатирующего инструмента в стратегический.

Однако цифровая трансформация ставит и новые вызовы. Полная алгоритмизация правоприменения невозможна, поскольку юридическая деятельность требует человеческого суждения, интерпретации и учета уникального контекста [11, с. 263]. Для эффективной работы ИИ требуется создание «машиночитаемого права», что предполагает глубокую унификацию и стандартизацию юридической терминологии. Остаются нерешенными и фундаментальные вопросы правового статуса и ответственности роботизированных агентов.

В заключение следует отметить, что ретроспективный анализ становления института мониторинга законодательства в России выявляет его внутреннюю противоречивость: зародившись как стратегическая необходимость, он до сих пор не обрел системной целостности. Преодоление этой проблемы лежит в плоскости перехода к системному (интегративному) подходу. Ключевым фактором, детерминирующим будущую трансформацию мониторинга, является цифровизация. Внедрение технологий искусственного интеллекта способно превратить мониторинг из набора разрозненных процедур в комплексную, прогностическую и интерактивную систему, что позволит повысить качество законодательства и обеспечить адаптивность правовой системы к вызовам цифровой эпохи.

Литература

1. Чернова Э.Р. Мониторинг законодательства как институт правовой системы России // Теория права. 2017. С. 21–26.
2. Елисеева В.С. Теория и система осуществления мониторинга законодательства в современной России: автореф. дис. канд. юр. наук: 5.1.1.. – Нижний Новгород, 2022. – 32 с.
3. Капустина М.А. Правовое регулирование: системный подход: дис. д-р. юр. наук: 12.00.01. – СПб., 2017. – 519 с..
4. Володин: В этом году Госдума рассмотрела 1086 законодательных инициатив // Парламентская газета. URL: <https://www.pnp.ru/politics/volodin-v-etom-godu-gosduma-rassmotrela-1086-zakonodatelnnykh-iniciativ.html?ysclid=mh3qfvs7jj833597004> (дата обращения: 23.10.2025).
5. Мониторинг – инструмент совершенствования законов и повышения качества жизни россиян // Официальный сайт Совета Федерации ФС РФ. URL: <http://council.gov.ru/events/news/26765/> (дата обращения: 23.10.2025).
6. Морозов А.В. История и перспективы развития системы мониторинга правоприменения Минюста России // Мониторинг правоприменения. 2020. № 2 (35). С. 11–17.
7. Чернова Э.Р. Мониторинг законодательства и правоприменительной практики: понятие, значение, функции // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2023. № 1 (13). С. 15–20.
8. Хабибуллин А.Р. Мониторинг правоприменения в деятельности Конституционного Суда Российской Федерации // Право и государственность. 2024. № 4 (5). С. 32–36.
9. Постановление Конституционного Суда РФ от 17.10.2017 N 24-П «По делу о проверке конституционности пункта 5 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Д.А. Абрамова, В.А. Ветлугаева и других» // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_280971/ (дата обращения: 23.10.2025).
10. Язык правотворчества в условиях цифровизации общественных отношений: сборник научных трудов / под общ. ред. Д.А. Пашенцева, М.В. Залоило. М.: ИНФРА-М, 2019. 273 с.
11. Социокультурная антропология права: коллективная монография / под ред. Н.А. Исаева, И.Л. Честнова. СПб.: Алеф-Пресс, 2015. 840 с.

MONITORING OF LEGISLATION IN RUSSIA: A RETROSPECTIVE ANALYSIS AND TRANSFORMATION PROSPECTS

Gasimov Kyanan Murad oglu, Kornilov A.R.

Russian New University, Ryazan State University named after S.A. Yesenin

The article provides a comprehensive analysis of the formation, current state, and development prospects of the legislative monitoring institution in the Russian Federation. Based on a retrospective analysis, the evolution of monitoring is traced from the initial conceptual ideas of the early 2000s to its formal institutionalization and current fragmented practice. The author argues that the existing disparate forms of monitoring (regulatory impact assessment, anti-corruption expertise, public control) are a manifestation of a mechanistic approach to legal regulation and do not form a unified system. As a theoretical basis for overcoming this fragmentation, a systemic approach is proposed, which considers monitoring as a holistic institution consisting of legal, institutional, and instrumental subsystems. Special attention is paid to the prospects for the transformation of monitoring in the context of digitalization. The author concludes that digital technologies and artificial intelligence are key determinants of the legal system's development, capable not only of automating routine processes but also of ensuring the transition to a truly systemic, comprehensive, and prognostic monitoring of legislation.

Keywords: legislation monitoring, legal system, systemic approach, retrospective analysis, law enforcement.

References

1. Chernova E.R. Monitoring legislation as an institution of the Russian legal system // Theory of law. 2017. pp. 21–26.

2. Eliseeva V.S. Theory and system of monitoring legislation in modern Russia: Abstract of the dissertation of the Candidate of Law: 5.1.1.. – Nizhny Novgorod, 2022. – 32 p.
3. Kapustina M.A. Legal regulation: a systematic approach: PhD in Law: 12.00.01. – St. Petersburg, 2017. – 519 p..
4. Volodin: This year, the State Duma considered 1086 legislative initiatives // Parliamentary Newspaper. URL: <https://www.pnp.ru/politics/volodin-v-etom-godu-gosduma-rassmotrela-1086-zakonodatelnykh-iniciativ.html?ysclid=mh-3qfvs7jj833597004> (accessed: 10.23.2025).
5. Monitoring is a tool for improving laws and improving the quality of life of Russians // Official website of the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation. URL: <http://council.gov.ru/events/news/26765/> / (date of access: 10.23.2025).
6. Morozov A.V. History and prospects of development of the law enforcement monitoring system of the Ministry of Justice of Russia // Law enforcement monitoring. 2020. No. 2 (35). pp. 11–17.
7. Chernova E.R. Monitoring legislation and law enforcement practice: concept, meaning, functions // Society, law, statehood: a retrospective and perspective. 2023. No. 1 (13). pp. 15–20.
8. Khabibullin A.R. Monitoring of law enforcement in the activities of the Constitutional Court of the Russian Federation // Law and Statehood. 2024. No. 4 (5). pp. 32–36.
9. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 17.10.2017 N 24-P “In the case of checking the constitutionality of paragraph 5 of Part four of Article 392 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation in connection with complaints from citizens D.A. Abramov, V.A. Vetlugaev and others” // ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_280971/ / (date of reference: 10.23.2025).
10. The language of law-making in the context of digitalization of public relations: a collection of scientific papers / under the general editorship of D.A. Pashentsev, M.V. Zaloilo. M.: INFRA-M, 2019. 273 p.
11. Sociocultural anthropology of law: a collective monograph / edited by N.A. Isaev, I.L. Chestnov. St. Petersburg: Alef-Press, 2015. 840 p.

Независимость суда как принцип конституционного строительства: реформаторские модели и их эффективность

Самедов Васьф Азатович,

аспирант, Нижегородский институт управления – филиал РАНХиГС

E-mail: vsamedov-21@edu.ranepa.ru

Большакова Валентина Михайловна,

кандидат юридических наук, доцент, Нижегородский Институт Управления – филиал РАНХиГС, адвокат Нижегородской областной коллегии адвокатов

E-mail: valentinabolshakova@rambler.ru

В статье рассматривается независимость суда как фундаментальный принцип конституционного строительства современной России. Анализируются реформаторские модели судебной системы – от структурных преобразований 2019 года до конституционных поправок 2020 года – с точки зрения их влияния на институциональную и функциональную автономию судебной власти. Особое внимание уделено личностному и этическому измерению независимости судей, а также роли публичности и открытости правосудия в обеспечении доверия общества. На основе сопоставления нормативных и фактических аспектов сделан вывод о несоответствии между декларацией независимости и реальными механизмами её реализации. Автор обосновывает необходимость конституционно-правового переосмысления судебной реформы как процесса восстановления баланса между автономией, подотчётностью и эффективностью правосудия.

Ключевые слова: независимость суда; судебная власть; конституционное строительство; судебная реформа; автономия судьи; эффективность правосудия.

Независимость судебной власти является неотъемлемым условием устойчивости конституционного строя и критерием подлинности разделения властей. Этот принцип не ограничивается рамками процессуальных гарантий – он определяет архитектуру публичной власти и задаёт границы допустимого вмешательства иных институтов в деятельность суда. Независимый суд выступает не только механизмом разрешения споров, но и элементом конституционного равновесия, удерживающим систему от политической концентрации власти. От первоначального утверждения самостоятельности судов правовая система пришла к многоуровневой зависимости судебных институтов – финансовой, административной, кадровой и символической. Судебные реформы последних десятилетий, при внешнем укреплении институциональной структуры, показали амбивалентный результат: повышение управляемости сопровождалось ослаблением реальной автономии.

Актуальность исследования определяется необходимостью выявления механизмов, через которые формальные гарантии независимости превращаются в инструмент административного контроля, а также поиском критериев эффективности реформ, направленных на конституционное обеспечение судебной власти. Невозможно рассматривать судебную независимость в отрыве от её публичной функции – способности поддерживать доверие граждан к правосудию, обеспечивая прозрачность решений и подотчётность судейского корпуса обществу.

Современные изменения судебной системы – создание кассационных и апелляционных судов, перераспределение компетенций между Конституционным Судом РФ и Президентом РФ – выявили противоречие между нормативным утверждением принципа независимости и фактическим сохранением централизации власти. Анализ этих процессов требует обращения к реформаторским моделям, сопоставления их правовой логики и последствий для конституционного баланса.

Историческая логика российского конституционализма показывает, что идея независимого суда изначально рассматривалась как неотъемлемая часть процесса становления правового государства. Уже в период подготовки Конституции РФ¹ судебная власть понималась не как производная от государства функция, а как самостоятельная

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Российская газета. 1993. 25 декабря.

ветвь, обеспечивающая реализацию основного принципа конституционного строя – верховенства права. Независимый суд является одним из главных гарантов соблюдения прав, свобод и законных интересов человека и гражданина, который необходим для построения правового государства. Как отмечает В.М. Большакова, «демократизация общества в целом привела к ярко выраженной демократизации судебной сферы», когда в судопроизводстве «был внедрен принцип состязательности, судьи стали независимыми и несменяемыми в достаточно широких пределах, установленных законом» [3, с. 53].

Закрепленные в Конституции РФ положения о независимости судей (ст. 120), о единстве судебной системы (ст. 118), а также о гласности судопроизводства (ст. 123) образуют нормативное ядро конституционного статуса суда. Эти нормы не действуют изолированно: они встроены в более широкую систему баланса властей, сформулированную в ст. 10 Конституции РФ, где разграничение функций государства неразрывно связано с механизмом взаимных ограничений. Независимость суда в этом контексте представляет собой не только правовую гарантию, но и элемент конституционного равновесия, при котором суд выполняет функцию нейтрализации возможного превышения полномочий другими ветвями власти.

Судебная реформа обычно интерпретируется как институциональное проявление конституционного строительства. Независимость суда – не цель, а средство реализации более фундаментального принципа – правовой защищенности личности. Концепция судебной реформы 1991 года¹, в которой, по мнению В.М. Большаковой, была «была предпринята попытка аргументации необходимости преобразований в судебной сфере» [4, с. 16], зафиксировала идею утверждения судебной власти как самостоятельной и равной по статусу ветви. В ней впервые было заявлено, что судебная власть не только применяет закон, но и участвует в его формировании через правовое толкование и судебный контроль.

Однако конституционные гарантии независимости суда не могут быть сведены к автономии судей в вынесении решений. Они предполагают организационную, финансовую и кадровую самостоятельность судебной системы, исключаящую влияние иных властей на отправление правосудия. На практике взаимодействие ветвей власти демонстрирует неустойчивость баланса: кадровая зависимость судей от исполнительной власти, финансовая подконтрольность судебного департамента и ограниченность публичной коммуникации судейского корпуса снижают фактический уровень независимости. Конституционный текст, обеспечивая юридическую форму принципа, не гарантирует его содержательного воплощения [9, с. 36].

¹ Концепция судебной реформы в РСФСР: утверждена Постановлением Верховного Совета РСФСР от 24 октября 1991 г. № 1801-1 // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 44. Ст. 1435.

Развитие судебной системы в России на протяжении последних десятилетий демонстрирует постоянное чередование попыток укрепления институциональной самостоятельности судов и тенденций к административной централизации. При сохранении конституционного постулата независимости, закреплённого в статьях 10 и 120 Конституции РФ, реформа судебной власти неоднократно сопровождалась изменением баланса между ветвями власти. Судебная организация становилась предметом политико-правового конструирования, в результате чего появлялись модели, ориентированные на повышение управляемости, но не всегда усиливающие реальную автономию суда.

Реформа 2019 года, связанная с созданием апелляционных и кассационных судов общей юрисдикции, рассматривалась как шаг к структурной децентрализации судебной системы. Новые суды были выведены из административно-территориальной зависимости, что позволило перераспределить нагрузку и сократить влияние региональных руководителей на кадровые и процессуальные решения. Введение принципа «одно звено – одна инстанция» должно было сформировать условия для равномерного судебного контроля и повышения качества правосудия. Однако институциональная реорганизация не обеспечила механизма, который бы гарантировал независимость судейского усмотрения. При общей позитивной оценке структурных изменений стоит отметить, что фактическое влияние судебного руководства, система аттестаций и зависимость финансирования судов от исполнительной власти сохраняют прежние формы внутреннего и внешнего давления. Возникшая модель децентрализации остаётся частичной: организационные границы расширены, но источники зависимости не устранены. Состояние подобной защищенности судебной власти от противоправного вмешательства со стороны третьих лиц должно обеспечиваться развернутой системой конституционно-правовых институтов, создающих «необходимые для этого материально-правовые и процедурные гарантии» [2, с. 29].

Следующий этап реформ – конституционные поправки 2020 года – существенно изменил архитектуру судебной власти и её взаимоотношение с институтом президентства. Сокращение состава Конституционного Суда РФ и наделение Президента РФ правом вносить представления о прекращении полномочий судей означают перераспределение властных полномочий в пользу исполнительной ветви. Отмена двухпалатной структуры Конституционного Суда и ограничение его юрисдикции по жалобам граждан сузили пространство конституционного контроля и ослабили правозащитную функцию судебной власти. В этих изменениях прослеживается тенденция к политико-институциональной зависимости: формально укрепляя процессуальную роль Суда, законодательная и исполнительная власть фактически усилили свои рычаги воздействия на судебный корпус [10, с. 18].

С точки зрения конституционного строительства, подобная трансформация нарушила равновесие, заложенное в Основном Законе. Отметим процедурные дефекты поправочного процесса – отсутствие тематической согласованности и надлежащего правового обоснования, что снижает легитимность реформы как элемента конституционного развития. Поскольку управление всегда имеет цель, оно предполагает требуемое поведение управляемой системы, где определяющее значение имеет то, с чьей точки зрения требования выдвигаются [6, с. 54].

При сопоставлении обеих реформ – 2019 и 2020 годов – прослеживается общая закономерность: декларируемая цель укрепления независимости сопровождалась ростом административной зависимости. В первом случае она проявилась в сохранении вертикальных связей внутри системы, во втором – в институциональном подчинении судебной власти президентскому центру. Формально каждая из реформ реализовывала положения статей 118 и 120 Конституции, но их системный эффект «оказался разнонаправленным: децентрализация судебной структуры при одновременной концентрации политического контроля» [1, с. 66].

На нормативном уровне провозглашается равенство ветвей власти и автономия суда; на институциональном – укрепляется управленческая и кадровая подчиненность. Отсутствие единой стратегии конституционного строительства приводит к тому, что каждая последующая реформа корректирует не столько принципы, сколько иерархию влияния. В результате независимость судебной власти остаётся динамической, но не гарантированной категорией – ценностью, поддерживаемой на уровне конституционной декларации, но ограниченной рамками административной практики.

Современные исследования судебной власти всё чаще обращаются к внутренним, ценностно-психологическим основаниям независимости, которые не исчерпываются нормативными гарантиями [12]. Вопрос о личной автономии судьи выходит за рамки юридической конструкции и затрагивает сферу профессионального самосознания, нравственных убеждений и способности к ответственному усмотрению.

Независимость суда часто трактуется как категория внутренней свободы, предполагающая зрелость правового мышления и способность принимать решения без опоры на административную иерархию. Судья, действующий в духе закона, а не только по его букве, реализует предназначение судебной власти – быть посредником между правом и справедливостью [5, с. 112]. Эта идея восходит к традиции А.Ф. Кони, для которого правосудие являлось проявлением нравственного выбора, а не механическим исполнением нормы. Функциональная независимость или независимость в принятии решения выводит судебную деятельность из подчинения какой бы то ни было власти, кроме власти Конституции и закона и обеспечивается установленной законом недопустимостью вме-

шательства в деятельность судьи по отправлению правосудия как извне, так и внутри самой судебной системы. Личная независимость обычно обеспечивается условиями работы в суде и обеспечения несменяемости, неприкосновенности судей и другими факторами. Корпоративная независимость предполагает возможность каждого судьи участвовать в решении вопросов судебной системы и отстаивать интересы судейского сообщества. Внутренняя независимость определяется взаимоотношениями между судьями и судами внутри самой судебной системы [8].

Идея «свободного правосудия» предлагает альтернативу такой модели: судья должен быть самостоятельным субъектом интерпретации, несущим личную ответственность за результат. Свобода усмотрения не тождественна произволу, она ограничена правом, но допускает вариативность понимания в пределах справедливости. Зависимость системы подготовки от руководителей судов приводит к воспроизводству административных стандартов поведения. Судьи с раннего этапа обучения усваивают модель иерархического подчинения, в которой инициатива и критическое мышление воспринимаются как отклонение от нормы. Формирование подлинной независимости требует иной педагогики – «акцента на автономии, этической ответственности и осознании конституционной миссии судебной власти» [8, с. 50].

Формальная закреплённость принципа независимости не исключает существования множества институциональных факторов, ограничивающих её практическую реализацию. Судебная власть функционирует внутри управляемой структуры, где юридическая автономия часто сочетается с зависимостью организационной, кадровой и финансовой. Судейская независимость является не личной привилегией судьи, а средством защиты публичных интересов, и, прежде всего, интересов правосудия. Словом, казалось бы, конституционный принцип независимости судов и судей уже не оспаривается, однако приходится говорить об этом снова и снова, поскольку регулярно появляются законопроекты и предложения, направленные на то, чтобы что-то отнять у судей или в чем-то их ограничить [7, с. 100].

Одним из ключевых барьеров независимости остаётся порядок назначения судей. Участие Президента Российской Федерации и Совета Федерации в процедуре назначения и прекращения полномочий судей создаёт устойчивую связь между судебной и исполнительной властью. Комиссия при Президенте, в состав которой входят представители силовых ведомств, формирует предварительные заключения по кандидатам, что фактически превращает независимый статус судьи в результат политико-административного одобрения. Даже после назначения судья продолжает зависеть от этой структуры, поскольку вопросы продления полномочий и отставки также рассматриваются с участием исполнительных органов.

Не менее значимой является проблема внутренней иерархии в системе судов. Административные полномочия председателей судов – распределение нагрузки, согласование отпусков, вынесение дисциплинарных представлений – превращают их в управленческие центры, способные воздействовать на поведение судей. Несмотря на ограничения их формальных функций после реформы 2019 года, сохраняется зависимость служебного положения судьи от лояльности руководству. Это приводит к смещению акцентов: обеспечение стабильности судебной практики подменяется требованием управляемости и статистической «безошибочности» [11, с. 78].

Финансово-экономический аспект судебной независимости выявляет ещё более глубокую зависимость. Подчинённость финансового обеспечения судебной системы Министерству финансов России противоречит статье 124 Конституции РФ, гарантирующей самостоятельность судов в части бюджета. Финансирование через исполнительные структуры лишает суды возможности самостоятельно определять объём расходов и распределение средств, включая оплату труда аппарата. К числу материальных барьеров независимости относятся и социальные условия судейской службы. Недостаточное пенсионное обеспечение, служебный характер предоставляемого жилья, зависимость медицинских и страховых льгот от руководства суда создают систему, в которой материальное благополучие судьи оказывается условным.

Проблема кадрового состава судейского корпуса тесно связана с характером его обновления. Действующая система конкурсного отбора и аттестации не предполагает реальной состязательности, поскольку решения принимаются в узком круге административных структур. Кандидаты проходят через фильтр профессиональных комиссий при органах судебного сообщества, но эти комиссии институционально зависимы от председателей судов, что сводит к минимуму их самостоятельность.

Среди предлагаемых направлений реформирования можно выделить несколько, имеющих конституционное значение. Во-первых, выборность председателей судов самим судейским корпусом на ограниченный срок, что позволило бы перераспределить власть внутри судебной системы и снизить влияние исполнительных структур. Во-вторых, создание независимого органа финансового планирования судов, подчинённого исключительно Судебному департаменту при Верховном Суде РФ. В-третьих, включение досудебного профессионального стажа в общий стаж судьи, что повысит престиж профессии и уменьшит зависимость от административных механизмов продвижения.

Анализ реформ судебной системы последних десятилетий показывает, что формальные преобразования редко совпадают с их конституционным смыслом. Учреждение новых инстанций, изменение процедур назначения судей, корректировка структуры Конституционного Суда – всё это отражает стремление государства упорядочить судеб-

ную власть, но не всегда усиливает её автономию. Сопоставление этих реформ выявляет устойчивое противоречие между юридическим закреплением независимости и практическими механизмами её реализации. Каждая новая модель стремится восполнить пробелы предыдущей, но воспроизводит её дефекты: децентрализация подменяется бюрократизацией, а корректировка полномочий – перераспределением зависимости. Такая цикличность объясняется отсутствием единого конституционного подхода к пониманию судебной власти: государство рассматривает суд как управляемый элемент публичного механизма, а не как равноправный институт конституционного баланса.

Эффективность судебных реформ может быть признана лишь при наличии трёх взаимосвязанных условий:

- институциональной автономии, выраженной в независимых кадровых и финансовых процедурах;
- этической устойчивости, обеспечиваемой формированием профессиональной культуры судейского усмотрения;
- публичной подотчётности, исключающей превращение судебной власти в замкнутую корпорацию.

Таким образом, современное состояние судебной системы демонстрирует устойчивую несоразмерность между масштабом законодательных преобразований и глубиной их конституционного эффекта. Независимость суда остаётся формальной ценностью, обеспеченной нормой, но не институциональной практикой. Возврат к исходной идее судебной реформы 1991 года – утверждению суда как самостоятельной ветви власти, защищающей личность от произвола управления, – представляется единственным направлением, способным придать реформам содержательную легитимность и восстановить баланс конституционного строительства.

Литература

1. Алексеевская Е.И. Законы развития судебной системы. 2-е изд., доп. М.: Юрид. дом «Юстицинформ», 2022. 156 с.
2. Аникина О. И., Самойлова А.И. Введение апелляционных и кассационных судов общей юрисдикции как этап судебной реформы // Государство и право: теория и практика: сб. науч. ст. Т. 4. Н. Новгород: Изд-во «Дятловы горы», 2023. С. 29–31.
3. Большакова В.М. Контекст судебных преобразований в Российской империи во второй половине XIX в. и Российской Федерации в конце XX – начале XXI в. // Актуальные вопросы современного развития России: основные итоги научной работы в Нижегородском институте управления в 2016 г. Н. Новгород: Нижегородский ин-т управления – филиал РАНХиГС при Президенте РФ, 2017. С. 52–55.

4. Большакова В.М. Теоретические основы судебных преобразований в Российской империи в 1864 г. и Российской Федерации в конце XX – начале XXI в. // Вопросы российского и международного права. 2018. Т. 8. № 8А. С. 12–19.
5. Изварина А.Ф. Судебная система России: концептуальные основы организации, развития и совершенствования. М.: ООО «Проспект», 2023. 304 с.
6. Колоколов Н. А., Скляренко М.В., Ярцев Р.В. Судебная деятельность. Апелляция, кассация, надзор: анализ примеров из новейшей судебной практики / под ред. д.ю.н. Н.А. Колоколова. М.: Юрлитинформ, 2021. 344 с.
7. Марьина Е.В. Судебная система Российской Федерации. Самара: Самарский нац. исслед. ун-т им. акад. С.П. Королёва, 2020. 144 с.
8. Миннигулова Д.Б. Создание специализированных административных судов как очередной этап судебной реформы в Российской Федерации // Актуальные проблемы административного права и административного процесса: монография / под общ. ред. С.А. Старостина. М.: ООО «Проспект», 2022. С. 44–58.
9. Михайловская И.Б. Суды и судьи: независимость и управляемость. М.: ООО «Проспект», 2023. 128 с.
10. Суды общей юрисдикции Российской Федерации: понятие, виды, перспективы судебной реформы // Защита интересов ФСИН России в неисковых производствах в судах общей юрисдикции: монография. Рязань: ИП Коняхин А.В., 2023. С. 12–66.
11. Тарасов А. А., Гизатуллин И.А. Независимость судей и процессуальные проблемы ее реализации в судебном производстве по уголовным делам. М.: ООО «Проспект», 2022. 224 с.
12. Филиппов П.М. Судебная защита и правосудие в России. М.: ООО «Русайнс», 2022. 254 с.

JUDICIAL INDEPENDENCE AS A PRINCIPLE OF CONSTITUTIONAL DEVELOPMENT: REFORM MODELS AND THEIR EFFECTIVENESS

Samedov V.A., Bolshakova V.M.
Nizhny Novgorod Institute of Management

The article examines judicial independence as a fundamental principle of constitutional development in modern Russia. It analyzes recent reform models of the judiciary—from the structural reorganization of 2019 to the constitutional amendments of 2020—focusing on their impact on the institutional and functional autonomy of judicial

power. Special attention is given to the ethical dimension of judges' independence and to the role of openness and transparency in maintaining public trust in justice. A comparison of legal norms and real mechanisms reveals the inconsistency between the constitutional declaration of independence and its practical implementation. The author argues for a constitutional and legal reconsideration of judicial reform aimed at restoring the balance between autonomy, accountability, and the effectiveness of justice.

Keywords: judicial independence; judiciary; constitutional development; judicial reform; judge's autonomy; effectiveness of justice.

References

1. Alekseevskaya E.I. Laws of Development of the Judicial System. 2nd ed., rev. Moscow: Yuridicheskiy Dom "Yustitsinform", 2022. 156 p.
2. Anikina O. I., Samoylova A.I. Introduction of Appellate and Cassation Courts of General Jurisdiction as a Stage of Judicial Reform // State and Law: Theory and Practice: Collection of Scientific Articles. Vol. 4. Nizhny Novgorod: Dyatlov Gory Publishing House, 2023. Pp. 29–31.
3. Bolshakova V.M. Theoretical Foundations of Judicial Reforms in the Russian Empire in 1864 and in the Russian Federation at the End of the 20th – Beginning of the 21st Century // Issues of Russian and International Law. 2018. Vol. 8. No. 8А. Pp. 12–19.
4. Bolshakova V.M. The Context of Judicial Reforms in the Russian Empire in the Second Half of the 19th Century and in the Russian Federation at the End of the 20th – Beginning of the 21st Century // Topical Issues of Modern Development of Russia: Main Results of Research Work at the Nizhny Novgorod Institute of Management in 2016. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Institute of Management – Branch of RANEPА under the President of the Russian Federation, 2017. Pp. 52–55.
5. Izvarina A.F. The Judicial System of Russia: Conceptual Foundations of Organization, Development and Improvement. Moscow: Prospekt LLC, 2023. 304 p.
6. Kolokolov N. A., Sklyarenko M.V., Yartsev R.V. Judicial Activity. Appeal, Cassation, Supervision: Analysis of Examples from the Latest Judicial Practice / ed. by D. Law Sc. N.A. Kolokolov. Moscow: YurLitinform, 2021. 344 p.
7. Marina E.V. The Judicial System of the Russian Federation. Samara: Samara National Research University named after Acad. S.P. Korolev, 2020. 144 p.
8. MinNigulova D.B. Establishment of Specialized Administrative Courts as the Next Stage of Judicial Reform in the Russian Federation // Current Problems of Administrative Law and Administrative Procedure: Monograph / ed. by S.A. Starostin. Moscow: Prospekt LLC, 2022. Pp. 44–58.
9. Mikhaylovskaya I.B. Courts and Judges: Independence and Manageability. Moscow: Prospekt LLC, 2023. 128 p.
10. Courts of General Jurisdiction of the Russian Federation: Concept, Types, and Prospects of Judicial Reform // Protection of the Interests of the Federal Penitentiary Service of Russia in Non-Claim Proceedings in Courts of General Jurisdiction: Monograph. Ryazan: Individual Entrepreneur A.V. Konyakhin, 2023. Pp. 12–66.
11. Tarasov A. A., Gizatullin I.A. Independence of Judges and Procedural Problems of Its Implementation in Criminal Proceedings. Moscow: Prospekt LLC, 2022. 224 p.
12. Filippov P.M. Judicial Protection and Justice in Russia. Moscow: Rusains LLC, 2022. 254 p.

Профессионально-ориентированная коммуникативная компетенция юристов: теория и практика формирования

Шумахова Зарема Нурбиевна,

кандидат пед. наук, доцент кафедры иностранных языков
ФГБОУ ВО «МГТУ»
E-mail: x520pp@yandex.ru

Токтаньязова Аида Эдуардовна,

доцент, кандидат педагогических наук, доцент кафедры
иностраных языков факультета международного
образования Майкопского государственного технологического
университета
E-mail: mgtu-teacher@mail.ru

Щербинина Наталья Сергеевна,

ст. преподаватель кафедры правовых, психолого-
педагогических и экономических дисциплин, филиал
«Адыгейского государственного университета»
в г. Белореченске
E-mail: serbinina815@gmail.com

Чеботарева Ирина Юрьевна,

доцент, канд. юрид. наук, доцент кафедры правовых,
психолого-педагогических и экономических дисциплин,
филиал «АГУ» в г. Белореченске
E-mail: Vetal_01@list.ru

Статья посвящена системной реконструкции профессионально-ориентированной коммуникативной компетенции юристов на стыке юридической риторики, дискурсивной лингвистики права, медиации, клинического обучения и иноязычной подготовки. Актуальность продиктована ростом требований к доказательной устной и письменной речи на суде, переговорах и консультациях, а новизна выражена в целостной модели формирования компетенции через связку «риторическая траектория – медиативные техники – клинические практики – ESP». В рамках работы описаны жанровые формулы юридической речи, изучены механизмы поддержания связности аргументации, принципы регистровой гибкости и переносимости навыков в реальную практику. Особое внимание уделено инструментам оценивания: рубрики, чек-листы, метрики микропереходов между речевыми актами. Цель – задать воспроизводимую архитектуру подготовки и контроля результатов. Для решения задачи применены сравнительный анализ, контент-анализ публикаций, проблемно-тематическое картирование и типологизация жанров. Изучены русскоязычные источники последних лет по юридической риторике, правовому дискурсу, медиации, клиническому обучению и ESP. В заключении описаны образовательные сценарии внедрения, риски масштабирования и критерии верификации. Статья будет полезна методистам юрфаков, преподавателям клиник, медиаторам и руководителям программ повышения квалификации.

Ключевые слова: юридическая риторика, правовой дискурс, медиативные техники, юридическая клиника, иноязычная подготовка ESP, регистровая гибкость, жанровые формулы, доказательная речь, рубрика оценивания, переносимость навыков.

Введение

Цифровизация процедур правоприменения, усложнение коммуникации между участниками процесса и рост требований к прозрачности аргументации усилили запрос на управляемую, проверяемую и воспроизводимую подготовку в области профессиональной речи юриста. Компетенция рассматривается как совокупность устойчивых умений: построение правового нарратива под норму и прецедент, жанровая точность, регистровая гибкость в адресации суду, оппоненту и клиенту, владение медиативными техниками и клиническими сценариями консультирования. Обучение нуждается в унифицированной архитектуре, которая соединяет аудиторные тренировки, полевые практики и измеримые критерии контроля результатов.

Цель исследования – разработать целостную модель формирования профессионально-ориентированной коммуникативной компетенции юристов и предложить инструменты ее верификации в учебном процессе. Задачи:

- 1) описать риторические и дискурсивные основания компетенции с привязкой к жанрам юридической речи;
- 2) интегрировать медиативные и клинические практики в траектории подготовки и задать проверяемые индикаторы прогресса;
- 3) спроектировать рубрику оценивания и набор учебных сценариев, обеспечивающих перенос навыков в судебную, переговорную и консультационную деятельность.

Новизна выражена в объединении четырех линий подготовки (риторика, дискурс-анализ, медиация, клиника) с иноязычным модулем ESP в единую траекторию, где учебные результаты фиксируются через метрики микропереходов между речевыми актами и жанровые инварианты.

Материалы и методы

Эмпирическую основу составили актуальные русскоязычные публикации по юридической риторике, правовому дискурсу, медиации, клиническому обучению и ESP. В обзор включены: О.В. Адаева – описание коммуникативных навыков медиатора и процедур нейтральной рекапитуляции [1]; З.В. Баишева, О.А. Безземельная – медиация как форма юридической коммуникации и ее обучающие эффекты [2]; А.В. Глазков – когерентность правовых текстов и требования к связности аргументации [3]; В.Ф. Голованова – специфика риторики для юристов и жанровые формулы публичной речи

[4]; О.Г. Колесник – модель межкультурной компетенции будущих юристов в курсе иностранного языка для целей права [5]; коллективный сборник под ред. Е.А. Низамовой и др. – функции юридических клиник, структура консультирования и документирования кейсов [6]; Г. Макович – правовой дискурс в социальных коммуникациях и риски аксиологического смещения [7]; В.А. Сайфулина – компетентностно-ориентированное обучение ESP для юристов с акцентом на аутентичные жанры [8]; И.А. Тисленкова – коммуникативная демонстративность и маркеры стратегий воздействия в юридическом дискурсе [9]; Т.В. Худойкина, Е.А. Долгова – юридико-коммуникативная компетентность в суде и конфликтах, жанровые требования к позиции стороны [10].

Методы. Применены сравнительный анализ, контент-анализ источников, проблемно-тематическое картирование, типологизация жанров юридической речи, сопоставительное дискурсивное описание, структурирование рубрик оценивания и синтетическое проектирование учебных сценариев.

Результаты

Профессионально-ориентированная коммуникативная компетенция юристов складывается из устойчивых умений вести доказательное устное и письменное взаимодействие в институтах правоприменения, медиации и консультирования, а также в образовательных форматах клинической подготовки. Обобщение новейших работ по юридической риторике, дискурсивной лингвистике права, межкультурной иноязычной подготовке и клинко-ориентированному обучению позволило выделить четыре опорные группы результатов.

Во-первых, нормативно-дискурсивный каркас профессиональной речи юриста задан структурой правового дискурса с его ядром в виде текста нормы и системными связями между нормой, правоприменительными текстами и публичными сообщениями. Показано, что связность («когерентность») профессиональной аргументации поддерживается типологией речевых актов нормы (директив, декларатив, репрезентатив) и нарративной природой диспозиций, что задаёт жёсткие ограничения для соотнесения позиции стороны с текстом закона [3]. Юридический дискурс описан как открытая область социальных коммуникаций с ярко выраженной оценочностью: стороны выстраивают аксиологические и референтные оценки, комбинируя их в стратегии убеждения; дисбаланс между ними запускает манипулятивный потенциал речи и становится предметом тактики защиты и опровержения [7]. В судебной коммуникации это проявляется в требованиях к юридико-коммуникативной подготовке процессуальных участников: владелец компетенции удерживает логику кейса в границах нормы, строит последовательную доказательственную линию, соблюдает процедурные регистры и речевые роли [10].

Во-вторых, профессиональная риторика юриста требует системной тренировки публичной речи, деловой аргументации и жанровых формул (судебная речь, мотивировочная часть, правовая позиция, заключение эксперта). Эмпирические опросы студентов-юристов, сопоставленные с учебными наблюдениями, подтверждают дефицит целенаправленной практики публичного выступления и потребность в поэтапной тренировке композиции, логико-смысловых переходов, темпо-ритмики и вербально-невербальных средств [6]. Юридическая риторика в модульной структуре курсов предлагается как координирующий центр подготовки: она связывает теорию аргументации, технику построения тезисов и возражений, работу с прецедентами, моделирование перекрёстного допроса и соблюдение этических регистров профессии [4]. На материале современных работ выстроена шкала риторических умений: от микро-техник (структурирование тезиса, правовая дефиниция, редукция фактов) до макро-моделей (конфигурации доказательства, стратегии адресации суду и оппоненту, конфигурация «позиция – обоснование – ссылка на норму – вывод») [3; 4; 6; 10].

В-третьих, межкультурная и иноязычная составляющие компетенции трактуются как необходимые элементы профессиональной готовности, особенно в международно-правовой и корпоративной практике. В русскоязычных исследованиях по обучению языку для специальных целей зафиксирован разрыв между требуемыми коммуникативными задачами профессии и содержанием типовых пособий: преобладают лексико-грамматические упражнения при недостатке ролевых судебных симуляций, дебатов и кейсов, где тренируются речевые стратегии и доказательная логика [8]. Для устранения дефицита предложена компетентностная модель занятия: подготовка концепт-карты и терминологического минимума, ввод профессионально ориентированного текста, этапы смыслового чтения (поисковое, аналитическое, аннотирование), ситуативная коммуникативная деятельность (диалоги, дебаты, инсценировка заседания, кейс-анализ), проектный блок и портфолио-оценивание результатов [8]. Параллельно в юридическом образовании описаны рамки межкультурной подготовки: активное включение студентов в тренинги и ролевые игры, построение методологической модели с мотивационно-целевым, содержательным и организационно-технологическим блоками; акцент на оценку сформированности умений средствами анкетирования, практических заданий и обратной связи от внешних партнёров [5]. Сдвиг к аутентичным коммуникативным задачам, сопряжённым с правовой терминологией и процедурными жанрами, рассматривается как условие надёжной переносимости навыков в реальную практику [5; 8].

В-четвёртых, медиативная и клиническая линии подготовки задают прикладной вектор формирования компетенции: медиатору требуется тонкая работа с активным слушанием, перефразировани-

ем, фреймированием интересов, нейтральной рекапитуляцией и управлением динамикой конфликта по стадиям встречи; владение этими техниками повышает вероятность достижения соглашения без разрушения правовой позиции сторон [1; 2]. В юридических клиниках выстраивается многоуровневая траектория: от первичной диагностики запроса гражданина и фиксации фактов к конструированию правовой позиции, подготовке процессуальных документов и публичной консультации, включая обратную связь и рефлекссию обучающегося консультанта [9]. Полевые практики клиник вносят в подготовку юриста навыки интервьюирования уязвимых категорий клиентов, профилактическое правопросвещение, интеграцию цифровых сервисов записи и дистанционных консультаций, что повышает качество коммуникации и снижает речевые риски (неточность, двусмысленность, нарушение регистра) [9].

Синтез указанных линий даёт измеримые ориентиры для проектирования учебных результатов. Ядро компетенции составляют:

- 1) управление правовым нарративом под норму и прецедент;
- 2) аргументативные техники и жанровые формулы судебной и деловой речи;
- 3) межкультурная и иноязычная готовность к профессиональному взаимодействию;
- 4) медиативные и клинические практики как среда переноса навыков.

Исследования по когерентности правовых текстов задают требования к соотносённости фактов и правовой квалификации на всех этапах коммуникации [3]; работы по правовому дискурсу в социальных коммуникациях описывают риски аксиологического смещения и пути их контроля через прозрачные стратегии оценивания [7]; эмпирика по публичной речи студентов подтверждает эффект последовательной тренировки жанровых умений [6]; медиативные исследования добавляют инструменты безопасного проживания конфликта в речевом взаимодействии [1; 2]; межкультурные модели обучения и ESP-подход восполняют пробелы в аутентичности задач и оценивании практических результатов [5; 8]. В совокупности формируется целостная рамка, применимая для образовательных программ и для стандартизации коммуникации в судах, на переговорах и в юридических консультациях [3–10].

Плавная интеграция положений из нескольких источников показала согласованную картину: структурная связность правового дискурса и требование нарративной репрезентации диспозиций влекут пересборку учебных моделей под жанровые задачи профессии [3]; юридическая риторика и тренировка публичного выступления дают устойчивый прирост качества аргументации у студентов-юристов [4; 6]; клинические и медиативные практики закрепляют уместные речевые стратегии в реальных кейсах и обучают бережной работе с оценочностью, снижая риски коммуникативных сбоев [1; 2; 9]; межкультурная и иноязычная компонента

придаёт международную транспарентность коммуникации, переводя навыки в режим переносимых сценариев взаимодействия.

Обсуждение

Полученные результаты подтверждают продуктивность интегративной модели, в которой юридическая риторика, дискурсивная лингвистика права, медиативные техники и клиническая подготовка работают как единая система формирования профессионально-ориентированной коммуникативной компетенции. Каркас такой системы опирается на управляемый правовой нарратив: позиция соотносится с нормой и прецедентом, а цепочка «факт – квалификация – аргумент – ссылка – вывод» служит опорой для любой жанровой формы – от судебной речи до правового заключения. При переносе модели в образовательную среду решающим фактором выступают рутинные тренировки микро-навыков (правовая дефиниция, структурирование тезиса, редукция фактов) с последующим выходом к макроконфигурациям доказательства. Подобная лестница умений устраняет разрыв между теорией аргументации и реальными задачами правоприменения.

Дискурсивная связность рассматривается как требование не только к текстам нормы и мотивировочным частям, но и к устному взаимодействию в суде, переговорах, консультации. Провалы связности чаще всего возникают из-за смешения оценочных и референтных ходов, когда оценка подменяет проверяемое утверждение. Практическая профилактика таких сбоев достигается через два механизма. Первый – явная разметка функций фрагментов в устной и письменной речи (тезис, доказательство, пояснение, ограничитель применимости). Второй – отладка «переходов» между речевыми актами: запрос уточнения, переформулирование позиции оппонента без искажения, фиксация условий согласия и несогласия. При соблюдении этих процедур адресная аудитория – суд или контрагент – получает предсказуемую структуру аргументации, что снижает вероятность коммуникативных конфликтов и повышает прозрачность решения.

Медиативная линия добавляет к риторической подготовке инструменты безопасной работы с интересами сторон. Активное слушание, уточняющие вопросы, нейтральная рекапитуляция и фреймирование интересов формируют «сервисную оболочку» юридической коммуникации: даже при жёстком расхождении позиций сохраняется рабочий канал обмена информацией. Перенос этих техник в базовые курсы выигрывает за счёт сценарного обучения: сначала простые конфликты с симметрией информации, затем кейсы с информационными асимметриями, эмоциональными триггерами и процессуальными ограничителями. На каждом уровне уместна шкала оценивания, где фиксируются речевые маркеры прогресса: точность перефразирования, чистота терминологии, корректность ссылок на норму, отсутствие подмены тезисов.

Клинические практики закрывают разрыв между лабораторным тренингом и полевыми задачами. Интервьюирование уязвимых групп, консультирование, составление процессуальных документов дают опыт распределения когнитивной нагрузки: где требуется разворачивать аргумент полностью, а где достаточно минимального правового обоснования с корректной ссылкой. Важное следствие – появление у обучающихся «чувства регистров»: одни и те же факты подаются по-разному для судьи, клиента, оппонента и медиатора. Такой регистровый слух снижает риск конфликтов тональности (например, когда экспертная лексика неуместно проникнет в клиентскую консультацию) и повышает воспринимаемость речи адресатом.

Иноязычная и межкультурная составляющие, встроенные в траекторию подготовки, решают задачу переносимости умений в международную и корпоративную практику. Смена языка не сводится к лексическому эквиваленту; меняются жанровые формулы, приёмы адресации, допустимые риторические ходы. Обучение языку для специальных целей эффективнее строить на аутентичных правовых жанрах: меморандум, позиция стороны, оппозиция доводам, письмо-уведомление, переговорная записка. Для каждого жанра задаются инварианты композиции и проверочные чек-листы, отражающие требования к фактуализации, модальности, корректности ссылок. В результате снижается частота типичных иноязычных ошибок – чрезмерная обобщённость, «резиновая» модальность, смешение фактов и оценок.

Цифровые инструменты усиливают каждую из линий. Корпусно-ориентированные тренажёры позволяют накапливать коллекции прецедентных формулировок и быстро сопоставлять композиционные схемы разных жанров. Симуляции заседаний и дистанционные клиники расширяют охват сценариев, недостижимых в аудитории, при этом аналитические панели фиксируют микропоказатели: долю точных перефразов, частоту корректных ссылок, скорость переходов между ходами. Такой аналитический слой переводит обсуждение качества речи из оценок общего впечатления в измеримые параметры.

При проектировании учебных планов полезно развести три траектории, которые сходятся к выпускным оценочным событиям. Первая – «риторическая»: композиция, аргументация, жанры, невербальные средства, работа с темпом, пауза, интонация. Вторая – «медиативная»: диагностика интересов, речевые техники нейтрализации напряжения, процедуры фиксации договорённостей. Третья – «клиническая»: интервьюирование, документирование, консультирование, этика. На выходе каждая траектория поставляет проверяемые результаты в общую рубрику оценки компетенции. Сама рубрика задаётся в шкалах с уровнями: от базового понимания структуры жанра – к устойчивому управлению нарративом и гибкому переключению регистров. Такая конструкция делает процедуру

контроля прозрачной и сопоставимой между курсами.

Отдельного внимания требуют риски, которые возникают при переносе модели в массовое обучение. Во-первых, дефицит преподавателей, способных вести сложные симуляции и давать предметную обратную связь по речи. Частично проблему снимает модуль наставничества: сильные клиницисты ведут мастер-классы и супервизии, а штатные преподаватели закрывают регулярные тренировки микро-навыков. Во-вторых, слабая стыковка дисциплин. Здесь работает единая матрица жанров с распределением ответственности по курсам: где запускается жанр, где углубляется, где проходит итоговая верификация. В-третьих, перегрев оценивания. Если шкалы избыточно сложны, студенты переключаются на «игру в метрики». Баланс достигается через минимально достаточные показатели и регулярные калибровки экспертами.

Предложенная рамка не сводится к добавлению одного курса в учебный план. Речь идёт о системной перестройке практик: от дизайн-миссии программ («профессиональная речь как ядро подготовки») до конкретных расписаний аудиторных форм и клинических смен. Устойчивый эффект даёт только связка из трёх условий: постоянство тренировок, аутентичность заданий, прозрачная оценка. При отсутствии любого из них компетенция распадается: либо исчезает управляемость нарратива, либо теряется жанровая точность, либо падает переносимость умений в реальные кейсы.

Ограничения исследования задают направления дальнейшей работы. Аналитическая конструкция проверена на материале русскоязычных публикаций последних лет и практик отечественных вузов; межправовая сопоставимость пока остаётся открытым пунктом. Нужны продольные замеры в нескольких юрисдикциях, где одинаковые учебные модули отслеживаются по единой метрике в течение двух-трёх лет. Ценен формат «естественных экспериментов» при внедрении клиник и симуляций: параллельные группы, общие входные тесты, единая рубрика выхода, независимая экспертиза письменных работ и речевых выступлений. Для иноязычного компонента полезна дополнительная валидация жанровых инвариантов на корпусах англо-, франко- и немецкоязычных правовых текстов с последующим перенастройкой учебных шаблонов.

Практическая значимость выводов просматривается в двух плоскостях. Для образовательной политики – возможность задать единые требования к результатам в части профессиональной речи, не ограничиваясь знанием дисциплинарного содержания. Для работодателей – инструмент отбора и развития молодых специалистов через проверку управления правовым нарративом, жанровой точности и регистровой гибкости. При наличии единых рубрик юридические фирмы, госорганы и НКО получают сопоставимые сигналы о готовности выпускников к переговорам, судебной работе и консультированию, что сокращает период адаптации

и снижает риск коммуникационных сбоев в ранней практике.

Заключение

Поставленные задачи решены через выведение целостной модели, связывающей риторическую, медиативную, клиническую и ESP-траектории.

1. Описан набор жанровых инвариантов и микротехник, которые поддерживают связность правового нарратива и повышают предсказуемость аргументации.

2. Интегрированы медиативные процедуры (активное слушание, перефразирование, фреймирование интересов) и клинические сценарии интервьюирования, консультирования и документирования, что обеспечивает перенос навыков из тренажёров в реальные кейсы.

3. Предложена рубрика оценивания с метриками микропереходов между речевыми актами, точности ссылок и регистровой гибкости; намечены учебные сценарии для судов, переговоров и консультаций с прозрачными критериям выхода.

Верификация достигается сочетанием корпусных тренажёров, симуляций, портфолио и независимой экспертизы письменных работ и устных выступлений. Итоговые положения задают воспроизводимую архитектуру подготовки и открывают поле для продольных замеров в разных юрисдикциях, где сопоставимость программ обеспечивается едиными жанровыми инвариантами и шкалами оценивания.

Литература

1. Адаева О.В. Юрико-коммуникативные навыки медиатора при разрешении правовых споров // Скиф. 2023. № 11 (87).
2. Баишева З. В., Безземельная О.А. Медиация как форма юридической коммуникации // Вестник УЮИ. 2023. № 2 (100).
3. Глазков А. В. О когерентности текстов правового дискурса // Вестник Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина. 2024. № 3 (84). С. 74–84. DOI: 10.37724/RSU.2024.84.3.009.
4. Голованова В.Ф. Особенности риторики для юристов // Вестник ННГУ. 2022. № 1.
5. Колесник О.Г. Формирование межкультурной компетенции у студентов-юристов в процессе обучения иностранному языку // Либерально-демократические ценности. 2024. Т. 8, № 2. URL: <https://liberal-journal.ru/PDF/04KLLD224.pdf> (дата обращения: 26.09.2025).
6. Роль юридической клиники в системе оказания бесплатной юридической помощи: сборник статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции, 22 ноября 2024 г., Санкт-Петербург, Северо-Западный филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия» / под общ. ред. Е.А. Нищамовой, Ю.О. Хоршевой, Л.А. Гавриловой-

Петровой. – СПб.: Астерион, 2025. – 176 с. URL: <https://asterion.ru/db/temp/LegalClinicFreeAssistance-2024.pdf> (дата обращения: 23.09.2025).

7. Макович Г. Правовой дискурс в современных социальных коммуникациях // Thesaurus: зб. навук. пр. / Магілєўскі інстытут МУС. – Магілєў, 2023. – Вып. 12: Выклікі XXI стагоддзя. – С. 194–199.
8. Сайфулина В.А. Реализация компетентностно-ориентированного подхода в обучении английскому языку будущих юристов // Наука в мегаполисе (Science in the Megapolis). 2025. № 1 (69).
9. Тисленкова И.А. Коммуникативная демонстративность в юридическом дискурсе // Филология и человек. 2024. № 3.
10. Худойкина Т. В., Долгова Е.А. Юрико-коммуникативная компетентность при разрешении правовых споров и конфликтов в суде // Российский научный вестник. 2025. № 1.

PROFESSIONALLY ORIENTED COMMUNICATIVE COMPETENCE OF LAWYERS: THEORY AND PRACTICE OF DEVELOPMENT

Shumakhova Z.N. Toktanyazova A.E., Shcherbinina N.S., Chebotareva I.Yu.
Moscow State Technical University, Maykop State Technological University,
Belorechensk Branch of Adyghe State University, Adyghe State University

This article is devoted to the systematic reconstruction of professionally oriented communicative competence of lawyers at the intersection of legal rhetoric, discursive linguistics of law, mediation, clinical training, and foreign language training. Its relevance stems from the growing demands on evidentiary oral and written communication in court, negotiations, and consultations, while its novelty lies in the holistic model for developing this competence through the link "rhetorical trajectory–mediation techniques–clinical practices–ESP." The article describes the genre formulas of legal speech, examines the mechanisms for maintaining coherence in argumentation, the principles of register flexibility, and the transferability of skills to real-world practice. Particular attention is paid to assessment tools: rubrics, checklists, and metrics for microtransitions between speech acts. The goal is to establish a reproducible architecture for training and results monitoring. To address this, comparative analysis, content analysis of publications, problem-thematic mapping, and genre typology were used. Recent Russian-language sources on legal rhetoric, legal discourse, mediation, clinical training, and ESP were examined. The conclusion describes educational implementation scenarios, scaling risks, and verification criteria. This article will be useful for law school methodologists, clinical instructors, mediators, and directors of continuing education programs.

Keywords: legal rhetoric, legal discourse, mediation techniques, legal clinic, foreign-language ESP training, register flexibility, genre formulas, evidentiary speech, assessment rubric, skill transferability.

References

1. Anisimova T.V. Features of Teaching Law Students the Fundamentals of Professionally Oriented Argumentation in the Framework of the Discipline "Rhetoric" // Pedagogy. Theoretical and Practical Issues. 2023. No. 3.
2. Digtyar O. Yu. Developing Law Students' Communicative Competence (Language of the Specialty): Materials and Techniques // Bulletin of the Orenburg State University. 2025. No. 1 (245). pp. 50–55.
3. Kolenkova E.G. Features of the Ethics of Verbal Communication in the Activities of a Lawyer // Young Scientist. 2022. No. 45 (440). pp. 136–138.
4. Kuznetsova I.S. Formation of Discursive Competence in Law Students // Bulletin of SIBIT. 2023. No. 4.

5. Niyazova N., Ardatova E., Soyipov Kh. Language Teaching as a Basis for the Development of Legal Science and Education // Society and Innovation. 2021. Vol. 2, No. 2. pp. 137–143. DOI: 10.47689/2181-1415-vol2-iss2-pp137-143.
6. Prikhodko O.V. Self-Presentation Training for Future Lawyers as a Significant Component of Communicative Competence // Modern Pedagogical Education. 2025. No. 4.
7. Savankova E. V., Saklakova N.N. Development of Professionally Oriented Foreign Language Communicative Competence in International Lawyers // International Non-Profit Organizations. 2025. No. 2 (111).
8. Usmanova E. F., Khudoykina T.V., Adaeva O.V. Legal and Communicative Competence in Modern Domestic and Foreign Scientific Research // Social and Political Sciences. 2024. No. 3.
9. Usmanova E. F., Khokhlova E.M. Specifics of the Professional Communicative Approach in Training Future Lawyers // MNKO. 2025. No. 1 (110).
10. Khudoykina T. V., Dolgova E.A. Legal and Communicative Competence in Resolving Legal Disputes and Conflicts in Court // Russian Scientific Bulletin. 2025. No. 1.

Вопросы правового обеспечения государственного управления в области охраны окружающей среды

Балашов Евгений Владимирович,

к.ю.н., доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Российский университет транспорта
E-mail: balashov18@mail.ru

Шорохова Александра Андреевна,

к.ю.н., Российский государственный гуманитарный университет
E-mail: shorohova08@yandex.ru

Статья посвящена комплексному анализу правового обеспечения государственного управления в сфере охраны окружающей среды. Авторы исследуют действующую систему экологического законодательства, выделяя ее ключевые элементы: конституционные основы, базовый Федеральный закон «Об охране окружающей среды» и отраслевые нормативные акты. В работе детально рассматриваются четыре основные функции государственного управления – экологическое нормирование, оценка воздействия на окружающую среду и экологическая экспертиза, лицензирование и разрешительная деятельность, государственный экологический надзор. Особое внимание уделяется выявлению системных проблем в каждой из этих сфер, включая устаревшие нормативы, формализм в области охраны окружающей среды, фрагментарность разрешительной системы и недостаточную ресурсную обеспеченность надзорных органов. В заключении статьи обосновывается необходимость комплексного совершенствования правовых механизмов через усиление правоприменительной практики, повышение прозрачности процедур и развитие экономических стимулов для достижения конституционных экологических прав граждан. Особое значение в контексте преодоления выявленных проблем имеет развитие института юридической ответственности за экологические правонарушения и усиление судебной защиты прав граждан на благоприятную окружающую среду.

Ключевые слова: окружающая среда, правовое обеспечение, государственное управление, экологическое законодательство

На сегодняшний день климатические изменения, загрязнение атмосферного воздуха, деградация почв и водных ресурсов создают прямую угрозу национальной безопасности. Более 74% населения страны подвергаются сильному негативному воздействию от стационарных и передвижных источников выбросов и сбросов хозяйствующих субъектов, несанкционированных площадок размещения отходов производства и потребления [1, с. 48]. Особую значимость эти вызовы приобретают в контексте устойчивого развития государств. Роль государственного управления в экологической сфере проявляется через создание эффективных регуляторных механизмов. Для достижения поставленных целей государство формирует правовые основы природопользования, устанавливает экологические стандарты и обеспечивает их соблюдение. Ключевыми задачами выступают балансирование экономических интересов и экологических требований, внедрение наилучших доступных технологий, создание стимулов для «зеленой» трансформации промышленности.

Правовое обеспечение государственного управления в области охраны окружающей среды в России представляет собой сложную и динамичную систему, находящуюся на стыке экологического, административного и конституционного права [2, с. 11]. Его фундаментальной целью является создание эффективного правового механизма, посредством которого государство реализует свою экологическую функцию, обеспечивая баланс между экономическим развитием и сохранением благоприятной окружающей среды для настоящих и будущих поколений. Основу этого обеспечения составляет Конституция Российской Федерации, которая закрепляет право каждого на благоприятную окружающую среду и одновременно обязанность каждого сохранять природу и бережно относиться к природным богатствам. Именно это конституционное положение служит краеугольным камнем для всего экологического законодательства.

Центральным системообразующим актом в этой сфере выступает Федеральный закон «Об охране окружающей среды». Данный закон выполняет роль базового нормативного правового акта, устанавливающего основные понятия, принципы и приоритеты государственной экологической политики. Он определяет компетенцию органов государственной власти различных уровней, формы и методы управления, а также основы экономического регулирования и нормирования. Вокруг этого ядра формируется обширный массив специального законодательства, регламентирующего охрану

отдельных компонентов природной среды. К нему относятся Водный кодекс, Лесной кодекс, Земельный кодекс, Федеральные законы «Об отходах производства и потребления», «Об охране атмосферного воздуха» и многие другие. Совокупность этих актов создает детализированную правовую модель для регулирования антропогенного воздействия на природу.

Ключевым элементом правового обеспечения государственного управления в области охраны окружающей среды является механизм государственного экологического управления, который включает в себя несколько взаимосвязанных функций (табл. 1).

Таблица 1. Ключевые функции государственного управления в области охраны окружающей среды

Функция	Содержание и назначение
1. Экологическое нормирование	Установление системы нормативов качества окружающей среды (предельно допустимых концентраций) и нормативов допустимого воздействия на нее (выбросов, сбросов). Создает единые юридические критерии для оценки состояния природы и деятельности предприятий.
2. Оценка воздействия на окружающую среду (ОВОС) и экологическая экспертиза	Превентивные инструменты, действующие на стадии планирования. ОВОС проводится заказником для выявления рисков, а государственная экспертиза является независимой проверкой проекта на соответствие законодательству. Положительное заключение экспертизы обязательно для реализации проекта.
3. Лицензирование и разрешительная деятельность	Обеспечение предварительного контроля за деятельностью, связанной с использованием природных ресурсов и негативным воздействием. Включает лицензии (например, на недропользование) и разрешения на выбросы/сбросы, которые устанавливают индивидуальные пределы для каждого предприятия.
4. Государственный экологический надзор	Деятельность по контролю за соблюдением экологических требований. Включает мониторинг состояния окружающей среды, плановые и внеплановые проверки юридических лиц, привлечение нарушителей к ответственности и предписание об устранении выявленных нарушений.

Источник: составлено автором

Первая функция – это экологическое нормирование, заключающееся в установлении нормативов качества окружающей среды и нормативов допустимого воздействия на нее. Эти нормативы служат юридическим критерием для оценки состояния среды и деятельности хозяйствующих субъектов. Процесс установления этих нормативов тесно связан с получением комплексного экологического разрешения, которое объединяет все требования к предприятию в едином документе. При этом для объектов, оказывающих значительное негативное воздействие, применяется принцип наилучшей доступной технологии, который задает технологический ориентир для такого нормирования. Важно отметить, что нормативы не являются застывшей догмой они подлежат периодическому пересмотру с учетом развития науки и техники, а также изменения экологической обстановки. Установленные нормативы создают объективную, измеримую правовую базу для последующих управленческих действий, таких как надзор и контроль, поскольку любое превышение утвержденных нормативов признается правонарушением и влечет за собой применение мер юридической ответственности, а также взимание платы за сверхлимитное воздействие на окружающую среду [3, с. 207].

Вторая функция – это оценка воздействия на окружающую среду и экологическая экспертиза, которые представляют собой превентивные инструменты, призванные выявить и минимизировать экологические риски на стадии планирования хозяйственной деятельности. Государственная экологическая экспертиза обладает высокой юридической силой, и ее положительное заключение

является обязательным условием для реализации проекта.

Оценка воздействия на окружающую среду (ОВОС) проводится самим заказником на стадии подготовки проектной документации и представляет собой процесс анализа вероятных последствий планируемой деятельности [4, с. 102]. Этот процесс включает в себя несколько этапов: уведомление и информирование общественности, скрининг для определения глубины изучения проблемы, подготовку предварительного варианта материалов по оценке воздействия с последующим его обсуждением и окончательное оформление результатов в виде комплексного документа. Материалы ОВОС становятся основой для проведения государственной экологической экспертизы, которая выступает независимой проверкой полноты и достоверности представленных выводов, а также соответствия планируемой деятельности действующему природоохранному законодательству.

Государственная экологическая экспертиза проводится уполномоченным федеральным органом исполнительной власти в установленные строгие сроки с привлечением экспертной комиссии. Заключение экспертизы приобретает юридическую силу только после его утверждения этим органом. Положительное заключение является бессрочным и служит обязательным условием для финансирования и реализации проекта, в то время как отрицательное заключение полностью блокирует такую возможность, за исключением случаев его оспаривания в судебном порядке. Важно отметить, что даже при положительном заключении в нем могут содержаться замечания и рекомендации, которые становятся обязательными для исполнения заказником.

Таким образом, эти два института работают в тесной связке, формируя последовательный административный барьер на пути экологически опасных проектов, реализуя принцип предупреждения вреда. Их эффективность напрямую влияет на минимизацию конфликтов на последующих стадиях эксплуатации объекта, так как позволяет выявить и скорректировать потенциальные риски до начала существенных капиталовложений.

Третья функция – лицензирование отдельных видов деятельности, связанных с использованием природных ресурсов и оказанием негативного воздействия, а также выдача разрешений на выбросы и сбросы загрязняющих веществ. Данный институт представляет собой систему предварительного контроля, призванную обеспечить допуск к осуществлению только такой деятельности, которая соответствует установленным законодательством требованиям [5, с. 332].

Лицензирование в сфере природопользования охватывает виды деятельности, связанные с использованием недр, использованием объектов животного мира, водных биологических ресурсов, а также деятельность по сбору, транспортированию, обработке, утилизации, обезвреживанию, размещению отходов I–IV классов опасности. Получение лицензии означает, что хозяйствующий субъект доказал наличие у него необходимых технических, кадровых и финансовых возможностей для осуществления работы с соблюдением экологических и санитарных норм. Что касается разрешительной системы в области охраны окружающей среды, то ее краеугольным камнем является выдача разрешений на выбросы и сбросы загрязняющих веществ. Эти документы устанавливают для конкретного стационарного источника или их совокупности индивидуальные предельно допустимые объемы поступления вредных веществ в атмосферный воздух и водные объекты.

Разрешение выдается на основании проекта нормативов, который разрабатывается предприятием и проходит процедуру утверждения уполномоченным государственным органом. В настоящее время эта система трансформируется в направлении интеграции в единое комплексное экологическое разрешение, которое консолидирует все установленные для объекта требования, включая нормативы образования отходов и лимиты на их размещение [6, с. 214].

Ключевым нововведением здесь стала привязка выдачи разрешений для объектов I категории, оказывающих значительное негативное воздействие, к применению наилучших доступных технологий. Это означает, что получение разрешения становится невозможным без внедрения технологических решений, соответствующих справочникам НДТ. Таким образом, лицензирование и разрешительная деятельность эволюционируют от простого учета и контроля к функции технологического регулирования, активно стимулируя модернизацию производств и снижение антропогенной нагрузки.

В-четвертых, осуществляется государственный экологический надзор, который включает в себя мониторинг, инспектирование и контроль за соблюдением экологического законодательства. Этот надзор подразделяется на федеральный и региональный, что закрепляет двухуровневую систему управления. При этом к нарушителям природоохранных требований применяются меры административной, уголовной и гражданско-правовой ответственности, что составляет принудительную сторону правового обеспечения. Помимо этого, действует экономический механизм, стимулирующий предприятия к снижению негативного воздействия, такой как плата за негативное воздействие на окружающую среду.

Особую роль играет судебная защита экологических прав. Суды общей юрисдикции и арбитражные суды рассматривают споры, связанные с возмещением вреда, причиненного окружающей среде, оспариванием действий органов государственной власти и разрешением конфликтов в области природопользования [7, с. 238].

Таким образом, правовое обеспечение государственного управления в области охраны окружающей среды представляет собой целостную, хотя и не лишенную противоречий, систему, сочетающую императивные методы прямого государственного регулирования с экономическими стимулами и возможностями судебной защиты. Эффективность этой системы напрямую определяет достижение стратегической цели перехода к модели устойчивого развития, обеспечивающей экологическую безопасность страны.

Правовое обеспечение государственного управления в области охраны окружающей среды сталкивается с рядом системных проблем, которые проявляются в рамках каждой из ключевых функций.

В сфере экологического нормирования сохраняется проблема устаревших нормативов, особенно предельно допустимых концентраций многих вредных веществ, которые не пересматривались десятилетиями и не отражают современные научные данные о совокупном и комбинированном воздействии загрязняющих веществ. Процедура установления нормативов допустимых выбросов и сбросов остается чрезмерно бюрократизированной и длительной, а для многочисленных малых и средних предприятий зачастую экономически невыгодной. Реализация принципа наилучших доступных технологий сталкивается с трудностями из-за высокой стоимости внедрения и недостаточности государственных стимулов для предприятий.

Что касается оценки воздействия на окружающую среду и экологической экспертизы, то здесь основной проблемой является формальный подход к проведению ОВОС со стороны многих заказчиков, когда документы готовятся исключительно для формального соблюдения требований закона без реального анализа альтернатив и поиска оптимальных решений. Общественные обсуждения зачастую носят фиктивный характер, а мнение граждан

дан и экспертного сообщества игнорируется. Процедура государственной экологической экспертизы страдает от недостатка квалифицированных кадров и высокой загрузки экспертов, что может приводить к поверхностному рассмотрению сложных проектов.

В области лицензирования и разрешительной деятельности наблюдается фрагментарность и несогласованность требований. Предприятию приходится получать множество документов в разных инстанциях, что создает почву для коррупционных рисков и избыточной административной нагрузки. Выдача комплексных экологических разрешений внедряется медленно и пока не охватывает все категории объектов, оказывающих негативное воздействие. Существует проблема эффективного контроля за соблюдением условий лицензий после их выдачи, особенно в отдаленных регионах.

Государственный экологический надзор сталкивается с проблемой недостаточности ресурсов, включая финансовые, технические и кадровые. У контролирующих органов зачастую нет современного оборудования для оперативного выявления нарушений, а штатная численность инспекторов не позволяет обеспечить полноценный охват всех подконтрольных объектов. Плановые проверки становятся все менее частыми из-за законодательных ограничений, а эффективность внеплановых проверок зачастую зависит от поступления жалоб от граждан. Низкие штрафы за экологические правонарушения не выполняют стимулирующую функцию, делая для многих предприятий выгоднее заплатить штраф, чем внедрять дорогостоящие природоохранные технологии.

Таким образом, правовое обеспечение государственного управления в области охраны окружающей среды в России представляет собой сложную, но нуждающуюся в постоянном совершенствовании систему. Сформированный законодательный каркас, включающий базовые и профильные нормативные акты, в целом закладывает необходимые основы для регулирования экологических отношений. Однако его практическая эффективность сталкивается с рядом вызовов.

Проблемы устаревшего нормирования, формального подхода при проведении оценки воздействия и экспертизы, фрагментарности разрешительной системы и недостаточной ресурсной обеспеченности надзорной деятельности свидетельствуют о необходимости качественной трансформации существующих механизмов. Успех дальнейшего развития напрямую зависит от перехода от декларативных установок к их последовательной реализации, что требует не только совершенствования законодательных норм, но и укрепления правоприменительной практики, повышения прозрачности процедур, внедрения реальных экономических стимулов для бизнеса и активного вовлечения гражданского общества.

Только комплексный подход, ориентированный на устранение системных противоречий между экономическими интересами и экологическими

требованиями, позволит обеспечить достижение конституционной цели права каждого на благоприятную окружающую среду.

Литература

1. Воронин Б.А., Воронина Я.В., Черданцев В.П., Устькачкинцев А.О. Вопросы правового обеспечения деятельности в области охраны окружающей среды. Электронное сетевое издание «Международный правовой курьер». 2025. № 4 (29). С. 48–50.
2. Разова Ю.А. Правовое регулирование стратегического государственного управления в области охраны окружающей среды (на примере субъектов Уральского федерального округа). *Вестник: Административное право и практика администрирования*. 2023. № 1. С. 11–29.
3. Лунев Д.А. Правовые основы государственного управления в области природопользования и охраны окружающей среды. *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. 2023. № 3–2 (78). С. 207–210.
4. Замотаева О.Н., Евсеева Е.В. К вопросу о повышении эффективности государственного управления в области охраны окружающей среды и природопользования. В сборнике: IX Юридические чтения. материалы Национальной научно-практической конференции. Саранск, 2023. С. 102–107.
5. Хотько О.А. Приоритетные направления государственной политики в области охраны окружающей среды: правовые аспекты реализации. В сборнике: Право – явление цивилизации и культуры. Материалы III Международной научной конференции. Москва, 2021. С. 332–338.
6. Головкина Ю.А. Правовые аспекты организации и проведения государственного надзора в области охраны окружающей среды. *Молодой ученый*. 2021. № 48 (390). С. 214–216.
7. Мартыненко Д.А. Правовые и организационные аспекты проведения государственного надзора в области охраны окружающей среды. *Моя профессиональная карьера*. 2022. Т. 2. № 42. С. 238–246.

ISSUES OF LEGAL SUPPORT FOR PUBLIC ADMINISTRATION IN THE FIELD OF ENVIRONMENTAL PROTECTION

Balashov E.V., Shorokhova A.A.

Russian State University for the Humanities, Russian University of Transport

This article provides a comprehensive analysis of the legal framework for public administration in the field of environmental protection. The authors examine the current system of environmental legislation, highlighting its key elements: constitutional foundations, the basic Federal Law "On Environmental Protection," and industry-specific regulations. The work examines in detail the four main functions of public administration: environmental regulation, environmental impact assessment and environmental review, licensing and permitting, and state environmental oversight. Particular attention is paid to identifying systemic problems in each of these areas, including outdated regulations, formalism in environmental protection, a fragmented permitting system, and insufficient resources for regulatory bodies. The article concludes by substantiating the need for a comprehensive improvement of legal mechanisms through

strengthened law enforcement, increased procedural transparency, and the development of economic incentives to achieve citizens' constitutional environmental rights. Of particular importance in addressing the identified challenges is the development of legal liability for environmental violations and the strengthening of judicial protection of citizens' rights to a favorable environment.

Keywords: environment, legal framework, public administration, environmental legislation.

References

1. Voronin B.A., Voronina Ya.V., Cherdantsev V.P., Ust'kachintsev A.O. Legal Framework for Environmental Protection Activities. *International Legal Courier*, 2025, no. 4 (29). pp. 48–50.
2. Razova Yu.A. Legal Regulation of Strategic Public Administration in Environmental Protection (based on the Ural Federal District constituent entities). *NB: Administrative Law and Administration Practice*. 2023, no. 1. pp. 11–29.
3. Lunev D.A. Legal Framework for Public Administration in Environmental Management and Environmental Protection. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2023, No. 3–2 (78). pp. 207–210.
4. Zamotaeva O.N., Evseeva E.V. On the Issue of Improving the Efficiency of Public Administration in the Field of Environmental Protection and Nature Management. In the collection: *IX Legal Readings. Proceedings of the National Scientific and Practical Conference*. Saransk, 2023. Pp. 102–107.
5. Khotko O.A. Priority Areas of State Policy in the Field of Environmental Protection: Legal Aspects of Implementation. In the collection: *Law – a Phenomenon of Civilization and Culture. Proceedings of the III International Scientific Conference*. Moscow, 2021. Pp. 332–338.
6. Golovkina Yu.A. Legal Aspects of Organizing and Conducting State Supervision in the Field of Environmental Protection. *Young Scientist*. 2021. No. 48 (390). Pp. 214–216.
7. Martynenko D.A. Legal and Organizational Aspects of Conducting State Supervision in the Field of Environmental Protection. *My Professional Career*. 2022. T. 2. No. 42. P. 238–246.

Традиционные российские духовно-нравственные ценности как объект правовой политики: междисциплинарный анализ

Бахчеве Иван Анатольевич,

аспирант кафедры конституционное, административное и уголовное право, Среднерусский институт управления-филиал РАНХиГС

E-mail: Bakhcheev@gmail.com

Статья посвящена комплексному теоретико-правовому анализу категории «традиционные российские духовно-нравственные ценности» для определения её содержания и обоснования её роли как объекта правовой политики.

Цель исследования заключается в установлении предметного содержания данной категории и обосновании правомерности и целесообразности её использования в качестве объекта государственно-правовой политики. Автор ставит задачу преодолеть междисциплинарный характер понятия и выработать подход, релевантный для юридической науки.

Методологическую основу исследования составили общенаучные методы анализа и синтеза, а также логический метод. Их применение позволило декомпозировать правовую систему на составляющие элементы с последующим их обобщением для формирования целостной картины, выявить системные связи и причинно-следственные зависимости, углубляющие понимание правовой природы исследуемого феномена.

Особое внимание уделяется критическому анализу и систематизации существующих в науке подходов к интерпретации традиционных ценностей. В работе рассматриваются взгляды, согласно которым они понимаются как: 1) селективно сохраненный и транслируемый социокультурный опыт (П.А. Якушев, Т.А. Рассадина); 2) фундамент социальной идентичности и стабильности (Н.А. Шаожева); 3) регулятор общественных отношений в рамках отдельных отраслей права. Прослеживается эволюция научной мысли от отождествления этих ценностей с общечеловеческими до их восприятия как уникального элемента правовой системы России, обеспечивающего её суверенитет и культурную идентичность.

Результатом исследования является научно обоснованный вывод о том, что в юридическом дискурсе и правотворчестве традиционные духовно-нравственные ценности выполняют роль специального неюридического термина. Они используются в качестве технико-юридического средства для конструирования охранительных норм, целью которых является защита основополагающих интересов российского общества и государства от деструктивных вызовов, обеспечивая тем самым социальную устойчивость и сохранение культурной идентичности.

Ключевые слова: ценности, традиционные ценности, духовные ценности, нравственные ценности, правовые ценности.

Введение

В современных условиях наблюдается повышенное внимание государства и общества к вопросам сохранения и защиты традиционных российских духовно-нравственных ценностей, что нашло отражение не только в государственной политике, но и нормах отечественного законодательства. Следует отметить, что определение «традиционных российских духовно-нравственных ценностей» требует применения междисциплинарного подхода, что позволит комплексно рассмотреть природу исследуемого явления и определить его содержание. Внимание представителей юридической науки к проблеме традиционных духовно-нравственных ценностей обусловлено актуальными тенденциями в области правового развития российского общества. Однако сами традиционные духовно-нравственные ценности не имеют сугубо правового характера, поскольку представляют собой феномен, теоретическое осмысление которого осуществляется на стыке нескольких социальных и гуманитарных дисциплин. Следовательно, для обоснования целесообразности употребления понятия «традиционные духовно-нравственные ценности» в качестве объекта правовой политики необходимо провести соответствующую аналитическую работу по установлению предметного содержания данной категории.

Литературный обзор

Значительный вклад в разработку теоретических основ понимания традиционных ценностей внесли представители философско-социологического направления. В работах Г.В. Мальцева, В.И. Лафитского, А.М. Рабеца, Т.А. Рассадина исследуется ценностная природа правовой реальности и механизмы трансляции социокультурного опыта.

В контексте социальной идентичности и стабильности представляет интерес подход Н.А. Шаожевой, которая рассматривает традиционные ценности как компонент мировоззрения и средство идеологического сплочения социальных групп. Автор обоснованно указывает на их роль в поддержании социальной устойчивости и стабильности.

В области юридических исследований проблемы традиционных духовно-нравственных ценностей разрабатываются в нескольких направлениях. П.А. Якушев, В.В. Кулыгин, Е.А. Агафонова исследуют вопросы правовой охраны традиционных ценностей, прежде всего в сфере семейного права. Ш.Р. Магадов, Г.Б. Ройзман, А.М. Хурматуллина анализируют конституционно-правовые аспек-

ты защиты ценностных оснований российского общества.

Специфический аспект исследования связан с осмыслением традиционных ценностей в контексте глобализации. Работы В.А. Карташкина отражают эволюцию от их отождествления с общечеловеческими ценностями к пониманию как уникального элемента правовой системы России. А.В. Фиошин акцентирует внимание на национально-культурном контексте традиционных ценностей как средства самосохранения российского общества.

Теоретико-правовой анализ ценностных категорий представлен в исследованиях Ю.Ю. Ветютнева, разрабатывающего концепцию правовых ценностей как социальных предпосылок, получающих официальное нормативное признание.

Проведенный анализ свидетельствует о междисциплинарном характере исследований традиционных духовно-нравственных ценностей и необходимости дальнейшей разработки их единого теоретико-правового понимания для целей правовой политики Российской Федерации.

Материалы и методы

При подготовке статьи автором использовались методы анализа и синтеза. Первый разбивает правовую систему, второй в свою очередь объединяет их для получения общей картины. Логический метод структурирует правовые идеи, направлен на установление причинно-следственных связей, что обеспечивает глубокое понимание правовой природы явлений и способствует решению правоприменительных задач.

Результаты

Подходы к пониманию традиционных духовно-нравственных ценностей сформированы в рамках различных научных дисциплин. Однако узкий подход не позволяет сформулировать универсальное определение традиционных духовно-нравственных ценностей, что требует обращение к более широким общетеоретическим рамкам исследования. В науке присутствует заметное разнообразие точек зрения относительно понимания термина «традиционные российские духовно-нравственные ценности», который часто заменяется более лаконичным понятием «традиционные духовно-нравственные ценности», хотя все без исключения авторы придают им и духовно-нравственное значение, глубоко имманентный российской культуре и идентичности характер.

Представляется научно обоснованным, что теоретический анализ категории «традиционные духовно-нравственные ценности» требует предварительного системного исследования базовой дефиниции «ценности». Логика научного познания детерминирует необходимость первичного исследования сущности понятия «ценность» как методологической основы для последующего анализа проблематики традиционных духовно-

нравственных ценностей. Проведенный анализ аксиологических исследований свидетельствует о существенной вариативности трактовки данного феномена в философско-социологической, психологической и педагогической научной литературе.

В философской традиции сложились следующие основные интерпретации категории «ценность»:

- характеристика желаемого состояния объектов или отношений;
- мера духовного бытия, обладающая онтологическим статусом независимо от материального мира [1];
- высший регулятивный принцип, выступающий нормативно-оценочным критерием для явлений социальной действительности [9];
- интернализованные личностью поведенческие ориентиры, актуализирующиеся в процессе социального взаимодействия [4].

В философско-социологическом дискурсе сформировались два основных подхода к пониманию природы ценностей – объективистский и субъективистский. В рамках первого ценности понимаются как абстрактные нормативно-регулятивные конструкции, детерминированные социокультурным контекстом. Сторонники второго подхода акцентируют личностное измерение ценностей, подчеркивая, что только интериоризированные смыслы приобретают характер действительных ценностных ориентиров для индивида.

В психологической науке наблюдается смещение исследовательского фокуса в сторону ценностно-смысловых ориентиров личности, где выделяются следующие аспекты:

- интернализованные социокультурные нормы и идеалы [6];
- экзистенциальная потребность в самоактуализации и развитии [7];
- смысловые образования, детерминирующие направленность деятельности [3].

Проведенный междисциплинарный анализ демонстрирует, что при значительной разработанности проблематики отсутствует консенсус относительно универсального определения ценностей. Диалектическое противоречие между социальной заданностью ценностей и их индивидуальным принятием разрешается через механизм формирования ценностных ориентаций личности, когда социальные нормы обретают личностный смысл и становятся реальными регуляторами поведения [12].

Наиболее значимые общественные ценности, апробированные в результате многопоколенческой передачи, образуют своеобразное ценностное ядро, вокруг которого формируются иные элементы традиции – обычаи, социальные нормы, мировоззренческие идеи и проч.

В контексте теоретико-философского подхода традиция интерпретируется как исторически сформированный и транслируемый в межпоколенческом измерении комплекс обычаев, обрядов, социальных институтов, идей, ценностей и поведенческих паттернов [10]. Таким образом, ценности

составляют имманентный элемент традиции, образуя её аксиологическое ядро – традиция не может существовать в отрыве от ценностных оснований.

Традиция выполняет функцию специфического культурного механизма передачи апробированных историческим опытом социальных практик, обеспечивая преемственность между различными историческими генерациями. Конституирующая роль традиции для развития человеческой культуры не вызывает сомнений, поскольку именно через призму принадлежности к определенной традиционной парадигме осуществляется культурная самоидентификация социума.

С юридино-философской точки зрения, традиция представляет собой инвариантное ядро культуры, сохраняющее относительную стабильность в процессе исторического развития общества. Необходимость правовой охраны традиции и её трансформации в лингво-юридическую категорию возникает в ситуации, когда базовые ценности, составляющие фундамент данной традиции, подвергаются деструктивному воздействию со стороны культурных инноваций. Это обуславливает потребность в разработке специальных юридических механизмов защиты традиционных ценностных ориентиров [11].

Так же необходимо исследовать понятие «нравственные ценности», которые выступают мировоззренческим ориентиром, благодаря которому человек или общество определяет свою повседневность, свое социальное бытие. Не всякая ценность обязательно носит нравственный характер, ведь возможны эстетические или экономические ценности. Также следует отметить, что нравственные ценности не исчерпывают собой полностью содержание традиционных духовно-нравственных ценностей, именно поэтому в изначально принятой формуле употребляется понятие «духовно-нравственные ценности».

В научной дискуссии о понятии и сущности традиционных духовно-нравственных ценностей интерес представляет точка зрения В.П. Якушева. Исследователь предлагает рассматривать традиционные духовно-нравственные ценности как явления, формы закрепления и избирательного сохранения определенных элементов социокультурного опыта, а также способы его передачи, обладающие признаками, выделяющими их из всех традиций [14]. Такой подход позволяет выделить селективный характер традиционных духовно-нравственных ценностей, а также включить в объем их понятия средства трансляции ценностей от поколения к поколению. Для подхода, предложенного В.П. Якушевым, традиционные духовно-нравственные ценности являются концентратом того опыта, который накапливался в течение многих столетий в российском обществе.

Аналогичной точки зрения Т.А. Рассадина. По мнению автора в качестве традиционных духовно-нравственных ценностей следует рассматривать «разновидность ценностей, в которых отселектирован, передан и воспринят от человека

к человеку, от поколения к поколению исторический социальный опыт, аккумулирующий в виде образцов, норм, принципов представления о лучшем, авторитетном в культуре» [8].

Н.А. Шаожеева предлагает рассматривать традиционные духовно-нравственные ценности как компонент мировоззрения человека и общества, средство идеологического сплочения социальных групп, благодаря которому обеспечивается стабильность развития общества и государства. Автор видит в них устойчивое основание социальной идентичности в целом, и культурной в частности, а также «определенные модели мировосприятия, выявляющиеся в традиционных духовно-нравственных ценностях в своем идеологическом проявлении, направлены на установление и поддержание социальной устойчивости и стабильности» [15]. Названный подход рассматривает традиционные духовно-нравственные ценности как средство для самоидентификации личности и общества.

В рамках теории юриспруденции традиционные духовно-нравственные ценности рассматриваются в достаточно специфическом контексте. Правоведы видят в традиционных духовно-нравственных ценностях регулирующее средство, которое входит в механизм правового регулирования отдельных отраслей права и законодательства. Именно по этой причине осмысление традиционных духовно-нравственных ценностей в юриспруденции, например, в течение длительного периода времени осуществлялось в рамках науки семейного права. П.А. Якушев рассмотрел вопросы правовой охраны традиционных духовно-нравственных ценностей как способ защиты прав детей в семейно-правовых отношениях, сводя их преимущественно к традиционным семейным ценностям. К ним автор относит «приоритет воспитания ребенка в семье, уважение к старшим, забота о детях, взаимная любовь и поддержка супругов и другие» [16]. Стоит отметить, что традиционные семейные ценности подчас оказываются более действенным инструментом регулирующего воздействия, чем даже нормы права. Если знание семейного законодательства прямо связывается с уровнем правовой культуры личности, то приобщение к традиционным семейным ценностям выступает универсальным элементом процесса социализации личности. В этом смысле далеко не все родители юридически «подкованы», но почти все они являются носителями традиционных духовно-нравственных ценностей.

Второй специфической особенностью осмысления традиционных духовно-нравственных ценностей в юридической науке является специфический контекст глобализации, которая выступает в качестве главной угрозы для уникального облика правовой системы Российской Федерации. До определенного момента времени в юридической науке традиционные духовно-нравственные ценности было принято отождествлять с общечеловеческими ценностями, то есть тем общекультурным фундаментом, благодаря которому обеспе-

чивается правовая коммуникация между разными государствами и обществами. В этом смысле традиционные духовно нравственные ценности были средством обоснования и универсализации прав человека как предмета международно-правового и национального регулирования. В.А. Карташкин относит к традиционным духовно нравственным ценностям «общепризнанные и общепринятые всеми цивилизациями исторически устойчивые позитивные нематериальные категории, характеризующие общественные отношения на определенных этапах развития общества» [5].

Однако по мере возрастания геополитической напряженности, увеличении культурного разрыва между Россией и странами Запада, такой общекультурный подход стал терять популярность в юридической науке. Традиционные духовно-нравственные ценности стали рассматриваться в специфически национально-культурном контексте, как элемент уникального облика правовой системы Российской Федерации, выступающим средством самосохранения и выживания российского общества и государства. В отмеченной связи А.В. Фиошин определяет традиционные духовно нравственные ценности как «унаследованные от предшествующих поколений представления о должном, которые определяют поведение человека» [12].

Заключение

Понимание традиционных духовно-нравственных ценностей характеризуется разнообразием точек зрения, которые могут быть сведены к нескольким консенсусным положениям. Во-первых, традиционные духовно-нравственные ценности олицетворяют накопленный опыт российского общества, а также являются средством передачи ценностей от поколения к поколению. Во-вторых, они отражают лучшее в культуре, выступают основой для социальной идентичности и средством поддержания устойчивости государства и общества.

В рамках юридической науки традиционные духовно-нравственные ценности рассматриваются как инструмент регулирования определенных сфер общественных отношений. Это универсальный элемент общей и правовой социализации личности. В качестве семантической единицы языка «традиционные духовно нравственные ценности» стали выступать привычным элементом текстов нормативно-правовых актов Российской Федерации в результате последовательной юридизации отношений по их охране. В силу данного обстоятельства «традиционные духовно-нравственные ценности» следует рассматривать в качестве специального неюридического термина, который служит в качестве технико-юридического средства конструирования норм российского законодательства при разработке инструментов правовой охраны наиболее значимых общественных интересов.

Литература

1. Munsterberg, H. Philosophie der Werte. Grundzuge einer Weltanschauung. Leipzig: Zweite Auflage, 1921. 370 p.
2. Rokeach, M. The nature of human values. N.Y.: Free Press, 1973. 438 p.
3. Wilson, K. G., Sandoz E.K., Kitchens J., & Roberts M. The Valued Living Questionnaire: Defining and measuring valued action within a behavioral framework // The Psychological Record. 2010. № 60 (2). P. 249–272.
4. Каган, М.С. Философская теория ценностей. Лекции / М.С. Каган. СПб.: Петрополис, 1997. 205 с.
5. Карташкин В.А. Универсализация прав человека и традиционные ценности человечества // Современное право. 2012. № 8. С. 3–9.
6. Леонтьев, Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М.: Смысл, 2003. 488 с.
7. Маслоу А. По направлению к психологии бытия: религии, ценности и пик-переживания / пер. с англ. Е. Рачковой. М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. 158 с.
8. Рассадина Т.А. Трансформация традиционных духовно-нравственных ценностей россиян в постперестроечный период // Социология культуры: ценности и идентичность. 2017. С. 95.
9. Риккерт, Г. Философия истории. СПб.: Жуковский, 1908. 155 с.
10. Субочев В.В. Диалектика интересов личности, общества и государства как общеправовая проблема // Право и государство: теория и практика. 2006. № 5. С. 125–135.
11. Устиленцев К.А. Традиционные российские духовно-нравственные ценности как объект правового исследования // Право и управление. XXI век. 2024. Т. 20. № 1 (70). С. 44–51.
12. Цемкало С.А. К проблеме соотношения понятий «ценности» и «культурные ценности» в научной литературе // Вестник Луганского государственного педагогического университета. Серия Педагогические науки. Образование. 2022. Т. 84. № 2. С. 22–27.
13. Шаожеева Н.А. Традиционные ценности: к проблеме определения понятия с точки зрения синергетического подхода // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2017. № 3 (77). С. 101–106.
14. Якушев П.А. Понятие, сущность, признаки и регулирующие свойства традиционных духовно-нравственных ценностей // Вестник Владимирского юридического института. 2017. № 2 (43). С. 205–209.
15. Якушев П.А. Споры о детях: традиционные ценности и судебная практика. Москва: Издательство Проспект, 2018. 271 с.

TRADITIONAL RUSSIAN SPIRITUAL AND MORAL VALUES AS AN OBJECT OF LEGAL POLICY: AN INTERDISCIPLINARY ANALYSIS

Bakhcheev I.A.

Central Russian Institute of Management, a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

This article provides a comprehensive theoretical and legal analysis of the category “traditional Russian spiritual and moral values” to determine its content and substantiate its role as an object of legal policy.

The purpose of the study is to establish the substantive content of this category and substantiate the legitimacy and appropriateness of its use as an object of state and legal policy. The author aims to overcome the interdisciplinary nature of the concept and develop an approach relevant to legal science.

The methodological basis of the study consists of general scientific methods of analysis and synthesis, as well as a logical method. Their application allowed for the decomposition of the legal system into its constituent elements, followed by their generalization to form a holistic picture, identifying systemic connections and cause-and-effect relationships that deepen understanding of the legal nature of the phenomenon under study.

Particular attention is given to the critical analysis and systematization of existing scholarly approaches to the interpretation of traditional values. This paper examines views that understand them as: 1) selectively preserved and transmitted sociocultural experience (P.A. Yakushev, T.A. Rassadina); 2) the foundation of social identity and stability (N.A. Shaozheva); 3) a regulator of social relations within individual branches of law. It traces the evolution of scholarly thought from identifying these values with universal human values to their perception as a unique element of Russia's legal system, ensuring its sovereignty and cultural identity.

The study results in a scientifically substantiated conclusion that, in legal discourse and lawmaking, traditional spiritual and moral values serve as a specialized non-legal term. They are used as a technical and legal tool for constructing protective norms aimed at protecting the fundamental interests of Russian society and the state from destructive challenges, thereby ensuring social stability and the preservation of cultural identity.

Keywords: values, traditional values, spiritual values, moral values, legal values.

References

1. Munsterberg, H. *Philosophy of the World. A Primer on Human Values*. Leipzig: Zweite Auflage, 1921. 370 p.
2. Rokeach, M. *The Nature of Human Values*. New York: Free Press, 1973. 438 p.
3. Wilson, K. G., Sandoz, E. K., Kitchens, J., & Roberts, M. *The Valued Living Questionnaire: Defining and Measuring Valued Action within a Behavioral Framework*. *The Psychological Record*. 2010. No. 60 (2). pp. 249–272.
4. Kagan, M.S. *Philosophical Theory of Values. Lectures*. St. Petersburg: Petropolis, 1997. 205 p.
5. Kartashkin V.A. Universalization of Human Rights and Traditional Values of Humanity // *Modern Law*. 2012. No. 8. pp. 3–9.
6. Leontiev, D.A. *Psychology of Meaning: Nature, Structure, and Dynamics of Meaningful Reality*. Moscow: Smysl, 2003. 488 p.
7. Maslow, A. *Toward a Psychology of Being: Religions, Values, and Peak Experiences* / translated from English by E. Rachkova. Moscow: EKSMO-Press, 2002. 158 p.
8. Rassadina T.A. Transformation of Traditional Spiritual and Moral Values of Russians in the Post-Perestroika Period // *Sociology of Culture: Values and Identity*. 2017. p. 95.
9. Rickert, G. *Philosophy of History*. St. Petersburg: Zhukovsky, 1908. 155 p.
10. Subochev V.V. Dialectics of the Interests of the Individual, Society, and the State as a General Legal Problem // *Law and the State: Theory and Practice*. 2006. No. 5. pp. 125–135.
11. Ustilincev K.A. Traditional Russian Spiritual and Moral Values as an Object of Legal Research // *Law and Management*. 21st Century. 2024. Vol. 20. No. 1 (70). pp. 44–51.
12. Tsemkalo S.A. On the Problem of the Relationship between the Concepts of “Values” and “Cultural Values” in Scientific Literature // *Bulletin of Lugansk State Pedagogical University. Series: Pedagogical Sciences. Education*. 2022. Vol. 84. No. 2. pp. 22–27.
13. Shaozheva N.A. Traditional Values: On the Problem of Defining the Concept from the Point of View of the Synergetic Approach // *Bulletin of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. 2017. No. 3 (77). P. 101–106.
14. Yakushev P.A. Concept, Essence, Features, and Regulatory Properties of Traditional Spiritual and Moral Values // *Bulletin of the Vladimir Law Institute*. 2017. No. 2 (43). P. 205–209.
15. Yakushev P.A. *Disputes over Children: Traditional Values and Judicial Practice*. Moscow: Prospect Publishing House, 2018. 271 p.

Сравнительный анализ правового регулирования налоговых ИТ-льгот в России и США

Бережной Никита Сергеевич,

аспирант, кафедра финансового права, МГЮА
им. О.Е. Кутафина
E-mail: n.s.berezhnoi@gmail.com

Научная статья посвящена сравнительному анализу налоговых льгот, предоставляемых ИТ-компаниям в Соединенных Штатах Америки и Российской Федерации. Целью исследования является выявление ключевых особенностей и различий в подходах к налоговому стимулированию инновационной деятельности и развития информационных технологий в обеих странах. В статье подробно рассматриваются основные налоговые инструменты, используемые в США и России для поддержки ИТ-сектора, включая федеральные и штатные льготы в США, такие как Исследовательский налоговый кредит (Research and Development Tax Credit) и ускоренная амортизация, а также пониженная ставка налога на прибыль и пониженные тарифы страховых взносов для аккредитованных ИТ-компаний в России. Проводится сопоставление условий применения льгот, критериев доступа к ним и влияния на налоговую нагрузку ИТ-компаний. Особое внимание уделяется анализу нормативно-правовой базы, регулирующей налогообложение ИТ-компаний в обеих странах. На основе проведенного анализа формулируются выводы о преимуществах и недостатках каждой из рассматриваемых систем налогового стимулирования, а также предлагаются рекомендации по совершенствованию налоговой политики в сфере информационных технологий.

Ключевые слова: ИТ-компания, система налогообложения, освобождение от налогообложения, налоговые льготы.

Система налогообложения ИТ-компаний в Российской Федерации имеет ряд особенностей, направленных на стимулирование развития отрасли информационных технологий. Эти особенности проявляются в применении специальных налоговых режимов и пониженных тарифов страховых взносов, предоставляемых при соблюдении определенных условий, закрепленных в Налоговом кодексе Российской Федерации (НК РФ).

Основным налоговым режимом для большинства ИТ-компаний является общий режим, однако для них предусмотрена возможность применения пониженной ставки налога на прибыль организаций при выполнении ряда условий, установленных пунктом 1.15 статьи 284 НК РФ. Общая ставка налога на прибыль составляет 25% от дохода, получаемого организациями вне зависимости от направления их экономической деятельности (статья 284 НК РФ). Для ИТ-компаний, соответствующих критериям, ставка налога на прибыль, подлежащая зачислению в федеральный бюджет, составляет 0%. При этом, в качестве основных условий применения пониженной ставки в отношении деятельности ИТ-компаний, с учетом положений пункта 1.15 статьи 284 НК РФ, выступают следующие факторы:

1) Организация должна иметь государственную аккредитацию организации, осуществляющей деятельность в области информационных технологий, порядок аккредитации устанавливается Правительством РФ.

2) Доля доходов от деятельности в области информационных технологий должна составлять не менее 70% в общей сумме доходов организации, при этом перечень квалифицированных видов деятельности, доход от которых квалифицируется доходом от деятельности в области ИТ установлен п. 1.15 ст. 284 НК РФ и п. 5 ст. 427 НК РФ.

ИТ-компании, применяющие общий режим налогообложения, являются плательщиками НДС (глава 21 НК РФ), общая ставка по данному налогу составляет 20% (пункт 3 статьи 164 НК РФ). Тем не менее, Налоговым кодексом РФ предусмотрен ряд операций, связанных с ИТ-деятельностью, в отношении которых может быть применено освобождение от НДС (к примеру, операции, связанные с передачей исключительных прав на программы для ЭВМ и базы данных, включенные в единый реестр российских программ для ЭВМ и баз данных, согласно подпункту 26 пункта 2 статьи 149 НК РФ)¹.

¹ Мороз В. В., Яковлева Е. Е. Налогообложение ИТ-отрасли: особенности, проблемы и направления развития // Проблемы экономики и юридической практики. 2024. № 1. [Электронный

IT-компании, соответствующие критериям для применения упрощенной системы налогообложения (далее-УСН) (глава 26.2 НК РФ), также могут применять данный режим, однако с учетом определенных особенностей. В качестве одного из основных условий применения УСН выступает ограниченная доходность организации – прибыль за 9 месяцев года, предшествующего году перехода на УСН, не должна превышать установленный лимит (в 2025 году – 337,5 млн руб., подлежит ежегодной индексации). Средняя численность работников не должна превышать 130 человек, а остаточная стоимость основных средств составляет не более чем 200 млн. руб. Кроме того, для целей применения УСН в отношении IT-компании доля участия других организаций не должна превышать 25%. При применении рассматриваемой системы налогообложения используются методы исчисления обязательных платежей, предусмотренные статьей 346.14 НК РФ, а именно «Доходы» (ставка от 1% до 6%, устанавливается законом субъекта РФ), а также «Доходы минус расходы» (ставка от 5% до 15%, устанавливается законом субъекта РФ)¹. IT-компании, применяющие УСН, не имеют права на применение пониженных тарифов страховых взносов, предусмотренных для компаний, применяющих общий режим налогообложения с пониженной ставкой налога на прибыль. Они уплачивают страховые взносы по общим тарифам, установленным главой 34 НК РФ².

Кроме того, в рамках системы налогообложения РФ для IT-компаний предусмотрено применение пониженных тарифов страховых взносов (п. 2.2–1 статьи 427 НК РФ). Аккредитованные IT-компании, применяющие общий режим налогообложения, имеют право на применение пониженных тарифов страховых взносов, независимо от применения ими пониженной ставки налога на прибыль. В качестве основного условия применения пониженных тарифов страховых взносов, установленного пунктом 5 статьи 427 НК РФ, выступает соответствие критериям, необходимым для применения пониженной ставки налога на прибыль (наличие аккредитации, доля доходов от IT-деятельности не менее 70%).

Кроме того, в целях раскрытия дополнительных инструментов налогового поощрения IT-компаний в России, следует также уделить особое внимание применения особого режим налогообложения для участников инновационного центра «Сколково»:

Участники проекта «Сколково» (Федеральный закон от 28.09.2010 № 244-ФЗ «Об инновационном центре «Сколково») имеют право на применение

особого режима налогообложения, предусматривающего освобождение от уплаты ряда налогов в течение 10 лет с момента получения статуса участника проекта (статья 143 части второй НК РФ): налога на прибыль организаций (за исключением налога, удерживаемого у источника выплаты доходов), налога на имущество организаций (в отношении имущества, используемого для осуществления исследовательской деятельности), земельного налога (в отношении земельных участков, используемых для строительства, размещения и обслуживания объектов инновационной инфраструктуры), налога на добавленную стоимость (НДС), за исключением НДС, уплачиваемого при импорте товаров на территорию РФ. При этом участники проекта «Сколково» обязаны уплачивать страховые взносы в Пенсионный фонд РФ, Фонд социального страхования РФ и Федеральный фонд обязательного медицинского страхования в соответствии с законодательством РФ³.

Таким образом, система налогообложения IT-компаний в России предлагает ряд льгот и преференций, направленных на стимулирование развития отрасли. Ключевыми элементами этой системы являются пониженная ставка налога на прибыль, пониженные тарифы страховых взносов и особый режим налогообложения для участников проекта «Сколково». Применение этих льгот возможно при соблюдении определенных условий, установленных Налоговым кодексом РФ и другими нормативно-правовыми актами. Выбор оптимального налогового режима зависит от специфики деятельности IT-компании, ее финансового состояния и перспектив развития.

Система налогообложения IT-компаний в Соединенных Штатах характеризуется децентрализованным подходом, где налоговые льготы и стимулы предоставляются как на федеральном, так и на уровне отдельных штатов, что создает сложное и многообразное ландшафт для налогового планирования. На федеральном уровне, ключевым элементом является Исследовательский налоговый кредит (Research and Development Tax Credit), закрепленный в Разделе 41 Налогового кодекса США (Internal Revenue Code), который позволяет компаниям, осуществляющим квалифицированные исследовательские и опытно-конструкторские работы (НИОКР), уменьшить свой налогооблагаемый доход, при этом размер кредита зависит от объема затрат на НИОКР и может достигать значительных сумм, стимулируя инновационную деятельность и разработки новых технологий. Квалификация НИОКР имеет широкие критерии, охватывая разработку новых продуктов, процессов, программного обеспечения и улучшение существующих технологий, при условии наличия «техноло-

ресурсы]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nalogooblozhenie-otrasli-osobennosti-problemy-i-napravleniya-razvitiya> (дата обращения: 25.08.2025).

¹ Пономарева К.А. Новые модели налогообложения прибыли международных групп компаний: анализ предложений и перспективы использования в России // Вестник СПбГУ. Серия 14. Право. 2022. № 4. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novye-modeli-nalogooblozheniya-pribyli-mezhdunarodnyh-grupp-kompaniy-analiz-predlozheniy-i-perspektivy-ispolzovaniya-v-rossii> (дата обращения: 25.08.2025).

² См.: [2]

³ Калининская М. В., Кузнецова Н.В., Репко Е.В., Лукьяненко А.А. Особенности ведения налогового учета участников проекта «Сколково» // Вестник Академии знаний. 2023. № 2 (55). [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-vedeniya-nalogovogo-ucheta-uchastnikov-proekta-skolkovo> (дата обращения: 25.08.2025).

гической неопределенности» и проведения «экспериментов» для ее разрешения.

Соединенные Штаты Америки, хотя и не обладают единой общегосударственной системой налоговых льгот, предназначенных исключительно для IT-компаний, предлагают значительное количество стимулов и преференций, рассредоточенных по различным штатам и федеральным программам, которые в совокупности создают благоприятную налоговую среду для технологического сектора. Важно отметить, что льготы могут значительно варьироваться в зависимости от местоположения компании, ее размера, вида деятельности и соответствия критериям, установленным конкретными программами. Рассмотрим основные направления и примеры соответствующих положений законодательства, влияющих на налогообложение IT-компаний в США в настоящее время¹.

Одним из ключевых элементов, способствующих развитию IT-сектора, является федеральный налоговый кредит на исследования и разработки (R&D Tax Credit), предусмотренный Разделом 41 Налогового кодекса США (26 U.S. Code § 41). Эта льгота позволяет компаниям, осуществляющим квалифицированные исследовательские расходы (Qualified Research Expenses – QREs), снижать свою налоговую базу. QREs включают в себя заработную плату работников, непосредственно участвующих в исследованиях, затраты на материалы и сырье, используемые в экспериментах, а также лизинговые платежи за исследовательское оборудование. Примечательно, что до недавнего времени малые и средние предприятия (МСП) могли использовать этот кредит для зачета против альтернативного минимального налога (Alternative Minimum Tax – AMT) и налога на заработную плату (Payroll Tax), что стимулировало инвестиции в инновации и создание рабочих мест. Однако, изменения в налоговом законодательстве могут повлиять на возможность использования этого кредита в полном объеме, требуя тщательного анализа для каждой конкретной компании².

Кроме того, Раздел 174 Налогового кодекса США (26 U.S. Code § 174) исторически позволял компаниям немедленно списывать расходы на исследования и разработки (R&D expenses). Однако, изменения, внесенные Законом о сокращении налогов и создании рабочих мест (Tax Cuts and Jobs Act – TCJA) от 2017 года, требуют амортизации этих расходов в течение пяти лет для внутренних исследований и разработок и в течение пятнадцати лет для исследований и разработок, проводимых за пределами США, начиная с 2022 года³.

¹ Callum Turcan Major Tax Changes for US Software Companies // Corum: Mergers&Acquisitions. 2024. № 4. URL: <https://www.corumgroup.com/insights/major-tax-changes-us-software-companies> (дата обращения: 25.08.2025)

² Internal Revenue Code (26 U.S. Code § 41 – Credit for increasing research activities) // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/26/41> (дата обращения: 25.08.2025)

³ Tax Cuts and Jobs Act of 2017 (TCJA) // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.law.cornell.edu/wex/category/tax> (дата обращения: 25.08.2025)

Это изменение оказывает существенное влияние на налоговое планирование IT-компаний, поскольку уменьшает размер налогового вычета в краткосрочной перспективе. В настоящее время ведутся активные дискуссии о возможном возобновлении прежнего порядка с немедленным списанием R&D expenses, но на данный момент действует режим амортизации⁴.

Многие штаты США предлагают свои собственные налоговые льготы для IT-компаний, часто направленные на стимулирование инвестиций, создание рабочих мест и развитие инноваций. Например, штаты с развитым технологическим сектором, такие как Калифорния, Массачусетс и Техас, предлагают налоговые кредиты на R&D, освобождение от налога с продаж на определенное оборудование и программное обеспечение, а также упрощенные процедуры лицензирования и регулирования. В частности, Калифорния предлагает налоговый кредит на исследования и разработки, аналогичный федеральному, в соответствии с Разделом 17052.12 Налогового кодекса штата (California Revenue and Taxation Code § 17052.12). Размер кредита может варьироваться в зависимости от типа расходов и квалификации компании⁵.

Ряд штатов США также предлагают налоговые льготы для компаний, создающих рабочие места, особенно в тех секторах, которые считаются приоритетными для развития экономики. Эти льготы могут включать в себя снижение налога на прибыль, налоговые кредиты на заработную плату, а также освобождение от налога на имущество. Например, в Массачусетсе действует программа «Incentive Tax Credit» (ITC), которая предоставляет налоговые кредиты компаниям, создающим новые рабочие места и инвестирующим в инфраструктуру⁶.

В последние годы все большее значение приобретают налоговые льготы, направленные на стимулирование инвестиций в «зеленые» технологии и устойчивое развитие. IT-компаниями разрабатываемые решения в области энергоэффективности, возобновляемой энергетики и снижения выбросов, могут претендовать на различные налоговые кредиты и льготы, как на федеральном, так и на уровне штатов. Например, федеральный инвестиционный налоговый кредит (Investment Tax Credit – ITC) для солнечной энергии, предусмотренный Разделом 48 Налогового кодекса США (26 U.S. Code § 48), может быть использован IT-компаниями, инвестирующими в солнечные электростанции для собственных нужд⁷.

⁴ Internal Revenue Code (26 U.S. Code § 174 – Amortization of research and experimental expenditures) // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/26/174> (дата обращения: 25.08.2025)

⁵ California Revenue and Taxation Code (2025). Revenue and Taxation Code section 17052.12 // [Электронный ресурс]. URL: https://california.public.law/codes/revenue_and_taxation_code_section_17052.12 (дата обращения: 25.08.2025)

⁶ Solar Thermal Incentive Tax Credit ITC 2025–2025 // [Электронный ресурс]. URL: <https://jade-lang.com/solar-thermal-incentive-tax-credit-itc-2025/> (дата обращения: 25.08.2025)

⁷ Internal Revenue Code (26 U.S. Code Subtitle A Chapter 1 Subchapter A Part IV Subpart E – Rules for Computing Investment

Таким образом, система налоговых льгот для IT-компаний в США представляет собой сложный и многоуровневый комплекс стимулов и преференций, рассредоточенных по различным штатам и федеральным программам. Эффективное использование этих льгот требует тщательного анализа и планирования, а также учета специфики деятельности компании и особенностей налогового законодательства в каждом конкретном штате. Важно следить за изменениями в налоговом законодательстве и своевременно адаптироваться к новым условиям, чтобы максимально использовать доступные налоговые льготы и оптимизировать налоговую нагрузку¹.

В качестве еще одной федеральной льготы выступает ускоренная амортизация активов, используемых в НИОКР, в соответствии с Разделом 179 Налогового кодекса США, позволяющая компаниям списывать стоимость определенного оборудования и программного обеспечения в ускоренном порядке, уменьшая налогооблагаемую базу в первые годы использования активов. На уровне штатов ситуация еще более разнообразна, где многие штаты предлагают налоговые кредиты для компаний, создающих рабочие места в IT-секторе, инвестирующих в научно-исследовательские проекты или экспортирующих IT-услуги, а также освобождение от налога на имущество для высокотехнологичного оборудования и программного обеспечения, и пониженные ставки налога на прибыль для компаний, действующих в специальных «зонах экономического развития» или «технопарках». К примеру, штат Калифорния предлагает California Research and Development Tax Credit, дополняющий федеральный исследовательский налоговый кредит, стимулируя дальнейшие инвестиции в НИОКР².

Важным аспектом американской системы налогообложения является возможность переноса убытков на будущие периоды (Net Operating Loss Carryforward), позволяющая компаниям, понесшим убытки в текущем году, уменьшить налогооблагаемую базу в будущих прибыльных годах, что особенно важно для стартапов и инновационных компаний, часто генерирующих убытки в первые годы деятельности. В целом, налогообложение IT-компаний в США строится на стимулировании инноваций, создании рабочих мест и развитии высокотехнологичных секторов экономики, используя как федеральные инструменты, так и гибкую си-

стему льгот на уровне штатов, что позволяет учитывать региональные особенности и потребности.

Налоговое законодательство США, особенно в отношении IT-компаний, подвержено постоянным изменениям, отражающим меняющиеся экономические реалии и политические приоритеты. Прогнозировать конкретные нововведения, которые точно вступят в силу в 2025 и 2026 годах, со ссылками на конкретные, уже принятые законы, невозможно, поскольку законодательный процесс является динамичным, и новые законы еще не приняты. Однако, можно обозначить вероятные направления изменений и обсудить текущие дискуссии, которые могут повлиять на систему налогообложения IT-компаний.

Важно отметить, что любое изменение налоговой политики требует принятия соответствующих законов Конгрессом и подписания их Президентом США. Пока такие законы не приняты, любые прогнозы носят спекулятивный характер. Тем не менее, актуальные направления совершенствования действующего налогового законодательства Штатов указывают на возможные направления изменений, касающихся налогообложения IT-компаний в США:

На современном этапе развития налогового законодательства США особо активно обсуждается вопрос о введении глобального минимального налога для транснациональных корпораций, включая IT-компании. Целью этой инициативы является предотвращение уклонения от налогов путем перевода прибыли в юрисдикции с низкими налоговыми ставками. Администрация Байдена активно поддерживает эту инициативу, и в будущем могут быть приняты законы, направленные на реализацию глобального минимального налога в США. Это может существенно повлиять на налоговые стратегии американских IT-компаний, осуществляющих деятельность за рубежом.

Налоговые органы США (IRS) проявляют повышенное внимание к вопросам трансфертного ценообразования, то есть к ценам, по которым компании внутри группы осуществляют сделки друг с другом. В частности, это касается IT-компаний, которые часто используют сложные схемы трансфертного ценообразования для перераспределения прибыли между различными юрисдикциями. В будущем можно ожидать ужесточения правил трансфертного ценообразования и усиления контроля со стороны IRS за соблюдением этих правил. Хотя конкретные изменения в законодательстве сложно предсказать, направление усилий очевидно.

В рамках современного интернационального налогового права, актуальна практика введения налога на цифровые услуги, оказываемые IT-компаниями, такие как реклама в интернете, продажа цифрового контента и онлайн-платформы. В США пока нет федерального налога на цифровые услуги, но некоторые штаты рассматривают возможность введения подобных налогов. Если такие налоги будут введены на уровне штатов или

Credit) // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/26/subtitle-A/chapter-1/subchapter-A/part-IV/subpart-E> (дата обращения: 25.08.2025)

¹ Алексеев А.С. Международный опыт применения налоговых режимов IT-компаниями – субъектами цифровой экономики // Вестник РГЭУ РИНХ. 2020. № 4 (72). [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodnyy-opyt-primeneniya-nalogovyh-rezhimov-it-kompaniyami-subektami-tsifrovo-ekonomiki> (дата обращения: 25.08.2025).

² Богаевская О.В. Реформа системы корпоративного налогообложения в США // Международная торговля и торговая политика. 2019. № 3 (19). [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/reforma-sistemy-korporativnogo-nalogooblozheniya-v-ssha> (дата обращения: 25.08.2025).

на федеральном уровне, это может существенно повлиять на налоговую нагрузку на IT-компании, оказывающие цифровые услуги¹.

Исследовательский налоговый кредит (R&D Tax Credit), предусмотренный Разделом 41 Налогового кодекса США, является важным стимулом для инновационной деятельности. Этот кредит периодически продлевается Конгрессом, и в будущем может быть принято решение о его продлении, изменении или отмене. Любые изменения в R&D Tax Credit могут оказать существенное влияние на налоговое планирование IT-компаний, осуществляющих НИОКР².

Администрация Байдена активно продвигала политику «зеленой экономики» и инвестиции в экологически чистые технологии. В будущем можно ожидать введения новых налоговых стимулов для IT-компаний, разрабатывающих и внедряющих «зеленые» технологии, такие как энергоэффективные системы, решения для «умного города» и возобновляемые источники энергии. Указанные стимулы могут включать налоговые кредиты, ускоренную амортизацию и другие преференции. Налоговые ставки для корпораций в США периодически меняются в зависимости от политической ситуации и экономических приоритетов. В будущем возможно изменение ставки налога на прибыль для корпораций, что может повлиять на налоговую нагрузку на IT-компании.

Таким образом, прогнозировать конкретные нововведения в системе налогообложения IT-компаний в США, которые точно вступят в силу в 2025 и 2026 годах, невозможно. Однако, можно выделить ряд вероятных направлений изменений, таких как введение глобального минимального налога, ужесточение правил трансфертного ценообразования, введение налогов на цифровые услуги, продление или изменение Исследовательского налогового кредита, налоговые стимулы для «зеленых» технологий и изменение налоговых ставок для корпораций. IT-компаниям необходимо внимательно следить за законодательными инициативами и адаптировать свои налоговые стратегии к меняющимся условиям. Для получения точной и актуальной информации следует обращаться к квалифицированным налоговым консультантам и юристам, специализирующимся на американском налоговом праве.

Налоговое стимулирование инновационной деятельности и развитие информационных технологий (IT) являются важными задачами государственной политики как в США, так и в России. Обе страны предоставляют различные налоговые льготы для IT-компаний, однако подходы к их реализации и структура льгот имеют существен-

ные различия. Детальное сравнение налоговых льгот для IT-компаний в США и России, основанное на анализе нормативно-правовых актов, позволяет выявить ключевые особенности и оценить эффективность применяемых инструментов. В Соединенных Штатах налоговая система децентрализована, и налоговые льготы для IT-компаний предоставляются как на федеральном уровне, так и на уровне штатов. Это создает сложную и разнообразную картину налогового стимулирования, где условия и размеры льгот могут существенно отличаться в зависимости от штата.

На федеральном уровне наиболее значимой льготой является Исследовательский налоговый кредит (Research and Development Tax Credit), предусмотренный разделом 41 Налогового кодекса США (Internal Revenue Code). Этот кредит позволяет компаниям, осуществляющим квалифицированные исследовательские и опытно-конструкторские работы (НИОКР), уменьшить свой налогооблагаемый доход. Размер кредита зависит от объема затрат на НИОКР и может достигать значительных сумм. Критерии квалификации НИОКР достаточно широкие и охватывают разработку новых продуктов, процессов, программного обеспечения, а также улучшение существующих технологий. Важным условием является наличие «технологической неопределенности» и проведение «экспериментов» для ее разрешения³.

Другой федеральной льготой является ускоренная амортизация активов, используемых в НИОКР. В соответствии с разделом 179 Налогового кодекса США, компании могут списывать стоимость определенного оборудования и программного обеспечения в ускоренном порядке, что позволяет уменьшить налогооблагаемую базу в первые годы использования активов.

На уровне штатов налоговые льготы для IT-компаний еще более разнообразны. Многие штаты предлагают налоговые кредиты для компаний, создающих рабочие места в IT-секторе, инвестирующих в научно-исследовательские проекты или осуществляющих экспорт IT-услуг. Например, в штате Калифорния действует кредит на заработную плату для НИОКР (California Research and Development Tax Credit), который дополняет федеральный исследовательский налоговый кредит.

Кроме того, многие штаты предоставляют освобождение от налога на имущество для высокотехнологичного оборудования и программного обеспечения, а также пониженные ставки налога на прибыль для компаний, осуществляющих деятельность в определенных «зонах экономического развития» или «технопарках».

Особенностью американской системы налогообложения является возможность переноса убытков на будущие периоды (Net Operating Loss Carryforward). Это позволяет компаниям, понесшим убыт-

¹ Sales Taxes for SaaS Products in the US // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.quaderno.io/blog/sales-taxes-for-saas-in-us/> (дата обращения: 25.08.2025)

² Internal Revenue Code (26 U.S. Code Subtitle A Chapter 1 Subchapter A Part IV Subpart E – Rules for Computing Investment Credit) // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/26/subtitle-A/chapter-1/subchapter-A/part-IV/subpart-E> (дата обращения: 25.08.2025)

³ Joseph Tierney Jr., The Internal Revenue Code and its Relationship to Generally Accepted Accounting Principles, 48 Marq. L. Rev. (1964). Available at: <http://scholarship.law.marquette.edu/mulr/vol48/iss2/3> (дата обращения: 26.08.2025)

ки в текущем году, уменьшить налогооблагаемую базу в будущих прибыльных годах. Это особенно важно для стартапов и инновационных компаний, которые часто несут убытки в первые годы своей деятельности.

В России налоговые льготы для IT-компаний сосредоточены на федеральном уровне и носят более прямой и адресный характер, чем в США. Ключевой льготой является пониженная ставка налога на прибыль организаций, предусмотренная п. 1.15 ст. 284 НК РФ: в 2025–2030 годах налоговая ставка по налогу, подлежащему зачислению в федеральный бюджет, устанавливается в размере 5%, а налоговая ставка по налогу, подлежащему зачислению в бюджет субъекта Российской Федерации, – в размере 0%. Относительно общей ставки в размере 30% в совокупности по страховым взносам – 7,6% начиная с 2025 г. (п. 2.2–1 ст. 427 НК РФ), что значительно ниже общеустановленных тарифов.

Кроме того, в России существует особый режим налогообложения для участников инновационного центра «Сколково», предусмотренный Федеральным законом от 28.09.2010 № 244-ФЗ «Об инновационном центре «Сколково»». Участники «Сколково» освобождаются от уплаты налога на прибыль организаций, налога на имущество организаций, земельного налога и налога на добавленную стоимость (НДС) в течение 10 лет с момента получения статуса участника проекта.

Сравнительный анализ налоговых льгот для IT-компаний в США и России позволяет сделать заключение по сходствам и различиям в рамках действующих систем налогообложения. В США налоговые льготы более разнообразны и децентрализованы, что позволяет учитывать специфику различных штатов и отраслей. В России льготы носят более прямой и адресный характер, ориентированы на поддержку аккредитованных IT-компаний и участников «Сколково».

Кроме того, в США основным инструментом налогового стимулирования являются кредиты на НИОКР, которые позволяют компаниям уменьшить свой налогооблагаемый доход в зависимости от объема затрат на исследования и разработки. В России ключевой льготой является пониженная ставка налога на прибыль, которая значительно снижает налоговую нагрузку на прибыльные IT-компании.

Кроме того, в рамках системы налогообложения в США, предусматривается возможность учета убытков, возникающих в рамках экономической деятельности организаций, тогда как правовая система России регламентирует систему освобождения от налогов. Так, в рамках США организации-субъекты малого и среднего предпринимательства имеют возможность переносить убытки на будущие периоды, что особенно важно для стартапов и инновационных компаний. Исходя из критериев доступности к налоговым льготам в США более гибкие и ориентированы на поддержку широкого круга компаний, осуществляющих НИОКР. В России критерии более строгие и требуют наличия го-

сударственной аккредитации, определенной доли доходов от ИТ-деятельности¹.

Таким образом, исходя из осуществленного анализа систем налогообложения, как в США, так и в России налоговые льготы для IT-компаний играют важную роль в стимулировании инновационной деятельности и развитии информационных технологий. Выбор конкретных инструментов и механизмов стимулирования зависит от особенностей экономической системы, налоговой политики и приоритетов государства.

Литература

1. Российская Федерация. Законы. Налоговый кодекс Российской Федерации. Часть 2: федеральный закон [принят Государственной Думой 19 июля 2000 года: по состоянию 25 августа 2025 года] – Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>. – Текст: электронный. – URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102879786&backlink=1&nd=102067058&rdk=0> (дата обращения: 25.08.2025).
2. Российская Федерация. Законы. О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации: федеральный закон [принят Государственной Думой 6 июля 2007 года: по состоянию 25 августа 2025 года] – Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>. – Текст: электронный. – URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102115928&intel-search=%D4%E5%E4%E5F0%E0EB%F-C%ED%FB%E9+%E7%E0%EA%EE%ED+%EE%F2+24.07.2007+%E3.+%B9+209-%D4%C7> (дата обращения: 25.08.2025).
3. Алексеев А.С. Международный опыт применения налоговых режимов IT-компаниями – субъектами цифровой экономики // Вестник РГЭУ РИНХ. 2020. № 4 (72). [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodnyy-opyt-primeneniya-nalogovyh-rezhimov-it-kompaniyami-subektami-tsifrovoy-ekonomiki> (дата обращения: 25.08.2025).
4. Антонова М.Б. Выбор системы налогообложения компаний IT-сферы как метод эффективного налогового менеджмента // Инновации и инвестиции. 2023. № 6. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vybor-sistemy-nalogooblozheniya-kompaniy-it-sfery-kak-metod-effektivnogo-nalogovogo-menedzhmenta> (дата обращения: 25.08.2025).
5. Богаевская О.В. Реформа системы корпоративного налогообложения в США // Международная торговля и торговая политика.

¹ Ревва С.Ю. Сравнительно-правовой анализ способов налогового стимулирования IT-организаций в России с зарубежными странами // ПРЭД. 2024. № 2. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sravnitelno-pravovoy-analiz-sposobov-nalogovogo-stimulirovaniya-it-organizatsiy-v-rossii-s-zarubezhnyimi-stranami> (дата обращения: 26.08.2025).

2019. № 3 (19). [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/reforma-sistemy-korporativnogo-nalogooblozheniya-v-ssha> (дата обращения: 25.08.2025).
6. Калинин М. В., Кузнецова Н.В., Репко Е.В., Лукьяненко А.А. Особенности ведения налогового учета участников проекта «Сколково» // Вестник Академии знаний. 2023. № 2 (55). [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-vedeniya-nalogovogo-ucheta-uchastnikov-proekta-skolkovo> (дата обращения: 25.08.2025).
 7. Мороз В. В., Яковлева Е.Е. Налогообложение ИТ-отрасли: особенности, проблемы и направления развития // Проблемы экономики и юридической практики. 2024. № 1. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nalogooblozhenie-it-otrasli-osobennosti-problemy-i-napravleniya-razvitiya> (дата обращения: 25.08.2025).
 8. Пономарева К.А. Новые модели налогообложения прибыли международных групп компаний: анализ предложений и перспективы использования в России // Вестник СПбГУ. Серия 14. Право. 2022. № 4. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novye-modeli-nalogooblozheniya-pribyli-mezhdunarodnyh-grupp-kompaniy-analiz-predlozheniy-i-perspektivy-ispolzovaniya-v-rossii> (дата обращения: 25.08.2025).
 9. Ревва С.Ю. Сравнительно-правовой анализ способов налогового стимулирования ИТ-организаций в России с зарубежными странами // ПРЭД. 2024. № 2. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sravnitelno-pravovoy-analiz-sposobov-nalogovogo-stimulirovaniya-it-organizatsiy-v-rossii-s-zarubezhnymi-stranami> (дата обращения: 26.08.2025).
 10. California Revenue and Taxation Code (2025). Revenue and Taxation Code section 17052.12 // [Электронный ресурс]. URL: https://california.public.law/codes/revenue_and_taxation_code_section_17052.12 (дата обращения: 25.08.2025)
 11. Callum Turcan Major Tax Changes for US Software Companies // Corum: Mergers&Acquisitions. 2024. № 4. URL: <https://www.corumgroup.com/insights/major-tax-changes-us-software-companies> (дата обращения: 25.08.2025)
 12. Joseph Tierney Jr., The Internal Revenue Code and its Relationship to Generally Accepted Accounting Principles, 48 Marq. L. Rev. (1964). Available at: <http://scholarship.law.marquette.edu/mulr/vol48/iss2/3> (дата обращения: 26.08.2025)
 13. Internal Revenue Code (26 U.S. Code § 41 – Credit for increasing research activities) // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/26/41> (дата обращения: 25.08.2025)
 14. Internal Revenue Code (26 U.S. Code Subtitle A Chapter 1 Subchapter A Part IV Subpart E – Rules for Computing Investment Credit) // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/26/subtitle-A/chapter-1/subchapter-A/part-IV/subpart-E> (дата обращения: 25.08.2025)
 15. Internal Revenue Code (26 U.S. Code Subtitle A Chapter 1 Subchapter A Part IV Subpart E – Rules for Computing Investment Credit) // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/26/subtitle-A/chapter-1/subchapter-A/part-IV/subpart-E> (дата обращения: 25.08.2025)
 16. Sales Taxes for SaaS Products in the US // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.quaderno.io/blog/sales-taxes-for-saas-in-us/> (дата обращения: 25.08.2025)
 17. Solar Thermal Incentive Tax Credit ITC 2025–2025 // [Электронный ресурс]. URL: <https://jade-lang.com/solar-thermal-incentive-tax-credit-itc-2025/> (дата обращения: 25.08.2025)
 18. Tax Cuts and Jobs Act of 2017 (TCJA) // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.law.cornell.edu/wex/category/tax> (дата обращения: 25.08.2025)

A COMPARATIVE ANALYSIS OF LEGAL REGULATION OF IT TAX INCENTIVES IN RUSSIA AND THE UNITED STATES

Berezhnoi N.S.

Kutafin Moscow State Law University

This research article is devoted to a comparative analysis of tax incentives provided to IT companies in the United States and the Russian Federation. The purpose of the study is to identify key features and differences in approaches to tax incentives for innovation and information technology development in both countries. The article examines in detail the main tax instruments used in the United States and Russia to support the IT sector, including federal and state incentives in the United States, such as the Research and Development Tax Credit and accelerated depreciation, as well as a reduced corporate income tax rate and reduced social security premium rates for accredited IT companies in Russia. The conditions for applying incentives, eligibility criteria, and their impact on the tax burden of IT companies are compared. Particular attention is paid to the analysis of the legal framework governing the taxation of IT companies in both countries. Based on this analysis, conclusions are drawn regarding the advantages and disadvantages of each of the tax incentive systems under consideration, and recommendations are offered for improving tax policy in the IT sector.

Keywords: IT company, tax system, tax exemption, tax incentives.

References

1. Russian Federation. Laws. Tax Code of the Russian Federation. Part 2: federal law [adopted by the State Duma on July 19, 2000: as of August 25, 2025] – Official Internet Portal of Legal Information <http://www.pravo.gov.ru>. – Text: electronic. – URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102879786&backlink=1&nd=102067058&rdk=0> (date of access: August 25, 2025).
2. Russian Federation. Laws. On the Development of Small and Medium-Sized Entrepreneurship in the Russian Federation: federal law [adopted by the State Duma on July 6, 2007: as of August 25, 2025] – Official Internet Portal of Legal Information <http://www.pravo.gov.ru>. – Text: electronic. – URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102115928&intel-search=%D4%E5%E4%E5%F0%E0%EB%FC%ED%FB%E9+%E7%E0%EA%EE%ED+%EE%F2+24.07.2007+%E3.-%B9+209-%D4%C7> (accessed: 25.08.2025).
3. Alekseev A.S. International experience of applying tax regimes by IT companies – subjects of the digital economy // Bulletin of the Russian State University of Economics and National Economy. 2020. No. 4 (72). [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodnyy-opyt-primeneniya>

- nalogovyh-rezhimov-it-kompaniyami-subektami-tsifrovoy-ekonomiki (accessed: 25.08.2025).
4. Antonova M.B. Selecting a Taxation System for IT Companies as a Method of Effective Tax Management // Innovations and Investments. 2023. No. 6. [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vybor-sistemy-nalogooblozheniya-kompaniy-it-sfery-kak-metod-effektivnogo-nalogovogo-menedzhmenta> (accessed: 25.08.2025).
 5. Bogaevskaya O.V. Reform of the Corporate Tax System in the USA // International Trade and Trade Policy. 2019. No. 3 (19). [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/reforma-sistemy-korporativnogo-nalogooblozheniya-v-ssha> (date of access: 08/25/2025).
 6. Kalinskaya M. V., Kuznetsova N.V., Repko E.V., Lukyanenko A.A. Features of maintaining tax records of participants in the Skolkovo project // Bulletin of the Academy of Knowledge. 2023. No. 2 (55). [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-vedeniya-nalogovogo-ucheta-uchastnikov-proekta-skolkovo> (date of access: 08/25/2025).
 7. Moroz V. V., Yakovleva E.E. Taxation of the IT industry: Features, Problems, and Development Directions // Problems of Economics and Legal Practice. 2024. No. 1. [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nalogooblozhenie-it-otrasli-osobennosti-problemy-i-napravleniya-razvitiya> (accessed: 25.08.2025).
 8. Ponomareva K.A. New models of profit taxation for international groups of companies: analysis of proposals and prospects for use in Russia // Bulletin of St. Petersburg State University. Series 14. Law. 2022. No. 4. [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novye-modeli-nalogooblozheniya-pribyli-mezhdunarodnyh-grupp-kompaniy-analiz-predlozheniy-i-perspektivy-ispolzovaniya-v-rossii> (Accessed: 25.08.2025).
 9. Revva S. Yu. Comparative legal analysis of methods of tax incentives for IT organizations in Russia with foreign countries // PRED. 2024. No. 2. [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sravnitelno-pravovoy-analiz-sposobov-nalogovogo-stimulirovaniya-it-organizatsiy-v-rossii-s-zarubezhnymi-stranami> (accessed: August 26, 2025).
 10. California Revenue and Taxation Code (2025). Revenue and Taxation Code section 17052.12 // [Electronic resource]. URL: https://california.public.law/codes/revenue_and_taxation_code_section_17052.12 (accessed: August 25, 2025)
 11. Callum Turcan, "Major Tax Changes for US Software Companies" // Corum: Mergers&Acquisitions. 2024. No. 4. URL: <https://www.corumgroup.com/insights/major-tax-changes-us-software-companies> (accessed: August 25, 2025)
 12. Joseph Tierney Jr., The Internal Revenue Code and its Relationship to Generally Accepted Accounting Principles, 48 Marq. L. Rev. (1964). Available at: <http://scholarship.law.marquette.edu/mulr/vol48/iss2/3> (accessed: August 26, 2025)
 13. Internal Revenue Code (26 U.S. Code § 41 – Credit for increasing research activities) // [Electronic resource]. URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/26/41> (accessed: August 25, 2025)
 14. Internal Revenue Code (26 U.S. Code Subtitle A Chapter 1 Subchapter A Part IV Subpart E – Rules for Computing Investment Credit) // [Electronic resource]. URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/26/subtitle-A/chapter-1/subchapter-A/part-IV/subpart-E> (accessed: August 25, 2025)
 15. Internal Revenue Code (26 U.S. Code Subtitle A Chapter 1 Subchapter A Part IV Subpart E – Rules for Computing Investment Credit) // [Electronic resource]. URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/26/subtitle-A/chapter-1/subchapter-A/part-IV/subpart-E> (accessed: August 25, 2025)
 16. Sales Taxes for SaaS Products in the US // [Electronic resource]. URL: <https://www.quaderno.io/blog/sales-taxes-for-saas-in-us/> (accessed: August 25, 2025)
 17. Solar Thermal Incentive Tax Credit ITC 2025–2025 // [Electronic resource]. URL: <https://jade-lang.com/solar-thermal-incentive-tax-credit-itc-2025/> (accessed August 25, 2025)
 18. Tax Cuts and Jobs Act of 2017 (TCJA) // [Electronic resource]. URL: <https://www.law.cornell.edu/wex/category/tax> (accessed August 25, 2025)

Волхова Алиса Александровна,

доктор юридического администрирования (DBA), адвокат

В условиях стремительной цифровизации юридической деятельности искусственный интеллект становится важным инструментом работы адвоката. Однако вместе с этим возникает серьёзная проблема – как соотносить применение нейросетевых сервисов с институтом адвокатской тайны. Существуют риски утечки конфиденциальных данных через облачные сервисы, их последующего использования третьими лицами, а также автоматического обучения моделей на клиентских документах.

Цель статьи заключается в разработке концепции «безопасного контура» для сохранения адвокатской тайны при использовании технологий искусственного интеллекта. Научная новизна исследования состоит в формулировании новых подходов к пониманию адвокатской тайны в цифровую эпоху: от восприятия её исключительно как запрета на разглашение к закреплению её в качестве процессуального стандарта интеграции цифровых инструментов.

Ключевые слова: адвокатская тайна; искусственный интеллект; нейросетевые технологии; цифровизация юридической деятельности; конфиденциальность; профессиональная этика адвоката; безопасный контур.

За последние годы искусственный интеллект (ИИ) перестал быть уделом исключительно IT-компаний и научных лабораторий. Нейросетевые модели всё активнее внедряются в юридическую практику, включая деятельность адвокатов. Сегодня ИИ используется для анализа судебной практики, составления проектов процессуальных документов, автоматизации договорной работы, систематизации доказательственной базы и даже в качестве инструмента клиентского сервиса – чат-ботов для первичного консультирования.

Параллельно с ростом технологических возможностей возникла новая правовая дилемма: каким образом применение ИИ соотносится с адвокатской тайной, которая является одним из краеугольных институтов адвокатской профессии и гарантией доверия между адвокатом и доверителем. В соответствии с Федеральным законом от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» сведения, составляющие адвокатскую тайну, подлежат безусловной охране (ст. 8). Кодекс профессиональной этики адвоката (утв. Всероссийским съездом адвокатов 31.01.2003) дополняет эти положения обязанностью адвоката принимать все необходимые меры для сохранения конфиденциальности.

Однако цифровая трансформация юридической практики привела к появлению угроз, не учтённых в традиционном регулировании. Использование облачных нейросетевых сервисов (ChatGPT, Copilot, Gemini и др.) фактически означает передачу клиентских данных на серверы, зачастую находящиеся за пределами национальной юрисдикции. В отличие от стажёра или помощника адвоката, такие системы не связаны обязанностью хранить тайну и могут дообучаться на полученных данных, создавая риск их повторного использования.

Научные публикации последних лет фиксируют рост интереса к проблеме цифровизации адвокатской деятельности и сохранения тайны. Так, в исследовании Н.С. Чистякова (1) отмечается, что развитие электронного документооборота и внедрение цифровых сервисов усиливает риски для института адвокатской тайны, а действующие механизмы защиты утрачивают эффективность в новых условиях. Е.В. Семина (2) справедливо указывает на необходимость правового регулирования профессиональной этики адвоката в цифровом пространстве, подчёркивая, что без обновления нормативной базы невозможно обеспечить должный уровень доверия клиентов.

Таким образом, встаёт вопрос о создании концепции «безопасного контура» – системы организационных, правовых и технических мер, обеспе-

чивающих использование ИИ в адвокатской практике без утраты адвокатской тайны.

Адвокатская тайна традиционно рассматривается как институт, гарантирующий независимость адвокатской профессии и защиту прав доверителя. Согласно ст. 8 Федерального закона № 63-ФЗ, адвокатская тайна включает любые сведения, связанные с оказанием юридической помощи, включая документы, материалы, объяснения доверителя и другие данные, полученные в связи с исполнением поручения.

В классической доктрине выделяют три уровня обеспечения тайны:

1. Организационный – режим хранения документов, доступ к архивам, контроль за сотрудниками;

2. Этический – дисциплинарная ответственность за разглашение тайны, закреплённая в КПЭА;

3. Процессуальный – запрет допроса адвоката как свидетеля, особый порядок проведения обысков и выемок в адвокатских образованиях (ст. 450.1 УПК РФ).

В начале 2000-х годов первой серьёзной цифровой проблемой стала электронная переписка и использование облачных хранилищ. В юридическом сообществе начались дискуссии: можно ли доверять «облаку» при передаче клиентских материалов. Федеральная палата адвокатов РФ заняла позицию, что электронные сервисы могут использоваться только при условии исключения риска утечки данных. В зарубежной практике аналогичные вопросы решались, например, в США через формирование стандартов «reasonable efforts» при защите данных (ABA Formal Opinion 477R, 2017), а в Европе – через проведение due diligence при выборе провайдера сервисов.

С переходом к использованию нейросетей проблема приобрела новый характер. В отличие от обычного облачного сервиса, ИИ не только хранит и обрабатывает данные, но и способен использовать их для собственного дообучения. Таким образом, клиентские сведения перестают быть статичными – они могут трансформироваться в часть алгоритма, на основе которого ИИ будет генерировать ответы.

Эти обстоятельства демонстрируют, что традиционный институт адвокатской тайны столкнулся с вызовами, для которых действующие правовые механизмы оказались недостаточными.

Федеральный закон № 63-ФЗ и КПЭА формируют основу правового регулирования. Однако в них отсутствует прямое упоминание цифровых технологий и, тем более, искусственного интеллекта. Проблематика адвокатской тайны в условиях цифровизации в последние годы обсуждается на страницах российских научных журналов. Так, в статье Е.В. Семиной (3) подчёркивается, что действующее регулирование «остаётся в значительной мере аналоговым» и не учитывает специфику цифровой среды.

Показательно, что в 2023–2024 гг. некоторые адвокатские палаты субъектов РФ (например, Мо-

сковская и Санкт-Петербургская) выпустили разъяснения о допустимости применения ИИ только при условии обезличивания данных доверителя. Эти документы носят рекомендательный характер и не имеют силы закона, однако отражают тенденцию к ужесточению стандартов.

Использование нейросетевых технологий в адвокатской деятельности связано с целым рядом угроз, отличающихся от традиционных рисков цифровизации. Если электронная почта и облачные хранилища рассматривались как инструменты пассивного хранения данных, то нейросети функционируют как активные системы, способные изменять своё состояние в результате взаимодействия с пользователем.

Основные уязвимости можно систематизировать следующим образом:

1. Передача данных третьим лицам. Загружая документы в облачный сервис, адвокат фактически передаёт информацию провайдеру, который не несёт профессиональной обязанности сохранять тайну.

2. Дообучение моделей. Часть нейросетевых систем использует пользовательские данные для последующего обучения. Это означает, что сведения о клиентах могут «просочиться» в выдаче другим пользователям, пусть и в трансформированном виде.

3. Атаки на модель. Известны методы извлечения скрытой информации (prompt injection), а также восстановления обучающих данных из параметров модели (data extraction attack).

4. Метаданные. Даже при формальном обезличивании текста сохраняются идентификаторы файлов, IP-адреса, логи запросов. Эти элементы могут использоваться для установления личности доверителя.

5. Юрисдикционный риск. Большинство глобальных сервисов обрабатывают данные на серверах, расположенных в США или ЕС, где законодательство допускает доступ государственных органов к информации (например, в США – FISA).

Практика подтверждает реальность угроз. В 2023 году сотрудники Samsung загрузили в ChatGPT исходный код и внутренние документы компании, которые впоследствии оказались в обучающей выборке. После инцидента использование ChatGPT в компании было запрещено. В 2024 году в международной консалтинговой фирме PwC были зафиксированы случаи загрузки клиентских материалов в облачные ИИ-сервисы без согласия клиентов, что вызвало внутренние проверки. В России в 2023–2024 гг. адвокатские палаты некоторых регионов (например, Московская городская коллегия адвокатов) рекомендовали ограничить использование ИИ или загружать только обезличенные данные доверителей.

Таким образом, риски утечки информации при работе с нейросетями нельзя считать гипотетическими. Они подтверждаются как международной, так и отечественной практикой.

Для сохранения адвокатской тайны в цифровую эпоху предлагается концепция «безопасного контура». Под ней понимается совокупность правовых, организационных и технических мер, обеспечивающих возможность применения нейросетей в адвокатской практике без утраты конфиденциальности.

Принципы безопасного контура состоят в следующем:

1. Презумпция конфиденциальности. Любой запрос адвоката в систему ИИ должен рассматриваться как содержащий адвокатскую тайну, если не доказано обратное.

2. Минимизация данных. В систему загружается только та информация, которая необходима для решения конкретной задачи.

3. Локализация обработки. Предпочтение должно отдаваться локальным или корпоративным моделям, работающим в пределах национальной юрисдикции.

4. Прозрачность и верифицируемость. Все операции должны логироваться: фиксироваться дата, время, автор запроса и полученный результат.

5. Человеческий контроль. Искусственный интеллект может использоваться исключительно как вспомогательный инструмент. Окончательные решения принимает адвокат.

В качестве базы для выстраивания системы безопасного контура представляется выделить несколько элементов.

1) Правовые меры:

- заключение соглашений с провайдерами об исключении дообучения на клиентских данных;
- включение в договор с доверителем пункта об условиях использования ИИ;
- разработка оговорок (уведомление клиента о применении нейросетевых технологий).

2) Организационные меры:

- внутренний регламент адвокатского образования по использованию ИИ;
- классификация информации (строго конфиденциальная, служебная, открытая);
- ведение реестра запросов и сохранение результатов.

3) Технические меры:

- использование VPN и шифрования при передаче данных;
- хранение информации на серверах, расположенных в России;
- обязательная анонимизация персональных данных клиента;
- применение «песочниц» (sandbox) для тестирования новых сервисов.

Концепция «безопасного контура» может быть реализована только через нормативное регулирование. Предлагаются следующие направления и изменения:

1. Кодекс профессиональной этики адвоката (КПЭА). Включить отдельный раздел, посвящённый использованию цифровых технологий и ИИ. Возможная формулировка: «Адвокат обязан при использовании систем искусственного интеллек-

та обеспечивать сохранность адвокатской тайны. Допускается применение ИИ только при условии исключения доступа третьих лиц, анонимизации данных и обязательного контроля результатов адвокатом.»

2. Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре». Дополнить статью 8 нормой следующего содержания: «К сведениям, составляющим адвокатскую тайну, относится также информация, обрабатываемая с использованием систем искусственного интеллекта. Использование таких систем допускается только в пределах безопасного контура.»

3. Реестр сертифицированных ИИ-сервисов. На государственном уровне целесообразно создать перечень проверенных решений, рекомендованных для адвокатской практики.

4. Методические рекомендации ФПА РФ. Разработка типовых регламентов по использованию ИИ, обязательных для адвокатских палат субъектов РФ.

Институт адвокатской тайны является одной из важнейших гарантий независимости адвокатской профессии и защиты прав доверителя. Однако цифровизация юридической деятельности, а особенно внедрение нейросетевых технологий, поставили этот институт в принципиально новые условия. Риски утечки информации через облачные сервисы, дообучение моделей на клиентских документах и трансграничная передача данных создают угрозы, которые не учитываются действующим законодательством.

Предложенная концепция «безопасного контура» позволяет сохранить адвокатскую тайну в условиях цифровой трансформации. Она соединяет в себе правовые, организационные и технические меры и может стать основой для внесения изменений в КПЭА и Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре».

Литература

1. Чистяков Н.С. Влияние процессов цифровизации на институт адвокатской тайны // Научные высказывания. № 10 (57). 2024. – [nvjournal.ru] (https://nvjournal.ru/article/Vlijaniya_protsesov_tsifrovizatsii_na_institut_advokatskoj_tajny)
2. Семина Е.В. Правовое регулирование профессиональной этики адвоката в цифровом пространстве // Вестник ТИСБИ. № 1. 2024. – [cyberleninka.ru] (<https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-professionalnoy-etiki-advokata-v-tsifrovom-prostranstve>)
3. Чистякова Ю.А. Проблемы цифровизации в адвокатской деятельности // Военный вестник Юридического института. 2024. – [voenvestnik.ru] (<https://voenvestnik.ru/PDF/33ES325.pdf>)
4. Чистяков Н.С. Цифровизация адвокатской деятельности: вызовы и риски // Российский юридический журнал. № 4. 2023.
5. «Нейросети как угроза развитию судебной практики и подготовке документов» // Pra-

ATTORNEY-CLIENT PRIVILEGE AND NEURAL NETWORKS: THE “SAFE CONTOUR” PROJECT

Volkhova A.A.

With the rapid digitalization of legal practice, artificial intelligence is becoming an essential tool for lawyers. However, this also raises a serious issue: how to reconcile the use of neural network services with the institution of attorney-client privilege. There are risks of confidential data leakage through cloud services, its subsequent use by third parties, and the automatic training of models on client documents.

The purpose of this article is to develop the concept of a “safe contour” for preserving attorney-client privilege when using artificial intelligence technologies. The scientific novelty of this study lies in the formulation of new approaches to understanding attorney-client privilege in the digital age: from perceiving it solely as a prohibition on disclosure to enshrining it as a procedural standard for integrating digital tools.

Keywords: attorney-client privilege; artificial intelligence; neural network technologies; Digitalization of legal activity; confidentiality; professional ethics of a lawyer; secure contour.

References

1. Chistyakov N.S. The Impact of Digitalization Processes on the Institute of Attorney-Client Confidentiality // Scientific Statements. No. 10 (57). 2024. – [nvjournal.ru](https://nvjournal.ru/article/Vlijaniya_protseessov_tsifrovizatsii_na_institut_advokatskoj_tajny)
2. Semina E.V. Legal Regulation of Professional Ethics of a Lawyer in the Digital Space // TISBI Bulletin. No. 1. 2024. – [cyberleninka.ru](https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-professionalnoy-etiki-advokata-v-tsifrovom-prostranstve)
3. Chistyakova Yu.A. Problems of Digitalization in Advocacy // Military Bulletin of the Law Institute. 2024. – [voenvestnik.ru](https://voenvestnik.ru/PDF/33ES325.pdf)
4. Chistyakov N.S. Digitalization of Advocacy: Challenges and Risks // Russian Law Journal. No. 4. 2023.
5. “Neural Networks as a Threat to the Development of Judicial Practice and Document Preparation” // Pravo.ru. 2023. – [pravo.ru](https://pravo.ru/opinion/260283)

Взаимодействие системы государственного контроля (надзора) и норм международного права в области атомной безопасности

Демаков Михаил Игоревич,

аспирант, Уральский институт управления – филиал РАНХиГС
E-mail: demakov2014@gmail.com

В статье рассматривается проблема применения норм государственного контроля (надзора) в области атомной промышленности с учётом норм международного права. Изучается взаимодействие систем национального и международного права в вопросе имплементации норм в право государства. Раскрывается актуальность темы в контексте изменений обстановки в сфере атомной безопасности и реакции государственного права на такие изменения. Анализируются свежие научные исследования в области правового регулирования атомной безопасности, государственного контроля (надзора) за соблюдением норм права в данной сфере, а также действий международного сообщества в ней. Приводятся предложения по совершенствованию системы государственного контроля (надзора) совместно с международной системой правового регулирования атомной безопасности как на гражданских объектах, так и на военных. Обосновывается, исходя из сложившейся ситуации в мире, политической обстановки, необходимости дальнейших научных исследований, и практической реализации их результатов.

Ключевые слова: атомная безопасность, МАГАТЭ, государственный контроль (надзор), национальная безопасность, атомные объекты, юридическое обеспечение

Введение

Безопасность объектов атомной промышленности имеет критическое значение для национальной и международной безопасности, экологии и устойчивого развития. Юридическое регулирование в этой сфере призвано минимизировать риски аварий, террористических угроз и незаконного использования ядерных материалов.

Ключевую часть системы юридического обеспечения безопасности объектов атомной промышленности составляют международные договоры – как многосторонние, так и двусторонние, акты международных организаций – ООН и МАГАТЭ, а также законы стран, имеющих атомные объекты на своей территории и в своей юрисдикции. Настоящие законы призваны к стандартизации правового регулирования и равно высокого уровня безопасности атомных объектов по всему миру.

Так, МАГАТЭ прилагает усилия к повышению профессионального уровня участников атомной отрасли с целью улучшения механизмов надзора за её мирным использованием. «Эффективное управление повышает общий уровень стабильности и безопасности в атомной отрасли» [8, с. 14].

В настоящее время практика показала, что в ходе ведения боевых действий атомные объекты могут быть подвержены атакам, несмотря на существующие нормы безопасности и установленные международным законодательством принципы. Примеры, иллюстрирующие данный тезис:

1. Атаки Киевского режима на Запорожскую АЭС (далее – ЗАЭС), её обесточивание. Ситуация вызывает серьёзные опасения у Президента РФ, а также генерального директора МАГАТЭ: <https://www.kommersant.ru/doc/8080008?from=main>. Невозможность своевременного ремонта повреждённого оборудования на ЗАЭС из-за продолжающихся обстрелов со стороны Украины: <https://www.kommersant.ru/doc/8080008?from=main>

2. Обесточивание саркофага над 4-м энергоблоком Чернобыльской АЭС, что может привести к ухудшению радиационной обстановки в регионе: <https://www.amur.life/news/2025/10/02/v-rezultate-udarov-obestocheny-chernobylskaya-i-zaporozhskaya-aes>

3. Атаки Израиля в июне 2025 г. по атомным объектам Ирана, что привело к началу боевых действий на Ближнем Востоке, создало значительную угрозу радиационной аварии: <https://www.interfax.ru/chronicle/izrailskaya-ataka-na-yadernye-obekty-irana.html>

4. Атаки BBC США по ядерным объектам Ирана в июне 2025 г.: https://www.1tv.ru/news/2025-06-22/513094-ssha_nanesli_udar_po_yadernym_ob_ektam_irana, планирование расширения противобункерного арсенала, что говорит о намерении продолжать подобные действия: <https://www.rbc.ru/politics/01/10/2025/68dd73e59a79471b1923e0aa>.

Дополнительно важно указать, что повреждение объектов атомного комплекса требует их повторного обслуживания и введения в эксплуатацию, а в случае серьёзных повреждений, повторного инспектирования. Процесс проверки и соответствия объекта нормам МАГАТЭ длителен, что увеличивает срок ремонтных работ [6 с. 28].

Материалы и методы

Наиболее важным аспектом обеспечения безопасности атомных объектов следует считать международное регулирование и, при необходимости, воздействие на государство или организацию, допускающую нарушение норм безопасности атомных объектов, что подтверждается п. vii преамбулы Конвенции о ядерной безопасности 1994 г. Закрепляя международное сотрудничество и укрепляя связи между государствами, становится возможным установить прочный механизм поддержания стабильно высокого уровня безопасности.

Стоит отметить, что развитие права в области атомной промышленности, безопасности и контроля (надзора) как на национальном, так и на международном уровне возникает не только из-за военной необходимости или опасности для населения, но также и в силу технологического прогресса [4, с. 86–87]. Данный аспект является предметом научных исследований.

Необходимо напомнить, что согласно п. i ст. 2 Конвенции от 1994 г. категория атомных объектов сводится к термину “ядерная установка”, которая представляет собой любую наземную гражданскую атомную станцию, находящуюся под ее юрисдикцией, включая такие хранилища и установки для обработки и переработки радиоактивных материалов, которые находятся на этой же площадке и непосредственно связаны с эксплуатацией данной атомной станции.

Обеспечение безопасности военных атомных объектов осуществляется силами национальных государств в соответствии с принятыми ими ядерными доктринами. Так, в России такой порядок установлен в соответствии с Указом Президента РФ от 19.11.2024 г. № 991 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области ядерного сдерживания», а также Указом Президента РФ от 13.02.2014 г. № 79 “Об организации федерального государственного надзора в области ядерной и радиационной безопасности при разработке, изготовлении, испытании, эксплуатации, хранении и утилизации ядерного оружия и ядерных энергетических установок военного назначения и в области физической защиты ядерных материалов, ядерных установок

и пунктов хранения ядерных материалов на ядерных объектах».

Также, российские требования соотносятся с установленными МАГАТЭ требованиями к подготовке кадров, работающих на атомных объектах [7, с. 46–48].

Согласно п. 4 Указа Президента РФ № 79 к военным ядерным объектам относятся:

а) воинские части и организации Вооруженных Сил Российской Федерации (далее – Вооруженные Силы);

б) организации, подведомственные федеральным органам исполнительной власти, и организации, осуществляющие деятельность в сфере ведения федеральных органов исполнительной власти;

в) организации и федеральные ядерные организации Госкорпорации «Росатом»;

г) федеральное государственное бюджетное учреждение «Национальный исследовательский центр «Курчатовский институт»;

д) иные организации независимо от организационно-правовой формы и формы собственности.

Все категории объектов, перечисленные в Указе Президента РФ, находятся под особой охраной, а также под особо пристальным государственным контролем (надзором) с целью максимизации мер безопасности.

Важно разделять юрисдикцию субъектов атомной отрасли в сфере безопасности. Отличия юрисдикции заключаются в распределении надзора за гражданскими и военными объектами. Так, национальные государства самостоятельно, в соответствии с местным законодательством и ратифицированными государством международными договорами определяют политику в отношении военных объектов, допуская специалистов МАГАТЭ только по согласию государства-резидента. Например, у МАГАТЭ отсутствуют сведения о статусе и состоянии ядерной программы КНДР: – “В Северной Корее находится огромное количество ядерных объектов, за которыми не ведут наблюдение. Никто в мире, включая Россию и Китай, не имеет представления о соблюдении Пхеньяном минимальных стандартов безопасности в области ядерных технологий” – сообщил генеральный директор МАГАТЭ Рафаэль Гросси (<https://www.rbc.ru/rbcfree-news/666fb8939a7947702bf6e625>).

Политическая ситуация в мире такова, что существующее международное законодательство не позволяет должным образом контролировать безопасность ядерных объектов, находящихся в странах, пребывающих в состоянии вооруженного конфликта, как, например, Иран и Израиль.

Таким образом, сложилась обстановка, в которой международному сообществу необходимо для укрепления безопасности, снижения международной напряженности, прогрессивного развития всего человечества выработать такой юридический механизм, который бы должным образом обеспечил и решил накопившиеся проблемы в данной области.

Россия ведёт активную политику, выступая гарантом международной безопасности, что юридически закреплено в п. 9 и 17 Стратегии национальной безопасности, утверждённой Указом Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». Согласно данному Указу Российская Федерация стремится к повышению устойчивости системы международных отношений, опирающейся на международное право, принципы всеобщей, равной и неделимой безопасности, углублению многостороннего взаимодействия без разделительных линий и блоковых подходов в целях совместного решения глобальных и региональных проблем при центральной координирующей роли Организации Объединённых Наций (ООН) и её Совета Безопасности.

Аналогичная цель поставлена Указом Президента от 31.03.2023 № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» в пп. 2 п. 17: «Поддержание международного мира и безопасности, стратегической стабильности, обеспечение мирного сосуществования и поступательного развития государств и народов».

Результаты и обсуждение

Какова в настоящее время система международного юридического обеспечения ядерной безопасности? Как международная соотносится с системой атомной безопасности в РФ?

Международная правовая система безопасности в области атомной промышленности и энергетики включает несколько ключевых компонентов, направленных на предотвращение аварий, минимизацию рисков и обеспечение защиты от угроз. МАГАТЭ основывает научные исследования и технические требования на принятых государствами-членами конвенциях и международных договорах [10 с. 48]. Её структура основана на взаимодействии норм международных договоров, стандартов, деятельности регулирующих организаций и национальных правовых норм:

1. Международные конвенции и договоры, ключевой из которых является Конвенция ООН «О ядерной безопасности» (1994 г.), определившая стандарты и императивы в области атомной промышленности. Основной посыл конвенции состоит в стремлении к минимизации ядерных аварий. За соблюдением норм конвенции следит МАГАТЭ.

- Конвенция ООН «Об оперативном оповещении о ядерной аварии» (1986 г.). Её участники согласились с тем, что в случае какой-либо ядерной аварии необходимо непосредственно или через МАГАТЭ оповестить государства о произошедшем с целью минимизации радиационного поражения. Конвенция направлена на исключение сокрытия информации об ядерных происшествиях.
- Конвенция ООН «О помощи в случае ядерной или радиационной аварийной ситуации»

(1986 г.) – регулирует международное взаимодействие при авариях, включая оперативную помощь и обмен информацией.

- Конвенция ООН «О физической защите ядерного материала и ядерных установок» (1979 г.) – сводится к формированию международной системы надзора за безопасностью объектов атомной отрасли в национальных государствах с целью безопасного и равного доступа государств к мирной ядерной энергии и технологиям.

Ключевая проблема в юридическом обеспечении атомной безопасности состоит в обеспечении контроля за их соблюдением, а также контролем (надзором), что отражено в научном дискурсе [5, с. 3]. Так, на международном уровне эту функцию выполняет МАГАТЭ.

МАГАТЭ остаётся единственным международным надзорным органом в области межгосударственного контроля ядерной энергии и атомной промышленности. Однако, несмотря на ключевую роль в обеспечении безопасности атомных объектов государств-участников Агентства, МАГАТЭ не имеет прямого влияния на законодательство в области своего ведения, что закреплено в его Уставе [9, с. 2–3].

Акты МАГАТЭ носят *рекомендательный характер*, и представляют собой не столько нормативные акты, сколько научные работы в области атомного права. Данная функция закреплена в статье 3 Устава МАГАТЭ. В п. А ст. 3 установлен приоритет поддержки научных исследований под эгидой МАГАТЭ, ООН, других организаций, а также государств. Среди таких: спектр публикаций Safety Standards.

Стандарты безопасности, принимаемые МАГАТЭ, являются *обязательными только для государств-членов МАГАТЭ*. Согласно Уставу Агентства, членство государств в нём является добровольным.

Основа действующего российского законодательства в области государственного контроля (надзора) в сфере атомной энергетики и безопасности зиждется на актах Таможенного союза, а также на ряде федеральных законов [2 с. 194]. Исходя из этого, возможно сделать вывод о низком уровне имплементации международных норм в право государств.

Кроме того, непосредственная реализация процесса государственного контроля (надзора) в РФ опирается, помимо федерального законодательства, на акты Евразийского экономического союза, например, в сфере таможенного регулирования в отношении радиационно-опасных объектов [1, с. 43]

В свете тенденции к снижению международной безопасности в области нераспространения ядерного оружия (так, парламент Исламской Республики Иран планирует выйти из ДНЯО – <https://iz.ru/1947265/ksenia-loginova/molcanie-i-gnet-ssa-ot-kazyvautsa-ot-dialoga-s-iranom>, а США не ответили на предложение России о продлении срока дей-

ствия договора о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений (СНВ-III): https://www.1tv.ru/news/2025-10-02/522280-vasiliy_nebenzya_sobshchil_chno_moskva_ozhidaet_otveta_ssha_na_predlozhenie_po_dsnnv), необходимо выработать новый механизм юридического обеспечения атомной безопасности.

Тренды мировой политики ведут к тому, что ООН может не выступить регулятором этой проблемы, в связи с чем имеет смысл рассмотреть выработку соответствующего международного договора, необходимых поправок (или нововведений) в национальное законодательство стран-участников посредством механизмов Шанхайской Организации Сотрудничества (ШОС), что соответствует принципам сотрудничества в области безопасности, установленным ст. 3 Хартии ШОС.

Несоблюдение гарантий и ослабление влияния действующих международных организаций и систем уже в полной мере проявляет себя. Так, США в июле 2025 г. переместили ядерное оружие в Великобританию, что является провокацией, а также нарушением договора СНВ-III – <https://lenta.ru/news/2025/07/29/v-sovfede-otreagirovali-na-reshenie-ssha-dostavit-yadernoe-oruzhie-v-velikobritaniyu/>.

Позиция прогрессивного международного сообщества состоит в поддержании приверженности к соблюдению гарантий безопасности, утвержденных нормами права, а также совершенствованию государственного права, что было подтверждено принятием Тяньцзиньской декларации глав государств-участников ШОС от 01.09.2025 г.: «Государства-члены решительно осудили военные удары Государства Израиль и Соединенных Штатов Америки по Исламской Республике Иран в июне 2025 года. Подобные агрессивные действия против гражданских объектов, включая ядерно-энергетическую инфраструктуру, которые привели к гибели мирных жителей, являются грубым нарушением принципов и норм международного права и Устава ООН, посягательством на суверенитет Исламской Республики Иран. Они наносят ущерб региональной и международной безопасности, чреватые серьезными последствиями для глобального мира и стабильности.

Они отметили, что физическая ядерная безопасность и защищенность ядерных объектов должны обеспечиваться на постоянной основе, включая периоды вооруженных конфликтов, с целью защиты населения и окружающей среды от вреда. В этой связи они подтвердили свою приверженность дипломатическим инициативам, направленным на мирное урегулирование возникших вопросов.

Государства-члены подтвердили значимость Резолюции Совета Безопасности ООН 2231 (2015), подчеркнув, что она носит обязательный характер и должна исполняться в полном объеме в соответствии с ее положениями и считают, что любые попытки их произвольного толкования расценивают-

ся как подрыв авторитета Совета Безопасности ООН».

Заключение

В связи с чем предполагаются следующие векторы развития:

1. Разработать на основе действующего федерального законодательства предложения по реформации международной и межгосударственной системы контроля (надзора) в области ядерной энергии и промышленности, ядерного оружия. Такие предложения должны основываться на нормах Конвенций ООН в области атомной энергии, нормы и стандарты МАГАТЭ. Содержание предложений может быть сведено к большему контролю за соблюдением государствами-членами ООН и МАГАТЭ законодательства в области атомной энергии с целью повышения безопасности и не допустить распространение ядерного оружия либо угрозы его применения, а также направлено на решение новых правовых вызовов. Один из таких вызовов – распространение практики применения ИИ в атомной энергетике и системе контроля (надзора) [3 с. 497].

2. Выработать новую систему межгосударственного и государственного контроля (надзора) на базе ШОС, поскольку сохраняется тенденция к развитию международных блоков (макрорегионов), объединяемых не только политическими целями, но и общим подходом к юридическому обеспечению основных сфер сотрудничества, одна из которых – атомная отрасль. В пользу данного решения говорит и факт того, что в ШОС состоят крупные атомные державы – Россия, КНР, Индия, Пакистан и Иран, что составляет половину от всех ядерных держав мира.

Таким образом, актуальность вопроса синтеза международного обеспечения атомной безопасности и государственного контроля (надзора) неуклонно растёт, и данная тема станет предметом новых научных изысканий.

Литература

1. Борисенко А.В. Обеспечение ядерной и радиационной безопасности на границе: функции и полномочия таможенных органов Российской Федерации» // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. – 2025. – № 2 (111). – с. 42–56.
2. Кардапольцев А.В. Нормативно-правовые основы Федеральной службы по экологическому, технологическому и атомному надзору (Западно-Уральское управление Ростехнадзора) // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2025. – Т. 2–3 (101). – с. 193–199.
3. Клебанов Л.Р., Лизикова М.С. Искусственный интеллект в атомной энергетике: правовые вызовы и международное сотрудничество в поисках подходов к регулированию // Вестник

РУДН. Серия: Юридические науки. – 2025. – Т. 29, № 2. – с. 494–508.

4. Лизикова М.С. Международное атомное право: инновационное развитие правовой среды // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2023. – Т. 18, № 5. – С. 80–97.
5. МАГАТЭ Нераспространение ядерного оружия и физическая ядерная безопасность. – 2006. – с. 1–20.
6. Commissioning of Research reactors // Specific Safety Guide № SSG-80. – 2023. – с. 1–84.
7. IEAE Safety Standards The Operating Organization and the Recruitment, training and Qualification of personnel for research reactors // Specific Safety Guide № SSG-84. – 2022. – с. 1–110.
8. Irena Chatzis Stengthening nuclear dialogue, IAEA services supporting stakeholder engagement // IAEA Bulletin. – 2025. – С. 1–32.
9. Laura Rockwood Legal framework for IAEA safeguards. – 2013. – с. 1–42.
10. Life Cycle management approaches for nuclear Facility instrumentation and control systems // IAEA Nuclear Energy Series № NR-T-1.23. – 2025. – с. 1–132.

INTERACTION OF THE STATE CONTROL (SUPERVISION) SYSTEM AND INTERNATIONAL LAW IN THE FIELD OF NUCLEAR SAFETY

Demakov M.I.

Ural Institute of Administrative

This article examines the application of state control (supervision) regulations in the nuclear industry, taking into account international law. It examines the interaction between national and international legal systems in implementing these regulations. It explores the relevance of this topic in the context of changing nuclear safety conditions and the response of national law to such changes. It analyzes recent scientific research in the area of legal regulation of nuclear

safety, state control (supervision) of compliance with legal norms in this area, and the actions of the international community in this area. Proposals are presented for improving the state control (supervision) system in conjunction with the international system of legal regulation of nuclear safety at both civilian and military facilities. The need for further scientific research and the practical implementation of its findings is substantiated based on the current global situation and the political climate.

Keywords: nuclear safety, IAEA, state control (supervision), national security, nuclear facilities, legal support.

References

1. Borisenko AV. Ensuring Nuclear and Radiation Safety at the Border: Functions and Powers of the Customs Authorities of the Russian Federation // Customs Policy of Russia in the Far East. – 2025. – No. 2 (111). – pp. 42–56.
2. Kardapol'tsev AV. Regulatory Framework of the Federal Service for Environmental, Technological and Nuclear Supervision (West Ural Department of Rostekhnadzor) // International Journal of Humanitarian and Natural Sciences. – 2025. – Vol. 2–3 (101). – pp. 193–199.
3. Klebanov LR, Lizikova MS. Artificial Intelligence in Nuclear Energy: Legal Challenges and International Cooperation in Search of Regulatory Approaches // RUDN University Bulletin. Series: Legal Sciences. – 2025. – Vol. 29, No. 2. – pp. 494–508.
4. Lizikova M.S. International Atomic Law: Innovative Development of the Legal Environment // Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. – 2023. – Vol. 18, No. 5. – pp. 80–97.
5. IAEA Non-Proliferation of Nuclear Weapons and Nuclear Security. – 2006. – pp. 1–20.
6. Commissioning of Research Reactors // Specific Safety Guide No. SSG-80. – 2023. – pp. 1–84.
7. IEAE Safety Standards The Operating Organization and the Recruitment, Training, and Qualification of Personnel for Research Reactors // Specific Safety Guide No. SSG-84. – 2022. – pp. 1–110.
8. Irena Chatzis Stengthening nuclear dialogue, IAEA services supporting stakeholder engagement // IAEA Bulletin. – 2025. – P. 1–32.
9. Laura Rockwood Legal framework for IAEA safeguards. – 2013. – p. 1–42.
10. Life Cycle management approaches for nuclear facility instrumentation and control systems // IAEA Nuclear Energy Series No. NR-T-1.23. – 2025. – p. 1–132.

Межбюджетные противоречия в системе распределения налоговых отчислений между регионами Российской Федерации

Иванов Арсений Андреевич,

аспирант, Уральский институт управления – филиал
«Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской
Федерации»

E-mail: gorin9ennady@yandex.ru

Вступление. Исследование обусловлено необходимостью преодоления системного дисбаланса в межбюджетных отношениях, которые препятствуют реализации стратегических целей пространственного развития Российской Федерации. Сохраняющаяся критическая дифференциация субъектов РФ по уровню бюджетной обеспеченности свидетельствует о глубоких проблемах в административно-правовом регулировании распределения налоговых доходов. Целью работы является выявление институциональных причин данных диспропорций и разработка концепции оптимизации соответствующего правового механизма. Материалы и методы. Методологическую основу составил комплекс общенаучных и частнонаучных методов. Применялись системно-структурный метод для анализа механизма межбюджетных отношений как целостной системы, формально-юридический метод для изучения законодательных норм, а также сравнительно-правовой и статистический методы. Эмпирическую базу исследования составили данные об исполнении консолидированных бюджетов субъектов РФ, представляющих разные типы регионов (доноры, регионы с особым статусом, дотационные субъекты). Результаты. Установлено, что действующая административно-правовая модель распределения налоговых доходов носит централизованный характер и порождает «ловушку дотационности», не создавая у регионов стимулов к наращиванию собственной налоговой базы. Научная новизна заключается в обосновании институционального характера проблем межбюджетного регулирования и разработке концепции стимулирующего распределения налоговых доходов. Обсуждение. Значение полученных результатов состоит в разработке подходов к преодолению дисфункций правового регулирования межбюджетных отношений в контексте совершенствования межбюджетной политики. Исследование демонстрирует, как правовые нормы могут не только регулировать, но и воспроизводить системные дисбалансы.

Ключевые слова: административное право, правовой механизм, налог, налоговые доходы, распределение налоговых доходов, регионы, субъекты РФ.

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена перманентным реформированием системы межбюджетных отношений в Российской Федерации, направленным на поиск оптимального баланса между принципами бюджетного федерализма и необходимостью обеспечения единства экономического и правового пространства страны. Эффективное и справедливое распределение налоговых доходов между бюджетами субъектов Федерации является ключевым условием для их устойчивого социально-экономического развития, выполнения возложенных на них публичных обязательств и, как следствие, укрепления государственности в целом. Однако сохраняющаяся на протяжении десятилетий значительная дифференциация регионов по уровню бюджетной обеспеченности свидетельствует о наличии системных проблем в административно-правовом регулировании данного процесса.

При этом проблема распределения налоговых доходов между субъектами Российской Федерации обусловлена их непосредственной связью с фундаментальными принципами российского федерализма, такими как единство государственной власти, разграничение предметов ведения и полномочий, а также равноправие субъектов РФ [4].

Принятие Распоряжения Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2024 г. № 4146-р «Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года» (далее – Стратегия) актуализирует рассматриваемую проблематику, задавая новые векторы пространственного развития и ставя амбициозные задачи по сокращению межрегиональных диспропорций [10]. Достижение этих целей напрямую зависит от функционирования административно-правового механизма зачисления и распределения налоговых доходов.

Целью данного исследования является комплексный административно-правовой анализ проблем распределения налоговых доходов между субъектами РФ и разработка на его основе конкретных предложений по оптимизации соответствующего механизма. Для достижения этой цели поставлены следующие задачи: рассмотреть теоретические аспекты проблемы, проанализировать существующие научные подходы, выявить и обосновать ключевые проблемы на примере анализа социально-экономических показателей регионов и предложить пути совершенствования законодательства.

Методы исследования

Методологическую основу настоящего исследования составили системно – структурный метод, формально – юридический метод, сравнительно – правовой метод, статистический метод, метод правового моделирования.

Результаты исследования

Теоретические аспекты административно-правового регулирования распределения налоговых доходов рассматривались в трудах таких ученых-юристов, как Н.М. Коркунов [5], который заложил основы понимания финансового права как самостоятельной отрасли, и Г.Ф. Шершеневич [12], исследовавший правовую природу налогов и сборов. Современные исследователи, такие как С.Г. Пепеляев [9] и Д.В. Винницкий [2], акцентируют внимание на проблемах налогового федерализма и необходимости обеспечения справедливого распределения налоговых доходов между различными уровнями власти.

В современной юридической науке сформировалось несколько конкурирующих подходов к административно-правовому регулированию распределения налоговых доходов, вытекающих из различных трактовок базовых категорий. Цен-

тралистский подход, апологетами которого можно считать В.Г. Панскова и А.З. Дадашева, исходит из необходимости концентрации основных фискальных рычагов в руках федерального центра для обеспечения макроэкономической стабильности и единого экономического пространства [8].

Ему противостоит децентралистский (или субсидиарный) подход, активно развиваемый в статье И.И. Ибрагимовой [3]. Автором доказывается тот факт, что максимальное закрепление налоговых доходов за тем уровнем власти, который осуществляет их сбор и предоставляет на их основе публичные услуги, повышает ответственность региональных и местных властей перед населением и стимулирует экономический рост.

Анализ показывает, что действующая модель распределения налоговых доходов в большей степени тяготеет к централистскому подходу, что и порождает ряд системных проблем.

Так, проведенный анализ социально-экономических показателей некоторых регионов в рамках реализации «Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года» выявил существенные диспропорции в их развитии и финансовом обеспечении (таблица 1).

Таблица 1. Анализ бюджетной обеспеченности и зависимости от межбюджетных трансфертов в выбранных субъектах РФ (по данным за 2024 год) [11]

Субъект Российской Федерации	Категория для анализа	Бюджетная обеспеченность на душу населения, руб.	Общий объем доходов бюджета, млн руб.	Объем межбюджетных трансфертов (МБТ), млн руб.	Доля МБТ в общих доходах, %
г. Москва	Регион-донор (лидер)	287 124	4 321 844	78 455	1.8
г. Санкт-Петербург	Регион-донор	178 966	1 076 332	118 823	11.0
Московская область	Регион-донор	101 309	816 572	154 873	19.0
Республика Крым	Дотационный регион с особым статусом	62 844	154 249	107 032	69.4
г. Севастополь	Дотационный регион с особым статусом	75 502	39 099	24 728	63.2
Чеченская Республика	Дотационный регион (Сев. Кавказ)	42 107	147 339	119 966	81.4
Камчатский край	Дотационный регион (Дальний Восток)	121 929	97 118	65 089	67.0

* Показатель «Бюджетная обеспеченность на душу населения» рассчитан как отношение общего объема доходов консолидированного бюджета субъекта (без учета безвозмездных поступлений) к численности населения.

Несмотря на декларируемые в Стратегии цели по сокращению межрегионального неравенства, разрыв в показателях бюджетной обеспеченности на душу населения между лидерами (Москва – свыше 200 тыс. руб.) и отстающими (напр., Чеченская Республика – около 40 тыс. руб.) продолжает оставаться ощутимым, с разницей в 5 раз [7].

Представляется, что ключевая проблема действующего механизма межбюджетных отношений состоит в том, что система, призванная обеспечивать выравнивание бюджетной обеспеченности субъектов РФ, фактически способствует формированию и закреплению иждивенческой модели по-

ведения у регионов-получателей финансовой помощи, что выражается в «ловушке дотационности» [6]. Кроме того, регион, получающий значительный объем МБТ, лишается существенных стимулов для развития собственной экономической и налоговой базы, так как рост собственных доходов приводит к пропорциональному сокращению трансфертов из федерального центра.

Вторая ключевая проблема – слабая увязка механизма распределения МБТ со стратегическими приоритетами пространственного развития. Стратегия акцентирует необходимость развития опорных макрорегионов и транспортно-логистических

коридоров, однако критерии предоставления дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности, закрепленные в Бюджетном кодексе РФ (ст. 130, 142), носят сугубо ретроспективный и формальный характер (расчетный объем доходов и расходов) [1].

Обсуждение

Полученные результаты свидетельствуют о глубоком системном кризисе административно-правового механизма распределения налоговых доходов. Его ценность заключается в том, что он не просто констатирует наличие межрегиональной асимметрии, а выявляет ее институциональные, правовые причины, демонстрируя, как сами нормы права порождают и воспроизводят дисбаланс. При этом, на наш взгляд, необходимо оптимизировать механизм, внедрив в него стимулирующие и стратегически ориентированные элементы через совершенствование законодательных норм.

Предлагаются следующие меры по совершенствованию административно-правового механизма распределения налоговых доходов:

1. Внести изменения в Бюджетный кодекс РФ, дополнив критерии распределения дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности стимулирующими показателями.

Дополнить статью 135 пунктом, следующего содержания:

«При определении объема дотации на выравнивание бюджетной обеспеченности субъектов Российской Федерации, помимо критериев, установленных настоящей статьей, учитываются стимулирующие показатели, отражающие динамику роста собственных доходов бюджета субъекта Российской Федерации и уровень мобилизации его налогового потенциала, в порядке, установленном Правительством Российской Федерации.»

Статью 142 дополнить абзацем следующего содержания:

«При расчете объема дотации на выравнивание бюджетной обеспеченности учитывается положительная динамика роста собственных доходов бюджета субъекта Российской Федерации, превышающая среднероссийский уровень, а также уровень мобилизации налогового потенциала, определяемый как отношение фактических поступлений налоговых доходов к потенциально возможным поступлениям налоговых доходов, рассчитанным в соответствии с методикой, утверждаемой федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере бюджетной, налоговой, валютной, кредитной, таможенно-тарифной политики. Порядок учета указанных показателей и их удельный вес при расчете дотаций устанавливаются Правительством Российской Федерации.»

Данные изменения создадут правовой стимул для регионов к проведению активной экономической политики.

2. Дополнить Бюджетный кодекс РФ новой главой «Особенности предоставления целевых инфраструктурных трансфертов», который закрепил бы особый порядок предоставления таких трансфертов регионам, определенных Стратегией пространственного развития. Финансирование должно предоставляться не на основе выравнивания, а на основе софинансирования проектов, имеющих макрорегиональное и национальное значение.

Заключение

Проведенное исследование позволило выявить основные административно-правовые проблемы, связанные с распределением налоговых доходов между субъектами Российской Федерации. Было установлено, что существующий механизм не обеспечивает справедливого и эффективного распределения ресурсов, приводит к диспропорциям в социально-экономическом развитии регионов и ограничивает их финансовую самостоятельность.

Анализ теоретических подходов и социально-экономических показателей выбранных регионов подтвердил наличие системного дисбаланса, созданной «логикой» правового регулирования. В качестве основного пути решения проблемы предлагается оптимизация законодательства через внедрение стимулирующих правовых норм.

Литература

1. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 N 145-ФЗ (ред. от 31.07.2025): [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 16.09.2025).
2. Винницкий Д.В. Налоговое право: монография. М., 2017. 512 с.
3. Ибрагимов И.И. Современные особенности проявления бюджетного федерализма в России // Journal of Monetary Economics and Management. 2024. № 7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-osobennosti-proyavleniya-byudzhethnogo-federalizma-v-rossii> (дата обращения: 16.09.2025).
4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020): [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 16.09.2025).
5. Коркунов Н.М. Русское государственное право. Т. 1. СПб., 1909. 654 с.
6. Королёва Л.П., Ермошина Т.В. Ловушка дотационности регионов с низким уровнем бюджетной обеспеченности // Вестник Академии знаний. 2024. № 4 (63). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lovushka-dotatsionnosti-regionov>

s-nizkim-urovнем-byudzhetnoy-obespechennosti (дата обращения: 18.09.2025).

7. Официальный сайт Федерального казначейства. Сводные сведения о кассовом исполнении бюджетов субъектов Российской Федерации: [Электронный ресурс]. – URL: <https://roskazna.gov.ru/> (дата обращения: 15.09.2025).
8. Пансков В.Г., Дадашев А.З. Налоговая система России: проблемы и перспективы // ЭКО. 2022. № 4. С. 5–19.
9. Пепеляев С.Г. Налоговое право: монография. М., 2003. 480 с.
10. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2024 г. № 4146-р «Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года»: [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 16.09.2025).
11. Росстат «Оценка численности населения на 1 января 2024 года»: [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал. – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/> (дата обращения: 16.09.2025).
12. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. Т. 1. М., 2005. 520 с.

INTER-BUDGETARY CONTRADICTIONS IN THE SYSTEM OF DISTRIBUTION OF TAX DEDUCTIONS BETWEEN THE REGIONS OF THE RUSSIAN FEDERATION

Ivanov A.A.

Ural Institute of Management – branch of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Introduction. The study is due to the need to overcome the systemic imbalance in interbudgetary relations, which impede the implementation of the strategic goals of spatial development of the Russian Federation. The continuing critical differentiation of the constituent entities of the Russian Federation in terms of budgetary provision indicates deep problems in the administrative and legal regulation of the distribution of tax revenues. The aim of the work is to identify the institutional causes of these imbalances and develop a concept for optimizing the corresponding legal mechanism. Materials and methods. The methodological basis was a complex of general scientific and private scientific methods. A system-structural method was used to analyze the mechanism of interbudgetary relations as an integral system, a formal legal method for studying legislative norms, as well as comparative legal and statistical methods. The empirical basis of the study was data on the execution of the consolidated budgets of the constituent entities of the Russian Federation representing different types of regions (donors, regions with special

status, subsidized entities). Results and conclusions. It has been established that the current administrative and legal model for the distribution of tax revenues is centralized and creates a “subsidy trap,” without creating incentives for the regions to build up their own tax base. The scientific novelty lies in the justification of the institutional nature of the problems of interbudgetary regulation and the development of the concept of stimulating distribution of tax revenues. Discussion. The significance of the results obtained lies in the development of approaches to overcoming the dysfunctions of legal regulation of intergovernmental relations in an asymmetric federation. The study demonstrates how legal norms can not only regulate, but also reproduce systemic imbalances.

Keywords: administrative law, legal mechanism, tax, tax revenues, distribution of tax revenues, regions, subjects of the Russian Federation

References

1. Budget Code of the Russian Federation No. 145-FL dated 07/31/1998 (as amended on 07/31/2025): [Electronic resource] // Official Internet portal of Legal Information. – URL: <http://www.pravo.gov.ru/> (date of access: 09/16/2025).
2. Decree of the Government of the Russian Federation dated December 28, 2024 No. 4146-d “Strategy of spatial Development of the Russian Federation for the period up to 2030 with a forecast up to 2036”: [Electronic resource] // Official Internet portal of Legal Information. – URL: <http://www.pravo.gov.ru/> (date of access: 09/16/2025).
3. Ibragimova I.I. (2024). Modern features of the manifestation of budgetary federalism in Russia. Journal of Monetary Economics and Management, 7. Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennyye-osobennosti-proyavleniya-byudzhethnogo-federalizma-v-rossii> (Accessed September 16, 2025).
4. Korkunov N.M. (1909). Russian state law. Volume 1. St. Petersburg. 654 pp.
5. Koroleva L.P., & Yermoshina T.V. (2024). The trap of subsidization of regions with a low level of budgetary provision. Bulletin of the Academy of Knowledge, 4 (63). Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/lovushka-dotatsionnosti-regionov-s-nizkim-urovнем-byudzhetnoy-obespechennosti> (Accessed September 15, 2025).
6. Panskov V.G., & Dadashev A.Z. (2022). Russian tax system: problems and prospectp. IVF, 4, pp. 5–19.
7. Pepelyaev S.G. (2003). Tax law. Moscow. 480 p.
8. Rosstat “Population estimate for January 1, 2024”: [Electronic resource] // Official Internet portal. – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/> (date of access: 09/16/2025).
9. Shershenovich G.F. (2005). Textbook of Russian civil law. Volume 1. Moscow. 520 p.
10. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12/12/1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 07/01/2020): [Electronic resource] // Official Internet portal of Legal Information. – URL: <http://www.pravo.gov.ru/> (date of access: 09/16/2025).
11. The official website of the Federal Treasury. Summary information on the cash execution of budgets of the subjects of the Russian Federation: [Electronic resource]. – URL: <https://roskazna.gov.ru/> (date of access: 09/15/2025).
12. Vinnitsky D.V. (2017). Tax law. Moscow. 512 p.

Налоговый контроль в форме налогового мониторинга. Проблемы и перспективы развития

Ижко Иван Витальевич,

аспирант Института сравнительного законодательства
и правоведения при Правительстве РФ
E-mail: Ivan.izhko@gmail.com

В статье рассматриваются проблемы и перспективы налогового контроля в форме налогового мониторинга. Анализируются различные подходы к определению налогового мониторинга в научной литературе, законодательстве и практике Федеральной налоговой службы. Выявляются основные различия в трактовке данного понятия законодателем и налоговыми органами, а также приводится статистический анализ эффективности налогового мониторинга по сравнению с традиционными методами налогового контроля (камеральными и выездными налоговыми проверками). В статье также поднимается вопрос о возможности распространения налогового мониторинга на субъекты малого и среднего предпринимательства (МСП) с целью повышения прозрачности налоговых отношений. Рассматривается зарубежный опыт налогового мониторинга и предлагаются меры по его совершенствованию в России, включая внедрение автоматизированных систем и налогового консультирования.

Ключевые слова: налоговый мониторинг, налоговый контроль, налоговое администрирование, налоговые проверки, ФНС России, цифровизация налогообложения, налоговые споры, малый и средний бизнес.

Налоговый мониторинг представляет собой один из видов налогового контроля. Наряду с камеральными и выездными налоговыми проверками, налоговый мониторинг призван обеспечить соблюдение налогоплательщиками, плательщиками сборов, налоговыми агентами законодательства о налогах и сборах. В отличие от традиционных методов налогового контроля, таких как камеральные и выездные налоговые проверки, налоговый мониторинг базируется на принципах оперативного информационного обмена между налоговыми органами и налогоплательщиками в режиме реального времени, основанном на их добровольном взаимодействии.

В юридической науке сложились разные подходы к пониманию налогового мониторинга.

По мнению Бакаевой О.Ю., Покачаловой Е.В., понятие налоговый мониторинг в целом означает один из способов проведения исследования определенных явлений, фактов, действий, информации. Этот механизм основан на наблюдении, в результате которого формируются взгляды, производится оценка, принимаются решения¹.

А по мнению И.И. Елисеевой, под налоговым мониторингом понимается система, позволяющая непрерывно следить за состоянием определенного объекта, регистрировать его важнейшие характеристики, оценивать их, оперативно выявлять результаты воздействия на объект различных процессов и факторов².

В Российском Законодательстве выделяются следующие виды мониторинга:

- Мониторинг земель «система наблюдения за состоянием земель...»³ (ст. 67 ЗК РФ);
- Экологический мониторинг «комплексные наблюдения за состоянием окружающей среды...»⁴;
- Мониторинг при государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации, где под мониторингом понимается «сбор, анализ и распространение ин-

¹ Бакаева О. Ю., Покачалова Е.В. Мониторинг и аудит как инструмент достижения баланса частных и публичных интересов в налоговых и таможенных правоотношениях // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2018. № 4. [С. 616–643.]

² Елисеева И.И. Популярный экономико-статистический словарь-справочник / Под ред. И.И. Елисеевой. М.: Финансы и статистика, 1993. [81 с.]

³ Земельный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 25.10.2001 № 136-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // Российская газета. 2001. № 211.

⁴ Об охране окружающей среды: федер. закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ (ред. от 29.12.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 2. [Ст. 133.]

формации для принятия управленческих решений)¹.

В Налоговом кодексе Российской Федерации под налоговым мониторингом понимается форма налогового контроля, при которой налогоплательщик предоставляет налоговым органам доступ к информации бухгалтерского и налогового учета, чтобы обеспечить прозрачность и своевременность налогообложения².

Однако налоговыми органами было дано следующее понятие налогового мониторинга – «налоговый мониторинг – способ расширенного информационного взаимодействия, при котором организация предоставляет налоговому органу доступ в режиме реального времени к данным бухгалтерского и налогового учета»³.

Таким образом, налоговые органы вступают в противоречие с законодателем в определении понятия налогового мониторинга. Поскольку законодатель рассматривает налоговый мониторинг как контрольный инструмент, обеспечивающий соблюдение налогового законодательства, в то время как налоговые органы рассматривают налоговый мониторинг как механизм информационного взаимодействия, где контрольная функция смещается в сторону сотрудничества.

По мнению автора, всем приведенным определениям мониторинга присущи критерии «**постоянного наблюдения**» и «**принятия решений**» на основе полученных данных. В то же время критерий «**информационного взаимодействия**» в них отсутствует, поскольку предоставление налогоплательщиком доступа к информации направлено на реализацию контрольных функций налоговых органов, а не на равноправный обмен данными. В связи с этим целесообразно придерживаться определения, закрепленного в законодательстве, где налоговый мониторинг рассматривается именно как форма налогового контроля.

Автор считает, что основными целями налогового мониторинга являются:

- 1) Превенция налоговых правонарушений;
- 2) Внесение стабильности во взаимоотношения между государством и налогоплательщиком.

Согласно данным официального сайта ФНС России «За все годы проведения мониторинга ФНС России составила 189 мотивированных мнений на сумму 282,7 млрд рублей. При этом большинство из них – 154 на сумму 192,9 млрд рублей – были подготовлены по запросу участников налогового мониторинга. По инициативе налогового органа составлено 35 мотивированных мнений

¹ О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации: федер. закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 31 (ч. I). [Ст. 5007.]

² Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая): статья 105.26 (введена Федеральным законом от 18.07.2011 № 227-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 31. [Ст. 3824.]

³ Письмо ФНС России от 17.12.2014 № ЕД-4-2/26194 // СПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc; base=QUEST; n=143690#XCsyryUaNYXyBjTM> [дата обращения: 12.11.2024].

на сумму 89,7 млрд рублей. В большинстве случаев позиция была принята компаниями и учтена в текущей деятельности. За весь период проведения мониторинга не было ни одного случая налоговой проверки по результатам неисполнения мотивированного мнения.»⁴

Указанная статистика красноречиво демонстрирует, что подключение налогоплательщиков к налоговому мониторингу снижает количество налоговых проверок до нуля.

В то же самое время, налоговый контроль в виде камеральной налоговой проверки призван установить соблюдение налогоплательщиками, плательщиками сборов, налоговыми агентами законодательства о налогах и сборах. Указанную форму налогового контроля можно отнести к профилактической, поскольку она направлена не на взыскание недоимки, а на получение разъяснений в отношении тех или иных сведений. Согласно отчету ФНС России за 2022 год было проведено 55,1 млн камеральных налоговых проверок. Сумма доначислений составила 94,447 млн руб. Доначисление происходило в 5% случаев. Средний размер доначислений на одну камеральную налоговую проверку составлял 1714 рублей. Именно столь низкий процент эффективных налоговых проверок и столь низкий размер доначислений позволяет отнести указанную форму контроля к профилактическим мероприятиям.

Однако, если форма налогового контроля в виде камеральной налоговой проверки призвана выявить и предотвратить совершение налогового правонарушения, то выездные налоговые проверки призваны установить факт совершенного налогового нарушения и привлечь виновного к ответственности. В связи с этим указанный вид налогового контроля обоснованно относится к последующему налоговому контролю. За 2022 год было проведено 9848 налоговых проверок. Доначисление происходило в 95,5% случаях. Средний размер доначислений на налоговую проверку составлял 68,5 млн рублей.

Именно столь высокий процент доначислений при проведении налоговых проверок, позволяет сделать вывод о целенаправленности указанного вида налогового контроля.

Согласно Приказу ФНС «Об утверждении Концепции системы планирования выездных налоговых проверок» при назначении выездной налоговой проверки, налоговые органы соотносят потенциального налогоплательщика с определенным перечнем признаков.

Можно предположить, что в момент назначения выездной налоговой проверки, у налогового органа имеются веские доказательства виновности налогоплательщика. Указанные доказательства могут быть основаны на информационно-справочных системах (АСК-НДС 2), которые показывают разрыв в цепочке НДС, что в свою очередь

⁴ Федеральная налоговая служба Российской Федерации. Информация о развитии налогового мониторинга [Электронный ресурс]. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/news/activities_fts/13059125/ [дата обращения: 12.11.2024].

дает сигнал налоговому органу в необходимости проведения выездной налоговой проверки.

Однако в случае, если бы такой субъект налоговых отношений был бы подключен к системе налогового мониторинга, то необходимости в выездной налоговой проверке не было бы. Поскольку при начале взаимодействия с недобросовестным контрагентом, он бы получил предупреждение от налогового органа и отделался бы испугом.

Следовательно, форма налогового контроля в виде налогового мониторинга, является наиболее эффективной и мягкой при взаимоотношениях с налогоплательщиком. Поскольку позволяет в режиме реального времени осуществить превентивное воздействие и повлиять на действия налогоплательщика. Однако он должен соответствовать определенным принципам.

По мнению автора, налоговый мониторинг, как и иные формы налогового контроля должен основываться на принципах законности, открытости, комплексности, объективности и принципе соблюдения налоговой тайны. Помимо этого, можно выделить принципы, которые в большей степени свойственны налоговому мониторингу – это принцип минимизации административной нагрузки и сотрудничества.

Указанные принципы позволяют налоговым органам и налогоплательщику приходить к компромиссу еще до появления спорных моментов, требующих административного воздействия или судебного разбирательства.

Процедура запроса мотивированных налоговых мнений позволяет налогоплательщику исключить возможные риски и внести ясность во взаимоотношения с государством.

Расширение системы налогового мониторинга на субъекты малого и среднего бизнеса могло бы способствовать укреплению их взаимодействия с налоговыми органами, создавая более прозрачные и доверительные отношения. В условиях государственной поддержки этого сектора внедрение налогового мониторинга представляется особенно актуальным, поскольку данный механизм снижает уровень налоговых претензий и способствует повышению налоговой дисциплины, минимизируя риски и способствуя развитию бизнеса.

На настоящий момент налоговый мониторинг не может быть распространен на указанных субъектов, в связи с наличием действующих условий законодательства, в числе которых:

1. Средний размер дохода от реализации, определяемый по данным бухгалтерской отчетности за предшествующий календарный год, должен составлять не менее 800 млн рублей;
2. Сумма уплаченных налогов за предыдущий календарный год должна быть не менее 80 млн рублей;
3. Общая стоимость активов по данным бухгалтерской отчетности за предшествующий календарный год должен составлять не менее 800 млн рублей.

Указанные ограничительные условия для субъектов, которые хотят воспользоваться налоговым мониторингом представляются обоснованными с позиции принципа эффективности налогообложения. Однако, распространив налоговый мониторинг на субъектов малого и среднего предпринимательства, можно добиться аналогичных результатов. Помимо этого, получить снижение налогового администрирования в указанных сегментах, повысить прозрачность и создать эффективную, доверительную систему налогового контроля. Следовательно, одной из возможных мер развития налогового мониторинга может стать снижение требований для подключения к системе.

Актуальность этих мер возрастает на фоне низкой доли малого и среднего предпринимательства (МСП) в экономике России. Согласно данным за 2023 год, на МСП приходится лишь около 22% всех занятых в стране, а их вклад в ВВП составляет порядка 21%. Эти показатели значительно уступают уровню развитых стран: в Европейском Союзе доля занятых в МСП достигает 67–70%, а вклад в ВВП составляет 60–70%. Такое отставание подчеркивает необходимость дальнейшего стимулирования и поддержки сектора МСП для повышения его роли в национальной экономике.

С 8 августа 2024 года вступили в силу изменения, которыми расширен перечень участников, которые освобождены от соблюдения суммовых критериев. Сейчас к ним относятся участники СЗПК и промышленных кластеров, компании особых экономических зон и территорий опережающего развития, а также свободного порта Владивосток или Арктической зоны. Планируется отмена критериев для государственных и муниципальных учреждений¹.

Вместе с этим, помимо суммовых критериев, возможно распространение налогового мониторинга на приоритетные отрасли экономики. Указанные действия помогут внести стабильность при взаимодействии с указанными участниками налоговых правоотношений в важных для государства областях экономики.

В системе налогового мониторинга для малого и среднего бизнеса может быть интересен формат, реализованный в других странах.

В Канаде существуют программы, которые позволяют налоговым органам и налогоплательщика предотвращать налоговые споры. Программа (pre-filling agreement (PFA) позволяет заключать соглашения до подачи налоговой декларации. Это позволяет разрешать налоговые споры еще до подачи налоговой декларации за счет проведения проверочных мероприятий в режиме реального времени.

Также, в Канаде реализована система конфиденциальных налоговых консультаций. В таких ев-

¹ Федеральный закон от 08.08.2024 № 259-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации о налогах и сборах» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 32. [Ст. 5612.]

ропейских государствах, как Чехия, Польша, Румыния, страны Прибалтики, Сербия функционируют профессиональные сообщества налоговых консультантов, входящие в единую конфедерацию¹.

В России также реализована система налоговых консультаций. Где в соответствии со ст. 21 НК РФ налогоплательщики имеют право получать информацию о действующих налогах и сборах. Однако указанная система представляется несовершенной с позиции превенции налоговых правонарушений и построения отношений с налоговыми органами.

В свою очередь Канадское агентство по доходам предлагает конфиденциальные консультации для налогоплательщиков, которые сомневаются в правильности своих налоговых обязательств. Это позволяет урегулировать вопросы до проведения проверок и избегать штрафов.

Конфиденциальные консультации по таким соглашениям помогают избежать налоговых споров и ненадлежащих налоговых последствий. Указанные программы реализуются чаще всего в области трансферного образования². Каждый налогоплательщик имеет, независимо от размера и типа организации, право подать заявление в АРА. Однако агентство может отклонить запрос посчитав, что он не подходит под действие программы АРА.

В Австралии налоговое управление (АТО) использует продвинутые аналитические инструменты и алгоритмы машинного обучения для обнаружения подозрительной активности и выявления потенциальных случаев уклонения от уплаты налогов. Эти инструменты анализируют большие объемы данных, что позволяет АТО эффективно выявлять нарушения.

На своем сайте, Австралийское налоговое управление сообщило, что посредством автоматизации осуществили возврат франковых кредитов лицам старше 60 лет. Были выплачены возмещения на сумму 42 млн долларов.

Налоговые органы в Голландии в обеспечение снижения затрат на налоговое администрирование концентрированно проверяют результаты работы внутреннего контроля экономического субъекта на соответствие соблюдения налогового законодательства при совершении сделок и операций. В Бельгии действует процедура предварительного согласования, имеющая юридическое действие, с государственными органами по электронной почте по разъяснению применения законодательства по той или иной планируемой операции³.

¹ Бадеева Елена Александровна, Машкина Ангелина Алексеевна, Нагаева Алина Николаевна Современные тенденции и перспективы развития налогового мониторинга в России // Модели, системы, сети в экономике, технике, природе и обществе. 2020. № 1. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-tendentsii-i-perspektivy-razvitiya-nalogovogo-monitoringa-v-rossii> [дата обращения: 13.11.2024].

² Canada Revenue Agency. International Transfer Pricing: Advance Pricing Arrangements (APAs) [Электронный ресурс]. Доступ: <https://www.canada.ca/en/revenue-agency/services/forms-publications/publications/ic94-4/international-transfer-pricing-advance-pricing.html#> [дата обращения: 31.08.2024].

³ Бадеева Елена Александровна, Машкина Ангелина Алексеевна, Нагаева Алина Николаевна Современные тенденции

В Российской Федерации также активно развиваются технологии автоматизации налогового администрирования, что способствует повышению эффективности контроля и снижению налоговых рисков. Внедряются и совершенствуются такие системы, как: **АИС «Налог-3», Система контроля кассовой наличности, Система ЭДО (электронного документооборота), АИС «Налоговый мониторинг, Автоматизированная система контроля за трансфертным ценообразованием (АСК ТЦО).**

Использование этих технологий уже сейчас позволяет успешно осуществлять контроль за деятельностью налогоплательщиков, минимизировать налоговые риски и повышать прозрачность налоговых процессов.

Однако на настоящий момент авторами выделяется и невозможность налоговых органов осуществлять предварительный налоговый контроль, хотя многие авторы обращают внимание на его важность и эффективность, доказанную зарубежным опытом. В рамках этого вида контроля зарубежные налоговые органы, например, предоставляют предварительные заключения по сделкам, заключают соглашения с налогоплательщиками, выдают предварительные постановления о размере налоговых обязательства по сделкам, которые планирует налогоплательщик, и эти постановления могут быть обжалованы в суде еще до совершения сделки⁴.

Вместе с тем, автор считает, что на базе уже созданных систем возможно было бы создание автоматизированной системы проверки. В указанной системе малый и средний бизнес мог бы предупреждаться о корректности заполнения налоговых деклараций, уведомляться о наличии налоговых рисков, подавать запросы и согласовывать корректность организационной структуры бизнеса.

Следовательно, это могло бы снизить административную нагрузку на выполнение бюрократических процедур, ускорить внедрение цифровых технологий и уменьшить необходимость в физической проверке налогоплательщиков.

Помимо этого, поддержка и развитие малого и среднего бизнеса должно также оставаться приоритетным направлением государственной политики. Достижение указанной цели возможно в том числе за счет упрощения взаимодействия между субъектами МСП и налоговыми органами.

С точки зрения автора, налоговый мониторинг, как инструмент превентивного контроля и взаимодействия между налоговыми органами и налогоплательщиком, можно осуществлять на платной основе. Поскольку в случае взаимодействия с крупными налогоплательщиками, налоговый мониторинг оправдывает свое существование за счет

и перспективы развития налогового мониторинга в России // Модели, системы, сети в экономике, технике, природе и обществе. 2020. № 1. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-tendentsii-i-perspektivy-razvitiya-nalogovogo-monitoringa-v-rossii> [дата обращения: 13.11.2024].

⁴ Захарова Н.А. Правовые проблемы регулирования налогового контроля в свете административной реформы: дис. ... канд. юрид. наук. – 2005. – [С. 56–57].

существенных налоговых отчислений. Однако исключать возможность использования указанного инструмента иными налогоплательщиками представляется необоснованным. В указанном случае, возможно включение либо особого режима налогообложения, которое бы включало плату за администрирование указанного процесса, либо дополнительной платы, покрывающей издержки налоговых органов на обработку и взаимодействие с указанной категорией налогоплательщиков.

Помимо этого, автор считает, что возможно создание институтов налогового консультирования, где частные лица, после прохождения аккредитации, смогут осуществлять проверку документов и давать рекомендации налогоплательщикам. Указанные налоговые консультанты должны будут являться членами саморегулируемых организаций и их ответственность должна будет быть застрахована. В случае положительного заключения налоговых консультантов и принятия такого заключения налоговой, декларация будет считаться принятой. В указанном случае, дальнейшее предъявление налоговых претензий будет невозможно. Однако в случае наличия указанных претензий, налоговая не вправе будет предъявлять их к налогоплательщику и должна будет предъявлять их к налоговым консультантам.

При указанной конструкции всплывают риски недобросовестных действий со стороны консультантов. Они могут за дополнительную плату закрывать глаза на незаконные схемы. И это, безусловно, правда. Однако, наличие сговора с налоговым консультантом, неполное предоставление сведений о деятельности организации, сокрытие или искажение данных бухгалтерской отчетности будет являться основанием для солидарной ответственности налогового консультанта и организации. И не исключая возможность недобросовестных действий со стороны налоговых консультантов, автор считает, что данный институт будет полезен для построения доверительных отношений между налоговыми органами и налогоплательщиком.

Таким образом, основным направлением развития налогового контроля в России должно стать не только расширение системы налогового мониторинга, но и дальнейшее совершенствование всех его форм с учетом международного опыта и современных технологий. Это позволит обеспечить большую стабильность в налоговых отношениях, снизить административные барьеры для бизнеса и укрепить правовую определенность для участников налогового взаимодействия.

Литература

1. Налоговый кодекс Российской Федерации (ч. 1) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 02.07.2021).
2. Бакаева О.Ю., Покачалова Е.В. Понятие налогового мониторинга в современном правовом поле // Научный журнал «Финансовое право». 2023. № 4.

3. Елисеева И.И. Налоговый мониторинг как инструмент повышения прозрачности налогового администрирования // Вестник экономического правосудия. 2022. № 3.
4. Федеральная налоговая служба России. Официальный сайт: www.nalog.gov.ru.
5. Отчет ФНС России за 2022 год о результатах налогового мониторинга.
6. Концепция системы планирования выездных налоговых проверок. Приказ ФНС России.
7. OECD. Cooperative Compliance: A Framework – From Enhanced Relationship to Cooperative Compliance. OECD Publishing, 2013.
8. Canadian Revenue Agency. Confidential Tax Consultations Program. Official website: www.canada.ca.
9. Australian Taxation Office (ATO). Advanced Analytics in Tax Administration. Official website: www.ato.gov.au.
10. European Commission. Tax Monitoring in EU Member States: Best Practices and Challenges. 2021.

TAX MONITORING AS A FORM OF TAX CONTROL: CHALLENGES AND PROSPECTS FOR DEVELOPMENT

Izhko I.V.

Institute of Comparative Legislation and Jurisprudence under the Government of the Russian Federation

The article examines the problems and prospects of tax control in the form of tax monitoring. Various approaches to the definition of tax monitoring in scientific literature, legislation, and the practice of the Federal Tax Service are analyzed. The key differences in the interpretation of this concept by legislators and tax authorities are identified, along with a statistical analysis of the effectiveness of tax monitoring compared to traditional methods of tax control (desk and field tax audits). The article also discusses the possibility of extending tax monitoring to small and medium-sized enterprises (SMEs) to enhance tax transparency. The experience of tax monitoring in foreign countries is reviewed, and measures for its improvement in Russia are proposed, including the implementation of automated systems and tax consulting.

Keywords: tax monitoring, tax control, tax administration, tax audits, Federal Tax Service of Russia, tax digitalization, tax disputes, small and medium-sized businesses.

References

1. Part 1 of the Tax Code of the Russian Federation of July 31, 1998, No. 146-FZ (as amended on July 2, 2021).
2. O. Yu. Bakayeva, E. V. Pokachalova. The Concept of Tax Monitoring in the Modern Legal Field // Scientific Journal "Financial Law." 2023. No. 4.
3. I. I. Eliseeva. Tax Monitoring as a Tool for Improving the Transparency of Tax Administration // Bulletin of Economic Justice. 2022. No. 3.
4. Federal Tax Service of Russia. Official website: www.nalog.gov.ru.
5. Report of the Federal Tax Service of Russia for 2022 on the Results of Tax Monitoring.
6. Concept of the On-site Tax Audit Planning System. Order of the Federal Tax Service of Russia.
7. OECD. Cooperative Compliance: A Framework – From Enhanced Relationship to Cooperative Compliance. OECD Publishing, 2013.
8. Canadian Revenue Agency. Confidential Tax Consultations Program. Official website: www.canada.ca.
9. Australian Taxation Office (ATO). Advanced Analytics in Tax Administration. Official website: www.ato.gov.au.
10. European Commission. Tax Monitoring in EU Member States: Best Practices and Challenges. 2021.

К вопросу о сущности взаимодействия органов прокуратуры с институтами гражданского общества в сфере обеспечения прав и свобод человека и гражданина

Калугина Татьяна Юрьевна,

аспирант, ФГКОУ ВО «Университет прокуратуры Российской Федерации»; начальник управления по надзору за исполнением федерального законодательства прокуратуры Республики Крым
E-mail: tasha-57@mail.ru

Статья посвящена исследованию особенностей взаимодействия прокуратуры Российской Федерации с институтами гражданского общества, определению понятия и сущности данного явления. Автор рассматриваются основные формы взаимодействия органов прокуратуры с различными институтами гражданского общества в сфере обеспечения прав и свобод человека и гражданина. По результатам проведенного анализа автором также делается вывод об эффективности такого взаимодействия в рассматриваемой сфере.

Ключевые слова: гражданское общество, институты гражданского общества, прокуратура, права и свободы человека и гражданина.

Права и свободы человека и гражданина являются наивысшей ценностью любого современного правового государства, а их обеспечение и защита – первоочередной целью, поставленной перед всеми государственными и негосударственными институтами.

Прокуратура Российской Федерации, на которую в силу положений статьи 129 Конституции Российской Федерации и статьи 1 Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-I «О прокуратуре Российской Федерации» (далее – Закон о прокуратуре) возложено осуществление надзора за соблюдением прав человека и гражданина, всемерно способствует реализации вышеуказанной цели, используя для этого как предоставленные ей законом надзорные полномочия, так и иные различные способы, формы и средства.

К числу таких форм, эффективно реализующихся на практике, способствующих защите прав и свобод человека и гражданина, направленных на предупреждение правонарушений, межнациональных и межконфессиональных конфликтов, безнадзорности, беспризорности, правонарушений и антиобщественных действий несовершеннолетних, противодействия терроризму и экстремистской деятельности, коррупции, защиту прав субъектов предпринимательского сообщества, можно отнести взаимодействие органов прокуратуры различного уровня с институтами гражданского общества.

Как правило, к институтам гражданского общества принято относить общественные объединения, созданные в соответствии с Федеральным законом от 19.05.1995 № 82-ФЗ «Об общественных объединениях», общественные палаты (советы) муниципальных образований, уполномоченные по правам человека, ребенка, по защите прав предпринимателей в субъектах Российской Федерации, профессиональные союзы, общины коренных малочисленных народов Российской Федерации, казачьи общества, ассоциации (союзы).

Вместе с тем, несмотря на то, что такое понятие как «институты гражданского общества» является весьма распространенным, часто употребляемым в действующем законодательстве¹ и даже упоминаемом в актах Конституционного суда Российской

¹ См. например, п. 3 ст. 4 Федерального закона от 23.06.2016 № 183-ФЗ «Об общих принципах организации и деятельности общественных палат субъектов Российской Федерации», пп. 2 п. 2 ст. 5 Федерального закона от 21.07.2014 № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» и др.

Федерации¹, свое законодательное закрепление оно до настоящего времени не получило, вследствие чего раскрытие его содержания происходит исключительно на доктринальном уровне.

Так, к примеру, И.А. Гончаров и С.А. Маркарян предлагают под гражданским обществом в целом понимать «общество сознательных граждан и активных участников общественных процессов, сформированное в целях взаимодействия с государством для защиты общественного блага» [1, С. 36–40].

С.В. Калинина и Г.Н. Кириллова определяют институты гражданского общества как «направления деятельности граждан, ориентированные на решение социально значимых задач, реализованные через различные организационные формы» [2, С. 27].

По мнению Ю.А. Тихомирова, институты гражданского общества представляют собой «обусловленный конституционными принципами народовластия и приоритета прав и свобод человека и гражданина структурно-правовой способ легального самовыражения и социализации личности; способ непосредственного выражения мнений, предложений, позиций граждан по вопросам общественной жизни; способ прямого участия в принятии социально значимых решений» [3, С. 35–45].

Предложенное Ю.А. Тихомировым определение представляется нам наиболее полным и в достаточной степени отражающим специфику рассматриваемого правового явления. Более того, основываясь на приведенном определении, можно сделать вывод о том, что именно приоритет прав и свобод человека и гражданина лежит в основе деятельности институтов гражданского общества.

В научной среде отмечается, что важная роль в защите общества от противоправных действий

и иных правонарушений принадлежит органам прокуратуры. Прокуратура тесно связана с правоприменительной и правотворческой деятельностью всех государственных органов и с институтами гражданского общества [4, С. 160].

Таким образом, поскольку деятельность прокуратуры Российской Федерации и институтов гражданского общества основывается на приоритетности прав и свобод граждан, их взаимодействие в указанной сфере представляется не только обоснованным, но и необходимым в условиях стремительно меняющихся социально-экономических условий. Среди прочего взаимодействие органов прокуратуры с общественностью позволяет своевременно определять и корректировать приоритеты деятельности надзорного ведомства.

Следует отметить, что Закон о прокуратуре также не содержит отдельных положений, регламентирующих исследуемый участок деятельности прокурора, тем не менее вопросы организации данной работы достаточно подробно определены в приказе Генерального прокурора Российской Федерации от 17.05.2018 № 296 «О взаимодействии органов прокуратуры со средствами массовой информации и общественностью», в соответствии с пунктом 1.1 которого взаимодействие с общественностью рассматривается как одно из важнейших направлений работы и должно осуществляться исходя из анализа состояния законности и прокурорской деятельности [5].

Отдельные положения, касающиеся вопросов взаимодействия прокуратуры с институтами гражданского общества, встречаются и в иных организационно-распорядительных документах Генерального прокурора Российской Федерации.

В частности, приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 14.09.2022 № 510 «Об утверждении Концепции совершенствования системы государственно-патриотического воспитания в прокуратуре Российской Федерации» прокурорам предписано в работе по взаимодействию с общественностью особое внимание необходимо уделять освещению деятельности органов прокуратуры по обеспечению сохранения памяти о защитниках Отечества и исторической правде, привлечению к ответственности за посягательства на указанные конституционные ценности [6].

Анализ имеющихся ведомственных актов Генерального прокурора Российской Федерации позволяет резюмировать, что организация взаимодействия органов прокуратуры с общественностью должна исходить из необходимости осуществления совместной деятельности по защите прав и свобод человека и гражданина, охраняемых законом интересов общества и государства.

Формами взаимодействия прокуратуры с институтами гражданского общества являются совместные проверки, совещания, круглые столы, семинары и семинары-совещания, рабочие встречи, организация социологических опросов о тенденциях в состоянии законности и правопорядка и совместные мониторинговые исследования по отдельным актуальным проблемам, совместное участие в под-

¹ См. например, Определение Конституционного Суда РФ от 26.01.2017 № 211-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Трунова Игоря Леонидовича на нарушение его конституционных прав подпунктом 1 пункта 3 статьи 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», Определение Конституционного Суда РФ от 18.07.2017 № 1551-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общественной организации «Профсоюз работников образования города Череповца Вологодской области» на нарушение конституционных прав и свобод статьями 35 и 35.1 Трудового кодекса Российской Федерации, статьей 11 Федерального закона «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности», статьями 26, 33 и частью 1 статьи 46 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», Определение Конституционного Суда РФ от 05.02.2015 № 233-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы государственного бюджетного учреждения здравоохранения города Москвы «Городская клиническая больница № 15 имени О.М. Филатова Департамента здравоохранения города Москвы» на нарушение конституционных прав и свобод положениями пункта 2 статьи 1 Федерального закона «О третейских судах в Российской Федерации», пункта 1 статьи 11 Гражданского кодекса Российской Федерации и части 8 статьи 9 Федерального закона «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд», Определение Конституционного Суда РФ от 03.07.2014 № 1532-О «По запросу Промышленного районного суда города Ставрополя о проверке конституционности части третьей статьи 31 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате» и др.

готовке предложений по совершенствованию законодательства и практики его применения.

Наиболее востребованными среди них остаются проведение рабочих встреч и круглых столов, организация совместных проверок по вопросам защиты трудовых и социальных прав граждан, представителей бизнес-сообщества, а также в сфере государственно-патриотического воспитания.

Определяя сущность взаимодействия прокуратуры с институтами гражданского общества, полагаем возможным сделать вывод о том, что указанная деятельность не может быть отнесена к самостоятельному направлению деятельности прокурора, а в большей степени является сопутствующей при реализации прокурором его функций.

Например, осуществляя, так называемую, «общенадзорную» функцию прокурор вправе привлекать к проведению проверок соблюдения прав и свобод граждан институты гражданского общества. Как отмечалось ранее, такие проверки, чаще всего проводятся в сфере соблюдения трудовых или социальных прав граждан.

Особое внимание взаимодействию с общественностью также уделяется в рамках работы по правовому просвещению и правовому информированию. Привлечение институтов гражданского общества также возможно в рамках участия прокурора в правотворческой деятельности органов публичной власти.

Рассмотреть отдельные формы взаимодействия прокуратуры с институтами гражданского общества представляется возможным на примере деятельности прокуратуры Республики Крым в 1 полугодии 2025 года.

Так, на протяжении длительного времени прокуратурой Республики Крым активное взаимодействие осуществляется с КРОО «Ассоциация инвалидов», Союзом организаций профсоюзов «Федерация независимых профсоюзов Крыма», КРО Общероссийской общественной организацией членов многодетных семей «Семьи России», Крымской региональной благотворительной общественной организацией «Наша надежда», Крымским РО ООО МСП «Опора России», с институтами уполномоченных по правам ребенка и защите прав предпринимателей в республике, а также с общественными советами, функционирующими при каждом муниципальном образовании.

Как было отмечено ранее, рабочие встречи, круглые столы, совместные проверки и мониторинговые исследования с участием общественности и средств массовой информации востребованы и имеют наибольший эффект как публичные формы взаимодействия.

К примеру, в рамках взаимодействия с КРОО ООО «Всероссийское общество инвалидов» прокуратурой республики ежегодно организовываются и проводятся проверки соблюдения требований законодательства по вопросам доступности объектов инфраструктуры для маломобильных групп населения.

Активно используются возможности по проведению круглых столов по наиболее актуальным

вопросам, в том числе с учетом предложений, поступающих от институтов гражданского общества.

Например, в апреле 2025 года представителями прокуратуры республики совместно с Общественной палатой Республики Крым проведен круглый стол на тему: «Общественный контроль в сфере деятельности Министерства экологии и природных ресурсов Республики Крым». В июне текущего года на базе парламента республики совместно с Общественной палатой Республики Крым проведен круглый стол на тему: «Актуальные вопросы обеспечения качества и безопасности пищевой продукции».

Организация работы прокуратуры республики по взаимодействию с общественностью строится с учетом наиболее приоритетных задач, стоящих перед государством и органами прокуратуры по защите прав и свобод граждан.

Так, на протяжении 1 полугодия 2025 года прокуратурой республики совместно с Филиалом Государственного фонда поддержки участников специальной военной операции «Защитники Отечества» по Республике Крым проводились встречи с участниками СВО и членами их семей с разъяснениями порядка получения мер социальной поддержки. Для использования в ходе таких встреч совместно с исполнительными органами республики, а также с Ассоциацией «Совет муниципальных образований Республики Крым» разработан информационно-справочный материал «Реестр федеральных, региональных и муниципальных мер социальной поддержки участников СВО и членов их семей».

В июне 2025 года прокуратурой республики совместно с Уполномоченным по правам ребенка в Республике Крым, представителями Управления Министерства юстиции Российской Федерации по Республике Крым, Адвокатской палаты Республики Крым проведены беседы с разъяснениями законодательства среди несовершеннолетних, содержащихся в ФКУ СИЗО-1 УФСИН России по Республике Крым и г. Севастополю.

С целью ликвидации зависимости и увлеченности деструктивным и негативным контентом в сети «Интернет» в 2025 году продолжена работа на территории республики созданного по инициативе прокуратуры республики Центра мониторинга сети «Интернет» Автономной некоммерческой организации «Дом Молодёжи» (далее – Центр).

Специалистами Центра проводятся систематические мониторинговые мероприятия в открытом, общедоступном сегменте сети «Интернет» с целью выявления противоправного и деструктивного контента. Приоритетными направлениями мониторинга сети «Интернет» является выявление причин и условий распространения идеологии экстремизма в молодежной среде, интернет-сообществ, причастных к неформальным молодежным объединениям (Ультрас, МКУ, Колумбайн), суицидального контента (в региональном сегменте сети «Интернет» Республики Крым) и пропаганде распространения психоактивных веществ, вовлечения молодежи в их употребление.

В 1 полугодии 2025 года специалистами Центра на предмет содержания деструктивного контента изучено более 190 тыс. аккаунтов, по итогам проделанной работы в 56 такие признаки обнаружены, материалы по которым направлены в правоохранительные органы для принятия мер в рамках компетенции. Также специалистами Центра выявлялись группы деструктивного характера, информация о деятельности которых передавалась правоохранительным органам.

Возникающие проблемные вопросы, связанные с осуществлением на территории республики предпринимательской деятельности, регулярно обсуждаются в рамках проводимых прокуратурой республики рабочих встреч с представителями бизнес-сообщества при прокуроре республики, а также в ходе совместных с Уполномоченным по защите прав предпринимателей в Республике Крым приемов предпринимателей.

Например, прокурором республики в январе, марте, апреле и мае 2025 года совместно с Уполномоченным по защите прав предпринимателей в Республике Крым и руководителями ОМС проведены встречи с представителями бизнес-сообщества г. Симферополя, г. Судака, Первомайского и Черноморского районов, на которых обсуждены проблемные вопросы, возникающие у субъектов хозяйственной деятельности.

Анализ практики такого участия на примере прокуратуры Республики Крым показал, что при выборе форм взаимодействия предпочтение необходимо отдавать форматам, которые будут способствовать выявлению, предупреждению и пресечению правонарушений в сферах, наиболее значимых для граждан и общества (защита материнства и детства, прав предпринимателей, социально незащищенных категорий граждан, трудовые правоотношения, охрана природы и т.п.).

Вместе с тем, несмотря на то, что принимаемые в рассматриваемой сфере меры способствуют снижению уровня преступности, социальной напряженности в обществе, позволяют снизить административное давление на бизнес, обеспечивают защиту населения, повышают роль и авторитет органов прокуратуры, необходимо констатировать, что большинством прокуроров указанная деятельность осуществляется формально, ее планирование происходит хаотично, без учета предложений общественных организаций, что в конечном итоге не оказывает необходимое положительное влияние на состояние законности.

Обозначенные недостатки, как мы полагаем, свидетельствуют о необходимости совершенствования данной работы, в том числе путем корректировки действующего законодательства и ведомственных организационно-распорядительных документов.

Литература

1. Гончаров И.А., Маркарян С.А. Перспективы и стратегические направления развития ин-

ститутов гражданского общества в Российской Федерации // Современное право. 2024. № 3. С. 36–40. СПС «КонсультантПлюс».

2. Калинина С.В., Кириллова Г.Н. Взаимодействие Федеральной миграционной службы России с институтами гражданского общества // Миграционное право. 2016. № 2. С. 27.
3. Тихомиров Ю.А. Гражданское общество в фокусе права // Журнал российского права. 2013. № 10. С. 35–45; СПС «КонсультантПлюс».
4. Конвергенция частноправового регулирования общественных отношений сквозь призму эффективности права: монография / К.А. Абдуллаев, А.В. Абрамова, Э.А. Абызова и др.; отв. ред. А.Н. Левушкин, Э.Х. Надысева. М.: Юстицинформ, 2023. 672 с.
5. Приказ Генерального прокурора РФ от 17 мая 2018 г. № 296 «О взаимодействии органов прокуратуры со средствами массовой информации и общественностью» // <https://base.garant.ru/71969432/>.
6. Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 14.09.2022 № 510 // КонсультантПлюс URL: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=LAW&n=507949&dst=100090> (дата обращения: 15.08.2025).

ON THE ESSENCE OF INTERACTION BETWEEN PROSECUTOR'S OFFICES AND CIVIL SOCIETY INSTITUTIONS IN ENSURING HUMAN AND CIVIL RIGHTS AND FREEDOMS

Kalugina T.Yu.

University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Prosecutor's Office of the Republic of Crimea

The article is devoted to the study of the features of interaction of the Prosecutor's Office of the Russian Federation with the institutions of civil society, the definition of the concept and essence of this phenomenon. The author examines the main forms of interaction of the prosecutor's office with various institutions of civil society in the field of ensuring human and civil rights and freedoms. Based on the results of the analysis, the author also concludes on the effectiveness of such interaction in the considered sphere.

Keywords: civil society, civil society institutions, prosecutor's office, human and civil rights and freedoms.

References

1. Goncharov I.A., Markaryan S.A. Prospects and Strategic Directions for the Development of Civil Society Institutions in the Russian Federation // Modern Law. 2024. No. 3. pp. 36–40. SPS «ConsultantPlus».
2. Kalinina S.V., Kirillova G.N. Interaction of the Federal Migration Service of Russia with Civil Society Institutions // Migration Law. 2016. No. 2. p. 27.
3. Tikhomirov Yu.A. Civil Society in the Focus of Law // Journal of Russian Law. 2013. No. 10. pp. 35–45; SPS «ConsultantPlus».
4. Convergence of Private Law Regulation of Public Relations through the Prism of the Efficiency of Law: monograph / K.A. Abdullaev, A.V. Abramova, E.A. Abyzova et al.; eds. A.N. Levushkin, E. Kh. Nadyseva. Moscow: Yustitsinform, 2023. 672 p.
5. Order of the Prosecutor General of the Russian Federation of May 17, 2018 No. 296 "On the Interaction of the Prosecutor's Office with the Mass Media and the Public" // <https://base.garant.ru/71969432/>.
6. Order of the Prosecutor General of the Russian Federation of September 14, 2022 No. 510 // ConsultantPlus URL: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=LAW&n=507949&dst=100090> (accessed: August 15, 2025).

Применение мер предварительной защиты по делам об оспаривании нормативных правовых актов в свете постановления Конституционного Суда РФ от 11.04.2024 № 17-П

Кокулеков Абат Аргымакович,

аспирант кафедры гражданского и административного судопроизводства, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина
E-mail: amatkokulekov@yandex.ru

Статья посвящена анализу позиции Конституционного Суда РФ, указанной в постановлении от 11.04.2024 № 17-П, влиянию содержащихся в нем выводов на применение в административном судопроизводстве мер предварительной защиты по делам об оспаривании нормативных правовых актов с учетом установленных законодателем ограничений в их применении.

Ключевые слова: меры предварительной защиты, обеспечительные меры, запрет применения оспариваемого акта, административное судопроизводство, нормативный правовой акт.

Общим для трех видов судопроизводств, объединенных под единой категорией «цивилистический процесс», среди прочего, является институт обеспечения иска.

Как справедливо отмечает Т.Б. Юсупов, «обеспечение иска – это социально-культурная ценность, сложившаяся в рамках многовековой российской правовой традиции, достижение отечественного правопорядка, требующее к себе достойного, включая и научного, отношения» [Юсупов, 2006].

Несмотря на различие терминов, используемых для обозначения института обеспечения иска в Гражданском процессуальном кодексе РФ (далее – ГПК РФ), Арбитражном процессуальном кодексе РФ (далее – АПК РФ) и Кодексе административного судопроизводства РФ (далее – КАС РФ), фактически, речь идет об одной правовой категории.

По этой причине видится рациональным и обоснованным использование Пленумом Верховного Суда Российской Федерации единого термина – «обеспечительные меры» применительно к мерам по обеспечению иска, обеспечительным мерам арбитражного суда, мерам предварительной защиты в разъяснениях, изложенных в постановлении № 15 от 01.06.2023 «О некоторых вопросах принятия судами мер по обеспечению иска, обеспечительных мер и мер предварительной защиты»¹.

Вне всяких сомнений, значение упомянутого разъяснения велико в силу возникновения в практике судов общей юрисдикции и арбитражных судов множества вопросов относительно порядка применения положений главы 7 ГПК РФ, главы 8 АПК РФ, главы 7 КАС РФ.

При этом, вопросов, касающихся отдельных аспектов практики применения обеспечительных мер, в частности, в административном судопроизводстве, не становится меньше, напротив, их количество растет, как и осознание необходимости в корректировке действующих в настоящее время нормативных положений КАС РФ, посвященных мерам предварительной защиты по отдельным категориям дел.

Как справедливо отмечает Р.О. Опалев, «сегодня существует целый ряд вопросов, проблем правоприменительного, правотворческого и теоре-

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 июня 2023 г. № 15 «О некоторых вопросах принятия судами мер по обеспечению иска, обеспечительных мер и мер предварительной защиты» // Российская газета. № 9068. 07.06.2023.

тического плана, связанных с применением в административном судопроизводстве Российской Федерации мер предварительной защиты по административному иску, без которых в отдельных случаях невозможно обеспечить реализацию права на эффективную судебную защиту» [Опалев, 2023].

Принятое Конституционным Судом РФ постановление от 11.04.2024 № 17-П «По делу о проверке конституционности статьи 85, части 4 статьи 87 и статьи 211 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Д.В. Сергеева»¹ продемонстрировало расхождение закрепленных в КАС РФ целей мер предварительной защиты по делам об оспаривании нормативных правовых актов со сложившейся практикой их применения судами общей юрисдикции.

Указанным постановлением Конституционный Суд РФ признал статью 85, часть 4 статьи 87 и статью 211 КАС РФ не соответствующими Конституции РФ, ее статьям 18, 44 (часть 2), 46 (части 1 и 2) и 68 (часть 4), поскольку в системе действующего правового регулирования они, устанавливая возможность применения судом, рассматривающим в порядке, предусмотренном главой 21 КАС РФ, административное исковое заявление о признании недействующим правового акта регионального органа охраны объектов культурного наследия об отказе во включении объекта, обладающего признаками объекта культурного наследия, в перечень выявленных объектов культурного наследия, мер предварительной защиты в виде запрета применения оспариваемого акта к административному истцу, необоснованно ограничивают полномочия суда по применению иных мер предварительной защиты по административному иску.

Согласно обстоятельствам рассмотренного Конституционным Судом РФ дела заявителем жалобы выступил гражданин Д.В. Сергеев, являющийся одним из членов инициативной группы жителей Санкт-Петербурга и Ленинградской области, ранее обратившийся совместно с гражданами А. и Л. в Ленинградский областной суд с коллективным требованием о признании недействующим нормативного правового акта – приказа Комитета по культуре Ленинградской области, которым было отказано во включении здания вокзала железнодорожной станции Токсово в Перечень выявленных объектов культурного наследия с одновременным исключением из списка объектов, обладающих признаками объектов культурного наследия.

Необходимо указать на то, что согласно п. 1 ст. 16.1 Федерального закона от 25.06.2002 № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Фе-

дерации»² (далее – Закон об объектах культурного наследия) с заявлением о включении объекта, обладающего признаками объекта культурного наследия, в перечень выявленных объектов вправе обратиться любые физические или юридические лица. Лица, не согласные с дальнейшим решением регионального органа охраны объектов культурного наследия, в соответствии с п. 6 ст. 16.1 Закона об объектах культурного наследия, вправе инициировать спор по статусу объекта.

Важным видится комментарий Конституционного Суда РФ относительно правовой природы приказов об отказе во включении объектов в перечень выявленных объектов культурного наследия.

Несмотря на то, что правовые акты региональных органов об отказе во включении объектов, обладающих признаками объектов культурного наследия, в перечень выявленных объектов культурного наследия, именуется «приказами» и, казалось бы, подлежат оспариванию как ненормативные правовые акты, традиционно суды относят их к нормативным правовым актам, чем и обосновывается рассмотрение административных исков об их оспаривании по правилам главы 21 КАС РФ с установленными в ней особенностями.

К числу таковых относилась ст. 211 КАС РФ (в редакции, действовавшей до вступления в силу Федерального закона от 20.03.2025 № 37-ФЗ³), согласно которой по административному иску об оспаривании нормативного правового акта суд вправе принять меру предварительной защиты в виде запрета применения оспариваемого нормативного правового акта или его оспариваемых положений в отношении административного истца. Более того, указанное законоположение прямо устанавливало, что принятие иных мер предварительной защиты по административным делам об оспаривании нормативных правовых актов не допускается.

Несмотря на указанные положения процессуального закона, одновременно с административным иском об оспаривании приказа Комитета по культуре Ленинградской области Д.В. Сергеевым и гражданами А. и Л. было подано заявление по административному иску в виде приостановления действия оспариваемого приказа об отказе во включении здания вокзала железнодорожной станции Токсово в Перечень выявленных объектов культурного наследия, мотивированное тем, что применение испрашиваемой меры предварительной защиты повлечет за собой невозможность сноса (демонтажа) здания станции.

В свою очередь суд мотивировал отказ в удовлетворении заявления положениями ст. 211 КАС РФ, безальтернативно запрещающей приме-

¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 11 апреля 2024 г. № 17-П «По делу о проверке конституционности статьи 85, части 4 статьи 87 и статьи 211 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Д.В. Сергеева» // Российская газета. № 9335. 26.04.2024.

² Федеральный закон от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 26. Ст. 2519.

³ Федеральный закон от 20.03.2025 № 37-ФЗ «О внесении изменения в статью 211 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2025. № 12. Ст. 1204.

ние при оспаривании нормативных правовых актов иных мер предварительной защиты, кроме как единственно допустимой законом.

Судом, рассматривающим заявление о применении мер предварительной защиты, было отдельно указано, что просьбы о принятии меры предварительной защиты в виде запрета применения оспариваемого приказа в отношении административных истцов заявление гражданина Д.В. Сергеева и иных членов инициативной группы не содержало.

С исключительно формальной точки зрения принятие решения об отказе в удовлетворении заявления административных истцов вполне законно, что и было подтверждено судами апелляционной и кассационной инстанций.

Вместе с тем, нельзя не учитывать и главную особенность нормативных правовых актов и обусловленных их принятием правовых последствий – действие такого рода актов может и не сопровождаться непосредственным их применением к административному истцу, как и произошло в рассматриваемом случае.

Д.В. Сергеев, как и иные заявители, не являлся собственником (правообладателем) спорного здания вокзала, что исключает реализацию положительного эффекта мер предварительной защиты, поскольку единственно допустимая законом мера предварительной защиты в виде запрета применения нормативного правового акта к заявителям не способна повлечь за собой предоставление каких бы то ни было гарантий сохранения здания железнодорожной станции.

Казалось бы, в литературе отмечается высокая эффективность применения мер предварительной защиты, которая характеризуется как должным уровнем юридического качества, закрепленного в КАС РФ института предварительной защиты, так и организацией судебной практики по его применению при рассмотрении административных дел.

Так, М.Ю. Старилов, комментируя полученные на основе формулы определения эффективности мер предварительной защиты показатели, делает вывод о достаточной эффективности применения данных мер, а также отмечает, что ее высокий процент является отражением правильного функционирования норм и грамотной правоприменительной практики судей [Старилов, 2018].

Однако в описываемом случае об эффективности мер предварительной защиты не может быть и речи, ведь к моменту вступления в законную силу судебного акта об удовлетворении требований административных истцов здание железнодорожной станции Токсово было снесено за отсутствием установленных в его отношении гарантий, связанных с особым статусом объекта культурного наследия.

Рассмотренное Конституционным Судом РФ дело наглядно показало непродуктивность и безрезультатность единственно разрешенной при оспаривании нормативных правовых актов меры предварительной защиты и безосновательность

ограничений, установленных в ст. 211 КАС РФ, применительно к делам об оспаривании приказов региональных властей в сфере охраны объектов культурного наследия.

Возникает невольный вопрос – сколько же объектов, заслуживавших включения в данный перечень, на территории России не получило должной защиты и было демонтировано?

Конечно, можно было бы упрекнуть законодателя за установленный в ст. 211 КАС РФ запрет, однако нельзя забывать о существовании публичного интереса, который заключается в стремлении законодательной власти к стабильности правового регулирования, в целях защиты которой и устанавливался рассматриваемый запрет.

Защиту стабильности правового регулирования, бесспорно, можно назвать залогом устойчивого развития правового государства и гражданского общества. Но как же быть с общественным интересом, направленным на сохранение самоидентичности и защиты культурных ценностей?

Недаром ст. 44 Конституции РФ закрепляет права граждан на доступ к культурным ценностям с одновременным установлением корреспондирующей обязанности каждого заботиться о сохранении исторического и культурного наследия, беречь памятники истории и культуры.

Фактически рассматриваемый случай продемонстрировал столкновение публичного интереса в обеспечении стабильности правового регулирования и общественного интереса в сохранении культурных ценностей и их защите.

Рассуждая о защите общественных интересов гражданами, Д.А. Туманов указывает, что по ряду остросоциальных вопросов «государство как бы делегирует их на осуществление компетенции других органов, и граждане становятся их назначенными помощниками. Подобная делегированная компетенция на обращение в суд представителей общественности имеет определенное сходство с античным правом на *action popularis*, поскольку в случае предъявления таких исков защищается некоторое общественное благо» [Туманов, 2024].

Рассуждение, приведенное в рассматриваемом постановлении Конституционного Суда РФ, продемонстрировало, что запреты и ограничения в, казалось бы, незыблемых положениях нормативного регулирования, обусловленные защитой публичного интереса, иногда не столько полезны, сколько вредны и даже опасны для общественного интереса, а в рассматриваемом деле – не согласуются с конституционным признанием культуры уникальным наследием многонационального народа Российской Федерации и не содержат эффективных судебных гарантий охраны объектов культурного наследия (памятников истории и культуры).

В условиях выявленного несоответствия положений КАС РФ требованиям справедливости, Конституционный Суд РФ предписал, что до внесения изменений в законодательное регулирование суд вправе применить меру предварительной

защиты по административному иску в виде возложения на собственника (законного владельца) такого объекта или земельного участка, на котором он расположен, обязанности воздержаться от его сноса.

Разрешение использования ограниченного, но все же в действительности эффективного перечня мер предварительной защиты есть ни что иное, как указание органа конституционного контроля на приоритет в качестве средств срочной защиты, ведь именно качественность является ключевым элементом эффективности средства правовой защиты общественного интереса, а также важнейшим критерием при разрешении вопроса о принятии мер предварительной защиты, и ему следует придавать более весомое значение, чем установленному формальному запрету в условиях незаконности оспариваемого нормативного правового акта.

При исполнении принятого Конституционным Судом РФ постановления федеральный законодатель мог избрать один из двух вариантов развития института мер предварительной защиты при оспаривании нормативных правовых актов.

Первый и наиболее ожидаемый (в условиях тенденции развития КАС РФ в плане институциональной дифференциации и специализации [Багыллы, Грибов, Князькин, 2024]) путь – введение в Кодекс новой главы, посвященной особенностям рассмотрения дел об оспаривании нормативных актов органов власти субъектов Российской Федерации в сфере охраны объектов культурного наследия.

Выбор указанного варианта, во-первых, соответствовал бы политико-правовым мотивам законодателя и его стремлению обеспечить защиту правовой определенности и, во-вторых, не нарушил бы существовавший еще до принятия КАС РФ запрет на применение в делах об оспаривании нормативных правовых актов каких-либо иных обеспечительных механизмов, кроме как запрета применения оспариваемого акта в отношении заинтересованного лица.

Менее ожидаемым предполагался путь отмены ограничительного запрета непосредственно в ст. 211 КАС РФ, как общей нормы, которой руководствуются суды при рассмотрении дел об оспаривании нормативных правовых актов.

Однако уже в сентябре 2024 года в Государственную Думу Федерального Собрания РФ был внесен проект федерального закона¹ (далее – Проект), предусматривающий дополнение ст. 211 КАС РФ частью второй, согласно которой принятие иных мер предварительной защиты по административным делам об оспаривании нормативных правовых актов допускается в случае, если такие акты оказывают воздействие на правовой режим

объектов права, а также порождают особые условия их использования (эксплуатации) и защиты.

Согласно пояснительной записке к Проекту, специфика нормативных правовых актов, определяющих правовой режим объектов или условия их использования (эксплуатации) и защиты, и обусловленных их принятием последствий состоит в том, что действие таких актов может не сопровождаться непосредственным применением к административному истцу, однако может привести к необратимым последствиям, связанным с действием либо бездействием в отношении указанных объектов, и, как следствие, к нарушению прав как истца, так и неопределенного круга лиц; принятие изменения позволит привести положения КАС в соответствие с правовой позицией Конституционного Суда Российской Федерации и согласно части 2 статьи 85 КАС предоставит возможность судам применять иные меры предварительной защиты по административным делам об оспаривании нормативных правовых актов.

В настоящее время, с учетом внесенных изменений, КАС РФ более не устанавливает ограничительного запрета в выборе мер предварительной защиты при оспаривании нормативных правовых актов, что влечет за собой, с одной стороны, увеличение объема прав административных истцов, в т.ч. инициативных групп, выступающих в защиту объектов, условия эксплуатации которых изменяются оспариваемыми нормативными актами, а с другой – необходимость судов по-новому взглянуть на установленные в п. 14 постановления Пленума Верховного суда РФ № 15 от 01.06.2023 критерии принятия обеспечительных мер.

Разумеется, на первый план выходят критерии вероятности причинения ущерба в случае непринятия обеспечительных мер и предотвращения нарушения при принятии обеспечительных мер публичных интересов, интересов третьих лиц.

При этом судебная практика судов общей юрисдикции в рамках прямого судебного нормоконтроля, осуществляемого в порядке гл. 21 КАС РФ, на данный момент не содержит положительных примеров принятия судами иных мер, помимо приостановления действия оспариваемых нормативных правовых актов.

Однако примечательно и заметно положительное влияние правовой позиции Конституционного Суда РФ и новой редакции ст. 211 КАС РФ на определения, принимаемые апелляционными судами общей юрисдикции при разрешении вопроса о применении мер предварительной защиты в иных сферах, где принятые региональными законодателями нормативные правовые акты стали объектом оспаривания лицами, выступающими прямо или косвенно в защиту общественного интереса.

Одним из примеров положительного влияния на практику правовой позиции Конституционного Суда РФ, к которому применимо утверждение Е.С. Шугриной о том, что «до настоящего времени в большинстве городов принимаются гра-

¹ Законопроект № 722138–8 «О внесении изменения в статью 211 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации» (о мерах предварительной защиты по административному иску об оспаривании нормативного правового акта)» // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/>.

достроительные решения, не всегда основанные на предварительном выявлении и учете мнения жителей» [Шугрина, 2019], является определение Второго апелляционного суда общей юрисдикции от 27.03.2025 по делу № 66а-251/202¹, принятое по результатам рассмотрения частной жалобы коллективных административных истцов, выступающих против отнесения ряда земельных участков на территории городского округа Верхняя Пышма (Свердловская область) к функциональным зонам застройки многоэтажными жилыми домами, общественно-деловой, специализированной общественной застройки. Истцы ссылались на нарушение Думой городского округа Верхняя Пышма при принятии оспариваемого решения об утверждении правил землепользования и застройки права административных истцов на благополучную окружающую среду, а также указывали на невозможность использования городских лесов в составе земель населенных пунктов, на которых помимо иной растительности произрастают и растения, занесенные в Красную книгу Свердловской области, в целях строительства объектов капитального строительства.

Удовлетворяя требования частной жалобы членов инициативной группы на определение об отказе в принятии мер предварительной защиты в виде приостановления действия оспариваемых нормативных правовых актов применительно к конкретным земельным участкам в границах существующих и проектируемых улиц, суд апелляционной инстанции сослался на правовую позицию Конституционного Суда РФ и обозначенную им специфику нормативных правовых актов, не имеющих непосредственного влияния на административных истцов. Суд также пришел к выводу о наличии явной опасности нарушения прав, свобод и законных интересов административных истцов, как жителей г. Верхняя Пышма, в том числе и права на благоприятную окружающую среду в случае непринятия мер предварительной защиты, поскольку нормативные правовые акты в оспариваемой части могут быть реализованы посредством застройки спорной территории, ранее относившейся к землям Государственного лесного фонда, до проверки законности и обоснованности судом требований административных истцов.

К положительным примерам из правоприменительной практики можно также отнести определение Второго апелляционного суда общей юрисдикции от 21.05.2025 по делу № 66а-342/2025², в рамках которого гражданином Ч. оспаривались отдельные положения принятого Мурманской областной Думой Закона Мурманской области «О внесении изменений в Закон Мурманской области «Об ответственном обращении с животными в Мурман-

ской области», которыми допускалось умерщвление животных без владельцев, содержащихся в пунктах временного содержания, не ранее чем на одиннадцатый день со дня отлова животного после проведения карантинирования при обнаружении специалистом у животного признаков болезней, опасных для человека или других животных, а также не ранее чем на одиннадцатый день со дня отлова животного без владельца после карантинирования животного в случае проявления животным немотивированной агрессивности, выявленной по результатам проведения освидетельствования.

Административному истцу в указанном деле было отказано в принятии мер предварительной защиты по административному иску в виде запрета применения оспариваемых положений нормативного правового акта до вступления в законную силу судебного акта. Однако по результатам рассмотрения частной жалобы гражданина Ч. Второй апелляционный суд общей юрисдикции признал обоснованными доводы административного истца о наличии реальной опасности нарушения прав заявителя, ведь оспариваемые положения нормативного правового акта могут привести к непоправимой и невосполнимой утрате гражданами своих питомцев, продолжится антигуманная и незаконная практика причинения животным физических и нравственных страданий, жестокого к ним обращения, в том числе к произвольной постановке диагноза «немотивированная агрессивность», что влечет за собой умерщвление животных.

Помимо этого, судом установлен интерес заявителя в принятии мер предварительной защиты, поскольку от подобной ситуации не застрахован и административный истец – владелец собаки, ссылающийся на сообщения в социальных сетях о случаях умерщвления пропавших собак, имеющих хозяев.

Суд апелляционной инстанции, применив правовую позицию Конституционного Суда РФ, принял испрашиваемые административным истцом меры предварительной защиты, отменив определение суда первой инстанции.

Приведенные в качестве примеров судебные постановления и содержащиеся в них выводы свидетельствуют ни о чем ином, как о зарождении определенно нового правового подхода к применению мер предварительной защиты в делах об оспаривании нормативных правовых актов в качестве действительно эффективного средства правовой защиты прав и законных интересов не только конкретных лиц, но и защищаемых административными истцами общественных интересов. Большую роль в формировании данного подхода играют выводы, закрепленные в постановлении Конституционного Суда РФ от 11.04.2024 № 17-П.

Снятие законодателем во исполнение предписания Конституционного Суда РФ существовавшего долгое время запрета в ст. 211 КАС РФ хотя еще и не получило должной и заслуженной реакции со стороны судов, но определенно стало уверенным шагом к преобразованию существовав-

¹ Апелляционное определение Второго апелляционного суда общей юрисдикции от 27.03.2025 N 66а-251/2025 (УИД 66ОS0000-01-2025-000073-48) // СПС КонсультантПлюс.

² Апелляционное определение Второго апелляционного суда общей юрисдикции от 21.05.2025 № 66а-342/2025 (УИД 51ОS0000-01-2025-000015-15) // СПС КонсультантПлюс.

ших обеспечительных механизмов в административном судопроизводстве в качественно более эффективное средство правовой защиты по административным делам.

Литература

1. Юсупов Т.Б. Обеспечение иска в арбитражном и гражданском процессе. М.: ОАО «Издательский дом «Городец»», 2006. 8 с.
2. Опалев Р.О. Право на эффективную судебную защиту в административном судопроизводстве: монография / Р.О. Опалев. – Москва: Городец, 2023. С. 225.
3. Старилов М.Ю. Эффективность института мер предварительной защиты в административном судопроизводстве: постановка проблемы, условия и критерии применения, судебная практика // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2018. № 2. С. 176–188.
4. Туманов Д.А. Защита общественных интересов в гражданском судопроизводстве: дисс. ... д-ра юрид. наук: 5.1.3. – М., 2024. 535 с.
5. Багиллы С.Т., Грибов Н.Д., Князькин С.И. Развитие цивилистической процессуальной формы в современных условиях // Вестник гражданского процесса. 2024. № 6. С. 145–164.
6. Шугрина Е.С. Публичные слушания и общественные обсуждения как инструмент выявления мнения населения по вопросам городского развития // Градостроительное право. 2019. № 4. С. 30–34.

APPLICATION OF PRELIMINARY PROTECTION MEASURES IN CASES ON CHALLENGING NORMATIVE LEGAL ACTS IN THE LIGHT OF THE RESOLUTION NO. 17-P OF THE CONSTITUTIONAL COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION DATED 04/11/2024

Kokulekov A.A.

Kutafin Moscow State Law University

The article is devoted to the analysis of the position of the Constitutional Court of the Russian Federation, indicated in the Resolution of 11.04.2024 № 17-P, the impact of the conclusions contained in it on the application in administrative proceedings of preliminary protection measures in cases of contesting normative legal acts, taking into account the limitations in their application established by the legislator.

Keywords: measures of preliminary protection, interim measures, prohibition of application of the challenged act, administrative proceedings, normative legal act.

References

1. Yusupov T.B. (2006). Securing a claim in arbitration and civil proceedings. Moscow: Gorodets Publishing House. 8 p. (In Russ.)
2. Opalev R.O. (2023). The right to effective judicial protection in administrative proceedings: a monograph / R.O. Opalev. Moscow: Gorodets. P. 225. (In Russ.)
3. Starilov M.Y. (2018). Effectiveness of the institute of preliminary protection measures in administrative proceedings: problem statement, conditions and criteria of application, judicial practice. Bulletin of the VSU. Series: Law. No. 2. pp. 176–188. (In Russ.)
4. Tumanov D.A. (2024). Protection of public interests in civil proceedings: dissertation by Dr. Yurid. Sciences: 5.1.3. Moscow. 535 p. (In Russ.)
5. Bagilli S.T., Gribov N.D., Knyazkin S.I. (2024). The development of the civil procedural form in modern conditions. Bulletin of the Civil Procedure. N 6. pp. 145–164.
6. Shugrina E.S. (2019). Public hearings and public discussions as a tool for identifying public opinion on urban development issues. Urban Planning law. 2019. No. 4. pp. 30–34. (In Russ.)

Теоретическое понимание элементов налогообложения в современной России

Кузнецов Леонид Дмитриевич,

кандидат юридических наук, профессор кафедры
административного права Московского университета МВД
России имени В.Я. Кикотя
E-mail: leonkuzn@mail.ru

В статье рассматривается теоретическое понимание элементов налогообложения в современной России, которое представляет собой системное осмысление тех юридикоэкономических признаков, на основе которых строится налог как публичноправовая обязанность.

Налоговая система России постоянно совершенствуется, сталкиваясь с новыми вызовами, обусловленными изменениями в экономике, технологиях и социальной сфере. В этой связи адаптация и определение элементов налогообложения представляет длящийся процесс, требующий внимания к современным проблемам и выработки адекватных решений.

В современной российской налоговой науке пока наблюдается недостаточная разработанность отдельных теоретических аспектов, касающихся элементов налогообложения. В частности, требуется дальнейшее изучение вопросов, связанных с экономической сущностью отдельных элементов, их взаимосвязью и влиянием на функционирование налоговой системы в целом. Теоретические исследования в области элементов налогообложения в России в большей степени ориентированы на решение практических задач, связанных с применением действующего законодательства, чем на разработку фундаментальных концепций и теорий. Это приводит к некоторому отставанию теоретической базы от потребностей практики.

Ключевые слова: теория налогового права, налоговая система, элементы налогообложения, цифровая экономика, электронные кабинеты, автоматизированные проверки, налоговое администрирование.

Теоретическое понимание элементов налогообложения является фундаментом для глубокого осмысления сущности налогов, их роли в функционировании государства и экономике.

Теория налогового права рассматривает элементы налогообложения как правовую конструкцию, обеспечивающую принцип законности, определённости и предсказуемости налогов, а также инструмент достижения фискальных и экономических целей государства.

К обязательным элементам налогообложения относятся: субъект налога (это налогоплательщик). Теоретически субъект налога является носителем обязанности по уплате налога. Он должен быть чётко определён по правовому статусу (физическое или юрлицо лицо, либо это налоговый агент или резидент (нерезидент)). Субъект налога отражает принцип платёжеспособности и справедливого распределения бремени; объект налога, как элемент налогообложения представляет собой юридическое основание налогообложения [3], например, это доход, прибыль, имущество, реализация ит.п.

Теория требует, чтобы объект был экономически значимым, измеримым и юридически определённым. Выбор объектов связан с налоговой политикой. Так, изменяя объекты налога, государство может стимулировать, либо сдерживать определённые виды деятельности; налоговая база – это выражение объекта: количественное или стоимостное. База обеспечивает возможность точного исчисления налога. Теория подчеркивает корректность и объективность методов определения базы. К примеру, начисленный доход, среднегодовая стоимость имущества; налоговая ставка. Она связывает базу с суммой налога. Теория учитывает экономическое влияние типа ставки (пропорциональная, прогрессивная, регрессивная) на поведение субъектов и распределение доходов. (в теории налогового права именно эти элементы считаются обязательными [4].

Вышеназванные элементы налогообложения определены статьёй 17 НК РФ. К факультативным элементам налогообложения относятся: порядок исчисления налога, налоговый период, сроки и порядок уплаты налога, налоговые льготы, способы зачёта либо возврата, механизмы взыскания. Эти элементы не всегда обязательны для признания налога, но критически важны для администрирования, защиты прав налогоплательщика и достижения политических целей.

Теория налогового права рассматривает их как инструменты налогового администрирования и социальной (экономической) корректировки налого-

вой нагрузки. Принципы и требования к элементам налогообложения выражаются в их законности и определённости. Указанные элементы должны быть определены налоговым законом, то есть НК РФ и устанавливать предсказуемые правила. Налоговые элементы не должны приводить к произвольному или чрезмерному обложению. Значит должны быть соразмерными и справедливыми. Элементы должны минимизировать искажения в экономике и административные издержки, значит предусматривать экономическую эффективность.

Основными источниками закрепления элементов в России является Конституция РФ, на основе которой сформулированы принципы налогообложения в статье 3 Налогового кодекса РФ [6]. Это правовые источники элементов налогообложения. Регламентируются и детализируются названные элементы актами правительства, разъяснениями ФНС РФ и судебной практикой.

Основными принципами в контексте элементов налогообложения являются:

- принцип всеобщности, когда все лица, имеющие доход или имущество, теоретически должны уплачивать налоги. Этот принцип реализуется через определение субъекта и объекта налога.
- принцип равенства (справедливости), когда налоговое бремя должно распределяться между налогоплательщиками пропорционально их доходам или имуществу. Этот принцип реализуется через определение налоговой базы и налоговой ставки.
- принцип определенности, когда налоговое законодательство должно быть понятным и четким для налогоплательщиков [8].

Процедура уплаты налогов должна быть максимально простой и удобной для плательщиков налогов, а налоговая система должна обеспечивать достаточные поступления в бюджет при минимальных затратах на администрирование. Указанные принципы реализуются через оптимальный выбор объектов налогообложения и ставок.

Принципы имеют корректировку элементов налогообложения, которая представляет собой сложный и многогранный процесс, требующий учёта множества факторов. Эффективная корректировка позволяет государству адаптироваться к изменяющимся условиям и обеспечивать устойчивое развитие экономики и общества.

Изменения элементов налогообложения должны быть основаны на результатах анализа экономических и социальных последствий.

Изменения элементов налогообложения должны быть объявлены заранее, чтобы дать бизнесу и гражданам время адаптироваться.

Процесс принятия решений должен быть прозрачным и открытым для общественности.

Изменения элементов налогообложения должны быть согласованы с другими направлениями государственной политики.

Налоговая система должна соответствовать международным стандартам и практикам [9].

К инструментам корректировки элементов налогообложения относятся:

1. Налоговые ставки. Они могут использоваться для увеличения налоговых поступлений в бюджет, но это может негативно влиять на экономическую активность. Могут использоваться для стимулирования экономического роста, привлечения инвестиций и снижения налоговой нагрузки на налогоплательщиков. Применяется установление различных ставок для разных видов доходов или деятельности для стимулирования приоритетных направлений развития [10].

2. Налоговая база. Возможно включение в налогооблагаемую базу новых видов доходов или имущества для увеличения налоговых поступлений. При экономической необходимости существует сужение налоговой базы, то есть исключение из налогооблагаемой базы определенных видов доходов или имущества для стимулирования инвестиций или поддержки социально уязвимых групп населения. Возможно применение корректировки правил учёта доходов и расходов для определения налогооблагаемой базы, например, изменение правил амортизации.

3. Налоговые льготы. Ими законодательно осуществляется:

предоставление налоговых льгот для стимулирования определенных видов деятельности или поддержки социально значимых проектов;

отмена или сокращение неэффективных или устаревших налоговых льгот для увеличения налоговых поступлений и повышения справедливости налоговой системы;

корректировка критериев и условий предоставления налоговых льгот для повышения их эффективности и адресности [7].

4. Налоговый период. Возможно изменение продолжительности налогового периода (например, переход с квартальной уплаты налога на ежемесячную) для улучшения планирования бюджетных поступлений. Также применяется корректировка сроков уплаты налогов для удобства налогоплательщиков и повышения собираемости.

К налоговому администрированию относится упрощение процедур уплаты налогов, регистрация и учёт налогоплательщиков.

Элементы налогообложения могут оказывать стимулирующее или дестимулирующее воздействие на экономическую деятельность. Например, низкие налоговые ставки могут стимулировать инвестиции и предпринимательство, а высокие – сдерживать их.

Прогрессивные налоговые ставки могут способствовать перераспределению доходов от более богатых слоев населения к более бедным.

В современной теории налогообложения уделяется все больше внимания вопросам справедливости, эффективности и экологичности налоговых систем. Рассматриваются вопросы оптимального сочетания прямых и косвенных налогов, налогового стимулирования инноваций и инвестиций, а также борьбы с уклонением от уплаты налогов [4].

Цифровая экономика ставит новые вызовы перед теорией налогообложения, связанные с определением места налогообложения, идентификацией субъектов налогообложения и оценкой налоговой базы в условиях глобальной цифровой среды.

Теоретическое понимание элементов налогообложения необходимо для разработки эффективной и справедливой налоговой системы, способствующей экономическому росту, социальной стабильности и устойчивому развитию государства [3].

В теории налогового права подчёркивается значение иерархии норм и роль правоприменительной практики в толковании элементов налогообложения. Теорией налогового права также учитываются особенности развития современной России. Так, важной особенностью налоговой системы России является её федеральный характер, когда налоги поступают в разные бюджеты, например, часть налогов в федеральный бюджет, а другие части в региональные и местные бюджеты в дифференциации элементов налогообложения (ставок, льгот) по уровням власти.

На протяжении последнего времени проявляется тенденция к цифровизации администрирования, то есть вполне обоснованно возникают электронные кабинеты, автоматизированные проверки, которые влияют на требования к порядку исчисления и срокам уплаты налогов и сборов.

Государство активизирует фискальную и антикризисную политику. При этом элементы налогообложения используются гибко, например, льготы, специальные режимы для поддержки экономики, но это порождает сложность и повышенную потребность в ясности норм [9].

В современном мире происходит влияние международных стандартов (BEPS, ОЭСР) и трансграничной цифровой экономики на налоговую систему России. Возникают задачи по переосмыслению объектов и базы налогообложения.

Практические последствия теоретического понимания элементов налогообложения выражаются в чётком определении элементов налогообложения, что снижает налоговые споры, повышает собираемость и уменьшает риск произвольного применения норм налогового права. А несоблюдение принципов (неопределённость объекта, несовместимые методики определения налоговой базы или ставки) ведёт к правовой нестабильности, уклонению и дополнительным издержкам на разрешение споров [3].

Адаптация традиционных элементов налогообложения к цифровой экономике и международным требованиям требует теоретического обновления подходов к объектам, налоговой базе и месту налогообложения.

Таким образом, теоретическое понимание элементов налогообложения в современной России – это не только формальное описание составляющих налога, но и аналитическая модель, связывающая правовые нормы с экономическими целями, административными возможностями и международными вызовами. Правильно выстроенная те-

ория элементов налогообложения обеспечивает легитимность, эффективность и предсказуемость налоговой системы.

Литература

1. Материалы семинара Научно-образовательного центра по правам человека Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) совместно с аппаратом Уполномоченного по правам человека в РФ на тему «Вопросы приобретения российского гражданства. Современная практика реализации законодательства о российском гражданстве» от 01 июня 2023 года.
2. Материалы научно-практической конференция на тему: «Совет Европы и актуальные проблемы противодействия преступности» Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя от 23 03 2016 года.
3. Налоговое право: Курс лекций: Учебное пособие для бакалавров / Под ред. С.Г. Пепеляева, А.В. Ема. – Москва: Статут, 2022. – 414 с.
4. Налоговое право: учебное пособие для вузов / Р.Д. Фархутдинов. – 4-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2025. – 128 с.
5. Налоговое право: курс лекций /Тютин Д.В. // СПС КонсультантПлюс. 2020.
6. Налоговые системы зарубежных стран: учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры: для студентов вузов, обучающихся по экономическим направлениям / Л.Н. Лыкова, И.С. Букина. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва: Юрайт, 2019. – 329 с.
7. Налоговое право. Региональные и местные налоги и сборы: учебное пособие для вузов / Е.В. Мишле. – Москва: Юрайт, 2020. – 177 с.
8. Налоги и налогообложение: учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по программе бакалавриата по направлению подготовки А.Н. Романов, С.П. Колчин; Финансовый ун-т при Правительстве Рос. Федерации. – Москва: ИНФРА-М, 2019. – 391 с.
9. Налоговая политика РФ современное состояние и пути совершенствования/ Александрова Н.Г.// Современный взгляд на проблемы экономики и менеджмента. – 2014. – с.105–109.
10. Налоговая система Российской Федерации и ее характеристики: монография / М.Ю. Малкина, Р.В. Балакин. – Москва: ИНФРА-М, 2019. – 127 с.
11. Международное налогообложение: размышление налоговой базы с использованием офшоров монография/ под ред. д-ра экон. наук М.Р. Пинской. – Москва: ИНФРА-М, 2020. – 192 с.
12. Налоги и налогообложение Поляк Г.Б., Смирнова Е.Е. Налоги и налогообложение. – 4-е изд. – Москва: Юрайт, 2022. – 381 с.
13. Роль налогового планирования и учетно-аналитического обеспечения в безопасности функционирования хозяйствующих субъектов.

THEORETICAL UNDERSTANDING OF THE ELEMENTS OF TAXATION IN MODERN RUSSIA

Kuznetsov L.

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot

The article examines the theoretical understanding of the elements of taxation in modern Russia, which is a systematic understanding of those legal and economic features on the basis of which tax is based as a public legal obligation. The Russian tax system is constantly being improved, facing new challenges caused by changes in the economy, technology and the social sphere. In this regard, the adaptation and definition of the elements of taxation is an ongoing process that requires attention to modern problems and the development of adequate solutions. In modern Russian tax science, there is still a lack of elaboration of certain theoretical aspects concerning the elements of taxation. In particular, further study of issues related to the economic essence of individual elements, their interrelationship and impact on the functioning of the tax system as a whole is required.

Theoretical research in the field of taxation elements in Russia is more focused on solving practical problems related to the application of current legislation than on the development of fundamental concepts and theories. This leads to a certain lag between the theoretical base and the needs of practice.

Keywords: theory of tax law, tax system, elements of taxation, digital economy, electronic cabinets, automated checks, tax administration.

References

1. Materials of the seminar of the Scientific and Educational Center for Human Rights of the O.E. Kutafin University (MGUA) jointly with the office of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation on the topic "Issues of acquiring Russian

citizenship. Modern practice of implementing legislation on Russian citizenship" dated June 01, 2023.

2. Materials of the scientific and practical conference on the topic: "The Council of Europe and current problems of countering crime" by the Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated 03/23/2016.
3. Tax law: Lecture course: A textbook for bachelors / Edited by S.G. Pepelyaev, A.V. Ema. – Moscow: Statute, 2022. – 414 p.
4. Tax law: a textbook for universities / R.D. Farkhutdinov. – 4th ed., revised and add. Moscow: Yurait Publishing House, 2025. 128 p.
5. Tax law: a course of lectures / Tyutin D.V. // SPS Consultant-Plus. 2020.
6. Tax systems of foreign countries: textbook and workshop for bachelor's and Master's degrees: for university students studying economics / L.N. Lykova, I.S. Bukina. – 3rd ed., revised and additional – Moscow: Yurait, 2019. – 329 p.
7. Tax law. Regional and local taxes and fees: a textbook for universities / E.V. Michelet. Moscow: Yurait Publ., 2020. 177 p.
8. Taxes and taxation: a textbook for university students studying under the bachelor's degree program in the field of A.N. Romanov, S.P. Kolchin; Financial University under the Government of the Russian Federation. Federation. Moscow: INFRA-M, 2019. 391 p.
9. Tax policy of the Russian Federation, current state and ways of improvement/ Alexandrova N.G.// Modern view on the problems of economics and management. – 2014. – c.105–109.
10. The tax system of the Russian Federation and its characteristics: a monograph / M.Y. Malkina, R.V. Balakin. Moscow: INFRA-M, 2019. 127 p.
11. International taxation: dilution of the tax base using offshore companies monograph/ Edited by Dr. M.R. Pinskaya, Doctor of Economics. Moscow: INFRA-M, 2020. 192 p.
12. Taxes and taxation Polyak G.B., Smirnova E.E. Taxes and taxation. – 4th ed. – Moscow: Yurait, 2022. – 381 p.
13. The role of tax planning and accounting and analytical support in the safety of the functioning of business entities. Volume 1. (Postgraduate studies, Bachelor's degree, Master's degree). Collection of articles. Golubeva G.F. 2023 Publisher: Russains.p.354

К вопросу об объекте прокурорского надзора за исполнением законов о противодействии экстремистской деятельности

Курбатова Алина Ивановна,

аспирант Университета прокуратуры Российской Федерации
E-mail: alinakurbatovaai@gmail.com

В последние годы в мире экстремизм представляет собой прямую угрозу конституционному строю, разрушает целостность и безопасность любой страны, подрывает суверенитет государства, несет невосполнимый вред и человеческие жертвы. *Цель исследования.* Целью исследования является изучение и анализ объектов прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии экстремизму, а также выявления специфических свойств, присущих исследуемому объекту. *Результаты исследования.* Автором проведена дефиниция объектов прокурорского надзора за исполнением законов по противодействию экстремисткой, определено практическое значение каждого объекта прокурорских проверок в указанной сфере, раскрыв их роль в профилактике, борьбе и минимизации (ликвидации) последствий правонарушений экстремистской направленности в Российской Федерации.

Ключевые слова: прокуратура, объект, противодействие экстремизму, проверка, безопасность, экстремистская деятельность, закон, прокурорский надзор.

Как известно исходя из статей 21, Федерального закона от 17.01.1992 № 2202–1 «О прокуратуре Российской Федерации» объектами прокурорского надзора за исполнением законов являются федеральные органы исполнительной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, органы публичной власти федеральных территорий, органы местного самоуправления, органы военного управления, органы контроля, их должностные лица, субъекты осуществления общественного контроля за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и содействия лицам, находящимся в местах принудительного содержания, а также органы управления и руководители коммерческих и некоммерческих организации.

В учебниках по юриспруденции, диссертационных исследованиях определение объекта прокурорского надзора зачастую ограничивается перечислением предприятий, учреждений, организаций и других органов, в которых проводятся прокурорские проверки исполнения законов. Некоторые авторы отмечают, что отсутствие четкого представления об объектах надзора расширило границы усмотрения прокуроров, что в ряде случаев привело к неоправданному увеличению объема их надзорной деятельности и втягиванию прокуратуры в выполнение не свойственных ей функций [4, с. 170].

Как верно отмечает Е.Р. Ергашев, необходимость достижения единообразного понимания в прокурорском надзоре как науке указанных категорий очевидна, так как в противном случае вряд ли удастся избежать искажений в практике прокурорской деятельности [2, с. 16].

При этом, определение понятия объекта в науке разнится. Ряд научных деятелей к объектам надзора относят субъекты, в отношении которых осуществляют надзор, другая позиция заключается в том, что объект – это определяют как деятельность таких субъектов.

Здесь также важно отметить, что в систему объектов прокурорского надзора входят только институты власти и должностные лица, надзорная деятельность не является персонифицированной, что прямо подтверждается действующими нормами закона.

Сам законодатель нам сгруппировал объекты по их организационной форме, к первой группе отнесены государственные органы, которые наделены властными полномочиями, они могут быть как федерального, так и субъективного уровня, могут относиться к законодательной, либо исполнитель-

ной ветви власти, к ним же мы можем отнести и органы контроля, ко второй группе – органы местного самоуправления, третью группу представляют органы контроля их должностные лица, в четвертую группу вошли органы управления, пятая – руководители коммерческих и некоммерческих организаций.

Каждый из представленных поднадзорных субъектов может быть рассмотрен отдельно как видовой объект прокурорского надзора. При этом необходимо рассматривать их в контексте исполняемых ими полномочий, закрепленных либо в действующем законодательстве Российской Федерации федерального или регионального уровней, либо в учредительных документах соответствующей организации [5, с. 75].

Также стоит отметить, что конкретный объект надзора можно определить только в определенных правоотношениях, например при противодействии экстремизму. По указанным выше группам рассмотрим каждый вид объекта применительно к рассматриваемой теме.

Итак, к первой группе относятся федеральные органы исполнительной власти (федеральные министерства, федеральные службы и федеральные агентства, в том числе МВД России, Минюст России, Роскомнадзор) территориальные и региональные государственные органы контроля и надзора, действующие от имени федеральных министерств Роскомнадзор, Рособрнадзор и иные органы по вопросам, относящимся к сфере регулирования, контроля и надзора в системе противодействия экстремизму, а также органы законодательной и исполнительной власти субъектов Российской Федерации и их структурные подразделения по видам деятельности [6, с. 39].

Указанные органы структурированы по вертикальному принципу. В контексте оптимизации функций федеральных органов исполнительной власти деятельность по контролю и надзору стали осуществлять федеральные службы. Сегодня после длительных научных дискуссий удалось достичь единообразного понимания того, что из всех федеральных органов исполнительной власти первоочередными объектами прокурорской деятельности выступают федеральные службы отраслевой и специальной компетенции [3, с. 69].

В зависимости от уровня (федеральный, региональный, местный) и территориального деления осуществляется их прямой надзор органами прокуратуры. Так, в отношении федеральных органов надзор осуществляет только Генеральная прокуратура Российской Федерации, в отношении органов субъекта прокуратуры областного, краевого и республиканского уровня, органы местного уровня поднадзорны районным и межрайонным прокурорам.

Рассмотрим следующую группу объектов.

Органы местного самоуправления, к которым относятся муниципальные администрации и их подведомственные учреждения в пределах своей муниципальной единицы принимают участие

в профилактике экстремизма, а также в минимизации и (или) ликвидации последствий проявления терроризма и экстремизма, разрабатывают и осуществляют меры, направленные на укрепление межнационального и межконфессионального согласия, поддержку и развитие языков и культуры народов Российской Федерации.

Осуществление надзорной деятельности указанной категории объектов приходится на долю прокурора районного уровня. При проверках рассматриваемых объектов прокурорам в первую очередь надлежит оценивать соответствии принимаемых нормативных правовых актов, действующему законодательству о противодействии экстремизму и терроризму. Кроме того, обращается внимание на комплекс принимаемых мер при реализации государственных и муниципальных программ о противодействии. Помимо прочего в указанных органах проводятся прокурорские проверки на предмет своевременности, полноты, законности и обоснованности применяемых мер по противодействию экстремизму, а также мер по предупреждению, устранению причин и условий совершения преступлений экстремистской и террористической направленности.

Отдельно может рассматриваться порядок их взаимодействия с органами государственной власти субъектов Российской Федерации, правоохранительными органами [1, с. 157].

Деятельность органов местного самоуправления очень важный элемент в системе противодействия экстремизму, поскольку именно он организует все деятельность на уровне конкретного муниципалитета, поэтому при проведении прокурорских проверок прокурорам надлежит детально изучить действующее законодательство, исключить формализм при их проведении и в случае выявления нарушений принимать весь комплекс мер реагирования, способствовать реальному устранению нарушений, а также причин по которым они были допущены.

Наиболее типичными нарушениями в их деятельности являются: отсутствие муниципальной программы в рассматриваемой сфере, недостаточность финансирования запланированных мероприятий, неисполнение таких мероприятий.

Переходя к рассмотрению с позиции объекта прокурорского надзора общественные, религиозные объединения и иные организации, отметим, что содержание проводимых проверок в отношении общественных сообществ существенно отличается от рассмотренных выше.

Формирование экстремистских взглядов зачастую происходит именно при осуществлении деятельности общественных организаций. В рамках данного прокурорского надзора прокурорами применяется весь спектр актов прокурорского реагирования на выявленные правонарушения, установленный Законом о прокуратуре Российской Федерации.

При организации прокурорских проверок нужно в первую очередь определить, что обществен-

ная организация носит экстремистский характер, пропагандирует разрушительные идеи. Немало важным является определение количественного показателя последователей таких идей, их территориальный ареал, способы распространения своей идеологии.

Таким образом, можно сделать вывод, что органы и общественные организации в равной степени выступают объектами прокурорского надзора, вместе с тем содержание проводимых проверок в отношении них имеет существенные различия, но проведение надзорных мероприятий необходимо в целях предупреждения экстремистских и террористических проявлений и минимизации причиненных последствий.

Литература

1. Евдокимов К.Н. Особенности прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии экстремистской деятельности в Российской Федерации // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2022. – № 3 (102). – С. 155–169.
2. Ергашев Е.Р. К вопросу о понятии и признаках предмета и объекта прокурорского надзора за соблюдением прав и свобод человека и гражданина // «Законы России: опыт, анализ, практика», № 11 – С. 16–21.
3. Киринов А.В., Побежимова Н.И. Актуальные проблемы административной реформы // Административное право и процесс. 2014. № 3. С. 67–71
4. Сушина Т.Е. Объекты прокурорского надзора за исполнением законов: трансформация понятий // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 6 (91) июнь. С. 169–177.
5. Плиева А.С. Задачи, предмет, объект прокурорского надзора за исполнением законов о федеральной безопасности, межнациональных отношениях и противодействии экстремизму // Вопросы российского и международного права. 2014. № 10. С. 69–91.

6. Шахкелдов, Ф.Г. Вопросы определения объекта прокурорского надзора в сфере противодействия экстремизму и терроризму / Ф.Г. Шахкелдов, Э.М. Михайлов // Юрист-Правовед. – 2015. – № 4(71). – С. 37–40.

ON THE ISSUE OF THE OBJECT OF PROSECUTORIAL SUPERVISION OVER THE EXECUTION LAWS ON COUNTERING EXTREMIST ACTIVITIES

Kurbatova A.I.

University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation

In recent years, extremism in the world has posed a direct threat to the constitutional order, destroys the integrity and security of any country, undermines the sovereignty of the state, and causes irreparable harm and human casualties. *Purpose of the study.* The purpose of the study is to study and analyze the objects of prosecutorial supervision over the implementation of legislation on countering extremism and terrorism, as well as to identify the specific properties of the object under study. *Research results.* The author has defined the objects of prosecutorial supervision over the implementation of laws on countering extremism, determined the practical significance of each object of prosecutorial checks in this area, revealed their role in the prevention, fight and minimization (liquidation) of the consequences of extremist offenses in the Russian Federation.

Keywords: prosecutor's office, object, countering extremism, inspection, security, extremist activity, law, prosecutorial supervision.

References

1. Evdokimov K.N. Features of prosecutorial supervision over the implementation of legislation on combating extremist activity in the Russian Federation // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – No. 3 (102). – P. 155–169.
2. Ergashev E.R. On the issue of the concept and features of the subject and object of prosecutorial supervision over the observance of human and civil rights and freedoms // "Laws of Russia: experience, analysis, practice", No. 11 – P. 16–21.
3. Kirin A.V., Pobezhimova N.I. Actual problems of administrative reform // Administrative law and process. 2014. No. 3. P. 67–71
4. Sushina T.E. Objects of prosecutorial supervision over the implementation of laws: transformation of concepts // Actual problems of Russian law. 2018. No. 6 (91), June. P. 169–177.
5. Plieva, A.S. Tasks, Subject, and Object of Prosecutor's Supervision over the Implementation of Laws on Federal Security, Interethnic Relations, and Countering Extremism // Issues of Russian and International Law. 2014. No. 10. P. 69–91.
6. Shakhkeldov, F.G. Issues of Determining the Object of Prosecutor's Supervision in the Sphere of Countering Extremism and Terrorism / F.G. Shakhkeldov, E.M. Mikhailov // Jurist-Pravoved. – 2015. – No. 4 (71). – P. 37–40.

Конституционно-правовые основы обеспечения экономической безопасности Российской Федерации в условиях экономических санкций

Львова Лариса Николаевна,

аспирант, Чебоксарский кооперативный институт (филиал)
Российского университета кооперации
E-mail: Lvova.lar@yandex.ru

Автор анализирует конституционно-правовые основы обеспечения экономической безопасности Российской Федерации в условиях санкционного давления. Актуальность исследования обусловлена необходимостью выработки эффективных правовых механизмов противодействия ограничительным мерам. Целью работы является раскрытие содержания конституционной модели экономической безопасности и определение роли государственных органов в обеспечении экономической безопасности России. В результате анализа положений Конституции Российской Федерации определен комплекс ключевых конституционных норм (ст. 4, 8, 34, 35, 55, 71, 75, 79 Конституции РФ), формирующих правовой фундамент экономического суверенитета. Проанализированы полномочия Президента РФ, Федерального Собрания, Правительства Российской Федерации, Банка России, Совета Безопасности и Государственного Совета в сфере противодействия экономическим санкциям. Раскрыта сущность конституционной модели как системы принципов, координирующих деятельность органов власти для нейтрализации угроз. Автором сделан вывод о том, что Конституция РФ служит стратегическим ориентиром для формирования сбалансированной системы правовых мер, обеспечивающей устойчивость национальной экономики в условиях длительного внешнего давления.

Ключевые слова: экономическая безопасность, экономические санкции, конституционная модель, стратегическое планирование, экономический суверенитет, антисанкционное законодательство.

Введение

Обеспечение экономической безопасности представляет собой одну из ключевых функций современного государства, приобретающую особую значимость в условиях геополитической нестабильности и целенаправленного внешнего давления. Введение масштабных экономических санкций в отношении Российской Федерации актуализировало задачу системного анализа и совершенствования правовых механизмов противодействия негативному влиянию экономических санкций на обеспечение экономической безопасности России. В данном контексте Конституция Российской Федерации выступает не только основополагающим нормативно-правовым актом, но и стратегическим ориентиром, определяющим концептуальные основы и принципы построения всего механизма обеспечения экономической безопасности страны, обеспечения суверенитета государства.

Несмотря на наличие значительного массива научных работ, посвященных отдельным аспектам экономической безопасности и санкционного противодействия, комплексное исследование конституционно-правовой модели обеспечения экономической безопасности в новых условиях остается востребованным. Требуется углубленного изучения вопрос о том, как закрепленные в Конституции принципы и нормы реализуются через скоординированную деятельность институтов государственной власти для нейтрализации вызовов санкционного характера.

Актуальность исследуемой проблемы

Актуальность исследования конституционно-правовых основ противодействия угрозам экономической безопасности Российской Федерации в условиях экономических санкций обусловлена необходимостью системного анализа конституционных положений, являющихся основой для выстраивания механизмов обеспечения экономической безопасности государства, в том числе в условиях санкционного давления.

Противодействие негативному санкционному воздействию на экономическую безопасность государства основано на необходимости обеспечения экономического суверенитета Российской Федерации и гарантий единства экономического пространства государства[10].

Материалы и методы исследования

В целях исследования конституционно-правовых основ обеспечения экономической безопасности

в условиях санкций в данной статье использованы статистические данные, научные публикации, а также сведения открытых электронных интернет-ресурсов.

В качестве методов исследования использованы такие общенаучные методы как диалектический метод, логический метод, метод системного анализа. Также в данной статье использованы сравнительно-правовой, формально-юридический и системный методы анализа нормативно-правовых актов.

Результаты исследования и их обсуждение

Проведенное исследование позволило сформулировать целостное представление о конституционной модели экономической безопасности Российской Федерации.

В целом под конституционной моделью экономической безопасности понимают формально определенную систему, посредством которой на основе конституционных принципов осуществляется координация и взаимодействие органов государственной власти в целях реализации их полномочий по защите прав, свобод, законных интересов личности, общества и государства в экономической сфере от вероятных угроз [9].

Конституционную модель экономической безопасности можно представить с теоретической и формально-юридической стороны.

Так, с теоретической точки зрения модель конституционной безопасности является конституционно-доктринальной конструкцией, интегрирующую конституционные принципы, нормативные положения и правовые понятия в целостную модель, отражающую системную взаимосвязь фундаментальных элементов конституционного строя – принципов демократического, федеративного, правового и социального государства; экономических прав и свобод личности; рыночного характера экономики, а также публично-властных механизмов обеспечения экономической безопасности.

Указанная модель отражает системную взаимосвязь фундаментальных элементов конституционного строя: демократического, федеративного, правового и социального государства; экономических прав и свобод личности; рыночного характера экономики; а также публично-властных механизмов обеспечения экономической безопасности.

В формально-юридическом аспекте конституционная модель экономической безопасности представляет собой совокупность принципов и нормативных предписаний, посредством которых определяется форма и содержание общественных отношений, возникающих на федеральном, региональном и местном уровнях, способствующих реализации прав и законных интересов личности, общества и государства, гарантирующая защиту их деятельности в процессе производства, распределения, обмена и потребления экономического продукта от вероятных угроз[9].

В данном контексте происходит «конституционализация» процессов, протекающих в общественных отношениях в сфере обеспечения экономической безопасности, отраслевое законодательство и различные элементы правовой системы должны приводиться в соответствие с конституционными принципами и императивами. Данный процесс обеспечивает приведение отраслевого законодательства в соответствие с конституционной парадигмой регулирования отношений в сфере обеспечения экономической безопасности.

Конституционные нормы-принципы и нормы-цели создают основу для реализации конституционной модели общественных отношений в экономической сфере. Ключевые принципы экономической деятельности, образующие ядро «экономической конституции», включают: свободу экономической деятельности; единство экономического пространства; многообразие и равноправие форм собственности; гарантии защиты конкуренции. Конституционные принципы формируют концептуальные основы правового обеспечения экономической безопасности Российской Федерации.

В условиях существующей проблемы расширения антироссийских санкций возникает необходимость совершенствования отраслевого антисанкционного законодательства с учетом конституционно-правовых основ обеспечения экономической безопасности государства.

Конституцией Российской Федерации[1], выступающей стратегическим ориентиром для формирования правовых механизмов противодействия негативному влиянию антироссийских санкций на обеспечение экономической безопасности государства, предусмотрен комплекс взаимосвязанных положений, устанавливающих:

- суверенитет Российской Федерации в определении национальной экономической политики (ст. 4, 71);
- гарантии единства экономического пространства (ст. 8);
- правовые основы защиты всех форм собственности (ст. 8, 35);
- механизмы государственного регулирования в стратегических отраслях экономики (ст. 71).

Совокупность конституционно-правовых норм, выделяемая как экономическая конституция (статьи 8, 9, 34, 35, 36, 37, 41, 44, 46, 57 и т.д.), призвана обеспечить безопасность личности, общества и государства в сфере экономических отношений Федерации.

Так, в силу части 1 статьи 8 Конституции Российской Федерации в государстве гарантируется единство экономического пространства, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, поддержка конкуренции, свобода экономической деятельности[1].

Стоит отметить, что возможность полноценной реализации других конституционных принципов зависит от сохранения государством своего экономического суверенитета[1]. Это подтверждается закрепленной в части 3 статьи 55 Конституции

Российской Федерации возможности ограничения прав и свобод человека и гражданина в мере, необходимой в целях, в том числе, обеспечения безопасности государства.

Кроме того, в контексте определения конституционной модели экономической безопасности России можно отметить принципиальное значение конституционных новелл 2020 года, направленных на укрепление государственного суверенитета и создание дополнительных правовых гарантий защиты национальных интересов.

В частности, статья 79 Конституции Российской Федерации[1] в новой редакции закрепляет приоритет национального права в случае противоречия с решениями межгосударственных органов, принятыми на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации. Данная норма создает конституционную основу для защиты экономического суверенитета государства в условиях использования международно-правовых инструментов в качестве средства политического давления.

Несмотря на отсутствие в Конституции Российской Федерации прямого регулирования системы обеспечения экономической безопасности в условиях экономических санкций, эффективность противодействия внешним угрозам определяется последовательной реализацией государственными органами своих конституционных полномочий.

В контексте конституционно-правовых основ противодействия угрозам экономической безопасности в санкционных условиях необходимо отметить, что заложенная конституционная модель обеспечения экономической безопасности в качестве главной задачи определяет, в том числе формирование рациональной, эффективной, функциональной системы государственных органов, в которой каждый элемент выполняет конкретные определенные функции, действительно необходимые для достижения стратегической цели – обеспечения национальной безопасности государства.

Органы государственной власти, задействованные в процессах обеспечения экономической безопасности, должны обладать определенно выстроенной структурой и выполнять конкретные задачи, соответствующие их специализации, в связи с чем необходимо нормативное закрепление структуры уполномоченных органов, их управленческих функций и полномочий. Компетентность каждого органа должна содержать детализированное описание задач и соответствующих управленческих функций.

Задачи, поставленные перед органами, участвующими в обеспечении экономической безопасности, набор управленческих функций, которые они призваны осуществлять в целях решения этих задач, должны быть ясно и полно описаны в их компетенции[9].

Органы государственной власти, участвующие в обеспечении экономической безопасности, представляют собой структурно-функциональную си-

стему, интегрированную в механизм государства как его неотъемлемый элемент.

Данная система должна обладать единством организационных принципов, согласованностью деятельности каждого органа, а также четким определением форм реализации полномочий и видов ответственности.

В данном контексте приобретает принципиальное значение конституционное разграничение компетенции между органами государственной власти в сфере обеспечения безопасности.

Последовательная реализация закрепленных в Конституции Российской Федерации полномочий Президента, Федерального Собрания, Правительства, Центрального банка, Совета Безопасности образует фундамент для построения сбалансированной и эффективной системы противодействия современным вызовам и угрозам в экономической сфере.

Так, посредством анализа положений Конституции полномочия Президента Российской Федерации в сфере обеспечения экономической безопасности, закрепленные в статьях 80, 82, 83, 87 и 88[1], образуют системный комплекс, включающий: осуществление функций гаранта Конституции и прав граждан; принятие мер по охране государственного суверенитета и целостности; обеспечение безопасности государства через формирование и руководство Советом Безопасности; формирование Государственного Совета; введение специальных правовых режимов (военного и чрезвычайного положения) с применением соответствующих экономических мер защиты, что в совокупности создает конституционную основу для реализации антисанкционной политики и нейтрализации угроз экономической безопасности страны.

Реализация указанных конституционных полномочий позволяет Президенту Российской Федерации осуществлять стратегическое руководство системой обеспечения экономической безопасности, координировать деятельность государственных органов в условиях санкционного давления и принимать оперативные меры по нейтрализации угроз национальным экономическим интересам.

Стоит отметить конституционно-правовой статус Совета Безопасности Российской Федерации неразрывно связан с полномочиями Президента Российской Федерации как главы государства и гаранта национальной безопасности.

Согласно пункту «ж» статьи 83 Конституции Российской Федерации[1], Президент Российской Федерации формирует и возглавляет Совет Безопасности, что определяет его исключительную роль в организации и направлении деятельности данного конституционного органа.

В рамках совершенствования правового регулирования деятельности Совета Безопасности произошло расширение его компетенции в сфере экономической безопасности, включая полномочия по координации разработки и реализации государственной политики в области противодействия санкционному давлению.

Существенной новеллой стало нормативное закрепление статуса Совета Безопасности в главе III Федерального закона от 28.12.2010 № 390-ФЗ «О безопасности» (далее – Закон о безопасности) [3].

Нормативное закрепление полномочий Совета Безопасности реализовало положения статьи 83 Конституции Российской Федерации[1] и систематизировало правовые основы организации и деятельности Совета Безопасности как конституционного органа, осуществляющего подготовку решений Президента Российской Федерации по вопросам обеспечения национальной безопасности.

В соответствии со статьей 18 Закона о безопасности[3] Совет Безопасности определен как конституционный совещательный орган, осуществляющий подготовку решений Президента Российской Федерации по вопросам обеспечения национальной безопасности, организации обороны, военного строительства, оборонного производства, военного и военно-технического сотрудничества Российской Федерации с иностранными государствами, а также по иным вопросам, связанным с защитой конституционного строя, суверенитета, независимости и территориальной целостности Российской Федерации.

Нормативное закрепление статуса Совета Безопасности на уровне федерального закона способствовало усилению его координационных функций в системе органов государственной власти, обеспечив комплексный подход к решению задач обеспечения национальной безопасности в условиях современных вызовов и угроз.

Таким образом, Совет Безопасности оказывает содействие Президенту Российской Федерации в реализации его конституционных полномочий по защите национальных интересов и обеспечению экономической безопасности государства.

Также важно отметить, что в силу пункта «е.5» статьи 83 Конституции Российской Федерации[1] Президент Российской Федерации формирует Государственный Совет в целях обеспечения согласованного функционирования и взаимодействия органов публичной власти.

Данная конституционная норма устанавливает прямую связь между главой государства и Государственным Советом, определяя его как инструмент реализации президентских полномочий в сфере координации государственной политики.

Согласно Федеральному закону от 08.12.2020 № 394-ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации» [2], данный орган призван обеспечивать согласованное функционирование и взаимодействие органов государственной власти, определяя стратегические направления как внутренней, так и внешней политики, включая вопросы обеспечения экономической безопасности государства.

Государственный Совет через механизм согласованного функционирования органов публичной власти способствует выработке единых подходов к защите национальных экономических интересов, что приобретает особую значимость в услови-

ях формирования мер противодействия современным вызовам экономической безопасности, требующих консолидацию усилий федеральных и региональных органов власти для противодействия угрозам экономической безопасности.

Конституционные полномочия Федерального Собрания Российской Федерации в сфере обеспечения экономической безопасности, распределенные между Советом Федерации (ст. 102 Конституции РФ)[1] и Государственной Думой (ст. 103 Конституции РФ)[1], образуют комплексный механизм парламентского регулирования, включающий: утверждение особых правовых режимов и решений о применении вооруженных сил за пределами страны; законодательное установление мер противодействия санкциям; участие в формировании Правительства и заслушивание его отчетов; бюджетное обеспечение антисанкционных мероприятий, а также осуществление парламентского контроля через депутатские запросы и расследования, что в совокупности создает сбалансированную систему сдержек и противовесов в реализации государственной политики по защите национальных экономических интересов.

Взаимодействие палат Федерального Собрания в сфере обеспечения экономической безопасности проявляется в согласованной работе по утверждению федерального бюджета, устанавливающего параметры финансирования мероприятий по импортозамещению и поддержке отраслей экономики, наиболее подверженных санкционным рискам.

В развитие конституционно-правовых норм принимаются Государственной Думой и одобряются Советом Федерации федеральные законы, формирующие отдельное отраслевое антисанкционное законодательство. Так, в 2018 году принят Федеральный закон «О мерах воздействия (противодействия) на недружественные действия Соединенных Штатов Америки и иных иностранных государств» [4].

Также порядок применения специальных экономических мер установлен Федеральным законом от 30.12.2006 № 281-ФЗ «О специальных экономических мерах и принудительных мерах» [5].

Особую значимость в системе органов, задействованных в механизме обеспечения экономической безопасности, занимает Правительство Российской Федерации, которое в соответствии со статьей 114 Конституции РФ[1] осуществляет ключевые полномочия по практической реализации мер противодействия санкциям.

Согласно статье 114 Конституции Российской Федерации[1] Правительство РФ осуществляет меры по обеспечению обороны страны, государственной безопасности, реализует единую финансовую, кредитную и денежную политику, а также проводит единую социально-экономическую политику.

В рамках своей компетенции Правительство разрабатывает и внедряет комплексные меры по стабилизации экономики, включая формирование системы оперативного реагирования на санкционные вызовы, реализацию политики импорто-

замещения в стратегических отраслях промышленности, разработку механизмов поддержки субъектов предпринимательства, пострадавших от ограничительных мер.

Эффективность деятельности Правительства в рассматриваемой сфере напрямую влияет на способность национальной экономики России адаптироваться к условиям санкционного давления и сохранять устойчивость в долгосрочной перспективе.

В рамках своих полномочий Правительство разрабатывает и внедряет механизмы снижения зависимости от иностранных технологий и сырья, одновременно формируя правовые и экономические условия для переориентации внешнеэкономических связей на новые рынки. Деятельность Правительства в данном направлении осуществляется в тесном взаимодействии с другими органами государственной власти в рамках единой государственной политики обеспечения экономической безопасности.

Роль Правительства важна при реализации вводимых в ответ на санкции специальных экономических мер. Так в силу Указа Президента Российской Федерации от 23.05.2024[6] Правительству поручено принять меры, направленные на установление специального порядка компенсации причиненного ущерба в связи с решениями государственных и (или) судебных органов США, применяемого в случае необоснованного лишения прав на имущество в США[11].

Отдельное внимание стоит уделить роли Центрального банка Российской Федерации в системе противодействия экономическим антироссийским санкциям, основной функцией которого в силу части 2 статьи 75 Конституции Российской Федерации является защита и обеспечение устойчивости рубля[1]. В сфере законодательства о специальных экономических мерах Банк России осуществляет надзор за реализацией осуществляющими операции с денежными средствами и (или) иным имуществом организациями специальных экономических мер[5].

В рамках реализации полномочий по противодействию экономическим санкциям Банк России принимает меры по ограничению оттока капитала, развитию альтернативных механизмов международных расчетов, а также обеспечивает устойчивость системно значимых кредитных организаций. Особое внимание уделяется созданию условий для использования национальной платежной системы «МИР» в международных расчетах и развитию финансовой инфраструктуры, независимой от недружественных юрисдикций, в том числе в рамках внедрения цифрового рубля[7].

Координация деятельности Банка России с Правительством Российской Федерации осуществляется в рамках реализации основных направлений единой государственной денежно-кредитной политики, а также при разработке мер по обеспечению устойчивости финансового рынка. Банк России участвует в формировании перечней контрмер

в ответ на санкционные ограничения, обеспечивая их соответствие целям финансовой стабильности.

Реализация Банком России своих конституционных полномочий в условиях санкционного давления способствует сохранению стабильности национальной финансовой системы и создает необходимые предпосылки для обеспечения экономической безопасности государства.

Заложенные Конституцией России основы противодействия экономическим санкциям в Российской Федерации служат ориентиром для создания практической реализации механизма обеспечения экономической безопасности в санкционных условиях. Причем в данный механизм включаются меры, направленные как на преодоление негативных последствий антироссийских ограничительных мер, так и на стимулирование отечественного потенциала для развития и роста самостоятельности российских организаций в стратегических отраслях.

Противодействие санкционному воздействию на экономическую безопасность государства предопределено необходимостью обеспечения экономического суверенитета Российской Федерации. В этой связи часть 3 статьи 55 Конституции РФ[1] предусматривает возможность для установления ограничений прав и свобод человека и гражданина в той мере, в какой это необходимо для достижения таких целей, как обеспечение безопасности государства.

Вместе с тем при принятии мер противодействия антироссийским санкциям, затрагивающих права и свободы граждан, в том числе право на предпринимательскую деятельность, экономическую свободу, защиту интересов отечественных производителей и свободу конкуренции, следует обеспечивать отсутствие менее обременительных мер, которые в такой же степени позволяют достичь цели обеспечения экономической безопасности России.

Выводы

Подводя итоги, необходимо отметить, что конституционно-правовые основы противодействия угрозам экономической безопасности Российской Федерации в условиях санкций представляют собой многоуровневую систему, основанную на конституционных принципах статей 4, 8, 15, 34, 35, 55, 71, 74, 75 и 79 Конституции РФ[1], образующих нормативный фундамент обеспечения экономического суверенитета посредством осуществления деятельности Президентом РФ, Федеральным Собранием, Правительством и Банком России и иными органами государственной власти, что позволяет формировать комплекс правовых инструментов в рамках отраслевого законодательства в сфере обеспечения экономической безопасности в условиях внешнего санкционного давления.

Конституционно-правовые основы противодействия экономическим санкциям включают меры по защите экономического суверенитета, единого

экономического пространства России, а также экономической безопасности государства.

Исходя из вышеизложенного, Конституция Российской Федерации выступает в качестве основополагающего акта, определяющего стратегические ориентиры обеспечения экономической безопасности государства в контексте современных внешнеполитических вызовов.

Таким образом, в условиях санкционного давления на Российскую Федерацию особое значение приобретает формирование правовой системы, предусматривающей механизмы противодействия негативному влиянию санкций на обеспечение экономической безопасности Российской Федерации на основе конституционной модели экономической безопасности с сохранением системности правового регулирования, обеспечения согласованности между конституционными нормами и положениями антисанкционного законодательства, а также создания эффективных правовых механизмов защиты национальных экономических интересов в условиях длительного санкционного противостояния.

Литература

- Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 10.04.2025).
- О Государственном Совете Российской Федерации: Фед. закон от 08.12.2020 № 394-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 14.12.2020, № 50 (часть III), ст. 8039
- О безопасности: федер. закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ (ред. от 10.07.2023) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 03.01.2011, № 1, ст. 2.
- Федеральный закон от 08.12.2020 № 394-ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 14.12.2020, № 50 (часть III), ст. 8039.
- О мерах воздействия (противодействия) на недружественные действия Соединенных Штатов Америки и иных иностранных государств: фед. закон от 04.06.2018 № 127-ФЗ (ред. от 19.12.2023) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 11.06.2018, № 24, ст. 3394.
- О специальных экономических мерах и принудительных мерах»: фед. закон от 30.12.2006 N 281-ФЗ (ред. от 04.08.2023) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 01.01.2007, № 1 (1 ч.), ст. 44.
- О специальном порядке компенсации ущерба, причиненного Российской Федерации и Центральному банку Российской Федерации в связи с недружественными действиями Соединенных Штатов Америки»: Указ Президента РФ от 23.05.2024 № 442 // Российская газета, № 112, 24.05.2024.
- О платформе цифрового рубля (вместе с Порядком урегулирования споров и разногласий): Положение Банка России от 03.08.2023 № 820-П (ред. от 12.07.2024) // «Вестник Банка России», № 58, 16.08.2023.
- Болдырев О.Ю. Экономический суверенитет государства и стратегическое управление: конституционно-экономические аспекты // Государственная власть и местное самоуправление. 2023. N 12. С. 34–38.
- Салов В. Основы конституционной модели экономической безопасности Российской Федерации // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2010. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovy-konstitutsionnoy-modeli-ekonomicheskoy-bezopasnosti-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 04.04.2025).
- Львова, Л.Н. Конституционно-правовые основы противодействия экономическим санкциям в Российской Федерации / Л.Н. Львова // Тамбовские правовые чтения имени Ф.Н. Плевако: Материалы VIII Международной научно-практической конференции, Тамбов, 17–18 мая 2024 года. – Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2024. – С. 682–687. – EDN ERNNUV.
- Подписан указ о введении специального порядка компенсации ущерба, причиненного РФ или Банку России в связи с недружественными действиями США// Консультант Плюс [Электронный ресурс] URL: <https://www.consultant.ru/law/hotdocs/84797.html>.

CONSTITUTIONAL AND LEGAL BASES OF ENSURING THE ECONOMIC SECURITY OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE CONDITIONS OF ECONOMIC SANCTIONS

Lvova L.N.

Cheboksary Cooperative Institute (branch) of the Russian University of Cooperation

The author analyzes the constitutional and legal foundations of ensuring the economic security of the Russian Federation in the context of sanctions pressure. The relevance of the study is due to the need to develop effective legal mechanisms for countering restrictive measures. The purpose of the work is to reveal the content of the constitutional model of economic security and to determine the role of state bodies in ensuring Russia's economic security. Based on the analysis of the provisions of the Constitution of the Russian Federation, a set of key constitutional norms (Articles 4, 8, 34, 35, 55, 71, 75, and 79 of the Constitution of the Russian Federation) has been identified that form the legal foundation of economic sovereignty. The article analyzes the powers of the President of the Russian Federation, the Federal Assembly, the Government of the Russian Federation, the Bank of Russia, the Security Council, and the State Council in the field of countering economic sanctions. The article reveals the essence of the constitutional model as a system of principles that coordinate the activities of government bodies to neutralize threats. The author concludes that the Constitution of the Russian Federation serves as a strategic guideline for forming a balanced system of legal measures that ensure the stability of the national economy in the face of prolonged external pressure.

Keywords: economic security, economic sanctions, constitutional model, strategic planning, economic sovereignty, and anti-sanctions legislation.

References

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12/12/1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 07/01/2020) // Official Internet portal of legal Information URL: <http://www.pravo.gov.ru> (date of reference: 04/10/2025).
2. About the State Council of the Russian Federation: Fed. the law of 08.12.2020 No. 394-FZ // Collection of legislation of the Russian Federation. Federation. 12/14/2020, No. 50 (Part III), Article 8039
3. About security: feder. The law of 12/28/2010 No. 390-FZ (as amended on 07/10/2023) // Collection of legislation of the Russian Federation. Federation. 03.01.2011, No. 1, article 2. Federal Law No. 394-FZ dated 08.12.2020 "On the State Council of the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation. Federation. 12/14/2020, No. 50 (Part III), Article 8039.4.
4. On Measures to Influence (counteract) the Unfriendly Actions of the United States of America and Other Foreign States: Fed. The law of 06/04/2018 No. 127-FZ (as amended on 12/19/2023) // Collection of legislation of the Russian Federation. Federation. 11.06.2018, No. 24, article 3394.
5. On Special Economic measures and coercive measures": Fed. Law No. 281-FZ of 12/30/2006 (as amended on 08/04/2023) // Collection of Legislation of the Russian Federation. Federation. 01.01.2007, No. 1 (1 part), art.044.
6. On a special procedure for Compensation of damage Caused to the Russian Federation and the Central Bank of the Russian Federation in connection with the Unfriendly Actions of the United States of America": Decree of the President of the Russian Federation dated 05/23/2024 No. 442 // Rossiyskaya Gazeta, No. 112, 05/24/2024.
7. About the Digital ruble platform (along with the Procedure for Settling disputes and disagreements): Regulation of the Bank of Russia dated 08/03/2023 No. 820-P (as amended on 07/12/2024) // Bulletin of the Bank of Russia, No. 58, 08/16/2023.
8. Boldyrev O.Y. Economic sovereignty of the state and strategic management: constitutional and economic aspects // State power and local self-government. 2023. N 12. pp. 34–38.
9. Salov V. Fundamentals of the constitutional model of economic security of the Russian Federation // Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2010. No. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovy-konstitutsionnoy-modeli-ekonomicheskoy-bezopasnosti-rossiyskoy-federatsii> (date of request: 04/04/2025).
10. Lvova, L.N. Constitutional and legal foundations of countering economic sanctions in the Russian Federation / L.N. Lvova // Tambov Legal Readings named after F.N. Plevako: Proceedings of the VIII International Scientific and Practical Conference, Tambov, May 17–18, 2024. Tambov: Derzhavinsky Publishing House, 2024. pp. 682–687. EDN ERNNUV.
11. A decree was signed on the introduction of a special procedure for compensation of damage caused to the Russian Federation or the Bank of Russia in connection with the unfriendly actions of the United States// Consultant Plus [Electronic resource] URL: <https://www.consultant.ru/law/hotdocs/84797.html> .

Международный опыт правового регулирования информационных технологий в нефтегазовой промышленности

Михеев Сергей Дмитриевич,

кандидат юридических наук, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена
E-mail: mikhsergey98@gmail.com

Статья посвящена анализу правового регулирования информационных (цифровых) технологий в нефтегазовой промышленности на примере ведущих стран мира. Освещается закрепление в правовом поле регулирования цифровых и информационных технологий в нефтегазовой отрасли Китая, Канады, США, Казахстана, Азербайджана, России

Ключевые слова: информационные технологии, нефтегазовая промышленность, цифровые технологии, правовое регулирование, автоматизация, платформы управления, искусственный интеллект (ИИ)

Цифровые и информационные технологии стали фундаментом нефтегазовой отрасли: появились автоматизация скважин, интеллектуальные месторождения, система больших данных, управление логистикой, цифровые двойники. Примерами могут служить SCADA-системы, представляющие комплекс программных и аппаратных средств, которые позволяют операторам в реальном времени отслеживать и корректировать параметры процессов; технологии IoT (Интернет вещей), которые позволяют собирать, обрабатывать и анализировать данные в реальном времени для оптимизации процессов и повышения эффективности операций; ИИ-решения (специализированные геологоразведочные комплексы с поддержкой ИИ, цифровые платформы управления активами с аналитической логикой, интеллектуальные платформы для повышения эффективности бурения и добычи), облачные платформы компаний типа Shell, BP, Saudi Aramco, «Газпром нефть». Однако, использование искусственного интеллекта может конфликтовать с действующими нормативными актами в части хранения, передачи и обработки данных, а также ответственности за принятие решений автоматизированными системами.

Обратимся к анализу правового поля регулирования цифровых и информационных технологий в нефтегазовой отрасли крупнейших стран мира.

1. Китай выстроил комплексную иерархию правового регулирования цифровых технологий в нефтегазовой промышленности, что особенно это заметно в регулировании искусственного интеллекта (ИИ), больших данных, критической инфраструктуры и телеком-платформ.

Одним из основополагающих законов страны в данной области является Закон КНР «О кибербезопасности», который в ст. 31 определяет понятие критической информационной инфраструктуры (КИИ), к которой относится и нефтегазовая отрасль. Ст. 33 Закона требует обеспечения синхронного планирования, создания и применения технических мер безопасности от тех, кто создает критически важную информационную инфраструктуру, для обеспечения ее способности поддерживать стабильность бизнеса и бесперебойную работу [10]. Также положения Закона требуют физического хранения и обработки важных производственных данных внутри страны и обязательной государственной сертификации IT-решений для КИИ.

Следующим законом, регулирующим область данных, является Закон КНР о безопасности данных (Data Security Law, DSL, 2021), который уста-

навливает правовой режим для «важных данных», требует анализа рисков, оценки влияния, обязательной отчётности операторов КИИ. Ст. 31 данного правового акта определено, что Положения Закона о кибербезопасности КНР применяются к управлению безопасностью исходящих важных данных, собираемых или создаваемых операторами критически важной информационной инфраструктуры, работающими на материковой территории КНР; меры по управлению безопасностью исходящих данных для других обработчиков данных, собирающих или создающих важные данные на материковой территории КНР, должны разрабатываться совместно национальным департаментом кибербезопасности и информатизации и соответствующими департаментами Государственного совета [7]. Таким образом, критически важные данные запрещено выводить за рубеж без одобрения компетентных органов.

Следующим нормативно-правовым актом в данной области является Закон КНР о защите персональных данных (Personal Information Protection Law, PIPL, 2021), который распространяется на все компании, обрабатывающие персональные данные, включая сотрудников и подрядчиков в нефтегазовой индустрии. Особое требование закон предъявляет к оператору КИИ и строгому контролю обработки чувствительных данных (ст. 40) [9].

Нормативы по искусственному интеллекту (ИИ) Китая включают Алгоритмические рекомендации в интернет-информационных сервисах (Internet Information Service Algorithmic Recommendation Management Provisions, 2022), предполагающие обязательную регистрацию и аудит всех алгоритмов, используемых для принятия решений в промышленности (включая добычу и логистику в нефтегазовой сфере) [18].

Ярким примером регулирования ИИ в нефтегазовой отрасли является внедрение платформы когнитивных вычислений E8, которая представляет собой многоуровневую цифровую платформу нового поколения для нефтегазовой отрасли, построенную на базе искусственного интеллекта (ИИ), машинного обучения, больших данных и облачных вычислений. Её цель – комплексно автоматизировать и оптимизировать процессы геологоразведки, моделирования, бурения, добычи, транспортировки и управления производством [20].

Платформа разработана ИНТИ (Институтом цифровых исследований нефтедобычи CNPC, PetroChina) совместно с Huawei (использует облачные решения Huawei Cloud и ИИ-модули).

Ключевыми особенностями и компонентами платформы являются:

1. Когнитивные вычисления, представленные гибридными алгоритмами ИИ в области экспертных систем для анализа и предиктивных задач, а также системы знаний.

2. Управление большими данными (Big Data Platform), которое на базе платформы E8 объединяет структурированные и неструктурированные данные (геологические, сейсмические, буровые,

эксплуатационные, документацию и телеметрию), а также проводит анализ в режиме реального времени, используя для обучения ИИ и построение «цифрового двойника» месторождения.

3. Цифровое моделирование (Digital Twin, Reservoir Simulation), заключающееся в развертывании цифровых двойников скважин, пластов, объектов инфраструктуры, а также имитационное моделирование сценариев разработки (оптимизация бурения, выбор ГРП, прогнозы добычи и выхода на плато).

4. Прогнозно-аналитические сервисы (Predictive Analytics), задействованные в диагностике оборудования, предиктивном обслуживании (predictive maintenance), обнаружении аномалий, а также прогнозе аварийности и планировании ремонтов.

5. Интеграция с нефтегазовой облачной экосистемой Huawei, заключающаяся в подключении полевых устройств IoT (датчиков, приводов, SCADA) к облаку Huawei для анализа и управления; распределения обработки данных, круглосуточном доступе к аналитическим инструментам.

6. Безопасность и соответствие стандартам, согласно нормативным документам КНР по локализации данных, системе, авторизации и отслеживанию операций.

Практическими применениями данной платформы являются следующие.

1. Пилотный проект на месторождении Дацин (Daqing Oilfield). Платформа E8 проанализировала 40 лет архивных данных, выявила «невыработанные» зоны пластов и рекомендовала новые точки бурения, обеспечив выход добычи более 3% к плану.

E8 Drilling помог построить «цифрового ассистента бурильщика», снизив инциденты аварий.

2. Синьцзянский нефтегазовый регион благодаря E8 сумел ускорить цифровую интерпретацию сейсмических данных: время от сбора до принятия проектного решения сократилось с нескольких недель до 2–3 дней. Внедрение цифровых двойников в нефтегазовом регионе позволило оптимизировать режимы эксплуатации на 150 скважинах. Прогноз отказов повысился на 20%.

3. Восточная база CNPC (Eastern Oilfield Base) путем интеграции с Huawei Cloud позволила вынести в облако модули прогнозирования и обслуживания оборудования. Более 3000 датчиков в режиме on-line транслируют статусы агрегатов на платформу, что привело к росту отказоустойчивости и снижению на треть количества внеплановых ремонтов.

Таким образом, Китай создал многоуровневую систему регулирования цифровых технологий в нефтегазовом секторе через специальное отраслевое и общегосударственное законодательство, отраслевые стандарты и обязательные платформы контроля. Любая значимая цифровая платформа или внедрение ИИ в нефтегазе проходит аудит, регистрацию и постоянный надзор регулятора.

Однако, область правового регулирования сталкивается с проблемами и определенными вызова-

ми. Во-первых, из-за многоуровневости нормативных актов, наблюдается недостаточная четкость законодательства, проявляющаяся в расплывчатых формулировках и смешении терминологического аппарата, что может сдерживать развитие новых технологий. Во-вторых, отсутствует единый независимый регулятор. Многообразие регулирующих органов в производственных связях часто приводит к перекрытию функций и неясности в распределении обязанностей. В-третьих, существуют сложности с обменом информацией, так как форматы данных в нефтегазовой отрасли не унифицированы, что мешает эффективному использованию цифровых решений.

2. Законодательное регулирование США в области цифровизации нефтегазовой отрасли базируется на следующих основных нормативных актах:

1) Закон об энергетической политике 2005 года (Energy Policy Act (EPA)) в разделе III (Раздел 356) содержит требования, чтобы Комиссия по Денали использовала выделенные средства для реализации определённых энергетических программ, включая: (1) производство и развитие энергетики; (2) топливные элементы, гидроэлектростанции, солнечную, ветровую, волновую и приливную энергию; (3) замену и очистку топливных резервуаров; (4) строительство сетей транспортировки топлива и связанных с ними объектов, привязывая инвестиции в автоматизацию к требованиям по отчётности и контролю [13].

2) Федеральный закон о модернизации информационной безопасности 2014 года (Публичный закон 113–283; 18 декабря 2014 года) – Federal Information Security Modernization Act (FISMA), 2014/2022 требует, чтобы все федеральные агентства разрабатывали, документировали и внедряли общеагентские программы информационной безопасности. Он обязывает все связанные с федеральным регулированием отрасли (в т.ч. нефтегазовые операторы на федеральных землях и экспортёры) внедрять стандарты информационной безопасности при работе с государственными и конфиденциальными данными [23].

3) Guidelines и директивы по безопасности трубопроводов (TSA) – Pipeline Security Guidelines & Security Directives – это рекомендации по защите трубопроводов, по которым транспортируют природный газ, нефть и другие опасные материалы по территории США, от физических и киберугроз. В ноябре 2024 года TSA выпустило Уведомление о предлагаемом принятии правил (NPRM), которое направлено на формализацию существующих директив по кибербезопасности и включает в себя рамки кибербезопасности, разработанные Национальным институтом стандартов и технологий (NIST) и Агентством по кибербезопасности и безопасности инфраструктуры (CISA). Требуется внедрение систем мониторинга угроз, быстрого реагирования на инциденты, регулярные отчеты в TSA и CISA [22].

4) Требования к отчетности о киберинцидентах в сфере критически важной инфраструктуры (CIRCI) – Cyber Incident Reporting for Critical Infrastructure Act (CIRCI), 2022. Нормативный акт устанавливает, чтобы все субъекты критической инфраструктуры (в том числе нефть и газ) в течение 72 часов сообщали о кибер-инцидентах и атаках в Агентство по кибербезопасности и инфраструктурной безопасности (CISA) [21].

5) Закон об инвестициях в инфраструктуру и создании рабочих мест от 2021 года – Infrastructure Investment and Jobs Act (2021, Bipartisan Infrastructure Law) предусматривает прямые субсидии и фонды для цифровизации и кибербезопасности критической инфраструктуры, включающей нефтегазовые объекты. Включает обязательства по соответствию программам по ИТ-безопасности при получении финансирования [12].

6) Концепция кибербезопасности NIST (CSF) 2.0 (NIST Cybersecurity Framework (версия 2.0, 2024) представляет собой рекомендации, используемые регуляторами и компаниями как базовый шаблон для построения систем защиты и управления цифровыми технологиями в отрасли. Данные рекомендации постоянно обновляются, в нефтегазе влётён в процедуры аудита.

На уровне штатов регулирование в сфере добычи и переработки нефти и газа осуществляется комиссиями или департаментами. Они принимают местные правила, которые касаются разрешений на бурение, отчётности о производстве и экологических оценок. К примеру, Railroad Commission of Texas (RRC) (также иногда называется Texas Railroad Commission, TRC) – государственное агентство Техаса, которое регулирует нефтегазовую промышленность, газовые коммунальные услуги, безопасность трубопроводов, безопасность в отрасли сжиженного нефтяного газа, а также добычу угля и урана. Агентство определяет правила цифрового документооборота, отчётности, мониторинга добычи и движения сырья.

На уровне компаний (ExxonMobil, Chevron, ConocoPhillips) используются облачные платформы для интеграции буровых, производственных, экологических данных, где отчётность формируется автоматически и синхронизируется с требованиями регулятора (TSA, Energy Department, EPA).

Таким образом, в США регулирование цифровых технологий и ИТ в нефтегазовой отрасли осуществляется путем сочетания федеральных законов, отраслевых стандартов (NIST), обязательных предписаний по критической инфраструктуре (с акцентом на кибербезопасность и инцидент-менеджмент), а также специфических норм штата.

3. Канада обеспечивает правовое регулирование цифровых технологий в нефтегазовой промышленности через сочетание федерального и провинциального регулирования. Это связано с распределением полномочий в сфере энергетики между центральным правительством и административными единицами страны.

Федеральный уровень отвечает за регулирование вопросов, имеющих международное значение или рамочные соглашения между провинциями, а также за управление ресурсами на федеральных землях. Основными федеральными законами являются:

1) Национальная Стратегия Кибербезопасности (Canada's National Cyber Security Strategy (2018), которая включает раздел для нефтегазовой инфраструктуры: обязательные оценки угроз, обмен угрозами через Canadian Cyber Threat Exchange (CCTX), аудит используемых цифровых платформ [15].

2) Закон о защите персональных данных и электронных документах (Personal Information Protection and Electronic Documents Act), который регламентирует сбор, использование, хранение любой информации, позволяющей идентифицировать физлиц (например, данные сотрудников, подрядчиков, IoT) [8].

3) Законопроект C-26: Закон о кибербезопасности (Critical Cyber Systems Protection Act (Bill C-26, 2022, в процессе принятия) в части 2 предусматривает принятие *Закона о защите критически важных киберсистем* (CCSPA), который создаст основу для их защиты. Такими системами признаются межпровинциальные или международные трубопроводные и энергетические системы, системы ядерной энергетики, транспортные системы и т.п. Законопроект требует операторов критической цифровой инфраструктуры обеспечить наличие систем кибербезопасности, уведомлять госорганы о киберинцидентах [14]. Таким образом, данный законопроект касается крупных компаний, работающих на стратегических месторождениях (особенно экспортоориентированных).

4) Закон о регулировании энергетики в Канаде (Canadian Energy Regulator Act, S.C. 2019, с. 28, s. 10) в части 3 регулирует цифровую отчетность операторов, электронный документооборот и цифровое взаимодействие между федеральным органом (CER) и операторами трубопроводов, газопереработки, транспортировки [11].

Законодательные акты провинций нормативно определяют «техническое» регулирование с учетом специфики месторождений, куда входят аспекты лицензирования, контроля, технологии добычи, а также охраны окружающей среды. К примеру, Закон Альберты о защите персональных данных (PIPA) – Alberta's Personal Information Protection Act (PIPA, SA 2003, с P-6.5), который регулирует все цифровые персональные и производственные данные в компаниях, работающих на территории Альберты. В Законе содержатся конкретные требования к внедрению цифровых платформ: хранение данных, автоматизация с соблюдением конфиденциальности [6].

Еще одним законодательным актом Альберты является Директива AER 060, касающаяся правил сжигания на мусоросжигательных заводах и сброса в атмосферу в нефтедобывающей промышленности (положения о добыче) [3]. Директива фик-

сирует требования к цифровым системам мониторинга газовых выбросов, управляющим датчикам (IoT), платформам отчетности по экологии.

Таким образом, Канада использует комбинацию общенационального регулирования и провинциальных отраслевых требований для охвата всех аспектов цифровых технологий в нефтегазе. Данные сотрудников и технологические данные защищаются двухуровневой системой: PIPEDA (федеральным законом) + PIPA (провинциальным законодательством).

4. В Казахстане реализуется государственная программа «Цифровой Казахстан», которая включает внедрение технологии интеллектуального месторождения в крупных добывающих компаниях Казахстана. Появление новых инструментов анализа данных и повышение скорости их передачи позволяют значительно повысить гибкость в принятии решений и производительность труда. Кроме того, новые технологии снижают затраты на разведку и добычу благодаря получению более качественной и полной информации, что, в свою очередь, повышает эффективность управления запасами, добычей и переработкой. Также для обеспечения прозрачности и снижения уровня теневого оборота внедряется система для учета добычи товарной нефти с применением контрольных приборов учета [2].

Законодательное закрепление цифровизации нефтегазовой отрасли Казахстана происходит также в рамках Кодекса «О недрах и недропользовании», «Правилах формирования и функционирования информационной системы учета сырой нефти и газового конденсата, сырого газа и продуктов его переработки (товарного газа)», утвержденных приказом министра энергетики Республики Казахстан, где четко прописан порядок проведения интеграции [19]. Техническая часть интеграции систем прописана в законе «Об информатизации». Для развития информационных технологий в Казахстане создан цифровой технопарк Astana Hub, где зарегистрированные компании освобождены от основных налогов. В 2022 году сообщалось, что в стратегии цифровизации топливно-энергетического комплекса Казахстана на 2021–2025 годы было прописано, что к 2023 году на 60% всех месторождений должны быть установлены центры обработки данных, а к 2024-му – на 80% всех месторождений.

5. Азербайджан законодательно закрепляет и развивает информационные технологии в нефтегазовой промышленности через поддержку инновационных проектов и создание технопарков.

К основным документам, регулирующим информатизацию и цифровизацию нефтегазовой промышленности, можно отнести Закон «Об информатизации, информатизации и защите информации» от 1998 г. (с последующими изменениями), который определяет основы сбора, обработки, хранения, передачи и защиты информации. В ст. 17 и 18 нормативный акт перечисляет требования к защи-

те информации на критически важных (в том числе топливно-энергетических) объектах [5].

Закон «О персональных данных» регулирует защиту персональных данных работников и подрядчиков, включая цифровые данные, собираемые в рамках SAP ERP, автоматизированных систем [4]. Уточним, что SAP ERP – это комплексная программная система, которая оптимизирует процессы, повышает производительность и предоставляет аналитическую информацию в реальном времени в масштабе всей организации. В 2007 году SAP ERP была внедрена в «Государственной нефтяной компании Азербайджана» (ГНКАР). Целью внедрения было оптимизировать бизнес-процессы, консолидировать информацию от подразделений компании и обеспечить финансовую отчетность в соответствии с международными стандартами.

Реализация Стратегии цифровизации экономики Азербайджана до 2030 года предусматривает новые опции в области передовых IT-технологий. В частности, по инициативе специалистов 4SIM Azerbaijan готовятся к внедрению крупных языковых моделей ИИ, идет работа над созданием цифрового двойника экономики республики, реализуются проекты, связанные с искусственным интеллектом в сфере энергетики [1]. Помимо этого, Азербайджан адаптирует нормы ЕС, ОЭСР, ISO (особенно ISO/IEC 27001 по кибербезопасности) для индустриальных предприятий, а также создает цифровые реестры и единые площадки (например, официальный портал «e-gov.az»), где интегрируются данные ТЭК для контроля и анализа в режиме онлайн.

Таким образом, регулирование цифровизации нефтегаза в Азербайджане основано на общих ИТ-законах (об информации, персональных данных, лицензировании), специализированных отраслевых регламентах и программной «Стратегии цифровизации экономики». В области реальной интеграции (SAP UFAM, SAP ERP и другие решения SOCAR) обязателен учет национального законодательства по защите критической информации, персональных и коммерческих данных, государственный контроль по вопросам лицензирования и безопасности. В сфере кибербезопасности и передачи промышленной информации акцент делается на гармонизации с европейскими практиками и внедрении международных стандартов.

6. В России законодательно информационные и цифровые технологии в нефтегазовой промышленности охватываются целым рядом законов и нормативных актов. Кратко охарактеризуем их.

1) Федеральный закон № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» обязывает идентифицировать объекты КИИ (критической информационной инфраструктуры), обеспечивать их защиту (тех. меры, аудит, регулярные отчеты). Вводит обязанность внедрять сертифицированные средства защиты, локализовать промышленные данные, хранить журналы событий [24].

2) Федеральный закон № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» регулирует обращение, передачу и хранение информации, а также вопросы электронного документооборота, цифровых платформ и баз данных. Нормативный акт определяет порядок обработки технологической, коммерческой и персональной информации, включая работу промышленных цифровых систем [25].

3) Стратегия цифровой трансформации минэнерго РФ на период до 2030 года включила подпроекты «Роботизация нефтегазовой отрасли», «Открытая цифровая платформа» и «Цифровая промышленная безопасность в ТЭК». Стратегия определяет вектор внедрения ИТ, промышленных платформ (SCADA, MES, SAP, 1C), IoT и цифровых двойников в отраслях ТЭК (в т.ч. нефтегаз), подчеркивает обязательность унификации форматов данных, гос. контроля за платформами, этапный переход к отечественным ИТ-решениям [17].

4) Система ГОСТов: ГОСТ Р 56939–2016 (Защита информации в АСУ ТП) устанавливает требования по мониторингу и безопасности автоматизированных систем добычи, транспортировки и переработки нефти и газа; ГОСТ Р 51583–2014 (Автоматизация технологических процессов и производств в нефтяной и газовой промышленности); ГОСТ Р 57580.1–2017 (Защита информации финансовых организаций), часть требований применима к цифровым платформам нефтегаза.

5) С 2023 года по инициативе Минпромторга разрабатывается **национальная открытая платформа промышленной автоматизации** для обеспечения технологической независимости промышленности. В проекте участвуют более 50 компаний из разных индустрий и научные организации. Отдельные компоненты платформы уже применяются в различных индустриях, а в перспективе она станет единым универсальным стандартом для промышленных предприятий. На примере компании «Газпром нефть» можно увидеть, как внедряются комплексные решения на базе этой платформы: для модернизации технологической инфраструктуры предприятий внедряются цифровые двойники процессов нефтедобычи, синхронизаторы ИТ-оборудования и другие разработки.

6) в марте 2024 года Правительство РФ утвердило обновлённое стратегическое направление в области цифровой трансформации ТЭК. Документ рассчитан до 2030 года и предполагает достижение высокого уровня цифровой зрелости представителей комплекса, а также ускоренный переход на новейшие технологии. Среди основных мер значатся переход организаций ТЭК на широкое применение облачных вычислений, а также обеспечение условий активного применения технологий информационного моделирования и ИИ.

Таким образом, в России сложился комплексный режим регулирования цифровых и ИТ-технологий для предприятий нефтегазовой отрасли. В центре нормативной базы – безопасность (КИИ), защита данных (персональных, коммерческих, тех-

нологических), переход на отечественную инфраструктуру, аудит и контроль соответствия.

Все практики цифровизации (от платформ управления месторождениями и ERP до IoT и Big Data) полностью подпадают под федеральное и ведомственное регулирование, требуют соответствия ГОСТам, сертификации, регистрации и постоянного аудита. Вектор развития до 2030 года заключается в углублении интеграции цифровых решений, конкретной безопасности, унификации и замещении иностранного ПО.

Литература

1. Азербайджан и цифровизация: цели определены. Электронный портал СНГ [Электронный ресурс] // Режим доступа: URL: <https://e-cis.info/news/566/121056/> (дата обращения 08.06.2025)
2. Государственная Программа «Цифровой Казахстан» от 2017 г. [Электронный ресурс] // Режим доступа: URL: https://cultural.kz/documents/Digital%20Kazakhstan_ru.pdf (дата обращения 07.05.2025)
3. Директива AER 060: сжигание, сжигание на мусоросжигательных заводах и сброс в атмосферу в нефтедобывающей промышленности (Directive 060 – Upstream Petroleum Industry Flaring, Incinerating, and Venting) [Электронный ресурс] // Режим доступа: URL: <https://www.iea.org/policies/8712-aer-directive-060-upstream-petroleum-industry-flaring-incinerating-and-venting-upstream-provisions> (дата обращения 07.06.2025)
4. Закон Азербайджанской Республики от 11 мая 2010 года № 998-IIIQ «О персональных данных» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 28.06.2024 г.) [Электронный ресурс] // Режим доступа: URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30774627 (дата обращения 08.06.2025)
5. Закон Азербайджанской Республики от 3 апреля 1998 года № 460-IQ Об информации, информатизации и защите информации (с изменениями и дополнениями по состоянию на 28.06.2024 г.) [Электронный ресурс] // Режим доступа: URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=2721 (дата обращения 08.06.2025)
6. Закон Альберты о защите персональных данных (PIPA) – Alberta's Personal Information Protection Act (PIPA, SA 2003, с P-6.5) [Электронный ресурс] // Режим доступа: URL: <https://securiti.ai/solutions/alberta-personal-information-protection-act/> (дата обращения 07.06.2025)
7. Закон о безопасности данных Китайской Народной Республики (вступил в силу 1 сентября 2021 года) [Электронный ресурс] // Режим доступа: URL: <https://digichina.stanford.edu/work/translation-data-security-law-of-the-peoples-republic-of-china/> (дата обращения 05.06.2025)
8. Закон о защите личной информации и электронных документах (S.C. 2000, стр. 5). Согласован 13 апреля 2000 года [Электронный ресурс] // Режим доступа: URL: <https://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/p-8.6/page-1.html#h-416885> (дата обращения 07.06.2025)
9. Закон о защите персональных данных Китайской Народной Республики (Принят на 30-м заседании Постоянного комитета 13-го Всекитайского собрания народных представителей 20 августа 2021 года) [Электронный ресурс] // Режим доступа: URL: <https://digichina.stanford.edu/work/translation-personal-information-protection-law-of-the-peoples-republic-of-china-effective-nov-1-2021/> (дата обращения 05.06.2025)
10. Закон о кибербезопасности Китайской Народной Республики. Принят 7 ноября 2016 года. Вступил в силу 1 июня 2017 года. [Электронный ресурс] // Режим доступа: URL: <https://digichina.stanford.edu/work/translation-cybersecurity-law-of-the-peoples-republic-of-china-effective-june-1-2017/> (дата обращения 06.06.2025)
11. Закон о регулировании энергетики в Канаде (Canadian Energy Regulator Act, S.C. 2019, с. 28, s. 10) [Электронный ресурс] // Режим доступа: URL: <https://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/C-15.1/> (дата обращения 06.06.2025)
12. Закон об инвестициях в инфраструктуру и создании рабочих мест от 2021 года [Электронный ресурс] // Режим доступа: URL: https://ballotpedia.org/Infrastructure_Investment_and_Jobs_Act_of_2021 (дата обращения 08.06.2025)
13. Закон США Об энергетической политике 2005 года [Электронный ресурс] // Режим доступа: URL: https://www1.eere.energy.gov/femp/pdfs/epact_2005.pdf (дата обращения 08.06.2025)
14. Законопроект C-26: Закон о кибербезопасности, вносящий поправки в Закон о телекоммуникациях и вносящий соответствующие поправки в другие законы года (Critical Cyber Systems Protection Act (Bill C-26, 2022, в процессе принятия) [Электронный ресурс] // Режим доступа: URL: https://www.justice.gc.ca/eng/csjsj/pl charter-charte/c26_1.html (дата обращения 07.06.2025)
15. Национальная Стратегия Кибербезопасности (Canada's National Cyber Security Strategy (2018) [Электронный ресурс] // Режим доступа: URL: <https://www.canada.ca/en/public-safety-canada/news/2018/06/national-cyber-security-strategy.html> (дата обращения 06.06.2025)
16. Об утверждении Правил формирования и функционирования информационной системы учета сырой нефти и газового конденсата, сырого газа и продуктов его переработки (товарного газа)
17. Паспорт Стратегии цифровой трансформации топливно-энергетического комплекса до 2030 года [Электронный ресурс] // Режим доступа: URL: <https://storage.strategy24.ru/files/news/202108/76c849c91f492fb923099296c-ca0c333.pdf> (дата обращения 08.06.2025)

18. Положения об управлении алгоритмическими рекомендациями в интернет-информационных сервисах (вступили в силу 1 марта 2022 года) [Электронный ресурс] // Режим доступа: URL: <https://digichina.stanford.edu/work/translation-internet-information-service-algorithmic-recommendation-management-provisions-effective-march-1-2022/> (дата обращения 05.06.2025)
19. Приказ Министра энергетики Республики Казахстан от 28 апреля 2018 года № 154. Зарегистрирован в Министерстве юстиции Республики Казахстан 29 мая 2018 года № 16960 [Электронный ресурс] // Режим доступа: URL: <https://zakon.uchet.kz/rus/history/V1800016960/01.01.2024> (дата обращения 07.06.2025)
20. CNPC создает платформу когнитивных вычислений для продвижения применения ИИ в нефтегазовой отрасли [Электронный ресурс] // Режим доступа: URL: <https://e.huawei.com/my/case-studies/industries/oil-gas/e8-petrochina-2023> (дата обращения 06.06.2025)
21. Требования к отчетности о киберинцидентах в сфере критически важной инфраструктуры (CIRCI) [Электронный ресурс] // Режим доступа: URL: <https://www.federalregister.gov/documents/2024/04/04/2024-06526/cyber-incident-reporting-for-critical-infrastructure-act-circia-reporting-requirements> (дата обращения 08.06.2025)
22. Укрепление безопасности трубопроводов: руководство для специалистов по ОТ по директивам TSA в области безопасности трубопроводов и уведомлению о предлагаемых правилах на 2024 год [Электронный ресурс] // Режим доступа: URL: <https://hackwatchit.com/strengthening-pipeline-security-a-guide-for-ot-professionals-on-tsa-pipeline-security-directives-and-the-2024-notice-of-proposed-rules/> (дата обращения 08.06.2025)
23. Федеральный закон о модернизации информационной безопасности [Электронный ресурс] // Режим доступа: URL: <https://www.cisa.gov/topics/cyber-threats-and-advisories/federal-information-security-modernization-act> (дата обращения 08.06.2025)
24. Федеральный закон от 26 июля 2017 г. № 187-ФЗ (с изм. от 7 апреля 2025 г.) «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» // Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru) 26 июля 2017 г.
25. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (с изм. от 1 апреля 2025 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации от 31 июля 2006 г. № 31 (часть I) ст. 3448

INTERNATIONAL EXPERIENCE OF LEGAL REGULATION OF INFORMATION TECHNOLOGIES IN THE OIL AND GAS INDUSTRY

Mikheev S.D.

A.I. Herzen Russian State Pedagogical University

The article is devoted to the analysis of the legal regulation of information (digital) technologies in the oil and gas industry on the example of the leading countries of the world. The article highlights the consolidation in the legal field of regulation of digital and information technologies in the oil and gas industry of China, Canada, the USA, Kazakhstan, Azerbaijan, and Russia.

Keywords: information technology, oil and gas industry, digital technologies, legal regulation, automation, management platforms, artificial intelligence (AI)

References

1. Azerbaijan and Digitalization: Goals Set. CIS Electronic Portal [Electronic resource] // Access Mode: URL: <https://e-cis.info/news/566/121056/> (date accessed 08.06.2025)
2. State Program "Digital Kazakhstan" of 2017 [Electronic resource] // Access Mode: URL: https://cultural.kz/documents/Digital%20Kazakhstan_ru.pdf (date accessed 07.05.2025)
3. Directive 060 – Upstream Petroleum Industry Flaring, Incinerating, and Venting [Electronic resource] // Access Mode: URL: <https://www.iea.org/policies/8712-aer-directive-060-upstream-petroleum-industry-flaring-incinerating-and-venting-upstream-provisions> (accessed on 07.06.2025)
4. Law of the Republic of Azerbaijan dated May 11, 2010 No. 998-IIIQ "On Personal Data" (with amendments and additions as of 28.06.2024) [Electronic resource] // Access mode: URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30774627 (accessed on 08.06.2025)
5. Law of the Republic of Azerbaijan dated April 3, 1998 No. 460-IQ "On Information, Informatization and Information Protection" (with amendments and additions as of 28.06.2024) [Electronic resource] // Access mode: URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=2721 (date accessed 08.06.2025)
6. Alberta's Personal Information Protection Act (PIPA, SA 2003, c P-6.5) [Electronic resource] // Access mode: URL: <https://security.ai/solutions/alberta-personal-information-protection-act/> (date accessed 07.06.2025)
7. Data Security Law of the People's Republic of China (came into force on September 1, 2021) [Electronic resource] // Access mode: URL: <https://digichina.stanford.edu/work/translation-data-security-law-of-the-peoples-republic-of-china/> (date accessed 05.06.2025)
8. Privacy Act (S.C. 2000, p. 5). Agreed upon on April 13, 2000 [Electronic resource] // Access mode: URL: <https://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/p-8.6/page-1.html#h-416885> (date of access on June 7, 2025)
9. Personal Information Protection Law of the People's Republic of China (Adopted at the 30th meeting of the Standing Committee of the 13th National People's Congress on August 20, 2021) [Electronic resource] // Access mode: URL: <https://digichina.stanford.edu/work/translation-personal-information-protection-law-of-the-peoples-republic-of-china-effective-nov-1-2021/> (date of access on June 5, 2025)
10. Cybersecurity Law of the People's Republic of China. Adopted on November 7, 2016. Came into force on June 1, 2017. [Electronic resource] // Access mode: URL: <https://digichina.stanford.edu/work/translation-cybersecurity-law-of-the-peoples-republic-of-china-effective-june-1-2017/> (date of access 06.06.2025)
11. Canadian Energy Regulator Act (S.C. 2019, c. 28, s. 10) [Electronic resource] // Access mode: URL: <https://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/C-15.1/> (date of access 06.06.2025)
12. Infrastructure Investment and Jobs Act of 2021 [Electronic resource] // Access mode: URL: https://ballotpedia.org/Infrastructure_Investment_and_Jobs_Act_of_2021 (Accessed 08.06.2025)
13. United States Energy Policy Act of 2005 [Electronic resource] // Access mode: URL: https://www1.eere.energy.gov/femp/pdfs/epact_2005.pdf (Accessed 08.06.2025)
14. Bill C-26: Critical Cyber Systems Protection Act (Bill C-26, 2022, pending) [Electronic resource] // Access mode: URL: <https://>

- www.justice.gc.ca/eng/csj-sjc/pl/charter-charte/c26_1.html (Accessed 07.06.2025)
15. Canada's National Cyber Security Strategy (2018) [Electronic resource] // Access mode: URL: <https://www.canada.ca/en/public-safety-canada/news/2018/06/national-cyber-security-strategy.html> (date of access 06.06.2025)
 16. On approval of the Rules for the formation and operation of the information system for accounting of crude oil and gas condensate, raw gas and products of its processing (marketable gas)
 17. Passport of the Strategy for the digital transformation of the fuel and energy complex until 2030 [Electronic resource] // Access mode: URL: <https://storage.strategy24.ru/files/news/202108/76c849c91f492fb923099296cca0c333.pdf> (date of access 08.06.2025)
 18. Regulations on the management of algorithmic recommendations in Internet information services (came into force March 1, 2022) [Electronic resource] // Access mode: URL: <https://digichina.stanford.edu/work/translation-internet-information-service-algorithmic-recommendation-management-provisions-effective-march-1-2022/> (date of access 06/05/2025)
 19. Order of the Minister of Energy of the Republic of Kazakhstan dated April 28, 2018 No. 154. Registered Adopted by the Ministry of Justice of the Republic of Kazakhstan on May 29, 2018, No. 16960 [Electronic resource] // Access mode: URL: <https://zakon.uchet.kz/rus/history/V1800016960/01.01.2024> (accessed on June 7, 2025)
 20. CNPC creates a cognitive computing platform to promote the application of AI in the oil and gas industry [Electronic resource] // Access mode: URL: <https://e.huawei.com/my/case-studies/industries/oil-gas/e8-petrochina-2023> (accessed on June 6, 2025)
 21. Critical Infrastructure Cyber Incident Reporting Requirements (CIRCIAR) [Electronic resource] // Access mode: URL: <https://www.federalregister.gov/documents/2024/04/04/2024-06526/cyber-incident-reporting-for-critical-infrastructure-act-circia-reporting-requirements> (accessed June 8, 2025)
 22. Strengthening Pipeline Security: A Guide for OT Professionals on TSA Pipeline Security Directives and the 2024 Notice of Proposed Rules [Electronic resource] // Access mode: URL: <https://hackwatchit.com/strengthening-pipeline-security-a-guide-for-ot-professionals-on-tsa-pipeline-security-directives-and-the-2024-notice-of-proposed-rules/> (accessed June 8, 2025)
 23. Federal Information Security Modernization Act [Electronic resource] // Access mode: URL: <https://www.cisa.gov/topics/cyber-threats-and-advisories/federal-information-security-modernization-act> (date of access 08.06.2025)
 24. Federal Law of July 26, 2017 No. 187-FZ (as amended on April 7, 2025) "On the Security of Critical Information Infrastructure of the Russian Federation" // Official Internet Portal of Legal Information" (www.pravo.gov.ru) July 26, 2017
 25. Federal Law of July 27, 2006 No. 149-FZ "On Information, Information Technologies, and the Protection of Information" (as amended on April 1, 2025) // Collected Legislation of the Russian Federation of July 31, 2006 No. 31 (Part I), Art. 3448

Актуальные проблемы административной ответственности за нарушение законодательства в сфере рекламы

Мукасева Надежда Николаевна,

кандидат экономических наук, Средне-Волжский институт
(филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России)
E-mail: mukaseeva1209@mail.ru

Артемова Оксана Евгеньевна,

кандидат юридических наук, Средне-Волжский институт
(филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России)
E-mail: oksana_art2009@mail.ru

Реклама – это сложный современный институт. Основным органом, который контролирует данный институт и может привлечь к административной ответственности, является Федеральная антимонопольная служба Российской Федерации. Однако, в настоящее время рост числа фактов распространения незаконной рекламы, а особенно в интернете, порождает необходимость ее мониторинга и внесения постоянных изменений в современное законодательство. Реклама не должна провоцировать на совершение лицом каких-либо противоправных действий, угрожать безопасности движения, содержать иную недопустимую или запрещенную информацию. Также существует проблема по размещению рекламы на объектах культурного наследия. Размещение рекламных материалов без соблюдения определенных требований и получения надлежащего разрешения может повредить объект, а лицо будет привлечено к установленной законом ответственности. И проблем, связанных с распространением и размещением рекламы очень много. В данной статье рассмотрены распространенные основания привлечения к административной ответственности за нарушение рекламного законодательства, исследованы современные его положения, регулирующие правоотношения в области рекламы, указаны преимущества и недостатки современного законодательства в данной области.

Ключевые слова: административная ответственность, реклама, антимонопольные органы, наказание, незаконная реклама, маркетинг.

На всех этапах развития административного законодательства особое место и актуальность в данной отрасли права занимали проблемы института административной ответственности. Это обуславливается, в первую очередь, тем, что она является непосредственным отражением государственно-правового механизма защиты личности, охраны прав и свобод человека и гражданина.

В настоящее время существуют закрепленные традиционные механизмы реализации административной ответственности. Однако, существует мнение, что соотношение способов ее осуществления (судебная или административная) опосредует сущность данного вида юридической ответственности и определяет его эффективность в решении поставленных задач [1, с. 767]. В последние годы это можно наблюдать при исследовании такой отрасли, как реклама.

Актуальность вопроса привлечения лиц к административной ответственности в сфере рекламы можно объяснить тем, что в настоящее время маркетинг – это основной инструмент продвижения товаров и услуг, без которого рост продаж практически невозможен. Вместе с тем, рост числа фактов распространения незаконной рекламы (особенно в интернете) порождает необходимость ее мониторинга и внесения постоянных изменений в современное законодательство.

Реклама является сложным современным институтом. В настоящее время без нее уже невозможно представить радио, телевидение, газеты, журналы и т.д. Она представляет собой сведения, информацию или какой-либо материал о товаре или услуге, выраженные в любой форме, которую может воспринимать человек (например, звук и изображение), которая имеет целью привлечь к себе его внимание клиентов [2]. Основным органом, контролирующим данный институт, является Федеральная антимонопольная служба РФ (далее – ФАС), которая вправе выявлять нарушения, привлекать к административной ответственности, контролировать рекламные материалы [3].

В начале данной работы хотелось бы сначала поговорить о рекламе в стандартном ее проявлении. Распространение рекламы – это один из самых результативных механизмов маркетинга для привлечения внимания к товару или услуге. При этом, она имеет особую сферу правового регулирования, преимущества, недостатки, а также ограничения.

В первую очередь, реклама не должна провоцировать на совершение лицом каких-либо противоправных действий, угрожать безопасности движе-

ния, содержать иную недопустимую или запрещенную информацию (про алкоголь, оружие, изображение экстремистской символики, порнографических материалов и т.д.).

Административная ответственность в данной области подразумевает применение санкций в отношении сторон рекламы при нарушении соответствующего законодательства. Наружная реклама имеет особые требования, например, она должна быть безопасной, иметь умеренный объем и легкодоступный формат. Здесь традиционными часто встречающимися правонарушениями является неправильное размещение и установление размеров рекламных конструкций. Важность недопущения подобных нарушений обуславливается современной инфраструктурой городской среды, где реклама встречается практически везде.

При допущении подобного могут возникнуть последствия как для окружающей среды, так и для человеческой безопасности. Соответственно, рекламные баннеры не должны превышать установленных размеров, загромождать дорожные знаки, должны быть надежно закреплены и т.д. Таким образом, если реклама будет размещена неправильно и не будет иметь необходимых разрешительных документов, лицо должно быть привлечено к административной ответственности. Одним из основных требований к рекламным конструкциям относится их освещение в ночное время, так как оно не должно мешать комфорту граждан и не создавать опасность для участников дорожного движения. В случае несоблюдения требования о необходимости освещения наружной рекламы, рекламодаделец будет привлечен к ответственности. Также к ответственности могут быть привлечены соответствующие органы власти, поскольку они должны осуществлять контроль за соблюдением законодательства об использовании световых приборов на наружной рекламе, проводить соответствующие проверки и выявлять нарушения.

Также зачастую встречается размещение рекламных конструкций на территориях объектов природной среды. Стоит напомнить, что различные заповедники и парки созданы и существуют совершенно для иных целей, а не для размещения рекламы, но, если все-таки в них размещается рекламная конструкция, она должна соответствовать законодательству. Так, Законом № 7-ФЗ от 10.01.2002 запрещено «использование земельного участка для целей, которые противоречат требованиям по сохранению окружающей среды» [4, ст. 17], Законом № 33-ФЗ от 14.03.1995 предусмотрена административная ответственность за нарушение правил ее охраны, в том числе и за размещение рекламных конструкций [5].

Следовательно, привлечение к административной ответственности за данные нарушения необходимо для обеспечения безопасности людей, животных и природы.

По нашему мнению, также важно отразить проблему размещения рекламы на объектах культурного наследия, поскольку они особенно важны для

истории и культуры. Объектами культурного наследия могут служить различные здания и сооружения, к которым всегда будет приковано внимание множества людей. Для рекламодателей размещение рекламы на таких источниках очень выгодно, поскольку это может повысить спрос на определенный товар или услугу [6]. Однако стоит помнить о том, что размещение рекламных материалов без соблюдения определенных требований и получения надлежащего разрешения может повредить объект, а лицо будет привлечено к установленной законом ответственности [7, ст. 14.37].

Стоит помнить, что каждый рассмотренный вид административного правонарушения может повлечь наложение штрафа, удаление рекламной конструкции, отзыв лицензии.

Следующим вопросом, который необходимо обсудить, является размещение рекламы в сети Интернет. Поскольку данный институт в настоящее время наиболее популярен, чем размещение рекламы в других источниках массовой информации, стало более часто встречаться неправомерное размещение рекламных интеграций на цифровых площадках. Помимо ФАС, интернет-рекламу контролирует Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (далее – Роскомнадзор).

Санкции за нарушение антимонопольного законодательства предусмотрены Кодексом об административных правонарушениях РФ (далее – КоАП РФ). Кроме того, ФАС имеет право предупреждать о прекращении действий (бездействия), содержащих признаки нарушения антимонопольного законодательства.

Так как институт рекламы, в особенности в сети Интернет, развивается очень стремительно, законодателю необходимо не отставать и постоянно совершенствовать нормативно-правовую базу, осуществляющую правовое регулирование данной области. Важность и актуальность проблем правового регулирования интернет-рекламы объясняется ее стремительным развитием и ростом. Именно она оказывает существенное влияние практически на каждую сферу жизнедеятельности общества. Сегодня некоторые статьи закона в исследуемой области несовершенны, из-за чего возникает множество правовых коллизий и пробелов. Так, к примеру, в 2021 году в ФЗ «О рекламе» введена ст. 18.1, регулирующая рекламу в сети Интернет [8]. Введены новые правила о маркировке рекламы, повлекшие изменения в законодательстве об административной ответственности.

Мы соглашаемся с мнением Рахматуллиной Р.М., которая выделяет основные причины наступления ответственности при нарушении положений ст. 18.1 ФЗ «О рекламе»:

1. «За нарушение правил о полноте, достоверности, актуальности и своевременности предоставления сведений об интернет-рекламе несут ответственность: рекламодатели; рекламодателем; ОРД, разместившие рекламу в интер-

нете, направленную на привлечение внимания аудитории в России.

2. За отсутствие пометки «реклама», токена, а также указания на рекламодателя или сайта с его данными в интернет-рекламе ответственность несут: рекламодатели и рекламодателем, разместившие рекламу» [9, с. 297].

Субъектами правонарушений являются физические, должностные, юридические лица и индивидуальные предприниматели (рекламодатели, рекламные агентства, средства массовой информации, рекламодатели, потребители).

Выявить указанные нарушения можно следующими способами.

Во-первых, операторы могут проанализировать интернет-рекламу и лиц, распространяющих ее.

Во-вторых, сами граждане могут обратиться с жалобой или обращением в уполномоченные органы о нарушении правил распространения рекламных материалов в интернете.

В-третьих, также можно проводить опросы граждан о проблемах в области рекламы, например, как на них воздействует тот или иной ее вид, что их не устраивает, часто ли им поступают навязчивые звонки с рекламой, какая реклама им интересна и т.д. Данные социологические исследования помогут направить рекламные отрасли в нужное русло, выявить какие-либо недостатки.

Исходя из изложенного, можно выделить ряд основных проблем привлечения к административной ответственности.

1. Неопределенность законодательных положений. Например, некоторые понятия в Законе о рекламе не конкретизированы и, как следствие, при возникновении судебных споров, могут возникнуть сложности в принятии справедливого и правильного решения.

2. Трудности при сборе доказательств. Например, контролирующим органам зачастую необходимо не только доказать сам факт нарушения, но и его причины и последствия.

3. Недостаточность профилактической работы со стороны контролирующих органов, выражающаяся в низкой степени осведомленности участников рекламных правоотношений о возможных нарушениях и санкциях.

В 2022 году введено положение о том, что каждый рекламодатель должен информировать Роскомнадзор о размещаемой рекламе посредством оператора рекламных данных, с которым у них заключен договор. Он, в свою очередь, назначает токен для нее, без которого распространение рекламы запрещено [1, с. 768]. Также в настоящее время действуют законодательные нормы, которые регулируют всю рекламу, нацеленную на потребителей в России, включая различные онлайн-платформы и социальные сети.

Как показывает практика, сейчас существуют некоторые трудности при применении мер ответственности в отношении запрещенных в России социальных сетей. Закон о рекламе не распространяется на социальные сети, так как доступ

к таким платформам ограничен, размещенные там рекламные материалы не могут считаться адресованными российским потребителям. Отсюда возникает правовой пробел правового регулирования института размещения интернет-объявлений в социальных сетях. Хотя, как показывает практика, сейчас основной поток рекламных объявлений размещается именно там.

В настоящее время законодатель пытается устранить данный пробел. Так, с 01.09.2025 в России введен запрет на размещение рекламы на интернет-ресурсах, признанных экстремистскими или нежелательными организациями, а также на ресурсах, заблокированных в России. В первую очередь, это касается публикаций в социальных сетях «Instagram» и «Facebook», пользователями которых является множество российских граждан.

Штрафом облагаются и исполнитель, и заказчик, и распространитель. Рекламой может считаться любое упоминание товаров и услуг в «постах» или «сторис». Наказуемы не только рекламные интеграции, но и даже призыв к подписке с целью обмена контентом. Нарушениями являются даже старые рекламные публикации, если они не удалены до 01.09.2025.

Также в 2024 году введены изменения о том, что популярные личности, у которых в социальных сетях имеется более 10 000 подписчиков, должны предоставлять в Роскомнадзор сведения о себе. Это, в свою очередь, позволит контролировать информацию, которую они размещают в социальных сетях, и вычленивать из нее рекламные публикации.

Согласно статистическим данным Роскомнадзора, данным органом в 2024 году вынесено 52 постановления о привлечении к административной ответственности заказчиков и распространителей рекламы на сумму более 4,5 млн рублей за нарушение закона. В основном нарушают правила маркировки и не указывают сведения о рекламодателях блогеры, администраторы сообществ в социальных сетях и т.д. Кроме того, необходимо принимать во внимание включен или нет контрагент в реестр иностранных агентов. В 2024 году внесены изменения в законодательство о рекламе в части запрета распространения рекламы на информационном ресурсе иностранного агента и о запрете рекламирования его медиаресурсов [10]. В данном случае к ответственности должны быть привлечены и рекламодатели, и распространители рекламы.

В Постановлении Правительства РФ № 974 утвержден порядок взаимодействия Роскомнадзора с операторами рекламных данных, формат, сроки и правила передачи информации о рекламе в Интернете [11]. Разместить рекламу можно только после присвоения Роскомнадзором рекламным данным уникального идентификатора, требования к которому установлены соответствующим приказом данного ведомства [12].

Важно отметить, что в настоящее время быстро развивается институт искусственного интеллекта, который, на наш взгляд, можно использовать

и при выявлении нарушений в области интернет-рекламы. По нашему мнению, его можно изначально временно протестировать как раз на страницах интернет-блогеров в социальных сетях (во взаимодействии с данными из Роскомнадзора) а затем, выявив преимущества и недостатки, закрепить его применение на законодательном уровне.

Также актуальным вопросом в области привлечения к ответственности за нарушение рекламного законодательства представляется проблема спам-звонков с сообщениями о рекламе. На современном этапе вопрос использования недобросовестной рекламы стал серьезной угрозой защиты интересов российских граждан. Как правило, такие звонки для граждан нежелательны, не вызывают доверия, отвлекают их от своих личных дел и причиняют различные неудобства.

Современный закон, к сожалению, не закрепляет качественных механизмов защиты граждан от этой проблемы. В итоге, люди сами начали придумывать способы защиты от ненужных спам-звонков (например, добавление номера в «черный список»), однако это не всегда эффективно, поскольку компании, занимающиеся массовым обзвоном, постоянно меняют абонентские номера.

В 2024 году в КоАП РФ внесены изменения, согласно которым нарушение установленных законодательством требований к рекламе, распространяемой по сетям электросвязи, повлечет наложение административного штрафа [13].

Вместе с тем, ответственность за недобросовестную рекламу услуг по предоставлению кредитов и займов распространяется и на микрофинансовые организации, штраф за данное правонарушение увеличен в 2,5 раза. Увеличение размеров штрафов обуславливается существенным ростом спам-трафика в мобильных сетях. Кроме того, опытные надежные компании никогда не занимаются массовыми звонками. По мнению Шатохиной Ю.В., значимость указанного наказания подтверждает, что распространяющие спам организации, зачастую задействованы в незаконном обороте персональных данных, а соответствующие нововведения помогут уменьшить число нарушений и будут защищать граждан от навязчивой и неправдивой рекламы [14, с. 277].

Стоит подчеркнуть, что увеличение размера штрафов уменьшит количество спам-звонков, но полностью они, к сожалению, никуда не исчезнут. В связи с этим, необходима разработка новых путей решения данной проблемы, которые должны более жестко урегулировать деятельность недобросовестных рекламщиков.

Проанализировав разновидности нарушений в области рекламы, важно указать законодательные пробелы в исследуемой области.

Первым пробелом является отсутствие точного определения разновидностей запрещенной рекламы. В законодательстве, к сожалению, указана лишь ее часть, что может вызвать разночтение закона и порождать возникновение судебных споров и неоднозначной судебной практики.

Второй пробел – недостаточность правового регулирования и контроля за рекламой, осуществляемой блогерами и в целом рекламы в социальных сетях. К сожалению, регулирующие это правовые нормы находятся сейчас только на начальном этапе разработки и введения. В ближайшем времени законодатель все-таки должен установить четкие правила и требования для них.

Устранение указанных проблем и формирование определенных стандартов для всех видов рекламы должно повысить доверие потребителей к рекламе, поскольку она станет более правдивой.

Таким образом, подводя итоги, нам хотелось бы отметить следующее. За последние 5 лет в сфере правового регулирования в области привлечения к административной ответственности за нарушение законодательства о рекламе произошли существенные изменения, что безусловно положительно отражается на рекламном процессе. В настоящее время существует множество правил и требований, которые рекламодателю необходимо неукоснительно соблюдать, в противном случае, на субъектов правоотношений последует наложение санкций.

При выявлении каких-либо проблем в рекламе в целом или в каких-либо ее конкретных материалах, необходимо постоянно следить за ее субъектами, за информацией, изложенной в ней, и сопоставлять ее с требованиями, указанными в действующем законодательстве. Все это в комплексе повысит эффективность борьбы с недобросовестной рекламой, которая вводит потребителей в сильное заблуждение.

Кроме того, мы считаем, что в настоящее время в связи с частыми нарушениями рекламного законодательства, применение административных санкций просто существенно необходимо, а при повторном нарушении – наказание требуется ужесточить. В результате, на наш взгляд, реклама станет более открытой и чистой, рекламодатели – осторожнее, а гражданам станет проще выбирать нужное и качественное из огромного рынка товаров и услуг.

Литература

1. Нюдляева, А.Х. Административная ответственность за нарушение законодательства Российской Федерации в области интернет-рекламы / А.Х. Нюдляева // Образование, наука и инновации: современные вызовы: Материалы Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. В 2-х частях, Мелитополь, 12–13 декабря 2024 года. – Мелитополь: Мелитопольский государственный университет, 2025. – С. 766–768.
2. О рекламе: Федеральный закон от 13.03.2006 № 38-ФЗ // Рос. газета. – 15.03.2006. – № 51.
3. Об утверждении Положения о Федеральной антимонопольной службе: Постановление

- Правительства РФ от 30.06.2004 № 331 // СЗ РФ. – 02.08.2004. – № 31. – Ст. 3259.
4. Об охране окружающей среды: Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ // СЗ РФ. 14.01.2002. – № 2. – Ст. 133.
 5. Об особо охраняемых природных территориях: Федеральный закон от 14.03.1995. № 33-ФЗ // СЗ РФ. – 20.03.1995. – № 12. – Ст. 1024.
 6. Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации: Федеральный закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ // СЗ РФ. – 01.07.2002. – № 26. – Ст. 2519.
 7. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ // СЗ РФ. – 07.01.2002. – № 1 (часть I). – Ст. 1.
 8. О внесении изменений в Федеральный закон «О рекламе»: Федеральный закон от 02.07.2021 № 347-ФЗ // СЗ РФ. – 05.07.2021. – № 27 (часть I). – Ст. 5175.
 9. Рахматуллина, Р.М. Административная ответственность за нарушение законодательства в области интернет-рекламы / Р.М. Рахматуллина // Стратегии устойчивого развития: социальные, экономические и юридические аспекты: Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Чебоксары, 26 июня 2024 года. – Чебоксары: Общество с ограниченной ответственностью «Издательский дом «Среда», 2024. – С. 294–298.
 10. О внесении изменении в ст. 11 Федерального закона «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием» и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 11.03.2024 № 42-ФЗ // СЗ РФ. – 18.03.2024. – № 12. – Ст. 1566.
 11. Об утверждении Правил взаимодействия Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций с операторами рекламных данных, включая порядок, формат и сроки предоставления в Федеральную службу по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций информации о распространенных в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» рекламе и (или) социальной рекламе: Постановление Правительства РФ от 28.05.2022 № 974 // СЗ РФ. – 06.06.2022. – № 23. – Ст. 3802.
 12. Об утверждении Требований к идентификатору рекламы, идентификатору социальной рекламы, его содержанию, порядка и сроков его присвоения, размещения при распространении рекламы и (или) социальной рекламы в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», хранения и предоставления в Федеральную службу по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций: Приказ Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций от 25.03.2025 г. № 68 // Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс».
 13. О внесении изменений в статьи 3.5 и 14.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон от 06.04.2024 № 78-ФЗ // СЗ РФ. – 08.04.2024. – № 15. – Ст. 1971.
 14. Шатохина, Ю.В. Административная ответственность за спам-звонки и недобросовестную рекламу микрофинансовых организаций / Ю.В. Шатохина // Новеллы права, образования, экономики и управления: Материалы X Международной научно-практической конференции, Гатчина, Ленинградская обл., 22 ноября 2024 года. – Гатчина: Государственный институт экономики, финансов, права и технологий, 2025. – С. 275–278

ACTUAL PROBLEMS OF ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY FOR VIOLATION OF LEGISLATION IN THE ADVERTISING

Mukaseeva N.N., Artemova O.E.

Middle Volga Institute (branch) of the Voronezh State University of Law

Advertising is a complex modern institution. The Federal Antimonopoly Service of the Russian Federation is the main body that controls this institution and can impose administrative penalties. However, the growing number of cases of illegal advertising, especially on the Internet, necessitates its monitoring and constant changes to the current legislation. Advertising should not encourage individuals to commit any illegal actions, threaten traffic safety, or contain any other inappropriate or prohibited information. There is also a problem with the placement of advertisements on cultural heritage sites. Placing advertising materials without complying with certain requirements and obtaining proper permission can damage the object, and the person will be held liable under the law. There are many problems associated with the distribution and placement of advertising. This paper examines the common grounds for bringing to administrative responsibility for violations of advertising legislation, examines its current provisions governing legal relations in the field of advertising and identifies the advantages and disadvantages of modern legislation in this area.

Keywords: administrative responsibility, advertising, antimonopoly authorities, punishment, illegal advertising, marketing.

References

1. Nudlyaeva, A. Kh. Administrative Responsibility for Violations of the Russian Federation's Legislation in the Field of Internet Advertising / A. Kh. Nudlyaeva // Education, Science, and Innovation: Modern Challenges: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference for Students, Postgraduate Students, and Young Scientists. In 2 Parts, Melitopol, December 12–13, 2024. – Melitopol: Melitopol State University, 2025. – P. 766–768.
2. On Advertising: Federal Law No. 38-FZ dated March 13, 2006 // Rossiyskaya Gazeta. – March 15, 2006. – No. 51.
3. On Approval of the Regulations on the Federal Antimonopoly Service: Government Decree No. 331 dated June 30, 2004 // Collection of Laws of the Russian Federation. – 02.08.2004. – No. 31. – Art. 3259.
4. On Environmental Protection: Federal Law No. 7-FZ dated 10.01.2002. 14.01.2002. – No. 2. – Art. 133.
5. On Specially Protected Natural Areas: Federal Law No. 33-FZ dated 14.03.1995 // Federal Law No. 12 dated 20.03.1995 // Federal Law No. 12 dated 20.03.1995. – No. 12. – Art. 1024.
6. On Cultural Heritage Objects (Historical and Cultural Monuments) of the Peoples of the Russian Federation: Federal Law

- No. 73-FZ of 25 June 2002 // Federal Law Gazette. – 01 July 2002. – No. 26. – Article 2519.
7. Code of Administrative Offenses of the Russian Federation: Federal Law No. 195-FZ of 30 December 2001 // Federal Law Gazette. – 07.01.2002. – No. 1 (Part I). – Art. 1.
 8. On Amendments to the Federal Law “On Advertising”: Federal Law No. 347-FZ dated 02.07.2021 // Federal Law of the Russian Federation. – 05.07.2021. – No. 27 (Part I). – Art. 5175.
 9. Rakhmatullina, R.M. Administrative liability for violations of legislation in the field of Internet advertising / R.M. Rakhmatullina // Strategies for sustainable development: social, economic and legal aspects: Materials of the IV All-Russian scientific and practical conference with international participation, Cheboksary, June 26, 2024. – Cheboksary: Publishing House Sreda LLC, 2024. – Pp. 294–298.
 10. On Amendments to Article 11 of the Federal Law “On Control over the Activities of Persons Under Foreign Influence” and Certain Legislative Acts of the Russian Federation: Federal Law No. 42-FZ dated March 11, 2024 // Federal Law of the Russian Federation. – 18.03.2024. – No. 12. – Art. 1566.
 11. On Approval of the Rules for Interaction between the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media and Advertising Data Operators, including the Procedure, Format, and Terms for Providing Information on Advertising and (or) Social Advertising Distributed on the Internet to the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media: Decree of the Government of the Russian Federation No. 974 dated May 28, 2022 // Collection of Laws of the Russian Federation. – 06.06.2022. – No. 23. – Article 3802.
 12. On Approval of Requirements for Advertising Identifier, Social Advertising Identifier, Its Content, Procedure and Terms for Its Assignment, Placement in the Distribution of Advertising and (or) Social Advertising on the Information and Telecommunication Network “Internet”, Storage and Submission to the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media: Order of the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media dated March 25, 2025 No. 68 // Access from the legal reference system “Consultant Plus”.
 13. On Amendments to Articles 3.5 and 14.3 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation: Federal Law No. 78-FZ of April 6, 2024 // Collection of Laws of the Russian Federation. – April 8, 2024. – No. 15. – Article 1971.
 14. Shatokhina, Yu.V. Administrative liability for spam calls and unfair advertising of microfinance organizations / Yu.V. Shatokhina // Novelties of Law, Education, Economics, and Management: Materials of the X International Scientific and Practical Conference, Gatchina, Leningrad Region, November 22, 2024. – Gatchina: State Institute of Economics, Finance, Law, and Technologies, 2025. – Pp. 275–278.

Правовое регулирование хранения и повторного использования пользовательских диалогов для обучения модели искусственного интеллекта: кейс Anthropic

Олифиренко Артем Алексеевич,

магистрант, ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»; магистрант, ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.»; специалист по защите данных, ответственный за безопасность ИИ-систем; ООО «Экосистема недвижимости “Метр квадратный”»; участник OpenAI Trust Portal
E-mail: artemolifirenko@yandex.ru

Статья посвящена правовому анализу обновлений политики конфиденциальности и условий обслуживания компании Anthropic, в рамках которых всем пользователям потребительских версий Claude предложено принять решение о хранении их диалогов на срок до пяти лет и использовании этих данных для обучения моделей искусственного интеллекта. Исследование рассматривает правомерность таких изменений в контексте принципов GDPR, включая статьи 5(1)(e), 7, 12–13, 17, 24–25 и 35, а также положений AI Act, закрепляющих требования к управлению данными, документации и прозрачности провайдеров моделей общего назначения. Особое внимание уделяется проблеме соразмерности срока хранения, процедурам согласия через интерфейсный чек-бокс, обязательности DPIA и документирования мер «privacy by design/by default».

Ключевые слова: искусственный интеллект, GDPR, AI Act, хранение данных, согласие пользователя, DPIA, privacy by design, Anthropic, Claude.

Anthropic публично обновила пользовательские документы и уведомления: всем пользователям потребительских версий Claude (Free, Pro, Max, включая Claude Code) предложено до 28 сентября 2025 года подтвердить в интерфейсе, согласны ли они на хранение своих взаимодействий с ИИ в течение пяти лет и на их использование для обучения моделей (рис. 1) [1]. По умолчанию ранее такие данные удалялись в течение примерно 30 дней; теперь пользователь делает осознанный выбор через всплывающее окно и настройки конфиденциальности, а изменение распространяется на новые и возобновленные сессии. При этом корпоративные и бизнес-клиенты не подпадают под это обновление. Это следует из официального разъяснения об «Updates to Consumer Terms and Privacy Policy», где прямо указаны пятилетний срок хранения, крайний срок выбора, применимость к потребительским продуктам и исключение для клиентов по договорам (табл. 1).

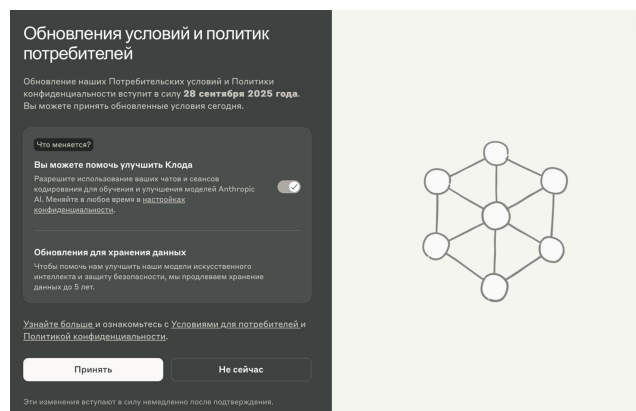

Рис. 1. Обновление условий и политик потребителей Anthropic в Claude (переведено на русский язык)

Среди ключевых нововведений стоит выделить изменение сроков хранения: при включенном чек-боксе данные могут храниться до пяти лет, при отказе сохраняется режим хранения около 30 дней. Подтверждено, что удаленные пользователем беседы не включаются в будущие тренировочные наборы и автоматически удаляются с серверов в пределах месяца. Введено четкое разделение между потребительскими и коммерческими продуктами: новые правила касаются только сервисов под Consumer Terms, тогда как корпоративные клиенты Claude for Work, Government, Education и API остаются в прежнем режиме [2].

Закреплены также исключения, когда данные могут использоваться для обучения независимо

от общей настройки. Это случаи, когда пользователь сам отправляет обратную связь через функцию Feedback, а также когда диалог попадает в си-

стему модерации или безопасности для проверки на соответствие правилам и улучшения фильтров [3].

Таблица 1. Требования к OpenAI, сегменты LLM и архитектурные уязвимости

Нововведение (Anthropic)	Соотнесение с GDPR (статьи и смысл)	Соотнесение с AI Act (статьи и смысл)
Всплывающее окно с выбором и отдельный чек-бокс «You can help improve Claude»; выбор обязателен до 28.09.2025; можно изменить в «Privacy Settings»; применение к новым/возобновленным сессиям	Законность обработки на основе согласия: ст. 6(1)(a); условия действительного согласия и легкий отзыв: ст. 7; прозрачность и доступность информации при сборе: ст. 12–13	Поставщик GPAI обязан поддерживать документацию и информирование downstream-пользователей: ст. 53; краткое резюме обучающего контента (приложения XI–XII) для прозрачности выбора
Продление хранения до 5 лет при включенном обучении; сохранение порядка ~30 дней при отказе	Принцип ограниченности сроком хранения: ст. 5(1)(e); привязка срока к цели и необходимости; учет «privacy by design/by default»: ст. 25	Требования к управляемости данных и документации у провайдера: ст. 11–12, 53; ожидание репрезентативности и качества данных в высокорисковых сценариях: ст. 10
Требование сделать выбор для продолжения использования после 28.09.2025; обновленные Consumer Terms вступают в силу 28.09.2025 либо с момента принятия в интерфейсе	Не смешивать согласие на обучение с общим принятием условий; прозрачность момента вступления изменений: ст. 12–13; ответственность контролера за демонстрацию соответствия: ст. 24	Обязанности провайдера по прозрачности жизненного цикла и документации релевантны при изменении режимов данных; для GPAI – публикация сведений по обучающему контенту: ст. 53, прил. XI–XII
Удаленные пользователем беседы не используются в будущем обучении; техническое удаление «в пределах около 30 дней»	Право на стирание и прекращение дальнейшего использования для заявленных целей: ст. 17; принцип минимизации и ограничения хранения: ст. 5(1)(c),(e)	Логи и трассируемость изменений датасетов для проверяемости исключения записей в высокорисковых внедрениях: ст. 12, 17–18; для GPAI – отражение процедур в техдокументации: ст. 53
Исключения из опции «не обучать»: пользовательская обратная связь (Feedback) и материалы, помеченные системами модерации/безопасности	Возможная доп. правовая основа как «законный интерес» для обеспечения безопасности и правоприменения при предоставлении понятного права на возражение: ст. 6(1)(f), 21; прозрачность об исключениях: ст. 13(1)(c),(e)	Обоснованность использования данных для повышения надежности безопасностных классификаторов и мер по предотвращению злоупотреблений отражается в системе управления качеством и логах: ст. 11–12
Разделение режимов: изменения касаются только Consumer-планов; Commercial Terms (Claude for Work/ Government/Education, API, Bedrock, Vertex AI) не затронуты	Разграничение ролей контролера/обработчика; иные договорные режимы и независимые основания обработки и сроки – ст. 28, 26; прозрачность того, кто контролер в каждом режиме – ст. 13(1)(a)	Разные роли «провайдера»/«внедряющего лица» (deployer): ст. 3(2), 3(4) и дифференциация обязанностей; для GPAI – поставщик модели, для enterprise-клиентов – внедряющий субъект
Источники данных для обучения: публичные, лицензированные наборы, пользовательские материалы; агрегирование/де-идентификация; описание жизненного цикла	Принципы минимизации и ограниченности по целям: ст. 5(1)(b),(c); основы обработки и информирование о категориях и источниках: ст. 13(1)(c),(e); трансграничные передачи и гарантии: ст. 44–46	Требования к описанию происхождения данных и методов курирования в документации GPAI; публикация краткого резюме обучающих данных: ст. 53, прил. XI–XII
Возможность изменить выбор в настройках в любое время; «Accept / Not now»; немедленное применение к новым/возобновленным чатам	Реализация права на отзыв согласия без ущерба для прошлой обработки: ст. 7(3); понятные механизмы реализации прав: ст. 12	Управляемость настроек и их эффектов должна быть отражена в техдокументации/логах; для high-risk – эксплуатационные логи: ст. 12, 17
Разглашено, что уже обученные модели и запущенные тренинги не пересобираются только из-за изменения настройки	Добросовестная прозрачность об объективной технической необратимости; обязанность прекратить дальнейшее использование и обеспечить исключение из будущих прогонов: ст. 5(1)(a), 17, 21, 25	Для высокорисковых систем – управление версиями, логирование изменений и документация о данных; для GPAI – информирование downstream о ограничениях «unlearning»: ст. 12, 53
Фильтрация/обфускация чувствительных данных, отсутствие продажи данных третьим лицам	Особые категории – ст. 9; запрет «продажи» как таковой не из GDPR, но совместим с принципами законности и прозрачности; меры TOMs: ст. 32	Управление качеством наборов и недопущение необоснованной обработки чувствительных категорий; удаление после достижения цели: ст. 10; обязанности по безопасности и управлению рисками: ст. 9, 12

Anthropic подчеркивает, что общее «принятие» условий обслуживания и отдельное согласие на обучение разведены: согласие оформляется через

чек-бокс «You can help improve Claude», который можно в любой момент включить или выключить на странице «Privacy Settings». Визуально и проце-

дурно это позволяет пользователю контролировать решение и менять его по своему усмотрению.

Кроме того, обновленная политика конфиденциальности фиксирует, что компания использует разные источники для обучения – публичные наборы, лицензированные датасеты и пользовательские материалы, – и описывает жизненный цикл хранения: данные используются до достижения цели, после чего подлежат удалению, стиранию или де-идентификации. Эта детализация важна для понимания, как компания обосновывает длительный срок хранения и пытается увязать его с принципами безопасности и повышения качества моделей.

Юридическая проблема здесь в том, что Anthropic как провайдер (по AI Act [4] – это поставщик ИИ-системы, отвечающий за соответствие самой технологии установленным требованиям, включая качество данных, документацию и прозрачность) стремится зафиксировать два разных волеизъявления: общее «принятие» обновленных условий (как формальный порог для продолжения использования сервиса после даты вступления изменений в силу) и отдельное согласие на более длительный срок хранения и повторное использование диалогов для обучения, выражаемое через чек-бокс. С точки зрения GDPR [5] правомерность такой модели держится на четырех опорах. Во-первых, прозрачность и информирование: при сборе данных Anthropic как контролер (по GDPR – это организация, которая определяет цели и средства обработки персональных данных и несет основную юридическую ответственность перед субъектами) обязан предоставить сведения, включая срок хранения или критерии его определения, и сделать это ясным и доступным способом, «под рукой» у пользователя. Это следует из ст. 12 и 13 GDPR; в частности, ст. 13 требует сообщать о сроке хранения либо критериях, по которым он определяется. Во-вторых, законность обработки: если юридической основой выступает согласие, оно должно быть свободно дано, конкретно и осознанно, с возможностью отзыва столь же легко, как и дача. Это прямо закрепляет ст. 7 GDPR о «conditions for consent», а право на удаление при отзыве или достижении цели – ст. 17. В-третьих, принцип ограничения сроком хранения: данные не должны храниться дольше, чем это необходимо для заявленных целей. Это сердцевина ст. 5(1)(e) GDPR, на которую неизбежно «наталкивается» пятилетний срок. В-четвертых, учет рисков и доказуемость мер: ст. 24 и 25 GDPR требуют уметь показать, что принципы реализованы технически и организационно, включая «privacy by design» и «по умолчанию обрабатывать не больше, чем нужно», охватывая и период хранения.

Если переложить эти нормы на фактическую конструкцию Anthropic, отдельный чек-бокс обучения и возможность «передумать» затем в настройках выглядят как корректная материализация ст. 7 и 13 GDPR при условии, что текст рядом с чек-боксом действительно раскрывает цель повторного использования диалогов, различает режимы «да/

нет» и объясняет последствия отказа без создания «принудительной» зависимости, то есть без увязки согласия с функциональностью, которая по своей природе не требует обучения на личных диалогах. Непосредственная «привязка» пятилетнего срока к цели – повышение безопасности и качества моделей, в том числе для кодирования, анализа и рассуждения, – должна быть объяснена языком необходимости. В противном случае принцип соразмерности из ст. 5(1)(e) будет нарушен, даже если чек-бокс на месте.

Важно и то, что политика компании прямо обещает механизмы управления данными и каналы реализации прав, включая отзыв согласия и удаления. В их Privacy Policy [3] указано, что хранение производится «ровно столько, сколько разумно необходимо для целей, описанных в политике», а затем данные уничтожаются, стираются или приводятся к обезличенному виду; отдельно отмечена обработка в агрегированном/де-идентифицированном виде для обучения моделей, при этом связь с идентификатором пользователя может разрываться, а при необходимости – восстанавливаться для обеспечения соблюдения правил использования. Эти оговорки критичны для соотнесения с правом на удаление и с принципом «минимизации» в период хранения.

С точки зрения AI Act, если рассматривать Claude как поставщика моделей общего назначения (GPAI), на него ложатся прозрачные и документационные обязанности из ст. 53: техническая документация должна описывать обучение и тестирование, а также публиковаться «достаточно подробное» резюме об использованном контенте, по шаблону AI Office, плюс передача интеграторам определенного набора сведений, перечисленного в Приложении XII. Эти пункты прямо требуют указывать тип и происхождение данных, методики курирования, а значит юридически «подтягивают» и вопрос источников пользовательских диалогов, их отбора, фильтрации и срока хранения в процессной документации. Для высокорисковых систем AI Act отдельно подчеркивает логирование и ведение технической документации на протяжении жизненного цикла, что, по сути, закрепляет ожидания «следов» обучения и пересмотров набора данных [6].

Где сходятся GDPR и AI Act, так это в требованиях управляемости источников и «очистки» данных. В разъяснительных положениях AI Act о защите приватности в течение всего жизненного цикла прямо названы минимизация и «privacy by design/by default» как применимые принципы; указывается на допустимость технологий, позволяющих приносить алгоритмы к данным, а не наоборот, чтобы снижать передачу и копирование «сырых» данных. Это неизбежно ведет к вопросу: если цель обучения может быть достигнута с меньшим сроком хранения необезличенных диалогов, то пятилетний горизонт должен быть либо технически оправдан, либо заменен на гибкую схему с этапным обезличиванием и разрушением связей с аккаунтом.

Отдельного внимания требует обработка особых категорий и данных третьих лиц внутри диалогов. GDPR в ст. 9 и 10 прямо устанавливает особый режим обработки «чувствительных» категорий: это данные о здоровье, биометрия, политические взгляды, религиозные убеждения и иные сведения, обработка которых допустима только при наличии специальных оснований и дополнительных гарантий. Кроме того, если пользователь передает в диалоге информацию о третьем лице, это тоже подпадает под регулирование, так как субъект данных – не только сам пользователь, но и упомянутое лицо. В этой ситуации провайдер обязан предусмотреть технические и организационные меры по фильтрации таких данных или их удалению из обучающих наборов, поскольку согласие одного субъекта не распространяется автоматически на других [7].

AI Act закрепляет дополнительные требования для систем с высоким риском. В частности, в ст. 10 и 12 подчеркивается, что наборы данных для обучения должны быть релевантными, репрезентативными и свободными от ошибок, а также управляться с учетом принципов защиты персональных данных. В этой логике допустимость использования чувствительных категорий может обосновываться только необходимостью для достижения целей исправления смещений или проверки отсутствия дискриминации. Даже в этих случаях данные должны применяться в минимальном объеме, документироваться и подлежать обязательному удалению после того, как цель достигнута [8].

По смыслу эти положения распространяются и на модели общего назначения. Если в пользовательских диалогах случайно оказываются данные о здоровье, религиозных взглядах или другие чувствительные категории, оператор должен применить системные процедуры их автоматического выявления и исключения. Технические методы могут включать обфускацию (замену конкретных фрагментов), регулярное обновление фильтров и последующую де-идентификацию, чтобы такие сведения не использовались в обучении. Юридически это не просто рекомендация: контролер обязан иметь внутреннюю документацию, фиксирующую, как обеспечивается фильтрация, в какой момент данные удаляются и каким образом ведется учет выполненных процедур.

Следующим обязательным элементом становится DPIA – оценка воздействия на защиту данных. По смыслу ст. 35 GDPR это предварительная оценка того, приведет ли планируемая обработка, с учетом её природы, масштаба, контекста и целей, к высокому риску для прав и свобод; если такая вероятность есть, контролер проводит DPIA до начала обработки. Ст. 35 прямо указывает типовые триггеры: автоматизированные оценки и профилирование с существенным эффектом, крупномасштабная обработка особых категорий, систематическое наблюдение в публичных пространствах.

Содержание DPIA определено в ст. 35(7) GDPR: во-первых, системное описание операций и це-

лей обработки, во-вторых, оценка необходимости и соразмерности по отношению к заявленным целям, в-третьих, оценка рисков для прав субъектов, и, в-четвертых, перечень мер для снижения рисков, включая гарантии и механизмы демонстрации соответствия. Для обучения моделей на пользовательских диалогах это означает, что DPIA должна отдельно описать логику согласия через чек-бокс (не смешивая его с «принятием» пользовательских условий), сценарии и последствия отзыва согласия, порядок исключения данных из будущих тренировок, правила хранения и пересмотра сроков, а также де-идентификацию и процедуры «забывания» в обучающих и валидационных наборах.

Если после DPIA остается высокий риск, который не снимается мерами, контролер обязан до запуска проконсультироваться с надзорным органом по ст. 36 GDPR и предоставить сводную информацию, включая саму DPIA, перечень мер защиты и роли участников обработки. Это процессовая «подушка безопасности» для сложных случаев длительного хранения и повторного использования диалогов.

Далее DPIA опирается на управленческий «каркас» главы IV GDPR. По ст. 24 контролер не только внедряет меры, но и должен уметь доказать соответствие; по ст. 25 «privacy by design/by default» распространяется и на период хранения, и на доступность данных: по умолчанию собирать и хранить меньше, ограничивать доступ, а обучение запускать только при явно отмеченном чек-боксе. Эти требования должны быть встроены в архитектуру сервиса и подтверждаться документально.

Параллельно обновляется реестр операций по ст. 30 GDPR: цель «обучение на пользовательских диалогах» явно связывается с заявленным сроком хранения и контрольными точками его пересмотра; фиксируются категории данных, получатели, где это возможно – сроки удаления и общая характеристика мер безопасности.

Параллельно у контролера должен быть обновлен реестр операций по ст. 30 GDPR, где цель обучения соотнесена с конкретным сроком хранения и механизмом регулярного пересмотра «необходимости». На уровне организационных обязанностей ст. 24 и 25 GDPR требуют, чтобы все это было не просто «написано», но и воплощено в архитектуру сервиса: по умолчанию собирать и хранить меньше, обрезать поля, склонные к идентификации, ограничивать доступность данных и контентные связи, а обучение запускать лишь при отмеченном чек-боксе.

Можно сделать вывод, что пятилетний срок хранения пользовательских диалогов и их повторное использование для обучения моделей может быть признан совместимым с GDPR и AI Act только при условии строгой правовой и технической дисциплины. Главный критерий – не сам срок, а наличие проверяемых оснований его необходимости, прозрачности и управляемости обработки.

Как мы и установили: согласие должно собираться отдельно и оставаться отзывным; срок

хранения обязан быть привязан к документированной цели и периодически пересматриваться; механизмы исключения данных из будущих тренировок и процедуры де-идентификации должны быть реализованы на практике, а не только в политике. Дополнительно требуется, чтобы документация по AI Act содержала сведения об источниках данных, фильтрации и результатах DPIA, а также фиксировала меры по предотвращению попадания особых категорий и данных третьих лиц в тренировочные наборы.

В совокупности именно эти элементы формируют «правовую обвязку», делающую пятилетний срок допустимым. При их отсутствии длительное хранение воспринимается как несоразмерное принципам GDPR, а повторное использование диалогов оказывается непрозрачным для целей AI Act.

Литература

1. Anthropic. Updates to Consumer Terms and Privacy Policy, 28 August 2025 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.anthropic.com/news/updates-to-our-consumer-terms> (дата обращения: 16.09.2025).
2. Anthropic. Consumer Terms of Service [Электронный ресурс]. URL: <https://www.anthropic.com/legal/archive/81827a94-9440-4015-ad33-da6d7c1d8a32> (дата обращения: 16.09.2025).
3. Anthropic. Privacy Policy [Электронный ресурс]. URL: <https://www.anthropic.com/legal/archive/fbe2e87e-8f4e-4bba-9e5e-a6a8b15afc0e> (дата обращения: 16.09.2025).
4. Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence and amending Regulations (EC) No 300/2008, (EU) No 167/2013, (EU) No 168/2013, (EU) 2018/858, (EU) 2018/1139 and (EU) 2019/2144 and Directives 2014/90/EU, (EU) 2016/797 and (EU) 2020/1828 (Artificial Intelligence Act) (Text with EEA relevance) / PE/24/2024/REV/1 // OJ L, 2024/1689, 12.7.2024.
5. Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data, and repealing Directive 95/46/EC (General Data Protection Regulation) (Text with EEA relevance) // OJ L 119, 4.5.2016, p. 1–88.
6. Glorin S. Privacy and Data Protection in ChatGPT and Other AI Chatbots: Strategies for Securing User Information. International Journal of Security and Privacy in Pervasive Computing. 15, 2023. Pp. 1–14. 10.4018/IJSPPC.325475.
7. Kuner C., Bygrave L.A. & Docksey C. (Eds.). The EU General Data Protection Regulation (GDPR): A Commentary. Oxford University Press, 2020. [Электронный ресурс] // URL: <https://academic.oup.com/book/41324>

(дата обращения: 16.09.2025).

8. Marcos H., Pullin M. Large Language Models and EU Data Protection: Mapping (Some of) the Problems. Digital Constitutionalist, 2024. [Электронный ресурс] // URL: <https://digi-con.org/large-language-models-and-eu-data-protection-mapping-some-of-the-problems/> (дата обращения: 16.09.2025).

LEGAL REGULATION OF THE RETENTION AND REUSE OF USER DIALOGUES FOR ARTIFICIAL INTELLIGENCE MODEL TRAINING: THE ANTHROPIC CASE

Olifirenko A.A.

Saratov State Law Academy, Yuri Gagarin Saratov State Technical University, «Square Meter» Real Estate Ecosystem LLC, OpenAI Trust Portal

This article provides a legal analysis of Anthropic's updates to its privacy policy and consumer terms, requiring users of Claude's consumer versions to decide whether their dialogues may be stored for up to five years and reused for AI training. The study assesses the compatibility of this framework with GDPR principles, including Articles 5(1)(e), 7, 12–13, 17, 24–25, and 35, and with the AI Act's provisions on data governance, documentation, and transparency for general-purpose AI providers. Special emphasis is placed on the proportionality of extended storage, the legal design of user consent via interface check-boxes, the mandatory role of DPIA, and the operationalization of «privacy by design/by default».

Keywords: artificial intelligence, GDPR, AI Act, data retention, user consent, DPIA, privacy by design, Anthropic, Claude.

References

1. Anthropic. Updates to Consumer Terms and Privacy Policy, 28 August 2025 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.anthropic.com/news/updates-to-our-consumer-terms> (дата обращения: 16.09.2025).
2. Anthropic. Consumer Terms of Service [Электронный ресурс]. URL: <https://www.anthropic.com/legal/archive/81827a94-9440-4015-ad33-da6d7c1d8a32> (дата обращения: 16.09.2025).
3. Anthropic. Privacy Policy [Электронный ресурс]. URL: <https://www.anthropic.com/legal/archive/fbe2e87e-8f4e-4bba-9e5e-a6a8b15afc0e> (дата обращения: 16.09.2025).
4. Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence and amending Regulations (EC) No 300/2008, (EU) No 167/2013, (EU) No 168/2013, (EU) 2018/858, (EU) 2018/1139 and (EU) 2019/2144 and Directives 2014/90/EU, (EU) 2016/797 and (EU) 2020/1828 (Artificial Intelligence Act) (Text with EEA relevance) / PE/24/2024/REV/1 // OJ L, 2024/1689, 12.7.2024.
5. Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data, and repealing Directive 95/46/EC (General Data Protection Regulation) (Text with EEA relevance) // OJ L 119, 4.5.2016, p. 1–88.
6. Glorin S. Privacy and Data Protection in ChatGPT and Other AI Chatbots: Strategies for Securing User Information. International Journal of Security and Privacy in Pervasive Computing. 15, 2023. Pp. 1–14. 10.4018/IJSPPC.325475.
7. Kuner C., Bygrave L.A. & Docksey C. (Eds.). The EU General Data Protection Regulation (GDPR): A Commentary. Oxford University Press, 2020. [Электронный ресурс] // URL: <https://academic.oup.com/book/41324> (дата обращения: 16.09.2025).
8. Marcos H., Pullin M. Large Language Models and EU Data Protection: Mapping (Some of) the Problems. Digital Constitutionalist, 2024. [Электронный ресурс] // URL: <https://digi-con.org/large-language-models-and-eu-data-protection-mapping-some-of-the-problems/> (дата обращения: 16.09.2025).

Научно-технические и социально-экономические условия формирования понятийного аппарата информационного права

Паршуков Михаил Игоревич,

доцент кафедры информационного права Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева

E-mail: m-parshukov@usla.ru

Статья исследует развитие и текущее состояние понятийного аппарата российского информационного права. Анализируются условия формирования понятийного аппарата информационного права, отдельно рассматриваются научно-технические и социально-экономические факторы. Выделяются 4 исторических этапа формирования понятийного аппарата информационного права: 1960–1990 гг., 1990–2000 гг., 2000–2010 гг., с 2010 г. Обосновывается вывод о том, что понятийный аппарат информационного права развивается не произвольно, а в тесной связи с уровнем технологического развития и характером порождаемых им социальных изменений.

Ключевые слова: большие данные, государственная информационная политика, информация, информатизация, научно-технические факторы, понятийный аппарат информационного права, социально-экономические факторы, цифровая трансформация, экономика данных.

Стремительная трансформация общественных отношений под воздействием информационно-коммуникационных технологий порождает объективную необходимость в их правовом осмыслении и регулировании. Информатизация общества, начавшаяся с середины XX века и продолжающаяся в настоящее время, прошла несколько этапов – от автоматизации управленческих процессов на базе использования ЭВМ до создания глобальных сетей и развития технологий искусственного интеллекта¹. Эти процессы не только изменили социальный и экономический уклад, но и вызвали необходимость от правовой системы адекватной реакции, выразившейся, в частности, в формировании специфического понятийного аппарата².

Создание понятийного аппарата любой отрасли права является сложным процессом, предопределенным комплексом взаимосвязанных факторов.

Под научно-техническими факторами в контексте информационного права следует понимать совокупность достижений науки и техники в области информационно-коммуникационных технологий, которые порождают новый класс общественных отношений, вызывают необходимость адекватного правового регулирования и, соответственно, формирования или адаптации понятийного аппарата.

Ключевыми научно-техническими факторами для информационного права являются: развитие вычислительной техники (ЭВМ), программного обеспечения, сетей передачи данных, нового поколения средств связи, технологий обработки и анализа данных, технологий обеспечения информационной безопасности и др.

Важность научно-технических факторов в формировании информационного права и как следствие его понятийного аппарата, подчеркивают ученые в научных исследованиях. Так, например, П.У. Кузнецов выделяет разработку и внедрение ЭВМ³, А.Б. Венгеров – создание автомати-

¹ Бачило И.Л. Информационное право: основы практической информатики: учебное пособие// И.Л. Бачило: – М.: Ин-т государства и права РАН //М.: Юринформцентр. – 2003. – С. 6.; Терещенко Л.К. Государство, общество и личность: пути преодоления вызовов и угроз в информационной сфере: монография//Ответственный редактор: Л.К. Терещенко -М.: Инфотропик Медиа. –2024. – С. 143.

² Бачило И.Л. Информационное право: основы практической информатики. – С. 8.; Бачило И.Л. и др. Информационное право. Актуальные проблемы теории и практики: [коллективная монография]//Ин-т государства и права РАН. Под общ. Ред. И.Л. Бачило – М. – 2009. – С. 15–17.

³ Кузнецов П.У. Теоретические основания информационного права: специальность 12.00.14 «Административное право; административный процесс»: диссертация на соискание уче-

зированных систем управления¹, Ю.М. Батурин и И.Л. Бачило – появление персональных компьютеров и массовую компьютеризацию², И.Л. Бачило и В.Б. Наумов – формирование глобальной информационной сети Интернет³, Л.К. Терещенко – развитие технологий искусственного интеллекта, обработки больших данных, интернета вещей⁴.

Под социальными факторами понимаются изменения в социальной структуре, социальных институтах, системе ценностей, нормах поведения, общественном сознании и образе жизни людей, которые происходят под влиянием развития информационно-коммуникационных технологий и формируют запрос на правовое регулирование информационных отношений.

Ключевыми социальными факторами для информационного права являются формирование информационного общества, трансформация ценностей, изменение форм коммуникации и социального взаимодействия, изменение образа жизни и моделей поведения, появление новых социальных рисков и угроз, развитие гражданского общества и демократических институтов с помощью элементов информационной среды.

Под влиянием информационных технологий происходит формирование «новой информационной психологии»⁵.

Под социально-экономическими факторами понимаются изменения в экономической сфере, обусловленные внедрением и использованием информационно-коммуникационных технологий, а также связанные с ними социальные последствия, требующие правового регулирования и отражения в понятийном аппарате.

Ключевыми социально-экономическими факторами для информационного права являются развитие цифровой экономики, экономики данных, трансформация рынка труда, изменение структуры экономики: рост сектора ИКТ и сферы услуг, развитие наукоемких производств, повышение эффективности производства и управления, изменение моделей потребления и качества жизни.

Информационное неравенство характеризуется разрывом в доступе к информационно-коммуникационным технологиям и цифровым благам, выступает фактором социального и экономического расслоения.

ной степени доктора юридических наук / Кузнецов Петр Уварович. – Екатеринбург, 2005.. – С. 34–37, 192–193.

¹ Венгеров А.Б. Право и информация в условиях автоматизации управления: монография // А.Б. Венгеров–М.: Юридическая литература. – 1978. – С. 49.

² Батурин Ю.М. Влияние научно-технического прогресса на юридическую жизнь // Ответственный редактор: к-та юрид.н. Ю.М. Батурин–М.: Юридическая литература. – 1988. – С. 11–14.; Бачило И.Л. Информационное право: основы практической информатики. – С. 6.

³ Бачило И.Л. Информационное право: основы практической информатики. – С. 6–7.

⁴ Терещенко Л.К. Государство, общество и личность: пути преодоления вызовов и угроз в информационной сфере. – С. 19.

⁵ Батурин Ю.М. Влияние научно-технического прогресса на юридическую жизнь. – С. 90.

Социально-экономические факторы охватывают трансформацию социальной структуры общества, изменение общественных и экономических отношений, ценностей, моделей поведения и потребностей под влиянием информационных технологий.

Взаимодействие научно-технических и социально-экономических факторов порождает объективную потребность в формировании и развитии понятийного аппарата информационного права как инструмента юридического осмысления и регулирования новой социально-экономической реальности.

В зависимости от научно-технических и социально-экономических преобразований нами выделяется 4 этапа формирования понятийного аппарата информационного права.

1. Период 1960–1990 гг. – компьютеризация, автоматизированные системы управления, общегосударственная автоматизированная система учёта и обработки информации, предпосылки информатизации.

Этот этап характеризуется активным развитием вычислительной техники и программирования, внедрением ЭВМ в сферу государственного управления и народного хозяйства СССР⁶, появлением автоматизированных систем управления и персональных компьютеров. Динамику развития определило противоречие между скачкообразно возросшим объемом социально-экономической и научнотехнической информации и неспособностью традиционных («человек-человек») систем управления эффективно ее перерабатывать. Возникла объективная потребность в новой технологической базе – ЭВМ⁷.

Информация осознается как относительно самостоятельный ресурс производства и управления, подобный материальным и энергетическим ресурсам, что подчеркивает ее экономическое значение и социальную природу⁸. Появляются такие технические термины как информационные процессы, автоматизированная система управления, электронный документ, документ на техническом носителе⁹, вычислительный центр, искусственный интеллект, требующие определения правового статуса¹⁰, защита информации¹¹, средства вычислительной техники, алгоритм, программа для ЭВМ.

На государственном уровне вводится термин «информатизация»¹², подразумевающий процесс внедрения ЭВМ и информационных технологий в управление.

⁶ Кузнецов П.У. Теоретические основания информационного права. – С. 196.

⁷ Венгеров А.Б. Право и информация в условиях автоматизации управления. – С. 7.

⁸ Там же. – С. 5, 66.

⁹ Там же. – С. 8–9.

¹⁰ Там же. – С. 154–155.

¹¹ Там же. – С. 82.

¹² Драпкин Л.Я., Бакулин В.А. Информационно-поисковые системы и раскрытие преступлений // Актуальные проблемы следственной деятельности: межвуз. сб. науч. трудов. Свердловск. – 1990. – С. 31.

Также к концу 1980-х в литературе начинает обсуждаться понятие «информационное общество», характеризующее новое состояние общества, основанное на приоритетном развитии информационного сектора экономики, массовой информатизации всех сфер жизни и широком доступе к информации¹.

Сам термин «информация» только начинает исследоваться юридической наукой. Работа А.Б. Венгерова «Право и информация в условиях автоматизации управления» 1978 года была одной из первых, где информация рассматривалась как объект правового анализа в контексте автоматизации управления, юридическое осмысление во многом носило постановочный характер².

Принимаются ведомственные акты и ГОСТы³, в свою очередь, А.Б. Венгеров отмечает формирование законодательства об автоматизированных системах управления как новой отрасли права⁴.

В конце 1980-х гг. юридическая мысль предвидела и начала обсуждать комплекс проблем, порождаемых компьютеризацией, которые легли в основу формирующейся дисциплины «компьютерного права»⁵, вопросы правового режима машинной информации, ответственность за ошибки и сбои в работе АСУ, необходимость защиты персональных данных граждан в автоматизированных системах, а также новые виды правонарушений, связанные с использованием ЭВМ, – «компьютерную преступность».

В 1960–1990 гг. созданы основы технологической и социальной основы информационного права – появились первые персональные компьютеры и цифровые формы коммуникации. Однако понятийный аппарат информационного права ещё только начал складываться.

2. Период 1990–2000 гг. – информатизация и становления сетей связи.

С технологической точки зрения период 1990–2000-х характеризуется появлением массовых информационных технологий, переходом от централизованных автоматизированных систем управления к децентрализованным и сетевым структурам⁶.

Под воздействием указанных факторов были сформулированы и нормативно закреплены основные понятия отрасли информационного права, такие как информация, информатизация, информационные ресурсы, информационные системы, базы данных, информационная безопасность, за-

щита информации, международный информационный обмен государственная тайна и др.

Понятийный аппарат становится более дифференцированным, отражая усложнение технологической, социально-экономической и информационной сферы.

При этом ключевые для данного временного периода информационные общественные отношения, возникающие по поводу использования сети Интернет, не получили необходимого нормативно-терминологического оформления⁷.

3. Период 2000–2010 гг. – развития сети Интернет и электронного взаимодействия.

Первое десятилетие XXI века стало периодом качественного скачка в информатизации российского общества. Сеть Интернет и мобильная связь из инструментов для узкого круга специалистов превратились в массовые явления повседневной жизни.

Информационно-коммуникационные технологии стали неотъемлемой частью жизни значительной части населения. Поввысилась роль информации и знаний, информационной открытости и доступа к информации. Россия активно интегрировалась в мировое информационное пространство. Обострилась проблема цифрового неравенства – разрыв в доступе к информационно-коммуникационным технологиям и навыках их использования между различными социальными группами и регионами РФ.

Понятийный аппарат информационного права становится более сложным, отражая многоаспектность информационных, социальных и экономических отношений и необходимость их детального правового регулирования⁸.

4. Период с 2010-е гг. по настоящее время – цифровая трансформация публичной власти, формирование цифровой экономики и экономики данных.

Указанный период характеризуется переходом от простой информатизации к глубокой цифровой трансформации всех сфер жизни общества и экономики, основанной на технологиях обработки больших данных, искусственном интеллекте и сетях связи нового поколения.

Современный этап знаменуется переходом от информатизации (обеспечения доступа к информационно-коммуникационным технологиям и базовой автоматизации) к цифровой трансформации (глубокого изменения бизнес-процессов, социальных взаимодействий и моделей управления на основе данных, искусственного интеллекта и платформенных решений). Это ставит перед правовой системой беспрецедентные вызовы, требующие регулирования принципиально новых явлений: алгоритмов искусственного ин-

¹ Ракитов А.И. Наш путь к информационному обществу // Теория и практика общественно-научной информации. – М.: ИНИОН. – 1989. – С. 50–68.

² Венгеров А.Б. Право и информация в условиях автоматизации управления. – С. 18–20.

³ Там же. – С. 129.

⁴ Правовые основы автоматизации управления народным хозяйством СССР [Текст]: [Учеб. пособие для неюрид. спец.] / А.Б. Венгеров, В.А. Пертцки, И.С. Самощенко. – Москва: Высш. школа, 1979. – С. 95–97.

⁵ Батулин Ю.М. Влияние научно-технического прогресса на юридическую жизнь. – С. 280–281.

⁶ Бачило И.Л. Информационное право: основы практической информатики. – С. 6.

⁷ Наумов В.Б. Право и Интернет: очерки теории и практики // В.Б. Наумов; Рос. фонд правовых реформ. – М.: Кн. дом Университет. – 2002. – С. 10–11.

⁸ Бачило И.Л. Информационное право: основы практической информатики – С. 42–49; Кузнецов П.У. Информационное право: учебник // М.: ЮСТИЦИЯ. – 2017. – С. 331–335.

теллекта, оборота больших данных, функционирования цифровых платформ, обеспечения «цифровых прав» человека, защиты от новых киберугроз и информационных воздействий. Государственная политика становится все более активной, комплексной и директивной, стремясь одновременно стимулировать технологическое развитие, управлять рисками и использовать цифровизацию для достижения стратегических национальных приоритетов (экономический рост, безопасность, технологический суверенитет)¹. Эта активная роль государства, пытающегося не только реагировать на изменения, но и направлять их, ведет к дальнейшему усложнению и повышению динамичности правового регулирования и, как следствие, понятийного аппарата информационного права.

На данном этапе выдвинулись новые концепции и понятия, такие как, «экономика данных», «цифровая среда доверия», «трансграничное пространство доверия», «машиночитаемое право», «цифровой суверенитет» и «технологический суверенитет»², «фейковая информация», «право на забвение» и многие другие³. Они вошли в оборот документов стратегического планирования, но не нашли своего места в нормативных правовых актах.

Понятийный аппарат информационного права становится еще более сложным и динамичным, отражая глубокую цифровую социально-экономическую трансформацию и новые вызовы безопасности⁴.

Проведенный анализ этапов формирования понятийного аппарата информационного права позволяет установить следующую тенденцию.

Понятийный аппарат информационного права развивается не произвольно, а в тесной связи с уровнем технологического развития и характером порождаемых им социальных изменений. Чем сложнее технологии и многообразнее социальные взаимодействия в информационной сфере, тем более разработанным, детализированным и динамичным становится понятийный аппарат информационного права.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что каждый новый виток технологического развития, порождая новые социальные и экономические реалии, вызывал соответствующую реакцию правовой системы, которая выражалась, в том числе, в адаптации и обогащении ее понятийного аппарата.

Ключевым научно-техническим фактором, определяющим актуальность формирования и развития понятийного аппарата информационного права, является экспоненциальный рост и скорость развития технологических преобразований,

значительно опережающих возможности традиционной юридической техники их оформления.

Социально-экономическим фактором названного процесса выступают цифровая экономика и экономика данных как новый формат развития цивилизации, требующих комплексного и стабильного правового регулирования, основанного на единой и непротиворечивой терминологии.

Существует прямая закономерность между уровнем развития информационных технологий и степенью сложности, детализации и динамичности понятийного аппарата информационного права: каждый новый этап технологического развития сопровождается появлением новых юридических понятий (отражающих в т.ч. экономические реалии, такие как «цифровая экономика», «экономика данных», «платформенная экономика»), дифференциацией существующих и усложнением правовых конструкций для регулирования возникающих социально-экономических отношений.

Ключевые понятия информационного права («информация», «информационные ресурсы», «информационные технологии», «информационная система», «электронный документ», «персональные данные», «информационная безопасность», «критическая информационная инфраструктура», «искусственный интеллект», «коммерческая тайна» и др.) возникали и эволюционировали как ответ на конкретные технологические новшества и связанные с ними социально-экономические изменения, отражая потребность в правовой идентификации и регулировании новых объектов (в т.ч. экономических активов), субъектов и видов деятельности в информационной сфере.

Государственная информационная политика и формирующееся на ее основе информационное законодательство играют ключевую роль в фиксации и развитии понятийного аппарата, придавая терминам легальное значение и определяя правовые режимы для новых информационных и социально-экономических реалий, хотя зачастую законодательство отстает от темпов технологического развития.

Научно-технические и социально-экономические факторы играют определяющую роль в формировании и эволюции понятийного аппарата информационного права в России. Начиная с эпохи автоматизации управления народным хозяйством на базе ЭВМ и до современного этапа цифровой трансформации экономики и общества, каждый технологический скачок порождал новые общественные и экономические отношения, вызовы и потребности, которые требовали адекватного отражения в правовой доктрине и законодательстве через создание новых или уточнение существующих юридических понятий и категорий.

Таким образом, формирование понятийного аппарата информационного права – это закономерный и непрерывный процесс адаптации правовой системы к изменяющейся под воздействием научно-технических и социально-экономических факторов информационной действительности.

¹ Терещенко Л.К. Государство, общество и личность: пути преодоления вызовов и угроз в информационной сфере. – С. 47–49

² Там же. – С. 132.

³ Там же. – С. 33–34

⁴ Полякова Т.А., Смирнов А.А. Правовое обеспечение международной информационной безопасности: проблемы и перспективы // Российский юридический журнал. 2022. N 3. С. 7–15.

Литература

1. Батурин Ю.М. Влияние научно-технического прогресса на юридическую жизнь// Ответственный редактор: к-та юрид.н. Ю.М. Батурин–М.: Юридическая литература. – 1988. – 367 с.
2. Бачило И. Л. и др. Информационное право. Актуальные проблемы теории и практики: [коллективная монография]//Ин-т государства и права РАН. Под общ. Ред. И.Л. Бачило–М. – 2009. – 124 с.
3. Бачило И.Л. Информационное право: основы практической информатики: учебное пособие// И.Л. Бачило. –М.: Ин-т государства и права РАН //М.: Юринформцентр. – 2003. – 235 с.
4. Венгеров А.Б. Право и информация в условиях автоматизации управления: монография //А.Б. Венгеров–М.: Юридическая литература. – 1978. – 208 с.
5. Драпкин Л. Я., Бакулин В.А. Информационно-поисковые системы и раскрытие преступлений //Актуальные проблемы следственной деятельности: межвуз. сб. науч. трудов. Свердловск. –1990. – С. 31.
6. Кузнецов П.У. Информационное право: учебник // М.: ЮСТИЦИЯ. – 2017. – 336 с.
7. Кузнецов П.У. Теоретические основания информационного права: автореферат дис. ... доктора юридических наук: 12.00.14 / Ур. гос. юрид. акад. – Екатеринбург. – 2005. – 410 с.
8. Наумов В.Б. Право и Интернет: очерки теории и практики // В.Б. Наумов; Рос. фонд правовых реформ. – М.: Кн. дом Университет. – 2002. – 430 с.
9. Полякова Т.А., Смирнов А.А. Правовое обеспечение международной информационной безопасности: проблемы и перспективы // Российский юридический журнал. 2022. N 3. С. 7–15.
10. Правовые основы автоматизации управления народным хозяйством СССР [Текст]: [Учеб. пособие для неюрид. спец.] / А.Б. Венгеров, В.А. Пертцки, И.С. Самощенко. – Москва: Высш. школа, 1979. – С. 95–97.
11. Ракитов А.И. Наш путь к информационному обществу //Теория и практика общественно-научной информации. – М.: ИНИОН. – 1989. – С. 50–68.
12. Терещенко Л.К. Государство, общество и личность: пути преодоления вызовов и угроз в информационной сфере: монография//Ответственный редактор: Л.К. Терещенко –М.: Инфотропик Медиа. –2024. – 352 с.

SCIENTIFIC, TECHNICAL, AND SOCIOECONOMIC CONDITIONS FOR THE DEVELOPMENT OF THE CONCEPTUAL FRAMEWORK OF INFORMATION LAW

Parshukov M.I.

Ural State Law University named after V.F. Yakovlev

This article examines the development and current state of the conceptual apparatus of Russian information law. It analyzes the conditions for the formation of the conceptual apparatus of information law, considering scientific, technical, and socioeconomic factors separately. Four historical stages in the formation of the conceptual apparatus of information law are identified: 1960–1990, 1990–2000, 2000–2010, and since 2010. It substantiates the conclusion that the conceptual apparatus of information law does not develop arbitrarily, but rather in close connection with the level of technological development and the nature of the social changes it generates.

Keywords: big data, state information policy, information, informatization, scientific and technical factors, conceptual apparatus of information law, socioeconomic factors, digital transformation, data economy.

References

1. Baturin Yu.M. The Impact of Scientific and Technological Progress on Legal Life// Editor-in-chief: Cand. Sci. (Law) Yu.M. Baturin. Moscow: Legal Literature. – 1988. – 367 p.
2. Bachilo I. L. et al. Information Law. Current Issues of Theory and Practice: [collective monograph]// Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. Under the general editorship of I.L. Bachilo–M. – 2009. – 124 p.
3. Bachilo I.L. Information Law: Fundamentals of Practical Informatics: Textbook// I.L. Bachilo. –M.: Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences //M.: Jurinformcenter. – 2003. – 235 p.
4. Vengerov A.B. Law and Information in the Context of Management Automation: Monograph // A.B. Vengerov – Moscow: Legal Literature. – 1978. – 208 p.
5. Drapkin L. Ya., Bakulin V.A. Information Retrieval Systems and Crime Solving // Current Issues of Investigative Activity: Interuniversity Collection of Scientific Papers. Sverdlovsk. –1990. – P. 31.
6. Kuznetsov P.U. Information Law: Textbook // Moscow: JUSTICE. – 2017. – 336 p.
7. Kuznetsov P.U. Theoretical Foundations of Information Law: Abstract of the Dissertation ... Doctor of Law: 12.00.14 / Ural State Legal Academy – Yekaterinburg. – 2005. – 410 p.
8. Naumov VB Law and the Internet: essays on theory and practice / / VB Naumov; Russian Foundation for Legal Reforms. – M.: Book House University. – 2002. – 430 p.
9. Polyakova TA, Smirnov AA Legal Support of International Information Security: Problems and Prospects // Russian Law Journal. 2022. N 3. pp. 7–15.
10. Legal Foundations of Automation of National Economy Management of the USSR [Text]: [Textbook for non-legal specialists] / AB Vengerov, VA Perttsik, I.S. Samoshchenko. – Moscow: Higher. School, 1979. – pp. 95–97.
11. Rakitov AI Our Path to the Information Society // Theory and Practice of Social and Scientific Information. – M.: INION. – 1989. – P. 50–68.
12. Tereshchenko L.K. State, society and personality: ways to overcome challenges and threats in the information sphere: monograph//Editor-in-chief: L.K. Tereshchenko –M.: Infotropic Media. –2024. – 352 p.

Первушин Григорий Юрьевич,

магистрант, Негосударственное образовательное частное учреждение высшего образования «Московский финансово-промышленный университет «Синергия»
E-mail: rasmusnsk@mail.ru

Статья посвящена комплексному анализу правовых проблем регулирования криптовалютного оборота в Российской Федерации. Исследуется правовой статус криптоактивов в контексте действующего законодательства, в частности Федерального закона № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте». Выявляется правовая неопределенность статуса децентрализованных криптовалют и противоречия между их технологической природой и традиционными правовыми подходами. Особое внимание уделяется проблеме идентификации участников криптовалютных операций и механизмам противодействия использованию криптоактивов в преступных целях, включая легализацию преступных доходов и финансирование терроризма. Анализируются технологические особенности блокчейн-систем, обеспечивающие псевдонимность транзакций, и их влияние на эффективность правоохранительной деятельности. Автор обосновывает необходимость совершенствования регуляторной модели, включая создание комплексной системы лицензирования операторов криптовалютных сервисов, разработку механизмов регулирования децентрализованных финансовых протоколов. Предлагается интеграция российской регуляторной системы в международные механизмы противодействия криминализации криптовалютного рынка при обеспечении баланса между государственным контролем и правом пользователей на конфиденциальность.

Ключевые слова: криптоактивы, криптовалюта, правовое регулирование, цифровые финансовые активы, блокчейн, финансовый контроль.

Стремительное развитие технологий распределенных реестров и появление криптовалют поставили перед правовой системой задачу выработки адекватных механизмов регулирования принципиально нового класса активов. Согласно данным РИА Новости, Россия заняла десятое место в мировом рейтинге по уровню распространения криптовалют в 2025 году, что свидетельствует о значительной роли цифровых активов в национальной экономике. По информации аналитической компании Chainalysis, за двенадцать месяцев, завершившихся в июне 2025 года, общий объем криптовалютных транзакций в Азиатско-Тихоокеанском регионе возрос с 1,40 триллиона долларов до 2,36 триллиона долларов, что демонстрирует масштабность глобального рынка цифровых активов. В Российской Федерации, как отмечают эксперты, количество пользователей криптовалютных платформ ежегодно увеличивается, что актуализирует вопросы правового регулирования данной сферы [10].

Принятие Федерального закона от 31 июля 2020 года № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [2] стало первым шагом к формированию правовой базы оборота криптоактивов. Однако существующее законодательство содержит значительные пробелы, касающиеся механизмов контроля за транзакциями, определения правового статуса децентрализованных криптовалют и процедур идентификации участников оборота. Как справедливо отмечается в материалах следственной практики, специфика криптовалютных операций создает серьезные препятствия для правоохранительных органов при расследовании преступлений в данной сфере [13, с. 90].

Научная новизна настоящего исследования заключается в комплексном анализе правовых механизмов обращения и контроля криптоактивов с учетом кибервиктимологических аспектов и технологических особенностей блокчейн-систем. Целью исследования является выявление правовых пробелов в регулировании криптовалютного рынка и формирование предложений по совершенствованию контрольных механизмов в данной сфере.

Материалы исследования включают нормативные правовые акты Российской Федерации, регулирующие обращение цифровых финансовых активов, материалы судебной и следственной практики по делам о преступлениях с использованием криптовалют, международные акты и рекомендации FATF (Financial Action Task Force) по противодействию отмыванию денег в криптовалютной

сфере. Проанализированы работы отечественных и зарубежных исследователей, посвященные правовым аспектам регулирования криптоактивов, опубликованные в период 2021–2024 годов.

Методами исследования являются диалектический метод познания правовых явлений, формально-юридический анализ нормативных актов, сравнительно-правовой метод изучения зарубежного опыта регулирования криптовалютных отношений, системный анализ механизмов контроля за обращением криптоактивов. Применение указанных методов позволило выявить системные противоречия в действующем законодательстве и обосновать направления его совершенствования.

Правовой статус криптоактивов в российском законодательстве

Анализ действующего законодательства Российской Федерации свидетельствует о неоднозначности правового положения криптовалют. Федеральный закон № 259-ФЗ определяет цифровую валюту как совокупность электронных данных в информационной системе, которые предлагаются и могут приниматься в качестве средства платежа, не являющегося денежной единицей Российской Федерации или иностранного государства. Однако данное определение не раскрывает полностью правовую природу децентрализованных криптовалют типа Bitcoin или Ethereum, функционирование которых не контролируется каким-либо единым эмитентом.

Исследователи отмечают фундаментальное противоречие между децентрализованной природой криптовалют и традиционными правовыми подходами, основанными на необходимости идентификации субъектов правоотношений и централизованного контроля. Как указывает Д.И. Шнейдерова, специфика криптовалютных транзакций создает объективные трудности в установлении обстоятельств, подлежащих доказыванию [12, с. 44]. Действительно, использование псевдонимных адресов в блокчейн-сетях делает невозможным непосредственное определение личности владельца криптоактивов без применения специальных аналитических инструментов и следственных мероприятий.

Принципиальным является вопрос о квалификации криптовалюты как объекта гражданских прав. Законодатель не признает цифровую валюту законным средством платежа на территории Российской Федерации, однако допускает совершение сделок с ней. Подобная правовая конструкция порождает неопределенность относительно применимых механизмов защиты прав участников криптовалютного оборота. В судебной практике встречаются различные подходы к определению правовой природы криптоактивов – от признания их имуществом до отказа в правовой защите в силу противоречия публичному порядку [6].

Особую сложность представляет регулирование смарт-контрактов – самоисполняемых алго-

ритмов, записанных в блокчейне. Существующее гражданское законодательство не содержит норм, адекватно описывающих правовую природу таких соглашений и механизмы разрешения споров, возникающих при их исполнении. Л.В. Санникова и Ю.С. Харитонов справедливо указывают на необходимость разработки специальных правовых механизмов для регулирования отношений, возникающих при использовании распределенных реестров [11, с. 67].

Механизмы контроля за обращением криптоактивов

Эффективный контроль за обращением криптоактивов требует создания правовой инфраструктуры, способной обеспечить баланс между защитой конфиденциальности пользователей и необходимостью противодействия противоправной деятельности. Международные стандарты FATF предусматривают обязанность провайдеров услуг по обмену виртуальных активов (Virtual Asset Service Providers, VASPs) осуществлять идентификацию клиентов и сообщать о подозрительных транзакциях.

В российском законодательстве механизм контроля за криптовалютными операциями находится на стадии формирования. Федеральный закон от 7 августа 2001 года № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» [1] был дополнен нормами о контроле за операциями с цифровыми финансовыми активами, однако механизм их практической реализации остается недостаточно проработанным. Отсутствие централизованного реестра операций с децентрализованными криптовалютами создает объективные препятствия для осуществления финансового мониторинга.

В.В. Векленко и А.М. Чихрадзе подчеркивают, что противодействие расследованию преступлений в криптовалютной сфере представляет собой сложную систему действий, использующих технологические особенности блокчейна для препятствования работе правоохранительных органов [4, с. 579]. К техническим формам противодействия относятся использование миксеров криптовалют, анонимных сетей TOR, виртуальных частных сетей, а также специализированных анонимных криптовалют типа Monero или Zcash, обеспечивающих повышенный уровень конфиденциальности транзакций.

Особого внимания заслуживает проблема трансграничного характера криптовалютных операций. Децентрализованные блокчейн-сети не имеют географической привязки, что позволяет пользователям осуществлять транзакции вне юрисдикции национальных регуляторов. Данное обстоятельство требует развития международного сотрудничества в сфере контроля за криптоактивами и гармонизации национальных законодательств. Однако существенные различия в подходах различных го-

сударств к регулированию криптовалют создают возможности для регуляторного арбитража.

Перспективным направлением совершенствования контрольных механизмов является развитие технологий блокчейн-аналитики, позволяющих отслеживать движение криптоактивов в распределенных реестрах и выявлять связи между адресами. Компании, специализирующиеся на анализе блокчейн-данных, разрабатывают инструменты кластеризации адресов, идентификации источников происхождения криптовалют и определения аффилированности с известными противоправными схемами. Интеграция подобных технологий в деятельность правоохранительных органов и финансовых регуляторов способна существенно повысить эффективность контроля за криптовалютным оборотом.

Проблемы идентификации участников криптовалютного оборота

Ключевой проблемой правового регулирования криптоактивов является обеспечение идентификации участников транзакций при сохранении технологических особенностей блокчейн-систем. Принцип псевдонимности, заложенный в архитектуру большинства публичных блокчейнов, вступает в противоречие с требованиями финансового законодательства о верификации клиентов (Know Your Customer, KYC).

В российском правовом поле процедуры идентификации участников операций с цифровыми финансовыми активами регламентированы для операторов информационных систем и операторов обмена. Однако децентрализованные финансовые протоколы (DeFi), функционирующие без централизованных посредников, остаются вне сферы регулирования. Отсутствие механизмов контроля за децентрализованными биржами и платформами кредитования создает значительные риски использования криптоактивов в противоправных целях.

Д.Р. Белодед в своем исследовании психологических особенностей жертв криптопреступлений отмечает, что недостаточная цифровая грамотность пользователей в сочетании с отсутствием мер по защите персональных данных существенно повышает риски виктимизации [3, с. 320–334]. Жертвы мошеннических схем с использованием криптовалют зачастую не осознают необходимости тщательной проверки контрагентов и верификации платформ для обмена криптоактивов, что используется злоумышленниками для реализации противоправных действий.

Перспективным решением проблемы идентификации представляется внедрение технологий цифровой идентификации на основе криптографических протоколов, позволяющих подтверждать определенные атрибуты пользователя без раскрытия избыточной персональной информации. Концепция самосуверенной идентичности (Self-Sovereign Identity, SSI) предполагает использова-

ние децентрализованных идентификаторов и верифицируемых учетных данных, что может обеспечить баланс между требованиями регуляторов и правом пользователей на конфиденциальность [5].

Правовые аспекты противодействия использованию криптоактивов в преступных целях

Анонимность и трансграничность криптовалютных транзакций делают криптоактивы привлекательным инструментом для легализации преступных доходов, финансирования терроризма и совершения иных противоправных деяний. Статистические данные свидетельствуют о росте числа преступлений, связанных с использованием криптовалют, причем процент их раскрываемости остается крайне низким. Как отмечается в докладах международных организаций, процент раскрываемости киберпреступлений с использованием криптоактивов не превышает 10–15 процентов, что существенно ниже показателей по традиционным финансовым преступлениям [9].

Правовые механизмы противодействия использованию криптоактивов в преступных целях должны охватывать весь цикл обращения цифровых активов – от их создания до конвертации в фиатные валюты. Особое значение имеет контроль за точками взаимодействия криптоэкономики с традиционной финансовой системой, где осуществляется обмен криптовалют на фиатные деньги. Именно на этом этапе наиболее эффективным является применение процедур должной осмотрительности и выявление подозрительных операций.

Исследователи отмечают необходимость разработки специализированных методик расследования преступлений с использованием криптовалют, учитывающих технологические особенности блокчейн-систем. Э.С. Макарян указывает на важность формирования у следователей компетенций в области цифровых технологий и блокчейн-аналитики для эффективного производства следственных действий по данной категории дел [7, с. 149]. Практика показывает, что успешное расследование криптопреступлений требует тесного взаимодействия правоохранительных органов с техническими специалистами и использования специализированного программного обеспечения для анализа блокчейн-транзакций.

Принципиальным является вопрос о процессуальном статусе цифровых следов, зафиксированных в блокчейне. Распределенная природа блокчейн-реестров ставит вопрос о допустимости использования данных, полученных из децентрализованных систем, в качестве доказательств по уголовным делам. Необходима разработка процессуальных механизмов фиксации и изъятия информации из блокчейна, обеспечивающих соблюдение требований относимости, допустимости и достоверности доказательств.

Важным направлением противодействия криминализации криптовалютной сферы является развитие превентивных механизмов, включающих повышение цифровой грамотности пользователей, информирование о типичных мошеннических схемах и формирование культуры кибербезопасности. Опыт зарубежных стран демонстрирует эффективность образовательных программ, направленных на снижение виктимизации пользователей криптовалютных платформ.

Перспективы совершенствования правового регулирования

Дальнейшее развитие правового регулирования криптоактивов в Российской Федерации требует системного подхода, учитывающего как технологические особенности распределенных реестров, так и международный опыт построения регуляторных систем. Первостепенной задачей является устранение правовой неопределенности статуса децентрализованных криптовалют и формирование четких критериев разграничения различных категорий цифровых активов.

Необходимо создание комплексной системы лицензирования и надзора за деятельностью организаций, предоставляющих услуги по обмену, хранению и переводу криптоактивов. Такая система должна включать требования по минимальному капиталу, организационной структуре, квалификации персонала и технической инфраструктуре. При этом регуляторные требования должны быть дифференцированными в зависимости от масштаба деятельности и уровня рисков, что позволит избежать избыточного регулирования малых участников рынка.

Особого внимания требует разработка правовых механизмов регулирования децентрализованных финансовых протоколов. Традиционные подходы, основанные на идентификации и лицензировании централизованных посредников, оказываются неприменимыми к системам, функционирующим на основе автоматизированных смарт-контрактов без участия идентифицируемых операторов. Возможным решением может стать введение ответственности разработчиков протоколов при соблюдении баланса между регуляторными требованиями и стимулированием технологических инноваций.

Перспективным инструментом повышения прозрачности криптовалютного рынка может стать внедрение технологий регуляторной отчетности на основе блокчейна (RegTech). Использование смарт-контрактов для автоматизированной передачи информации о транзакциях регуляторам способно существенно снизить издержки комплаенса для участников рынка при одновременном повышении эффективности надзора. Однако реализация подобных решений требует тщательной проработки вопросов защиты персональных данных и коммерческой тайны.

Необходимо развитие правовых механизмов защиты прав добросовестных участников криптовалютного оборота. Существующая правовая неопределенность создает риски отказа в судебной защите при нарушении прав владельцев криптоактивов. Требуется формирование единообразной судебной практики по спорам, связанным с криптовалютами, и разработка специальных процессуальных механизмов розыска и наложения ареста на криптоактивы в рамках исполнительного производства.

Значимым аспектом совершенствования регулирования является развитие системы налогообложения операций с криптоактивами. Действующее законодательство содержит ряд норм о налогообложении доходов от операций с цифровой валютой, однако механизмы контроля за полнотой декларирования таких доходов остаются недостаточно эффективными.

Особого внимания заслуживает вопрос регулирования стейблкоинов – криптоактивов, стоимость которых привязана к фиатным валютам или иным активам. Широкое распространение стейблкоинов создает потенциальные риски для финансовой стабильности и монетарной политики, что требует разработки специальных регуляторных подходов. Международная практика демонстрирует тенденцию к введению жестких требований по резервированию активов, обеспечивающих стоимость стейблкоинов, и регулярному аудиту их эмитентов [8].

Перспективным направлением развития криптовалютного рынка является внедрение центробанковских цифровых валют (Central Bank Digital Currencies, CBDC), представляющих собой цифровую форму фиатных денег, выпускаемых центральными банками. Банк России проводит исследования возможности внедрения цифрового рубля, что потребует создания соответствующей правовой инфраструктуры. Регулирование CBDC должно обеспечивать баланс между технологическими преимуществами цифровых валют и традиционными принципами денежно-кредитной политики.

Важным элементом будущей регуляторной системы должны стать механизмы саморегулирования криптовалютной индустрии. Создание профессиональных объединений участников рынка, разрабатывающих стандарты деятельности и осуществляющих контроль за их соблюдением, может стать эффективным дополнением к государственному регулированию. Зарубежный опыт показывает, что саморегулируемые организации способны оперативно реагировать на технологические изменения и выработать практические решения отраслевых проблем.

Проведенное исследование правовых механизмов обращения и контроля криптоактивов в Российской Федерации позволяет констатировать наличие существенных пробелов в действующем законодательстве, препятствующих эффективному регулированию данной сферы. Несмотря на принятие базового законодательного акта о цифро-

вых финансовых активах, сохраняется правовая неопределенность статуса децентрализованных криптовалют, отсутствует комплексная система идентификации участников криптовалютного оборота и недостаточно развиты механизмы противодействия использованию криптоактивов в преступных целях.

Технологические особенности блокчейн-систем, обеспечивающие псевдонимность транзакций и децентрализованный характер хранения информации, вступают в противоречие с традиционными подходами финансового регулирования и создают благоприятную среду для криминализации данной сферы.

Перспективным направлением развития регулирования является внедрение технологий самосуверенной цифровой идентичности, позволяющих обеспечить баланс между требованиями контроля со стороны государственных органов и правом пользователей на конфиденциальность. Интеграция российской регуляторной модели в международную систему противодействия использованию криптоактивов для отмывания доходов и финансирования терроризма должна стать приоритетом законодательной работы в данной области.

Литература

1. О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма: Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ (ред. от 24.06.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 20.08.2025) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 14.10.2025).
2. О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 14.10.2025).
3. Белодед, Д.Р. Некоторые психологические особенности жертв преступлений, совершаемых с использованием цифровых технологий / Д.Р. Белодед // Виктимология. – 2023. – Т. 10, № 3. – С. 320–334.
4. Векленко, В.В. Особенности противодействия расследованию преступлений, совершенных с использованием криптовалюты в Российской Федерации / В.В. Векленко, А.М. Чихрадзе // Виктимология. – 2024. – Т. 11, № 4. – С. 576–586.
5. Егорова, М.А. Проблема цифровой идентификации личности в Российской Федерации и Европейском Союзе / М.А. Егорова // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2022. – № 1(89). – С. 17–29.
6. Манько, О.В. Криптовалюта как объект гражданских прав / О.В. Манько, О.А. Захарова, Э.Ш. Исмаилов // Актуальные научные иссле-

дования в современном мире. – 2020. – № 11–7(67). – С. 172–175.

7. Маркарян, Э.С. Специфика проведения следственного осмотра при расследовании преступлений, совершенных с использованием криптовалют / Э.С. Маркарян // Актуальные проблемы российского права. – 2018. – № 6(91). – С. 146–152.
8. Очирова, П.И. Эмиссия стейблкоинов: сравнительно-правовой анализ / П.И. Очирова // Евразийский юридический журнал. – 2024. – № 11(198). – С. 241–242.
9. Палант, А.Я. Криптовалюты: вызовы и угрозы для мировой экономики в сфере противодействия отмыванию доходов и финансирования терроризма / А.Я. Палант, И.Н. Ефременко // Финансовые исследования. – 2019. – № 3(64). – С. 38–46.
10. Россия вошла в десятку стран по внедрению криптовалют: исследование // Инвестфьючер: [сайт]. – 2025. – 3 сентября. – URL: <https://investfuture.ru/articles/rossiya-voshla-v-desytku-stran-po-vnedreniyu-kriptovalyut-issledovanie-1166335047> (дата обращения: 14.10.2025).
11. Санникова, Л.В. Новые технологии и право: современный правовой подход к технологии распределенного реестра / Л.В. Санникова, Ю.С. Харитонова // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – № 4(101). – С. 62–69.
12. Шнейдерова, Д.И. Криминалистический анализ способов хищений в сфере оборота криптовалют / Д.И. Шнейдерова // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2020. – № 2(39). – С. 41–48.
13. Щербаков, С.А. Проблемы расследования преступлений, совершенных с использованием криптовалюты / С.А. Щербаков // Вестник криминалистики. – 2023. – № 3. – С. 87–95.

LEGAL FEATURES OF THE CIRCULATION AND CONTROL OF CRYPTOASSETS

Pervushin G.Yu.

Moscow Financial and Industrial University Synergy

This article examines current problems of legal regulation of the circulation of crypto-assets in the Russian Federation and in international practice. An analysis of the regulatory framework governing the turnover of digital financial assets is carried out, and the main legislative gaps in mechanisms for controlling cryptocurrency operations are identified. It is noted that the existing legal uncertainty regarding the status of cryptocurrencies creates favorable conditions for unlawful activity and complicates the processes of identifying transaction participants. It has been revealed that the decentralized nature of crypto-assets conflicts with traditional approaches to financial control and requires the development of new legal mechanisms. It is asserted that effective regulation of the cryptocurrency market must strike a balance between protecting the rights of market participants, countering the legalization of criminal proceeds, and fostering innovative development of the digital economy. The study concludes on the necessity of improving legislation toward the creation of a comprehensive legal regulation system that takes into account the technological features of blockchain systems and international experience in crypto-asset oversight.

Keywords: crypto-assets, cryptocurrency, legal regulation, digital financial assets, blockchain, financial control.

References

1. On Combating the Legalization (Laundering) of Criminally Obtained Incomes and the Financing of Terrorism: Federal Law of August 7, 2001 No. 115-FZ (as amended on June 24, 2025) (as amended and supplemented, entered into force on August 20, 2025) // SPS "ConsultantPlus". – URL: <http://www.consultant.ru> (date of access: October 14, 2025).
2. On Digital Financial Assets, Digital Currency, and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation: Federal Law of July 31, 2020 No. 259-FZ (as amended on December 28, 2024) // SPS "ConsultantPlus". – URL: <http://www.consultant.ru> (date of access: 14.10.2025).
3. Beloded, D.R. Some psychological characteristics of victims of crimes committed using digital technologies / D.R. Beloded // *Victimology*. – 2023. – Vol. 10, No. 3. – Pp. 320–334.
4. Veklenko, V.V. Features of counteracting the investigation of crimes committed using cryptocurrency in the Russian Federation / V.V. Veklenko, A.M. Chikhradze // *Victimology*. – 2024. – Vol. 11, No. 4. – Pp. 576–586.
5. Egorova, M.A. The problem of digital identification of a person in the Russian Federation and the European Union / M.A. Egorova // *Bulletin of the O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. – 2022. – No. 1 (89). – P. 17–29.
6. Man'ko, O.V. Cryptocurrency as an object of civil rights / O.V. Man'ko, O.A. Zakharova, E. Sh. Ismailov // *Current scientific research in the modern world*. – 2020. – No. 11–7 (67). – P. 172–175.
7. Markaryan, E.S. Specifics of conducting an investigative inspection during the investigation of crimes committed using cryptocurrencies / E.S. Markaryan // *Current problems of Russian law*. – 2018. – No. 6 (91). – P. 146–152.
8. Ochirova, P.I. Emission of stablecoins: comparative legal analysis / P.I. Ochirova // *Eurasian Law Journal*. – 2024. – No. 11(198). – P. 241–242.
9. Palant, A. Ya. Cryptocurrencies: Challenges and Threats to the Global Economy in the Sphere of Combating Money Laundering and Terrorist Financing / A. Ya. Palant, I.N. Efremenko // *Financial Research*. – 2019. – No. 3(64). – P. 38–46.
10. Russia Entered the Top Ten Countries in Cryptocurrency Implementation: Research // *Investfuture: [website]*. – 2025. – September 3. – URL: <https://investfuture.ru/articles/rossiya-voshla-v-desyatku-stran-po-vnedreniyu-kriptovalyut-issledovanie-1166335047> (accessed: 14.10.2025).
11. Sannikova, L.V. New technologies and law: a modern legal approach to distributed ledger technology / L.V. Sannikova, Yu.S. Kharitonova // *Current issues of Russian law*. – 2019. – No. 4 (101). – P. 62–69.
12. Shneiderova, D.I. Forensic analysis of theft methods in the field of cryptocurrency circulation / D.I. Shneiderova // *Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. – 2020. – No. 2 (39). – P. 41–48.
13. Shcherbakov, S.A. Problems of investigating crimes committed using cryptocurrency / S.A. Shcherbakov // *Bulletin of criminalistics*. – 2023. – No. 3. – P. 87–95.

Букалерева Людмила Александровна,

доктор юридических наук, профессор Северо-Осетинского государственного университета

Сидаков Георгий Асланович,

студент аспирантуры Северо-Осетинского государственного университета

В статье рассматриваются различные значения термина «тайна», определяется правовой статус, объем понятий «информация ограниченного доступа», «конфиденциальная информация». Авторы приходят к выводу, что тайна это сложное и многогранно правовое явление. Основной упор делается на необходимость закрепления рассматриваемого явления, так как его отсутствие вызывает значительные сложности в толковании объекта и предмета как в гражданском, так и уголовно-правовом регулировании.

Ключевые слова: государство, правовое регулирование, понятие «тайна», правовой институт тайны, секрет, информация, российское законодательство.

Общественные отношения всегда сопровождались необходимостью сохранения определенных сведений в тайне. Зачастую это было продиктовано требованиями безопасности. Со временем понимание тайны стало расширяться. Так, к примеру, в Советском союзе понятие «тайна» охватывало информацию недоступную для большинства граждан.

До настоящего времени в законодательстве Российской Федерации отсутствует официальное определение понятия «тайна», как и нет законодательно закрепленной системы тайн и видов тайны. Безусловно, этот пробел не остался незамеченным. На сегодняшний день в юридической литературе существует достаточное количество статей, в которых авторы юристы-теоретики и юристы-практики исследуют термины, которые употребляются в сфере правового регулирования тайны, предлагают примеры различных классификаций тайны. Современное понятие тайны в российской правовой науке достаточно многогранно и разнообразно.

Так, к примеру, С.Р. Крюков на словарном уровне исследовал термины, которые употребляются в сфере правового регулирования тайны, привел классификации тайн ученых из разных отраслей права, данных в течение продолжительного исторического периода¹. С его выводами относительно многогранности правового явления, именуемого «тайной», признаки которого по настоящее время остаются дискуссионными невозможно не согласиться.

В одном случае тайну считают «правовым режимом». Так, к примеру, как отмечает А.А. Ефремов: «понятие тайны в правовой науке не совсем совпадает с понятием конфиденциальной информации, так как тайна означает ещё и правовой режим информации»². Есть и те, кто считают – «правовым институтом», опирающимся на понятие сведений (информация), доступ к которым ограничен или запрещен в соответствии с положениями международного права и (или) федерального законодательства России и за несанкционированное нарушение конфиденциальности которых установлена уголовная ответственность, так, считает А.Г. Кибальник³.

¹ Крюков С.Р. Виды тайн по законодательству Российской Федерации // Государственная власть и местное самоуправление. – 2019. – № 2. – С. 46.

² Ефремов А.А. Информация как объект гражданских прав // Студенты в правовой науке. – 1998. – С. 54.

³ Кибальник А.Г. Тайна в уголовном праве / А.Г. Кибальник, С.В. Кузьмин, И.Г. Соломонов. – Ставрополь: «Ставрополь-сервисшкола», 2000. – С. 64.

В процессе изучения научной литературы выявлено множество различных мнений ученых по данному вопросу.

По мнению А.В. Белина и А.Н. Ващекина: «тайна – это вид режима, способ сохранения от третьих лиц какой-либо информации»¹. Иное понимание демонстрирует Л.О. Красавчикова, указывая, что это: «определенная информация о действиях (состоянии и иных обстоятельствах) определенного лица (гражданина, организации, государства), не подлежащая разглашению»². Исследуя правовую категорию тайны, нельзя не обратить внимание и на точку зрения М.В. Пермякова, который утверждает: «...понятие тайны не сводимо к информации, тайна – не информация, а правовой режим информации, поэтому информация (сведения) не может составлять тайны, как это зафиксировано в ряде законодательных актов, она может находиться в тайне, то есть особом правовом регулировании – правовом режиме»³.

По утверждениям специалистов в области права, концепция правовой тайны включает в себя не только сами сведения (информацию), но и особый правовой режим этих сведений.

Несмотря на то, что ученые и рассматривают тайну под двумя разными углами, но все же они имеют одинаковую суть и значимость, поскольку отражают одно и то же явление. Правоведы, анализируя тайну как информацию, подчеркивают её внутреннее содержание. Обсуждая концепцию тайны как особый тип доступа к информации, они выделяют её роль в формировании социальных взаимоотношений в рамках правового поля, где действуют определенные запреты и разрешения. Это создает уникальную правовую среду для определенных видов информации. В этом контексте, попытки разграничить тайну как информацию и тайну как правовой режим кажутся неоправданными. Для более четкого понимания и применения правовых норм, связанных с защищенной законом информацией, важно, чтобы законодатель работал над унификацией используемых понятий и категорий.

На сегодняшний день, в современном российском законодательстве существует неопределенность в терминах «тайна», «конфиденциальный», «секрет», и «информация ограниченного доступа», что создает проблемы в правоприменительной практике, вызывает неясность в законодательных критериях в сфере информации и приводит к различным интерпретациям защищенных законом секретов. Это, в свою очередь, становится причиной серьезных недостатков в процессе правовой реализации. Для полного понимания считаем важным

рассмотреть данные понятия со стороны толкования русского языка и права.

Анализируя историю и происхождение слов – «конфиденциальный» и «секрет», мы натываемся на интересные факты. Если заглянуть в прошлое слова «конфиденциальный», можно обнаружить, что основа этого слова – «confidentia», что в переводе с латинского обозначает «доверие». Это слово со временем обрело новые коннотации и в нашем современном русском языке трансформировалось в понятие, означающее что-то доверительное, что не должно становиться предметом общего обсуждения или разглашаться, то есть секретное. В этом контексте соответственно становится актуальным рассмотрение слова «секрет». Термин «секрет» заимствовано из французского – «secret», что в переводе означает «тайна».

Таким образом, можно сделать вывод о равнозначности понятий «конфиденциальная информация», «тайна» и «секрет».

Основных значений у слова «тайна» два. Первое предполагает то, что скрывается от других⁴. В качестве второго выступает то, что до настоящего времени не стало известным, не познано или не разгадано⁵. В.И. Даль в своем словаре указывает, что «тайна» есть «все сокрытое, неизвестное, неведомое, нечто скрытно хранимое, что скрывают от кого-либо с намерением, таят»⁶. Приведенные словарные определения хороши для раскрытия смысла понятия «тайна», однако юридическое значение данного понятия, по нашему мнению, является не совсем точным, так как оно слишком широкое для применения в правовой сфере.

Отличительной чертой юридического значения понятия «тайны» по мнению А.А. Дворникова является установленная нормативными правовыми актами ограниченность оборота информации⁷.

В главе второй основного закона страны содержится ряд статей, посвященных тайне. Так, статья 23 Конституции Российской Федерации закрепляет право каждого на личную и семейную тайну, а также тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений⁸.

Ограничение данного права возможно только по судебному решению, что более детально отражено в Федеральных законах № 126-

⁴ Ожегов С.И. Словарь русского языка: словарь / под ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: Русский язык, 1991. – С. 629.

⁵ Словарь русского языка: в 4-х т. / под ред. А.П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – М.: Русский язык, 1982. Т. 4. – С. 319.

⁶ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: словарь. – М.: Русский язык, 1982. Т. 4. – С. 422.

⁷ Дворников А.А. Уголовно-правовая охрана государственной и служебной тайны в органах внутренних дел: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / А.А. Дворников. – Тюмень, 2007. – С. 18.

⁸ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.

¹ Белин А.В., Ващекин А.Н. О проблеме дифференциации коммерческой, служебной и иной охраняемой законом тайны // Российское правосудие. – 2019. – № 6. – С. 34.

² Красавчикова Л.О. Личная жизнь граждан под охраной закона. – Москва: Юрид. лит., 1983. – С. 32.

³ Пермяков М.В. Категория «тайна» в системе правового регулирования: дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2006. – С. 29.

ФЗ от 07.07.2003 года «О связи»¹ и № 176-ФЗ от 17.07.1999 года «О почтовой связи»².

Конституция Российской Федерации разделяет виды тайн на две группы:

- тайны, касающиеся частной жизни гражданина;
- тайны, касающиеся профессиональной деятельности человека.

Отдельно в Конституции Российской Федерации говорится о государственной тайне. В отечественном законодательстве к числу нормативных правовых актов, описывающих различные виды тайн, относятся Федеральный закон от 27.07.2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»³ и Перечень сведений конфиденциального характера, утвержденный Указом Президента Российской Федерации от 6.03.1997 г. № 188⁴. Согласно перечню сведений конфиденциального характера, к профессиональной тайне относятся: врачебная, нотариальная, адвокатская тайна, тайна переписки, телефонных переговоров, почтовых отправлений, телеграфных или иных сообщений и т.д. Данный Указ не устанавливает систему или виды тайн, так же, как и не содержит исчерпывающего перечня сведений конфиденциального характера. На сегодняшний день согласно справочной информации «Перечень нормативных актов, относящих сведения к категории ограниченного доступа» видов сведений ограниченного доступа, включая сведения, которые составляют ту или иную тайну, на сегодня более пятисот.

Несмотря на обилие нормативных правовых актов, так или иначе затрагивающих понятие «тайны», до настоящего времени легального законодательно закрепления оно не получило.

На сегодняшний день в Российской Федерации к тайне относят разного рода сведения, вплоть до персональных данных физических лиц.

Важно отметить, что ранее информацию сохраняли в тайне по большей части для обеспечения государственной безопасности, то теперь ограничения на доступ к информации вводятся для решения не только политических, но и экономических вопросов, а также для охраны частной жизни граждан. В конечном счете, в настоящее время в обиход вводятся все новые и новые виды тайн, к числу

которых, например, можно причислить персональные данные граждан Российской Федерации.

Законодательство многих стран, включая Россию, уже предусматривает меры для защиты личной информации, но цифровая среда постоянно меняется, и правовые механизмы должны успевать за этими изменениями.

Так, само понятие «персональные данные в сервисах цифровых государственных платформ» в правовом поле до конца не определено, отдельно от классической защиты данных. Обратившись к Федеральному закону от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных»⁵ основное определение, подпадающее под данную классификацию: информационная система персональных данных – совокупность содержащихся в базах данных персональных данных и обеспечивающих их обработку информационных технологий и технических средств.

Связь понятий «персональные данные» и «цифровые государственные платформы» заключается в том, что такие платформы обрабатывают персональные данные граждан в рамках информационных систем, регулируемых законом 152-ФЗ. Однако специфика цифровых платформ – масштаб, автоматизация и межведомственный обмен данными – выходит за рамки классической защиты данных, что создает правовую неопределенность и требует уточнения законодательства для эффективного регулирования.

Стоит уточнить, что цифровыми данными, которые используются в рамках цифровых государственных платформ, являются: данные паспорта, ИНН, СНИЛС, медицинские данные, место работы и должность, сведения об образовании, имуществе и здоровье, семейное и социальное положение, данные для банковских систем.

Руководствуясь ранее озвученным Федеральным законом, резюмируется, что обработка данных о расовой, национальной принадлежности, политических взглядах, религиозных убеждениях, состоянии здоровья и интимной жизни запрещена, за исключением случаев, предусмотренных законом.

Исключения включают письменное согласие субъекта, необходимость выполнения международных договоров, проведение переписей населения, оказание медицинских услуг, защиту жизненно важных интересов и другие случаи, определенные законодательством. Обработка данных о состоянии здоровья допускается для улучшения государственного управления и в других целях, предусмотренных федеральными законами.

Обработка данных о судимости возможна в пределах полномочий государственных органов и в случаях, определенных законами. Обработка должна быть прекращена, если устранены причины её проведения, если иное не установлено законом.

⁵ Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред. от 24.06.2025) «О персональных данных» // Собрание законодательства РФ, 31.07.2006, № 31 (1 ч.), ст. 3451.

¹ Федеральный закон от 07.07.2003 № 126-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «О связи» // Собрание законодательства РФ, 14.07.2003, № 28, ст. 2895.

² Федеральный закон от 17.07.1999 № 176-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «О почтовой связи» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // Собрание законодательства РФ, 19.07.1999, № 29, ст. 3697.

³ Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 24.06.2025) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // Собрание законодательства РФ, 31.07.2006, № 31 (1 ч.), ст. 3448.

⁴ Указ Президента РФ от 06.03.1997 г. № 188 (ред. от 13.07.2015) «Об утверждении Перечня сведений конфиденциального характера» // Собрание законодательства РФ. – 1997. – № 10. – Ст. 1127; 2015. – № 29 (часть II). – Ст. 4473.

Цифровые государственные платформы, такие как портал «Госуслуги», система «Моя семья» или единая медицинская информационная система (ЕМИАС), стали неотъемлемой частью жизни российских граждан. Они позволяют быстро получать государственные услуги, оформлять документы, записываться к врачу или проверять налоговые задолженности, экономя время и упрощая взаимодействие с государственными органами. Эти платформы собирают огромные объемы персональных данных, включая паспортные данные, ИНН, СНИЛС, медицинскую информацию и даже биометрические данные, что делает их критически важными для обеспечения конфиденциальности и безопасности¹.

Однако с ростом цифровизации возрастают и риски, связанные с обработкой персональных данных. Утечки информации, кибератаки и несанкционированный доступ к данным остаются серьезными угрозами. Например, в последние годы неоднократно фиксировались случаи утечек данных через уязвимости в государственных системах. Это подчеркивает необходимость усиления мер защиты, как технических, так и правовых, чтобы сохранить доверие граждан к цифровым сервисам и обеспечить безопасность их личной информации.

Таким образом, тайна это сложное и многогранно правовое явление. К сожалению, на сегодняшний день в законодательстве РФ не сформулировано точного и полного ее определения. Необходимость закрепления рассматриваемого явления не вызывает сомнений, так как его отсутствие вызывает значительные сложности в толковании объекта и предмета как в гражданском, так и уголовно-правовом регулировании.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.
2. Федеральный закон от 17.07.1999 № 176-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «О почтовой связи» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // Собрание законодательства РФ, 19.07.1999, № 29, ст. 3697.
3. Федеральный закон от 07.07.2003 № 126-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «О связи» // Собрание законодательства РФ, 14.07.2003, № 28, ст. 2895.
4. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 24.06.2025) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) //

¹ Петров И.В., Байчорова Д.Н., Буйниченко В.Р. Правовая защита персональных данных граждан в сервисах цифровых государственных платформ // Вестник экономики и права. – 2025. – № 103. – С. 33.

- Собрание законодательства РФ, 31.07.2006, № 31 (1 ч.), ст. 3448.
5. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред. от 24.06.2025) «О персональных данных» // Собрание законодательства РФ, 31.07.2006, № 31 (1 ч.), ст. 3451.
 6. Указ Президента РФ от 06.03.1997 г. № 188 (ред. от 13.07.2015) «Об утверждении Перечня сведений конфиденциального характера» // Собрание законодательства РФ. – 1997. – № 10. – Ст. 1127; 2015. – № 29 (часть II). – Ст. 4473.
 7. Белин А.В., Ващекин А.Н. О проблеме дифференциации коммерческой, служебной и иной охраняемой законом тайны // Российское правосудие. – 2019. – № 6. – С. 32–41.
 8. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: словарь. – М.: Русский язык, 1982. Т. 4. – 683 с.
 9. Дворников А.А. Уголовно-правовая охрана государственной и служебной тайны в органах внутренних дел: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / А.А. Дворников. – Тюмень, 2007. – 23 с.
 10. Ефремов А.А. Информация как объект гражданских прав // Студенты в правовой науке. – 1998. – С. 52–60.
 11. Кибальник А.Г. Тайна в уголовном праве / А.Г. Кибальник, С.В. Кузьмин, И.Г. Соломоненко. – Ставрополь.: «Ставропольсервисшкола», 2000. – 79 с.
 12. Красавчикова Л.О. Личная жизнь граждан под охраной закона. – Москва: Юрид. лит., 1983. – 160 с.
 13. Крюков С.Р. Виды тайн по законодательству Российской Федерации // Государственная власть и местное самоуправление. – 2019. – № 2. – С. 46–50.
 14. Ожегов С.И. Словарь русского языка: словарь / под ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: Русский язык, 1991. – 915 с.
 15. Пермьяков М.В. Категория «тайна» в системе правового регулирования: дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2006. – 235 с.
 16. Петров И.В., Байчорова Д.Н., Буйниченко В.Р. Правовая защита персональных данных граждан в сервисах цифровых государственных платформ // Вестник экономики и права. – 2025. – № 103. – С. 31–38.

THE CONCEPT AND GENERAL CHARACTERISTICS OF “SECRET”

Bukalerova L.A., Sidakov G.A.
North Ossetian State University

The article examines various meanings of the term “secret” and defines the legal status and scope of the concepts of “restricted access information” and “confidential information.” The authors conclude that a secret is a complex and multifaceted legal phenomenon. The main focus is on the need to formalize this phenomenon, as its absence causes significant difficulties in interpreting the object and subject in both civil and criminal law regulation.

Keywords: state, legal regulation, the concept of “secret”, legal institution of secrecy, secret, information, Russian legislation.

References

1. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993, with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020) // Official Internet Portal of Legal Information <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.
2. Federal Law of 17.07.1999 No. 176-FZ (as amended on 31.07.2025) "On Postal Service" (as amended and supplemented, entered into force on 01.09.2025) // Collected Legislation of the Russian Federation, 19.07.1999, No. 29, Art. 3697.
3. Federal Law of 07.07.2003 No. 126-FZ (as amended on 31.07.2025) "On Communications" // Collected Legislation of the Russian Federation, 14.07.2003, No. 28, Art. 2895.
4. Federal Law of 27.07.2006 No. 149-FZ (as amended on 24.06.2025) "On Information, Information Technologies and Information Protection" (as amended and supplemented, entered into force on 01.09.2025) // Collected Legislation of the Russian Federation, 31.07.2006, No. 31 (part 1), Art. 3448.
5. Federal Law of 27.07.2006 No. 152-FZ (as amended on 24.06.2025) "On Personal Data" // Collected Legislation of the Russian Federation, 31.07.2006, No. 31 (Part 1), Art. 3451.
6. Decree of the President of the Russian Federation of 06.03.1997 No. 188 (as amended on 13.07.2015) "On Approval of the List of Confidential Information" // Collected Legislation of the Russian Federation. – 1997. – No. 10. – Art. 1127; 2015. – No. 29 (Part II). – Art. 4473.
7. Belin A.V., Vashchekin A.N. On the Problem of Differentiation between Commercial, Official, and Other Secrets Protected by Law // Russian Justice. – 2019. – No. 6. – pp. 32–41.
8. Dahl V.I. Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: dictionary. – M.: Russian Language, 1982. Vol. 4. – 683 p.
9. Dvornikov A.A. Criminal-legal protection of state and official secrets in internal affairs agencies: author's abstract. diss. ... candidate of legal sciences: 12.00.08 / A.A. Dvornikov. – Tyumen, 2007. – 23 p.
10. Efremov A.A. Information as an object of civil rights // Students in legal science. – 1998. – pp. 52–60.
11. Kibalnik A.G. Secrecy in Criminal Law / A.G. Kibalnik, S.V. Kuzmin, I.G. Solomonenko. – Stavropol.: "Stavropol serviceshkola", 2000. – 79 p.
12. Krasavchikova L.O. Personal Life of Citizens under the Protection of the Law. – Moscow: Legal Literature, 1983. – 160 p.
13. Kryukov S.R. Types of Secrets under the Legislation of the Russian Federation // State Power and Local Self-Government. – 2019. – No. 2. – pp. 46–50.
14. Ozhegov S.I. Dictionary of the Russian Language: dictionary / edited by N. Yu. Shvedova. – Moscow: Russian Language, 1991. – 915 p.
15. Permyakov M.V. The Category of "Secret" in the System of Legal Regulation: Diss. ... Cand. of Law. – Ekaterinburg, 2006. – 235 p.
16. Petrov I.V., Baichorova D.N., Buinichenko V.R. Legal Protection of Citizens' Personal Data in the Services of Digital Government Platforms // Bulletin of Economics and Law. – 2025. – No. 103. – P. 31–38.

Отдельные тенденции в управленческой деятельности органов публичной власти

Солодских Ярослав Игоревич,

аспирант кафедры административного, информационного и финансового права Института права и национальной безопасности, ФГБОУ ВО Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
E-mail: y_solodskikh@icloud.com

Родионова Алина Александровна,

аспирант кафедры административного, информационного и финансового права Института права и национальной безопасности ФГБОУ ВО Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
E-mail: a.rodionova@rm-d.ru

В данной статье анализируются трансформационные тенденции в публичной власти, характер которых проявляется в отходе от преимущественно карательно-контрольной модели и переходе к координационной парадигме, ориентированной на взаимодействие государства и общества. В качестве примеров приводятся риск-ориентированный подход, используемый налоговыми органами, а также тренды административного урегулирования ситуаций, возникших по делам об административных правонарушениях, предусмотренных законодательством Российской Федерации. Авторы полагают, что такие инструменты способны укрепить доверие общества к публичной власти и повысить эффективность управленческой деятельности ее органов. Также в работе делается акцент на правовой категории «публичная власть» и производных от нее, которые легитимировались после внесения изменений в Конституцию Российской Федерации в 2020 году, и при внимательном исследовании которых открывается потенциал расширенной трансформации управленческой деятельности органов публичной власти на основе обозначенных координационных подходов. Подчеркнутый аспект обладает возможностью расширить спектр взаимодействия публичной власти с обществом, все больше открывая для него реализацию властных возможностей, предусмотренных российской Конституцией. Данная работа во многом носит концептуально-обзорный характер и задает рамки для дальнейшей практико-ориентированной дискуссии.

Ключевые слова: публичная власть; государственное управление; человекоориентированный подход; диалог власти и общества; риск-ориентированный подход; гражданское общество.

Государства в современном мире находятся в ситуации, при которой для их населения открываются ранее невиданные возможности, позволяющие осваивать и понимать сложные процессы, в том числе государственно-управленческого характера, особенно через раскрытие человекоориентированных прав и свобод. Кроме того, с зарождением и развитием новых государственно-общественных связей, помимо прочего, создаются условия, отдаляющие человека от государства, разрывая сложившиеся отношения между ними через традиционные инструменты власти и подчинения. Обозначенные факторы должны подталкивать государства к нестандартным решениям, заключающимся в ранее несвойственном сближении и сотрудничестве с обществом. При этом государству важно не потерять контроль над основополагающими функциями в процессе выстраивания новой управленческой модели, которая, конечно, не должна носить имитационный характер с сохранением чрезмерного властно-иерархического доминирования. В противном случае это неизбежно повлечет конфликт и потерю доверия со стороны населения, часть из которого легко может оказаться в состоянии предельной отчужденности от общей судьбы страны, а то и враждебности, что на сегодняшний день представляет собой серьезную опасность.

Известно, что государство как никогда уязвимо перед обществом во время кризисных событий. Полагаем, что корень преодоления подобных негативных сценариев заложен в большей открытости публичной власти перед обществом, институтами гражданского общества и человеком. Такая открытость должна выражаться прежде всего в доступности для граждан участвовать в управлении делами государства и в усилении проявления своих властных возможностей посредством предусмотренных для этого правовых механизмов, базирующихся на конституционных положениях, потенциал которых, к сожалению, сегодня раскрыт незначительно. Решение этой проблемы возможно при инициировании органами публичной власти процесса, позволяющего определить динамику и параметры координации, которая должна стать основой функционирования публичной власти, повышая качество управленческой деятельности и тем самым обеспечивая более эффективное преодоление сложной вереницы событий современного мира.

В этой связи юридическая трансформация, выражающаяся в учащении использования понятия «публичная власть» вместо «государственная

власть», является достаточно уместным и перспективным решением. Даже если сегодня потенциал этого многосоставного понятия и процесса, исходящего из этих изменений, не до конца раскрыт. Некоторые правоведы подчеркивают, что в связи с насыщенностью и концентрированностью событий в нынешнее время, мы все более приходим к пониманию, «что власть в обществе связана не только с государством и ее осуществление выражает не только государственные интересы, или интересы экономически господствующего класса, как полагали в советский период, но также должна ориентироваться на более широкий круг общественных интересов. Современная власть легитимна в том случае, если выражает потребности широких слоев общества и опирается на подлинное народовластие» [1, с. 80] и то, что «категория «публичная власть» неразрывно связана с пониманием новых форм взаимодействия государства и личности, государства и институтов гражданского общества» [1, с. 80]. В то же время рассматривая данный вопрос под таким углом, не следует забывать о традиционных публично-правовых императивах, связанных с положением государства и его органов в сфере государственного управления. При наличии и раскрытии механизмов народовластия и осуществлении органами публичной власти управленческих функций определенно является диспропорция и неравенство сторон, особенно в процессе динамичного воздействия государства на общественные отношения. Подобная философско-правовая антиномия в современном государственном управлении требует поиска сбалансированного и вместе с тем незаурядного решения для совершенствования всей системы государственного (публичного) управления.

Особенно сильно данная диспропорция проявляется при применении государственными органами властно-карательной функции, что, безусловно, имеет свои основания. Нередко традиционный подход к оценке выражения власти государственными органами воспринимается таким образом, что примирительные механизмы в производстве по делам об административных правонарушениях не применимы, в силу неравномерности сторон таких правоотношений и властных возможностях публичной, что явно снижает проявления координационной составляющей. Но, известно, что в публично-правовой сфере уже существуют подходы, которые можно назвать модернизационными в сравнении с классическим административно-правовым воздействием. В качестве примера можно назвать механизмы досудебного урегулирования нарушений, вытекающих из административных правоотношений, а также ориентацию органов, осуществляющих контрольно-надзорные функции на управленческо-рациональную модель взаимоотношений с контролируруемыми субъектами в рамках риск-ориентированного подхода.

Так, например, с 2007 года Федеральной налоговой службой Российской Федерации была разработана новая система планирования выездных

налоговых проверок, посредством которой изменился подход к организации работы фискального органа во взаимодействии с налогоплательщиками. Согласно данной парадигме, произошло отступление от привычного тотального контроля и состоялся переход к контролю, основанному на оценке критериев риска [2]. Сам риск-ориентированный подход подразумевает увеличение аналитической работы со стороны контролирующего органа по каждому этапу финансово-хозяйственной деятельности налогоплательщика и выявление уровня рисков, при превышении которых территориальный налоговый орган информирует администрируемого налогоплательщика.

Важно отметить, что в последние годы количество выездных налоговых проверок сильно сократилось. Это связано с риск-ориентированным подходом налогового органа и введением уведомительного метода, сигнализирующего о наличии высоких рисков доначислений. При такой организации работы налоговой системы у налогоплательщика появилась возможность проведения повторного самостоятельного аудита своей деятельности и добровольного уточнения своих налоговых обязательств без увеличения административной нагрузки в виде штрафов. Данная концепция предполагает отказ от сплошных контрольных мероприятий и использование критериев для идентификации зон риска, подлежащих приоритетному налоговому контролю с целью предупреждения и пресечения нарушений [3].

Сфера налоговых взаимоотношений, несмотря на ее фактически контрольный характер, все больше уходит от императивного направления, двигаясь в сторону соглашений. Что в свою очередь, несет положительный характер для всей бюджетной системы в целом, снижая административную нагрузку на налогоплательщика, при выявлении налогового правонарушения, повышая уровень отчислений в бюджет и увеличивая доверие к налоговой системе.

Также в 2021 году Федеральным законом «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 11.06.2021 № 162-ФЗ [4] был введен механизм, позволяющий освободить лицо, в отношении которого осуществляется производство по делам, предусмотренным статьями 15.21 и 15.30 КоАП РФ, от административной ответственности в случае заключения соглашения, предусмотренного Федеральным законом «О противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 27.07.2010 № 224-ФЗ [5], и выполнения требований перед Банком России, изложенных в статье 11.1 данного закона.

Учитывая вышеизложенную динамику и практику, Министерство Юстиции Российской Федерации собирается пойти еще дальше, предлагая законодательную инициативу, предполагающую закрепление в КоАП РФ порядка освобождения от адми-

нистративной ответственности лиц путем заключения аналогичного вышеуказанного соглашения об устранении нарушений с уполномоченным органом[6], действующим на основании Федерального закона «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» № 248-ФЗ. Как видно, обозначенная инициатива направлена на возможность заключения соглашения о сотрудничестве уже со всеми публичными органами, осуществляющими контрольно-надзорную деятельность при возбуждении дела об административном правонарушении. Здесь наблюдается хоть и небольшая, но очевидная тенденция уравнивания сильной непропорциональности положений участников публично-правовых отношений, которая создает механизм взаимодействия и сотрудничества между публичным органом и контролируемым лицом. Понятно, что основная цель этого процесса заключается в попытке сориентировать правоприменителя на использование оптимального подхода в реализации своих властных функций, обуславливая это необходимостью повышения эффективности и экономии государственных ресурсов, а также снижением неосновательного давления на субъектов воздействия, при этом переходя к более гибким управленческим приемам.

В данных примерах речь идет о работе органов публичной власти с участниками финансово-экономической деятельности в рамках контрольно-надзорной деятельности, в то же время такие тенденции закладывают потенциал для поступательной смены подходов к управленческой деятельности органов публичной власти, охватывая собою все большие сферы общественных отношений и во многих случаях, способных изменить баланс ролей их участников, при этом не опосредуя такую модель исключительно взаимодействием в рамках контрольно-надзорной деятельности.

Изложенное выше будет логичным продолжением заложенных «конституционной реформой» 2020 года возможностей, при которых опора на новые конституционно-правовые категории, связанные с публичной властью, позволит значительно модернизировать управленческую деятельность ее элементов, одновременно снижая долю жестко-императивных средств административно-правового воздействия, открывая потенциал для трансформации отношений между обществом и государством на многих уровнях, переводя их в плоскость координации, консультаций и согласования, что непременно должно создать прочный «монолит» во всей системе публичной власти по причине ее большей открытости и завоеванного этим открытием доверия людей.

Литература

1. Бабаева, Ю. Г.; Пашенцев, Д.А. Понятие публичной власти: историко-теоретический аспект [Электронный ресурс] // Образование и право. – 2023. – № 4. – С. 79–83.

2. Приказ ФНС России от 30 мая 2007 г. № ММ-3–06/333@ «Об утверждении Концепции системы планирования выездных налоговых проверок» (в ред. от 10 мая 2012 г.) [Электронный ресурс]. – Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <https://pravo.gov.ru> (Дата обращения: 06.10.2025).
3. Риск-ориентированный подход позволяет снизить административную нагрузку на налогоплательщиков [Электронный ресурс] // Официальный сайт Федеральной налоговой службы. – 13.11.2023. – URL: https://www.nalog.gov.ru/rn75/news/activities_fts/13994328/ (Дата обращения: 06.10.2025).
4. Федеральный закон от 11.06.2021 N 162-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // «Российская газета», N 132, 17.06.2021.
5. Федеральный закон от 27.07.2010 N 224-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // «Российская газета», N 168, 30.07.2010.
6. Досье на проект федерального закона № 901935–8 «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» (в части установления возможности освобождения от административной ответственности в случае заключения соглашения, предусмотренного законодательством о государственном контроле (надзоре)) (внесён 23 апреля 2025 г. сенаторами РФ В.С. Тимченко, Н.Н. Владимировым, В.В. Наговицыным, С.Н. Перминовым, А.А. Савиным, А.Г. Шейкиным) [Электронный ресурс] // Официальный сайт Государственной Думы Федерального Собрания РФ. – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/901935-8> (Дата обращения: 06.10.2025).

CERTAIN TRENDS IN THE MANAGEMENT ACTIVITIES OF PUBLIC AUTHORITIES

Solodskikh Ya.I., Rodionova A.A.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation

This article analyzes the transformational trends in public authority, which manifest themselves in the shift from a predominantly punitive and control model to a coordinating paradigm focused on the interaction between the state and society. The article provides examples of the risk-based approach used by tax authorities, as well as the trends in administrative resolution of cases involving administrative offenses under the laws of the Russian Federation. The authors believe that such tools can strengthen public trust in public authority and improve the efficiency of its management. The work also focuses on the legal category of “public authority” and its derivatives, which were legitimized after the amendments to the Constitution of the Russian Federation in 2020, and upon careful examination, reveal the potential for an expanded transformation of the management activities of public authorities based on the identified coordination approaches. This aspect has the potential to expand the range of interaction between public authorities and society, increasingly opening up opportunities for the exercise of power as provided for

in the Russian Constitution. This work is largely conceptual and overview-based, setting the framework for further practical-oriented discussions.

Keywords: public authority; public administration; human-centered approach; dialogue between the state and society; risk-based approach; civil society.

References

1. Babaeva, Yu. G.; Pashentsev, D.A. The Concept of Public Authority: Historical and Theoretical Aspects [Electronic resource] // Education and Law. – 2023. – No. 4. – Pp. 79–83.
2. Order of the Federal Tax Service of Russia dated May 30, 2007, No. MM-3–06/333@ “On Approval of the Concept of the System for Planning On-Site Tax Audits” (as amended. dated May 10, 2012) [Electronic resource]. – Official Internet Portal of Legal Information. – URL: <https://pravo.gov.ru> (Accessed: 06.10.2025).
3. A risk-based approach reduces the administrative burden on taxpayers [Electronic resource] // Official website of the Federal Tax Service. – 13.11.2023. – URL: https://www.nalog.gov.ru/rn75/news/activities_fts/13994328/ (Accessed: 06.10.2025).
4. Federal Law No. 162-FZ of 11.06.2021 “On Amendments to the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation” // Rossiyskaya Gazeta, No. 132, 17.06.2021.
5. Federal Law No. 224-FZ of 27.07.2010 (as amended on 08.08.2024) “On Countering the Misuse of Insider Information and Market Manipulation and on Amending Certain Legislative Acts of the Russian Federation” // Rossiyskaya Gazeta, No. 168, 30.07.2010.
6. Dossier on the draft Federal Law No. 901935–8 “On Introducing amendments to the Code of Administrative Offences of the Russian Federation” (regarding the establishment of the possibility of exemption from administrative liability in the event of an agreement provided for by the legislation on state control (supervision)) (introduced on April 23, 2025 by Senators of the Russian Federation V.S. Timchenko, N.N. Vladimirovym, V.V. Nagovitsyn, S.N. Perminov, A.A. Savin, A.G. Sheikin) [Electronic resource] // Official website of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation. – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/901935–8> (Accessed on 06.10.2025).

Функциональные возможности правосотворческого механизма публичной власти и гражданского общества в структуре правотворческой активности современного государства: некоторые аспекты методологии и теории

Трофимов Василий Владиславович,

начальник Научно-исследовательского института государственно-правовых исследований, профессор кафедры теории и истории государства и права Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина, доктор юридических наук, доцент
E-mail: iptgutv@mail.ru

Горюшина Юлиана Вадимовна,

доцент кафедры теории и истории государства и права Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина, кандидат экономических наук
E-mail: calatrea@list.ru

Предметом исследования выступают функциональные возможности (свойства) правосотворческого механизма публичной власти и гражданского общества в структуре правотворческой активности современного государства. Констатируется значимость правового сотворчества как подсистемы в системе правотворчества современного государства. Характеризуется современная философско- и теоретико-правовая методология, в том числе методология функционального подхода, которая позволит адекватно рассмотреть и проанализировать функционирование и функционал правосотворческого механизма публичной власти и гражданского общества в структуре правотворческой активности современного государства. Анализируются и характеризуются функциональные свойства правового сотворчества как необходимого атрибута современного правотворчества, построенного и осуществляемого на ресурсе коммуникации публичной власти и гражданского общества.

Ключевые слова: право, правотворчество, правовое сотворчество, правовая жизнь, постнеклассическая рациональность, функциональный подход, система правотворчества, коммуникация публичной власти и гражданского общества, сотрудничество.

Современное государство, как известно, сталкивается со множеством рисков и угроз (экономических, политических, социально-демографических, экологических, технологических, биологических, военных и др.), сопротивлению которым становится не просто «выбором» власти и общества, а практически – «обязанностью» и «долгом», залогом и предпосылкой дальнейшего существования, острой жизненной необходимостью, где неосуществление таковой может привести в лучшем случае к утрате или уменьшению объема (фактического) государственного суверенитета (формально он может быть и будет декларироваться, но реально его уже не будет, так как принципиальные решения будут диктоваться, главным образом, извне), в худшем – в принципе к банальному исчезновению (под натиском и под давлением разнообразных внутренних и внешних рисков и угроз и при невозможности государства каким-либо образом противостоять им) с политической карты мира.

Вместе с тем, исключая какой бы то ни было неоправданный алармизм в этом контексте, нужно по всей видимости последовательно и рационально выстраивать модель искомого сопротивления известным рискам и угрозам для государственности, которое как минимум будет способно поставить заслон различным негативным воздействиям на общественно-государственный организм, а как максимум – обеспечить предпосылки для укрепления «общественно-государственного» целого и дальнейшего перспективного (эволюционного) государственно-правового развития – задача, которую публичная власть должна решать постоянно и непрерывно.

В условиях современной действительности необходимые здесь «рациональные» пути решения насущных проблем – это как правило и прежде всего те направления работы, которые основываются исключительно на правовых началах, следуют правовым принципам и требованиям, это «правовые» методы, способы и формы таких решений, априори выражающие характеристики рациональности, интеллекта и научной обоснованности, что вполне закономерно и не удивительно, так как в жизни общества пожалуй нет более рационально организованного феномена, чем право. Не случайно, еще с древних времен право с «легкой руки» Древнего Рима стало ассоциироваться с писаным разумом (*ratio scripta*) и не стоит, как представляется, в этом разубеждаться, понимая, что только силой права и его ресурсом возможно решать все жизненные

для государства задачи. Соответственно, в первую очередь, следует обращаться к сфере действующего права, рефлексировав над его потенциалом для использования на практике, и конечно к области воспроизводства (в том числе создания нового, совершенствования существующего) права, что является главной функцией (наряду с другими функциональными направлениями) правотворческого сегмента (сектора) организации государственной жизни.

Однако для того чтобы правотворчество в государстве могло успешно выполнять свои основные и субсидиарные функции, необходимо задуматься и над «рецептурой» совершенствования самой системы современного правотворчества, которое, как известно, не всегда бывает эффективно¹. Учитывая сложноорганизованный состав правотворческой системы государства, в качестве одной из опорных точек для ее совершенствования полагаем обоснованным видеть *механизм системного подключения общественных структур к правотворческой работе в государстве*. Это направление оптимизации правотворческой системы заключается в организации почвы (платформы) для сотворческой активности власти и общества в правотворческой сфере, в выработке и развитии полифункционального механизма правового сотворчества государственных и общественных акторов правотворческой деятельности с целью обеспечения стабильного и устойчивого состояния государственности².

Когда предъявляются те или иные требования к правотворчеству, важно понять, насколько в государстве созданы условия для интеграции всех имеющихся ресурсов в целях осуществления конструктивной правотворческой практики, и есть ли они в принципе. На наш взгляд, такие ресурсы должны присутствовать, и связаны они могут быть не только и не столько с мощью государственного аппарата, или даже с квалификацией его отдельных представителей, но в первую очередь с теми здоровыми силами в обществе, которые способны своей пассионарностью, доброй совестью и разумностью обеспечить приток в государственно-правовые формы новой созидательной энергии, встав на платформу сотрудничества и проявления совместных усилий с государством (официальной публичной властью) в деле решения общих для всех проблем.

В этом плане мы говорим, прежде всего, о необходимости установления, развития и расширения каналов коммуникации между различными

¹ См. об этом, например: Шувалов И.И. Проблема эффективности правотворчества в свете современной политико-правовой теории управления обществом // Журнал российского права. 2005. № 4 (100). С. 87–97; Херсонцев А.И. Дефекты правотворчества и качество законодательных актов // Российский юридический журнал. 2007. № 1. (53). С. 89–96.

² См. об этом также: Трофимов В.В. Коммуникация гражданского общества и публичной власти на платформе правового сотворчества как социальный инструмент выравнивания и стабилизации курса государственно-правового развития (введение в проблему) // Право: история и современность. 2018. № 1. С. 73–82.

ми субъектами политики и права с целью поиска и определения оптимальных форм для реализации прав и законных интересов всех участников политико-правового пространства, продвижения различных идей, инициатив, нормативных моделей, достижения общего консенсуса по различным государственно-правовым вопросам.

Публичная власть и гражданское общество должны всегда помнить, что они находятся в едином русле национальной государственно-правовой динамики, определением которой следует заниматься сообща, поддерживая и развивая постоянные процессы взаимодействия. Важное место в такого рода солидарных процессах в области права занимает искомое *правовое сотворчество*, являющееся высшей ступенью положительно-солидарного взаимодействия, продолжением коммуникации и сотрудничества, которое настраивает обе стороны не только на обсуждение определенных вопросов и необходимых совместных целей, но и активизирует деятельностные интеллектуальные силы сторон, направленные на достижение определенного нового результата в виде установленной и смоделированной правовой формы. В основе таких результатов – совместные деятельностные процессы на платформе (право-) (со-) творчества, в котором максимально полно задействуется вся совокупность, диалектический синтез интеллектуальных, духовных и иных сил и ресурсов человеческой активности (стремление решить тот или иной вопрос посредством права в общих интересах, профессионализм, жизненный и юридический опыт, мудрость и смелость, умение предлагать нестандартные решения и др.). Именно в рамках совместного творчества можно достигать подлинного сведения интересов к единому согласованному результату, создавать что-то новое, сопричастность к которому и в то же время ответственность за содеянное и сотворенное будут чувствовать все участники этого процесса, что в безусловной степени имеет непосредственное отношение и к правовой сфере жизни общества.

Правовое сотворчество в самом общем виде есть некая интеграция общественных и государственных сил для решения совместных дел, это *процесс совместного деятельностного взаимодействия государственных и общественных институтов, различных политических и социальных акторов в рамках правового поля (пространства правовой жизни), в результате которого рождается некая новая правовая реальность (в виде нормативных правовых положений и образцов их реализации) или же происходит обновление традиционной (с привнесением неких новых элементов в форму, структуру и содержание права)*³.

Вообще нужно в самой познавательной основе данной проблемы представлять, что государственно-правовая жизнь, в недрах которой

³ См. также: Трофимов В.В., Свиридов В.В. Правовое сотворчество: дефиниция понятия и роль в российском правотворческом процессе // Правовая политика и правовая жизнь. 2018. № 4. С. 106–114.

могут формироваться соответствующие механизмы диалога, сотрудничества и конструктивного сотворчества на пути разработки и принятия политических и правовых решений, имеет сложноорганизованный характер. Нельзя не замечать ее глубину и многогранность, в том числе разнополюсность, имея в виду под последним деление «объема» феномена на две взаимосвязанные части – позитивную и негативную, позитивно выраженную область государственно-правовой жизни и ее отрицательно заряженную сферу. На данном «просторе» (от полюса до полюса) феномена государственно-правовой жизни имеет смысл применять потенциал комплекса философских и общенаучных методов, классического, неклассического и постнеклассического типов рациональности (дискурсивный и диалогический подходы, метод коммуникативной рациональности, функциональный анализ, и др.)¹. Кроме того, не в последнюю очередь здесь может быть использован ресурс диалектической методологии, классические категории и законы диалектики, особенно ее важный познавательный алгоритм в виде понимания явления с точки зрения единства и борьбы заключенных в нем противоположностей. Во многом с этим подходом, думается, можно рассчитывать на объективно-научное и истинное понимание сути рассматриваемого явления.

Если с этих позиций рассуждать о таком важном компоненте государства и государственной организации, как «правотворчество», то последнее тоже вполне может представлять в двух сторонах (полюсах), имея в виду его не только положительную природу, но и природу отрицательную, в частности ту, которая выражает не столько полагающийся для правотворчества конструктив, сколько деконструктив, при котором правотворческие акторы (а это либо разные политические силы, претендующие на публичную власть или уже присутствующие во власти и их избиратели, либо, если смотреть по-крупному – официальная власть, с одной стороны, и неформальные общественные структуры, с другой) не могут друг с другом найти общего языка и думают и действуют сугубо в собственных интересах, игнорируя интересы обратной стороны. Эта деконструктивная форма правотворчества как правило замешана на явном или скрытом (латентном) конфликте, на противостоянии данных акторов, из среды которого появляется право, как правило, спекулятивного характера, внешне похожее на «право», а по сути являющегося ширмой для произвола более мощной и более экономически основательной (сильной) стороны. В свою очередь, правотворческий конструктив есть продолжение положительного по своей социально-властной природе взаимодействия акторов правотворческой деятельности, предпола-

¹ См., например: Трофимов В.В. Концепция правовой жизни как философия юриспруденции: постнеклассическое изменение (к постановке вопроса) // Философия права в условиях глобальных социальных трансформаций: сборник научных статей по итогам Всероссийского форума историков права, Санкт-Петербург, 10–11 июня 2022 г. / под редакцией Д.А. Пашенцева и А.А. Дорской. М., 2022. С. 112–121.

гающее взаимопонимание и сотрудничество, высшей формой которого становится упомянутое ранее *правовое сотворчество* власти и общества, выполняющее (способное выполнять, на наш взгляд) очень важные функциональные задачи в системе правотворчества.

Если правотворчество рассматривать как систему, а правовое сотворчество как подсистему правотворческой системы, то вполне очевидно, что не только общая система правотворчества, но и ее компоненты должны выполнять определенные задачи (функции), которые обеспечивают действие системы (аргумента) и позволяют данной системе выполнять свою основную миссию (в данном случае – по созданию, изменению, отмене правовых норм, нормативных правовых актов). Так по крайней мере гласит структурно-функциональный подход и системная теория в целом².

У правового сотворчества публичной власти гражданского общества как системной социально-правовой деятельности имеется довольно существенный практический функционал.

1) Обеспечивает конструктивный диалог власти и общества в правотворческой сфере. О значении формата диалога с гражданским обществом при разработке и принятии юридически значимых решений говорит действующий председатель Государственной Думы Российской Федерации В.В. Володин, подчеркивая, что «диалог с гражданским обществом, деловыми и профессиональными союзами – основа для того, чтобы вырабатывались наиболее эффективные решения. А наше взаимодействие с Советом Федерации позволяет нам принимать их выверенными»³.

2) Служит преодолению конфликтов в государственно-правовой жизни. Процесс сотрудничества власти и общества в правотворческой сфере обусловливается естественной потребностью субъектов права взаимодействовать и тем самым обеспечивать конструктивное правовое развитие в противовес конфликтным антагонистическим коммуникациям. Решая с самого начала проблемы государственно-правового развития совместно, объединяя усилия государства и общества, субъекты данного политико-правового диалога (дискурса) обеспечивают устойчивую платформу для динамики, предупреждают и минимизируют

² См., например: Петрова С.И. Толкотт Парсонс: структурно-функциональный подход к динамике культуры // Вестник ИМ-СИТ. 2025. № 1 (101). С. 22–24; Курочкин Д.А. Понятие и сущность системно-функционального подхода в праве // Проблемы управления, экономики и права в общегосударственном и региональном масштабах: сборник статей XI Всероссийской научно-практической конференции / под ред. О.А. Столяровой, Р.Р. Юнэевой. Пенза, 2024. С. 115–119; Новиков М.В. Понимание государства и права: некоторые вопросы применения функционального подхода // Обеспечение прав человека в условиях современного государства: материалы междунар. науч.-практ. конф., Владимир, 10–11 дек. 2009 г. Владимир, 2009. С. 224–230.

³ Володин: Кабмин и Госдума должны обеспечить открытый диалог с гражданским обществом // Парламентская газета. 07.04.2022. URL: <https://www.pnp.ru/politics/volodin-kabmini-gosduma-dolzny-obespechit-otkrytyy-dialog-s-grazhdanskim-obshhestvom.html> (дата обращения: 09.04.2024).

те потенциальные конфликты и коллизии, которые могут возникать, особенно если в ходе принятия политико-правовых решений не оговорены взаимные условия и не учтены встречные юридически значимые интересы. Это же является важным залогом предупреждения правовой аномии в обществе. Как верно замечает А.В. Малько, «правовое сотворчество может оказывать... воздействие на аномичные процессы, создавая юридические условия для их предотвращения и преодоления»¹.

3) Позволяет создавать социально легитимное позитивное право, так как присущий ему механизм дает почву для выработки более социально проверенных и одобренных решений, так как в ином случае позитивное право имеет риск стать малодейственным. Верно, в этом смысле, в рамках анализа легитимности закона в юридической литературе отмечается, что «если нормы права, выступая в форме закона, позитивированного права, противоречат социальному контексту, то их эффективность правового регулирования и поддержания правопорядка в обществе значительно снижается»². Поэтому вектором правового развития должны быть более активные взаимоотношения между субъектами публичной власти и гражданского общества, направленные на совместное создание права. Именно совместные творческие продукты в виде законов смогут необходимым образом положительно влиять на государственно-правовую жизнь, обеспечивать ее стабильное развитие, поскольку в этих правотворческих результатах получат отражение реальные (а не придуманные в кабинетах чиновников и законодателей) правообразующие социальные интересы. Публичная власть и гражданское общество выступают здесь естественными союзниками и партнерами ради укрепления государства, в направлении сохранения внутри него социального мира и согласия, столь важных и ценных сегодня, в условиях острой турбулентности глобальной системы.

4) Придает особый смысл процессам цифровизации государственно-правовой сферы. Развитие различных цифровых технологий в настоящее время способно обеспечивать новый уровень правового взаимодействия и делать его более доступным, тем самым детерминируя возрастание возможностей гражданского общества активно участвовать в правосотворческих процессах. Развитие цифровизации, без сомнения, существенно и преимущественно в положительном плане влияет на правовую и правосотворческую деятельность. Цифровизация и новые информационные технологии побуждают преобразовывать характер деятельности субъектов права, менять объемы их правоотношений, расширяют горизонт будущей деятельности,

расширяют возможности правосотворческой деятельности³.

5) Развивает на практике демократические начала государства. Каждый гражданин, участвуя в решении государственно-правовых задач, будь то голосование на референдуме, на электронном ресурсе Российской общественной инициативы за политико-правовое предложение, с которым он солидарен, направляя жалобы и обращения в органы власти, выражая свое критическое мнение о законопроектах или высказывая инициативы в плане совершенствования законов, совершая другие действия, влияющие на будущее право, принимает участие в правовых преобразованиях, в процессах совместного сотворения права. Как верно констатирует В.М. Баранов: «Демократия – реальное право граждан государства непосредственно участвовать в принятии правовых решений (в том числе и в электронной форме⁴) и контролировать их исполнение⁵». Представленные процессы являются естественным состоянием демократического государственно-правового развития, где у каждого есть право голоса, и этот голос (мнение) становится кирпичиком общего правового строения, есть право выбора и право активного участия в процессах, изменяющих правовую действительность.

6) Позволяет выражать обществу созидательный (креативный) потенциал в деле государственно-правового строительства. **Сотворчество** в рамках определенного вида деятельности – это довольно мощный ресурс для создания полноценных и качественных результатов, продуктов совместного творчества⁶. Для области политической и правовой действительности (внутри- и межгосударственной) это особенно, на наш взгляд, важно, так как порой именно от «неопределенности» в политике и праве, получаемой от недосказанности, недоговоренности, от нежелания вложить полные усилия в созидательные действия и в общее дело, возникают известные коллизии, противоречия, споры и конфликты.

7) Придает политико-правовой активности конструктивный характер. Для государственно-правовой жизни намного ценнее не всякая правотворческая активность (поскольку порой такая может порождать и воспроизводить совсем не те нормативные стандарты, которые ожидаемы как системой государственного управления, так и обществом), а та правотворческая активность,

³ См. об этом, например: Денисенко В.В. Цифровизация права и правовые процедуры в условиях гиперреальности // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2023. № 1 (52). С. 269–276.

⁴ Подробнее об электронной демократии см.: Федосеева Н.Н. Институты современной демократии в условиях информатизации // Государство в меняющемся мире: материалы VI Международной школы-практикума молодых ученых-юристов (Москва, 26–28 мая 2011 года). М., 2012. С. 544–554.

⁵ Баранов В.М. Принцип демократизации современного российского правотворчества: сущность, ценность, технико-юридические проблемы реализации // Юридическая техника. 2014. № 8. С. 27.

⁶ Об этимологическом значении понятия «сотворчество» см. также: Трофимов В.В., Свиридов В.В. Указ. соч. С. 108.

¹ См.: Малько А.В. Правовое сотворчество государства и общества и юридическая аномия // Правовая культура. 2025. № 1 (60). С. 10.

² Честнов И.Л., Кочевин С.Ю. Легитимность как необходимое условие существования позитивного права // Искусство правоведения. 2023. № 2 (6). С. 17.

которая приводит к качественным и социально легитимным правовым результатам (эффективным правотворческим решениям). Такие решения в сфере правосозидания, на наш взгляд, способны генерироваться только при условии конструктивного и деятельностного взаимодействия (диалога) управляющих (государство) и управляемых (общество), или политико-правовой коммуникации в глобальном срезе (между государствами), того межсубъектного взаимодействия, которое обеспечивает взаимообмен информационно-культурными продуктами (сигналами, активностями, смыслами, знаниями).

8) Обеспечивает особый кумулятивный эффект при осуществлении созидательно-правовой активности, поскольку в этом процессе участвуют не только государственные, но и социальные структуры. Сотворчество как инструмент (внутри-) и (меж-) государственно-правовой жизни, ее ресурс для самообновления, имеет незаменимый потенциал синергии разных энергетических источников, солидаризации усилий разных субъектов государственно-правовой жизни во благо общего дела, на идейной константе которого только и может строиться современное государство как достояние всего народа (р е с п у б л и к а), которая в этом смысле вполне может именоваться «правовой»¹. То же (но в большем масштабе) должно быть характерно и для мирового уровня политико-правовых взаимоотношений (взаимодействий между государственными образованиями).

В конечном счете должно быть очевидно, что за счет присущих этой солидарной форме правотворчества внутренних потенций и ресурсов правотворческая деятельность будет способна осуществляться более интенсивно, находиться в постоянном контексте общественных потребностей, интересов и притязаний, проблем и тех подходов к их решению, которые выкристаллизуются общественной системой как таковой. Эта «энергия» общества объективным образом будет перетекать в правотворческую систему, т.к. агенты общества (граждане, структуры гражданского общества) оказываются изначально включенными в правотворческую практику.

Литература

1. Баранов В.М. Принцип демократизации современного российского правотворчества: сущность, ценность, технико-юридические проблемы реализации // Юридическая техника. 2014. № 8. С. 27–39.
2. Варданянц В.К. Правовая республика как социолого-правовая категория // Социология власти. 2008. № 4. С. 148–155.
3. Володин: Кабмин и Госдума должны обеспечить открытый диалог с гражданским обществом // Парламентская газета. 07.04.2022.
4. Денисенко В.В. Цифровизация права и правовые процедуры в условиях гиперреальности // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2023. № 1 (52). С. 269–276.
5. Курочкин Д.А. Понятие и сущность системно-функционального подхода в праве // Проблемы управления, экономики и права в общегосударственном и региональном масштабах: сборник статей XI Всероссийской научно-практической конференции / Пензенский государственный аграрный университет и [др.]; под ред. О.А. Столяровой, Р.Р. Юнковой. Пенза: Пензен. гос. аграр. ун-т, 2024. С. 115–119.
6. Малько А.В. Правовое сотворчество государства и общества и юридическая аномия // Правовая культура. 2025. № 1 (60). С. 5–13.
7. Новиков М.В. Познание государства и права: некоторые вопросы применения функционального подхода // Обеспечение прав человека в условиях современного государства: материалы междунар. науч.-практ. конф., Владимир, 10–11 дек. 2009 г. / Федер. служба исполнения наказаний, Владим. юрид. ин-т Федер. службы исполнения наказаний. Владимир, 2009. С. 224–230.
8. Петрова С.И. Толкотт Парсонс: структурно-функциональный подход к динамике культуры // Вестник ИМСИТ. 2025. № 1 (101). С. 22–24.
9. Трофимов В.В. Коммуникация гражданского общества и публичной власти на платформе правового сотворчества как социальный инструмент выравнивания и стабилизации курса государственно-правового развития (введение в проблему) // Право: история и современность. 2018. № 1. С. 73–82.
10. Трофимов В.В. Концепция правовой жизни как философия юриспруденции: постнеклассическое измерение (к постановке вопроса) // Философия права в условиях глобальных социальных трансформаций: сборник научных статей по итогам Всероссийского форума историков права, Санкт-Петербург, 10–11 июня 2022 г. / под редакцией Д.А. Пашенцева и А.А. Дорской. М.: Саратов: Саратовский источник, 2022. С. 112–121.
11. Трофимов В.В., Свиридов В.В. Правовое сотворчество: дефиниция понятия и роль в российском правотворческом процессе // Правовая политика и правовая жизнь. 2018. № 4. С. 106–114.
12. Федосеева Н.Н. Институты современной демократии в условиях информатизации // Государство в меняющемся мире: материалы VI Международной школы-практикума молодых ученых-юристов (Москва, 26–28 мая 2011 года). М., 2012. С. 544–554.

¹ См.: Варданянц В.К. Правовая республика как социолого-правовая категория // Социология власти. 2008. № 4. С. 148–155.

13. Херсонцев А.И. Дефекты правотворчества и качество законодательных актов // Российский юридический журнал. 2007. № 1. (53). С. 89–96.
14. Честнов И.Л., Кочевин С.Ю. Легитимность как необходимое условие существования позитивного права // Искусство правоведения. 2023. № 2 (6). С. 13–18.
15. Шувалов И.И. Проблема эффективности правотворчества в свете современной политико-правовой теории управления обществом // Журнал российского права. 2005. № 4 (100). С. 87–97.

FUNCTIONAL CAPABILITIES OF THE LAW-CO-CREATION MECHANISM OF PUBLIC AUTHORITIES AND CIVIL SOCIETY IN THE STRUCTURE OF LAW-MAKING ACTIVITY OF THE MODERN STATE: SOME ASPECTS OF METHODOLOGY AND THEORY¹

Trofimov V.V., Goryushina Ju.V.

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Tambov State University named after G.R. Derzhavin"

The subject of the study is the functional capabilities (properties) of the law-making mechanism of public authority and civil society in the structure of law-making activity of the modern state. The importance of legal co-creation as a subsystem in the system of law-making of the modern state is stated. The modern philosophical and theoretical legal methodology is characterized, including the methodology of the functional approach, which will allow to adequately consider and analyze the functioning and functionality of the law-making mechanism of public authorities and civil society in the structure of law-making activity of the modern state. The functional properties of legal co-creation are analyzed and characterized as a necessary attribute of modern law-making, built and implemented on the resource of communication between public authorities and civil society.

Keywords: law, law-making, legal co-creation, legal life, post-non-classical rationality, functional approach, system of law-making, communication between public authorities and civil society, cooperation.

References

1. Baranov V.M. The principle of democratization of modern Russian lawmaking: essence, value, technical and legal problems of implementation // Legal technique. 2014. No. 8. Pp. 27–39 (in Russian).
2. Vardanyants V.K. The legal republic as a socio-legal category // Sociology of power. 2008. No. 4. Pp. 148–155 (in Russian).
3. Volodin: The Cabinet of Ministers and the State Duma should ensure an open dialogue with civil society // Parliamentary

- ry Newspaper. 04/07/2022. URL: <https://www.pnp.ru/politics/volodin-kabmin-i-gosduma-dolzhen-obespechit-otkrytyy-dialog-s-grazhdanskim-obshchestvom.html> (date of request: 04/09/2024) (in Russian).
4. Denisenko V.V. Digitalization of law and legal procedures in conditions of hyperreality // Bulletin of Voronezh State University. Series: Law. 2023. No. 1 (52). Pp. 269–276 (in Russian).
5. Kurochkin D.A. The concept and essence of the system-functional approach in law // Problems of management, economics and law on a national and regional scale: collection of articles of the XI All-Russian Scientific and Practical Conference / Penza State Agrarian University and [others]; edited by O.A. Stolyarova, R.R. Yunyaeva. Penza: Penza State Agrarian University. Univ., 2024. Pp. 115–119 (in Russian).
6. Malko A.V. Legal co-creation of the state and society and legal anomie // Legal culture. 2025. No. 1 (60). Pp. 5–13 (in Russian).
7. Novikov M.V. Cognition of the state and law: some issues of the application of a functional approach // Ensuring human rights in a modern state: proceedings of the International Scientific and Practical Conference, Vladimir, 10–11 Dec. 2009 / Feder. Penitentiary Service, Vladimir. jurid. in-t Feder. penitentiary services. Vladimir, 2009. Pp. 224–230 (in Russian).
8. Petrova S.I. Tolcott Parsons: a structural and functional approach to the dynamics of culture // Bulletin of IMSIT. 2025. No. 1 (101). Pp. 22–24 (in Russian).
9. Trofimov V.V. Communication of civil society and public authorities on the platform of legal co-creation as a social tool for leveling and stabilizing the course of state and legal development (introduction to the problem) // Law: history and modernity. 2018. No. 1. Pp. 73–82 (in Russian).
10. Trofimov V.V. The concept of legal life as a philosophy of jurisprudence: a post-non-classical dimension (to raise the question) // Philosophy of law in the context of global social transformations: a collection of scientific articles based on the results of the All-Russian Forum of Legal Historians, St. Petersburg, June 10–11, 2022 / edited by D.A. Pashentsev and A.A. Dorskaya. M.: Saratov: Saratov Source, 2022. Pp. 112–121 (in Russian).
11. Trofimov V.V., Sviridov V.V. Legal co-creation: definition of the concept and role in the Russian law-making process // Legal policy and legal life. 2018. No. 4. Pp. 106–114 (in Russian).
12. Fedoseeva N.N. Institutes of modern democracy in the context of informatization // The state in a changing world: materials of the VI International School of Practice for Young Legal Scholars (Moscow, May 26–28, 2011). Moscow, 2012. Pp. 544–554 (in Russian).
13. Khersontsev A.I. Law-making defects and the quality of legislative acts // Russian Law Journal. 2007. No. 1. (53). Pp. 89–96 (in Russian).
14. Chestnov I.L., Kochevinov S.Y. Legitimacy as a necessary condition for existence positive law // The Art of Jurisprudence. 2023. No. 2 (6). Pp. 13–18 (in Russian).
15. Shuvalov I.I. The problem of the effectiveness of lawmaking in the light of modern political and legal theory of society management // Journal of Russian Law. 2005. No. 4 (100). Pp. 87–97 (in Russian).

¹ The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation No. 24–28–00271, <https://rscf.ru/project/24–28–00271/>

Дихотомия интегративного и холистического подходов в доктринальном осмыслении права на образование

Фатьянов Егор Владимирович,

аспирант кафедры конституционного, административного и уголовного права, Среднерусский институт управления-филиал РАНХиГС

E-mail: donyapon01@gmail.com

Статья посвящена комплексному анализу доктринальных подходов к пониманию права на образование в современной юридической науке. Особое внимание уделяется исследованию взглядов современных ученых на понятие «право на образование» и детальному анализу подвергаются дихотомические подходы к пониманию права на образование – интегративный и холистический, с выявлением их специфических характеристик и сфер применения.

Цель исследования заключается в системном анализе и классификации существующих научных подходов к пониманию права на образование, выявлении их методологических особенностей и обосновании перспектив разработки интегративной концепции данного права.

Методологическую основу исследования составляют системный подход, а также метод концептуального анализа, что позволило осуществить комплексное изучение доктринальных положений.

Результатом исследования стал анализ многоаспектной природы права на образование и выявление дихотомии между интегративной и холистической трактовками права на образование.

Выводы исследования свидетельствуют о методологической необходимости и практической значимости разработки интегративной концепции права на образование, адекватно отражающей его комплексный характер в условиях современных социально-правовых трансформаций. Автором предпринята попытка определить основные векторы и приоритетные направления дальнейших научных изысканий в области исследования «права на образование».

Ключевые слова: образование, право на образование, доктринальные подходы, интегративная концепция, правовая природа права на образование.

Введение

Право на образование представляет собой базовое право человека закрепленное как в Конституции Российской Федерации, так и федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации». Следует отметить отсутствие единства в понимании его сущности и содержания в правовой доктрине. Актуальность исследования обусловлена необходимостью преодоления фрагментарности научных подходов и разработки целостной концепции права на образование. Цель работы – провести системный анализ доктринальных подходов к праву на образование и обосновать перспективы интегративной концепции.

Литературный обзор

Анализ научных публикаций выявил поляризацию подходов к пониманию права на образование. Интегративный подход (Л.А. Резванова, В.В. Лихобаба) трактует его как сложную систему взаимосвязанных элементов. Холистический подход (Ю.П. Орловский, Л.Д. Воеводин) рассматривает право на образование как неразделимый феномен. Синтезирующие концепции (Т.С. Румянцева) акцентируют диалектическое единство государственных гарантий и личной инициативы.

Материалы и методы

При подготовке статьи автором использовался анализ эволюции доктринальных подходов; системный анализ структуры права на образование.

Результаты

Представляется научно обоснованным, что доктринальный анализ категории «право на образование» требует предварительного системного исследования базовой дефиниции «образование». Представители различных отраслей научных знаний изучают данное понятие и предлагают собственные интерпретации. Образование во все времена было и остается неотъемлемой частью жизни человека. Оно распространяется на все возрастные группы, позволяя каждому индивидууму постоянно развиваться и получать новые знания. Важно отметить, что образование является доступным и важным для всех слоев общества, отражаясь на всех уровнях.

Образование включает в себя разнообразные формы подготовки и обучения, в том числе, как в государственном, так и в частном контексте. Кро-

ме предоставления общедоступного образования, оно также включает профессиональную подготовку и непрерывное образование для разных категорий людей, включая инструкторов, преподавателей и государственных служащих. Важным аспектом образования является просвещение населения и информационная работа, которая способствует повышению осведомленности и качества жизни общества в целом.

Образование играет решающую роль в обеспечении стабильности и процветания общества. Оно передает знания, накопленные человечеством, и основанные на общественно-историческом опыте в различных областях: от наук о природе и обществе, до техники и искусства. Помимо этого, образование развивает трудовые навыки и умения, что является необходимым условием для успешной жизни и работы каждого человека. Оно также способствует осознанному вхождению в культурную среду и участию в развитии культуры общества.

Широкий подход к понятию образования действительно позволяет глубже понять его многоаспектность, включая культурные, социальные, психологические, и технологические аспекты.

Образование в узком смысле трактуется как деятельность в рамках систематических учреждений (школы, университеты и т.д.), действительно ограничивает его потенциал. Такое видение не охватывает всей широты возможностей для обучения и личностного роста, которые существуют за пределами официальных образовательных систем. Этот подход был сформулирован около полувека назад В.Н. Турченко [8]. Исследователь рассматривал образование как относительно самостоятельную систему направленную на систематическое обучение и воспитание членов общества. Целью образования является передача определённых знаний, главным образом научных, ценностей и соответствующих навыков, умений и норм поведения которые зависят от социально-экономического строя и материально-технической базы общества.

Проведенный комплексный анализ дефиниции «образование» позволяет перейти к следующему этапу исследования – системному изучению категории «право на образование». Такая методологическая последовательность обусловлена логикой научного познания, предполагающей движение от общего к частному: от понимания сущности и содержания социального феномена образования к анализу его правового опосредования. Многообразие определений права на образование, несмотря на свою сложность, может быть классифицировано. С одной стороны, большинство авторов (А.Ф. Ноздрачев, В.И. Шкатулла, Ю.П. Орловский и др.) сосредотачиваются на значимости образования для приобретения человеком необходимых знаний и информации. Так Э.Ю. Балаян утверждает, что право на образование является «правом человека на получение определенной совокупности знаний, культурно-нравственных навыков (способствующих интеграции личности в национальную

и мировую культуру), профессиональной ориентации, необходимых для нормальной жизнедеятельности на современном этапе развития общества» [1].

С другой стороны, российская юридическая наука предлагает различные оригинальные подходы к дефиниции «право на образование». Е.Д. Волохова трактует право на образование как свободу его получения и включает такие аспекты, как доступ к образовательным учреждениям, выбор образовательных программ и свободу от ограничений на получение образования [2].

В свою очередь Д.А. Ягофаров рассматривает право на образование как обязанность, что, вероятно, делает акцент на обязанности государства обеспечить доступ к образованию и/или обязанности граждан пройти определенный уровень обязательного образования [10].

Т.В. Грачева занимаясь вопросами образования, подчеркивает значимость права на образование не просто как формального права, но как гарантированного механизма для повышения уровня образования [2]. Право на образование, по мнению Грачёвой, выходит за рамки простой возможности получить знания. Оно включает в себя обязательства по созданию таких условий, при которых каждый человек сможет не только обучаться, но и непрерывно совершенствовать свои знания и навыки в течение всей жизни.

Л.А. Резванова в диссертационном исследовании «Сущность социального государства и ее проявление в сфере образования» [5] право на образование понимает как многокомпонентное явление, включающее несколько ключевых элементов: право доступа к образованию; минимальное право на знания; право на развитие; право участия. Указанные элементы в совокупности формируют комплексное и многоаспектное понимание права на образование, обеспечивающего как доступность, так и качество образовательных услуг для всех категорий населения.

В.В. Лихобабина также указывает на комплексный характер права на образование и рассматривает его как «сложную правовую систему, которая состоит из: права на получение различных уровней образования, обязанности получения основного общего образования, права на получение образования в различных формах, свободы преподавания, права на свободный выбор языка обучения и приоритетного права родителей в выборе вида образования для своих малолетних детей» [3].

Существует альтернативный подход, согласно которому право на образование рассматривается как уникальное явление, ценность которого заключается в его единстве и не может быть разделена на отдельные компоненты. Ю.П. Орловский настаивал на том, что право на образование является не интегративным, а целостным [4]. Целостный подход к образованию предполагает, что человек не только получает знания и навыки в школе или университете, но и имеет возможность развиваться и обучаться постоянно, на протяжении всей

жизни. Автор подчеркивал важность создания образовательной среды, где каждый индивид может получать доступ к необходимым образовательным ресурсам и инструментам. Таким образом, целостный подход к праву на образование не ограничивается традиционными формами обучения, а охватывает все аспекты и формы образовательной деятельности, направленные на непрерывное развитие человека.

Точку зрения Ю.П. Орловского разделяется Л.Д. Воеводиным. Исследователь отмечает, что «конституция предоставляет каждому гражданину не право на обучение в конкретном учебном заведении, а право каждого на образование во всех возможных и непременно доступных по способностям его проявлениям». С этих позиций основное значение приобретают не учебные заведения, а ступени и формы получения образования – разные образовательные учреждения, представляющие собой этапы в этом процессе.

В свою очередь Т.С. Румянцева предлагает компромиссный подход, объединяющий обязательные и факультативные элементы, позволяет более комплексно и гибко подходить к реализации права на образование. Представленная концепция трактует право на образование как комплексный институт, предполагающий диалектическое единство двух начал: с одной стороны, императивной роли государства в установлении и гарантировании унифицированных образовательных стандартов, а с другой – значимости личной инициативы и автономии выбора в процессе построения индивидуальной образовательной стратегии [6].

В рамках научной дискуссии о природе и содержании права на образование внимания заслуживает позиция М.В. Смирновой, которая предлагает собственную доктринальную интерпретацию данного правового феномена. Исследователь квалифицирует право на образование в качестве фундаментального, системообразующего права в культурной сфере, обладающего особым ценностным измерением. М.В. Смирнова акцентирует внимание на дуалистической социальной функции права на образование. С одной стороны, оно выступает инструментом обеспечения доступа индивида к накопленным в государстве культурным благам и ценностям. С другой стороны, оно выполняет интегративную роль, расширяя познание многообразия культур многонациональных народов и мировых цивилизаций в целом.

С точки зрения антропологического аспекта, ученый утверждает, что процесс обучения детерминирует развитие внутреннего духовного мира личности, способствуя росту ее самосознания и смысловой наполненности. В прагматическом ключе данное право рассматривается как ключевой фактор формирования высокого профессионального этоса и развития компетенций, необходимых для реализации творческого, эвристического подхода в профессиональной деятельности. Таким образом, в интерпретации М.В. Смирновой, право на образование предстает как комплексный

институт, синтезирующий культурные, личностно-формирующие и социально-экономические компоненты [7].

Анализ имеющихся взглядов ученых на понятие «право на образование» является ограниченным. Поскольку авторы акцентируют внимание только на одном аспекте исследуемого права, а именно на том, право на образование является субъективным правом каждого.

В научной дискуссии о правовой природе и социальном назначении права на образование интерес представляет точка зрения Е.В. Курицыной. Исследователь рассматривает право на образование представляет собой субъективное право личности, сущность которого заключается в предоставлении индивиду действительной, а не декларативной, юридически обеспеченной возможности по присвоению и дальнейшей эксплуатации систематизированных знаний, компетенций и навыков. Е.В. Курицына подчеркивает императивность обеспечения данного права через консолидированные механизмы государственной политики и имплементацию международно-правовых стандартов, что является ключевым условием для достижения подлинной универсальности и равнозначного качества образовательных услуг для всех страт населения, независимо от социально-экономических и иных различий.

Обсуждение

Результаты свидетельствуют о методологической ограниченности как интегративного, так и холистического подходов в отдельности. Интегративная концепция позволяет преодолеть эту ограниченность через диалектическое единство:

- публично-правовых гарантий доступности и качества образования
- частноправовой автономии в образовательном выборе
- социально-культурной функции образования

Перспективным представляется синтезирующий подход (Т.С. Румянцева), учитывающий как императивную роль государства в установлении образовательных стандартов, так и значимость личной инициативы в построении индивидуальной образовательной траектории. Дальнейшее исследование должно быть направлено на разработку интегративной концепции права на образование, адекватно отражающей его комплексный характер в условиях современных социальных трансформаций.

Заключение

Проведенное исследование позволяет констатировать, что концептуальное осмысление права на образование в современной юридической доктрине характеризуется значительным плюрализмом методологических подходов. Сформировалась дихотомия между интегративным пониманием данного права как сложной системы взаимосвязанных элементов

(Л.А. Резванова, В.В. Лихобабина) и холистической трактовкой его как целостного, неразделимого феномена (Ю.П. Орловский, Л.Д. Воеводин).

Анализ доктринальных подходов выявил многоаспектную природу права на образование, включающую:

- индивидуально-личностное измерение (Т.В. Грачева, Е.В. Курицына);
- социально-культурный аспект (М.В. Смирнова);
- институционально-правовую составляющую (Т.А. Владыкина).

Дальнейшее исследование должно быть направлено на разработку интегративной концепции права на образование, адекватно отражающей его комплексный характер в условиях современных социальных трансформаций.

Литература

1. Балаян Э.Ю. О роли государственного регулирования в контексте осуществления права человека на образование в Российской Федерации // Вестник Кемеровского государственного университета. 2008. № 4. С. 143–147.
2. Волохова Е.Д. Формирование права на образование в истории России // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2002. № 3 (242). С. 249–257.
3. Грачева Т.В. Реализация конституционного права человека и гражданина Российской Федерации на образование: на примере города Москвы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2004. 191 с.
4. Лихобабина В.В. Конституционное право на образование в Российской Федерации // Достижения науки и образования. 2016. № 5(6). С. 64–66.
5. Орловский Ю.П. Конституционные гарантии права на образование в СССР. – М.: Наука, 1986. 171 с.
6. Резванова Л.А. Сущность социального государства и ее проявление в сфере образования: автореф. ... дис. канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2004. 209 с.
7. Румянцева Т.С. Конституционное право на образование в социалистических странах. – М.: Наука, 1987.
8. Смирнова М.В. Конституционное право на образование и гарантии его реализации в негосударственных общеобразовательных учреждениях: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2006. 201 с.
9. Турченко В.Н. Научно-техническая революция и революция в образовании. М.: Политиздат, 1973. 223 с.
10. Fomina M.G. Constitutional right to education: concept and content // Modern European Researches. 2019. № 4. С. 62–65.

11. Ягофаров Д.А. Правовая активность личности в профилактике правонарушений: Сущность, особенности, стимулирование: дисс. ... канд. юрид. наук. – Москва, 1991. – 246 с.

DICHOTOMY OF INTEGRATIVE AND HOLISTIC APPROACHES IN THE DOCTRINAL UNDERSTANDING OF THE RIGHT TO EDUCATION

Fatyanov E.V.

Central Russian Institute of Management, a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

This article provides a comprehensive analysis of doctrinal approaches to understanding the right to education in modern legal scholarship. Particular attention is paid to exploring contemporary scholars' views on the concept of the "right to education." Dichotomous approaches to understanding the right to education—integrative and holistic—are analyzed in detail, identifying their specific characteristics and areas of application.

The purpose of this study is to systematically analyze and classify existing scholarly approaches to understanding the right to education, identify their methodological features, and substantiate the prospects for developing an integrative concept of this right.

The methodological basis of the study is a systems approach and conceptual analysis, which allowed for a comprehensive study of doctrinal provisions.

The result of this study is an analysis of the multifaceted nature of the right to education and the identification of a dichotomy between integrative and holistic interpretations of the right to education.

The study's findings demonstrate the methodological necessity and practical significance of developing an integrative concept of the right to education that adequately reflects its complex nature in the context of contemporary socio-legal transformations. The author has attempted to identify the key vectors and priority areas for further research in the field of the «right to education».

Keywords: education, right to education, doctrinal approaches, integrative concept, legal nature of the right to education.

References

1. Balayan E. Yu. On the Role of State Regulation in the Context of the Implementation of the Human Right to Education in the Russian Federation // Bulletin of Kemerovo State University. 2008. No. 4. pp. 143–147.
2. Volokhova E.D. Formation of the Right to Education in the History of Russia // Bulletin of Higher Educational Institutions. Jurisprudence. 2002. No. 3 (242). pp. 249–257.
3. Gracheva T.V. Implementation of the Constitutional Right of a Person and Citizen of the Russian Federation to Education: Using the Example of the City of Moscow: Abstract of Cand. Sci. (Law) Dissertation. Moscow, 2004. 191 p.
4. Likhobabina V.V. Constitutional Right to Education in the Russian Federation // Achievements of Science and Education. 2016. No. 5 (6). P. 64–66.
5. Orlovsky Yu.P. Constitutional Guarantees of the Right to Education in the USSR. Moscow: Nauka, 1986. 171 p.
6. Rezvanova L.A. The Essence of the Welfare State and Its Manifestation in Education: Abstract of a Cand. Sci. (Law) Dissertation. Rostov-on-Don, 2004. 209 p.
7. Rumyantseva T.S. Constitutional Right to Education in Socialist Countries. Moscow: Nauka, 1987.
8. Smirnova M.V. Constitutional Right to Education and Guarantees of Its Implementation in Non-State General Education Institutions: Cand. Sci. (Law) Dissertation. Moscow, 2006. 201 p.
9. Turchenko V.N. Scientific and Technological Revolution and Revolution in Education. M.: Politizdat, 1973. 223 p.
10. Fomina M.G. Constitutional right to education: concept and content // Modern European Researches. 2019. No. 4. Pp. 62–65.
11. Yagofarov D.A. Legal activity of the individual in crime prevention: Essence, features, stimulation: diss. ... Cand. of Law. – Moscow, 1991. – 246 p.

Трансформация государственного финансового контроля: правовые императивы и новые реалии

Хайбрахманова Альбина Дамировна,

аспирант кафедры международного и публичного права
Финансового университета при Правительстве Российской Федерации

E-mail: khaybrakhmanova.albina@mail.ru

В статье представлены результаты исследования трансформации системы государственного финансового контроля в условиях современной экономической ситуации. Автор анализирует изменения подходов к осуществлению государственного финансового контроля, которые обусловлены модернизацией существующей организационно-экономической модели, а также принципы, на основе которых выстраивается новая модель государственного финансового контроля.

Ключевые слова: государственный финансовый контроль; предупредительный контроль; пост-аудит; клиентоориентированность; непрерывное наблюдение; эффективность использования бюджетных средств.

В России система государственного финансового контроля традиционно исполняла две основополагающие функции: проверку законности и обоснованности произведённых расходов бюджетных средств, а также реагирование на выявленные нарушения. Однако этот традиционный механизм контроля обладает существенным недостатком – временной задержкой обнаружения отклонений и, как следствие, отсутствием оперативной реакции на возникающие проблемы.

Трансформация российского законодательства, регулирующего систему государственного финансового контроля, демонстрирует значительные качественные изменения, произошедшие за последнее десятилетие. Ранее государственные финансы подвергались воздействию устоявшейся концепции финансового контроля, согласно которой проверка начиналась только после завершения мероприятий по освоению денежных средств. Зачастую проверки проводились спустя продолжительное время после распределения и использования средств, что существенно снижало эффективность реагирования на факты неправомерного использования бюджетных средств и препятствовало перенаправлению свободных средств на нужды общества.

Современная ситуация характеризуется переходом к концепции «предупредительного контроля»¹, ставящей основной задачей предупреждение нарушений ещё на этапе планирования и освоения бюджетных средств. Основная идея нового подхода состоит в активном участии представителей контролирующих органов на ранних этапах бюджетного цикла, начиная с момента формирования заявок на финансирование конкретных проектов. Это позволяет своевременно выявить возможные недостатки и принять необходимые меры для предотвращения неэффективных затрат и хищений бюджетных средств.

Одним из центральных элементов преобразований является смещение акцента с традиционной формы пост-аудита в пользу постоянной оценки (мониторинга) соблюдения норм распоряжения средствами в режиме реального времени: «пред-

¹ Постановление Правительства Российской Федерации от 17.06.2025 № 902 «О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 01.12.2004 г. № 703» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2025. – № 25. – Ст. 3416. Внесены изменения в Положение о Федеральном казначействе. Ведомство официально наделено полномочиями по осуществлению казначейского мониторинга – как системообразующего элемента системы превентивного контроля.

видеть и предотвратить нарушения на каждом этапе бюджетного процесса»¹.

Наряду с этим особое внимание уделяется внедрению новых подходов к контролю на этапе принятия решений и оценке фактического результата использования бюджетных средств. Постоянный анализ проводится на регулярной основе, обеспечивая мониторинг исполнения финансовых операций фактически в режиме онлайн², что дополняет традиционные механизмы последующего контроля и усиливает наблюдение за всеми этапами перемещения бюджетных средств.

В этих условиях особое значение приобрело понятие «своевременности»: новый этап развития финансового контроля нацелен на раннее выявление потенциальных угроз и защиту финансовых ресурсов государства путём недопущения потерь и максимизации эффекта от каждого потраченного рубля. Современный государственный финансовый контроль превращается в инструмент непрерывного наблюдения за эффективностью использования налоговых поступлений³, обеспечивающий прозрачность и качество каждого шага в распоряжении государственными средствами.

Одним из главных направлений модернизации государственного финансового контроля является цифровизация бюджетного процесса⁴ и расширение функциональной нагрузки Федерального казначейства⁵, которое помимо транзакционной

и учетной ролей приобретает статус оператора⁶ бюджетного процесса.

Проведенный анализ научной литературы демонстрирует, что проблематика цифровизации финансового контроля неоднократно становилась предметом фундаментальных исследований в области финансового права⁷. Если на начальном этапе развития цифровых технологий основное внимание уделялось вопросам автоматизации процессов обработки данных и оптимизации документооборота, то современная научная парадигма охватывает более широкий спектр проблем: внедрение систем больших данных, формирование единой цифровой экосистемы финансового контроля, создание интегрированных информационных систем, обеспечение кибербезопасности контрольных систем и др.

В современных условиях цифровизация выступает триггером всей системы финансового государственного контроля, выходит за рамки простого инструментария и рассматривается как комплексная трансформация всей системы государственного финансового контроля. Данная трансформация находит непосредственное отражение в документах стратегического планирования⁸, где вопросы цифровизации финансового контроля интегрированы в долгосрочные программы развития государственного управления, что свидетельствует о признании их значимости на высшем уровне.

Системный подход к реализации цифровой трансформации проявляется в разработке и имплементации комплексных программ модернизации

¹ Пресс-релиз Министерства финансов Российской Федерации «На Московском финансовом форуме обсудили цифровизацию финансового контроля» // Официальный сайт Министерства финансов Российской Федерации. – URL: <https://clck.ru/3PKYkD> (дата обращения: 15.10.2025). – Текст: электронный.

² Федеральный закон от 24.06.2025 № 158-ФЗ «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2025. – № 26 (часть I). – Ст. 3488. Внесены изменения в части информационного обеспечения бюджетного процесса – внедрен автоматизированный контроль посредством государственной интегрированной информационной системы управления общественными финансами «Электронный бюджет» (далее – ГИС «Электронный бюджет»).

³ Федеральное Казначейство, VK Tech и ПАО «Ростелеком» в 2024 году заключили соглашение о разработке витрины контрольного мониторинга. Платформа создается на базе проверенного решения VK Tax Compliance, которое ранее использовалось для налогового мониторинга крупных налогоплательщиков. Новая витрина будет ориентирована на мониторинг исполнения контрактов компаниями-получателями бюджетных средств. Реализованная система позволит обеспечить непрерывный онлайн-доступ сотрудников Федерального Казначейства к данным по исполнению контрактов. Это включает формирование отчетов, проведение выборочных проверок, направление запросов непосредственно компаниям-подрядчикам и получение ответов через единую автоматизированную платформу.

⁴ Федеральный закон от 31.07.2025 № 303-ФЗ «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2025. – № 31. – Ст. 4657.

⁵ Федеральный закон от 24.06.2025 № 158-ФЗ «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2025. – № 26 (часть I). – Ст. 3488

⁶ Приказ Казначейства России от 10.10.2016 № 365 (ред. от 16.10.2023) «Об утверждении Перечня информационных систем персональных данных Федерального казначейства, а также признании утратившим силу приказа Федерального казначейства от 13.03.2012 № 71 «Об информационной системе персональных данных центрального аппарата Федерального казначейства» // Справочно-правовая система «Консультант-Плюс». – свободный.

⁷ Финансовое право в условиях развития цифровой экономики: Монография / Под ред. И.А. Цинделиани. М.: Проспект, 2019. 320 с.

Актуальные проблемы финансового права в условиях цифровизации экономики: монография / Л.Л. Арзуманова, Н.М. Артемов, О.В. Болтинова; ред. Е.Ю. Грачева. – Москва: Проспект, 2020. – 256 с. – URL: <https://rucont.ru/efd/775777> (дата обращения: 05.10.2025). – Текст: электронный.

Цифровизация в сфере государственного финансового контроля / С.О. Шохин // Финансовое право. – 2021. – № 6.

Запольский С.В., Васянина Е.Л. Финансовый контроль в эпоху цифровизации // Финансовое право. 2022. № 7. С. 8–12.

Антропцева И.О. Цифровизация публичного финансового контроля: монография. Москва: Статут, 2024. 182 с.

⁸ Указ Президента Российской Федерации от 28.02.2024 № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2024. – № 10. – Ст. 1373.

Распоряжение Правительства Российской Федерации от 21.12.2023 № 3745-р (ред. от 17.06.2024) «Об утверждении Концепции совершенствования контрольной (надзорной) деятельности до 2026 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2024. – № 1 (Часть IV). – Ст. 285.

Постановление Правительства Российской Федерации от 15.04.2014 № 320 (ред. от 17.09.2024) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Управление государственными финансами и регулирование финансовых рынков» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2014. – № 18 (часть III). – Ст. 2166.

ции контрольных функций, направленных на оптимизацию всех аспектов контрольной деятельности.

Особое значение приобретает межотраслевая интеграция, выражающаяся во взаимодействии различных органов государственной власти в процессе цифровизации, что способствует формированию единой цифровой экосистемы финансового контроля и обеспечивает синергетический эффект от внедрения цифровых технологий в данную сферу правоотношений.

Уже сегодня, Федеральное казначейство выполняет ключевую роль в интеграции информационных потоков, собирая данные о перемещениях бюджетных средств в единую электронную среду посредством функционирования ГИС «Электронный бюджет» и Единой информационной системы в сфере закупок. Важнейшими компонентами эффективного функционирования Федеральной службы являются цифровые технологии и искусственный интеллект, применяемые в области ревизии и надзора. Цифровые инструменты помогают автоматизировать процедуры проверок соответствия требованиям при выдаче межбюджетных субсидий регионам, сокращая вероятность ошибок и правонарушений.

Ранее субъекты Российской Федерации обладали значительной свободой действий относительно изменения пропорций софинансирования федеральных трансфертов, что часто сопровождалось злоупотреблениями и нарушением финансовой дисциплины. Введение цифровых механизмов контроля и установление четких критериев выделения межбюджетных трансфертов путем написания айтиалгоритмов привело к резкому сокращению случаев несоблюдения нормативных актов, значительно повысив уровень прозрачности и предсказуемости в распределении бюджетных средств.

В результате комплексного подхода к цифровой трансформации государственная система финансового контроля приобрела черты оперативного и надежного механизма, что обеспечивает безопасность и стабильность в процессе реализации бюджетных программ. Применение инновационных технологий и цифровых платформ позволило повысить прозрачность, точность и скорость принятия управленческих решений, положительно повлиявших на качество управления финансами регионов.

Переход к новому типу взаимоотношений между контролирующим органом и объектами контроля предполагает внедрение обновленной партнёрской модели контроля¹, основанной на трёх ключевых принципах:

¹ Ярким примером нового подхода к государственному контролю стало сотрудничество Федерального казначейства и Российского экспортного центра (РЭЦ). Генеральный директор РЭЦ Вероника Никишина озвучила успешный опыт совместной работы на X Московском финансовом форуме. Вместо традиционной жесткой системы контроля, характеризующейся многочисленными бюрократическими процедурами и долгим циклом проверок, введена инновационная цифровая платформа «Мой экспорт». Здесь реализован уникальный сервис – «Личный кабинет проверяющего», запущенный в 2022 году. Данный проект охватывает сразу 11 государственных

Принцип дружелюбности («клиентоориентированности»)² представляет собой новый подход к организации контрольных мероприятий, согласно которому контроль утрачивает характер карательной процедуры и приобретает направленность на поддержку управляемых структур путем содействия улучшению качества их внутренних механизмов управления, предотвращения ошибок и повышения эффективности экономических процессов.

Стоит отметить, что проблематика перехода к партнерской модели финансового контроля получила широкое освещение в отечественной юридической науке еще в 2019 году. Э.А. Исаев обосновывал необходимость переориентации контроля на профилактическое направление, исключающее чрезмерную репрессию и ориентированное на помощь контролируемым субъектам в соблюдении требований законодательства³.

Согласно точке зрения Ф.С. Растегаевой и Н.О. Даниловой, наблюдается существенный сдвиг от традиционно конкурентной и обвинительной модели финансового контроля к инновационному партнерскому взаимодействию через цифровые формы⁴. Эта идея находит поддержку у других авторов, в частности А.М. Лавров высказался в пользу постепенного отказа от традиционных жестких методов финансового контроля в пользу более гибкого и открытого формата взаимодействия⁵.

ных программ поддержки экспорта, среди которых транспортные субсидии. В рамках пилотного проекта многоступенчатый процесс проверки заменен на непрерывный мониторинг проверки заявок, благодаря которому специалисты Федерального казначейства получили круглосуточный доступ к заявкам, документам и процессу обработки субсидий. Теперь сотрудники могут оперативно отслеживать статус каждой заявки, проверять подлинность документов и своевременно реагировать на любые потенциальные риски.

² В ходе панельной сессии «Цифровой финансовый контроль как элемент клиентоцентричного государственного управления» заместитель Председателя Правительства Российской Федерации Марат Хуснуллин подчеркнул важность стратегии, направленной на повышение качества жизни граждан. Финансовый контроль играет ключевую роль в достижении этой цели, так как обеспечивает эффективное распределение бюджетных средств, предотвращает коррупционные риски и поддерживает финансовую устойчивость государственных институтов. Переход к цифровому финансовому контролю позволяет значительно повысить точность и объективность контроля над исполнением бюджета, уменьшить количество ошибок и злоупотреблений, а также обеспечить своевременное выявление проблемных зон и предупреждение возможных негативных последствий // 16. Пресс-релиз Министерства финансов Российской Федерации «Цифровой финансовый контроль как элемент клиентоцентричного государственного управления» // Официальный сайт Министерства финансов Российской Федерации. – URL: <https://clck.ru/3PKYr2> (дата обращения: 05.10.2025). – Текст: электронный.

³ Исаев, Э.А. Новая парадигма контроля: от репрессивности к превентивности / Исаев Э.А. // Бюджет. – 2019. – № 2. – С. 32–33. – 526390. – На рус. яз.

⁴ Растегаева Ф.С., Данилова Н.О. Государственный финансовый контроль в рамках цифровой экономики // КЭ. 2020. № 12. URL: <https://clck.ru/3PKYuC> (дата обращения: 05.10.2025). – Текст: электронный

⁵ Лавров А. М. / Непрерывное совершенствование государственного финансового контроля на благо граждан и государства // Официальный сайт Министерства финансов Россий-

Принцип «невидимого» контроля¹

Контролирующие органы стремятся снизить своё влияние на ежедневную деятельность проверенных учреждений, внедряя методики удалённого мониторинга и анализа бухгалтерской отчётности и других показателей финансово-хозяйственной деятельности при помощи цифровых технологий. Основная задача заключается в снижении административного давления на субъекты проверки, позволяя эффективно отслеживать соблюдение установленных норм и требований без непосредственного присутствия представителей контрольных органов.

Принцип непрерывности контроля

Органы контроля осуществляют постоянное наблюдение за процессом использования бюджетных средств, стремясь сократить временные интервалы между принятием решения и проведением контрольных мероприятий. Данный принцип предусматривает систематическое отслеживание этапов исполнения бюджета, раннюю идентификацию отклонений и потенциальных угроз, а также незамедлительное принятие мер профилактического характера и коррекцию действий исполнителей при обнаружении нарушений.

Кумулятивный эффект цифровизации проявляется в формировании интегрированного пространства, обеспечивающего справедливый и точный механизм распределения финансовых ресурсов в строгом соответствии с установленными нормами и процедурами. Внедрение цифрового рубля в бюджетный процесс – одна из основных задач Федерального казначейства на 2025 год, поставленная президентом России². Законом³ предусмотрена поэтапная интеграция в бюджетный процесс, стартовая с 2025 года, новой формы национальной валюты – цифрового рубля, посредством которого будут осуществляться расчеты и учет бюджетных средств в рамках специально созданных счетов Федерального казначейства. Таким образом, Федеральное казначейство становится оператором счета на платформе цифрового рубля⁴, а бюд-

ской Федерации. – URL: <https://clck.ru/3PkZ4r> (дата обращения: 05.10.2025). – Текст: электронный.

¹ «От формального надзора к интеллектуальному управлению» // Финконтроль: научно-практический журнал. – 2025. – № 4. – URL: <https://ruфинcontrol.ru/online/article/510424/> (дата обращения: 05.10.2025). – Текст: электронный.

² Пресс-релиз Министерства финансов Российской Федерации «Антон Силуанов: внедрение цифрового рубля в бюджетный процесс – одна из ключевых задач Федерального казначейства» // Официальный сайт Министерства финансов Российской Федерации. – URL: <https://clck.ru/3PkYff> (дата обращения: 15.10.2025). – Текст: электронный.

³ Федеральный закон от 31.07.2025 № 303-ФЗ «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2025. – № 31. – Ст. 4657.

⁴ По данным, размещенным 21.08.2025, Минфин России разработал проект постановления Правительства Российской Федерации, согласно которому Федеральное казначейство будет наделено полномочиями открывать счет на платформе цифрового рубля и представлять в Банк России распоряжения о переводе цифровых рублей.

жетные расчеты – быстрее, прозрачнее и безопаснее

Анализ тенденций государственного финансового контроля показывает значительный прогресс в направлении усиления превентивности, снижения административных барьеров и улучшения качества контроля за использованием бюджетных средств. Выработанная концепция сочетает элементы инновационности и традиционную практику финансового контроля, обеспечивая высокую надежность защиты общественных финансов и оптимизацию издержек.

Продолжение исследований вышеуказанных новелл позволит предложить дальнейшие рекомендации по совершенствованию моделей и методов контроля, созданию эффективных способов предотвращения нарушений и снижению риска убытков в управлении государством.

Литература

1. Федеральный закон от 24.06.2025 № 158-ФЗ «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2025. – № 26 (часть I). – Ст. 3488.
2. Федеральный закон от 31.07.2025 № 303-ФЗ «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2025. – № 31. – Ст. 4657.
3. Указ Президента Российской Федерации от 28.02.2024 № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2024. – № 10. – Ст. 1373.
4. Постановление Правительства Российской Федерации от 15.04.2014 № 320 (ред. от 17.09.2024) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Управление государственными финансами и регулирование финансовых рынков» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2014. – № 18 (часть III). – Ст. 2166.
5. Постановление Правительства Российской Федерации от 17.06.2025 № 902 «О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 01.12. 2004 г. № 703» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2025. – № 25. – Ст. 3416.
6. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 21.12.2023 № 3745-р (ред. от 17.06.2024) «Об утверждении Концепции совершенствования контрольной (надзорной) деятельности до 2026 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2024. – № 1 (Часть IV). – Ст. 285.
7. Приказ Казначейства России от 10.10.2016 № 365 (ред. от 16.10.2023) «Об утверждении Перечня информационных систем персональных данных Федерального казначейства, а так-

же признании утратившим силу приказа Федерального казначейства от 13.03.2012 № 71 «Об информационной системе персональных данных центрального аппарата Федерального казначейства» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». – свободный.

8. Финансовое право в условиях развития цифровой экономики: Монография / Под ред. И.А. Цинделиани. М.: Проспект, 2019. 320 с.
9. Актуальные проблемы финансового права в условиях цифровизации экономики: монография / Л.Л. Арзуманова, Н.М. Артемов, О.В. Болтинова; ред. Е.Ю. Грачева. – Москва: Проспект, 2020. – 256 с. – URL: <https://rucont.ru/efd/775777> (дата обращения: 05.10.2025). – Текст: электронный.
10. Цифровизация публичного финансового контроля: монография / И.О. Антропцева. – Москва: Статут, 2024. – 182 с.
11. Исаев, Э.А. Новая парадигма контроля: от репрессивности к превентивности / Исаев Э.А. // Бюджет. – 2019. – № 2. – С. 32–33.
12. «От формального надзора к интеллектуальному управлению» // Финконтроль: научно-практический журнал. – 2025. – № 4. – URL: <https://rufincontrol.ru/online/article/510424/> (дата обращения: 05.10.2025). – Текст: электронный.
13. Лавров А. М. / Непрерывное совершенствование государственного финансового контроля на благо граждан и государства // Официальный сайт Министерства финансов Российской Федерации. – URL: <https://clck.ru/3PkZ4r> (дата обращения: 05.10.2025). – Текст: электронный.
14. Растегаева Ф.С., Данилова Н.О. Государственный финансовый контроль в рамках цифровой экономики // КЭ. 2020. № 12. URL: <https://clck.ru/3PkYuC> (дата обращения: 05.10.2025). – Текст: электронный.
15. Цифровизация в сфере государственного финансового контроля / С.О. Шохин // Финансовое право. – 2021. – № 6.
16. Пресс-релиз Министерства финансов Российской Федерации «Цифровой финансовый контроль как элемент клиентоцентричного государственного управления» // Официальный сайт Министерства финансов Российской Федерации. – URL: <https://clck.ru/3PkYr2> (дата обращения: 05.10.2025). – Текст: электронный.
17. Пресс-релиз Министерства финансов Российской Федерации «На Московском финансовом форуме обсудили цифровизацию финансового контроля» // Официальный сайт Министерства финансов Российской Федерации. – URL: <https://clck.ru/3PkYkD> (дата обращения: 15.10.2025). – Текст: электронный.
18. Пресс-релиз Министерства финансов Российской Федерации «Антон Силуанов: внедрение цифрового рубля в бюджетный процесс – одна из ключевых задач Федерального казначейства» // Официальный сайт Министерства финансов Российской Федерации. – URL: <https://clck.ru/3PkYff> (дата обращения: 15.10.2025). – Текст: электронный.

clck.ru/3PkYff (дата обращения: 15.10.2025). – Текст: электронный.

TRANSFORMATION OF STATE FINANCIAL CONTROL: LEGAL IMPERATIVES AND NEW REALITIES

Khaibrakhmanova A.

Financial University under the Government of the Russian Federation

The article presents the results of a study of the transformation of the state financial control system in the current economic environment. The author analyzes the changes in approaches to state financial control, which are caused by the modernization of the existing organizational and economic model, as well as the principles on which the new model of state financial control is based.

Keywords: state financial control; preventive control; post-audit; customer orientation; constant supervision; effectiveness of budget funds utilization.

References

1. Federal Law No. 158-FZ of June 24, 2025, “On Amendments to the Budget Code of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation” // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2025. – No. 26 (Part I). – Article 3488.
2. Federal Law No. 303-FZ of July 31, 2025, “On Amendments to the Budget Code of the Russian Federation” // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2025. – No. 31. – Article 4657.
3. Decree of the President of the Russian Federation No. 145 of February 28, 2024 “On the Strategy for Scientific and Technological Development of the Russian Federation” // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2024. – No. 10. – Art. 1373.
4. Resolution of the Government of the Russian Federation dated 15.04.2014 No. 320 (as amended on 17.09.2024) “On Approval of the State Program of the Russian Federation “Public Finance Management and Regulation of Financial Markets” // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2014. – No. 18 (Part III). – Art. 2166.
5. Resolution of the Government of the Russian Federation dated 17.06.2025 No. 902 “On Amendments to Resolution of the Government of the Russian Federation dated 01.12. 2004 No. 703” // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2025. – No. 25. – Art. 3416.
6. Order of the Government of the Russian Federation of 21.12.2023 No. 3745-r (as amended on 17.06.2024) “On Approval of the Concept for Improving Control (Supervisory) Activities until 2026” // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2024. – No. 1 (Part IV). – Art. 285.
7. Order of the Treasury of the Russian Federation dated October 10, 2016, No. 365 (as amended on October 16, 2023) “On Approval of the List of Personal Data Information Systems of the Federal Treasury, and on the Revocation of Federal Treasury Order No. 71 dated March 13, 2012 “On the Personal Data Information System of the Central Office of the Federal Treasury” // ConsultantPlus Legal Reference System. – free.
8. Financial Law in the Context of the Development of the Digital Economy: Monograph / Ed. by I.A. Tsindeliani. Moscow: Prospect, 2019. 320 p.
9. Current Issues of Financial Law in the Context of the Digitalization of the Economy: Monograph / L.L. Arzumanova, N.M. Artemov, O.V. Boltinova; ed. E. Yu. Gracheva. – Moscow: Prospect, 2020. – 256 p. – URL: <https://rucont.ru/efd/775777> (date of access: 05.10.2025). – Text: electronic.
10. Digitalization of public financial control: monograph / I.O. Antropseva. – Moscow: Statut, 2024. – 182 p.
11. Isaev, E.A. New paradigm of control: from repressiveness to preventiveness / Isaev E.A. // Budget. – 2019. – No. 2. – Pp. 32–33.
12. “From formal supervision to intellectual management” // Finkontrol: scientific and practical journal. – 2025. – No. 4. – URL: <https://rufincontrol.ru/online/article/510424/> (date of access: 05.10.2025). – Text: electronic.
13. Lavrov A. M. / Continuous improvement of state financial control for the benefit of citizens and the state // Official website of the

- Ministry of Finance of the Russian Federation. – URL: <https://clck.ru/3PkZ4r> (date of access: 05.10.2025). – Text: electronic.
14. Rastegaeva F.S., Danilova N.O. State financial control in the framework of the digital economy // KE. 2020. No. 12. URL: <https://clck.ru/3PkYuC> (date of access: 05.10.2025). – Text: electronic.
 15. Digitalization in the Sphere of State Financial Control / S.O. Shokhin // Financial Law. – 2021. – No. 6.
 16. Press release of the Ministry of Finance of the Russian Federation “Digital financial control as an element of client-centric public administration” // Official website of the Ministry of Finance of the Russian Federation. – URL: <https://clck.ru/3PkYr2> (date of access: 05.10.2025). – Text: electronic.
 17. Press release of the Ministry of Finance of the Russian Federation “Digitalization of financial control was discussed at the Moscow Financial Forum” // Official website of the Ministry of Finance of the Russian Federation. – URL: <https://clck.ru/3PkYkD> (date of access: 15.10.2025). – Text: electronic.
 18. Press release of the Ministry of Finance of the Russian Federation “Anton Siluanov: the introduction of the digital ruble into the budget process is one of the key tasks of the Federal Treasury” // Official website of the Ministry of Finance of the Russian Federation. – URL: <https://clck.ru/3PkYff> (date of access: 15.10.2025). – Text: electronic.

Хохлова Дарья Павловна,

преподаватель кафедры трудового права федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Саратовская государственная юридическая академия»

E-mail: khokhlovadashaa@gmail.com

Статья посвящена исследованию роли традиционных семейных ценностей в контексте современной России. Автор рассматривает важность укрепления института семьи и сохранения традиционных семейных ценностей в условиях современных вызовов, таких как глобализация, коммерциализация и культурные изменения. В статье анализируется влияние внешних факторов на разрушение устоявшихся культурных и моральных парадигм. Подчеркивается необходимость государственной политики, направленной на поддержку и сохранение традиционных семейных ценностей как залога стабильности государства. Наиболее значимый вывод исследования заключается в определении традиционных семейных ценностей в контексте социальных трансформаций, происходящих в России в последние 30 лет, что способствует формированию программ поддержки семей и повышению качества жизни населения. В заключение, автор подчеркивает необходимость дальнейшего исследования взаимосвязи традиционных духовно-нравственных и семейных ценностей для эффективного решения демографических и социальных проблем в России.

Ключевые слова: традиционные семейные ценности, национальная безопасность, институт брака, институт семьи, демография, социальная политика.

Проблема укрепления института семьи и сохранения традиционных семейных ценностей в современный период развития Российской Федерации приобретает особую значимость и становится предметом повышенного научного интереса и общественного обсуждения, требуя при этом выработку эффективных мер государственного воздействия и поддержки. Указанное обстоятельство связано с различными факторами, провоцирующими социальную дезорганизацию, разрушение устоявшихся культурных и моральных парадигм и «размывание» фундаментальных ценностных ориентиров. Основные причины сложившейся ситуации кроются в деструктивных проявлениях извне, характеризующихся обострением разногласий, обусловленных желанием многих стран вырваться из-под гнета западных установок, негативными аспектами процесса глобализации, развитием культуры потребления и коммерциализации общественной жизни. Возрастает актуальность и значимость исследования традиционных семейных ценностей в связи с их усиливающейся ролью в обеспечении социальной стабильности и демографического роста Российской Федерации.

Проблема ценностей остается в числе наиболее значимых, поскольку связана с фундаментальными аспектами человеческого существования, так как они являются обязательным элементом любого вида деятельности, выполняя при этом интегрирующую роль, составляя основу для оценки окружающего мира и собственного опыта [1, с. 3]. Изучение ценностей как социокультурного феномена и базового ориентира осознанной человеческой деятельности осуществляется специалистами в рамках различных научных направлений, что обуславливает множественность подходов и затрудняет выработку универсального определения данного понятия, ввиду его глубокой философской природы, субъективности восприятия, широкого спектра интерпретаций и невозможности однозначно зафиксировать это сложное и динамическое явление в нормативно-правовых актах. Так, ценность определяют как «термин, широко используемый в философии и социологической литературе для указания на человеческое, социальное и культурное значение определенных явлений действительности» [2, с. 765], а также как «особое общественное отношение, благодаря которому потребности и интересы индивида или социальной группы переносятся на мир вещей, предметов, духовных явлений, придавая им определенные социальные свойства, не связанные прямо с утилитарным назначением этих вещей, предметов, духовных явлений» [3, с. 403].

Комплексный характер осмысления ценностей как объективированных форм человеческого опыта, выявляющий широкий спектр исследовательских подходов и препятствующих достижению согласованного понимания, находит своё частичное разрешение в интеграционном потенциале правовых актов, таких как Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» (далее по тексту – Указ № 809). Названный документ закрепляет определение понятия «традиционные российские духовно-нравственные ценности», введенное в отечественное правовое пространство в течение последних лет. Так, под традиционными российскими духовно-нравственными ценностями понимаются нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России [4]. К тому же, рассматриваемый документ одновременно закрепляет основополагающие положения, касающиеся принципов современной семейной политики, направленных на укрепление института семьи и защиту семейно-культурных норм, необходимых для поддержания традиционного уклада жизни устойчивого развития и защиты населения, а также сохранения демографического потенциала нации.

Таким образом, крепкая семья, а, следовательно, и традиционные семейные ценности признаются одними из ключевых факторов национальной безопасности и стабильности. Вместе с тем, необходимо дальнейшее исследование взаимосвязи традиционных духовно-нравственных ценностей и традиционных семейных ценностей, так как второе является частью первого. К тому же, представляется целесообразным осуществлять формирование у граждан единых либо сходных представлений об институте семьи, которые будут включать в себя взгляды на семейную жизнь и характеризоваться преемственностью поколений. Такие представления, способны создать общую концепцию крепкой семьи, соответствующую культурным и социальным особенностям российского общества, наиболее предпочтительной модели сосуществования (отрицая такие негативные формы, как сожительство или рождение детей до официального оформления супружеских отношений). Такое внедрение могло бы способствовать наиболее желаемому результату – укреплению института семьи. Это в свою очередь послужит залогом социальной стабильности и даже успешной реализации стратегических целей развития государства.

Следует отметить, что в научной литературе выделяют два близких, но не идентичных по содержанию термина: «семейные ценности» и «традици-

онные семейные ценности». Первое понятие шире и разнообразнее, а второе узконаправленно и связано с культурно-историческим наследием. Обозначим критерии, позволяющие разграничить семейные ценности и традиционные семейные ценности:

- процесс становления семейных ценностей ограничивается рамками одной семьи и основывается главным образом на личном опыте ее членов. Вместе с тем, традиционные семейные ценности формируются на основе культурного наследия и распространяются на большое количество людей, объединенных какими-либо признаками (территория проживания, национальность, принадлежность к определенному государству);
- семейные ценности подвержены «быстрым» изменениям и могут зависеть от текущих условий жизни. Напротив, традиционные семейные ценности отличаются консерватизмом и стремятся сохранять исторически сложившийся порядок вещей;
- семейные ценности могут отражать различные морально-нравственные установки, а традиционные семейные ценности фокусируются на воспроизведении проверенных временем моделей поведения.

Вместе с тем, нельзя не отметить, что оба термина выполняют сходные функции, а именно формируют и поддерживают семейные отношения, передают накопленный опыт следующим поколениям, содействуют сплоченности и прочности семьи как основного социального института. Таким образом, семейные ценности являются непосредственной основой для формирования традиционных семейных ценностей.

В связи с этим, представляется интересным подход О.Ю. Ситковой, отмечающей, что природа семейных ценностей является двойственной: они одновременно выполняют роль социального регулятора и обладают свойствами специфических нематериальных благ [5, с. 62–63]. Таким образом, речь идет об объективной и субъективной сторонах семейных ценностей.

Объективная природа рассматриваемого явления характеризуется: формированием и закреплением в процессе исторического развития общества, отображением его опыта, являясь регуляторами общественных отношений. Как правило, такие ценности принимают форму норм поведения людей, которые могут быть выражены в обычаях, традициях и других значимых и признаваемых повсеместно правилах. Субъективная природа семейных ценностей, напротив определяется индивидуальным восприятием и отношением каждого человека в отдельности. Представляется, что это более сложная для воздействия сфера, так как каждый человек вкладывает собственный смысл в то или иное понятие, интерпретируя их в соответствии с личным переживаемым им опытом. В таком случае окружающая психотравмирующая действительность [6, с. 13], выступающая в качестве

деструктивного фактора, способна оказывать влияние на развитие института семьи. К указанному условию следует отнести, как те социальные установки, которые были сформированы непосредственно внутри семьи и взяты в последующем в качестве модели поведения (алкоголизм, отсутствие образования и стабильной работы, рождение детей вне брака и т.д.) или же в целом отрицание семейных отношений в связи с негативным личным опытом (нежелание иметь детей, первостепенная нацеленность на материальное благополучие, склонность к независимости, а не выстраиванию отношений с последующим вступлением в брак), так и опосредованные внешними факторами, например, экономическая нестабильность, из-за чего отсутствует чувство защищенности и определенности перспектив.

П.А. Якушев же определяет традиционные семейные ценности через социально поощряемый образ поведения и система взаимоотношений внутри семьи, а традиционность, как характеристику, предполагающую определенный продолжительный период адаптации той или иной социальной нормы в контексте семейных отношений [7, с. 94].

А.А. Елисеева основной акцент обозначает в непрерывности передачи культурных, религиозных и моральных ценностей многонационального народа России новым поколениям. Ранее семейно-правовые отношения рассматривались исключительно, как совокупность правовых связей, возникающих в процессе совместной жизнедеятельности супругов и их потомства. Однако сейчас они трактуются шире, включая в себя квазисемейные отношения, в частности, с родственными отношениями, возникающими сугубо на основании факта родства (например, правовая связь между одинокой матерью (отцом) и ребенком). Особенно проблематичным представляется возникновение ряда современных концепций, способствующих формированию в обществе восприятия отдельных форм межличностных отношений, таких как фактическое супружество партнерские союзы или даже негативно оцениваемые виды социальных контактов вроде нетрадиционных сексуальных связей, в качестве приемлемых явлений [8, с. 72].

Так, в современных российских реалиях происходит чрезмерное расширения толкования семьи, а именно уравнивание официально зарегистрированного брака и сожительства в сознании общественности, популяризации вспомогательных репродуктивных технологий, которые делают возможным рождение детей вне брака. Так, согласно сведениям Федеральной службы государственной статистики в 1980 году зарегистрировано 1 464 579 браков (10,6 браков на 1000 человек), в 1990 году зарегистрировано 1 319 928 браков (8,9 браков на 1000 человек), в 2000 году зарегистрировано 897 327 браков (6,2 браков на 1000 человек), в 2010 году зарегистрировано 1 215 065 браков (8,5 браков на 1000 человек), в 2020 году зарегистрировано 770 857 браков (5,2 браков на 1000 человек), в 2023 году зарегистрировано 945 995 браков

(6,5 браков на 1000 человек) [9]. Статистический анализ демонстрирует признаки кризиса в институте брака, который проявился наиболее отчетливо в 2000 году, когда существующие на тот момент меры социальной политики впервые начали оказывать значительное влияние на динамику брачных отношений. Указанные факторы привели к падению престижа традиционных семейных ролей и обязанностей, угрожая разрывом связи поколений. В продолжении данного тезиса нельзя не отметить, что за последние тридцать лет трансформация общества затронула все аспекты семейных отношений, повлияв на супружеские, репродуктивные и родительские установки [10, с. 3]. Важное значение в этом процессе приобрело установление в постсоветский период новой модели государственного регулирования, основанной на отказе от активной поддержки семьи, так называемая «позиция невмешательства», в соответствии с которой благополучие семьи стало ее личным делом. Результатами обозначенной социальной политики стали катастрофические последствия, в том числе демографический кризис, определяемый, как угроза национальной безопасности Российской Федерации.

Изложенные обстоятельства позволяют присоединиться к точке зрения Т.С. Гусевой относительно положения семьи в Российской Федерации периода конца XX – начала XI века, сохраняющей свою актуальность и в настоящее время, а именно то, что рассматриваемый социальный институт «находится постоянно в состоянии социального риска, так как не имеет условий для устойчивого и надлежащего развития» [11, с. 49]. Следовательно, восстановление и продвижение традиционных семейных ценностей представляются необходимыми мероприятиями для возрождения в общественном сознании значимости института семьи. Таким образом, проведенный анализ, позволяет сформулировать следующее определение: традиционные семейные ценности – это поддерживаемые обществом морально-нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан Российской Федерации, прошедшие проверку временем и утвердившиеся в общественном сознании как значимые и полезные для большинства, передающиеся от поколения к поколению, играющие ключевую роль в укреплении культурного единства и обеспечении устойчивого демографического развития страны, необходимых для достижения целей семейной политики государства.

Традиционные семейные ценности выступают в качестве основания для целей семейной политики. Особый интерес вызывают положения Стратегии действий по реализации семейной и демографической политики до 2036 года [12], Концепции государственной семейной политики России на период до 2025 года [13] и Концепции демографической политики Российской Федерации на тот же период [14]. Анализ данных документов позволяет сделать вывод о том, что четкое разделение демографической и семейной политик отсутствует, хотя

подобное разграничение необходимо. Причина заключается в следующем: демографическая политика регулирует процесс воспроизводства населения, в то время как семейная политика занимается поддержкой и развитием института семьи как социального института. Тем не менее, демографическая политика в стратегических документах выходит за рамки простой регуляции воспроизводства населения и фактически включает задачи укрепления института семьи, что расширяет её сферу и выводит за пределы чисто количественных индикаторов рождаемости, смертности и здоровья населения. Следовательно, наиболее проблемные вопросы демографической политики «перемещаются» в направлении широкомасштабных задач поддержки семьи и воспитания детей, сближаясь с областью семейной политики.

Исходя из этого, существует объективная необходимость пересмотреть содержание обеих видов политики, определить точную функциональную нагрузку и сформировать последовательные и прозрачные механизмы реализации, направленные на эффективное решение возникающих демографических и семейных проблем. Лишь таким образом можно достигнуть требуемого баланса и эффективности мер, нацеленных на улучшение демографической ситуации и поддержку института семьи в России.

Таким образом, традиционные семейные ценности выступают ключевым элементом государственной семейной и демографической политик, основная направленность которых сформулирована в выше названных стратегических документах. Относительно современности традиционные семейные ценности подразумевают ориентацию на традиционную структуру семьи (мужчина и женщина, состоящие в брачных отношениях, совместно воспитывающие детей), приверженность духовно-нравственным нормам (забота о старших поколениях, передача опыта, уважения к культурным корням); поддержка института брака и института семьи как основы общества, что находит отражение в стратегических документах Российской Федерации. Вместе с тем, хотя обозначенные стратегия и концепции формально соответствуют определению традиционных семейных ценностей, реальный эффект мер остается сомнительным ввиду отсутствия глубокого культурного фундамента и адекватных институциональных рамок для поддержки семей в сложных жизненных обстоятельствах, что доказывает приведенная в исследовании статистика заключенных браков, как один из индикаторов стабильности семейных отношений. Проблема заключается в отсутствии четкого разделения и точного разграничения функций демографической и семейной политик, что затрудняет выработку целенаправленных и эффективных мер поддержки семей и населения. Это порождает парадокс: государство декларирует традиционные семейные ценности, но не определяет их содержание, основные характеристики и иные значимые факторы, создавая риск разрушения семейных

отношений и деградации института семьи в будущем, возвышая демографическую составляющую социальной политики над семейной.

Настоящее исследование позволило прийти к следующим выводам. Ценности как социальный феномен представляют сложную систему, отражающую реалии и приоритеты общества, подверженную изменениям под воздействием внешних факторов. Характеристики семейных ценностей одновременно определяют вектор развития общества и испытывают влияние негативных воздействий извне, претерпевая соответствующие изменения. Более сложный по природе и содержанию термин «традиционные семейные ценности» требует поддержки со стороны государства, в том числе в рамках реализуемой социальной политики.

Литература

1. Жерняков Алексей Михайлович. Понятие «ценность» в социально-философском осмыслении действительности: авт. реф. дис. ... к-та фило-сов. наук. М., 2008. С 25.
2. Философский энциклопедический словарь / гл. ред. Л.Ф. Ильичев и др. М.: Сов. энциклопедия, 1983. С. 839.
3. Социологический энциклопедический словарь. На русском, английском, немецком, французском и чешском языках. Редактор-координатор – академик РАН Г. В. Осипов. М.: Издательская группа ИНФРА М – НОРМА, 1998. С. 480.
4. Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // СЗ РФ. 2022. № 46, ст. 7977.
5. См.: Ситкова О.Ю. Семейные ценности в системе правовых ценностей: доктринальный, законодательный и правоприменительный аспекты // Мониторинг правоприменения. 2024. № 4 (53). С. 61–67.
6. См.: Шевченко А.Н. Семья в условиях трансформации современного российского общества (социологический анализ): дис. ... канд. социолог. наук. Астрахань, 2011. С. 144.
7. См.: Якушев П.А. Традиционные ценности в механизме правового регулирования семейных отношений в России и странах Европы: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2019. С. 527.
8. См.: Елисеева А.А. Традиционные семейные ценности как объект интересов: частно-правовой и публично-правовой аспекты // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 5 (105). С. 68–75.
9. Браки и разводы // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 20.07.2025).
10. См.: Иванова А.А. Гендерные особенности брачно-семейных отношений молодежи в со-

временном российском регионе: дис. ... канд. социолог. наук. Астрахань, 2017. С. 246.

11. Гусева Т.С. Социальное обеспечение семьи, материнства, отцовства и детства в России: теоретические и практические проблемы: дис. ... д-ра. юрид. наук. М., 2012. С. 347.
12. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 15 марта 2025 г. № 615-р «Об утверждении Стратегии действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 года» // СЗ РФ. 2025. № 13, ст. 1505.
13. Распоряжение Правительства РФ от 25 августа 2014 г. № 1618-р «Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года» // СЗ РФ. 2014. № 35, ст. 4811.
14. Указ Президента РФ от 9 октября 2007 г. № 1351 «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года» (в ред. от 01.07.2014) // СЗ РФ. № 42. 2007, ст. 5009; 2014. № 27, ст. 3754.

TRADITIONAL FAMILY VALUES AS A FACTOR OF SOCIAL STABILITY

Khokhlova D.P.

Saratov State Law Academy

The article is devoted to the study of the role of traditional family values in the context of modern Russia. The author examines the importance of strengthening the institution of the family and preserving traditional family values in the face of modern challenges such as globalization, commercialization and cultural change. The article analyzes the influence of external factors on the destruction of established cultural and moral paradigms. The need for a state policy aimed at supporting and preserving traditional family values as a guarantee of the stability of the state is emphasized. The most significant conclusion of the study is the definition of traditional family values in the context of the social transformations taking place in Russia over the past 30 years, which contributes to the formation of family support programs and improving the quality of life of the population. In conclusion, the author emphasizes the need for further research on the relationship between traditional spiritual, moral and family values in order to effectively address demographic and social problems in Russia.

Keywords: traditional family values, national security, institution of marriage, institution of family, demography, social policy.

References

1. Alexey Mikhailovich Zhernyakov. The concept of "value" in the socio-philosophical understanding of reality: author's ref. dis. ... the k-ta of the philosophers. nauk. M., 2008. From 25.
2. Philosophical encyclopedic dictionary / chief editor L.F. Ilyichev et al. Moscow: Soviet Encyclopedia, 1983. p. 839.
3. Sociological encyclopedic dictionary. Available in Russian, English, German, French and Czech. Coordinating Editor – Academician of the Russian Academy of Sciences G.V. Osipov. Moscow: INFRA M – NORMA Publishing Group, 1998. p. 480.
4. Decree of the President of the Russian Federation dated November 9, 2022 No. 809 "On approval of the Foundations of state Policy for the preservation and strengthening of traditional Russian spiritual and Moral values" // SZ RF. 2022. No. 46, art. 7977.
5. See: Sitkova O.Y. Family values in the system of legal values: doctrinal, legislative and law enforcement aspects // Law enforcement monitoring. 2024. No. 4 (53). pp. 61–67.
6. See: Shevchenko A.N. The family in the context of the transformation of modern Russian society (sociological analysis): dis. ... kand. Social sciences. Astrakhan, 2011. p. 144.
7. See: Yakushev P.A. Traditional values in the mechanism of legal regulation of family relations in Russia and European countries: dis. ...Dr. Jurid. nauk. M., 2019. p. 527.
8. See: Eliseeva A.A. Traditional family values as an object of interest: private-legal and public-legal aspects // Bulletin of the O.E. Kutafin University (MGUA). 2023. № 5 (105). Pp. 68–75.
9. Marriages and divorces // Official website of the Federal State Statistics Service. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (date of request: 07/20/2025).
10. See: Ivanova A.A. Gender-specific features of marriage and family relations of youth in the modern Russian region: dis. ... kand. Social sciences. Astrakhan, 2017. p. 246.
11. Guseva T.S. Social security of family, motherhood, fatherhood and childhood in Russia: theoretical and practical problems: dis. ... Dr. jurid. Sciences. Moscow, 2012. p. 347.
12. Decree of the Government of the Russian Federation dated March 15, 2025 No. 615-r "On approval of the Strategy of Action for the implementation of family and demographic Policy, support for large families in the Russian Federation until 2036" // SZ RF. 2025. No. 13, art. 1505.
13. Decree of the Government of the Russian Federation dated August 25, 2014 no. 1618-r "On approval of the Concept of state family policy in the Russian Federation for the period up to 2025" // SZ RF. 2014. № 35, art. 4811.
14. Decree of the President of the Russian Federation dated October 9, 2007 No. 1351 "On Approval of the Concept of Demographic Policy of the Russian Federation for the Period up to 2025" (as amended dated 07/01/2014) // Federal Law of the Russian Federation. No. 42. 2007, Article 5009; 2014. No. 27, Article 3754.

Правовое обеспечение использования искусственного интеллекта в обязательственных отношениях

Чернышова Анастасия Олеговна,

магистр Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Государственный университет управления»

Мамышева Евгения Александровна,

доцент, к.э.н. Московского финансово-юридического университета МФЮА

Урзов Владимир Алексеевич,

старший преподаватель Московского финансово-юридического университета МФЮА

В статье рассмотрены различные аспекты правового обеспечения использования искусственного интеллекта в обязательственных отношениях. Доказано, что искусственный интеллект как комплексный объект исследования правового обеспечения должен приобрести четкую теоретическую, а соответственно и сущностно-правовую формализацию, которая определяла бы его существенные признаки и открывала бы путь к разработке технико-юридического инструментария регулирования использования ИИ в обязательственных отношениях. Сделан вывод о том, что ограничительно-контролирующий метод правового обеспечения использования ИИ в обязательственных отношениях должен включать, прежде всего, статистически-аналитическое направление, прогнозирование темпов и направлений развития ИИ, полагаться на корректировочно-стимулирующую деятельность, а только после этого на законодательно – и технически – ограничительные меры.

Ключевые слова: обязательственные отношения, искусственный интеллект, правовое обеспечение, законодательное регулирование.

Искусственный интеллект – сложное и комплексное явление, которое включает немалое количество взаимосвязанных составляющих. Поэтому важной является формулировка основополагающих категорий в сфере использования ИИ в обязательственных отношениях, определения логических связей между техническими свойствами ИИ и результатами его применения, имеющих правовые последствия. Именно это является стержневой идеей правового регулирования применения ИИ в обязательственных отношениях. Фактически, в контексте необходимости построения эффективного механизма правового обеспечения обязательственных отношений, является тема построения теоретической модели ИИ как правового феномена. В некотором смысле часть научных усилий по данному вопросу направлена на создание отдельного «технически-правового языка» – категориального аппарата, построенного на четком понимании правовой природы ИИ.

В контексте существования различных подходов к правовому обеспечению использования ИИ в обязательственных отношениях приведем разграничение понятий «правовое регулирование» и «правовое обеспечение».

Правовое обеспечение – это система правовых и иных средств, посредством которых субъекты права могут достигать своих целей, удовлетворять свои интересы, реализовывать свои права и тому подобное. Правовое обеспечение охватывает следующие отрасли: 1) правовое регулирование; 2) правовое влияние; 3) комплекс мер и гарантий, которые обеспечивают реальность и эффективность осуществления правовых норм [1].

Искусственный интеллект как комплексный объект исследования правового обеспечения должен приобрести четкую теоретическую, а соответственно и сущностно-правовую формализацию, которая определяла бы его существенные признаки и открывала бы путь к разработке технико-юридического инструментария регулирования использования ИИ в обязательственных отношениях.

Сложность такого объекта исследования и правового регулирования предполагает создание промежуточных категорий, образующихся на границе технологической и правовой сфер деятельности. Так, определение правовой природы искусственного интеллекта означает, в том числе, и своеобразный перевод отдельных его составляющих с технического «языка» на «язык» юриспруденции.

Считаем, что искусственный интеллект следует рассматривать как объект (явление), технологическое развитие, юридическую формализацию,

безопасная и эффективная интеграция которого в обязательственные отношения подлежит правовому обеспечению.

Определенные самостоятельные правовые шаги к внедрению и развитию технологий ИИ в Российской Федерации наблюдаются лишь в последние годы прошлого десятилетия. В Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период 2030 года определена ключевая проблематика, принципы применения законодательства по ИИ, цели и сроки реализации Стратегии и тому подобное. В документе регламентированы вопросы по образованию и профессиональному обучению кадров в области ИИ (в сфере общего среднего и высшего образования), а также задачи по повышению квалификации и профессиональной переподготовки кадров (разработка специализированных образовательных программ профессионального развития и образования взрослых в области искусственного интеллекта, финансовая поддержка и стимулирование и т.д.). Документом также определены главные, в частности, правовые цели, рассмотрены вопросы кибер- и информационной безопасности [10].

Фактически приведенный нормативный акт является комплексным шагом по закреплению рамочных принципов и правовых основ интеграции технологий искусственного интеллекта в различные сферы деятельности. Концепция выступает «мостиком» для удобной и ускоренной интеграции технологий ИИ как подготовительного этапа для внедрения проработанного механизма правового регулирования отрасли ИИ в целом.

Стратегия является важным этапом начала самостоятельного направления политики Российской Федерации по внедрению и развитию технологий ИИ и совершенствование его правового регулирования.

Указом Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» предусмотрено введение государственной поддержки использования технологий искусственного интеллекта в правовой сфере.

Указом Президента Российской Федерации от 1 декабря 2016 г. № 642 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» создан Технический комитет стандартизации «Искусственный интеллект». Целью его создания является реализация планов по обеспечению постоянного усовершенствования системы стандартизации в сфере технологий искусственного интеллекта, а также приведения его в соответствие с международной системой стандартизации (разработка национальных нормативных документов в сфере технологий искусственного интеллекта, гармонизированных с международными стандартами, которые разработаны международным подкомитетом ISO / IEC JTC 1 / SC 42 Artificial intelligence («Искусственный интеллект»). Задекларирована также цель в сжатые сроки разработать национальные нормативные документы в сфере тех-

нологий искусственного интеллекта, гармонизация с международными документами [1].

Практика регулирования обязательственных отношений ИИ в Российской Федерации крайне мала. Как отмечает И.Г. Яненко, отдельные документы являются сегодня «декларациями о намерениях» [6]. Такой, к сожалению, остается Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации, которой в будущем могут быть урегулированы важные аспекты развития ИИ, применительно к формированию государственной правовой политики регулирования обязательственных правоотношений.

По мнению А.В. Ковалева, искусственный интеллект сегодня справедливо воспринимается как феномен несколько иной, чем привычная юридической природе, новейшая технология «... правовое регулирование которой выходит за пределы устоявшихся институтов права и подходов к толкованию правовых норм» [7].

Для построения эффективной стратегии содействия становлению и динамическому развитию ИИ в национальном правовом поле необходимо не только тщательно исследовать юридическую природу искусственного интеллекта как отдельной категории и правового феномена, но и учитывать соответствующую специфику выбранного аспекта. Так, следует указать, что отдельной интерпретации требует искусственный интеллект в контексте правовой политики восприятия его становления как распространенного современного явления – целостной системы научно-технологических достижений в области информационных технологий.

Отраслевое применение искусственного интеллекта в обязательственных отношениях связано с определенными методами ИИ. Методы искусственного интеллекта классифицируют по основному алгоритму, который используется для реализации функций ИИ. Так выделяют: биологические подходы (семейство ИИ, основанное на подходах, вдохновленных биологическими системами, а не точной техникой); классификации и регрессии (прогнозные модели для поддержки принятия решений, использующих древовидные представления фактов); глубокое обучение (подход к машинному обучению, пытающийся понять мир с точки зрения иерархии понятий); экспертные системы (компьютерная система, которая решает сложные задачи в рамках специального домена, и обычно требует высокого уровня человеческого интеллекта и опыта). Также выделяют такие методы, как нечеткая логика, дистанционное обучение, скрытое представление, логическое программирование, машинное обучение, нейронная сеть, инженерия онтологии, вероятностные графические модели, вероятностные рассуждения, изучение правил, поддержка векторной машины, обучение без контроля [2].

С использованием методов и моделей искусственного интеллекта создают диалоговые системы управления для принятия оперативных решений. Таким образом, преодолевается дополнитель-

ная нагрузка при интеллектуализации отдельных процессов. Данное направление демонстрирует лишь один из частных случаев применения мощностей ИИ для повышения эффективности информационных операций. Следует добавить, что указанная технология лежит в основе систем интеллекта, которые, в частности, используются в судебной практике по делам об обязательственных отношениях.

Специфическая черта искусственной интеллектуальной системы - большая устойчивость и воспроизводимость результатов, чем демонстрирует человек. Человек может принимать неодинаковые решения в тождественных ситуациях под влиянием эмоционального фактора.

А.К. Попов выделяет такие области практического применения искусственного интеллекта, как: машинное обучение, нейронная сеть, глубокое обучение, когнитивные вычисления, компьютерное зрение, доказательство теорем, распознавание изображений, машинный перевод и понимание человеческого языка, игровые программы, машинное творчество, экспертные системы [4]. Конечно, данный перечень является неисчерпаемым и обобщает лишь сферы ИИ в видении его автора. Однако наглядно продемонстрирован широкий спектр распространения технологий искусственного интеллекта.

По мнению Зайцева А.А., необходимо принять Закон Российской Федерации «О цифровых операционных платформах «Умный город», в котором определить принципы, условия и процедуры формирования информационной экосистемы «умного» города, требования к гарантии обеспечения информационных и гражданских прав жителей городов [5].

Среди направлений применения систем ИИ в обязательственных отношениях можно отметить:

- использование юристами вспомогательного программного обеспечения (дерутинизация);
- использование консультативных программ на основе ИИ (автоматизация юридических услуг, консультирования);
- предотвращение общественно опасных явлений (функционирование экспертных систем на основе анализа сведений как альтернатива интеллектуальному труду профессиональных юристов);
- использование технологий ИИ в судебной системе (электронное правосудие, электронный суд) и т.д.

Рассматривается на доктринальном уровне и возможность введения различных видов (форм) искусственного интеллекта в нотариальный процесс. По мнению А.А. Карманова, такой шаг решит ряд проблем в сфере охраны и защиты прав граждан [9].

В теории рассматривается участие ИИ в судебной практике, что может привести к определенным качественно положительным сдвигам судопроизводства, способствуя выявлению типичных правовых ситуаций и разработке соответствующих алго-

ритмов действий по объективизации оценки доказательств и т.д. [6].

Некоторые ученые рассматривают более смелые шаги в этом направлении: в частности создание в ближайшие годы электронного суда, в пределах функционирования которого логические алгоритмы будут способны быстро и по существу решать дело и сделают невозможным возникновение коррупционных рисков и человеческих ошибок. Сторонники такой концепции рассматривают перспективу замены большей части процессуальных действий судьи алгоритмом, решающим для определенной категории споров проблему точности решений, увеличит их прогнозируемость и минимизирует субъективность судей [4]. Считаем такую идею достаточно обоснованной, ведь надежды на совершенствование процесса отправления правосудия исходят из реально существующего комплекса проблем, присущих отечественной судебной практике.

В отечественной юридической плоскости активизируются связи государственных институтов с отдельными направлениями разработок искусственного интеллекта. И.В. Громова выделила «революционную» инициативу в виде введения в механизм работы Министерства юстиции Российской Федерации инструментария с «элементами искусственного интеллекта». Речь идет о программе, которая позволяет автоматизировать процесс создания досудебного доклада о характеристике личности обвиняемого и его склонности к повторному совершению преступлений. К преимуществам нововведения отнесено снижение нагрузки на сотрудников (перекладывание на программу задания, которое ранее выполнялось путем анкетирования человека, что предусматривало записи вручную). Благодаря системе оценивания с количеством баллов от 0 до 97 данная процедура завершается определенным результатом, который может влиять на приговор суда или досрочное освобождение [2].

ИИ в правоохранительной сфере уже применяется для распознавания лиц, при использовании беспилотников, для поддержания безопасности на дорогах, прогнозирования уголовных правонарушений и розыске должников. Интересным является, в частности, направление прогнозирования преступлений, которое получает все большее развитие в правоохранительной сфере, где «Predictive policing» (от англ. – прогностическая полицейская деятельность) становится все более востребованным и технологизированным методом противодействия преступности. «Predictive policing» основан на технических возможностях анализа и обработки больших массивов информации с помощью технологий ИИ, в результате чего формируются обоснованные прогнозы относительно темпоральных, территориальных и качественных показателей преступности. Таким образом, оптимизируется использование полицейских ресурсов и функций [5].

При этом технологические и правовые прогнозы должны базироваться на всей совокупности основательных взглядов, исследований и имеющихся

результатов. Как отмечает А.К. Левчук, современные, реалистичные цели в области искусственного интеллекта сводятся к созданию алгоритмов, эвристических методов, действующих по принципам человеческого мозга, однако отнюдь не прогнозируют революцию роботов в скором времени [3]. Сегодня данное утверждение находит все больше практических опровержений, хотя соответствует действительности в части, в которой автором подчеркивается целесообразность более умеренных взглядов не на темпы развития искусственного интеллекта, а на способность общества, научной среды и ресурсов государств объективно их оценивать.

Чем более невзвешенные методы сопротивления данному процессу будут осуществлены, тем более высокие риски его неконтролируемости могут возникать. Если отказаться от умеренного, взвешенного внедрения технологий ИИ уже сегодня, то в будущем распространение таких технологий все равно произойдет, однако станет менее контролируемым. В таком случае накопленная инерция может действительно иметь характер уже не экономического бума или научно-технической революции, а социального взрыва.

По мнению Р.Г. Левченко, применение искусственного интеллекта позволяет существенно расширить горизонты законодательной деятельности, усовершенствовать законодательный процесс и разнообразить законодательную технику [8].

На наш взгляд, данный подход свидетельствует об определенной идеализации ИИ как правового явления. ИИ выступает значительным фактором изменений правовой системы и действующего законодательства в частности, однако о его роли как субъекта, а особенно как альтернативы устоявшимся механизмам и интеллектуальному труду профессиональных юристов на сегодня не речь идет. Не до конца решенными остаются вопросы правовой природы ИИ и прогнозирование последствий его применения в обязательственных отношениях. В более сокращенной форме последний тезис сводится к следующему выводу: ИИ не является понятным, предсказуемым объектом или субъектом, чьи результаты можно спрогнозировать с достаточным уровнем точности. Возможно только повлиять на мотивацию ИИ из-за его явных ограничений в программном коде для предохранения от общественно вредных ситуаций.

По мнению, Исаева А.Н., не может не стать популярной для Российской Федерации идея внедрения ИИ в отечественную судебную систему в условиях цифровизации и увеличения имущественного оборота. Кроме решения чисто технических моментов (разгрузка судебной системы в условиях экономических структурных изменений) [3].

Вряд ли такой вывод является обосновательным, учитывая статистические данные относительно доверия граждан к судебной системе, в соответствии с результатами которых уровень такого доверия достаточно низок, высока уверенность в их неэффективности и коррумпированности.

Наиболее очевидная практическая ценность искусственного интеллекта в обеспечении обязательственных отношений сводится к автоматизации функций интеллектуальной деятельности, по результатам которой усиливаются отдельные положительные свойства, изъятые из системы смоделированной деятельности мозга в форме мышления, и нивелируются или минимизируются слабости и факторы ограничения процесса интеллектуальных операций.

Сложность современного этапа развития технологий ИИ фактически ставит вопрос о его сущностной природе на грани сразу многих дисциплин: от философского осмысления искусственного интеллекта к его технологическим основам, математического вычета и нейрофизиологического обоснования человеческого интеллекта как прототипа ИИ. Вопросы использования ИИ в обязательственных отношениях могут рассматриваться в зависимости от соответствующего контекста его изучения.

Применение технологий ИИ в обязательственных отношениях, правоохранительной и судебной практике на сегодняшний день приобрело сверхмощный импульс и растет в геометрической прогрессии, а следовательно, является очевидным фактом, проявлением общественного интереса, преодолевать который даже из соображений безопасности не представляется возможным.

Ограничительно-контролирующий метод правового обеспечения использования ИИ в обязательственных отношениях должен включать, прежде всего, статистически-аналитическое направление, прогнозирование темпов и направлений развития ИИ, полагаться на корректировочно-стимулирующую деятельность, а только после этого на законодательно – и технически – ограничительные меры.

Литература

1. Актуальные проблемы деятельности судов общей юрисдикции Российской Федерации: учебник / коллектив авторов; под ред. В.М. Бозрова. – Москва: Юстиция, 2017. – 568 с.
2. Бостром, Н. Искусственный интеллект. Этапы. Угрозы. Стратегии / Н. Бостром. – Москва: Манн, Иванов и Фербер, 2016. – 490 с.
3. Залоило, М.В. Искусственный интеллект в праве: научно-практическое пособие / М.В. Залоило. – Москва: Инфотропик Медиа, 2021. – 132 с.
4. Кнапп, В. О возможности использования кибернетических методов в праве / В. Кнапп. – Москва: Прогресс, 1965. – 288 с.
5. Корнев, А.В. Информационное право в условиях цифровой трансформации российского права: монография / А.В. Корнев, О.В. Танимов. – Москва: Проспект, 2024. – 256 с.
6. Морхат, П.М. Право и искусственный интеллект: монография / П.М. Морхат; под ред. д.ю.н., проф. И.В. Понкина. – Москва: Юрсервитум, 2021. – 513 с.

7. Поляков, С.Б. Система правоприменительных операций: монография / С.Б. Поляков, И.А. Гилев. – Москва: Юрлитинформ, 2023.
8. Рассел, С. Искусственный интеллект: современный подход. Том 1. Решение проблем: знания и рассуждения / С. Рассел, П. Норвиг. – Москва: Вильямс, 2018. – 704 с.
9. Пашенцев, Д.А. Цифровизация правотворчества: поиск новых решений: монография / Д.А. Пашенцев, М.В. Залоило, О.А. Иванюк, А.А. Головина. – Москва: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: Инфра-М, 2019. – 234 с.
10. Шваб, К. Четвертая промышленная революция: монография / К. Шваб. – Москва: Изд-во «Э», 2017. – 208 с.

LEGAL SUPPORT FOR THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN LIABILITY RELATIONS

Chernysheva A.O., Mamysheva E.A., Urzov V.A.

State University of Management, Moscow University of Finance and Law

This article examines various aspects of legal support for the use of artificial intelligence in liability relations. It is demonstrated that artificial intelligence, as a complex object of legal research, must acquire a clear theoretical and, accordingly, substantive legal formalization that would define its essential characteristics and pave the way for the development of technical and legal tools for regulating the use of AI in liability relations. It is concluded that the restrictive and controlling method of legal support for the use of AI in contractual relationships should primarily include statistical analysis, forecasting

the pace and direction of AI development, and rely on corrective and stimulating activities, and only then on legislative and technical restrictive measures.

Keywords: contractual relationships, artificial intelligence, legal support, legislative regulation.

References

1. Current Issues in the Activities of Courts of General Jurisdiction of the Russian Federation: textbook / collective of authors; edited by V.M. Bozrov. – Moscow: Yustitsiya, 2017. – 568 p.
2. Bostrom, N. Artificial Intelligence. Stages. Threats. Strategies / N. Bostrom. – Moscow: Mann, Ivanov and Ferber, 2016. – 490 p.
3. Zaloilo, M.V. Artificial Intelligence in Law: A Scientific and Practical Handbook / M.V. Zaloilo. – Moscow: Infotropic Media, 2021. – 132 p.
4. Knapp, V. On the Possibility of Using Cybernetic Methods in Law / V. Knapp. – Moscow: Progress, 1965. – 288 p.
5. Kornev, A.V. Information law in the context of digital transformation of Russian law: monograph / A.V. Kornev, O.V. Tanimov. – Moscow: Prospekt, 2024. – 256 p.
6. Morhat, P.M. Law and artificial intelligence: monograph / P.M. Morhat; edited by Doctor of Law, Prof. I.V. Ponkina. – Moscow: Yurservitum, 2021. – 513 p.
7. Polyakov, S.B. System of law enforcement operations: monograph / S.B. Polyakov, I.A. Gilev. – Moscow: Yurlitinform, 2023.
8. Russell, S. Artificial intelligence: a modern approach. Volume 1. Problem solving: knowledge and reasoning / S. Russell, P. Norvig. – Moscow: Williams, 2018. – 704 p.
9. Pashentsev, D.A. Digitalization of Lawmaking: Search for New Solutions: Monograph / D.A. Pashentsev, M.V. Zaloilo, O.A. Ivanyuk, A.A. Golovina. – Moscow: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation: Infra-M, 2019. – 234 p.
10. Schwab, K. The Fourth Industrial Revolution: Monograph / K. Schwab. – Moscow: Publishing House "E", 2017. – 208 p.

Особенности использования искусственного интеллекта при отправлении правосудия в Российской Федерации

Щепотин Алексей Владимирович,

аспирант кафедры теории и истории государства и права
Юридического факультета Таганрогского института
управления и экономики
E-mail: tuchman@bk.ru

Цель: определить критерии моделей искусственного интеллекта, необходимые для целей правосудия в Российской Федерации, выявить среди современных моделей искусственного интеллекта наиболее перспективные для применения в этих целях. **Методы:** математические методы, методы наблюдения, выборки, функциональный, структурный, историко-правовой, формально-догматический. **Результаты:** определены существующие технологические достоинства и системные недостатки искусственного интеллекта, сформулированы основные направления развития применения искусственного интеллекта в деятельности по отправлению правосудия. **Выводы:** сформулированы критерии отбора моделей искусственного интеллекта для применения в целях отправления правосудия в Российской Федерации.

Ключевые слова: правосудие, цифровизация правосудия, искусственный интеллект, параметры моделей искусственного интеллекта, эмерджентность, национальные модели ИИ, применение ИИ в юриспруденции.

Введение

Актуальность публикации обусловлена как множеством новых моделей искусственного интеллекта, появившихся на рынке их применения в 2025 году, так и резким ростом их возможностей, появлением у ряда новых (высокоинтеллектуальных) моделей свойств эмерджентности, а также расширением функций и появлением специализированных моделей ИИ.

Научная значимость публикации обусловлена постановкой вопросов о критериях выбора модели искусственного интеллекта, необходимой российскому правосудию и о необходимых для такой модели функциональных характеристиках.

Перед исследованием были поставлены задачи: выявить наиболее современные зарубежные и российские модели искусственного интеллекта, определить, по возможности, их технические и функциональные характеристики, соотнести их функциональные характеристики с потребностями российского правосудия.

Литературный обзор

Вопросы искусственного интеллекта в правосудии уже получили своё отражение в монографической (одной из первых стала монография казанских учёных Р.Г. Бикмиева и Р.С. Бурганова [1]) и в периодической (публикации о развитии искусственного интеллекта в зарубежном правосудии [2, 3], о морально-этических аспектах его использования [4] и т.д.) литературе. Особо е внимание уделяется рискам использования данных технологий (работы М.А. Лавнова и Н.В. Спесивова [5], а также китайских авторов Ван Х. и Сун Х.[6]). Можно отметить, что всё чаще российские авторы исследуют китайский опыт цифровизации правосудия в целом и применения искусственного интеллекта в частности (наиболее интересна в этом отношении публикация Е.В. Культишовой[7]). Справедливо отмечается, что с использованием искусственного интеллекта вырастает роль судебного прецедента, поскольку само существо анализа и синтеза больших данных основано не на дедуктивном методе простого категорического силлогизма, а на индуктивном включении в процесс синтеза всех вынесенных судебных актов[8]. В то же время названные публикации пока не ставят вопросы о требованиях к системам, обеспечивающим использование искусственного интеллекта, не определяют современное состояние моделей ИИ и их возможности применительно к юридической сфере, чем и обусловлено предлагаемое исследование.

Наиболее современным к настоящему времени является GROK-4, который включает в себя для анализа того или иного явления 1,7 трлн критериев.

В частности, серьезным преимуществом модели GROK-4 является способность к экспертному анализу видеофайлов (по поводу содержания которых в судах иногда возникают споры). Иначе говоря, искусственный интеллект в настоящее время уже позволяет сократить время и, что немало важно, средства на проведение видеотехнической, фоноскопической экспертиз, заменить комиссионную, комплексную видеотехническую экспертизу на единую экспертизу, провести одновременно экспертизу последовательности действий лиц, соответствие звукового фона видеоизображению, выявить монтаж видеозаписи и т.д.

Эта модель появилась в 2025 году (презентация от компании xAI и Илона Маска от 10.07.2025 г.) и серьезно обогнала другую, презентованную компанией OpenAI в 2023 г. модель GPT-4 с одним триллионом аналитических критериев.

Третья из известных на данный момент, также безусловно передовых, систем (порядка 175 млрд аналитических критериев), появившаяся в 2022 г. – GPT-3.5. Для сравнения можно отметить, что в 2023 г. Сбербанк запустил собственный (русскоязычный) вариант ruGPT-3.5 с 13 млрд аналитических критериев (параметров), а в ноябре 2024 года были введены две модели: 1) YandexGPT 4 и 2) GigaChat MAX (а в марте 2025 г. Сбербанк выпустил GigaChat 2.0). В настоящее время в системе YandexGPT 5.1 Pro число параметров не раскрывается (сообщается лишь, что в YandexGPT 5 Lite – 8 млрд параметров), но по другим характеристикам модели (контекстное окно, производительность, качество ответов, точность) известно, что речь идет о десятках (маловероятнее – сотнях) миллиардов параметров, а не о триллионах.

Одновременно с ростом аналитических критериев росла потребность в скорости и объеме обработки данных. Так, для GPT-4 требовалось в 14 раз больше вычислительных ресурсов, нежели для предшествующей модели.

Интересно, что уже на стадии GPT-4 (1 трлн критериев) модель начинает показывать особые свойства – так называемую эмерджентность (эмерджентное поведение), то есть свойства, которые отсутствуют у совокупности отдельных компонентов модели и могут появиться (и появляются) только у модели в целом. Иначе говоря, после 1 трлн параметров модель доказывает, что «целое – больше составляющих его частей», но изучение этих новых свойств в отношении ИИ – до конца еще не доведено.

Преимущества же GROK-4 состоят также в том, что он способен «мыслить на несколько шагов вперед». Речь идет о конкретных логических операциях, на основе которых ИИ способен предвидеть события и действия людей, что особенно значимо для оперативно-розыскной и следственной дея-

тельности, при построении структуры тактических операций и т.п. При этом речь идет не об одном логическом шаге, а о нескольких, т.е. о «дереве расчёта» искусственным интеллектом максимума вероятных вариантов развития событий (в том числе с учётом субъективного фактора – поведенческих особенностей лиц, противостоящих правоохранительным органам) на несколько шагов вперед, что особенно значимо для правореализационной деятельности.

Наряду с этими интеллектуальными моделями, в семействе GPT от OpenAI последней можно назвать также GPT-4.5 (Orion): её официальный выпуск состоялся 27.02.2025, но уже с 07.08.2025 была удалена из ChatGPT как устаревшая, с заменой ChatGPT5.0.

Помимо GPT, выделяется также модель Claude4.5 Sonnet, заявленная 29 сентября 2025 г. компанией Anthropic. По мнению ее разработчиков, ее точность (или корректность – «ассурасу» [9]) «составляет от 77,2 до 82%, что сравнительно с не менее передовой системой Gemini2.5 Pro от Google выше почти на 10% (67,2%), и превосходит даже GPT5 с её точностью от 72,8% до 74,5%. Более того, разработчики данной модели учитывают ее возможности именно в сфере правоприменения: «эксперты в области... юриспруденции... обнаружили, что Sonnet 4.5 демонстрирует значительно лучшие знания предметной области и рассуждения по сравнению со старыми моделями, включая Opus 4.1». Иначе говоря, наряду с оценкой ее научной точности («vin rate vs baseline», т.е. показатель vin (в данном случае – соответствия реальности) по сравнению с исходным, т.е. экспертным уровнем) в «финансах», «медицине» и общей (STEM), ее оценка в сфере права («Law») составляет 65%. Данное обстоятельство представляется важным по той причине, что создатели модели избрали одним из направлений её совершенствования именно юриспруденцию. Представляется, что в случае доведения в сфере правоприменения коэффициента vin до минимального уровня 80% он может экспериментально использоваться и российским правоприменителем.

В ряде случаев интеллектуальные модели, напротив, серьезно критикуются (такую критику получила, в частности, выпущенная 5 апреля 2025 г. модель LLaMa4 с суммарным числом 400 млрд оценочных критериев, от компании Meta[10]), но их синтез их развития в последнее десятилетие приводит к выводу, что, во-первых, в настоящее время это развитие находится в особо активной фазе и что, во-вторых, в 2025 году начали выделяться модели, направленные на развитие интеллектуального цифрового анализа именно в сфере юриспруденции, что предполагает выделение этих моделей из остальных систем ИИ и их отдельное и специальное исследование.

Наряду с высокой интеллектуальностью моделей, значимым критерием для использования их в правовом регулировании, является их распространенность.

Наиболее распространённой в настоящее время признаётся система DeepSeek китайской компании High-Flyer (в своей последней версии, вышедшей 29 мая 2025 г., это DeepSeek-R1, имеющая порядка 685 млрд параметров [11]). О распространённости этой модели говорит число ее скачиваний, например, в App Store (база приложений Apple), где она находится на первом месте, потеснив даже ChatGPT, – несмотря на запрет ее использования в США, в ряде государств Европы и в Австралии. Среди российских моделей, помимо упомянутых разработок Яндекса и Сбербанка, можно выделить robotext [12].

Для работы одновременно со многими моделями ИИ создаются также общие платформы (deep research-инструменты). Наиболее интересной из них является Perplexity, позволяющей объединить несколько наиболее значимых интеллектуальных систем.

С 2025 года в мире распространяются и специализированные, «заточенные» именно под работу юриста интеллектуальные системы (LegalTech, Legal AI):

- Harvey AI (выпущена в 2022 году Counsel AI Corporation), предназначенная для формирования индивидуализированных крупных текстов, т.е. преимущественно для правореализационной деятельности. Будучи, как и два ее конкурента (CoCounsel и Spellbook), основанной на GPT-4 (хотя и кастомизированной), она существует в форме отдельной и самостоятельной правовой платформы (программной оболочки), универсальной для решения всех юридических задач [13]. Наличие собственной правовой платформы технологически и операционно отличает её от иных конкурентов;
- CoCounsel. Эта модель была разработана в 2013 г. компанией CaseText, которую, в свою очередь, выкупила в 2023 г. Thomson Reuters. Основа данной системы – GPT-4, интегрирована с известной западной юридической платформой «больших данных» Westlaw (но в перспективе может быть подключена и к другой западной платформе, также содержащей Big Dates – LexisNexis). Юридическая аналитика данной модели распространяется в четырех направлениях: анализ судебных актов, отслеживание новых редакций нормативных правовых актов, затраты на юридическое дело и стратегические уточнения, направленные на снижение рисков. Для правоприменительной деятельности наибольший интерес представляет прогностическая функция данной системы – предсказание вероятных исходов, поскольку оно основано на анализе судебных актов, однако характеристики именно этой функции – в множественных публикациях о достоинствах данной системы – почти не упоминаются [14];
- Spellbook – интеллектуальная система, сформированная преимущественно под договорную работу;

- Lex Machina. Если Harvey AI имеет собственную правовую платформу, но кастомизированные алгоритмы GPT-4, то Lex Machina – основана на собственных алгоритмах. Данное обстоятельство, в случае её широкого распространения, создаёт, как представляется, повышенные риски. В то же время направленность этой системы – аналитика не только судебных актов, но и судебных дел в целом, что делает ее крайне привлекательной для использования в правоприменительной деятельности.

Среди национальных (входящих в реестр отечественного программного обеспечения) интеллектуальных систем в сфере юриспруденции наиболее интересны в настоящее время две:

- PravoTech. Программа позволяет сохранять информированность о прохождении судебного спора, создать базу судебной практики организации, быстро найти комплекс судебных актов, ускорить подготовку к судебным заседаниям, повысить вероятность успешного исхода спора (посредством уточнения правовой позиции, подборки аргументов в ее обоснование, изучения «языка судьи» и т.д.[15]). На данный момент в программе – более 31 млн арбитражных судебных актов и 210 млн судебных актов судов общей юрисдикции, Споры классифицированы по видам (выделяются гражданские, административные, банкротные (раздельно юридических лиц и физических лиц), исполнительные производства и производства по делам об установлении юридических фактов), категориям, текущим инстанциям, поисковая система работает также по номерам дел, датам регистрации дел, участникам дел (которые также классифицированы на виды), статусу дел и по их процессуальным итогам. Тем не менее, степень потребности в данной системе и ее преимущества (перед, например, ставшими уже привычными для юристов справочными правовыми системами «КонсультантПлюс» и «Гарант») при рассмотрении и разрешении судебного спора – пока остаётся неясной;
- Doczilla – позиционирует себя преимущественно в качестве конструктора договоров, единой системы хранения документов и (в полезной для цифровизации правосудия части) в качестве библиотеки знаний и формулировок[16].

Выделяются также две российских платформы, на основе которых можно осуществлять пользование основными международными интеллектуальными моделями:

- Jay Copilot [17]. На основе этого аналога Perplexity возможным является использование одновременно Grok-4, GPT-5 (Open AI), Giga Chat, Yandex GPT, Claude, DeepSeek. Интересно, что в одном из рекламных объявлений этой платформы сообщалось, что при работе с ней «не нужно переключаться между разными сервисами или искать обходные пути для доступа к заблокированным ресурсам» [18]. В числе функций («инструментов») этой системы – воз-

возможности анализа сайтов (исследуется одновременно множество сайтов на один и тот же предмет, результатом чего может стать самостоятельное исследование), создание видео-изображений («генератор видео»), содержательный анализ файлов, создание изображений («генератор изображений»), создание текстов (ответы на вопросы, генерация текстов, в том числе создание деловых писем или копирайтинг, сокращение текстов и т.д.), при этом авторские права на такие тексты следует рассматривать в качестве прав пользователя данной системы;

- Noroots. Данная программа позиционирует себя как «сервис для быстрой проверки договоров» [19] (и, фактически, такой и является), но интерес в этой программе вызывает ее возможность по выявлению договорных рисков, основанная на анализе судебной практики, систематизированной по определенным категориям договоров.

Результаты

Результаты применения искусственного интеллекта к правовой оценке фактических ситуаций – уже сейчас можно назвать впечатляющими. Так, по одному из реальных случаев ненадлежащего оказания медицинской помощи, приведшего к смерти больного, изложенных потерпевшей (супругой пациента, прошедшей с ним все этапы помещения его в медицинскую организацию)[20], Chat GPT выдал вполне обстоятельный как с позиций права, так и с позиций медицинской этики анализ, систематизированный по нескольким уровням. На первом уровне были сделаны выводы о «недооценке тяжести состояния пациента» (с соответствующей аргументацией), на втором – о «формализме и поверхностном отношении» к нему, на третьем – «нарушение профессиональной этики», на четвертом – организационные недоработки («промедление и бездействие»), на пятом – «системные проблемы». Каждый из уровней был должным образом проанализирован, а сделанные выводы – аргументированы. Завершается анализ «итоговой характеристикой»: «Действия врачей и медперсонала можно охарактеризовать как непрофессиональные, безответственные и противоречащие как медицинским стандартам, так и врачебной этике. В совокупности они представляют собой цепь халатности и равнодушия, приведшую к трагическому исходу, который, вероятно, мог быть предотвращен при своевременной и адекватной помощи».

Обсуждение

1. Первая группа вопросов сводится к возможностям этой интеллектуальной модели. Как видно, она смогла: во-первых, различить действия врачей и действия иного медицинского персонала, во-вторых, разделить профессиональные и этические стандарты (действительно, относящихся к различным категориям социальных норм), в-третьих,

разделить значение своевременности помощи и ее адекватности (что в описываемом случае, действительно, было значимым, так как адекватная помощь каждый раз опаздывала во времени).

В то же время обращает на себя внимание отсутствие каких-либо ссылок на нормативные правовые акты или акты с этическими нормами, что ставит вопрос о возможностях ИИ в отношении правильной оценки источников правового регулирования спорных ситуаций, иерархии нормативных правовых актов, соотношения между собой юридических норм, а также в отношении исторического толкования закона и т.д.

2. Вторая группа вопросов сводится к перспективам рассматриваемых интеллектуальных моделей. По опросу германского аналитического центра Волтерс-Клувер, «не менее 76% корпоративных юристов используют GenAI по крайней мере раз в неделю, как и 68% их коллег в юридических фирмах; 35% корпоративных юристов и 33% в юридических фирмах используют его даже ежедневно», «65% участников опроса заявили, что ожидают увеличения инвестиций в искусственный интеллект» [21]. Кроме того, 74% соглашались с «растущим влиянием» («Growing impact of GenAI») данной технологии. Признаётся, что «за прошедший год GenAI покорила мир и все отрасли промышленности, и... по результатам опроса Future Ready Lawyer, проведенного в 2024 году, юристы, похоже, внедрили GenAI быстрее, чем когда-либо раньше» [21].

В этой связи российское правосудие не может отказываться от использования высокоинтеллектуальных программных и информационных моделей, вопрос должен состоять не в том, нужен ли искусственный интеллект правосудию, а в том, какие требования к нему, как к технической модели его отправления, должны быть предъявлены.

В Отчёте выделяются также три основных проблемы, связанные с распространением искусственного интеллекта в юридической сфере: «difficulties with integration, trust issues regarding GenAI outcomes, and ethical concerns surrounding AI and data privacy» («трудности с интеграцией, проблемы с доверием к результатам GenAI и этические соображения, связанные с ИИ и конфиденциальностью данных»).

О трудностях интеграции GenAI в «правовые системы и процессы» утверждают порядка 40% специалистов, при этом нельзя полагать, что данные трудности носят исключительно технический характер: они вызваны, как представляется, необходимостью такой глубины (абстракции) анализа данных, которую современный ИИ пока вряд ли способен обеспечить. В частности, возникают вопросы о том, как ИИ сможет сформулировать иерархию правовых регуляторов (нормативно-правовые акты и их внутреннюю иерархию, судебные акты, правовые обычаи, правовую доктрину) и их применение к каждой конкретной ситуации, что и составляет существо правосудия. В то же время проблема доверия к результатам работы ис-

кусственного интеллекта легко преодолевается их дополнительной проверкой правоприменителем.

Третья проблема, связанная с конфиденциальностью данных – выглядит, с точки зрения информационной безопасности российского правосудия, особо значимо. Представляется, что внедрение какого-либо искусственного интеллекта без технического обеспечения полной информационной безопасности российского судопроизводства – невозможно. Судьи, как никто другой, должны особенно тщательно продумывать, как инструменты искусственного интеллекта могут повлиять на требования, например, конфиденциальности (в том числе – совещательной комнаты – ст. 295 УПК РФ [22], ст. 194 ГПК РФ [23]).

3. Третья группа вопросов связана с внедрением моделей ИИ непосредственно в сферу правосудия. Главными методами действий должны стать, как представляется, вдумчивость и осторожность, а также этические соображения – с одной стороны и преодоление различного рода «культурного сопротивления» нововведениям ИИ – с другой.

Заключение

Исследование позволяет заключить, что в настоящее время становление моделей искусственного интеллекта в целях правосудия идет по трём направлениям.

Во-первых, идет ежегодное, с каждой новой моделью – почти кратное нарастание числа аналитических параметров объекта, во-вторых, давно начата, но до сих пор находится в сложном состоянии развития специализация ИИ в сфере юриспруденции, в-третьих, за исключением некоторых моделей, преждевременно говорить о сформированной модели ИИ специально в целях правосудия: в значительно большей мере разработчики ИИ уделяют внимания коммерциализированной – договорной и иной документальной (т.е. правореализационной, а не правоприменительной) работе.

В частности, показательно, что анализ модели Chat GPT упомянутого выше случая не содержит ссылок на нарушенные нормы права (а равно на нормы этических кодексов), поскольку глубина анализа не позволяет ему выделить решающее, приоритетное значение информации, содержащейся именно в нормативно-правовых актах (на что не может не опираться суд), а оценка осуществляется на основе всех (включая литературные) источников. Иначе говоря, ИИ пока не обучен разделять информацию, содержащуюся в нормативных и судебных актах (регулятивную), и информацию, содержащуюся в иных источниках, и тем более не обучен выделять внутреннюю иерархию источников права, не обучен определять в целях правильного анализа место каждого источника в системе нормативных правовых актов, что составляет неотъемлемое условие юридической квалификации.

При такой скорости перемен прогнозирование конечной модели организации искусственного интеллекта для правосудия представляется особо

сложным; речь должна идти, скорее, о принципах, или критериях выбора такой модели. Тем не менее, можно предположить, что и современное развитие ИИ – уже позволяет определить такие критерии и даже модель, наиболее, из имеющихся в сфере юриспруденции, подходящую для использования в сфере правосудия.

Первым из названных критериев является национальная принадлежность системы: интеллектуальные права на неё должны, в силу ст. 1261 Гражданского кодекса РФ, быть зарегистрированы в России и принадлежать российским лицам. Так как основной особенностью программы (операционной системы, программного комплекса) для ЭВМ является ее исходный (объектный или, если программа открыта для доступа «всем и каждому» – «нулевой») код, для ее использования целесообразна не добровольная, а обязательная регистрация в Роспатенте.

Вторым из названных критериев являются ее количественные характеристики и, в первую очередь, число параметров, которое обычно говорит и о степени её новизны.

Третьим из критериев является ее направленность не просто на сферу юриспруденции, а на решение именно юридических дел, т.е. на анализ судебной практики, а не на договорную работу (к чему пока стремятся все создатели таких систем).

Четвертый критерий – степень её распространённости. Последняя позволяет провести экспертный анализ её использования и в целом – широкую пробацию модели.

Литература

1. Бикмиев Р.Г. Искусственный интеллект на службе правосудия: современное состояние и будущее / Р.Г. Бикмиев, Р.С. Бурганов. – Москва: Проспект, 2024. – 128 с.
2. Вронская М.В. Цифровизация правосудия и искусственный интеллект: компаративистское исследование / М.В. Вронская, А.В. Кузнецов // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2025. № 2. С. 149–161
3. Тулупова Е.О. Искусственный интеллект и электронное правосудие в Китае / Е.О. Тулупова, Т.К. Демидова // Информационное общество. 2025. № 1. С. 79–87.
4. Кочетков А.В. Роль технологий искусственного интеллекта при отправлении правосудия: правовой и морально-этический аспект / А.В. Кочетков, С.В. Воробьёва // Актуальные проблемы государства и права. – 2025. Т. 9. – № 1. – С. 63–76.
5. Лавнов М.А. Риски и угрозы применения технологий искусственного интеллекта в правосудии по уголовным делам / М.А. Лавнов, Н.В. Спесивов // Журнал российского права. 2025. № 8. С. 120–133.

6. Ван Х. Судебное разбирательство с участием искусственного интеллекта: процессуальные гарантии и правовые риски / Х. Ван, Х. Сун // Человек. Социум. Общество. – 2025. № 57. С. 234–241.
7. Культишова Е.В. Система «Умный суд» в Китае / Е.В. Культишова // Вопросы российского и международного права. 2025. № 3–1. С. 46–55.
8. Галиуллина Г.Т. Цифровизация судебной системы как фактор развития прецедентного подхода к юриспруденции / Г.Т. Галиуллина // Развитие науки и технологий в современной России. – Москва: Знание-М, 2025. – С. 471–475.
9. Introducing Claude Sonnet 4.5 // Anthropic.com: [сайт]. – URL: <https://www.anthropic.com/news/claude-sonnet-4-5> (дата обращения: 05.10.2025)
10. LLaMa4 плоха во всём // Хабр: [сайт]. – URL: <https://habr.com/ru/articles/899818/?ysclid=mh0cxpe8zx881362807> (дата обращения: 02.10.2025)
11. Колесников П. Вышла улучшенная версия DeepSeek / Павел Колесников // Hi-tech: [сайт]. – URL: <https://hi-tech.mail.ru/news/127838-vyshla-uluchshennaya-versiya-deepseek-r1/> (дата обращения: 02.10.2025)
12. Нейросеть Robotext // robotext.io: [сайт]: URL: <https://robotext.io> (дата обращения: 02.10.2025)
13. Harvey AI: Революция в правовой сфере // ИИ Модели: [сайт]. – URL: <https://200.su/harvey-ai.html> (дата обращения: 02.10.2025)
14. CoCounsel by Casetext: The Best AI Transforming Legal Practice // AI TOOL TALKS: [сайт]. – URL: <https://aitooltalks.com/cocounsel-by-casetext/> (дата обращения: 02.10.2025)
15. Наделяем юристов силой технологий // Право(тех): [сайт]. – URL: <https://pravo.tech/?ysclid=mh2uzvpxf5742795739> (дата обращения: 02.10.2025)
16. Doczilla // Doczilla: [сайт]. – URL: <https://doczilla.pro/ai/> (дата обращения: 02.10.2025)
17. Инструменты Jay Copilot // Jay Copilot: [сайт]. – URL: <https://jaycopilot.com/blog> (дата обращения: 21.10.2025)
18. Jay Copilot: как использовать нейросети для оптимизации рабочих процессов и повышения эффективности бизнес-задач // ВЕСТИ КУЗБАСС. – 20.01.2022. – URL: <https://vesti42.ru/novosti-so-vsego-sveta/jay-copilot-kak-ispolzovat-nejroseti-dlya-optimizacii-rabochih-proცessov-i-povysheniya-effektivnosti-biznes-zadach/?ysclid=mh3obkot6285760057> (дата обращения: 21.10.2025)
19. Сервис для быстрой проверки договоров // Noroots: [сайт]. – URL: https://noroots.ru/?utm_source=yandex_ads&utm_campaign=y_master-Noroots%20-%20Master%20-%20РФ-703150592&utm_content=5638628608-17283188963&utm_medium=desktop&utm_term=——autotargeting&roistat=direct2_search_703150592_rsMasterGroup_rsMasterBanner_——autotargeting&y-baip=1&yclid=3970511176152121343 (дата обращения: 21.10.2025)
20. «Я кричала, умоляла спасти моего мужа, пришел врач и рассмеялся»: многодетный отец скончался после скитаний по инстанциям в поисках помощи // АиФ-Новосибирск. – 01.10.2025. – URL: <https://dzen.ru/a/aN0Gfkapvx-2slhMN> (дата обращения: 02.10.2025)
21. «Legal innovation: Seizing the future or falling behind?»: 2024 Future Ready Lawyer Survey Report // Wolters Kluwer: [сайт]. – URL: <https://assets.contenthub.wolterskluwer.com/api/public/content/2483857-2024-future-ready-lawyer-survey-report-8860a43609?v=251478cd> (дата обращения: 02.10.2025)
22. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (посл. ред. от 31.07.2025 № 282-ФЗ) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 21.10.2025)
23. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 14.11.2002 № 138-ФЗ (посл. ред. от 31.07.2025 № 344-ФЗ) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/ (дата обращения: 16.09.2025)

FEATURES OF DIGITALIZATION OF LAW ENFORCEMENT ACTIVITIES IN THE STATES OF THE ANGLO-AMERICAN LEGAL FAMILY

Schepotin A.

Taganrog Institute of Management and Economics

Objective: To define the criteria for artificial intelligence models necessary for justice in the Russian Federation and to identify the most promising modern AI models for these purposes. **Methods:** Mathematical methods, observational methods, sampling, functional, structural, historical-legal, and formal-dogmatic methods. **Findings:** To identify the existing technological advantages and systemic shortcomings of artificial intelligence and formulate the main areas for developing the application of artificial intelligence in the administration of justice. **Conclusions:** To formulate criteria for selecting artificial intelligence models for use in the administration of justice in the Russian Federation.

Keywords: Justice, digitalization of justice, artificial intelligence, parameters of artificial intelligence models, emergence, national AI models, application of AI in jurisprudence.

References

1. Bikmiev R.G. Artificial Intelligence in the Service of Justice: Current State and Future / R.G. Bikmiev, R.S. Burganov. – Moscow: Prospect, 2024. – 128 p.
2. Vronskaya M.V. Digitalization of Justice and Artificial Intelligence: A Comparative Study / M.V. Vronskaya, A.V. Kuznetsov // Territory of New Opportunities. Bulletin of Vladivostok State University. 2025. No. 2. pp. 149–161
3. Tulupova E.O. Artificial Intelligence and Electronic Justice in China / E.O. Tulupova, T.K. Demidova // Information Society. 2025. No. 1. pp. 79–87.
4. Kochetkov A.V. The Role of Artificial Intelligence Technologies in the Administration of Justice: Legal, Moral and Ethical Aspects / A.V. Kochetkov, S.V. Vorobyova // Current Issues of State and Law. – 2025. Vol. 9. – No. 1. – Pp. 63–76.

5. Lavnov M.A. Risks and Threats of Using Artificial Intelligence Technologies in Criminal Justice / M.A. Lavnov, N.V. Spe-sivov // *Journal of Russian Law*. 2025. No. 8. Pp. 120–133.
6. Wang H. Trial with the Participation of Artificial Intelligence: Pro-cedural Guarantees and Legal Risks / H. Wang, H. Song // *Man. Society. Obshchestvo*. – 2025. No. 57. Pp. 234–241.
7. Kultishova E.V. The “Smart Court” System in China / E.V. Kultishova // *Issues of Russian and International Law*. 2025. No. 3–1. Pp. 46–55.
8. Galiullina G.T. Digitalization of the Judicial System as a Factor in the Development of the Precedent-Based Approach to Juris-prudence / G.T. Galiullina // *The Development of Science and Technology in Modern Russia*. – Moscow: Znanie-M, 2025. – Pp. 471–475.
9. Introducing Claude Sonnet 4.5 // *Anthropic.com*: [website]. – URL: <https://www.anthropic.com/news/claude-sonnet-4-5> (date of access: 05.10.2025)
10. LLaMa4 is bad at everything // *Habr*: [website]. – URL: <https://habr.com/ru/articles/899818/?ysclid=mh0cxpe8zx881362807> (accessed: 02.10.2025)
11. Kolesnikov P. An improved version of DeepSeek has been re-leased / Pavel Kolesnikov // *Hi-tech*: [website]. – URL: <https://hi-tech.mail.ru/news/127838-vyshla-uluchshennaya-versiya-deepseek-r1/> (accessed: 02.10.2025)
12. Robotext neural network // *robotext.io*: [website]: URL: <https://robotext.io> (accessed: 02.10.2025)
13. Harvey AI: Revolution in the legal sphere // *AI Models*: [website]. – URL: <https://200.su/harvey-ai.html> (accessed: 02.10.2025)
14. CoCounsel by Casetext: The Best AI Transforming Legal Prac-tice // *AI TOOL TALKS*: [website]. – URL: <https://aitooltalks.com/cocounsel-by-casetext/> (accessed: 02.10.2025)
15. Empowering Lawyers with Technology // *Pravo(tech)*: [web-site]. – URL: <https://pravo.tech/?ysclid=mh2uzvpfx5742795739> (accessed: 02.10.2025)
16. Doczilla // *Doczilla*: [website]. – URL: <https://doczilla.pro/ai/> (accessed: 02.10.2025)
17. Jay Copilot Tools // *Jay Copilot*: [website]. – URL: <https://jayco-pilot.com/blog> (date accessed: 21.10.2025)
18. Jay Copilot: How to use neural networks to optimize work pro-cesses and improve the efficiency of business tasks // *VESTI KUZBASS*. – 20.01.2022. – URL: [https://vesti42.ru/novosti-so-vsego-sveta/jay-copilot-kak-ispolzovat-nejroseti-dlya-optimizacii-rabochih-proцессов-i-povysheniya-effektivnosti-biznes-zadach/?ysclid=mh3obkot6285760057](https://vesti42.ru/novosti-so-vsego-sveta/jay-copilot-kak-ispolzovat-nejroseti-dlya-optimizacii-rabochih-proცессов-i-povysheniya-effektivnosti-biznes-zadach/?ysclid=mh3obkot6285760057) (date accessed: 21.10.2025)
19. Service for quickly checking contracts // *Noroots*: [web-site]. – URL: https://noroots.ru/?utm_source=yandex_ads&utm_campaign=y_master-Noroots%20-%20Мастер%20-%20ПФ-703150592&utm_content=5638628608-17283188963&utm_medium=desktop&utm_term=autotargeting&roistat=direct2_search_703150592_rsMasterGroup_rsMasterBanner_—autotargeting&ybaip=1&y-clid=3970511176152121343 (accessed: 21.10.2025)
20. “I screamed, begged them to save my husband, the doctor came and laughed”: a father of many children died after wander-ing around authorities in search of help // *АиФ-Новосибирск*. – October 1, 2025. – URL: <https://dzen.ru/a/aN0Gfkapvx2slhMN> (accessed October 2, 2025)
21. “Legal innovation: Seizing the future or falling behind?": 2024 Future Ready Lawyer Survey Report // *Wolters Kluwer*: [web-site]. – URL: <https://assets.contenthub.wolterskluwer.com/api/public/content/2483857-2024-future-ready-lawyer-survey-report-8860a43609?v=251478cd> (accessed: 02.10.2025)
22. Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Federal Law of 18.12.2001 No. 174-FZ (last amended on 31.07.2025 No. 282-FZ) // *SPS “ConsultantPlus”*. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (date of access: 21.10.2025)
23. Civil Procedure Code of the Russian Federation: Federal Law of 14.11.2002 No. 138-FZ (last amended on 31.07.2025 No. 344-FZ) // *SPS “ConsultantPlus”*. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/ (date of access: 16.09.2025)

Статус несовершеннолетнего предпринимателя в гражданском праве России: проблемы и пути их решения

Абдуллина Лилия Фаритовна,

аспирант, Сектор гражданского и предпринимательского права Института Государства и права Российской академии наук

E-mail: liliabd@mail.ru

Статья посвящена анализу правового режима осуществления экономической деятельности несовершеннолетними в Российской Федерации. Исследование базируется на положениях гражданского законодательства, определяющих объем дееспособности несовершеннолетних предпринимателей в зависимости от возрастных границ. Рассматривается дифференцированный подход к правосубъектности, включая особенности частичной дееспособности лиц в возрасте от 14 до 18 лет и институт эмансипации. Особое внимание уделяется проблеме юридической ответственности несовершеннолетних предпринимателей, в том числе субсидиарной ответственности их законных представителей. Выявляются существенные проблемы в административно-правовом регулировании, приводящие к безответственности предпринимателей в возрасте 14–16 лет. На основе анализа научных позиций доказываемся необходимость внесения изменений в статью 23 Гражданского Кодекса РФ с целью закрепления специального правового статуса несовершеннолетних предпринимателей, что позволит гармонизировать законодательство и создать условия для развития молодежного предпринимательства.

Ключевые слова: правовой режим, экономическая деятельность, несовершеннолетние, предпринимательская деятельность, дееспособность, эмансипация, правосубъектность, юридическая ответственность, Гражданский кодекс РФ, предпринимательство несовершеннолетних.

Введение

В современный период развития России защита прав несовершеннолетних граждан сталкивается с комплексом проблем теоретического и практического характера. Особую актуальность приобретает вопрос определения правового статуса несовершеннолетнего в качестве субъекта предпринимательской деятельности. Отсутствие четкого законодательного закрепления данного статуса порождает правовую неопределенность и создает существенные препятствия для реализации предпринимательского потенциала молодежи. Правовой режим экономической (предпринимательской) деятельности несовершеннолетних в Российской Федерации формируется под воздействием общих норм гражданского права о правосубъектности и специальных положений, учитывающих возрастные и психофизические особенности данной категории лиц [6, с. 205].

Правосубъектность выступает обязательным основанием для возникновения любых правоотношений, включая предпринимательские. Она представляет собой комплексную юридическую характеристику, объединяющую три ключевых элемента: правоспособность, дееспособность и деликтоспособность. Нормы о правосубъектности устанавливают базовые требования, единые для всех граждан: необходимость государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя, общие правила о налогообложении, ответственности за нарушение обязательств и т.д. Таким образом, несовершеннолетний, желающий заниматься бизнесом, формально должен соответствовать тем же общим условиям, что и взрослый предприниматель.

Однако, во-вторых, в силу объективных причин – недостаточного жизненного опыта, психологической незрелости и необходимости особой защиты интересов – общие правила дополняются специальными положениями. Эти специальные нормы производны от института дееспособности, который для несовершеннолетних является ограниченным. Именно объем дееспособности, определяемый возрастными границами, становится главным правовым барьером или, при его расширении, условием для ведения экономической деятельности.

Совместное применение этих двух групп норм создает дифференцированный правовой режим. Общее правило таково: чем полнее дееспособность несовершеннолетнего, тем ближе его пра-

вовое положение к статусу полноценного предпринимателя.

Методы

В работе использовались традиционные юридические методы. Проведен анализ норм Гражданского кодекса РФ и других законов. Использован формально-юридический метод для изучения дееспособности и эмансипации. Сравнивались научные позиции разных авторов по проблемам молодежного предпринимательства.

Результаты и обсуждение

Анализ правового регулирования экономической деятельности несовершеннолетних требует обращения к нормам Гражданского кодекса РФ, устанавливающим объем дееспособности в зависимости от возрастного критерия [1]. Законодатель определяет дееспособность как способность гражданина самостоятельно приобретать и реализовывать гражданские права, создавать гражданские обязанности и исполнять их. В отношении несовершеннолетних применяется дифференцированный подход.

Лица в возрасте от 14 до 18 лет наделяются частичной дееспособностью. Согласно пункту 2 статьи 26 ГК РФ, они могут самостоятельно совершать определенные виды сделок: мелкие бытовые операции, распоряжаться личными доходами (заработком, стипендией), осуществлять авторские права, а также управлять банковскими вкладами. Все иные сделки, включая операции предпринимательского характера, требуют получения письменного согласия законных представителей.

Институт эмансипации, регламентированный статьей 27 ГК РФ, предоставляет возможность приобретения полной дееспособности с шестнадцатилетнего возраста. Основанием для этого служит трудовая деятельность по договору либо занятие предпринимательством с согласия родителей или попечителей. Процедура эмансипации осуществляется по решению органа опеки при наличии согласия законных представителей, а при его отсутствии – по судебному решению. Эмансипированный несовершеннолетний получает право на самостоятельное ведение предпринимательской деятельности, за исключением тех ее видов, где федеральным законодательством установлены специальные возрастные ограничения [3, с. 22].

Ситникова А.В. анализирует институт эмансипации как прогрессивный механизм, позволяющий несовершеннолетним получить полную гражданскую дееспособность для предпринимательской деятельности [5, с. 136]. Автор подчеркивает, что эмансипация кардинально трансформирует правовое положение несовершеннолетнего: он приобретает возможность самостоятельного совершения всех видов сделок без необходимости получения согласия родителей, а также освобождает законных представителей от имущественной ответственности по возникающим обязательствам.

Особое внимание в работе Ситниковой А.В. уделено правовой позиции Верховного Суда РФ, выраженной в решениях № ГКПИ 2002–643 и № 2 КАС 02–500. Суд признал право несовершеннолетних на самостоятельную реализацию гражданских прав, включая предпринимательскую деятельность, при наличии одного из трех условий: достижение совершеннолетия, вступление в брак до 18 лет, либо прохождение процедуры эмансипации с 16 лет при условии осуществления деятельности с одобрения законных представителей. Данная судебная практика подтверждает легитимность досрочного приобретения предпринимательской правосубъектности несовершеннолетними.

Ситникова А.В. обращает внимание на существующую законодательную неопределенность в части четких критериев для возникновения права на самостоятельное предпринимательство, что создает дополнительные барьеры. В связи с этим она подчеркивает позицию Ю.А. Мищенко о необходимости тщательной оценки государственными органами всех обстоятельств, включая уровень физической и психологической зрелости несовершеннолетнего, при решении вопроса об эмансипации. Можно сделать вывод, что для устранения выявленных проблем требуется комплексный подход, сочетающий законодательные изменения и развитие правового просвещения молодежи.

Согласно исследованию Юлубаевой А.Р., трудовая правовая статус подростков формируется через взаимосвязь трех ключевых элементов: прав и обязанностей, гарантий их реализации и юридической ответственности [8, с. 774]. Автор обращает внимание на поэтапное формирование трудовой дееспособности, которое происходит неравномерно в разных возрастных категориях.

Юлубаева А.Р. подчеркивает, что законодательная возможность заключения трудового договора с лицами, не достигшими 14 лет, создает правовые основания для наделения их трудовыми правами и обязанностями. При этом исследовательница квалифицирует право самостоятельного заключения трудового договора детьми младше 14 лет (при обязательном согласии родителей или органов опеки) как проявление ограниченной трудовой дееспособности.

Проведенный автором анализ показывает, что с достижением четырнадцатилетнего возраста трудовая правоспособность несовершеннолетнего расширяется, однако сохраняется требование об участии законных представителей при заключении трудового договора. Юлубаева А.Р. отмечает дальнейшее увеличение дееспособности с 15 лет, несмотря на сохранение ограничений, установленных частью 2 статьи 63 ТК РФ.

В своем заключении автор констатирует, что полная трудовая дееспособность возникает только с шестнадцати лет, совпадая с моментом приобретения полной правоспособности. Такой законодательный подход, по мнению Юлубаевой А.Р., выполняет прежде всего защитную функцию, ограждая подростков от потенциальной эксплуатации

и создавая основу для специального регулирования трудовых отношений с лицами, не достигшими четырнадцатилетнего возраста.

Следует отметить, что особый правовой режим установлен для несовершеннолетних, признанных в судебном порядке ограниченно дееспособными вследствие злоупотребления спиртными напитками или наркотическими средствами (ст. 30 ГК РФ). Над ними устанавливается попечительство, и они могут совершать сделки (за исключением мелких бытовых) лишь с согласия попечителя. Это существенно ограничивает их возможность вести предпринимательскую деятельность [4, с. 227].

Таким образом, правовой режим экономической деятельности несовершеннолетних носит производный характер от объема их гражданской дееспособности, поэтапно расширяясь с возрастом и при наступлении специального юридического факта – эмансипации.

Юридическая ответственность несовершеннолетних предпринимателей имеет существенные особенности, обусловленные их возрастом [2, с. 175]. Согласно пункту 3 статьи 26 Гражданского кодекса РФ, несовершеннолетние в возрасте от 14 до 18 лет самостоятельно несут имущественную ответственность по сделкам, совершенным ими в рамках предоставленной законом дееспособности. За причиненный ими вред такие несовершеннолетние также несут ответственность в соответствии с общими нормами ГК РФ.

Особенность привлечения к ответственности законных представителей несовершеннолетнего предпринимателя носит субсидиарный характер. Как отмечает Усанова В.А., родители, усыновители или попечители могут нести ответственность по обязательствам только при условии недостаточности имущества и доходов самого несовершеннолетнего для полного погашения задолженности. Ключевым условием является установление в судебном порядке виновного поведения законных представителей, которое проявляется в ненадлежащем исполнении воспитательных функций и отсутствии должного контроля за деятельностью и поведением несовершеннолетнего.

Усанова В.А. обращает внимание на существенный пробел в административно-правовом регулировании, связанный с привлечением к ответственности несовершеннолетних предпринимателей [7, с. 152]. Исследовательница указывает, что в случае осуществления предпринимательской деятельности без государственной регистрации лицом в возрасте от 14 до 16 лет, привлечение его к административной ответственности по статье 14.1 КоАП РФ оказывается невозможным в связи с недостижением установленного возраста. Единственной мерой воздействия в такой ситуации становится привлечение родителей по статье 5.35 КоАП РФ, предусматривающей ответственность за неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего.

Анализ показывает, что аналогичная правовая коллизия распространяется на все составы адми-

нистративных правонарушений, содержащиеся в главе 14 КоАП РФ. Это приводит к формированию правового вакуума, при котором несовершеннолетние предприниматели указанной возрастной категории фактически исключаются из сферы административной ответственности за нарушения в предпринимательской деятельности. Следствием такой законодательной неопределенности становится существенное повышение рисков для контрагентов, вступающих в деловые отношения с несовершеннолетними предпринимателями.

Таким образом, действующее законодательство в области юридической ответственности несовершеннолетних предпринимателей содержит существенные пробелы, которые приводят к их фактической безответственности за нарушения в предпринимательской деятельности до достижения 16-летнего возраста, что негативно сказывается на защите прав их контрагентов и стабильности гражданского оборота.

Заключение

Действующее законодательство содержит противоречия в регулировании этого вопроса. С одной стороны, Конституция РФ гарантирует каждому право на свободное использование своих способностей для предпринимательской деятельности. С другой стороны, гражданское законодательство устанавливает ограничения, связанные с объемом дееспособности несовершеннолетних. Это приводит к ситуации, когда подросток формально имеет право заниматься бизнесом, но фактически не может реализовать это право без прохождения сложной процедуры эмансипации или получения согласия законных представителей.

Проблема усугубляется отсутствием единого подхода к определению минимального возраста для осуществления предпринимательской деятельности. На практике это приводит к тому, что многие несовершеннолетние вынуждены работать без официальной регистрации, что лишает их правовой защиты и доступа к легальным инструментам ведения бизнеса. Кроме того, остается нерешенным вопрос об административной ответственности несовершеннолетних предпринимателей в возрасте от 14 до 16 лет, которые фактически не могут быть привлечены к ответственности за нарушения в сфере предпринимательства.

Разрешение указанной проблемы требует комплексного законодательного подхода, включающего четкое определение статуса несовершеннолетнего предпринимателя, установление специального правового режима для такой деятельности и создание механизмов защиты как самих молодых предпринимателей, так и их контрагентов.

Приобретает необходимость внесения целенаправленных изменений в статью 23 Гражданского кодекса РФ, которая закрепляет общие положения о предпринимательской деятельности граждан.

Основная проблема, которую призваны решить предлагаемые изменения, заключается в су-

ществующем правовом противоречии. С одной стороны, гражданское законодательство прямо не запрещает несовершеннолетним заниматься предпринимательством. С другой стороны, правоприменительная практика исходит из требования о необходимости наличия полной дееспособности, которую несовершеннолетние по общему правилу приобретают лишь через эмансипацию. Это создает непреодолимые барьеры для молодых предпринимателей, особенно в возрасте 14–15 лет, которые формально могут работать, но не могут пройти процедуру эмансипации через трудовой договор без предварительного согласия родителей, а получить такое согласие на предпринимательство крайне сложно.

Необходимо дифференцированный подход. В статье 23 ГК РФ следует прямо указать, что индивидуальным предпринимателем признается полностью дееспособный гражданин. Однако для несовершеннолетних должен быть установлен специальный правовой режим: их следует признавать предпринимателями, обладающими ограниченной дееспособностью. Такой подход позволит легализовать предпринимательскую деятельность подростков, не дожидаясь сложной процедуры эмансипации, но при этом сохранит для них специальный правовой статус.

Введение этой нормы решит несколько практических проблем. Во-первых, устранил существующую правовую неопределенность и позволит четко регулировать правоотношения с участием несовершеннолетних предпринимателей. Во-вторых, создаст законные основания для государственной регистрации бизнеса подростков. В-третьих, обеспечит защиту интересов молодых предпринимателей, поскольку к ним будут применяться специальные гарантии, предусмотренные для лиц с ограниченной дееспособностью.

Таким образом, предлагаемые изменения в статью 23 ГК РФ позволят гармонизировать законодательство, устранить избыточные административные барьеры и создать благоприятные условия для развития молодежного предпринимательства при сохранении необходимых защитных механизмов.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. Федерального закона от 09 марта 2021 г. № 33-ФЗ) URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 28.09.2025).
2. Кутрухина К.С. К вопросу о проблемах осуществления несовершеннолетними предпринимательской деятельности. В книге: Преступность в СНГ: проблемы предупреждения и раскрытия преступлений. Сборник материалов Международной научно-практической конференции. Воронеж, 2024. С. 175–179
3. Макарова Ю.В. Проблемы осуществления несовершеннолетним права на предпринимательскую

тельную деятельность // Universum: экономика и юриспруденция. 2021. № 6 (81). С. 20–22

4. Серьезнова О.А., Астахова Т.С. Отдельные вопросы, возникающие при реализации несовершеннолетним права на осуществление предпринимательской деятельности. Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 7–1 (70). С. 227–230
5. Ситникова А.В. Проблемы осуществления несовершеннолетними права на предпринимательскую деятельность. Тенденции развития науки и образования. 2025. № 118–3. С. 136–138
6. Сорокина А.А. Особенности реализации права на занятие предпринимательской деятельностью несовершеннолетними. В сборнике: Актуальные вопросы экономики, права и социологии. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. Чебоксары, 2024. С. 205–207
7. Усанова В.А. Особенности реализации права на занятие предпринимательской деятельностью несовершеннолетними. Правовая парадигма. 2022. Т. 21. № 1. С. 152–158.
8. Юлубаева А.Р., Борисова О.В. Проблемы осуществления несовершеннолетним права на предпринимательскую деятельность. Аллея науки. 2022. Т. 1. № 4 (67). С. 774–780

THE STATUS OF A MINOR ENTREPRENEUR IN RUSSIAN CIVIL LAW: PROBLEMS AND SOLUTIONS

Abdullina L.F.

Russian Academy of Sciences

This article analyzes the legal regime for minors' economic activity in the Russian Federation. The study is based on civil legislation that defines the legal capacity of minor entrepreneurs depending on their age. A differentiated approach to legal personality is considered, including the particularities of partial legal capacity for individuals aged 14 to 18 and the institution of emancipation. Particular attention is paid to the legal liability of minor entrepreneurs, including the subsidiary liability of their legal representatives. Significant gaps in administrative and legal regulation are identified, leading to the irresponsibility of entrepreneurs aged 14–16. Based on an analysis of scientific positions, the need for amendments to Article 23 of the Civil Code of the Russian Federation is demonstrated to enshrine the special legal status of minor entrepreneurs, which will harmonize legislation and create conditions for the development of youth entrepreneurship.

Keywords: legal regime, economic activity, minors, entrepreneurial activity, legal capacity, emancipation, legal personality, legal liability, Civil Code of the Russian Federation, entrepreneurship of minors.

References

1. Civil Code of the Russian Federation (Part One) of November 30, 1994, No. 51-FZ (as amended by Federal Law of March 9, 2021, No. 33-FZ) URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (accessed: September 28, 2025).
2. Kutrukina, K. S. On the Issue of Minors Engaging in Entrepreneurial Activity. In: Crime in the CIS: Problems of Crime Prevention and Detection. Collection of Materials from the International Scientific and Practical Conference. Voronezh, 2024. pp. 175–179.
3. Makarova, Yu.V. Problems of Minors' Exercise of the Right to Entrepreneurial Activity // Universum: Economics and Jurisprudence. 2021. No. 6 (81). P. 20–22

4. Sereznova O.A., Astashova T.S. Certain issues arising in the exercise by minors of the right to engage in entrepreneurial activity. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2022. No. 7–1 (70). P. 227–230
5. Sitnikova A.V. Problems of the exercise by minors of the right to engage in entrepreneurial activity. *Trends in the development of science and education*. 2025. No. 118–3. P. 136–138
6. Sorokina A.A. Features of the exercise of the right to engage in entrepreneurial activity by minors. In the collection: *Current issues of economics, law and sociology*. Collection of materials of the All-Russian scientific and practical conference. Cheboksary, 2024. P. 205–207
7. Usanova V.A. Features of the exercise of the right to engage in entrepreneurial activity by minors. *Legal Paradigm*. 2022. Vol. 21. No. 1. Pp. 152–158.
8. Yulubaeva A.R., Borisova O.V. Problems of Minors' Exercise of the Right to Entrepreneurial Activity. *Alley of Science*. 2022. Vol. 1. No. 4 (67). Pp. 774–780

Белоус Алексей Михайлович,

адвокат, Коллегия адвокатов «Белоус, Данилова и Партнеры»
НКО

E-mail: belous2177@gmail.com

Актуальность темы статьи обусловлена своеобразием данного сравнительно нового типа активов, обладающих уникальными характеристиками, отличающими их от традиционных форм собственности. Целью статьи является определение проблем в правовом регулировании криптовалюты. Предмет исследования – нормативно-правовые акты, регулирующие сферу управления функционированием криптовалюты. Методологическую основу исследования составляет метод сравнительно-правового анализа. Результаты исследования: определены предпосылки необходимости совершенствования правового регулирования оборота криптовалюты; представлен и охарактеризован обобщенный вектор правового регулирования процессов, связанных с обращением криптовалют. Применения результатов может осуществляться при разработке правовой политики регулирования общественных отношений в сфере цифровых активов. Новизну исследования определяют предложения, обобщающие дефиницию цифровых активов, которые представляют собой экономический ресурс, выраженный в цифровой форме, обладающий признаками информационной природы, делимости, эмитируемости, способностью существовать в разных видах хранения и выступать объектом рыночного обмена; а также обоснованность необходимости дальнейшей эволюции нормативно-правовой базы, которая должна основываться на комплексной стратегии, охватывающей аспекты гражданского, финансового и уголовного права, направленной на формирование устойчивой модели регулирования, которая сможет поддерживать прогресс цифровых технологий, защищая при этом интересы общества, инвесторов и государства. Выводы. Изучение действующего законодательства, позиций государственных ведомств и решений судов показало, что наряду с положительным влиянием криптовалют на экономическое развитие существуют серьезные вызовы, обусловленные высоким уровнем нестабильности цен, отсутствием централизованного управления, анонимностью платежей и техническими проблемами функционирования систем.

Ключевые слова: криптовалюта, криптоактив, криптоссурогат, нормативное регулирование, оборот цифровых валют, объект гражданского права, правовая система, механизм регулирования, цифровые платформы, юридическая реальность.

Согласно ст. 128 Гражданского кодекса Российской Федерации [1], объектами гражданских правоотношений выступают материальные вещи (в частности, наличные финансовые инструменты и документарные ценные бумаги), иное имущество, охватывающее имущественные права (включая безналичные платежные средства, бездокументарные ценные бумаги и цифровые права), оказание услуг и выполнение работ, результаты интеллектуальной деятельности и эквивалентные индивидуализирующие показатели (интеллектуальная собственность), а также нематериальные блага.

Оборот криптовалют осложнился рядом проблем юридического характера, связанных с отсутствием четкого определения понятий, регулирующих механизмов и процедур урегулирования споров. Особенно остро эта проблема ощущается в России, где регулирование цифровых активов развивается постепенно и сталкивается с трудностями практического применения.

Исследование особенностей оборота криптовалют является актуальным и важным направлением юридической науки, способствующим выработке эффективных правовых решений и созданию благоприятных условий для правового регулирования оборота цифровых активов. Еще сравнительно недавно регулирование процесса получения криптовалюты, расчетов криптовалютой, ее учета и налогообложения и прочих аспектов регулирования в нормативно-правовых актах не зафиксировано в правовой сфере управления функционированием криптовалюты.

Несмотря на запретительные меры ряда государств, квалифицирующих криптовалюту как цифровое средство платежа, она продолжает распространяться [6]. Правомерность включения цифровых валют в национальную правовую систему обусловлена положениями российского законодательства, особенно в случаях, когда эмиссия осуществляется посредством инфраструктуры информационно-технологических ресурсов России или оборудования, размещенного на ее территории [7].

Особое место занимает категория цифровых валют центральных банков (Central Banks Digital Currency, CBDC). Примером реализации данной концепции выступает российский цифровой рубль. Правовое регулирование CBDC обеспечено нормативными изменениями двух федеральных законов:

- Федеральный закон № 339-ФЗ [13] от 24 июля 2023 г., который вводит изменения в статьи 128 и 140 Гражданского кодекса Российской Федерации;

– Федеральный закон № 340-ФЗ [14] от 24 июля 2023 г., предусматривающий внесение поправок в ряд отдельных нормативных актов.

Однако, еще в 2018 г. Президент Российской Федерации в своем обращении [8] обозначил приоритетность разработки регуляторных документов, связанных с функционированием цифровых платформ, подчеркнув значимость интеграции национальных цифровых решений в глобальную технологическую среду. В современных условиях в российском законодательстве отсутствует единый акт, регулирующий обращение криптовалют. Отдельные положения содержатся в Федеральном законе № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», принятом в июле 2020 г.

С целью выявления правовой природы цифровых активов целесообразно обратиться к дефинициям, зафиксированным в российском гражданском праве. Современные юридические нормы признают цифровые активы особым типом объектов гражданских прав, хотя проблема расширения данного понятия до всех видов цифровых активов остается нерешенной.

Авторы Л.В. Санников и Ю.С. Харитонов [11] отмечают целесообразность специального регулирования лишь тех цифровых активов, которые обладают значимостью для оборота, полагая, что защита нематериальных благ эффективнее реализуется путем применения публично-правовых механизмов, соответствующих конституционным принципам защиты индивидуальных свобод.

Итак, цифровой актив, по мнению данных авторов обладает следующим набором характерных признаков: а) нематериален и не требует вещественной формы существования; б) существует исключительно в формате цифровых записей, формируемых криптографическими методами и доступными технически для воспроизведения.

В данной связи следует сказать о таких цифровых (виртуальных) активах (ресурсах), как криптоактив и криптосуррогат.

Криптоактив защищен криптографией и функционирует на децентрализованных сетях, таких как блокчейн. Криптовалюта – это один из видов криптоактивов, но понятие «криптоактив» имеет более широкое значение. Термины «криптовалюта» и «криптоактив» не взаимозаменяемы, но связаны с цифровыми активами, созданными на основе технологии блокчейн.

Криптосуррогат – это цифровой ресурс, создание и контроль которого основаны на криптографии, имеет децентрализованную или централизованную систему учёта и работает также на технологии блокчейн.

Криптовалюта не является одним из видов криптосуррогата, но представляет собой виртуальную цифровую валюту, защищённую криптографией.

В связи с чем необходимо введение существенных квалифицирующих признаков в сфере цифровых (виртуальных) активах (ресурсах).

Криптовалюта: востребованность; признание; ценность; аккредитация (листинг) на бирже; использование технологии блокчейн; отсутствие эмитента.

Криптоактивы: востребованность; ценность; аккредитация (листинг) на бирже; использование технологии блокчейн; отсутствие эмитента.

Криптосуррогат: востребованность; ценность; использование технологии блокчейн; отсутствие эмитента.

Тем не менее, несмотря на отсутствие прямого юридического определения криптовалюты как самостоятельного объекта гражданских прав, российское законодательство позволяет рассматривать ее как имущество в контексте специальных регуляторов.

А.А. Даниленковым [2] было предложено введение термина «нематериальное имущество», интегрирующего разнообразные формы виртуальных экономических ценностей, что могло бы восполнить имеющиеся недостатки текущего регулирования.

Как подчеркивают А.А. Коренная и Н.В. Тыдыкова [5], юридический статус криптовалют во многих странах мира остается неопределенным, власти пытаются регламентировать обращение цифровых активов, рассматривая их как финансовые инструменты, платежные средства или оба варианта сразу. Регуляторы вправе ограничивать торговлю и инвестиции гражданам государств, находящихся под международными санкциями. Жесткое регулирование способно усложнять процессы продажи криптоактивов и негативно отражаться на рыночных котировках.

По мнению И.И. Малыгина и Е.А. Рускевич [10], использование различных криптобирж подразумевает доверие к площадке – инвестор обязан убедиться в ее надежности и защищенности. Храня цифровые активы на биржевой платформе, человек лишен прямого контроля над ними, зависим от работы биржи и ее системы безопасности. После покупки криптовалюты возникает задача организовать ее надежную сохранность, минимизируя угрозы кибератак и хищений. Средства хранения включают специализированные криптокошельки – это либо электронные устройства (аппаратные), либо программное обеспечение (онлайн). Биржа может предложить собственный сервис хранения, хотя далеко не каждая платформа предлагает такую услугу. Также временным местом хранения криптовалюты могут выступать и различные майнеры, являясь одновременно и механизмом оборота криптовалюты.

Как отмечает А.П. Жуков [3], в 2025 году ситуация по-прежнему неоднозначная: цифровые активы не запрещены напрямую, но и не признаны полноценным платежным средством. Между государственным контролем и интересом к технологиям идет постоянный поиск баланса. Вокруг разреше-

ния майнинга, налогообложения и допуска криптовалют в расчеты между ведутся бурные дебаты.

Также в гражданском обороте криптовалюты препятствием становятся сами сделки между гражданами. Сделка купли-продажи криптовалюты представляет собой договор, направленный на передачу права собственности на цифровой актив. Однако специфика предмета договора порождает ряд юридических коллизий. Например, часто возникают споры относительно квалификации такой сделки как купля-продажа имущества или оказания услуги. Поскольку криптовалюта не обладает физическими свойствами, традиционная концепция товара применима лишь условно.

Некоторые авторы предлагают рассматривать сделку с криптовалютой, как разновидность обмена информацией или предоставления доступа к определенным ресурсам. Такая позиция находит отражение в зарубежной практике, однако российская судебная система пока придерживается традиционной концепции имущественных отношений.

Нередко встречаются случаи оспаривания сделок с криптовалютами вследствие нарушений требований закона либо введения стороны в заблуждение. Здесь возникает ряд сложных вопросов. Особенно сложными становятся ситуации, когда одна сторона утверждает, что криптовалюта была утрачена вследствие технической ошибки или хакерской атаки. Такие обстоятельства требуют специальных методов доказывания и привлечения экспертов-криминалистов.

Таким образом, отсутствие единых стандартов оценки доказательств усложняет процесс разрешения судебных споров и делает необходимым введение новых норм, регулирующих процедуру проверки подлинности цифровых активов. Тем не менее, имеющиеся юридические нормы оказываются недостаточно эффективными для обеспечения адекватного контроля оборота криптовалют и устойчивого функционирования финансовой системы страны.

Одной из альтернативных моделей могло бы стать создание централизованного регистрационных органов либо введение обязательного требования идентификации пользователей, однако данные меры неизбежно приводят к формированию новых, внеправовых видов криптовалют, лишенных своих важнейших функциональных качеств. Пример аналогичных попыток абсолютного запрещения криптовалют демонстрирует опыт Китая и Соединенного Королевства, который лишь осложнил развитие отрасли, несмотря на сохранившееся доминирующее положение КНР в глобальной индустрии цифровых валют.

Итак, российский законодательный порядок пока не признает традиционные криптовалюты полноценным платежным средством для приобретения товаров либо оказания услуг в реальной жизни, однако, разрешает оперировать ими через сделки купли-продажи, совершать переводы после прохождения обязательной процедуры регистрации и идентификации личности владельца

счета на лицензированных криптобиржах, рассматривать такие активы как инвестиционные инструменты [12], опять-таки при выполнении условий идентификации и снятия анонимности пользователей. Например, К.Д.Б. Кадим [4] подчеркивает, что ряд государств уже добились значительных успехов в разработке соответствующих правил и процедур регулирования индустрии виртуальных активов, чей положительный опыт вполне применим и полезен в российском контексте. Поэтому ключевым моментом является установление базовых рамок государственного регулирования оборота виртуальных активов в нашей стране, принимая во внимание существующие угрозы использования криптовалют.

Первая опасность связана с тем фактом, что выпуск криптовалют осуществляется неограниченно множеством неизвестных лиц – отсутствует единый орган эмиссии. Соответственно, ни Банк России, ни какая-то другая организация не гарантирует стоимость и надежность таких активов. Как отмечают А.О. Миронов и А.Л. Репецкая [9], из-за отсутствия центрального регулятора затруднен контроль над операциями, что открывает возможность для злоупотреблений, таких как теневое финансирование террористической активности и отмывка незаконно нажитых капиталов. Вторая проблема состоит в сложностях идентификации собственников электронных кошельков и отслеживания осуществляемых ими транзакций. Полная анонимность совершаемых операций серьезно осложняет расследование экономических преступлений правоохранительными органами. Даже несмотря на введение обязательности верификации пользователей криптовалютных платформ, эта мера зачастую оказывается неэффективна ввиду работы многих площадок вне российского юрисдикционного поля. Третьей угрозой выступает уязвимость технической инфраструктуры обращения цифровых активов, построенной преимущественно на существующем аппаратно-техническом обеспечении и технологиях виртуальной реальности. Хищение крупных сумм вследствие взлома торговых платформ, атаки хакеров на умные контракты и баги программного обеспечения блокчейнов ведут к масштабным потерям финансов. Добавляет рисков отсутствие единых международных стандартов защиты в децентрализованной среде. Еще один фактор риска – неясное юридическое положение криптовалют как инструмента расчетов внутри России. Сегодняшние правила ограничивают расчеты в криптовалютах строго определенными случаями, действующими лишь в особых режимах. Это создает правовые коллизии и увеличивает неопределенность среди рыночных игроков относительно налогообложения, ответственности за проводимые операции и охраны права собственности на цифровые активы. Недостаточность юридической практики затрудняет урегулирование возникающих конфликтов и защиту интересов конечного потребителя.

Еще один аспект риска касается возможных последствий широкого распространения цифровых активов для стабильности всей экономики. Массовое использование криптовалют может способствовать выводу больших объемов капитала из традиционных национальных банковских институтов, снижая эффективность денежно-кредитной политики государства. Колебания курсов криптовалют могут вызывать серьезные потрясения на рынке, создавать предпосылки для кризиса и увеличивать риски для традиционной банковской сферы.

Выводы

Регламентация цифровых прав, представляющих собой новую категорию правового регулирования для Российской Федерации, была инициирована в 2019 г. посредством введения ст. 141.1 Гражданского кодекса РФ «Цифровые права», определившей данное явление в качестве объекта оборота. Юридическая институционализация виртуальных денежных единиц в отечественной правовой системе осуществилась вслед за принятием Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах и цифровой валюте», вступившим в силу с начала 2021 г., который впервые ввел терминологию «цифровая валюта» в российскую нормативную базу и зафиксировал ее имущественный характер, наделив субъектов предпринимательской деятельности правом осуществлять инвестиции и торговлю криптовалютами на законных основаниях. Несмотря на наличие значительных рисков, обусловленных высокой волатильностью стоимости данного инструмента, специалисты подчеркивают, что цифровая валюта воспринимается деловыми кругами преимущественно как перспективное средство извлечения существенной экономической выгоды.

На основе проведенного анализа видно, что современное состояние нормативного регулирования оборота цифровых валют в России остается достаточно хаотичным и фрагментарным, создавая реальные препятствия развитию бизнеса. Принятие поправок в ГК РФ касательно понятия «цифровые права», а также федерального закона № 259-ФЗ обозначили важные шаги по легитимации криптовалют, признав их объектом гражданских прав, но вместе с тем поставили новые задачи по созданию надежных методов контроля и регулирования, отвечающих особенностям цифрового пространства.

Изучение действующего законодательства показало, что наряду с положительным влиянием криптовалют на экономическое развитие существуют серьезные вызовы, обусловленные высоким уровнем нестабильности цен, отсутствием централизованного управления, анонимностью платежей и техническими проблемами функционирования систем. С учетом глобального тренда цифровизации и интенсивного роста IT-сферы государство обязано находить баланс между поощрением инновационных процессов и поддержани-

ем устойчивости финансовой системы. Для этого необходимы не только корректировка текущего законодательства, но и создание действенных механизмов наблюдения и надзора за движением цифровых активов. Исследование показало, что современный российский рынок криптовалют характеризуется высокой степенью неопределенности и наличием серьезных пробелов в правовом регулировании. Для решения существующих проблем необходима комплексная работа по разработке специального законодательства, учитывающего специфику гражданских правоотношений в сфере цифровых активов. Таким образом, дальнейшая эволюция нормативно-правовой базы должна основываться на комплексной стратегии, охватывающей аспекты гражданского, финансового и уголовного права, направленной на формирование устойчивой модели регулирования, которая сможет поддерживать прогресс цифровых технологий, защищая при этом интересы общества, инвесторов и государства в быстро меняющихся условиях международной финансовой и информационной среды.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/9027690> (дата обращения 16.09.2025).
2. Даниленков А.А. О правовой природе цифровых суррогатов // *Хозяйство и право*. 2018. № 8(499). С. 83–89.
3. Жуков А.П. Правовые проблемы декларирования криптовалюты для гражданских и государственных служащих в РФ // *Образование и право: «Цифровое право»*. 2025. № 1. С. 447–451.
4. Кадим К.Д.Б. Опыт правового регулирования цифровых активов в международном законодательстве // *Молодой ученый*. 2024. № 15 (514). С. 348–351.
5. Коренная А.А., Тыдыкова Н.В. Криптовалюта как предмет и средство совершения преступлений // *Всероссийский криминологический журнал*. 2019. Т. 13. № 3. С. 408–415.
6. Криптовалюты: тренды, риски, меры: Доклад для общественных консультаций / Центральный банк Российской Федерации. 2022. 37 с.
7. Пенкин С. Зачем центральные банки по всему миру создают собственные цифровые валюты [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://vc.ru/april-capital/268413-zachem-centralnye-banki-po-vsemu-miru-sozdayut-sobstvennyye-cifrovye-valyuty> (дата обращения 17.09.2025)
8. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 01.03.2018 «Послание Президента Федеральному Собранию» [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://kremlin.ru/events/president/news/56957> (дата обращения 16.09.2025)

9. Репецкая А.Л., Миронов А.О. Криптовалюта как объект уголовно-правового и криминологического исследования // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 3 (102). С. 109–120.
10. Русскевич Е.А., Малыгин И.И. Преступления, связанные с обращением криптовалют: особенности квалификации // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. № 3. С. 106–125.
11. Санникова Л.В., Харитонов Ю.С. Проблемы формирования правовых режимов новых цифровых объектов оборота // Предпринимательское право. Приложение «Право и Бизнес». 2019. № 1. С. 37–39.
12. Федеральный закон от 2.08.2019 № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в ред. от 08.08.2024 № 263-ФЗ) [Электронный ресурс] Режим доступа: https://consultant.ru/document/cons_doc_LAW_330652 (дата обращения 17.09.2025)
13. Федеральный закон от 24.07.2023 № 339-ФЗ «О внесении изменений в статьи 128 и 140 части первой, часть вторую и статьи 1128 и 1174 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202307240009> (дата обращения 17.09.2025)
14. Федеральный закон от 24.07.2023 № 340-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в ред. от 26.12.2024 № 494-ФЗ, от 28.12.2024 № 522-ФЗ) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202307240024> (дата обращения 17.09.2025)

LEGAL REGULATION OF CRYPTOCURRENCY TURNOVER

Belous A.M.

Collegium of advocates "Belous, Danilova and Partners" of the Novosibirsk Region

The relevance of the topic of the article is due to the originality of this relatively new type of assets, which have unique characteristics that distinguish them from traditional forms of ownership. The purpose of the article is to identify problems in the legal regulation of cryptocurrency. The subject of research is regulatory legal acts governing the management of the functioning of cryptocurrency. The methodological basis of the study is the method of comparative legal analysis. Research results: the prerequisites for the need to improve the legal regulation of cryptocurrency turnover have been identified; a generalized vector of legal regulation of processes related to the circulation of cryptocurrencies is presented and characterized. The application of the results can be carried out in the development of a legal policy for regulating public relations in the field of digital assets. The novelty of research is determined by proposals summarizing the definition of digital assets, which are an economic resource expressed in digital form, having signs of informational nature, divisibility, emissivity, the ability to exist in different types of storage and act

as an object of market exchange; and the rationale for further evolution of the regulatory framework, which should be based on a comprehensive strategy covering civil, financial and criminal law, aimed at creating a sustainable regulatory model that can support the progress of digital technologies while protecting the interests of society, investors and the state. Conclusions. A study of current legislation, the positions of government departments and court decisions showed that along with the positive impact of cryptocurrencies on economic development, there are serious challenges due to the high level of price instability, lack of centralized management, anonymity of payments and technical problems in the functioning of systems.

Keywords: cryptocurrency, cryptoasset, cryptosurrogate, regulatory regulation, digital currency turnover, civil law object, legal system, regulatory mechanism, digital platforms, legal reality.

References

1. Civil Code of the Russian Federation (part one) dated 30.11.1994 № 51-FZ (ed. 24.07.2023) [Electronic resource] Access mode: <https://docs.cntd.ru/document/9027690> (date of appeal 16.09.2025).
2. Danilenkov A.A. On the legal nature of digital surrogates//Economy and law. 2018. № 8(499). P. 83–89.
3. Zhukov A.P. Legal problems of declaring cryptocurrency for civil and civil servants in the Russian Federation//Education and law: "Digital Law." 2025. № 1. P. 447–451.
4. Kadim K.D.B. Experience in the legal regulation of digital assets in international law//Young scientist. 2024. № 15 (514). P. 348–351.
5. Root A.A., Tydykova N.V. Cryptocurrency as an object and means of committing crimes//All-Russian Criminological Journal. 2019. T. 13. № 3. P. 408–415.
6. Cryptocurrencies: trends, risks, measures: Report for public consultations/Central Bank of the Russian Federation. 2022. 37 p.
7. Penkin S. Why do central banks around the world create their own digital currencies [Electronic resource] Access mode: <https://vc.ru/april-capital/268413-zachem-centralnye-banki-povsemu-miru-sozdayut-sobstvennye-cifrovye-valyuty> (circulation date 17.09.2025)
8. Message of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly from the 01.03.2018 "Message of the President to the Federal Assembly" [Electronic resource] Access mode: <https://kremlin.ru/events/president/news/56957> (date of appeal 16.09.2025)
9. Repetskaya A.L., Mironov A.O. Cryptocurrency as an object of criminal law and criminological research//Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. № 3 (102). P. 109–120.
10. Russkevich E.A., Malygin I.I. Crimes related to the circulation of cryptocurrencies: features of qualifications II Law. Journal of the Higher School of Economics. 2021. № 3. P. 106–125.
11. Sannikova L.V., Kharitonova Yu.S. Problems of the formation of legal regimes of new digital objects of circulation//Entrepreneurial law. Application "Law and Business." 2019. № 1. P. 37–39.
12. Federal Law of 2.08.2019 № 259-FZ "On attracting investments using investment platforms and on amending certain legislative acts of the Russian Federation" (as amended by 08.08.2024 № 263-FZ) [Electronic resource] Access mode: https://consultant.ru/document/cons_doc_LAW_330652 (date of application 17.09.2025)
13. Federal Law of 24.07.2023 № 339-FZ "On Amendments to Articles 128 and 140 of Part One, Part Two and Articles 1128 and 1174 of Part Three of the Civil Code of the Russian Federation" [Electronic Resource] Access Mode: <https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202307240009> (date of application 17.09.2025)
14. Federal Law of 24.07.2023 № 340-FZ "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" (as amended by 26.12.2024 No. 494-FZ, 28.12.2024 No. 522-FZ) [Electronic Resource]. Access mode: <https://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202307240024> (access date 17.09.2025)

Защита прав конечного приобретателя недвижимости при оспаривании ряда сделок с ней в деле о банкротстве

Березкин Алексей Сергеевич,

аспирант Негосударственного образовательного частного учреждения высшего образования «Московский финансово-промышленный университет «Синергия»
E-mail: alexey_berezkin98@mail.ru

Статья посвящена вопросу защиты прав конечного приобретателя недвижимости в процедуре оспаривания цепочки сделок по её отчуждению в деле о банкротстве экс-собственника недвижимости. В рамках поставленной проблемы автором анализируются установленные законом основания, по которым в деле о банкротстве может оспариваться ряд последовательных сделок по продаже недвижимости, в том числе сделка, совершённая конечным приобретателем. Приводится релевантная и актуальная правоприменительная практика по заданной тематике, что обуславливает практическую значимость работы. По результатам проведённого исследования в статье сформированы рекомендации, направленные на защиту прав конечного приобретателя недвижимого имущества в обособленном споре по оспариванию цепочки сделок с недвижимостью в деле о банкротстве её предыдущего собственника.

Ключевые слова: недвижимое имущество, недвижимость, действительность сделки, отчуждение недвижимости, добросовестный приобретатель.

Приобретение недвижимости на вторичном рынке помимо преимуществ безусловно имеет и свои недостатки. К последним помимо прочего можно отнести риск потенциального банкротства продавца недвижимости, который в свою очередь может привести к судебному исследованию совершённой сделки на предмет её соответствия законодательству о банкротстве и гражданско-правовым основаниям недействительности сделок.

К сожалению, в настоящее время нормативной базой России не предусмотрено правового механизма, гарантирующего приобретателю недвижимости безоговорочную защиту от вышеуказанного риска. Непосредственно перед заключением договора купли-продажи покупатель, конечно, может и должен проверить своего непосредственного контрагента в том числе на предмет его действующего и потенциального банкротства, предусмотрев соответствующие положения в договоре. Такая преддоговорная проверка безусловно снижает риск оспаривания сделки в рамках возможного банкротства продавца, однако же не исключает его полностью, поскольку даже при наличии у продавца хорошей кредитной истории на момент совершения сделки, ребром так или иначе встаёт следующий вопрос: каким образом покупатель может знать о том, что продавец не станет банкротом через год, два или три после сделки?

Вместе с тем в контексте анализируемого риска следует отметить и тот момент, что сама по себе опасность потенциального банкротства предыдущего собственника недвижимости должна учитываться не только применительно к продавцу, но также и к лицам, которые были собственниками недвижимости до него. В этой связи возникают и другие вопросы: как потенциальному покупателю недвижимости проверить всех экс-собственников приобретаемого имущества на предмет их банкротства? И должен ли покупатель, в принципе, это делать? Отвечая на первый вопрос, думается, что покупатель сможет узнать актуальный статус предыдущих собственников недвижимости посредством использования информационного ресурса «Картотека арбитражных дел» [1], однако проверить их на предмет потенциального банкротства будет проблематично. Относительно второго вопроса можно отметить, что законодательство не требует от потенциального приобретателя недвижимости совершать проверку всех предыдущих собственников имущества, однако в целях минимизации рассматриваемого риска провести анализ соответствующих собственников, равно как и проверку юридической чистоты сделок, ра-

нее совершённых с приобретаемой недвижимостью, всё же рекомендуется. Тем не менее, даже несмотря на все принимаемые покупателями превентивные меры, от оспаривания совершённой сделки в рамках дела о банкротстве предыдущего собственника они не застрахованы.

Таким образом, вопрос защиты прав конечного приобретателя недвижимого имущества в процедуре оспаривания цепочки сделок по его отчуждению, инициируемой в деле о банкротстве предыдущего собственника недвижимости, является достаточно актуальным. Важность поставленного вопроса состоит в том, что результат его разрешения оказывает прямое влияние на имущественную сферу субъектов хозяйственного оборота. При неправильном его разрешении судом, конечный приобретатель может лишиться приобретённой на законных основаниях недвижимости, не получив при этом никакого встречного представления вовсе, или же получив таковое в неравноценном объёме.

Для построения тактики защиты конечного приобретателя недвижимого имущества прежде всего необходимо обратить внимание на закреплённую в 2010 году позицию Пленума ВАС РФ [2], согласно которой сделки, в которых должник не участвует, по общему правилу не могут быть оспорены в деле о банкротстве. Вместе с тем в 2017 году ВС РФ указал, что ряд последовательных сделок может быть признан недействительным в деле о банкротстве в том случае, когда все оспариваемые сделки прикрывают вывод имущества должника из конкурсной массы в пользу конечного приобретателя [3]. Следовательно, в процессе по оспариванию цепочки сделок с недвижимостью, ранее принадлежавшей должнику, конечному приобретателю недвижимости необходимо опровергнуть мнимость и притворность своей сделки, а также доказать отсутствие взаимосвязи с должником и сторонами иных оспариваемых сделок.

Опровержение вышеназванных составляющих на практике осуществляется путём приведения доказательств, не позволяющих суду применить к сделке конечного приобретателя положения п. 2 ст. 61.2 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве) [4] и ст. 170 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) [5], поскольку именно данные основания недействительности сделок, как правило, используются арбитражным управляющим или кредитором для оспаривания цепочки сделок с недвижимостью, ранее принадлежавшей банкроту.

Рассматривая позицию защиты конечного приобретателя недвижимости в рамках исследования оснований для применения нормы о недействительности сделки, направленной на причинение вреда кредиторам (п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве), прежде всего целесообразно обратиться к перечню тех обстоятельств, которое должно доказать лицо, оспаривающее сделку по соответствующему основанию. Данный перечень закреплён в уже упомянутом постановлении Пленума

ВАС РФ от 2010 года и включает в себя три составляющие. Первая из них – это противоправная цель сделки (вред кредиторам), вторая – достижение такой цели, и третья – это, собственно, знание лица, вступающего в правоотношения с должником, о противоправной цели сделки на момент её совершения. Если хотя бы одно из названных обстоятельств не будет доказано – сделка останется действительной.

Отметим, что при оспаривании ряда сделок по отчуждению недвижимости, ранее принадлежавшей банкроту, арбитражный управляющий или кредитор зачастую подводит все указанные сделки под одну колею, указывая, что стороны всех договоров, в том числе конечный приобретатель недвижимости, знали о цели должника причинить вред кредиторам посредством вывода недвижимости из его имущественной сферы. Такая позиция усиливается в том случае, если одна или несколько оспариваемых сделок действительно имеют существенные пороки.

В рамках доказывания отсутствия взаимосвязи между должником и конечным приобретателем недвижимости последнему следует акцентировать внимание на том, что контрагентом по его сделке выступает не сам должник, а лицо, вступившее в право собственности после него. Этот момент является принципиально важным для процессуальной позиции конечного приобретателя, поскольку он вполне однозначно позволяет доказать тот факт, что, совершая оспариваемую сделку, приобретатель не обладал и не должен был обладать сведениями о банкротстве одного из предыдущих собственников недвижимости, а также фактически не мог располагать информацией о том, что такой собственник продал имущество с заведомо противоправной целью. В обоснование приведённого довода можно положить не так давно высказанную позицию ВС РФ, согласно которой нельзя накладывать на кредитора обязанность по отслеживанию сведений о банкротстве лица, с которым правоотношения прекращены [6].

Таким образом, ключевым аргументом конечного приобретателя недвижимости должно быть утверждение о том, что на дату совершения своей сделки он не обладал и не был обязан располагать сведениями о банкротстве предыдущего собственника имущества. Данное утверждение должно подтверждаться добросовестными действиями приобретателя в рамках процедуры оформления сделки, поскольку СКЭС ВС РФ в одном из своих определений указала на то, что при установлении факта наличия или отсутствия взаимосвязи должника и приобретателя во внимание необходимо принимать разумность и осмотрительность действий последнего, сопоставляя его поведение с абстрактным участником хозяйственного оборота [7], что по своей сути представляет собой исследование приобретательской добросовестности.

Добросовестность конечного приобретателя недвижимого имущества – это краеугольный камень в рассматриваемой категории спора, поскольку

он имеет значение как в рамках доказывания отсутствия взаимосвязи конечного приобретателя с должником, так и при исследовании оспариваемой сделки на предмет её мнимости, в связи с чем доказывание добросовестности будет подробно рассмотрено в работе далее.

Однако, прежде чем перейти к детальному изучению вопроса о приобретательской добросовестности, необходимо обратить внимание на то, что представляет из себя мнимая сделка, поскольку воля и волеизъявление конечного приобретателя при совершении сделки по отчуждению недвижимости, равно как достижение им целей соответствующей сделки, также будут предметом судебного исследования в рассматриваемой категории обособленного спора. Это обусловлено тем, что зачастую перед банкротством должника с его имуществом совершается цепочка сделок, имеющая своей целью вывод активов из-под контроля кредиторов должника. Как правило, такие псевдо-сделки содержат в себе существенные пороки и проводятся между связанными друг с другом лицами (родственниками, знакомыми), прямая или косвенная взаимосвязь которых в конечном итоге устанавливается судом. При этом нередко встречается ситуация, когда связанные между собой лица после проведения ряда формальных сделок отчуждают имущество постороннему приобретателю, не обладающему информацией о злом умысле соответствующих лиц. В последующем конечный приобретатель наряду со связанными с должником лицами становится ответчиком в обособленном споре по оспариванию сделок, совершённых с ранее принадлежащим должнику имуществом, что обуславливает актуальность изучения методов защиты от применения гражданско-правовых последствий недействительности мнимой сделки.

Так, согласно ст. 170 ГК РФ мнимая сделка – это сделка для вида, то есть сделка, не порождающая того правового и фактического результата, на который она направлена «на бумаге». По вопросу недействительности мнимых сделок Пленум ВС РФ в 2015 году отметил, что в целях придания такой сделке признаков действительности, её стороны могут формально исполнять свои обязательства (документально создать видимость оплаты приобретаемого имущества, подписать акты его приёма-передачи и прочее), однако фактический контроль над имуществом сохраняется за продавцом или иным лицом, но не за покупателем [8]. Также Пленумом ВС РФ указано и то обстоятельство, что в целях прикрытия фактической сделки недобросовестными лицами может быть совершено несколько последовательных «формальных» сделок.

Рассматривая позицию защиты конечного приобретателя недвижимости в части применения судом последствий недействительности сделки по мотиву её мнимости, отметим, что в силу постановлений Президиума ВАС РФ [9] [10] положения ст. 170 ГК РФ о мнимых сделках применяются при одновременном наличии двух фактов, первым

из которых является намерение сторон сделки сознательно не исполнять её, а вторым – волеизъявление сторон на момент заключения сделки не было направлено на создание тех правовых последствий, которые наступают при её совершении.

Также в одном из обзоров судебной практики Президиума ВС РФ указано, что в случае наличия в деле о банкротстве должника возражений о мнимости сделки арбитражный суд не может ограничиваться только проверкой документов по сделке, представленных кредитором. Суду необходимо выяснить, представлены ли достоверные доказательства наличия фактических отношений по договору [11]. В ещё одном обзоре судебной практики Президиума ВС РФ предусмотрено, что для признания сделки мнимой суду необходимо установить факт недобросовестных действий сторон в обход закона, а также факт того, что стороны не имели намерения фактического совершения сделки [12].

Учитывая изложенные позиции ВАС РФ и ВС РФ, конечному приобретателю недвижимости необходимо представить доказательства существования фактических отношений по договору купли-продажи недвижимого имущества (документы, подтверждающие владение и пользование имуществом), а также подтвердить при этом свою добросовестность при совершении сделки, о значимости которой уже было сказано ранее.

Что касается доказательств, подтверждающих возникновение фактических отношений по договору купли-продажи недвижимости, то ими являются прежде всего документы об оплате приобретённого имущества. Помимо них важное процессуальное значение имеют документы, свидетельствующие о платёжеспособности покупателя на момент совершения сделки, то есть доказывающие финансовую возможность приобретения недвижимости. Не последнюю роль также могут сыграть заключённые конечным приобретателем договоры на коммунальное обслуживание недвижимости, договоры на проведение ремонтных работ в отношении неё, договоры по доставке бытовой техники в спорную недвижимость, а также квитанции об оплате коммунальных платежей и налогов. Кроме того, конечному приобретателю недвижимости важно знать её фактические характеристики (количество помещений (комнат), их расположение относительно друг друга, цвет отделки, территориальное расположение имущества и т.д.), поскольку в судебном заседании перед приобретателем может быть поставлен вопрос относительно знания последним соответствующих характеристик. Такой вопрос ставится для того, чтобы выяснить, действительно ли покупатель владеет и пользуется имуществом. Все перечисленные аспекты, доказывая существование фактических отношений по сделке, обладают неразрывной связью с уже неоднократно упоминаемой в работе правовой категорией: приобретательская добросовестность.

Переходя к вопросу, касающемуся оценки добросовестности приобретателя (а в нашем случае конечного приобретателя недвижимости), необ-

ходимо обратиться к определению СКЭС ВС РФ, в котором сделан вывод, что добросовестность должна оцениваться судом исходя из анализа всех представленных приобретателем доказательств [13]. Также в данном определении СКЭС ВС РФ обратила внимание на конкретные обстоятельства, свидетельствующие о добросовестности приобретателя. Среди таковых приводятся как уже ранее известные, так и достаточно новые. К ранее известным относятся, во-первых, сведения ЕГРН, согласно которым на момент совершения сделки имущество не обременено правами третьих лиц и собственником является продавец, а во-вторых, факт оплаты имущества покупателем в полном объёме и в установленный договором срок. В свою очередь к новым обстоятельствам можно отнести факт приобретения недвижимости при поддержке профессионального риелтора и использование формы расчётов по сделке посредством аккредитива. Таким образом, доказательствами добросовестности конечного приобретателя недвижимости помимо данных ЕГРН и факта полной оплаты приобретённого имущества, может стать договор с агентством недвижимости и оплата по нему, а также переписка в мессенджерах по вопросам выбора того или иного объекта недвижимости. Использование при расчётах по сделке аккредитива также будет доказывать добросовестность конечного приобретателя, так как такая форма расчётов не характерна для сделок, совершаемых должниками в преддверии их банкротства. Кроме этого, не стоит забывать про возможность нотариального удостоверения договора купли-продажи недвижимости, что наряду с другими факторами придаст приобретательской добросовестности ещё более значимый вес.

Одновременно с этим в приведённом в предыдущем абзаце определении СКЭС ВС РФ сделан важный для добросовестного приобретателя вывод относительно правильной оценки судами разницы между рыночной и реальной стоимостью отчуждаемой недвижимости на момент её продажи. Отметим, что зачастую при оспаривании сделки по п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве арбитражный управляющий или кредитор представляет отчёт о рыночной оценке недвижимости на момент совершения сделки, после чего ссылается на разницу между рыночной и действительной стоимостью имущества как на доказательство недобросовестности конечного приобретателя. Вместе с тем СКЭС ВС РФ указала, что разница между рыночной и реальной ценой имущества, пусть даже составляющая более 30%, сама по себе не может свидетельствовать о недобросовестности приобретателя. При оспаривании сделки на основании п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве оценка разницы между рыночной и реальной ценой имущества для выяснения добросовестности приобретателя должна проводиться путём применения судами критерия кратности. Следовательно, приобретатель имущества может быть признан недобросовестным только в том случае, если полученная продавцом

по сделке цена отчуждаемой недвижимости в несколько (два и более) раз ниже той, которая указана в отчёте об оценке (сделка на заведомо и значительно невыгодных условиях для продавца). Такой подход прослеживается в актуальной правоприменительной практике. В частности, Арбитражный суд Северо-Западного округа согласился с нижестоящими судами в том, что конечный приобретатель недвижимости не может быть признан недобросовестным по причине отклонения цены его сделки от рыночной оценки стоимости имущества, поскольку такое отклонение не является кратным [14]. В контексте изложенного также можно отметить, что в случае ссылки управляющего или кредитора на разницу между рыночной и действительной стоимостью имущества как на доказательство недобросовестности конечного приобретателя, последний может представить суду сведения о стоимости схожих со спорной недвижимостью объектов на момент совершения сделки. Такие сведения могут быть получены конечным приобретателем из информационных ресурсов в сети «Интернет», направленных на функционирование рынка недвижимости.

Таким образом, приведённые в работе правовые позиции высших судебных инстанций обладают существенной степенью значимости для приобретателей недвижимости на вторичном рынке, поскольку они устанавливают высокий барьер опровержения добросовестности таких приобретателей, одновременно позволяя последним эффективно применять правовые механизмы для защиты своих прав. Указанные позиции безусловно заслуживают положительной оценки, так как они оказывают непосредственное влияние на практику применения судами института государственной защиты права собственности, который должен обеспечивать добросовестным приобретателям гарантии неприкосновенности приобретённого ими на законных основаниях имущества.

Вместе с тем изложенный в статье материал показывает, что потенциальные приобретатели вторичной недвижимости всегда должны подходить к покупке осмотрительно и ответственно. В частности, следует критически относиться ко всем документам на приобретаемое имущество, уделяя особое внимание сведениям, указанным в ЕГРН. Также перед покупкой целесообразно изучить хронологию перехода прав на недвижимость и при наличии факта перемены собственников имущества за относительно короткий период от приобретения такого имущества по возможности следует отказаться. Если наряду с данным обстоятельством присутствует ещё и факт занижения цены предлагаемой к покупке недвижимости, то приобретать её категорически не рекомендуется.

Литература

1. Картотека арбитражных дел (arbitr.ru). – 2025. – URL: <https://kad.arbitr.ru/?ysclid=m->

- 06ti1cvdvg664651656 (дата обращения: 15.08.2025).
2. Постановление Пленума ВАС РФ от 23.12.2010 № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» // Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс. – (дата обращения: 16.08.2025).
 3. Определение СКЭС ВС РФ от 31.07.2017 № 305-ЭС15–11230 по делу № А40–125977/2013 // Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс. – (дата обращения: 16.08.2025).
 4. О несостоятельности (банкротстве): Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – 28 октября. – № 43. – Ст. 4190.
 5. Гражданский кодекс РФ (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – 5 декабря. – № 32. – Ст. 3301.
 6. Определение СКЭС ВС РФ от 14.12.2023 № 308-ЭС20–8515(16) по делу № А32–55433/2017 // Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс. – (дата обращения: 16.08.2025).
 7. Определение СКЭС ВС РФ от 11.08.2022 № 305-ЭС21–21196(5) по делу № А41–70837/2017 // Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс. – (дата обращения: 22.08.2025).
 8. Постановление Пленума ВС РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс. – (дата обращения: 23.08.2025).
 9. Постановление Президиума ВАС РФ от 07.02.2012 № 11746/11 по делу № А76–18682/2010–12–587 // Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс. – (дата обращения: 01.09.2025).
 10. Постановление Президиума ВАС РФ от 05.04.2011 № 16002/10 по делу № А73–15601/2009 // Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс. – (дата обращения: 02.09.2025).
 11. «Обзор судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующего должника и аффилированных с ним лиц» (утвержден Президиумом ВС РФ 29.01.2020) // Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс. – (дата обращения: 19.09.2025).
 12. «Обзор судебной практики ВС РФ № 1 (2021)» (утвержден Президиумом ВС РФ 07.04.2021) // Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс. – (дата обращения: 20.09.2025).
 13. Определение СКЭС ВС РФ от 23.12.2021 № 305-ЭС21–19707 по делу № А40–35533/2018 // Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс. – (дата обращения: 23.09.2025).
 14. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 15.07.2025 по делу № А56–828/2022 // Картотека арбитражных дел. – (дата обращения: 23.09.2025).

PROTECTION OF THE RIGHTS OF THE ULTIMATE PURCHASER OF REAL ESTATE IN CHALLENGING A SERIES OF TRANSACTIONS FOR ITS ALIENATION WITHIN THE FRAMEWORK OF BANKRUPTCY PROCEEDINGS

Berezkin A.S.

Moscow Financial and Industrial University "Synergy"

The article is devoted to the issue of protecting the rights of the ultimate purchaser of real estate in proceedings challenging a chain of transactions involving its alienation within the framework of the bankruptcy case of the former property owner. In addressing this problem, the author analyzes the statutory grounds under which a series of successive transactions concerning the transfer of real estate, including the transaction concluded with the ultimate purchaser, may be contested in bankruptcy proceedings. Relevant and up-to-date judicial practice on the subject is provided, which underscores the practical significance of the study. Based on the results of the research, the article formulates recommendations aimed at safeguarding the rights of the ultimate purchaser of immovable property in a separate dispute concerning the challenge of a chain of transactions with real estate in the bankruptcy case of its previous owner.

Keywords: real estate, transaction challenge, transaction invalidity, property alienation, bona fide purchaser.

References

1. Arbitration Case File (arbitr.ru). – 2025. – URL: <https://kad.arbitr.ru/?ysclid=m06ti1cvdvg664651656> (accessed: 15.08.2025).
2. Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation No. 63 dated 23.12.2010 "On Some Issues Related to the Application of Chapter III.1 of the Federal Law 'On Insolvency (Bankruptcy)'" // Access via ConsultantPlus legal reference system. – (accessed: 16.08.2025).
3. Ruling of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated 31.07.2017 No. 305-ЭС15–11230 in case No. А40–125977/2013 // Access via ConsultantPlus legal reference system. – (accessed: 16.08.2025).
4. On Insolvency (Bankruptcy): Federal Law No. 127-FZ dated 26.10.2002 // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2002. – October 28. – No. 43. – Article 4190.
5. Civil Code of the Russian Federation (Part One) No. 51-FZ dated 30.11.1994 // Collected Legislation of the Russian Federation. – 1994. – December 5. – No. 32. – Article 3301.
6. Decision of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation No. 308-ЭС20–8515(16) dated 14.12.2023 in case No. А32–55433/2017 // Access via ConsultantPlus legal reference system. – (accessed: 16.08.2025).
7. Decision of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation No. 305-ЭС21–21196(5) dated 11.08.2022 in case No. А41–70837/2017 // Access via ConsultantPlus legal reference system. – (accessed: 22.08.2025).
8. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 25 dated 23.06.2015 "On the Application by Courts of Certain Provisions of Section I of Part One of the Civil Code of the Russian Federation" // Access via ConsultantPlus legal reference system. – (accessed: 23.08.2025).
9. Resolution of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation No. 11746/11 dated 07.02.2012 in case No. А76–18682/2010–12–587 // Access via ConsultantPlus legal reference system. – (accessed: 01.09.2025).
10. Resolution of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation No. 16002/10 dated 05.04.2011 in case

No. A73–15601/2009 // Access via ConsultantPlus legal reference system. – (accessed: 02.09.2025).

11. “Review of Judicial Practice in Resolving Disputes Related to the Establishment of Claims by Controlling Persons and Affiliated Persons of the Debtor in Bankruptcy Procedures” (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on 29.01.2020) // Access via ConsultantPlus legal reference system. – (accessed: 19.09.2025).
12. “Review of Judicial Practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 1 (2021)” (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on 07.04.2021) //

Access via ConsultantPlus legal reference system. – (accessed: 20.09.2025).

13. Decision of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation No. 305-ЭС21–19707 dated 23.12.2021 in case No. A40–35533/2018 // Access via ConsultantPlus legal reference system. – (accessed: 23.09.2025).
14. Ruling of the Arbitration Court of the North-Western District dated 15.07.2025 in case No. A56–828/2022 // Access via the Arbitration Case File. – (accessed: 23.09.2025).

Губанова Ольга Александровна,

кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры переподготовки и повышения квалификации специалистов, Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России имени Героя Российской Федерации генерала армии Е.Н. Зиничева, E-mail: gubanova-olga@mail.ru

В публикации мы рассмотрим право на вторую пенсию для сотрудников Федеральной противопожарной службы Государственной противопожарной службы (ФПС ГПС). После увольнения на пенсию за выслугу лет, по инвалидности сотрудники ФПС ГПС, как правило продолжают работать, зарабатывают необходимый страховой стаж и могут претендовать на оформление второй пенсии по линии социального фонда России. В статье прописаны все необходимые нюансы для второй пенсии и изменения произошедшие в пенсионном обеспечении России для сотрудников ФПС ГПС и работников. Также в публикации предоставлены данные социального фонда России по количеству пенсионеров в текущем 2025 году. Проанализированы их изменения по годам, связанные с увеличением пенсионного возраста выхода на пенсию, смертью от COVID-19 и причины увеличения численности пенсионеров в России в 2024 году.

Ключевые слова: Вторая пенсия, страховой стаж, пенсионные баллы, формулы для подсчета пенсий

Введение

По данным социального фонда России по состоянию на 1 января 2025 года количество пенсионеров составило 41,17 млн. человек, увеличение за год составило – 94 тыс. человек. В эту численность не включено количество пенсионеров новых регионов России, а также получателей военных и ведомственных пенсий по линии силовых структур. Заметим, что количество пенсионеров было увеличено впервые за шесть лет, до этого данный показатель ежегодно уменьшался.

Основное увеличение связано с ростом числа официально работающих пенсионеров и поэтапного выхода на пенсию, который представлен в таблице 1: в 2024 году их стало больше на 343 тысячи, всего – 8,2 млн. Число неработающих пенсионеров, напротив, сократилось на 248 тысяч и составило 32,96 млн. Напомним, что по поэтапному графику выхода на пенсию в 2023 году на пенсию никто не вышел, также как и в текущем 2025 году. [1]

Некоторые факторы, влияющие на количество пенсионеров в России:

- Повышение пенсионного возраста. Основная причина сокращения количества числа пенсионеров в России – пенсионная реформа 2019 года, на основании которой был увеличен возраст выхода на пенсию.
- Пандемия COVID-19. В 2020 году пожилые люди оказались самой уязвимой категорией: 80% погибших от коронавируса – люди старше 65 лет. Старение населения, а также изменение состава населения: увеличение численности населения старших возрастов.
- Рост числа работающих пенсионеров.
- Влияние миграции на количество пенсионеров неоднозначно. При определённых условиях миграционные процессы могут «омолодить» состав населения, либо усилить тенденции старения.

Например, переезд населения старших возрастных групп может замедлить процесс демографического старения. Что очень характерно для районов Крайнего Севера и других регионов, куда переселяются единственно для зарабатывания денег, а по завершении трудовой деятельности возвращаются в более климатически привлекательные местности. В то же время, рост миграционной комфортности регионов и, как следствие, миграционного прироста в них, может привести к снижению темпа старения, но в связи с низкой рождаемостью, будет сохраняться или возрастать доля пожилого населения. Следовательно, влияние ми-

грации на количество пенсионеров зависит от множества факторов и может иметь разные последствия в зависимости от конкретных условий. [2,3]

Далее рассмотрим, кто может претендовать на получение двух пенсий. Нельзя точно сказать сколько граждан в России получают вторую пенсию, так как гарантию получения двух пенсий имеют не все категории граждан, а только некоторые, это:

- Граждане с инвалидностью, получившие её вследствие военной травмы, в ходе специальной военной операции или боевых действий.
- Участники Великой Отечественной войны, ставшие инвалидами независимо от причины инвалидности.
- Награждённые знаками «Жителю блокадного Ленинграда», «Житель осаждённого Севастополя», «Житель осаждённого Сталинграда», также ставшие инвалидами независимо от причины.
- Нетрудоспособные члены семей, которые потеряли кормильца – военнослужащего или добровольца, погибшего (или умершего) во время службы по призыву или из-за военной травмы.
- Военные пенсионеры, получающие пенсию от Минобороны или другого силового ведомства.

В нашей статье мы рассматриваем право сотрудника ФПС ГПС на получение второй пенсии по линии социального фонда России. Напомним, самой большой социальной гарантией для сотрудников ФПС ГПС является ведомственная пенсия, которая наступает в достаточно молодом возрасте и значительно превышает обычную страховую пенсию гражданского персонала. Заметим также, что она стремительно индексируется, как за счет увеличения денежного довольствия сотрудников (одновременно с этим происходит индексация пенсии), так и за счет увеличения понижающего коэффици-

ента. Впервые Федеральный закон от 22.07.2008 № 156-ФЗ дал право ведомственным пенсионерам получать вторую пенсию (страховую часть трудовой пенсии), при наличии соблюденных условий.[4]

До этого времени действовали положения Федерального закона от 15.12.2001 № 166-ФЗ, согласно которым люди, имеющие право на разные пенсии – гражданскую или военную, могли выбрать только одну, которая их больше устраивала. Исключение из этих правил составляло небольшое количество лиц (участники ВОВ и т.д.), которым было разрешено иметь две пенсии одновременно. [5]

На основании судебного решения от 11.05.2006 № 187-О по вопросу нарушения конституционных прав гр.Наумчика В.В., связанных с оформлением второй пенсии за страховой стаж было Определением Конституционного Суда. Следствием данного Определения стал Федеральный закон от 22.07.2008 N 156-ФЗ. [4]

Данным законом были внесены изменения в законы о пенсионном обеспечении военнослужащих и о трудовых пенсиях: № 4468–1[6] и № 173-ФЗ[7].

В настоящее время право на получение второй пенсии военнослужащими и ведомственными пенсионерами установлено в № ФЗ-400 при соблюдении некоторых условий для ее получения.[8]

Необходимые критерии, которые должны быть для этого соблюдены:

- возраст выхода на пенсию (который в настоящее время является переходным) показан в таблице 1;
- страховой стаж, который начиная с 2024 года составляет 15 лет и пока увеличиваться не будет;
- количество начисленных пенсионных баллов за страховой стаж работы (подразумевается стаж гражданской работы, не включенный в ведомственную пенсию, если сотрудник увольняется по смешанному стажу).

Таблица 1. Возраст выхода на пенсию

Год рождения мужчины	Возраст выхода на пенсию (мужчины)	В каких годах можно будет выходить на пенсию		Год рождения женщины	Возраст выхода на пенсию (женщины)
1959	61	2019	2020	56	1964
1969	62	2021	2022	57	1965
1961	63	2024		58	1966
1962	64	2026		59	1967
1963	65	2028		60	1968

Напомним, сотрудники ФПС ГПС увольняются на пенсию на основании Закона РФ от 12.02.1993 N 4468–1.[6]

Уволиться на пенсию сотрудники могут по двум основаниям: по выслуге 20 лет и более или по смешанному стажу, при увольнении по второму основанию должны быть соблюдены следующие условия: статья увольнения (по предельному возрасту, по болезни, по сокращению штата), страховой стаж 25 лет и более, из которых не менее 12,6 ме-

сяцев составляет служба и возраст, который зависит от статьи увольнения (по предельному возрасту – 50 лет и более, по иным статьям – 45 лет и более). [9,10,11,12,13,14,15]

И здесь существуют следующие нюансы, если сотрудник увольняется на ведомственную пенсию по смешанному стажу, ему в пенсионный расчет должна быть включена гражданская работа до службы в ФПС ГПС и тогда второй раз повторно для второй пенсии за трудовой стаж она не мо-

жет быть засчитана. Если же сотрудник ФПС ГПС увольняется со службы с выслугой 20 лет и более (служа в ВС, силовых структурах) и перед службой имел трудовой стаж, который не учитывается для ведомственной пенсии, то тогда он должен быть включен в расчет для второй пенсии.

Стоимость пенсионных баллов установлена Федеральным законом от 03.10.2018 N 350-ФЗ и представлена в таблице 2.[16]

Таблица 2. Стоимость одного пенсионного балла

год	Стоимость пенсионного балла, рублей
2023	123,77
2024	133,05
2025	145,69

Пенсионный стаж начиная с 2025 года увеличен до 30 баллов и пока меняться не будет. Напомним, что работнику для индивидуального пенсионного коэффициента за год не может быть начислено более 10 баллов, не смотря на то какая у него была зарплата. Чтобы работнику было начислено 10 баллов в 2025 году, его зарплата должна составлять 229900 рублей в месяц. Данная сумма рассчитана исходя из предельного размера страховых взносов за 2025 год – 2759000 рублей. Стоимость пенсионного балла в 2025 году – 145,69 рублей и представлена в таблице 2. Прогноз стоимости пенсионного балла на 2026 год – 156,76 рублей.

Каждый работник может подсчитать себе вторую пенсию по линии социального фонда России, для этого надо сделать запрос в СФР через госуслуги, выяснив набранное количество индивидуальных пенсионных коэффициентов.[17,18]

Рассчитаем данную пенсию. Вторая пенсия состоит из двух составляющих: индивидуального пенсионного коэффициента, умноженного на стоимость пенсионного коэффициента в году увольнения на пенсию. Фиксированная выплата для второй пенсии не учитывается. Например, бывший сотрудник ФПС ГПС, получающий ведомственную пенсию, после пенсии работая на гражданской должности, имеет страховой стаж 15 лет, заработал 70,35 индивидуальных пенсионных баллов, оформляет пенсию в 2024 году, имеет возраст 63 года (1961 г.рождения). Рассчитаем вторую пенсию:

ИПК (индивидуальный пенсионный коэффициент) x СПК (стоимость пенсионного коэффициента),

$$70,35 \times 133,05 = 9360,07 \text{ рублей}$$

Обратим внимание, какой был размер средней гражданской пенсии за последние годы: на 1 октября 2017 года средний размер пенсии составлял 12962 рубля. В последующие годы выплаты постепенно росли: в 2018 году – 13323 рубля, в 2019 году – 14150 рублей, в 2020 году – 15026 рублей, в 2021 году – 15851 рубль. Существенный рост произошёл в 2022 году – до 18504 рублей, а в 2023 году пенсия достигла 19609 рублей. Данные показывают стабильный ежегодный рост пенсий. Одна-

ко этот рост является номинальным и должен рассматриваться вместе с уровнем инфляции, чтобы определить реальную динамику.

В 2024 году пенсии у работающих пенсионеров увеличились на 22% и составили 20830 рублей, у неработающих – выросли на 10%, до 23750 рублей. Разрыв между ними сократился с 4,5 до 2,9 тысячи рублей.

Напомним, что страховые пенсии индексируются каждый год для неработающих пенсионеров, а с 2025 года возобновлена индексация пенсий для работающих пенсионеров, которая является долгожданной для данной категории.

Вторая пенсия для сотрудников ФПС ГПС – гарантия государства, обеспечивающая дополнительную меру социальной поддержки для ведомственных пенсионеров, продолжающих трудовую деятельность после выхода на пенсию по выслуге лет или по инвалидности.

Литература

1. Пенсионеры вышли на прирост. Газета РБК №015(4045)(2002)20.02.2025/URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2025/02/20/67b5a3189a7947eb8a77c673> (дата обращения 03.10.2025)
2. Губанова О.А. Демография в России // Психолого-педагогические проблемы безопасности человека и общества. 2020. № 3 (48). С. 53–56.
3. Губанова О.А., Зуев А.В. Актуальные вопросы глобального увеличения численности населения // Инновации и инвестиции. 2023. № 2. С. 44–46.
4. Федеральный закон от 22.07.2008 N 156-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам пенсионного обеспечения». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Федеральный закон от 15.12.2001 N 166-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации.» Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Закон РФ от 12.02.1993 N 4468–1 (ред. от 29.12.2022) «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, войсках национальной гвардии Российской Федерации, органах принудительного исполнения Российской Федерации, и их семей.» Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. Федеральный закон от 17.12.2001 N 173-ФЗ (ред. от 08.12.2020) «О трудовых пенсиях в Российской Федерации.» Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

8. Федеральный закон от 28.12.2013 N 400-ФЗ (ред. от 28.02.2025) «О страховых пенсиях.» Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
9. Губанова О.А. История и реформирование пенсионного обеспечения в России // Психолого-педагогические проблемы безопасности человека и общества. 2018 № 2 (39). С. 79–82.
10. Губанова О.А. Реформирование пенсионной системы в Российской Федерации // Тезисы междунар. конф.// СПбУГПС 2019. СПб., 2019. С. 212–215.
11. Губанова О.А., Зуев А.В., Османов Ш.А., Завьялов Д.Е. Пенсия за выслугу лет // Юридическая наука, 2024, № 4. С. 37–40.
12. Губанова О.А., Бруевич М.Ю., Игбаева Г.В., Зуев А.В., Проходимова Е.М. Пенсия по инвалидности // Юридическая наука, 2024, № 6. С. 105–107.
13. Воробейчикова О.П., Губанова О.А. Правовые аспекты социальных гарантий сотрудников Федеральной противопожарной службы Государственной противопожарной службы МЧС России// Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. 2013 № 2(19) С. 58–63.
14. Бородин М.П., Губанова О.А. Исторические этапы срочной службы в России. Журнал «Казачество». 2021 № 55 (5). С. 51–55.
15. Воробейчикова О.П., Губанова О.А. Технологии по работе с резервом кадров в Санкт-Петербургском университете ГПС МЧС России. Науч.-аналит. журн. «Вестник С.-Петерб. Ун-та ГПС МЧС России». 2010 № 2. С. 62–70.
16. Федеральный закон от 03.10.2018 N 350-ФЗ (ред. от 29.10.2024) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий.» Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
17. Губанова О.А., Бруевич М.Ю. Право на вторую пенсию // Закон и власть. 2023. № 1. С. 26–28.
18. Губанова О.А., Степанов Р.А., Шелепенкин А.А. Электронная информационно-образовательная среда в системе повышения квалификации слушателей МЧС России» // Педагогический журнал, 2023, № 6–1. С. 265–271.

SECOND PENSION FOR EMPLOYEES OF THE FPS GPS

Gubanova O.A.

Saint Petersburg University of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia named after Hero of the Russian Federation, General of the Army E.N. Zinichev

In this publication, we will examine the right to a second pension for employees of the Federal Fire Service of the State Fire Service (FFS GPS). After retirement for length of service or disability, FFS GPS employees generally continue to work, earn the required insurance period, and are eligible for a second pension from the Russian Social Fund. The article details all the necessary nuances for a second pension and the changes that have occurred in pension provision in Russia for FPS GPS employees and workers. The publication also provides data from the Russian Social Fund on the number of pensioners in 2025. It analyzes year-over-year changes related to

the increase in the retirement age, COVID-19-related deaths, and the reasons for the increase in the number of pensioners in Russia in 2024.

Keywords: second pension, insurance period, pension points, pension calculation formulas

References

1. Pensioners have started to grow. RBC Newspaper № 015 (4045) (2002) 20.02.2025/ URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2025/02/20/67b5a3189a7947eb8a77c673> (accessed 03.10.2025)
2. Gubanova O.A. Demography in Russia // Psychological and pedagogical problems of human and society security. 2020. No. 3 (48). pp. 53–56.
3. Gubanova O.A., Zuev A.V. Topical issues of global population increase // Innovation and investment. 2023. No. 2. pp.44–46.
4. Federal Law No. 156-FZ of July 22, 2008 “On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation on Pension Provision”. Access from the help.-legal system “ConsultantPlus”.
5. Federal Law No. 166-FZ dated December 15, 2001 (as amended on July 31, 2025) “On State Pension Provision in the Russian Federation.” Access from the help.-the legal system “ConsultantPlus”.
6. Law of the Russian Federation No. 4468–1 of 12.02.1993 (as amended on 12/29/2022) “On Pension provision for persons who have served in Military Service, service in Internal Affairs Bodies, the State Fire Service, bodies for the control of Trafficking in Narcotic drugs and Psychotropic Substances, institutions and bodies of the penal enforcement system, troops of the National Guard of the Russian Federation, bodies of forced labor citizens of the Russian Federation, and their families.” Access from the help.-the legal system “ConsultantPlus”.
7. Federal Law No. 173-FZ of December 17, 2001 (as amended on December 08, 2020) “On Labor Pensions in the Russian Federation.” Access from the help.-legal system “ConsultantPlus”.
8. Federal Law No. 400-FZ dated December 28, 2013 (as amended on 02/28/2025) “On Insurance Pensions.” Access from the help.-legal system “ConsultantPlus”.
9. Gubanova O.A. The history and reform of pension provision in Russia // Psychological and pedagogical problems of human and society security. 2018 No. 2 (39). pp.79–82.
10. Gubanova O.A. Reforming the pension system in the Russian Federation // Abstracts of the international conference// SPbUGPS 2019. SPb., 2019. pp.212–215.
11. Gubanova O.A., Zuev A.V., Osmanov Sh.A., Zavyalov D.E. Long service pension // Yuridicheskaya nauka, 2024, No. 4. pp. 37–40.
12. Gubanova O.A., Bruevich M.Yu., Igbaeva G.V., Zuev A.V., Prokhodimova E.M. Disability pension // Yuridicheskaya nauka, 2024, No. 6. pp.105–107.
13. Vorobeichikova O.P., Gubanova O.A. Legal aspects of social guarantees of employees of the Federal Fire Service of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia// Right. Safety. Emergency situations. 2013 No. 2(19) pp.58–63.
14. Borodin M.P., Gubanova O.A. Historical stages of military service in Russia. The magazine “Cossacks”. 2021 No. 55 (5). pp.51–55.
15. Vorobeichikova O.P., Gubanova O.A. Technologies for working with the reserve of personnel at the St. Petersburg University of the Ministry of Emergency Situations of Russia. Scientific analysis. journal. “Bulletin of St. Petersburg. Uni-ta GPS of the Ministry of Emergency Situations of Russia”. 2010 No. 2. pp.62–70.
16. Federal Law No. 350-FZ of 03.10.2018 (as amended on 29.10.2024) “On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation on the Appointment and Payment of Pensions.” Access from the help.-the legal system “ConsultantPlus”.
17. Gubanova O.A., Bruevich M. Yu. The right to a second pension // Law and power. 2023. No. 1. pp. 26–28.
18. Gubanova O.A., Stepanov R.A., Shelepenkin A.A. Electronic information and educational environment in the system of advanced training of students of the Ministry of Emergency Situations of Russia” // Pedagogical Journal, 2023, No. 6–1. pp.265–271.

Карнаухов Сергей Сергеевич,

аспирант Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской
Федерации

В современном мире наблюдается существенная разница в технологическом развитии разных государств. Особенно интересен технологический разрыв между США и Россией. Два государства, еще полвека назад конкурирующие за технологическое первенство, сегодня находятся на разном уровне. Чтобы проследить причины технологического разрыва, необходимо проследить историю развития гражданско-правового регулирования инноваций. В статье прослеживается процесс развития регулирования инноваций в мире с акцентом на США и Россию, определяются факторы, повлиявшие на технологическую разницу в современности.

Ключевые слова: инновации, технологическая сфера, гражданско-правовое регулирование, научно-техническое развитие, государственные инвестиции, патент, история государства и права, право и наука, холодная война, СССР.

Мировое технологическое развитие происходит неравномерно: одни регионы вырываются вперед, становясь ведущими технологическими державами, иные имеют определенное отставание. Ровно также происходит с вопросом регулирования инноваций: в наиболее технологически развитых регионах оно появляется в первую очередь, развиваясь постепенно. Отстающие государства переживают технологический скачок, в короткие сроки развивая гражданско-правовое регулирование инноваций, основываясь на подходе стран с уже развитым регулированием, модернизируя его.

Например, в Великобритании, США, Германии постепенно вводилось понятие регулирования инноваций, к пониманию этого вопроса общество и право шло не одно столетие, в то время как, например, на территории СССР развитие происходило стремительно, на протяжении нескольких десятилетий и с рядом отличий от западных держав [3, с. 351–357].

Истоки регулирования инноваций возникли в эпоху Возрождения. Защита авторского права впервые появилась в 1474 году в Республике Венеция. Это был прообраз современного патента, выдаваемый монархом. Любой изобретатель мог сообщить о своем новшестве властям, после чего ему выдавался патент для доказательства авторства.

Второй страной, применившей подобную защиту интеллектуальной собственности, стала Англия. Здесь интеллектуальная собственность защищается государством с 1624 года.

Но вершины развития гражданско-правового регулирования инноваций было достигнуто несколько позже. В зависимости от исторического периода и сложившегося в это время политической обстановки влияние правительства на регулирование инноваций снижалось или увеличивалось. Как правило, сложное политическое и экономическое положение увеличивало контроль инноваций, и прогресс начинает ускоряться [7].

Во времена всеобщего мира и изобилия контроль государства и финансирование новых разработок уменьшается. Прогресс хоть и не стоит на месте в такие периоды, но развитие существенно замедляется.

Особое внимание на инновации государства обратили перед Второй мировой войной. Именно тогда технология стала восприниматься широкой публикой как обязательное условие победы в конкурентной борьбе государства и народа за выживание. Появилась необходимость влиять на развитие науки и техники, что стало шагом к зарождению современного гражданско-правового регулирования инноваций.

Впервые технологии в качестве инструмента по борьбе с противником сформулировал австрийский экономист, политолог и социолог Йозеф Шумпетер. Его представление получило широкую огласку за счёт наглядности пользы технологического прогресса во время Второй мировой войны [8].

По ее окончании скачок уровня жизни за счет пристального внимания государства к развитию технологий стал очевиден. У общества появился запрос на постоянное развитие технологий. На бурное развитие гражданско-правового регулирования инноваций также повлияла холодная война, включающая космическую гонку.

Это подтолкнуло государство развивать новую отрасль правового регулирования для обеспечения юридической безопасности учёных и изобретателей, гарантии сохранения их прав на интеллектуальную собственность, определение норм и рамок их деятельности, условия взаимодействия с обществом и государством.

Развитие правового взаимоотношения с инновациями в индустриально развитых странах разделяют на этапы. Так, в 40–50 годах XX столетия происходит институционализация государственной инновационной политики.

С начала 50-х и до начала 70-х годов за счёт заметного прогресса в научно-технической сфере увеличиваются масштабы денежных вливаний в науку ради гонки вооружений, что приводит к вводу новых правовых решений. В 70–80-х формируются стратегии по развитию инновационной политики. В 1980-е формируются инновационные и инфраструктуры технопарки, технополисы. До конца 80-х и по сегодняшний день идёт эпоха доведения государственной политики в отношении науки до совершенства.

Грамотное развитие правовой базы, связанной с инновациями, позволило США стать одной из передовых индустриальных стран по количеству открытий и размаху научной деятельности в целом [5]. США переняли лидерство в правовом регулировании инноваций у европейских держав после индустриальной революции. Первопричиной технологического скачка США стала экономическая выгода от продажи стали, в том числе и в годы войны на европейском континенте, когда сталь стоила особенно дорого.

Грамотная инвестиционная политика США включала крупные вложения в технологии, а в сочетании с планомерным развитием гражданско-правового регулирования инноваций позволила создать идеальную среду для коммерческого изобретателя, чья деятельность может быть полезна правительству или населению [4, с. 37].

Это привело к тому, что в США стали стекаться учёные со всего мира, предлагая рынку Соединённых Штатов свои идеи. Данный процесс происходит и поныне, он породил таких лидеров рынка как Ford, General motors, Swift, Kodak, Google и многие другие.

В СССР подход к решению тех же задач происходил иначе. Гражданско-правовое регулирование

инноваций происходило через инструменты государственного управления научно-техническим процессом, и тяготело к административному праву [1, с. 125–131].

Введённые нормы регулирования были нацелены на планирование и развитие науки, и главным образом использования её плодов на достижение успехов в промышленности. Подобный подход был установлен ЦК КПСС и Советом Министров СССР. Правовое регулирование вопросов интеллектуальной собственности выполнялось с помощью программных документов, а также подзаконных нормативных актов.

В Советском Союзе впервые задались целью развития регулирования законодательства по вопросам научной сферы в 1960–1970-х годах XX столетия. В этот период были приняты основополагающие акты: «О мероприятиях по повышению эффективности работы научных организаций и ускорению использования народного хозяйства, достижений науки и техники», «О мерах по дальнейшему улучшению научно-исследовательских работ в области сельского хозяйства» и «О взаимном использовании научно-технических достижений министерствами и ведомствами СССР и подведомственными им предприятиями и организациями».

В 1973 году было оглашено постановления «О подтверждении положения об открытиях, изобретениях и рационализаторских предложениях». Оно касалось регуляции трудовых, личных, организационных и имущественных отношений, которые возникали в результате открытий, рационализаторских предложений или изобретений. Постановление гласит, что плоды интеллектуального труда берутся под защиту государства, и проходит процедуру удостоверения.

Данное введение было прорывом, так как гарантировало автору права на его интеллектуальный труд. Новый подход касался не только защиты авторского права, но и вёл к экономическому стимулированию научно-технического прогресса.

Последний этап хода развития гражданско-правового регулирования инноваций, проходивший в 80-х годах, был провальным. Постановление «О мерах по ускорению научно-технического прогресса в народном хозяйстве» не мог быть реализован, так как требовалось выполнить перестройку всех устоявшихся хозяйственных механизмов.

После развала Советского Союза государственная политика РФ в сфере регулирования инноваций стала претерпевать массу трансформаций в связи с переходом к рыночной экономике, либерализации и пересмотру фундаментальных основ права.

Рассматривая Российскую Федерацию в качестве примера развития гражданско-правового регулирования инноваций, стоит привести в пример Федеральный закон «О науке и государственной научно-технической политике» принятый в 1996 году. Именно он стал ключевым для определения

приоритетных целей, принципов и направления государства.

Данный закон был призван уменьшить негативное влияние на науку от перехода к рыночной экономике. Принятые в данный период меры способствовали стабилизации положения, что позволило удержать часть накопленных в советское время научно-технических разработок и избежать уничтожения уникальной опытной экспериментальной базы исследований [6, с. 250–260].

2002 год стал ключевым в истории развития гражданского правового регулирования РФ, так как были приняты «Основы политики Российской Федерации в области развития науки и технологий на период до 2010 г. и дальнейшую перспективу».

В документе описаны основные векторы развития госполитики в вопросе создания инноваций в России и подготовки условий для увеличения потока финансовых вложений в научную деятельность.

Чтобы избавиться от фрагментарного характера правового регулирования инновационной деятельности на федеральном уровне, было решено принять поправки в ФЗ номер 127 «О внесении изменений в федеральный закон о науке и государственной научно-технической политике». В поправки вошли фундаментальные понятия, касающиеся инновации и политики государства в отношении научно-технической деятельности.

Все законы, принимаемые в ранний период существования Российской Федерации, были направлены на повышение конкурентоспособности российской науки, были предприняты попытки сохранить позиции Советского Союза на рынке инноваций [2].

Благодаря ряду принятых решений, РФ удалось сохранить большое число перспективных разработок СССР, продолжив научную работу и оставив себе частичное превосходство.

Но, к сожалению, в целом лидирующая позиция была утрачена из-за затяжного кризиса 90-х, вызванного тяжелым переходом от плановой экономики к рыночной, что требовало дополнительных ресурсов, в то время как зарубежные страны в большинстве своём такого перехода не требовали.

Изначальный подход США и ряда других западных стран был более взвешенным, предполагая систему финансовой мотивации научного деятеля с полной защитой его интеллектуальной собственности со стороны государства.

Постепенное развитие без резких изменений в подходе к регулированию, надежность законов, грамотная инвестиционная политика в долгосрочной перспективе позволила Соединенным Штатам превзойти другие страны во многих научных сферах.

Литература

1. Грибанов, Д.В. Правовое регулирование инновационных отношений в Советском Со-

юзе и Российской Федерации / Д.В. Грибанов // Аграрное и земельное право. – 2011. – № 5(77). – С. 125–131.

2. Костенко Лариса Николаевна Понятие и правовое регулирование инновационной деятельности // Научный журнал КубГА У. 2014. № 96. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-pravovoe-regulirovanie-innovatsionnoy-deyatelnosti-1> (дата обращения: 10.10.2024).
3. Курышев, Е.Ю. Инновации в праве: введение в теорию / Е.Ю. Курышев // Юридическая техника. – 2021. – № 15. – С. 351–357.
4. Рассудовский В.А. Правовое регулирование инновационной деятельности // Правовое регулирование предпринимательской деятельности. М., 1995. С. 37.
5. Роберт Д. Атkinson, Понимание национальной инновационной системы США – Фонд информационных технологий и инноваций, 2014 г.
6. Степаненко, Д.М. Инновационные правоотношения и их регулирование в Российской Федерации / Д.М. Степаненко // Становление и развитие предпринимательства в России: история, современность и перспективы: Сборник материалов ежегодной международной научно-практической конференции, Смоленск, 27 мая 2016 года. – Смоленск: Общество с ограниченной ответственностью «Научный консультант», 2016. – С. 250–260.
7. Хабриева Т.В. Правовое измерение научного прогресса // Журн. рос. права. 2009. № 8.
8. Шабуцкая Наталья Вячеславовна, Соломатина Елена Дмитриевна Государственная инновационная политика России: история и перспективы // Лесотехнический журнал. 2015. № 4 (20). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennaya-innovatsionnaya-politika-rossii-istoriya-i-perspektivy> (дата обращения: 10.10.2024).

HISTORY OF DEVELOPMENT OF CIVIL-LAW REGULATION OF INNOVATIONS

Karnaikhov S.S.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

In the modern world, there is a significant difference in the technological development of different countries. Of particular interest is the technological gap between the United States and countries. Two states, half a century ago competing for technological primacy, today operate at different levels. To track the cause of the technological gap, it is necessary to track the history of the development of civil-law regulation of innovations. The article traces the process of development of innovation regulation in the world with an emphasis on the United States and Russia, progressive factors that influenced technological differences in modern times.

Keywords: innovation, technological sphere, civil law regulation, scientific and technological development, consequences, patent, history of state and law, law and science, cold war, USSR.

References

1. Gribanov, D. V. Legal regulation of innovative relations in the Soviet Union and the Russian Federation / D. V. Gribanov // Agrarian and land law. – 2011. – No. 5 (77). – P. 125–131.
2. Kostenko Larisa Nikolaevna Concept and legal regulation of innovative activity // Scientific journal of KubSA U. 2014. No. 96. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-pravovoe-regulirovanie-innovatsionnoy-deyatelnosti-1>

regulirovanie-innovatsionnoy-deyatelnosti-1 (date of access: 10.10.2024).

3. Kuryshev, E. Yu. Innovations in law: introduction to theory / E. Yu. Kuryshev // Legal technique. – 2021. – No. 15. – P. 351–357.
4. Rassudovsky V.A. Legal regulation of innovation activity // Legal regulation of entrepreneurial activity. M., 1995. P. 37.
5. Robert D. Atkinson, Understanding the US National Innovation System – Information Technology and Innovation Foundation, 2014
6. Stepanenko, D.M. Innovative legal relations and their regulation in the Russian Federation / D.M. Stepanenko // Formation and

development of entrepreneurship in Russia: history, modernity and prospects: Collection of materials of the annual international scientific and practical conference, Smolensk, May 27, 2016. – Smolensk: Limited Liability Company “Scientific Consultant”, 2016. – P. 250–260.

7. Khabrieva T.V. Legal dimension of scientific progress // Zhurn. ross. rights. 2009. No. 8.
8. Shabutskaya Natalia Vyacheslavovna, Solomatina Elena Dmitrievna State innovation policy of Russia: history and prospects // Lesotekhnicheskij zhurnal. 2015. No. 4 (20). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennaya-innovatsionnaya-politika-rossii-istoriya-i-perspektivy> (date of access: 10.10.2024).

Понятие и правовая природа цифровых прав, как объектов гражданских прав

Кеклис Александр Юрьевич,

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского процесса Санкт-Петербургского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России)
E-mail: a@kekli.ru

Шкапская Алена Дмитриевна,

магистр юриспруденции Санкт-Петербургского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России),
E-mail: shapkaryan@mail.ru

В статье исследуется правовая природа цифровых прав как объектов гражданских прав. Актуальность исследования обусловлена необходимостью теоретического осмысления феномена цифровых прав в контексте развития цифровой экономики. Авторы анализируют легальное определение цифровых прав, закрепленное в ст. 141.1 ГК РФ, и рассматривают их отличительные признаки: только имущественный характер, осуществление исключительно в информационной системе, специфику содержания. Авторы констатируют двойственную сущность цифровых прав: как самостоятельного объекта гражданских прав и как форму реализации классических гражданско-правовых механизмов. В работе проводится анализ классификации цифровых прав, их места в системе объектов гражданского права, а также изучается зарубежный опыт регулирования данного института. Авторы акцентируют внимание на существующих проблемах правового регулирования цифровых прав и формулируют предложения по их устранению путем внесения изменений в статьи в ст. 128 и 141.1 ГК РФ.

Ключевые слова: цифровые права, гражданское право, объекты гражданских прав, цифровизация.

В условиях стремительной цифровизации экономики и права возникла необходимость в законодательном закреплении новых объектов гражданских правоотношений, в ответ на этот вызов концепция цифровых прав была интегрирована в гражданское законодательство Российской Федерации путем внесения изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ).

Цифровые права – это новая правовая категория, представляющая собой правовой феномен, существенно отличающийся от классических объектов гражданского права. Их принципиальной особенностью является то, что они могут существовать исключительно в цифровой форме и фиксируются с использованием информационных систем. Данный признак выступает определяющим фактором, отличающим цифровые права от иных правовых категорий. Это формирует их уникальную правовую природу и выделяет в отдельную категорию объектов гражданских правоотношений. Цифровые права могут быть как самостоятельными, так и выступать в качестве инструмента для подтверждения прав.

Концепция цифровых прав нашла свое отражение в изменениях ГК РФ, вступивших в силу 1 октября 2019 года. Так, в ГК РФ появилась статья 141.1 «Цифровые права», а также ряд других новелл, направленных на развитие правового регулирования цифровой среды. Законодательные изменения должны были способствовать формированию комплексной правовой базы для регулирования отношений в сфере цифровой экономики, включая оборот цифровых прав, криптовалют и иных цифровых активов, а также на создание необходимых правовых условий для безопасного проведения и надлежащего исполнения сделок в цифровой среде. Важно отметить, что закрепление цифровых прав в законодательстве неразрывно связано с их уникальной правовой природой, которая выделяет их в особую категорию гражданского права. Данный факт находит непосредственное подтверждение в ГК РФ, где цифровым правам посвящена отдельная статья, что подчеркивает их самостоятельный характер и значимость в системе гражданско-правовых отношений. Вопрос заключается лишь в том, что являются ли цифровые права самостоятельным правовым институтом или входят в существующие правовые конструкции.

Цифровые права представляют собой новую категорию, существенно отличающуюся от классических объектов гражданского права. Исключительность цифровых прав определяется тремя ключевыми характеристиками: нематериальным

характером, прямой зависимостью от функционирования информационных систем и абсолютной невозможностью существования за пределами цифровой среды. Такие характеристики отличают цифровые права от классических имущественных прав, например, вещных или обязательственных, которые могут существовать вне зависимости от цифровых технологий.

С другой стороны, цифровые права не создают принципиально нового типа прав, а лишь адаптируют традиционные гражданско-правовые конструкции к цифровой реальности. В этом случае их можно рассматривать как разновидность обязательственных и имущественных прав, которые были трансформированы для использования в цифровой среде, например, цифровые активы, которые могут регулироваться по аналогии с ценными бумагами.

Системный подход к правовому регулированию цифровых объектов и установление правил их оборота стало ответом на их реальное существование в экономической и правовой системах. Данные изменения нашли отражение в обновленной редакции статьи 128 ГК РФ, где цифровые права были включены в перечень объектов гражданских прав наряду с безналичными денежными средствами и бездокументарными ценными бумагами. Такое законодательное решение позволило окончательно закрепить их правовой режим и определить порядок участия в гражданском обороте.

Таким образом, правовая природа цифровых прав имеет гибридный характер. Они могут быть как самостоятельным объектом гражданских прав, так и специфической формой реализации традиционных правовых институтов.

Статья 141.1 ГК РФ определяет цифровые права как обязательственные и иные права, существующие исключительно в цифровой среде, фиксируемые с использованием информационных систем, где их осуществление и распоряжение, включая передачу, залог, обременение или установление ограничений, возможно исключительно в рамках информационной системы без необходимости обращения к третьим лицам. Так, по мнению А. Рудого «на сегодняшний день конструкцией цифрового права удостоверяется только два вида гражданских прав: обязательственные <...> и корпоративные». [1, с. 204]. Соглашаясь с автором, считаем, что пробелом является закрепление цифровых прав, только как имущественных прав в структуре объектов гражданских прав. Поскольку де-факто цифровые права могут носить как имущественный, так и неимущественный характер, считаем необходимым дополнить данный перечень категорией личных неимущественных прав, связанных с личностью субъекта-обладателя и закрепленных в цифровом пространстве.

Исходя из этого можно сделать вывод, что цифровые права, по сути, имеют гибридную природу, объединяя два компонента:

1. Имущественные права включают в себя права на цифровые активы, имущественные корпора-

тивные права и иные объекты, обладающие экономической ценностью.

2. Неимущественные права, связанные напрямую с личностью субъекта и включающие такие элементы, как право на цифровую идентичность, защиту персональных данных, контроль за их использованием. Данные права неотчуждаемы и направлены на защиту интересов личности в цифровой среде.

Помимо определения, которое исходит из нормы права, Зорькин В.Д., дал свое, более расширенное определение цифровых прав: «права людей на доступ, использование, создание и публикацию цифровых произведений, на доступ и использование компьютеров и иных электронных устройств, а также коммуникационных сетей, включая Интернет» [2].

Исходя из вышесказанного еще раз отметим, что нормативное определение, закрепленное в ст. 141.1 ГК РФ, более акцентирует внимание на имущественном характере и технологической составляющих этих прав, связывая их с фиксацией и реализацией через информационные системы, и не охватывая социальные аспекты, такие как защита конфиденциальности, право на анонимность и свободу выражения мнений, также отсутствует детальное описание объектов цифровых прав, что создает пробел в их понимании.

Определение, предложенное Зорькиным В.Д., делает акцент на гуманитарной составляющей цифровых прав. Оно охватывает обширный диапазон возможностей личности в цифровой среде, однако оставляет без должного внимания вопросы правового регулирования и технологические аспекты, связанные с регистрацией и оборотом прав. Таким образом, нормативный подход предлагает юридическую конкретику, тогда как подход Зорькина подчеркивает социально-правовую природу цифровых прав. Эти подходы взаимно дополняют друг друга, однако ни один из них не охватывает все аспекты цифровых прав в полной мере.

Согласно мнению М. Кузьменкова: «цифровые права можно охарактеризовать как родовое понятие, обозначающее некий набор прав, которые можно получить и которыми можно распорядиться только в рамках информационной системы по правилам этой информационной системы» [3, с. 63]. Однако, данное определение не отражает комплексный характер цифровых прав, которые могут объединять в себе как имущественные, так и неимущественные элементы. Определение чрезмерно фокусируется на технологической составляющей цифровых прав в рамках информационных систем, игнорируя их связь с классическими правовыми инструментами.

Продолжая рассматривать дефиницию цифровых прав, рассмотрим мнение, представленное Ю.Ф. Беспаловым, который, подвергая сомнению корректность закрепленного в статье 141.1 ГК РФ понятия «цифровые права» отмечает, что «к цифровым правам принято относить права, которыми обладает человек в информационной системе,

в том числе в сети интернет: право доступа к информационной системе; право на защиту персональных данных; право на охрану частной жизни в информационной системе, в том числе сети Интернет и другие» [4, с. 10–11]. Данный подход, по мнению авторов, чрезмерно расширяет понятие цифровых прав, включая в него не только правовые, но и технические аспекты их реализации. В отличие от норм, закрепленным в российском законодательстве, указанное определение акцентирует внимание на доступе к цифровым ресурсам и средствам коммуникации, однако не отражает ключевые правовые характеристики, такие как фиксация, защита и оборот цифровых прав. Помимо этого, оно не разграничивает имущественные и неимущественные аспекты цифровых прав, что делает его неопределенным с точки зрения гражданско-правового регулирования.

А.С. Лолаева отмечает, что цифровые права представляют собой принципы регулирования коммуникационной среды, выступая концептуальной основой их определения [5, с. 30–36]. В своей интерпретации автор опирается скорее на термин «digital rights», который в западных странах охватывает вопросы доступа к интернету, создания и публикации цифровых материалов, а также регулирования технологически защищенного цифрового контента. Данный подход делает акцент на регулировании цифровой среды в целом, но не учитывает правовую специфику цифровых прав, как объекта гражданского оборота. В российском же законодательстве цифровые права рассматриваются в контексте «обязательственных и иных правоотношений», тогда как предложенная концепция А.С. Лолаевой фокусируется на вопросах интернет-доступа и управления цифровым пространством. Согласимся с автором, что «на сегодняшний день создание исчерпывающего и полного списка цифровых прав – трудновыполнимая задача» [5, с. 32].

Проанализировав представленные дефиниции цифровых прав, можно сказать, что все авторы сходятся во мнении, что цифровые права существуют исключительно в цифровой среде и реализуются с использованием информационных технологий. В них закрепляется возможность использования и распоряжения цифровыми активами, а также защита неимущественных прав, таких как цифровая идентичность, конфиденциальность и свобода выражения в сети. Однако, представленные дефиниции не охватывают важные аспекты правоприменения, включая механизмы фиксации, способы защиты и передачи цифровых прав, а также вопросы их юридического признания и трансграничного регулирования. В частности, отсутствует какой-либо акцент на технологических инструментах, таких как блокчейн, цифровое депонирование, смарт-контракты, которые уже применяются для подтверждения и оборота цифровых прав. Также важно учитывать, что цифровые права обладают гибридной природой, сочетая элементы частного-правового и публично-правового регулирования, что требует их адаптации к традиционной

системе гражданских правоотношений. Учитывая данные аспекты, необходимо формулировать более комплексное определение цифровых прав, которое отразит их сущность как объекта правового регулирования, их технологическую специфику и необходимость учета международных правовых стандартов.

Исходя из вышесказанного, отметим, что в понимании авторов, цифровые права, как объекты гражданских прав, представляют собой совокупность имущественных и неимущественных прав, которые формируются, фиксируются, реализуются и защищаются в цифровой среде посредством информационных систем, как централизованных, так и децентрализованных, функционирующих на основе современных информационных технологий. В цифровой среде субъекты информационных отношений наделены комплексом прав, который включает имущественные права (обязательственные и иные права) и личные неимущественные права (достоинство личности, неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна, деловая репутация и нематериальные блага). При этом цифровые права, обладая гибридной природой, объединяют элементы правового регулирования имущественных отношений с социально-значимыми аспектами защиты интересов личности.

Вместе с тем значимость цифровых прав выходит за рамки национальных правовых систем, охватывая международное регулирование. Развитие цифровых технологий и их влияние на общественные отношения подчеркивают необходимость стандартизации подходов к цифровым правам на глобальном уровне.

Исследуя международный опыт регулирования цифровых прав, можно обратить внимание на различные подходы к пониманию цифровых прав, демонстрируемых государствами и международными организациями.

Китай выделяется моделью, сосредоточенной на строгом контроле и регулировании цифровой среды, включая законы о кибербезопасности, защите данных и управлении цифровыми платформами, демонстрируя государственно-ориентированный подход [6, с. 531]. Сवादковская Е. отмечает, что китайский подход акцентирует внимание на защите данных, как ключевого элемента цифровых прав, но при этом ограничивает свободу цифрового пространства в пользу контроля со стороны государства. Данный опыт полезен для анализа, однако он требует осторожного переноса в другие правовые системы, учитывая баланс между защитой прав граждан и свободой цифровой среды [7, с. 16–17].

Сравнения подход Китая и России можно отметить, что российское регулирование цифровых прав ориентированно на баланс между защитой прав граждан и свободой экономической деятельности, а вот китайский подход, напротив, сосредоточен на жестком государственном контроле, что обеспечивает безопасность, но ограничивает сво-

боду пользователей и компаний. Данное различие демонстрирует разные приоритеты, так как в России акцент на гибридной природе цифровых прав, а в Китае на приоритет роли государства в цифровой среде.

В Европейском Союзе цифровые права рассматриваются преимущественно через регулирование персональных данных и цифровых платформ. В рамках регламента GDPR (общий регламент защиты персональных данных) внимание направлено на защиту персональных данных, предоставляя субъектам данных права, такие как право на забвение и контроль над обработкой данных. ЕС также активно регулирует цифровые платформы и контент, стремясь обеспечить справедливое использование интеллектуальной собственности в интернете. Одним из значимых этапов данной модели было развитие директивы о цифровом рынке (Digital Markets Act, 2021), которая установила новые правила цифровых платформ и справедливого использования интеллектуальной собственности [8, с. 351–352].

Особенностью данной модели является акцент на защите прав личности и обеспечение прозрачности обработки данных, однако сложность выполнения требований и недостатки в трансграничном регулировании делают эту модель сложной для реализации, особенно для малого и среднего бизнеса.

Понятие «цифровые права» в деятельности Всемирной организации интеллектуальной собственности (WIPO) связаны с механизмами защиты интеллектуальных прав в цифровой среде. Основное внимание WIPO уделяет созданию универсальных стандартов для защиты авторских прав и смежных прав исполнителей. В отличие от России, акцент делается не на локализации данных или усилении государственного контроля, а на трансграничном регулировании и унификации подходов к цифровому контенту. Основная цель данного подхода заключается в установлении международных стандартов защиты интеллектуальной собственности в цифровой среде, однако отсутствие современных инструментов и универсального определения цифровых прав создает препятствия для эффективной адаптации к новым вызовам цифровой экономики.

Основное отличие подхода WIPO от российского правового регулирования заключается в глобальной направленности и унификации стандартов защиты авторских и смежных прав. Положительной чертой является трансграничная природа регулирования, которая позволяет согласовывать нормы между разными странами, обеспечивая защиту интеллектуальной собственности в цифровой среде. В российской системе больше внимания уделяется локальной защите данных и фиксации цифровых прав через национальные информационные системы, что делает ее более практичной в условиях национального суверенитета. Минус регулирования WIPO в том, что договоры WCT (WIPO Copyright Treaty) и WPPT (WIPO Performances and

Phonograms Treaty) морально устарели и не учитывают современные технологии, такие как блокчейн или NFT (non-fungible token), тогда как российская система позволяет адаптировать свои нормы к новым вызовам через национальное законодательство.

Организация Объединенных Наций начала формирование подхода к защите цифровых прав человека с 2011 года, когда в цифровую среду начали интегрироваться положения Всеобщей декларации прав человека об основных принципах защиты свободы выражения, права на доступ к информации и неприкосновенности частной жизни. В 2012 году резолюция Генеральной Ассамблеи ООН утвердила, что права человека, закрепленные в офлайн-пространстве, должны защищаться и в цифровой среде. ООН акцентирует внимание на гуманитарных аспектах цифровых прав, включая защиту свободы выражения и прав человека в интернете, и выступает за минимизацию вмешательства в свободу пользователей [9, с. 37–38].

Если изучить международные модели регулирования цифровых прав, можно отметить, что ни одна из них не содержит юридически закрепленного понятия цифровых прав. Отсутствие единого определения цифровых прав в международном праве связано с их направленностью на различные области регулирования. Это позволяет учитывать специфику каждой юрисдикции, но затрудняет создание гармонизированного глобального подхода. В отличие от этого, российская модель предлагает определение, которое охватывает только имущественные права в цифровой среде, что делает ее менее целостной. Кроме того, практическая реализация положений статьи 141.1 ГК РФ демонстрирует существенные недостатки. В отличие от международных моделей, где, несмотря на отсутствие юридически закрепленного определения цифровых прав, активно формируется и развивается судебная практика, так как подход направлен на конкретные категории цифровых прав, российский подход остается практически неиспользуемым в правоприменении.

Легальное определение цифровых прав, закрепленное в ст. 141.1 ГК РФ, подчеркивает не только их технологическую обусловленность и связь с фиксацией в рамках информационных систем, но и более широкую возможность для толкования, тогда так иные государства и международные организации используют понятие цифровых прав в рамках конкретных сфер регулирования, таких как, например, защита интеллектуальной собственности, персональные данные или гуманитарные ценности.

Таким образом, цифровые права обладают уникальной правовой природой, которая сочетает в себе имущественные и неимущественные аспекты, зависящие от специфики цифровой среды. При этом важным элементом дальнейшего совершенствования правового регулирования считаем включение в понятие «цифровые права», закрепленное в ст. 128 и 141.1 ГК РФ, категории личных

неимущественных прав – для более полного учета специфики цифровых прав, как объектов гражданских правоотношений.

Литература

1. Рудой, А.А. Правовой режим цифровых прав / А.А. Рудой // Юридическая наука. – 2023. – № 7. – С. 203–207. – EDN LXLHEQ.
2. Зорькин, В.Д. Право в цифровом мире. Размышление на полях Петербургского международного юридического форума / В.Д. Зорькин // Российская газета. – 2018. – № 7578 (115).
3. Кузьменков, М.Ю. Юридическая квалификация цифровых прав / М.Ю. Кузьменков // Экономика. Право. Общество. – 2021. – Т. 6, № 3(27). – С. 61–66. – EDN FIKADX.
4. Объекты гражданских и семейных прав по законодательству Российской Федерации: Монография / Ответственный редактор Ю.Ф. Беспалов. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Проспект», 2019. – 448 с. – ISBN 978-5-392-31015-9. – DOI 10.31085/9785392310159-2019-448. – EDN UEHZZDY.
5. Лолаева, А.С. Право граждан на информацию в условиях развития институтов электронной демократии / А.С. Лолаева. – Москва: Ай Пи Ар Медиа, 2022. – 136 с. – ISBN 978-5-4497-1569-2. – EDN ZNDRHC.
6. Цзя, Ш. Обзор законодательства и практики КНР в области развития современного цифрового права / Ш. Цзя // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. – 2024. – Т. 28, № 3. – С. 528–545. – DOI 10.22363/2313-2337-2024-28-3-528-545. – EDN HGDKPF.
7. Сवादковская, Е.А. Защита авторских прав в Китайской Народной Республике в цифровую эпоху / Ю. Дяньюй, Е. Сवादковская // Интеллектуальная собственность в Беларуси. – 2024. – № 2 (105). – С. 15–19.
8. Гончаров, А.М. Защита персональных данных в соответствии с GDPR / А.М. Гончаров, К.В. Чекудаев, В.В. Денисенко // Моделирование энергоинформационных процессов. – 2024. – С. 350–354.
9. Самович, Ю.В. Международно-правовые аспекты защиты цифровых прав (на примере Организации Объединенных Наций) / Ю.В. Самович, Р.А. Шарифуллин // Ученые записки

Казанского филиала «Российского государственного университета правосудия». – 2023. – Т. 19. – С. 36–41. – EDN REIXBC.

THE CONCEPT AND LEGAL NATURE OF DIGITAL RIGHTS AS OBJECTS OF CIVIL RIGHTS

Keklis A.Yu., Shkapskaya A.D.

Saint-Petersburg branch of the All-Russian State University of Justice

The article examines the legal nature of digital rights as objects of civil rights. The relevance of the research is determined by the need for a theoretical understanding of the phenomenon of digital rights in the context of the development of the digital economy. The authors analyze the legal definition of digital rights, enshrined in art. 141.1 of the Civil Code of the Russian Federation, and consider their distinctive features: only the property character, the implementation exclusively in the information system, the specifics of the content. The authors state the dual nature of digital rights: as an independent object of civil rights and as a form of implementation of classical civil law mechanisms. The paper analyzes the classification of digital rights, their place in the system of objects of civil law, and also examines the foreign experience of regulating this institution. The authors focus on the existing problems of the legal regulation of digital rights and formulate proposals to eliminate them by amending Articles 128 and 141.1 of the Civil Code of the Russian Federation.

Keywords: digital rights, civil law, objects of civil rights, digitalization.

References

1. Rudoy, A.A. The legal regime of digital rights / A.A. Rudoy // Legal science. – 2023. – No. 7. – pp. 203–207. – EDN LXLHEQ.
2. Zorkin, V.D. Law in the digital world. Reflections on the sidelines of the St. Petersburg International Legal Forum / V.D. Zorkin // Rossiyskaya Gazeta. – 2018. – № 7578 (115).
3. Kuzmenkov, M.Y. Legal qualification of digital rights / M.Y. Kuzmenkov // Economy. Right. Society. – 2021. – Vol. 6, No. 3(27). – pp. 61–66. – EDN FIKADX.
4. Objects of civil and family rights under the legislation of the Russian Federation: Monograph / The responsible editor is Yu.F. Bepalov. – Moscow: Prospekt Limited Liability Company, 2019. – 448 p. – ISBN 978-5-392-31015-9. – DOI 10.31085/9785392310159-2019-448. – EDN UEHZZDY.
5. Lolaeva, A.S. The right of citizens to information in the context of the development of institutions of electronic democracy / A.S. Lolaeva. – Moscow: AI Art Media, 2022. – 136 p. – ISBN 978-5-4497-1569-2. – EDN ZNDRHC.
6. Jia, S. Review of the legislation and practice of the PRC in the field of the development of modern digital law. Jia // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Legal Sciences. – 2024. – Vol. 28, No. 3. – pp. 528–545. – DOI 10.22363/2313-2337-2024-28-3-528-545. – EDN HGDKPF.
7. Svadkovskaya, E.A. Copyright protection in the People's Republic of China in the digital age / Yu. Dianyu, E. Svadkovskaya // Intellectual property in Belarus. – 2024. – № 2 (105). – Pp. 15–19.
8. Goncharov, A.M. Protection of personal data in accordance with GDPR / A.M. Goncharov, K.V. Chekudaev, V.V. Denisenko // Modeling of energy information processes. 2024. pp. 350–354.
9. Samovich, Yu.V. International legal aspects of digital rights protection (using the example of the United Nations) / Yu.V. Samovich, R.A. Sharifullin // Scientific Notes of the Kazan Branch of the Russian State University of Justice. – 2023. – Vol. 19. – pp. 36–41. – EDN REIXBC.

Влияние философии Джона Локка на развитие института траста в английском общем праве

Козлов Юрий Андреевич,

аспирант кафедры гражданского права и процесса,
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования «Российская академия
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации»
E-mail: yrammm@mail.ru

Статья посвящена исследованию влияния философско-правового учения Джона Локка на становление и развитие института траста в английском общем праве XVII–XVIII веков. Цель исследования – выявить онтологические, гносеологические и аксиологические основания воздействия идей Локка о естественных правах, договорной природе государства и легитимности власти на формирование трастовых отношений. Методы исследования включают историко-правовой анализ, философско-правовое обобщение, сравнительно-правовой метод и интегративный подход к правопониманию. Результаты показывают, что локковская концепция собственности как естественного права, приобретаемого посредством труда, заложила теоретические основания для обоснования расщепления права собственности в трасте. Теория общественного договора нашла отражение в фидуциарной природе полномочий доверительного собственника. Выводы: философия Локка сформировала концептуальный фундамент траста как механизма реализации принципов справедливости, фидуциарности и автономии воли, способствовала развитию интегративного правопонимания и продолжает определять мировоззренческие ориентиры совершенствования трастового права.

Ключевые слова: Джон Локк, траст, доверительная собственность, естественное право, общественный договор, английское общее право, фидуциарность, философия права, собственность.

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена фундаментальным значением философско-правового учения Джона Локка для эволюции правовой парадигмы и трансформации юридической практики в Англии XVII–XVIII столетий. Идеи Локка о естественных правах человека, общественном договоре и роли государства в защите прав собственности оказали огромное влияние на становление классического английского либерализма и принципов верховенства права [1, с. 249].

Особый интерес представляет анализ воздействия философских концепций Локка на развитие института траста (доверительной собственности) в системе общего права Англии. Траст как уникальный правовой механизм разделения права собственности и управления активами в интересах выгодоприобретателей имеет давнюю историю в английском праве. Однако именно в трудах Локка закладываются теоретические основания для понимания траста как способа реализации фундаментального права человека на собственность и инструмента ограничения власти государства [2, с. 34].

Философско-правовой анализ влияния идей Локка на эволюцию трастовых отношений позволяет глубже осмыслить онтологическую природу данного института, его аксиологическое значение для защиты имущественных прав и методологический потенциал для развития интегративного правопонимания. Исследование концептуальных основ траста через призму философии Локка способствует выявлению фундаментальных закономерностей трансформации правовой системы под воздействием рационалистической философии Нового времени [3, с. 271].

Материалы и методы

Материалами исследования послужили основные философские труды Джона Локка («Два трактата о правлении», «Опыт о человеческом разуме»), научные работы по истории английского права и траста, а также современные исследования в области философии права и гражданского права.

В работе применялись следующие методы: историко-правовой анализ для исследования эволюции института траста в XVII–XVIII веках; философско-правовое обобщение для выявления онтологических, гносеологических и аксиологических оснований влияния идей Локка; сравнительно-правовой метод для сопоставления теоретических

концепций с судебной практикой; интегративный подход к правопониманию для синтеза позитивистских, естественно-правовых и социологических аспектов трастовых отношений.

Литературный обзор

Философское наследие Джона Локка представляет собой фундаментальную основу для развития правовой мысли в Англии XVII–XVIII веков. Его идеи о естественных правах человека, общественном договоре и ограничении власти государства оказали огромное влияние на становление классического английского либерализма и принципов верховенства права.

Онтологическая концепция Локка исходит из признания объективного существования естественных прав индивида, которые предшествуют установлению государства и позитивного права. Локк рассматривает человека как разумное и свободное существо, наделенное неотчуждаемыми правами на жизнь, свободу и собственность. Данные права вытекают из самой природы человека и являются выражением фундаментальных законов мироздания [4, с. 137].

Гносеологический подход Локка основан на эмпирическом методе познания и приоритете опытного знания над умозрительными спекуляциями. В своем главном философском труде «Опыт о человеческом разумении» Локк развивает концепцию *tabula rasa* (чистой доски), согласно которой все человеческие идеи и знания происходят из чувственного опыта [5, с. 154]. Данный подход становится методологической основой для развития рационалистической философии права в Англии.

С аксиологической точки зрения, ключевой ценностью в философско-правовой доктрине Локка выступает свобода индивида, реализуемая через институт частной собственности. Локк рассматривает собственность как естественное право человека, приобретаемое посредством его труда. Философ обосновывает необходимость правовой защиты собственности как гарантии свободы и независимости личности от произвола государственной власти [3, с. 516].

Институт траста в английском праве XVII–XVIII веков представляет собой особую правовую конструкцию, основанную на расщеплении права собственности на легальный и бенефициарный титулы. Трастовые отношения возникают в силу учредительного акта (договора или завещания), по которому учредитель передает имущество в управление доверительному собственнику в интересах бенефициаров [7, с. 577].

В гносеологическом аспекте формирование траста как правового института тесно связано с доктриной прецедента и особенностями судебной практики в системе общего права. Основные принципы и нормы трастового права складывались постепенно через разрешение конкретных споров в судах справедливости (Courts of Chancery). Прецедентный характер английского права способ-

ствовал выработке гибких подходов к толкованию трастовых конструкций и обеспечению прав выгодоприобретателей.

Результаты

Проведенное исследование выявило, что философско-правовое учение Джона Локка оказало фундаментальное воздействие на развитие теории и практики трастовых отношений в английском праве XVII–XVIII вв. Идеи Локка о естественных правах, договорной природе государства и легитимности власти, основанной на доверии, находят глубокое воплощение в сущностных характеристиках института траста.

Онтологические основания трастовых отношений в значительной степени опираются на локковскую концепцию собственности как естественного права человека, проистекающего из его трудовой деятельности. Траст как особый вид вещного права предполагает расщепление собственности на фидуциарный и бенефициарный компоненты, что отражает диалектику присвоения и распоряжения, личных и общественных интересов. Философская трактовка собственности Локком как гарантии свободы и независимости индивида послужила теоретической базой для обоснования широкой правосубъектности учредителя и бенефициара траста [4, с. 334].

С гносеологической точки зрения, эволюция трастовых отношений тесно связана с эмпирико-индуктивным подходом Локка к познанию правовой реальности. Развитие института траста в английском праве происходило преимущественно через практику судов справедливости, формировавших принципы и нормы на основе обобщения конкретных казусов и моральных максим [9, с. 504]. Локковская теория познания, основанная на приоритете опытного знания и чувственного восприятия, созвучна прецедентному характеру общего права и казуистичности трастовых доктрин.

Аксиологическое измерение трастовых отношений во многом определяется этико-правовыми воззрениями Локка, трактующими доверие как основу легитимности социальных институтов. Фидуциарная природа полномочий доверительного собственника в трасте предполагает не только формально-юридические, но и моральные обязательства добросовестного управления имуществом в интересах бенефициаров. Локковская концепция общественного договора, устанавливающего взаимную ответственность власти и граждан, находит отражение в принципах подотчетности и транспарентности трастовых отношений [4, с. 137].

Философия Локка послужила методологической базой для осмысления траста как комплексного правового явления, интегрирующего нормы позитивного права, требования справедливости и нравственные максимы. Дуализм общего права и права справедливости, в рамках которого исторически оформляется институт траста, выражает фундаментальное различие естественного и волеустановленного права в учении Локка.

Обсуждение

Полученные результаты подтверждают, что влияние философии Локка на развитие института траста имеет фундаментальный характер и проявляется в трех основных измерениях: онтологическом, гносеологическом и аксиологическом.

Онтологическое измерение влияния философии Локка связано с обоснованием собственности как естественного права человека, проистекающего из его трудовой деятельности и являющегося гарантией свободы и независимости индивида. Локковская интерпретация собственности как сложного социального феномена, предполагающего диалектику личных и общественных интересов, частных и публичных начал, находит воплощение в самой конструкции траста, основанной на расщеплении титула собственника и выделении управленческих и бенефициарных правомочий.

С гносеологической точки зрения, философия Локка способствовала утверждению эмпирико-индуктивной методологии познания правовой реальности, опирающейся на прецедентный характер общего права и казуистичность правовых доктрин. Трактовка траста как комплексного правового явления, интегрирующего нормы позитивного права, требования справедливости и моральные максимы, отражает локковскую концепцию сочетания волеустановленных и естественных регуляторов общественной жизни.

Аксиологический срез влияния идей Локка на трастовые отношения выражается в трактовке доверия как фундаментальной этико-правовой категории, лежащей в основе легитимности социальных институтов. Фидуциарная природа полномочий доверительного собственника, предполагающая его обязанность действовать добросовестно в интересах бенефициаров, воплощает локковский идеал ответственного и ограниченного правления.

Современное понимание траста как гибкого инструмента управления собственностью в частных и публичных интересах во многом основывается на концептуальных построениях Локка. Перспективные направления развития трастовых отношений связаны с адаптацией классической модели траста к условиям глобализации, цифровизации и социально-экономических трансформаций.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о фундаментальном значении философско-правового учения Джона Локка для становления и развития современной концепции траста. Идеи великого английского мыслителя о естественных правах человека, договорной природе государства и легитимности власти, основанной на доверии, заложили онтологические, гносеологические и аксиологические основания для трактовки траста как уникального правового института, воплощающего принципы справедливости, фидуциарности и автономии воли в сфере управления собственностью.

Философско-правовое осмысление феномена траста, основанное на методологии интегративного правопонимания и аксиологии гуманизма, представляется актуальной задачей в контексте современных проблем защиты прав человека, противодействия злоупотреблениям и обеспечения справедливого распределения общественных благ. Концептуальное наследие Локка сохраняет свою значимость как мировоззренческий и теоретический фундамент для исследования трастовых отношений в перспективе решения фундаментальных вопросов социально-экономического развития и правового прогресса.

Творческая актуализация методологического и аксиологического потенциала доктрины великого мыслителя представляется перспективным вектором эволюции правовой мысли и юридической практики в русле интегративного правопонимания и гуманистических ценностей.

Литература

1. Kelly J. M. A short history of western legal theory. – Oxford University Press, 1992. – 449 p.
2. Moffat G. Trusts law: text and materials. – Cambridge University Press, 2005. – 1190 p.
3. Нерсисянц В.С. Философия права: Учебник для высш. учеб. заведен. / Ин-т гос. и права Рос. акад. наук; Акад. прав. ун-т. – Москва: Норма, 2003. – 652 с.
4. Локк Д. Два трактата о правлении / Д. Локк; пер. с англ. Е.С. Лагутиной. – 4-е изд., эл. – Москва, Челябинск: Социум, 2020. – 496 с.
5. Локк Д. Опыт о человеческом разуме / Джон Локк; Пер. [и предисл.] А.Н. Савина. – Москва: типо-лит. т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1898. – XVI, 736 с.
6. Горбатова М.К. Фидуциарность как основание траста и проблема ее рецепции в континентальном праве // Вестник гражданского права. 2019. № 4. С. 41–72.
7. Plucknett T. F. T. A concise history of the common law. – The Lawbook Exchange, Ltd., 2001. – 746 p.
8. Скловский К.И. Собственность в гражданском праве. 5-е изд., перераб. – Москва: Статут, 2020. – 1021 с.
9. Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности в 2 ч. Часть 1 / Л.И. Петражицкий. – Москва: Издательство Юрайт, 2025. – 237 с.
10. Рудоквас А.Д. Траст в гражданском праве Англии и США: историко-правовое исследование: дис. ... д-ра юрид. наук. Санкт-Петербург, 2013. 489 с.

THE INFLUENCE OF JOHN LOCKE'S PHILOSOPHY ON THE DEVELOPMENT OF THE TRUST INSTITUTION IN ENGLISH COMMON LAW

Kozlov Iu.A.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The article is devoted to the study of the influence of John Locke's philosophical and legal doctrine on the formation and development

of the trust institution in English common law of the 17th-18th centuries. The purpose of the study is to identify the ontological, epistemological and axiological foundations of the impact of Locke's ideas about natural rights, the contractual nature of the state and the legitimacy of power on the formation of trust relations. Research methods include historical and legal analysis, philosophical and legal generalization, comparative legal method and an integrative approach to legal understanding. The results show that Locke's concept of property as a natural right acquired through labor laid the theoretical foundations for justifying the splitting of property rights in a trust. The theory of the social contract is reflected in the fiduciary nature of the powers of the trustee. Conclusions: Locke's philosophy formed the conceptual foundation of the trust as a mechanism for implementing the principles of justice, fiduciary duty and autonomy of will, contributed to the development of integrative legal understanding and continues to determine the worldview guidelines for improving trust law.

Keywords: John Locke, trust, fiduciary property, natural law, social contract, English common law, fiduciary duty, philosophy of law, property.

References

1. Kelly J. M. A short history of western legal theory. Oxford University Press, 1992. 449 p.
2. Moffat G. Trusts law: text and materials. Cambridge University Press, 2005. 1190 p.
3. Nersesyants V.S. *Filosofiya prava: Uchebnik dlya vyssh. ucheb. zaveden* [Philosophy of Law: Textbook for higher educational institutions]. Moscow, Norma Publ., 2003. 652 p. (In Russian)
4. Locke J. *Dva traktata o pravlenii* [Two Treatises of Government]. Translated by E.S. Lagutina. 4th ed. Moscow, Chelyabinsk, Sot-sium Publ., 2020. 496 p. (In Russian)
5. Locke J. *Opyt o chelovecheskom razume* [An Essay Concerning Human Understanding]. Translated by A.N. Savin. Moscow, I.N. Kushnerev & Co Publ., 1898. XVI, 736 p. (In Russian)
6. Gorbatova M.K. *Fidutsiarnost' kak osnovanie trasta i problema ee retseptsii v kontinental'nom prave* [Fiduciary duty as the basis of trust and the problem of its reception in continental law]. *Vestnik grazhdanskogo prava* [Civil Law Review], 2019, no. 4, pp. 41–72. (In Russian)
7. Plucknett T. F. T. A concise history of the common law. The Lawbook Exchange, Ltd., 2001. 746 p.
8. Sklovskiy K.I. *Sobstvennost' v grazhdanskom prave* [Property in Civil Law]. 5th ed. Moscow, Statut Publ., 2020. 1021 p. (In Russian)
9. Petrazhitskiy L.I. *Teoriya prava i gosudarstva v svyazi s teoriyey pravstvonnosti v 2 ch. Chast' 1* [Theory of Law and State in Connection with the Theory of Morality in 2 parts. Part 1]. Moscow, Yurayt Publ., 2025. 237 p. (In Russian)
10. Rudokvas A.D. *Trast v grazhdanskom prave Anglii i SShA: istoriko-pravovoye issledovaniye* [Trust in the Civil Law of England and the USA: Historical and Legal Research]. Doctoral thesis. St. Petersburg, 2013. 489 p. (In Russian)

Кох Артём Андреевич,

аспирант Московской финансово-юридической академии (МФЮА)

E-mail: artiom.kokh@mail.ru

Бурный рост искусственного интеллекта (ИИ) ставит перед мировым сообществом сложные правовые и этические вопросы, требующие немедленного решения. Существующие правовые механизмы не успевают за развитием технологий и не обеспечивают адекватного регулирования трансграничного применения ИИ. Исследование выявляет пробелы в международном праве, касающиеся ответственности, безопасности и этических стандартов, и предлагает пути их устранения. Анализ показывает, что регулирование ИИ остается разрозненным и противоречивым, особенно в вопросах ответственности и цифрового суверенитета. Автор подчеркивает необходимость разработки унифицированных международных правил, включая многостороннюю конвенцию под эгидой ООН, и предлагает использовать «мягкое» регулирование в качестве переходного этапа.

Ключевые слова: Искусственный интеллект, международное правовое регулирование, сравнительно-правовой анализ, цифровые технологии, глобальное регулирование, технологический прогресс, трансграничное применение, цифровой суверенитет.

Введение

Искусственный интеллект (ИИ) уже не просто футуристическая идея, а реальность, проникающая во все сферы жизни – от медицины и финансов до права и обороны. Однако стремительное внедрение ИИ породило серьезные юридические проблемы. Отсутствие единых правил, особенно для автономных систем, принимающих решения, создает хаос. Правовые системы, не успевая за глобальным развитием технологий, остаются разрозненными и не справляются с транснациональным характером инноваций.

Мир сталкивается с парадоксом: технологии стирают границы, а законы – нет. В то время как ЕС ограничивает биометрию ради защиты прав, Китай активно внедряет системы социального скрининга на базе ИИ, а США полагаются на саморегулирование. Такая разрозненность ведет к конфликтам и правовым коллизиям.

Сегодня регулирование ИИ опирается в основном на международные рекомендации, которые часто носят рекомендательный характер. Ключевыми являются принципы ОЭСР (2019) и этические рекомендации ЮНЕСКО (2021). Региональные акты, как Регламент ЕС (2024), действуют в рамках своей юрисдикции. Национальные подходы сильно различаются: от американских мер по безопасности ИИ (2023) до российских концепций (2024), которые порой ставят национальные интересы выше этики. Это создает «правовые пустыни», где разработчики действуют в условиях неопределенности, а граждане лишены защиты от ошибок и злоупотреблений. Несогласованность законов препятствует созданию единых стандартов и повышает риски для правовой и этической стороны использования ИИ.

Структура статьи:

1. Глобальные инициативы в регулировании ИИ: сравнительный анализ ключевых документов (ОЭСР, ЮНЕСКО, ЕС, G20).
2. Национальные стратегии в сфере ИИ: правовые кейсы США, Китая и России.
3. Перспективы многостороннего регулирования: проект конвенции ООН, роль «гибкого права» и стандартов ISO.

Глобальные инициативы в регулировании ИИ: сравнительный анализ ключевых документов (ОЭСР, ЮНЕСКО, ЕС, G20)

Международное регулирование искусственного интеллекта (ИИ) развивается по двум основным, дополняющим друг друга путям. Первый – это «мягкое

право», представленное рекомендациями и инициативами, которые устанавливают общие ценности и принципы. Ключевыми примерами здесь являются Рекомендация ОЭСР по ИИ (2019) и Рекомендация ЮНЕСКО по этике ИИ (2021). Эти документы формируют глобальные ориентиры, такие как безопасность, доверие, прозрачность и ответственность, и служат основой для национальных законов. Второй путь – это «жесткое право», включающее уже действующие юридические механизмы, устанавливающие обязательные правила и обеспечивающие их соблюдение. Ярким примером такого подхода является Регламент ЕС об искусственном интеллекте (AI Act, 2024), который устанавливает юридически обязывающие требования к системам ИИ.

Практика показывает, что позиция G20 играет роль связующего звена, поддерживая и придавая легитимность этим нормативным инициативам¹. В совокупности, эти меры, реализуемые на разных уровнях, создают основу для международного согласования правил и ценностей, направленных на защиту прав человека, повышение доверия к технологиям, а также обеспечение прозрачности и ответственности. Тем не менее, сохраняются значительные расхождения в степени обязательности норм, подходах к управлению рисками и механизмах принуждения к их соблюдению.

Важным шагом стало принятие Рекомендации Совета ОЭСР по ИИ, которая впервые на межправительственном уровне закрепила антропоцентричную модель развития ИИ и пять ключевых принципов его доверительного использования. Эти принципы охватывают: содействие инклюзивному росту и благосостоянию, соблюдение человеческих ценностей и справедливости, обеспечение прозрачности и объяснимости принимаемых решений, гарантию надежности и безопасности систем, а также установление ответственности всех участников. Документ не ограничивается декларациями, предлагая практические рекомендации для государств по внедрению ИИ в таких сферах, как НИОКР, цифровая инфраструктура, повышение квалификации и международное взаимодействие. Предлагаемый подход, основанный на оценке рисков и технологической нейтральности, направлен на достижение баланса между стимулированием инноваций и защитой общественных интересов. Несмотря на рекомендательный статус, документ является ценным ориентиром для разработки национальных стратегий, стандартов и для обсуждений на международных площадках, включая G20. Политическая поддержка этих принципов укрепляет их легитимность и способствует формированию единого международного подхода². Благодаря своей гибкости, рекомендация ОЭСР легко адаптируется к быстрому развитию технологий, включая ге-

неративные модели, не навязывая жестких запретов. Это позволяет оперативно реагировать на изменения, одновременно стимулируя внедрение через национальные меры, стандартизацию и совместные инициативы, что в итоге создает основу для эффективного глобального регулирования ИИ.

Рекомендации ЮНЕСКО по этике искусственного интеллекта (ИИ) развивают идеи ОЭСР, добавляя к ним сильную гуманитарную и правовую основу. Они настаивают на том, чтобы разработка и применение ИИ были строго регламентированы законом, с приоритетом защиты человеческого достоинства, борьбы с дискриминацией, обеспечения гендерного равенства и уважения к культурному, языковому и экологическому многообразию. Особое внимание уделяется необходимости постоянной оценки этических рисков ИИ на всех стадиях его существования – от идеи до внедрения и дальнейшего использования³. ЮНЕСКО также призывает к созданию конкретных институциональных механизмов: независимых органов контроля, этических комиссий, образовательных программ и международных проектов, которые помогут укрепить международное сотрудничество в области этики ИИ. В отличие от ОЭСР, ЮНЕСКО делает акцент на конкретные политические шаги для государств, касающиеся управления данными, биометрических технологий, защиты уязвимых групп и охраны окружающей среды. При этом, следуя принципу «мягкого права», рекомендации ЮНЕСКО не являются жесткими обязательствами, что позволяет им быть актуальными для стран с различным уровнем экономического развития, включая страны Глобального Юга. Таким образом, ЮНЕСКО предлагает более полный и практичный набор этических рекомендаций, служащих основой для глобальной политики в сфере ИИ.

ЮНЕСКО, в отличие от ОЭСР, делает акцент на политических действиях для национальных правительств, касающихся управления данными, биометрии, защиты уязвимых слоев населения и охраны окружающей среды. Важно, что эти рекомендации относятся к «мягкому праву», то есть не являются обязательными нормами, что позволяет их применять странам с различным уровнем экономического развития, включая страны Глобального Юга. Таким образом, ЮНЕСКО расширяет и детализирует этические рамки, формируя ключевой ориентир для глобальной политики в области этики ИИ.

На этом фоне Европейский Союз активно развивает свое законодательство. Регламент об ИИ, ожидаемый в 2024 году, переводит абстрактные принципы в конкретные правовые нормы. Его основа – риск-ориентированная модель, где системы классифицируются по уровню опасности и к ним применяются различные обязательные требования⁴. Запрещены такие практики, как государ-

¹ OECD. Recommendation of the Council on Artificial Intelligence (OECD/LEGAL/0449), Principles I–V и раздел «Policy recommendations». Дата обращения: 04.09.2025

² G20 Osaka Leaders' Declaration, 29.06.2019, п. 12; электронная публикация: URL: https://www.mofa.go.jp/policy/economy/g20_summit/osaka19/en/documents/final_g20_osaka_leaders_declaration.html. Дата обращения: 04.09.2025

³ UNESCO. Recommendation on the Ethics of Artificial Intelligence. PP 17–23. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000381137>. Дата обращения: 04.09.2025.

⁴ Regulation (EU) 2024/1689 (Artificial Intelligence Act). Chapter II. Prohibited AI Practices. Article 5. Дата обращения: 04.09.2025

ственный социальный скринг и манипуляции сознанием, а системы с высоким риском подлежат жестким ограничениям¹. Для них установлены строгие правила управления рисками, обеспечения качества данных, технической документации, а также соблюдения человеческого контроля и кибербезопасности. Особое внимание уделяется системам общего назначения и мощным моделям, для которых вводятся обязанности по управлению системными рисками и раскрытию информации в исследовательских целях, что способствует прозрачности и подотчетности.

Регламент устанавливает для участников рынка ИИ строгий режим: механизм надзора, систему нотифицированных органов и штрафы, сопоставимые по строгости с GDPR. Важным элементом является постепенное внедрение, предоставляющее технологическим компаниям время для подготовки и соответствия новым стандартам. Несмотря на жесткие меры, регламент обеспечивает возможность глобального применения и юридическую обязательность соблюдения, что способствует лучшей совместимости и согласованию с международными нормами. В результате ЕС создал правовую модель, которая, являясь фундаментом для будущих нормативов по ИИ, одновременно повышает минимальные требования к безопасности и надежности систем искусственного интеллекта для поставщиков и пользователей.

Национальные стратегии в сфере ИИ: правовые кейсы США, Китая и России

Разработка национальных стратегий в сфере искусственного интеллекта (ИИ) представляет собой комплексный процесс, объединяющий программное планирование, промышленную политику и правовое регулирование. Эти стратегии стремятся найти золотую середину между стимулированием инноваций и обеспечением безопасности, используя как строгие, так и гибкие меры. При сравнительном анализе особое внимание уделяется подходам США, Китая и России, каждая из которых формирует свою политику в области ИИ, исходя из уникальных национальных приоритетов. В США, например, Указ Президента № 14110 закладывает основу для безопасной и надежной разработки ИИ, определяя роль таких организаций, как NIST и OMB, в стандартизации и оценке систем. Одновременно, для защиты потребителей и поддержания конкуренции, вводятся правила маркировки, аутентификации, использования водяных знаков, а также ограничения на экспорт и регулирование критической инфраструктуры. Важным аспектом является требование прозрачности и подотчетности ИИ-систем, а также оперативного управления рисками, связанными с потенциальной опасностью автоматизированных решений².

¹ Regulation (EU) 2024/1689, Annex III (High-risk AI systems). Дата обращения: 04.09.2025

² Executive Order 14110, Safe, Secure, and Trustworthy Development and Use of Artificial Intelligence // Federal Register. Vol.

Для практической реализации нормативных положений выпущен циркуляр OMB M-24-10. Он обязывает федеральные ведомства создавать специализированные подразделения для управления искусственным интеллектом, вести учет всех применяемых ИИ-систем, проводить предварительную оценку рисков для систем, представляющих высокий уровень опасности, а также обеспечивать независимое тестирование, проверку и валидацию. Такой подход способствует систематическому управлению рисками и предоставляет необходимую информацию о том, как ИИ используется в государственном секторе, что в итоге повышает уровень безопасности и надежности³.

В качестве технического инструмента выступает AI Risk Management Framework (AI RMF 1.0), разработанный NIST. Эта рамочная модель предлагает четырехкомпонентную структуру для комплексного управления рисками: управление, картирование, измерение и контроль. Она также конкретизирует методы учета контекста использования, особенностей и ограничений моделей, а также работы с данными и метриками. Такой подход обеспечивает постоянный мониторинг систем, позволяя оперативно реагировать на любые отклонения или уязвимости, что является ключевым фактором для обеспечения безопасности и соответствия требованиям⁴.

Совместные усилия, инициированные указами президента, OMB и NIST формируют концепцию динамичной нормативно-управленческой системы. Эта система трансформирует общие принципы в конкретные управленческие процедуры, процедуры контроля и соответствия, подкрепленные проверяемыми доказательствами. В целом, данная стратегия свидетельствует о развитии национальной нормативно-правовой экосистемы, где законодательные акты и стандарты постоянно адаптируются, обеспечивая гибкое реагирование на быстро меняющиеся технологические вызовы. Принципы становятся основой для разработки конкретных управленческих решений и методик оценки систем искусственного интеллекта.

Развитие искусственного интеллекта в Китае характеризуется системным подходом, основанным на прочной нормативной базе, которая формируется с 2017 года в рамках государственных стратегических инициатив. Центральным документом является «Стратегия нового поколения ИИ», определяющая комплекс мер и регуляторных механизмов. Цель – достичь глобального лидерства в области ИИ и его регулирования к 2030 году, с приоритетом интеграции в ключевые сектора, та-

88, No. 211. 01.11.2023. Секции 4–5 (pp. 75196–75205; 75206–75214). Дата обращения: 04.09.2025

³ Office of Management and Budget. Memorandum M 24 10: Advancing Governance, Innovation, and Risk Management for Agency Use of Artificial Intelligence. 28.03.2024, pp. 3–8; 12–16. Дата обращения: 04.09.2025.

⁴ NIST. Artificial Intelligence Risk Management Framework (AI RMF 1.0). NIST SP 1270. Gaithersburg, 2023, pp. 5–16; 23–30; 31–38. URL: <https://nvlpubs.nist.gov/nistpubs/ai/NIST.AI.100-1.pdf>. Дата обращения: 04.09.2025.

кие как промышленность, здравоохранение и городское управление. Государство активно участвует в формировании стандартов и этических норм. Особое внимание уделяется регулированию алгоритмических систем, что закреплено в специализированных актах под руководством Комитета по делам цифровой экономики (CAC).

Так, с 2022 года введены строгие требования к регистрации и отчетности для значимых алгоритмов, распространяющих информацию. Эти меры включают обязательную прозрачность работы алгоритмов, запрет на манипуляции и дискриминацию, а также возложение на провайдеров ответственности за оценку безопасности и защиту прав пользователей. Важным аспектом является обеспечение управляемости и объяснимости алгоритмов, предоставляя пользователям возможность осознанного выбора и отказа от персонализированного контента¹.

В 2023 году были введены меры по контролю за сервисами генеративного искусственного интеллекта. Специальный документ устанавливает четкие требования к самим моделям и их разработчикам. Среди них – обязательная оценка безопасности перед запуском, прохождение административных проверок, а также проверка качества и законности используемых данных. Важным техническим решением станет внедрение водяных знаков и меток для идентификации контента, созданного ИИ, что поможет бороться с дискриминацией и вредоносной информацией. Кроме того, платформы и разработчики будут обязаны модерировать контент, оперативно реагировать на инциденты и предотвращать распространение нежелательных материалов².

Стратегия регулирования предполагает не только установление правил, но и постоянный контроль за всем процессом использования ИИ – от его запуска и обновлений до вывода из эксплуатации. Государство будет выполнять функции аудита и надзора, обеспечивая соответствие всем нормам. Использование специальных инструментов комплаенса станет своего рода «входным билетом» на рынок для генеративных и рекомендательных сервисов, гарантируя, что на нем будут представлены только соответствующие стандартам игроки. Таким образом, китайская стратегия объединяет стимулирование развития отрасли с тщательным контролем, формируя системный подход к регулированию ИИ, который способствует инновациям в рамках строгих правил.

¹ Provisions on the Administration of Algorithmic Recommendation in Internet Information Services (CAC, 2022). Статьи 7–12. URL: <https://digichina.stanford.edu/work/translation-internet-information-service-algorithmic-recommendation-management-provisions-effective-march-1-2022/>. Дата обращения: 04.09.2025.

² Interim Measures for the Management of Generative Artificial Intelligence Services (CAC, 2023). Статьи 4–11; 17–23. URL: https://ai.gov.ru/knowledgebase/normativnoe-regulirovanie-ii/2023_perevod_vremennye_mery_po_regulirovaniyu_generativnym_ii_in-terim_measures_for_the_management_of_generative_artificial_intelligence_services_ncrii/. Дата обращения: 04.09.2025.

Развитие искусственного интеллекта (ИИ) в России направляется указом Президента № 490, который определяет ключевые цели до 2030 года: обеспечение технологического суверенитета, стимулирование научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, формирование кадрового потенциала и интеграцию интеллектуальных систем в стратегические сферы. Документ также закладывает фундамент для нормативного регулирования, опираясь на принципы человекоцентричности, безопасности, этичности и прозрачности. Стратегия предполагает применение риск-ориентированных подходов в правоприменении, разработку национальных стандартов, создание испытательных платформ и взаимодействие с международными нормами, с сохранением приоритета национальной юрисдикции для защиты критической инфраструктуры и данных.

Важную роль играют саморегулирование и отраслевые кодексы, а также пилотные проекты для высокорисковых применений ИИ³. Федеральный закон № 258-ФЗ, вводящий институт экспериментальных правовых режимов, является ключевым инструментом для правовой проверки и апробации новых решений. Он позволяет временно отступать от некоторых нормативных требований под контролем государства, что особенно важно для инноваций в сфере ИИ. Закон устанавливает четкие правила для проведения экспериментов, включая критерии отбора, сроки, мониторинг и завершение, а также защиту прав пользователей. Таким образом, синергия стратегического документа и законодательства о «песочницах» создает адаптивную нормативную среду, способствующую переходу от контролируемых пилотных проектов к стандартизации и объективному обоснованию требований на основе практического опыта⁴.

Изучение зарубежных подходов к регулированию ИИ выявило три основные модели. США делают ставку на оперативность: они вводят обязательные руководящие принципы и процедуры для государственных структур и подрядчиков, но при этом дают частному бизнесу определенную свободу действий, опираясь на стандарты NIST и отраслевые рамки. Китай, напротив, применяет долгосрочное стратегическое планирование, дополненное административным лицензированием и регистрацией значимых алгоритмов. Для доступа на китайский рынок генеративные и рекомендательные системы должны соответствовать строгим нормативным требованиям. Россия же концентрируется на стратегическом целеполагании и экспериментальных проектах, поддерживаемых развитием стандартизации и доверительной инфраструктуры.

³ Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации», разделы II–III. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/44731>. Дата обращения: 04.09.2025.

⁴ Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации», ст. 2; 6–8. СЗ РФ, 2020, № 31 (ч. I), ст. 5018. Дата обращения: 04.09.2025.

Несмотря на эти разные инструменты, все три страны объединяет подход к управлению полным жизненным циклом ИИ-систем. Ключевыми общими элементами являются: всесторонняя оценка воздействия и рисков на всех этапах, детальное документирование и отслеживание моделей и исходных данных, а также внедрение механизмов человеческого контроля. Кроме того, все страны уделяют внимание прозрачности результатов, маркировке искусственно созданного контента и разработке процедур реагирования на инциденты и уязвимости. Такой общий вектор развития, даже при наличии различий в юридических обязательствах и степени административного вмешательства, способствует сближению регуляторных практик, повышению совместимости систем и упрощению будущего согласования международных стандартов.

Перспективы многостороннего регулирования: проект конвенции ООН, роль «гибкого права» и стандартов ISO

Международное сообщество переходит от общих рассуждений к практической разработке комплексной договорной структуры для регулирования искусственного интеллекта (ИИ). Цель – создать основу, которая зафиксировала общие цели, принципы, обязательства и механизмы реализации, при этом обеспечивая технологическую нейтральность и совместимость систем ИИ, что критически важно для глобального управления. Значимым событием стало принятие в 2024 году резолюции Генеральной Ассамблеей ООН, которая признала важность создания безопасных, надежных и заслуживающих доверия систем ИИ. В резолюции подчеркивается, что государства должны координировать усилия, развивать потенциал и продвигать согласованные подходы к регулированию отрасли, тем самым создавая необходимый политико-правовой фундамент¹.

Одновременно был представлен финальный доклад Консультативного совета высокого уровня по ИИ, предлагающий ключевые элементы глобальной системы управления ИИ. Эта система предполагает создание международной научной группы по ИИ, специализированных органов для оценки и мониторинга рисков, а также гибких регуляторных механизмов, основанных на международных стандартах и рекомендациях². Эта модель также интегрируется с Политической запиской Генерального секретаря о Глобальном цифровом со-

глашении, которая предусматривает закрепление требований через договорные соглашения, как в форме жестких норм, так и с применением принципов «мягкого права». Такая гибкая система позволяет оперативно обновлять стандарты и рекомендации, обеспечивая их соответствие современным технологическим вызовам, что значительно быстрее, чем традиционные методы международного права. В совокупности, эти инициативы и концепции открывают новое направление в международном регулировании ИИ³, направленное на создание устойчивой, адаптивной и международно согласованной нормативной базы, способной эффективно реагировать на стремительные технологические изменения.

При рассмотрении вопроса о разработке международной конвенции ключевым элементом является общая структура, которая помогает выделить основные элементы этого правового документа. В начале, при подготовке проекта, необходимо четко сформулировать цели, главными из которых являются содействие развитию, защита прав человека и обеспечение безопасности. Затем следует определить принципы, на которых будет строиться соглашение: приоритет прав человека, отсутствие дискриминации, открытость и подотчетность. Важно также определить сферу применения конвенции, включая системы, подлежащие регулированию.

Ответственность государств подразумевает оценку и снижение рисков, контроль за соблюдением, развитие механизмов защиты прав и сотрудничество между странами для достижения единых стандартов.

Особое внимание следует уделить механизмам реализации и контроля за выполнением конвенции. Планируется создание конференции сторон, которая будет регулярно анализировать ход выполнения обязательств. Для поддержки предлагается использовать научно-техническую помощь, что позволит оперативно обновлять стандарты и методики.

Инновационным подходом может стать использование «динамической отсылки» к международным стандартам ISO/IEC⁴. Это позволит рассматривать эти стандарты как обязательные технические требования, что упростит управление рисками, внедрение систем менеджмента и процедуры оценки соответствия.

Эта стратегия схожа с практикой Всемирной торговой организации, где признанные международные стандарты используются для снижения торговых барьеров и затрат при международных операциях. Использование универсальных стандартов способствует устранению различий в правилах и повышает глобальную унификацию.

¹ United Nations General Assembly. Resolution adopted on 21 March 2024 “Seizing the opportunities of safe, secure and trustworthy AI systems for sustainable development”. URL: https://ai.gov.ru/knowledgebase/mezhdunarodnye-dokumenty-po-razvitiyu-ii/2024_rezolyuciya_ispolzovanie_vozmoghnostey_bezopasnyh_zaschischennyh_i_nadeghnyh_sistem_ii_dlya_ustoychivogo_razvitiya_seizing_the_opportunities_of_safe_secure_and_trustworthy_ai_systems_for_sustainable_development_generalnaya_assambleya_oon/. Дата обращения: 04.09.2025.

² High level Advisory Body on Artificial Intelligence. Governing AI for Humanity: Final Report. URL: <https://dig.watch/resource/governing-ai-for-humanity-final-report>. Дата обращения: 04.09.2025.

³ United Nations. Policy brief: A Global Digital Compact – An Open, Free and Secure Digital Future for All. URL: <https://www.un.org/sites/un2.un.org/files/our-common-agenda-policy-brief-gobal-digi-compact-en.pdf>. Дата обращения: 04.09.2025.

⁴ ISO/IEC 42001:2023 Information technology – Artificial intelligence – Management system. Разделы 4–10. Дата обращения: 04.09.2025.

В предлагаемой модели «гибкое право» играет двойную роль. С одной стороны, оно формирует основу для общих ценностей, вокруг которых страны могут объединяться. Например, такие международные документы, как рекомендации ОЭСР по этике ИИ и документы ЮНЕСКО, уже признают важность прав человека, справедливости, прозрачности, надежности и ответственности. Эти документы помогают оценивать риски и управлять ими на всех этапах разработки и использования ИИ, создавая глобальное понимание этических норм.

С другой стороны, «гибкое право» позволяет быстро реагировать на новые вызовы в регулировании. Примером служат руководящие принципы и кодексы поведения G7 для передовых систем ИИ¹. Эти инициативы устанавливают ориентиры для обеспечения безопасности и ответственности, не требуя немедленного заключения международных договоров².

Такой подход позволяет компаниям и организациям внедрять процедуры проверки, проводить аудиты и создавать системы маркировки уже на ранних этапах, что значительно упрощает переход к более формальному регулированию в будущем. В конечном итоге, эти механизмы и подходы могут быть включены в международные соглашения, обеспечивая последовательность и эффективность регулирования.

На операционном уровне регулирования ИИ важную роль играет стандарт ISO/IEC 42001:2023, разработанный под эгидой ISO/IEC JTC 1/SC 42. Этот стандарт предназначен для внедрения системы управления ИИ (AIMS), которая обеспечивает систематический подход к управлению рисками, связанными с использованием интеллектуальных систем. В рамках этого стандарта организации должны определить свою деятельность, распределить обязанности, разработать план действий, организовать процессы контроля и постоянно оценивать и улучшать свою систему, учитывая специфические риски ИИ. Основная цель стандарта – подготовка к аудиту и сертификации, что является основой для международной оценки соответствия.

В рамках этих проектов также внедрен стандарт ISO/IEC 23894:2023, который устанавливает четкий порядок действий для управления рисками в сфере искусственного интеллекта. Этот стандарт подробно описывает весь процесс: от выявления и оценки возможных рисков до принятия мер по их устранению, постоянного контроля и документирования. Он также определяет требования к исполь-

зованию показателей эффективности и проверке соответствия. Важно отметить, что стандарт учитывает особенности конкретных областей применения ИИ-систем, а также ограничения, связанные с используемыми моделями и данными, что способствует большей прозрачности и возможности контроля.

Для обеспечения единого понимания и согласованности в области искусственного интеллекта, интеграция стандартов играет ключевую роль. В этой связи был разработан стандарт ISO/IEC 22989:2022, который определяет и унифицирует основные термины и классификации в сфере ИИ. Это помогает избежать разногласий в терминологии при реализации проектов и заключении контрактов. Особое внимание уделяется системам общего назначения, этапам жизненного цикла и отслеживаемости, что способствует более слаженной работе всех участников³.

Стандарт ISO/IEC 22989:2022 призван стандартизировать ключевые термины и таксономии в области искусственного интеллекта (ИИ). Это снижает риск недопонимания и расхождений в договорных обязательствах, особенно в отношении систем общего назначения, их жизненных циклов и отслеживаемости. В результате повышается согласованность действий всех участников⁴.

Стратегическое внедрение этих стандартов в будущие нормативные акты и соглашения будет осуществляться через использование общепризнанных ссылок. Это подразумевает требования к национальным системам аккредитации и процедурам взаимного признания результатов оценки соответствия. Такой подход создает основу для технической интероперабельности, позволяя избежать излишней детализации в самих договорах. Это, в свою очередь, повышает гибкость и эффективность международного правового и стандартизационного регулирования сферы ИИ.

Определение оптимальной регуляторной логики для конвенций является критически важным этапом их разработки и определения эффективности. В связи с этим, проект предусматривает внедрение риск-ориентированного подхода. Он предполагает дифференцированные обязательства для применений с высоким уровнем опасности, а также разработку специальных режимов регулирования для моделей, оказывающих значительное воздействие на общество и окружающую среду. Такой подход способствует гармонизации с уже существующими региональными нормативами, обеспечивая гибкость и единообразие в регулировании.

Для предотвращения дублирования законов и возможных конфликтов, конвенция должна предоставить возможность для развития национальных и региональных правовых актов. При этом,

¹ OECD. Recommendation of the Council on Artificial Intelligence (OECD/LEGAL/0449). Раздел 1. URL: <https://dig.watch/resource/oecdlegal0449-recommendation-council-artificial-intelligence>. Дата обращения: 04.09.2025.

² G7 Hiroshima Process. Guiding Principles and Code of Conduct for Organizations Developing Advanced AI Systems, 30 Oct 2023. URL: https://ai.gov.ru/knowledgebase/dokumenty-mezhdunarodnykh-organizatsiy-po-ii/2023_meghdunarodnyy_hiroshimskiy_process_rukovodyaschie_principy_dlya_organizatsiy_razrabatyvayuschih_peredovye_sistemy_ii_hiroshima_process_international_guiding_principles_for_organizations_developing_advanced_ai_system_g7/. Дата обращения: 04.09.2025.

³ ISO/IEC 23894:2023 Information technology – Artificial intelligence – Risk management. Раздел 6. URL: <https://cdn.standards.iteh.ai/samples/77304/cb803ee4e9624430a5db177459158b24/ISO-IEC-23894-2023.pdf>. Дата обращения: 04.09.2025

⁴ ISO/IEC 22989:2022 Information technology – Artificial intelligence – Concepts and terminology. Разделы 3–5. Дата обращения: 04.09.2025.

важным условием является внедрение базового набора процедур, в который входит оценка и снижение рисков до начала эксплуатации, а также в процессе работы системы. Также имеет значение обеспечение механизмов человеческого контроля и возможности вмешательства, прозрачность действий и информирование пользователей. Важной частью является обязательная отчетность по инцидентам, отзывам, а также разработка и внедрение четких стандартов маркировки синтетического контента. Все эти элементы уже включают в себя принципы мягкого права и международные стандарты, что способствует их преобразованию в обязательства многостороннего характера¹.

Перспективы международного сотрудничества в области регулирования искусственного интеллекта подчеркиваются в повестке ООН, где акцентируется внимание на укреплении институциональных возможностей и обеспечении справедливости. В резолюции 2024 года подчеркивается необходимость усиления международного взаимодействия и согласования ресурсов, а также выравнивания условий для всех участников. Важную роль играют механизмы научно-технической поддержки, которые включают обмен данными, совместное использование вычислительных мощностей, развитие сетевой экспертизы и глобальную координацию процессов оценки и обеспечения безопасности систем ИИ. Эти меры должны быть интегрированы в договорные обязательства, направленные на развитие потенциала участников и создание универсальных инфраструктур. Этот аспект, называемый «архитектурой солидарности», может снизить риск превращения конвенции в препятствие для доступа стран с развивающейся экономикой к передовым технологиям, одновременно способствуя повышению глобальных стандартов безопасности, ответственности и подотчетности в сфере искусственного интеллекта.

Заключение

Международное регулирование искусственного интеллекта (ИИ) сейчас формируется, опираясь на принципы «мягкого права», технические стандарты и растущую юридическую силу региональных актов. Несмотря на различия в подходах, наблюдается сближение вокруг принципов человекоцентричности, управления рисками, прозрачности и подотчетности. Перспективным решением является рамочная конвенция ООН, использующая международные стандарты и механизмы взаимного признания. Унифицированный набор гарантий, включающий оценку рисков, управление данными, человеческий контроль и отчетность, может быть закреплен на договорной основе. Разные страны (США, ЕС, Китай, Россия) предлагают различные модели регулирования, которые, при интеграции

через стандарты, могут обеспечить совместимость и правоприменение. Для устойчивого развития необходимы обновляемость, инклюзивность и поддержка развивающихся стран, а также постоянный диалог между экспертами.

Литературный обзор

В современных исследованиях международного правового регулирования искусственного интеллекта выделяются три ключевых направления.

Первое – разработка «мягкого права», включающего рекомендации и принципы, основанные на ценностях, этике и правах человека. Важен анализ конвергенции принципов ОЭСР и ЮНЕСКО, направленных на защиту прав и обеспечение прозрачности, подотчетности и недискриминации, хотя их принудительная сила ограничена.

Второе направление связано с обязательными правовыми актами, такими как Регламент ЕС об искусственном интеллекте, который регулирует разработку и использование ИИ, устанавливает градацию рисков и требования к системам. Также рассматриваются механизмы оценки соответствия и взаимодействия с законами о защите данных.

Третье направление посвящено стандартизации и использованию «мягких» инструментов регулирования в рамках G7, G20 и ISO/IEC JTC 1/SC 42. Анализируются системы менеджмента в области ИИ, управление рисками и процедуры сертификации, подчеркивающие необходимость гибких механизмов для безопасного развития ИИ.

Постоянным контекстом остается регулирование генеративных моделей и различия в правоприменительной практике между регионами, включая вопросы трансграничных потоков данных, кибербезопасности и социальной справедливости. Важны также аспекты безопасности синтетического контента и этика в высокоавтоматизированных системах.

Выявлены пробелы в терминологии, взаимном признании оценок соответствия и соразмерности требований к МСП в цепочках поставок ИИ. Эти недостатки требуют дальнейшего изучения и развития международных стандартов, что формирует основу для кодификации правовых и стандартизационных практик и улучшения глобального регулирования ИИ.

Материалы и методы

Исследование базируется на анализе обширной эмпирической базы международных и национальных нормативных актов, руководящих документов и стандартов в сфере искусственного интеллекта (ИИ). Использованы материалы ОЭСР, ЮНЕСКО, ООН, ЕС (включая AI Act), G7, G20, стандарты ISO/IEC JTC 1/SC 42 (ISO/IEC 42001, ISO/IEC 23894), а также правовые акты США, Китая и России (актуальные на 2024–2025 гг.).

Отбор источников осуществлялся по критериям нормативной значимости, актуальности и до-

¹ UNESCO. Recommendation on the Ethics of Artificial Intelligence. Разделы 3,4. URL: <https://www.unesco.org/en/articles/recommendation-ethics-artificial-intelligence>. Дата обращения: 04.09.2025.

ступности (EUR-Lex, Federal Register, сайты ОЭСР, ЮНЕСКО, ООН, САС). Применен доктринальный и сравнительно-правовой анализ для изучения соотношения «жесткого» и «мягкого» права и риск-ориентированных подходов.

Методология включала контент-анализ с тематическим кодированием (принципы и права человека, управление рисками, прозрачность, ответственность, модели общего назначения, оценка соответствия и надзор). Для валидации использована триангуляция (сопоставление документов разного уровня) и анализ языковых версий.

Исследована динамика нормативных подходов к регулированию ИИ за 2019–2025 гг. Ограничениями являются вариативность оформления электронных источников и сложности сопоставления правовых категорий, что требует использования официальных переводов и терминологических стандартов ISO/IEC.

Результаты

Международные и национальные нормы регулирования ИИ сближаются, фокусируясь на правах человека, человекоцентричности, риск-ориентированном подходе, прозрачности, объяснимости, надежности и безопасности. Важны подотчетность и правовая защита.

Существует градация требований: мягкое право (ОЭСР, ЮНЕСКО) закладывает ценностные рамки, G7/G20 – политические ориентиры для продвинутых моделей, а европейский регламент – обязательный режим с санкциями.

Национальные модели регулирования (США, Китай, Россия) функционально схожи, но различаются институционально.

Международные стандарты (ISO/IEC) обеспечивают интероперабельность, снижая фрагментацию и издержки.

Выделен минимальный набор гарантий для межюрисдикционной совместимости: оценка рисков, управление данными, документирование, человеческий контроль, маркировка контента, тестирование, ответственность, контроль.

Предлагается рамочная конвенция ООН с динамическими ссылками на стандарты и взаимным признанием. Важны развитие потенциала государств и инфраструктуры доверия.

Дальнейшая проработка включает гармонизацию терминологии и интероперабельность правоприменения.

Обсуждение

Полученные результаты показывают тенденцию к формированию глобального консенсуса по ключевым ценностям регулирования искусственного интеллекта, таким как человекоцентричность и подотчетность. Однако сохраняются противоречия между гибкостью «мягкого права» и необходимостью правоприменительной определенности. Международные инициативы, такие как документы

ОЭСР и ЮНЕСКО, способствуют унификации терминологии, но не имеют механизмов принуждения, что делает их зависимыми от национальных практик. В отличие от этого, более строгие нормативные режимы, как AI Act, создают конкретные обязательства и механизмы контроля, но могут привести к регуляторной экстерриториальности.

Ключевыми остаются вопросы оценки системных рисков и распределения ответственности в сложных цепочках поставок. Международные стандарты, такие как ISO/IEC, могут служить мостом между этическими и правовыми принципами, но требуют инклюзивности и актуальности. Без создания глобальных механизмов доступа к ресурсам, стандартные требования могут стать барьером для развивающихся стран, усиливая технологическое неравенство.

Исследование также рассматривает конкуренцию регуляторных моделей в США, ЕС и Китае, показывая, что они способствуют выравниванию стандартов, но создают издержки, связанные с двойной сертификацией. Перспективным является комбинированный подход, который включает международные стандарты и национальные системы аккредитации, а также реализацию трансграничных «песочниц» для согласования практик.

Ограничения исследования связаны с динамикой обновлений информации и вариативностью терминологии. Будущие исследования должны сосредоточиться на оценке регулирующего воздействия ИИ и разработке концепций экономики соответствия для малого и среднего бизнеса.

Литература

1. Организация экономического сотрудничества и развития. Recommendation of the Council on Artificial Intelligence (OECD/LEGAL/0449) [Электронный ресурс]. Париж: OECD, 22.05.2019. Режим доступа: <https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0449> (дата обращения: 04.09.2025).
2. United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization. Recommendation on the Ethics of Artificial Intelligence [Электронный ресурс]. Париж: UNESCO, 2021. Режим доступа: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000381137> (дата обращения: 04.09.2025).
3. European Union. Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence and amending Regulations (EC) No 300/2008, (EU) No 167/2013, (EU) No 168/2013, (EU) 2018/858, (EU) 2018/1139 and (EU) 2019/2144 and Directives 2014/90/EU, (EU) 2016/797 and (EU) 2020/1828 (Artificial Intelligence Act) [Электронный ресурс]. Official Journal of the European Union, 12.07.2024. Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/1689/oj> (дата обращения: 04.09.2025).
4. Group of Twenty. Osaka Leaders' Declaration, 28–29 June 2019 [Электронный ресурс]. Токио:

- G20 Japan. Режим доступа: https://www.mofa.go.jp/ecm/ec/page1e_000973.html (дата обращения: 04.09.2025).
5. United States. Executive Office of the President. Executive Order 14110 of October 30, 2023. Safe, Secure, and Trustworthy Development and Use of Artificial Intelligence // Federal Register. 2023. Vol. 88, No. 211. P. 75191–75220. URL: <https://www.federalregister.gov/documents/2023/11/01/2023-24283/safe-secure-and-trustworthy-development-and-use-of-artificial-intelligence> (дата обращения: 04.09.2025).
 6. Office of Management and Budget. Memorandum M-24–10: Advancing Governance, Innovation, and Risk Management for Agency Use of Artificial Intelligence [Электронный ресурс]. Washington, DC, 2024. 36 p. URL: <https://www.whitehouse.gov/omb> (дата обращения: 04.09.2025).
 7. National Institute of Standards and Technology. Artificial Intelligence Risk Management Framework (AI RMF 1.0). NIST Special Publication 1270. Gaithersburg, MD: NIST, 2023. 48 p. URL: <https://nvlpubs.nist.gov/nistpubs> (дата обращения: 04.09.2025).
 8. Cyberspace Administration of China. Provisions on the Administration of Algorithmic Recommendation in Internet Information Services [Электронный ресурс]. Beijing, 2022. URL: <https://digichina.stanford.edu> (дата обращения: 04.09.2025).
 9. Cyberspace Administration of China. Interim Measures for the Management of Generative Artificial Intelligence Services [Электронный ресурс]. Beijing, 2023. URL: <https://www.cac.gov.cn> / <https://www.chinalawtranslate.com> (дата обращения: 04.09.2025).
 10. Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2019. № 41. Ст. 5700. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44731> (дата обращения: 04.09.2025).
 11. Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5018. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007310078> (дата обращения: 04.09.2025).
 12. Организация Объединённых Наций. Генеральная Ассамблея. Resolution adopted on 21 March 2024 “Seizing the opportunities of safe, secure and trustworthy AI systems for sustainable development” [Электронный ресурс]. Нью-Йорк: ООН, 2024. URL: <https://www.un.org/en/ga/documents/resolutions> (дата обращения: 04.09.2025).
 13. High-level Advisory Body on Artificial Intelligence. Governing AI for Humanity: Final Report [Электронный ресурс]. New York: United Nations, 2024. URL: <https://www.un.org/ai-advisory-body> (дата обращения: 04.09.2025).
 14. United Nations. Policy brief: A Global Digital Compact – An Open, Free and Secure Digital Future for All [Электронный ресурс]. New York: United Nations, 2023. URL: <https://www.un.org/techenvoy/global-digital-compact> (дата обращения: 04.09.2025).
 15. International Organization for Standardization; International Electrotechnical Commission. ISO/IEC 42001:2023. Information technology – Artificial intelligence – Management system [Электронный ресурс]. Geneva: ISO/IEC, 2023. URL: <https://www.iso.org/standard/81230.html> (дата обращения: 04.09.2025).
 16. International Organization for Standardization; International Electrotechnical Commission. ISO/IEC 23894:2023. Information technology – Artificial intelligence – Risk management [Электронный ресурс]. Geneva: ISO/IEC, 2023. URL: <https://www.iso.org/standard/77304.html> (дата обращения: 04.09.2025).
 17. International Organization for Standardization; International Electrotechnical Commission. ISO/IEC 22989:2022. Information technology – Artificial intelligence – Concepts and terminology [Электронный ресурс]. Geneva: ISO/IEC, 2022. URL: <https://www.iso.org/standard/74296.html> (дата обращения: 04.09.2025).
 18. Organisation for Economic Co-operation and Development. Recommendation of the Council on Artificial Intelligence (OECD/LEGAL/0449) [Электронный ресурс]. Paris: OECD, 2019. URL: <https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0449> (дата обращения: 04.09.2025).
 19. United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization. Recommendation on the Ethics of Artificial Intelligence [Электронный ресурс]. Paris: UNESCO, 2021. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000381137> (дата обращения: 04.09.2025).
 20. Group of Seven. Hiroshima Process: Guiding Principles and Code of Conduct for Organizations Developing Advanced AI Systems, 30 October 2023 [Электронный ресурс]. Tokyo: G7, 2023. URL: <https://www.g7hiroshima.go.jp/en/documents> (дата обращения: 04.09.2025).

INTERNATIONAL LEGAL REGULATION OF AI

Kokh A.A.

Moscow Financial and Legal Academy

The rapid growth of artificial intelligence (AI) poses complex legal and ethical questions for the global community that require immediate solutions. Existing legal frameworks have not kept pace with technological advances and do not adequately regulate the cross-border use of AI. This study identifies gaps in international law regarding liability, safety, and ethical standards and proposes ways to address them. The analysis shows that AI regulation remains fragmented and contradictory, particularly regarding liability and digital sovereignty. The author emphasizes the need to develop unified international rules, including a multilateral convention under the auspices of the UN, and proposes the use of “soft” regulation as a transitional stage.

Keywords: Artificial intelligence, international legal regulation, comparative legal analysis, digital technologies, global regulation, technological progress, cross-border application, digital sovereignty.

References

1. Organisation for Economic Co-operation and Development. Recommendation of the Council on Artificial Intelligence (OECD/LEGAL/0449) [Electronic resource]. Paris: OECD, 22.05.2019. Available at: <https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0449> (accessed on 04.09.2025).
2. United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization. Recommendation on the Ethics of Artificial Intelligence [Electronic resource]. Paris: UNESCO, 2021. Available at: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000381137> (accessed on 04.09.2025).
3. European Union. Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonized rules on artificial intelligence and amending Regulations (EC) No 300/2008, (EU) No 167/2013, (EU) No 168/2013, (EU) 2018/858, (EU) 2018/1139 and (EU) 2019/2144 and Directives 2014/90/EU, (EU) 2016/797 and (EU) 2020/1828 (Artificial Intelligence Act) [Electronic resource]. Official Journal of the European Union, 07/12/2024. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/1689/oj> (accessed on September 4, 2025).
4. Group of Twenty. Osaka Leaders' Declaration, June 28–29, 2019 [Electronic resource]. Tokyo: G20 Japan. Available at: https://www.mofa.go.jp/ecm/ec/page1e_000973.html (accessed on September 4, 2025).
5. United States. Executive Office of the President. Executive Order 14110 of October 30, 2023. Safe, Secure, and Trustworthy Development and Use of Artificial Intelligence // Federal Register. 2023. Vol. 88, No. 211. P. 75191–75220. URL: <https://www.federalregister.gov/documents/2023/11/01/2023-24283/safe-secure-and-trustworthy-development-and-use-of-artificial-intelligence> (accessed September 4, 2025).
6. Office of Management and Budget. Memorandum M-24–10: Advancing Governance, Innovation, and Risk Management for Agency Use of Artificial Intelligence [Electronic resource]. Washington, DC, 2024. 36 p. URL: <https://www.whitehouse.gov/omb> (accessed September 4, 2025).
7. National Institute of Standards and Technology. Artificial Intelligence Risk Management Framework (AI RMF 1.0). NIST Special Publication 1270. Gaithersburg, MD: NIST, 2023. 48 p. URL: <https://nvlpubs.nist.gov/nistpubs> (accessed: 04.09.2025).
8. Cyberspace Administration of China. Provisions on the Administration of Algorithmic Recommendation in Internet Information Services [Electronic resource]. Beijing, 2022. URL: <https://digi-china.stanford.edu> (accessed: 04.09.2025).
9. Cyberspace Administration of China. Interim Measures for the Management of Generative Artificial Intelligence Services [Electronic resource]. Beijing, 2023. URL: <https://www.cac.gov.cn/> <https://www.chinalawtranslate.com> (accessed: 04.09.2025).
10. Decree of the President of the Russian Federation of 10.10.2019 No. 490 "On the Development of Artificial Intelligence in the Russian Federation" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2019. No. 41. Art. 5700. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44731> (date of access: 09/04/2025).
11. Federal Law of 07/31/2020 No. 258-FZ "On Experimental Legal Regimes in the Sphere of Digital Innovations in the Russian Federation" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2020. No. 31 (Part I). Art. 5018. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007310078> (date of access: 09/04/2025).
12. United Nations. General Assembly. Resolution adopted on 21 March 2024 "Seizing the opportunities of safe, secure, and trustworthy AI systems for sustainable development" [Electronic resource]. New York: United Nations, 2024. URL: <https://www.un.org/en/ga/documents/resolutions> (date accessed: 04.09.2025).
13. High-level Advisory Body on Artificial Intelligence. Governing AI for Humanity: Final Report [Electronic resource]. New York: United Nations, 2024. URL: <https://www.un.org/ai-advisory-body> (date accessed: 04.09.2025).
14. United Nations. Policy brief: A Global Digital Compact – An Open, Free, and Secure Digital Future for All [Electronic resource]. New York: United Nations, 2023. URL: <https://www.un.org/techenvoy/global-digital-compact> (date of access: 04.09.2025).
15. International Organization for Standardization; International Electrotechnical Commission. ISO/IEC 42001:2023. Information technology – Artificial intelligence – Management system [Electronic resource]. Geneva: ISO/IEC, 2023. URL: <https://www.iso.org/standard/81230.html> (date of access: 04.09.2025).
16. International Organization for Standardization; International Electrotechnical Commission. ISO/IEC 23894:2023. Information technology – Artificial intelligence – Risk management [Electronic resource]. Geneva: ISO/IEC, 2023. URL: <https://www.iso.org/standard/77304.html> (date of access: 04.09.2025).
17. International Organization for Standardization; International Electrotechnical Commission. ISO/IEC 22989:2022. Information technology – Artificial intelligence – Concepts and terminology [Electronic resource]. Geneva: ISO/IEC, 2022. URL: <https://www.iso.org/standard/74296.html> (accessed 09/04/2025).
18. Organisation for Economic Co-operation and Development. Recommendation of the Council on Artificial Intelligence (OECD/LEGAL/0449) [Электронный ресурс]. Paris: OECD, 2019. URL: <https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0449> (дата обращения: 04.09.2025).
19. United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization. Recommendation on the Ethics of Artificial Intelligence [Электронный ресурс]. Paris: UNESCO, 2021. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000381137> (дата обращения: 04.09.2025).
20. Group of Seven. Hiroshima Process: Guiding Principles and Code of Conduct for Organizations Developing Advanced AI Systems, 30 October 2023 [Электронный ресурс]. Tokyo: G7, 2023. URL: <https://www.g7hiroshima.go.jp/en/documents> (дата обращения: 04.09.2025).

Кузьмин Илья Олегович,

аспирант, кафедра интеллектуальной собственности
образовательного частного учреждения высшего образования
«Московский университет имени А.С. Грибоедова»,
E-mail: kuzmin_io@bk.ru

В статье исследуются правовые проблемы, связанные с авторско-правовой охраной цифровых фабрикаций, включая deepfake-контент, синтетические изображения и произведения, созданные с использованием технологий искусственного интеллекта. Рассматриваются вопросы критериев охраноспособности, распределения прав между разработчиком, пользователем и оператором алгоритмов, а также международный опыт регулирования в странах ЕС, США, Китая и России. Особое внимание уделяется рискам злоупотреблений, связанным с нарушением прав личности и использованием цифровых фабрикаций в целях манипуляции информацией. В работе обоснована необходимость выработки комплексного подхода, сочетающего традиционные механизмы авторского права с созданием специальных правовых режимов охраны.

Ключевые слова: цифровые фабрикация, авторское право, искусственный интеллект, deepfake, правовое регулирование, охраноспособность, международный опыт.

Введение

Динамика технологического прогресса в сфере генеративного искусственного интеллекта демонстрирует не только качественно новые возможности создания культурного продукта, но и порождает целый спектр правовых вызовов, связанных с феноменом так называемых «цифровых фабрикаций», включающих deepfake-контент, синтетические изображения, аудиовизуальные композиции и тексты, генерируемые алгоритмами больших языковых моделей. Наблюдаемый рост масштабов явления имеет не абстрактный, а эмпирически фиксируемый характер, по данным международной платформы Sumsb, только в 2023–2024 гг. количество выявленных deepfake-инцидентов увеличилось более чем в четыре раза, а в структуре мошеннических действий на начало 2025 г. на их долю приходилось порядка 7% случаев, что в США сопровождалось ростом на 1100% год к году, при этом пик интенсивности наблюдался в периоды электоральной активности, что указывает на прямую корреляцию между распространением синтетического контента и рисками для демократических институтов и информационной безопасности государства [14].

Отдельного внимания заслуживает социально-демографическая специфика данного феномена. Согласно отчёту Thorn, около 12% подростков в США знают о случаях генерации сексуализированных deepfake-материалов в отношении их сверстников, а 6% сообщили о личной виктимизации, при этом независимые аналитические наблюдения свидетельствуют, что более 90% несанкционированных сексуализированных deepfake-материалов адресованы женщинам и несовершеннолетним девочкам [13]. Указанные данные демонстрируют не только тревожный уровень нормализации злоупотреблений в подростковой среде, но и нарастающую угрозу нарушения прав личности, что ставит вопрос о соотношении авторско-правовой охраны синтетического произведения и иных институтов права от защиты изображения и чести до уголовно-правовых средств противодействия эксплуатации уязвимых групп.

На наднациональном уровне складываются разнонаправленные регуляторные модели. Европейский акт об ИИ (EU AI Act), вступивший в силу 1 августа 2024 г., вводит риск-ориентированный подход и в ст. 50 закрепляет обязательность маркировки синтетического контента, уведомления об использовании ИИ и раскрытия факта создания deepfake-материалов, при этом предусматривая исключения для очевидно художественных и сатирических форматов. Временной горизонт применения норм

дифференцирован, отдельные статьи подлежат применению уже с 2025 г., обязательства для моделей общего назначения вступают в силу с августа 2025 г., а полная имплементация предписана на август 2026 г. Для доктрины авторского права это означает формирование новой правовой реальности, в которой критерий «прозрачности происхождения» становится функциональным аналогом традиционного теста оригинальности [15].

Американский подход концентрируется на критерии человеческого авторства. Бюро по авторским правам США (US Copyright Office) в 2023 г. прямо закрепило требование раскрывать степень использования ИИ при создании произведений и отказываться в охране тем результатам, в которых отсутствует значимый творческий вклад человека, в 2024–2025 гг. ведомство опубликовало отчёты о «цифровых репликах» и правовом статусе ИИ-генерации, подтверждающие сохранение жёсткой позиции, охране подлежит лишь та часть произведения, в которой фиксируется индивидуальная творческая деятельность субъекта [12].

Китайская нормативная модель демонстрирует более комплексный характер. «Положения об управлении глубинным синтезом интернет-информации» и «Временные меры по управлению сервисами генеративного ИИ» предписывают обязательное маркирование синтетического контента, использование цифровых водяных знаков и возлагают на провайдеров обязанность предотвращать распространение недостоверной информации. В совокупности данные акты формируют режим правовой управляемости синтетических материалов, который не только обеспечивает прозрачность их происхождения, но и ограничивает возможности их использования во вред публичным интересам [10].

В российской правовой системе авторско-правовая охрана цифровых фабрикаций сталкивается с принципиальным барьером, в силу ст. 1228 ГК РФ автором признаётся исключительно гражданин, чьим творческим трудом создан результат. Отсюда следует, что «чистые» продукты алгоритмической генерации, лишённые человеческого вклада, не образуют объектов авторского права. Вместе с тем действуют иные механизмы защиты ст. 152 ГК РФ (честь, достоинство, деловая репутация), ст. 152.1 (право на изображение), которые позволяют пресекать использование deepfake-контента в контексте нарушения личных неимущественных прав [2]. Однако отсутствие *sui generis*-режима или доктринально выверенного теста «значимого человеческого участия» порождает неопределённость правоприменительной практики и препятствует выработке единообразных критериев оборотоспособности синтетических произведений [1].

В складывающихся условиях ключевыми являются вопросы:

1. В какой мере цифровые фабрикации могут признаваться охраноспособными результатами интеллектуальной деятельности;
2. Каким образом фиксировать и измерять «человеческое участие» в процессе генерации;

3. Как распределяются права и ответственность между разработчиком, оператором и пользователем алгоритма;
4. Как соотносятся нормы авторского права с институтами защиты нематериальных благ личности;
5. Возможно ли сближение национальных решений с международными стандартами маркировки и прозрачности.

Цель и задачи исследования

Цель настоящей работы заключается в выявлении правовых параметров авторско-правовой охраны цифровых фабрикаций и формировании предложений по совершенствованию российского законодательства с учётом зарубежного опыта. Для её достижения поставлены задачи:

- (1) систематизировать критерии охраноспособности цифровых фабрикаций;
- (2) проанализировать субъектный состав и механизмы распределения прав;
- (3) выявить коллизионные поля между авторским правом и иными институтами;
- (4) провести сравнительно-правовой анализ подходов ЕС, США и Китая;
- (5) предложить модель комбинированной правовой охраны.

Материалы и методы

Объектом исследования выступают цифровые фабрикации как особая категория результатов интеллектуальной деятельности, включающая deepfake-контент, синтетические изображения, аудио– и видеоматериалы, а также тексты, генерируемые с использованием алгоритмов искусственного интеллекта. Предметом исследования является их авторско-правовая охрана в национальном и международном измерениях, включая доктринальные основания признания охраноспособности, распределение прав между субъектами и пределы допустимости использования.

Методологический инструментарий включает формально-юридический анализ для реконструкции содержания правовых норм, сравнительно-правовой метод для сопоставления российских и зарубежных подходов, догматический метод для выявления внутренних противоречий в доктрине авторского права, а также *case-law*-анализ, позволяющий зафиксировать тенденции судебной практики. Дополнительно использовался контент-анализ нормативных актов и экспертных отчётов, что позволило выявить системные тенденции в регулировании цифровых фабрикаций.

Временные рамки исследования охватывают период 2018–2025 гг., что обусловлено именно в этот временной интервал пришёлся стремительный рост генеративных моделей и появление первых специальных регуляторных актов. Критериями отбора кейсов являлись (i) связь с использованием цифровых фабрикаций, (ii) наличие правовой ква-

лификации с позиций авторского права или смежных институтов, (iii) репрезентативность для демонстрации национальных особенностей.

Методологическая конструкция позволяет соединить нормативно-доктринальный анализ с эмпирическими данными и практикой применения права, что необходимо для формулирования обоснованных выводов о пределах авторско-правовой охраны цифровых фабрикаций и перспективах совершенствования российского законодательства.

Результаты

Следует подчеркнуть, что выражение «значимый человеческий вклад» не является термином действующего законодательства Российской Федерации и, в частности, не закреплено в части четвёртой ГК РФ. Это доктринальное обозначение минимального порога творческого участия человека в создании результата при использовании алгоритмических систем. Подобный подход корреспондирует с международной практикой, к примеру, Бюро по авторским правам США требует раскрывать степень человеческого участия и признаёт охраноспособными лишь те элементы, в которых фиксируются творческие решения человека [9], тогда как Суд Европейского союза исходит из критерия «собственного интеллектуального творения» (например, дело *Infopaq*) как свидетельства наличия свободных и индивидуальных творческих выборов автора [13].

Итак, категория авторства в российской правовой доктрине традиционно понимается как юридическое отражение индивидуального творческого акта, осуществляемого исключительно физическим лицом, что прямо закреплено в ст. 1228 ГК РФ. Подобная конструкция восходит к персоналистской традиции континентального права, в которой творческая деятельность индивида составляет краеугольный критерий признания результата объектом авторско-правовой охраны. Соответственно, продукты, созданные полностью автономно с использованием алгоритмов искусственного интеллекта, по умолчанию не соответствуют данному критерию и в российском праве не подлежат защите в качестве объектов авторского права. Однако на практике подобный подход обнаруживает очевидные пробелы, поскольку оставляет значительный массив цифровых фабрикаций в правовой «серой зоне», где их оборотоспособность обеспечивается опосредованно, через смежные правовые конструкции защиты чести, достоинства и деловой репутации (ст. 152 ГК РФ) либо права на изображение (ст. 152.1 ГК РФ) [4].

Вместе с тем международные тенденции свидетельствуют о постепенном формировании новых стандартов оценки оригинальности. Европейский Суд справедливости, начиная с решений *Infopaq* (2009) и *Painer* (2011), выработал горизонтальный тест «авторского собственного интеллектуального творения», который акцентирует внимание на свободе и индивидуальности творческих выборов субъекта. Российский подход с его требованием

«творческого труда» концептуально близок, однако в условиях цифровой генерации вопрос о том, насколько минимальный вклад оператора в работу ИИ может квалифицироваться как «свободный и творческий выбор», становится предметом дискуссии [8].

Современные вызовы обусловлены, с одной стороны, беспрецедентной автоматизацией творческих процессов и развитием генеративных моделей, а с другой, трансформацией самой категории оригинальности. Уже сегодня эмпирические данные демонстрируют экспоненциальный рост распространения синтетического контента, по сведениям международных платформ, количество выявленных случаев использования *deepfake* в мошеннических схемах за период 2023–2025 гг. возросло более чем в десять раз, а по отдельным оценкам доля подобных практик верифицируется на уровне 7% всех попыток мошенничества [12]. Данные цифры косвенно подтверждают, что феномен цифровых фабрикаций выходит за рамки культурного или технологического, приобретая характер значимого социального и правового риска, который затрагивает не только институт авторского права, но и систему публичных интересов (включая информационную безопасность и охрану частной жизни) [5].

Ключевым вопросом для российской системы права остаётся определение критериев охраноспособности произведений, создаваемых при участии ИИ. В соответствии с доктриной охрана предоставляется лишь тем результатам, в которых фиксируется личный творческий вклад субъекта, будь то отбор исходных данных, индивидуальная настройка алгоритмов или последующая постобработка результата. В противном случае речь идёт о продукте технической деятельности, не подлежащем охране как объект авторского права. Подобная позиция нашла отражение и в зарубежной практике, так, Бюро по авторским правам США отказалось регистрировать графическую часть комикса *Zarya of the Dawn*, созданную при помощи *Midjourney*, указав на отсутствие человеческого авторства, тогда как текстовая составляющая была признана охраноспособной [9].

Проблематика субъектного состава в России проявляется особенно остро. В цепочке создания цифровых фабрикаций можно выделить разработчиков программного обеспечения, владельцев алгоритмов, операторов сервисов и конечных пользователей. Российская правовая конструкция не содержит специальных норм о распределении прав между ними, что создаёт риск конфликтов и неопределённости при попытке закрепления исключительных прав на конечный результат. В действительности здесь чаще применяются договорные механизмы (лицензии, соглашения об использовании сервисов), однако их эффективность ограничена отсутствием доктринальной ясности относительно статуса самого результата [7].

Особый пласт составляет защита прав личности в условиях массового распространения *deep-*

fake. Уже сегодня в российских судах встречаются иски, связанные с использованием изображения гражданина без согласия, в том числе в цифрово-модифицированной форме [6]. При этом квалификация таких действий чаще осуществляется по ст. 152.1 ГК РФ, а не в плоскости авторского права, что указывает на тенденцию «сдвига центра тяжести» регулирования цифровых фабрикаций в сторону институтов гражданской деликтной ответственности и охраны нематериальных благ [5].

Далее отметим, что сравнительный анализ позволяет выделить несколько возможных моделей правовой охраны. Первая модель – сохранение существующего подхода, при котором охране подлежат только результаты, обладающие творческим характером и созданные человеком. Вторая модель – комбинированная, предполагающая введение обязательств прозрачности и маркировки цифрового контента (аналогично ст. 50 Европейского акта об ИИ), в сочетании с договорными механизмами распределения прав и обязанностей между участниками. Третья модель – разработка *sui generis*-режима охраны, предоставляющего ограниченные права на синтетические произведения, созданные преимущественно машинным путём, но требующие регулирования в целях обеспечения предсказуемости их оборота.

Для российской правовой системы перспективным представляется именно гибридный вариант, сочетающий традиционное авторское право с элементами прозрачности и договорного регулирования. Представленный подход позволит сохранить концептуальную чистоту института авторства, одновременно предоставив инструменты для минимизации злоупотреблений и защиты интересов личности.

Важным направлением также является гармонизация национальных норм с международными стандартами. Применение положений AI Act и китайских мер по маркировке синтетического контента показывает, что мировое сообщество движется к обязательному раскрытию искусственной природы произведений. В этой связи представляется целесообразным в российском праве рассмотреть возможность введения требований по маркировке цифровых фабрикаций, по крайней мере в сферах повышенного риска, политической рекламе, коммерческих коммуникациях, информационных материалах, имеющих общественную значимость.

Результаты исследования показывают, что российская правовая система в её нынешнем состоянии неспособна обеспечить полноценную авторско-правовую охрану цифровых фабрикаций, и в целях гармонизации с международными подходами требует выработки гибридной модели, сочетающей традиционные механизмы с новыми средствами прозрачности и защиты прав личности.

Обсуждение

Интерпретация полученных результатов в условиях российской правовой системы позволяет утвер-

ждать, что традиционная персоналистская конструкция авторского права, закрепляющая исключительное признание автором только физического лица и требование наличия творческого труда, в целом сохраняет внутреннюю целостность и устойчивость. Однако при столкновении с цифровыми фабрикациями данная концепция проявляет свои ограниченные возможности. Во-первых, всё более значимая доля контента создаётся с применением алгоритмических систем, что формирует широкую пограничную область гибридных результатов, где человеческий вклад распределён по этапам подготовки данных, их обработки, настройки параметров, а также последующей редакции и компоновки. В подобных случаях объём «творческой добавленной стоимости» становится предметом юридической неопределённости. Во-вторых, разграничение между собственно творческим актом и технической процедурой утрачивает прежнюю чёткость, действия по выбору и сочетанию элементов, подбору параметров или обработке материала в одних случаях могут рассматриваться как индивидуальные и оригинальные, а в других, как рутинные и лишённые самостоятельного характера творчества.

Предложенный в разделе «Результаты» критерий «значимого человеческого вклада» представляется необходимым не только для уточнения доктринального содержания института авторства, но и для практической адаптации правоприменения к новым технологическим условиям. Данный критерий способен сохранить логику части четвёртой Гражданского кодекса Российской Федерации, не снижая стандартов творческого труда, но позволяя включать в оборот результаты, имеющие очевидную компоненту индивидуальных решений человека.

Сопоставление с практикой защиты нематериальных благ в России демонстрирует тенденцию смещения центра тяжести регулирования в сторону деликтного права. При отсутствии прямой авторско-правовой охраны цифровые фабрикаций всё чаще становятся предметом исков о защите изображения, чести, достоинства и деловой репутации. Такая практика логична, поскольку вред от использования технологий глубоких подделок и иных синтетических материалов в первую очередь проявляется как посягательство на личные нематериальные блага. Однако одновременно это ведёт к фрагментации защиты, один и тот же спорный объект оказывается предметом разных процессов с неодинаковыми стандартами доказывания и разными мерами ответственности. В итоге система становится уязвимой для затягивания дел, формального дробления исковых требований и стратегического поведения недобросовестных участников информационного оборота.

При рассмотрении рисков и компромиссов основная дилемма состоит в соотношении охраны и свободы творчества и информации. Излишнее расширение авторско-правовой охраны в отношении гибридных произведений без установления чётких критериев «человеческого участия» может

создавать препятствия для добросовестных пользователей интеллектуальных технологий, а также формировать риск неоправданного ограничения свободы творческого поиска. В то же время полный отказ от правовой охраны синтетических результатов оставляет участников информационного обмена в условиях неопределённости и усиливает транзакционные издержки, поскольку статус таких произведений не имеет устойчивой юридической квалификации.

Для российской правовой системы регуляторные последствия анализа результатов проявляются в нескольких направлениях.

1. Внутридоктринальное. Необходимо закрепить в разъяснениях высших судебных инстанций или в текстуральных изменениях Гражданского кодекса критерий «значимого человеческого вклада» как условие признания охраноспособности гибридных произведений. При этом требуется подчеркнуть, что творческий труд может выражаться не только в непосредственном создании произведения, но и в комплексе свободных и индивидуальных решений, сопровождающих использование интеллектуальных систем.

2. Межотраслевое. С учётом роста злоупотреблений следует ввести минимальные требования по маркировке синтетических аудиовизуальных материалов в сферах повышенного риска, политической рекламе, коммерческих коммуникациях, новостных продуктах. Предложенная мера обеспечит защиту от введения в заблуждение и облегчит судам установление характера участия человека.

3. Процессуальное. В целях повышения эффективности защиты нематериальных благ граждан необходимо развить институт обеспечительных мер, предусмотреть ускоренные процедуры блокировки и временного запрета на распространение спорных материалов, а также внедрить новые стандарты допустимости цифровых доказательств (метки происхождения, журналы изменений, технические знаки встраивания), что позволит точнее различать элементы человеческого и машинного происхождения.

Важно подчеркнуть, что даже при корректировке доктрины авторского права в сторону признания гибридных произведений охрана не должна подменять собой механизмы защиты личности и общественных интересов. Авторское право по своей природе призвано стимулировать творчество и обеспечивать предсказуемость оборота оригинальных результатов, но не способно в одиночку решить проблему злоупотреблений в сфере синтетических медиа. Следовательно, оптимальным представляется многоуровневый подход, авторское право применяется в тех случаях, где доказуем творческий вклад, обязательные меры прозрачности, там, где требуется исключить введение в заблуждение, деликтные и специальные механизмы, там, где причинён вред нематериальным благам.

Обсуждение подтверждает необходимость построения гибридной системы охраны цифровых фабрикаций в России, где традиционное авторское

право должно сочетаться с требованиями прозрачности и эффективными средствами защиты личных прав, что позволит обеспечить баланс интересов автора, разработчика и общества.

Выводы

- Авторско-правовая охрана цифровых фабрикаций в российской правовой системе непосредственно ограничена требованием наличия творческого труда человека (ст. 1228 ГК РФ), что исключает признание самостоятельного авторства у полностью алгоритмически сгенерированных результатов.
- Основным критерием для признания охраноспособности гибридных произведений должно выступать наличие значимого человеческого вклада, выражающегося в отборе исходных данных, настройке параметров, постобработке и иных действиях, обладающих индивидуальным и оригинальным характером.
- Распределение прав в цепочке создания цифровых фабрикаций в России в настоящее время основано преимущественно на договорных конструкциях, тогда как законодательных норм, прямо регулирующих соотношение прав разработчиков, операторов и пользователей, не существует, что порождает правовую неопределённость.
- В сфере защиты прав личности (изображение, честь, достоинство, репутация) именно нормы деликтного права и смежные институты сегодня обеспечивают наиболее действенные механизмы противодействия злоупотреблениям при использовании *deepfake* и иных видов синтетического контента.
- Для предупреждения злоупотреблений в общественно значимых сферах целесообразно ввести в России требования по маркировке синтетических аудиовизуальных материалов, как минимум в контексте политической агитации, рекламы и новостных форматов.
- Для объектов, не удовлетворяющих критериям авторского права, может быть разработан ограниченный режим охраны *sui generis*, направленный не на предоставление исключительных прав, а на защиту от подлога и неправомерного изменения синтетических материалов.
- Совокупность анализа позволяет утверждать, что перспективная модель регулирования должна сочетать традиционное авторское право с договорными механизмами и специальными требованиями прозрачности, что позволит сбалансировать интересы автора, разработчика и общества.

Заключение

Результаты проведённого исследования свидетельствуют о том, что российская правовая система в условиях стремительного распространения цифровых фабрикаций сталкивается с ограниченно-

стью традиционного механизма авторско-правовой охраны, основанного исключительно на категории творческого труда. В этих условиях оптимальным представляется гибридный подход, предполагающий сохранение базового критерия творческого участия человека как условия охраны в системе авторского права, но при этом дополнение его специальными режимами регулирования. К ним относятся, договорные инструменты распределения прав и обязанностей в цепочке создания синтетического контента, требования прозрачности и маркировки в сферах повышенного риска, а также развитие процессуальных механизмов защиты нематериальных благ личности.

Перспективы дальнейших исследований заключаются в более глубокой разработке судебных стандартов оценки «значимого человеческого вклада» применительно к гибридным произведениям, формировании критериев оригинальности для цифровых результатов, созданных с применением искусственного интеллекта, а также в сопоставлении российского опыта с международными тенденциями. В совокупности это позволит обеспечить баланс между стимулированием инновационного творчества и защитой общества от рисков злоупотреблений в сфере синтетических медиа.

Литература

- Бодров Н.Ф. Понятие дипфейка (deepfake) в российском праве, его классификация и проблемы правового регулирования [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-dipfeyka-deepfake-v-rossiyskom-prave-ego-klassifikatsiya-i-problemy-pravovogo-regulirovaniya> (дата обращения: 11.09.2025).
- Галлямова А.А. Авторское право на произведения, созданные с использованием технологий искусственного интеллекта // Образование и право. 2023. № 4. С. 240–248. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/avtorskoe-pravo-na-proizvedeniya-sozdannye-s-ispolzovaniem-tehnologiy-iskusstvennogo-intellekta> (дата обращения: 11.09.2025).
- Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвёртая): Федеральный закон от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 04.08.2023) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/61d6709b930465436b5adb0943843ed28ff5dd8e/ (дата обращения: 10.09.2025).
- Ересько П.В. Проблемы признания и защиты авторских прав при использовании произведений, созданных с помощью искусственного интеллекта [Электронный ресурс]. 2024. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-priznaniya-i-zaschity-avtorskih-prav-pri-ispolzovanii-proizvedeniy-sozdannyh-s-pomoschyu-iskusstvennogo-intellekta> (дата обращения: 11.09.2025).
- Ефремова М. А.; Русскевич Е.А. Дипфейк (deepfake) и уголовный закон // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2024. Т. 15, № 2(56). С. 97–105. DOI: 10.37973/VESTNIKKUI-2024-56-13. URL: <https://vestnikkui.ru/ru/nauka/article/75454/view> (дата обращения: 11.09.2025).
- Зверева Е.А. Правовые аспекты авторства медиатекстов, созданных алгоритмами искусственного интеллекта [Электронный ресурс]. 2025. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-aspekty-avtorstva-mediatekstov-sozdannyh-algoritmami-iskusstvennogo-intellekta> (дата обращения: 11.09.2025).
- Семенюта Б.Е. Защита в ЕС объектов авторских прав при создании моделей искусственного интеллекта // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2025. № 4. URL: <https://vestnik.msal.ru/jour/article/view/2719> (дата обращения: 11.09.2025).
- Суд Европейского Союза. Дело C-5/08 Infopaq International A/S против Danske Dagblades Forening (суммарное изложение) [Электронный ресурс] // EUR-Lex. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX%3A62008CJ0005_SUM (дата обращения: 10.09.2025).
- Artificial Intelligence and Copyright [Электронный ресурс] // U.S. Copyright Office. URL: <https://www.copyright.gov/ai/> (дата обращения: 10.09.2025).
- China to Regulate “Deep Synthesis” (Deepfake) Technology Starting January 2023 [Электронный ресурс] // China Briefing. URL: <https://www.china-briefing.com/news/china-to-regulate-deep-synthesis-deep-fake-technology-starting-january-2023> (дата обращения: 10.09.2025).
- Getty Images and others v. Stability AI [Электронный ресурс] // Judiciary of England and Wales. URL: <https://www.judiciary.uk/judgments/getty-images-and-others-v-stability-ai/> (дата обращения: 10.09.2025).
- Regulatory framework on Artificial Intelligence [Электронный ресурс] // European Commission. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/regulatory-framework-ai> (дата обращения: 10.09.2025).
- Someone targeted by deepfake nudes, new report finds [Электронный ресурс] // Thorn. Press release. URL: <https://www.thorn.org/press-releases/1-in-8-teens-know-someone-targeted-by-deepfake-nudes-new-report-finds/> (дата обращения: 10.09.2025).
- Synthetic identity document fraud surges 300% in the U.S. [Электронный ресурс] // Sumsb. Newsroom. URL: <https://sumsub.com/newsroom/synthetic-identity-document-fraud-surges-300-in-the-u-s-sumsub-warns-e-commerce-healthtech-and-fintech-at-risk/> (дата обращения: 10.09.2025).
- What are deepfakes? [Электронный ресурс] // Sumsb Blog. URL: <https://sumsub.com/>

THE PROBLEM OF COPYRIGHT PROTECTION OF DIGITAL FABRICATIONS

Kuzmin I.O.

Moscow University named after A.S. Griboyedov

The article examines legal issues related to the copyright protection of digital fabrications, including deepfake content, synthetic images, and works created using artificial intelligence technologies. It addresses questions of protectability criteria, the distribution of rights between developers, users, and algorithm operators, as well as international regulatory experience in the EU, the USA, China, and Russia. Particular attention is paid to the risks of misuse associated with violations of personal rights and the use of digital fabrications for information manipulation. The study substantiates the need to develop a comprehensive approach that combines traditional copyright mechanisms with the creation of special legal protection regimes.

Keywords: digital fabrications, copyright, artificial intelligence, deepfake, legal regulation, protectability, international experience.

References

1. Bodrov, N. F. "The Concept of Deepfake in Russian Law, Its Classification, and Problems of Legal Regulation" [Electronic resource]. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-dipfeyka-deepfake-v-rossiyskom-prave-ego-klassifikatsiya-i-problemy-pravovogo-regulirovaniya> (accessed on September 11, 2025).
2. Galliamova, A. A. "Copyright of Works Created Using Artificial Intelligence Technologies" // Education and Law. 2023. No. 4. pp. 240–248. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/avtorskoe-pravo-na-proizvedeniya-sozdannye-s-iskolovaniem-tehnologii-iskusstvennogo-intellekta> (Accessed: September 11, 2025).
3. Civil Code of the Russian Federation (Part Four): Federal Law of December 18, 2006, No. 230-FZ (as amended on August 4, 2023) [Electronic resource] // ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/61d6709b-930465436b5adb0943843ed28ff5dd8e/ (Accessed: September 10, 2025).
4. Eresko P.V. Problems of recognition and protection of copyright when using works created with the help of artificial intelligence [Electronic resource]. 2024. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-priznaniya-i-zaschity-avtorskih-prav-pri-iskolovanii-proizvedeniy-sozdannyh-s-pomoschyu-iskusstvennogo-intellekta> (date of access: 11.09.2025).
5. Efremova M. A.; Russkevich E.A. Deepfake and criminal law // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. Vol. 15, No. 2 (56). P. 97–105. DOI: 10.37973/VESTNIKKUI-2024-56-13. URL: <https://vestnikkui.ru/ru/nauka/article/75454/view> (accessed: 11.09.2025).
6. Zvereva E.A. Legal aspects of authorship of media texts created by artificial intelligence algorithms [Electronic resource]. 2025. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-aspekty-avtorstva-mediatekstov-sozdannyh-algoritmami-iskusstvennogo-intellekta> (accessed: 11.09.2025).
7. Semenyuta B.E. Protection of copyright objects in the EU when creating artificial intelligence models // Bulletin of the O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL). 2025. No. 4. URL: <https://vestnik.msal.ru/jour/article/view/2719> (date accessed: 11.09.2025).
8. Court of Justice of the European Union. Case C-5/08 Infopaq International A/S v. Danske Dagblades Forening (summary) [Electronic resource] // EUR-Lex. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX%3A62008CJ0005_SUM (date accessed: 10.09.2025).
9. Artificial Intelligence and Copyright [Electronic resource] // U.S. Copyright Office. URL: <https://www.copyright.gov/ai/> (date accessed: 10.09.2025).
10. China to Regulate "Deep Synthesis" (Deepfake) Technology Starting January 2023 [Electronic resource] // China Briefing. URL: <https://www.china-briefing.com/news/china-to-regulate-deep-synthesis-deep-fake-technology-starting-january-2023> (date of access: 10.09.2025).
11. Getty Images and others v. Stability AI [Electronic resource] // Judiciary of England and Wales. URL: <https://www.judiciary.uk/judgments/getty-images-and-others-v-stability-ai/> (date of access: 10.09.2025).
12. Regulatory framework on Artificial Intelligence [Electronic resource] // European Commission. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/regulatory-framework-ai> (accessed September 10, 2025).
13. Someone targeted by deepfake nudes, new report finds [Electronic resource] // Thorn. Press release. URL: <https://www.thorn.org/press-releases/1-in-8-teens-know-someone-targeted-by-deepfake-nudes-new-report-finds/> (accessed September 10, 2025).
14. Synthetic identity document fraud surges 300% in the U.S. [Electronic resource] // Sumsb. Newsroom. URL: <https://sumsub.com/newsroom/synthetic-identity-document-fraud-surges-300-in-the-u-s-sumsub-warns-e-commerce-healthtech-and-fintech-at-risk/> (accessed: 10.09.2025).
15. What are deepfakes? [Electronic resource] // Sumsb Blog. URL: <https://sumsub.com/blog/what-are-deepfakes/> (accessed: 10.09.2025).

Кеклис Александр Юрьевич,

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского процесса Санкт-Петербургского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России)
E-mail: a@kekliis.ru

Шкапская Алена Дмитриевна,

магистр юриспруденции Санкт-Петербургского института (филиала), ВГУЮ (РПА Минюста России)
E-mail: shapkaryan@mail.ru

Актуальность статьи обусловлена необходимостью совершенствования правового регулирования отношений, связанных с цифровыми объектами. Авторы отмечают, что в законах определён перечень цифровых прав, но отсутствует перечень цифровых объектов, по отношению к которым данные права можно реализовать. Авторы понимают под цифровыми объектами нематериальные объекты, существующие исключительно в информационной системе и обладающие самостоятельной правовой значимостью, и отмечают, что цифровые объекты участвуют в гражданском обороте посредством цифровых прав, которые определяют порядок их использования и распоряжения ими. В работе проводится классификация цифровых объектов и их сравнение с традиционными объектами гражданских прав. Предлагается закрепить в ГК РФ виды цифровых объектов (по аналогии с результатами интеллектуальной деятельности), что позволит более полно охватить многообразие цифровых объектов и установить ясные правила их оборота, отвечающие требованиям современной цифровой экономики.

Ключевые слова: цифровые права, цифровые объекты, объекты гражданских прав, цифровизация.

Для рассмотрения цифровых объектов как предмета гражданских правоотношений необходимо для начала обратиться к ст. 128 ГК РФ, которая устанавливает перечень объектов гражданских прав. К этому перечню относятся вещи, имущественные права, результаты работ и услуг, интеллектуальная собственность, а также нематериальные блага. С 2019 года в перечень имущественных прав включены цифровые права, что констатировало их значимость для гражданского оборота и необходимость правового регулирования в рамках частноправовых отношений. В ГК РФ нет исчерпывающего перечня цифровых прав или объектов оборота, относящегося к цифровым правам, лишь в статье 141.1 указано, что под ними понимаются «обязательственные и иные права».

Федеральный закон от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ вводит понятие «утилитарные цифровые права» перечень которых закреплён в статье 8 данного закона. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ (далее – закон о ЦФА) вводит понятия: «цифровые финансовые активы (как цифровые права)» и перечень цифровых объектов, по отношению к которым данные права закреплены; «цифровая валюта» (далее – криптовалюта). Согласимся с мнением, что в законах присутствует некоторая «несогласованность понятийно-категориального аппарата», которая отрицательно влияет на оборот цифровых прав [1, с. 4].

Здесь отметим, что законами, в развитие положений ГК РФ, определён перечень цифровых прав, но, также отметим, что в ГК РФ отсутствует перечень цифровых объектов, по отношению к которым данные права можно реализовать. Это позволяет формировать достаточно широкий круг цифровых объектов для использования в гражданском обороте.

Под цифровыми объектами, как предметом гражданских правоотношений, можно понимать – нематериальные объекты, существующие исключительно в цифровой среде (информационной системе) и обладающие самостоятельной правовой значимостью. Они представляют собой результат структурированной обработки данных, зафиксированный в информационных системах, и могут включать в себя цифровые финансовые активы, криптовалюту, цифровой контент, токены, базы данных, программный код и иные объекты, которые имеют имущественную ценность. Цифровые объекты участвуют в гражданском обороте посредством цифровых прав, которые определяют порядок их использования и распоряжения ими. Здесь можно провести аналогию с результатами интеллектуальной деятельности и признаваемых на них интеллектуальных правах.

С точки зрения гражданского законодательства, правовой режим цифровых объектов как объектов имущественных прав формируется через три основных элемента: способа их фиксации, возможности осуществления распоряжительных действий и их легитимации в правовой системе государства.

Цифровые объекты на сегодня не имеют конкретной классификации, поэтому, по мнению авторов, их можно сгруппировать следующим образом:

- цифровые финансовые активы;
- цифровые свидетельства (например, токены, которые фиксируют имущественное право на цифровой объект NFT, или цифровые сертификаты в блокчейне, которые удостоверяют факт совершения сделки).
- цифровые права использования (подписки, лицензии, облачные хранение);
- криптовалюта;
- цифровой контент (медиафайлы, программное обеспечение, базы данных и иные объекты, которые существуют в цифровой форме).

Важно отметить, что экономическая ценность цифровых объектов не связана с их физической природой, а определяется имущественными правами, связанными с их использованием.

Регулирование цифровых финансовых активов определяется законом о ЦФА, определяющим ключевые аспекты их обращения и правовой режим в отечественной правовой системе. Законодательно установлено, что цифровые финансовые активы обладают имущественной природой и выполняют многофункциональную роль в гражданском обороте, выступая в качестве платёжного средства, инструмента для инвестиций или обеспечения прав участников. При этом их правовой режим неразрывно связан с системой цифрового учёта, где происходит фиксация соответствующих прав. Вместе с тем, в данном законе наличествуют коллизии, что уже послужило основанием для оспаривания конституционности его норм [2].

Цифровые свидетельства можно определить как способ фиксации (фиксируют факт совершения юридически значимых действий) и удостоверения прав на цифровые активы. Они используются для подтверждения прав владения, передачи или использования определенных объектов, что делает их функционально схожими с традиционными документами. Однако, в отличие от них, цифровые свидетельства существуют исключительно в цифровой среде, что требует адаптации норм права к их специфике.

Помимо этих двух видов объектов цифровых прав важно выделить еще один, который не относится ни к финансовым активам, ни к свидетельствам. Такие цифровые права можно назвать «цифровые права использования» или «цифровые договорные права». Они характеризуются своей направленностью на доступ и эксплуатацию цифровых объектов или услуг без их отчуждения, например, права на доступ к цифровым сервисам, в которые входят подписки на платформы потокового вещания или облачные сервисы.

Правовой режим таких прав требует отдельного внимания, так как они чаще всего основываются не только гражданским законодательством, но и нормами, касающимися защиты персональных данных и регулирования цифровой среды. Их фиксация может быть обеспечена как централизованными информационными системами, так и децентрализованными платформами, что создает дополнительные вызовы для их регулирования.

Криптовалюта, как цифровой объект, имеет двойственную природу, то есть её внутренняя сущность представлена программным кодом, а внешняя воспринимается человеком через визуальный интерфейс, т.е. криптовалюта включает в себя искусственную природу цифрового продукта, основанного на алгоритмах шифрования и специализированных протоколах передачи данных, и материальный интерфейс, через который пользователь осуществляет взаимодействие с активом [3, с. 442–443]. Такая двойственность позволяет криптовалюте существовать как самостоятельный виртуальный объект с технологической основой. Помимо этого, такое разграничение формы и содержания определяет её уникальность в сравнении с традиционными объектами гражданских прав.

Разграничение традиционных объектов гражданских прав и цифровых объектов требует учета специфики последних. Традиционные объекты, такие как вещи или ценные бумаги, обладают материальным выражением и подлежат непосредственному физическому обращению. В то же время цифровые объекты существуют исключительно в виртуальной среде, их фиксация и реализация зависят от работы информационных систем. Для осмысления места цифровых объектов в качестве предмета гражданских правоотношений, можно сопоставить их с схожими объектами гражданских прав, например, с бездокументарными ценными бумагами и безналичными денежными средствами. Сходство обусловлено нематериальной природой и фиксацией прав особым нормативно закреплённым порядком.

Бездокументарные ценные бумаги (ст. 142, 149 ГК РФ) и цифровые объекты обладают общей правовой природой, поскольку оба вида активов существуют в цифровой форме и удостоверяют определённые права своих владельцев, при этом их учёт осуществляется по специальным правилам в цифровых системах, что подчёркивает их общую нематериальную сущность и единый механизм правового регулирования в рамках действующего законодательства.

Профессор Новоселова Л.А. отмечает общий признак цифровых объектов, безналичных денежных средств и бездокументарных ценных бумаг – отсутствие материального носителя и фиксации прав в цифровой среде [4]. Профессор Суханов Е.А. отмечает, что цифровые финансовые активы фактически функционируют как бездокументарные ценные бумаги, представляя собой объект

имущественных прав, зафиксированный в цифровой форме [5, с. 16].

Эти высказывания показывают правовую схожесть данных объектов, то есть, цифровой объект, так же, как и традиционный объект гражданских правоотношений, может выступать предметом сделок (например, сделка купли-продажи), потому что он также может отчуждаться, передаваться или использоваться. Но, если оборот безналичных денег и бездокументарных ценных бумаг нормативно достаточно урегулирован, то в регламентации применения цифровых объектов еще достаточно правовых пробелов. Цифровые объекты могут совмещать признаки разных категорий, например, как, криптовалюта. Криптовалюта одновременно функционирует как средство платежа и как инвестиционный инструмент, что заставляет задуматься о применимости к цифровым объектам существующих норм, регулирующих традиционные имущественные права, и необходимости их адаптации для цифровой среды.

Цифровые объекты обладают гибкостью в обороте, что подчеркивает их потенциал для экономических отношений, но также создает проблемы для правового регулирования. Так, нематериальный характер цифровых активов исключает возможность прямого физического владения ими. Вместо этого, правоотношения фиксируются через цифровые записи, требующие дополнительных гарантий и нормативных уточнений. Это определяет разницу в правовом регулировании традиционных и цифровых объектов гражданских прав, требует пересмотра существующих категорий и внесения изменений в правовые нормы. Необходима нормативно закреплённая классификация цифровых объектов с учетом их уникальной природы, что устраним правовую неопределенность и позволит эффективно регулировать их оборот. Особое внимание следует уделить особенностям оборота цифровых объектов, таких как возможная анонимность сделок, децентрализация и трансграничный характер.

Так, анонимность при обороте цифровых объектов, является одной из проблем, которые не решены на сегодняшний день. Взаимодействие участников сделок через децентрализованные платформы часто не требует предоставления личных данных, что затрудняет идентификацию сторон и контроль за законностью сделок. Такой подход увеличивает риски недобросовестного поведения участников и использования цифровых активов в противоправных целях, что требует разработки новых методов цифровой идентификации, основанных на криптографических решениях.

Децентрализация цифровых объектов, таких как криптовалюта, устраняет необходимость участия третьих лиц, обеспечивая автономность транзакций. Однако это приводит к отсутствию централизованного органа, ответственного за урегулирование споров или восстановления утерянного доступа. Такая структура децентрализации создает значительные правоприменительные вызовы, тре-

бующие новых подходов к ответственности и защите прав участников.

При этом, говоря о защите прав участников сделок с криптовалютой, необходимо отметить, что положения закона о ЦФА, увязывают получение права на судебную защиту с необходимостью уведомления уполномоченного государственного органа о факте пользования криптовалютой, что уже повлекло обращение в Конституционный суд РФ о проверке положений ст. 14 указанного закона [6]. В целом, согласимся с мнением, что необходима корректировка отечественного законодательства, регулирующего оборот «криптовалюты в целом» [7, с. 89].

Трансграничный характер цифровых объектов усиливает сложность их правового регулирования. Права на цифровые объекты могут фиксироваться в одной юрисдикции, а использоваться в другой, что порождает конфликты применимого законодательства. Для минимизации этих рисков необходимо гармонизировать нормы российского законодательства с международными стандартами, а также заключать двусторонние и многосторонние соглашения о признании цифровых записей и прав.

Таким образом, анонимность, децентрализация и трансграничность цифровых объектов подчеркивают необходимость разработки комплексного правового регулирования, которое будет учитывать особенности этих объектов и обеспечивать баланс между их свободным оборотом и защитой прав участников.

Подводя итог вышесказанному, отметим: цифровые объекты занимают особое место в системе гражданских правоотношений благодаря своей уникальной природе, сочетающей в себе нематериальную сущность и экономическую значимость.

Проблемы, связанные с их оборотом, требуют новых подходов к правовому регулированию. Для обеспечения правовой определенности необходимы уточнения законодательных норм, разработка классификации цифровых объектов (возможно по аналогии с результатами интеллектуальной деятельности) и адаптация существующих правовых механизмов, что создаст основу для их эффективного использования в современном гражданском обороте, сохраняя баланс между свободой их обращения и защитой прав участников.

Литература

1. Цифровые права как объект частноправового регулирования: диссертация ... кандидата юридических наук: 5.1.3. / Павлова Дария Андреевна; [Место защиты: ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет»; Диссовет Д 212.105.XX (24.2.435.04)]. – Санкт-Петербург, 2025. – 210 с.
2. 19 сентября 2025 года обновлен список обращений, принятых Конституционным Судом РФ к рассмотрению // <https://www.ksrf.ru/news/37173/> (дата обращения: 01.10.2025).

3. Кеклис, А.Ю. Электронные деньги в российском законодательстве: трансформация правового регулирования и защита прав участников оборота / А.Ю. Кеклис, П.Д. Каляев // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2025. – Т. 11, № 3. – С. 441–448. – DOI 10.29039/2413–1733–2025–11–3–441–448.
4. Цифровые права как новый объект гражданского права / Л.А. Новоселова, А.В. Габов, А. Савельев [и др.] // Закон. – 2019. – № 5. – Электронный ресурс. – URL: <https://zakon.ru/publication/igzakon/7877> (дата обращения 01.10.2025 г.).
5. Суханов, Е. А. О гражданско-правовой природе «цифрового имущества» / Е.А. Суханов // Вестник гражданского права. – 2021. – Т. 21, № 6. – С. 7–29. – DOI 10.24031/1992–2043–2021–21–6–7–29. – EDN DPVLYS.
6. КС решит, распространяется ли судебная защита на сделки с криптовалютой // <https://www.kommersant.ru/doc/8058158> (дата обращения 01.10.2025).
7. Кеклис, А. Ю. К вопросу соответствия цифрового рубля действующему законодательству / А.Ю. Кеклис, И.Р. Зиятдинов // Государство и право в цифровую эпоху: Материалы международной научно-практической конференции Санкт-Петербург, 27 апреля 2022 г., Санкт-Петербург, 27 апреля 2022 года / Е.В. Трофимов. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2022. – С. 85–91.

DIGITAL OBJECTS AS SUBJECTS OF CIVIL LAW RELATIONS

Keklis A.Yu., Shkapskaya A.D.

All-Russian State University of Justice

The relevance of the article is determined by the need to improve the legal regulation of relations related to digital objects. The authors note that the laws define a list of digital rights, but there is no list of

digital objects in relation to which these rights can be implemented. The authors understand digital objects as intangible objects that exist exclusively in the information system and have independent legal significance, and note that digital objects participate in civil circulation through digital rights that determine the order of their use and disposal. The paper classifies digital objects and compares them with traditional objects of civil rights. It is proposed to consolidate the types of digital objects in the Civil Code of the Russian Federation (by analogy with the results of intellectual activity), which will make it possible to more fully cover the diversity of digital objects and establish clear rules for their turnover that meet the requirements of the modern digital economy.

Keywords: digital rights, digital objects, objects of civil rights, digitalization.

References

1. Digital rights as an object of private law regulation: dissertation ... Candidate of Legal Sciences: 5.1.3. / Pavlova Daria Andreevna; [Place of defense: FGBOU VO "South-Western State University"; Dissertation Council D 212.105.XX (24.2.435.04)]. – Saint Petersburg, 2025. – 210 p.
2. On September 19, 2025, the list of appeals accepted by the Constitutional Court of the Russian Federation for consideration was updated // <https://www.ksrf.ru/news/37173/> (accessed on October 1, 2025).
3. Keklis, A. Yu. Electronic Money in Russian Legislation: Transformation of Legal Regulation and Protection of the Rights of Participants in the Circulation / A. Yu. Keklis, P.D. Kalyaev // Scientific Notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. Legal Sciences. – 2025. – Vol. 11, No. 3. – Pp. 441–448. – DOI 10.29039/2413–1733–2025–11–3–441–448.
4. Digital Rights as a New Object of Civil Law / L.A. Novoselova, A.V. Gabov, A. Savelyev [et al.] // Закон. – 2019. – No. 5. – Electronic resource. – URL: <https://zakon.ru/publication/igzakon/7877> (accessed on 01.10.2025).
5. Sukhanov, E.A. On the Civil Law Nature of Digital Property / E.A. Sukhanov // Vestnik Grazhdanskogo Prava. – 2021. – Vol. 21, No. 6. – Pp. 7–29. – DOI 10.24031/1992–2043–2021–21–6–7–29. – EDN DPVLYS.
6. The Constitutional Court will decide whether judicial protection applies to transactions with cryptocurrency // <https://www.kommersant.ru/doc/8058158> (accessed 01.10.2025).
7. Keklis, A. Yu. On the issue of compliance of the digital ruble with the current legislation / A. Yu. Keklis, I.R. Ziyatdinov // State and law in the digital age: Proceedings of the international scientific and practical conference St. Petersburg. St. Petersburg, April 27, 2022, St. Petersburg, April 27, 2022 / E.V. Trofimov. – St. Petersburg: St. Petersburg Institute (branch) All-Russian State University (RPA of the Ministry of Justice of Russia), 2022, pp. 85–91.

Искусственное уменьшение изначальной цены иска с целью уклонения от обязанности по оплате государственной пошлины

Мамаев Андрей Андреевич,

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского процесса Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева, адвокат Свердловской областной коллегии адвокатов
E-mail: maa89@list.ru

В статье автором анализируется действующая модель движения арбитражного процесса с учетом реализации истцом права на предъявление иска, определения размера первоначальных исковых требований и права на увеличение размера исковых требований. Автором подчеркивается негативное влияние прошедшей реформы в части размеров государственной пошлины. Автором обосновывается наличие пробела в правовом регулировании, при котором истец вправе искусственно занижать первоначальный размер исковых требований с целью снижения бремени по оплате государственной пошлины при обращении в суд и последующее увеличении размера заявленных требований, при котором на истца не возлагается обязанность по оплате государственной пошлины до момента вступления в законную силу решения суда. Автором анализируется ранее действовавший подход и разъяснения Президиума ВАС РФ и подчеркивается недопустимость предложенной правовой модели.

Ключевые слова: суд, цена иска, увеличение размера исковых требований, государственная пошлина.

С 08 сентября 2024 года произошло существенное повышение размеров государственной пошлины, увеличившееся многократно. Такие изменения неизбежно вызывают негативную оценку, ведь чрезмерно высокая нагрузка в части оплаты судебных издержек ограничивает доступ к правосудию для множества субъектов предпринимательской деятельности, создавая препятствия для полноценной защиты своих законных интересов [1].

Вместе с тем данные изменения лишь усилили различные ухищрения определенных участников, ищущих судебной защиты. Участники судебных процессов получили дополнительный стимул искать пути обхода возросших ставок пошлины, используя правовые механизмы, предоставляемые действующими правилами. Одна из таких возможностей связана с правом истца уменьшать или увеличивать размер исковых требований. Изначально установленная истцом цена иска становится основой для расчета государственной пошлины, что дает возможность манипулировать размером иска для оптимизации расходов.

Рассматриваемое дело наглядно демонстрирует подобные стратегии. В данном споре речь идет о корпоративном конфликте внутри общества с ограниченной ответственностью, где истец обвиняет единоличный исполнительный орган в причинении убытков путем неправомерной продажи активов компании по заниженным ценам.

Далее мы подробно изучим конкретные факты и юридические последствия подобного подхода, уделяя внимание вопросам формирования исковой цены, обоснованности предъявленных требований и роли государства в обеспечении баланса между защитой интересов бизнеса и финансовыми обязательствами перед бюджетом.

В арбитражный суд обратился участник общества с иском о взыскании убытков, причиненных ООО единоличным исполнительным органом. Согласно исковому заявлению действия генерального директора Общества по продаже недвижимого имущества, принадлежащего обществу, по явно заниженной цене причинили убытки обществу в размере не ниже 50 000 000 рублей. К. является участником ООО: ему принадлежит доля в уставном капитале Общества в размере 2,565% (далее – «Участник»). В. (далее – «Директор») является единоличным исполнительным органом ООО (далее – «Общество»). 20.03.2023 в Обществе было проведено очное внеочередное общее собрание участников, на котором были приняты следующие решения об одобрении крупных сделок: предоставить согласие на совершение крупной сделки –

договора купли–продажи принадлежащего обществу нежилого помещения общей площадью 646,4 кв.м. с кадастровым номером по адресу: г. Екатеринбург, общей стоимостью не менее 39 729 073 руб. (не менее 30 000 000 руб., если в течение 6 месяцев с момента принятия решения не будет заключен договор купли-продажи) (далее – «Объект № 1»); предоставить согласие на совершение крупной сделки – договора купли продажи принадлежащего обществу нежилого помещения общей площадью 184,4 кв.м. с кадастровым номером по адресу: г. Екатеринбург, общей стоимостью не менее 9916 5 75 руб. (не менее 5 000 000 руб., если в течение 6 месяцев с момента принятия решения не будет заключен договор купли-продажи) (далее – «Объект № 2»). Решение было принято большинством голосов (97,4%), Заявитель голосовал против одобрения сделки в виде реализации имущества по указанной цене, считая её заниженной, не соответствующей рыночной. 19.09.2023 Общество в лице директора В. совершила вышеуказанные крупные сделки: был заключен договор купли-продажи недвижимого имущества, согласно которому Ответчик продал выше обозначенные объекты имущества по цене (общей стоимостью) 49 705 767 руб., в том числе: 39 729 073 руб. – Объект № 1, 9 976 694 руб. – Объект № 2. 01.03.2024 Участник обращался к независимому оценщику – ООО «Э» с целью определения рыночной стоимости отчужденных Объектов № 1 и № 2 по состоянию на 31.12.2021 (для другого судебного дела). Согласно заключению специалиста от 06.03.2024 № 34/24 рыночная стоимость отчужденных объектов недвижимости, принадлежащих Обществу, по состоянию на 31.12.2023 составляла 99 986 000 рублей: -за объект № 1–76 218 000 рублей; -за объект № 2–23 768 000 рублей. Необходимо отметить, что стоимость объектов недвижимости была определена по состоянию на 31.12.2021, в то время как крупная сделка была совершена 19.09.2023. Учитывая официальную статистику (Росстат – Цены, инфляция (rosstat.gov.ru)), и те обстоятельства, что в 2022 году произошел резкий всплеск инфляции из-за кардинального изменения внутренних и внешних экономических условий, рыночная стоимость отчужденного имущества на день совершения сделки, заключения и исполнения договора купли-продажи от 19.09.2023, составляла более 99 986 000 руб. Участник считает, что неразумными действиями Директора по продаже принадлежащего Обществу имущества по цене, значительно ниже рыночной, Обществу причинены убытки в размере не ниже 50 000 000 рублей (99 986 000–49 705 767 = 50 280 233 рублей). Точный размер убытков неизвестен Участнику на дату подачи настоящего искового заявления, однако он может быть определен в ходе проведения по делу судебной оценочной экспертизы, о проведении которой Участник будет ходатайствовать в ходе судебного разбирательства по делу. Размер исковых требований Участника по настоящему заявлению пропорционален размеру его доли в уставном капита-

ле Общества. Как было указано ранее, Участнику принадлежит доля в уставном капитале Общества в размере 2,565%. Как следствие, размер исковых требований о взыскании убытков определен пропорционально его доле в уставном капитале Общества: $50\,000\,000 \times 2,565\% = 1282500$ рублей.

В связи с указанными фактическими обстоятельствами Истцом при обращении в суд была оплачена государственная пошлина в размере 63475 рублей. Иск был принят к производству и дело рассматривалось на протяжении длительного времени. По прошествии ряда судебных заседаний процессуальный Истец заявляет об увеличении исковых требований, указывая следующее: 28.03.2025 в материалы настоящего дела поступило экспертное заключение, согласно которому рыночная стоимость спорных объектов недвижимости по состоянию на 19.09.2023 составляет 51 408 434,80 рублей и 15 475 840,50 рублей ($51\,408\,434,80 + 15\,475\,840,50 = 66\,884\,275,30$). В свою очередь, фактически спорные объекты недвижимости были проданы за 49 705 767 рублей ($39\,729\,073 + 9\,976\,694$). Как следствие, размер убытков, причиненных материальному истцу ввиду заключения и исполнения его директором спорных сделок, составляет: $66\,884\,275,30 - 49\,705\,767 = 17\,178\,508,30$ рублей (в том случае, если рыночная стоимость объектов недвижимости в размере 66 884 275,30 рублей определена экспертом с учетом НДС). В этой связи процессуальный истец полагает целесообразным увеличить размер исковых требований по иску о взыскании с директора убытков до суммы в размере 17 178 508,30 рублей. К указанному ходатайству об увеличении исковых требований с первоначальных 1 282 500 рублей до 17 178 508,30 рублей не была приложена квитанция о доплате государственной пошлины.

И здесь обнаруживается пробел правового регулирования. Согласно ст. 102 АПК РФ «Основания и порядок уплаты государственной пошлины, а также порядок предоставления отсрочки или рассрочки уплаты государственной пошлины устанавливаются в соответствии с законодательством Российской Федерации о налогах и сборах», то есть статья носит отсылочный характер [2]. Согласно п. 3 ст. 333.22 НК РФ «при увеличении истцом размера исковых требований недостающая сумма государственной пошлины доплачивается в соответствии с увеличенной ценой иска в срок, установленный подпунктом 2 пункта 1 статьи 333.18 НК РФ».

В соответствии с подпунктом 2 пункта 1 статьи 333.18 НК РФ Плательщики уплачивают государственную пошлину, если иное не установлено настоящей главой, в следующие сроки: плательщики, указанные в подпункте 2 пункта 2 статьи 333.17 настоящего Кодекса, – в десятидневный срок со дня вступления в законную силу решения суда. Другими словами, сначала происходит увеличение размера исковых требований и вынесение решения суда, а лишь потом возникает обязанность оплатить государственную пошлину [3]. Вместе с тем, к ранее действовавшей редакции статьи 102 АПК

РФ имеется не отмененное разъяснение Президиума ВАС РФ. Согласно п. 16 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 13.08.2004 N 82 «Согласно части 2 статьи 102 АПК РФ заявление об увеличении размера исковых требований, к которому не приложен документ, подтверждающий уплату государственной пошлины, возвращается арбитражным судом по правилам статьи 129 Кодекса без вынесения определения об оставлении заявления без движения».

Действующее правовое регулирование позволяет обойти законное требование об обязательной полной оплате государственной пошлины посредством умышленного занижения первоначально заявленной цены иска. Эта модель выглядит крайне сомнительной, так как открывает простор для недобросовестных действий сторон спора, позволяя избежать значительных финансовых затрат на подачу иска. Возможность манипулирования ценой иска ведет к снижению эффективности механизма госпошлины, которая изначально задумывалась как способ предотвратить массовое обращение в суд с заведомо неосновательными исковыми заявлениями.

Подобная практика искажает смысл взимания государственной пошлины, превращая ее в формальность, которую легко обойти благодаря пробелам в законодательстве. Законодательство должно предусматривать четкую систему контроля за адекватностью оценки предмета иска, исключающую любые манипуляции и искусственное снижение подлежащей уплате пошлины. В противном случае государство теряет инструмент, предназначенный для предотвращения перегрузки судов малозначительными делами и спекуляциями с размерами исков. Правовая система нуждается в совершенствовании механизмов контроля и введения санкций за попытку уклонения от надлежащего соблюдения процедуры оплаты госпошлины.

Литература

1. Малышев К.И. Курс гражданского судопроизводства. СПб., 1874. Т. 1. С. 126–128.
2. Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / А.В. Абсальмов, Д.Б. Абушенко, А.И. Бессонова и др.; под ред. В.В. Яркова. 4-е изд., испр. и перераб. Москва: Статут, 2020. С. 203 СПС КонсультантПлюс.
3. Тютин Д.В. Налоговое право: Курс лекций // СПС КонсультантПлюс. 2020. С. 470.

ARTIFICIALLY REDUCING THE INITIAL CLAIM AMOUNT TO AVOID PAYING STATE FEES

Mamaev A.A.

Ural State Law University named after V.F. Yakovlev, Sverdlovsk Regional Bar Association

In this article, the author analyzes the current model of arbitration proceedings, taking into account the plaintiff's exercise of the right to file a claim, determining the amount of the initial claim, and the right to increase the claim amount. The author emphasizes the negative impact of the recent reform regarding the amount of state fees. The author substantiates the existence of a gap in legal regulation, which allows the plaintiff to artificially reduce the initial claim amount in order to reduce the burden of paying the state fee when filing a lawsuit and subsequently increase the amount of the stated claim, without imposing the obligation to pay the state fee until the court decision enters into legal force. The author analyzes the previously existing approach and clarifications of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation and emphasizes the inadmissibility of the proposed legal model.

Keywords: court, claim amount, increase in the amount of claim, state fees.

References

1. Malyshev, K.I. Civil Procedure Course. St. Petersburg, 1874, Vol. 1, pp. 126–128.
2. Commentary on the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation (article-by-article) / A.V. Absalyamov, D.B. Abushenko, A.I. Bessonova, et al.; edited by V.V. Yarkov. 4th ed., corrected and revised. Moscow: Statut, 2020, p. 203, SPS ConsultantPlus.
3. Tyutin, D.V. Tax Law: Lecture Course // SPS ConsultantPlus. 2020, p. 470.

Минина Наталья Владимировна,

к.ю.н., доцент, доцент кафедры менеджмента и экономики предпринимательства, Воронежский государственный лесотехнический университет имени Г.Ф. Морозова

В статье рассматриваются элементы механизма защиты патентных прав: формы, способы и особенности их применения. Исследуются проблемы, связанные с неполнотой и противоречиями действующего законодательства в сфере защиты прав авторов и патентообладателей. Анализируются договоры, направленные на создание объектов патентного права и проблемы создания служебных объектов патентного права. Автор предлагает ряд мер по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики в сфере защиты патентных прав.

Ключевые слова: патентные права, объекты патентного права, патент, исключительное право, возмещение убытков, компенсация.

В сфере интеллектуальной собственности в настоящее время к правонарушителям применяется гражданско-правовая, административная и уголовная ответственность. Патентные права, имеющие гражданско-правовую природу, подлежат обязательной государственной регистрации, что требует использования не только судебного, но и административного порядка защиты.

Положения гл. 72 ГК не содержат перечня способов защиты патентных прав, поэтому мы пользуемся ст. 12 ГК, но не все ее положения здесь применимы, из них подходят только признание права и возмещение убытков. Среди общих способов защиты интеллектуальных прав (ст. 1252 ГК) в патентном праве применимы изъятие материального носителя, публикация решения суда о допущенном нарушении с указанием действительного правообладателя; пресечение действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения, что также отсылает нас к общим положениям гражданского права и, к сожалению, не раскрыто в части четвертой ГК.

Другая проблема механизма защиты патентных прав – это указание закрытого перечня категорий споров в патентном праве в ст. 1406 ГК. Полагаем, что перечень необходимо сделать открытым, так как общие правила гражданского законодательства предусматривают максимальную открытость и почти неограниченную возможность использования любых, даже совсем новых способов, категорий споров и средств защиты нарушенных прав. Поэтому патентообладатели не должны страдать от жесткости положений гл. 72 ГК, так как это в свою очередь может ограничивать их конституционное право на защиту, закрепленное ст. 46 Конституции РФ. Сами способы защиты также нуждаются в дополнительном осмыслении и разграничении.

Поддерживаем мнение о том, что несмотря на неимущественный характер интеллектуальных прав, все патентные споры носят экономический характер [4]. Полагаем, что данная точка зрения является обоснованной, и должна быть принята во внимание, потому что:

1) объекты патентного права рассчитаны на промышленную применимость во всех отраслях экономики и социальной сфере, что подчеркивает предпринимательский характер цели их создания;

2) все способы использования таких объектов характерны для предпринимательской, а не потребительской сферы, так как речь идет об изготовлении, применении, продаже, хранении для этих целей продукта или осуществлении способа;

3) конечной целью охраны патентных прав для государства и общества является обеспечение инновационного экономического развития страны.

Что касается отдельных способов защиты, то здесь стоит обратить внимание на выплату компенсации в размере 10 тыс. руб. – 5 млн руб. или в двукратном размере стоимости права использования объекта как альтернативу возмещению убытков.

Специалисты отмечают, что эта система несовершенна, так как двойственность мер ответственности создает неопределенность при выборе способов защиты между взысканием убытков и выплатой компенсации [1].

Компенсация на практике более популярна, так как позволяет сразу получить от нарушителя имущественное предоставление, когда наличие убытков доказать сложно. Однако, если сумма возмещения больше 5 млн руб. правообладателю необходимо доказывать свои убытки, так как закон определяет только минимальный и максимальный размер компенсации.

Специалисты отмечают также, что взыскание компенсации в двукратном размере стоимости контрафактных экземпляров или двукратной стоимости права их использования скорее имеет штрафной характер, и, следовательно, не может считаться мерой восстановления имущественных прав [5].

На практике выплата компенсации применяется в качестве самостоятельного способа защиты. Но при этом возникает вопрос о том, как она связана с возмещением убытков, ответ на который заключается в том, что размер компенсации и размер убытков – релевантные показатели. В тоже время проблема расчета убытков стоит достаточно остро, так как судьи смешивают условия для взыскания упущенной выгоды и дохода правообладателя, поэтому единого подхода расчета убытков до сих пор не сформировалось. В защиту компенсации свидетельствует фиксированный размер выплаты, обозначенный в законе минимальной и максимальной суммой.

В части четвертой ГК необходимо закрепить общие правила расчета убытков по нарушениям исключительных прав, так как это не ограничивается только патентным правом, а касается всей интеллектуальной собственности.

Административный порядок защиты также применим во всех случаях возникновения спорных ситуаций при выдаче патентов, проведении экспертиз, отказе в выдаче патентов, признании патентов недействительными.

Пленум Верховного Суда РФ в своем Постановлении № 10 от 23.04.2019 г. указал, что дела по спорам об авторстве на уже запатентованный объект должны рассматриваться судом путем оспаривания патента по причине указания в нем ненадлежащего лица в качестве автора или отсутствия указания на лицо, являющееся автором.

В.И. Еременко справедливо обращает внимание на то, что для защиты патентных прав используются споры, подлежащие рассмотрению арбитражным судом ввиду их гражданско-правовой природы, но при этом велика доля споров, возни-

кающих из публичных правоотношений и подлежащих рассмотрению в административном порядке [2].

ГК в целом не только не исключает, но и предусматривает последующий судебный контроль внесудебного порядка разрешения патентных споров, так как досудебный порядок создает предпосылку для обращения в суд с жалобой на решение административного органа.

Если обращаться к общим положениям о регистрации прав, то напомним, что в п. 6 ст. 8.1 ГК закреплена норма о том, что зарегистрированное субъективное гражданское право может быть оспорено только в судебном порядке. В то же время в патентном праве действует административный порядок, который эффективен и его никто не собирается отменять.

Формы и способы защиты патентных прав здесь тоже имеют свои особенности. Судебная защита приоритетна, административный порядок не менее важен, но может быть подвергнут сомнению по решению суда, за которым решающее слово. Защита может осуществляться в судах общей юрисдикции по правилам гражданского судопроизводства, в арбитражных судах и в Суде по интеллектуальным правам.

В патентном праве может иметь место и самозащита как реакция на контрафактные действия нарушителя прав патентообладателя, который может защищать себя собственными силами без какой-либо помощи суда и других органов, а также других лиц, например, опубликовать информацию о контрафактных действиях нарушителя, сделать рассылку писем контрагентам нарушителя патента и др.

Как было упомянуто выше, в гл. 72 ГК отсутствуют нормы о способах защиты патентных прав, а положения ст. 12 ГК не могут быть применены без оговорок. К сожалению, в законе нет отдельных норм, относящихся к пресечению действий, представляющих собой угрозу нарушения патентных прав, поэтому здесь следует применять общие положения гражданского законодательства. Компенсация морального вреда также не подходит для защиты исключительного права.

Патент, как охранный документ, удостоверяет исключительное право, право авторства и приоритет патентоспособного объекта на территории конкретного государства, если он выдан в порядке государственной регистрации соответствующего результата интеллектуальной деятельности.

Охрана патентных прав предоставляется только по патенту в объеме, определяемом формулой, для толкования которой могут использовать соответствующее описание и/или чертежи. Эта формула по существу и определяет охраняемый объект, она должна быть внесена в обязательном порядке в заявление на выдачу патента.

В сфере фиксации патентных прав действуют не только соответствующие административные регламенты, но также ГК и множество дополнительных подзаконных актов. Следовательно, законо-

дательство рассеяно, что является его существенным недостатком.

Для разных объектов патентного права установлены требования к описанию объекта и свой перечень данных, которые должны быть внесены в соответствующий реестр. На сегодняшний день все реестры разные, то есть они децентрализованы и стремятся минимизировать свои затраты. Вопрос стандартизации информации в реестрах решается в зависимости от целей его создания.

Харитонов Ю.С. справедливо полагает, что сам реестр может стать дополнительным доказательством авторства правообладателя, но в России пока все еще требуется соответствующее решение суда. Она предлагает придать юридическую силу записям в распределенном реестре на уровне нормативного акта [6].

Анализ действующего законодательства в сфере выдачи патентов показал, что оно несовершенно и требует пересмотра в сторону дальнейшей систематизации и упрощения.

Авторы часто трудятся, чтобы создать определенный объект по заказу или заданию другого лица, так как это надлежащий способ реализовать свои замыслы и сразу получить за это авторское вознаграждение.

Договорные обязательства, направленные на создание объектов патентных прав, делятся на три группы:

1) договоры подряда, как заключаемые в обычном порядке, так и направленные на выполнение научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (ст. 1371 ГК, гл. 38 ГК).

По общему правилу в этом случае право на получение патента должно принадлежать исполнителю (подрядчику), но оно может быть передано договором и заказчику.

Важно помнить, что если такие договоры заключаются для государственных нужд, то правовое регулирование устанавливается ст. 1373 ГК и договоры должны быть отнесены к следующей группе соглашений;

2) государственные (муниципальные) контракты, на основании которых также могут быть созданы или использованы определенные объекты патентного права.

Данная группа соглашений обладает не только повышенной значимостью для государства, но и связана с целым рядом сложностей правового регулирования.

Если научная разработка «привязана» к определенному источнику финансирования научных разработок по созданию объектов патентных прав, то здесь предусматривается ограничение по распоряжению исключительным патентным правом.

Речь идет о том, что в этом случае право на получение патента не является прерогативой государственного заказчика, патентообладателем может быть подрядчик, который обязан по требованию заказчика предоставить указанному им лицу возможность использования объекта на основании

простой лицензии в течение всего срока действия патента.

На основании п. 1 ст. 1373 ГК патентообладателем должна стать организация, выполняющая контракт, если самим контрактом не было предусмотрено, что эти права принадлежат только Российской Федерации или сторонам совместно. Отсюда следует, что закон позволяет установить любой сценарий распределения прав сторон.

Примерные условия контрактов по государственному оборонному заказу определены Правительством РФ, то есть в государственный контракт могут включаться условия о возникновении права собственности на объект; условия о том, как распределяются, закрепляются и осуществляются права сторон на использование объекта и др.

Если результат работ создавался на бюджетные средства и был зарегистрирован на имя Российской Федерации, то заказчики обязаны один раз в год обсуждать вопрос о целесообразности сохранения исключительных прав и могут принять решение об утрате необходимости сохранения права. Например, если в рамках выполнения государственного оборонного заказа вооружение снято с производства и заменено другим, с более совершенными характеристиками;

3) «договоры заказа», на основании которых результат создается по заданию заказчика (в патентном праве это закреплено ст. 1372 ГК).

По такому договору патент на промышленный образец, как правило, получает заказчик, а исполнитель закрепляет за собой право применять объект для собственных нужд, обладая простой безвозмездной лицензией на весь срок действия патента. Если же патент получает исполнитель, то аналогичную возможность получает заказчик.

Особыми категориями объектов патентных прав признаны секретные изобретения и служебные объекты, их защита имеет свои особенности, так это напрямую связано с соблюдением государственной тайны.

Заявки от иностранных граждан или иностранных юридических лиц в данном случае не принимаются, а заявитель вправе подать документы только на русском языке и должен иметь соответствующий допуск к секретным сведениям. Описания секретного изобретения осуществляется с ограничениями, установленными законом. Примечательно также то, что на секретное изобретение не может быть обращено взыскание.

Служебные объекты патентного права создаются в процессе трудовой деятельности автора при выполнении им своих трудовых обязанностей.

Исключительное право в соответствии с договором, как правило, принадлежит работодателю. На автора и работодателя возлагаются обязанности, выполнение которых необходимо работодателю, а работнику предоставляется имущественное право на авторское вознаграждение. На невосстановленный работодателем служебный продукт должно восстанавливаться исключительное право автора.

Автор объекта патентного права, который был создан в процессе трудовой деятельности по служебному заказу, на основании ГК имеет право получить вознаграждение за него. Это право может быть реализовано в любом случае, если работодатель получил информацию о создании результата и принял все необходимые меры для закрепления своих патентных прав, а также если патент так и не был получен работодателем.

Кулаков Н.А. совершенно обоснованно полагает, что нарушение права автора получить вознаграждение за служебное произведение, которое было создано для извлечения прибыли в будущем, должно признаваться одним из способов совершения административного правонарушения [3].

Эта точка зрения выглядит очень убедительно ввиду того, что субъекты предпринимательской деятельности, стремящиеся увеличить свою прибыль за счет выпуска новых продуктов на рынок, обязаны отдавать себе отчет в том, что работник, создающий объект патентного права на своем служебном месте, действительно может способствовать дальнейшему процветанию компании на годы вперед. Выплата вознаграждения такому субъекту является справедливым и необходимым действием, поэтому работодатель должен нести административную ответственность независимо от формы вины, если он не выполнил своей обязанности. Использование полученного результата без выплаты вознаграждения автору следует считать незаконным и рассматривать его как состав административного правонарушения.

Считаем введение административной ответственности за нарушение права автора служебного результата интеллектуальной деятельности в виде объекта патентных прав на получение вознаграждения давно назревшей необходимостью.

При этом нужно определить орган, уполномоченный рассматривать дела о подобных административных правонарушениях и наделить его соответствующей компетенцией. Учитывая, что речь идет о трудовых отношениях, то таким органом может быть Федеральная инспекция труда и ее подразделения, так как она в рамках своих функций имеет право проводить плановые и внеплановые проверки работодателей по вопросу соблюдения трудового законодательства и обладает достаточными организационными возможностями, чтобы привлечь любого работодателя к ответственности. Для этого понадобится принятие соответствующего подзаконного акта или внесения изменений в действующие Постановления Правительства РФ.

Таким образом, несмотря на использование общих правил о формах и способах защиты гражданских прав, права патентообладателей защищаются специфическим образом и имеют следующие признаки:

1) используются все формы защиты;

2) судебную защиту осуществляют несколько видов судов (суды общей юрисдикции, арбитражные суды и Суд по интеллектуальным правам);

3) патентные споры носят экономический характер;

4) перечень патентных споров представлен в законе закрытым, но его требуется сделать открытым, чтобы расширить возможности защиты патентных прав; перечисление способов защиты может быть дополнением к ст. 1406 ГК в виде открытого перечня;

6) требуется разграничение взыскания убытков и выплаты компенсации, так как это самостоятельные способы защиты.

Полагаем целесообразным закрепить приоритет гражданско-правовой защиты патентных прав, в соответствии с которым применение административно-правовой и уголовно-правовой защиты возможно только после вступления в силу решения суда по гражданско-правовому спору.

Для спорных ситуаций, разрешение которых возможно и желательно в административном порядке, гражданский иск должен применяться только для оспаривания уже принятого решения по делу.

В настоящее время в сфере фиксации патентных прав действуют не только соответствующие административные регламенты, но также ГК и множество дополнительных подзаконных актов, то есть законодательство является обширным, сложным и не систематизировано должным образом. Но главной проблемой является децентрализация государственных реестров по каждому виду объектов, это создает проблемы, и мы полагаем, что следует использовать не три, а единый реестр и придать записям в нем доказательственную силу, так будет проще доказывать права патентообладателей.

Право на патент по служебному заданию получает работодатель, автор может рассчитывать на право авторства и вознаграждение. Это наиболее уязвимая сфера патентного права, так как работодатели часто злоупотребляют своими правами. Полагаем, что для усиления правовых гарантий работника здесь необходимо следующее:

1) если деятельность работодателя направлена на создание служебных результатов интеллектуальной деятельности с целью извлечения прибыли, то в трудовой договор необходимо включать условия о выплате вознаграждения работнику, создавшему такой результат;

2) дополнить ст. 7.12 КоАП новой частью, закрепив в ней административную ответственность работодателя, осуществляющего предпринимательскую деятельность, за нарушение права на вознаграждение работника в виде административного штрафа;

3) наделить Федеральную инспекцию труда правом привлекать работодателей к ответственности за указанное правонарушение в рамках ее контрольно-надзорной деятельности.

Таким образом, значение вопросов защиты прав патентообладателей и авторов чрезвычайно велико, и ввиду бурного развития науки и технологий будет только возрастать. Необходимо так усо-

вершенствовать законодательство, чтобы подстегнуть авторов и предпринимателей активизировать свою деятельность на этом поприще, только так можно обеспечить нашему государству новый инновационный прорыв. В противном случае мы так и останемся в инновационном процессе догоняющей страной, а это не способствует укреплению имиджа Российской Федерации как великой мировой державы.

Литература

1. Ворожевич А.С. Взыскание убытков и компенсация как меры ответственности за нарушение исключительного права на патентоохраняемый объект / А.С. Ворожевич // Закон. – 2019. – № 1. – С. 149–170.
2. Еременко В.И. Новая система третейского разбирательства в Российской Федерации / В.И. Еременко // Законодательство и экономика. – 2017. – № 2. – С. 33–44.
3. Кулаков Н.А. Институт административной ответственности как способ защиты права на вознаграждение за служебные произведения / Н.А. Кулаков // Актуальные проблемы российского права. – 2018. – № 4. – С. 48–53.
4. Садыков Р.М. Юрисдикционные формы защиты патентных прав / Р.М. Садыков // Вестник гражданского процесса. – 2019. – № 4. – С. 182–200.
5. Смирнова Е.А., Шишанова А.А. Проблемы определения размера компенсации за нарушение исключительного права / Е.А. Смирнова, А.А. Шишанова // ИС. Промышленная собственность. – 2018. – № 3. – С. 13–24.
6. Харитонов Ю.С. Правовое значение фиксации интеллектуального права с помощью тех-

нологии распределенных реестров / Ю.С. Харитонов // Право и экономика. – 2018. – № 1. – С. 15–21.

PATENT PROTECTION MECHANISM: PROBLEMS OF LEGAL REGULATION

Minina N.V.

Voronezh State University Forestry and Technologies named after G.F. Morozov

The article examines the elements of the mechanism for protecting patent rights: forms, methods, and features of their application. The article explores the issues related to the incompleteness and contradictions of the current legislation in the field of protecting the rights of authors and patent holders. The article analyzes the contracts aimed at creating objects of patent law and the problems of creating service objects of patent law. The author proposes a number of measures to improve the legislation and law enforcement practices in the field of protecting patent rights.

Keywords: patent rights, objects of patent law, patent, exclusive right, damages, compensation.

References

1. Vorozhevich A.S. Recovery of damages and compensation as measures of liability for violation of the exclusive right to a patented object / A.S. Vorozhevich // Law. – 2019. – No. 1. – Pp. 149–170.
2. Eremenko V.I. New system of arbitration in the Russian Federation / V.I. Eremenko // Legislation and Economics. – 2017. – No. 2. – Pp. 33–44.
3. Kulakov N.A. The institute of administrative liability as a way to protect the right to remuneration for works made for hire / N.A. Kulakov // Actual problems of Russian law. – 2018. – No. 4. – Pp. 48–53.
4. Sadykov R.M. Jurisdictional forms of protection of patent rights / R.M. Sadykov // Bulletin of civil procedure. – 2019. – No. 4. – P. 182–200.
5. Smirnova E.A., Shishanova A.A. Problems of Determining the Amount of Compensation for Violation of an Exclusive Right / E.A. Smirnova, A.A. Shishanova // IS. Industrial Property. – 2018. – No. 3. – P. 13–24.
6. Kharitonova Yu.S. Legal Significance of Recording Intellectual Rights Using Distributed Ledger Technology / Yu.S. Kharitonova // Law and Economics. – 2018. – No. 1. – P. 15–21.

Правовое регулирование паевых инвестиционных фондов в праве Российской Федерации и в зарубежном праве

Пожидаев Юрий Петрович,

аспирант, кафедра междисциплинарных программ и исследований по юриспруденции Высшей школы правоведения юридического факультета им. М.М. Сперанского Института права и национальной безопасности Президентской академии, Российская академия народного хозяйства и государственной службы
E-mail: Y.p.pozhidaev@gmail.com

Статья «Правовое регулирование паевых инвестиционных фондов в праве Российской Федерации и в зарубежном праве» посвящена комплексному сравнительно-правовому анализу института паевых инвестиционных фондов (ПИФ) в российском и зарубежном правовом порядке. Автор рассматривает особенности правового статуса ПИФ в соответствии с Федеральным законом «Об инвестиционных фондах», а также сравнивает российскую модель с аналогичными структурами, существующими в праве Европейского Союза, Великобритании и США. Особое внимание уделяется различиям в правовой квалификации имущественного комплекса ПИФ, возможности признания его юридическим лицом, а также правовой природе инвестиционного пая как ценной бумаги, удостоверяющей обязательственные и вещные права инвесторов. В заключении подчеркивается необходимость дальнейшего совершенствования российского законодательства в сфере коллективного инвестирования с учётом международного опыта.

Ключевые слова: паевой инвестиционный фонд, инвестиционный пай, коллективное инвестирование, доверительное управление, зарубежное право, ценные бумаги.

Анализ правовой природы инвестиционного пая в контексте эволюции законодательства о ценных бумагах Российской Федерации требует детального рассмотрения и сравнения основных нормотворческих актов с законодательством стран лидеров в урегулировании этого направления.

На данный момент законодательством установлено множество разнообразных конструкций для аккумулирования и последующего инвестирования движимого имущества, недвижимого имущества, а также денежных средств и иных объектов инвестирования. Одной из таких конструкций является паевой инвестиционный фонд (далее-ПИФ).

Как было верно отмечено Е.А. Сухановым, российский законодатель в поисках новых источников финансирования, экономики, которые смогли бы заменить и дополнить стандартные и привычные банковские вклады и акции использовал довольно неудачно скопированный правовой институт паевых инвестиционных фондов, который в видоизмененном виде попал в российское право и так и не смог в полной мере приспособиться к общим положениям национального законодательства [17].

В Части 1 статьи 10 Федерального Закона от 29.11.2001 г. № 156-ФЗ «Об инвестиционных фондах» (далее-ФЗ «Об инвестиционных фондах») дано общее определение ПИФ: «Паевой инвестиционный фонд – обособленный имущественный комплекс, состоящий из имущества, переданного в доверительное управление управляющей компании учредителем (учредителями) доверительного управления с условием объединения этого имущества с имуществом иных учредителей доверительного управления, и из имущества, полученного в процессе такого управления, доля в праве собственности на которое удостоверяется ценной бумагой, выдаваемой управляющей компанией» [9].

Также в статье 10 ФЗ «Об инвестиционных фондах» есть оговорка о том, что паевой инвестиционный фонд создается не как юридическое лицо.

В Законодательстве ЕС в настоящее время различает два типа инструментов коллективного инвестирования схожих по своей структуре с ПИФ: предприятия по коллективному инвестированию в переводные ценные бумаги (UCITS) и институты коллективного инвестирования, которые не квалифицируются как UCITS, Альтернативные инвестиционные фонды (AIF) [1].

В Директиве 2009/65/ЕС также даны понятия UCITS и AIF данные виды ПИФ учреждаются как имущественный комплекс после чего передаются в доверительное управление управляющей компании данный договор заключается на основе зако-

нодательства о доверительном управлении (Trust law) или на основании устава юридического лица. Принципиальное отличие законодательства ЕС в регулировании статуса имущественного комплекса как такового, законодательство ЕС предусматривает возможность признания ПИФ юридическим лицом.

В Великобритании как в стране бывшей участнице ЕС текст определения понятия ПИФ очень сильно схож с данным текстом из директивы ЕС, но в силу специфики правовой системы данное определение немного отличается.

Как и в почти всех странах имеющих правовую конструкцию ПИФ в Великобритании ПИФ это имущественный комплекс собранный из имущества инвесторов, после чего переданный выбранной управляющей компании [7]. в Великобритании на данный момент выделяется 2 основных типа ПИФ это: Open-end-funds (аналог открытого ПИФ) и Closed-end-Funds (аналог закрытого ПИФ).

В Closed-end-funds выпуск ценных бумаг аналогичному Паю происходит единоразово при образовании фонда, данная бумага предоставляет право на часть имущественного комплекса ПИФ [16].

Данная конструкция крайне приближена

Стоит еще отметить аналог ПИФ в США, аналогом ПИФ в этой стране выступает паевой инвестиционный траст (Unit investment trust), данная правовая структура вправе выпускать ценные бумаги (redeemable securities) закрепляющие право на часть имущества ПИФа (В российском законодательстве аналогом является пай) [9]. Также в соответствии с законодательством владелец ценной бумаги вправе предъявить ее заранее оговоренному кругу лиц для получения взамен имущества эквивалентного стоимости бумаги.

ПИФ как структура является не отечественным изобретением, модель ПИФ в Российской Федерации заимствована из зарубежного права. Именно благодаря данному факту огромную роль играет сравнение данной структуры с тем, как она реализована в других странах, и насколько хорошо данная структура сосуществует с Российским законодательством.

Иногда людьми допускается ошибка в виде утверждений о том, что ПИФом за рубежом называются Mutual Funds, но данная позиция является абсолютно неверной [15]. Конструкция Mutual Funds действительно имеет непосредственное отношение к ПИФ в Российской Федерации, но исключительно в виде управляющей компании. Mutual Fund относится исключительно к категории управляющих компаний (Management companies) [18].

На самой заре возникновения паевых фондов в мире функции государства сводились к номинальному участию в регулировании происходящих в этой сфере процессов, что привело к разорению некоторой их части, в том числе в связи с намеренными злоупотреблениями управляющих ими компаний и лиц. В настоящее время эта сфера имеет самую одну из самых жестких регламентаций и контроль со стороны государственных регуляторов.

Жесткий контроль со стороны государства повышает уровень доверия, что благотворно влияет на инвестиционный климат для малых инвесторов.

В России появление паевых инвестиционных фондов относится к 1996 году. В России созданию фондов предшествовала тщательная проработка на правительственном и законодательном уровнях нормативной базы, призванной урегулировать известную во всем мире инвестиционную форму взаимодействия для адаптации к новым российским реалиям [14].

Как правило основным составляющим имущества ПИФ являются денежные средства и ценные бумаги.

Ресурсы паевых инвестиционных фондов состоят из вкладов пайщиков, которые, соответственно, являются владельцами инвестиционных паев. Паем называется ценная бумага, являющаяся именной, что подтверждает право собственности конкретно определенного лица на пропорциональную часть активов, консолидированных в определенном инвестиционном паевом фонде. Пай подтверждает право собственника владельца получить свою долю вложенных в паевой фонд средств.

Стоит согласиться с Е.В. Бобровым в том, что «совершенствование правового регулирования деятельности инвестиционных фондов и коллективного инвестирования в России в целом зависит от последующей адаптации правовых институтов инвестирования, заимствованных из европейской практики» [10].

В соответствии с ст. 47 ФЗ «Об инвестиционных фондах» Ведение реестра инвесторов – обладателей инвестиционных паев поручается автономной структуре, не аффилированной по отношению к фонду.

Выделяется три типа паевых инвестиционных фондов:

- открытые фонды;
- фонды закрытые;
- интервальные фонды (с возможностью распоряжения паем только по истечении определенного времени).

Как правило первоначальным имуществом, передаваемым в доверительное управление инвесторами, являются денежные средства и их которого и происходит формирование фонда. В Российском законодательстве существует единственное исключение для формирования фонда, при формировании одного из трех видов ПИФ – закрытого, и только если это прямо предусмотрено договором доверительного управления.

Открытые фонды предполагают покупку и продажу в любой момент времени. Такие фонды обычно имеют самое большое число инвесторов при не очень высокой средней сумме инвестиций в сравнении с другими финансовыми механизмами.

Закрытые фонды представляют собой «срочные» паевые инвестиционные фонды, которые создаются на определенный срок, после которого подлежат ликвидации

В закрытых фондах доли формируются инвесторами при создании фонда и погашаются только после прекращения деятельности фонда. Подавляющее число закрытых паевых инвестиционных фондов существует во временных рамках от трех до пятнадцати лет.

Такие фонды создаются с целью привлечения средств для финансирования, как правило, крупных и долгосрочных проектов иногда.

В интервальном паевом инвестиционном фонде операции с долей возможны через точные отрезки времени. Определяется отрезок времени индивидуально для каждой конкретной ситуации и выражается в неделях, месяцах, кварталах, полугодиях и пр.

В определенных правилами сроки пайщик вправе заявить своей управляющей компании о желании погасить принадлежащую ему долю. В иное по отношению к обозначенному времени проведение такой операции не представляется возможным [11].

На основании ст. 33 ФЗ «Об инвестиционных фондах» основным объектом инвестиционного фонда являются ценные бумаги, но также могут быть направлены на инвестиции в иностранную валюту, недвижимость и другие материальные ценности.

Квалификация ПИФ имеет огромное юридическое значение, поскольку от тип ПИФ может меняться состав и структура активов, обязательства управляющей компании по отношению к инвесторам, а также сроки управления имуществом и т.д.

Во всех странах основой и ядром гражданско-правовых отношений, возникающих в последствии создания ПИФ является доверительное управление имуществом и отношения общей долевой собственности, через специальный вид ценных бумаг.

В соответствии со статьей 35 конституции Российской Федерации 2. «Каждый вправе иметь имущество в собственности, владеть, пользоваться и распоряжаться им как единолично, так и совместно с другими лицами». Таким образом каждый гражданин Российской Федерации имеет право на свободное распоряжение имуществом, в том числе и его инвестированием.

ПИФ, как правовая структура является далеко не единственным способом коллективного инвестирования, которое в последнее время стало очень популярным из-за стабильной доходности.

На данный момент правовая литература выделяет три различных систем коммерческого доверительного управления как профессиональной деятельности [13]: доверительное управление на рынке ценных бумаг (индивидуальное), управление по схеме общего фондового банковского управления (ОФБУ) и управление по схеме ПИФ.

В Великобритании существуют юнит-трасты (они же – паевые трасты), являющиеся аналогами открытых инвестиционных компаний, аналогами закрытых паевых инвестиционных фондов называются инвестиционные трасты [5].

Особых различий в самой структуре активов практически нет. Основная разница скрывается в их организационно-правовой форме. Паевой

фонд представляет собой инвестиции совершаемые на контрактной основе, тогда как инвестиционный траст имеет сущность акционерного общества. [8] Паевой фонд – структура открытого типа, и выкупы паев у инвесторов производятся сразу после такого обращения. Инвестиционный траст, имея структуру закрытого типа, наделен правом не выкупать свои бумаги у своих акционеров, хотя вправе это делать.

Совокупность активов паевых трастов оценивается в настоящий момент в сумму более ста сорока одного миллиарда фунтов, а чистая выручка от реализации паев достигла десяти процентов от сумм активов, что является рекордным результатом.

Вкладывая средства в юнит-траст, инвестор становится держателем свидетельства о внесении пая. Цена пая определяется простым арифметическим действием, при котором совокупная стоимость ценных бумаг, консолидированных в кейсе юнит-траста, делится на число распределенных паев. При увеличении спроса управляющие (компания) принимают решение об эмиссии дополнительных юнитов. Возможен выкуп паев у пайщиков и их погашение.

Индустрия закрытых фондов в Европе готовится к влиянию обширных новых правил, инициированных политиками и регулируемыми органами после финансового кризиса 2007–2009 годов. Директива об управляющих альтернативными инвестиционными фондами (AIFMD), которая вступает в силу в 22 июля 2013 г. в ЕС будут внесены серьезные изменения, затрагивающие порядок управления, маркетинга, хранения и администрирования закрытых фондов. Несмотря на то, что они могут открывать возможности – особенно в отношении использования «маркетингового паспорта», – эти изменения вызовут переворот в отрасли, и масштабы и масштабы этого переворота по-прежнему зависят от окончательной формы мер по реализации AIFMD. Правления и менеджеры закрытых фондов должны будут адаптироваться к новому режиму и справляться с последствиями, которые AIFMD создает для их фондов.

Помимо влияния AIFMD на закрытые фонды, индустрия закрытых фондов сталкивается с рядом проблем. В сложных условиях фондового рынка акции закрытых фондов могут торговаться с повышенным дисконтом к стоимости базовых чистых активов. Это может побудить активные хедж-фонды и других арбитражеров вкладывать значительные средства в фонды с целью получения прибыли от ликвидации или реорганизации этих фондов.

Трудности с получением удовлетворительных разъяснений от налоговой и таможенной службы Ее Величества в отношении налогового режима определенных инвестиционных стратегий привели к более широкому использованию компаний, зарегистрированных на Гернси, вместо инвестиционных фондов, зарегистрированных в Великобритании. Eversheds Sutherland стала пионером в использовании транспортных средств Гернси

для этих целей более 10 лет назад и продолжает консультировать по вопросам запуска инвестиционных компаний Гернси, котирующихся на Лондонской фондовой бирже.

Также все большее внимание уделяется корпоративному управлению закрытыми фондами, что может привести к тому, что советы директоров заявят о своей независимости от своих инвестиционных менеджеров и поставщиков услуг, что приведет к спорам между правлением фонда и его инвестиционными менеджерами.

Паевые фонды и открытые инвестиционные компании (OEIC) представляют собой два основных типа открытых коллективных инвестиционных схем. Они считаются открытыми в том смысле, что паевой фонд или OEIC могут выпускать и выкупать паи/акции OEIC в любое время, и нет никаких ограничений на количество паев или акций OEIC, которые может выпускать фонд.

Цена, по которой паи/акции OEIC в открытом фонде выпускаются или передаются обратно фонду или выкупаются им, будет варьироваться пропорционально стоимости чистых активов фонда на момент выпуска/передачи, и следовательно, напрямую отражает эффективность фонда.

Инвестор обычно покупает паи/акции OEIC в открытой схеме коллективного инвестирования непосредственно у самого фонда, хотя нет никаких ограничений на покупку паев/акций OEIC третьей стороной у существующего держателя паев/OEIC.

В Великобритании допускается уступка права собственности на деньги третьим лицам. Деньги инвестора в юнит-трасте становятся деньгами доверительного собственника или, по-другому, деньги становятся собственностью попечителя.

Такие коллизии с формой собственности в юнит-трастах порождают некоторые затруднения с реализацией паев за границами Соединенного Королевства. Имея намерение обойти эти сложности для привлечения инвестиций в страну, Британский Парламент в 1996 году утвердил поправки, создающие возможности для формирования открытых инвестиционных компаний со смешанным (переменным) капиталом. Эти Положения в окончательной форме обнародованы в 1997 года под редакцией Управления по ценным бумагам и инвестициям.

В юнит-трасте управляющие и попечители осуществляют непосредственное управление. В круг обязанностей попечителей входит гарантия имущественных интересов инвесторов. Поскольку традиционно попечителями выступают крупные страховые компании или банки, число их ограничено. Попечителю делегируется право собственности на ценные бумаги, приобретенные на средства инвесторов. Управление ценными бумагами, при этом, поручается управляющему менеджеру [6].

Число юнит-трастов, обладающих разнообразным набором продуктов, предназначенных для самого широкого круга инвесторов, достаточно велико. В то время как некоторые из них размещают средства только в ценные бумаги компаний-резидентов

Соединенного Королевства, другие предпочитают инвестировать в акции и облигации быстро развивающихся компаний Северной Америки, лидером среди которых, безусловно являются США, третьи ориентированы на финансовые рынки Японии, Австралии и стран Азии, некоторые из них имеют интересы в сфере купли-продажи конкретно опционов и фьючерсов или вкладывают средства в недвижимость, какие-то юнит-трасты предпочитают делать краткосрочные инвестиции.

Принципиальное отличие от юнит-трастов имеет траст инвестиционный. Он не наделен возможностью постоянно проводить эмиссию и осуществлять выкуп своих паев. Изменение размера уставного капитала инвестиционного фонда предполагается только в определенные периоды в результате принятия решения его акционерами об изменении уставного капитала. В российском законодательстве такой фонд имеет название паевой инвестиционный фонд закрытого типа.

Таковыми компаниями обычно бывают корпорации, которые имеют регистрации в соответствии с законом о компаниях, содержащие все, наиболее характерные, особенности управления крупными.

Правительство Великобритании сделало ставку на компании открытого типа, потому что ценные бумаги таких инвестиционных компаний проще размещать за пределами Королевства. Связано это с тем, что такой инвестиционный механизм в странах Строго Света более известен и понятен. Этим и объясняется различие в сферах нормативного регулирования деятельности этих двух типов компаний. Паявые трасты, имея более консервативную структуру управления и деятельности, действуют на основании закона Соединенного Королевства о трастовых компаниях. При этом деятельность открытых инвестиционных компаний направляется действующей Директивой Европейского Союза от 1985 года [3]. Этот европейский нормативно-правовой акт направлен на популяризацию проекта коллективных инвестиций в европейских странах, распространяемого компаниями, имеющих стандартизацию формы управления и деятельности в соответствии с указанной директивой.

Данные нормативные установки в перспективе займут роль ведущих положений в регулировании финансовой сферы государств-членов единого европейского пространства, на основании которых, в свою очередь, каждая страна-участник будет конкретизировать свои внутренние правовые документы. Одним из основополагающих постулатов будет требование ко всем присоединившимся странам содружества предоставить в своих внутренних нормативных актах равные конкурентные возможности всем компаниям и государствам-членам партнерства.

Директива предписывает всем ее подписантам строгое следование основным моментам. Проекты коллективного инвестирования обязаны иметь одобрение от уполномоченной контролирующей структуры, а все субъекты финансового инструментария, в числе которых депозитарии, управля-

ющие и инвестиционные фонды должны зарекомендовать себя на рынке, иметь положительную репутацию и обладать определенным возрастным цензом в данной отрасли.

Управляющие компании могут осуществлять только функции управляющего, не совмещая их с функциями депозитария. При этом депозитарий не вправе действовать вне рамок полномочий по управлению проектами коллективных инвестиций. В соответствии с общими правилами, надзор за депозитариями осуществляется общественным контролем, что имеет целью предоставить инвесторам надлежащие гарантии соответствия депозитария определенным требованиям к его профессиональному уровню по работе с финансами [12].

Директива содержит порядок доведения необходимых сведений инвесторам и государствам, резидентами которых являются инвесторы. Минимальный набор информации включает в себя периодическое обновление публикаций о сроках и объемах эмиссий, полугодовых и годовых отчетов, содержащих сведения, установленные Директивой. Моменту заключения инвестиционного договора с инвестором должно предшествовать ознакомления последнего с соответствующими действующими информационными проспектами. В том случае, если открытая инвестиционная компания имеет цель осуществить реализацию собственных паев в государстве, резидентом которого выступает, ее предписано направить контролирующей организации внутренние правила компании, соответствующие последние отчеты, маркетинговый план для всех стран-участниц, а также действующий сертификат соответствия. Процедура принятия плана о реализации паев или отказа в разрешении на его утверждение предусматривает двухмесячный срок.

Обязательным правилом является уплата периодических взносов для всех лицензированных фондов и управляющих компаний. Все, без исключения, субъекты рынка согласились с тем, что схема компенсации с обязательными взносами является нужным и своевременным инструментом. Вследствие предоставления определенного рода гарантий инвесторам, неизбежно повышения интереса с их стороны к предлагаемым финансовым продуктам. Средняя годовая сумма, внесенных компаниями в компенсационный фонд в первые годы работы соответствующей программы выражалась в сумме сто миллионов фунтов стерлингов, в настоящий момент эта сумма увеличилась в несколько раз [2].

Выплата компенсации предусмотрена в нескольких ситуациях, возникших не по вине инвестора:

1. В случае, когда инвестиционный фонд или непосредственно управляющая компания в результате недобросовестных действий своих руководящих органов осуществляют хищение средств пайщиков.
2. В ситуации, когда ущерб пайщикам был причинен в результате нарушения менеджерами

компаний установленных норм и принципов управления компанией.

3. При обстоятельствах, когда уполномоченный финансовый консультант распространил недостоверную или неполную информацию, в результате чего пайщику был причинен ущерб.

Есть один момент, на который стоит обратить внимание. Право на компенсацию из независимого компенсационного фонда возникает у инвестора в том случае, если компания утрачивает платежеспособность. Также важно знать, что банковские депозиты и строительные общества имеют иной способ урегулирования убытков вкладчиков, разработанный специально для этих инструментов.

На основании вышесказанного можно дать общее определение паевого инвестиционного фонда. Паевой инвестиционный фонд – это обособленный имущественный, включающий в себя различные объекты гражданских прав. Паевой инвестиционный фонд принадлежит пайщикам на праве общей собственности, право на долю в паевом инвестиционном фонде подтверждается инвестиционным паем. Управление паевым инвестиционным фондом осуществляется управляющей компанией на основе договора доверительного управления и по своей базовой правовой форме это понятие единено во всех лидирующих странах.

Литература

1. Директива 2009/65/ЕС Европейского парламента и Совета от 13 июля 2009 г. о координации законов, подзаконных и административных положений, относящихся к организациям коллективного инвестирования в обращающиеся ценные бумаги (UCITS) // Электронный ресурс: URL: eur-lex.europa.eu. (дата обращения 12.10.2025)
2. Директива 97/9/ЕС Европейского парламента и Совета от 3 марта 1997 г. о схемах компенсации инвесторам // Электронный ресурс: URL: eur-lex.europa.eu. (дата обращения 12.10.2025)
3. Директива Совета 85/611/ЕЭС от 20 декабря 1985 г. о координации законов, подзаконных и административных положений, относящихся к организациям коллективного инвестирования в обращающиеся ценные бумаги (UCITS) // Электронный ресурс: URL: eur-lex.europa.eu. (дата обращения 12.10.2025)
4. Закон об инвестиционных компаниях 1940 г. (США) – The Investment Company Act of 1940 // Электронный ресурс: URL: www.sec.gov/investment/laws-and-rules. (дата обращения 12.10.2025)
5. Закон о финансовых услугах и рынках 2000 г. (Великобритания) – Financial Services and Markets Act 2000 // Электронный ресурс: URL: www.legislation.gov.uk. (дата обращения 12.10.2025)
6. Положение о финансовых услугах 1986 г. (Ограничение права на предъявление иска) Правила 1991 г. (Великобритания) – The Financial Services Act 1986 (Restriction of Right of Ac-

tion) Regulations 1991 // Электронный ресурс: URL: www.legislation.gov.uk. (дата обращения 12.10.2025)

7. Положения о финансовых рынках и несостоятельности 1991 г. (Великобритания) – The Financial Markets and Insolvency Regulations 1991 // Электронный ресурс: URL: www.legislation.gov.uk. (дата обращения 12.10.2025)
8. Правила об открытых инвестиционных компаниях 2001 г. (Великобритания) – Open-ended Investment Company Regulations 2001 // Электронный ресурс: URL: www.legislation.gov.uk. (дата обращения 12.10.2025).
9. Федеральный закон от 29.11.2001 № 156-ФЗ «Об инвестиционных фондах» (с изм. и доп., вступ. в силу с 08.08.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 49. ст. 4562.
10. Бобров Е.В. Гражданско-правовое регулирование деятельности инвестиционных фондов в Российской Федерации // Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 10.
11. Вишнев В.Я., Субеев З.Т. Паевые инвестиционные фонды: становление и современные особенности в РФ // Межвузовский сборник научных трудов «Проблемы совершенствования организации производства и управления промышленными предприятиями». 2021. № 2. С. 124.
12. Гасанова С.Ш. Правовое обеспечение деятельности паевых инвестиционных фондов // Экономика и бизнес: теория и практика. 2021. № 75. С. 107.
13. Дробышев П. Доверительное управление ценными бумагами попадает в правовое поле // Рынок ценных бумаг. 1998. № 2. С. 53.
14. Ножкин С.А. Понятие и правовая природа паевого инвестиционного фонда // Бизнес в законе. 2010. № 2.
15. Путеводитель по российскому рынку капитала: Паевые инвестиционные фонды (серия бизнес-справочников «Проверено.Коммерсантъ»). М.: Коммерсантъ XXI; Альпина Паблишер, 2001. № 16. С. 13–14.
16. Ротко С.В., Тимошенко Д.А. Паевой инвестиционный фонд и инвестиционный пай: некоторые проблемы правовой природы, вызванные рецепцией зарубежного права // Банковское право. 2008. № 3. С. 22.
17. Суханов Е.А. Вещное право: научно-познавательный очерк. М.: Статут, 2017. С. 161.
18. Тьюлз Р., Брэдли Э., Тьюлз Т. Фондовый рынок. 6-е изд. Пер. с англ. М.: Инфра-М, 1997. С. 473.

LEGAL REGULATION OF UNIT INVESTMENT FUNDS IN THE LAW OF THE RUSSIAN FEDERATION AND IN FOREIGN LAW

Pozhidaev Yu.P.

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The article “Legal Regulation of Mutual Investment Funds in the Law of the Russian Federation and Foreign Jurisdictions” provides

a comprehensive comparative legal analysis of the institution of mutual investment funds (MIFs) in Russian and foreign law. The author examines the legal status of MIFs under the Federal Law ‘On Investment Funds’ and compares the Russian model with similar structures existing in the legal systems of the European Union, the United Kingdom, and the United States. Particular attention is paid to differences in the legal qualification of MIF property complexes, the possibility of recognizing them as legal entities, and the legal nature of investment units as securities certifying investors’ proprietary and obligatory rights. The article concludes by emphasizing the need for further improvement of Russian legislation in the field of collective investment, taking into account international legal experience.

Keywords: Mutual investment fund, investment unit, collective investment, trust management, foreign law, securities.

References

1. Council Directive 85/611/EEC of 20 December 1985 on the coordination of laws, regulations and administrative provisions relating to undertakings for collective investment in transferable securities (UCITS). Electronic resource: URL: eur-lex.europa.eu.
2. Directive 2009/65/EC of the European Parliament and of the Council of 13 July 2009 on the coordination of laws, regulations and administrative provisions relating to undertakings for collective investment in transferable securities (UCITS). Electronic resource: URL: eur-lex.europa.eu.
3. Directive 97/9/EC of the European Parliament and of the Council of 3 March 1997 on investor-compensation schemes. Electronic resource: URL: eur-lex.europa.eu.
4. Federal Law No. 156-FZ of 29.11.2001 “On Investment Funds” (as amended; effective from 08.08.2024). Collected Legislation of the Russian Federation. 2001. No. 49. art. 4562.
5. Financial Services and Markets Act 2000 (UK). Electronic resource: URL: www.legislation.gov.uk.
6. Open-ended Investment Company Regulations 2001 (UK). Electronic resource: URL: www.legislation.gov.uk.
7. The Financial Markets and Insolvency Regulations 1991 (UK). Electronic resource: URL: www.legislation.gov.uk.
8. The Financial Services Act 1986 (Restriction of Right of Action) Regulations 1991 (UK). Electronic resource: URL: www.legislation.gov.uk.
9. The Investment Company Act of 1940 (USA). Electronic resource: URL: www.sec.gov/investment/laws-and-rules.
10. Bobrov E.V. Civil-law regulation of the activities of investment funds in the Russian Federation. Author’s abstract of Cand. Sci. (Law) thesis. Moscow, 2010. P. 10.
11. Drobyshev P. Trust management of securities falls within the legal field. Securities Market. 1998. No. 2. P. 53.
12. Gasanova S. Sh. Legal support for the activities of unit investment funds. Economics and Business: Theory and Practice. 2021. No. 75. P. 107.
13. Guideline to the Russian Capital Market: Unit Investment Funds (business handbook series “Provereno. Kommersant”). Moscow: Kommersant XXI; Alpina Publisher, 2001. No. 16. P. 13–14.
14. Nozhkin S.A. The concept and legal nature of a unit investment fund. Business in Law. 2010. No. 2.
15. Rotko S.V., Timoshenko D.A. Unit investment fund and investment unit: some issues of legal nature caused by the reception of foreign law. Banking Law. 2008. No. 3. P. 22.
16. Sukhanov E.A. Property Law: a scientific-cognitive essay. Moscow: Statut, 2017. P. 161.
17. Tewls R., Bradley E., Tewls T. Stock Market. 6th ed. Transl. from English. Moscow: Infra-M, 1997. P. 473.
18. Vishnev V.Ya., Subeev Z.T. Unit investment funds: formation and modern features in the Russian Federation. Interuniversity collection of scientific papers “Problems of improving the organization of production and management of industrial enterprises”. 2021. No. 2. P. 124.

О причине возникновения права на самозащиту в интересах третьих лиц: этико-правовое воззрение

Сатаров Олег Дмитриевич,

соискатель ученой степени кандидата юридических наук
кафедры гражданского права, Российский государственный
университет правосудия имени В.М. Лебедева
E-mail: Satarovlaw@mail.ru

В статье исследуется этико-правовая природа возникновения права на самозащиту в интересах третьих лиц в рамках гражданско-правового оборота. Цель работы – выявление причин, побуждающих уполномоченное лицо к реализации права на самозащиту для защиты охраняемых законом интересов, принадлежащих другому участнику гражданских правоотношений. Методология исследования включает в себя анализ норм гражданского и уголовного законодательства, а также этических учений. Результаты исследования показывают, что причиной возникновения такого права является нравственный долг уполномоченного лица, внутреннее побуждение, требующее от него действий по защите охраняемых законом интересов третьего лица, что законодатель не может навязать принудительно, но обязан учитывать и регламентировать. Область применения результатов – совершенствование гражданского законодательства в части самозащиты прав, а также правоприменительная практика. Новизна работы заключается в рассмотрении права на самозащиту через призму этики. Вывод: нравственный долг выступает в качестве определяющего фактора для возникновения права на самозащиту в интересах третьих лиц, но подлежит нормативной регламентации.

Ключевые слова: самозащита, необходимая оборона, право на самозащиту, гражданский оборот, этика, нравственный долг, третье лицо, охраняемый законом интерес.

I. Почему законодательство в некоторых случаях предоставляет участникам гражданско-правового оборота правовую возможность реализовать право, направленное на защиту прав и охраняемых законом интересов третьих лиц, а в иных случаях такая правовая возможность отсутствует? Выявление причины возникновения права на самозащиту в интересах третьих лиц позволит иметь как практическое, так и теоретическое значение. Если ценность практического значения не ставится под сомнение, как минимум по причине отсутствия в научной литературе правовых воззрений о запрете реализации права на самозащиту в интересах третьих лиц, то теоретический аспект рассматриваемой задачи так и остался неразрешенным, однако теоретическое значение разрешения поставленной задачи имеет прежде всего ценность в виде выявления одного из многочисленных аспектов правовой природы такого правового явления, как самозащита в гражданском праве.

II. По общему правилу право на защиту нарушенных, а порой и потенциально нарушаемых субъективных прав и охраняемых законом интересов возникает у лица, кому принадлежат объекты защиты. В частности, к данному выводу допустимо прийти посредством систематического толкования норм гражданского законодательства: во-первых, в соответствии с п. 1 ст. 1 ГК РФ гражданское законодательство основывается, в том числе, на обеспечении восстановления нарушенных прав, их судебной защиты, во-вторых, согласно п. 2 ст. 1 ГК РФ граждане (физические лица) и юридические лица приобретают и осуществляют **свои гражданские права** своей волей и **в своем интересе**. При этом действующим законодательством допускается реализация, как минимум, такого способа самозащиты, как действия в состоянии крайней необходимости, в интересах третьего лица: в соответствии со ст. 1067 ГК РФ вред, причиненный в состоянии крайней необходимости, то есть для устранения опасности, угрожающей самому причинителю вреда **или другим лицам**, если эта опасность при данных обстоятельствах не могла быть устранена иными средствами, должен быть возмещен лицом, причинившим вред.

Допустимо ли сделать вывод, что если законодатель предоставил правовую возможность реализовать право на действия в состоянии крайней необходимости в интересах третьего лица, то такое же право предоставлено и в отношении действий в состоянии необходимой обороны в интересах третьего лица? Действующее гражданское законодательство не отвечает на данный вопрос, но исчерпывающий ответ содержится в ч. 1 ст. 37

УК РФ, согласно которой не является преступлением причинение вреда посягающему лицу в состоянии необходимой обороны, то есть при защите личности и прав обороняющегося **или других лиц**, охраняемых законом интересов общества или государства от общественно опасного посяательства, если это посятельство было сопряжено с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия.

II. Однако возникает вопрос, допустима ли реализация права на действия в состоянии необходимой обороны в рамках гражданско-правового оборота? Так, например, имеется воззрение, что «оценка деяния как совершенного в порядке и в пределах необходимой обороны должна производиться исключительно в свете уголовно-правовой предписаний. Применение здесь положений ст. 14 ГК РФ исключается» [2, с. 147]. Или же, например, имеется следующее воззрение: «Самого же понятия необходимой обороны гражданский закон не дает и не должен давать, и это естественно, поскольку такое понятие должен раскрывать исключительно закон уголовный» [8, с. 365].

Но положительный ответ Верховного Суда РФ на вышеуказанный вопрос содержится в абз. 2 п. 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»: по смыслу статей 1 и 14 ГК РФ самозащита гражданских прав может выражаться, в том числе, в воздействии лица на свое собственное или находящееся в его законном владении имущество. Самозащита может заключаться также в воздействии на имущество правонарушителя, в том случае если она обладает признаками необходимой обороны (статья 1066 ГК РФ) или совершена в состоянии крайней необходимости (статья 1067 ГК РФ).

Несмотря на то, что Верховный Суд РФ признал право на необходимую оборону в рамках гражданско-правового оборота, но ссылка его на ст. 1066 ГК РФ неверна как минимум потому, что положение ст. 1066 ГК РФ *не предоставляет право* на действия в состоянии необходимой обороны, а регулирует лишь *последствия реализации права* на действия в состоянии необходимой обороны. Тем не менее, даже если бы отсутствовало разъяснение Верховного Суда РФ, оснований как теоретических, так и практических для исключения права на действия в состоянии необходимой обороны в гражданско-правовом обороте не имелось бы, так как, **во-первых**, исключив право на необходимую оборону в рамках гражданско-правового оборота, участники гражданского оборота будут лишены оперативной защиты наиболее ценных охраняемых законом интересов, тем самым оставив в их распоряжении исключительно бездействие против правонарушений. **Во-вторых**, безусловно, необходимая оборона изначально инстинктивно сформировалась при наиболее опасных проявлениях агрессивной природы

человека, что впоследствии логически позволило отнести право на необходимую оборону в отрасль уголовного законодательства, однако степень проявления правонарушений нападающего лица не должна исключать право на необходимую оборону и при незначительной степени проявления правонарушений нападающего лица. Рассуждения ведутся о том, следует ли предоставлять право на необходимую оборону при не уголовно наказуемом нападении, забывая о том, что вне зависимости от характера нападения, речь прежде всего идет о *нападении*, т.е. о таких действиях, которые ни при каких обстоятельствах не должны оставаться без соответствующего внимания ни законодательства, ни права в целом.

Итак, признав действия в состояниях крайней необходимости и необходимой обороны в качестве наличествующих правовых явлений в гражданско-правовом обороте, должен следовать следующий вывод: раз видовые понятия имеют определенное свойство, то и родовое понятие имеет более общее свойство, присущее видовым понятиям. Иными словами, право на самозащиту, возникающее для реализации таких способов самозащиты как действия в состояниях крайней необходимости и необходимой обороны, возникает не только в случае, когда подлежащий защите охраняемый законом интерес принадлежит уполномоченного лицу, но и в случае, когда охраняемый законом интерес принадлежит и третьему лицу, иному участнику гражданско-правового оборота. Но какова причина возникновения такого права, имеющего цель в виде защиты охраняемого законом интереса, принадлежащего третьему лицу?

III. Учитывая, **во-первых**, что право на самозащиту, возникающего у уполномоченного лица, имеет цель в виде защиты охраняемого законом интереса, принадлежащего третьему лицу, **во-вторых**, что всякая реализация гражданско-правовой правовой возможности, включая право на самозащиту, требует действий, **в-третьих**, что отсутствует законодательное требование о реализации права на самозащиту в интересах третьего лица, ввиду чего такая реализация *всегда* сопряжена как сознательно, так и бессознательно с моральными требованиями уполномоченного лица обращенными к самому себе, то разрешение данного вопроса требует обращения к такому разделу философии, как этика.

Причинами поведения человека в обществе определенным образом занимаются различные разделы социальных и гуманитарных наук, однако только этика способна в полной мере определить содержание основания возникновения морального требования уполномоченного лица к самому себе о необходимости реализации права на самозащиту в интересах третьих лиц. Безусловно, законодатель не способен обязать участников гражданского оборота реализовывать право на самозащиту в интересах третьих лиц, это реализация находится в взаимообусловленных сферах права и нравственности, где последняя представляет собой требование собственного «Я» о должном. Ввиду чего именно этика

способна разрешить те вопросы, на которые наука гражданского права неспособна ответить, так как «этика, служащая интересам общества, по существу, означает, что общество апеллирует к сознанию индивида, чтобы добиться от него того, что не может навязать ему принуждением и законом» [7, с. 292].

Имеется воззрение, что проявление альтруизма сопровождается удовлетворением эгоистических начал собственного «Я», так как «сознательно или бессознательно достигнутое состояние духа, сопровождающее альтруистическое действие, в силу своей приятности должно быть зачтено в сумму удовольствий, которые может получить индивид» [6, с. 234]. Однако имеет ли значение мотив, который выступает руководящим началом в действиях уполномоченного лица для цели в виде необходимости влияния на возникшую ситуацию, требующего разрешения для собственного «Я» уполномоченного лица? Имеет значение для наличествующего, а не мнимого нравственного долга собственного «Я»: наличествующий нравственный долг требует качественно иного содержания внутреннего побуждения, однако для цели мотив иррелевантен, так как цель для уполномоченного лица выступает в качестве «вещи в себе», неспособного менять своего содержание в зависимости от имеющегося мотива влияющего на него действий третьего лица извне. Небезынтересно следующее воззрение Гартмана Н.: «Цель желания – это исключительно некое положение дел: спасение ребенка, отечества, семьи. Удовлетворение – не предмет желания, но исключительно сопутствующее психологическое явление при достижении цели, его чувственная сторона» [1, с. 142].

Таким образом, невозможность влияния со стороны уполномоченного лица, у которого возникло право на самозащиту в интересах третьего лица, на требующую разрешения ситуации *посредством внутреннего побуждения* не выступает в качестве имеющего значения для разрешения поставленного вопроса о причинах возникновения права на самозащиту в интересах третьих лиц. Но при этом внутреннее побуждение выступает в качестве единственного основания *для формирования внутреннего долга*, требующего от собственного «Я» уполномоченного лица реализовать право на самозащиту в интересах третьего лица, и выступающего в качестве долга для такого уполномоченного лица.

IV. Но прежде чем продолжить дальнейшее размышление, следует рассмотреть следующее воззрение, имеющее решающее значение для рассмотрения поставленного вопроса: «Утверждая, что некоторый поступок является нашим абсолютным долгом, мы тем самым утверждаем, что совершение этого поступка является с точки зрения его ценности чем-то единственным в своем роде. Но ни один обязательный поступок не может иметь единственной в своем роде ценности в том смысле, что он является единственной ценной вещью в мире; ибо в таком случае *каждый* такой поступок был бы *единственно* хорошим, а это – явное противоречие (прим. – курсив автора)» [4, с. 232].

Несмотря на кажущуюся последовательность в размышлении о предмете исключительной ценности внутреннего долга, данный взгляд имеет противоречивость следующего характера. Рассматривая абсолютный долг в качестве единственной возможности, неизбежно следует вывод об отсутствии выбора у уполномоченного лица модели поведения в ситуации, при которой реализуется право на самозащиту, а иными словами, об отсутствии возможности проявления воли, при которой внутренний долг лица не может быть не реализован, однако при таком подходе, исключаящим выбор модели поведения между действиями по реализации права на самозащиту и бездействием в пользу действий, нравственная ценность действий по реализации права на самозащиту будет нивелирована отсутствием иного выбора у уполномоченного лица. Ввиду чего нравственный долг «есть собственное необходимое желание как члена умопостигаемого мира и настолько мыслится им как долг, насколько он рассматривает себя как члена чувственного мира» [3, с. 99].

Требование нравственного долга «идеальной части Я» уполномоченного лица к самому себе в виде необходимости соблюдения идеальных моральных принципов выступает в качестве результата столкновения эгоистических и альтруистических начал такого уполномоченного лица, ввиду чего реализация права на самозащиту в интересах третьего лица подтверждает *сделанный выбор*, который при этом порой ставит под угрозу существование собственных интересов уполномоченного лица. Поэтому подобные действия не могут выступать в качестве обязанности или общественно-го долга, которые выходят за их пределы влияния, так как «действия, выходящие за пределы долга, не требуются, хотя требовались бы, если бы они не были сопряжены с риском для жизни» [5, с. 110].

Содержательная нравственность как веление «внутреннего законодателя» требует беспрекословного послушания от уполномоченного лица в виде реализации права на самозащиту в интересах третьего лица, однако собственные интересы уполномоченного лица, подвергающиеся тем самым угрозе небытия, выступают в качестве противовеса воли «внутреннего законодателя», пытаясь пренебречь его законодательной воли, но «поистине нравствен человек только тогда, когда он повинует внутреннему побуждению помогать любой жизни, которой он может помочь, и удерживается от того, чтобы причинить живому какой-либо вред. Он не спрашивает, насколько та или иная жизнь заслуживает его усилий, он не спрашивает также, может ли она и в какой степени ощутить его доброту. Для него священна жизнь, как таковая» [7, с. 307].

V. Вышеуказанные воззрения не претендуют на всеобъемлющий ответ на вопрос о причинах возникновения права на самозащиту в интересах третьих лиц, была лишь осуществлена попытка на отыскание ответа на вопрос, возникший в рамках одной науки посредством инструментария иной науки, ведь порой взаимообусловленный симби-

оз достижений различных наук способны дать качественной иной результат, особенно принимая во внимание, что гражданское право неспособно существовать в отрыве от этических принципов и ценностей. Безусловно, для правоприменения и для реализации гражданско-правовых возможностей вопрос об этике, по общему правилу, второстепенен, однако для науки гражданского права порой необходимо выяснить причины существования правовых явления и их взаимодействие между собой, ответы на которые наука гражданского права неспособна в полной мере предоставить без обращения к достижениям иных наук. Однако несмотря на то, что имеются воззрения, что попытки создать науку, объясняющую человеческие желания и поступки, обречены на провал, так как человеческое поведение сводится к субъективным переживаниям и уникальным событиям, которые связаны между собой в глубинах непостижимого человеческого «Я» [7, с. 114], думается, это не должно оставлять попытки в изучении различных правовых явления посредством достижений иных наук, пусть порой и не приводящих к ожидаемому результату в силу человеческой природы.

В заключении стоит отметить, что причиной возникновения права на самозащиту в интересах третьих лиц выступает нравственный долг уполномоченного лица, внутреннее побуждение, требующее от уполномоченного лица действий, направленных на защиту охраняемых законом интересов, принадлежащих третьему лицу, которое законодатель не способен не учитывать, но способен регламентировать порядок и условия реализации предоставляемой гражданско-правовой возможности. Думается, что именно необходимость в оперативных и решительных фактических действиях уполномоченного лица, направленных на пресечение нарушения или угрозы нарушения выраженных во вне охраняемых законом интересов, обуславливает невозможность предоставления права на иск в интересах третьих лиц в случаях нарушения их субъективных прав и (или) охраняемых законом интересов, реализация которого требует юридических действий.

Литература

1. Гартман Н. Этика. Пер. с нем. А.Б. Глаголева под ред. Ю.С. Медведева и Д.В. Складнева. СПб.: Фонд Университет: Владимир Даль, 2002. 707 с.
2. Груздев В.В. Способы защиты гражданских прав: учебное пособие для вузов. 2-е изд. М.: Издательство Юрайт, 2020. 350 с.
3. Кант И. Критика практического разума и основоположение к метафизике нравов: Полн. пер. с прим. и прил. Крат. очерка практ. Философии. Сост. Н. Смирнов. Санкт-Петербург: тип. и хромолит. А. Траншеля, 1879. 192 с.
4. Мур Дж.Э. Принципы этики. Пер. с англ. Коноваловой Л.В. М.: Прогресс, 1984. 326 с.

5. Ролз Дж. Теория справедливости: Пер. с англ. / Науч. ред. и предисл. В.В. Целищева. Изд. 2-е. М.: Издательство ЛКИ, 2010. 536 с.
6. Спенсер Г. Научные основания нравственности: Данные науки о нравственности. Пер. с англ. / Вступ. ст. и примеч. А. Федорова. Изд. 2-е. М.: Издательство ЛКИ, 2008. 336 с.
7. Швейцер А. Культура и этика / пер. с нем. Н.А. Захарченко и Г.В. Колшанского; общ. ред. и предисл. проф. В.А. Карпушина. М.: Прогресс, 1973. 342 с.
8. Южанин Н.В. Односторонние правозащитные меры в механизме гражданско-правового регулирования: Дис. ... док-ра юрид. наук. М., 2017. 512 с.

ON THE GROUNDS FOR THE RIGHTS TO SELF-DEFENSE IN THE INTERESTS OF THIRD PARTIES: AN ETHICAL AND LEGAL PERSPECTIVE

Satarov O.D.

Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev

This article investigates the ethical and legal nature of the emergence of the right to self-defense in the interests of third parties within the framework of civil circulation. The aim of the work is to identify the reasons that motivate an authorized person to exercise the right to self-defense to protect legally protected interests belonging to another participant in civil legal relations. The research methodology includes an analysis of the norms of civil and criminal legislation, as well as ethical teachings. The research results show that the cause of the emergence of such a right is the moral duty of the authorized person, an internal impulse requiring them to act to protect the legally protected interests of a third party, which the legislator cannot impose coercively but is obliged to consider and regulate. The area of application of the results is the improvement of civil legislation regarding self-defense of rights, as well as law enforcement practice. The novelty of the work lies in considering the right to self-defense through the prism of ethics. Conclusion: Moral duty acts as the determining factor for the emergence of the right to self-defense in the interests of third parties, but it is subject to normative regulation.

Keywords: self-defense, necessary defense, right to self-defense, civil circulation, ethics, moral duty, third party, legally protected interest.

References

1. Hartmann, N. (2002). Ethics. Translated from German by A.B. Glagolev; edited by Yu.S. Medvedev and D.V. Sklyadnev. St. Petersburg: Foundation University: Vladimir Dal, 707 p.
2. Gruzdev, V. V. (2020). Methods of protecting civil rights: textbook for universities. 2nd ed. Moscow: Yurayt Publishing House, 350 p.
3. Kant, I. (1879). Critique of Practical Reason and Foundations of the Metaphysics of Morals: Complete translation with notes and appendices. Short outline of practical philosophy. Compiled by N. Smirnov. St. Petersburg: Typography and Chromolithography of A. Tranchell, 192 p.
4. Moore, G. E. (1984). Principia Ethica. Translated from English by L.V. Konovalova. Moscow: Progress, 326 p.
5. Rawls, J. (2010). A Theory of Justice. Translated from English by V.V. Tselishchev (scientific editor and preface). 2nd ed. Moscow: LKI Publishing House, 536 p.
6. Spencer, H. (2008). The Scientific Basis of Morality: Data of Science on Morality. Translated from English by A. Fedorov (introductory article and notes). 2nd ed. Moscow: LKI Publishing House, 336 p.
7. Schweitzer, A. (1973). Culture and Ethics. Translated from German by N.A. Zakharchenko and G.V. Kolshansky; general editor and preface by Prof. V.A. Karpushin. Moscow: Progress, 342 p.
8. Yuzhanin, N. V. (2017). Unilateral protective measures in the mechanism of civil legal regulation: Dissertation for the degree of Doctor of Legal Sciences. Moscow, 512 p.

Селивенко Дмитрий Андреевич,

аспирант, ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный университет»

E-mail: sda.bar@mail.ru

В статье освещаются актуальные вопросы правового регулирования данного вида транспорта. Автор анализирует особенности заключения договоров, распределения ответственности между участниками мультимодальных перевозок, а также выявляют правовые пробелы и противоречия, существующие в действующем законодательстве. Проведен анализ международных нормативных актов и российского законодательства в сфере перевозок. Особое внимание уделяется вопросам повышения эффективности правового регулирования, обеспечению безопасности грузоперевозок и защите интересов участников.

Целью настоящего исследования является выявление и анализ ключевых проблем юридической ответственности в условиях мультимодальных перевозок, а также определение возможностей их решения в рамках совершенствования современного правового регулирования.

Методы исследования: Для достижения поставленной цели использовались следующие методы: сравнительный юридический анализ, который позволил сопоставить национальные и международные нормативные акты в области мультимодальных перевозок; системно-правовой анализ, предназначенный для выявления пробелов и противоречий в действующем законодательстве; аналитический метод, применяемый для оценки особенностей заключения договоров и распределения ответственности между участниками перевозочного процесса; а также метод обобщения и синтеза полученных данных для разработки предложений по совершенствованию правового регулирования в данной сфере.

Ключевые слова: транспортное право, мультимодальные перевозки, смешанные прямые перевозки, транспортный документ, транспортные правоотношения.

В условиях высокого развития интернет-торговли появилась острая необходимость в совершенствовании правового регулирования транспортных отношений. Особое внимание стоит уделить вопросам ответственности при мультимодальных перевозках грузов. Так как зачастую товары доставляются не одним видом транспорта, а используется разные виды транспортировки (морская, воздушная, автомобильная и т.д.) [9].

Следует отметить, что в научных кругах отсутствует единая позиция на детерминацию термина «мультимодальные перевозки»: одни ученые используют термины «смешанная перевозка» [6, с. 46], «комбинированная перевозка» [12, с. 57], другие – «мультимодальная перевозка» [11, с. 15] или «интермодальная перевозка» [8, с. 127]. В данном исследовании аналогично будут приравниваться понятия «мультимодальная перевозка» и «смешанная перевозка». Термин «смешанные перевозки» преимущественно используется в юридической литературе, в то время как термин «мультимодальные перевозки» чаще применяется в практической деятельности и в экономической науке. При этом оба термина обозначают одни и те же экономические и правовые отношения.

С 1 сентября 2025 года в России вступил в силу Федеральный закон от 08.08.2024 № 288-ФЗ «О прямых смешанных перевозках и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [4], в котором мультимодальная перевозка обозначается как перевозка в прямом смешанном сообщении, что означает перевозку грузов, пассажиров, ручной клади, багажа, грузобагажа разными видами транспорта по единому транспортному документу. Данный закон урегулировал отношения, которые давно нуждались в правовом закреплении в нашей стране.

В международном же законодательстве согласно статье 1 Конвенции ООН «О международных смешанных перевозках грузов» мультимодальная перевозка обозначается как смешанная и означает перевозку грузов по меньшей мере двумя разными видами транспорта на основании договора смешанной перевозки из места в одной стране, где грузы поступают в ведение оператора смешанной перевозки, до обусловленного места доставки в другой стране. Вышеуказанная конвенция не была ратифицирована Российской Федерацией, поэтому правила данной конвенции не применяются на территории нашего государства.

Для признания перевозки мультимодальной требуется выполнение определенных условий: наличие заключенного договора на смешанную перевозку; использование по крайней мере двух видов

транспорта; передача груза под контроль мультимодального оператора для его доставки из одной страны в другую [7, с. 30–33].

Основная сложность в правовом регулировании мультимодальных перевозках заключается в том, что каждый вид транспорта имеет свою собственную, исторически сложившуюся международную конвенцию или национальный закон, регулирующие вопросы ответственности перевозчика и грузоотправителя [10].

Различаются основания и пределы ответственности, сроки исковой давности и обстоятельства, исключающие юридическую ответственность. Например, согласно ст. 119 ВэК РФ [2] установлена максимальная сумма за утрату и недостачу или повреждение груза без объявленной стоимости в размере стоимости груза, но не более шестиста рублей за один килограмм груза, а в ст. 34 УАТ РФ [3] такого предела не установлено, компенсация происходит в размере полной стоимости товара. Предел финансовой ответственности в воздушных перевозках не изменялся с 2007 года. Эта норма делает данный вид перевозки крайне уязвимым для грузоотправителя, если не была объявлена стоимость.

Условно можно выделить три подхода в определении правового регулирования юридической ответственности при мультимодальных перевозках.

Во-первых, так называемый сетевой подход (Network System). Это наиболее распространенный подход, закрепленный в Конвенция ООН о международных смешанных перевозках грузов [1] и в Федеральном законе «О прямых смешанных перевозках и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [4]. Он заключается в том, что ответственность перевозчика при мультимодальных перевозках определяется в соответствии с нормами того режима, который регулировал бы перевозку на том отрезке пути, где произошел инцидент [10].

Во-вторых, существует Единая система (Uniform System). Она подразумевает, единое регулирование на всю перевозку. Независимо от того, на каком этапе произошел инцидент, распространяется единый правовой режим ответственности. Данный подход действует в международных транспортных конвенциях, например, Multimodal Transport B/L FIATA [5]).

В-третьих, смешанный подход в правовом регулировании мультимодальных перевозок. Этот подход пытается совместить преимущества двух предыдущих. Устанавливается единый, достаточно высокий предел ответственности перевозчика в договоре на весь путь. Однако если на определенном этапе действующий обязательный правовой режим предусматривает более высокий предел ответственности или иную, более строгую основу для ее возложения, то к перевозчику применяются эти более строгие правила.

В статье 4 Федерального закона «О прямых смешанных перевозках» устанавливаются следующие правила ответственности. В случае выявления

вида транспорта, на котором произошло нарушение, ответственность определяется в соответствии с правилами, установленными в отношении перевозчика Гражданским кодексом Российской Федерации и законодательством Российской Федерации, регулирующим перевозки соответствующим видом транспорта, при перевозке которым имело место нарушение, причинившее вред или ущерб. Если нарушение произошло по вине перевозчиков, осуществляющих перевозки несколькими видами транспорта, то определяется максимальный размер ответственности, установленный в соответствующих правилах для перевозчиков, виновных в совершении правонарушения. При невозможности установить вид транспорта, на котором произошло нарушение, применяется максимальный размер ответственности, предусмотренный правилами законодательства Российской Федерации, регулирующими перевозки всеми видами транспорта, участвующими в указанной перевозке.

Одной из проблем действующей нормы законодательства является неопределенность в отношении лица, обязанного осуществлять денежную выплату пострадавшей стороне в случае невозможности установления вида транспорта, на котором имело место правонарушение. В случае, если этот вопрос не будет урегулирован договором, существует риск возникновения спорных ситуаций между участниками договора смешанной перевозки по данному вопросу.

В качестве возможного пути устранения данной проблемы предлагается внести в федеральный закон положение о статусе оператора мультимодальной (смешанной) перевозки, а также определить его права и обязанности. В качестве оператора перевозки может выступать как самостоятельное специализированное юридическое лицо, так и участник договора смешанной прямой перевозки (перевозчик). Предлагается, что именно оператор будет заключать договоры с фактическими перевозчиками, рассчитывается с ними за выполненную работу и нести ответственность перед своим клиентом за груз на всем пути следования. При этом он будет иметь возможность регрессного требования к другим участникам договора смешанной перевозки.

В настоящее время статья 11 Федерального закона «О прямых смешанных перевозках» определяет понятие «перевозчика», который выполняет определенные функции оператора перевозки, которые вменяет Женевская конвенция. Однако в любом случае данный субъект сохраняет статус перевозчика. Закон не предусматривает возможности выделения этой функции в отдельное специализированное лицо. При этом в текущих рыночных условиях, такие организации существуют (Amazon Fulfillment, Яндекс Драйв для бизнеса, СДЭК и иное). Такие организации не только организуют перевозки, но и предоставляют онлайн-сервисы для заключения договоров с грузоотправителями и пассажирами. Введение в статью 3 законодательного акта понятия субъекта оператора

позволило бы упростить взаимодействие между сторонами договора смешанной перевозки, а также закрепить правовой статус организаций, выступающих организаторами мультимодальных перевозок, но не участвующих непосредственно в осуществлении самой перевозки.

Таким образом, существующее правовое регулирование юридической ответственности при осуществлении мультимодальных (смешанных) перевозок в России сталкивается с рядом недостатков, обусловленных недостаточной ясностью в установлении ответственности участников, а также отсутствием четкого правового статуса оператора мультимодальных перевозок. Этот правовой пробел создает риски правовой неопределенности и потенциальных споров между сторонами договоров, что негативно сказывается на эффективности функционирования данного института. В связи с этим необходима дальнейшая правовая адаптация, введение понятия и регулирования статуса оператора, распределение ответственности и формирование единой системы мер юридической ответственности за нарушения в сфере смешанных перевозок.

Литература

1. Конвенция Организации Объединенных Наций «О международных смешанных перевозках грузов» от 24.05.1980 // «Международное частное право», Сборник документов. – 1997 г.
2. Воздушный кодекс Российской Федерации от 19.03.1997 N 60-ФЗ (ред. от 31.07.2025)/ Российская газета. – 1997 г. – № N 59–60.
3. Устав автомобильного транспорта и городского наземного электрического транспорта от 08.11.2007 № 259-ФЗ // Российская газета. – 2007 г. – № 258. – с изм. и допол. в ред. от 07.06.2025.
4. Федеральный закон «О прямых смешанных перевозках и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 08.08.2024 № 288-ФЗ // Российская газета. – 2024 г. – № 179.
5. Secured digital FIATA Bill of Lading // FIATA International Federation of Freight Forwarders Associations. URL: <https://fiata.org/digital-bill-of-lading/> (дата обращения: 11.10.2025).
6. Барков Н.Н. Смешанные железнодорожно-водные перевозки. М.: Трансжелдориздат, 2010
7. Бутакова Н.А. Роль и значение договора в регулировании отношений мульти-модальной перевозки // Гражданское право. 2014. № 1. С. 30–33.
8. Вакуленко С.П. (ред.) Интермодальные перевозки в пассажирском сообщении с участием железнодорожного транспорта. М., 2013. 262 с.
9. Кораблева И.В. Генезис правового регулирования мультимодальных перевозок // Теория и практика общественного развития. 2025. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/>

genesis-pravovogo-regulirovaniya-multimodalnyh-perevozok (дата обращения: 11.10.2025).

10. Корнукова М.С., Корякин В.М. Перспективы совершенствования мультимодальных перевозок в российской федерации на основе международного транспортного опыта // Право и управление. 2023. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-sovershenstvovaniya-multimodalnyh-perevozok-v-rossiyskoy-federatsii-na-osnove-mezhdunarodnogo-transportnogo-opyta> (дата обращения: 11.10.2025).
11. Милославская С.В., Плужников К.И. Мультимодальные и интермодальные перевозки. М.: РосКонсульт, 2001
12. Прокопьева Е.З. Международные комбинированные перевозки грузов, связанных с ними: автореф. дис. канд. юрид. наук. СПб., 2016.

LIABILITY ISSUES IN MULTIMODAL TRANSPORTATION

Selivenko D.A.

Ulyanovsk State University

This article highlights current issues in the legal regulation of this mode of transport. The author analyzes the specifics of contracting and distributing liability between participants in multimodal transportation, and identifies legal gaps and inconsistencies in current legislation. An analysis of international regulations and Russian legislation in the field of transportation is provided. Particular attention is paid to improving the effectiveness of legal regulation, ensuring the safety of cargo transportation, and protecting the interests of participants.

The purpose of this study is to identify and analyze key issues of legal liability in multimodal transportation, as well as to determine potential solutions for improving current legal regulation.

Research Methods: To achieve this goal, the following methods were used: comparative legal analysis, which allowed for a comparison of national and international regulations in the field of multimodal transportation; a systemic legal analysis, designed to identify gaps and contradictions in current legislation; an analytical method used to assess the specifics of contractual conclusion and the distribution of liability between participants in the transportation process; and a method for generalizing and synthesizing the obtained data to develop proposals for improving legal regulation in this area.

Keywords: transport law, multimodal transportation, mixed direct transportation, transport document, transport legal relations.

References

1. United Nations Convention on International Multimodal Transport of Goods dated May 24, 1980 // International Private Law, Collection of Documents. – 1997.
2. Air Code of the Russian Federation dated March 19, 1997 N 60-FZ (as amended on July 31, 2025) / Rossiyskaya Gazeta. – 1997. – N 59–60.
3. Charter of Automobile Transport and Urban Land Electric Transport dated November 8, 2007 N 259-FZ // Rossiyskaya Gazeta. – 2007. – N 258. – as amended and supplemented on June 7, 2025.
4. Federal Law “On Direct Mixed Transportation and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation” dated 08.08.2024 No. 288-FZ // Rossiyskaya Gazeta. – 2024. – No. 179.
5. Secured digital FIATA Bill of Lading // FIATA International Federation of Freight Forwarders Associations. URL: <https://fiata.org/digital-bill-of-lading/> (date of access: 11.10.2025).
6. Barkov N.N. Mixed Rail-Water Transportation. Moscow: Transzheldorizdat, 2010
7. Butakova N.A. The Role and Significance of the Contract in Regulating Multimodal Transportation Relations // Civil Law. 2014. No. 1. pp. 30–33.

8. Vakulenko S.P. (ed.) Intermodal Transportation in Passenger Traffic with the Participation of Rail Transport. Moscow, 2013. 262 p.
9. Korableva I.V. Genesis of Legal Regulation of Multimodal Transportation // Theory and Practice of Social Development. 2025. No. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/genezis-pravovogo-regulirovaniya-multimodalnyh-perevozok> (date of access: 11.10.2025).
10. Kornukova M.S., Koryakin V.M. Prospects for Improving Multimodal Transportation in the Russian Federation Based on International Transport Experience // Law and Management. 2023. No. 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-sovershenstvovaniya-multimodalnyh-perevozok-v-rossiyskoy-federatsii-na-osnove-mezhdunarodnogo-transportnogo-opyta> (Accessed: 11.10.2025).
11. Miloslavskaya S.V., Pluzhnikov K.I. Multimodal and Intermodal Transportation. Moscow: RosConsult, 2001
12. Prokopyeva E.Z. International Combined Transportation of Related Cargo: Abstract of Cand. Sci. (Law) Dissertation. St. Petersburg, 2016.

Механизм проектного финансирования: характерные особенности и отличия от мезонинного (гибридного) финансирования

Федоров Никита Ильич,

аспирант кафедры предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
E-mail: fedorovlaw@yandex.ru

Настоящая статья ставит своей целью всестороннее исследование правовой природы и особенностей проектного финансирования как самостоятельного и особого способа кредитования юридических лиц, применяемого преимущественно при реализации капиталоемких и социально значимых инвестиционных проектов. В работе подробно рассматриваются характерные черты проектного финансирования, его отличие от традиционных форм привлечения заемных средств, а также раскрываются механизмы распределения рисков между участниками проекта – кредиторами, инвесторами, спонсорами и заемщиками. Особое внимание уделяется аргументации в пользу отсутствия необходимости нормативного закрепления понятия проектного финансирования в российском законодательстве, поскольку гибкость этой конструкции позволяет адаптировать ее под различные отрасли экономики и типы инвестиционных проектов без жестких рамок правового регулирования. Автор также выделяет и подробно анализирует ключевые особенности мезонинного (гибридного) финансирования, находящегося на стыке долевого и долгового капитала, определяет его правовую природу, преимущества и риски применения. Рассматриваются наиболее распространенные структуры мезонинного финансирования, включая опционы, конвертируемые займы и привилегированные доли участия, проводятся различия между проектным финансированием и мезонинным (гибридным) финансированием.

Ключевые слова: проектное финансирование; кредитование; кредит; мезонинное кредитование, конвертированный заем.

Невозможно недооценить роль кредита на современном этапе развития экономики. Кредитование позволяет реализовывать масштабные проекты, которые не смогли бы быть реализованными компаниями, без привлечения дополнительного финансирования. Начиная любые рассуждения по рассматриваемой теме, стоит начать с общего понятия для всех рассматриваемых категорий – понятия кредита.

В юридической литературе отмечается, что под кредитом понимается банковский кредит, то есть правоотношение, в котором кредитная организация предоставляет физическому или юридическому лицу денежные средства на условиях возвратности, срочности и платности. Объектом кредитного договора является денежная сумма, которая подлежит выдаче кредитной организацией заемщику и возврату последним [4, с. 519].

Перейдем к рассмотрению механизма работы проектного финансирования, как особой разновидности финансирования¹, отличающимся сложным юридическим инструментарием, а также повышенным количеством юридических, экономических и иных рисков.

Заслуживает внимание определение проектного финансирования, сформулированное командой одной из самых известных юридических фирм мира – Clifford Chance (Великобритания, Лондон). Так, по мнению юридической компании, под проектным финансированием понимается большое количество различных финансовых операций, однако они все имеют в своей структуре одно общее – предоставление кредита не зависит от стоимости активов компании, которой предоставляют кредит, в первую очередь, это зависит от проекта, на которую предоставляется проектное финансирование [1, Р. 7].

Нельзя не согласиться с данной позицией, так, известный российский специалист в области проектного финансирования И.А. Никонова, под проектным финансированием понимает мультиинструментальную форму финансирования специально созданной для реализации проекта компании (SPV), при которой будущие денежные потоки проекта являются основным обеспечением возврата заемных средств и выплаты доходов инвесторам [6, с. 81].

¹ Здесь и далее автор настоящего исследования рассматривает кредитование как одну из форм более широкого явления – финансирования. При этом, понимая, что финансирование на основании механизма проектного финансирования, в большинстве случаев осуществляется банками и иными кредитными организациями на основании кредитных договоров.

Отметим, что законодательного закрепления понятия проектного финансирования нет как в зарубежных странах, так и в Российской Федерации, при этом, по нашему мнению, необходимость такого закрепления отсутствует. Отсутствие такого законодательного закрепления объективно обусловлено спецификой проектного финансирования как динамичного инструмента, ориентированного на договорное регулирование.

По нашему мнению, попытки жесткого регулирования и применения позитивистского подхода ограничили бы автономию сторон в распределении рисков, а также в выборе подходящих сторонам договорных инструментов структурирования сделки. Существующая правовая база, включая нормы гражданского, корпоративного и международного частного права, предоставляет достаточные механизмы для регулирования таких отношений через договорную конструкцию.

Договорная автономия участников, ориентированная на прогнозируемые денежные потоки проекта, обеспечивает адекватное управление рисками, тогда как законодательная фиксация устаревающих моделей создала бы правовую инерцию, препятствующую инновациям. Таким образом, отсутствие прямого законодательного регулирования не является пробелом, а отражает рациональный отказ от избыточного нормативного вмешательства, а также соответствует принципам свободы договора и саморегуляции частноправовых отношений.

Перейдем к основным признакам проектного финансирования. Основные признаки, которые могут быть выделены нами:

1. Обязательное создание специального юридического лица для реализации проекта (Special Purpose Vehicle, также известное как “SPV”);
2. Основной источник погашения, предоставленного кредитором финансирования (кредита или иного финансового договора) – денежный поток, генерируемый самим проектом;
3. Особый целевой характер проектного финансирования – денежные средства могут быть использованы только для реализации проекта, а кредитор заинтересован в полном контроле расходования денежных средств;
4. Как правило, длительный характер инвестирования. Например, в соответствии с п. 2 правил Программы Фабрика проектного финансирования (Утверждены Постановлением № 158 от 15.02.2018 «О программе «Фабрика проектного финансирования»»), минимальный срок, на который выдается кредит – 3 года¹;
5. Особый рискованный характер инвестирования, что требует глубокой оценки проекта, а также подбора оптимального обеспечения;
6. Реализация проекта высокой стоимости, требующим значительных денежных средств для своей реализации.

¹ Постановление Правительства РФ от 15.02.2018 № 158 «О программе «Фабрика проектного финансирования» // «Собрание законодательства РФ», 26.02.2018, № 9, ст. 1390.

Учитывая, что при проектном финансировании возвратность кредита (займа) обеспечивается лишь денежным потоком, генерируемым самим проектом, для кредитора особую роль приобретает контроль за деятельностью компании-заемщика (SPV), а также достаточное обеспечение исполнения обязательств заемщиком, за счет использования как классических, поименованных в ГК РФ способов обеспечения обязательств (залог, поручительство), так и непоименованных (кованты, счета эскроу). Контроль за деятельностью заемщика достигается за счет ковенантов, опционов, различных иных правовых конструкций.

Учитывая все вышеизложенные выводы, считаем возможным сформулировать авторское понятие проектного финансирования. **По мнению автора, проектное финансирование – это особая форма финансирования, характеризующаяся повышенными рисками, особой структурой обеспечения обязательств кредитора, а также сложным составом обязательственных и корпоративных правоотношений, возникающих между заемщиком, кредитором, спонсорами, а также иными субъектами, направленная на финансирование определенного проекта, денежные потоки с реализации которого служат источником погашения кредита.**

Рассмотрим и иной механизм финансирования – мезонинное (гибридное). Для того, чтобы минимизировать свои риски при финансировании, требуется понятный и достаточный набор инструментов обеспечения. Кроме того, в зависимости от того, сколько и каких рисков можно обнаружить в том или ином проекте, кредитор выбирает ту или иную форму кредитования, конечно же, обращая внимание и на экономическую целесообразность выбора формы.

Мезонинное (или также гибридное) финансирование – сравнительно новый способ финансирования, и, как отмечается в литературе, сочетающий в себе черты как долевого, так и долгового видов финансирования [8. С. 13].

Под долевым способом финансирования следует понимать механизм, позволяющий инвестору-кредитору получать определенный сторонами процент участия в финансируемой компании, то есть, определенную долю (процент владения) в уставном капитале (акции) в акционерном обществе или доли в обществе с ограниченной ответственностью. Долговое же финансирование – способ финансирования, заключающийся в увеличении размера заемного капитала компании, а говоря проще – в получении займа (кредита) от третьего лица [3, С. 19].

То есть, фактически, мезонинное кредитование может быть структурировано как две взаимодополняющие сделки:

1. Сделка долгового финансирования, в рамках которой кредитор предоставляет заемщику заемное финансирование, в том числе, в форме обыкновенного корпоративного кредитования,

синдицированного кредитования или проектного финансирования;

2. Сложная по своей структуре комплексная сделка долевого финансирования, в рамках которой могут применяться различные по своей природе механизмы. Наиболее простым, понятным, и, что особо важно, законодательно установленным механизмом мезонинного финансирования, является привлечение финансирования путем заключения договора конвертированного займа. В соответствии с договором конвертированного займа, займодавец, предоставивший заем, имеет право потребовать вместо возврата определенной таким договором суммы займа, при наступлении определенных договором конвертированного займа обстоятельств – предоставления доли в компании-заемщике (части уставного капитала).

Как справедливо отмечает Д.В. Ломакин, конвертированный заем является высокорисковым способом привлечения финансирования для заемщика (инвестирования для кредитора), при котором заемщик имеет возможность получить финансирование в ситуации, когда обычное финансирование, например, проектное финансирование, ему недоступно [5, С. 36]. Видится, что в такой ситуации может оказаться заемщик, который, например, не имеет свободных денежных средств, которые могли бы обеспечить ему возможность получения проектного финансирования для реализации проекта, так как, практически в любом случае, кредитующий банк требует от заемщика вложения в проект и собственных средств¹.

Высокие риски для кредитора (инвестора), связанные с механизмом понятны – в случае, если компания, которой был выдан заем не достигнет целевых показателей, на которые рассчитывал инвестор-кредитор, акции (доли), которые он получит в уставном капитале заемщика, не будут иметь какой-либо экономической ценности. Для того, чтобы контролировать деятельность заемщика и не позволять ему выводить активы за периметр компании, кредитор может закрепить в договоре конвертированного займа определенный набор обязательств (ковенантов), которые заемщик будет обязан исполнять, будь то финансовые кovenанты (например, не привлекать новые займы или не выдавать их без согласия кредитора), так и нефинансовые. Например, не изменять состав участников общества без согласия кредитора, не назначать без согласия кредитора исполнительные органы общества [2, С. 41].

Еще одним способом структурирования сделки мезонинного финансирования, является механизм с использованием опционов. Так, кредитор (инве-

стор) может приобрести акции (доли) в уставном капитале компании-заемщика по символической цене, например, по их номинальной стоимости, а также выдать заемщику заем (кредит). Одновременно с покупкой таких акций (долей) в уставном капитале кредитор (инвестор) и заемщик заключают пут-опцион на приобретенные инвестором акции (доли). После погашения кредита заемщиком или наступления иных определенных пут-опционом последствий, кредитор имеет право потребовать у заемщика приобрести принадлежащие ему акции (доли) по заранее определенной таким опционом цене, заложив в цену покупки свою прибыль [7, С. 22–23].

Очевидно, что, в случае использования данной модели мезонинного финансирования, становясь участником финансируемой корпорации, кредитор (инвестор) приобретает принадлежащие участником права, в том числе, важнейшее право – голосовать на собраниях органов общества. При этом вместе с правами и преимуществами, возникают и соответствующие статусу участника (акционера) обязанности, а также возможные неблагоприятные последствия – например, риск привлечения к субсидиарной ответственности, в случае банкротства общества.

Таким образом, в зависимости от того, какой способ структурирования сделки по мезонинному финансированию был выбран сторонами, следует детерминировать возникающие в связи с использованием данного механизма риски, а также составляющие правовой статус кредитора-инвестора права и обязанности [3, С. 92].

Таким образом, мы можем прийти к выводу, что мезонинное (гибридное) финансирование сочетает в себе черты как долгового, так и долевого финансирования. Долевая часть финансирования предполагает участие кредитора в уставном капитале заемщика, при этом такое участие может происходить на основании различных форм финансирования, долговое финансирование может быть также представлено различными юридическими механизмами, в том числе, и проектным финансированием.

Проводя отличия проектного финансирования как правовой категории, от мезонинного финансирования, призванного, в том числе, и для реализации определенных проектов, можно выделить ряд критериев.

1. Так, проектное финансирование, по общему правилу, является долговым способом финансирования, в то время как мезонинное кредитование является гибридным, то есть сочетающим в себе как долговое, так и доленое финансирование;
2. Проектное финансирование, обычно, предполагает собственное участие заемщика в проекте, в то время как мезонинное кредитование такого собственного участия не требует;
3. Конечной целью (интересом) кредитора в проектном финансировании является реализация проекта, возврат основного долга, а также на-

¹ Например, в соответствии с пп. г) п. 9 Программы «Фабрика проектного финансирования» Постановления Правительства РФ от 15.02.2018 № 158 «О программе «Фабрика проектного финансирования», размер собственных средств заемщика, для получения синдицированного кредита, должен составлять не менее 20% от суммы кредита, выданного синдикатом кредиторов.

численных по нему процентов, при мезонинном же финансировании, кредитор (инвестор) ожидает как возврата кредита, так и повышения стоимости принадлежащих ему акций (долей) (или возможности их продажи по заранее установленной цене на основании заключенного опциона);

4. Цель выдачи кредита на цели проектного финансирования – реализация конкретного, определенного сторонами проекта. В мезонинном финансировании привлечение кредита может быть также и на иные цели, не под определенный проект, что, фактически, позволяет рассматривать мезонинное (гибридное) финансирование, как инвестиционную деятельность.

Как известно слово кредитор восходит к латинскому слову *credo*, в переводе на русский «верю». В проектном финансировании как нигде лучше воплощается данное значение. **Кредитор, предоставляя проектное финансирование верит не только должнику, но и в реализуемый проект.**

Литература

1. Clifford Chance, Project Finance, IFR Publishing Ltd., 1991, 117 pp.
2. Бычков А. Негативные обязательства, или Обязательства с отрицательным содержанием // Юридический справочник руководителя. 2024. № 6. С. 39–45.
3. Ефимов А.В. Гибридное (мезонинное) финансирование юридических лиц: вопросы правового регулирования // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2024. № 12. С. 89–102
4. Заем, кредит, факторинг, вклад и счет: по-статейный комментарий к статьям 807–860.15 Гражданского кодекса Российской Федерации / В.В. Байбак, О.М. Иванов, А.Г. Карапетов и др.; отв. ред. А.Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2019. 1282 с.
5. Ломакин Д.В. Договор конвертируемого займа: правовая природа и квалификация // Вестник Арбитражного суда Московского округа. 2025. № 1. С. 33–47.
6. Никонова И.А. Проектный анализ и проектное финансирование. М.: Альпина Паблишер, 2012. – 154 с.
7. Степанова Е.О. Оценка рисков при мезонинном финансировании // дис. ...канд. эконом. наук. М., 2017.

8. Фабоцци Ф. Финансовые инструменты / Пер. с англ. Е. Востриковой, Д. Ковалевского, М. Орлова. М.: Эксмо, 2010. – 860 с.

THE MECHANISM OF PROJECT FINANCING: DISTINCTIVE FEATURES AND DIFFERENCES FROM MEZZANINE (HYBRID) FINANCING

Fedorov N.I.

Kutafin Moscow State Law University

This article aims to provide a comprehensive study of the legal nature and distinctive features of project finance as an independent and specific form of corporate lending, primarily used in the implementation of capital-intensive and socially significant investment projects. The paper examines in detail the defining characteristics of project finance, its distinction from traditional forms of debt financing, and the mechanisms for allocating risks among project participants – lenders, investors, sponsors, and borrowers. Particular attention is given to substantiating the rationale for the absence of a statutory definition of project finance in Russian legislation. The author argues that the flexibility of this legal and financial construct allows it to be effectively adapted to various sectors of the economy and types of investment projects without the need for rigid legislative regulation. The article also identifies and thoroughly analyzes the key features of mezzanine (hybrid) financing, which occupies an intermediate position between debt and equity capital. Its legal nature, advantages, and inherent risks are examined. Furthermore, the most common structures of mezzanine financing – including options, convertible loans, and preferred equity instruments – are discussed, along with a comparative analysis distinguishing project finance from mezzanine (hybrid) financing mechanisms.

Keywords: project financing; lending; loan; mezzanine financing; convertible loan.

References

1. Clifford Chance. Project Finance. IFR Publishing Ltd., 1991, 117 pp.
2. Bychkov, A. “Negative Obligations, or Obligations with Negative Content.” Legal Handbook for the Executive, 2024, no. 6, pp. 39–45. [in Russian]
3. Efimov, A. V. “Hybrid (Mezzanine) Financing of Legal Entities: Issues of Legal Regulation.” Property Relations in the Russian Federation, 2024, no. 12, pp. 89–102. [in Russian]
4. Baybak, V. V.; Ivanov, O. M.; Karapetov, A. G.; et al. Loan, Credit, Factoring, Deposit and Account: Article-by-Article Commentary to Articles 807–860.15 of the Civil Code of the Russian Federation. Ed. A.G. Karapetov. Moscow: M–Logos, 2019, 1282 pp. [in Russian]
5. Lomakin, D. V. “The Convertible Loan Agreement: Legal Nature and Qualification.” Bulletin of the Arbitration Court of the Moscow Circuit, 2025, no. 1, pp. 33–47. [in Russian]
6. Nikonova, I.A. Project Analysis and Project Finance. Moscow: Alpina Publisher, 2012, 154 pp. [in Russian]
7. Stepanova, E.O. Risk Assessment in Mezzanine Financing. Candidate of Economic Sciences dissertation, Moscow, 2017. [in Russian]
8. Fabozzi, Frank J. Financial Instruments. Translated by E. Vostrikova, D. Kovalevsky, and M. Orlov. Moscow: Eksmo, 2010, 860 pp. [Russian translation]

Концепция условно выделяемых частей в объектах незавершенного строительства как способ защиты прав участников долевого строительства

Черкашин Иван Алексеевич,

аспирант, Санкт-Петербургский университет технологий
управления и экономики
E-mail: Rogol.mix@mail.ru

В статье рассматривается правовое регулирование отношений, связанных с объектами незавершенного строительства (ОНС), которые представляют собой одну из наиболее сложных и противоречивых сфер гражданско-правового регулирования в строительной деятельности. Обсуждаются специфические юридические проблемы, возникающие при установлении и реализации прав на составные части ОНС, в частности, на доли в таких объектах, что связано с отсутствием возможности самостоятельной государственной регистрации и неоднозначностью судебной практики. Анализируются противоречия между необходимостью защиты прав участников долевого строительства и ограничениями, налагаемыми законодательством и регистрационной практикой, в том числе обоснованы риски отказов в государственной регистрации прав в связи с отсутствием соответствующих кадастровых сведений. Предлагается введение нового института – условно выделяемых частей ОНС, который позволит формализовать имущественные права дольщиков при сохранении целостности объекта и обеспечит баланс интересов всех участников строительства. Данная правовая конструкция направлена на снижение юридической неопределенности, повышение эффективности защиты имущественных прав и устранение противоречий в сфере долевого строительства и государственной регистрации недвижимости. Работа подкреплена критическим анализом судебных решений и нормативных актов, что свидетельствует о необходимости дальнейших законодательных изменений и унификации правоприменительной практики.

Ключевые слова: незавершенное строительство; объекты незавершенного строительства; капитальное строительство; недвижимость; градостроительное законодательство; право собственности; защита прав дольщиков.

Регулирование правоотношений с объектами незавершенного строительства (далее – ОНС) до сих пор является одной из наиболее противоречивых сфер гражданско-правового регулирования, связанных со строительной деятельностью. Будучи проблемными объектами капитального строительства, невозможность завершения строительных работ влечет столкновение интересов различных категорий лиц гражданско-правовых правоотношений, таких как застройщик, подрядчик, лица-участники долевого строительства и др.

Объекты незавершенного строительства, будучи имущественными комплексами, формируются и реализуются в процессе длительных капитальных строительных работ. По сравнению с завершенными объектами капитального строительства, реализации прав на составные части таких незавершенных объектов сопряжена с специфическими юридическими сложностями. Правовой режим долей в ОНС, отсутствие возможности самостоятельной государственной регистрации таких частей и ограниченная практика признания права собственности создают значительные правовые риски для дольщиков и инвесторов. В сложившейся правоприменительной практике наблюдается неоднозначность подходов, что требует научной проработки и последующего нормативного урегулирования.

Юридическая теория обособляет два блока правовых оснований приобретения права собственности в отношении недвижимого объекта: первоначальные и производные [6, С. 146]. При определении права собственности на составные части объекта незавершенного строительства в доктрине преимущественно определяются именно производные основания приобретения права. Чаще всего, правоприменительная практика исходит из того, что вследствие вынесения судебного решения в пользу дольщика об удовлетворении требований по установлению права собственности на составную часть ОНС (квартиру, долю), инициируется процедура государственной регистрации права. В вопросе установления права собственности и, как следствие, возможности реализации составных частей внутри объекта незавершенного строительства отсутствует доктринальный консенсус, в судебной практике отсутствует единообразие, направленное на справедливое соблюдение интересов и прав дольщиков и застройщика. Несмотря на то, что судебная практика в подавляющем большинстве случаев встает на сторону участника долевого строительства, защищая его права на долю в ОНС, в дальнейшем, при исполнении реше-

ния суда, а также при реализации прав владения долей в ОНС существует множество сложностей при осуществлении административных процедур по государственной регистрации права на такой составной объект внутри ОНС [7].

Федеральный закон № 214-ФЗ не предусматривает запретов на признание права собственности как на объект незавершенного строительства в целом, так и на отдельную долю в нем. В связи с этим регулирование правоотношений, связанных с признанием права на составные части ОНС и их возможной последующей реализацией, следует строить исходя из фундаментальных норм гражданского законодательства.

В соответствии со статьёй 219 Гражданского кодекса РФ, право собственности на здания, сооружения и новое недвижимое имущество возникает только после государственной регистрации соответствующего права. Значимым разъяснением служит пункт 59 совместного постановления пленумов Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ № 10/22 от 29 апреля 2010 года, в котором установлено, что в случае убедительного доказательства истцом возникновения права собственности, суд обязан полностью удовлетворить заявленное требование.

Законодательство не содержит конкретных ограничений, препятствующих признанию права собственности на долю в объекте незавершенного строительства. При этом, учитывая нормы статей 309 и 310 ГК РФ, участник долевого строительства, который корректно и в полном объёме исполнил свои обязательства по договору (в частности, внес необходимую плату), вправе рассчитывать на соответствующее встречное исполнение застройщиком. В случае его неисполнения законодатель открывает возможность для защищаемой стороны обратиться в суд с иском о признании права собственности на долю в общей долевой собственности ОНС в форме конкретного помещения и определения размера такой доли.

По общим правилам для регистрации дольщиком права собственности на объект незавершенного строительства в первую очередь потребуется обратиться в суд за признанием права собственности на такой объект [9, С. 49].

При достижении степень готовности объекта незавершенного строительства уровня в 70–80% его помещения фактически перестают быть просто частями недостроенного комплекса и выступают как относительно самостоятельные сегменты, несмотря на отсутствие формального режима самостоятельной недвижимости. В судебных разбирательствах права истца признаются не на конкретное жилое помещение, а на соразмерную долю в общем комплексе прав на весь объект незавершенного строительства, соотносящуюся с оспариваемой частью [4].

Проблема возникает уже на этапе государственной регистрации таких прав: Росреестр часто отказывает в регистрации, ссылаясь на отсутствие необходимых кадастровых сведений или нарушение

процедурных требований. Подобные отказы приводят к необходимости новых судебных обращений для защиты приобретённых по решению суда прав, что значительно тормозит правоприменительный процесс и увеличивает юридическую неопределённость. Анализ судебной практики, в том числе апелляционных решений Московского городского суда, свидетельствует о системности таких прецедентов и подчёркивает необходимость дальнейших законодательных и институциональных реформ в сфере регистрации прав на объекты незавершенного строительства.

В одном из рассмотренных дел суд первой инстанции удовлетворил требование гражданина против территориального управления Росреестра, признав незаконным отказ в регистрации права собственности на долю в объекте незавершенного строительства (ОНС), представленной в виде квартиры. Истец аргументировал свою позицию наличием вступившего в законную силу судебного решения, которым это право было уже признано. Тем не менее Росреестр обосновал отказ отсутствием сведений о спорном помещении в государственном кадастре недвижимости, а также отсутствием законодательной нормы, допускающей регистрацию права собственности на долю в ОНС. Решение суда первой инстанции, отвергшее отказ регистрационного органа, опиралось на принцип общеобязательности вступивших в силу судебных актов для всех государственных органов на территории РФ.

Однако Московский областной суд в апелляции отменил это решение и отказал истцу в удовлетворении требований. В своей мотивировке апелляционный суд сослался на положения пункта 1 статьи 28 и абзаца двенадцатого пункта 1 статьи 20 Федерального закона «О государственной регистрации недвижимости», указав, что регистрация права собственности невозможна без внесения сведений о соответствующем объекте в государственный кадастр. Суд подчеркнул, что без такого кадастрового учета объект не может рассматриваться как самостоятельный объект гражданских прав и, следовательно, не подлежит ни индивидуализации, ни государственной регистрации [5].

В недостроенных многоквартирных домах отдельные помещения юридически не квалифицируются как самостоятельные объекты недвижимости, поскольку являются элементами единого комплекса. Правовая самостоятельность таких помещений возникает лишь после завершения строительства и оформления соответствующих правоустанавливающих документов. Когда суд удовлетворяет иск о признании права собственности на долю в недостроенном объекте, он фактически обеспечивает защиту интересов дольщика и создает правовую основу для дальнейшей государственной регистрации, что позволяет избежать юридических противоречий и укрепить правовой статус объекта.

Правоприменительная практика, касающаяся признания права собственности дольщиков на помещения в объектах незавершённого строитель-

ства, остаётся противоречивой и непоследовательной. Это обусловлено недостаточной ясностью правового режима таких помещений, входящих в строящийся комплекс, а также значительными пробелами в законодательстве по долевому строительству и регистрации недвижимости. Такая ситуация требует как кодификации правовых норм, так и унификации судебной практики. В противном случае дольщики, несмотря на наличие судебных решений в свою пользу, часто сталкиваются с проблемами при государственной регистрации своих прав, что снижает доверие к институту долевого строительства и ослабляет механизм правовой защиты участников рынка недвижимости.

В свете выявленных противоречий между необходимостью индивидуализации прав дольщиков и требованием сохранения единства объекта незавершённого строительства, представляется логичным и своевременным введение нового юридического института – института условно выделяемых частей (*pro indiviso*) таких объектов. Данный механизм призван обеспечить баланс интересов, позволяя формализовать права участников долевого строительства без нарушения целостности недвижимого комплекса, что является важным шагом к системному решению существующих правовых проблем в сфере незавершённого строительства.

Возможность выделения и регистрации временных имущественных прав на отдельные потенциально индивидуализируемые помещения, к примеру, квартиры в многоквартирном доме, при достижении объекта высокой степени строительной готовности, рекомендованной свыше 70%, предполагает техническую возможность четкого выделения конкретного помещения (доли) в составе объекта незавершённого строительства. Такая процедура должна опираться на обязательное подтверждение степени готовности независимой строительной экспертизой и предварительное согласование с государственным строительным надзором. Основопологающими критериями в данном процессе являются техническая возможность однозначного определения границ условного помещения и подтверждение его реального существования как составной части единого капитального объекта.

Реализация института условно выделяемых частей особо актуальна в современных условиях, когда банкротства застройщиков происходят с определённой регулярностью, что затрудняет своевременную государственную регистрацию прав собственности дольщиков на отдельные помещения в составе объектов незавершённого строительства. Отсутствие официальной государственной регистрации существенно ослабляет правовую защиту инвесторов, лишая их возможности использовать имущественные и заложенные механизмы для охраны своих интересов и участия в процедурах банкротства. Дискуссии, существующие как в юридической доктрине, так и в практике применения законодательства в отношении выделения долей в ОНС и их регистрации свидетельствуют о необходимости внедрения данного института.

При этом важнейшим аспектом является обеспечение баланса интересов всех участников долевого строительства и предотвращение преждевременного дробления ОНС как единого недвижимого комплекса.

Реализация данного правового института видится обоснованной при обеспечении следующих условий концепции: 1) Обеспечение технической фиксации границ таких условных частей с отметкой о невозможности эксплуатации по проектному назначению и введение обязательных ограничений на распоряжение правами до момента ввода дома в эксплуатацию;

2) Осуществление государственной регистрации прав дольщиков на условно выделяемые части с ограниченным оборотом, что позволит обеспечить правовую определенность и защиту имущественных и залоговых интересов инвесторов при сохранении целостности объекта.

3) Необходимость законодательного запрета на регистрацию самостоятельных прав на составные части ОНС до окончания строительства и получения разрешения на ввод объекта в эксплуатацию, что снизит риски преждевременного дробления имущественных прав и возникновения конфликтов интересов.

Институт условно выделяемых частей выступает как эффективный механизм не только для укрепления имущественных прав дольщиков, но и для повышения прозрачности и управляемости правами на объекты незавершённого строительства в условиях продолжительных процедур банкротства и проблем с достройкой. Предлагаемая правовая конструкция способствует сохранению единства объекта, предотвращая преждевременное дробление имущественных прав на отдельные помещения. Вместе с тем, целесообразным представляется законодательно закрепить запрет на регистрацию прав собственности на составные части объектов незавершённого строительства, чтобы избежать длительных правовых споров и сохранить баланс интересов между застройщиками и участниками долевого строительства.

Данный институт условно выделяемых частей принципиально отличается от полномасштабного права собственности на отдельные недвижимые объекты тем, что предполагает ограниченный режим оборота. Юридические нормы строго регламентируют запрет на самостоятельное использование и распоряжение такими частями до момента официального введения объекта в эксплуатацию и завершения регистрации итогового капитального строения. Такой подход предотвращает дробление имущественных прав на мелкие фрагменты, способствуя эффективной защите общих интересов участников проекта и обеспечению целостности строительного объекта.

Институт условно выделяемых частей предполагает, что эти элементы – функционально или технически выделенные сегменты незавершённого объекта – не обладают самостоятельным имущественным статусом и ограничены в обороте

до момента окончательного ввода объекта в эксплуатацию. Это ключевое разграничение отличает их от составных частей, которые, будучи объектами общей долевой собственности, имеют самостоятельный имущественный режим, подлежат обязательной государственной регистрации и могут свободно обращаться в гражданском обороте в соответствии с законодательством о долевой собственности.

Подводя итоги, можно говорить, что институт условно выделяемых частей представляет собой правовую конструкцию, в рамках которой функционально или технически выделенные сегменты незавершенного объекта не обладают самостоятельным имущественным статусом и ограничены в обороте до момента официального ввода объекта капитального строительства в эксплуатацию. Это разграничение принципиально отличает их от составных частей объекта незавершенного строительства, которые формируются в рамках общей долевой собственности и обладают самостоятельным правовым режимом, подлежат государственной регистрации и могут свободно перемещаться в гражданском обороте согласно нормам законодательства о долевой собственности.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ // «Российская газета», № 238–239 от 08.12.1994;
2. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 190-ФЗ // «Собрание законодательства РФ», 03.01.2005, N 1 (часть 1), ст. 16;
3. Постановление Правительства Российской Федерации от 23 января 2017 г. № 47 «Об утверждении Правил признания помещения жилым помещением, жилого помещения – пригодным для проживания, многоквартирного дома, жилого дома – аварийным и подлежащим сносу или реконструкции» [Электронный ресурс] / СПС «ГАРАНТ». – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71782738/> (дата обращения: 21.08.2025).
4. Определение апелляционной инстанции Московского городского суда по делу № 11–41226/2013 от 18 декабря 2013 г. [Электронный ресурс] // Официальный портал судов общей юрисдикции г. Москвы. – URL: <https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-civil/details/add86bbe-d8b6-4164-a96e-71b76380eb11> (дата обращения: 21.08.2025).
5. Апелляционное определение Московского областного суда (Московская область) по делу № 33а-6177/2016 от 09 марта 2016 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://actofact.ru/case-50OS0000-33a-6177-2016-02-29-0-1/> (дата обращения: 21.08.2025).

6. Куропаткин Д.Е. Основания возникновения права собственности // Вестник науки. 2021. – № 12 (45). – С. 145–147;
7. Николаев М. Н. О некоторых вопросах регистрации прав на квартиры в не завершенных строительством многоквартирных домах. – М.: Изд-во Ин-та законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ: КОНТРАКТ, 2019.
8. Смагин А.А., Орлова О.С. Особенности правового режима недвижимости // Изд. «ЮР-БАК». Бизнес в законе, 2016, № 5, С. 216–218;
9. Филина Д.Л. Сделки с объектами незавершенного строительства // Имущественные отношения в Российской Федерации, № 7 (250), 2022, С. 49–59.

CONCEPT OF CONDITIONALLY ALLOCATED PARTS IN OBJECTS OF UNFINISHED CONSTRUCTION AS A METHOD OF PROTECTING THE RIGHTS OF SHARED CONSTRUCTION PARTICIPANTS

Cherkashin I.A.

St. Petersburg University of Management and Economics Technologies

The article examines the legal regulation of relations related to objects of unfinished construction (OUNC), which represent one of the most complex and controversial areas of civil law regulation in construction activities. It discusses specific legal issues arising in the establishment and exercise of rights to the constituent parts of OUNC, particularly shares in such objects, which are associated with the inability to independently register ownership and the ambiguity of judicial practice. The contradictions between the need to protect the rights of participants in shared construction and the limitations imposed by legislation and registration practices are analyzed, including the risks of refusals in state registration due to the lack of relevant cadastral data. The article proposes the introduction of a new institution—conditionally allocated parts of OUNC—that will formalize the property rights of share participants while maintaining the integrity of the object and ensuring a balance of interests among all construction participants. This legal construct aims to reduce legal uncertainty, increase the efficiency of property rights protection, and eliminate contradictions in the field of shared construction and state registration of real estate. The work is supported by a critical analysis of court decisions and regulatory acts, indicating the need for further legislative changes and unification of law enforcement practice.

Keywords: unfinished construction objects of unfinished construction capital construction real estate urban planning legislation ownership right protection of shared-equity construction participants' rights.

References

1. Civil Code of the Russian Federation of November 30, 1994, No. 51-FZ // Rossiyskaya Gazeta, No. 238–239 of December 8, 1994;
2. Urban Development Code of the Russian Federation of December 29, 2004, No. 190-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation, January 3, 2005, No. 1 (Part 1), Art. 16;
3. Resolution of the Government of the Russian Federation of January 23, 2017, No. 47 “On Approval of the Rules for Recognizing Premises as Residential Premises, Residential Premises as Suitable for Habitation, an Apartment Building, and a Residential Building as Emergency and Subject to Demolition or Reconstruction” [Electronic resource] / SPS “GARANT”. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71782738/> (date accessed: 21.08.2025).
4. Determination of the appellate court of the Moscow City Court in case No. 11–41226/2013 of December 18, 2013. [Electronic resource] // Official portal of the courts of general jurisdiction of Moscow. – URL: <https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-civil/details/add86bbe-d8b6-4164-a96e-71b76380eb11> (date accessed: 21.08.2025).

5. Appellate ruling of the Moscow Regional Court (Moscow Region) in case No. 33a-6177/2016 dated March 9, 2016 [Electronic resource]. – Access mode: <http://actofact.ru/case-50OS0000-33a-6177-2016-2016-02-29-0-1/> (date of access: August 21, 2025).
6. Kuropatkin D.E. Grounds for the emergence of ownership rights // Bulletin of Science. 2021. – No. 12 (45). – P. 145–147;
7. Nikolaev M.N. On some issues of registration of rights to apartments in unfinished apartment buildings. – Moscow: Publishing house of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation: CONTRACT, 2019.
8. Smagin A.A., Orlova O.S. Features of the legal regime of real estate // Publishing house “YUR-VAK”. Business in law, 2016, No. 5, pp. 216–218;
9. Filina D.L. Transactions with unfinished construction projects // Property relations in the Russian Federation, No. 7 (250), 2022, pp. 49–59.

Предпосылки изменения регулирования расточительства как правовой категории российского гражданского права

Яшин Кирилл Андреевич,

студент, Финансовый университет при Правительстве РФ
E-mail: k05022005@gmail.com

В статье рассмотрены понятие и правовое регулирование расточительства как основания ограничения дееспособности по ст. 30 ГК РФ, а также выявлены пробелы в данном институте. Проведен сравнительно-правовой анализ законодательства Украины, Беларуси, Германии и Китая, что позволило выявить особенности и направления развития регулирования. Установлено, что российское гражданское законодательство требует правового резерва для учета новых форм безрассудных трат и расширения круга лиц, имеющих право инициировать процесс ограничения дееспособности. Сформулированы предложения по совершенствованию института расточительства и его адаптации к современным социально-экономическим условиям.

Ключевые слова: расточительство, ограничение дееспособности, правовой резерв, безрассудные траты, сравнительный анализ.

Статья посвящена понятию расточительства. Для начала следует рассмотреть, какое отражение оно нашло в Гражданском Кодексе Российской Федерации [1].

В настоящее время кодекс не содержит упоминания расточительства как такого, так принято называть опосредованно обозначенную 30 статьей кодекса правовую категорию. Изначально данная статья предусматривала, что человек, страдающий зависимостью от алкоголя или наркотических веществ и ставящий свою семью в тяжелое финансовое положение, может быть признан судом ограниченно дееспособным. Однако в декабре 2012 года, в рамках борьбы с азартными играми, в статью были внесены значительные изменения, что привело к расширению круга лиц, которых можно признать ограниченно дееспособными. К существующему списку добавились лица с зависимостью от азартных игр, а также психически больные, которые способны понимать значение своих действий и управлять ими только с помощью других людей.

В случае признания человека ограниченно дееспособным по решению суда, он теряет право самостоятельно совершать сделки, за исключением мелких бытовых сделок, иные могут быть признаны ничтожными в случае невыполнения данного условия. (ст. 171 ГК РФ). Над ограниченно дееспособным устанавливается попечительство, именно с попечителем согласовываются сделки. Также попечитель распоряжается заработной платой, пособиями, пенсиями и иными доходами ограниченно дееспособного лица.

Пристрастие к азартным играм, злоупотребление алкоголем и наркотиками В.В. Груздев относит к дефектам воли, а психические расстройства к дефекту разума человека «В первом случае – это идея психического дефекта, простого медицинского симптома, внешнего показателя внутреннего психического состояния человека. Во втором случае – дефект воли.» [2, с. 24–27] В настоящей статье мы практически не будем касаться психических дефектов, соответственно и пункта 2 статьи 30 ГК РФ.

Проблема существующего положения дел заключается, во-первых, в том, что если у человека нет семьи, то он не может быть ограничен в дееспособности в связи с безрассудными растратами денежных средств, даже если причиняет этим самым вред себе и иным лицам, не являющимся членами семьи. Это подтверждает Надмидов А.А., который указывает, что только определённый круг лиц, таких как родственники, органы опеки и попечительства, прокуратура и так далее, имеет право

подать заявление в суд о признании гражданина ограниченно дееспособным. Таким образом, сосед, к примеру, не может непосредственно обратиться в суд с таким заявлением. [3, с. 166], если только человек не несовершеннолетний в возрасте от 14 до 18 лет, в таком случае заявление могут подать органы опеки и попечительства (ст. 281 ГПК РФ [4]). К тому же закреплено обязательное условие причинения тяжелого материального положения семье. Во-вторых, существует множество иных вещей, обстоятельств из-за злоупотребления, пристрастия к которым, человек начинает безрассудно тратить денежные средства, невзирая на создание себе, своей семье и иным лицам финансовых проблем. Особенно много подобных вещей появляется в результате цифровизации общества, к примеру маркетплейсы, компьютерные игры с внутриигровыми покупками, онлайн букмекеры и т.д.

Вопрос правового регулирования расточительства не ограничивается рамками российского гражданского законодательства. В различных странах мира существуют собственные подходы к определению и предотвращению действий лиц, ведущих к неразумному и чрезмерному расходованию имущества. Анализ зарубежного опыта позволит определить возможные направления совершенствования российского законодательства.

Для начала обратимся к кодексу старого слоя – прусскому земельному уложению. По сути, установленный им механизм правового регулирования расточительства являлся рецепцией римского права. Интересен он, так как лег в основу подобного механизма в современных постсоветских странах, включая Россию. В соответствии с уложением, расточителями считаются лица, которые вследствие неразумных и необоснованных расходов либо халатного отношения к управлению своими ресурсами существенно сокращают собственное имущество или создают для себя значительную долговую нагрузку. Мы положительно оцениваем наличие правового резерва, созданного посредством отсутствия перечисления конкретных дефектов воли человека, относимых к расточительству в прусском уложении, однако цель государства видится нам не совсем в защите гражданина. Покровский И.А. подчеркивает, что в отличие от Прусского уложения, которое ориентируется на экономическую сторону расточительства, русское право акцентирует внимание на его моральной стороне. Расточительство рассматривается как социальное зло, и борьба с ним становится одной из задач государства. Основная идея ограничений, накладываемых на расточителей, заключается в защите общего социального блага, а не отдельных интересов конкретных лиц [5, с. 203–208]. В настоящее время гражданское законодательство Германии не содержит механизма ограничения дееспособности расточителей.

Рассмотрим законодательство Украины, ведь несмотря на достаточно схожие с РФ правовые системы ввиду общего советского прошлого и тесного экономического сотрудничества двух стран

в первые десятилетия после распада СССР, Гражданским кодексом Украины [6] совсем иначе регулируется вопрос расточительства. В пункте 2 статьи 36 Гражданского кодекса Украины действительно закреплён открытый перечень обстоятельств, которые могут свидетельствовать о расточительности, таких как злоупотребление спиртными напитками, наркотическими средствами, токсичными веществами и азартными играми. Эта особенность украинского законодательства позволяет интегрировать в правоприменение новые категории безрассудных трат, которые могут возникать в обществе. В том же пункте закреплено, что человек будет ограничен по решению суда в дееспособности даже в том случае, если ставит в затруднительное материальное положение не только свою семью, но и себя или других лиц. В случае ограничения дееспособности попечитель устанавливается по представлению органа опеки и попечительства преимущественно из членов семьи. Таким образом, ГК Украины имеет правовой резерв регулирования, а также охраняет не только семью расточителя, но и его самого, а также других лиц. Нам видится ограничение дееспособности человека при том условии, что он ставит сам себя в затруднительное материальное положение перегибом, так как при таком положении дел он не нарушает чужие права, а свободу распоряжения своими правами при этом условии должен иметь каждый. В остальном же положение статьи 36 ГК Украины довольно удачно устанавливает данную правовую категорию.

Гражданский кодекс Республики Беларусь [7] в статье 30 устанавливает возможность судебного ограничения дееспособности только за злоупотребление алкоголем, наркотиками, психотропными веществами и их аналогами, ставящее семью в тяжелое материальное положение. Упоминания азартных игр там не содержится, вероятно из-за того, что в Беларуси не было такой как в России борьбы с азартными играми в 2000–2010 годах, напротив Беларусь заработала на запрете азартных игр в большинстве городов РФ, так как на ее границе с Россией было создано казино «М1», позиционирующее себя как «Ближайшее казино к Москве и крупнейшее казино в Беларуси» [8]. По мнению некоторых исследователей борьба с азартными играми по итогу привела к оттоку средств из российского бюджета и монополизации игорного бизнеса в следствии созданных барьеров для входа на данный рынок [9, с. 29–36].

Повсеместная «забота» государства над своими гражданами видится для стран англосаксонской правовой системы излишней, оберегая человека и его семью путем принижения его в правах, государство ограничивает его свободу, что скорее присуще полицейскому типу государства. Нам кажется, что несмотря на преимущественно диспозитивный характер методов правового регулирования гражданско-правовых отношений, в данном конкретном случае ограничение свободы человека может быть уместно, так как он своими действиями

причиняет вред не только себе, но и членам своей семьи, иным лицам, что затрагивает уже их права. Однако далее мы обозначим иной, более мягкий подход к охране благосостояния семьи расточителя.

В китайском законодательстве не содержится норм об ограничении дееспособности лиц, ставящих в тяжелое финансовое положение себя и свою семью. В статье 24 Гражданского кодекса Китайской Народной Республики [10] изложен порядок ограничения дееспособности исключительно для лиц, у которых диагностированы определенные психические заболевания, вследствие которых они не могут осознавать или полностью осознавать свое поведение. Если зависимость от алкоголя, наркотиков или азартных игр будет установлена экспертами, как психическое расстройство, то она может стать причиной ограничения дееспособности, однако были ли такие случаи на практике сказать сложно, ведь подобная судебная практика не размещена на онлайн-портале China Judges Documents, где публикуются судебные решения. Китайский пример достаточно показателен, ведь ограничение дееспособности расточителей характерно в настоящее время именно для стран постсоветского пространства, в законодательствах иных государств, таких как Китай, Италия (статья 415 Гражданского кодекса Италии [11]) Испания (статья 200 Гражданского кодекса Испании [12]) предусмотрено ограничение дееспособности только для людей с психическими или физическими расстройствами.

Расточительство как правовая категория в российском гражданском праве требует, по ряду причин, включая изменение социально-экономической обстановки относительно 2012 года, доработки. Правоведы по-разному оценивают возможные пути совершенствования механизмов защиты имущественных отношений в этой сфере. Рассмотрим постановление пленума Верховного Суда Российской Федерации, а также несколько подходов ученых к данному вопросу, выделим конкретные безрассудные траты, которые, по нашему мнению, необходимо включить в статью 30 ГК РФ.

Начнем с Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 N 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» [13], в пункте 18 которого обозначена следующая позиция: «...необходимо иметь в виду, что пункт 1 статьи 30 ГК РФ не ставит возможность ограничения дееспособности лица, злоупотребляющего спиртными напитками или наркотическими средствами, в зависимость от признания его страдающим хроническим алкоголизмом или наркоманией». При этом пристрастие к азартным играм суд характеризует как «психологическую зависимость, которая помимо труднопреодолимого влечения к игре характеризуется расстройствами поведения, психического здоровья и самочувствия гражданина, проявляется в патологическом влечении к азартным играм». Таким образом, если следо-

вать выводам Верховного Суда Российской Федерации, склонность к азартным играм может быть отнесена к недостаткам разума, упомянутым в пункте 2 статьи 30, а не к недостаткам воли, указанным в первом пункте. В связи с этим возникает вопрос: можно ли также рассматривать пристрастие к другим зависимостям как психические расстройства, ведь это даст возможность регулировать даже вновь возникающие неразумные траты людей.

Понятие «правовой резерв ГК РФ», которое и ранее упоминалось в настоящей статье, ввел в научный оборот профессор Якушев В.С., под ним понимается возможность гражданско-правового регулирования тех отношений, регулирование которых напрямую не закреплено законом. Правовой резерв исследует ряд вопросов, касающихся характеристик Гражданского кодекса Российской Федерации: «Содержит ли он возможности для регулирования отношений, которые не указаны в нем непосредственно, но по своей природе могут быть отнесены к сфере гражданского права? Может ли кодекс осуществлять регулирование отношений, которые в настоящее время не существуют, но могут возникнуть в будущем? Возможно ли введение гражданско-правовых правил, существенно отличающихся от положений кодекса?» [14, с. 128–129].

В.В. Груздева пишет о необходимости создания правового резерва регулирования расточительства. В настоящее время его в ГК РФ нет, так как список пороков воли закрытый, а признавать людей «умалишенными» как в Древнем Риме только лишь за необоснованные растраты запрещено законом РФ от 2 июля 1992 г. № 3185–1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» [15], в соответствии с которым диагноз психического расстройства не может быть основан только на том, что человек не вписывается в социальные рамки [2, с. 30–32]. Таким образом, можно дополнить список дефектов воли словами «и т.д.» или же сознательно не называть их конкретные виды, но тогда необходимо установить четкие критерии для определения у человека пороков воли. Например, это может быть совершение безрассудных трат вопреки интересам семьи, ставящих ее в тяжелое материальное положение, независимо от признания лица психически больным.

Несколько конкретных предложений высказывает в своей статье И.А. Калинина. Она предлагает изменить формулировку «свою семью» на «свою семью и себя», что позволит подчеркнуть защиту со стороны государства человека, у которого ограничена дееспособность, а не только его семьи. В настоящее время правовой институт ограничения дееспособности ориентирован на защиту интересов семьи и в связи с этим предлагается переместить его в Семейный кодекс Российской Федерации, ведь это относится к его исключительному предмету ведения. В целях поддержания этической составляющей ГК РФ слова «злоупотребление наркотиками», предлагается заменить на «употребление наркотиков» Также предлагается закрепить право кредиторов инициировать про-

цесс ограничения дееспособности, ведь их права непосредственным образом могут быть нарушены человеком, безрассудно тратящим заработанные деньги [16, с. 489–492].

С точки зрения психологии, зависимости человека можно условно классифицировать на три категории: химические (включая курение, алкоголизм, наркоманию, токсикоманию и зависимость от медицинских препаратов); биохимические (такие как анорексия, булимия, различные диеты, голодание, переедание, зависимость от сладкого и т.д.); и нехимические (например, зависимость от интернета, игровая зависимость, зависимости в любовных отношениях, шопоголизм, фанатизм и другие) [17, с. 68]. Немалая часть из указанных выше зависимостей может повлечь безрассудные траты человека на еду, внутриигровую валюту, фанатский «мерч» и т.д. Нам видится возможность возникновения пристрастия у человека ко всему, что его увлекает, включить весь перечень подобных пристрастий в ГК РФ практически невозможно, учитывая появление все новых и новых увлечений, что еще раз доказывает необходимость создания правового резерва.

По нашему мнению, к расточительству, помимо злоупотреблений и пристрастий, следует добавить подверженность влиянию со стороны третьих лиц. Это касается, например людей, состоящих в так называемых «сектах» или с точки зрения закона «объединений, деятельность которых сопровождается нарушением прав и свобод человека, посягательством на безопасность личности, общества и государства.» [18, с. 86–88]. Которые зачастую создаются для того, чтобы убедить доверчивых людей жертвовать им большие суммы денег, переписывать квартиры и прочее. Разумеется, от этого страдают и члены их семей. К примеру, на новостном портале «RuNews24» 10 января 2024 года появилась публикация о том, что «секта» вынудила мать троих детей отдать две квартиры и офис в Москве, в результате вся ее семья вынуждена была жить в однокомнатной квартире [19]. Также в наше время становятся популярными различные тренинги, на которых людям обещают добиться успеха в жизни сомнительными способами. Люди тратят колоссальные суммы на участие в различных марафонах и прочие услуги от «коучей». К примеру, по информации газеты «Новгородская правда», стоимость услуг блогера Елены Блиновской доходила до одного миллиона рублей и при этом пользовались популярностью [20], несмотря на сомнительность возможности достижения успеха по советам блогера. Этот список также не исчерпывающий и постоянно появляются новые схемы влияния на людей с целью получения прибыли.

Несмотря на явную потребность в доработке статьи 30 ГК РФ о расточительстве, этот процесс затрудняется рядом проблем и противоречий предлагаемых изменений и самого факта закрепления в законе данной правовой категории.

Как пишет Калинина И.А. о процессе рассмотрения дел об ограничении дееспособности гражданина, рассмотрение дела в суде осуществляется в соответствии с положениями главы 31 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации. К участию в процессе привлекаются прокурор и органы опеки и попечительства. Изучаются медицинские документы, а также факты обращения к соответствующим специалистам и в правоохранительные органы. В судебных разбирательствах по основаниям для ограничения дееспособности необходимо установить наличие причинно-следственной связи между зависимостью и серьезными финансовыми трудностями семьи [16, с. 490–493]. При этом подобных доказательств может не быть при наличии пристрастий человека, которые не диагностируются с медицинской точки зрения, однако влекут за собой бессмысленные траты денег, ставящие гражданина и его семью в опасность значительного ухудшения благосостояния. Как этот вопрос на данный момент решается судами непонятно, так как информация по делам, касающихся статьи 30 ГК РФ не публикуется на официальных сайтах судов.

Существует и вопрос в целом о целесообразности ограничения в дееспособности расточителя, так как если у закона имеется такая цель, как защита гражданина и его семьи, почему бы не установить определенный процент от доходов и имущества гражданина, который тот не может тратить на свое пристрастие или который должен передать семье (тот самый более мягкий подход, о котором упоминалось выше). Также существует вариант изоляции от общества на определенный период времени человека с дефектом воли в трудовой лагерь или иное заведение, направленное на поддержку и лечение данных лиц. Так, Кокорева Н.Н., Шумский В.В. и Демченко Н.В. пишут, что «В советское время на семейного алкоголика-дебошира члены семьи могли найти управу, отправив его лечиться в ЛТП (лечебно-трудовой профилакторий) на принудительное лечение от алкоголизма» [21, с. 93]. Возможно, подобные подходы к решению проблемы расточительства могут быть более эффективными, чем ограничение дееспособности.

С точки зрения профессора Покровского И.А. «при наличии норм об ограничении дееспособности вследствие наличия душевной болезни особая норма о расточительстве является излишней: как род душевной болезни, расточительство дает основание для применения этих норм» [5, с. 212]. И ведь действительно, медицина постоянно развивается и в настоящее время она может быть средством идентификации пристрастий человека, его помешанности на чем-либо. Такое положение дел позволило бы гражданам гораздо яснее понимать границы дозволенного поведения. Также предотвратило бы возможность клеветы со стороны членов семьи гражданина, ведь бывают случаи, когда родственники заинтересованы в ограничении дееспособности, с целью управления имуществом и они способны оболгать «расточителя»,

а при необходимости доказать с медицинской точки зрения наличия злоупотреблений и пристрастий показания членов семьи, видится нам, не будут иметь высокой значимости. Данная позиция не тождественна пленуму Верховного суда, о котором говорилось ранее, ведь в нем определение наличия злоупотреблений алкоголем и наркотиков не ставится в зависимость от признания человека больным алкоголизмом и наркоманией.

Следует также подчеркнуть, что противодействовать расходам, приводящим семьи к тяжелому финансовому положению, можно не только через влияние на неразумных покупателей. В настоящее время федеральный закон «О рекламе» устанавливает ограничения на рекламу, связанную с азартными играми и пари, что способствует уменьшению числа людей, склонных к азартным играм. 12 марта 2025 года на сайте информационного агентства РИА Новости появилась публикация о том, что Министерство экономического развития Российской Федерации считает целесообразным в сотрудничестве с маркетплейсами провести эксперимент по внедрению функции «самозапрета» или установления лимита на покупки на онлайн-платформах [22]. Данная мера направлена на то, чтобы защитить граждан от необдуманных, излишних трат. Федеральный закон от 13 февраля 2025 г. № 9-ФЗ [23] вводит с 1 сентября 2025 года «период охлаждения» по кредитам, данная мера позволит не совершить человеку импульсивную покупку дороже 50 тысяч, так как у него будет время на то, чтобы решить так ли она ему нужна.

Заключение

Подводя общий итог можно сказать о том, что расточительство в российском гражданском праве нуждается в серьезных изменениях. Нам видится два пути реформирования.

Во-первых, можно текст пункта 1 статьи 30 ГК РФ изменить на: «Гражданин, который в результате злоупотреблений или влияния третьих лиц осуществляет необдуманные траты, наносящие ущерб интересам своей семьи и ставящие ее в тяжелое финансовое положение, может быть признан ограниченно дееспособным по решению суда, в соответствии с гражданским процессуальным законодательством, независимо от признания его психически больным. Над ограниченно дееспособным устанавливается попечительство. Он имеет право самостоятельно совершать мелкие бытовые сделки, в то время как для других сделок требуется согласие попечителя. Тем не менее, такой гражданин несет имущественную ответственность за свои сделки и причиненный вред. Попечитель управляет и использует заработок, пенсию и другие доходы гражданина, ограниченного в дееспособности по решению суда, в интересах подопечного, согласно статье 37 Гражданского Кодекса Российской Федерации.». Это позволит отнести решение вопроса о расточительстве в более подходящую для этого отрасль права и создаст необходимый правовой резерв, критериями которого станут: наличие злоупотреблений или влияние третьих лиц,

совершение безрассудных трат, тяжелое материальное положение семьи, отсутствие связи с психическими расстройствами.

Во-вторых, можно и вовсе убрать из российского законодательства расточительство как основание для ограничения в дееспособности гражданина, а проблему безрассудных трат решать при помощи влияния на производителей, созданием лечебных учреждений для расточителей, обязательного отчисления семье расточителя процента из зарплаты на содержание или одним из других методов, не связанных с ограничением дееспособности, о котором говорилось выше.

Какой из подходов лучше сложно сказать, так как вопрос нуждается в дальнейшем изучении, как с теоретической, так и практической точки зрения.

Литература

1. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024, с изм. от 31.10.2024) // СПС «Консультант Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/a7e-ba7d96ab59aedad870b2adf2bba34dcc30c3e/ (дата обращения: 27.04.2025 г.)
2. Груздев Владислав Владимирович Расточительство в гражданском праве: постановка проблемы // Журнал российского права. 2007. № 3 (123). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rastochitelstvo-v-grazhdanskom-prave-postanovka-problemy> (дата обращения: 15.02.2025).
3. Надмидов А.А. Проблемы расточительства как основания ограничения дееспособности граждан и пути их решения // Инновационная наука. 2018. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemny-rastochitelstva-kak-osnovaniya-ogranicheniya-deesposobnosti-grazhdan-i-puti-ih-resheniya> (дата обращения: 15.02.2025).
4. «Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» от 14.11.2002 N 138-ФЗ (ред. от 01.04.2025) // СПС «Консультант Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/d1cba73262bc6538a29bef28bd74423512e22c8a (дата обращения: 27.04.2025 г.)
5. Покровский И.А. Проблема расточительства // Сборник статей по гражданскому и торговому праву. Памяти профессора Габриэля Феликс-овича Шершеневича. – М.: Статут, 2005. – 620 с.
6. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024, с изм. от 31.10.2024) // СПС «Консультант Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/a7e-ba7d96ab59aedad870b2adf2bba34dcc30c3e/ (дата обращения: 27.04.2025 г.)
7. Гражданский кодекс Республики Беларусь № 218–З от 07.12.1998 г. (в редакции Закона Республики Беларусь № 135–З от 17.07.2018 г.) Официальный сайт всемирной организации

- интеллектуальной собственности. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/18918> (дата обращения: 27.04.2025 г.)
8. Официальный сайт «M1 Casino» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://m1casino.ru> (дата обращения: 27.04.2025 г.)
 9. Тошматова А.Н. Правовое регулирование азартных игр и проблемы, возникающие при их проведении // Вестник права. – 2023. – № 3(3). – С. 29–36. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-azartnyh-igr-i-problemy-voznikayushchie-pri-ih-provedenii> (дата обращения: 18.05.2025).
 10. Гражданский кодекс Китайской Народной Республики (Принят на третьей сессии Тринадцатого Всекитайского собрания народных Представителей 28 мая 2020 года). // Электронный ресурс Wikisource. URL: https://en.wikisource.org/wiki/Civil_Code_of_the_People%27s_Republic_of_China (дата обращения: 27.04.2025 г.)
 11. Гражданский кодекс Италии (утвержден Королевским указом № 262 от 16 марта 1942 года и дополнен Указом № 291 от 7 декабря 2016 года). Официальный сайт всемирной организации интеллектуальной собственности. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/en/legislation/details/16608> (дата обращения: 27.04.2025 г.)
 12. Гражданский кодекс Испании (утвержден Королевским указом от 24 июля 1889 года). Официальный сайт всемирной организации интеллектуальной собственности. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/en/text/221319> (дата обращения: 27.04.2025 г.)
 13. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 N 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181602/ (дата обращения: 27.04.2025 г.)
 14. Кузнецова Ольга Анатольевна Научная школа профессора Василия Степановича Якушева // Вестник СГЮА. 2016. № 4 (111). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nauchnaya-shkola-professora-vasiliya-stepanovicha-yakusheva> (дата обращения: 16.03.2025).
 15. Закон РФ «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» от 02.07.1992 N 3185–1 (последняя редакция). СПС «Консультант Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4205/ (дата обращения: 27.04.2025 г.)
 16. Калинина Ирина Анатольевна Ограничение дееспособности гражданина при наличии аддикций // Право: история и современность. 2023. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ogranichenie-deеспособности-grazhdanina-pri-nalichii-addiktsiy> (дата обращения: 25.02.2025).
 17. Пахомов Вячеслав Иванович Проблема зависимости в современном обществе, виды и причины ее формирования. роль физкультуры и спорта в формировании психологической устойчивости к аддиктивному поведению // Автономия личности. 2021. № 3 (26). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-zavisimosti-v-sovremennom-obschestve-vidy-i-prichiny-ee-formirovaniya-rol-fizkultury-i-sporta-v-formirovanii> (дата обращения: 01.03.2025).
 18. Муру Рубен Николаевич, Со Андрей Александрович Правовое определение понятия «секта» // Власть. 2009. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-opredelenie-ponyatiya-sekta> (дата обращения: 01.03.2025).
 19. Информационно-новостной портал «RuNews24» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://runews24.ru/incidents/10/01/2024/moshennicheskaya-sekta-prinudila-moskvichkuto-dat-dve-kvartiry-i-ofis> (дата обращения: 27.04.2025 г.)
 20. Общественно-политическая и деловая газета Нижегородской области «Новгородская правда» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravda-nn.ru/turbopages.org/pravda-nn.ru/s/articles/koroleva-marafonov-kak-blogersha-elena-blinovskaya-zarabotala-milliardyna-ispolnenii-zhelanii/>
 21. Кокорева Н. Н., Шумский В.В., Демченко Н.В. Лечебно-трудовые профилактории в современной России: проблемы профилактики насилия на почве алкоголизма в семье // ППД. 2016. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lechebno-trudovye-profilaktorii-v-sovremennoy-rossii-problemy-profilaktiki-nasiliya-na-pochve-alkogolizma-v-semie> (дата обращения: 13.03.2025).
 22. Государственное информационное агентство «РИА Новости» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru/20250312/minekonomrazvitiya-2004440962.html> (дата обращения: 27.04.2025 г.)
 23. Федеральный закон от 13.02.2025 N 9-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» СПС «Консультант Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_498604/ (дата обращения: 27.04.2025 г.)

PREREQUISITES FOR CHANGING THE REGULATION OF WASTE AS A LEGAL CATEGORY OF RUSSIAN CIVIL LAW

Yashin K.A.

Financial university under the Government of the Russian Federation

The article examines the concept and legal regulation of prodigality as a ground for limiting legal capacity under Article 30 of the Civil Code of the Russian Federation, as well as identifies gaps in this institution. A comparative legal analysis of the legislation of Ukraine, Belarus, Germany, and China has been conducted, revealing specific features and development trends. It is established that Russian civil legislation requires a legal framework to address new forms of reckless spending and to expand the range of persons entitled to initiate the process of limiting legal capacity. Proposals for improving the institution of prodigality and adapting it to modern socioeconomic conditions are formulated.

Keywords: waste, disability, legal reserve, reckless spending, comparative analysis

References

1. "Civil Code of the Russian Federation (Part One)" of November 30, 1994 N 51-FZ (as amended on August 8, 2024, as amended on October 31, 2024) // SPS "Consultant Plus". URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/a7eba7d96ab59aedad870b2adf2bba34dcc30c3e/ (accessed on April 27, 2025)
2. Vladislav Vladimirovich Gruzdev. Waste in Civil Law: Statement of the Problem // Journal of Russian Law. 2007. No. 3 (123). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rastochitelstvo-v-grazhdanskom-prave-postanovka-problemy> (accessed: 15.02.2025).
3. Nadmidov A.A. Problems of Wastefulness as a Ground for Limiting the Legal Capacity of Citizens and Ways to Solve Them // Innovative Science. 2018. No. 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-rastochitelstva-kak-osnovaniya-ogranicheniya-deesposobnosti-grazhdan-i-puti-ih-resheniya> (accessed: 15.02.2025).
4. "Civil Procedure Code of the Russian Federation" dated 14.11.2002 N 138-FZ (as amended on 01.04.2025) // SPS "Consultant Plus". URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/d1cba73262bc6538a29bef28bd74423512e-22c8a (accessed on April 27, 2025)
5. Pokrovsky, I. A. "The Problem of Waste" // Collection of Articles on Civil and Commercial Law. In Memory of Professor Gabriel Felixovich Shershenevich. Moscow: Statut, 2005, 620 p.
6. "Civil Code of the Russian Federation (Part One)" dated November 30, 1994 N 51-FZ (as amended on August 8, 2024, as amended on October 31, 2024) // SPS "Consultant Plus". URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/a7eba7d96ab59aedad870b2adf2bba34dcc30c3e/ (accessed on April 27, 2025)
7. Civil Code of the Republic of Belarus No. 218-Z of December 7, 1998 (as amended by Law of the Republic of Belarus No. 135-3 of July 17, 2018) Official website of the World Intellectual Property Organization. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/18918> (accessed on April 27, 2025)
8. Official website of "M1 Casino" [Electronic resource]. – Access mode: <https://m1casino.ru> (date of access: 27.04.2025)
9. Toshmatova A.N. Legal regulation of gambling and problems arising during its conduct // Bulletin of Law. – 2023. – No. 3(3). – Pp. 29–36. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-azartnyh-igr-i-problemy-voznikayushchie-pri-ih-provedenii> (date of access: 18.05.2025).
10. Civil Code of the People's Republic of China (Adopted at the third session of the Thirteenth National People's Congress on May 28, 2020). // Electronic resource Wikisource. URL: https://en.wikisource.org/wiki/Civil_Code_of_the_People%27s_Republic_of_China (accessed on 27 April 2025)
11. Civil Code of Italy (approved by Royal Decree No. 262 of 16 March 1942 and supplemented by Decree No. 291 of 7 December 2016). Official website of the World Intellectual Property Organization. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/en/legislation/details/16608> (accessed on 27 April 2025)
12. Civil Code of Spain (approved by Royal Decree of 24 July 1889). Official website of the World Intellectual Property Organization. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/en/text/221319> (accessed on 27.04.2025)
13. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 23.06.2015 N 25 "On the Application by Courts of Certain Provisions of Section I of Part One of the Civil Code of the Russian Federation" // SPS "Consultant Plus". URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181602/ (accessed on 27.04.2025)
14. Kuznetsova Olga Anatolyevna Scientific School of Professor Vasily Stepanovich Yakushev // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2016. No. 4 (111). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nauchnaya-shkola-professora-vasiliya-stepanovicha-yakusheva> (accessed: 16.03.2025).
15. Law of the Russian Federation "On Psychiatric Care and Guarantees of Citizens' Rights in the Provision thereof" dated 02.07.1992 N 3185-1 (latest revision). SPS "Consultant Plus". URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4205/ (accessed: 27.04.2025)
16. Kalinina, Irina Anatolyevna, "Limiting the Legal Capacity of a Citizen in the Presence of Addictions" // Law: History and Modernity. 2023. No. 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ogranichenie-deesposobnosti-grazhdanina-pri-nalichii-addiktsiy> (date accessed: 25.02.2025).
17. Pakhomov Vyacheslav Ivanovich The problem of addiction in modern society, types and reasons for its formation. The role of physical education and sports in the formation of psychological resistance to addictive behavior // Autonomy of the individual. 2021. No. 3 (26). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-zavisimosti-v-sovremennom-obschestve-vidy-i-prichiny-ee-formirovaniya-rol-fizkultury-i-sporta-v-formirovani> (date accessed: 01.03.2025).
18. Muru Ruben Nikolaevich, So Andrey Aleksandrovich, Legal Definition of the Term "Sect" // Vlast. 2009. No. 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-opredelenie-ponyatiya-sekta> (accessed: 01.03.2025).
19. Information and News Portal "RuNews24" [Electronic Resource]. – Access Mode: <https://runews24.ru/incidents/10/01/2024/moshennicheskaya-sekta-prinudila-moskvichku-otdat-dve-kvartiry-i-ofis> (date of access: 27.04.2025)
20. Socio-political and business newspaper of the Nizhny Novgorod region "Novgorodskaya Pravda" [Electronic resource]. – Access mode: <https://pravda-nn.ru/turbopages.org/pravda-nn.ru/s/articles/koroleva-marafonov-kak-blogersha-elena-blinovskaya-zarabotala-milliardy-na-ispolnenii-zhelanii/>
21. Kokoreva N.N., Shumsky V.V., Demchenko N.V. Therapeutic and labor dispensaries in modern Russia: problems of preventing alcohol-related violence in the family // PPD. 2016. No. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lechebno-trudovye-profilaktorii-v-sovremennoy-rossii-problemy-profilaktiki-nasiliya-na-pochve-alkogolizma-v-semie> (accessed: 13.03.2025).
22. State Information Agency "RIA Novosti" [Electronic resource]. – Access mode: <https://ria.ru/20250312/minekonomrazvitiya-2004440962.html> (accessed: 27.04.2025)
23. Federal Law of 13.02.2025 N 9-FZ "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" SPS "Consultant Plus". URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_498604/ (accessed: 27.04.2025)

Лишение жизни и причинение вреда здоровью одним спортсменом другому как обстоятельство, исключающее преступность деяния

Айрапетян Марина Камоевна,

аспирантка кафедры уголовного права, Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), партнер Адвокатского бюро г. Москвы «Верные партнеры»
E-mail: ayrapetyan@loyal.partners

В статье рассматриваются актуальные проблемы уголовно-правовой оценки действий спортсменов, повлекших причинение вреда жизни и здоровью участников спортивных мероприятий. Актуальность исследования обусловлена недостаточной разработанностью данного вопроса в науке уголовного права. Методологическая основа исследования в том числе включает анализ нормативного регулирования спортивных отношений, основанного на принципе автономности и включающего как правовые, так и корпоративные нормы *lex sportiva*. Автор предлагает определение лишения жизни и причинения вреда здоровью в процессе спортивного мероприятия как обстоятельства, исключающего преступность деяния. В работе исследуются основания и условия правомерности причинения такого вреда. Автор предлагает систематизацию оснований и условий правомерности причинения такого вреда, разделяя их на две категории: относящиеся к спортивному мероприятию и к поведению спортсмена. Отдельное внимание уделяется критерию соответствия поведения спортсмена спортивным правилам. Обосновывается необходимость применения широкого подхода, признающего правомерным поведение спортсмена, которое формально нарушает правила конкретного вида спорта, но соответствует игровой культуре. В статье сформулировано определение превышения пределов правомерности причинения вреда в процессе спортивного мероприятия. Автор предлагает критерии для установления цели причинения вреда, не характерного для конкретного вида спорта.

Ключевые слова: обстоятельства, исключающие преступность деяния, причинение вреда жизни и здоровью, *lex sportiva*, *fair play*, квалификация преступлений; осознанное нарушение специальных правил.

Вопросы уголовно-правовой оценки действий спортсменов, повлекших причинение вреда здоровью участников спортивных мероприятий, не получили в науке уголовного права должного освещения. Существующая неопределенность в вопросах квалификации подобных деяний требует детального исследования с учетом специфики спортивных отношений и особенностей правового регулирования в сфере спорта.

Специфика нормативного регулирования спорта

Нормативное регулирование спортивных отношений основано на принципе автономности. Спортивные отношения регулируются нормативными правовыми актами и внеправовыми корпоративными нормами *lex sportiva*¹. При определении границ правомерного поведения спортсменов в процессе спортивного мероприятия необходимо учитывать внеправовое нормативное регулирование спортивных отношений.

Нормы *lex sportiva* выработаны национальными и международными неправительственными организациями Олимпийского движения и не входят в конкретную национальную или международную правовую систему².

Принципы и правила игры выделены в отдельную категорию в системе *lex sportiva* – *lex ludica*. Данная категория охватывает две составляющие – официальные правила игры, которые Спортивный арбитражный суд (CAS) рассматривает как священные и неприкосновенные для юридического вмешательства, и этические принципы спорта («спортивный дух»)³.

Национальные правила по своей сути также являются локальными нормами, которые неправительственные организации, а именно спортивные федерации, принимают для внутреннего пользования только субъектами спорта. Формально же правила становятся нормативными правовыми актами, но зависимыми от международных актов *lex sportiva*, дублирующими их содержание и признающими их безусловный приоритет.

Международное спортивное право базируется на общих международно-правовых принципах, а также на некоторых специальных – принцип *Fair*

¹ Блажеев В.В., Байрамов В.М. [и др.] Спортивное право России: учебник для магистров / отв. ред. Д.И. Рогачев. – М.: Проспект, 2023. – С. 40.

² Захарова Л.И. *Lex mercatoria* и *lex sportiva*: особенности, сходства и различия // *Lex Russica*. 2019. № 11 (156). С. 73.

³ Ken Foster. *Lex Sportiva* and *Lex Ludica*: the Court Of Arbitration for Sport's Jurisprudence. *Entertainment and Sports Law Journal*. 2005. Vol. 3. № 2. P. 2.

Play (духа честной игры), принцип борьбы с любыми формами дискриминации, принцип сохранения окружающей среды¹.

Международные спортивные правила содержат положения об их единстве и обязательности на всех уровнях игры и во всех странах². Международные правила в иерархии источников спортивного права стоят выше национальных правил. При возникновении коллизии приоритет отдается международным правилам.

Основания и условия правомерности лишения жизни и причинения вреда здоровью

Принцип Fair play (честной игры) приобретает важное значение для определения степени распространения уголовного права на отношения по причинению вреда, возникающие в процессе спортивных мероприятий. Данный принцип предполагает честную спортивную борьбу, состязание, в котором нет места цели причинения вреда, необоснованного и не вызванного спортивной необходимостью. Единоборства и контактные виды спорта предполагают применение физической силы и, как следствие, причинение вреда. Однако эти действия не должны противоречить «духу», «культуре» игры, поединка и должны быть направлены на достижение спортивного результата, а не на причинение вреда.

Лишение жизни или причинение вреда здоровью одним спортсменом другому является не закрепленным в законе, но применяемым на практике, обстоятельством, исключающим преступность деяния.

Правомерность лишения жизни или причинения вреда здоровью обуславливается основанием и условиями правомерности.

Основанием правомерности лишения жизни или причинения вреда здоровью другого спортсмена, как обстоятельства исключающего преступность деяния, является их наступление в процессе легального спортивного мероприятия (тренировочно-подготовительного этапа или спортивного соревнования). Понятие спортивного мероприятия содержится в п. 19 ст. 2 Федерального закона от 04.12.2007 N 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в РФ».

Условия правомерности причинения такого вреда жизни и здоровью характеризуются двумя группами признаков. Первая группа признаков относится к спортивному мероприятию, вторая к поведению спортсмена.

Спортивное мероприятие должно быть разрешенным и легальным.

Вид спорта является разрешенным, если он включен во Всероссийский реестр видов спорта. Порядок признания видов спорта, спортивных дис-

циплин и включения их во Всероссийский реестр видов спорта и порядок его ведения утвержден приказом Минспорта России от 24.08.2018 № 739. Решение о признании вида спорта оформляется приказом Министерства спорта РФ.

Легальность предполагает:

- проведение спортивного мероприятия в соответствии с нормативными правовыми актами;
- включенность соревнования в Единый календарный план межрегиональных, всероссийских и международных физкультурных мероприятий и спортивных мероприятий. План ежегодно утверждается Министерством спорта РФ;
- наличие утвержденного организатором регламента спортивного соревнования³;

Действия спортсмена регламентированы спортивными правилами. Ссылка на спортивные правила, по которым проводится спортивное соревнование, должны содержаться в положении (регламенте) спортивного соревнования⁴. Это могут быть как национальные, так и международные правила.

- осуществление тренировочного процесса легально, т.е. лицом, отвечающим требованиям, предъявляемым спортивным законодательством к тренеру⁵, на базе спортивного учреждения, действующего в соответствии с законом⁶;
- информированность спортсмена о риске причинения вреда жизни и здоровью в результате участия в спортивном мероприятии.

Например, в анкете участника соревнований по боксу спортсмен указывает, что он понимает степень риска и принимает на себя ответственность за возможное причинение ущерба здоровью в результате участия в матче⁷.

Среди условий правомерности, характеризующих поведение спортсмена, можно выделить следующие.

Соблюдение спортсменом спортивных правил, т.е. поведение спортсмена, полностью соответствующее официальным спортивным правилам или поведение, которое формально нарушает спортивные правила, но является частью игровой культуры конкретного вида спорта;

В зарубежной доктрине и судебной практике стран прецедентного права существует два основных подхода к оценке правомерности причинения вреда на спортивной площадке.

³ ч. 6 ст. 20 ФЗ «О физической культуре и спорте в РФ» от 04.12.2007 № 329-ФЗ.

⁴ Приказ Министерства спорта РФ от 01.07.2013 № 504 «Об утверждении Общих требований к содержанию положений (регламентов) о межрегиональных и всероссийских официальных физкультурных мероприятиях и спортивных соревнованиях, предусматривающих особенности отдельных видов спорта» // Российская газета. 2013. № 229.

⁵ Приказ Минтруда России от 27.04.2023 № 362 «Об утверждении профессионального стандарта «Тренер» (Зарегистрировано в Минюсте России 25.05.2023 № 73442).

⁶ Постановление Правительства РФ от 30.01.2023 № 129 «Об утверждении Правил оказания физкультурно-оздоровительных услуг».

⁷ Анкета участника соревнований по боксу (утв. Приказом Минспорта России от 21.12.2023 № 1046).

¹ Захарова Л.И. Международное спортивное право: учебник для бакалавров / отв. ред. К.А. Бекашев. – Москва, Проспект, 2017. – С. 7–73.

² например, Правила игры IFAB в футбол на сезон 2024/2025 // URL: <https://www.theifab.com/laws-of-the-game-documents/?language=all&year=2024%2F25> (дата обращения: 28.09.2025).

Первый подход, известный как «правила игры» (rules of the game или the rules-based standard), основывается на строгом следовании установленным правилам. Согласно этому подходу, причинение вреда считается правомерным только в том случае, если оно произошло в результате действий, полностью соответствующих спортивным правилам. Отклонение от правил может повлечь за собой уголовную ответственность.

Второй подход, называемый «культурой игры» (part of the game или playing culture), принимает во внимание реалии спортивного мероприятия. В его основе лежит понимание того, что в ходе тренировок и соревнований спортсмены нередко применяют физические приемы, формально выходящие за пределы разрешенных правилами. Участники спортивных мероприятий соглашаются с возможностью подобных действий, поскольку они являются неотъемлемой частью спортивной борьбы¹.

Помимо правил, «культура игры» включает кодексы поведения, обычаи, тактику игры, часто встречающиеся случаи нарушения правил, нечестной игры, которые стали обычной практикой².

К критериям, относящимся к поведению спортсмена, также относится отсутствие цели причинения такого вреда жизни и здоровью, который не является характерным для данного вида спорта.

Следующим условием являются обстоятельства времени лишения жизни и причинения вреда здоровью, то есть вред причиняется спортсменом в рамках игрового времени (поединка) либо во время тренировочно-подготовительного этапа.

Лишение жизни или причинение вреда жизни и здоровью одним спортсменом другому вне игрового времени (поединка) либо тренировочно-подготовительного этапа влечет ответственность на общих основаниях.

Последним условием, которое касается поведение спортсмена, является причинение вреда другому спортсмену. Причинение вреда иным лицам, присутствующим на спортивном мероприятии, но непосредственно в спортивной борьбе не участвующим, подлежит уголовно-правовой оценке на общих основаниях.

Действия спортсмена, причинившего вред иным лицам, присутствующим на спортивном мероприятии, но непосредственно в спортивной борьбе не участвующим, также подлежат квалификации по общим правилам.

Рассуждая на тему уголовной ответственности за причинение вреда в результате нарушения спортивных правил, исследователи используют понятия умышленного и неосторожного, преднамеренного и непреднамеренного нарушения спортивных правил³.

¹ Mohamadinejad A., Mirsafian H., Nemes A., Soltanohseini M. Op.cit. P. 35.

² Pendlebury A. The Regulation of on-the-ball Offences: Challenges in Court // Entertainment and Sports Law Journal. 2012. Vol. 10.

³ Красиков А.Н. Сущность и значение согласия потерпевшего в советском уголовном праве. – С.: Изд-во Саратов. ун-та, 1976. – С. 115; Шаргородский М.Д. Преступления против жизни

и здоровья. М., 1948. С. 371; Орехов В.В. Необходимая оборона и иные обстоятельства, исключающие преступность деяния / В.В. Орехов. – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2003. – С. 164; Келина С.Г. Профессиональный риск как обстоятельство, исключающее преступность деяния / С.Г. Келина // Советская юстиция. – 1988. – № 22. – С. 15; Мельникова В.О профессиональном и хозяйственном риске / В. Мельникова // Советская юстиция. – 1989. – № 2. – С. 22;

Полагаем, что нарушение правил можно разделить лишь на осознанное и неосознанное, так как возможно установить только интеллектуальный элемент отношения к нарушению специальных правил.

В.Н. Кудрявцев указывал: «Нарушение правил может быть как осознанным, так и не осознанным (при наличии возможности и обязанности это осознавать). Однако разное психическое отношение к нарушению правил не меняет неосторожности как формы виновности в данном преступлении, не превращает ее в смешанную вину и не является признаком, разграничивающим смежные преступления»⁴.

Н.И. Пикуров применительно к транспортным преступлениям выделяет возможные варианты интеллектуального компонента психического отношения водителя к факту нарушения правил дорожного движения: а) осознание этого обстоятельства; б) отсутствие осознания того, что происходит нарушение правил и в) смешанное отношение⁵.

Автор предложил критерии разграничения осознанного и неосознанного нарушения правил:

- четкость и недвусмысленность формулировки правил;
- значительность (существенность) отклонения от требования правил;
- продолжительность нарушения правил⁶.

Аналогично спортсмен может нарушать спортивные правила осознанно и неосознанно. Умысел и неосторожность могут быть установлены только в отношении последствий в виде лишения жизни и причинения вреда здоровью.

Можно предложить следующие критерии, которые помогут установить цель причинения вреда, не характерного для данного вида спорта:

1. Предполагают ли правила конкретного вида спорта физический контакт.
2. Продолжительность нарушения спортивных правил.
3. Интенсивность физического контакта, продиктован ли он спортивной необходимостью или явно выходит за ее пределы.
4. Пропорциональность ответного контакта, можно ли определить действие как инстинктивную (рефлекторную) реакцию на действия соперника.
5. Насколько действия были предсказуемы и ожидаемы с учетом культуры данного вида спорта?

и здоровья. М., 1948. С. 371; Орехов В.В. Необходимая оборона и иные обстоятельства, исключающие преступность деяния / В.В. Орехов. – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2003. – С. 164; Келина С.Г. Профессиональный риск как обстоятельство, исключающее преступность деяния / С.Г. Келина // Советская юстиция. – 1988. – № 22. – С. 15; Мельникова В.О профессиональном и хозяйственном риске / В. Мельникова // Советская юстиция. – 1989. – № 2. – С. 22;

⁴ Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. – М., «Юридическая литература». 1972. С. 173.

⁵ Пикуров Н.И. Основные тенденции развития законодательства об ответственности за транспортные преступления // Законы России: опыт, анализ, практика. № 4. 2023. С. 85–92.

⁶ Пикуров Н.И. Квалификация транспортных преступлений: Научно-практическое пособие. – М.: РАП. 2011. С. 73.

6. Сопутствующие нарушению обстоятельству – манера, в которой проводилось конкретное мероприятие; характер (стиль) судейства мероприятия.

Неправомерным лишение жизни и причинение вреда здоровью становится при наличии в действиях спортсмена цели причинения вреда, который не характерен для данного вида спорта. Такая цель идет вразрез с принципом честной спортивной борьбы. В таком случае действия спортсмена подлежат квалификации как умышленное причинение смерти или вреда здоровью. Неосторожное причинение смерти или вреда здоровью или умышленное, но в отсутствие указанной цели, не является основанием для привлечения спортсмена к уголовной ответственности.

Участник поединка любого единоборства предвидит возможность наступления последствий в виде причинения вреда здоровью и сознательно допускает эти последствия либо относится к ним безразлично.

Таким образом, не является преступлением лишение жизни или причинение вреда здоровью одним спортсменом другому в процессе легального спортивного мероприятия по разрешенному виду спорта при соблюдении правил, регламентирующих тренировочно-подготовительный этап или спортивное соревнование при отсутствии такой цели.

Под *превышением пределов правомерности* лишения жизни или причинения вреда здоровью одним спортсменом другому в процессе спортивного мероприятия либо тренировочно-подготовительного этапа понимается причинение такого вреда, который не является характерным для данного вида спорта.

Спортивная сфера регулируется специфично, спортивное право представляет собой по сути совокупность исключений из общих норм иных отраслей права. При уголовно-правовой оценке причиненного при занятиях спортом вреда необходимо учитывать специфику общественных отношений в спорте, которые не только предполагают, но иногда и поощряют причинение физического вреда. Социальная терпимость к спортивному насилию должна быть ограничена разумными пределами. Многие виды спорта претерпели существенные изменения, эволюционировали в сторону большего обеспечения безопасности спортсменов. Правоохранительные органы должны реагировать на случаи проявления особой жестокости на игровой площадке, когда действия спортсмена не соответствуют игровой обстановке, и тем более, если они предпринимаются с намерением причинить вред. Однако уголовно-правовое вмешательство должно быть минимальным, автономная система спортивных органов должна сама реагировать на случаи нечестной игры и привлекать спортсменов к дисциплинарной ответственности, которая может лишить агрессивного спортсмена, представляющего опасность для других игроков, профессионального будущего.

Литература

1. Блажеев В.В., Байрамов В.М. [и др.] Спортивное право России: учебник для магистров / отв. ред. Д.И. Рогачев. – М.: Проспект, 2023. – 640 с.
2. Захарова Л.И. Lex mercatoria и lex sportiva: особенности, сходства и различия // Lex Russica. 2019. № 11 (156). С. 70–78.
3. Захарова Л.И. Международное спортивное право: учебник для бакалавров / отв. ред. К.А. Бекашев. – Москва, Проспект, 2017. – 270 с.
4. Красиков А.Н. Сущность и значение согласия потерпевшего в советском уголовном праве. – С.: Изд-во Саратов. ун-та, 1976. – 121 с.
5. Келина С.Г. Профессиональный риск как обстоятельство, исключающее преступность деяния / С.Г. Келина // Советская юстиция. – 1988. – № 22.
6. Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. – М., «Юридическая литература». 1972. – 352 с.
7. Мельникова В. О профессиональном и хозяйственном риске / В. Мельникова // Советская юстиция. – 1989. – № 2.
8. Орехов В.В. Необходимая оборона и иные обстоятельства, исключающие преступность деяния / В.В. Орехов. – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2003.
9. Пикуров Н.И. Основные тенденции развития законодательства об ответственности за транспортные преступления // Законы России: опыт, анализ, практика. № 4. 2023. С. 85–92.
10. Пикуров Н.И. Квалификация транспортных преступлений: Научно-практическое пособие. – М.: РАП. 2011. – 168 с.
11. Шаргородский М.Д. Преступления против жизни и здоровья. М., 1948. – 512 с.
12. Ken Foster. Lex Sportiva and Lex Ludica: the Court Of Arbitration for Sport's Jurisprudence. Entertainment and Sports Law Journal. 2005. Vol. 3. № 2.
13. Mohamadinejad A., Mirsafian H., Nemes A., Soltanhoseini M. Assumption of Risk and Consent Doctrine in Sport // Physical culture and sport. Studies and research. 2012. Vol. 55. 30–38 p.
14. Pendlebury A. The Regulation of on-the-ball Offences: Challenges in Court // Entertainment and Sports Law Journal. 2012. Vol. 10.

DEPRIVATION OF LIFE AND CAUSING HARM TO HEALTH BY ONE ATHLETE TO ANOTHER AS A CIRCUMSTANCE THAT EXCLUDES THE CRIMINALITY OF THE ACT

Airapetian M.K.

Kutafin Moscow State Law University

This article examines current issues in the criminal law assessment of athletes' actions that result in harm to the life and health of participants in sporting events. The relevance of the study stems from the insufficient development of this issue in criminal law. The methodological basis of the study includes an analysis of the regulatory

framework for sporting relations, based on the principle of autonomy and incorporating both legal and corporate norms of *lex sportiva*. The author proposes a definition of deprivation of life and harm to health during a sporting event as circumstances precluding the criminality of an act. The paper examines the grounds and conditions for the legality of causing such harm. The author proposes a systematization of the grounds and conditions for the legality of causing such harm, dividing them into two categories: those related to the sporting event and those related to the athlete's behavior. Special attention is given to the criterion of compliance of the athlete's behavior with the rules of the sport. The need for a broad approach is substantiated, recognizing as lawful the behavior of an athlete that formally violates the rules of a particular sport but is consistent with the culture of the game. This article defines the excess of legal harm during a sporting event. The author proposes criteria for establishing the intent of harm that is not specific to a particular sport.

Keywords: Circumstances precluding the criminality of an act, causing harm to life and health, *lex sportiva*, fair play, classification of crimes; deliberate violation of special rules.

References

1. Blazheev V.V., Bayramov V.M. [et al.] Sports Law of Russia: a textbook for master's students / ed. D.I. Rogachev. – Moscow: Prospect, 2023. – 640 p.
2. Zakharova L.I. *Lex mercatoria* and *lex sportiva*: features, similarities and differences // *Lex Russica*. 2019. No. 11 (156). Pp. 70–78.
3. Zakharova L.I. *International Sports Law: a textbook for bachelors* / ed. K.A. Bekyashev. – Moscow, Prospect, 2017. – 270 p.
4. Krasikov A.N. The essence and significance of the consent of the victim in Soviet criminal law. – St. Petersburg: Saratov Publishing House. University, 1976. – 121 p.
5. Kelina S.G. Professional risk as a circumstance excluding the criminality of an act / S.G. Kelina // *Soviet justice*. – 1988. – No. 22.
6. Kudryavtsev V.N. General theory of crime qualification. – M., "Legal Literature". 1972. – 352 p.
7. Melnikova V. On professional and economic risk / V. Melnikova // *Soviet justice*. – 1989. – No. 2.
8. Orekhov V.V. Necessary defense and other circumstances excluding the criminality of an act / V.V. Orekhov. – St. Petersburg: Publishing house "Legal center Press", 2003.
9. Pikurov, N.I. "Main Trends in the Development of Legislation on Liability for Transport Crimes." *Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice*. No. 4. 2023. pp. 85–92.
10. Pikurov, N.I. "Qualification of Transport Crimes: A Scientific and Practical Guide." Moscow: RAP. 2011. 168 p.
11. Shargorodsky, M.D. "Crimes against Life and Health." Moscow, 1948. 512 p.
12. Ken Foster. *Lex Sportiva and Lex Ludica: the Court Of Arbitration for Sport's Jurisprudence*. *Entertainment and Sports Law Journal*. 2005. Vol. 3. № 2.
13. Mohamadinejad A., Mirsafian H., Nemes A., Soltanohseini M. Assumption of Risk and Consent Doc-trine in Sport // *Physical culture and sport. Studies and research*. 2012. Vol. 55. 30–38 p.
14. Pendlebury A. The Regulation of on-the-ball Offences: Challenges in Court // *Entertainment and Sports Law Journal*. 2012. Vol. 10.

Получение компьютерной информации в оперативно-розыскной деятельности полиции: проблемы и совершенствование форм взаимодействия

Алексанин Александр Сергеевич,

преподаватель кафедры оперативно-розыскной деятельности в ОВД, Санкт-Петербургского университета МВД России
E-mail: aleksgpd@gmail.com

В условиях цифровой трансформации преступности получение компьютерной информации постепенно становится одним из ключевых оперативно-розыскных мероприятий. Его эффективное проведение напрямую зависит от слаженного взаимодействия оперативных подразделений, осуществляющих оперативно-розыскные мероприятия, и следователей, использующих полученные результаты в уголовном процессе. Однако на практике это взаимодействие сопряжено с рядом системных проблем, что обуславливает необходимость их научного осмысления и выработки путей решения. Субъекты оперативно-розыскной деятельности МВД России и органы предварительного следствия являются самостоятельными единицами, в подавляющем большинстве случаев независимыми друг от друга в административном отношении. Они наделены различными функциями, которые реализуются с помощью специфических для каждого из этих подразделений средств и методов. В то же время, как оперативные подразделения полиции, так и следственные органы в области борьбы с преступностью решают одну общую актуальную задачу – своевременное предупреждение и раскрытие преступлений в области компьютерной информации.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, оперативно-розыскное мероприятие, получение компьютерной информации, оперативные подразделения, взаимодействие, уголовный процесс, органы предварительного следствия, цифровые доказательства.

Взаимодействие сотрудников оперативных подразделений полиции и следственных органов имеет существенное значение для реализации задач по предупреждению, выявлению, пресечению и раскрытию преступлений, совершаемых в области компьютерной информации. В этой связи немаловажное значение имеет уяснение сущности взаимодействия названных подразделений, изучение правовых основ его возникновения, условий, при которых оно возможно, форм взаимодействия и других вопросов, относящихся к его организации и практическому осуществлению.

Как известно, названные подразделения являются самостоятельными единицами, независимыми друг от друга в административном отношении. Они наделены различными функциями, которые реализуются с помощью специфических для каждого из этих подразделений средств и методов. В то же время, как оперативные подразделения полиции, так и следственные органы в области борьбы с преступностью решают одну общую актуальную задачу – своевременное предупреждение и раскрытие преступлений рассматриваемой категории.

Кроме того, некоторые оперативные подразделения полиции, помимо своих основных функций, наделены также функциями органов дознания. Исходя из компетенции названных подразделений, между ними возникают сложные взаимосвязи, строго ограниченные рамками определенных условий, лишь при наличии которых они могут взаимодействовать и осуществлять деловое сотрудничество (например, при условии обязательного исключения сращивания их функций, соблюдения самостоятельности каждого подразделения в выборе средств и методов при осуществлении взаимодействия и т.д.).

Анализируя взаимодействие названных подразделений, нельзя не сказать и о важном практическом (фактическом) элементе его начала. Возникновение данного элемента невозможно лишь на основании наличия соответствующих правовых норм. Для его появления, помимо правовых предписаний, требуются конкретные практические обстоятельства и фактические ситуации. Эти ситуации порождаются деятельностью потенциальных субъектов и побуждают одного из них вступать во взаимодействие с другим.

Рассматриваемый в данной статье вопрос следует исследовать с точки зрения требований нормативно-правовых актов Российской Федера-

ции в части хранения и обработки компьютерной информации.

С 6 июля 2016 г. вступили в силу изменения в Федеральном законе «О связи», в соответствии с которыми операторы связи на территории Российской Федерации обязаны хранить ее территории информацию о фактах приема, передачи, доставки и (или) обработки голосовой информации, текстовых сообщений, изображений, звуков, видео– или иных сообщений пользователей услугами связи в течение трех лет с момента окончания осуществления таких действий[1].

Согласно п. 1.1 ст. 64 Федерального закона «О связи» операторы связи обязаны представлять органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность или обеспечение безопасности Российской Федерации, указанную информацию, информацию о пользователях услугами связи и об оказанных им услугах связи и иную информацию, необходимую для выполнения возложенных на эти органы задач, в случаях, установленных федеральными законами.

Если рассматривать данную трактовку с другой стороны, без судебного решения уполномоченные органы знакомятся только со справочными сведениями об абонентах связи и об оказании услуг связи, включая данные об абонентах связи и об оказании услуг связи, включая данные об абонентских номерах, кодах идентификации, адресе установки оборудования, если для их установления не требуется анализ трафика соединений.

Однако наличие доступа к информации не включает обязанность органа, инициирующего проведение оперативно-розыскных мероприятий (в том числе органа предварительного следствия), получить разрешение суда в случае ограничения тайны телефонных переговоров и сообщений. Иначе утратили бы значение вытекающие из Конституции Российской Федерации гарантии недопущения произвольного вмешательства в охраняемую сферу частной жизни граждан.

Федеральным законом от 6 июля 2016 г. введены дополнения в Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», в том числе в п.п. 1 п. 3 ст. 10.1, согласно которому организатор распространения информации в сети Интернет обязан хранить на территории Российской Федерации информацию о фактах приема, передачи, доставки и (или) обработки голосовой информации, письменного текста, изображений, звуков, видео– или иных электронных сообщений пользователей сети Интернет и информацию об этих пользователях в течение одного года с момента окончания осуществления таких действий.

В актуальном состоянии состав рассматриваемой информации и порядок ее предоставления уполномоченным органам определены Правительством Российской Федерации[2]. По действующим правилам подлежат хранению сведения о пользователях сети (идентификатор пользователя, сведения, указанные им при регистрации, сетевые адре-

са и т.д.), о совершенных коммуникациях (включая время приема, передачи, доставки и (или) обработки электронных сообщений), о совершенных денежных операциях (идентификатор платежной системы, валюты, сумма и др.). Эта информация не включает содержание электронных сообщений пользователей, направляемых или получаемых ими в рамках обмена данными с иными пользователями в сети Интернет, и предоставляется уполномоченным органам по запросу без разрешения суда.

Кроме того, ст. 10.1 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» дополнена пунктом 3.1, в соответствии с которым организаторы распространения информации в сети Интернет предоставляют указанную информацию органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность или обеспечение безопасности Российской Федерации, в случаях, установленных федеральными законами.

Нормативно установлено, что с 1 июля 2018 г. действуют изменения, внесенные в вышеуказанные федеральные законы, обязывающие хранить до шести месяцев с момента окончания приема, передачи, доставки и (или) обработки:

- операторов связи – текстовые сообщения пользователей услугами связи, голосовую информацию, изображения, звуки, видео-, иные сообщения (п.п. 2 п. 1 ст. 64 ФЗ «О связи»);
- организаторов распространения информации в сети Интернет – текстовые сообщения пользователей сети Интернет, голосовую информацию, изображения, звуки, видео-, иные электронные сообщения (п.п. 2 п. 3 ст. 10.1 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»).

В текущий период времени порядок, сроки и объем хранения такой информации определены постановлением Правительства Российской Федерации от 26 февраля 2022 г. № 256, но для доступа к ней органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, в силу ч. 2 ст. 23 Конституции Российской Федерации требуется получение судебного решения.

Наряду с этим, в целях обеспечения взаимодействия с органами, осуществляющими ОРД, операторы связи в соответствии с п. 2 ст. 64 Закона о связи реализуют ряд технических требований к сетям и средствам связи, осуществляя удаленное подключение уполномоченных органов к своим техническим средствам и информационным системам связи.

В частности, Правила взаимодействия операторов связи с уполномоченными государственными органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, утвержденные постановлением Правительства Российской Федерации от 27 августа 2005 г. № 538, требуют от операторов связи своевременно обновлять информацию, содержащуюся в базах данных об абонентах связи и оказанных им услугах связи, хранить ее в тече-

ние трех лет и предоставлять оперативным подразделениям – субъектам оперативно-розыскной деятельности.

В этой связи важное значение приобретает вопрос о четком определении оснований для возникновения взаимодействия между органами предварительного следствия и органами – субъектами оперативно-розыскной деятельности.

Взаимодействие в работе оперативных и следственных подразделений представляет собой соответствующее правоотношение. Поэтому очевидно, что когда речь идет о возникновении каких-либо правоотношений, в том числе и правоотношений субъектов рассматриваемого нами взаимодействия, то нельзя не говорить о тех правовых нормах, которые предопределяют эти правоотношения, устанавливают основания их возникновения и сам ход (процесс) взаимодействия, в также определяют полномочия и обязанности взаимодействующих сторон, придают им соответствующую правовую форму. Выделение правовой основы имеет большое значение для правильной (с позиции правовых норм) организации взаимодействия.

Правовой (юридической) основой для возникновения взаимодействия в работе названных подразделений служат нормы уголовно-процессуального и административного права (инструкции, приказы и т.д.), которые определяют юридическую природу этого взаимодействия и регулируют его, устанавливают права и обязанности взаимодействующих сторон.

Например, если следователь обращается к оперативному подразделению, наделенному правами органа дознания, с просьбой оказать ему содействие в производстве тех или иных следственных действий или дает ему поручение самостоятельно выполнить отдельные из них, а также осуществить розыскные действия, то возникающее в этой связи взаимодействие и для следователя, и для оперативных работников основывается на уголовно-процессуальном законе (в частности на норме, содержащейся в ч. 1 ст. 152 УПК РФ)[3, с. 25].

Если же следователь при расследовании уголовного дела просит какое-либо оперативное подразделение (в том числе и обладающее правами органа дознания) осуществить в интересах следствия иные оперативно-розыскные мероприятия (негласное обследование помещений, зданий, сооружений участков местности и транспортных средств в отношении преступной связи подозреваемого либо обвиняемого для того, чтобы в зависимости от его результатов затем решить вопрос о целесообразности производства там официального обыска; оперативным путем изучить какое-либо лицо, подлежащее допросу в качестве свидетеля, с помощью оперативных возможностей выяснить иные значимые для расследования уголовного дела обстоятельства, путем получения компьютерной информации), то в начале возникшего в таком случае взаимодействия (для оперативного сотрудника и для следователя) будут не только уголовно-процессуальные нормы, но и админи-

стративные нормы, в частности нормы, содержащиеся в Инструкции о представлении результатов проведенных оперативно-розыскных мероприятий[4].

Очевидно, что следователь, вступая во взаимодействие с оперативным подразделением с целью оказания ему помощи в проведении неотложных следственных действий, может также выполнить и другие действия: изучить и оценить в правовом отношении уже собранные по делу вещественные доказательства и, возможно, относящиеся к нему оперативные материалы, высказать мнение о дальнейшем направлении дознания, оказать помощь в планировании неотложных следственных действий и т.д., если речь идет о ситуациях предусмотренных ст. 157 УПК РФ.

Нормы уголовно-процессуального закона предоставляют следственному подразделению альтернативу: взаимодействие с оперативными органами инициируется следователем исключительно по его усмотрению, когда он признает это необходимым, поскольку данное полномочие является его правом, а не обязанностью.

В то же время, при наличии поручения, адресованного тому или иному оперативному подразделению, оно обязано всегда вступать во взаимодействие со следователем.

Практическую основу взаимодействия оперативных подразделений полиции и органов предварительного следствия составляет деятельность этих подразделений по осуществлению ими соответствующих функциональных обязанностей. Данная деятельность является базой, на фундаменте которой возникает и осуществляется их взаимодействие. Последнее имеет место тогда, когда какое-либо из этих подразделений накапливает такие результаты своей деятельности, которые приводят его к необходимости решения стоящих перед ними задач с помощью сил и средств другого соответствующего подразделения.

В этой связи представляется, что практической основой для взаимодействия оперативных и следственных подразделений являются:

- оперативно-розыскная деятельность любого оперативного подразделения;
- уголовно-процессуальная деятельность следователя;
- уголовно-процессуальная деятельность оперативного подразделения, наделенного правами органа дознания.

Первые два из указанных оснований являются типичными, наиболее часто встречающимися в деятельности подразделений полиции. Третье основание встречается редко, так как в сложившейся практике оперативные подразделения, наделенные правами органа дознания, возбуждают уголовные дела лишь в исключительных случаях. Правоприменительная практика указывает на негативное отношение контрольно-надзорных ведомств к подобным случаям, несмотря на законные возможности реализации оперативными подразделениями положений ст. 157 УПК РФ.

Поскольку все эти основания являются результатом самостоятельной функциональной деятельности, с одной стороны, какого-либо оперативного подразделения, а с другой стороны – следователя как процессуально независимого должностного лица, то перечисленные выше фактические основания для возникновения взаимодействия существуют независимо друг от друга.

Взаимодействие между следователем и оперативным подразделением возникает на базе оперативно-розыскной деятельности и в связи с осуществлением оперативными подразделениями функций дознания. Такое определение фактических основ взаимодействия, по нашему мнению, является правильным, если исходить из мотиваций к взаимодействию, присущих только оперативным подразделениям. Но, как показывает практика, орган предварительного следствия (следователь), в свою очередь, во многих случаях вынужден или обязан вступать во взаимодействие с соответствующим оперативным подразделением, поскольку результаты процессуальной деятельности ставят его в рамки необходимости такого взаимодействия.

Однако следователь не всегда четко представляет интересы оперативных подразделений и не всегда имеет возможность проявлять строгую избирательность при решении вопроса

Таким образом, если исходить из общих практических оснований взаимодействия, можно определить следующие конкретные обстоятельства, при которых оперативные и следственные подразделения вступают между собой во взаимодействие, а затем и осуществляют его:

1. При необходимости реализации оперативным подразделением добытых им в соответствии с ФЗ «Об ОРД» материалов (данных) путем возбуждения следователем уголовного дела и производства по делу расследования;
2. При возникновении у оперативного подразделения, производящего дознание, необходимости в помощи следователя;
3. При необходимости реализации органом предварительного следствия таких полученных в ходе расследования материалов (данных), которые могут быть использованы соответствующими оперативными подразделениями в решении задач, предусмотренных ФЗ «Об ОРД»;
4. Если орган предварительного следствия, исходя из интересов возбуждаемого или расследуемого им дела, нуждается в помощи силами и средствами, находящимися в распоряжении оперативного подразделения, то есть в оперативном изучении интересующих следствие вопросов;
5. При возникновении у следователя необходимости в даче оперативному подразделению, наделенному правами органов дознания, поручений и указаний о производстве последним розыскных и следственных действий или в содействии органа дознания при производстве следователем отдельных следственных действий;

6. При необходимости проведения следственным и оперативным подразделениями совместных действий после окончания предварительного следствия по уголовному делу, в том числе на стадии судебного разбирательства.

Литература

1. Федеральный закон от 06 июля 2016 г. № 374-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии терроризму» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» (с изменениями и дополнениями). – Текст: непосредственный.
2. Постановление Правительства Российской Федерации от 31 июля 2014 г. № 759 «О правилах хранения организаторами распространения информации в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» информации о фактах приема, передачи, доставки и (или) обработки голосовой информации, письменного текста, изображений, звуков или иных электронных сообщений пользователей информационно-телекоммуникационной сети Интернет и информации об этих пользователях, предоставлении ее уполномоченным государственным органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность или обеспечение безопасности Российской Федерации». – Текст: непосредственный.
3. Е.С. Дубоносов. Оперативно-розыскное мероприятие «получение компьютерной информации»: содержание и проблемы проведения. Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2017. № 2–2. С. 24–30.
4. Приказ МВД России, Министерства обороны РФ, ФСБ России, Федеральной службы охраны РФ, Федеральной таможенной службы, Службы внешней разведки РФ, Федеральной службы исполнения наказаний, Федеральной службы РФ по контролю за оборотом наркотиков, Следственного комитета РФ от 27 сентября 2013 г. № 776/703/509/507/1820/42/535/398/68 «Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд» // Российская газета. – 2013. – 13 дек. – Текст: непосредственный.

OBTAINING COMPUTER INFORMATION IN OPERATIONAL-SEARCH ACTIVITIES OF THE POLICE: PROBLEMS AND IMPROVEMENT OF FORMS OF INTERACTION

Aleksanin A.S.

Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

In the context of the digital transformation of crime, obtaining computer information is gradually becoming a key operational investigative activity. Its effective implementation directly depends on the coordinated interaction between the operational units conducting the

operational investigative activities and the investigators using the results in criminal proceedings. However, in practice, this interaction is associated with a number of systemic problems, necessitating their scientific understanding and the development of solutions. The subjects of operational and investigative activities of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation and the bodies of preliminary investigation are independent units that are, in the vast majority of cases, administratively independent of each other. They have different functions, which are carried out using specific means and methods for each of these units. At the same time, both the operational units of the police and the investigative bodies in the field of crime prevention are solving a common and urgent task: the timely prevention and detection of crimes in the field of computer information.

Keywords: operational-search activity, operational-search measure, obtaining computer information, operational units, interaction, criminal proceedings, preliminary investigation bodies, digital evidence.

References

1. Federal Law of July 6, 2016 No. 374-FZ «On Amendments to the Federal Law “On Counteracting Terrorism” and Certain Legislative Acts of the Russian Federation in Terms of Establishing Additional Measures to Counter Terrorism and Ensure Public Safety» (with amendments and additions).
2. Resolution of the Government of the Russian Federation of July 31, 2014 No. 759 «On the rules for storing information on the facts of reception, transmission, delivery and (or) processing of voice information, written text, images, sounds or other electronic messages of users of the Internet information and telecommunications network and information about these users by organizers of information dissemination on the Internet, and providing it to authorized government agencies carrying out operational-search activities or ensuring the security of the Russian Federation».
3. E.S. Dubonosov. Operational-search measure «obtaining computer information»: content and problems of implementation. Bulletin of Tula State University. Economic and legal sciences. 2017. No. 2–2. pp. 24–30.
4. Order of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, the Ministry of Defense of the Russian Federation, the FSB of Russia, the Federal Protective Service of the Russian Federation, the Federal Customs Service, the Foreign Intelligence Service of the Russian Federation, the Federal Penitentiary Service, the Federal Drug Control Service of the Russian Federation, the Investigative Committee of the Russian Federation of September 27, 2013 No. 776/703/509/507/1820/42/535/398/68 “On approval of the Instruction on the procedure for submitting the results of operational-search activities to the inquiry body, investigator or to the court” // Rossiyskaya Gazeta. – 2013. – December 13. – Text: direct.

Сравнительно-правовой анализ института прокуратуры в Российской Федерации и Республике Ирак: организационные основания и полномочия

Аль-Мсафир Дурайд Мохаммед Хассун,

аспирант кафедры Организации судебной и прокурорско-следственной деятельности, ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»
E-mail: duraidmhmd78@gmail.com

В статье представлен сравнительно-правовой анализ организационного устройства и полномочий прокуратуры в Российской Федерации и Республике Ирак. На основе формально-юридического и институционального подходов раскрываются различия в статусе прокуратуры как органа публичной власти, механизмах ее автономии и взаимодействия с судебной системой. Автор выявляет слабую сторону прокуратуры Республики Ирак – отсутствие нормативного закрепления надзорных функций в социальной сфере. Результаты статьи могут быть использованы при оценке эффективности прокуратур в государствах с различной правовой системой.

Ключевые слова: прокуратура, сравнительное право, Российская Федерация, Республика Ирак, правозащитная функция, организационная структура, судебная система, публичная власть.

Цель статьи – провести сравнительно-правовой анализ организационной структуры и полномочий прокуратуры Российской Федерации и Республики Ирак.

Исследование призвано выявить различия и потенциальные точки сближения в правовых решениях, направленных на реализацию прокурорского надзора в РФ и ИИ.

Методологическую базу анализа составляют формально-юридический и институциональный подходы. В статью входят нормативные акты РФ и Ирака, а также научные публикации за 2009–2025 гг.

По ст. 129 Конституции РФ, прокуратура представляет собой «единую федеральную централизованную систему органов»¹, осуществляющих надзор за соблюдением Конституции РФ и прав граждан, а также уголовное преследование в контексте полномочий.

Централизованность прокуратуры подчеркивают ученые Н.В. Еремина², Е.Р. Ергашев³, А.Ю. Ульянов⁴ и С.П. Щерба⁵. Централизация проявляется, во-первых, в единообразии формулировки задач и правового регулирования, охватывающего все уровни структуры – от местных звеньев до высшего органа – Генеральной прокуратуры. Во-вторых, данный принцип выражен в строгой иерархии подчинения: младшие прокуроры подотчетны вышестоящим органам. Вместе с тем законодатель гарантирует юридическую независимость прокуроров: они выполняют возложенные функции «в соответствии со своим служебным долгом» и не входят в состав других органов власти. Финансирование централизованно; осуществляется только за счет федерального бюджета, что защищает прокуратуру от внешнего влияния.

¹ Конституция Российской Федерации. Статья 129 [Электронный ресурс]. – URL: <https://constitutionrf.ru/rzd-1/gl-7/st-129-krf> (дата обращения: 5.04.2025).

² Еремина Н.В. Место прокуратуры Российской Федерации в системе разделения властей: теоретико-правовое исследование: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.11. – Москва, 2009.

³ Ергашев Е.Р. Организация работы в прокуратуре (первичного территориального звена прокурорской системы): учебник для вузов / Е.Р. Ергашев. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2025.

⁴ Ульянов А.Ю. Конституционализация прокуратуры Российской Федерации в системе публичной власти: диссертация ... кандидата наук: 12.00.02. – ФГБОУ ВО «Уральский государственный юридический университет», 2020.

⁵ Избранные труды / [сост. Н.Э. Кузнецова, П.А. Смирнов; вступит. ст. Ф.М. Кобзарева]; Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. – М., 2016. – 308 с. – (Научные труды ученых Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации).

Структура прокуратуры обозначена в Федеральном законе «О прокуратуре Российской Федерации»¹. Система включает, помимо центрального органа, территориальные прокуратуры субъектов, специализированные структуры (военные, транспортные, природоохранные и др.) и нижестоящие звенья на уровне городов и районов. Интегрированы в систему также научные и образовательные учреждения.

Управление лежит на Генеральном прокуроре РФ, его заместителях и прокурорах субъектного и специализированного уровней, чьи кандидатуры утверждаются Президентом при консультативном участии Совета Федерации².

Компетенция органов прокуратуры формируется на основе Конституции РФ, закрепляющей их главную задачу – надзор за соблюдением норм Конституции и законов, а также обеспечение прав и свобод личности³. Положения конкретизируются в ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации».

В функциональную компетенцию прокуратуры входят вариативные задачи, от контроля за соблюдением закона в деятельности органов публичной власти до вмешательства в уголовное преследование. Примечательно участие прокуроров в судебном процессе в роли государственного обвинителя и при рассмотрении гражданских, административных и арбитражных споров, когда речь идет о защите прав и законных интересов государства и социально уязвимых граждан. Кроме того, прокуратура уполномочена на обжалование судебных решений, принятых с нарушением закона, а также на контроль за их надлежащим исполнением. Через механизм судебного представительства прокуратура способна отстаивать интересы страны и отдельных физических лиц, если те по каким-либо причинам не могут реализовать свое право самостоятельно.

Прокуроры уполномочены участвовать во всех стадиях уголовного судопроизводства, вносить представления и протесты в суды на постановления и приговоры при нарушении закона, а также требовать возобновления производства при установлении ошибок. Это следует из положений Уголовно-процессуального кодекса РФ и закона о прокуратуре⁴.

В юридической доктрине надзорные полномочия прокуратуры обозначаются термином «прокурорский надзор», который охватывает, помимо прочего, и сферу обеспечения соблюдения прав граждан⁵.

Прокуратура отвечает за правосудие: участвует в судебных процессах, наблюдая за исполнением

законов и приговоров и по необходимости обжалует решения судов; присутствие прокурора на заседаниях обязательно (иначе решение может быть признано незаконным)⁶. В гражданском и административном судопроизводстве участие прокуратуры допустимо по основаниям, среди которых защита публичных интересов и прав граждан (особенно уязвимых категорий: детей, инвалидов)⁷, дела о коррупции⁸.

В Ираке прокуратура (مجلس الادعاء) функционирует как часть судебной власти, независимость которой закреплена в Конституции Ирака 2005 г. с поправками⁹. Документ не содержит раздела о прокуратуре, но ст. 90–91 предусматривают создание Высшего судебного совета¹⁰. Он отвечает за назначение высших судебных должностей, включая Главного общественного прокурора. По Конституции Ирака¹¹, судьи и прокуроры не наделены правом занимать иные государственные должности и состоять в политических партиях, что подкрепляет независимость прокуратуры от политического влияния.

Нормативная основа структуры прокуратуры Ирака закреплена в Законе № 49 об органах публичного обвинения¹². Закон относит прокуратуру к судебной ветви и гарантирует ее независимость в финансово-административном плане: «Учреждается аппарат, называемый аппаратом обвинения, являющийся составной частью федеральной судебной власти, обладающий финансовой и административной самостоятельностью...»¹³. Аппарат публичного обвинения базируется в Багдаде, но законодательно предусмотрено создание отделений при министерствах и других ведомствах (так называемые «прокуратуры по делам финансов и администрации») для расследования коррупции и служебных преступлений.

⁶ Ламерт, О.С. Прокуратура и судебная власть: участие прокурора в судебном процессе // Вестник Уральского института экономики, управления и права. – 2021. – № 1. – С. 70–76.

⁷ Afanasieva T.I., Firsova O.A. Legal nature of the prosecutor's conclusion in civil and administrative proceedings // Prologue: Law Journal. – 2020. – № 2.

⁸ Дудин Н.П. Роль прокурора в гражданском, арбитражном и административном процессе // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2024. № 2(90). С. 104–109.

⁹ Ст. 19. Конституция Республики Ирак 2005 г.: офиц. текст [Electronic resource]. – URL: <https://iq.parliament.iq/روئس دلا/يؤار علا> (дата обращения: 05.04.2025).

¹⁰ Ст. 90–91. Конституция Республики Ирак 2005 г.: офиц. текст [Electronic resource]. – URL: <https://iq.parliament.iq/روئس دلا/يؤار علا> (дата обращения: 05.04.2025).

¹¹ Ст. 98. Конституция Республики Ирак 2005 г.: офиц. текст [Electronic resource]. – URL: <https://iq.parliament.iq/روئس دلا/يؤار علا> (дата обращения: 05.04.2025).

¹² Законе № 49 об органах публичного обвинения [Электронный ресурс]. – Официальный вестник: Аль-Бакаи аль-Иракия, № 4437, 6 марта 2017. – URL: https://moj.gov.iq/upload/pdf/%D8%A7%D9%84%D8%A7%D8%AF%D8%B9%D8%A7%D8%A1.pdf?utm_source (дата обращения: 05.04.2025).

¹³ Ст. 1. Законе № 49 об органах публичного обвинения [Электронный ресурс]. – Официальный вестник: Аль-Бакаи аль-Иракия, № 4437, 6 марта 2017. – URL: https://moj.gov.iq/upload/pdf/%D8%A7%D9%84%D8%A7%D8%AF%D8%B9%D8%A7%D8%A1.pdf?utm_source (дата обращения: 05.04.2025).

¹ Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» от 17.01.1992 N 2202–1 (последняя редакция) [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_262/ (дата обращения: 05.04.2025).

² Ст. 129. П. 3.

³ Ст. 129. П. 1.

⁴ Ст. 129. П. 1.

⁵ Абдулина Д.И. Военная прокуратура: статус, структура и компетенция / Д.И. Абдулина. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2024. – № 40 (539). – с. 207.

Системой руководит Главный общественный прокурор, назначаемый Верховным судебным советом с последующим утверждением Советом представителей, то есть парламентом. По Закону, прокуратура возбуждает и ведет уголовные дела: проверяет материалы следствия, собирает доказательства и руководит работой судебной полиции. Прокурор обязательно присутствует при допросах по тяжким преступлениям и участвует в судебных заседаниях по уголовным делам вплоть до апелляции; отсутствие прокурора на процессе закон запрещает, и без его участия суд не считается надлежащим.

Примечательно, что аппарат прокуратуры имеет право обжаловать решения судов апелляцией и кассацией, в том числе пересматривать приговоры. Прокуратура наблюдает за исполнением приговоров и наказаний (например, проверяет условия в исправительных учреждениях), а также участвует в гражданских и административных судах в делах, затрагивающих интересы государства и права граждан, пострадавших в уголовном процессе. В Законе подчеркнуты антикоррупционные полномочия: ст. 5 предусматривает специальный «Отдел по финансовым и административным делам» при Генпрокуратуре и прокурорских офисов по таким делам в министерствах¹. Аппарат обвинения уполномочен возбуждать дела о коррупции, следить за расследованием таких преступлений и направлять подозреваемых на допрос по тяжким финансовым преступлениям.

Анализируя вышеизложенное, становится возможным утверждать, что организационно-правовые модели и функции прокуратуры РФ и ИР демонстрируют различия практически по всем параметрам. Российская прокуратура – это обособленный надзорный институт вне традиционного триразделения властей, обладающий вариативной компетенцией и жесткой внутренней вертикалью управления. Иракская прокуратура – орган судебной системы, встроенный в механизм осуществления правосудия и ограниченный его рамками. Данное отличие предопределяет и характер деятельности: в РФ прокуроры могут осуществлять надзор за исполнением законов всеми органами власти (в том числе до обращения в суд), тогда как в Ираке их основная роль сводится к поддержанию обвинения и участию в судебных процедурах.

Более того, российская прокуратура обладает универсальной надзорной компетенцией, распространяя контроль на все сферы публичного управления и любую категорию прав. Прокурор РФ может по собственной инициативе проверить законность акта министерства, решения губернатора или действия муниципального органа и потребовать устранения нарушений. Иракский прокурор действует постфактум, реагируя в основном на уже

произошедшие нарушения через механизм судебного разбирательства. Он не может, например, вынести предписание министру здравоохранения об обеспечении лекарствами больницы – вместо этого прокурор вступит в дело, если пострадавшие пациенты направят иск в суд, либо инициируют уголовное преследование, если нарушения повлекут преступление. Не случайно и в РФ, и в Ираке продолжают дискуссии о реформировании прокуратуры: в России – о разграничении прокурорского надзора и ведомственного контроля², в Ираке – о предоставлении прокуратуре больших возможностей для внепроцессуального реагирования³.

Кроме того, обе страны разделяют общие международные стандарты в области организации прокуратуры. Основные принципы ООН о роли прокуроров (1990) требуют, чтобы прокуратура была гарантированно свободна от неправомерного давления и могла осуществлять свои функции независимо, беспристрастно и эффективно⁴. Данные принципы подчеркивают необходимость законодательного закрепления автономии прокуроров и четкого разграничения их полномочий. Так, в РФ независимость прокуратуры декларирована конституционно и реализуется через порядок назначения и единое финансирование; в Ираке независимость прокуратуры гарантируется включением в судебную власть и судебским статусом прокуроров (табл. 1).

Таблица 1. Различия институтов прокуратуры в Российской Федерации и Республике Ирак

Критерий	Прокуратура Российской Федерации	Прокуратура Республики Ирак
Конституционный статус	Самостоятельный орган вне трех ветвей власти	Часть судебной власти
Руководство и подчинение	Генпрокурор назначается Президентом с согласия Совета Федерации; жесткая вертикаль	Назначение прокуроров – прерогатива судебной власти
Кадровый состав и статус	Отдельный корпус прокуроров, не судьи	Прокуроры – судьи по статусу, кадровая вертикаль судебная
Независимость и контроль	Финансирование из бюджета; ограниченный парламентский контроль	Подчинение судебному совету; нет парламентского контроля

² Ульянов А.Ю. Конституционализация прокуратуры Российской Федерации в системе публичной власти: диссертация ... кандидата наук: 12.00.02. – ФГБОУ ВО «Уральский государственный юридический университет», 2020.

³ Al-Qaisi A.S.O., Al-Zamli Y.K.M. Public Prosecution Role before the Supreme Federal Tribunal of Iraq: A Comparative Study // Journal of Positive Psychology & Wellbeing. 2022. Vol. 6(1).

⁴ United Nations Office on Drugs and Crime. Handbook on Prosecution Assistance [Electronic resource]. – Vienna: United Nations, 2014. – URL: https://www.unodc.org/documents/justice-and-prison-reform/14-07304_ebook.pdf (дата обращения: 25.05.2025).

¹ Ст. 5. Законе № 49 об органах публичного обвинения [Электронный ресурс]. – Официальный вестник: Аль-Бакаи аль-Иракия, № 4437, 6 марта 2017. – URL: https://moj.gov.iq/upload/pdf/%D8%A7%D9%84%D8%A7%D8%AF%D8%B9%D8%A7%D8%A1.pdf?utm_source (дата обращения: 05.04.2025).

Критерий	Прокуратура Российской Федерации	Прокуратура Республики Ирак
Структура органов	Централизованная система с территориальными и спецпрокуратурами	Прокуратуры при судах; нет отдельной системы
Функции	Общий надзор, координация, участие в процессах, защита прав	Уголовное обвинение, судебный надзор, ограниченные правозащитные функции

На основе анализа структуры прокуратуры в РФ и Ираке, предполагается, что для России важно поддержание независимости прокуроров при их подчиненности президентской власти и недопущение злоупотреблений надзорными полномочиями, а для Ирака – дальнейшая институционализация прокуратуры, преодоление кадрового дефицита и нормативных пробелов, а также поиск оптимального баланса между судебной интеграцией и эффективностью прокурорского надзора.

Несмотря на различия, предназначение прокуратуры в обеих странах совпадает – охранять верховенство права и интересы общества. Компаративный анализ позволил увидеть, что каждая система может учесть опыт другой. Для России интересен иракский опыт конституционной регламентации статуса прокуратуры в судебной системе как способ обезопасить ее от политического влияния. Для Ирака полезен российский опыт нормативного закрепления надзорных функций прокуратуры в социальной сфере.

Оптимальной представляется модель, сочетающая независимость прокурора от политической конъюнктуры с достаточно гибкими полномочиями реагирования на правонарушения. Логично и естественно, если прокуратура Ирака, учитывая опыт РФ, будет развиваться по пути института, действующего в интересах общества.

Литература

1. Абдулина Д.И. Военная прокуратура: статус, структура и компетенция / Д.И. Абдулина // Молодой ученый. 2024. № 40(539). С. 207–208. URL: <https://moluch.ru/archive/539/118063/> (дата обращения: 25.05.2025).
2. Дудин Н.П. Роль прокурора в гражданском, арбитражном и административном процессе // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2024. № 2(90). С. 104–109.
3. Еремина Н.В. Место прокуратуры Российской Федерации в системе разделения властей: теоретико-правовое исследование: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.11. Москва, 2009. 234 с.
4. Ергашев Е.Р. Организация работы в прокуратуре (первичного территориального звена прокурорской системы): Учебник для вузов. 2-е

изд., перераб. и доп. Москва: Изд-во Юрайт, 2025.

5. Избранные труды / [сост. Н.Э. Кузнецова, П.А. Смирнов; вступ. ст. Ф.М. Кобзарева]; Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. М., 2016. 308 с. (Научные труды ученых Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации)
6. Ламерт О.С. Прокуратура и судебная власть: участие прокурора в судебном процессе // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2021. № 1. С. 70–76.
7. Ульянов А.Ю. Конституционализация прокуратуры Российской Федерации в системе публичной власти: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02. ФГБОУ ВО «Уральский государственный юридический университет», 2020. 184 с.
8. Afanasieva T.I., Firsova O.A. Legal nature of the prosecutor's conclusion in civil and administrative proceedings // Prologue: Law Journal. 2020. № 2.
9. Al-Qaisi A.S.O., Al-Zamli Y.K.M. Public Prosecution Role before the Supreme Federal Tribunal of Iraq: A Comparative Study // Journal of Positive Psychology & Wellbeing. 2022. Vol. 6(1).
10. United Nations Office on Drugs and Crime. Handbook on Prosecution Assistance [Electronic resource]. Vienna: United Nations, 2014. URL: https://www.unodc.org/documents/justice-and-prison-reform/14-07304_ebook.pdf (дата обращения: 25.05.2025).

COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF THE INSTITUTION OF PUBLIC PROSECUTION IN THE RUSSIAN FEDERATION AND THE REPUBLIC OF IRAQ: ORGANIZATIONAL FOUNDATIONS AND POWERS

Al-Msafir Duraid Mohammed Hassoun
Kutafin Moscow State Law University

The article presents a comparative legal analysis of the organizational structure and powers of the prosecution authorities in the Russian Federation and the Republic of Iraq. Based on formal legal and institutional approaches, it highlights differences in the status of the prosecution service as a public authority, its mechanisms of autonomy, and its interaction with the judiciary. The author identifies a significant weakness of the Iraqi prosecution system—namely, the absence of a normative framework for supervisory functions in the social sphere. The findings may be employed in assessing the effectiveness of prosecution bodies in states with differing legal systems.

Keywords: prosecution service, comparative law, Russian Federation, Republic of Iraq, human rights function, organizational structure, judiciary, public authority.

References

1. Abdulina D.I. Voennaya prokuratura: status, struktura i kompetenciya / D.I. Abdulina // Molodoy uchenyj. 2024. № 40(539). S. 207–208. URL: <https://moluch.ru/archive/539/118063/> (data obrasheniya: 25.05.2025).
2. Dudin N.P. Rol prokurora v grazhdanskom, arbitrazhnom i administrativnom processe // Uchenye zapiski Sankt-Peterburgskogo imeni V.B. Bobkova filiala Rossijskoj tamozhennoj akademii. 2024. № 2(90). S. 104–109.
3. Eremina N.V. Mesto prokuratury Rossijskoj Federacii v sisteme razdeleniya vlastej: teoretiko-pravovoe issledovanie: Dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.11. Moskva, 2009. 234 s.
4. Ergashev E.R. Organizaciya raboty v prokurature (pervichnogo territorialnogo zvena prokurorskoj sistemy): Uchebnik dlya vuzov. 2-e izd., pererab. i dop. Moskva: Izd-vo Yurajt, 2025.

5. Izbrannye trudy / [sost. N.E. Kuznecova, P.A. Smirnov; vstup. st. F.M. Kobzareva]; Akad. Gen. prokuratury Ros. Federacii. M., 2016. 308 s. (Nauchnye trudy uchenyh Akademii Generalnoj prokuratury Rossijskoj Federacii)
6. Lamert O.S. Prokuratura i sudebnaya vlast: uchastie prokurora v sudebnom processe // Vestnik Uralskogo instituta ekonomiki, upravleniya i prava. 2021. № 1. S. 70–76.
7. Ulyanov A. Yu. Konstitucionalizaciya prokuratury Rossijskoj Federacii v sisteme publichnoj vlasti: Dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.02. FGBOU VO «Uralskij gosudarstvennyj yuridicheskij universitet», 2020. 184 s.
8. Afanasieva T.I., Firsova O.A. Legal nature of the prosecutor's conclusion in civil and administrative proceedings // Prologue: Law Journal. 2020. № 2.
9. Al-Qaisi A.S.O., Al-Zamli Y.K.M. Public Prosecution Role before the Supreme Federal Tribunal of Iraq: A Comparative Study // Journal of Positive Psychology & Wellbeing. 2022. Vol. 6(1).
10. United Nations Office on Drugs and Crime. Handbook on Prosecution Assistance [Electronic resource]. Vienna: United Nations, 2014. URL: https://www.unodc.org/documents/justice-and-prison-reform/14-07304_ebook.pdf (data obrasheniya: 25.05.2025).

Скоробогатов Андрей Валерьевич,

доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры теории государства и права и публично-правовых дисциплин, Казанский инновационный университет имени В.Г. Тимирязова
E-mail: skorobogatov@ieml.ru

Бикеев Игорь Измаилович,

доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и процесса, Казанский инновационный университет имени В.Г. Тимирязова,
E-mail: bikeev@ieml.ru

Предметом работы являются аксиологические основы и аксиологическое значение уголовного права, а целью – определение его ценности. Методологическую ее основу составляют общенаучные методы познания (диалектический и системного анализа), а также такие частно-научные методы как законы формальной логики, логико-юридический, восхождения от абстрактного к конкретному и анализ документов. Результатами исследования являются установление значимых для уголовного права конституционных ценностей, механизма и последствий их реализации в уголовно-правовых предписаниях. Указанные результаты могут быть применены в дальнейших научных исследованиях, а также при криминализации и декриминализации деяний. Авторы доказывают, что уголовно-правовые запреты не только нормативно-институционально, но и аксиологически эксплицируют правовые ценности общества. А также приходят к выводу, что ценность уголовного права можно представить в трех аспектах: юридическом (значение соблюдения уголовно-правовых запретов в обеспечении правопорядка), инструментальном (уголовно-правовые запреты выступают средством охраны общественных отношений) и социокультурном (уголовное право выражает и проявляет ценности социума).

Ключевые слова: уголовное право; ценностные основы уголовного права; аксиология уголовного права; ценность уголовного права; криминализация; декриминализация.

В современных политических условиях российское государство испытывает небывалый за всю историю духовно-культурный прессинг со стороны стран, принадлежащих к евроатлантической цивилизации, и их сателлитов. Огромные силы брошены противником для нанесения нашей стране стратегического поражения на поле боя, на идеологическом и других фронтах.

В этой ситуации сохранение российской цивилизации предполагает необходимость усиления внимания к связующей граждан нашей страны конституционной идентичности, что включает в себя не только усиление ценностных основ всенародно принятой Конституции РФ [5], но и расширение пространства конституционно-правового регулирования за счет конституционализации тех отраслей права, которые непосредственно связаны с обеспечением национальной безопасности. В первую очередь речь идет об уголовном праве.

При этом необходимо учитывать бинарную правовую природу Конституции РФ. С одной стороны, онтологически она выступает нормативным правовым актом высшей юридической силы, определяя легальные основы политической и правовой жизни, в т.ч. нашедшие отражение в нормах уголовного права. С другой стороны, аксиологически конституция выступает в качестве символа общего сознания народа, выражения его ценностей [2], приобретая в определенном смысле квазисвященный (сакральный [1]) характер. В этом смысле конституция представляет собой декларацию ценностей, имеющих основополагающее значение для государственного устройства определенного государства.

Отечественная Конституция 1993 года изобилует ценностями и характеризуется уникальным их набором, что связано со специфическими чертами и историческим путем российской цивилизации. Многие из них содержатся в преамбуле, например, «многонациональный народ Российской Федерации», «общая судьба», «своя земля», «память предков», «любовь и уважение к Отечеству», «вера в добро и справедливость» и т.д. Добавлены были ценности и поправками в Конституцию 2020 года, отражающими духовно-нравственные традиции нашего народа, в числе которых «тысячелетняя история», «преемственность в развитии Российского государства», «исторически сложившееся государственное единство», «память защитников Отечества», «историческая правда», «патриотизм, гражданственность и уважение к старшим», «приоритет семейного воспитания», «культура как уникальное наследие многонационального народа», «этнокультурное и языковое многообразие», «институт брака как союза мужчины и женщины» и др.

Основанная на конституции правовая система призвана реализовать и защитить перечисленные и иные ценности. Последний аспект, в первую очередь, призвано осуществить уголовное право.

Двуединная природа конституции обеспечивает единство легальности и легитимности не только конституционного акта, но и всей правовой системы, во главе которой он стоит. Конституция при этом не только обеспечивает единство правовой системы, но и осуществляет ее связь с другими уровнями регулирования общественных отношений. Задача правовой системы состоит в экспликации, реализации и охране этих ценностей, позволяя обеспечить конструируемому правопорядку не только нормативно-институциональное прочтение, но и аксиологическое основание.

Конституция воздействует не только на правовую систему в целом, но и на развитие и функционирование отдельных отраслей права. Особую роль при этом играет уголовное право, призванное защитить конституционный правопорядок от преступных посягательств и обеспечить стабильность конституционных ценностей в организации и функционировании не только правовой, но и социальной реальности.

При определении пределов правового регулирования детерминирующее значение имеют конституционные нормы и ценности, эксплицирующие развитие правовой системы не только нормативно-институционально, но и ценностно [15]. Как показывает историко-правовой опыт российского государства, смена идеологических императивов влекла за собой трансформацию правовой системы [11]. Особенно значимо это применительно к уголовному праву, где именно соответствие тексту и принципам конституции призвано обеспечить баланс индивидуального и коллективного интереса, сочетание прав человека и гражданина с потребностями общества.

Связь конституции с уголовным правом может рассматриваться не только как констатация конституционного качества уголовного законодательства и практики его применения, но и, что важнее, как отражение конституционных норм в сфере уголовно-правового регулирования [3]. При этом необходимо учитывать, что данный процесс охватывает не только нормативный массив, но и воздействует на правосознание и юридическую практику [6, с. 16.]. Именно последние аспекты эксплицируют аксиологическое значение конституционных норм для поддержания правопорядка и обеспечения национальной безопасности, как на уровне правового поведения граждан, так и на уровне ценностных ориентаций, детерминирующих соблюдение уголовно-правовых запретов гражданами и применение норм уголовного права уполномоченными государственными органами [6].

Исходя из этого, объектом ценностного воздействия конституции выступают как непосредственно уголовно-правовые нормы, так и юридическая практика их применения и ценностные ориентации субъектов права. Однако речь идет не просто о со-

блюдении сформулированных в уголовном законе запретов, но и о конструировании правового поведения, основанного на репликации и репрезентации правовых ценностей общества в определенном пространственно-временном континууме.

Воздействие уголовно-правовых запретов детерминировано не только регулятивной функцией уголовного права, но и восприятием его (в целом, и применительно к отдельным нормам) как правовой ценности, эксплицирующей легитимный характер права и определяющей легальность поведения субъекта. При этом существует прямая зависимость между уровнем правовой социализации и характером правопорядка. Чем выше уровень правовой ориентации субъектов права, чем в большей степени осуществлена их правовая идентификация, тем в большей степени достижение правопорядка и национальной безопасности будет осуществляться на основе не внешнего принуждения, а внутреннего убеждения субъектов, что соблюдаемые ими правила являются наиболее целесообразным и единственно возможным средством удовлетворения интересов человека и общества. Следствием этого может выступать снижение значения уголовного права в обеспечении национальной безопасности, что проявляется в декриминализации некоторых составов преступлений, переводе их в разряд административных правонарушений [13].

Применительно к специальным субъектам ситуация сложнее, поскольку речь идет не только об обладающих специальными признаками лицах, которым адресованы уголовно-правовые запреты, но также и о лицах, уполномоченных на осуществление уголовно-правового применения. С одной стороны, повышение уровня правосознания государственных служащих должно снижать число совершаемых ими должностных преступлений [16]. Соблюдение запретов детерминировано не столько маргинальной ориентацией сознания, ставящей на первое место среди мотивов правомерного (законопослушного поведения) принуждение со стороны государства и страх перед неотвратимостью наказания, сколько отношением к запрету как потенциальному ограничению деяния, способного не только дестабилизировать правопорядок, но и оказать деструктивное воздействие на удовлетворение потребностей индивида и профессионального сообщества, с которым он себя идентифицирует. С другой стороны, правоприменитель, применяя уголовно-правовые запреты, должен преследовать цель не только обеспечения правопорядка и национальной безопасности, но и восстановления ценностных основ бесконфликтного сосуществования в российском обществе. В последнем случае речь может идти как об использовании ценностного подхода к уголовному праву в процессе вторичной правовой социализации [12], так и о ресоциализации осужденных [9].

С одной стороны, деяние, нарушающее уголовно-правовой запрет и являющееся противоправным с точки зрения уголовного права, одно-

временно может быть представлено незаконным в пределах действующей правовой системы. С другой стороны, конструирование уголовно-правовых запретов в значительной степени детерминировано социальными потребностями и может быть представлено в двух формах: (1) ретроспективное конструирование, при котором законодатель, создавая запрет, реагирует на обстоятельства деструктивного характера, сформировавшиеся в обществе, или санкционирует моральные и религиозные нормы, придавая им юридический статус; (2) перспективное конструирование, при котором законодатель создает запрет, руководствуясь теоретической моделью идеального правового порядка, в т.ч. основанной на философских основаниях или правовых заимствованиях. Однако даже в случае конструирования законодателем уголовно-правового запрета перспективного характера, он обусловлен не только представлением политической элиты о правовой реальности, но и коллективными интересами социума. В уголовно-правовой норме заключены два канала коммуникации: один лингвистического характера, адресованный исполнительной и судебной власти, и другой, связанный с духовно-нравственной (ценностной) системой общества и касающийся адресатов запретов, озвученных в правовой норме. С профессиональной точки зрения, принятой государственными органами, применяющими уголовное право, именно теория абстрактной и общей правовой нормы имеет основополагающее значение, а затем ее применение к определенному набору фактов. В то же время гражданин больше заботится о ясности окончательного решения, директивы (указания), которая говорит ему, как вести себя в данной ситуации. Закон при этом рассматривается в качестве средства обеспечения и поддержания бесконфликтного сосуществования, гарантирующим достижение правовой определенности [14, р. 57]. Уголовное наказание выступает не только средством возмездия за деяние, которое не соответствует устоявшейся системе правил и ценностей или является нарушением исторически сложившегося запрета за совершение действий, деструктивного характера, разрушающий социальную гармонию [10].

Уголовно-правовые запреты составляют большинство норм уголовного права, являются его стрелковым направлением и артикулируют его особенности в правовом регулировании [10]. Хотя в общей части отрасли уголовного права достаточно много места занимают нормы-дефиниции и нормы-принципы, они играют производную роль, будучи призваны охарактеризовать цель, назначение, содержание и применение уголовно-правовых запретов. При этом все нормы уголовного права имеют императивный характер. Даже будучи сформулирована в форме принципа или дефиниции уголовно-правовая норма обладает императивным воздействием на сознание и поведение субъекта. Норма-принцип и норма-дефиниция уголовного права, воздействуя на сознание человека, формируют ценностные ориентации, что позволяет

их рассматривать в качестве стандартов социального разрешенного поведения, определяющих обязанность индивида соблюдать предписания уголовного права.

Ценность уголовно-правовых запретов будет выражаться не только в угрозе санкции за их нарушение (страх перед наказанием, обуславливающий формирование маргинального поведения), но и в создании ценностных установок в сознании индивида на соблюдение запретов как единственного возможного и наиболее правильного и целесообразного варианта правового поведения, необходимого условия гармонизации правовой и социальной реальности (т.е. формирование социально активного правосознания и установки на социально активное правовое поведение).

Ценность уголовного права носит амбивалентный характер. С одной стороны, с помощью уголовно-правовых запретов обеспечивается охрана важнейших для общества ценностей, определяется их иерархия и достаточные и необходимые средства их охраны [8, с. 21]. С другой стороны, уголовное право выступает ценностной категорией правопорядка, входя в качестве инструмента в механизм правового регулирования [7]. Однако при этом нужно учитывать специфичный характер уголовно-правовых запретов, эффективность которых будет определяться не частотой применения в юридической практике, а напротив, отсутствием в правовом поведении субъектов деяний, которые могут быть квалифицированы как преступные. В этом проявляется культурная ценность уголовного права и необходимость при конструировании уголовно-правовых запретов уделения большого внимания языковым средствам их формулирования. Последние имеют значение не только в контексте соблюдения требований юридической техники, но и как экспликация культурного кода нации [17, s. 12], который сформировался исторически и отражает социальный опыт общества [19, р. 262], передающийся по наследию и не только определяющий историческую память народа, но и акцентирующий субъекта на соблюдение запретов как тип поведения, апробированный предшествующими поколениями и освященный их авторитетом. С этим связана двойственность языка уголовно-правового запрета. С одной стороны, он должен быть максимально точным и формализованным, чтобы минимизировать нарушения в процессе квалификации преступных деяний. С другой стороны, язык должен быть понятен адресату, не имеющему юридического образования, что предполагает необходимость расширения использования оценочных понятий, которые будут способствовать визуализации запретов и их оценке не только в нормативном, но и культурно-историческом контексте. Проявлением последней тенденции можно считать ст. 354.1 УК РФ «Реабилитация нацизма», в которой, например, упоминаются «символы воинской славы России», не имеющие легальной дефиниции, но вполне понятные носителю российского культурного (цивилизационного) кода.

Поэтому законодатель при конструировании уголовно-правовых запретов, особенно перспективных способом должен учитывать не только их ценность для обеспечения правопорядка и форму их выражения, но и их соответствие национальной системе ценностей. Таким образом, уголовное право и, прежде всего, уголовно-правовые запреты не только нормативно-институционально, но и аксиологически эксплицируют правовые ценности общества, в т.ч. закрепленные в конституционном акте. Ценность уголовного права можно представить в трех аспектах: юридическом (значение соблюдения уголовно-правовых запретов в обеспечении правопорядка), инструментальном (уголовно-правовые запреты выступают средством охраны общественных отношений) и социокультурном (уголовное право эксплицирует ценности социума). Осуществляемая государством криминализация/декриминализация деяний должна учитывать не только их юридический характер, но и ценностный смысл.

Литература

1. Гаврилов О.Ф., Гаврилов Е.О. Сакральное в светских символах // Вестник КемГУК И. 2020. Вып. 52. С. 44–51. DOI: 10.31773/2078-1768-2020-52-44-51
2. Грачев Н.И. Сущность Конституции: опыт постклассической деконструкции содержания и смысла основного закона государства эпохи постмодерна // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2021. № 3. С. 25–34. DOI: 10.25724/VAMVD.VIJK
3. Гузеева О.С. Конституционализация уголовного права: проблема определения объекта и субъекта правового процесса // Вестник Томского государственного университета. Право. 2022. № 43. С. 42. DOI: 10.17223/22253513/43/4
4. Идрисов Н.Т. Легализация уголовно-правовых запретов как вектор современной уголовно-правовой политики // Юридический вестник Самарского университета. 2021. Т. 7, № 4. С. 34–38. DOI: 10.18287/2542-047X-2021-7-4-34-38
5. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 06.10.2022 (дата обращения: 01.11.2024).
6. Крусс В.И. Конституционализация права: основы теории: монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2021.
7. Медведев Е.В. Назначение уголовного права как социального регулятора // Юридическое образование и наука. 2021. № 6. С. 33–36. DOI: 10.18572/1813-1190-2021-6-33-36
8. Панченко П.Н. Уголовное право в системе ценностей, претендующих на статус бесценных: В поисках ответов на вопросы власти к обще-

ству и общества к власти. М.: Юриспруденция, 2018.

9. Скиба А.П. Ресоциализация осужденных: некоторые теоретико-правовые аспекты // Уголовно-исполнительное право. 2023. Т. 18(1–4), № 4. С. 434–445. DOI: 10.33463/2687-122X.2023.18(1-4).4.434-445.
10. Скоробогатов А.В., Рыбушкин Н.Н. Генезис уголовно-правовых запретов // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 3. С. 136–140. DOI: 10.24412/1998-5533-2024-3-136-140
11. Скоробогатов А.В., Рыбушкин Н.Н. Конструирование уголовно-правовых запретов в период гражданской войны: опыт телеологического анализа // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2022. № 3. С. 100–111. DOI: 10.18384/2310-6794-2022-3-100-111
12. Скоробогатов А.В., Скоробогатова А.И. Вторичная правовая социализация как средство освоения правовых ценностей // История государства и права. 2018. № 2. С. 65–70. DOI: 10.18572/1812-3805-2018-2-65-70
13. Шайдуллина В.К., Кырлан М.Г. Декриминализация преступлений в сфере предпринимательства // Теория и практика общественного развития. 2023. № 6(182). С. 244–250. DOI: 10.24158/tpor.2023.6.32
14. Ávila Hu. Certainty in Law. Cham: Springer, 2016.
15. The Boundaries of the Criminal Law, Criminalization / R.A. Duff and others. Oxford: Oxford University Press, 2010. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199600557.001.0001
16. Experience of civil government of Russian federation subjects with institutions of civil society in the sphere of corruption counteraction / I.I. Bikeev, I.R. Begishev, S.G. Nikitin [et al.] // International Journal of Innovative Technology and Exploring Engineering. 2019. Vol. 9, No. 1. P. 5184–5187. DOI: 10.35940/ijitee.A9227.119119
17. Gephart W. Recht als Kultur: Für eine geisteswissenschaftliche Erforschung von Recht im Globalisierungsprozess. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 2010.
18. Rybushkin N.N., Khodzhiev A.R., Skorobogatov A.V. Prohibition as Axiological Basis of Legal Reality // The Journal of Social Sciences Research. 2018. Spec. Iss. 1. P. 485–488. DOI: 10.32861/jssr.spi1.485.488
19. Simons K.W. Understanding the Topography of Moral and Criminal Law Norms // Philosophical Foundations of Criminal Law / eds. R.A. Duff, P.S. Green. New York: Oxford University Press, 2011.

CRIMINAL LAW IN AXIOLOGICAL CONTEXT

Skorobogatov A.V., Bikeev I.I.

Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov

The work is devoted to the axiological foundations and the axiological meaning of criminal law; the objective is to determine its value. The methodological basis consists of general scientific methods of cognition (dialectical and system analysis), as well as such specific

scientific methods as the laws of formal logic, logical-legal method, ascent from the abstract to the concrete and document analysis. The research results are the establishment of constitutional values significant for criminal law, the mechanism and consequences of their implementation in criminal law regulations. These results can be applied in further scientific research, as well as in the criminalization and decriminalization of deeds. The authors prove that criminal law prohibitions not only normatively and institutionally, but also axiologically explicate the legal values of society. They come to the conclusion that the value of criminal law can be represented in three aspects: legal (the importance of observing criminal law prohibitions in ensuring law and order), instrumental (criminal law prohibitions act as a means of protecting social relations) and socio-cultural (criminal law expresses and manifests the values of society).

Keywords: criminal law; value foundations of criminal law; axiology of criminal law; value of criminal law; criminalization; decriminalization.

References

- Gavrilov, O. F., & Gavrilov, E. O. (2020). The sacred in secular symbols. *Bulletin of Kemerovo State Institute of Culture*, (52), 44–51. <https://doi.org/10.31773/2078-1768-2020-52-44-51>
- Grachev, N. I. (2021). The essence of the Constitution: An attempt at post-classical deconstruction of the content and meaning of the fundamental law in the postmodern era. *Vestnik of Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, (3), 25–34. <https://doi.org/10.25724/VAMVD.VIJK>
- Guzeeva, O. S. (2022). Constitutionalization of criminal law: The problem of defining the object and subject of the legal process. *Tomsk State University Journal of Law*, (43), 42. <https://doi.org/10.17223/22253513/43/4>
- Idrisov, N. T. (2021). Legalization of criminal-legal prohibitions as a vector of modern criminal policy. *Legal Bulletin of Samara University*, 7(4), 34–38. <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2021-7-4-34-38>
- Constitution of the Russian Federation (adopted by national referendum on December 12, 1993, with amendments approved during the nationwide vote on July 1, 2020). Official Internet Portal of Legal Information. Retrieved November 1, 2024, from <http://www.pravo.gov.ru> (Original work published 1993; updated 2020)
- Kruss, V. I. (2021). *Constitutionalization of law: Foundations of theory* Moscow: Norma; INFRA-M.
- Medvedev, E. V. (2021). The purpose of criminal law as a social regulator. *Legal Education and Science*, (6), 33–36. <https://doi.org/10.18572/1813-1190-2021-6-33-36>
- Panchenko, P. N. (2018). Criminal law within the system of values claiming the status of priceless: In search of answers to questions from power to society and from society to power. Moscow: Yurisprudentsiya.
- Skiba, A. P. (2023). Resocialization of convicts: Some theoretical and legal aspects. *Penitentiary Law*, 18(1–4)(4), 434–445. [https://doi.org/10.33463/2687-122X.2023.18\(1-4\).4.434-445](https://doi.org/10.33463/2687-122X.2023.18(1-4).4.434-445)
- Skorobogatov, A. V., & Rybushkin, N. N. (2024). The genesis of criminal-legal prohibitions. *Bulletin of Economics, Law and Sociology*, (3), 136–140. <https://doi.org/10.24412/1998-5533-2024-3-136-140>
- Skorobogatov, A. V., & Rybushkin, N. N. (2022). Constructing criminal-legal prohibitions during civil war: Experience of teleological analysis. *Vestnik of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*, (3), 100–111. <https://doi.org/10.18384/2310-6794-2022-3-100-111>
- Skorobogatov, A. V., & Skorobogatova, A. I. (2018). Secondary legal socialization as a means of mastering legal values. *History of State and Law*, (2), 65–70. <https://doi.org/10.18572/1812-3805-2018-2-65-70>
- Shaidullina, V. K., & Kyrland, M. G. (2023). Decriminalization of crimes in the field of entrepreneurship. *Theory and Practice of Social Development*, (6)[182], 244–250. <https://doi.org/10.24158/tipor.2023.6.32>
- Ávila, H. (2016). *Certainty in law*. Cham: Springer.
- Duff, R. A., Green, L., Edwards, S., & Simester, A. P. (Eds.). (2010). *The boundaries of the criminal law*. Oxford: Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199600557.001.0001>
- Bikeev, I. I., Begishev, I. R., Nikitin, S. G., et al. (2019). Experience of civil government of Russian Federation subjects with institutions of civil society in the sphere of corruption counteraction. *International Journal of Innovative Technology and Exploring Engineering*, 9(1), 5184–5187. <https://doi.org/10.35940/ijitee.A9227.119119>
- Gephart, W. (2010). *Recht als Kultur: Für eine geisteswissenschaftliche Erforschung von Recht im Globalisierungsprozess* [Law as culture: Toward a humanities-based study of law in the process of globalization]. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann.
- Rybushkin, N. N., Khodzhev, A. R., & Skorobogatov, A. V. (2018). Prohibition as axiological basis of legal reality. *The Journal of Social Sciences Research, Special Issue* (1), 485–488. <https://doi.org/10.32861/jssr.spi1.485.488>
- Simons, K. W. (2011). Understanding the topography of moral and criminal law norms. In R. A. Duff & P. S. Green (Eds.), *Philosophical foundations of criminal law* (pp. 1–28). New York: Oxford University Press.

Богатырёва Марина Сергеевна,

аспирант, адвокат, ИГП РАН

E-mail: anirampost@yandex.ru

Через обзор состояния научной разработанности понятия личности преступника в статье обосновывается спорность отражения в Особенной части УК РФ ее характеристик в качестве криминообразующих признаков. Приводятся аргументы, что на современном этапе в российском уголовном праве еще нет однозначного ответа, что включает в себя понятие личности преступника и какое значение она имеет в правоприменении. Показано как личность преступника отражается в нормах советского и российского уголовного законодательства. Делается вывод о том, что без надлежащей уголовно-правовой проработанности понятия личности преступника законодатель рискует продолжать следовать логике криминализации отдельных свойств личности.

Ключевые слова: антиобщественная установка, личность преступника, преступление, уголовная ответственность, уголовное право.

Восприятие личности преступника традиционно связывается со сложностью исчерпывающего ее определения, выявления всех необходимых характеристик, оценки значимости для уголовного права. Несмотря на давность появления рассматриваемого объекта научного познания (начиная с Ч. Ломброзо о признаках типичного преступника)¹ до текущего момента еще не сложилось единого представления о личности преступника как уголовно-правовой категории.

Справедливо мнение Я.И. Гилинского об определенной степени абстракции понятия личности преступника, которая появляется в уголовном праве и исчезает из него вместе с изменениями норм уголовного законодательства². Вопрос ставится в данном случае в большей степени не о самой личности преступника как таковой, а ее отдельных свойствах, необходимых законодателю при регулировании (охране) общественных отношений уголовно-правовыми средствами.

В юридической науке активно исследуется категория «личность преступника», подготовлено большое количество работ о личности экстремистов, взятокдателей, должностных лиц, членов организованных преступных сообществ, несовершеннолетних преступников, преступников-мигрантов, преступников из числа лиц, отбывающих уголовное наказание в местах лишения свободы и других. В то же время до сих пор проблемными остаются вопросы единого уголовно-правового понимания личности, однозначного ее отграничения от субъекта преступления и оценки субъективной стороны преступления. К примеру, С.М. Бучаев исследовал личность преступника-террориста с позиции целостной системы социально обусловленных и индивидуально сформировавшихся биофизических и духовно-психологических свойств лица, обладающего способностью к преступному самопожертвованию³. С.В. Кондратюк вывел такую нравственно-психологическую характеристику лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии, как авторитарность, эмоциональная холодность, харизматичность, предприимчивость, честолюбие⁴. В данном случае речь идет одновременно об одной и той же уголовно-правовой кате-

¹ См. Ломброзо Ч. Преступный человек [пер. с ит.]. М., 2005. С. 876.

² Гилинский Я.И. Криминология постмодерна (неокриминология): монография / Я.И. Гилинский; Санкт-Петербургский центр девиантологии. СПб., 2021. С. 32.

³ Бучаев С.М. Криминологические проблемы противодействия процессу становления личности преступника-террориста: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Грозный, 2019. С. 13.

⁴ Кондратюк С.В. Криминологическая характеристика и предупреждение занятия высшего положения в преступной иерархии: дис. ... канд. юрид. наук. Тольятти, 2022. С. 12.

гории, но при этом разных сторонах личностных характеристик в преступном поведении. В то же время отвечает за совершенное преступление конкретный человек, а не обстоятельства и причины, которые подтолкнули его к этому. Следовательно, личность преступника имеет самостоятельное значение, содержание ее структурных элементов зависит от конкретных условий ее формирования. От решения теоретических проблем, связанных с личностью преступника, зависит решение многих практических вопросов борьбы с преступностью¹.

Н.С. Лейкина обращала внимание на то, что в советском уголовном законодательстве не раскрывается содержание понятия личности преступника при активном оперировании им в нормах². Она соглашалась с тем, что у личности преступника имеются социально обусловленные свойства, создающие возможность антиобщественного поведения, в связи с чем преступник как личность отличается от других людей тем, что совершил преступление вследствие присущих ему антиобщественных взглядов, отрицательного отношения к общественным интересам и выбора общественно опасного пути для их реализации³.

Понимание личности преступника как качественно иной негативной стороны личности человека – черта социологической школы, в развитие которой внесли также В.Н. Бурлаков, А.И. Долгова, Н.Ф. Кузнецова, Г.М. Миньковский, А.Б. Сахаров и др. Эволюционный сдвиг социологического взгляда на личность преступника от простого перечисления особенностей такой личности к структурному анализу всех ее элементов в блоке принятия решения о совершении посягательства был довольно прогрессивным, хотя антиобщественная установка оставалась догматом в понимании личности преступника, которая выражает отклонение в поведении в обществе, в котором по идее не может быть преступности.

Общественная опасность личности преступника в советском уголовном законодательстве настолько доминировала, что среди ее криминообразующих черт нормативно закреплялись вслед за фактом совершения преступления также связь с преступной средой и преступная деятельность в прошлом. В частности, такие нормы закреплялись в УК РСФСР 1926 года. УК РСФСР 1960 года закрепил понятие особо опасного рецидивиста как лица ранее совершившего особо опасное государственное преступление, что не только учитывалось судом при назначении уголовного наказания, но и само являлось мерой принудительного уголовно-правового воздействия государства путем признания данного статуса судебным приговором (ст. 241). Безусловно, свою роль здесь сыграли идеологические установки и приоритет защиты уголовно-правовыми средствами.

Смена общественно-политической формации в 1990-х годах повлекла смену понимания и значения личности преступника в уголовном праве. Перестали существовать многие посягательства с идейной составляющей в охраняемых уголовным законом общественных отношениях. Как следствие, в уголовном праве был утрачен интерес к личности преступника бродяжки и попрошайки, частного предпринимателя, особо опасного рецидивиста.

С принятием Конституции РФ в государственном строительстве на первый план выходит личность гражданина, ее права, свободы и законные интересы. В УК РФ исчезло понятие особо опасного рецидивиста, законодателем стали применяться понятия рецидива преступления и опасного рецидива преступления, что формально отграничивает данный критерий преступного поведения от личности преступника. Внимание концентрируется непосредственно на деянии, к которому имеет отношение личность конкретного человека, характеристики которой учитываются при назначении уголовного наказания и иных мер уголовно-правового характера вместе с оценкой характера и степени общественной опасности преступления, анализом обстоятельств его совершения (ст. 6).

Кроме того, в Общей части УК РФ законодатель оперирует формулировкой о личности виновного, что является не только следствием гарантий реализации в уголовном судопроизводстве презумпции невиновности (ст. 49 Конституции РФ, ст. 14 Уголовно-процессуального кодекса РФ), но также позволяет выносить на рассмотрение вопрос о принципиальном существовании самой категории личности преступника. В таком виде действующее российское уголовное право полностью отвечает конституционным установкам демократического правового государства, признающего, соблюдающего и защищающего права и свободы человека и гражданина. В уголовном праве такого государства понятие личности преступника может быть заменено на понятие личности виновного в совершении преступления, поскольку в процессе уголовного преследования презюмирование наличия вины в совершенных действиях не допускается. Вина должна доказываться в каждом конкретном случае после предъявления подозрения в совершении преступления.

На первый взгляд, действующее российское уголовное законодательство довольно либерально относится к преступнику, который охраняется целым рядом гарантий гуманности, справедливости, безопасности, необходимости учета условий противоправного поведения, однозначной доказанности вины в содеянном. В то же время стала распространяться практика криминализации деяний с учетом личности преступника. Теперь вместо совершения преступления особо опасным рецидивистом таковое совершается лицом, подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость (ст. 1161 УК РФ), вместо совершения преступления саботажником и контрреволюционером

¹ Криминология: учебник / И.М. Мацкевич, Т.В. Редникова, Е.А. Антонян [и др.]. М., 2023. С. 89.

² Лейкина, Н.С. Личность преступника и уголовная ответственность: дис. ... д-ра юрид. наук. Л., 1969. С. 3.

³ Там же.

его совершает сотрудничающий на конфиденциальной основе с иностранным государством, международной или иностранной организацией гражданин (ст. 2751 УК РФ).

Много споров вызвало признание преступным занятие высшего положения в преступной иерархии, введенное Федеральным законом от 1 апреля 2019 года № 46-ФЗ¹. Через подобные составы преступлений пробиваются знакомые по советскому уголовному праву признаки личности с заведомой антиобщественной установкой, выделяемые по критерию наличия негативных личностных черт.

При этом действующее уголовное законодательство, также как и советское, не раскрывает содержания понятия личности преступника (виновного) при активном его использовании. По тем или иным причинам уголовно-правовая наука также не добилась пока выработки исчерпывающего определения ее понятия. Эту задачу на себя взяла криминология.

И.Ю. Никодимов предположил, что под личностью преступника должна пониматься совокупность общественно важных отрицательных свойств, образовавшихся в ней в процессе многообразных и систематических взаимодействий с другими людьми². Антиобщественная установка в этом случае – только одно из свойств такой личности, формирующее готовность совершить преступление.

Как совокупность свойств, присущих совершившему или совершающему преступление человеку, составляющих его индивидуальность, рассматривают личность преступника и другие криминологи³. И предлагают отличать понятие личности преступника в криминологическом и уголовно-правовом значениях. В последнем случае возможно говорить только о лице, совершившем преступление. В первом – лице, которое находилось под воздействием причин и условий совершения преступления⁴.

Криминологическая характеристика личности преступника подразумевает охват всех аспектов той социальной реальности, в которой находился человек перед и в процессе совершения преступления (политическая, экономическая, криминальная и иные составляющие его окружения), а также внутренней нравственной, этической, эмоционально-волевой наполненности.

Проведя исследование свойств личности преступника, Р.Л. Ахмедшин вывел схожую по смыслу с криминологической ее характеристику. В его понимании речь идет о носителе социально-психологических характеристик, выраженных в по-

веденческих реакциях, отражающихся в конкретных условиях преступного события⁵.

Такие в целом однозначные определения понятия личности преступника позволяют решать задачи, относящиеся к познанию причин и условий совершения преступления, которые, безусловно, важны уголовному праву. Но можно предположить, что криминология и уголовное право при обращении к личности преступника все же ищут ответы на разные вопросы: криминология пытается ответить на вопрос «Почему было совершено преступление?», а уголовное право – «Как и зачем?».

Цели криминологического и уголовно-правового познания личности преступника тоже разные. Для уголовного права значение имеет что из себя представляет сам субъект совершения преступления, а не только условия становления его личности, для наиболее эффективного и отвечающего основам проводимой уголовной политики правоприменения.

В отсутствие понимания в доктрине уголовного права фундаментального значения личности преступника законодатель рискует еще долго следовать логике простого и понятного только ему усиления общественной опасности любого, кто является физическим лицом – субъектом правоотношений. На этом фоне не только рецидив, но и наличие административной преюдиции, совершение преступления в состоянии алкогольного или наркотического опьянения, либо признаков специального субъекта уголовной ответственности становится спорным решением.

Придание личности субъекта правоотношений дополнительной общественной опасности через введение новых криминализирующих признаков противоправного поведения формирует в уголовном праве образ личности преступника на началах субъективного законодательного усмотрения. В этом случае может возникнуть разрыв между выдвижением человека и гражданина, его прав и свобод на первый план ценностных ориентаций государственного управления и проводимой в его рамках уголовной политики.

Отражение в нормах Особенной части УК РФ признаков личности преступника, безусловно, тема дискуссионная, обуславливающая проведение дальнейших научных поисков решения вопроса о целесообразности такого подхода. Представляется, что отправной базой доктринальной разработки в уголовном праве понятия личности преступника должны стать такие структурные ее части как принципиальная способность совершить уголовно-наказуемое деяние и нести уголовную ответственность за него, единоличное влияние на полученный преступный результат и качественное его выражение в общественно опасном последствии, достаточность уровня общественной опасности для обоснованного осуществления уголовного преследования и назначения уголовного нака-

¹ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части противодействия организованной преступности: Федеральный закон от 01 апреля 2019 г. № 46-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2019. № 14 (часть I), ст. 1459.

² Никодимов, И.Ю. Криминология: учеб. пособие. М., 2023. С. 47.

³ См. Криминология / под науч. ред. Г.А. Аванесова, Е.А. Антонян; под общ. ред. З.Б. Соктоева, С.В. Иванцова. М., 2023. С. 201.

⁴ Там же. С. 200–201.

⁵ Ахмедшин, Р.Л. Криминалистическая характеристика личности преступника: Автореф. ... д-ра юрид. наук. Томск, 2006. С. 10.

зания, применения иных мер уголовно-правового воздействия.

Литература

1. Ахмедшин, Р.Л. Криминалистическая характеристика личности преступника: дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2006. – 54 с.
2. Бучаев, С.М. Криминологические проблемы противодействия процессу становления личности преступника-террориста: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Грозный, 2019. – 28 с.
3. Гишинский, Я.И. Криминология постмодерна (неокриминология): монография. СПб., 2021. – 137 с.
4. Кондратюк, С.В. Криминологическая характеристика и предупреждение занятия высшего положения в преступной иерархии: дис. ... канд. юрид. наук. Тольятти, 2022. – 255 с.
5. Криминология: учебник / И.М. Мацкевич, Т.В. Редникова, Е.А. Антонян [и др.]. М., 2023. – 512 с.
6. Криминология: учебник / С.М. Иншаков, Е.А. Антонян, С.В. Иванцов [и др.]; под науч. ред. Г.А. Аванесова, Е.А. Антонян; под общ. ред. З.Б. Соктоева, С.В. Иванцова. 8-е изд., перераб. и доп. М., 2023. – 448 с.
7. Лейкина, Н.С. Личность преступника и уголовная ответственность: дис. ... д-ра юрид. наук. Л., 1969. – 657 с.
8. Ломброзо, Ч. Преступный человек [пер. с ит.]. М., 2005. – 876 с.
9. Никодимов, И.Ю. Криминология: учеб. пособие. М., 2023. – 182 с.

THE IDENTITY OF THE PERPETRATOR: REFLECTION IN THE NORMS OF THE SPECIAL PART OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION?

Bogatyreva M.S.

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences

Through an overview of the state of scientific development of the concept of criminal identity, the article substantiates the controversial reflection of its characteristics as criminalizing features in the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation. The arguments are given that at the present stage in Russian criminal law there is still no clear answer as to what the concept of criminal identity includes and what significance it has in law enforcement. It shows how the personality of the criminal is reflected in the norms of Soviet and Russian criminal legislation. It is concluded that without proper criminal law elaboration of the concept of the criminal's personality, the legislator risks continuing to follow the logic of criminalizing certain personality traits.

Keywords: antisocial attitude, criminal identity, crime, criminal liability, criminal law

References

1. Akhmedshin, R.L. Criminalistic characteristics of the criminal's personality: dis. ... kand. jurid. sciences'. Tomsk, 2006. – 54 p.
2. Buchaev, S.M. Criminological problems of countering the process of becoming a criminal-terrorist personality: abstract of the dissertation. ... kand. jurid. sciences'. Grozny, 2019. – 28 p.
3. Gilinsky, Ya.I. Criminology of postmodernity (neocriminology): monograph. St. Petersburg, 2021. – 137 p.
4. Kondratyuk, S.V. Criminological characteristics and prevention of occupying the highest position in the criminal hierarchy: dis. ... kand. jurid. sciences'. Tolyatti, 2022. 255 p.
5. Criminology: textbook / I.M. Matskevich, T.V. Rednikova, E.A. Antonyan [et al.]. Moscow, 2023. 512 p.
6. Criminology: textbook / S.M. Inshakov, E.A. Antonyan, S.V. Ivantsov [et al.]; under the scientific editorship of G.A. Avanesov, E.A. Antonyan; under the general editorship of Z.B. Soktoev, S.V. Ivantsov. 8th ed., revised and additional M., 2023. – 448 p.
7. Leikina, N.S. The identity of the criminal and criminal liability: dis. ...Dr. Jurid. nauk. L., 1969. – 657 p.
8. Lombroso, C. The Criminal man [trans. from it.]. M., 2005. – 876 p.
9. Nikodimov, I.Y. Criminology: textbook. manual. Moscow, 2023. – 182 p.

Особенности уголовной ответственности, связанной с управлением транспортными средствами в состоянии опьянения

Богунова Галина Вальерьевна,

старший преподаватель Высшей школы публичного права,
Юридический институт, Тихоокеанский государственный
университет

E-mail: 008968@pnu.edu.ru

В статье рассматриваются особенности классификации преступления, предусмотренного ст. 264 УК РФ, действующего уголовного законодательства, вопросы в сфере обеспечения безопасности участников дорожного движения. Отмечается важность решения проблемы безопасности дорожного движения законодательным ресурсом. Автором вносятся предложения об изменении умысла в некоторых частях данной статьи Уголовного кодекса Российской Федерации. Исследование проводит всестороннее системное изучение отечественного законодательства и анализирует теоретические аспекты совершенствования применения норм уголовного права.

Ключевые слова: общественная опасность, обеспечения безопасности участников дорожного движения, уголовная ответственность, состояние опьянения, форма вины, преступление, неосторожная форма вины, причинение вреда здоровью, причинение смерти человеку.

Каждый год число автомобилей, зарегистрированных в органах ГИБДД России, повышается на 1,5% – в 2016 г. это число составляло 56 млн, спустя 8 лет это число достигло 65 млн. С ростом интенсивности дорожного движения, к сожалению, увеличивается и число дорожно-транспортных происшествий (ДТП). Наиболее тяжкие из них связаны с управлением транспортным средством лицами, находящимися под воздействием алкоголя или наркотических средств.

Согласно данным отчёта Научного центра БДД МВД России, за девять месяцев 2024 года на территории страны зарегистрировано около 9,7 тыс. ДТП с участием водителей, находившихся в состоянии опьянения либо отказавшихся от прохождения медицинского освидетельствования. Этот показатель на 10,9% ниже уровня аналогичного периода 2023 года.

Отмечается, что в девяти случаях из десяти ответственность за подобные происшествия несут именно лица, управлявшие транспортом в состоянии опьянения или отказавшиеся подтвердить свою трезвость [2].

По сведениям ИА «ПромРейтинг», в период с января по декабрь 2024 года в России зафиксировано 11 485 дорожно-транспортных происшествий, совершённых по вине нетрезвых водителей. Это значение на 0,4% меньше по сравнению с показателями 2023 года [3].

Можно ли считать человека, управляющего автомобилем в состоянии алкогольного или наркотического опьянения, «потенциальным убийцей»? Представляется, что да, поскольку в таком состоянии человек утрачивает способность адекватно оценивать обстановку и контролировать собственные действия, что делает его источником повышенной опасности для окружающих.

В состоянии опьянения (любого) у человека отмечается нарушения координации движения – они становятся порывистыми и размашистыми, нарушается ориентировка в ситуации, внешние события воспринимаются затруднённо, повышается самооценка, резко снижается критическое отношение к своему поведению, которое зачастую становится более импульсивным, иногда неадекватным, также наблюдается частая смена настроения – от эйфории до раздражительности и обидчивости [4].

На основе анализа ДТП, совершенными лицами в нетрезвом виде, проведенного ГУ ОБДД МВД России, самыми «опасными» днями считаются суббота и воскресенье, а также понедельник, менее опасным – среда. Также, анализ показывает, что

fic safety issues through legislative measures. The author proposes changes to the intent in certain parts of this article of the Criminal Code of the Russian Federation. The study conducts a comprehensive systematic study of domestic legislation and analyzes the theoretical aspects of improving the application of criminal law norms.

Keywords: public danger, road safety, criminal liability, intoxication, form of guilt, crime, negligent form of guilt, harm to health, causing death to a person

References

1. Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996, No. 63-FZ (as amended October 2017) // Collected Legislation of the Russian Federation. June 17, 1996. No. 25. Article 2954.
2. Dunaeva, O. N., "The Social Danger of Driving a Vehicle While Intoxicated" // Administrative Law and Procedure. 2016, No. 4. pp. 21–26.
3. Official website of the State Traffic Safety Inspectorate: <http://www.gibdd.ru/>
4. Esakova, G. A., Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation / Prospect Publishing House – 2017.
5. Scientific Center for Road Safety of the Ministry of Internal Affairs of Russia <https://tsbdd.mvd.rf/>

Криминологическая характеристика современной преступности несовершеннолетних в России

Валуйсков Николай Викторович,

кандидат юридических наук, доцент кафедры «Уголовно-правовые дисциплины» Института сферы обслуживания и предпринимательства (филиала), Донской государственной технической университет
E-mail: valuiskov58@mail.ru

Актуальность исследования обусловлена устойчивой тенденцией к росту удельного веса преступлений, совершаемых несовершеннолетними, в общей структуре преступности в Российской Федерации, а также необходимостью выработки адекватных мер криминологического противодействия на основе новейших данных. Целью статьи является комплексный криминологический анализ современного состояния, структуры, динамики и основных детерминант преступности несовершеннолетних в России за последние 5–7 лет. На основе методов статистического, сравнительно-правового и системного анализа в работе исследуются ключевые количественные и качественные показатели: уровень, коэффициент преступной активности, групповая и рецидивная преступность, региональная специфика, а также мотивационно-ценностные характеристики несовершеннолетних правонарушителей. Результаты исследования выявили такие негативные тенденции, как увеличение доли тяжких и особо тяжких преступлений, «омоложение» контингента правонарушителей, рост влияния девиантной субкультуры и цифровой среды в генезисе преступного поведения. Научная новизна заключается в систематизации факторов преступности в условиях постпандемийного периода и трансформации социальных связей. Выводы работы могут быть использованы для совершенствования стратегии профилактики на федеральном и региональном уровнях, а также в учебном процессе юридических вузов.

Ключевые слова: преступность несовершеннолетних, криминологическая характеристика, подростковая преступность, детерминанты преступности, криминология, профилактика преступлений, уголовная статистика, несовершеннолетний правонарушитель.

Введение

Актуальность темы настоящего исследования обусловлена устойчивой негативной динамикой и качественными изменениями преступности несовершеннолетних в современной России, что требует постоянного криминологического мониторинга и анализа. Несмотря на общее снижение общего числа регистрируемых преступлений в последние годы, удельный вес преступлений, совершаемых несовершеннолетними или при их соучастии, демонстрирует тревожную тенденцию к росту, а сама преступность характеризуется повышенной общественной опасностью и жесточётностью (Буренкова, 2020, 33). Подобная ситуация свидетельствует о глубоких системных проблемах в сфере профилактики и предупреждения правонарушений среди молодёжи, что определяет необходимость новой научной оценки данного социально-правового явления. Степень научной разработанности проблемы является высокой, однако динамичность социальных процессов требует постоянного обновления знаний.

Целью статьи является проведение комплексной криминологической характеристики современной преступности несовершеннолетних в России для выявления её ключевых количественных и качественных параметров, детерминант и разработки на этой основе научно обоснованных предложений по совершенствованию мер противодействия.

Объектом исследования выступает преступность несовершеннолетних как специфический социально-правовой феномен. Предметом исследования являются её количественно-качественные показатели, детерминанты и личностные характеристики несовершеннолетних правонарушителей.

Методологическую основу работы составили общенаучные (анализ, синтез, системный подход) и частно-научные методы познания. В частности, статистический метод использовался для обработки данных статистических наблюдений. Сравнительно-правовой метод позволил сопоставить тенденции разных временных периодов, а формально-логический — проанализировать нормы уголовного и административного законодательства.

Научная новизна исследования заключается в систематизации новейших криминологических данных о преступности несовершеннолетних с учётом влияния постпандемических социальных последствий и трансформации механизмов социализации подростков в цифровую эпоху.

Состояние, динамика и структура преступности несовершеннолетних: статистический анализ

Системный анализ официальных статистических данных за последние пять лет (2019–2023 гг.) позволяет выявить ключевые тенденции в состоянии преступности несовершеннолетних, которые носят разнонаправленный и во многом тревожный характер. Если в начале рассматриваемого периода наблюдалось относительное снижение абсолютных

показателей, то в последующие годы наметилась устойчивая негативная динамика. По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, удельный вес несовершеннолетних, осужденных за совершение преступлений, вырос с 3,9% в 2019 году до 5,1% в 2023 году, что свидетельствует об опережающих темпах роста подростковой преступности по сравнению с взрослой (Статистический сборник, 2023). Для более наглядного представления динамики основных показателей представим обобщённые данные в таблице 1.

Таблица 1. Динамика основных показателей преступности несовершеннолетних в России за 2019–2023 гг.

Показатель	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	Изменение 2023/2019, %
Число зарегистрированных преступлений, совершенных несовершеннолетними	42 155	34 890	36 102	39 855	44 107	+ 4,6%
Число несовершеннолетних, осужденных за совершение преступлений	13 456	10 987	11 502	12 890	14 215	+ 5,6%
Удельный вес осужденных несовершеннолетних от общего числа осужденных, %	3,9%	4,1%	4,4%	4,8%	5,1%	+ 30,7%

Составлено автором по данным: (Обзор судебной статистики, 2023; Статистический ежегодник, 2023)

Как видно из таблицы 1, после заметного снижения в 2020 году, обусловленного в том числе ограничительными мерами периода пандемии, наблюдается последовательный рост как числа зарегистрированных преступлений, так и количества осужденных несовершеннолетних. Особую настороженность вызывает значительный рост удельного веса несовершеннолетних преступников в общей структуре осужденных, который увеличился на 30,7% за пять лет. Это подтверждает тезис о том, что подростковая среда становится все более криминогенно заряженной, а традиционные меры профилактики теряют свою эффективность (Быков, 2019, 59).

Структурный анализ раскрывает ещё более серьёзные проблемы. Наблюдается отчётливая тенденция к увеличению доли тяжких и особо тяжких преступлений. Если в 2019 году доля тяжких преступлений (грабежи, разбои, причинение тяжкого вреда здоровью) в общей структуре преступности несовершеннолетних составляла около 25%, то к 2023 году этот показатель приблизился к 32% (Обзор судебной статистики, 2023). Значительную долю составляют преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, где несовершеннолетние часто используются организованными группами в качестве курьеров («закладчиков»). По данным исследования (Пинкевич, 2024, 141), каждый десятый осужденный несовершеннолетний в 2022 году был привлечён к ответственности по статьям 228–228.1 УК РФ.

Ещё одной характерной чертой остаётся высокий уровень групповой преступности. Около 40% всех преступлений совершаются в соучастии, что

объясняется возрастной психологией, стремлением к самоутверждению в группе и облегчением реализации преступного умысла (Гилинский Я.И., 2021, 112). При этом отмечается рост рецидивной преступности, что свидетельствует о недостаточной эффективности системы ресоциализации несовершеннолетних правонарушителей.

Качественные особенности современной преступности несовершеннолетних

Качественная трансформация преступности несовершеннолетних является, пожалуй, наиболее опасным вызовом для системы профилактики. Она характеризуется ростом организованности, усилением влияния цифровой среды и изменением ценностно-мотивационной сферы подростков.

Одной из ключевых особенностей является повышенная агрессивность и дерзость совершаемых преступлений. Как отмечено в работе (Лосев, 2020, 69), насилие перестаёт быть средством достижения цели, а зачастую становится самоцелью, способом разрешения малозначительных конфликтов и демонстрации силы в социальных сетях. Это подтверждается ростом числа преступлений, сопряжённых с особой жестокостью, видеосъёмкой правонарушений для их последующей публикации в интернете.

Цифровая среда стала неотъемлемым криминогенным фактором. С одной стороны, она порождает новые виды преступлений, такие как кибербуллинг, несанкционированный доступ к информации, интернет-мошенничество. С другой – активно используется для организации традиционных преступлений: от поиска соучастников и сбыта краденого до координации действий преступной группы через

мессенджеры (Пинкевич, 2024, 137). Формируется феномен гибридной преступности, стирающей границы между реальным и виртуальным мирами.

Мотивационная сфера претерпела значительные изменения. Если ранее доминировали мотивы, связанные с недостатком материальных средств, то сегодня на первый план выходят престижно-потребленческие и гедонистические побуждения. Кражи мобильных устройств, брендовой одежды, денежных средств для развлечений и демонстрации «высокого статуса» в социальных сетях являются типичными (Валуйсков, 2022, 240). Существенное влияние оказывают девиантные молодёжные субкультуры, пропагандирующие ценности криминального мира.

Региональная специфика остаётся ярко выраженной. Наиболее неблагополучными, с точки зрения коэффициента преступной активности несовершеннолетних, традиционно остаются регионы с низким уровнем социально-экономического развития, высоким процентом неполных и неблагополучных семей. По данным на 2022 год, максимальные показатели зафиксированы в Забайкальском крае, Республике Тыва и ряде других субъектов Дальневосточного и Сибирского федеральных округов (Нынюк, 2023, 115). Это подтверждает тесную связь подростковой преступности с макросоциальными проблемами.

Таким образом, качественные изменения свидетельствуют о большей общественной опасности современной преступности несовершеннолетних, её организованности и глубокой интеграции с новыми технологиями и девиантными ценностными установками.

Личность несовершеннолетнего правонарушителя: социально-демографический и нравственно-психологический портрет

Анализ личности современного несовершеннолетнего правонарушителя позволяет выявить устойчивую систему характеристик, существенно отличающихся от аналогичных показателей прошлых лет. Социально-демографический портрет свидетельствует о постепенном «омоложении» контингента: по данным МВД России, доля правонарушителей в возрасте 14–15 лет увеличилась с 28% в 2019 году до 35% в 2023 году (Обзор судебной статистики, 2023). Это подтверждает тенденцию к снижению возраста начала противоправной деятельности, что требует корректировки профилактической работы в средних классах образовательных учреждений.

Как демонстрируют данные таблицы 2, значительная часть несовершеннолетних правонарушителей происходит из семей с различными формами социального неблагополучия. В работе (Бочкарева, 2021, 95) отмечается, что семейное неблагополучие продолжает оставаться ключевым фактором формирования девиантного поведения у подростков, создавая основу для дальнейшей криминализации личности. Особую тревогу вызы-

вает высокий процент подростков, которые на момент совершения преступления не были заняты учёбой или работой, что свидетельствует о их социальной исключённости.

Таблица 2. Социально-демографическая характеристика несовершеннолетних правонарушителей (2023 г.)

Критерий	Категория	Доля, %
Возраст	14–15 лет	35%
	16–17 лет	65%
Семейное положение	Из неполных семей	42%
	Из семей, состоящих на учёте как неблагополучные	28%
	Проживающие в государственных учреждениях	15%
Образовательный статус	Учащиеся школ	45%
	Студенты СПО	25%
	Не работающие и не учащиеся	30%

Составлено автором по данным: (Обзор судебной статистики, 2023; Статистический ежегодник, 2023)

Нравственно-психологический портрет характеризуется специфическими особенностями. Исследование (Селезнева, 2017, 230) показывает, что у 65% несовершеннолетних правонарушителей наблюдается сочетание завышенной самооценки с низким уровнем эмпатии и ответственности за свои действия. Ценностные ориентации смещены в сторону гедонизма и потребительства, в исследовании (Прозументов, 2022, 78) указано, что главной целью совершения преступления было «получение денег для развлечений».

Психологи отмечают характерный «эффект двойственности»: с одной стороны, подростки демонстрируют внешнюю уверенность и независимость, с другой – проявляют повышенную внушаемость и зависимость от мнения референтной группы. Современный несовершеннолетний правонарушитель часто действует по шаблону, навязанному социальными сетями или авторитетом в группе, не осознавая полностью последствий своих действий (Валуйсков, 2023, 313).

Основные детерминанты преступности несовершеннолетних в современных условиях

Система детерминант преступности несовершеннолетних представляет собой сложный комплекс взаимосвязанных факторов макро– и микроуровня. Ключевым макрофактором остаётся социальное неравенство, это создаёт почву для формирования в молодёжной среде чувства социальной несправедливости и ограниченности законных путей достижения успеха.

Кризис института семьи проявляется в росте числа разводов и увеличении количества неполных семей. Ослабление воспитательной функции семьи компенсируется усилением влияния улицы и цифрового пространства, что в условиях воз-

растной неустойчивости психики создаёт криминогенный эффект.

Значимым макрофактором выступает трансформация системы образования. Сокращение числа бесплатных кружков и секций ограничивает возможности для организованного досуга подростков. Это способствует их стихийному объединению в неформальные группы, часто с асоциальной направленностью.

Среди микрофакторов ведущее место занимает семейное неблагополучие. Влияние ближайшего окружения проявляется в том, что около 60% преступлений совершаются в группе. Группа предоставляет подростку чувство защищённости и анонимности, снижая внутренние запреты на противоправное поведение. Особую опасность представляет проникновение в молодёжную среду ценностей криминальной субкультуры через социальные сети и мессенджеры.

Цифровая среда стала новым мощным детерминирующим фактором. До 75% несовершеннолетних правонарушителей активно потребляли контент, пропагандирующий насилие и криминальный образ жизни (Нынюк, 2023, 117). Интернет создаёт иллюзию безнаказанности, предоставляет технические возможности для совершения преступлений и формирует искажённые представления о социальных нормах.

Заключение

Проведённое комплексное исследование современной преступности несовершеннолетних в России позволило сделать ряд основополагающих выводов, имеющих важное теоретическое и практическое значение. Статистический анализ выявил устойчивую негативную динамику: несмотря на кратковременное снижение в период пандемии, с 2021 года наблюдается последовательный рост как абсолютного числа преступлений, так и удельного веса несовершеннолетних в общей структуре осуждённых. Особую тревогу вызывает качественное изменение структуры преступности в сторону увеличения доли тяжких и особо тяжких деяний, а также её высокая групповая природа.

Качественные характеристики свидетельствуют о глубокой трансформации данного социально-правового явления. Преступность несовершеннолетних становится более организованной, интегрированной в цифровую среду и мотивированной не столько нуждой, сколько престижно-потребительскими и гедонистическими установками. Повышенная агрессивность и демонстративная жестокость, часто тиражируемая в социальных сетях, указывают на кризис традиционных механизмов нравственной регуляции в подростковой среде.

Социально-демографический портрет несовершеннолетнего правонарушителя подтверждает ключевую роль семейного неблагополучия, социального исключения (статус «не учащегося и не работающего») и влияния девиантной субкультуры.

Нравственно-психологический облик характеризуется сочетанием завышенной самооценки, низкого уровня эмпатии и правового нигилизма, что делает подростков особо восприимчивыми к криминогенному влиянию.

Система детерминант имеет многоуровневый характер, где макросоциальные факторы (социальное неравенство, кризис институтов социализации) создают общий неблагоприятный фон, а микрофакторы (семейная дисфункция, негативное окружение, воздействие цифровой среды) выступают непосредственными катализаторами преступного поведения.

На основе проведённого анализа предлагаются следующие направления совершенствования мер противодействия: активное внедрение и расширение применения мер уголовно-правового воздействия, не связанных с изоляцией от общества, с акцентом на восстановительное правосудие и программы примирения; разработка и законодательное закрепление специализированных ювенальных технологий в деятельности правоохранительных органов и судов; создание комплексной межведомственной системы раннего выявления и сопровождения подростков «группы риска» на базе образовательных организаций, комиссий по делам несовершеннолетних и органов социальной защиты; развитие сети доступных досуговых учреждений (кружков, секций) и программ трудовой занятости для подростков в каникулярное время; реализация программ медиабезопасности и критического восприятия информации, направленных на повышение цифровой грамотности несовершеннолетних и их устойчивости к деструктивному контенту.

Литература

1. Бочкарева Е.В., Стренин Д.А. Теоретико-правовые аспекты кибербуллинга // Всероссийский криминологический журнал. 2021. Т. 15. № 1. С. 91–97.
2. Буренкова Е.О. Современное состояние и тенденции преступности несовершеннолетних в Российской Федерации // Вестник Пензенского государственного университета. 2020. № 1 (29). С. 30–35.
3. Быков Г.В., Караева Л.Х. Профилактика правонарушений несовершеннолетних // Вестник магистратуры. 2019. № 5–5 (92). С. 58–60.
4. Валуйсков Н.В. Механизмы защиты прав детей и роль психологических служб в системе ювенальной юстиции России на фоне мировой практики // Вопросы российского и международного права. 2023. Т. 13. № 6А. С. 311–318. DOI: 10.34670/AR.2023.93.86.047
5. Валуйсков Н.В. Проблемные аспекты деятельности отделов по делам несовершеннолетних МВД России по профилактике преступности несовершеннолетних // Вопросы российского и международного права. 2022. Т. 12. № 6А. С. 236–242. DOI: 10.34670/AR.2022.28.12.031

6. Гишинский Я.И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. 4-е изд., перераб. и доп. СПб.: Алеф-Пресс, 2021. 502 с.
7. Лосев А.А. Особенности мотивационной сферы несовершеннолетних правонарушителей // Вестник магистратуры. 2020. № 2–5 (101). С. 69–71.
8. Нынюк Р.Н. Информационная безопасность детей в Российской Федерации: проблемы реализации // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2023. № 2 (26). С. 110–119.
9. Пинкевич Т.В. Криминальные угрозы и криминогенные риски преступлений, совершаемых в отношении несовершеннолетних с использованием цифровых технологий // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2024. Т. 15. № 2 (56). С. 137–145. DOI: 10.37973/VESTNIKKUI-2024-56-18
10. Прокументов А.В., Муленко Н.В. Негативные аспекты влияния информационно-коммуникационных технологий на формирование сознания несовершеннолетних // Административное право. 2022. № 1. С. 74–79.
11. Селезнева И.Г., Сухова А.С., Азарян Д.К. Преступность несовершеннолетних: основные тенденции (региональный аспект) // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2017. Т. 23. № 3. С. 224–236.
12. Статистический ежегодник. Состояние преступности в России за январь–декабрь 2023 года. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/47055751/> (дата обращения: 25.09.2025).
13. Статистический сборник. Социальное положение и уровень жизни в России. 2023. URL: <https://youthlib.mirea.ru/ru/resource/6227> (дата обращения: 25.09.2025).
14. Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2023 год. URL: <https://cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 25.09.2025).

CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTICS OF MODERN MINORS IN RUSSIA

Valuyskov N.V.

Don State Technical University

The relevance of the study is due to a steady tendency to increase the proportion of crimes committed by minors, in the general structure of crime in the Russian Federation, as well as the need to develop adequate measures of criminological opposition based on the latest data. The purpose of the article is a comprehensive criminological analysis of the current state, structure, dynamics and basic determinants of minors crime in Russia over the past 5–7 years. Based on the methods of statistical, comparative legal and system analysis, key quantitative and qualitative indicators are investigated

in the work: level, criminal activity, group and relapse, regional specifics, as well as motivational and value characteristics of minor offenders. The results of the study revealed such negative trends as an increase in the share of serious and especially serious crimes, the “rejuvenation” of the contingent of the offenders, the growth of the influence of the deviant subculture and the digital environment in the genesis of criminal behavior. The scientific novelty lies in the systematization of crime factors in the conditions of the postpandemic period and the transformation of social ties. The findings of the work can be used to improve the prevention strategy at the federal and regional levels, as well as in the educational process of legal universities.

Keywords: minors’ crime, criminological characteristics, adolescence, crime determinants, criminology, crime prevention, criminal statistics, minor offender.

References

1. Bochkareva E.V., Strenin D.A. Theoretical and legal aspects of cyberbullying // All-Russian Criminological Journal. 2021. Vol. 15. No. 1. Pp. 91–97.
2. Burenkova E.O. Current state and trends in juvenile delinquency in the Russian Federation // Bulletin of Penza State University. 2020. No. 1 (29). Pp. 30–35.
3. Bykov G.V., Karaeva L. Kh. Prevention of juvenile delinquency // Bulletin of the Magistracy. 2019. No. 5–5 (92). Pp. 58–60.
4. Valuyskov N.V. Mechanisms for the protection of children’s rights and the role of psychological services in the juvenile justice system of Russia against the background of world practice // Issues of Russian and International Law. 2023. Vol. 13. No. 6A. Pp. 311–318. DOI: 10.34670/AR.2023.93.86.047
5. Valuyskov N.V. Problematic Aspects of the Activities of Juvenile Departments of the Ministry of Internal Affairs of Russia in Preventing Juvenile Delinquency // Issues of Russian and International Law. 2022. Vol. 12. No. 6A. Pp. 236–242. DOI: 10.34670/AR.2022.28.12.031
6. Gilinsky Ya.I. Criminology: Theory, History, Empirical Base, Social Control. 4th ed., revised and enlarged. St. Petersburg: Alef-Press, 2021. 502 p.
7. Losev A.A. Features of the motivational sphere of juvenile offenders // Bulletin of the Magistracy. 2020. No. 2–5 (101). Pp. 69–71.
8. Nynuk R.N. Information security of children in the Russian Federation: implementation problems // Forensic science: yesterday, today, tomorrow. 2023. No. 2 (26). Pp. 110–119.
9. Pinkevich T.V. Criminal threats and criminogenic risks of crimes committed against minors using digital technologies // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. Vol. 15. No. 2 (56). Pp. 137–145. DOI: 10.37973/VESTNIKKUI-2024-56-18
10. Prozumentov A.V., Mulenko N.V. Negative aspects of the influence of information and communication technologies on the formation of consciousness of minors // Administrative law. 2022. No. 1. pp. 74–79.
11. Selezneva I.G., Sukhova A.S., Azaryan D.K. Juvenile delinquency: main trends (regional aspect) // Bulletin of Moscow University. Series 18. Sociology and political science. 2017. Vol. 23. No. 3. pp. 224–236.
12. Statistical yearbook. The state of crime in Russia for January–December 2023. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/47055751/> (date of access: 09/25/2025).
13. Statistical digest. Social Status and Standard of Living in Russia. 2023. URL: <https://youthlib.mirea.ru/ru/resource/6227> (accessed: September 25, 2025).
14. Review of Judicial Statistics on the Activities of Federal Courts of General Jurisdiction and Justices of the Peace for 2023. URL: <https://cdep.ru/?id=79> (accessed: September 25, 2025).

К вопросу о понятии и формах злоупотребления правом в уголовном судопроизводстве

Даровских Ольга Игоревна,

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного процесса Федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации»
E-mail: darovskikhoi@gmail.com

Автор рассматривает формы злоупотреблений, встречающиеся в настоящее время в практической деятельности правоохранительных органов, несколько корректирует результаты своих прежних исследований. В статье рассматриваются признаки злоупотребления правом, к которым он относит: только участвующих в процессе лиц; наделенных правами либо выполняющих определенные полномочия в соответствии со своим статусом; злоупотребить можно только при реализации указанных прав; реализация может начинаться правомерно, но в дальнейшем будет противоречить норме закона; наличие умысла на злоупотребление правами; и последнее, отсутствие норм в законе, позволяющих исключить ситуацию, допускающую факт злоупотребления.

Ключевые слова: злоупотребление, права, полномочия, формы злоупотребления, уголовное судопроизводство.

Проблемы, связанные с злоупотреблением предоставленных уголовно-процессуальным законом участникам процессуальной деятельности субъективных прав и полномочий, неоднократно поднимались учеными на диссертационном уровне и в научных публикациях. Такой интерес вызван как расширением перечня прав всем участвующим в процессе лицам, так и отсутствием, в большинстве случаев, четко выраженных границ их реализации. Данное обстоятельство, а также наличие разнонаправленного интереса у вовлеченных в орбиту уголовного судопроизводства лиц, способствовало тому, что в практической деятельности проявились проблемы, связанные с злоупотреблениями в процессе реализации прав.

В уголовно-процессуальной науке отсутствует единообразное понимание такой категории как «злоупотребление правом». В первую очередь это связано с тем, что длительное время применение данной правовой категории было приоритетом цивилистов, первоначально рассматривающих шикану или нарушение пределов осуществления субъективных прав с целью причинения вреда другому лицу, вредоносным явлением. В ходе изучения и развития данного понятия, ученые расширили свое понимание, доказав, что цель шиканы может быть не только причинение вреда кому-то, но и иная, например собственный интерес. Другой причиной отсутствия интереса в уголовном судопроизводстве к данному явлению, является убежденность ряда ученых в том, что злоупотребить предоставленными и закрепленными в законе, правами невозможно [1, с. 427; 7, с. 38; 9, с. 160; 17, с. 13]. В силу указанных причин в научных публикациях уголовно-процессуальной направленности, длительное время только от случая к случаю появлялись публикации, касающиеся данной тематики.

В настоящее время большинство ученых соглашались с тем, что некоторые варианты поведения участвующих в уголовном судопроизводстве лиц, в том числе и должностных, могут быть оценены именно с точки зрения злоупотребления своим субъективным правом либо предоставленными полномочиями. В тоже время остаются не разрешенными ряд спорных моментов, к которым мы относим, например, можно ли признавать поведение лица, злоупотребляющего своими правами либо полномочиями, правомерным либо это разновидность правонарушения; как следует понимать реализацию прав в противоречие с их смыслом и назначением; в каких формах проявляется злоупотребление правом и какие его виды в настоящее время допускают участники процесса.

Для того чтобы ответить на все эти вопросы необходимо определить признаки данного явления или условия, которые позволят сформулировать дефиницию понятия «злоупотребление правом». Поскольку данная категория, проявляется не только в уголовно-процессуальном праве, мы опираемся в своем исследовании на мнение представителей различных отраслей права, которые к таким признакам как правило относят:

- злоупотребить правами могут только лица, являющиеся участниками уголовно-процессуальных правоотношений;
- они должны обладать конкретными правами или полномочиями, предоставленными им как участникам уголовно-процессуальных отношений с учетом их правового статуса;
- злоупотребить предоставленным правом можно только в момент его реализации, которая может осуществляться в формах: соблюдения права, исполнения, использования либо правоприменения, т.е. только путем действия или бездействия. Из всех указанных форм злоупотребить субъективным правом возможно только при его использовании или применении;
- указанные действия (бездействие) осуществляются правомерно, но при этом по своей сущности или порядку они противоречат смыслу той правовой нормы, которая регламентирует данную деятельность;
- участники процесса понимают, что своими действиями или бездействием причиняют либо могут причинить вред, или иные негативные последствия другим участникам процесса, обществу, государству или желают это;
- в уголовно-процессуальном законе отсутствуют нормы, способные разрешить создавшуюся ситуацию, вызванную злоупотреблением правами.

Рассмотрим данные условия более подробно.

Участвующие в уголовно-процессуальных отношениях лица обладают различным правовым статусом. Должностные лица, указанные в главе 5 и 6 УПК РФ занимают доминирующее положение, они наделены властными полномочиями, позволяющими им принимать волевые судьбоносные решения, вопреки желаниям иных участников процесса. Поскольку у всех, указанных в тексте закона должностных лиц, права, как правило, нельзя отделить от обязанностей, используем термин «полномочия», который означает «право и обязанность сотрудника принимать решения, обеспечивать получение согласованных результатов и (или) выполнять установленные или самостоятельно выбранные действия, используя определенный набор ресурсов и принимая на себя ответственность за это» [3, с. 322; 10, с. 232; 16].

Участники процесса, представляющие сторону защиты и иные участники процесса, наделены рядом прав, позволяющим им предпринимать меры для своей защиты либо защиты представляемых ими лиц, однако достижение желаемого находится в полной зависимости от должностных лиц. В си-

лу такого положения можно утверждать, что возможностей злоупотреблять своими полномочиями у должностных лиц больше. Это проявляется в заведомо недобросовестном осуществлении своих прав, например на поступившее ходатайство защитника о назначении судебно-психиатрической экспертизы, основанием которой стало поведение обвиняемого, утверждавшего, что за ним в камере следственного изолятора постоянно наблюдают всякие странные личности, следовательно вынес постановление об отказе в удовлетворении заявленного ходатайства, мотивировав это тем, что следствие по делу закончено. Такой отказ нельзя признать обоснованным, но следователь волен принимать подобного рода решения, в том числе и в отношении окончания предварительного расследования. Поэтому и использование доминирующего положения, при выполнении своих полномочий должностными лицами, представляется нам отдельной, специальной формой злоупотребления.

Из всех указанных признаков наибольшую дискуссию в научной среде вызывают вопросы, связанные с определением правовой природы злоупотребления правом к которым обращались представители различных отраслей права: является ли это явление правомерным действием [11, с. 8; 15, с. 92–93] или это неправомерное действие, правонарушение [2, с. 81–82; 14, с. 33], или все-таки правы ученые, утверждающие что злоупотребление может быть как правомерным, так и неправомерным действием [8, с. 222]. Существует так же точка зрения, суть которой в том, что «злоупотребление правом» это совершенно новое явление, которое не может быть отнесено ни к правонарушению, ни к правомерному деянию [4, с. 30–32; 5, с. 11; 6, с. 10; 13; 18].

В поддержании последней правовой позиции, которую мы занимаем, следует отметить, что такой вывод вполне обоснован, так как признать правомерными действия лиц, которые понимают, что их действия противоречат смыслу закона, затруднительно. Кроме того, правомерное поведение совершается в пределах предусмотренных законом прав, не выходя за их пределы и не затрагивая права других лиц, что не совпадает с объективной картиной злоупотребления. Однако и неправомерным такое поведение не является, поскольку совершается в рамках дозволенных законом, а правонарушение – это всегда поступок, состоящий в незаконном, преступном использовании своих прав, всегда приносящий какой-либо вред.

Доводами в пользу того, что злоупотребление правом это новое явление, не относящееся ни к правомерному, ни к правонарушению также могут служить следующие доводы.

1. Злоупотребление правом всегда начинается как правомерное действие лица по реализации, предоставленных законом субъективных прав, но в последующем выходит за рамки правового поля. Например, заявление обвиняемым множества однотипных ходатайств в зале судебного заседания, поведение, которое признается зловредным

и правоприменителями, и учеными, начинается как правомерная реализация своего права на заявленное ходатайств и только в последующем перерастает в злоупотребление. Такое поведение не присуще ни правомерному поведению, ни правонарушению.

2. Правомерное поведение не предполагает ответственности, правонарушение же всегда сопровождается каким-либо видом ответственности, как правило – это наказание. Последствий при злоупотреблении может и не быть, либо они могут быть в виде неблагоприятных последствий, например лишения либо ограничения права. Только в отношении должностных лиц в редких случаях может применяться наказание, если его действия будут расценены как превышение служебных полномочий.

3. Правомерное поведение исключает наличие вины, а правонарушение, наоборот, предполагает, поскольку это виновное действие либо бездействие, причем совершаемое в любой форме и в форме умысла, и в форме неосторожности. Что касается злоупотребительного поведения, то это тоже виновное деяние, но оно может быть совершено только с прямым умыслом. Мы убеждены в том, что злоупотребить правом по неосторожности, ошибочно нельзя, такое поведение не может быть признано злоупотреблением.

4. Правомерное поведение не направлено на причинение какого-либо вреда, наоборот оно его исключает. При правонарушении всегда причиняется вред. При злоупотреблении своими правами, возможно, как реальное причинение вреда, так и возможность его причинения. Вред может быть причинен как другой стороне в процессе, порядку осуществления предварительного расследования, обществу, государству.

И последнее условие, позволяющее отнести поведение участника процесса к злоупотреблению субъективными правами, это отсутствие в законе норм, позволяющих избежать ситуации, связанной с злоупотреблениями. Это связано с пробелами, допускаемыми законодателем, в урегулировании правоотношений, возникающих при производстве расследования либо рассмотрения уголовных дел, неясность в формулировках отдельных положений закона. Например, отметка в части 7 ст. 166 УПК РФ о требовании обязательности подписи в протоколе следственного действия его участниками, исключила бы отказы от подписи участвующих лиц. Либо определение в законе максимального количества защитников-адвокатов, допускаемых для защиты одного обвиняемого, обеспечило бы экономичность уголовного судопроизводства.

Данный подход к выяснению сущности понятия «злоупотребление правом» позволяет прийти к выводу, что данная правовая категория не может рассматриваться ни правомерным поведением, ни правонарушением.

Таким образом, злоупотребление правом – это поведение участника уголовного правоотношения, обладающего процессуальными правами, осу-

ществляемое в процессе правомерной реализации этих прав, но в противоречии с их смыслом и назначением, причиняющее либо способное причинить вред, либо иные негативные последствия другим участникам процесса, обществу, государству.

Выявить и систематизировать все виды злоупотреблений правом и полномочиями в уголовном судопроизводстве невозможно. К тому же устанавливать имеют ли место злоупотребления необходимо в каждом конкретном случае, но полагаем, что можно вывести виды форм злоупотреблений, встречающихся в практической деятельности процессуалистов. Безусловно это не закрытый перечень, со временем могут появиться и другие формы злоупотреблений, и данный перечень будет продолжен.

Под формой принято понимать «...способ существования определенного содержания, неотделимый от него и служащий его выражением» [12, с. 853]. Исследование понятия «форма», применимо к такой категории как «злоупотребление правом», позволяет выявить способ злоупотребления, цель лица, допустившего злоупотребление своими правами либо полномочиями, определить цель такого поведения, т.е. обозначить и объективную, и субъективную характеристику явления.

Анализируя сущность злоупотребления правом или полномочиями, приходим к выводу, что злоупотребления в уголовном судопроизводстве могут проявляться в следующих формах:

- заведомого недобросовестного осуществления своих прав;
- в обход действующего уголовно-процессуального закона;
- с намерением причинить вред либо определенные сложности другому участнику уголовного судопроизводства;
- а также в форме злоупотребления доминирующим положением.

Данные формы отличаются по своему содержанию, но могут проявляться в поведении злоупотребляющего и одновременно. Например, заведомо недобросовестное осуществление своих полномочий может охватываться и злоупотреблением с использованием своего доминирующего положения в процессе.

Злоупотребление в форме заведомо недобросовестного осуществления своих прав происходит в тех ситуациях, когда лицо изначально зная о возможности определенным образом реализовать свои права, преследуя определенную цель, например затянуть время предварительного расследования, получить какие-то преференции или улучшить свое положение в процессе, начинает злоупотреблять данными правами. Весьма показателен пример относительно реализации права получать консультации у своего защитника в ходе следственного действия. Законодатель не указал порядок предоставления подобных консультаций, их сущность и пределы, поэтому в настоящее время обвиняемые в ходе допроса следователем в присутствии своего адвоката-защитника, на каждый вопрос

следователя, просят предоставить возможность проконсультироваться со своим адвокатом, что в конечном итоге приводит к тому, что на вопросы следователя ответы дает не обвиняемый, а его защитник. К данной форме злоупотреблений можно отнести и поведение потерпевшего, который в своем исковом заявлении, в списке поврежденных деталей машины при дорожно-транспортном происшествии, указывает и другие, не поврежденные, но достаточно изношенные в целях их замены на более новые.

Данный пример может проявиться и в другой форме злоупотреблений, в форме причинения вреда либо определенных сложностей другому участнику уголовного судопроизводства, поскольку мотивация у потерпевшего может быть не улучшить таким образом свое финансовое благополучие, а досадить обвиняемому, который причинил определенные моральные, возможно физические, страдания. К данной форме злоупотреблений можно отнести и случай затягивания обвиняемым сроков предварительного расследования или судебного разбирательства. Понимая желание следователя в установленные законом сроки, без их продления, закончить расследования, обвиняемый под различными предлогами затягивали ознакомление с материалами дела, долго читали материалы, возвращались к уже прочитанному тексту, переписывали в ручную по несколько раз одни и те же протоколы, меняли своих адвокатов, а затем вновь приглашали защитников ранее работавших по данному делу, заявляли ходатайства в момент ознакомления с материалами уголовного дела, либо делали отметку в протоколе ознакомления, что ходатайство будет представлено на отдельном листе, но не представляли его, поскольку сроки в тексте закона на предоставлении ходатайства не указаны, данное поведение иным образом как злоупотреблением назвать нельзя.

Еще одна форма злоупотребления правом (полномочиями) – это действия лиц в обход закона. К такой форме следует отнести действия участников процесса, когда формально лица действует в соответствии с законом, но искажая его смысл, сущность и цель введения конкретной нормы. Например, сокрытие от участников процесса оснований к отводу (родственные либо близкие отношения), игнорирование требования совместного ознакомления с материалами уголовного дела адвокатом со своим доверителем, в случаях, когда присутствие адвоката, при этом процессуальном действии, обязательно. Полагаем, что как данную форму злоупотребления, следует рассматривать и тогда, когда положения закона, противоречащие либо не согласующиеся друг с другом используются по своему усмотрению или действия вписываются в рамки закона, но нарушают принципы разумности, справедливости и объективности.

И еще одна форма злоупотреблений, которая используется должностными лицами правоохранительных органов, наделенных властными полномочиями с использованием своего доминиру-

ющего положения. В рамках данной формы злоупотребляют своими полномочиями следователь, дознаватель, руководитель следственного отдела, начальник подразделения дознания, надзирающий за производством предварительного расследования прокурор, судья. Практика предлагает примеры, которые можно квалифицировать именно как злоупотребление полномочиями, например рассмотрение уголовных дел в закрытом судебном заседании по надуманным основаниям, запрет ведения аудиозаписи в процессе рассмотрения уголовного дела, комментирование выступлений адвокатов-защитников в ходе судебных прений, отказ суда исследовать доказательства не признанные недопустимыми также свидетельствует о использовании судьей своего положения.

Можно привести ряд примеров поведения других должностных лиц, которые также охватываются данной формой злоупотреблений: следователь отказывается в удовлетворении заявленного обоснованного ходатайства по надуманным основаниям, вводит в процесс адвокатов, которые ему удобны и с которыми всегда можно договориться или наоборот устраняет неудобных для них защитников, безосновательное ограничение времени на ознакомление с материалами уголовного дела и пр. Примером злоупотребления полномочиями прокурором путем бездействия может служить ситуация не реагирования им на жалобу потерпевшего по поводу отказа следователя определения разумных сроков ознакомления с материалами уголовного дела объемом 782 листа тремя обвиняемыми, которые затягивали данное процессуальное действие более 6 месяцев.

Таким образом мы приходим к следующим выводам:

Злоупотребление правом и (или) полномочиями это особый вид поведения участников уголовно-процессуальной деятельности, не охватываемый понятиями правомерного поведения или правонарушения. Злоупотребление могут допускать как заинтересованные участники процесса, так и должностные лица. Полагаем, что формами злоупотреблений в настоящее время являются заведомо недобросовестное осуществление своих прав; поведение в обход действующего уголовно-процессуального закона; поведение с намерением причинить вред либо определенные сложности другому участнику уголовного судопроизводства; а также в форме злоупотребления доминирующим положением.

Литература

1. Агарков М.М. Проблема злоупотребления правом в советском гражданском праве // Известия АН СССР: Отделение экономики и права. – 1946. – № 6. – С. 424–436.
2. Андреева О.И. Злоупотребление обвиняемым субъективными правами и его преодоление в ходе предварительного расследования. –

Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 2019. – 240 с.

3. Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. – М.: Статут, 2001. – 410 с.
4. Даровских О.И. Злоупотребление правом в уголовном судопроизводстве России: монография. – Челябинск: Цицеро, 2013. – 151 с.
5. Дурново Н.А. Злоупотребление правом как особый вид правового поведения (теоретико-правовой анализ): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Нижний Новгород, 2006. – 27 с.
6. Ибрагимов М.В. Злоупотребление субъективными гражданским правом: понятие, сущность, виды и последствия: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Рязань, 2005. – 21 с.
7. Кудрявцев В.Н., Малеин Н.С. Закон и пределы правомерного поведения // Советское государство и право. – М.: Наука, 1980. – № 10. – С. 31–38.
8. Малиновский А.А. Злоупотребление субъективным правом (теоретико-правовое исследование). – М.: Юрлитинформ, 2007. – 352 с.
9. Малеин Н.С. Юридическая ответственность и справедливость. – М.: Манускрипт, 1992. – 204 с.
10. Малеина М.Н. Личные неимущественные права граждан: понятие, осуществление, защита. – М.: МЗ-Пресс, 2000. – 244 с.
11. Наумов А.Е. Злоупотребление правом: теоретико-правовой аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2010. – 25 с.
12. Ожегов С.И. Словарь русского языка: 70000 слов/под ред. Н.Ю. Шведовой. – 21-е изд., перераб. и доп. – М.: Русс.яз., 1989. – 921 с.
13. Офман Е.М., Дулатова Н.В. Злоупотребление правом с позиции гражданского права и трудового права // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». – 2019. – Т. 19. – № 1. – С. 60–66.
14. Рябцева Е.В. Злоупотребление правом в уголовном судопроизводстве: монография. – М., Юрлитинформ, 2014. – 140 с.
15. Суворов Н.Д. Обход закона. Сделка, оформляющая обход закона. – М., 2008. – 186 с.
16. Фридман А. Что же такое полномочия? / Электронный ресурс // URL: <https://www.asfridman.com/blog/zametki/chto-zhe-takoe-polnomochija/>
17. Хатуяева В.В. Сущность и юридическая природа диспозитивности в уголовном процессе // Российский следователь. – М.: Юрист, 2005. – № 4. – С. 11–14.
18. Шабуров А.С. Теория государства и права: учебник для юридических специальностей. – Курган: Курганский гос. ун-т, 2009. – 247 с.

ON THE CONCEPT AND FORMS OF ABUSE OF LAW IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Darovskikh O.I.

Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation

The author examines the forms of abuse that are currently encountered in the practical activities of law enforcement agencies, and slightly adjusts the results of his previous research. The article discusses the signs of abuse of rights, which include: only those involved in the process; those who have rights or perform certain functions in accordance with their status; abuse can only occur when these rights are exercised; the exercise may begin legally, but later it will contradict the law; the presence of intent to abuse rights; and finally, the absence of legal provisions that would prevent the abuse.

Keywords: abuse, rights, powers, forms of abuse, criminal proceedings.

References

1. Agarkov, M.M. "The Problem of Abuse of Rights in Soviet Civil Law" // Izvestiya of the USSR Academy of Sciences: Department of Economics and Law. 1946, no. 6, pp. 424–436.
2. Andreeva, O.I. "Abuse of Subjective Rights by the Accused and Its Overcoming During the Preliminary Investigation." Tomsk: Tomsk State University Publishing House, 2019, 240 p.
3. Griбанov, V.P. "Implementation and Protection of Civil Rights." Moscow: Statut, 2001, 410 p.
4. Darovskikh, O.I. "Abuse of Rights in Criminal Proceedings in Russia: A Monograph." Chelyabinsk: Tsitsero, 2013, 151 p.
5. Durnovo, N.A. Abuse of rights as a special type of legal behavior (theoretical and legal analysis): author's abstract of Cand. Sci. (Law) diss. – Nizhny Novgorod, 2006. – 27 p.
6. Ibragimova M.V. Abuse of subjective civil rights: concept, essence, types and consequences: author's abstract of Cand. Sci. (Law) diss. – Ryazan, 2005. – 21 p.
7. Kudryavtsev V.N., Malein N.S. Law and the limits of lawful behavior // Soviet state and law. – Moscow: Nauka, 1980. – No. 10. – pp. 31–38.
8. Malinovsky A.A. Abuse of subjective rights (theoretical and legal study). – Moscow: Yurlitinform, 2007. – 352 p.
9. Malein, N.S. Legal Liability and Justice. Moscow: Manuscript, 1992. 204 p.
10. Maleina, M.N. Personal Non-Property Rights of Citizens: Concept, Implementation, Protection. Moscow: MZ-Press, 2000. 244 p.
11. Naumov, A.E. Abuse of Law: Theoretical and Legal Aspect: Abstract of a Cand. Sci. (Law) Dissertation. Moscow, 2010. 25 p.
12. Ozhegov, S.I. Dictionary of the Russian Language: 70,000 Words/edited by N. Yu. Shvedova. 21st edition, revised and enlarged. Moscow: Russ. lang., 1989. 921 p.
13. Ofman E.M., Dulatova N.V. Abuse of Law from the Perspective of Civil Law and Labor Law // Bulletin of SUSU. Law Series. – 2019. – Vol. 19. – No. 1. – Pp. 60–66.
14. Ryabtseva E.V. Abuse of Law in Criminal Proceedings: Monograph. – Moscow, Yurlitinform, 2014. – 140 p.
15. Suvorov N.D. Circumvention of the Law. A Transaction Formalizing the Circumvention of the Law. – Moscow, 2008. – 186 p.
16. Fridman A. What Are Powers of Attorney? / Electronic resource // URL: <https://www.asfridman.com/blog/zametki/chto-zhe-takoe-polnomochija/>
17. Khatuayeva V.V. The essence and legal nature of discretion in criminal proceedings // Russian investigator. – Moscow: Jurist, 2005. – No. 4. – Pp. 11–14.
18. Shaburov A.S. Theory of state and law: a textbook for legal specialties. – Kurgan: Kurgan State University, 2009. – 247 p.

Разграничение составов преступлений, предусмотренных ст. 172.2 УК РФ и ст. 159 УК РФ

Дерябин Александр Сергеевич,

аспирант кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета (МГЮА)
им. О.Е. Кутафина
E-mail: alexander.deryabin@mail.ru

Разграничение составов преступлений, предусмотренных ст. 172² УК РФ и ст. 159 УК РФ является ключевым вопросом, существенно затрудняющим уголовно-правовую борьбу с «финансовыми пирамидами».

Статья содержит анализ составов преступлений за организацию деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества, а также состава мошенничества. В работе проводится разграничение данных составов преступлений по объектам уголовно-правовой охраны, затрагиваются вопросы наказуемости деяния, предусмотренного ст. 172.2 УК РФ, а также решается вопрос о необходимости квалификации ст. 159 УК РФ и ст. 172.2 УК РФ по совокупности составов преступлений. Это в свою очередь способствует правильному толкованию данных уголовно-правовых норм, что безусловно облегчит процесс правильного применения уголовно правовой нормы, устанавливающую ответственность за организацию «финансовых пирамид».

Ключевые слова: совокупность составов преступлений, объект ст. 172.2 УК РФ и ст. 159 УК РФ, разграничение финансовых пирамид и мошенничества, финансовые мошенничества, уголовно-правовая борьба с финансовыми пирамидами.

Установление правил квалификации ст. 172² УК является закономерным итогом анализа, проведенного во второй главе настоящего исследования. Ключевым является вопрос разграничения ст. 172² УК и ст. 159 УК, и как итог возможности квалификации данных деяний по совокупности.

А.А. Зубцов, указывает, что статья, ст. 159 УК и ст. 172² УК соотносятся как норма-целое и норма-часть соответственно [1].

Свою позицию автор обосновывает на примере позиции Верховного Суда РФ относительно разграничения составов преступлений, предусматривающих ответственность за мошенничество и фальшивомонетчество, рекомендуя вменять состав фальшивомонетчества, не усматривая совокупности составов указанных преступлений.[2]. Такая позиция основана на мнении, что, выполняя состав преступления фальшивомонетчества, лицо имеет умысел, направленный на противоправное завладение чужим имуществом, на основании чего отношения собственности выступают дополнительным объектом данного состава преступления. На основании этого, сторонники данной позиции признают ст. 159 УК и ст. 186 УК общей и специальной нормой [3] или нормой-целым и нормой-частью соответственно [4].

А.А. Зубцов, не соглашаясь с данным правилом квалификации пишет: «Однако приведенный пример соотношения сбыта поддельных денег и мошенничества свидетельствует также о других трудностях отграничения конкуренции норм от идеальной совокупности. Проблема здесь видится в установлении того, какое из двух деяний выступает именно способом (т.е. нормой-частью). Думается, в случае незаконного приобретения чужого имущества посредством сбыта поддельных денег из двух составов – фальшивомонетничества и мошенничества – нормой-целым, если таковой и может являться, выступает именно состав мошенничества... Сбыт поддельных денег обеспечивает введение потерпевшего в заблуждение при завладении чужим имуществом, а потому охватывается таким признаком мошенничества как обман... Состав сбыта поддельных денег не может претендовать на «статус» нормы целого, поскольку фактические обстоятельства совершенного деяния не охватываются данной нормой со всей полнотой (за рамками состава остаются обман и имущественный ущерб). К тому же весьма сомнительно утверждение, что сбыт поддельных денег почти всегда направлен на завладение чужим имуществом. Фальшивые деньги в качестве средства

платежа могут использоваться для оплаты услуг, долга и прочего».

Действительно, «финансовые пирамиды» аналогично данному примеру могут выступать способом совершения мошенничества и при признании соотношения данных норм как части и целого соответственно, при таком положении вещей следовало бы вменять состав мошенничества без квалификации деяния по статье, предусматривающей ответственность за организацию «финансовых пирамид».

Деяния могли бы квалифицироваться по совокупности в случае увеличения санкций, содержащихся в ст. 172² УК. Л.В. Иногамова-Хегай верно отмечает, что, если санкция нормы-части строже, чем санкция нормы целого, тогда имеет место квалификация по совокупности составов [5].

Но такой подход в случае организации «финансовых пирамид» нельзя назвать обоснованным, ведь ст. 172² УК разнопланова и направлена в том числе на противодействие «честным» «финансовым пирамидам», организаторы которой предупреждают о возможности потери денежных средств, а также может охватывать случаи, когда организаторы «финансовой пирамиды» не имеют умысла на совершение хищения. В связи с этим нет оснований для увеличения санкций данной статьи, ведь они не будут соответствовать общественной опасности вышеуказанных деяний.

Для понимания назначения данной нормы, а соответственно и разграничения с составом мошенничества необходимо обратиться к одному из выводов из главы 2 настоящего исследования: в ст. 172² УК криминализировано приготовление к мошенничеству в случае, если будет установлен умысел на совершение хищения на стадии, когда деятельность была пресечена и в ходе предварительного расследования выявлены эпизоды совершения мошенничества.

В этой связи уместна аналогия со ст. 282¹ УК. В статье за организацию экстремистского сообщества криминализируется приготовление к совершению преступлений экстремистской направленности. Анализируя данный состав А.И. Рарог и В.В. Палий указывают, что «субъективная сторона характеризуется прямым умыслом и мотивами политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы» [6]. Приготовлению к преступлению присущ заранее обдуманный умысел, который в уголовно-правовой доктрине часто обозначается терминами «предумышленность» или «предумысел». Этот подвид умысла отличается наличием более или менее продолжительного периода его формирования, вынашивания и созревания. Данный процесс подразумевает активное осмысление и планирование преступной деятельности [7], таким образом умысел на данном этапе содержит в себе элементы субъективной стороны преступления, подготовка к которому совершается. Отсюда следует заключить, что, организова «фи-

нансовую пирамиду», лицо может иметь корыстный мотив, но цель на совершение хищения отсутствует.

Также, правила квалификации ст. 282¹ УК устанавливают, что данное деяние квалифицируется по совокупности с иными статьями за деяния, совершенные в составе такой преступной организации.

В силу факта признания ст. 172² УК как криминализацию приготовления к мошенничеству в случаях, если будет выявлен умысел, направленный на совершение хищения, следует применять подобные правила квалификации и вменять ст. 172² УК по совокупности со ст. 159 УК. В добавок, лицо, выполняющее состав преступления, наказание за которое предусматривает ст. 172² УК, может иметь элементы субъективной стороны другого состава преступления.

А.А. Зубцов указывает, что нормы о мошенничестве и организации «финансовых пирамид» соотносятся как целое и часть соответственно, а значит, данный факт исключает квалификацию таковых по совокупности, на основании позиции Конституционного суда РФ, который признает невозможным «квалификацию одного и того же преступного события по нескольким статьям уголовного закона, если содержащиеся в них нормы соотносятся между собой как общая и специальная или как целое и часть» [8].

Причем, аргументация автора представляется противоречивой. А.А. Зубцов пишет «Как уже упоминалось, в числе признаков состава преступления, предусмотренного ст. 172² УК РФ, отсутствуют обман (злоупотребление доверием), имущественный ущерб, корыстная цель, а потому данная норма не может претендовать на более полный охват фактических обстоятельств по сравнению с мошенничеством. При направленности умысла на хищение путем обмана организация «финансовой пирамиды» обеспечивает создание у вкладчиков ложного представления о фактических обстоятельствах (в частности, об инвестировании привлеченных активов в высокодоходные проекты) за счет выплаты дохода одним лицам за счет средств других, выступает в качестве способа завладения чужим имуществом, вклиниваясь в мошеннический обман.» Причем сам же А.А. Зубцов отмечает: «В теории уголовного права высказано мнение о том, что, если деяние не предусмотрено в качестве обязательного признака другого состава преступления, но может использоваться в качестве одного из способов совершения последнего, квалификация должна производиться по совокупности». Но далее автор опровергает данную позицию следующим: «К тому же вести речь о конкуренции норм необходимо не абстрактно, сопоставляя исключительно признаки некоторых составов преступлений, а применительно к конкретному случаю. Так, насилие не выступает обязательным способом совершения изнасилования, поскольку в диспозиции речь еще идет и о беспомощном состоянии, однако применительно к конкретной ситуации, в которой было

применено насилие, может встать вопрос о разрешении конкуренции части и целого. Поэтому нельзя говорить о преступлении-способе исключительно как об обязательном признаке преступления-результата» [9].

Такая позиция противоречит доктрине уголовного-права. В добавок, автор указывает, что организаторы «финансовой пирамиды» имеют умысел на совершение хищения, что было опровергнуто выше в данном параграфе: умысел направлен сугубо на организацию «финансовой пирамиды», причем может иметь место корыстный мотив, ведь выполнение данного состава может быть приготовлением к мошенничеству. Уже после организации «финансовой пирамиды» может возникнуть умысел на совершение хищения и начинается выполнение состава преступления мошенничества, на стадии организации «финансовой пирамиды» совершение мошенничества лицом не желается.

Н.А. Лопашенко полагает, что «для констатации конкуренции части и целого в «целом» должны указываться признаки «части», о нем должна вестись речь» [10].

А.В. Корнеева и Л.В. Иногамова-Хегай также указывают, что в контексте правовой теории конкуренции норм общего и специального характера, следует отметить, что специальная норма лишь уточняет общую норму, при этом содержит все признаки общей. Такой подход позволяет более точно установить ответственность за некоторые деяния.

В свою очередь, говоря о конкуренции нормы-целого и нормы-части, необходимо указать, что последняя содержит только часть признаков нормы-целого [11].

В кафедральном учебнике МГУ по уголовному праву под. Редакцией Н.Е. Комиссарова указано, что в соответствии с уголовно-правовой доктриной, стадия приготовления к совершению преступления не является частью состава преступления. Данная стадия только готовит почву и условия для совершения преступного деяния. Таким образом, данные действия находятся за пределами уголовно-правовой квалификации конкретного преступления, что подчеркивает важность четкого разграничения между различными стадиями преступной деятельности [7].

Отсюда следует заключить, что уголовно-правовые нормы, предусматривающие ответственность за совершение мошенничества и организацию «финансовых пирамид» не состоят в отношении как нормы целого и части, а также общей и специальной нормы соответственно, ведь признаки данных составов преступлений не пересекаются. Также данный вывод основан на позиции, что подготовительные действия не являются частью состава преступления подготовка к которому совершается, данные составы должны быть четко разграничены и не поглощают друг друга.

Важным для понимания правил разграничения ст. 172² УК и ст. 159 УК является позиция А.А. Дворникова, высказанная в рамках конферен-

ции «De Lege lata», который указывал на правила квалификации деяния выраженное в неправомерном доступе к компьютерной информации и неправомерном сборе информации, подчеркивая, что такие деяния квалифицируются по совокупности в связи с тем, что объективная сторона данных составов преступлений не пересекается. Неправомерный сбор информации может производиться без неправомерного доступа к таковой, последний выступает одним из способов. Но при этом деяние, предусмотренное ст. 272 УК является способом совершения другого деяния, но не относится к нему как норма-часть к норме-целому, что подтверждает выраженную автором настоящего исследования позицию в данном параграфе относительно данного вопроса. Причем, А.А. Зубцов выражая мнение относительно данной позиции подчеркивает, что составы преступлений ст. 159 УК и ст. 172² УК отличаются по направленности умысла: в первом случае умысел направлен на причинение ущерба, во втором случае умысел направлен на перераспределение денежных средств; в первом случае объектом состава преступления являются отношения собственности, во втором случае ущерб причиняется инвестиционным отношениям, подрывается доверие к таковым, а соответственно доверие к экономике. Более того, А.А. Зубцов также упоминает позицию, что если криминализируется способ совершения другого преступления, например, совершение мошенничества с использованием поддельного документа, тогда вменяется сугубо состав мошенничества, а когда криминализируется приготовление к преступлению, такие деяния должны квалифицироваться по совокупности. Данную позицию следует поддерживать, она еще раз доказывает истинность вывода о том, что ст. 159 УК и ст. 172² УК следует квалифицировать по совокупности составов преступления. В добавок, в рамках упомянутой конференции П.С. Яни счел возможным такой подход к квалификации обсуждаемых норм [12].

Касательно вопроса относительной схожести составов преступления ст. 159 УК и ст. 172² УК, следует обратить внимание на продолжающуюся дискуссию относительно соотношения понятий вооруженного разбоя, совершенного организованной группой, и участия в банде. На текущий момент при совершении каких-либо деяний во ставе банды, создание которой влечет за собой уголовно-правовую ответственность по ст. 209 УК, вменяется совокупность составов преступлений по ст. 209 УК и соответствующей статье УК. Такой подход акцентирует внимание на том, что даже в случае, когда организованная группа формируется для реализации конкретного преступного акта, это не освобождает участников от уголовной ответственности за создание и участие в преступном сообществе, что является отдельным составом преступления в связи с тем, что организация такого преступного объединения само по себе опасно, ведь оно позволяет совершить более сложные преступления, либо, если не акцентировать на этом внимание, при-

чинить значительно серьезный по степени ущерб, нежели, если преступление совершалось бы единолично [13].

В рамках критического анализа существующего подхода к квалификации преступлений, В.Н. Винокуров и Е.А. Федорова указывают, что вменение состава преступления, предусматривающего ответственность за бандитизм по совокупности составов преступлений, устанавливающих ответственность за совершение иных деяний, которые совершают участники данного формирования приводят к дублированию уголовной ответственности, а значит к нарушению принципа справедливости. Такое мнение акцентирует внимание на том, что фактически одно и то же деяние может быть охвачено различными составами преступлений, что создает риск избыточной уголовной ответственности для участников преступного сообщества [14].

Конституционный суд РФ пришел к выводу о том, что в подобных случаях нельзя усмотреть нарушение принципа справедливости. Такая позиция обосновывается тем, что данные составы преступлений отличаются друг от друга по объекту уголовно-правовой охраны, характеру посяательства, направленности умысла и степени общественной опасности [15]. В добавок, это еще раз демонстрирует случаи криминализации приготовления к преступлению и квалификации такового по совокупности с «основным» деянием, несмотря на схожесть составов преступления в первую очередь потому, что в одном из составов криминализована одна из стадий совершения единого преступления. Подобная логика прослеживается и в упоминаемой выше ст. 282¹ УК.

И. Соловьев анализирует ст. 172² УК как специальную норму в отношении ст. 159 УК. При этом он подчеркивает, что лица, причастные к деятельности «финансовых пирамид», должны нести уголовно-правовую ответственность по совокупности данных составов преступления. Состав преступления, криминализирующий совершение мошенничества, вменяется за совершение хищения, когда состав предусматривающий ответственность за организацию деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества вменяется за саму организацию пирамид [16]. В свою очередь создание «финансовых пирамид» рассматривается как способ совершения мошенничества [17]. Данная позиция верна, за исключением части, которая указывает на соотношение данных норм как общей и специальной.

Как полагает В.Ю. Белицкий, ст. 159 УК и ст. 172² УК следует квалифицировать по совокупности преступлений [18]. При этом автор не указывает на соотношение данных норм как общей и специальной или как целого и части, акцентируя внимание на опасности самого создания «финансовых пирамид». С данной позицией следует согласиться полностью.

В завершение данного анализа следует еще раз коснуться вопроса строгости санкций, указанных в ст. 172² УК. Представляется, что увеличение

таковых ничем не обусловлено. В этой связи, необходимо упомянуть выделенную в главе первой настоящей работы классификацию «финансовых пирамид» по направленности умысла: с умыслом на совершение хищения и без такового. В случае если умысел на совершение хищения после организации «финансовой пирамиды» возникает, тогда толковать ст. 172² УК следует как криминализацию приготовления к совершению мошенничества.

В ст. 272 УК, где так же криминализировано приготовление к совершению преступления, как упоминалось выше, предусмотрено наказание в виде лишения свободы до двух лет. Когда ст. 172² УК предусматривает наказание в виде лишения свободы до четырех лет. В связи с тем, что обе статьи квалифицируются по совокупности, ужесточение ответственности за выполнение состава преступления, приготовление к которому совершалось, является достаточным.

В случаях, при которых организатор «финансовой пирамиды» не имеет умысла на последующее совершение хищения денежных средств или иного имущества находящегося в обороте «финансовой пирамиды», лицо действует схоже с деянием, выражающимся в организации азартных игр. Необходимо отметить, что ст. 171² УК, предусматривает наказание в виде лишения свободы до четырех лет, равное предельному наказанию по ст. 172² УК, что еще раз подтверждает вывод об отсутствии необходимости ужесточения наказания за организацию «финансовых пирамид».

В заключение данного анализа следует, привести пример возможного практического применения ст. 172² УК, описав весь жененный цикл «финансовой пирамиды» и возможных действий лица, организующего такую схему. Предположим, гражданин А организовал «финансовую пирамиду» и привлек денежные средства от первого вкладчика, чем завершил выполнение состава данного преступления, но не перешел к выполнению состава мошенничества, выполнение которого начнется с момента привлечения денежных средств от второго вкладчика. На данной стадии совершения преступления, до краха «финансовой пирамиды» либо до пресечения деятельности таковой правоохранительными органами, лицо может вернуть денежные средства вкладчикам с выплатой заявленных процентов и прекратить деятельность «финансовой пирамиды», что повлечет применение предложенного в главе 2 настоящего исследования основания освобождения от уголовной ответственности в виде добровольного отказа от совершения преступления. При этом, в случае краха «финансовой пирамиды» либо пресечение деятельности таковой, лицу должна вменяться ст. 172² УК по совокупности со ст. 159 УК за каждый эпизод мошенничества. При чем единственным признаком, который позволяет выявить и пресечь деятельность «финансовой пирамиды» является признак обещания чрезмерной выгоды, иные признаки труднодоказуемы ввиду латентности данного явления.

Из вышесказанного можно сделать следующие выводы:

1. Ст. 159 УК и ст. 172² УК не соотносятся между собой как часть и целое, а также как специальная и общая норма соответственно. У организатора «финансовой пирамиды» отсутствует умысел на совершение хищения и направлен лишь на организацию «финансовой пирамиды».

2. В добавок, в ст. 172² УК криминализирован не способ совершения мошенничества, а приготовление к совершению мошенничества, что требует квалификации по совокупности составов преступлений.

3. Анализируемые составы преступлений имеют разные основные непосредственные объекты правовой охраны: ст. 159 УК защищает отношения собственности, ст. 172² УК установленный порядок экономической деятельности.

4. Нет оснований для ужесточения санкций содержащихся в ст. 172² УК.

Литература

1. Зубцов, А.А. Уголовно – правовое противодействие организации финансовых пирамид и участию в них: дис. ... канд. эконом. наук: 5.1.4. / Зубцов Александр Александрович. – Москва, 2024. С. 143.
2. Российская Федерация. Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации. О судебной практике по делам об изготовлении или сбыте поддельных денег или ценных бумаг: Постановление Пленума ВС РФ № 2: принято Пленумом ВС РФ 28 апреля 1994 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2001. № 6.
3. Борзенков, Г.Н. Ответственность за мошенничество (вопросы квалификации) / Г.Н. Борзенков. – М.: Юрид. лит., 1971. С. 139.
4. Феоктистов, М.В. Совокупности нет, гражданский иск подлежит удовлетворению / М.В. Феоктистов // Уголовное право. – 2005. – № 4. – С. 142–144; Лясколо, А.Н. Разграничение хищения и фальшивомонетничества / А.Н. Лясколо // Уголовное право. – 2017. – № 1. – С. 67–75.
5. Иногамова – Хегай, Л.В. Концептуальные основы конкуренции уголовно – правовых норм: монография / Л.В. Иногамова-Хегай. – М., 2015. – СПС «КонсультантПлюс»; Зацепин, А.М. Дополнительная квалификация преступлений: монография / А.М. Зацепин. – М.: Юрлитинформ, С. 49–78.
6. Рарог, А.И. Уголовно – правовое противодействие терроризму и экстремизму: учеб. пособие / В.В. Палий; Моск. гос. юрид. ун – т им. О.Е. Кутафина (МГЮА); А.И. Рарог. – Москва: Проспект, 2021. – 96 с.
7. Комиссаров, В. С., Крылова, Н. Е., Тяжкова, И.М. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник для вузов / под ред. В.С. Комиссарова Н.Е. Крыловой, И.М. Тяжковой. – Москва: Статут, 2014. – 879 с.
8. Российская Федерация. Постановления Конституционного Суда Российской Федерации. По делу о проверке конституционности положений Уголовного кодекса Российской Федерации, регламентирующих правовые последствия судимости лица, неоднократности и рецидива преступлений, а также пунктов 1–8 Постановления Государственной Думы от 26 мая 2000 года «Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» в связи с запросом Останкинского межмуниципального (районного) суда города Москвы и жалобами ряда граждан»: Постановление Конституционного Суда РФ № 3-П от 19.03.2003// СПС «КонсультантПлюс».
9. Карабанова, Е.Н. Квалификация многообъектного преступления, совершенного посредством преступления – способа / Е.Н. Карабанова // Законность. – 2017. – № 12. – С. 28–32.
10. Лопашенко, Н.А. Посягательства на собственность: монография / Н.А. Лопашенко. – М.: Норма, Инфра, 2012. – 528 с.
11. Корнеева, А.В. Смежные и конкурирующие нормы: вопросы квалификации / А.В. Корнеева // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. – 2024. – № 4. (116). – С. 58–65.
12. См. дискуссию после выступления А.А. Зубцова на заседании круглого стола, организованного клубом уголовного права «De lege lata» совместно с Научно-образовательным центром «Уголовно-правовая экспертиза» Юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова и редакцией журнала «Уголовное право», с докладом на тему «Разграничение мошенничества и организации деятельности по привлечению денежных средств». URL: <https://www.youtube.com/watch?v=YIcOhAiSVNE/>.
13. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2019), утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 24 апреля 2019 г. (определение № 9-АПУ18–17) // СПС «КонсультантПлюс».
14. Винокуров, В. Н., Федорова, Е.А. Объект преступления: вопросы конкуренции уголовно – правовых норм и совокупности преступлений / В.Н. Винокуров, Е.А. Федорова // Современное право. – 2019. – № 3 // СПС «КонсультантПлюс».
15. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 8 апреля 2010 г. № 601 – О – О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Варлакова А.А. на нарушение его конституционных прав ч. 2 ст. 209 УК РФ, ч. 1 ст. 240 и ст. 285 УПК РФ» // СПС «КонсультантПлюс».
16. Соловьев, И. Уголовная ответственность за привлечение средств граждан в финансовые пирамиды / И. Соловьев // Налоговый вестник – Консультации. Разъяснения. Мнения. – 2016. – № 9. С. 72.

17. Алабердеев, Р. Р., Латов, Ю.В. Финансовые пирамиды как форма непроизводительного предпринимательства / Р.Р. Алабердеев, Ю.В. Латов // TERRA ECONOMICUS. – 2010. – Т. 8. № 2. – С. 35–43.
18. Белицкий, В.Ю. Уголовная ответственность за организацию деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества (ст. 1722 УК РФ) / В.Ю. Белицкий // Алтайский юридический вестник. – 2017. – № 1 (17). С. 84.

DISTINCTION BETWEEN THE OFFENSES DEFINED IN ARTICLE 172.2 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION AND ARTICLE 159 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Deryabin A.S.

Kutafin Moscow State Law University

The differentiation of the offenses outlined in Article 172.2 of the Criminal Code of the Russian Federation and Article 159 of the Criminal Code is a key issue that significantly complicates the criminal law struggle against “financial pyramids.”

This article provides an analysis of the offenses related to the organization of activities aimed at attracting monetary funds and/or other assets, as well as the offense of fraud. The study delineates these offenses based on the objects of criminal law protection, addresses the issues of the punishability of the act specified in Article 172.2 of the Criminal Code, and discusses the necessity of qualifying Articles 159 and 172.2 of the Criminal Code as a set of offenses. This, in turn, contributes to the correct interpretation of these criminal law norms, which will undoubtedly facilitate the proper application of the legal provisions establishing liability for the organization of “financial pyramids.”

Keywords: the set of criminal offenses, the object of Article 172.2 of the Criminal Code of the Russian Federation and Article 159 of the Criminal Code of the Russian Federation, the distinction between financial pyramids and fraud, financial fraud, and criminal law measures against financial pyramids.

References

1. Zubtsov, A.A. Criminal law counteraction to the organization of financial pyramids and participation in them: dissertation of the Candidate of Economics. Sciences: 5.1.4. / Zubtsov, Alexander Alexandrovich. – Moscow, 2024. P. 143.
2. Russian Federation. Resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation. On judicial practice in cases of the manufacture or sale of counterfeit money or securities: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 2: adopted by the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation on April 28, 1994 // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2001. No. 6.
3. Borzenkov, G.N. Responsibility for fraud (qualification issues) / G.N. Borzenkov. Moscow: Yurid. lit., 1971. p. 139.
4. Feoktistov, M.V. There is no aggregate, the civil claim is subject to satisfaction / M.V. Feoktistov // Criminal law. – 2005. – No. 4. – pp. 142–144; Lyaskalo, A.N. Differentiation of theft and counterfeiting / A.N. Lyaskalo // Criminal law. – 2017. – No. 1. – pp. 67–75.
5. Inogamova – Hegai, L.V. Conceptual foundations of the competition of criminal law norms: a monograph / L.V. Inogamova-Hegai. – M., 2015. – SPS “ConsultantPlus”; Zatsepin, A.M. Additional qualification of crimes: a monograph / A.M. Zatsepin. Moscow: Yurлитinform, pp. 49–78.
6. Rarog, A.I. Criminal law counteraction to terrorism and extremism: textbook. manual / V.V. Paliy; Moscow State Law. O.E. Kutafin University (MGUA); A.I. Rarog. – Moscow: Prospekt, 2021. 96 p.
7. Komissarov, V. S., Krylova, N. E., Tyazhkova, I.M. Criminal law of the Russian Federation. General part: textbook for universities / edited by V.S. Komissarov, N.E. Krylova, I.M. Tyazhkova. – Moscow: Statute, 2014. – 879 p —
8. The Russian Federation. Resolutions of the Constitutional Court of the Russian Federation. In the case of the review of the constitutionality of the provisions of the Criminal Code of the Russian Federation regulating the legal consequences of a person’s criminal record, repetition and recidivism of crimes, as well as paragraphs 1–8 of the Resolution of the State Duma of May 26, 2000 “On the declaration of amnesty in connection with the 55th anniversary of Victory in the Great Patriotic War 1941–1945” in connection with the request Ostankino Intermunicipal (district) Court of the city of Moscow and the complaints of a number of citizens”: Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 3-P dated 03/19/2003// SPS “ConsultantPlus”.
9. Karabanova, E.N. Qualification of a multi-object crime committed through a crime method / E.N. Karabanova // Legality. – 2017. – No. 12. – pp. 28–32.
10. Lopashenko, N.A. Encroachments on property: a monograph / N.A. Lopashenko. – M.: Norm, Infra, 2012. – 528 p.
11. Korneeva, A.V. Related and competing norms: qualification issues / A.V. Korneeva // Bulletin of the O.E. Kutafin University. – 2024. – № 4. (116). – Pp. 58–65.
12. See the discussion after A.A. Zubtsov’s speech at the round table organized by the Criminal Law Club “De lege lata” in cooperation with the Scientific and Educational Center “Criminal Law Expertise” of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University and the editorial board of the journal “Criminal Law”, with a report on “Distinguishing fraud and organization activities to raise funds”. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=YlCO-hAiSVNE/>.
13. Review of Judicial Practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 1 (2019), approved by By the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on April 24, 2019 (definition No. 9-APU18–17) // SPS “ConsultantPlus”.
14. Vinokurov, V. N., Fedorova, E.A. The object of crime: issues of competition of criminal law norms and the totality of crimes / V.N. Vinokurov, E.A. Fedorova // Modern law. – 2019. – No. 3 // SPS “ConsultantPlus”.
15. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated April 8, 2010 No. 601 – O – O “On refusal to accept for consideration the complaints of citizen Varlakov A.A. on violation of his constitutional rights under Part 2 of Article 209 of the Criminal Code of the Russian Federation, Part 1 of Article 240 and Article 285 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation” // SPS “ConsultantPlus”.
16. Solovyov, I. Criminal liability for attracting citizens’ funds to financial pyramids / I. Solovyov // Tax Bulletin – Consultations. Clarifications. Opinions. – 2016. – No. 9. P. 72.
17. Alaberdeev, R. R., Latov, Yu.V. Financial pyramids as a form of unproductive entrepreneurship / R.R. Alaberdeev, Yu.V. Latov // TERRA ECONOMICUS. – 2010. – Vol. 8. No. 2. – pp. 35–43.
18. Belitsky, V.Y. Criminal liability for organizing activities to attract funds and (or) other property (art. 1722 of the Criminal Code of the Russian Federation) / V.Y. Belitsky // Altai Law Bulletin. – 2017. – № 1 (17). P. 84.

Незаконные приобретение и хранение наркотических средств и психотропных веществ разных видов

Крюков Антон Владимирович,

старший преподаватель кафедры уголовного права, судья в отставке, Санкт-Петербургский университет МВД России
E-mail: krukovanton293@gmail.com

Автор исследует аспекты оценки и пенализации деяний, предусмотренных ст. 228 УК РФ, в случаях, когда по делу фигурируют несколько наркотических средств или психотропных веществ в одном определенном размере. По его мнению, для принятия обоснованного решения в описанных ситуациях необходимо точное выяснение времени, места, обстоятельств совершения указанных деяний, а также массы каждого из запрещенных веществ. Автор полагает, что, поскольку незаконные действия с любым количеством любых наркотиков или психотропов в массах не выше значительного размера, а также со смесью подобных веществ, оцениваются по единой статье УК РФ, без учета общего их количества, то наказание за подобные деликты следует назначать ближе к максимальному, предусмотренному санкцией статьи. Такое наказание будет соответствовать общественной опасности деяний, совершаемых сразу с несколькими наркотиками или психотропными веществами, каждое из которых опасно само по себе.

Ключевые слова: Оценка деяния, единая статья, наркотик, психотропное вещество, масса, значительный размер, смесь, наказание ближе к максимальному, общественная опасность деяний.

В современном мире, следует признать, количество незаконных деяний, направленных на оборот наркотических средств и психотропных веществ, имеет устойчивую тенденцию к увеличению. При этом статья 228 УК РФ, запрещающая незаконные приобретение, хранение, перевозку, изготовление и переработку наркотических средств и психотропных веществ, используется особенно часто. Огромная судебно – следственная практика, сложившаяся по указанному преступлению, тем не менее, имеет определенные пробелы или просто недосказанности, которые, зачастую, затрудняют принятие законного и обоснованного решения.

Исходя из п. 5 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15.06.2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» [1], описанные в статье 228 УК РФ деяния, производимые одновременно с разнородными наркотиками или психотропами в пределах значительного размера, следует расценивать как единое деяние по части 1 ст. 228 УК РФ. По частям 2 или 3 указанной статьи соответствующие действия надлежит квалифицировать в случае, когда массы всех этих веществ наличествуют, соответственно, в крупном или особо крупном размере.

То есть все указанные в диспозиции статьи действия с любым количеством любых наркотиков или психотропов в массах не выше значительного размера соответствуют единому преступлению небольшой тяжести.

В подобных случаях возможно наличие различных видов и большого количества наркотиков или психотропов с достаточно большой общей массой, превышающей крупный или особо крупный размеры, установленные для каждого из них Постановлением Правительства РФ от 01.10.2012 г. № 1002 «Об утверждении значительного, крупного и особо крупного размеров наркотических средств и психотропных веществ, а также значительного, крупного и особо крупного размеров для растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, для целей статей 228, 228.1, 229 и 229.1 Уголовного кодекса Российской Федерации». [2] Тем не менее, здесь допустимо привлечение к ответственности лишь по одной статье уголовного закона в пределах ее санкции, поскольку правоприменитель лишен возможности назначить за подобные действия наказание выше предусмотренного законом.

Существенно, что при этом указанные действия с запрещенными веществами в крупном размере являются тяжким, а в особо крупном – особо тяжким преступлением.

В то же время, если будет установлено, например, что данные наркотики были приобретены в разное время, у разных лиц и при различных обстоятельствах, то обоснованной будет квалификация соответствующих действий уже как множества преступных деяний в отношении каждого наркотика или психотропа.

Верховный Суд Российской Федерации Постановлением от 15.12.2021 № 56-УДП21–21-К9 [3] оставил без изменения решение Спасского районного суда Приморского края и кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам Девятого кассационного суда общей юрисдикции в отношении М.

М. совершены незаконные действия с двумя видами наркотиков – марихуаной и маслом каннабиса. За совершение этих деяний М. осужден, соответственно, по статьям 228 ч. 2 и 228 ч. 1 УК РФ.

Генеральная прокуратура Российской Федерации в кассационном представлении настаивала, что М. совершено одно преступление, а именно ч. 2 ст. 228 УК РФ – незаконные приобретение и хранение наркотических средств в значительном и крупном размерах. Представители Генеральной прокуратуры РФ указывали, что назначение двух наказаний за единое преступление не соответствует предусмотренному законом принципу справедливости.

Судом установлено, что М., сорвав части растения конопля, сначала изготовил из них марихуану (каннабис) в размере, соответствующем крупному, а затем из марихуаны изготовил гашишное масло (масло каннабиса).

Таким образом, М. совершил незаконные деяния с каннабисом и маслом каннабиса не одновременно, а в разное время, что и обусловило квалификацию его действий по различным статьям. Верховный Суд РФ счел, что единая квалификация по ч. 2 ст. 228 УК РФ, зависит объем обвинения.

Однако подобное разделение незаконных действий с наркотиками или психотропами на разные преступления возможно только когда действия с разными веществами совершены одновременно. В то же время в практической деятельности часто установление точного времени, места и обстоятельств незаконного приобретения наркотических средств вызывает существенные затруднения или просто является невозможным. В таких случаях незаконные приобретение и хранение любого количества различных наркотиков в одном определенном размере возможно оценить только как единое преступление.

Решением Первомайского районного суда г. Омска [4] подсудимый ФИО за единовременные действия с марихуаной и метамфетамином осужден по одной статье 228 ч. 1 УК РФ. Суд установил,

что ФИО незаконно хранил эти наркотики в одно и то же время.

Изначально же органом следствия по уголовному делу ФИО обвинялся по ст. 228 ч. 1 УК РФ дважды, т.е. отдельно по каждому из наркотиков. Суд, однако, счел, что оснований для подобного разделения не имеется.

Возможно возникновение затруднений также и при оценке наркотиков или психотропов, находящихся в смеси. Верховный Суд РФ в вышеуказанном Постановлении отмечает, что оценка действий с подобной смесью зависит от массы в ней самого сильнодействующего наркотика, и, следовательно, также осуществляется по определенной части одной статьи 228 УК РФ. Следовательно, здесь уголовная ответственность является еще более мягкой, нежели предусмотренная за несколько видов наркотических средств. Если изъято несколько видов наркотиков, имеющих разную массу, то деяние квалифицируется по нескольким статьям, с назначением наказания по каждой. Если же наркотики находятся в смеси, то в любом случае наказание назначается по одной статье, без учета количества иных наркотиков.

Например, Ростовский областной суд [5], указав, что суд первой инстанции неверно оценил конечный размер смеси нескольких разных наркотиков, привлек М. к ответственности не по части 2, а по части 1 указанной статьи УК РФ. Соответственно, все деяния, связанные со смесью разных наркотиков, оценены по массе одного, самого сильнодействующего из них.

Можно заключить, что для принятия обоснованного решения в описанных ситуациях необходимо точное выяснение времени, места, обстоятельств совершения указанных деяний, а также массы каждого из запрещенных веществ. Для соблюдения предусмотренного ст. 6 УК РФ принципа справедливости, при назначении наказания по единой статье 228 УК РФ за несколько видов наркотиков или психотропов одного определенного размера, судам следует назначать наказание ближе к максимальному, предусмотренному санкцией статьи. Подобное наказание будет соответствовать общественной опасности деяний, совершаемых сразу с несколькими наркотиками или психотропными веществами, каждое из которых опасно само по себе. Это же относится и к случаям изъятия смеси таких веществ.

Литература

1. Доступ из справ. – правовой системы «КонсультантПлюс». Текст: – электронный.
2. Доступ из справ. – правовой системы «КонсультантПлюс». Текст: – электронный.
3. Официальный сайт «Законы, кодексы и нормативно – правовые акты Российской Федерации» URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii>

ot-15122021-n-56-udp21–21-k9/ (дата обращения 10.10.2025 г.)

4. Официальный сайт «Гражданское законодательство» URL: <https://lawnotes.ru/podborki-gk-rf/hranenie-dvuh-vidov-narkoticheskikh-sredstv> (дата обращения 10.10.2025 г.)
5. Апелляционное определение Ростовского областного суда № 22–7060/2016 от 13.12.20216 г. URL: <https://actofact.ru/case-61OS0000–22–7060–2016–2016–12–05–2–1/> (дата обращения 16.10.2025 г.)

ILLEGAL PURCHASE AND STORAGE OF DRUGS AND PSYCHOTROPIC SUBSTANCES OF VARIOUS TYPES

Kryukov A.W.

Saint Petersburg University of the Ministry of internal Affairs of Russia

The author explores the aspects of assessing and penalizing the acts provided for in Article 228 of the Criminal Code of the Russian Federation in cases where several narcotic drugs or psychotropic substances are involved in a single case. According to the author, in order to make an informed decision in such situations, it is necessary to accurately determine the time, place, and circumstances of the acts, as well as the weight of each prohibited substance. The author believes that since illegal actions involving any amount of any drug or psychotropic substance in quantities not exceeding a signif-

icant amount, as well as a mixture of such substances, are subject to a single article of the Criminal Code of the Russian Federation, regardless of the total quantity, the punishment for such offenses should be closer to the maximum penalty provided for in the article. This punishment would be appropriate for the public danger of actions involving multiple drugs or psychotropic substances, each of which is dangerous in its own right.

Keywords: Assessment of the act, single article, drug, psychotropic substance, mass, significant size, mixture, punishment closer to the maximum, public danger of the act.

References

1. Access from the help. – the legal system “ConsultantPlus”. Text: – electronic.
2. Access from the help. – the legal system “ConsultantPlus”. Text: – electronic.
3. The official website “Laws, codes and regulatory legal acts of the Russian Federation” URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-15122021-n-56-udp21–21-k9/> / (accessed 10.10.2025)
4. The official website of “Civil Legislation” URL: <https://lawnotes.ru/podborki-gk-rf/hranenie-dvuh-vidov-narkoticheskikh-sredstv> (date of appeal 10.10.2025)
5. Appeal ruling of the Rostov Regional Court No. 22–7060/2016 dated 12/13/20216. URL: <https://actofact.ru/case-61OS0000–22–7060–2016–2016–12–05–2–1/> (accessed 16.10.2025)

Применение программного обеспечения для экономического анализа при производстве судебных экономических экспертиз

Кузбагарова Елена Викторовна,

к.ю.н., доцент кафедры судебных экспертиз, Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет

Беседин Кирилл Евгеньевич,

студент, Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет
E-mail: kir.besedin37@gmail.com

В статье сформулирована необходимость совершенствования существующих экспертных методик в области производства судебных экономических экспертиз с использованием современного программного обеспечения, рассмотрены перспективы внедрения статистического пакета PSPP и иных программных продуктов в производство судебной финансово-экономической экспертизы о наличии (отсутствии) факта преднамеренного банкротства юридического лица как необходимого инструмента повышения объективности проводимых судебно-экспертных исследований, оптимизации сроков производства судебной экспертизы. Применение программного обеспечения PSPP, обеспечивающего быстрый и качественный анализ больших массивов финансовой информации, открывает широкие перспективы для концептуального совершенствования методик производства судебных экспертиз и перехода судебно-экспертной деятельности на новый уровень цифровизации.

Ключевые слова: Судебная финансово-экономическая экспертиза, преднамеренное банкротство, PSPP, финансовый анализ.

Нестабильные экономические условия, преобладающие в российской экономике на протяжении последних лет, обуславливают стабильно высокий уровень совершения экономических преступлений. Восходящую динамику показывают преступления в экономической сфере, связанные с причинением значительного ущерба, удельный вес которых в настоящий момент составляет более 26% от общего количества [1]. При этом своевременное выявление подобных преступлений является приоритетной задачей обеспечения надлежащего уровня законности и защиты общественных отношений в экономическом секторе.

В настоящее время применение программных продуктов в области экономического анализа при производстве судебных экономических экспертиз предоставляет возможности повышения общего уровня достоверности проводимого судебно-экспертного исследования, оптимизации временных затрат, обеспечения возможности проверки получаемых результатов и т.п. Целесообразность применения программного обеспечения обуславливается необходимостью поступательного развития и совершенствования методов производства судебных экономических экспертиз, значимость которых за минувший пятилетний период существенно увеличилась. Текущая ситуация в отрасли производства судебной экспертизы вызвана прежде всего влиянием различных негативных экономических факторов и эффектов на экономическую устойчивость хозяйствующих субъектов, что неизбежно приводит к существенному увеличению случаев банкротства организаций и совершения преступлений в сфере экономики. Так, по данным Федресурса совокупный размер требований конкурсных кредиторов в 2024 году составил 3305,7 млрд рублей, что на 11,73% больше соответствующего показателя за 2023 год и на 58,55% – за 2020 год, а количество сообщений об открытии конкурсного производства возросло на 15.82% [2]. При этом количество судебных производств, связанных с преднамеренным банкротством юридических лиц также неуклонно возрастает. Нестабильные экономические условия, вызывающие рост экономических преступлений неизбежно повышают потребность в производстве судебных экономических экспертиз и проекционно наблюдается повышение уровня трудоемкости производства судебной экспертизы о наличии (отсутствии) признаков преднамеренного банкротства организации. Для целей повышения эффективности и репрезентативности проводимых исследований в сложившейся ситуации представляется уместным внедрение передо-

вых компьютерно-технических средств для финансового анализа и мониторинга экономического состояния деятельности хозяйствующих субъектов. Предоставляемый в распоряжение судебного эксперта обширный инструментарий позволяет проводить профильные исследования, осуществлять дополнительную автоматизацию процессов производства судебной экспертизы, проверку получаемых результатов и способствует повышению общего уровня репрезентативности судебных экономических экспертиз.

Выявление признаков преднамеренного банкротства в контексте производства судебной экспертизы регламентировано различными апробированными методиками МВД РФ, Министерства юстиции РФ и др. Общими чертами таких методик выступает необходимость проведения всестороннего экономического анализа, иллюстрирующего изменение экономических показателей, таких как ликвидность организации (по группам активов по уровню оборачиваемости и пассивов по уровню срочности, коэффициентов ликвидности и т.д.), различные виды рентабельности (рентабельность чистая, рентабельность продаж, производственных фондов, активов и др.), финансовой устойчивости и т.п. [3, С. 513–534] Также методическими рекомендациями зачастую устанавливается необходимость выявления бухгалтерских «асимметрий», посредством установления взаимосвязей между ключевыми экономическими показателями, например, между изменениями выручки и деловой активности организации. [4]

Нормативное толкование применения экспертной методики в рамках судебно-экспертного исследования отсутствует, указывая лишь на общие черты процессуального действия, предоставляя эксперту широкие возможности для самостоятельного исследования. В рамках доктринального подхода к проведению подобных исследований зачастую авторы ограничиваются различными рекомендациями по созданию автоматизированных Excel-таблиц или приведением и адаптацией некоторых формул, относящихся к теории экономического анализа [5,6]. Сложившаяся ситуация не может стимулировать стандартизацию методов экономического анализа и предоставить в распоряжение эксперта качественно новые инструменты производства судебной экспертизы, способствующие повышению объективности экспертного исследования и оптимизации сроков производства судебной экспертизы. При этом в рамках экспертного исследования возможности использования профильного программного обеспечения для экономического анализа и финансового мониторинга, как способа получения стандартизированных результатов, фактически отсутствуют.

Отчёты, генерируемые сервисами для экономического анализа, такими как <https://www.semestr.online> и <https://www.finalon.com/ru>, не только позволяют достичь абсолютной точности при расчете экономических показателей, исключая вычислительные ошибки, связанные с «челове-

ческим фактором», но и зачастую способны предоставить в распоряжение эксперта первичные комментарии относительно изменения состояния организации. Данные возможности обеспечивают дополнительную оптимизацию сроков проведения судебной экспертизы. Высокая сложность, характеризующая финансово-аналитические экспертизы (в среднем производство экспертизы занимает более 30 дней), в совокупности с экспертными ошибками, дополнительно растягивающими сроки ввиду необходимости проведения повторных или дополнительных исследований. [7]

Перечисленные проблемы, сложившиеся в сфере производства судебной экспертизы, в том числе по делам о наличии (отсутствии) признаков преднамеренного банкротства обуславливают объективную необходимость применения профильных программных продуктов для экономического анализа и финансового мониторинга.

Приведенные сервисы предоставляют возможность локальной оптимизации сроков производства судебной экспертизы и исключают ошибки, связанные с человеческим фактором на первоначальном этапе, заключающемся в общей оценке финансового состояния организации. Однако, несмотря на это они не привносят в процессы судебно-экспертной деятельности качественно новых решений для основной части исследования, а именно анализа предоставленных материалов (договоров и прочих финансовых операций) с позиций целесообразности и их существенного влияния на экономическую стабильность предприятия.

Стоит отметить, что производство судебной экспертизы о наличии (отсутствии) факта преднамеренного банкротства на практике происходит по следующему рабочему процессу: судебный эксперт получает материалы уголовного дела, содержащие конечный перечень сомнительных сделок, после чего он осуществляет их экономический анализ, результаты которого и отражает в заключении. В данной ситуации эксперт фактически дает объективную оценку лишь отдельным сделкам, состоявшимся до начала процедуры банкротства. В рамках предстоящей судебной экономической экспертизы органы предварительного расследования самостоятельно осуществляют анализ имеющихся в материалах дела экономической информации и выделяют сомнительные экономические операции, послужившие основанием для начала процедуры банкротства. Вместе с тем отсутствуют гарантии формирования полного списка сомнительных экономических операций, проводимых в рамках предбанкротных гражданско-правовых сделок. В связи с этим, целесообразно информацию по сделкам передавать судебному эксперту в полном объеме, для её обработки и анализа с использованием программных продуктов, позволяющих на основе анализа экономической составляющей сделки выявить признаки её фиктивности (мнимости или притворности). Вместе тем, в случае представления судебному эксперту большого массива информации для экономического анализа

могут возникнуть сложности с их анализом в рамках существующих экспертных методик, основанных на использовании текстовых редакторов и Excel, обусловленные ограниченными сроками производства судебной экспертизы.

Для решения проблемы такого рода возможно применение программного обеспечения для статистического анализа, результаты которого будут являться базисом для дальнейших исследований в рамках судебной экспертизы. В настоящий момент на рынке представлено несколько профильных программных продуктов для анализа больших массивов информации. Наибольший интерес представляет высокопроизводительные программные комплексы Stata, SPSS (и его аналог PSPP с открытым кодом), SAS, GAUSS.

Программное обеспечение Stata позволяет проводить корреляционно-регрессионный и панельного анализа социологических, экономических и иных процессов любой сложности для выявления реальных связей между различными факторами и их влияние на спецификацию модели [8]. Продукт SAS представляет уникальные решения и набор передовых инструментов для осуществления бизнес-аналитики, принятия управленческих решений и наиболее популярен в банковской среде, в том числе для кредитного скоринга, т.е. оценки платежеспособности, что может быть адаптировано для целей судебной экспертизы [9]. Наименее популярным из перечисленных средств является специализированный пакет для эконометрических расчетов и симуляций GAUSS.

При первичном рассмотрении приведённого программного обеспечения может сложиться впечатление о невозможности его использования для целей судебной экспертизы, ввиду непрофильности, однако этот недостаток перекрывается возможностями индивидуального программирования в процессе работы с пакетами. Необходимость программирования является как ключевым достоинством приводимого программного обеспечения, так и его существенным недостатком, т.к. предъяв-

ляет дополнительные квалификационные требования к судебным экспертам-экономистам.

Использование статистического пакета SPSS Statistics (или его бесплатного аналога PSPP) не несет дополнительных ограничений ввиду возможности исключения программирования из технического процесса. При этом данные продукты предоставляют широкие возможности для кластерного анализа больших объемов информации, удобную визуализацию результатов в виде графиков, таблиц, диаграмм и т.п. [10], что может существенно оптимизировать экспертные задачи, связанные с определением степени влияния целой категории сделок и иных операций на финансовую устойчивость организации. Свободная лицензия PSPP при практически идентичных функциональных возможностях с SPSS обуславливает большую привлекательность этого программного средства.

Применение PSPP в рамках производства финансово-аналитической экспертизы по делам о преднамеренных банкротствах способно решать экспертные задачи, связанные с исследованием эффективности использования оборотных и внеоборотных активов организации и деловой активности должника, которые являются ключевыми для проведения исследования и дачи экспертного заключения [11]. При этом уже на данном этапе возможно определение сомнительности сделок и возможной недобросовестности контрагентов, что существенно оптимизирует процессы производства судебной экспертизы.

Для начала работы с PSPP требуется создание базы данных сделок или контрагентов, если количество сделок слишком большое для сплошной записи (в последнем случае информация о сделках должна быть сгруппирована в строки по контрагентам); данные могут быть импортированы из Excel-таблиц в SVS формате. Для ввода данных непосредственно через интерфейс PSPP требуется задание переменных на листе просмотра переменных; при импорте данных переменные создаются автоматически.

Переменная	Название	Тип	Ширина	Знаков после запятой
1	контрагент	Строка	8	0
2	дата_сделки	Дата	8	0
3	Id_сделки	Число	8	0
4	сумма_сделки_руб.	Число	10	2
5	процент_доходности	Число	8	2
6	Номер_контрагента	Число	8	0

Наблюдения	контрагент	дата_сделки	Id_сделки	сумма_сделки_руб.	процент_доходности	Номер_контрагента
1	k3	15/01/24	1	90000,00	1,00	3
2	k1	03/02/24	2	158900,00	12,50	1
3	k5	28/02/24	3	97000,00	5,70	5
4	k4	10/03/24	4	102000,00	6,30	4
5	k1	22/03/24	5	147600,00	14,00	1
6	k5	07/04/24	6	104500,00	9,20	5

Рис. 1. Заданные переменные и примеры сделок.

В целях демонстрации концептуальных возможностей PSPP авторами была создана база данных по 50 операциям в целях их дальнейшего анализа и выделения сомнительных сделок и контрагентов (Рис. 1).

Для эффективной работы предлагается задание следующих переменных: номер сделки (id_сделки), название контрагента (контрагент) и его порядковый номер (номер_контрагента, дата операции (дата_сделки), сумма сделки (сумма_сделки_руб.) и доходность операции в % (процент_доходности). При этом для числовых данных тип переменной указывается как Число, для названия контрагента – Строка, а для даты совершения сделки соответственно Дата. Стоит отметить, что присвоение номера каждому контрагенту связано с невозможностью анализа «строк» в PSPP.

Дальнейший анализ основывается на определении нормальности распределения, то есть на вероятности попадания случайной переменной (например, процента доходности) в область, вокруг среднего значения. Для определения нормальности определения требуется расчет среднеквадратического отклонения σ – показателя рассеивания (разброса) значений выбранной переменной [12]. При этом согласно теории математической статистики 68,26% значений должны лежать в пределах σ от среднего значения, 95,44% – в пределах 2σ от среднего и 99,73% значений – в пределах 3σ среднеквадратических отклонений (Рис. 2).

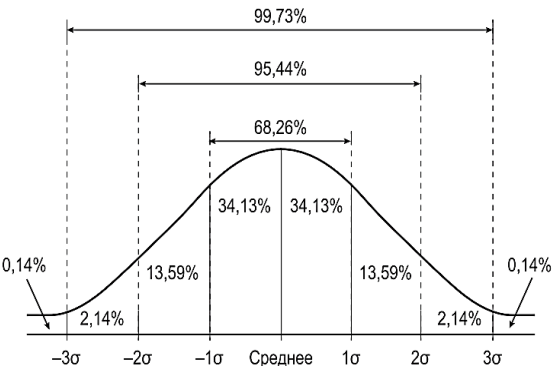

Рис. 2. График нормального распределения

Данное положение может использоваться для оценки рыночности сделок: однородные сделки в условиях рынка в подавляющем большинстве случаев имеют примерно равную рентабельность, большой разброс % доходности является поводом для проверки выделяющихся сделок или контрагентов.

Для проверки данных по критерию Колмогорова-Смирнова необходимо выполнить следующую последовательность действий: в верхнем меню (ленте) выбрать вкладку «Анализ», затем в выпадающем меню использовать раздел «Непараметрическая статистика» и выбрать «Тест Колмогорова-Смирнова для одной выборки». Затем в открывшемся окне переместить исследуемую переменную (в данном случае процент_доходности) в графу

переменных для тестирования, выбрать проверку на нормальное распределение и запустить тест (Рис. 3).

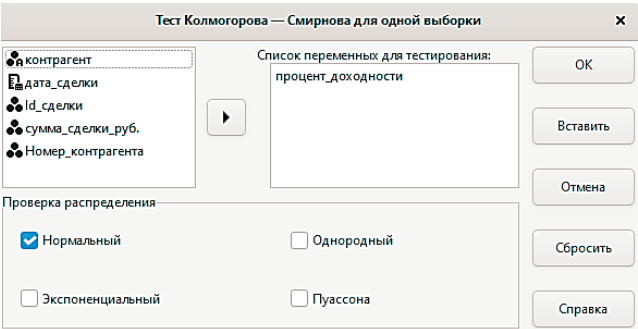

Рис. 3. Выпадающее окно теста Колмогорова-Смирнова

Результаты выводятся в автоматически создаваемое окно, в случае с тестом Колмогорова-Смирнова определяется количество измерений N, среднее значение, стандартное отклонение и связанные рассчитанные параметры теста – Z Колмогорова-Смирнова и Асимптотическое значение (p-value). Последний параметр является ключевым, так как значение p-value меньше или равно 0,05 свидетельствует о том, что эмпирическое распределение не является нормальным.

NPART TEST
/KOLMOGOROV-SMIRNOV (NORMAL) = процент_доходности.

Тест Колмогорова – Смирнова для одной выборки

	НТ_доход
N	50
Параметры нормального распределения	Среднее 6,31 Станд. отклонение 4,04
Наибольшие различия	Абсолютная .20 Положительная .20 Отрицательная -.10
Z Колмогорова – Смирнова	1,42
Асимпт. знач. (двусторонняя)	,025

Рис. 4. Тест Колмогорова-Смирнова для процента доходности

Также возможен расчет описательных статистик, через пункт «Описательные статистики» на вкладке анализа. Данная функция предполагает расчет сходных показателей без проверки на нормальность распределения, но предоставляет возможность одновременного анализа сразу нескольких переменных с определением среднего значения, максимума, минимума, эксцессов, асимметрий и пр.

Для повышения наглядности и визуальной оценки распределения показателей в PSPP присутствует функция построения графиков и диаграмм во вкладке «Графики». Дополнительной опцией при построении графика в PSPP является добавление на него кривой нормального распределения, которую впоследствии можно сравнить с теоретической кривой (Рис. 5). Точечная диаграмма на плоскости с принятой датой сделки за ось абсцисс и процентом доходности – за ось ординат позволяет оценить доходность сделок относительно времени их совершения, что актуально при подо-

зрительном снижении уровня доходности и позволяет оценить характер снижения доходности (аналогично для переменной суммы сделки).

GRAPH /HISTOGRAM (NORMAL) = процент_доходности.

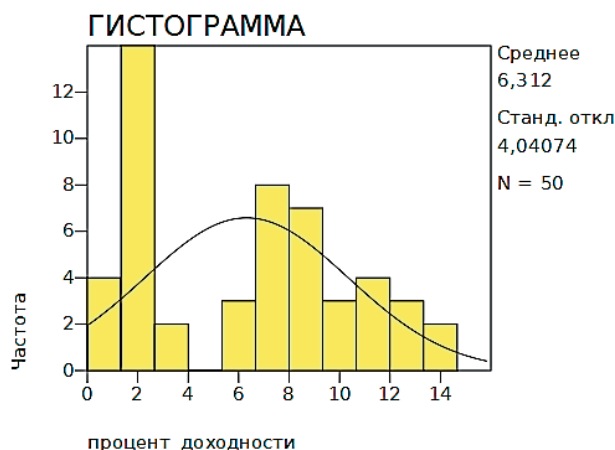

Рис. 5. Гистограмма процента доходности

Также в PSPP реализована возможность раздельного анализа сделок по контрагентам, для этого требуется разделить файл по переменной «Номер_контрагента» во вкладке данные – все дальнейшие тесты будут проводиться по каждому контрагенту отдельно и выводиться в виде группы графиков, таблиц или диаграмм, что требуется при более предметном анализе. Функция Выбрать данные во вкладке Данные позволяет отфильтровать сделки по выбранной переменной с учетом заданных условий (например, для можно рассмотреть выборку сделок с низким процентом доходности).

После выделения комплекса сомнительных сделок анализ их влияния на экономическую устойчивость организации проводится по стандартной системе посредством расчета неравенств платежеспособности по соотношению объема сгруппированных активов предприятия по степени ликвидности с пассивами по степени срочности соответственно [13]. Анализ существенности воздействия выделенных сомнительных сделок на финансовую устойчивость организации может быть рассчитан на основании доначисления искусственно заниженного процента доходности до среднего показателя в организации; в случае изменения кризисного уровня финансовой устойчивости организации на любой иной влияние сделок признается значительным. В ситуациях, когда подобный расчёт может быть затруднительным, возможно применение метода системной динамики имитационного моделирования с использованием пакета IThink [14].

Таким образом, применение программного комплекса PSPP (или аналогичного программного обеспечения) позволяет существенно оптимизировать основные процессы производства судебной финансово-экономической экспертизы, в том числе и по делам преднамеренном банкротстве, исключить экспертные ошибки, связанные с человеческим фактором при расчете показателей в электронных таблицах. При этом становится возмож-

ным сплошной анализ сделок, выделение групп сомнительных операций, качественно и системно выделяющихся из списка совершенных сделок на основании абсолютно точных математических показателей, что дополнительно повышает объективность судебно-экспертного заключения. Использование статистического пакета PSPP, распространяемого на основе свободной лицензии, предоставляет возможность сплошного анализа сделок, не связанного с повышением временных затрат, а, напротив, сокращающего их ввиду моментального автоматизированного расчета необходимых показателей для эффективного производства судебной экспертизы. Все перечисленное обуславливает высокие перспективы применения программного обеспечения PSPP при производстве судебных экспертиз как средства качественного развития экспертных методик и необходимого компонента перехода судебно-экспертной деятельности на новый уровень цифровой трансформации.

Литература

1. Быковская, Ю.В. Современные тенденции преступности экономической направленности в Российской Федерации / Ю.И. Быковская // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 3. С. 241–242.
2. Официальный сайт Федресурс (Единый федеральный ресурс юридически значимых сведений о фактах деятельности юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и иных субъектов экономической деятельности) Электронный ресурс: Режим доступа <https://fedresurs.ru/news/d2d67a09-fa00-46b0-8b04-019cdf29b19d/> (дата обращения 08.08.2025 г.)
3. Типовые экспертные методики исследования вещественных доказательств. Ч. II / Под ред. А.Ю. Семёнова. Общая редакция канд. техн. наук В.В. Мартынова. – М.: ЭКЦ МВД России, 2012. – 800 с.
4. Макаренко, С. А., Овсиенко, А.А. Методика выявления признаков преднамеренного банкротства как метод финансового контроля/ С.А. Макаренко, А.А. Овсиенко // ЕГИ. 2022. № 2. С. 413–414.
5. Ищенко, А.Н., Михеева, М.В. Применение методов экономического анализа в судебной финансово-аналитической экспертизе / А.Н. Ищенко, М.В. Михеева // Вестник экономической безопасности. 2021. № 4. С. 251–253.
6. Баландина, Е.В., Зеленцова, Е.С., Астраханцев, Р.Г. Совершенствование методики финансового анализа в рамках судебной финансово-экономической экспертизы / Е.В. Баландина, Е.С. Зеленцова, Р.Г. Астраханцев // Известия ВУЗов ЭФУП. 2021. № 2 (48). С. 11–13.
7. Звягин, С.А., Стрыгина, И. Е., Трещевский, Ю.И. Сроки проведения судебно-бухгалтерской экспертизы: нормативный и ме-

- тодический аспекты / С.А. Звягин, И.Е. Стрыгина, Ю.И. Трещевский // Вестник ВГУ. Серия: Экономика и управление. 2023. № 3. С. 78–81.
8. Королёва, Е. В., Копейкин, М.Л. Оценка влияния экономических новостей на доходность государственных облигаций в развитых странах / Е.В. Королёва, М.Л. Копейкин // ЕГИ. 2023. № 4 (48). С. 400.
 9. Верещака, А.А. Теоретические и практические аспекты принятия управленческих решений в цифровой экономике / А.А. Верещака // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2024. № 3. С. 425–426.
 10. Ярлыченко, А.А. Прогнозирование динамики показателей экономического развития российских регионов с учетом уровня сбалансированности инновационных процессов / А.А. Ярлыченко // Экономика и управление. 2023. № 5. С. 523–527.
 11. Савицкий, А.А. Актуальные задачи и вопросы судебной финансово-экономической экспертизы по делам о банкротстве в уголовном и арбитражном процессах / А.А. Савицкий // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2024. № 3 (115). С. 70–71.
 12. Ядгаров, М. Я., Кузовлев, А. Н., и др. Важность оценки закона распределения данных: теория и практическое руководство / М.Я. Ядгаров, А.Н. Кузовлев, Л.Б. Берикашвили, А.А. Баева, В.В. Лихванцев // Анестезиология и реаниматология. 2021. № 2. С. 137.
 13. Шокумова, Р.Е. Оценка платежеспособности и ликвидности как инструмент эффективного управления организацией / Р.Е. Шокумова // Известия Кабардино-Балкарского государственного аграрного университета им. В.М. Кокова. 2021. № 3 (33). С. 161–165.
 14. Беседин, К.Е., Таранов, А.И., Магдина, Е.Р. Применение методов имитационного моделирования при производстве судебных экономических экспертиз / К.Е. Беседин, А.И. Таранов, Е.Р. Магдина // Вопросы российского и международного права. 2024. № 11А. С. 465–467.

APPLICATION OF ECONOMIC ANALYSIS SOFTWARE IN COURT ECONOMIC EXPERTISE

Kuzbagarova E.V., Besedin K.E.

Saint Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering

The article formulates the need to improve existing expert methods in the field of forensic economic expertise, and discusses the prospects for introducing the PSPP statistical package and other software products into the production of forensic financial and economic expertise on the presence (or absence) of the fact of a legal entity's intentional bankruptcy as a necessary tool for increasing the objectivity of forensic research and optimizing the timing of forensic examinations. The use of PSPP software, which provides a quick and high-quality analysis of large amounts of financial information, opens up broad prospects for the conceptual improvement of meth-

ods for conducting forensic examinations of this type and the transition of forensic activities to a new level of digitalization.

Keywords: Forensic financial and economic examination, deliberate bankruptcy, PSPP, financial analysis.

References

1. Bykovskaya, Yu.V., Current Trends in Economic Crime in the Russian Federation / Yu.I. Bykovskaya // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. No. 3. pp. 241–242.
2. Official website of Fedresurs (Unified federal resource of legally significant information on the activities of legal entities, individual entrepreneurs and other economic entities) Electronic resource: Access mode <https://fedresurs.ru/news/d2d67a09-fa00-46b0-8b04-019cdf29b19d/> (date of access 08.08.2025)
3. Standard expert methods for examining material evidence. Part II / Ed. by A. Yu. Semenov. General editorship by Cand. of Technical Sciences V.V. Martynov. – M.: Forensic Science Center of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2012. – 800 p.
4. Makarenko, S. A., Ovsienko, A.A. Methodology for identifying signs of deliberate bankruptcy as a method of financial control / S.A. Makarenko, A.A. Ovsienko // EGI. 2022. No. 2. Pp. 413–414.
5. Ishchenko, A. N., Mikheeva, M.V. Application of economic analysis methods in forensic financial and analytical examination / A.N. Ishchenko, M.V. Mikheeva // Bulletin of Economic Security. 2021. No. 4. Pp. 251–253.
6. Balandina, E. V., Zelentsova, E. S., Astrakhantsev, R.G. Improving the methodology of financial analysis in the framework of forensic financial and economic examination / E.V. Balandina, E.S. Zelentsova, R.G. Astrakhantsev // Bulletin of Universities of Economics and Management. 2021. No. 2 (48). Pp. 11–13.
7. Zvyagin, S.A., Strygina, I.E., Treshchevsky, Yu.I. Timing of Conducting a Forensic Accounting Expertise: Regulatory and Methodological Aspects / S.A. Zvyagin, I.E. Strygina, Yu.I. Treshchevsky // VSU Bulletin. Series: Economics and Management. 2023. No. 3. Pp. 78–81.
8. Koroleva, E.V., Kopeikin, M.L. Assessing the Impact of Economic News on the Yield of Government Bonds in Developed Countries / E.V. Koroleva, M.L. Kopeikin // EGI. 2023. No. 4 (48). P. 400.
9. Vereshchaka, A.A. Theoretical and Practical Aspects of Management Decision-Making in the Digital Economy / A.A. Vereshchaka // Bulletin of Udmurt University. Series "Economics and Law". 2024. No. 3. Pp. 425–426.
10. Yarlychenko, A.A. Forecasting the Dynamics of Economic Development Indicators of Russian Regions Taking into Account the Level of Balance of Innovation Processes / A.A. Yarlychenko // Economics and Management. 2023. No. 5. Pp. 523–527.
11. Savitsky, A.A. Actual Tasks and Issues of Forensic Financial and Economic Expertise in Bankruptcy Cases in Criminal and Arbitration Proceedings / A.A. Savitsky // Bulletin of O.E. Kutafin University. 2024. No. 3 (115). P. 70–71.
12. Yadgarov, M. Ya., Kuzovlev, A. N., et al. The Importance of Assessing the Data Distribution Law: Theory and Practical Guide / M. Ya. Yadgarov, A.N. Kuzovlev, L.B. Berikashvili, A.A. Baeva, V.V. Likhvantsev // Anesthesiology and Resuscitation. 2021. No. 2. P. 137.
13. Shokumova, R.E. Assessing Solvency and Liquidity as a Tool for Effective Organization Management / R.E. Shokumova // Bulletin of the Kabardino-Balkarian State Agrarian University named after V.M. Kokov. 2021. No. 3 (33). P. 161–165.
14. Besedin, K. E., Taranov, A. I., Magdina, E.R. Application of simulation modeling methods in the production of forensic economic examinations / K.E. Besedin, A.I. Taranov, E.R. Magdina // Issues of Russian and International Law. 2024. No. 11A. P. 465–467.

К вопросу об использовании возможностей ИИ в области материально-бытовому обеспечения осужденных

Мезенева Мария Александровна,
аспирант Университета прокуратуры Российской Федерации

В статье рассматриваются вопросы привлечения осужденных к выполнению работ по приготовлению пищи и уборке помещений. Проводится анализ зарубежного опыта в этой сфере. Обосновывается необходимость труда осужденных в бытовой сфере как действенного механизма ресоциализации.

Ключевые слова: исполнение наказаний, труд осужденных, исправление осужденных, ресоциализация, использование искусственного интеллекта в уголовно-исполнительной системе.

Концепцией развития уголовно-исполнительной системы на период до 2030 года [6] (далее – Концепция) предполагается модернизация инфраструктуры как приоритетная задача, направленная на создание надлежащих условий пребывания в учреждениях уголовно-исполнительной системы (далее – УИС). Это требует реализации дополнительных мероприятий, направленных на достижение главной цели уголовно-исполнительного законодательства: перевоспитание заключенных, их возвращение к нормальной жизни в обществе и социальную адаптацию.

Указанные положения соприкасаются в контексте материально-бытового обеспечения осужденных, организации их быта в период отбывания наказания. Каким бы режимом не обозначалось исправительное учреждение, нормы размещения, санитарно-технических требований, обеспечение осужденных питанием остается неизменным.

Согласно требованиям приказа Федеральной службы исполнения наказаний от 23.05.2025 № 327 «Об утверждении Порядка организации питания осуждённых, подозреваемых и обвиняемых, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы» [7], учреждения УИС обеспечивают трёхразовое питание с промежутками между организованными приемами питания не превышающими семи часов (не учитывая период сна). В соответствии с п. 36 приказа Минюста России от 04.07.2022 № 110 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы» [8], уборка проводится ежедневно в помещениях, предназначенных для размещения осужденных.

В настоящее время обязанность соблюдения этих условий лежит на осужденных: они трудоустроены в столовую при исправительном учреждении, уборка камер производится в соответствии с установленным графиком. Администрация учреждения лишь контролирует соблюдение установленных федеральным законодательством и внутриведомственными приказами требований. Добровольное и качественное исполнение своих обязанностей служит основанием для поощрения осужденного правами администрации учреждения и отражается в характеристике от администрации при решении вопроса о переводе на улучшенные условия содержания, вопросов, подлежащих рассмотрению в порядке ст. 397 УПК РФ [9], и другое.

В случае уклонения от выполнения такого вида работ, напротив, администрация исправительного учреждения обязана рассмотреть вопрос о привлечении осужденного к дисциплинарной ответственности, что может повлечь, в свою очередь, изменение условий отбывания наказания на более строгие, выдворение в штрафной изолятор на определенный постановлением начальника учреждения срок.

Обратимся к истории приобщения осужденных к выполнению бытовых обязанностей. Поручение приготовления пищи в тюрьмах России происходило постепенно и зависело от региона и вида исправительного учреждения. В дореволюционной России в большинстве случаев за кухню отвечали штатные повара, и кухонные обязанности возлагались на заключенных в рамках трудовых повинностей. До 1917 года приготовление пищи не было обязательной трудовой повинностью, но в некоторых учреждениях заключенные привлекались к этому занятию как к хозяйственной работе. Это служило сразу двум целям – обеспечению питания арестантов и прививанию социально-полезных навыков.

Законом от 06.01.1886 «О порядке занятия арестантов работами и получаемого от сего дохода» [1] была закреплена обязанность труда в местах заключения, включая приготовление пищи. Циркуляры Главного тюремного управления от 25.04.1886 № 13, 03.03.1888 № 21, 25.06.1889 № 16 [10] также содержат упоминание о приготовлении пищи в качестве арестантского труда.

Тогда же, в XIX веке закладывались организационно-правовые основы санитарии в тюрьмах в Инструкции смотрителю губернского тюремного замка (1831 год) [2]. В «Приложение к ст. 96, Устава о содерж. под стражею. Инструкция смотрителю губернского тюремного замка» (1872) [11] прописано, что каждое утро осуществляется чистка камер и коридоров, окна протирают дважды в неделю, полы моют каждую неделю, стены белятся ежегодно, территория двора поддерживается чистым регулярными выметаниями, «необходимые места» очищают дважды в месяц. Все перечисленные работы осуществлялись силами арестантов.

В послереволюционной России обязанности по уборке также возлагались на осужденных.

В Постановлении Наркомюста РСФСР от 15.11.1920 «Положение об общих местах заключения РСФСР» [12] сообщалось, что заключенные были обязаны поддерживать чистоту в камерах, коридорах и иных общих помещениях, которые не обслуживались штатными уборщиками.

Работы по уборке помещений проводились ответственными дежурными, чей рабочий день мог быть сокращен в этих целях в зависимости от объема работ, однако не более, чем на два часа.

В течение периода с 1918 по 1960 годы администрация Главного управления лагерей предписывала заключенным содержать свое помещение в порядке, аккуратно обращаться с инвентарем

и личными вещами, заботиться о сохранности имущества и предотвращать его повреждение.

Помимо прочего, согласно Исправительно-трудовому кодексу РСФСР [13], предусматривалась возможность привлечения осужденных к неоплачиваемой работе по благоустройству мест заключения и прилегающей территории, а также улучшению культурных и бытовых условий проживания осужденных. Такие работы обычно распределялись среди осужденных по очереди, проводились в свободное от основных обязанностей время и ограничивались двумя часами. Статья 53 указанного Кодекса позволяла устанавливать дополнительное, внеочередное дежурство по уборке помещений и территории исправительной колонии в качестве меры дисциплинарного воздействия на нарушителей установленного порядка отбывания наказания.

Аналогичные обязанности осужденных предусмотрены в действующем уголовно-исполнительном кодексе Российской Федерации [14] (далее – УИК РФ). Эти обязанности связаны с обязанностью администрации исправительных учреждений организовать трудовую деятельность осужденных. Согласно статье 106 УИК РФ, участие осужденных в работах по благоустройству исправительных учреждений и прилегающих территорий осуществляется безвозмездно. Привлечение к данным видам работ производится по принципу очередности, в свободное от основной трудовой деятельности время, продолжительностью не более двух часов в неделю. Исключительные случаи допускают увеличение продолжительности таких работ по личной инициативе осужденного путём подачи соответствующего заявления или же при возникновении необходимости срочного выполнения работ решением начальника исправительного учреждения.

Концепция, которая является основным документом планирования, определяющим цели и приоритетные направления развития УИС на указанный период, предусматривает, в том числе, модернизацию инфраструктуры, совершенствование трудовой деятельности, проведение цифровой трансформации и научно-техническое развитие, создание и внедрение автоматизации рабочих процессов, использование новых технологий и их внедрение в практическую деятельность.

Вместе с тем, ставится задача о наиболее широком использовании осужденных в трудовом процессе. Одним из ключевых методов исправления осужденных является совокупность установленных норм исполнения и отбывания наказания (режима), проведение воспитательной работы, вовлечение в общественно полезную работу, обеспечение возможности получения общего образования, профессионального обучения и влияния общественности, что предусмотрено частью второй статьи 9 УИК РФ.

Иными словами, ставится задача о применении результатов искусственного интеллекта на разных направлениях деятельности учреждений УИС,

в том числе в сфере порядка и условий отбывания наказания.

Такая практика введена в ряде зарубежных стран и показала свою эффективность. Наибольшее внимание заслуживает опыт Южной Кореи.

Так, в тюрьмах этой страны в настоящий момент работают роботы-охранники «Robo-guard», в чьи обязанности входит патрулирование коридоров, сканирование лиц заключенных и выявление подозрительных активностей, и роботы-доставщики «Care-bot», в чьи обязанности входит развоз еды по камерам, доставка лекарств и личных вещей, беседы с заключенными [15].

Уборку помещения коммунально-бытового назначения, обеспечение осужденных питанием выполняет персонал учреждения не из числа осужденных. В его обязанности входит приготовление пищи, ежедневная уборка коридоров, камер, общих зон, банно-прачечных комплексов и кухонь.

Аналогичного подхода придерживаются в исправительных учреждениях Вьетнама, где размещение, питание, медицинское обслуживание гарантировано осужденным в соответствии с установленным регламентом [16].

Исправление осужденных в Южной Корее и Вьетнаме достигается через комплексный подход, сочетающий изоляцию правонарушителей с активной работой по их исправлению и подготовке к жизни в обществе. Цель – ресоциализация осужденных, возвращение их в социум полноправными гражданами с сформированными навыками и умениями достигается за счёт прогрессивной системы отбывания наказания, не включающей хозяйственно-бытовое обслуживание исправительного учреждения. При этом успешно реализуется задача возвращения осужденных к нормальной жизни.

Указанный подход, безусловно, заслуживающий внимания, не подходит для реализации в пенитенциарной системе Российской Федерации в настоящее время по нескольким причинам.

Основная цель всей уголовно-исполнительной системы заключается в формировании у осужденных уважения к людям, обществу, труду, социальным нормам, правилам и традициям совместного существования, а также в поощрении законопослушного поведения.

Для решения этой задачи осужденный безусловно должен привлекаться к разным формам трудовой деятельности, в том числе – в сфере коммунально-бытового обеспечения.

Данная цель уголовно-исполнительного законодательства гармонизирует со ст. 37 Конституции РФ [17] о том, что каждый гражданин Российской Федерации имеет право на труд. Это норма касается также осужденных.

Вывод о том, что реализация осужденными своего права на труд служит основанием для их ресоциализации, подтверждается, в том числе, научными исследованиями Крайновой Н.А. [3], Бармашова И.Н. [4], Раськевича А.А. [5], и др.

Таким образом, представляется, что для достижения целей наказания труд осужденных в хозяйственной сфере остается в настоящее время, по нашему глубокому убеждению, все программы внедрения искусственного интеллекта в работу учреждений УИС.

Литература

1. М. Г. Детков Проблемы производства и труда в процессе реформы системы исполнения уголовных наказаний в Российском государстве // Пенитенциарная наука. 2007. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-proizvodstva-i-truda-v-protsesse-reformy-sistemy-ispolneniya-ugolovnyh-nakazaniy-v-rossiyskom-gosudarstve-1> (дата обращения: 14.10.2025).
2. Шурухнов Николай Григорьевич Инструкция смотрителю губернского тюремного замка 1831 года: основное содержание, сущность, актуальность // Человек: преступление и наказание. 2019. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/instruktsiya-smotritelju-gubernskogo-tyuremnogo-zamka-1831-goda-osnovnoe-soderzhanie-suschnost-aktualnost> (дата обращения: 14.10.2025).
3. Крайнова Надежда Александровна в работе «Реализация прав на трудовое и бытовое устройство освобождаемых осужденных как условие их ресоциализации» // Уголовно-исполнительное право. 2021. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/realizatsiya-prav-na-trudovoe-i-bytovoe-ustroystvo-osvobozhdaemyh-osuzhdennyh-kak-uslovie-ih-resotsializatsii> (дата обращения: 14.10.2025).
4. Бармашов И. Н., Бармашов В.И. «Труд как средство исправления осужденных к лишению свободы в свете реализации концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2023 года» // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2022. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/trud-kak-sredstvo-ispravleniya-osuzhdennyh-k-lisheniyu-svobody-v-svete-realizatsii-kontseptsii-razvitiya-ugolovno-ispolnitelnoy> (дата обращения: 14.10.2025).
5. Раськевич Анатолий Акимович Общественно-полезный труд как средство исправления осужденных: пенитенциарные проблемы // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2010. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obschestvenno-poleznyy-trud-kak-sredstvo-ispravleniya-osuzhdennyh-penitentsiarnye-problemy> (дата обращения: 14.10.2025).
6. Распоряжение Правительства РФ от 29 апреля 2021 г. № 1138-р «Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы РФ на период до 2030 г.» // <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/40063956> (дата обращения 14.10.2025).
7. Приказ Федеральной службы исполнения наказаний от 23 мая 2025 г. N 327 «Об утверж-

дении Порядка организации питания осужденных и лиц, содержащихся под стражей, в учреждениях, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы, и следственных изоляторах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации»// <https://base.garant.ru/412132262> (дата обращения 14.10.2025)

8. Приказ Министерства юстиции РФ от 4 июля 2022 г. N 110 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы» (с изменениями и дополнениями) // <https://base.garant.ru/404953247> (дата обращения 14.10.2025)
9. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 21.07.2014) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921 // СПС «Гарант».
10. Сборник циркуляров, изданных по Главному тюремному управлению в 1879–1910 гг.: Ч. 1. Ч. 2: 1896–1910 гг. / 26. – Санкт-Петербург: Гл. тюрем. упр., 1911, 1911. – [646], 26 с.: ил..
11. Приложение к ст. 96, Устава о содерж. под стражею. Инструкция смотрителю губернского тюремного замка // <https://elis.psu.ru/node/404537> (дата обращения 14.10.2025)
12. Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства за 1921 г. – М., 1944.
13. Исправительно–трудовой кодекс РСФСР» (утв. ВС РСФСР 18.12.1970) (ред. от 21.12.1996) // <https://legalacts.ru/kodeks/ispravitelno-trudovoi-kodeks-rsfsr-utv-vs> (дата обращения 14.10.2025)
14. «Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации» от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 07.04.2025) // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12940 (дата обращения 14.10.2025)
15. Meet Robo-guard: South Korea's Robotic Corrections Officer // <https://www.webpronews.com/meet-robo-guard-south-koreas-robotic-corrections-officer> (дата обращения 14.10.2025)
16. Обеспечение прав заключенных во Вьетнаме // <https://www.vietnam.vn/ru/bao-dam-quyen-cho-pham-nhan-o-viet-nam> (дата обращения 14.10.2025)
17. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) // Российская газета. – 1993. – 25 дек.; Официальный интернет–портал правовой информации pravo.gov.ru.

ON THE ISSUE OF USING AI CAPABILITIES IN THE FIELD OF MATERIAL AND HOUSEHOLD SUPPORT FOR CONVICTS

Mezeneva M.A.

University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation

The article discusses the issues of involving convicts in the performance of work on cooking and cleaning the premises. The analy-

sis of foreign experience in this field is carried out. The necessity of convicts' work in the domestic sphere as an effective mechanism of resocialization is substantiated.

Keywords: execution of sentences, labor of convicts, correction of convicts, re-socialization, use of artificial intelligence in the penal system.

References

1. M. G. Detkov, "Problems of Production and Labor in the Process of Reforming the Penal System in the Russian State," in Penitentiary Science. 2007, no. 4. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-proizvodstva-i-truda-v-protsesse-reformy-sistemy-ispolneniya-ugolovnyh-nakazaniy-v-rossiyskom-gosudarstve-1> (Accessed: 14.10.2025).
2. Shurukhnov, Nikolai Grigorievich, "Instructions for the Warden of the Provincial Prison Castle, 1831: Main Content, Essence, and Relevance," in Man: Crime and Punishment. 2019, no. 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/instruktsiya-smotritelu-gubernskogo-tyuremnogo-zamka-1831-goda-osnovnoe-soderzhanie-suschnost-aktualnost> (accessed: 14.10.2025).
3. Nadezhda Aleksandrovna Kraynova, "Implementation of the Rights to Employment and Living Arrangements of Released Convicts as a Condition for Their Resocialization" // Criminal Executive Law. 2021. No. 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/realizatsiya-prav-na-trudovoe-i-bytovoe-ustroystvo-osvobozhdaemyh-osuzhdennykh-kak-uslovie-ih-resotsializatsii> (Accessed: 14.10.2025)
4. Barmashov I. N., Barmashov V. I. "Labor as a Means of Correction of Persons Sentenced to Imprisonment in Light of the Implementation of the Concept for the Development of the Criminal-Executive System of the Russian Federation for the Period up to 2023" // Legal Bulletin of Dagestan State University. 2022. No. 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/trud-kak-sredstvo-ispravleniya-osuzhdennykh-k-lisheniyu-svobody-v-svete-realizatsii-kontseptsii-razvitiya-ugolovno-ispolnitelnoy> (Accessed: 14.10.2025).
5. Raskevich Anatoly Akimovich Socially useful labor as a means of correcting convicts: penitentiary problems // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2010. No. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obschestvenno-poleznyy-trud-kak-sredstvo-ispravleniya-osuzhdennykh-penitentsiarnye-problemy> (Accessed: 14.10.2025).
6. Order of the Government of the Russian Federation of April 29, 2021 No. 1138-r "On approval of the Concept for the development of the penal system of the Russian Federation for the period up to 2030." // <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/40063956> (accessed on 14.10.2025)
7. Order of the Federal Penitentiary Service of May 23, 2025 No. 327 "On approval of the Procedure for organizing meals for convicts and persons held in custody in institutions executing criminal sentences in the form of imprisonment and pre-trial detention centers of the penal system of the Russian Federation" // <https://base.garant.ru/412132262> (accessed on 14.10.2025)
8. Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation of July 4, 2022 No. 110 "On approval of the Internal Regulations of Pre-trial Detention Centers of the Penal System, the Internal Regulations of Correctional Institutions, and the Internal Regulations of Correctional Centers of the Penal "Systems" (with amendments and additions) // <https://base.garant.ru/404953247> (date of access 14.10.2025)
9. Criminal Procedure Code of the Russian Federation of December 18, 2001 No. 174-FZ (as amended on July 21, 2014) // Collected Legislation of the Russian Federation. 2001. No. 52 (Part I). Art. 4921 // SPS "Garant".
10. Collection of circulars issued by the Main Prison Administration in 1879–1910: Part 1. Part 2: 1896–1910 / 26. – St. Petersburg: Glav. prison. uпр., 1911, 1911. – [646], 26 p.: ill..
11. Appendix to Article 96 of the Charter on Detention. Instructions for the warden of the provincial prison castle // <https://elis.psu.ru/node/404537> (date of access 14.10.2025)
12. Collection of laws and orders of the workers' and peasants' government for 1921 – Moscow, 1944.
13. Correctional Labor Code of the RSFSR" (approved by the Supreme Council of the RSFSR on 18.12.1970) (as amended on

- 21.12.1996)// <https://legalacts.ru/kodeks/ispravitelno-trudovoi-kodeks-rsfsr-utv-vs> (date of access 14.10.2025)
14. "Criminal Executive Code of the Russian Federation" dated 08.01.1997 No. 1-FZ (as amended on 07.04.2025)// https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12940 (accessed 14.10.2025)
15. Meet Robo-guard: South Korea's Robotic Corrections Officer// <https://www.webpronews.com/meet-robo-guard-south-koreas-robotic-corrections-officer> (accessed 14.10.2025)
16. Ensuring the rights of prisoners in Vietnam// <https://www.vietnam.vn/ru/bao-dam-quyen-cho-pham-nhan-o-viet-nam> (accessed 14.10.2025)
17. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993) // Rossiyskaya Gazeta. – 1993. – 25 Dec.; Official Internet portal of legal information pravo.gov.ru.

Криминалистический потенциал технологий искусственного интеллекта: от формирования следственных версий к комплексным системам безопасности

Мусина Альфия Руслановна,

преподаватель ПЦК правовых дисциплин Уфимского филиала
Финансового университета при Правительстве РФ
E-mail: ARMusina@fa.ru

В статье рассматривается научная проблема адаптации правоохранительных систем к вызовам, связанным с цифровизацией преступности. В качестве ключевого решения обосновывается необходимость широкой интеграции технологий искусственного интеллекта. На эмпирическом материале демонстрируется эффективность ИИ для парирования данных вызовов через создание интеллектуальных аналитических систем, способных к выявлению латентных паттернов в данных и построению поведенческих моделей. Определены перспективные векторы развития цифровых криминалистических технологий. Всё большее число исследователей ставит перед собой задачу изучить потенциал применения технологий искусственного интеллекта в раскрытии преступлений, профилактике правонарушений и других сферах деятельности правоохранительных структур. Но прежде, чем рассматривать перспективы внедрения искусственного интеллекта, важно понять сущность самой этой технологии.

Ключевые слова: искусственный интеллект, раскрытие преступлений, расследование преступлений, следственные версии, аппаратно-программный комплекс, компьютерные программы, нейросети, анализ больших данных.

Искусственный интеллект, согласно действующему законодательству, представляет собой «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека» [1]. «Искусственный интеллект – это технология, которая наделяет машины способностью к решению интеллектуальных задач, таких как обучение, логическое рассуждение и восприятие. Функционирование системы характеризуется повышенной эффективностью, оперативностью и исключением ошибок, связанных с человеческим фактором.

Современный этап технологического развития характеризуется повсеместной интеграцией интеллектуальных алгоритмов во все сферы жизнедеятельности социума. Их внедрение охватывает широкий спектр областей – от бытового уровня, опосредованного голосовыми помощниками и системами «Умный дом», до стратегически важных отраслей, таких как тяжелая промышленность и обеспечение национальной безопасности. Сферы применения искусственного интеллекта охватывают ключевые сектора современного общества, включая научные исследования и образовательные процессы, сферу услуг и розничной торговли, финансово-банковские операции, транспортную логистику, здравоохранение, а также индустрию спорта и медиа.

В правоохранительной сфере нейросети все же нашли свое отражение. Например, они помогают провести анализ цифровых профилей, сопоставить следы преступления с информацией из баз данных, для установления причастности или непричастности подозреваемых к совершенному деянию, позволяют отслеживать данные о передвижении, транспорте и активности в социальных сетях. Наиболее примечательным является, то, что технологии машинного обучения способны создавать модели поведения преступников, выстраивать следственные и оперативные версии. Не секрет, что преступники XXI века, активно адаптируются к использованию последних технологий и глобальных тенденций. Они приобретают новейшее оборудование, материалы, оружие и аккумулируют опыт, что дает им значительное преимущество на мировом уровне. Пользуясь средствами связи в скрытых сетях, таких как «Темная сеть»

(Darknet), эти преступники мгновенно и конфиденциально обмениваются информацией, планируют и координируют незаконные действия в различных уголках мира [2].

Как справедливо отмечал ученый Д.В. Бахтеев: «Криминалистика всегда отличалась высокой восприимчивостью к технологиям, потенциально полезным в выявлении и раскрытии преступлений, так что рассмотрение перспектив использования искусственного интеллекта должно представлять для нее интерес». Учитывая прогрессивное развитие науки и техники, вопрос внедрения искусственного интеллекта в профессиональную деятельность лиц, осуществляющих расследование по уголовным делам, становится все более актуальным. Данный феномен обусловлен прежде всего по причине интереса, так называемого «криминального мира» к сфере информационных технологий и возможностям использования его возможностей при совершении преступлений [3, ст. 74].

Далее рассмотрим некоторые научные разработки-компьютерные программы, которые эффективно применяются в деятельности правоохранительных органов.

Примером таких программ является программа «Формирование следственных версий «ФОРБЕР Следователь». Данная программа была разработана для выдвижения следственных версий и создания вероятного портрета преступника в ходе расследования преступлений против жизни. Компьютерная программа была создана в 2013 году на базе ННГУ им. Н.И. Лобачевского. В основе программы «ФОРБЕР Следователь» лежит «Электронная криминалистическая характеристика преступлений» (далее «Электронная КХП»). Электронная КХП представляет собой перечень криминалистически значимых признаков преступления и введенная на основе этих признаков в память компьютера база уголовных дел [4, ст. 56]. Данная программа позволяет следователю сформировать вероятный портрет преступника, который в последующем послужит ориентиром для поиска реального лица, совершившего преступление.

Руководитель НИИ криминалистики Следственного комитета РФ Алексей Бессонов в своем интервью ТАСС поделился, что на разработку еще одной программы специалистов подтолкнули громкие убийства в Иркутске, Краснодаре, Москве и Подмосковье. В 2017 году «ангарский маньяк» Михаил Попков признался в очередном эпизоде убийства. После этого криминалисты обратили внимание, что в поведении серийных убийц и их способах сокрытия преступлений есть много закономерностей. Для создания программы криминалистам пришлось изучить более тысячи эпизодов, которые совершили маньяки и насильники, то есть те преступления, которые носили серийный характер. В основу исследования также легли эпизоды громких преступлений, совершенных еще в Советском союзе. После проведенного анализа ученые создали алгоритм, который позволит составить поисковый портрет злоумышленника, для этого была

создана таблица Excel, в которую внесли значимые данные с места происшествия, характеристики жертвы (пол, возраст, национальность, род занятий), орудие убийства и вид нападения. Анализируя все возможные варианты, система выдает наиболее верный. Так следователь сможет выдвинуть одну из оптимальных версий и существенно сузить круг подозреваемых [5].

По поручению Президента Российской Федерации от 26.09.2005 г. «Пр-1564 «О создании государственной системы профилактики правонарушений МВД России» в ряде субъектов РФ начались работы по созданию подсистем видеонаблюдения, экстренной связи «Гражданин-полиция», спутниковых навигационно-мониторинговых систем ГЛОНАСС [6]. Так появилось аппаратно-программное обеспечение «Безопасный город».

Аппаратно-программный комплекс (АПК) «Безопасный город» представляет собой интегрированную систему, объединяющую федеральные, региональные, муниципальные и объектовые автоматизированные подсистемы. Его целевое назначение – решение задач по обеспечению защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций, а также повышение уровня общественной безопасности, правопорядка и безопасности среды обитания [7].

Функциональная архитектура комплекса включает: сеть видеонаблюдения, аналитические модули для идентификации нештатных ситуаций, каналы оперативной связи с экстренными службами и систему автоматического оповещения правоохранительных органов. Данная интеграция обеспечивает правоохранительным структурам доступ к актуальной информации в режиме реального времени, что способствует оперативному реагированию и круглосуточному контролю над общественной обстановкой. Внедрение технологий АПК демонстрирует положительную динамику, выражающуюся в снижении уровня преступности в ряде российских регионов и росте общественного доверия.

Несмотря на то, что комплекс находится на стадии активного развития и ни в одном городе России не реализованы все его направления в полном объеме, регионы концентрируют усилия на наиболее актуальных для них компонентах. Так, в Москве ключевые достижения связаны с интеллектуальным управлением транспортными потоками и развитием системы видеонаблюдения. В Краснодарском крае приоритетом является мониторинг гидрологических рисков, а в Иркутской области – экологический мониторинг акватории озера Байкал. Республика Башкортостан демонстрирует лидерство в реализации комплексного подхода, проектируя все элементы системы.

В структуру АПК «Безопасный город» Республики Башкортостан интегрировано 18 направлений, среди которых: «Служба 112», Информационно-диспетчерский центр Управления гражданской защиты г. Уфы, навигационная система ГЛОНАСС, система «Гражданин-Полиция», а также комплек-

сы фиксации нарушений правил дорожного движения.

Что касается вклада в раскрытие преступлений, по данным руководителя Республики Башкортостан по чрезвычайным ситуациям Кирилла Первова, с начала 2025 года уличные камеры видеонаблюдения в Уфе способствовали раскрытию 98 преступлений. Также Первов анонсировал разработку пилотного проекта по внедрению подсистемы интеллектуального видеонаблюдения, функционал которой позволит автоматизировать процедуры розыска правонарушителей и транспортных средств [8].

Эффективность функционирования аппаратно-программного комплекса (АПК) «Безопасный город» в условиях значительных объемов накапливаемых данных напрямую зависит от внедрения технологий искусственного интеллекта. Применение искусственного интеллекта не ограничивается задачами выявления и раскрытия уже совершенных преступлений, но и приобретает ключевое значение в сфере их профилактики. На сегодняшний день практическим подтверждением этому служат технологии анализа видеоархивов, позволяющие осуществлять идентификацию лиц по биометрическим и антропометрическим признакам. Реализованная функциональность, например, в камерах видеонаблюдения на входе в подъезды, обеспечивает возможность биометрического поиска: загрузка фотографии инициирует автоматический поиск совпадений в массиве видеоданных.

Без применения алгоритмов искусственного интеллекта реализация подобных процессов была бы невозможна. Комплексное использование этих технологий позволяет не только осуществлять розыск лиц, уклоняющихся от правосудия, но и получать оперативно значимые данные об объекте наблюдения: реконструировать маршруты его передвижения, фиксировать факты посещения конкретных адресов и т.д. [9, стр.179].

Проведенное исследование позволяет констатировать, что внедрение технологий искусственного интеллекта в криминалистическую практику детерминирует значительный рост оперативно-следственной эффективности. Реализуемые на базе искусственного интеллекта аналитические комплексы обеспечивают автоматизацию трудоемких процессов (таких как анализ видеоматериалов и расшифровка аудиозаписей), а также позволяют идентифицировать латентные корреляции в больших данных, не выявляемые традиционными криминалистическими методиками. В перспективе данная тенденция приведет к существенному сокращению временных затрат на обработку экстенсивных информационных массивов, повысит достоверность экспертных исследований и минимизирует риски, сопряженные с субъективным человеческим фактором.

Литература

1. Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года. Утв. Указом Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации». КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335184/. (дата обращения 07.10.2025).
2. Цифровые технологии в организации судебной и правоохранительной деятельности: учебник для вузов / под редакцией Н.В. Ткачевой. – Москва: Издательство Юрайт, 2025. – 137с. – (Высшее образование). – ISBN978-5-534-20148-2. – Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. с. 10 URL: <https://urait.ru/bcode/581277/p.10> (дата обращения: 10.10.2025).
3. Лебедев М.Д., Савоев С.А. Использование искусственного интеллекта в расследовании преступлений // Вопросы студенческой науки. 2020. № 7 URL: <file:///C:/Users/alfiy/OneDrive/Изображения/Рабочий%20стол/аспирантура/ispolzovanie-iskusstvennogo-intellekta-v-rassledovanii-prestupleniy.pdf> (дата обращения: 13.10.2025).
4. Европейская этическая хартия об использовании искусственного интеллекта в судебных системах и окружающих их реалиях (принята на 31-м пленарном заседании ЕКЭП, Страсбург, 3–4 декабря 2018 года) [Электронный ресурс] // Council of Europe. – URL: <https://rm.coe.int/ru-ethical-charter-en-version-17-12-2018-mdl-06092019-2-/16809860f4> (дата обращения: 18.05.2023).
5. Скобелин С.Ю. Цифровая криминалистика: объект и направления развития. Российский следователь, Издательская группа «Юрист», № 4 (2020) С. 42–44.
6. Руководитель НИИ криминалистики СК РФ: идеальных преступлений не бывает. <https://news.rambler.ru/crime/47413527-rukovoditel-nii-kriminalistiki-sk-rf-idealnyh-prestupleniy-ne-byvaet/> (дата обращения 14.10.2025).
7. Развитие и внедрение современных информационных технологий в системе МВД России: интервью с начальником Департамента информационных технологий, связи и защиты информации Министерства внутренних дел Российской Федерации генерал-лейтенантом внутренней службы Тюркиным М.Л. // URL: <http://www.garant.ru/interview/348616/> (дата обращения 17.10.2025).
8. Распоряжение Правительства РФ от 3 декабря 2014 г. № 2446-р О Концепции построения и развития аппаратно-программного комплекса «Безопасный город» <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70717448/> (дата обращения 17.10.2025).
9. <https://ufa.aif.ru/society/kamery-na-ulicah-ufy-pomogli-raskryt-98-prestupleniy> (дата обращения 17.10.2025).
10. Кузьмин Н.А., Половинка А.Ю. О некоторых возможностях использования искусственно-

го интеллекта в системе АПК «Безопасный город» при раскрытии преступлений в г. Москве // Вестник Московского университета МВД России. 2021 № 5. URL: file:///C:/Users/alfiy/Downloads/o-nekotoryh-vozmozhnostyah-ispolzovaniya-iskusstvennogo-intellekta-v-sisteme-apk-bezopasnyy-gorod-pri-raskrytii-prestupleniy-v-g-moskve.pdf (дата обращения 21.10.2025).

THE FORENSIC POTENTIAL OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE TECHNOLOGIES: FROM THE FORMATION OF INVESTIGATIVE VERSIONS TO COMPLEX SECURITY SYSTEMS

Musina A.R.

Ufa Branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation

The article examines the scientific problem of adapting law enforcement systems to the challenges associated with the digitalization of crime. The need for broad integration of artificial intelligence technologies is justified as a key solution. Empirical evidence demonstrates the effectiveness of AI to fend off these challenges through the creation of intelligent analytical systems capable of identifying latent patterns in data and building behavioral models. Promising vectors for the development of digital forensic technologies have been identified. An increasing number of researchers are setting themselves the task of exploring the potential of using artificial intelligence technologies in crime detection, crime prevention and other areas of law enforcement agencies. But before considering the prospects for the introduction of artificial intelligence, it is important to understand the essence of this technology itself.

Keywords: artificial intelligence, crime detection, crime investigation, investigative versions, hardware and software complex, computer programs, neural networks, big data analysis.

References

1. National Strategy for the Development of Artificial Intelligence through 2030. Approved by Decree of the President of the Russian Federation of October 10, 2019 No. 490 "On the Development of Artificial Intelligence in the Russian Federation". ConsultantPlus [Electronic resource]. – Access mode: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335184/. (Accessed 10/07/2025).
2. Digital Technologies in the Organization of Judicial and Law Enforcement Activities: a textbook for universities / edited by N.V. Tkacheva. – Moscow: Yurait Publishing House, 2025. – 137 p. – (Higher education). – ISBN978-5-534-20148-2. -Text: electronic // Yurait Educational Platform [website]. p. 10 URL: <https://urait.ru/bcode/581277/p.10> (date accessed: 10.10.2025).
3. Lebedev M.D., Savoev S.A. Use of Artificial Intelligence in Crime Investigation // Questions of Student Science. 2020. No. 7 URL: file:///C:/Users/alfiy/OneDrive/Izobrazheniya/Rabochij%20stol/aspirantura/ispolzovanie-iskusstvennogo-intellekta-v-rassledovanii-prestupleniy.pdf (date accessed: 13.10.2025).
4. European Ethical Charter on the Use of Artificial Intelligence in Judicial Systems and their Environment (adopted at the 31st Plenary Session of the CEPEJ, Strasbourg, 3–4 December 2018) [Electronic resource] // Council of Europe. – URL: <https://rm.coe.int/ru-ethical-charter-en-version-17-12-2018-mdl-06092019-2-/16809860f4> (accessed: 18.05.2023).
5. Skobelin S. Yu. Digital Forensics: Object and Directions of Development. Russian Investigator, Publishing Group "Yurist", No. 4 (2020) pp. 42–44.
6. Head of the Forensic Science Research Institute of the Investigative Committee of the Russian Federation: There are no perfect crimes. <https://news.rambler.ru/crime/47413527-rukovoditel-nii-kriminalistiki-sk-rf-idealnyh-prestupleniy-ne-byvaet/> (accessed October 14, 2025).
7. Development and implementation of modern information technologies in the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia: interview with the head of the Department of Information Technology, Communications, and Information Security of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Lieutenant General of the Internal Service M.L. Tyurkin // URL: <http://www.garant.ru/interview/348616/> (accessed October 17, 2025).
8. Order of the Government of the Russian Federation of December 3, 2014 No. 2446-r On the Concept for the Construction and Development of the Hardware and Software Complex "Safe City" <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70717448/> (accessed on October 17, 2025).
9. <https://ufa.aif.ru/society/kamery-na-ulicah-ufy-pomogli-raskryt-98-prestupleniy> (accessed on October 17, 2025).
10. Kuzmin N.A., Polovinka A. Yu. On Some Possibilities of Using Artificial Intelligence in the "Safe City" Hardware and Software Complex in Solving Crimes in Moscow // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021 No. 5. URL: file:///C:/Users/alfiy/Downloads/o-nekotoryh-vozmozhnostyah-ispolzovaniya-iskusstvennogo-intellekta-v-sisteme-apk-bezopasnyy-gorod-pri-raskrytii-prestupleniy-v-g-moskve.pdf (date of access 21.10.2025).

Уголовная ответственность за незаконный ввоз и/или обращение импортированных из-за пределов территории КНР твердых отходов, а также за их самовольный ввоз без разрешительных документов в качестве вторичного сырья по законодательству Китая (ст. 339 УК КНР)

Наумов Вячеслав Викторович,

к.ю.н., доцент, доцент кафедры уголовного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
E-mail: crilaw@yandex.ru

В исследовании впервые на русском языке представлена подробная характеристика признаков составов преступлений, предусмотренных абзацами¹ 1 и 2 ст. 339 УК КНР, проиллюстрированная примерами правоприменительной практики Китая. Данные составы охватывают широкий спектр уголовно-наказуемых деяний: от незаконного ввоза и/или обращения, импортированных из-за пределов территории КНР твердых отходов, до самовольного ввоза – без разрешительных документов, – отходов в твердом агрегатном состоянии для использования в качестве вторичного сырья. Социально-экономическая обусловленность данных самостоятельных составов преступлений связана не только с достижением предельного уровня производства отходов потребления, но и со спецификой китайской экономической модели – появлением новых технологичных хозяйственных и производственных отраслей, гиперболизированным развитием дистанционных продаж при малой эффективности ранее действующих ограничений в указанной сфере.

Исследование произведено на основании подробного изучения научной литературы на китайском языке, нормативных правовых актов, разъяснений, а также результатов правоприменительной деятельности с использованием сравнительно-правового и формально-юридического методов, общенаучных методов познания.

Ключевые слова: незаконный ввоз и/или обращение импортированных твердых отходов, самовольный ввоз твердых отходов, ст. 339 УК Китая.

Введение

В рамках данной научной статьи будет рассмотрена характеристика фактически двух самостоятельных составов преступлений: абзац (далее – абз.) 1 ст. 339 УК Китая – незаконный ввоз из-за пределов территории КНР (импортирование) отходов в твердом агрегатном состоянии для складирования, захоронения и(или) размещения в КНР; абз. 2 ст. 339 УК Китая – самовольный ввоз из-за пределов территории КНР отходов в твердом агрегатном состоянии без разрешительных документов для использования их в качестве сырья. Говоря о негативных последствиях преступления по ст. 339 УК КНР, следует иметь в виду «серьезное загрязнение окружающей среды», «причинение значительного ущерба собственности», «причинение вреда здоровью» а также особо тяжкое последствие – «особо тяжкое загрязнение окружающей среды», толкование которых соответствует разъяснениям аналогичных признаков по ст. 338 УК Китая [2, с. 344–350]. В рамках настоящей работы целесообразно подробнее остановиться на характеристике иных признаков составов преступлений, предусмотренных абз. 1 и 2 ст. 339 китайского уголовного закона.

Основная часть

Непосредственным объектом исследуемых составов преступлений выступает действующая государственная система правил, регламентирующих порядок управления импортом (ввозом) из-за пределов территории КНР твердых отходов² и их последующим оборотом внутри страны [4, с. 229]. Отметим, что определение объекта в уголовном праве Китая и в уголовном праве России имеют существенные различия. Так, общепринятой в отечественной уголовно-правовой доктрине является характеристика объекта преступления как совокупности охраняемых общественных отношений, на которые оно посягает³.

Что же касается такого обязательного признака как предмет преступления – это противоправно ввезенные из-за пределов территории Китая твердые отходы (отходы в твердом агрегатном состо-

²Предлагается также использование термина «отходы в твердом агрегатном состоянии» (– авт.).

³Для экологических преступлений, предусмотренных главой 26 УК РФ, речь идет об отношениях в сфере обеспечения защищенности окружающей среды и населения.

¹Прямое указание на термины «абзац», «пункт» и т.п. в уголовном законе Китая отсутствует.

янии – *авт.*), образованные в процессе производства, бытовой, хозяйственной, иной деятельности и полностью (или не в полной мере) утратившие свои первоначальные потребительские свойства (потребительскую ценность), твердые предметы и вещества в контейнерах (полутвердое агрегатное состояние, характерное, например, для смесей материалов, изделий, веществ и т.п.), которые обладают остаточной стоимостью и отчуждены различным способом (например, выброшены, проданы, подарены и т.п.)¹.

Проведенный анализ позволяет сформулировать следующие специфические признаки предмета преступления по ст. 339 УК КНР:

- полная или частичная утрата полезных потребительских свойств предметами материального мира, которая позволяет идентифицировать их в соответствии с китайским законодательством именно как отходы;
- вид отходов – твердые отходы²;
- место происхождения предмета преступления – территория другого государства, в котором и произошла утрата полезных потребительских свойств;
- факт противоправного перемещения через государственную границу КНР предмета преступления.

Кроме того, твердыми отходами в «Поднебесной» признаются и иные предметы материального мира, различные вещества, идентифицируемые в качестве таковых не только в соответствии с законами, но и многочисленными подзаконными актами – административными правилами (регламентами), стандартами и иными актами КНР.

При этом в состав предмета преступления по ст. 339 УК Китая не могут включаться прошедшие рециркуляцию (переработку – *авт.*) на территории КНР отходы, соответствующие обязательным национальным стандартам качества готовой продукции или полуфабрикатов, которые являются безопасными (безвредными) для окружающей среды и не представляют угрозу для здоровья населения и экологии. Кроме того, состав рассматриваемого преступления не образует деяния, совершенные с отходами в газообразном и жидком агрегатных состояниях.

В китайской правоприменительной практике актуальной является проблема идентификации так называемых «смешанных твердых опасных отходов». Речь идет об опасных веществах, которые могут содержаться в твердых отходах. Соответственно, требуется разграничение между составами преступлений, предусмотренных статьями 338 и 339 УК КНР.

В первую очередь проблемы возникают с отдельными твердыми медицинскими отходами (на-

¹ См.: ст. 124 Закона КНР о предупреждении загрязнения окружающей среды твердыми отходами.

² В первую очередь речь идет о характерных свойствах твердых тел, которые сохраняют форму и объем при воздействии внешних сил, как правило, имеют кристаллическое или аморфное строение (например, они не сжимаются, обладают определенной пластичностью и т.п.).

пример, использованными ватными тампонами, иглами, медицинскими контейнерами и т.п.) или отходами фармацевтики, в том числе содержащими инфекционные патогены.

В рассматриваемых случаях, при квалификации содеянного по УК Китая следует принимать во внимание следующие обстоятельства.

Во-первых, следует максимально точно определить количественную (массовую) долю каждого из твердых опасных отходов в общей массе. Если на вид твердых опасных отходов приходится большая доля в общей массе, следует руководствоваться положениями ст. 338 УК КНР при наличии последствий преступного поведения – «серьезного загрязнения окружающей среды». В частности, к серьезному загрязнению окружающей среды относится совершение преступного деяния с отходами, суммарной массой свыше трех тонн; наступление последствий в виде порчи сельскохозяйственных земель площадью свыше 5 ед. му или уничтожения лесных насаждений в объеме более 50 куб.м. и т.д. [1]. Подробно указанные последствия были рассмотрены при анализе состава преступления по ст. 338 УК Китая [2, с. 344–350].

Во-вторых, целесообразно исследовать продолжительность смешивания и тип твердых опасных отходов. Для различных твердых отходов продолжительность смешивания определяет опасность конечной общей массы. Например, для твердых опасных медицинских или фармацевтических отходов следует принимать во внимание особые условия выживания многих патогенных микроорганизмов (так продолжительное время смешивания отходов может сокращать риск заражения инфекционным заболеванием через биологические жидкости или кровь).

Наконец, учитывается степень смешения и «диффузии» отходов: материал, плотность, объем, методы и продолжительность контакта отходов.

Таким образом, при смешивании опасных твердых и твердых отходов следует применять комплексный и всесторонний подход к идентификации (изучение количественных пропорций, объемов, наличие вида патогенов, опасных веществ, степени смешения, токсичности и иных аспектов) в сочетании с характеристиками конкретных опасных твердых отходов.

Отдельно отметим, что представители китайской уголовно-правовой доктрины исследуют предмет преступления по ст. 339 УК Китая в контексте анализа общественно опасного деяния, то есть признаков объективной стороны преступления, а не его объекта [4].

Объективная (внешняя) сторона рассматриваемых составов преступлений – деяние в форме действия – активное поведение с достаточно интересной юридической природой. Рассматриваемые действия являются многоактными, сложными и требуют осуществления ряда поступков (от подготовки необходимых таможенных документов до непосредственного ввоза из-за границы на территорию КНР твердых отходов).

Соответственно, ввоз/импорт подразумевает перемещение товаров, приобретенных на территории других государств, в КНР различным образом: с использованием транспортных средств, посредством услуг операторов связи и т.п. (за исключением незаконного перемещения через границу КНР – ввоза твердых отходов без проверки таможенными органами (образует самостоятельный состав преступления – см. ниже). Основной состав преступления, предусмотренного абз. 1 ст. 339 УК КНР, является формальным. Преступление считается оконченным с момента нарушения действующих китайских национальных правил¹ импортирования и обращения твердых отходов, и предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок до 5 лет, а также денежный штраф.

Указанный абзац включает и квалифицированный состав преступления с материальной конструкцией объективной стороны. В качестве последствий незаконного ввоза твердых отходов с последующей утилизацией (сбросом, складированием, накоплением и т.п.) указываются: «серьезное загрязнение окружающей среды», «причинение значительного ущерба собственности», «причинение вреда здоровью», а также особо тяжкое последствие – «особо тяжкое загрязнение окружающей среды» [2, с. 344–350].

Напомним, сброс (выброс) твердых импортированных отходов – их отчуждение в окружающую среду с помощью речных, морских и воздушных судов, платформ, любых транспортных средств или подобным способом. Складированием (накопление, штабелирование – авт.) твердых отходов – их размещение непосредственно на земле или в ее недрах (включая естественные полости, разломы в земной коре, пещеры и т.д.). Утилизация – деятельность по сжиганию, захоронению или использованию иных методов изменения физических, химических и биологических свойств твердых отходов с целью уменьшения их количественной (весовой) составляющей, уменьшения объема твердых отходов, а также уменьшения или устранения их неблагоприятных (опасных) компонентов.

Абз. 2 ст. 339 китайского уголовного закона предусматривает ответственность за самовольный ввоз твердых бытовых отходов для использования в качестве сырья без разрешения компетентных органов Госсовета КНР или в нарушение утвержденного перечня отходов, ограниченных к импорту. По конструкции объективной стороны это деяние относится к преступлениям с материальным составом. Последствия деяния, указанные в абз. 1 и 2 ст. 339 УК Китая, являются идентичными².

¹ Согласно ст. 96 уголовного закона КНР речь идет о нарушении законов и решений ВСНП КНР и его Постоянного комитета; административных правил, принятых Государственным советом, а также иных распоряжений, касающихся обращения с импортируемыми твердыми отходами. Статья 23 Закона КНР о предупреждении загрязнения окружающей среды твердыми отходами запрещает импорт, сброс, накопление или утилизацию твердых отходов, произведенных за пределами Китая.

² Речь идет о «серьезном загрязнении окружающей среды», «причинении значительного ущерба собственности»,

Самовольный ввоз на территорию Китая – импортирование без разрешительных документов отходов из действующего перечня (списка – авт.) твердых отходов, которые ограничены к импорту, могут быть использованы в качестве вторичного сырья.

Обязательным признаком является наступление последствий в виде «серьезного загрязнения окружающей среды» (см. выше), «причинения значительного ущерба собственности» (например, когда сумма причиненного собственностью ущерба превышает 300 тысяч юаней, включая расходы по ликвидации последствий преступления и т.д.), «причинения вреда здоровью» (например, легкого вреда здоровью трем и более лицам; тяжелой и средней тяжести вреда здоровью одному или нескольким лицам и т.д.), а также «особо тяжкое загрязнение окружающей среды» (особо тяжкое последствие).

К особо тяжкому загрязнению окружающей среды следует относить такие последствия, которые отличаются повышенной общественной опасностью и масштабом негативного воздействия. Особо тяжкое загрязнение окружающей среды, как последствие преступного деяния по ст. 339 УК КНР аналогично последствию по ст. 338 УК КНР (по содержанию и толкованию). Например, подобные последствия имеют место при прекращении централизованного водоснабжения питьевой водой городских районов на уровне административного центра уезда или более крупной административно-территориальной единицы на срок, превышающий 12 часов; загрязнении сельскохозяйственных угодий, лесных угодий защитного или специального назначения на площади, превышающей 15 ед. му; уничтожении лесных и иных насаждений в объеме, превышающем 150 куб.м. (за исключением насаждений, представляющих особую историческую или культурную ценность)³ и т.д.

Действия виновного, связанные исключительно с перемещением через государственную границу КНР отходов при уклонении от процедур таможенного контроля, квалифицируются как контрабанда по ст. 155 УК КНР. Подобным образом следует квалифицировать и импорт в Китай отходов в любом агрегатном состоянии (жидком, газообразном и др.) под видом сырьевых товаров, которые фактически таковыми не являются (то есть не обладают соответствующими свойствами). Тем не менее, китайский законодатель не исключает множественности преступлений при посягательстве сразу на несколько различных объектов. Например, если действия виновного, связанные с импортом твердых отходов для их последующего размещения и утилизации, осуществляются путем полной или частичной подделки соответствующих доку-

«причинении вреда здоровью», а также особо тяжком последствии – «особо тяжком загрязнении окружающей среды».

³ См., подробнее: Наумов В.В. Характеристика признаков квалифицированного состава преступления, предусмотренного статьей 338 уголовного закона Китайской Народной Республики // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Экономика и право». № 10. 2025.

ментов, следует говорить о совокупности преступлений, предусмотренных ст. 280 (*предусматривает ответственность за подделку, изготовление или оборот поддельных документов*) и ст. 339 УК КНР.

Субъективная сторона составов преступлений, предусмотренных абз. 1 и 2 ст. 339 УК КНР, характеризуется виной в форме умысла. «Виновный имеет такое субъективное состояние ума, при котором осознано совершаются действия...» по незаконному ввозу и/или обращению импортированных твердых отходов (абз. 1); самовольный ввоз без разрешительных документов в качестве вторичного сырья (абз. 2) [4, с. 231]. Если действия виновного в части сбрасывания, складирования или утилизации отходов в твердом агрегатном состоянии совершены по неосторожности, то основания для привлечения к ответственности по ст. 339 УК Китая отсутствуют. При этом неправильное (ошибочное) представление виновного о противоправности общественно опасных действий (например, нарушения соответствующих правил импортирования твердых отходов или их складирования) или общественно опасных последствий не является препятствием установления умышленного характера преступного поведения виновного.

В качестве отдельной рекомендации судебно-следственным органам Китая обозначается необходимость устанавливать мотивационные (побуждающие) аспекты поведения виновного, род его профессиональной деятельности, опыт работы по профессии, уровень образования и наличие специальных познаний в области обращения с отходами для всесторонней характеристики признаков каждого конкретного состава преступления и личности преступника. Особое внимание также следует уделить финансово-хозяйственной составляющей поведения виновного: наличию установленных фактов получения им дохода; извлечение прибыли в результате преступной деятельности с отходами; особенностям бизнес-процессов для юридического лица – субъекта преступления.

В китайской уголовно-правовой доктрине цель как признак состава преступления интерпретируется в качестве психологической установки виновного – того, к чему он стремится, совершая общественно опасное деяние. Цель близко соприкасается с мотивом. Однако это не равнозначные понятия, поскольку к одной и той же цели виновный может стремиться, движимый разными мотивами. При этом в общем понимании цели подразделяются на «общепреступные» и «конкретные», как и в российском уголовном праве. При этом китайская уголовно-правовая доктрина не проводит четкого разграничения между понятиями «преступный результат» и «преступная цель».

На примере конструкции ст. 339 УК КНР рассмотрим следующие особенности субъективной стороны преступления.

Напомним, абз. 1 ст. 339 китайского уголовного закона предусматривает ответственность уже за сам факт незаконного ввоза/импорта твердых отходов (формальный состав). При этом в качестве

факультативного признака объективной стороны рассматриваемого преступного деяния указывается его цель – дальнейшее обращение твердых отходов на территории КНР (складирование, утилизация и т.п.). При этом в квалифицированном составе преступления по абз. 1 ст. 339 УК КНР можем наблюдать некую трансформацию признака субъективной стороны преступления – цели, в признак объективной стороны – самостоятельные альтернативные действия с предметом преступления (преступное поведение) – складирование, захоронение, размещение и т.д., при наступлении определенных уголовным законом последствий содеянного.

В абз. 2 ст. 339 УК Китая (материальный состав) в качестве преступной цели называется дальнейшее использование твердых отходов в качестве сырьевого товара (вторичного сырья – *авт.*), используемого в производстве других конечных продуктов.

Субъектом данного преступления может быть как физическое, так и юридическое лицо. В соответствии со ст. 346 УК КНР, в случае совершения юридическим лицом или его структурным подразделением преступления, предусмотренного ст. 339 китайского уголовного закона, оно привлекается к уголовной ответственности и наказывается денежным штрафом.

Заключение

Краеугольным источником толкования китайского уголовного закона, регламентирующего ответственность не только в сфере незаконного оборота загрязняющих веществ, источников инфекционных заболеваний, ядовитых и опасных отходов, но и твердых отходов, запрещенных к импорту и обращению на территории Китая являются разъяснения Верховного народного суда и Верховной народной прокуратуры КНР по некоторым вопросам судебной практики при рассмотрении уголовных дел о загрязнении окружающей среды [1].

Основной состав преступления по абз. 1 ст. 339 УК КНР по конструкции объективной стороны является формальным; а квалифицированные – материальными. Состав преступления по абз. 2 ст. 339 УК Китая по конструкции объективной стороны является материальным. Негативные последствия преступлений, предусмотренных ст. 339 китайского уголовного закона («серьезное загрязнение окружающей среды», «причинение значительного ущерба собственности», «причинение вреда здоровью», а также особо тяжкое последствие – «особо тяжкое загрязнение окружающей среды») являются тождественными по содержанию и толкованию с последствиями, предусмотренными ст. 338 УК КНР.

Отметим, что уголовно-правовая доктрина «Поднебесной» раскрывает основной признак объекта преступления по ст. 339 уголовного закона не через совокупность охраняемых общественных отношений как в РФ, а через действующую

государственную систему правил, регламентирующих порядок управления импортом (ввозом) из-за пределов территории КНР твердых отходов и их последующим оборотом внутри страны [4, с. 229].

Предмет преступления по ст. 339 УК КНР обладает следующими специфическими признаками: полная или частичная утрата полезных потребительских свойств предметами материального мира, которая позволяет идентифицировать их в соответствии с китайским законодательством именно как отходы; вид отходов – твердые отходы; место их происхождения – территория другого государства, (в котором и произошла утрата полезных потребительских свойств); факт противоправного перемещения через государственную границу КНР предмета преступления (при отсутствии признаков уклонения от процедур таможенного контроля).

Объективная сторона рассматриваемых составов преступлений – деяние в форме многоактных и сложных действий (см. комментарии выше).

Субъективная сторона составов преступлений, предусмотренных абз. 1 и 2 ст. 339 УК КНР, характеризуется виной в форме умысла.

Субъектом данного преступления может быть как физическое, так и юридическое лицо.

Литература

1. Толкование (разъяснения – авт.) Верховного народного суда и Верховной народной прокуратуры КНР по некоторым вопросам судебной практики при рассмотрении уголовных дел о загрязнении окружающей среды // «Фа» «Ши». № 29. 2016.
2. Наумов В.В. Уголовная ответственность по законодательству Китайской Народной Республики за незаконный оборот загрязняющих веществ, источников инфекционных заболеваний, ядовитых и опасных отходов (признаки основного состава преступления, предусмотренного ст. 338 УК КНР) // Юридическая наука. № 6, 2025. С. 344–350
3. Наумов В.В., Щепотьев А.В. Сравнительный анализ уголовного законодательства Российской Федерации и Китайской Народной Республики, предусматривающего ответственность за незаконное обращение отходов и(или) опасных веществ // Вопросы российского и международного права. Том 15, № 2А, 2025. С. 592–602.

4. Чжао Тяньхун. Преступления, связанные с воспрепятствованием правосудию и причинением ущерба окружающей среде / под ред. Национальной коллегии прокуроров КНР. Пекин: «China Legal Publishing House», 2022. 378 с.

CRIMINAL LIABILITY FOR ILLEGAL IMPORTATION AND/OR HANDLING OF SOLID WASTE IMPORTED FROM OUTSIDE THE TERRITORY OF THE PRC, AS WELL AS FOR THEIR UNAUTHORIZED IMPORTATION WITHOUT PERMITS AS SECONDARY RAW MATERIALS UNDER THE LEGISLATION OF CHINA (ART. 339 OF THE CRIMINAL CODE OF THE PRC)

Naumov V.V.

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The study provides for the first time in Russian a detailed description of the elements of the crimes provided for in paragraphs 1 and 2 of Article 339 of the Criminal Code of the People's Republic of China, illustrated by examples of Chinese law enforcement practice. These compounds cover a wide range of criminally punishable acts: from the illegal import and/or handling of solid waste imported from outside the territory of the People's Republic of China, to the unauthorized import, without permits, of waste in a solid aggregate state for use as secondary raw materials. The socio-economic conditionality of these independent crimes is connected not only with the achievement of the maximum level of production of consumer waste, but also with the specifics of the Chinese economic model – the emergence of new technological economic and manufacturing industries, the hyperbolized development of remote sales with low efficiency of previously existing restrictions in this area.

The research is based on a detailed study of scientific literature in Chinese, regulatory legal acts, explanations, as well as the results of law enforcement activities using comparative legal and formal legal methods, general scientific methods of cognition.

Keywords: illegal import and/or handling of imported solid waste, unauthorized import of solid waste, Article 339 of the Criminal Code of China.

References

1. Interpretation (explanations – auth.) of the Supreme People's Court and the Supreme People's Prosecutor's Office of the PRC on some issues of judicial practice in considering criminal cases on environmental pollution // «Fa» «Shi». No. 29. 2016.
2. Naumov V.V. Criminal liability under the legislation of the People's Republic of China for illegal circulation of pollutants, sources of infectious diseases, toxic and hazardous waste (signs of the main elements of the crime provided for in Article 338 of the Criminal Code of the PRC) // Legal Science. No. 6, 2025. P. 344–350
3. Naumov V.V., Shchepot'yev A.V. Comparative analysis of the criminal legislation of the Russian Federation and the People's Republic of China providing for liability for illegal circulation of waste and (or) hazardous substances // Issues of Russian and International Law. Vol. 15, No. 2A, 2025. P. 592–602.
4. Zhao Tianhong. Crimes of Obstruction of Justice and Environmental Damage / edited by the National College of Prosecutors of the People's Republic of China. Beijing: China Legal Publishing House, 2022. 378 p.

Виктимологические аспекты при совершении преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности личности

Недоступ Екатерина Сергеевна,
аспирант МГЮА им. О.Е. Кутафина
E-mail: catherine.nedostup@yandex.ru

Цель: проведение анализа виктимного аспекта преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности личности, включая изучение роли жертвы в механизме преступного поведения, выделить типы взаимодействия между преступником и жертвой. Методология: исследование основано на совокупности научно-научных и общенаучных методов, включая анализ, синтез, криминологическое изучение 150 уголовных дел по ст. 131–135 УК РФ. В работе использованы труды ведущих криминологов и правоведов, что позволяет всесторонне рассмотреть проблему. Результаты исследования: выделены типы виктимного поведения: провоцирующее, неосторожное, нейтральное. Предложена классификация жертв: активные, пассивные, виктимно-уязвимые, жертвы системного насилия. Описаны физические, психологические и социальные последствия преступлений для жертв. Выводы: роль жертвы в механизме преступления варьируется от нейтральной до активно провоцирующей, однако даже в последнем случае вина за преступление лежит исключительно на преступнике. Социально-экономическая уязвимость, возрастные и психологические особенности повышают риск виктимизации. Результаты исследования могут быть использованы для разработки профилактических мер и совершенствования методов расследования.

Ключевые слова: виктимология, преступления против половой свободы, потерпевший, виктимное поведение, классификация жертв, последствия преступлений, гендерные аспекты, социальная уязвимость, криминология.

Введение

Результаты виктимологических исследований подтверждают, что полное понимание комплекса факторов, которые обуславливают и способствуют совершению преступлений, невозможно без учета роли жертвы в механизме преступного поведения. Это утверждение справедливо и в контексте преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности личности. Анализ участия жертвы в этих преступлениях позволяет более глубоко понять как индивидуальные, так и социальные аспекты, влияющие на возникновение и развитие подобных деяний, а также помогает в формировании более эффективных методов их предупреждения и расследования.

Обзор литературы

В научной литературе жертвам преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности посвящены работы В.В. Лунёва, И.В. Калашникова, О.В. Шляпниковой, Н.М. Паршина, Л.В. Логиновой, В.Д. Бадмаевой, Л.В. Франка, Д.В. Ривмана и др.

Материалы и методы

Методологическую основу исследования составляет совокупность частнонаучных и общенаучных методов познания, таких как анализ, синтез, криминологическое изучение уголовных дел, обобщение статистических данных.

Результаты исследования

Понятие «жертва преступления» имеет более широкий спектр, чем термин «потерпевший от преступления», поскольку не каждая жертва, особенно в роли побочного участника, признается потерпевшей в рамках уголовного процесса [1. с. 45].

Важно отметить, что в официальной статистике учитываются только те лица, которые были признаны потерпевшими в ходе уголовного производства. В связи с этим, в дальнейшем в тексте мы будем использовать термины «жертва» и «потерпевший» как взаимозаменяемые синонимы, учитывая их сходство в контексте уголовно-правовой практики.

Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации предоставляет ограниченную информацию о потерпевших в делах, касающихся преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности личности. В связи с этим, в рамках данной работы основное внимание будет уделено данным о жертвах, полученным посредством анализа материалов уголовных дел.

Анализ статистических данных показывает, что в 90% случаев жертвами преступлений, направленных против половой свободы и половой неприкосновенности личности, являются женщины. Такое неравномерное распределение можно объяснить совокупностью факторов, включая социально-культурные стереотипы, исторически сложившиеся гендерные отношения и особенности формирования виктимного опыта. Кроме того, существующие механизмы эксплуатации и экономическая зависимость женщин могут способствовать их большей уязвимости перед преступными посягательствами в данной сфере.

Наши исследования подтверждаются данными других научных работ, «несмотря на то, что по статистике в нашей стране женщины в среднем в 1,5 раза реже, чем мужчины становятся жертвами насильственных преступных посягательств, их доля среди жертв сексуальных (половых) преступлений превышает 90%. И это без учета латентной части таких посягательств» [2. с.105].

«Изучение десяти тысяч жалоб на сексуальные домогательства в США в 2017 году показало, что 83% поданы женщинами, а мужчинами только 16,5%» [3].

Согласно проведенному нами исследованию потерпевшие в возрасте до 14 лет составили 32,5% (49 потерпевших) от общего числа потерпевших, в возрасте от 14 до 18 лет – 22,4% (34 потерпевших), в возрасте с 18 до 25 лет – 19,4% (29 потерпевших), от 26 до 35 лет – 13,6% (20 потерпевших), старше 35 лет – 12,1% (18 потерпевших).

«Малолетние и несовершеннолетние лица легко вовлекаются взрослыми в половые взаимоотношения, поскольку в полной мере не осознают последствий совершаемых с ними действий, тем самым становясь незащищенными жертвами сексуальных преступлений» [4. с. 111].

О социальном положении потерпевших от преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности личности в результате нашего исследования были получены следующие данные: учащиеся и студенты – 59,2% (89 потерпевших), лица без постоянного источника дохода – 24,3% (36 потерпевших), наемные рабочие – 16,5% (25 потерпевших).

Таким образом, большинство лиц, ставших жертвами преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности личности, характеризуются отсутствием устойчивого источника дохода. Этот факт свидетельствует о том, что социально-экономическая уязвимость является одним из ключевых факторов риска, способствующих вовлечению граждан в преступные ситуации сексуального характера. Отсутствие стабильного дохода зачастую сопряжено с ограниченными возможностями социальной защиты и доступом к ресурсам, что, в свою очередь, может препятствовать своевременному обращению за помощью или правовой защитой, усиливая тем самым виктимизацию данной категории лиц [5. с. 243–247, 255–256].

В.Н. Кудрявцев и В.Е. Эминов выделяют следующие типы потерпевших от насильственных престу-

плений: случайные знакомые из той же микросреды, родственники, создающие своим поведением ситуацию преступления, лица, входящие в группы с антиобщественной ориентацией [6. с. 193–202].

Доля потерпевших в преступлениях против половой свободы и половой неприкосновенности личности, которые ранее были незнакомы с преступниками составляет 18,5% (28 потерпевших) от общего числа.

Из числа лиц, которые ранее знали свою жертву 60,9% (91 потерпевший) составляют друзья и приятели жертвы, ранее видевшиеся хотя бы один раз, 13,2% (20 потерпевших) составляют члены семьи, 3,5% (5 потерпевших) родственники, не входящие в члены семьи, 3,9% (6 потерпевших) составляют сожители, не состоящие в официальном браке, а также бывшие мужья или жены.

Последствия преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности личности являются многогранными и затрагивают различные аспекты жизни потерпевших, включая физическое, психоэмоциональное, социальное и правовое измерения. Они могут носить как краткосрочный, так и долговременный характер, оказывая значительное влияние на качество жизни жертв и их способность к социальной адаптации.

Физический ущерб, причиняемый потерпевшему в результате преступного посягательства, может варьироваться от незначительных повреждений до серьезных травматических последствий. Среди наиболее распространенных физических последствий выделяются телесные повреждения (гематомы, разрывы мягких тканей, травмы органов малого таза), репродуктивные нарушения (выражающиеся в сбоях менструального цикла, возможном бесплодии, осложнениях во время беременности и родов), заболевания, передающиеся половым путем (вирус иммунодефицита человека (ВИЧ), гепатиты и другие инфекционные заболевания).

Преступления против половой свободы и половой неприкосновенности личности оказывают значительное влияние на социальный статус потерпевшего, его взаимоотношения с окружающими и уровень финансовой стабильности. Основными социальными последствиями являются:

- стигматизация, возникающая вследствие обвинений со стороны общества в провокации преступления или несвоевременном обращении за помощью. Так, к примеру в некоторых культурах община ждет, что родственники накажут или даже убьют жертву изнасилования, чтобы не подвергать позору всю семью [7. с. 46].
- социальная изоляция, обусловленная утратой доверия к окружающим, избеганием социальных контактов и снижением качества межличностных взаимодействий [8. с. 981–986].

Психоэмоциональная сфера является одной из наиболее уязвимых в контексте преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности личности. В результате насильственных действий у потерпевшего могут развиваться следующие психологические нарушения:

- острые стрессовые реакции, сопровождающиеся паническими атаками, навязчивыми воспоминаниями, эмоциональной нестабильностью, тревожными расстройствами;
- посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР), которое проявляется социальной отчуждённостью, нарушениями сна, когнитивными расстройствами и депрессивными состояниями;
- суицидальные наклонности, включая высокий риск самоповреждений и совершения суицида [9. с. 37].

На основании анализа научных предпосылок, обосновывающих взаимосвязь между преступником и жертвой, а также рассмотрения существующих в криминологической науке классификаций данных отношений, представляется возможным, опираясь на результаты проведённых эмпирических исследований, выделить следующие типы взаимодействия между преступником и жертвой, характерные для преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности личности.

По степени знакомства между преступником и жертвой

С участием незнакомых лиц. Данный тип преступлений характеризуется отсутствием какого-либо контакта между преступником и жертвой до момента совершения преступления. Взаимодействие носит случайный и, как правило, кратковременный характер, преступление чаще всего совершается в общественных местах (улицы, парки, подъезды, лесопосадки). Для преступлений данного типа характерен высокий уровень насилия, так как преступник не заинтересован в сохранении контакта с жертвой, нередко жертва подвергается нападению в тёмное время суток или в условиях социальной изоляции (например, отсутствие свидетелей).

С участием малознакомых лиц. Жертва и преступник находились в эпизодическом контакте, однако их взаимоотношения не носили доверительного характера, могли познакомиться незадолго до совершения преступления (например, на вечеринке, в общественном месте, через интернет). Преступление может быть спровоцировано употреблением алкоголя или наркотиков, преступник может использовать обман или манипуляцию для того, чтобы завести жертву в уединённое место [10.с.143].

С участием знакомых лиц. Данный тип взаимодействия включает преступления, в которых преступник и жертва уже имели предшествующие контакты и состояли в знакомстве различной степени близости (коллеги, друзья, соседи, бывшие романтические партнёры). Жертва может не сразу осознавать преступный характер действий насильника, особенно если преступление совершается в доверительной обстановке. Возможны случаи насилия со стороны бывшего партнёра или коллеги по работе, использующего свое положение. В отличие от предыдущих типов, такие преступления реже сопровождаются физическим насилием, но могут

включать шантаж, угрозы или психологическое давление.

Внутрисемейные преступления. Данный тип преступлений представляет собой сексуальные преступления, совершенные в рамках семейных или родственных отношений. Такие преступления часто носят латентный характер из-за страха жертвы перед осуждением, зависимостью от преступника и особенностей семейной динамики. Преступник может злоупотреблять доверием, а также использовать авторитет и власть (например, родитель над ребёнком, старший родственник над младшим). Характерно наличие повторяющихся эпизодов насилия на протяжении длительного времени.

По характеру предшествующих преступлению отношений

Агрессивное насилие. Характеризуется применением открытой физической силы и угроз в отношении жертвы с целью совершения преступления. Преступник использует физическое воздействие, причиняя телесные повреждения разной степени тяжести, а также сопровождает насильственные действия угрозами убийства или причинения вреда здоровью [11.с.111].

Принуждение без физического насилия. В данном случае преступник не применяет физическую силу, но использует психологическое давление, манипуляции, угрозы огласки или шантажа для достижения своей цели (угроза разоблачения интимных данных (например, распространение личных фотографий или переписок, принуждение к половому акту под страхом увольнения, отчисления из учебного заведения или потери репутации). Давление на жертву путем угроз причинения вреда ее близким.

Насилие с использованием уязвимого состояния жертвы. В этом случае преступник совершает преступление, пользуясь беспомощным или зависимым состоянием жертвы: совершение полового преступления в отношении лица, находящегося в бессознательном состоянии (алкогольное или наркотическое опьянение, медицинская анестезия, сон), изнасилование человека с ограниченными возможностями, который не может дать осознанного согласия, преступления против детей и пожилых людей, которые в силу возраста или состояния здоровья не могут оказать сопротивление.

Сексуальная эксплуатация и принуждение. Этот тип преступлений характеризуется использованием экономической, социальной или иной зависимости жертвы: использование зависимости работника от работодателя (сексуальные домогательства на рабочем месте), вовлечение в сексуальные отношения с несовершеннолетними через манипуляции и установление эмоциональной зависимости.

По динамике преступного взаимодействия

Единовременное преступление. Преступление происходит в один эпизод без последующего продол-

жения. В ряде случаев преступление совершается в условиях ситуативного влияния (алкогольное или наркотическое опьянение преступника, внезапно возникшее влечение, импульсивные действия). Может носить случайный характер, например, нападение в безлюдном месте. Возможны случаи, когда преступник не планировал преступление заранее, а действовал в силу сложившихся обстоятельств.

Длительное преступное поведение. Насильственные действия носят систематический, регулярный характер. Жертва часто находится в зависимом положении от преступника (родственная, профессиональная или иная зависимость). Преступник может применять различные формы принуждения: психологическое давление, шантаж, угрозы, манипуляции.

Исследование механизма преступного поведения при посягательствах на половую свободу и половую неприкосновенность личности требует комплексного анализа не только личности преступника, но и особенностей жертвы. Виктимологические исследования свидетельствуют о том, что жертвы могут играть различную роль в генезисе преступления, обусловленную их нравственно-психологическими, поведенческими и социальными характеристиками.

С учётом этой роли предлагается следующая классификация жертв преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности личности:

1. Активные (провоцирующие) жертвы. Этот тип жертв отличается поведением, которое может способствовать возникновению преступной ситуации. Следует отметить, что провоцирующее поведение ни в коем случае не исключает вины преступника и не оправдывает его действия, однако с точки зрения криминологического анализа оно может рассматриваться как фактор, способствующий формированию виктимогенной ситуации.

Характерными чертами данных жертв является демонстративное или вызывающее поведение, которое может быть воспринято преступником как сигнал к возможному сексуальному контакту, не критичность в выборе социальных контактов (общение с малознакомыми или заведомо агрессивными людьми), пребывание в ситуациях повышенного риска (уединение с незнакомцами, употребление алкоголя и наркотиков в небезопасной среде). К примеру, в состоянии опьянения подверглись посягательству 46,8% потерпевших этой разновидности (досугового сексуального насилия), 84,7% из них пьянствовали вместе со своими насильниками [12. с. 107].

2. Пассивные (случайные) жертвы. Данный тип жертв не совершает действий, которые могли бы способствовать возникновению преступной ситуации. Преступление совершается исключительно по инициативе преступника, а выбор жертвы чаще всего случаен.

Характерными чертами данных жертв является отсутствие сознательного риска в поведении, виктимизация происходит из-за факторов, не завися-

щих от жертвы, высокая степень шока и дезориентации после преступления [13. с. 77].

3. Виктимно-уязвимые жертвы. Эта категория включает лиц, которые по объективным и субъективным причинам имеют повышенную виктимность.

Характерными чертами данных жертв является физическая или психологическая уязвимость (дети, пожилые люди, люди с ограниченными возможностями), социальная зависимость (материальная зависимость, подчиненное положение), неспособность защитить свои права или обратиться за помощью [14. с. 134].

4. Жертвы системного насилия. Этот тип включает в себя лиц, подвергающихся сексуальному насилию на постоянной основе в рамках институциональных или социальных отношений.

Характерными чертами данных жертв является длительное пребывание в условиях насилия, отсутствие возможностей для выхода из ситуации, часто сопровождается комплексом других видов насилия (физического, психологического, экономического) [15. с. 331–361].

На основе анализа виктимологического аспекта в механизме преступного поведения при совершении преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности личности можно заключить, что потерпевший играет важную роль в формировании ситуации, предшествующей преступному деянию. В зависимости от множества факторов, включая личностные характеристики жертвы и социальные обстоятельства, ее участие в разворачивании преступной ситуации может варьироваться.

Роль потерпевшего может быть как абсолютно нейтральной, когда его поведение не оказывает воздействия на развитие преступного посягательства, так и активно провоцирующей, когда действия или бездействие жертвы способствуют возникновению преступных намерений у преступника. Важно отметить, что даже в случаях провоцирующего поведения потерпевший не несет вины за совершенное преступление, однако его действия могут служить катализатором для развития преступной ситуации.

Литература

1. Лунеев В.В. Социальные последствия жертвы и цена преступности // Государство и право. 2009. № 1. – С. 36–56.
2. Ивасюк О. Н., Калашников И.В. Виктимологические особенности преступлений против половой свободы, совершаемых в отношении женщин // Вестник Московского университета МВД России. – 2018. – № 5. – С. 104–110.
3. R. Jones, Women report sexual harassment more than men, even in male-dominated workplaces, Ms., August 7, 2018, URL: <https://msmagazine.com/2018/08/07/women-report-sexual-harassment-men-evenmale-dominated-workplaces/>. (Дата обращения 05.03.2025).
4. Шляпникова О. В., Паршин Н.М. Специально-криминологическое предупреждение сексу-

альных преступлений, совершаемых в отношении несовершеннолетних //Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2019. – № . 3 (83). – С. 111–117.

5. Криминальная сексология: учеб. Пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция»/ [Г.Б. Дерягин и др.]. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2011.
6. Криминология: учебник / под ред. В.Н. Кудрявцева, В.Е. Эминова, – 5-е изд., перераб. и доп. – Москва: Норма: ИНФРА-М. 2022.
7. Lalumière M. L., Lalumiere M.L. The causes of rape: Understanding individual differences in male propensity for sexual aggression. – Washington, DC: American Psychological Association, 2005.
8. Burgess A. W., Holmstrom L.L. Rape trauma syndrome //American journal of Psychiatry. – 1974. – Т. 131. – № . 9. – С. 981–986.
9. Бадмаева В. Д. и др. Психические расстройства у детей и подростков, возникающие в результате преступлений сексуального характера (клинические и клинико-психологические аспекты) //Российский психиатрический журнал. – 2014. – № . 3. – С. 33–40.
10. Белослудцев О. С., Ведерникова Е.В., Котельникова Е.А. Взаимодействие преступника и его жертвы //Вестник научной ассоциации студентов и аспирантов исторического факультета Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия: Studis historica juvenum. – 2011. – № . 1 (7). – С. 141–144.
11. Красиков А.Н. Преступления против личности: учеб. пособие для студентов учеб. заведений юрид. профиля //Саратов: Изд-во Сарат. ун-та. – 1999.
12. Мощицкая Е.Ю. Виктомологическая характеристика сексуального насилия несовершеннолетних: По материалам Иркутской области: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.08. – Иркутск, 2004.
13. Полубинский В.И. Криминальная виктимология. М., 1999.
14. Ковалева М.А. Сексуальное насилие и сексуальная эксплуатация: криминологические и уголовно-правовые аспекты, предупреждение: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.08. – Санкт-Петербург, 2006.
15. Wilson M., Johnson H., Daly M. Lethal and nonlethal violence against wives //Canadian journal of criminology. – 1995. – Т. 37. – № . 3. – С. 331–361. URL: <https://utppublishing.com/doi/abs/10.3138/cjcrim.37.3.331> (Дата обращения 05.03.2025).

VICTIMOLOGICAL ASPECTS OF CRIMES AGAINST SEXUAL FREEDOM AND SEXUAL INTEGRITY

Nedostup E.S.

Moscow State Law University of the Russian Federation

Object: conducting an analysis of the victim aspect of crimes against sexual freedom and sexual integrity of the individual, including studying the role of the victim in the mechanism of criminal behavior,

and identifying types of interaction between the criminal and the victim. Materials and methods: the study is based on a combination of private scientific and general scientific methods, including analysis, synthesis, and a criminological study of 150 criminal cases under Articles 131–135 of the Criminal Code of the Russian Federation. The work uses the works of leading criminologists and legal scholars, which allows for a comprehensive examination of the issue. Findings: the types of victim behavior are highlighted: provocative, careless, and neutral. A classification of victims is proposed: active, passive, victim-vulnerable, and victims of systemic violence. The physical, psychological, and social consequences of crimes for victims are described. Conclusions: the role of the victim in the crime mechanism varies from neutral to actively provocative, but even in the latter case, the blame for the crime lies solely with the perpetrator. Socioeconomic vulnerability, age, and psychological characteristics increase the risk of victimization. The results of this study can be used to develop preventive measures and improve investigation methods.

Keywords: victimology, crimes against sexual freedom, victim, victim behavior, classification of victims, consequences of crimes, gender aspects, social vulnerability, criminology.

References

1. Luneev V.V. Social Consequences of the Victim and the Price of Crime // State and Law. 2009. No. 1. – Pp. 36–56.
2. Ivasyuk O.N., Kalashnikov I.V. Victimological Features of Crimes against Sexual Freedom Committed against Women // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2018. – No. 5. – Pp. 104–110.
3. R. Jones, Women report sexual harassment more than men, even in male-dominated workplaces, Ms., August 7, 2018, URL: <https://msmagazine.com/2018/08/07/women-report-sexual-harassment-men-evenmale-dominated-workplaces/>. (Accessed 05.03.2025).
4. Shlyapnikova O. V., Parshin N.M. Specialized criminological prevention of sexual crimes committed against minors // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2019. – No. 3 (83). – P. 111–117.
5. Criminal sexology: textbook. Handbook for university students studying in the specialty “Jurisprudence” / [G.B. Deryagin et al.]. – Moscow: UNITY-DANA: Law and Right, 2011.
6. Criminology: textbook / edited by V.N. Kudryavtsev, V.E. Eminov, – 5th ed., revised. and enlarged. – Moscow: Norma: INFRA-M. 2022.
7. Lalumière M. L., Lalumiere M.L. The causes of rape: Understanding individual differences in male propensity for sexual aggression. – Washington, DC: American Psychological Association, 2005.
8. Burgess A. W., Holmstrom L.L. Rape trauma syndrome // American journal of Psychiatry. – 1974. – Vol. 131. – No. 9. – Pp. 981–986.
9. Badmaeva V. D. et al. Mental disorders in children and adolescents arising from sexual crimes (clinical and clinical-psychological aspects) // Russian Psychiatric Journal. – 2014. – No. 3. – Pp. 33–40.
10. Belosludtsev O. S., Vedernikova E.V., Kotelnikova E.A. Interaction between the criminal and his victim // Bulletin of the scientific association of students and postgraduates of the history faculty of Perm State Humanitarian and Pedagogical University. Series: Studis historica juvenum. – 2011. – No. 1 (7). – P. 141–144.
11. Krasikov A.N. Crimes against the person: a textbook for students of educational institutions with a legal profile // Saratov: Publishing house of Saratov University. – 1999.
12. Moshchitskaya E. Yu. Victimological characteristics of sexual violence against minors: Based on materials from the Irkutsk region: dissertation ... candidate of legal sciences: 12.00.08. – Irkutsk, 2004.
13. Polubinsky V.I. Criminal Victimology. Moscow, 1999.
14. Kovaleva M.A. Sexual Violence and Sexual Exploitation: Criminological and Criminal Law Aspects, Prevention: Candidate of Law Dissertation: 12.00.08. – Saint Petersburg, 2006.
15. Wilson M., Johnson H., Daly M. Lethal and Nonlethal Violence against Wives // Canadian Journal of Criminology. – 1995. – Vol. 37. – No. 3. – Pp. 331–361. URL: <https://utppublishing.com/doi/abs/10.3138/cjcrim.37.3.331> (Accessed 05.03.2025).

Правовое регулирование средств доследственной проверки по уголовно-процессуальному законодательству Кыргызской Республики и Российской Федерации: сравнительный анализ и проблемные вопросы

Оторов Азис Асылбекович,

адъюнкт Московского университет МВД России имени
В.Я. Кикотя; капитан милиции

В статье проводится сравнительно-правовой анализ регулирования средств доследственной проверки по уголовно-процессуальному законодательству Кыргызской Республики и Российской Федерации. Автор выявляет как сходства, так и ключевые различия в подходах двух государств. Определены общие и национально-специфические проблемные аспекты, негативно влияющие на правоприменительную практику. В российской системе отмечается недостаточность процессуальной регламентации средств проверки в УПК РФ, которая приводит к снижению доказательственной ценности полученных сведений. Для кыргызской модели наиболее острой является проблема отсутствия легитимного механизма получения показаний от лиц, пострадавших от преступления, а также лиц, в отношении которых проводится доследственная проверка. Сделан вывод о необходимости дальнейшего совершенствования законодательства в целях повышения эффективности, законности и гарантий прав личности на доследственной стадии. На основе анализа предлагаются конкретные пути преодоления выявленных пробелов.

Ключевые слова: доследственная проверка, УПК КР, УПК РФ, возбуждение уголовного дела, доказательства, сравнительный анализ, процессуальные гарантии.

Новый УПК Кыргызской Республики 2021 г. представляет собой значительный шаг в демократизации уголовного судопроизводства. При этом структура начального этапа в Кыргызстане имеет заметные отличия от российской модели. Ключевое различие заключается в концепции начала производства: кыргызский законодатель отказался от наименования первоначальной стадии уголовного судопроизводства «возбуждение уголовного дела», вместо чего в рамках досудебного производства выделил в главе 20 УПК КР «начало досудебного производства», которое заключается в проведении доследственной проверки поступившего сообщения о преступлении.

Российский законодатель, традиционно выделяя стадию возбуждения уголовного дела в качестве начального этапа уголовного судопроизводства, закрепляет проведение проверки сообщения о преступлении как необходимую процедуру для установления достаточности основания для возбуждения производства по делу.

Исследователи предлагают различные формулировки данной проверочной деятельности: «предварительная проверка» [1, С. 96], [2, С. 102], «доследственная проверка» [3, С. 34], [4, С. 75], «проверка заявлений и сообщений о преступлениях» [5, С. 26], [6, С. 27], «рассмотрение сообщений о преступлениях» [7, С. 3]. Однако несмотря на различия в терминологии, учёные единодушны в понимании сути данной процессуальной деятельности. Расхождения касаются лишь выбора терминов, не затрагивая содержательной стороны. Как справедливо отмечают В.Н. Яшин и А.В. Победкин, термин «предварительная проверка» наиболее точно передаёт суть этапа, предшествующего принятию процессуального решения на стадии возбуждения дела, поскольку подчёркивает его подготовительную функцию [8, С. 9].

Часть 1 статьи 144 УПК РФ и ч. 1 ст. 153 УПК КР закрепляют обязанность компетентных органов провести проверку по каждому сообщению о совершенном или планируемом преступлении. Из системного толкования норм следует, что такая проверка представляет собой обязательный элемент уголовно-процессуальной деятельности на данном этапе.

Каждое поступившее сообщение о возможном преступлении подлежит обязательной проверке, однако конкретный объем и глубина проводимых в рамках этой проверки действий не являются шаблонными и находятся в прямой зависимости от ка-

чества и полноты исходной информации, содержащейся в самом сообщении и прилагаемых к нему материалах. В тех случаях, когда представленных сведений явно недостаточно для уверенного вывода о наличии или отсутствии признаков преступления, либо когда их достоверность вызывает обоснованные сомнения, проводится проверка такого сообщения. Напротив, если уже на этапе первичного изучения представленные материалы содержат явные, недвусмысленные и достаточно полные указания на все признаки состава преступления, глубина проверки может быть сведена к необходимому минимуму. В подобных ситуациях вполне допустимым и процессуально оправданным является тщательный анализ и всесторонняя юридическая оценка исключительно уже имеющихся в распоряжении сведений без привлечения дополнительных ресурсов на проведение дополнительных мероприятий. Эту логику дифференциации подтверждает и доктринальная позиция, аргументированно изложенная такими авторами, как Н.В. Жогин и Ф.Н. Фаткуллин. Они подчеркивают, что сама по себе проверка сообщения не является процессуальной самоцелью. Ее проведение оправдано и допустимо лишь постольку, поскольку она служит необходимой основой для принятия юридически обоснованных и законных процессуальных решений, таких как постановление о возбуждении уголовного дела или об отказе в таковом [9, С. 169–170].

Следовательно, ключевым критерием необходимости проведения проверки выступает потребность в дополнительном обосновании решения. Если же на основании изначально представленной информации, обладающей необходимой полнотой и очевидной достоверностью, компетентный орган может незамедлительно принять обоснованное и законное решение (будь то отказ в возбуждении дела из-за отсутствия состава преступления или, наоборот, его возбуждение), то проведение какой-либо дополнительной проверочной деятельности теряет свой процессуальный смысл и становится юридически избыточным.

При этом следует отметить, что на данном этапе преступность деяния еще не констатирована уполномоченными государственными органами, в связи с чем применение мер процессуального принуждения может носить весьма ограниченный характер [10, С. 114].

Указанное обуславливает наличие прямо закреплённых в законе средств доследственной проверки. Согласно ст. 144 УПК РФ к ним относятся: получение объяснений, образцов для исследований; истребование и изъятие документов; назначение экспертиз, участие в их проведении; осмотр места происшествия, предметов, трупов; требование проведения ревизий или документальных проверок; привлечение специалистов; поручение органам дознания о проведении ОРМ. Отдельно регламентирована проверка сообщений, распространенных СМИ: в этом случае уполномоченные лица вправе запросить у редакции документы, подтверждающие достоверность информации.

Следует отметить, что в УПК РФ вопросы, связанные с предварительной проверкой сообщений о совершенных или готовящихся преступлениях, регулируются недостаточно детально. Отсутствие четкого законодательного закрепления процедур и методов проверки первичных сведений о признаках противоправных деяний негативно сказывается на правоприменительной практике. Как справедливо отмечают В.М. Корнуков, В.А. Лазарев и В.Д. Холоденко, существующее регулирование этого ключевого этапа процессуальной деятельности, от которого зависит законность и обоснованность возбуждения уголовного дела, а в конечном итоге – защита прав личности, нельзя считать удовлетворительным [11, С. 92].

Сформировавшийся правовой пробел частично компенсируется практикой правоприменения, однако это порождает две основные проблемы: отсутствие единообразия в подходах и частые нарушения законодательных норм. По замечанию Н.А. Власовой, недостаточная регламентация действий на начальном этапе приводит к тому, что информация, полученная в ходе доследственной проверки, либо исключается из числа доказательств, либо получает заниженную значимость по сравнению с данными, собранными в рамках строго установленных процессуальных действий [12, С. 93].

В соответствии с ч. 1 ст. 153 УПК КР средствами доследственной проверки в Кыргызской Республике являются: осмотр места происшествия и осмотр трупа; допрос в качестве свидетеля; назначение производства экспертиз; получение образцов для сравнительного исследования; истребование документов и предметов; дача поручений органу дознания о проведении оперативно-розыскных мероприятий.

В соответствии с п. 2 ч. 1 ст. 153 УПК КР прокурор и следователь в ходе доследственной проверки вправе провести допрос в качестве свидетеля с соблюдением требований ст.ст. 196–203 УПК КР. Закрепление данной возможности помогает избежать дублирования процессуальных действий в ходе дальнейшего предварительного расследования.

Вместе с тем имеется и ряд вопросов, которые до настоящего времени не нашли своего ответа. Так, например, УПК КР не указывает, каким образом получать вербальные сведения от лиц, пострадавших от преступления, а также лиц, в отношении которых проводится доследственная проверка, то есть тех лиц, которые свидетелями не являются. Подавляющее большинство опрошенных нами сотрудников органов предварительного расследования и прокуратуры (97,1%) (в опросе приняли участие 140 сотрудников органов предварительного расследования и прокуратуры Кыргызской Республики) указали, что данные лица допрашиваются в ходе доследственной проверки в качестве свидетеля. Однако, согласно ч. 3 ст. 83 УПК КР, показания, данные лицом в ходе его допроса в качестве свидетеля, не могут быть признаны в качестве доказательств против него самого и положены в основу его обвинения. В связи с чем сведения, сообщ-

щенные лицами, избираемыми в преступлении, и допрошенными в качестве свидетеля, не имеют доказательственного значения, что делает бессмысленным их допрос в ходе доследственной проверки.

На наш взгляд, имеется два варианта решения сложившейся проблемы. Первый – получение объяснений у таких участников в присутствии адвоката, второй, требующий соответствующих изменений законодательства, – введение нового участника уголовного судопроизводства, по аналогии с Республикой Казахстан, – «свидетель под подозрением», разрешив допрашивать такое лицо на стадии возбуждения уголовного дела.

Кроме того, в рамках доследственной проверки сообщения о преступлении органам предварительного расследования предоставлено процессуальное право на получение образцов для последующего сравнительного исследования. Данное процессуальное действие, регламентированное ст. 202 УПК РФ и ст.ст. 191, 192 УПК КР, предусматривает назначение судебной экспертизы и направлено на установление факта оставления следов на месте происшествия или вещественных доказательств конкретным физическим лицом. Процедура получения образцов подлежит обязательному оформлению протоколом; при этом категорически исключается применение методов, сопряженных с угрозой жизни или здоровью либо унижающих человеческое достоинство.

Ключевой вопрос правового регулирования заключается в допустимости принудительного изъятия образцов на стадии доследственной проверки. Действующее законодательство устанавливает прямой запрет на применение любых мер процессуального принуждения, включая принудительное получение образцов, до момента вынесения постановления о возбуждении уголовного дела. Указанное ограничение детерминировано действием принципа добровольности участия в процедурах доследственной проверки и необходимостью обеспечения гарантий прав личности на стадии возбуждения уголовного дела.

Еще одним полномочием должностных лиц, уполномоченных осуществлять проверку сообщения о преступлении, является истребование и изъятие документов и предметов. Данное право закреплено в ч. 4 ст. 21 УПК РФ и ч. 4 ст. 25 УПК КР. Механизм его осуществления предполагает направление официальных требований (запросов) о предоставлении соответствующих материалов юридическим лицам, организациям различной организационно-правовой формы и гражданам. Однако нерегламентированность законодательством обоих государств сроков направления ответов на соответствующие запросы затрудняет для правоприменителя их своевременное получение, особенно учитывая ограниченные сроки доследственной проверки.

Таким образом, проведенный сравнительно-правовой анализ установил, что основные средства доследственной проверки сообщений о пре-

ступлениях в УПК РФ и УПК КР имеют существенные сходства. При этом в обеих системах выявлены пробелы правового регулирования. В Российской Федерации недостаточная детализация процедур проверки негативно сказывается на правоприменительной практике и доказательственном значении полученных сведений. В Кыргызской Республике наиболее острая проблема заключается в отсутствии легитимного механизма получения вербальных показаний от лиц, в отношении которых ведется проверка сообщения о преступлении, то есть фактически избобличительная деятельность, поскольку их допрос в качестве свидетелей процессуально нивелирует доказательственное значение таких показаний (ч. 3 ст. 83 УПК КР). Устранение выявленных недостатков требует дальнейшего совершенствования законодательства для обеспечения эффективности, законности и гарантий прав личности на стадии, предшествующей формальному началу уголовного преследования.

Литература

1. Шурухнов Н.Г. Обеспечение неразглашения данных предварительной проверки заявлений о преступлениях // Уголовно-процессуальное принуждение и ответственность. Волгоград, 1987.
2. Березина Л.В. Объяснение как средство предварительной проверки сообщения о преступлении // Актуальные проблемы борьбы с преступностью. Саратов, 2007.
3. Махов В. Законодательство о возбуждении уголовного дела // Законность. 1997. № 1.
4. Яни П. Доследственная проверка // Человек и закон. 1996. № 1.
5. Овсянников И.В. Проверка сообщения о преступлении // Уголовный процесс. 2007. № 7.
6. Земцова А.В. Проверка сообщений о преступлении // Следователь. 2008. № 2.
7. Модогоев А.А. Организация приёма и рассмотрения заявлений о преступлениях. М., 1994.
8. Яшин В.Н., Победкин А.В. Предварительная проверка первичных материалов о преступлении. М., 2000.
9. Жогин Н.В., Фаткуллин Ф.Н. Возбуждение уголовного дела. Москва: Государственное издательство юридической литературы, 1961.
10. Муравьев К.В. Меры процессуального принуждения – особые средства уголовно-правового воздействия: доктрина, применение, оптимизация: монография. Омск, 2017.
11. Корнуков В.М., Лазарев В.А., Холоденко В.Д. Возбуждение уголовного дела в системе уголовно-процессуальной деятельности. Саратов, 2002.
12. Власова Н.А. Первоначальный этап уголовного процесса по законодательству дореволюционной России и зарубежных стран // Проблемы предварительного следствия и дознания: сборник научных трудов. – Москва: ВНИИ МВД РФ, 2001.

LEGAL REGULATION OF PRE-INVESTIGATION VERIFICATION MEASURES UNDER THE CRIMINAL PROCEDURE LEGISLATION OF THE KYRGYZ REPUBLIC AND THE RUSSIAN FEDERATION: COMPARATIVE ANALYSIS AND PROBLEMATIC ASPECTS

Otorov A.A.

Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The article provides a comparative legal analysis of the regulation of pre-investigation verification measures under the criminal procedure legislation of the Kyrgyz Republic and the Russian Federation. The author identifies both similarities and key differences in the approaches of the two states. Common and nationally specific problematic aspects that negatively affect law enforcement practice are determined. In the Russian system, a lack of procedural regulation of verification measures in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation is noted, which reduces the evidentiary value of the information obtained. For the Kyrgyz model, the most acute problem is the absence of a legitimate mechanism for obtaining testimony from persons who have suffered from a crime, as well as from persons subject to pre-investigation verification. It is concluded that further legislative improvements are necessary to enhance efficiency, legality, and the protection of individual rights at the pre-investigation stage. Based on the analysis, specific ways to address the identified gaps are proposed.

Keywords: pre-investigation verification, Criminal Procedure Code of Kyrgyzstan, Criminal Procedure Code of Russia, initiation of criminal proceedings, evidence, comparative analysis, procedural guarantees.

References

1. Shurukhnov N.G. Ensuring Confidentiality of Preliminary Investigation Data of Crime Reports // Criminal Procedure Coercion and Liability. Volgograd, 1987.
2. Berezina L.V. Explanation as a Means of Preliminary Investigation of a Crime Report // Current Issues in Combating Crime. Saratov, 2007.
3. Makhov V. Legislation on Initiating Criminal Cases // Legality. 1997. No. 1.
4. Yani P. Pre-Investigation Investigation // Man and Law. 1996. No. 1.
5. Ovsyannikov I.V. Investigation of a Crime Report // Criminal Procedure. 2007. No. 7.
6. Zemtsova A.V. Investigation of Crime Reports // Investigator. 2008. No. 2.
7. Modogoev A.A. Organization of the Reception and Review of Crime Reports. Moscow, 1994.
8. Yashin, V.N., Pobedkin, A.V. Preliminary Review of Primary Crime Materials. Moscow, 2000.
9. Zhogin, N.V., Fatkullin, F.N. Initiation of a Criminal Case. Moscow: State Publishing House of Legal Literature, 1961.
10. Muravyov, K.V. Procedural Coercion Measures – Special Means of Criminal-Law Influence: Doctrine, Application, and Optimization: Monograph. Omsk, 2017.
11. Kornukov, V.M., Lazarev, V.A., Kholodenko, V.D. Initiation of a Criminal Case in the System of Criminal-Procedural Activity. Saratov, 2002.
12. Vlasova, N.A. The initial stage of criminal proceedings under the legislation of pre-revolutionary Russia and foreign countries // Problems of preliminary investigation and inquiry: a collection of scientific papers. – Moscow: All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2001.

Особенности расследования правонарушений юридических лиц при банкротстве в условиях цифровизации

Посельская Людмила Николаевна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики
Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя
E-mail: poslydmila@mail.ru

В статье обобщена и исследована практика расследования преступлений, связанных с правонарушениями действиями при банкротстве. Определены основные элементы криминалистической характеристики рассматриваемого вида преступлений, выявлены и типизированы актуальные на современном этапе способы правонарушений действиями при банкротстве в условиях цифровизации основных направлений экономической деятельности. Рассмотрены криминалистические и психологические особенности личности преступников, совершающих преступления, связанные с правонарушениями действиями при банкротстве. Показана специфика принятия решения вопроса о возбуждении уголовных дел по рассматриваемому виду преступлений, особенности тактики отдельных следственных действий на первоначальном этапе расследования рассматриваемого вида преступлений. Обозначены проблемы, возникающие у следователей при расследовании правонарушений действиями при банкротстве, в том числе связанные с организацией взаимодействия с государственными контролирующими органами.

Ключевые слова: способ и криминалистические признаки механизма правонарушений действиями при банкротстве, поводы возбуждения уголовного дела, понятие процедуры и этапы банкротства, отграничение от гражданско-правовых отношений.

В современном уголовном законодательстве Российской Федерации регламентируется уголовная ответственность за правонарушения действиями при банкротстве в статье 195 Уголовного кодекса Российской Федерации. Названные преступления совершаются в сфере экономической деятельности при возникновении признаков банкротства должника, направлены на имущественные средства лица, который может быть признан несостоятельным, и в конечном итоге причиняют материальный вред кредиторам. Анализ статистических данных свидетельствует о тенденции роста или снижения рассматриваемых преступлений в зависимости от изменяющихся финансово-экономических условий в государстве. Периодическое снижение общего удельного веса правонарушений действиями при банкротстве не отражает успешности борьбы с ними, а показывает возрастание уровня латентности, наличие проблем расследования. При общем снижении показателей по выявлению и расследованию преступлений, связанных с правонарушениями действиями при банкротстве, увеличиваются показатели роста преступлений в кредитно-банковской сфере почти на 7,4%, мошенничество почти на 6,3%, легализация и отмывание преступных доходов на 12.2% [1].

В результате инфляции, снижения покупательской способности, роста процентных ставок по кредитам и других негативных факторов развивается тенденция увеличения числа банкротств. Кроме этого, опасность таких преступлений состоит в том, что они имеют в большинстве своем коррупционную составляющую, это тоже требует адекватного реагирования правоохранительных органов.

В ходе выявления и расследования правонарушений действиями при банкротстве сложность состоит в определении предмета преступного посяательства, специфика его правовой и экономической оценки. Особенности предмета преступного посяательства проявляются при прохождении процедуры банкротства. В определенных условиях расследования предметом преступного посяательства могут выступать имущественные права, или имущественные обязательства, упущенная выгода в результате заключения заведомо убыточной сделки, продажа имущества в период процедуры банкротства по более низкой цене. В качестве предмета преступления также могут выступать сведения об имуществе, его размере, местонахождении либо иной информации об имуществе, а также бухгалтерские и иные учетные документы, в том числе существующие и передаваемые в электронном виде, отражающие экономическую

деятельность, если в отношении них осуществлялись сокрытие или уничтожение. Предмет преступного посягательства при этом обусловлен способом преступления и возможностью его реализации.

Неправомерными действиями считаются комплекс следующих действий: проведение без уведомления финансового управляющего мнимых или притворных сделок с недвижимостью, с транспортными средствами и оборудованием; передача имущества в аренду или в лизинг; передача ценностей на время по поддельным документам, удовлетворение требований одних кредиторов в ущерб другим. К числу таких действий относится и несоблюдение правовых запретов при прохождении процедуры банкротства: оформление кредита для получения денежных средств, намереваясь списать долг при процедуре банкротства; создание фиктивной задолженности, занижение потенциальных активов, подлежащие взысканию. В последнее время, как показывают результаты изучения практики расследования таких дел, участились случаи использования фиктивного «подставного» кредитора, чтобы таким образом вывести часть своих активов из конкурсной массы. В настоящее время актуализировалась деятельность по воспрепятствованию деятельности назначенного Арбитражным судом финансового управляющего. Суть таких действий сводится к неправомерному изменению содержания документов или сокрытию части документов, непредставлению документов о платежеспособности. Активное противодействие проявляется в утаивании части имущества, уничтожении документов, в том числе существующих в электронном виде, имущества и информации об имуществе, уклонение от обязательных процедур по банкротству.

На выбор способа преступления оказывают влияние внешние факторы: наличие или отсутствие документов, подтверждающих разрешенные виды деятельности организации-должника; наличие или отсутствие установленного внутреннего документооборота; наличие программного обеспечения ведения бухгалтерского и банковского учета, использование программ БИК Data (больших информационных комплексов по разделам зарплата, основные и оборотные средства, банковские акты, кассовые операции). И внутренние факторы: наличие или отсутствие ведения электронного или бумажного бухгалтерского учета в организации; общая и профессиональная и техническая, в том числе IT подготовка сотрудников организации. Неправомерные действия при банкротстве чаще всего связаны с разделением единой имущественной массы, что обуславливает основные элементы способа преступления. Механизм и способ рассматриваемых преступлений связан с сокрытием или уничтожением документации, отражающей основные хозяйственные или банковские операции перед передачей активов внешнему или конкурсному управляющему. Неправомерными действиями при процедуре банкротства будет погашение

долга отдельным кредиторам в нарушение общих правовых требований при прохождении процедуры банкротства. Поэтому основные элементы способа преступления могут быть обусловлены нарушением действующего законодательства по распределению имущества между кредиторами по долговым обязательствам. Наиболее сходные проявления способа преступления выявлены на этапе подготовки. Практически по всем преступлениям, связанным с криминальными банкротствами, подготовка осуществляется посредством воздействия на бухгалтерскую, финансовую, организационно-распорядительную документацию. В последнее время активно применяется воздействие на электронные носители информации посредством использования вредоносных программ или несанкционированного доступа к финансовой, банковской, корпоративной, учредительной и другим видам информации. Как показывают результаты изучения практики расследования таких дел, участились случаи использования фиктивного «подставного» кредитора, чтобы таким образом вывести часть своих активов из конкурсной массы. Общими для большинства таких преступлений являются такие элементы способа как вовлечение высокотехнологичных специалистов в преступную деятельность, либо коррупционные связи, выражающиеся в даче взятки или коммерческом подкупе. В отдельных случаях были выявлены факты неправомерных действий конкурсного или арбитражного управляющего. Из корыстной или иной заинтересованности действия могут быть направлены на продажу имущества по заниженным ценам или передача его юридическим лицам, используя мнимые или притворные сделки, на период прохождения процедуры банкротства.

Рассмотренные выше способы преступления обусловили механизм слеодообразования и специфику работы со следами при неправомерных действиях при банкротстве. Следы сокрытых и уничтоженных сведений об имуществе, не нашедших никакого отражения в отчетных документах организации, имеющей признаки банкротства, можно обнаружить на рабочих местах, по месту жительства сотрудников, осуществляющих распорядительные функции предприятия, а также их аффилированных лиц либо лиц, входящих в одну группу лиц с должником. В следовой картине неправомерных действий при банкротстве может наблюдаться несоответствие конечной стоимости имущества организации должника данным, содержащимся в документах, ранее поданных организацией – банкротом в налоговую службу, либо в Единый Федеральный реестр сведений о фактах деятельности юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и иных субъектов экономической деятельности (далее ЕФСДЮЛ).

Особую группу следов в настоящее время составляют сведения, содержащиеся на компьютерных носителях информации, сведения об используемом программном обеспечении. «Для обнаружения «компьютерных» следов применяются спец-

и физические методы, носящие чисто технический характер: образованные в результате работы, например, программных средств, процесс обнаружения, фиксации, копирования, исследования должен быть основан на применении опять же программных средств, специального программного обеспечения» [2].

Личность преступника, совершающего преступления, связанные с неправомерными действиями при банкротстве, отличается хорошими организаторскими способностями, в том числе способностью влияния на лиц, вовлекаемых в сферу преступной деятельности, «твердые» психологические установки на совершение преступлений. Руководители предприятия (организации), заявляющей о своей несостоятельности, могут иметь другие предприятия и филиалы под своим руководством. Они могут преследовать личную выгоду, стремиться действовать в своих корыстных целях, в связи с чем, могут совершать другие преступления, связанные с хищениями. Неправомерные действия при банкротстве, как правило, «...совершаются в основном собственниками предприятий, руководителями и учредителями, главным бухгалтером неплатежеспособного предприятия либо указанными лицами совместно, а также третьими лицами, желающими получить производственные мощности, объекты недвижимости и иное имущество организации-должника для собственной деятельности в соучастии с должностными лицами неплатежеспособного предприятия или арбитражными управляющими...» [3].

Субъектом совершения неправомерных действий при банкротстве также может быть представитель конкурсного кредитора в соучастии с арбитражным управляющим. Конкурсные или арбитражные управляющие, хорошо знающие порядок банкротного производства, могут без особых проблем по заниженной цене продать имущество аффилированным лицам либо сами приобрести (это не запрещено) в целях создания конкурсной массы.

В ходе расследования неправомерных действий при банкротстве необходимо установить целый комплекс обстоятельств, подлежащих доказыванию. Особенность организации расследования преступлений, связанных с неправомерными действиями при банкротстве, связана с проблемами выявления всех обстоятельств и обстановки совершения преступления. К числу таких обстоятельств относятся основные сведения об организации-должнике, данные о его учредителях и руководителях, а также их полномочиях; причина банкротства, например, влияние инфляции, экономического кризиса, потеря зарубежных партнеров, отсутствие покупательского спроса на товары (услуги) и т.д. В противном случае, возможно, обнаружить признаки преднамеренного банкротства, то есть умышленных деяний лица, которые привели его к несостоятельности.

Цель и мотивы совершения преступления. «Они могут быть связаны с корыстью, то есть с целью

завладеть имуществом средствами организации, либо получить вознаграждение от третьих лиц; с целью уклониться от уплаты долгов; мотивом могут быть неприязненные отношения с учредителями; намерением в дальнейшем устроиться на работу в организацию, требования которой были удовлетворены вне очереди; завладеть производственными мощностями и иным имуществом организации и после его банкротства организовать схожее предприятие» [4]. Устанавливается период времени, место, способы подготовки, совершения и сокрытия неправомерных действий при банкротстве, в том числе кому, и на каких условиях виновное лицо передало имущественные средства организации с признаками банкротства. Определяются взаимоотношения и степень связи подозреваемого (обвиняемого) с указанными лицами. Причинно-следственная связь между неправомерными действиями при банкротстве и причиненным в результате ущербом. И каким именно лицам был причинен ущерб в результате неправомерных действий при банкротстве, а также предмет преступления, его стоимость на момент совершения преступления, и совокупная сумма причиненного ущерба, которая должна составлять не менее 3,5 млн руб.

Кроме названных, основным поводом для возбуждения уголовного дела могут служить сообщения и заявления от сотрудников государственных контролирующих органов. При выявлении фактов неправомерных действий при прохождении процедуры банкротства поводом для возбуждения уголовного дела могут служить сведения об обнаружении признаков преступления, полученных по результатам оперативно-розыскной деятельности. Нередко в действиях подозреваемого могут содержаться признаки совершения сразу нескольких преступлений. В своей работе Л.А. Орлова отмечала, что «совершение преступлений, связанных с несостоятельностью, в ряде случаев сопряжено с хищениями в форме присвоения или растраты (статья 160 Уголовного кодекса РФ). В подобных ситуациях действия лица квалифицируются по совокупности статей 160 и 196 Уголовного кодекса РФ (далее УК РФ). Если эти преступные действия он продолжает осуществлять и после появления признаков банкротства организации, то эти эпизоды будут квалифицироваться по совокупности статей 160 и 195 УК РФ» [5].

Расследование данного вида преступлений обусловлено особенностями тактики первоначальных следственных действий, которые определяются в зависимости от следственной ситуации. Специфика расследования состоит в правильном на первоначальном этапе разграничении банкротства как института гражданского права от банкротства, создаваемого умышленно в преступных целях, для совершения хищения имущества или финансовых средств, или уклонения от платежей по кредитам и налогам. Если возбуждению уголовного дела предшествовала длительная предварительная документальная, налоговая или иная проверка, то первоначальными следственными дей-

ствиями будут: выемка, осмотр документов и предметов, допросы подозреваемых и свидетелей, при необходимости обыски. Если уголовное дело возбуждено по результатам оперативно-розыскной деятельности или планировалась оперативно-тактическая комбинация по задержанию с поличным, первоначальными следственными действиями будут обыск, личный обыск, допрос, осмотр предметов и документов. В большинстве случаев следственные действия проводятся в организациях, учреждениях, банках, что предполагает проведение следственных действий с участием представителей организаций. Арест на документарные ценные бумаги может быть наложен по месту их нахождения, а на бездокументарные ценные бумаги – по месту учета прав владельца, то есть в организации, которая может выступать в качестве эмитента, депозитария, регистратора, номинального держателя ценных бумаг, биржи[6]. В Постановлении об аресте необходимо предусмотреть также изъятие сертификатов ценных бумаг, и правоустанавливающие документы, подтверждающие право собственности на них.

Проблемные вопросы расследования рассматриваемого вида преступлений, причины несвоевременности выявления правонарушений действий при банкротстве отражают специфику организации взаимодействия всех структур в выявлении и расследовании таких преступлений. Сложность выявления правонарушений действий при банкротстве связана, прежде всего, с их маскировкой под гражданско-правовые отношения. При этом, заключение правонарушений сделок и передача имущественных средств осуществляется, как правило, с аффилированными лицами (ст. 4 Закона РСФСР «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках»)[7], либо лицами, которые в соответствии со ст. 9 ФЗ «О защите конкуренции» [8] входит в одну группу лиц с должником, или иным заинтересованными лицами по отношению к должнику (ст. 19 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [9], а также иными лицами, осуществившими коммерческий подкуп должностного лица организации-должника. Отмечены следующие проблемы применения статьи 195 УК РФ: первой является проблема установления причиненного ущерба, вторая – может произойти пропуск срока давности привлечения к ответственности, что находится в корреляционной зависимости от сроков проверки, которые, как мы отметили выше – в 2024 году средняя длительность конкурсного производства составила 3,2 года; третья – сокрытие имущества и фальсификация документов на этапе проверки заявлений и сообщений о правонарушениях действиях при банкротстве; четвертая – правовая коллизия по поводу определения времени совершения правонарушений действий при банкротстве. Вместе с тем, анализируемые статистические данные показывают актуальность борьбы с криминальными банкротствами, особенно в условиях цифровизации экономики. Совершенствуется и правовая база борьбы с пре-

ступлениями в сфере экономики. Анализ наиболее сложных для расследования преступлений позволил нам выявить проблемные направления в выявлении и расследовании преступлений, связанных с неправомерными действиями при банкротстве, исследовать криминалистические аспекты организации раскрытия и расследования преступлений, и показать пути разрешения основных следственных задачи.

Литература

1. Сведения о состоянии преступности за январь – декабрь 2024 года <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/60248328>.
2. Колиев, В.В. Проблемы производства экспертизы электронных документов / В.В. Колиев // Право и государство: теория и практика. – 2020. – № 4(184). – С. 169.
3. Посельская Л.Н. Расследование преступлений в сфере экономики: монография. М.: НОУ ВО «Институт Мировой экономики и информатизации», 2015. С. 141–142.
4. Овчинникова О.В. Особенности методики доказывания по уголовным делам о правонарушении действиях при банкротстве: монография. М.: Юрлитинформ, 2013. С. 36.
5. Орлова, Л.А. Разграничение преступлений, связанных с банкротством, со смежными правовыми деликтами. //Пробелы в российском законодательстве. 2018. № 6. С. 182–190.
6. Щерба С.П., Власов П.Е. Расследование незаконных банкротств и правонарушений действий при банкротстве. М.: Юрлитинформ, 2005. С. 148–154.
7. Федеральный закон от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (с изм. и доп., вступ. в силу с 14.10.2024 № 344-ФЗ) // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». Дата обращения 10.10.2025.
8. Федеральный закон от 26.07.2006 N 135-ФЗ (ред. от 14.10.2024) «О защите конкуренции»// СПС КонсультантПлюс. Дата обращения 10.10.2025.
9. Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (с изм. и доп., вступ. в силу с 26.12.2024 № 478-ФЗ) // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». Дата обращения 10.10.2025.

FEATURES OF INVESTIGATING ILLEGAL ACTS OF LEGAL ENTITIES IN BANKRUPTCY IN THE CONDITIONS OF DIGITALIZATION

Poselskaya L.N.

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikotya

The article summarizes and examines the practice of investigating crimes related to illegal actions in bankruptcy proceedings. It identifies the main elements of the forensic characteristics of this type of crime, and identifies and classifies the current methods of illegal actions in bankruptcy proceedings in the context of the digitalization of key economic activities. The article also examines the forensic and

psychological characteristics of the perpetrators of crimes related to illegal actions in bankruptcy proceedings. It highlights the specific features of the decision-making process regarding the initiation of criminal cases in this type of crime, as well as the specific tactics of individual investigative actions at the initial stage of the investigation. The article highlights the problems faced by investigators when investigating bankruptcy-related misconduct, including issues related to cooperation with government regulatory agencies.

Keywords: method and forensic features of the mechanism of illegal actions in bankruptcy, grounds for initiating a criminal case, the concept of bankruptcy procedure and stages, and differentiation from civil law relations.

References

1. Information about the state of crime for January – December 2024 <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/60248328>.
2. Kolyev, V.V. Problems of conducting an examination of electronic documents / V.V. Kolyev // Law and State: Theory and Practice. – 2020. – № 4(184). – P. 169.
3. Poselskaya L.N. Investigation of crimes in the field of economics: a monograph. Moscow: NOU HE "Institute of World Economy and Informatization", 2015. pp. 141–142.
4. Ovchinnikova O.V. Features of the methodology of evidence in criminal cases of misconduct in bankruptcy: a monograph. Moscow: Yurlitinform, 2013. p. 36.
5. Orlova, L.A. Differentiation of crimes related to bankruptcy with related legal torts. //Gaps in Russian legislation. 2018. No. 6. Pp. 182–190.
6. Shcherba S.P., Vlasov P.E. Investigation of Illegal Bankruptcies and Unlawful Actions in Bankruptcy. Moscow: Yurlitinform, 2005. Pp. 148–154. 7. Federal Law No. 135-FZ of July 26, 2006 "On Protection of Competition" (as amended and supplemented, in
7. Federal Law No. 135-FZ of July 26, 2006 "On Protection of Competition" (as amended and supplemented, intro. effective from 10/14/2024 No. 344-FZ) // Access from the ConsultantPlus legal reference system. Date of application 10.10.2025.
8. Federal Law No. 135-FZ dated 26.07.2006 (as amended on 14.10.2024) "On Protection of Competition"// SPS ConsultantPlus. Date of application 10.10.2025.
9. Federal Law No. 127-FZ of October 26, 2002 "On Insolvency (Bankruptcy)" (as amended and supplemented, intro. effective as of 26.12.2024 No. 478-FZ) // Access from the legal reference system ConsultantPlus. Accessed on 10.10.2025.

Проблемы систематизации судебно-экономических экспертиз в современной юриспруденции

Радионова Ольга Александровна,

старший преподаватель, Тихоокеанский государственный университет

E-mail: zema12.07.1977@gmail.com

Актуальность исследования обусловлена возрастающей ролью судебно-экономической экспертизы в процессе доказывания по делам, связанным с экономическими правонарушениями, и отсутствием единой классификационной системы для данного вида судебных экспертиз.

Целью работы является комплексный анализ и структурирование оснований классификации судебно-экономических экспертиз, имеющих ключевое процессуальное и практическое значение.

В статье последовательно рассмотрены такие критерии систематизации, как объем и последовательность проведения, правовой статус, а также специфика комплексных исследований. Методологическую основу составили общенаучные методы (анализ, синтез, системный подход) и частнонаучные методы (формально-логический, сравнительно-правовой).

Научная новизна заключается в интегрированном подходе к проблеме классификации, позволяющем преодолеть терминологическую неопределенность и оптимизировать практику их назначения и производства.

В результате исследования автором обоснована необходимость дифференциации экспертиз на первичные, дополнительные и повторные, раскрыты правовые последствия их разграничения.

Определены процессуальные и внепроцессуальные рамки судебных и внесудебных исследований.

Особое внимание уделено юридически значимым особенностям комплексных судебно-экономических экспертиз, требующих консолидации знаний из различных областей науки.

Сделан вывод о том, что унификация классификационных подходов является необходимым условием для повышения эффективности судопроизводства, обеспечения обоснованности и достоверности экспертных заключений.

Ключевые слова: судебно-экономическая экспертиза, классификация, дополнительная экспертиза, повторная экспертиза, комплексная экспертиза, внесудебное исследование, доказательства.

В условиях усложнения финансово-хозяйственных отношений и механизмов экономических преступлений судебно-экономическая экспертиза становится одним из ключевых инструментов судебного доказывания.

Ее значение в арбитражном, уголовном и гражданском процессе трудно переоценить, поскольку она позволяет установить фактические данные, требующие специальных познаний в области экономики, финансов, бухгалтерского учета и аудита [1, с. 45].

При этом современное состояние правового регулирования экспертной деятельности характеризуется наличием множества пробелов и коллизий, что актуализирует потребность в ее системном осмыслении [8, с. 12].

Между тем, в современной юридической науке и практике сохраняется проблема терминологической и классификационной неоднородности применительно к судебно-экономическим экспертизам.

Отсутствие консолидированного подхода к их систематизации порождает на практике ошибки при формулировании вопросов перед экспертом, назначении повторных и дополнительных исследований, а также при оценке их результатов судом [2, с. 112].

Это, в свою очередь, может привести к нарушению принципа состязательности и принятию необоснованных судебных актов [9, с. 56].

Целью настоящего исследования является разработка целостной системы классификации судебно-экономических экспертиз на основе анализа актуальных критериев, имеющих существенное правовое значение.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

- во-первых, проанализировать классификацию по объему, последовательности и правовому статусу;
- во-вторых, выявить и охарактеризовать специфические черты комплексных судебно-экономических экспертиз как междисциплинарной формы исследования.

Фундаментальное значение для правоприменительной практики имеет классификация экспертиз, основанная на критериях объема, последовательности проведения и их правового статуса. Данные критерии напрямую детерминированы нормами процессуального законодательства и определяют процессуальный акт взаимодействия суда, сторон и эксперта.

Как верно отмечается в научной литературе, именно процессуальная форма предопределяет юридическую силу и доказательственное значение заключения эксперта [10, с. 34].

Классификация по объему и последовательно-сти проведения подразумевает деление на первичные, дополнительные и повторные экспертизы.

Первичная экспертиза представляет собой основную и наиболее распространенную форму исследования, проводимую по делу впервые для установления обстоятельств, требующих специальных познаний.

Ее назначение является стандартным действием при необходимости количественная оценка ущерба, анализа финансового состояния предприятия или выявления признаков преднамеренного банкротства.

Дополнительная экспертиза назначается в случаях, когда заключение первичной экспертизы является недостаточно ясным или полным. Основанием для ее проведения служат неясность формулировок, методики исследования или отсутствие ответов на часть поставленных вопросов.

Важно подчеркнуть, что дополнительная экспертиза не отменяет и не заменяет первичную, а лишь разъясняет и детализирует ее выводы, поэтому, как правило, поручается тому же эксперту или экспертной организации [3, с. 78].

Вместе с тем, как показывает анализ судебной практики, нередко случаи необоснованного назначения дополнительных экспертиз, что приводит к затягиванию судебного разбирательства [11, с. 23].

Повторная экспертиза, в отличие от дополнительной, направлена на разрешение тех же вопросов на основе исследования тех же материалов, но проводится другим экспертом или комиссией экспертов.

Ее назначение является исключительной мерой, применяемой при наличии сомнений в обоснованности, объективности или правильности выводов первичной экспертизы, а также при обнаружении существенных процессуальных нарушений в процессе ее производства.

Выводы повторной экспертизы обладают приоритетом и могут полностью опровергнуть результаты первоначального исследования [4, с. 23].

С точки зрения правового статуса судебно-экономические экспертизы подразделяются на судебные и внесудебные.

Судебная экспертиза проводится в строгом соответствии с предписаниями процессуального кодекса на основании судебного определения или постановления следователя.

Ее заключение обладает статусом самостоятельного доказательства и подлежит оценке судом наряду с другими материалами дела.

Внесудебное экспертное исследование осуществляется на договорной основе до возбуждения дела или вне рамок судебного процесса.

Несмотря на то, что его заключение не является судебным доказательством в чистом виде, оно

может быть приобщено к материалам дела в качестве письменного документа и использоваться для обоснования позиции стороны, особенно в совокупности с показаниями специалиста, давшего заключение [5, с. 91].

В последние годы наблюдается тенденция к расширению сферы применения внесудебных экспертных исследований, что требует более четкого законодательного регулирования их статуса [12, с. 67].

Особое место в системе судебно-экспертной деятельности занимает комплексная экспертиза, которая представляет собой исследование, основанное на интеграции знаний из различных родов и видов судебной экспертизы.

Комплексная судебно-экономическая экспертиза характеризуется необходимостью решения вопросов, находящихся на стыке экономики и других областей знания, что обуславливает ее повышенную сложность и значимость.

Сущность комплексной экспертизы проявляется в единстве объекта исследования, изучаемого специалистами разных профилей с применением специфических для каждой из наук методик.

Типичными примерами служат исследования, сочетающие судебно-экономическую и строительно-техническую экспертизу для установления как стоимости строительных работ, так и их фактического объема и качества.

Не менее востребованной является комплексная экспертиза, объединяющая экономический анализ с компьютерно-техническим для расследования преступлений в сфере цифровых финансовых активов, где необходимо отследить не только движение денежных средств, но и цифровые следы [6, с. 134].

Организационно-правовой особенностью комплексной экспертизы является составление единого заключения, в котором синтезируются выводы всех участвующих экспертов.

Каждый эксперт подписывает ту часть заключения, которая содержит исследование, проведенное лично им, и несет за нее ответственность.

Формирование общего вывода по поставленным перед комиссией вопросам осуществляется путем согласованной оценки результатов, полученных каждым из участников.

Основной проблемой при назначении подобных исследований является сложность формулировки единого задания, адекватно отражающего междисциплинарный характер вопросов, что требует тесного взаимодействия между судом и руководителем экспертной комиссии [7, с. 56].

Кроме того, на практике возникают сложности с оценкой заключения комплексной экспертизы, поскольку суду необходимо проверить обоснованность как отдельных частей, так и сводного вывода в целом [13, с. 44].

Проведенное исследование позволяет констатировать, что проблема классификации судебно-экономических экспертиз носит не только теоретический, но и сугубо практический характер.

Разработка единой, научно обоснованной системы их систематизации является важным условием повышения качества и эффективности правосудия.

Анализ критериев объема и последовательности проведения показал, что четкое нормативное закрепление оснований для назначения первичных, дополнительных и повторных экспертиз служит гарантией процессуальной экономии и соблюдения прав участников судопроизводства.

Дифференциация экспертиз по правовому статусу на судебные и внесудебные позволяет более гибко использовать специальные знания как в рамках официального процесса, так и на досудебной стадии для подготовки к судебному разбирательству.

Специфика комплексных судебно-экономических экспертиз, в свою очередь, демонстрирует тенденцию к интеграции экспертных знаний для решения сложных, многоплановых задач.

Их эффективное применение напрямую зависит от способности суда и сторон корректно формулировать цели такого исследования и от профессиональной консолидации экспертов разных специальностей.

Таким образом, дальнейшая работа по унификации классификационных подходов и их имплементации в правоприменительную практику будет способствовать укреплению доказательственной базы, минимизации судебных ошибок и достижению целей правосудия по делам, связанным с экономической деятельностью.

Литература

1. Косолапова Е.В. Судебно-экономическая экспертиза в арбитражном процессе: современные проблемы и тенденции // Арбитражные споры. – 2020. – № 4. – С. 44–52.
2. Росинская Е.Р. Современные классификации судебных экспертиз: теоретические и практические аспекты // Российский юридический журнал. – 2021. – № 2 (131). – С. 110–118.
3. Хаметов Х.Ш. Дополнительная и повторная судебная экспертиза: проблемы разграничения и назначения // Законность. – 2019. – № 8. – С. 76–80.
4. Белкин Р.С. Теория и практика повторной судебной экспертизы в гражданском судопроизводстве // Вестник гражданского процесса. – 2022. – № 1. – С. 20–29.
5. Орлов А.В. Внесудебные экспертные исследования в гражданском и арбитражном процессе: статус и доказательственное значение // Закон. – 2021. – № 7. – С. 88–96.
6. Шиканов В.В. Комплексные и комиссионные экспертизы: проблемы организации и производства // Судебная экспертиза. – 2020. – № 4. – С. 132–140.
7. Яблоков Н.П. Комплексная судебная экспертиза: теория и практика производства // Эксперт-криминалист. – 2019. – № 3. – С. 54–58.
8. Власова Н.А. Актуальные проблемы правового регулирования судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации // Юрист. – 2022. – № 5. – С. 11–16.
9. Горбачев И.В. Принцип состязательности и экспертиза в гражданском судопроизводстве // Вестник гражданского процесса. – 2021. – № 3. – С. 54–68.
10. Кудрявцева Е.П. Процессуальные основания назначения судебной экспертизы по гражданским делам // Арбитражный и гражданский процесс. – 2020. – № 7. – С. 33–37.
11. Петров К.А. Проблемы необоснованного назначения дополнительной и повторной экспертизы в арбитражном процессе // Законодательство. – 2019. – № 12. – С. 21–26.
12. Семенова Л.К. Внесудебная экспертиза: современное состояние и перспективы развития // Российская юстиция. – 2022. – № 4. – С. 65–69.
13. Федоров А.Ю. Оценка заключения комплексной судебной экспертизы в уголовном судопроизводстве // Уголовное право. – 2021. – № 2. – С. 42–48.

PROBLEMS OF SYSTEMATIZING FORENSIC ECONOMIC EXPERTISE IN MODERN JURISPRUDENCE

Radionova O.A.

Pacific National University

The relevance of this study stems from the growing role of forensic economic examinations in the evidentiary process in cases involving economic offenses and the lack of a unified classification system for this type of forensic examination.

The aim of this work is to comprehensively analyze and structure the classification principles of forensic economic examinations, which have key procedural and practical significance.

The article consistently examines systematization criteria such as the scope and sequence of examinations, legal status, and the specifics of complex studies.

The methodological basis consists of general scientific methods (analysis, synthesis, systems approach) and specific scientific methods (formal-logical and comparative-legal).

The scientific novelty lies in the integrated approach to the classification problem, which overcomes terminological ambiguity and optimizes the practice of their assignment and performance.

As a result of the study, the author substantiates the need to differentiate examinations into primary, additional, and repeat, and reveals the legal consequences of their distinction.

The procedural and non-procedural frameworks for judicial and extra-judicial investigations are defined.

Particular attention is paid to the legally significant aspects of complex forensic economic examinations, which require the consolidation of knowledge from various fields of science.

It is concluded that the unification of classification approaches is a prerequisite for improving the efficiency of legal proceedings and ensuring the validity and reliability of expert opinions.

Keywords: forensic economic examination, classification, additional examination, re-examination, complex examination, extra-judicial investigation, evidence.

References

1. Kosolapova E.V. Forensic Economic Expertise in Arbitration Proceedings: Current Issues and Trends // Arbitration Disputes. – 2020. – No. 4. – Pp. 44–52.
2. Rosinskaya E.R. Modern Classifications of Forensic Examinations: Theoretical and Practical Aspects // Russian Law Journal. – 2021. – No. 2 (131). – Pp. 110–118.

3. Khametov H. Sh. Additional and Repeat Forensic Examination: Issues of Delimitation and Purpose // *Legality*. – 2019. – No. 8. – Pp. 76–80.
4. Belkin R.S. Theory and Practice of Repeat Forensic Examination in Civil Proceedings // *Bulletin of Civil Procedure*. – 2022. – No. 1. – Pp. 20–29.
5. Orlov A.V. Extrajudicial Expert Research in Civil and Arbitration Proceedings: Status and Evidentiary Value // *Zakon*. – 2021. – No. 7. – Pp. 88–96.
6. Shikanov V.V. Comprehensive and Commission Expertise: Problems of Organization and Production // *Forensic Expertise*. – 2020. – No. 4. – Pp. 132–140.
7. Yablokov N.P. Comprehensive Forensic Examination: Theory and Practice of Production // *Forensic Expert*. – 2019. – No. 3. – Pp. 54–58.
8. Vlasova N.A. Actual Problems of Legal Regulation of Forensic Activity in the Russian Federation // *Jurist*. – 2022. – No. 5. – Pp. 11–16.
9. Gorbachev I.V. The Adversarial Principle and Expertise in Civil Proceedings // *Bulletin of Civil Procedure*. – 2021. – No. 3. – Pp. 54–68.
10. Kudryavtseva E.P. Procedural Grounds for Appointing a Forensic Examination in Civil Cases // *Arbitration and Civil Procedure*. – 2020. – No. 7. – Pp. 33–37.
11. Petrov K.A. Problems of Unreasonable Appointment of Additional and Repeated Expertise in Arbitration Proceedings // *Legislation*. – 2019. – No. 12. – Pp. 21–26.
12. Semenova L.K. Extra-judicial Expertise: Current State and Development Prospects // *Russian Justice*. – 2022. – No. 4. – Pp. 65–69.
13. Fedorov A. Yu. Evaluation of the conclusion of a comprehensive forensic examination in criminal proceedings // *Criminal Law*. – 2021. – No. 2. – P. 42–48.

Преступность несовершеннолетних: взаимосвязь между насильственными преступлениями, совершаемыми на почве национальной ненависти, и киберпреступлениями

Слободенюк Марина Александровна,

преподаватель кафедры публичного и уголовного права,
Сургутский государственный университет
E-mail: 150592@mail.ru

Статья посвящена исследованию связи между насильственными преступлениями несовершеннолетних, совершаемых по мотиву национальной ненависти, и киберпреступлениями несовершеннолетних. Основная задача – выявить обстоятельства, стимулирующие появление агрессивного поведения подростков в современном цифровом обществе. Методом исследования служат анализ ранее опубликованных трудов ученых, статистическая обработка данных и рассмотрение официальных отчетов правоохранительных ведомств. При проведении исследования применяются методики изучения документации, наблюдений и обработки фактических сведений. Привлекаются судебные дела, заключения экспертов и аналитические обзоры, затрагивающие темы киберпреступности и экстремальных настроений среди несовершеннолетних. Выявлены ключевые факторы, такие как социальная изоляция, семейные конфликты, школьная неуспеваемость и доступность вредоносной информации в интернете, оказывающие значительное влияние на совершение насильственных преступлений и кибератаки. Показано, что в современной цифровой среде негативное поведение усиливается благодаря легкому доступу к социальным сетям и интернет-ресурсам, провоцирующим эскалацию агрессии. Полученные выводы полезны для разработки профилактических мероприятий и повышения эффективности законодательных норм, регулирующих безопасность в Интернете. Результаты могут использоваться правоохранительными органами, образовательными учреждениями и родителями для минимизации рисков преступности среди подростков. Предложен интегрированный подход к изучению влияния цифровой среды на формирование асоциального поведения несовершеннолетних, подчеркивается необходимость комплексного подхода к решению проблемы, сочетающего правовые меры, просветительскую работу и социально-психологическую помощь.

Ключевые слова: насильственные преступления на почве национальной ненависти, киберпреступления, несовершеннолетние.

Насильственные преступления по мотиву ненависти и киберпреступления несовершеннолетних представляют собой серьезные проблемы, требующие внимания общества и правоохранительных органов. Оба типа преступлений могут быть взаимосвязаны, так как они часто возникают в контексте социальной дезадаптации личности. Поэтому необходим криминологический анализ взаимосвязей между насильственными преступлениями, совершенными по мотиву ненависти, и киберпреступлениями несовершеннолетних, который позволит более точно определить криминогенные факторы и предложить направления совершенствования мер предупреждения данных преступлений.

Согласно точке зрения Корнаковой С.В. и Корягиной С.А., разрешение проблем и конфликтов у несовершеннолетних часто связано с применением насилия, способствующего формированию у них антисоциальных установок и поведенческих паттернов, связанных с агрессией [8]. По данным Ефремова А.Б., более 80% несовершеннолетних, находящихся в воспитательных колониях за насильственные преступления, и до момента привлечения к уголовной ответственности они имели значительный опыт применения насилия по отношению к окружающим [5]. Не всякое насилие, является общественно опасным, например, насилие и агрессия в спорте или искусстве. В связи с этим, вопрос о допустимой степени агрессивности остается открытым в научном сообществе, что вызывает определённые трудности уголовно-правового регулирования.

Агрессивные действия совершаются не из-за отдельной черты личности, а исходят от целостной личности индивида, формирующейся под влиянием социальной среды [8]. Несомненно, особую роль на преступления несовершеннолетних оказывает влияние среды, но возникает вопрос о том, какие особенности характеризуют современную среду жизнедеятельности несовершеннолетних и молодежи. В условиях цифровой трансформации современного общества, качественно меняется и среда его функционирования. Всемирная информационно-телекоммуникационная сеть стала глобальной средой «обитания» современного человека [7]. Данную позицию поддерживает и законодатель в Концепции информационной безопасности детей, утверждённой Распоряжением Правительства РФ от 28 апреля 2023 года № 1105-р, где отмечается, что на фоне незрелости эмоционально-волевой сферы и низкого

уровня критического восприятия информации, дети и подростки являются группами риска для интернет-манипуляций, что может привести к вовлечению в их в преступную деятельность посредством оказания влияния через информационно-телекоммуникационные сети. Деструктивное информационное воздействие способствует формированию у них искаженного восприятия традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Последствиями этого могут стать проявления девиантного поведения и повышенной агрессии по отношению к окружающим. Подростки, растущие в агрессивной или предвзятой среде, могут быть более склонны к совершению насильственных преступлений по мотиву ненависти [13].

Значительное влияние на ускоренное погружение несовершеннолетних в информационную среду оказал COVID-19, вынудивший несовершеннолетних перейти на дистанционные формы обучения и, как следствие, все большее погружение в информационную среду обитания. Если ранее, исследователи (Ю.М. Антонян, М.В. Гончарова, В.А. Лелеков, Е.В. Кошелева, Е.В. Кунц, Р.Р. Хасанова, Е.А. Середкина и др.) обращали внимание на ближнее окружение и социальную среду в реальном мире, то теперь это окружение уже не играет ключевую роль в формировании личности и правосознание современного человека [1, 9, 10]. Большую значимость приобретает круг общения, который образуется в социальных сетях несовершеннолетнего. Легкий доступ к интернету и социальным сетям способствует распространению ненависти и радикализации молодых людей, что в свою очередь приводит к росту киберпреступлений среди несовершеннолетних. По данным Бабинцева А., представителя Министерства внутренних дел Российской Федерации, за последние 4 года количество киберпреступлений несовершеннолетних выросло в 74 раза [2]. В марте 2024 года в Беларуси завершился судебный процесс над несовершеннолетним программистом, обвиняемым в участии в масштабной хакерской операции. Группа лиц (примерно 700 человек) использовала фишинговые сайты для кражи денег с банковских карт через популярные онлайн-площадки. Суд приговорил юношу-разработчика программы для этой схемы к 5 годам лишения свободы в колонии общего режима.

Анализ исследований компании BI.ZONE, Национального агентства по борьбе с преступностью в Великобритании, Мичиганского университета свидетельствуют о том, что 40% киберпреступлений совершают подростки от 14 до 16 лет. Авторы исследования выделяют признаки, которые могут свидетельствовать о склонности ребенка к совершению киберпреступлений, к ним относят неограниченный доступ к мобильным устройствам с раннего детства, скачивание пиратской продукции (музыка, фильмы), низкий самоконтроль [6]. Несовершеннолетние, испытывающие агрессию или ненависть, могут использовать киберпространство как платформу для выражения своих чувств, что может

привести к кибербуллингу или экстремизму. Низкая самооценка и проблемы с идентичностью также могут способствовать тому, что подростки ищут признание через насилие или киберпреступления.

В цифровой среде наблюдается широкое распространение деструктивных молодежных субкультур, включая движения, связанные с вооруженными нападениями на образовательные учреждения, популяризацией деятельности криминальных сообществ, а также продвижением преступных и антиобщественных действий, включая агрессивные, насильственные и экстремистские проявления [13].

Отчет Центра профилактики религиозного и этнического экстремизма в образовательных организациях Российской Федерации (далее – Центр профилактики) за 2023 год отражает тенденции роста экстремизма среди несовершеннолетних учащихся общеобразовательных организаций Российской Федерации. Отмечается рост анонимных угроз минирования, правонарушения, связанные с проведением специальной военной операции, участие подростков в запрещенных экстремистских и террористических организациях, а также публикация и демонстрация запрещенного контента. Основные выводы указывают на увеличение анонимных угроз и рост числа случаев вовлечения несовершеннолетних в экстремистские группы, что требует усиления мер безопасности в образовательных учреждениях, проведения профилактической работы с молодежью, сотрудничества с правоохранительными органами и мониторинга социальных сетей для предотвращения распространения экстремистского контента. В течение 2023 года установлены случаи участия подростков в запрещенных экстремистских и террористических организациях, в том числе участие в молодежном движении «Колумбайн»; случаи нападения на трудовых мигрантов; размещение видеозаписей избиений в социальных сетях [16].

Социальное портретирование потенциальных участников характеризуется увлечением компьютерными играми агрессивного характера (44%), увлечением оружием (56%), отсутствием друзей, замкнутостью, школьной неуспеваемостью, неполной или неблагополучной семьей, склонностью к суициду [3]. Всего за 2023 год Центром профилактики было зафиксировано 245 случаев правонарушений и преступлений подростков и молодежи, связанных с экстремистской деятельностью (из них 143 совершены лицами в возрасте от 14 до 17 лет). Группировка нарушений включает 43 случая анонимных угроз минирования, 54 случая инцидентов, связанных с проведением специальной военной операции, 63 случая участия подростков в экстремистских организациях, 41 случай публикации запрещенного контента, 24 случая преступлений на этнической или религиозной почве и 20 других случаев. Региональное распределение случаев включает 23 случая в Московской области, 17 случаев в Санкт-Петербурге, 14 случаев в Краснодарском крае, 12 случаев в Республике Татарстан, 10

случаев в Республике Башкортостан и 169 случаев в других регионах России.

Все эти преступления объединяет использование интернета и информационно-телекоммуникационных технологий для осуществления различных форм экстремистской деятельности. В частности, для публикации запрещенного контента, включая нацистскую символику и призывы к экстремизму, а также пропаганду экстремистских идеологий, связанных с террористическими организациями. Кроме того, отмечается создание и распространение экстремистских материалов (видеозаписей и изображений), а также обмен информацией между экстремистами через социальные сети и мессенджеры, использование этих платформ для планирования и координации экстремистских действий. Таким образом, информационно-телекоммуникационные сети выступают в качестве способа радикализации молодежи и распространения экстремизма.

Кроме того, важно отметить, что случаи насильственных преступлений несовершеннолетних по мотиву национальной ненависти вызывают высокий общественный резонанс. Размещение информации в Интернете о подробностях жестоких нападениях, способно вызвать бурную общественную реакцию, и способствует разжиганию национальной ненависти и вражды. Особую роль здесь играют средства массовой информации, которые освещают данные преступления в новостях. По мотивам таких событий даже сняты художественные фильмы, например, фильм «Фея» с К.Ю. Хабенским в главной роли. Фильм демонстрирует распределение ролей и механизмы взаимодействия преступников при совершении групповых насильственных преступлений, совершаемых по мотиву национальной ненависти, а также последующее распространение видеозаписей таких действий и их последствия [14]. Остается дискуссионным вопрос о том, какой эффект оказывает просмотр таких художественных фильмов.

Стремительное увеличение преступлений, совершаемых практически безнаказанно с использованием новых цифровых технологий, ставит перед государством задачу обеспечения безопасности в киберпространстве, особенно в контексте защиты детей и молодежи. Постоянно растущие возможности социальных сетей, в сочетании с популярным трендом публичного самовыражения, способствуют тому, что несовершеннолетние все чаще размещают в открытом доступе в сети Интернет личную информацию. Хотя, Интернет предоставляет обширные возможности для получения информации и общения с людьми по всему миру, он также способен искажать факты, вводить в заблуждение и провоцировать ненависть и нестабильность. Кроме того, платформы социальных сетей применяют алгоритмы, создающие «эхо-камеры», это приводит к тому, что пользователям предоставляется лишь один тип контента, а не широкий спектр мнений и точек зрения [4].

Несмотря на существующее правовое регулирование, позволяющее оперативно реагировать на распространение в сети Интернет информации, запрещенной в Российской Федерации, а также на наличие разнообразных инструментов, направленных на защиту детей от информации, наносящей вред их здоровью и развитию, обеспечение информационной безопасности детей возможно лишь при условии взаимодействия с родительским сообществом. Это может быть достигнуто через проведение информационных кампаний, постоянное информирование о возможностях услуги «Родительский контроль», а также привлечение общественных и отраслевых организаций для мониторинга сети Интернет на предмет наличия деструктивной информации [13].

С другой стороны, необходимы более строгие законы и меры борьбы с насильственными преступлениями по мотиву ненависти и киберпреступлениями. Среди результатов, ожидаемых от реализации Концепции информационной безопасности детей обозначено сокращение числа детей, пострадавших от жестокого обращения и травли, в том числе в сети Интернет. Считаем обоснованным криминализацию травли, направленной на причинение психических и физических страданий. Согласно Ормероду Д., современное действующее уголовное законодательство многих стран Мира не способно защитить людей, пострадавших в Интернете от оскорбительных сообщений, организованной и координированной массовой травли в социальных сетях [12]. В России уголовная ответственность за травлю в сети Интернет предусмотрена, только в частности в ст. 110.1 Уголовного кодекса Российской Федерации за склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства. А самое суровое наказание в соответствии со ст. 110 УК РФ установлено за доведение лица до самоубийства или до покушения на самоубийство путем угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства потерпевшего. Такое деяние, если совершено в отношении несовершеннолетнего, или в информационно-телекоммуникационных сетях, включая сеть «Интернет», наказывается лишением свободы на срок от 8 до 15 лет. Уголовная ответственность за данное деяние наступает только с 16 лет [11].

Кроме традиционных принципов обеспечения кибербезопасности, актуальная Концепция информационной безопасности детей декларирует необходимость формирования у подрастающего поколения навыков самостоятельного и критического мышления, а также поддержку их творческой деятельности, создание условий для формирования благоприятной атмосферы в информационном пространстве для детей, независимо от их социального положения, религиозной и этнической принадлежности, обеспечение широкого доступа к историческому и культурному наследию России посредством использования современных средств массовых коммуникаций. Концепцией ин-

формационной безопасности детей предлагают новые группы субъектов профилактики правонарушений и преступлений несовершеннолетних в информационной среде, а именно производители и распространители контента, психолого-педагогические экспертные сообщества и организации в области художественного образования и культуры. Механизм реализации государственной политики в области информационной безопасности детей предполагает сотрудничество медиаиндустрии и государства по данному вопросу. А именно, государственным органам предлагается проводить анализ психологических, педагогических и художественно-культурных характеристик информационной продукции в целях обеспечения личностного, морально-нравственного и культурного развития детей. Важным элементом этого процесса должно быть привлечение экспертных сообществ, организаций саморегулирования и общественных организаций [13].

Таким образом, с каждым годом всё более актуальной становится необходимость нормативно-правового регулирования новых общественно опасных деяний, возникающих в условиях цифровизации. Уголовное законодательство должно быть адаптировано под новые реалии в целях обеспечения эффективной защиты личности и общества от новых киберугроз, что включает установление дифференцированных мер ответственности за деяния в цифровой среде, обладающие повышенной общественной опасностью. Необходимо также развивать программы, направленные на обучение детей безопасному поведению в Интернете и формирование критического мышления, для профилактики кибербуллинга и других форм онлайн-агрессии. Для этого необходимо тесное сотрудничество между государственными структурами, представителями медиаиндустрии и образовательными учреждениями. Такое взаимодействие должно быть направлено на формирование безопасной и благоприятной среды для детей в информационном пространстве, а также на поддержку их творческого развития. Только комплексный подход к предупреждению преступлений, связанных с насилием и экстремизмом в цифровой среде, может обеспечить безопасность и благополучие подрастающего поколения в современных условиях.

Литература

1. Антонян, Ю.М. Состояние и причины преступности несовершеннолетних в России / Ю.М. Антонян, М.В. Гончарова // Московский юридический журнал. – 2018. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sostoyanie-i-prichiny-prestupnosti-nesovershennoletnih-v-rossii> (дата обращения: 24.09.2025).
2. Бабинцев, А. МВД: Число совершённых детьми киберпреступлений выросло в 74 раза за четыре года / А. Бабинцев // Комсомольская правда. 23 апреля 2024. – URL: <https://www.kp.ru/online/news/5779368/> (дата обращения: 21.09.2025).
3. Галиев, Л.М. Поведенческие маркеры как определяющий фактор социального портретирования для выявления и профилактики деструктивного поведения подростков / Л.М. Галиев, К.Р. Кирушин, Д.И. Сафин, Л.Р. Шакирова // Вестник педагогических инноваций. – 2023. – № 4 (72). – С. 124–134. – URL: <https://doi.org/10.15293/18129463.2304.11> (дата обращения: 21.09.2025).
4. Голованова, Н.А. Новые формы онлайн-преступности за рубежом / Н.А. Голованова // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2019. – № 3. – С. 42–57. – URL: [10.12737/jflcl.2019.3.4](https://jflcl.2019.3.4) (дата обращения: 23.09.2025).
5. Ефремов, А.Б. Сущность и типология антиобщественного образа жизни несовершеннолетних, совершающих насильственные преступления / А.Б. Ефремов // Человек: преступление и наказание. – 2007. – № 1. – С. 131–133.
6. Игнатова, Е. Как распознать в ребенке начинающего хакера / Е. Игнатова. – URL: <https://itspeaker.ru/news/mamkin-khaker-kak-raspoznat-v-rebenke-nachinayushchego-kiberprestupnika> (дата обращения: 25.09.2025).
7. Кириллова, Н.Б. Медиаполитика государства в условиях социокультурной модернизации: учебное пособие / Н.Б. Кириллова. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. – 110 с.
8. Корнакова, С.В. Современные тенденции насильственных преступлений, совершаемых несовершеннолетними / С.В. Корнакова, С.А. Корягина // Всероссийский криминологический журнал. – 2016. – № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-tendentsii-nasilstvennyh-prestupleniy-sovershaemyh-nesovershennoletnimi> (дата обращения: 20.09.2025).
9. Кунц, Е.В. Роль недостатков школьного обучения и воспитания как фактора, способствующего правонарушениям в среде несовершеннолетних / Е.В. Кунц // X педагогические чтения, посвященные памяти профессора С.И. Злобина: сборник материалов, Пермь, 02–04 октября 2024 года. Пермь: Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2024. – С. 54–57.
10. Лелеков, В.А. Влияние семьи на преступность несовершеннолетних / В.А. Лелеков, Е.В. Кошелева // Социологические исследования. – 2006. – № 1. – С. 103–113.
11. Ответственность за «кибербуллинг» // Официальный сайт Прокуратуры республики Коми. – URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/web/proc_11/activity/legal-education/explain?item=85110116 (дата обращения: 21.09.2025).
12. Ответственность за травлю в Интернете (кибербуллинг) // Официальный сайт Завьяловского района Алтайского края. – URL: <https://zavyalovoaltai.ru/prokuratura-informiruet-1/prokuratura-informiruet/otvetstvennost-za-travlyu-v-internete-kiberbulling> (дата обращения: 21.08.2025).

13. Распоряжение Правительства РФ от 28.04.2023 № 1105-р «Об утверждении Концепции информационной безопасности детей в Российской Федерации и признании утратившим силу Распоряжения Правительства РФ от 02.12.2015 N 2471-р» – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202305050026> (дата обращения: 26.09.2025).
14. Рублев, А. 2.0: Хабенский ищет себя и Бога в «Фее» Анны Меликян: рецензия на фильм «Фея» с К.Ю. Хабенским / А. Рублев. – URL: https://www.gazeta.ru/culture/2020/05/03/a_13071307.shtml (дата обращения: 22.09.2025).
15. Хасанова, Р.Р. Влияние семьи на преступность несовершеннолетних: анализ экспертных интервью / Р.Р. Хасанова, Е.А. Середкина // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. – 2019. – № 4 (204). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-semi-na-prestupnost-nesovershennoletnih-analiz-ekspertnyh-intervyu> (дата обращения: 20.08.2025).
16. Экстремистские проявления в образовательных организациях Российской Федерации // Официальный сайт Центра профилактики РФ. – URL: <https://xn-80ajjbakbeqkklbzi1a0a.xn-p1ai/expert-materials/monitoring/> (дата обращения: 21.08.2025).

JUVENILE DELINQUENCY: THE RELATIONSHIP BETWEEN VIOLENT HATE CRIMES AND CYBERCRIMES

Slobodenyuk M.

Surgut State University

The article is devoted to the study of the relationship between violent acts of minors caused by national hatred and cybercrimes. The main task is to identify the circumstances that stimulate the emergence of aggressive behavior of adolescents in a modern digital society. The research method is the analysis of previously published works of scientists, statistical data processing and review of official reports of law enforcement agencies. When conducting research, methods of studying documentation, observations and processing factual information are used. Court cases, expert opinions, and analytical reviews dealing with cybercrime and extreme attitudes among minors are involved. Key factors such as social isolation, family conflicts, school failure and the availability of malicious information on the Internet have been identified, which have a significant impact on the commission of violent crimes and cyberattacks. It is shown that in the modern digital environment, negative behavior increases due to easy access to social networks and Internet resources, which provoke an escalation of aggression. The findings are useful for developing preventive measures and improving the effectiveness of legislation regulating Internet security. The results can be used by law enforcement agencies, educational institutions, and parents to minimize the risks of juvenile delinquency. An integrated approach to studying the influence of the digital environment on the formation of antisocial behavior of minors is proposed, and the need for an integrated approach to solving the problem is emphasized, combining legal measures, educational work and socio-psychological assistance.

Keywords: violent crimes motivated by national hatred, cybercrimes, minors.

References

1. Antonyan, Yu. M. "The State and Causes of Juvenile Delinquency in Russia" / Yu.M. Antonyan, M.V. Goncharova // Moscow

- Law Journal. – 2018. – No. 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sostoyanie-i-prichiny-prestupnosti-nesovershennoletnih-v-rossii> (accessed: 24.09.2025).
2. Babintsev, A. "MVD: The Number of Cybercrimes Committed by Children Has Increased 74-Fold in Four Years" / A. Babintsev // Komsomolskaya Pravda. April 23, 2024. – URL: <https://www.kp.ru/online/news/5779368/> (accessed: 21.09.2025).
3. Galiev, L.M. Behavioral markers as a determining factor in social profiling for the identification and prevention of destructive behavior in adolescents / L.M. Galiev, K.R. Kirushin, D.I. Safin, L.R. Shakirova // Bulletin of pedagogical innovations. – 2023. – No. 4 (72). – Pp. 124–134. – URL: <https://doi.org/10.15293/18129463.2304.11> (date of access: 09/21/2025).
4. Golovanova, N.A. New forms of online crime abroad / N.A. Golovanova // Journal of Foreign Legislation and Comparative Law. – 2019. – No. 3. – Pp. 42–57. – URL: [10.12737/jfl-cl.2019.3.4](https://doi.org/10.12737/jfl-cl.2019.3.4) (date accessed: 23.09.2025).
5. Efremov, A.B. The nature and typology of the antisocial lifestyle of minors who commit violent crimes / A.B. Efremov // Man: crime and punishment. – 2007. – No. 1. – Pp. 131–133.
6. Ignatova, E. How to recognize a budding hacker in a child / E. Ignatova. – URL: <https://itspeaker.ru/news/mamkin-khaker-kak-raspoznat-v-rebenke-nachinayushchego-kiberprestupnika> (date accessed: 25.09.2025).
7. Kirillova, N.B. Media policy of the state in the context of socio-cultural modernization: a textbook / N.B. Kirillova. – Ekaterinburg: Publishing house of the Ural. University, 2015. – 110 p.
8. Kornakova, S.V. Modern trends in violent crimes committed by minors / S.V. Kornakova, S.A. Koryagina // All-Russian Criminological Journal. – 2016. – No. 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-tendentsii-nasilstvennyh-prestupleniy-sovershaemyh-nesovershennoletnimi> (date of access: 09.20.2025).
9. Kunz, E.V. The Role of Deficiencies in School Education and Upbringing as a Factor Contributing to Juvenile Delinquency / E.V. Kunz // X Pedagogical Readings Dedicated to the Memory of Professor S.I. Zlobin: Collection of Materials, Perm, October 2–4, 2024. Perm: Perm Institute of the Federal Penitentiary Service, 2024. – Pp. 54–57.
10. Lelekov, V.A. The Influence of the Family on Juvenile Delinquency / V.A. Lelekov, E.V. Kosheleva // Sociological Research. – 2006. – No. 1. – Pp. 103–113.
11. Responsibility for "Cyberbullying" // Official Website of the Prosecutor's Office of the Komi Republic. – URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/web/proc_11/activity/legal-education/explain?item=85110116 (date accessed: 09/21/2025).
12. Responsibility for online bullying (cyberbullying) // Official website of the Zavyalovsky District of the Altai Territory. – URL: <https://zavyalovoaltai.ru/prokuratura-informiruet-1/prokuratura-informiruet/otvetstvennost-za-travlyu-v-internete-kiberbullying> (date accessed: 08/21/2025).
13. Order of the Government of the Russian Federation of April 28, 2023 No. 1105-r "On Approval of the Concept of Information Security of Children in the Russian Federation and Revocation of Order of the Government of the Russian Federation of December 2, 2015 No. 2471-r" – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202305050026> (accessed: September 26, 2025).
14. Rublev, A. 2.0: Khabensky is Looking for Himself and God in Anna Melikyan's "Fairy": review of the film "Fairy" with K. Yu. Khabensky / A. Rublev. – URL: https://www.gazeta.ru/culture/2020/05/03/a_13071307.shtml (accessed: September 22, 2025).
15. Khasanova, R.R. The Influence of Family on Juvenile Delinquency: An Analysis of Expert Interviews / R.R. Khasanova, E.A. Seredkina // News of Universities. North Caucasus Region. Series: Social Sciences. – 2019. – No. 4 (204). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-semi-na-prestupnost-nesovershennoletnih-analiz-ekspertnyh-intervyu> (date of access: 20.08.2025).
16. Extremist Manifestations in Educational Organizations of the Russian Federation // Official Website of the Russian Federation Prevention Center. – URL: <https://xn-80ajjbakbeqkklbzi1a0a.xn-p1ai/expert-materials/monitoring/> (date of access: 21.08.2025).

Процессуальные особенности легализации результатов оперативно-розыскной деятельности при расследовании преступлений диверсионной направленности

Черявко Евгений Джонович,

магистрант Санкт-Петербургского государственного университета
E-mail: ont@myrambler.ru

Майборода Эльвира Тагировна,

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры теории и истории права и государства Северо-Западного института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
E-mail: ellamaiboroda@mail.ru

В статье рассматриваются процессуальные особенности легализации результатов оперативно-розыскной деятельности при расследовании преступлений диверсионной направленности. Актуальность исследования обусловлена противоречием между императивными требованиями УПК РФ и необходимостью гибкого подхода к формированию доказательственной базы по данной категории дел. Автор на основе анализа нормативно-правовых актов и общих тенденций судебной практики разработана концепция «контролируемой дифференциации» процессуальной формы, предложена классификация способов легализации результатов ОРД и сформулированы рекомендации по совершенствованию законодательства. Результаты исследования могут быть использованы в нормотворческой деятельности и в практической работе органов предварительного расследования при формировании доказательственной базы по делам о диверсионных преступлениях.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, преступления диверсионной направленности, процессуальная форма, доказывание, допустимость доказательств.

В современных реалиях наблюдается необходимость совершенствования процессуальных механизмов выявления, пресечения и расследования преступлений диверсионной направленности. Особую значимость приобретает проблема процессуальной трансформации результатов оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД) в доказательства, допустимые для использования в уголовном судопроизводстве.

Актуальность темы исследования обусловлена современными вызовами и угрозами национальной безопасности России, требующими эффективного противодействия диверсионной деятельности при строгом соблюдении конституционных прав граждан и процессуальных гарантий законности. Эта двудеятельная задача может быть решена только путём тщательного анализа процессуальных особенностей легализации результатов ОРД и разработки научно обоснованных рекомендаций по совершенствованию данного механизма.

Специфика преступлений диверсионной направленности, квалифицируемых по ст. 281 Уголовного кодекса Российской Федерации [1], характеризуется повышенной степенью общественной опасности, применением средств конспирации, а также масштабностью потенциального ущерба объектам критической инфраструктуры, что обуславливает потребность в обеспечении особых процессуальных механизмов при их расследовании. В уголовно-процессуальной доктрине присутствует противоречие между универсальностью процессуальной формы как гарантии законности и справедливости производства по всем категориям дел и необходимостью её адаптации к специфике отдельных категорий преступлений. В случае с диверсионными преступлениями это противоречие проявляется особенно остро: с одной стороны, императивные требования Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) к порядку формирования доказательственной базы, с другой – объективная потребность в более гибком инструментарии легализации результатов ОРД с учетом высокого уровня скрытности и опасности диверсионных актов.

В связи с этим необходимо научное осмысление оптимального соотношения единства и дифференциации процессуальной формы применительно к данной категории преступлений. Закономерно возникает вопрос о поиске баланса между универсальностью процессуальных гарантий и спецификой расследования диверсионных преступлений.

Целью настоящего исследования является комплексный анализ процессуальных особенностей легализации результатов ОРД при расследовании преступлений диверсионной направленности в контексте проблемы единства и дифференциации процессуальной формы.

Методологическая основа исследования представлена диалектическим, системно-структурным и формально-юридическим методами. Применение диалектического метода позволило выявить и разрешить противоречие между единством и дифференциацией процессуальной формы, системно-структурный метод использовался при конструировании алгоритма трансформации результатов ОРД в доказательства, а формально-юридический – при анализе законодательных норм.

Теоретическую базу составили работы ведущих отечественных ученых в области оперативно-розыскной деятельности, в частности С.И. Захарцева [2], Е.А. Доли [3], М.П. Полякова [4], С.А. Шейфера [5] и других.

Необходимо отметить особенности эмпирической базы исследования. Учитывая, что преступления диверсионной направленности относятся к подследственности органов федеральной службы безопасности, а материалы таких дел, как правило, составляют государственную тайну, прямой доступ к примерам правоприменительной практики ограничен (Согласно ст. 151 УПК РФ [6], предварительное следствие по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных статьями 281 (Диверсия), 283, 283.1, 284, 284.1 УК РФ, производится следователями органов федеральной службы безопасности). В связи с этим автор опирается на общие тенденции судебной практики по вопросу оценки допустимости результатов ОРД, которые в равной степени применимы ко всем категориям дел, включая преступления диверсионной направленности.

Процессуальная дифференциация легализации результатов ОРД как объективная необходимость в современных условиях обусловлена тем, что преступления диверсионной направленности представляют особую категорию уголовно наказуемых деяний, отличающихся высокой степенью конспиративности и деструктивным потенциалом. В силу этого традиционный уголовно-процессуальный инструментарий оказывается недостаточно эффективным для их выявления и документирования. Логичным ответом на этот вызов является активное использование оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ), результаты которых впоследствии должны приобрести статус доказательств.

Однако трансформация результатов ОРД в полноценные доказательства сталкивается с рядом процессуальных барьеров. Анализ ст. 89 УПК РФ [6] во взаимосвязи со ст. 11 Федерального закона «Об ОРД» [7] выявляет правовую неопределенность в вопросе о статусе результатов ОРД в уголовном процессе. С одной стороны, закон предусматривает возможность использования таких результатов в доказывании, с другой – обуславлива-

ет это соответствием требованиям УПК РФ, которые в полной мере могут быть реализованы лишь в рамках процессуальных действий.

Представляется обоснованным разрешение данной правовой коллизии посредством установления дифференцированного режима использования результатов ОРД в уголовном процессе, который учитывал бы категорию преступления, характер полученных сведений и степень их влияния на ход расследования. При этом императивным условием такой дифференциации должно оставаться неукоснительное соблюдение конституционных гарантий прав личности и основополагающих принципов уголовного судопроизводства: законности, презумпции невиновности, состязательности и обеспечения права на защиту.

Существующий механизм легализации результатов ОРД, регламентированный межведомственной Инструкцией «О порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд», не в полной мере учитывает специфику преступлений диверсионной направленности [8]. Практика показывает, что суды зачастую признают недопустимыми доказательства, полученные на основе результатов ОРД, из-за формальных нарушений порядка их получения и представления, что существенно снижает эффективность расследования всех категорий преступлений, включая диверсионные.

Концепция единства и дифференциации процессуальной формы предполагает наличие базовых, неизменных требований к производству по всем категориям уголовных дел наряду с возможностью модификации отдельных процедур в зависимости от специфики конкретной категории преступлений [9]. Применительно к легализации результатов ОРД при расследовании преступлений диверсионной направленности эта концепция приобретает особое значение.

Единство процессуальной формы проявляется в неукоснительном соблюдении конституционных гарантий прав личности и базовых принципов уголовного судопроизводства. В этом контексте любые результаты ОРД, независимо от категории преступления, должны соответствовать критериям относимости, допустимости и достоверности. Кроме того, их получение и использование не может быть основано на провокации преступления или иных незаконных методах.

Как отмечается в п. 13 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2017 № 51 «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)», «доказательства признаются недопустимыми, в частности, если были допущены существенные нарушения установленного уголовно-процессуальным законодательством порядка их собирания и закрепления, а также если собирание и закрепление доказательств осуществлено ненадлежащим лицом или органом либо в результате действий, не предусмотренных процессуальными нормами» [10]. Данное разъяс-

нение в полной мере относится и к оценке результатов ОРД, хотя прямо не упоминает их.

При оценке допустимости результатов ОРД суды руководствуются рядом критериев, среди которых:

1. Соблюдение формальных требований к проведению ОРМ (наличие необходимых разрешений, постановлений, соблюдение сроков);
2. Отсутствие признаков провокации преступления;
3. Надлежащее документирование результатов оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ);
4. Соблюдение процедуры представления результатов ОРД органам предварительного расследования;
5. Возможность проверки достоверности полученных сведений процессуальными средствами.

Значимым аспектом является также решение вопроса о допустимости результатов ОРД, связанных с ограничением конституционных прав граждан. В соответствии с правовой позицией Конституционного Суда РФ, материалы ОРД, полученные с нарушением конституционных прав граждан (например, без судебного решения в случаях, когда оно обязательно), не могут быть использованы в доказывании [11].

Данное положение представляется универсальным и не подлежащим дифференциации даже в отношении наиболее опасных категорий преступлений, включая диверсионные акты. Однако в контексте борьбы с диверсионными актами актуальным становится вопрос о возможности временного отступления от некоторых процессуальных формальностей в экстренных ситуациях с последующей легализацией полученных результатов ОРД.

Дифференциация процессуальной формы, в свою очередь, предполагает учет специфики диверсионных преступлений, которая проявляется в следующих аспектах:

1. Высокая степень конспиративности подготовки и совершения требует активного применения негласных методов ОРД;
2. Наличие государственной тайны в материалах ОРД по данной категории дел требует особого порядка их рассекречивания и представления;
3. Специфика субъектного состава диверсионных преступлений (часто это иностранные граждане или лица, действующие по заданию иностранных спецслужб) определяет особенности проведения ОРМ.

Дифференциация процессуальной формы легализации результатов ОРД при расследовании диверсионных преступлений является объективной необходимостью, вытекающей из самой природы данной категории преступлений.

Механизм временного отступления от некоторых процессуальных формальностей в требующих того ситуациях с последующей легализацией полученных результатов ОРД может быть реализован следующим образом: в экстренных ситуациях, свя-

занных с необходимостью предотвращения диверсионного акта или задержания лиц, его совершивших, представляется обоснованным установление особого порядка процессуального оформления результатов ОРД по следующей схеме:

- 1) незамедлительное проведение ОРМ с обязательной фиксацией всех обстоятельств и оснований их проведения;
- 2) оперативное уведомление прокурора в течение 24 часов с последующим получением судебного разрешения (в случаях, когда оно требуется по закону) в течение 48 часов;
- 3) составление детального рапорта с указанием экстренных обстоятельств, послуживших основанием для отступления от стандартной процедуры;
- 4) последующая судебная проверка обоснованности применения экстренного порядка.

Данный механизм соответствует принципу пропорциональности ограничения прав граждан в интересах обеспечения национальной безопасности.

Исследование процессуальных особенностей легализации результатов ОРД при расследовании преступлений диверсионной направленности позволило сформулировать ряд научных положений и практических рекомендаций.

В первую очередь, автором разработана концепция «контролируемой дифференциации» процессуальной формы легализации результатов ОРД, которая предполагает:

1. Установление исчерпывающего перечня оснований для отступления от общего порядка получения и представления результатов ОРД по делам о диверсионных преступлениях;
2. Введение механизма последующего судебного контроля за законностью таких отступлений;
3. Определение критериев оценки необходимости и соразмерности отступлений от общего порядка.

Данная концепция позволяет сбалансировать требования эффективности борьбы с диверсионными преступлениями и соблюдения гарантий прав участников уголовного процесса. Концепция может быть реализована в законодательстве путем внесения следующих изменений:

1. Дополнение главы 11 УПК РФ («Доказывание») статьей, регламентирующей особенности использования результатов ОРД по делам о преступлениях, представляющих повышенную общественную опасность (включая диверсионные).
2. Включение в эту статью исчерпывающего перечня оснований для применения упрощенного порядка легализации результатов ОРД:
 - а) наличие достоверных сведений о готовящемся диверсионном акте;
 - б) необходимость предотвращения непосредственной угрозы жизни людей или функционированию объектов критической инфраструктуры;
 - в) обоснованные данные о причастности к диверсионной деятельности иностранных спецслужб.
3. Установление в этой же статье процедуры последующего судебного контроля: судебное заседание по проверке законности отступления от обще-

го порядка должно проводиться не позднее 5 суток с момента применения упрощенного порядка.

4. Внесение дополнений в статью 89 УПК РФ, устанавливающих критерии оценки необходимости и соразмерности отступлений от общего порядка:

а) невозможность достижения целей расследования иным путем;

б) соразмерность временного ограничения прав граждан характеру и степени общественной опасности преступления;

в) минимизация объема вмешательства в конституционные права.

Кроме того, автором предложена новая классификация способов легализации результатов ОРД в зависимости от стадии диверсионной деятельности:

1. Превентивная легализация – на стадии подготовки диверсионного акта;

2. Реактивная легализация – после совершения диверсии;

3. Комплексная легализация – при расследовании серии диверсионных актов.

Каждый из этих способов имеет свою специфику с точки зрения процессуального оформления и требует дифференцированного подхода.

Предложенная классификация способов легализации может быть реализована в законодательстве следующим образом:

Дополнение ФЗ «Об ОРД» статьей «Особенности представления результатов оперативно-розыскной деятельности по делам о преступлениях диверсионной направленности», где будут закреплены три формы легализации:

1. Для превентивной легализации: установление упрощенного порядка возбуждения уголовного дела на основании результатов ОРД, полученных при проведении ОРМ на стадии подготовки диверсионного акта, с обязательным указанием в постановлении о возбуждении уголовного дела конкретных результатов ОРД, послуживших основанием для данного решения.

2. Для реактивной легализации: введение особого порядка приобщения к материалам уголовного дела результатов ОРД, полученных непосредственно после совершения диверсионного акта, с обязательным составлением протокола об их получении и последующей проверкой в режиме судебного заседания.

3. Для комплексной легализации: создание механизма формирования единого процессуального комплекса доказательств на основе результатов ОРД, полученных в ходе расследования серии диверсионных актов, с возможностью их использования в рамках нескольких уголовных дел при сохранении требований допустимости.

Практическая реализация предложенной классификации может быть проиллюстрирована следующими примерами:

1. Превентивная легализация: при получении оперативной информации о подготовке взрыва на объекте транспортной инфраструктуры прово-

дится комплекс ОРМ, включая прослушивание телефонных переговоров и наблюдение. Полученные результаты незамедлительно оформляются рапортом с указанием деталей подготовительных действий и личностей участников, что служит основанием для возбуждения уголовного дела по ч. 1 ст. 30 УК РФ и ст. 281 УК РФ (приготовление к диверсии).

2. Реактивная легализация: после совершения диверсионного акта на линии электропередач оперативным путем получены видеозаписи с камер наблюдения и образцы взрывчатых веществ. Данные материалы приобщаются к делу через процедуру осмотра места происшествия и назначения экспертизы, с обязательным указанием в процессуальных документах источника их происхождения.

3. Комплексная легализация: при расследовании серии диверсий на объектах железнодорожного транспорта результаты долговременной агентурной работы формируются в единый информационный массив, элементы которого последовательно вводятся в процесс через проведение комплекса следственных действий (допросы, опознания) с соблюдением требований конспирации в отношении источников и методов получения информации.

Как отмечает М.П. Поляков, «материалы ОРД, полученные законно, должны рассматриваться как «информационный продукт, готовый к применению в уголовном процессе» [4, с. 175]», однако для этого необходим четкий алгоритм их процессуальной трансформации.

По результатам исследования предлагается нормативное закрепление дифференцированного подхода к легализации результатов ОРД при расследовании преступлений диверсионной направленности путем разработки и принятия межведомственной инструкции «О специальном порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд по делам о преступлениях, предусмотренных статьей 281 УК РФ». Данная инструкция должна содержать следующие структурные элементы:

1) исчерпывающий перечень особых обстоятельств, при которых допускается отступление от общего порядка представления результатов ОРД;

2) алгоритм процессуальной трансформации результатов ОРД в зависимости от стадии диверсионной деятельности;

3) процедуру последующего судебного контроля за соблюдением конституционных прав граждан при получении и использовании результатов ОРД;

4) критерии оценки допустимости результатов ОРД, полученных с отступлением от общего порядка.

Предлагаемая инструкция должна быть утверждена совместным приказом ФСБ России, МВД России, Следственного комитета Российской Федерации и Генеральной прокуратуры Российской Федерации.

Данное предложение направлено на устранение существующих противоречий в законодатель-

стве и создание эффективного механизма легализации результатов ОРД при расследовании диверсионных преступлений.

Проведенное исследование подтверждает необходимость дифференцированного подхода к процессуальной форме легализации результатов ОРД при расследовании преступлений диверсионной направленности при сохранении гарантий прав участников уголовного процесса.

В работе обоснованы три направления модернизации существующего механизма:

1. нормативное закрепление концепции «контролируемой дифференциации» процессуальной формы;

2. внедрение классификации способов легализации результатов ОРД в зависимости от стадии диверсионной деятельности;

3. разработка алгоритма процессуальной трансформации результатов ОРД в допустимые доказательства.

Дальнейшее развитие данной проблематики должно осуществляться с учетом баланса между эффективностью противодействия преступлениям диверсионной направленности и незыблемостью конституционных прав личности как высшей ценности правового государства.

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 10.10.2025).
2. Захарцев С. И., Игнащенко Ю.Ю., Сальников В.П. Оперативно-розыскная деятельность в XXI в.: Монография. М., 2015. 400 с.
3. Доля Е.А. Формирование доказательств на основе результатов оперативно-розыскной деятельности: монография. М.: Проспект, 2014. 376 с.
4. Поляков М.П. Уголовно-процессуальная интерпретация результатов оперативно-розыскной деятельности: монография / под ред. В.Т. Томина. Н. Новгород: Нижегородская правовая академия, 2001. 262 с.
5. Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: монография. М.: Юр.Норма, 2022. 240 с.
6. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 12.10.2025).
7. Федеральный закон Об оперативно-розыскной деятельности от 12.08.1995 № 144-ФЗ (последняя редакция) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 13.10.2025).

8. Приказ МВД России № 776, Минобороны России № 703, ФСБ России № 509, ФСО России № 507, ФТС России № 1820, СВР России № 42, ФСИН России № 535, ФСКН России № 398, СК России № 68 от 27.09.2013 Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд (Зарегистрировано в Минюсте России 05.12.2013 № 30544) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 15.10.2025).
9. Кулакова В.Ю. Единство и дифференциация процессуальной формы // Актуальные проблемы российского права. 2024. Т. 19. № 3. С. 109–119. DOI: 10.17803/1994-1471.2024.160.3.109119.
10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2017 № 51 «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)» // Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс» (дата обращения: 15.10.2025).
11. Определение Конституционного Суда РФ от 24 декабря 2012 г. № 2321-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Иванова Александра Леонидовича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 74 и статьей 89 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Доступ из справочно-правовой системы «Гарант» (дата обращения: 16.10.2025).

PROCEDURAL FEATURES OF LEGALIZING THE RESULTS OF OPERATIONAL INVESTIGATIVE ACTIVITIES IN THE INVESTIGATION OF SABOTAGE-RELATED CRIMES

Cheryavko E.D., Mayboroda E.T.

St. Petersburg State University, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation

This article examines the procedural features of legalizing the results of operational investigative activities in the investigation of sabotage-related crimes. The relevance of the study stems from the contradiction between the mandatory requirements of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and the need for a flexible approach to forming an evidence base in this category of cases. Based on an analysis of regulatory legal acts and general trends in judicial practice, the author developed the concept of “controlled differentiation” of procedural forms, proposed a classification of methods for legalizing operational investigative activities, and formulated recommendations for improving legislation. The results of the study can be used in rulemaking and in the practical work of preliminary investigation bodies when forming an evidence base in cases of sabotage-related crimes.

Keywords: operational investigative activities, sabotage-related crimes, procedural form, proof, admissibility of evidence.

References

1. Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996, No. 63-FZ (as amended on July 31, 2025) (as amended and supplemented, effective September 1, 2025) // Official Internet Portal of Legal Information <http://pravo.gov.ru> (accessed 10.10. 2025).
2. Zakhartsev, S. I., Ignashchenkov, Yu. Yu., Salnikov, V.P. Operational Investigative Activity in the 21st Century: Monograph. Moscow, 2015. 400 p.

3. Dolya, E.A. Formation of Evidence Based on the Results of Operational Investigative Activity: Monograph. Moscow: Prospect, 2014. 376 p.
4. Polyakov M.P. Criminal Procedure Interpretation of the Results of Operational-Investigative Activities: Monograph / edited by V.T. Tomin. N. Novgorod: Nizhny Novgorod Law Academy, 2001. 262 p.
5. Sheifer S.A. Evidence and Proof in Criminal Cases: Monograph. Moscow: Yur.Norma, 2022. 240 p.
6. Criminal Procedure Code of the Russian Federation of 18.12.2001 N 174-FZ (as amended on 31.07.2025) (as amended and supplemented, entered into force on 01.09.2025) // Official Internet Portal of Legal Information <http://pravo.gov.ru> (date of access: 12.10.2025).
7. Federal Law on Operational Investigative Activities of August 12, 1995 No. 144-FZ (latest revision) // Official Internet portal of legal information <http://pravo.gov.ru> (date accessed: 13.10.2025).
8. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia No. 776, the Ministry of Defense of Russia No. 703, the FSB of Russia No. 509, the FSO of Russia No. 507, the Federal Customs Service of Russia No. 1820, the Foreign Intelligence Service of Russia No. 42, the Federal Penitentiary Service of Russia No. 535, the Federal Drug Control Service of Russia No. 398, and the Investigative Committee of Russia No. 68 dated September 27, 2013 On Approval of the Instructions on the Procedure for Submitting the Results of Operational-Investigative Activities to the Inquiry Body, Investigator, or Court (Registered with the Ministry of Justice of Russia on December 5, 2013, No. 30544) // Official Internet Portal of Legal Information <http://pravo.gov.ru> (date accessed: 15.10.2025).
9. Kulakova V. Yu. Unity and Differentiation of Procedural Form // Actual Problems of Russian Law. 2024. Vol. 19. No. 3. Pp. 109–119. DOI: 10.17803/1994-1471.2024.160.3.109119.
10. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 19.12.2017 No. 51 “On the Practice of Applying Legislation in the Consideration of Criminal Cases in the Court of First Instance (General Procedure of Legal Proceedings)” // Accessed from the reference and legal system “Consultant Plus” (date of access: 15.10.2025).
11. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation of December 24, 2012 No. 2321-O “On the refusal to accept for consideration the complaint of citizen Alexander Leonidovich Ivanov regarding the violation of his constitutional rights by part one of Article 74 and Article 89 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation” // Access from the reference and legal system “Garant” (date of access: 16.10.2025).

Правовые, этические и психологические риски применения искусственного интеллекта (ИИ) в уголовном процессе с участием несовершеннолетних

Шушеначев Алексей Викторович,
аспирант, Сибирский федеральный университет

Использование искусственного интеллекта (ИИ) в уголовном процессе с участием несовершеннолетних связано с рядом серьёзных рисков, требующих особого внимания со стороны законодателей, правоприменителей и общества. В работе рассматриваются наиболее очевидные из них, а также предлагаются пути их минимизации. Искусственный интеллект может помочь ускорить процессы и снизить нагрузку на суды, но его применение в делах несовершеннолетних требует максимальной осторожности. При этом необходимо понимать главное: технологии должны служить интересам ребёнка, а не заменять человеческое участие.

Ключевые слова: искусственный интеллект, уголовный процесс, ювенальная юстиция, несовершеннолетние, цифровизация, человеческие решения.

Как уже неоднократно констатировалось в научной литературе, внедрение средств искусственного интеллекта в различные области человеческой деятельности, будучи в целом явлением положительным, влечёт – в то же самое время – ряд проблем, многие из которых представляются достаточно очевидными уже сегодня; с проблемами иного рода человечеству ещё предстоит столкнуться.

Правоприменительная практика в данной ситуации исключением не является. В частности, использование искусственного интеллекта (ИИ) в уголовном процессе с участием несовершеннолетних связано с рядом серьёзных рисков, требующих особого внимания со стороны законодателей, правоприменителей и общества. Ряд аспектов этой проблемы рассмотрены нами в публикациях, посвящённых процессу цифровизации уголовно-правовой сферы [4–6]. В данной работе мы более детально рассмотрим риски, связанные с внедрением в уголовный процесс средств и методов ИИ.

В данном контексте необходимо упомянуть:

1. Дискриминацию и предвзятость алгоритмов

ИИ может воспроизводить и усиливать существующие социальные предрассудки (например, в отношении несовершеннолетних из маргинализированных групп). Речь идет, прежде всего, о системах оценки риска рецидива (risk assessment tools), т.е. алгоритмических системах, используемых в уголовном правосудии для прогнозирования вероятности повторного совершения преступления (рецидива) или иных рисков (например, уклонения от суда). Они анализируют данные о подозреваемом/обвиняемом и выдают рекомендации для принятия решений судьями, прокурорами или сотрудниками исправительных учреждений, часто критикуются за расовую и социальную предвзятость.

В частности, такого рода алгоритмы могут усиливать расовые и социальные предрассудки. В США, например, система оценки рецидива COMPAS чаще присваивала чернокожим подсудимым высокие «баллы риска» (higher risk scores), даже при одинаковых с белыми правонарушениях [8]. Это связано с тем, что ИИ обучается на данных, которые могут содержать дискриминационные паттерны (например, расовую или социальную предвзятость).

Подмена человеческого решения автоматизированной оценкой нарушает принцип индивидуального подхода. Такие системы не отличаются необходимой прозрачностью, представляя собой своего рода «чёрные ящики»: даже разработчики

не всегда могут объяснить, как алгоритм пришёл к тому или иному выводу. Более того, если исходные данные неточны или сформированы с тем или иным уклоном, полученный прогноз будет недостаточно объективным. Соответственно, нарушаются принципы равенства перед законом и исключения дискриминации. В частности,

А.А. Иванов утверждает:

«...с точки зрения одной из сторон существующих отношений – человека, взаимодействующего с современными технологиями – в плане непосредственного общения разница между человеком и программой является уже достаточно размытой... Нередки уже на практике случаи, когда результат функционирования не охватывается сознанием ее создателя. Данная технология может даже причинить вред тому субъекту, с которым она взаимодействует...» [1].

2. Нарушение принципа презумпции невиновности.

Презумпция невиновности требует, чтобы каждое дело рассматривалось индивидуально, а не на основе аналогий. Автоматизированные решения, тем не менее, могут трактовать данные статистически, без учёта индивидуальных обстоятельств дела. Так, ИИ-системы, анализирующие исторические данные (например, статистику преступлений, социальные характеристики), могут выдавать прогнозы о «вероятной виновности» лица. В частности, алгоритмы предсказательного характера, применяемые полицией (predictive policing) помечают людей из «групп риска» как потенциальных преступников, что ведет к предвзятости ещё до начала расследования. Происходит смещение акцента с доказывания на прогноз: объективное доказывание вины подменяется статистическими корреляциями. Соответственно, системы оценки риска рецидива (например, COMPAS) используются при избрании меры пресечения, хотя они основаны на исторических данных, а не на обстоятельствах дела: судьи и следователи, некритично полагаясь на рекомендации ИИ, воспринимают их как «объективные» выводы [8].

Право на защиту и состязательность процесса требуют, чтобы стороны могли проверить и оспорить все доказательства. Мы уже упоминали выше такую особенность использования средств искусственного интеллекта в уголовном процессе, как непрозрачность алгоритмов («эффект чёрного ящика»). В частности, многие ИИ-модели (например, нейросети) не позволяют понять, как именно они пришли к выводу. Поэтому в том случае, если ИИ классифицирует подозреваемого как «опасного», защита не может оспорить логику решения.

Как известно, вина обвиняемого должна доказываться только действиями, связанными с конкретным обвинением. Однако искусственный интеллект не ограничен в выборе данных и, соответственно, может анализировать нерелевантные данные (например, социальные связи, покупки, поведение в социальных сетях), чтобы сделать вывод о виновности. «Склонности к преступлению»,

например, может определяться на основе анализа лайков и дизлайков в социальных сетях, что представляется нам совершенно недопустимым.

Уголовный процесс требует гуманитарной оценки – судья должен учитывать контекст, мотивы, личность обвиняемого. Если ИИ самостоятельно принимает решения (например, выдаёт ордер на арест или определяет меру пресечения), это исключает человеческое оценивание обстоятельств. Если же решение принимается судом, но он, тем не менее, воспринимает выводы искусственного интеллекта как «неопровержимые», что формирует предубеждение против обвиняемого. В частности, если ИИ выдаёт заключение о «высоком риске рецидива», судья с большей вероятностью избрёт строгую меру пресечения. Так или иначе, давление на суд, производимое ИИ-моделью, приводит к смещению бремени доказывания на защиту.

3. Отсутствие должного правового регулирования.

В большинстве стран нет специальных законов, регламентирующих применение ИИ в уголовном процессе, особенно в делах с несовершеннолетними. Этот вопрос поднимался в трудах ряда исследователей, в частности Б.А. Шахназарова [3].

В чем выражается такого рода правовой вакуум?

Прежде всего, в отсутствии запрета на использование определенных типов данных. Алгоритм может использовать данные о семье (бедность, судимости родственников), поведении в соцсетях или оценках в школе для прогноза риска рецидива. Это приводит к дискриминации и наказанию за социальный статус, а не за деяние.

Во-вторых, нет четко и неоднозначно сформулированных требований к точности и релевантности данных. Базы данных могут содержать ошибки (например, ошибочные задержания). Для ребенка это может иметь катастрофические последствия, так как его цифровой след только формируется.

Кроме того, отсутствуют стандарты проверки алгоритмов на дискриминацию. Алгоритмы, обученные на данных о взрослых преступниках, не работают для подростков. Их психика, мотивы и потенциал к реабилитации совершенно иные. Слепое применение ведет к несправедливым выводам.

Как уже отмечалось выше, нет регламента прозрачности и объяснимости («право на объяснение»). Защита и суд не могут понять, как ИИ пришел к выводу о «высоком риске». Как можно оспорить решение, которое нельзя проверить? Это нарушает право на защиту и состязательность процесса.

Более того, не определен правовой статус решения ИИ. Является ли рекомендация ИИ доказательством, справкой или ни тем, ни другим? Если судья примет решение вопреки рекомендации ИИ, должен ли он его особо обосновать? Без ответов на эти вопросы возникает правовая неопределенность.

И, наконец, отсутствуют специальные протоколы для работы с несовершеннолетними. Для детей

должны быть совершенно другие пороги точности, наборы данных и цели прогноза (не «насколько он опасен», а «какие факторы риска нужно устранить для его реабилитации»).

Рассмотрим ряд проблем **психологического характера**, связанных с применением средств ИИ в уголовном процессе с участием несовершеннолетних.

Как полагает ряд исследователей, применение ИИ для анализа поведения (мимики, голоса, позы) особенно вредно для детей. Это связано, во-первых, с научной несостоятельностью используемых в этом процессе методов. В частности, весьма распространен миф об «универсальном детекторе лжи». Сегодня мы можем с уверенностью утверждать, что не существует достоверных научных доказательств того, что алгоритмы ИИ могут по мимике, движению глаз или тону голоса точно определить, лжет человек или говорит правду. Эти методы основаны на корреляциях, а не на причинно-следственных связях. При этом зачастую не учитываются культурные и индивидуальные различия: выражение эмоций сильно варьируется в зависимости от культуры, воспитания, психических особенностей и нейроразнообразия (например, у детей с аутизмом может быть нетипичная мимика). ИИ, обученный на «стандартных» данных, будет делать ошибки.

Во-вторых, необходимо отметить ряд аспектов негативного психологического воздействия средств ИИ на ребенка в процессе дознания, зачастую вызывающего у несовершеннолетнего

- Чувство бесправия и объективизации. Ребенок перестает быть «субъектом» диалога с живым человеком, который может проявить эмпатию, и становится «объектом» для сканирования и анализа бездушной машиной. Это усугубляет ощущение незащитности;
- Дополнительный стресс. Осознание того, что каждое слово, жест и взгляд отслеживаются и «оцениваются» на правдивость, создает неестественную, давящую атмосферу. Это может привести как к *поведенческому заморышу*, когда ребенок старается меньше говорить и двигаться, чтобы не дать алгоритму «поводов для подозрений», так и к *ложным признаниям*: чтобы прекратить дискомфортную ситуацию, истощенный и напуганный ребенок может сказать то, что от него хотят услышать.

В итоге возрастает риск серьезных ошибок, например, *ложных срабатываний*: алгоритм может интерпретировать естественный для ребенка стресс (например, от нахождения в кабинете следователя) как признаки лжи. Следовательно, доверяя технологии, может перейти к более агрессивной тактике допроса. Более того, ошибка алгоритма, зафиксированная в протоколе, может стать основанием для обвинения и оказать разрушительное воздействие на всю дальнейшую жизнь ребенка.

Допрос несовершеннолетнего, особенно потерпевшего, должен проходить в максимально безопасной и доверительной обстановке, часто с уча-

стием психолога и педагога. Технология анализа поведения разрушает эту атмосферу, создавая враждебную и подозрительную среду. Использование таких технологий ставит во главу угла не благополучие и защиту ребенка, а получение «объективных данных» любой ценой, даже ценой его психического состояния. Иначе говоря, применение такого рода алгоритмов может привести к серьезному нарушению принципов ювенальной юстиции, выражающемуся, прежде всего, в дегуманизации уголовного процесса.

Подчеркнем, что ювенальная юстиция исторически основана на принципе *восстановления и ресоциализации*, а не наказания. Ключевые компоненты этого подхода требуют человеческого участия, в частности:

1. Установления доверительного контакта: судья, социальный работник или психолог могут проявить эмпатию, понять мотивы ребенка, его семейную ситуацию и внутренние конфликты. Алгоритм же оперирует сухими данными и вероятностями.

2. Индивидуального подхода: каждый случай уникален. Человек может учесть сотни нюансов – от языка тела и неуверенности в голосе до сложных семейных обстоятельств, которые невозможно формализовать в данные для ИИ.

3. Воспитательного диалога: процесс должен помочь несовершеннолетнему осознать последствия своих поступков, проявить раскаяние и понять, как reintegrироваться в общество.

Замена человеческого взаимодействия алгоритмами снижает роль воспитательного компонента в ювенальной юстиции.

Судья беседует с подростком, оценивая его личность, искренность раскаяния, среду. Алгоритм анализирует данные (доход семьи, оценки в школе, прошлые правонарушения) и присваивает «балл риска». Таким образом, здесь имеет место *дегуманизация*: решение о судьбе ребенка принимается на основе численной величины, а не глубокого понимания его ситуации.

Социальный работник разрабатывает индивидуальную программу реабилитации вместе с подростком и его семьей. ИИ использует «типовую» программу основанную на анализе схожих похожих ситуаций, имеющихся в базе данных. Это приводит к *потере мотивации*: подросток не чувствует вовлеченности в процесс, программа воспринимается как навязанная и несправедливая.

Психолог во время допроса создает безопасную атмосферу, чтобы снизить травматизацию. Автоматизированная система анализа поведения (например, отслеживание мимики и голоса) повышает стресс и недоверие. В итоге происходит вторичная травматизация: ребенок чувствует себя объектом слежки, а не участником диалога.

Здесь необходимо акцентировать внимание на таких требованиях к организации уголовного процесса, как обеспечение конфиденциальности и защита персональных данных его участников. Данные несовершеннолетних требуют особой за-

щиты, но системы ИИ могут уязвимы к кибератакам. Кроме того, надо исключить возможность ложной цифровой слежки: ошибочные решения ИИ (например, метка «склонен к рецидиву») могут негативно влиять на всю дальнейшую жизнь подростка.

Каковы же пути решения выявленных нами проблем? Здесь можно выделить:

- **Разработку соответствующих этических стандартов.**

Создание алгоритмов, учитывающих принципы ювенальной юстиции (восстановительный подход, защита приватности).

В плане качества используемой ИИ в уголовном процессе информации также возможны позитивные сдвиги. А.Р. Депомян, в частности, указывает на

«...Предложения, связанные с использованием так называемых «процессуальных фильтров», призванных отсеять лишнее – недостоверную, некачественную информацию... В качестве подобного фильтра может выступать ИИ. В случае нарушения условий осуществления действий в рамках следствия, или же если информация получена вообще вне таких рамок, ИИ может предупредить об этом следователя» [2].

- **Человеческий контроль.**

Решения ИИ должны быть рекомендательными, а окончательное слово – за судьёй с учётом мнения психологов.

- **Образование и прозрачность.**

Обучение специалистов работе с ИИ и обеспечение доступа защиты к алгоритмам.

В заключение отметим, что в России в последнее время разрабатывается ряд пилотных проектов по анализу текстовых показаний несовершеннолетних (например, выявление психологического давления), тогда как в ЕС уже внедряются в практику уголовного процесса системы автоматизированного анализа видеодопросов с целью снижения вторичной травматизации [7].

Таким образом, мы можем констатировать, что искусственный интеллект может помочь ускорить процессы и снизить нагрузку на суды, но его применение в делах несовершеннолетних требует максимальной осторожности. При этом необходимо понимать главное: **технологии должны служить интересам ребёнка, а не заменять человеческое участие.**

Литература

1. Иванов Александр Александрович. ИИ и проблемы субъекта правоотношения / Теология, философия, право. – № 1 (19). – 2023 // Электронный документ. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-i-problema-subekta-pravootnosheniya>
2. Депомян Альберт Робертович. Использование ИИ в ходе предварительного расследования / Молодой ученый. № 20 (467). 2023 //

Электронный документ. URL: <https://moluch.ru/archive/467/103067>

3. Шахназаров Бениамин Александрович. Правовое регулирование отношений с использованием искусственного интеллекта / Актуальные проблемы российского права. – 2022. Т. 17. № 9 // Электронный документ. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-otnosheniy-s-ispolzovaniem-iskusstvennogo-intellekta/viewer>
4. Шушеначев А.В. Этический аспект применения цифровых технологий в правоохранительной сфере // Вопросы российского и международного права. – Том 11. – № 11А, 2021. – С. 82–90. Печатная.
5. Шушеначев А.В. Защита прав и интересов несовершеннолетних участников уголовного процесса в условиях его цифровизации // Юридическая наука. – № 1. – 2024. – С. 231–235. Печатная.
6. Шушеначев А.В. Цифровые технологии в уголовном процессе: проблемы и риски // Вестник Российской правовой академии. – № 1. – 2024. – С. 214–230. Печатная.
7. Artificial intelligence and criminal law: Recommendation CM/Rec(2020)1 and explanatory report / Council of Europe. Strasbourg: Council of Europe, 2020 // DOI: <https://rm.coe.int/artificial-intelligence-and-criminal-law-rec-cm-2020-1-and-explanato/16809e5c0a>
8. Julia Angwin, Jeff Larson, Surya Mattu and Lauren Kirchner. Machine Bias / ProPublica. – May 23, 2016 // DOI: <https://www.propublica.org/article/machine-bias-risk-assessments-in-criminal-sentencing>

LEGAL, ETHICAL AND PSYCHOLOGICAL RISKS OF USING ARTIFICIAL INTELLIGENCE (AI) IN CRIMINAL PROCEEDINGS INVOLVING MINORS

Shushenachev A.V.

Siberian Federal University

The use of artificial intelligence (AI) in criminal proceedings involving minors is associated with a number of serious risks that require special attention from legislators, law enforcement agencies, and society. This paper examines the most obvious of these risks and proposes ways to minimize them. Artificial intelligence can help speed up processes and reduce the workload on courts, but its use in cases involving minors requires utmost caution. It is crucial to understand that technology should serve the interests of the child, not replace human involvement.

Keywords: artificial intelligence, criminal procedure, juvenile, justice, minors, digitalization, and human decisions.

References

1. Ivanov Alexander Alexandrovich. AI and the Problems of the Subject of Legal Relations / Theology, Philosophy, Law. – No. 1 (19). – 2023 // Electronic document. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-i-problema-subekta-pravootnosheniya>
2. Depomyan Albert Robertovich. Use of AI in the Preliminary Investigation / Young Scientist. No. 20 (467). 2023 // Electronic document. URL: <https://moluch.ru/archive/467/103067>
3. Shakhnazarov Benjamin Alexandrovich. Legal Regulation of Relations with the Use of Artificial Intelligence / Actual Problems of Russian Law. – 2022. Vol. 17. No. 9 // Electronic document.

URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-otnosheniy-s-ispolzovaniem-iskusstvennogo-intellekta/viewer>

4. Shushenachev AV Ethical aspect of the use of digital technologies in law enforcement // Issues of Russian and International Law. – Vol. 11. – No. 11A, 2021. – Pp. 82–90. Printed.
5. Shushenachev AV Protecting the rights and interests of minor participants in criminal proceedings in the context of its digitalization // Legal science. – No. 1. – 2024. – Pp. 231–235. Printed.
6. Shushenachev AV Digital technologies in criminal proceedings: problems and risks // Bulletin of the Russian Law Academy. – No. 1. – 2024. – P. 214–230. Printed.
7. Artificial intelligence and criminal law: Recommendation CM/Rec(2020)1 and explanatory report / Council of Europe. Strasbourg: Council of Europe, 2020 // DOI: <https://rm.coe.int/artificial-intelligence-and-criminal-law-rec-cm-2020-1-and-explanato/16809e5c0a>
8. Julia Angwin, Jeff Larson, Surya Mattu and Lauren Kirchner. Machine Bias/ProPublica. – May 23, 2016 // DOI: <https://www.propublica.org/article/machine-bias-risk-assessments-in-criminal-sentencing>

Досудебное соглашение о сотрудничестве как инструмент выявления и разрешения уголовно-правового конфликта

Яблоков Артем Михайлович,

адвокат адвокатской палаты Ленинградской области

В статье поднимается вопрос о разрешении криминального конфликта посредством заключения досудебного соглашения о сотрудничестве в рамках уголовного дела. Актуальность применения досудебного соглашения обосновывается необходимостью поиска новых средств в процессе борьбы с преступностью. Обращено внимание на продолжающийся характер «кризиса наказания», как обстоятельство, усугубляющее уголовно-правовой конфликт. Обращено внимание на то, что новые технологии не нацелены сегодня на предупреждение преступности, а скорее – лишь на организацию преследования виновного, допуская тем самым «нормальность» относительно ее латентности. Криминальный контингент воспринят как «бесмертный» элемент общества, и потому предложена идея применения досудебного соглашения о сотрудничестве в качестве инструмента для разрешения криминального конфликта, а также для выявления латентной преступности. В статье транслируется идея о том, что, если государство не способно одолеть преступность применяемыми сегодня средствами, следует рассмотреть возможность разрешения конфликта путем компромисса, наделяя при этом субъекта преступления (помимо назначения ему наказания) рядом обязательств в интересах государства и общества.

Ключевые слова: досудебное соглашение о сотрудничестве, конфликт, уголовно-правовой конфликт, юридическая конфликтология, разрешение конфликта, урегулирование конфликта, уголовный процесс, права обвиняемого, органы предварительного следствия, преступность, преступность несовершеннолетних, кризис наказания

Преступность – угроза для общества и государства. Наличие такой угрозы указывает на необходимость разработки и реализации соответствующих мер, которые способны приводить к результатам, снижающим уровень и преступности, и victimности общества, повышая тем самым безопасность государства.

В структуре власти на территории Российской Федерации находится множество элементов, наделенных функциями в соответствии с возложенными обязанностями.

Так, выявлением преступлений и пресечением преступных деяний (намерений) занимаются: МВД, ФСБ, СК, Прокуратура, ФТС, ФССП и др. Практический опыт названных служб и органов весьма объемный, межведомственное взаимодействие между ними налажено, ведомственные ВУЗы продолжают реализовывать научный потенциал, также участвуя в становлении общественной и государственной безопасности.

Перечень юридических инструментов, которые вверены субъектам процесса борьбы с преступностью, понятен и категоричен. Поэтому, представляется, преступность должна отступать и действительно – уровень преступности спадает, но и в то же время уровень подростковой преступности значительно вырос.

Как недавно отметил глава Следственного комитета России А.И. Бастрыкин, в первом квартале 2025 года поступило 5904 сообщения о преступлениях подростков, то есть на 27,5% больше по сравнению с аналогичным периодом 2024 года¹.

И это весьма тревожный показатель, который указывает на незамедлительное принятие мер по предупреждению становления преступности, так как фактически сегодня формируется «молодая гвардия» для мафиозных структур, будущая угроза для общества и государства.

Отметим, что «борьба с преступностью» – сложная системная деятельность, включающая в себя множество элементов, направленных как на предупреждение преступности, так и на преследование субъекта преступления, а также – на его исправление. Вместе с тем, финалом процесса борьбы с преступностью на сегодняшний день скорее является обвинительный приговор. Общество помнит «громкие дела», а не отчеты об успешной ресоциализации осужденных ранее. На лицо продолжающийся кризис наказания².

¹РБК. Бастрыкин сообщил о росте преступности среди подростков почти на 30%. URL <https://www.rbc.ru/rbc-freenews/6838ea5a9a7947201b9e44bd> [дата обращения: 16.10.2025]

²Гилинский Я. И., Рабош А.В. Наказание в системе социального контроля над преступностью // Общество и право.

Но если наказание не исправляет, то преступность сперва становится организованной (так как осужденные становятся «исключенными из общества» и буквально сбиваются в группы), а затем – профессиональной, когда иного сценария жизни, кроме криминального, у человека не остается. Кроме того, профессиональные преступники становятся объектом подражания для несостоявшейся молодежи, а подростки, в свою очередь, видят «красивую», но обманчивую жизнь, в которой достижение целей кажется им легким, если применить обман и (или) оружие, «масла в огонь» подливают кинокартины, выходящие одна за другой, которые буквально пропагандируют криминальный стиль жизни, а ведь и популярность таких кинофильмов и сериалов в России растет. Так, по итогам 2024 года сериал «Слово Пацана: Кровь на асфальте» возглавил топ-30 сериалов по интересу со стороны россиян¹.

В условиях нынешнего культурного фона и при условии ярко выраженной латентной преступности, государство вынуждено искать новые инструменты в борьбе с криминализацией общества и виктимизации общественных структур. Но пока ряд авторов не отмечают существенных изменений в процессе борьбы с преступностью².

Конечно, сегодня мы можем обратить внимание, например, на то, как в процесс борьбы с преступностью вводится искусственный интеллект³.

Однако современные технологии направлены исключительно на выявление и раскрытие уже совершенных преступлений путем, в частности, сбора информации, ее систематизации и анализа. Конечно, применение искусственного интеллекта оправдано в борьбе с экономическими (налоговыми) преступлениями, когда необходимо «освоить» значительные объемы информации, среди которой и скрываются прямые и косвенные доказательства совершенных противоправных деяний.

Вместе с тем, искусственный интеллект не в силах (пока?) выявлять формирование умысла на совершение преступного деяния, такой информацией обладает лишь личность, социальный индивид. Тогда каким образом возможно предупредить совершение преступления в современных реалиях? Распространенные и применяемые методы, при условии роста уровня преступности (в частности, подростковой), требуют корректировки.

Однако начать необходимо с того, чтобы взглянуть на преступление не как на уголовно-наказуемое деяние, а как, в первую очередь, на уголовно-правовой конфликт.

Под уголовно-правовым конфликтом автор понимает противопоставление выраженной воли субъекта преступления ответной реакции государства (частного обвинителя), которая включает в себя, в том числе, преследование и наказание правонарушителя в соответствии с нормами, установленными действующим законодательством.

Рассматривая способы разрешения конфликта, и, в частности, компромисс, отметим, что разрешение уголовно-правового конфликта также возможно путем компромисса.

Так, законодатель предусматривает освобождение лица от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием (ст. 75 УК РФ, ст. 28 УПК РФ), освобождение от уголовной ответственности по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности (ст. 76.1 УК РФ, ст. 28.1 УПК РФ), освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (ст. 76.2 УК РФ), в связи с примирением с потерпевшим (ст. 76 УК РФ), однако зачастую при применении указанных норм речь идет либо о преступлениях небольшой (средней) тяжести, либо об экономических (налоговых) преступлениях.

Ряд авторов, разделяя мнение о компромиссе в рамках уголовно-правового поля, указывают на целесообразность формирования универсального правового режима освобождения от уголовной ответственности и внедрения алгоритма достижения и реализации компромисса. Сущность предлагаемого компромисса ими видится в максимальном стимулировании посткриминального поведения лица, совершившего преступление, в обмен на уступки со стороны органов расследования. Чем больше условий предлагаемого ниже механизма выполнит виновное лицо, тем больше оно получит уступок со стороны государства, тем проще будет заключить компромисс⁴.

А возможен ли компромисс по делам о преступлениях тяжких и особо тяжких? Возможен и применение его нередко необходимо. Социальное противостояние государства с организованной преступностью также является уголовно-правовым конфликтом, но повышенной сложности.

Одним из наиболее результативных институтов в рамках противодействия организованной преступности на сегодняшний день является институт досудебного соглашения о сотрудничестве (гл. 40.1 УПК РФ). Благодаря применению указанного антикриминального инструмента, на протяжении весьма длительного периода удается и раскрывать, и пресекать не только преступления ныне существующих преступных групп и сообществ, но и раскрывать преступления прошлых лет.

Более того, институт досудебного соглашения о сотрудничестве является не только современным инструментом в борьбе с преступностью, но и своевременным. Так, А.Л. Карловым выделены сле-

2013. № 3(45). С. 170–175

¹ ТАСС. «Слово пацана» возглавило топ сериалов по интересу в РФ. URL: <https://tass.ru/kultura/22461515> [дата обращения: 18.10.2025]

² Акутаев Р. М., Абдулмажаров А.Н. К проблеме противодействия латентной преступности // Юридический вестник ДГУ. 2022. Т. 44, № 4. С. 114–118

³ Канкулов А.Х., Пантелеев В.А. Искусственный интеллект как метод борьбы с преступностью и терроризмом // Аграрное и земельное право. 2024. № 1(229). С. 280–282

⁴ Ефремова М.А., Абшилава Г.В., Пастухов П.С. Компромисс в системе правового регулирования при разрешении уголовно-правовых конфликтов // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 3. С. 111–119

дующие детерминанты зарождения и становления досудебного соглашения о сотрудничестве: 1) социальные – выражающиеся в качественном преобразовании общества, преобладании идей культурного многообразия современного мира, плюрализма, разнообразия, определяющих переход от идеалов установления объективной истины к доказанности; 2) экономические – проявляющиеся в финансовой рационализации, разумной экономии сил и средств в сфере публично-правовой деятельности; 3) политические – представляющие собой выработанную государством линию (направленность) борьбы с преступностью, отдельные элементы идеологии гуманизации, усиления процессуальных гарантий для лиц, вовлеченных в производство по уголовным делам; 4) материально-правовые – формирующиеся на основе указанных выше факторов и выражающиеся в концепции поощрения позитивного посткриминального поведения; 5) процессуально-правовые – обусловленные назначением, целью и задачами уголовного судопроизводства, а также степенью сложности установления обстоятельств совершенных преступлений¹.

Изложенная позиция видится рациональной и свидетельствует о верном направлении в развитии отечественной уголовно-правовой политики. Действительно, досудебное соглашение о сотрудничестве сегодня выступает «связующим звеном» в уголовном процессе между стороной обвинения и защиты в вопросе борьбы с преступностью. И это «зерно сотрудничества» следует сохранять и развивать. Общество не только не избавится, оно не откажется от преступности ввиду того, что само общество и создает внутри себя криминальные факторы для становления преступной деятельности, основной – это аномия. Потенциальный преступник должен сознавать, что он имеет возможность явиться с раскаянием, и его примут, но на определенных и понятных условиях в рамках закона. Безусловно, за содеянное необходимо понести наказание, но желание и реальная помощь государству в раскрытии и предупреждении преступности со стороны обвиняемого безоговорочно должны вести к смягчению наказания. «Исключать из общества» преступника путем социального забвения, значит порождать врага государства.

Общество не может быть идеальным, это следует сознавать, об этом следует помнить.

Среди нас есть те, кто еще вчера были «избранными людьми» с кристально чистой репутацией, а сегодня уже обвиняются в совершении особо тяжких преступлений.

Может ли кто-либо ответить на вопрос: кто есть «плохой человек»? Нет, поэтому конфликт (нормальное социальное явление), возникающий в рамках уголовно-правового поля, надлежит

не избегать, не уходить от него, исключая человека из социума, а разрешать, стремиться к урегулированию конфликта, но, безусловно, в интересах общества и государства.

Досудебное соглашение о сотрудничестве – возможность конструктивного разрешения уголовно-правового конфликта, и такую возможность следует реализовывать, следует рассматривать компромисс в каждом случае, когда усматривается шанс усилить натиск в борьбе с преступностью.

Литература

1. Акутаев Р. М., Абдулмажаров А.Н. К проблеме противодействия латентной преступности // Юридический вестник ДГУ. 2022. Т. 44, № 4. С. 114–118
2. Гилинский Я. И., Рабош А.В. Наказание в системе социального контроля над преступностью // Общество и право. 2013. № 3(45). С. 170–175
3. Ефремова М.А., Абшилава Г.В., Пастухов П.С. Компромисс в системе правового регулирования при разрешении уголовно-правовых конфликтов // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 3. С. 111–119
4. Карлов А. Л. О некоторых результатах научных изысканий по вопросам применения института досудебного соглашения о сотрудничестве в уголовном судопроизводстве // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2024. № 1(54). С. 125–129
5. Канкулов А.Х., Пантелеев В.А. Искусственный интеллект как метод борьбы с преступностью и терроризмом // Аграрное и земельное право. 2024. № 1(229). С. 280–282
6. ТАСС. «Слово пацана» возглавило топ сериалов по интересу в РФ. URL: <https://tass.ru/kultura/22461515> [дата обращения: 18.10.2025]
7. РБК. Бастрыкин сообщил о росте преступности среди подростков почти на 30%. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/6838ea5a9a7947201b9e44bd> [дата обращения: 16.10.2025]

PRE-TRIAL COOPERATION AGREEMENTS AS A TOOL FOR IDENTIFYING AND RESOLVING CRIMINAL CONFLICTS

Yablokov A.M.

Leningrad Region Bar Association

This article addresses the issue of resolving criminal conflicts through the conclusion of pre-trial cooperation agreements within criminal cases. The relevance of using pre-trial agreements is justified by the need to find new means in the fight against crime. Attention is drawn to the ongoing nature of the “punishment crisis” as a circumstance exacerbating criminal conflict. It is emphasized that new technologies today are not aimed at preventing crime, but rather at organizing the prosecution of the perpetrator, thereby allowing for the “normality” of its latency. Criminals are perceived as an “immortal” element of society, and therefore the idea of using pre-trial cooperation agreements as a tool for resolving criminal conflicts and identifying latent crime is proposed. The article advances the idea that if the state is unable to combat crime using the means currently employed, it should consider resolving the conflict through compromise, while imposing on the perpetrator (in addition to sentencing) a number of obligations in the interests of the state and society.

¹ Карлов А. Л. О некоторых результатах научных изысканий по вопросам применения института досудебного соглашения о сотрудничестве в уголовном судопроизводстве // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2024. № 1(54). С. 125–129

Keywords: pre-trial cooperation agreement, conflict, criminal-legal conflict, legal conflictology, conflict resolution, conflict settlement, criminal procedure, rights of the accused, preliminary investigation bodies, crime, juvenile delinquency, punishment crisis

References

1. Akutaev R. M., Abdulmazharov A.N. On the Problem of Combating Latent Crime // Legal Bulletin of DSU. 2022. Vol. 44, No. 4. pp. 114–118
2. Gilinsky Ya. I., Rabosh A.V. Punishment in the System of Social Control over Crime // Society and Law. 2013. No. 3(45). pp. 170–175
3. Efremova M. A., Abshilava G.V., Pastukhov P.S. Compromise in the System of Legal Regulation in Resolving Criminal-Law Conflicts // Bulletin of Economics, Law and Sociology. 2024. No. 3. P. 111–119
4. Karlov, A. L. “On Some Results of Scientific Research on the Application of the Institute of Pre-Trial Cooperation Agreements in Criminal Proceedings” // Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. No. 1 (54). P. 125–129
5. Kankulov, A. Kh., Panteleev, V. A. “Artificial Intelligence as a Method of Combating Crime and Terrorism” // Agrarian and Land Law. 2024. No. 1 (229). P. 280–282
6. TASS. “The Word of a Boy” Tops the List of Popular TV Series in the Russian Federation. URL: <https://tass.ru/kultura/22461515> [Accessed: 18.10.2025]
7. RBC. Bastrykin Reported an Almost 30% Increase in Crime Among Teens. URL <https://www.rbc.ru/rbcfree-news/6838ea5a9a7947201b9e44bd> [date accessed: 16.10.2025]

Сравнительный анализ международного опыта регулирования криптовалют и возможность его применения в российском законодательстве

Деникаева Разела Несюровна,

кандидат экономических наук, доцент кафедры административного и финансового права Юридического института, ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»
E-mail: razela_denikaeva@mail.ru

Юха Даниил Сергеевич,

студент, кафедра административного и финансового права, ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»
E-mail: uhadaniil@gmail.com

Соколов Михаил Дмитриевич,

студент, кафедра административного и финансового права, ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»
E-mail: shokolakoo@mail.ru

Статья посвящена подробному анализу современных моделей правового регулирования области криптовалюты в зарубежных странах, на основе которого будут разработаны теоретически обоснованные рекомендации, интенцией которых будет являться совершенствование российской правовой системы в рассматриваемой отрасли.

Актуальность темы обусловлена стремительной динамикой развития рынка цифровых активов за рубежом и существованием не малозначительных пробелов в их регулировании в Российской Федерации. В качестве методологической основы работы выступают сравнительно-правовой и формально-юридический методы, которые наибольшим образом позволяют детализировать формы регулирования криптовалюты в таких странах, как Швейцария, США, Сингапур и Китай.

Научная новизна заключается в возможности систематизации современных тенденций регулирования, в частности, анализ регламента ЕС MiCA, и возможности прикладного применения к правовой системе России.

В результате исследования было выявлено три наиболее распространённые модели правового регулирования: либеральная, сбалансированная и императивная. Был проведён подробный анализ их преимуществ и возможных рисков. Дана теоретическая оценка действующего Федерального закона РФ «О цифровых и финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ», выявлены его недостатки. В заключении были предложены конкретные формы и способы имплементации элементов модели сбалансированного регулирования в правовую систему РФ, а именно, детализация правового статуса криптовалюты в качестве иной формы имущества, адаптация системы лицензирования и создание «регуляторной песочницы». Результаты проведённого исследования могут быть использованы в правотворческой и учебной деятельности.

Ключевые слова: криптовалюты, регулирование, Российская Федерация, цифровые активы, ЕС MiCA, майнинг.

Введение

Актуальность исследуемой темы не вызывает никаких сомнений в условиях, диктуемых глобальной трансформацией сферы криптоэкономики. Рынок цифровых активов на протяжении всего 21 века демонстрирует настолько стремительный рост, что способствует появлению новых возможностей в инвестиционных решениях, а также инновации многих процессов. Но помимо положительного развития, возникает множество серьёзных проблем и рисков для финансовой стабильности, а также для правового поля. Российская Федерация не является исключением, существует необходимость формирования правового режима обращения цифровой валюты, так как на данном этапе перед государством стоят задачи цифровизации экономики, противодействие современным методам оттока капитала в страны, которые не попадают под Российскую юрисдикцию, а также задачи, связанные с минимизацией данных рисков.

В условиях санкционного давления на Российскую Федерацию и направленности на цифровизацию экономических процессов, требуется выработать сбалансированный подход к регулированию сферы цифровых активов, который не будет нарушать публичные и частные интересы, так как это будет напрямую влиять на приток инвестиций, финансовую стабильность государства, экономико-цифровой суверенитет.

Несмотря на множество научных работ на данную тему, которые посвящены рассмотрению различных аспектов правовой природы цифровых активов, вопрос возможности применения современных международных форм регулирования данной сферы и возможности их интеграции в Российскую правовую систему остается открытым. Важным шагом в данном направлении является принятие Европейским союзом Регламента MiCA, который имеет комплексный подход к регулированию крипто-активов на одном из крупнейших экономических рынков.[7, с. 4] Как уже было выше сказано, целью проводимого исследования является осуществление теоретико-методологического анализа современных зарубежных моделей регулирования криптовалюты, как формы цифрового актива и разработка концепций усовершенствования нынешнего законодательства Российской Федерации. Для достижения поставленной цели необходимо выполнить следующие задачи:

1. Скомпилировать в одно целое подходы зарубежных государств в рамках регулирования цифровых активов.

2. Определить сильные и слабые стороны данных подходов.

3. Осуществить критическую оценку современного законодательства Российской Федерации в рассматриваемой отрасли.

4. Разработать концепции интеграции зарубежных моделей в Российское правовое поле.

Объектом исследования являются общественные отношения, которые возникают в процессе оборота цифровых активов.

В качестве предмета выступают нормы права, регулирующие вышеописанные общественные отношения как в России, так и за рубежом.

Материалы и методы

Данное исследование основано на использовании совокупности общенаучных и частноправовых методов. В качестве основного выступил сравнительно-правовой метод, который позволяет сравнить нормативно-правовые акты различных правовых систем в рассматриваемой сфере. Также был применён историко-правовой метод в качестве ретроспективы развития данных подходов. Формально-юридический метод был применен с интенцией догматического анализа буквы и духа законных и подзаконных актов. Эмпирическую базу составили тексты норм права, регулирующих сферу цифровых активов в США, Европейском союзе, Сингапуре, Китае, Швейцарии и Российской Федерации.

Литературный обзор

Теоретическим аспектам регулирования сферы криптовалют посвящены множество научных работ как отечественных, так и зарубежных учёных. Российские цивилисты в своих трудах исследовали правовую природу цифровых активов. Так, например, В.А. Белов, при анализе первоначальной редакции законопроекта о цифровых активах, заострил своё внимание на фундаментальной проблеме, отмечая, что основным пороком данного законопроекта является отсутствие специального гражданско-правового режима для криптовалют, как явления в целом, что оставляет её за пределами правового регулирования. Данное замечание до сих пор сохраняет свою актуальность, так как проблема не была решена и по сей день. [3, с. 53–67] А.Г. Волеводз фокусирует своё внимание на международном правовом опыте, делая следующий вывод «формирование национальной политики в отношении криптовалют невозможно без учета опыта ведущих юрисдикций и выработки механизмов трансграничного взаимодействия». [6, с. 45–52]

В зарубежных доктринальных источниках вопросы правового регулирования рынка цифровых активов движутся через парадигму возможности взятия прогнозируемых рисков, под свой контроль. В своих научных трудах D.A. Zetzsche, D.W. Arner и R.P. Buckley рассуждают о том, что основным вызовом для правовых регуляторов являются не сами инновации, а возможности имплементации их

в существующие правовые системы, что позволит обеспечить контроль и надзор за всеми рисками. [10, с. 22–34] R. Auer и S. Claessens в своих работах анализируют эффективность конкретных мер реагирования на возникающие проблемы и считают, что «реакция рынка на регуляторные инициативы сильно различается: в то время как прозрачные правила способствуют легитимизации, внезапные запреты приводят к фрагментации рынка». [2, с. 31–45]

А.В. Шамраев, известный юрист-теоретик в отрасли финансового и цифрового права. В своих трудах он часто поднимает проблему необходимости детального анализа конкретно технических и правовых механизмов. Приводя вывод о том, что современные исследования носят в основном общий подход, тогда как эффективность правового регулирования основывается именно на способах построения правовых конструкций и определённых технических стандартов. [11, с. 10–25]

Результатом проведенного исследования были систематизированы и проанализированы подходы к регулированию криптовалют в зарубежных странах, а также выделены основные модели.

Стоит начать с либеральной модели, которая характеризуется минимальным вмешательством государства в сферу криптовалют. Внимание сконцентрировано на стимулирование инноваций и предоставление свободы участникам рынка. Так, например, в Швейцарии криптовалюты рассматриваются как активы, и их регулирование осуществляется в рамках существующих законов о финансовых рынках. Для компаний, занимающихся криптовалютной деятельностью, не существует специальных лицензионных требований, если их деятельность не попадает под регулирование банковской сферы или сферы ценных бумаг. FINMA, так называется швейцарская служба надзора за финансовыми рынками, применяет существующее законодательство гибко, поддерживая инновации. Помимо этого, Швейцария активно развивает «крипто-долину» и стремится стать центром инноваций в области блокчейна и криптовалют [5, с. 125–140].

Сбалансированная модель предполагает сочетание стимулирования инноваций с мерами по защите инвесторов и предотвращению злоупотреблений отмывания денежных средств, финансирования терроризма, манипулирования рынком, использования инсайдерской торговли, мошенничества и уклонений от уплаты налогов.

Ярким представителем использования данной модели является Сингапур, где денежно-кредитное управление (MAS) разработало комплексную систему регулирования криптовалют. Она включает в себя лицензирование поставщиков криптовалютных услуг, требования к раскрытию информации. Сингапур стремится создать прозрачную и безопасную среду для развития крипто-индустрии. MAS сотрудничает с крипто-компаниями для разработки инновационных решений, при этом строго контролируя риски [8, с. 78–92].

Еще одной ключевой моделью выступает императивная. Данная модель характеризуется жестким контролем со стороны государства или полным запретом на криптовалютные операции. Рассмотрим на примере Китая, где криптовалюты объявлены вне закона, и все операции с криптовалютами запрещены. Народный банк Китая (ПБОС) объясняет это необходимостью защиты финансовой стабильности и предотвращения оттока капитала, а также заботой о защите инвесторов от рисков, связанных с волатильностью криптовалют. Китай активно развивает свою цифровую валюту (CBDC) и рассматривает иные криптовалюты как угрозу своей финансовой системе [4, с. 45–60].

Кроме рассмотрения основных моделей регулирования криптовалют в зарубежных странах, стоит выделить регламент ЕС MiC A. Он представляет собой комплексный правовой акт Европейского союза, направленный на регулирование рынка криптоактивов. Он устанавливает единые правила для эмитентов криптоактивов и поставщиков крипто-услуг на всей территории ЕС. Ключевые положения MiCA [9, с. 54–59]:

MiCA классифицирует криптоактивы на три основные категории:

- 1) Asset-Referenced Tokens (ARTs). Токены, обеспеченные другими активами, например, фиатными валютами или сырьевыми товарами.
- 2) E-money tokens (EMTs). Токены, представляющие собой электронные деньги.
- 3) Crypto-asset service providers (CASPs). Компании, предоставляющие услуги, связанные с хранением, торговлей и обменом криптоактивов.
- 4) Эмитенты криптоактивов обязаны публиковать white paper, получать лицензию и соблюдать требования к раскрытию информации, а также требования к управлению рисками и капиталу.
- 5) Поставщики крипто-услуг должны получать лицензию, соблюдать требования к кибербезопасности, AML/KYC и обеспечивать защиту прав потребителей, включая четкую информацию о рисках.

Обсуждение

При сравнении моделей регулирования рынка цифровых финансовых активов было выявлено, что каждая из них имеет свои недостатки и преимущества. Так, например, либеральная модель способствует появлению инноваций, однако вместе с этим повышаются инвесторские риски, которые связаны с отсутствием регулирования и контроля за мошенничеством и манипуляциями на рынке. Императивная модель, в свою очередь, обеспечивает жесткий контроль, но подавляет использование инновационных технологий. Это может привести к оттоку капитала, а также развитию теневого сектора рынка ЦФА. Наиболее перспективной является сбалансированная модель, поскольку она позволяет сочетать использование инноваций, не забывая при этом о мерах по защите интересов инвесторов.

При использовании международного опыта в российской практике необходимо учитывать особенности действующего законодательства, экономической ситуации, а также политических факторов. Запрещать цифровые финансовые активы на примере Китая не является целесообразным, поскольку это может спровоцировать появление теневого рынка и отток капитала из государства. Рассматривать либеральную модель, как в Швейцарии, также не стоит, поскольку в современных реалиях она не имеет достаточного уровня защиты инвесторов, что может оттолкнуть их.

Действующий Федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ» имеет ряд существенных недостатков. Во-первых, в нем нет четкого определения правового статуса криптовалюты, что создает неопределенность в вопросах налогообложения и правоприменения. Во-вторых, нет установленных правил для «майнинга», что сдерживало бы развитие этой отрасли. В-третьих, децентрализованные финансы, представляющие собой быстрорастущий сегмент крипторынка, никак не регулируются. Как отмечает Белов В.А., отсутствие специального гражданско-правового режима для криптовалюты оставляет ее за пределами правового регулирования [3, с. 53–67].

В современных геополитических условиях и необходимости осуществления цифровизации экономики, нашему государству необходимо выработать собственный сбалансированный подход к регулированию цифровых финансовых активов. При его разработке стоит учесть опыт иностранных государств, но не стоит забывать про особенности российской правовой системы и экономической ситуации. Важно создать условия для развития легального рынка криптовалют, который будет способствовать привлечению инвестиций и соблюдать требования безопасности для инвесторов [1, с. 112–118].

Заключение

Таким образом, подводя итог данной научной работы можно выделить некоторые рекомендации, которые способствовали бы совершенствованию российского законодательства в сфере цифровых финансовых активов. Вносить изменения стоит начать с Гражданского кодекса РФ, а именно приравнять криптовалюту к цифровому имуществу. Это изменение позволит применять нормы гражданского права к цифровым финансовым активам, определить права и обязанности участников рынка. Следующим шагом стоит разработать систему лицензирования для торговых платформ, обменников и электронных кошельков, предоставляющих услуги использования ЦФА. Перед тем, как вносить новые крипто-проекты в широкое использование, они должны быть протестированы в закрытой системе, которая являлась бы симулятором. Это позволит разрабатывать и использовать новые продукты

в контролируемой среде с возможностью выявления и устранения рисков. Еще одним немаловажным этапом является определение правил для «майнинга» криптовалют. Они должны определять требования для энергоэффективности и экологической безопасности, а также налогообложение прибыли от данного вида деятельности.

Данная тема будет актуальна еще долгое время, и при дальнейшем ее исследовании стоит учитывать опыт иностранных государств в сфере регулирования рынка цифровых финансовых активов для создания стандартов их использования в правовой системе Российской Федерации.

Литература

1. Синельникова В. Н., Жукова А.В. (2023). Правовое регулирование цифровых финансовых активов в России: современное состояние и перспективы. Российский юридический журнал, 11 (2), с. 112–128.
2. Ауэр Р., Классенс С. Регулирование криптовалют: оценка реакции рынка // Ежеквартальный обзор BIS. Сентябрь 2022 г., С. 31–45. URL: <https://www.scirp.org/reference/Referencespapers?referenceid=3413752> (дата обращения: 29.09.2025).
3. Белов В.А. Цифровые финансовые активы: первое знакомство // Закон. – 2020. – № 12. – С. 53–67.
4. Ван Дж., Шен Б. (2020). Нормативно-правовая база криптовалют в Китае. Журнал банковского регулирования, 21 (1), 45–60.
5. Верлен М., Брюин А. (2021). Кriptoактивы и регулирование в Швейцарии: обзор. Журнал финансового регулирования и комплаенса, 29 (2), 125–140.
6. Волеводз А.Г. Правовые вызовы цифровой экономики: криптовалюты и блокчейн // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2019. – № 1. – С. 45–52.
7. Грошев Семен Александрович ОПЫТ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КРИПТОАКТИВОВ В ЕС В СВЯЗИ С ПРИНЯТИЕМ РЕГЛАМЕНТА MICA // Вопросы российской юстиции. 2024. № 30. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/opyt-pravovogo-regulirovaniya-kriptoaktivov-v-es-v-svyazi-s-prinyatiem-reglamenta-mica> (дата обращения: 29.09.2025).
8. Ли, Дж. Ю., и Тео, Э. Г. (2022). Регулирование криптовалют в Сингапуре: баланс инноваций и рисков. Обзор законодательства и финансовых рынков, 16 (1), 78–92.
9. Регламент (ЕС) 2023/1114 Европейского парламента и Совета от 31 мая 2023 года о рынках криптоактивов и о внесении изменений в Регламенты (ЕС) № 1093/2010 и (ЕС) № 1095/2010 и Директивы 2013/36/ЕС и (ЕС) 2019/1937. Официальный журнал Европейского союза, L 150, 9.6.2023, стр. 40–229.

10. Цецше Д.А., Бакли Р.П., Арнер Д.В., Фер Л. Золотая лихорадка ICO: это мошенничество, это пузырь, это суперзадача для регулирующих органов // Юридический обзор Университета Иллинойса. – 2019. – С. 22–34.
11. Шамраев А.В. Правовые основы цифровой экономики: от криптовалюты к цифровым активам // Банковское право. – 2020. – № 1. – С. 10–25.

COMPARATIVE ANALYSIS OF INTERNATIONAL EXPERIENCE IN CRYPTOCURRENCY REGULATION AND THE POSSIBILITY OF ITS APPLICATION IN RUSSIAN LEGISLATION

Denikayeva R.N., Yukha D.S., Sokolov M.D.
North Caucasus Federal University

The article is devoted to a detailed analysis of modern models of legal regulation of the field of cryptocurrency in foreign countries, on the basis of which theoretically sound recommendations will be developed, the intention of which will be to improve the Russian legal system in the industry in question. The relevance of the topic is due to the rapid dynamics of the development of the digital asset market abroad and the existence of significant gaps in their regulation in the Russian Federation. The methodological basis of the work is comparative legal and formal legal methods, which make it possible to detail the forms of regulation of cryptocurrencies in countries such as Switzerland, the United States, Singapore and China. The scientific novelty lies in the possibility of systematizing current regulatory trends, in particular, the analysis of the EC MiCA regulation, and the possibility of applying it to the Russian legal system. The study revealed three of the most common models of legal regulation: liberal, balanced, and imperative. A detailed analysis of their advantages and possible risks was carried out. A theoretical assessment of the current Federal Law of the Russian Federation "On Digital and Financial Assets, Digital Currency and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" is given, and its shortcomings are identified. In conclusion, specific forms and ways of implementing elements of the balanced regulation model into the legal system of the Russian Federation were proposed, namely, detailing the legal status of cryptocurrencies as another form of property, adapting the licensing system and creating a "regulatory sandbox". The results of the conducted research can be used in law-making and educational activities.

Keywords: cryptocurrencies, regulation, Russian Federation, digital assets, EC MiCA, mining.

References

1. Auer R., Klassens S. Regulation of cryptocurrencies: assessment of market reaction // Quarterly Review BIS. September 2022, pp. 31–45. URL: <https://www.scirp.org/reference/Referencespapers?referenceid=3413752> (date of reference: 09/29/2025).
2. Belov V.A. Digital financial assets: the first acquaintance // Law. – 2020. – No. 12. – pp. 53–67.
3. Lee, J. Y., & Teo, E. G. (2022). The regulation of cryptocurrency in Singapore: Balancing innovation and risk. Law and Financial Markets Review, 16(1), 78–92.
4. Regulation (EU) 2023/1114 of the European Parliament and of the Council of 31 May 2023 on markets in crypto-assets, and amending Regulations (EU) No 1093/2010 and (EU) No 1095/2010 and Directives 2013/36/EU and (EU) 2019/1937. Official Journal of the European Union, L 150, 9.6.2023, p. 40–229.
5. Semyon Groshev, THE EXPERIENCE OF LEGAL REGULATION OF CRYPTOASSETS IN THE EU IN CONNECTION WITH THE ADOPTION OF THE MICA REGULATION // Issues of Russian justice. 2024. No.30. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/opyt-pravovogo-regulirovaniya-kriptoaktivov-v-es-v-svyazi-s-prinyatiem-reglamenta-mica> (date of access: 09/29/2025).
6. Shamraev A.V. The legal foundations of the digital economy: from cryptocurrencies to digital assets // Banking Law, 2020, No. 1, pp. 10–25.

7. Sinelnikova, V. N., & Zhukova, A. V. (2023). Legal regulation of digital financial assets in Russia: Current state and prospects. *Russian Law Journal*, 11(2), 112–128.
8. Volevodz A.G. Legal challenges of the digital economy: cryptocurrencies and blockchain // *Journal of Foreign Legislation and comparative law*. – 2019. – No. 1. – pp. 45–52.
9. Wang, J., & Sheng, B. (2020). The regulatory landscape of cryptocurrency in China. *Journal of Banking Regulation*, 21(1), 45–60.
10. Werlen, M., & Bruhin, A. (2021). Cryptoassets and regulation in Switzerland: An overview. *Journal of Financial Regulation and Compliance*, 29(2), 125–140.
11. Zetsche D.A., Buckley R.P., Arner D.V., Fehr L. The ICO Gold Rush: it's a Scam, it's a bubble, it's a super-task for regulators // *University of Illinois Law Review*. – 2019. – pp. 22–34.

Достижение технологического суверенитета Российской Федерации через развитие международного научно-технического сотрудничества: оценка потенциала региональных интеграционных объединений с участием РФ

Епихин Евгений Валерьевич,

аспирант, Всероссийская академия внешней торговли
Министерства экономического развития Российской Федерации
E-mail: evgeny.epikhin@mail.ru

Цели исследования. Тема статьи затрагивает актуальную проблему международного научно-технического сотрудничества, международного трансфера технологий. Целью настоящей статьи является исследование регулирования международного трансфера технологий с точки зрения потенциала государств-партнеров Российской Федерации, как в формате двусторонних отношений, так и в рамках ЕАЭС, СНГ, БРИКС, ШОС. Это представляет прямой интерес для Российской Федерации в связи с необходимостью решения задачи достижения технологического суверенитета. *Выводы.* Технологии сегодня – это не просто воплощенный в конкретном продукте результат интеллектуальной деятельности, способный приносить прибыль. По результатам проведенного анализа выявлено, что технологии сегодня рассматриваются как неотъемлемая часть национальной безопасности и инструмент достижения и удержания глобальной конкурентоспособности. Знания и информация уже сами по себе становятся экономической ценностью и, соответственно, объектом экспортного контроля в контексте обеспечения национальной безопасности. Это чрезвычайно затрудняет выработку универсальных международных правил трансфера технологий. В этой связи перед Российской Федерацией остро стоит вопрос о том, на какой международно-правовой основе может выстраиваться научно-технологическое сотрудничество России с дружественными странами.

Ключевые слова: трансфер технологий; региональные объединения; экспортный контроль; технологический суверенитет; международное сотрудничество.

Введение

Современные российские исследователи подчеркивают, что изучение текущего состояния международного научно-технического сотрудничества (далее – «МНТС») в интересах РФ демонстрирует: формирование долгосрочной стратегии научно-технологического развития требует обязательного учета потенциала стран-партнеров – как в двустороннем формате, так и в рамках ЕАЭС, СНГ, БРИКС и ШОС.

Концепция международного научно-технического сотрудничества РФ, принятая в феврале 2019 года, определяет, что «на межрегиональном и региональном уровне МНТС Российской Федерации осуществляется в приоритетном порядке с государствами-членами экономических и политических интеграционных объединений на постсоветском пространстве (СНГ, ЕАЭС, ОДКБ и Союзное государство России и Белоруссии) и в рамках организаций, участницей которых она является (ШОС, БРИКС, АТЭС, АСЕМ, СБЕР), а также во взаимодействии с другими международными структурами и торгово-экономическими форматами (ЕС, АСЕАН, МЕРКОСУР, Африканским союзом и др.)» [1].

Таким образом, региональное научно-технологическое партнерство составляет фундамент внешнеполитической стратегии России. Особую значимость в данной области имеет «Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации», утвержденная президентским указом. Этот документ предписывает формирование модели научно-технического взаимодействия через «обеспечение ускоренного развития кооперации» в форматах СНГ, БРИКС, ШОС и ЕАЭС.

Между тем, «Несмотря на распространенное общественное заблуждение – трансфер технологий в России начал регламентироваться только в 2016 году, введенными впервые документами, что позволяет говорить о том», что правовое поле в отношении трансфера технологий «в РФ находится в зачаточном состоянии» [2, с. 358].

Ученые также исследуют «важнейший с практической точки зрения вопрос: какими должны быть формат и модель международного технологического сотрудничества России? На какой международно-правовой основе должны выстраиваться эти отношения?» [3, с. 488].

Учитывая изложенное, в рамках данного исследования целесообразным представляется анализ ключевых аспектов международного трансфера технологий в контексте четырех указанных межгосударственных объединений.

Содружество Независимых Государств унаследовало от Советского Союза не только сложившуюся систему научно-технической кооперации, но и соответствующий ей нормативно-правовой фундамент. За время существования СНГ первоначальная законодательная основа подверглась значительной модернизации, что позволило сформировать развитую систему правового регулирования в области технологического взаимодействия между странами-участницами данной организации. Ключевым элементом этой системы стал нормативный акт, принятый в 1995 году. Он заложил основу для последующего развития многостороннего сотрудничества в научно-технической сфере. «Об основных принципах сотрудничества государств – участников СНГ в сфере науки и научно-технической деятельности» [4], и многие другие, в том числе: «Решение Совета глав правительств СНГ об утверждении Межгосударственной программы инновационного сотрудничества государств – участников СНГ на период до 2030 года» [5]. В последнем закреплены, в том числе, такие принципы, как «соблюдение национальных интересов», «равенство интересов сторон», «обеспечение равного доступа государств-участников на рынки научно-технологической и инновационной продукции». Анализ документа позволяет выделить в числе основополагающих принципов программы приоритет соблюдения национальных интересов. Данное положение подразумевает обеспечение равных условий выхода на рынки высокотехнологичных товаров и услуг, а также учет интересов не только государств, но и их хозяйствующих субъектов – компаний и организаций. Значимость этого принципа обусловлена объективными различиями в национальных интересах государств-участников, что находит прямое отражение в тексте документа. Нормативное закрепление данного подхода предполагает, что при формировании конкретных механизмов научно-технического сотрудничества и трансфера технологий в рамках СНГ должны приниматься во внимание специфические интересы каждой страны. Соответственно, правовое регулирование в данной сфере не может быть унифицированным, требуя дифференцированного подхода к различным участникам. Таким образом, рассматриваемый принцип обладает существенной практической значимостью, поскольку задает вектор разработки индивидуальных правовых режимов с учетом национальной специфики.

Правовое поле СНГ содержит развернутые положения, регулирующие процедуры обмена научно-исследовательской и технической информацией. Среди основных нормативных актов в данной сфере особого внимания заслуживают, «Соглашение о межгосударственном обмене научно-технической информацией» [6], «Соглашение о свободном доступе и порядке обмена открытой научно-технической информацией государств-участников СНГ» [7] и принятое чуть более десяти

лет назад «Соглашение о сотрудничестве в сфере межгосударственного обмена научно-технической информацией» [8]. В целом, на пространстве СНГ создана комплексная система правового регулирования научно-технологического взаимодействия, включающая модельные законодательные акты. Хотя нормативные документы СНГ отличаются лаконичностью формулировок, они формируют эффективные правовые механизмы для организации многостороннего сотрудничества в данной области.

Евразийский экономический союз

Евразийский экономический союз представляет собой наиболее эффективную и многообещающую форму региональной интеграции на постсоветском пространстве. Углубление интеграционных процессов способствует укреплению экономик стран-участниц, формируя новые конкурентные преимущества и расширяя возможности развития. В системе ЕАЭС значительное внимание уделяется технологической кооперации, включая создание эффективных механизмов международного трансфера технологий. Эта сфера выступает одним из приоритетных направлений взаимодействия между государствами-членами объединения. Фундаментом для такого сотрудничества служит Договор о Евразийском экономическом союзе, который устанавливает правовые рамки взаимодействия в научно-технологической сфере. Данный документ определяет основные принципы и механизмы координации усилий стран-участниц в области технологического развития. М.В. Шугуров отмечает, что «в Договоре о ЕАЭС научно-технологическое сотрудничество изначально представлено в качестве сквозного направления, пронизывающего взаимодействие в сфере промышленности, АПК, энергетики и т.д.» [9, с. 64].

Согласно положениям Декларации о дальнейшем развитии интеграционных процессов в ЕАЭС, качественное углубление научно-технического и инновационного партнерства рассматривается в качестве ключевого условия перехода к следующему этапу наднациональной кооперации. В числе приоритетных направлений выделяются:

1. Формирование и реализация рамочной стратегической программы научно-технического развития Союза на долгосрочную перспективу;
2. Институциональное оформление механизмов реализации совместных инфраструктурных проектов, а также создание инвестиционных и научно-технологических консорциумов;
3. Консолидация усилий для организации совместных научных исследований, предусматривающая разработку конкретных предложений по развитию научно-технологического сотрудничества и подготовку рекомендаций по вопросам научно-технического развития.

Обоснованным является вывод о том, что развитие межгосударственного трансфера технологий создает предпосылки для повышения конкурентоспособности национальных экономик и обеспече-

ния перехода к устойчивому экономическому росту стран-участниц ЕАЭС.

В ЕАЭС одобрена «Концепция создания и функционирования Евразийской сети трансфера технологий» (далее – «ЕСТТ») [10]. В документе закреплено, что «в современном мире уровень социально-экономического развития страны в значительной степени определяется способностью генерировать новые знания и реализовывать их в высоких технологиях. ЕСТТ «предполагает обмен знаниями и технологиями, а также передачу и продажу исключительного права на их использование между юридическими и физическими лицами, где главной целью выступает их коммерциализация» [11]. В научной литературе отмечают некоторые проблемы ЕСТТ. Так, «наряду с недостаточной поддержкой инновационной деятельности, нехваткой материальных и нематериальных ресурсов для ее реализации, основной проблемой является потребность в доступе информации о возможностях установления партнерских отношений, о новых рынках и товарах, а также отсутствие систематического финансирования и неконкурентоспособность инновационных предприятий на международном рынке» [11, с. 152]. По состоянию на 24.10.2025 г. ЕСТТ ЕАЭС не была запущена в работу.

Мы разделяем точку зрения о том, что «достижение целей Союза, предусмотренных в ст. 4 Договора о ЕАЭС, в особенности таких, как структурная и технологическая модернизация экономики и наращивание конкурентных преимуществ, непосредственным образом зависит от успехов интеграции в сфере НТИ, что позволяет аккумулировать человеческие и финансовые ресурсы» [12, с. 32]. Наличие у Союза соответствующих наднациональных полномочий внесло бы существенный вклад в решение этих задач.

Отмечается ограниченный характер нормативной базы, регулирующей внешнее международное научно-техническое сотрудничество ЕАЭС. Правовые основы такого взаимодействия в основном заложены в документах политического характера, где определяются перспективные направления кооперации, включая научно-технологическую и инновационную сферы. Ярким примером служит Совместное заявление о сотрудничестве между Евразийской экономической комиссией и Организацией Объединенных Наций по промышленному развитию (ЮНИДО [13]), подписанное в 2014 году. Также, Меморандум о сотрудничестве подписан между ЕЭК и ЮНКТАД [14]. Взаимодействие осуществляется также на основе Программы сотрудничества между Евразийской экономической комиссией и Конференцией ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД) на 2021–2023 гг. [15].

Анализ интеграционных процессов в ЕАЭС позволяет заключить, что выстраивание правовых основ технологического развития требует последовательной и сбалансированной реализации. Формулировка заведомо невыполнимых задач способна привести к дискредитации интеграционных инициатив и снижению заинтересованности участ-

ников. Несмотря на провозглашенные цели углубления экономической интеграции, наблюдается определенная дивергенция национальных приоритетов государств-членов Союза. Значительное число участников ЕАЭС сформировали самостоятельные траектории инновационного развития, что объективно ограничивает возможность полной унификации подходов в данной сфере.

Шанхайская организация сотрудничества

Несмотря на изначальную ориентацию ШОС на решение вопросов безопасности, в настоящее время её деятельность демонстрирует устойчивую тенденцию к экономизации. В рамках Организации экологически безопасные технологии, возобновляемая энергетика и повышение энергоэффективности традиционно занимают приоритетное место в повестке дня устойчивого развития. Институциональным подтверждением значимости данного направления стало создание в ШОС постоянно действующей рабочей группы по научно-техническому сотрудничеству, что отражает решимость государств-членов достичь конкретных результатов в этой стратегически важной области. Правовой основой взаимодействия служит подписанное и действующее в рамках ШОС соглашение: Договор о долгосрочном добрососедстве, дружбе и сотрудничестве государств-членов ШОС [16]. Несмотря на первоначальную ориентацию Шанхайской организации сотрудничества на сферу безопасности, современная деятельность данной международной структуры характеризуется выраженной экономической направленностью. В рамках ШОС такие направления, как передовые экологические технологии, возобновляемая энергетика и энергоэффективность, исторически занимают центральное место в контексте устойчивого развития.

Свидетельством серьезности намерений стран-участниц является учреждение в ШОС постоянной рабочей группы по научно-техническому сотрудничеству, что демонстрирует стремление к достижению практических результатов в этой стратегически важной области межгосударственного взаимодействия. Правовой базой для такого сотрудничества служит – Стратегия экономического развития до 2030 года [17]. Вопросы технологического взаимодействия, предполагающие внедрение прогрессивных инновационных разработок, системно интегрированы в структуру рассматриваемого документа. Положения о сотрудничестве в данной области находят отражение в следующих секциях, регламентирующих отдельные направления межгосударственного взаимодействия: электроэнергетический комплекс (раздел 2); возобновляемая и низкоуглеродная энергетика (раздел 3); мирное использование атомной энергии (раздел 4); развитие угольной промышленности (раздел 5); энергосбережение и повышение энергетической эффективности (раздел 6).

В ШОС принято также Соглашение между правительствами государств-членов Шанхайской организации сотрудничества о научно-техническом

сотрудничестве – основополагающий документ в данной сфере межгосударственного взаимодействия [18]. В Соглашении, в частности, закреплено положение о том, что стороны развивают научно-техническое сотрудничество в соответствии со своим национальным законодательством [18]. В отношении этого документа было высказано мнение, что «для эффективного противодействия западной санкционной политике России необходимо сфокусировать выстраивание МНТС в приоритетном порядке между партнерскими государствами-членами ШОС, сотрудничество с которыми обладает сильным потенциалом и базируется на Соглашении о научно-техническом сотрудничестве» [19, с. 159]. Одновременно с этим в научной литературе отмечается, что «ШОС объединяет, в том числе, государства, не имеющие длительной истории тесного научного и научно-технического взаимодействия, а нормативная база для его развития стала формироваться только с 2013 г.» [20, с. 262].

Анализ правового регулирования в рамках ШОС выявляет существенные пробелы в сфере научно-технического взаимодействия. В настоящее время данное направление сотрудничества находится на начальной стадии институционализации и только начинает формироваться как автономный сегмент многостороннего взаимодействия в рамках Организации. Следует констатировать, что кооперация в научно-технической сфере под эгидой ШОС пока носит преимущественно декларативный характер и не имеет комплексного нормативного закрепления. Отсутствие детализированных механизмов реализации сотрудничества существенно ограничивает практическую эффективность взаимодействия государств-членов в этой области.

БРИКС

В системе многостороннего взаимодействия БРИКС научно-техническая кооперация занимает одно из ключевых мест. Изменение геополитической конъюнктуры способствовало формированию новой повестки, ориентированной на обеспечение технологической устойчивости государств-участников. Фундаментальной основой правового регулирования в данной области выступает Меморандум о взаимопонимании по научно-техническому и инновационному сотрудничеству, заключенный в 2015 году. Данный документ установил базовые принципы и механизмы взаимодействия, создав институциональные предпосылки для развития партнерства в сфере высоких технологий и инноваций – «Меморандум о сотрудничестве в сфере науки, технологий и инноваций между правительствами Федеративной Республики Бразилия, Российской Федерации, Республики Индия, Китайской Народной Республики и Южно-Африканской Республики» [21]. В числе приоритетных векторов кооперации обозначены следующие: обмен стратегическими и программными разработками, содействие трансферу инноваций и технологических решений, реализация программ академической мобильности для исследователей,

а также налаживание информационного обмена в научно-технологической и инновационной сферах. Несмотря на то, что Меморандум относится к инструментам «мягкого права» и не содержит революционных положений, данный документ формирует крепкую нормативную платформу для поступательного развития технологического партнерства между странами-участницами этой влиятельной международной структуры.

Мы разделяем мнение о том, что «такая важная форма МИНТС, как сотрудничество в сфере разработки и передачи технологий с целью их практического использования, является одним из ключевых средств обеспечения перехода к устойчивому развитию» [22, с. 33] БРИКС. Это подтверждает текст Казанской декларации [23], термин «устойчивое развитие» встречается в тексте документа многократно. Значительное внимание в этом программном документе организации уделяется технологической тематике, в том числе вопросам трансфера технологий. Данная проблематика раскрывается в различных контекстах, таких как: декарбонизация и улавливание парниковых газов; сохранение биоразнообразия и рациональное природопользование; разработки в области искусственного интеллекта; защита потребительских прав; развитие особых экономических зон; реализация Целей устойчивого развития ООН; защита интеллектуальной собственности.

Особого внимания заслуживает положение пункта 111 Казанской декларации, где отмечается значительный научно-технологический и инновационный потенциал государств БРИКС и предусматривается разработка Протокола к Меморандуму о взаимопонимании по сотрудничеству в области НТИ. На основании изложенного можно констатировать, что технологическое взаимодействие занимает одно из приоритетных мест в деятельности объединения.

Для эффективного развития научно-технического сотрудничества в рамках БРИКС, ШОС и ЕАЭС необходима консолидация усилий по двум стратегическим направлениям: гармонизация приоритетов научно-технического развития между всеми государствами-членами и формирование продуктивных партнерских связей с зарубежными научно-исследовательскими центрами. Решение этих взаимосвязанных задач представляется императивом для успешной интеграции. В научном дискурсе обоснованно указывается, что центральным элементом концептуализации регионального научно-технического сотрудничества должно стать формирование целостного понимания модели его правового регулирования между странами-участницами интеграционных объединений. Данный тезис обладает универсальной применимостью, распространяясь не только на ЕАЭС, но также на ШОС и БРИКС. При этом не предполагается создание идентичных правовых моделей в каждой из организаций – такая задача невыполнима в силу их принципиально различных институционально-правовых характеристик. Одна-

ко, концептуальные основы технологического развития в рамках всех трех структур могут и должны базироваться на единых принципах и подходах, обеспечивающих синергетический эффект интеграционного взаимодействия.

Выводы

В российской науке обсуждаются следующие вызовы:

1. Возможность трансфера технологий: как создать и поддерживать эффективные каналы передачи технологий в условиях санкций?
2. Новая конфигурация сотрудничества: санкции требуют смены приоритетов и реформирования международных научных связей.
3. Фокус на дружественные страны: решение видится в укреплении многостороннего партнерства с не враждебно настроенными государствами.

Стратегия России в условиях санкций предполагает переориентацию международного сотрудничества на региональные объединения с ее участием. В рамках БРИКС, ШОС, ЕАЭС и СНГ решаются задачи по построению независимых технологических цепочек, импортозамещению и созданию новых рынков, что укрепляет позиции всех участников. Официальная позиция, закреплённая в документах, определяет технологический суверенитет как обеспечение национального контроля над критическими и сквозными технологиями, без которых невозможно достижение целей развития. Данная задача требует трансформации международного научно-технического сотрудничества и развития связей с конструктивно настроенными государствами.

В рамках институционального обеспечения этих задач в том числе создана Межведомственная комиссия Совета Безопасности Российской Федерации и внедрены регламентированные процедуры отбора проектов в сфере технологического суверенитета. Утвержден порядок отнесения проектов к проектам технологического суверенитета и проектам структурной адаптации экономики Российской Федерации.

Достижение технологического суверенитета объявлено приоритетной задачей в ряде стратегических документов России, включая те, что регулируют международное сотрудничество.

Заключение

«Ключевой вопрос для Российской Федерации на какой международно-правовой основе может выстраиваться технологическое сотрудничество. Как найти баланс между защитой национальных интересов и исключением ситуаций зависимости от иностранных технологических решений, с одной стороны, и взаимовыгодным технологическим обменом с заслуживающими доверия странами, с другой» [24, с 489].

В текущих геополитических условиях технологический прогресс утратил статус исключительно

инструмента повышения качества жизни. Уровень технологического развития стал ключевым индикатором экономического потенциала и глобальной конкурентоспособности стран. При этом технологическая сфера оказывает непосредственное влияние на обеспечение национальной безопасности. Указанные обстоятельства усугубляются наличием фундаментальных противоречий между национальными интересами различных государств. Данное противоречие объясняет, почему международные механизмы передачи технологий на протяжении длительного времени оставались скорее декларацией о намерениях, нежели работоспособной системой.

Сложившаяся ситуация требует пересмотра существующей парадигмы технологического обмена. Актуальной задачей становится внедрение в практику международного трансфера технологий принципиально новых подходов, базирующихся на справедливых условиях, сбалансированности интересов и социальной ответственности разработчиков прорывных технологических решений.

В контексте обеспечения технологического суверенитета Российской Федерации, приоритетным направлением становится концентрация усилий по трансферу технологий и международному научно-техническому сотрудничеству в рамках объединений дружественных стран. Ключевыми партнерами в этой области выступают государства-участники СНГ, а также такие форматы многостороннего взаимодействия, как БРИКС, ШОС и ЕАЭС.

Литература

1. Концепция международного научно-технического сотрудничества Российской Федерации (одобрена решением Правительства Российской Федерации от 8 февраля 2019 года № ТГ-П8–952). Пункт 21. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://minobrnauki.gov.ru/upload/2021/07/kontseptsiya_MNTS_Rossiyskoy_Federatsii.pdf
2. Развитие трансфера технологий для обеспечения технологического суверенитета Российской Федерации в условиях санкций. Епихин Е.В. // Вопросы российского и международного права. 2023. Т. 13. № 11–1. С. 352–363.
3. Особенности регулирования трансфера технологий в иностранных юрисдикциях и перспективы разработки международных правил в контексте российских интересов. Епихин Е.В. // Юридическая наука. 2025. № 4. С. 485–491.
4. Рекомендательный законодательный акт «Об основных принципах сотрудничества государств – участников СНГ в сфере науки и научно-технической деятельности» 1995 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/8310762>
5. Решение Совета глав правительств СНГ 6 ноября 2020 года утверждена Межгосударствен-

ная программа инновационного сотрудничества государств –участников СНГ на период до 2030 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.gknt.gov.by/upload/Deyatelnost/mezhd_deyatelnost/mgp2030.pdf

6. Соглашение о межгосударственном обмене научно-технической информацией 1992 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cis.minsk.by/reestr/ru/index.html#reestr/view/text?doc=114>
7. Соглашение о свободном доступе и порядке обмена открытой научно-технической информацией государств – участников СНГ 1998 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/901725094>
8. Соглашение о сотрудничестве в сфере межгосударственного обмена научно-технической информацией 2014 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/420283941>
9. Шугуров, М.В. ЕАЭС и АСЕАН: вопросы формирования международно-правового механизма сотрудничества в сфере науки и технологий / М.В. Шугуров // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2023. – № 4(153). – С. 64.
10. Концепция создания и функционирования Евразийской сети трансфера технологий утверждена решением Совета Евразийской экономической комиссии от 30 марта 2018 года N 23. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/557013895>
11. Макарян Э.А. Евразийская сеть трансфера технологий и ее роль в развитии инновационной деятельности малых предприятий // Journal of Economy and Business, vol. 5–2 (75). – 2021. – С. 152.
12. Шугуров, М.В. Парадигма научно-технической и инновационной интеграции в рамках ЕАЭС / М.В. Шугуров // Актуальные проблемы современности: наука и общество. – 2020. – № 1(26). – С. 32.
13. Совместное заявление о сотрудничестве между Евразийской экономической комиссией и Организацией Объединенных Наций по промышленному развитию. Утверждено решением Коллегии ЕЭК от 30 сентября 2014 года № 179 «Об организации сотрудничества Евразийской экономической комиссии с Организацией Объединенных Наций по промышленному развитию». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.eaeunion.org/documents/165/328/>
14. Меморандум о сотрудничестве между Евразийской экономической комиссией и Конференцией Организации Объединенных Наций по торговле и развитию (ЮНКТАД) (Астана, 23.05.2013). URL: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/trade/dotp/memorandymi/Documents/unctad_memo.pdf
15. Распоряжение коллегии ЕЭК от 24 апреля 2017 г. № 36 «Об одобрении Программы сотрудничества между ЕЭК и ЮНКТАД на 2017–2019 гг.». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01413710/clco_26042017_36
16. Договор о долгосрочном добрососедстве, дружбе и сотрудничестве государств-членов Шанхайской организации сотрудничества от 16 августа 2007 г. Ратифицирован Федеральным законом от 10 июня 2008 года N 81-ФЗ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/902086025>
17. Решение Совета глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества об утверждении Стратегии развития энергетического сотрудничества государств-членов Шанхайской организации сотрудничества на период до 2030 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rus.sectesco.org/20240704/1599069.html>
18. Соглашение между правительствами государств-членов Шанхайской организации сотрудничества о научно-техническом сотрудничестве: Бишкек, 13 сентября 2013 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.prlib.ru/item/1283409>
19. Аничкин Е. С., Резинкин А.Ю. Антироссийские санкции как предпосылка расширения международного научно-технического сотрудничества с азиатскими странами // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2021. Т. 5. № 2. С. 159.
20. Правовое регулирование международного научно-технического сотрудничества: российский опыт и лучшие мировые практики / Под ред. А.А. Васильева. – Барнаул: ООО «АЗБУКА», 2022. С. 262.
21. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 14 марта 2015 г. № 434-р «О подписании Меморандума о сотрудничестве в сфере науки, технологий и инноваций между Правительством Федеративной Республики Бразилии, Правительством Российской Федерации, Правительством Республики Индии, Правительством Китайской Народной Республики и Правительством Южно-Африканской Республики». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://static.government.ru/media/files/YiQ-Z4L110dE.pdf>
22. Шугуров, М.В. Политико-правовые основы и организационные механизмы научно-технологического сотрудничества и передачи технологий в рамках БРИКС в контексте стратегии устойчивого развития / М.В. Шугуров // Российское право онлайн. – 2019. – № 3–4. – С. 33.
23. Казанская декларация XVI Саммита БРИКС, 23 октября 2024 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://brics-russia2024.ru/docs/>
24. Международно-правовая основа трансфера технологий в контексте антироссийских ограничительных мер запада. Никифоров В.А.,

ACHIEVING TECHNOLOGICAL SOVEREIGNTY OF THE RUSSIAN FEDERATION THROUGH THE DEVELOPMENT OF INTERNATIONAL SCIENTIFIC AND TECHNICAL COOPERATION: ASSESSING THE POTENTIAL OF REGIONAL INTEGRATION ASSOCIATIONS WITH THE PARTICIPATION OF THE RUSSIAN FEDERATION

Epikhin E.V.

All-Russian Foreign Trade Academy of the Ministry for Economic Development of the Russian Federation

Research objectives. The topic of the article touches upon the urgent problem of international scientific and technical cooperation, international technology transfer. The purpose of this article is to study the regulation of international technology transfer from the point of view of the potential of the partner states of the Russian Federation, both in the format of bilateral relations and within the framework of the EAEU, CIS, BRICS, SCO. This is of direct interest to the Russian Federation in connection with the need to solve the problem of achieving technological sovereignty. *Conclusions.* Technology today is not just a result of intellectual activity embodied in a specific product that can bring profit. The analysis revealed that today, technology is considered an integral part of national security and a tool for achieving and maintaining global competitiveness. Knowledge and information are already economic values in their own right, and therefore subject to export control in the context of national security. This makes it extremely difficult to develop universal international rules for the transfer of technology. In this regard, the Russian Federation faces the urgent task of determining the international legal basis for Russia's scientific and technological cooperation with friendly countries.

Keywords: technology transfer; regional associations; export control; technological sovereignty; and international cooperation.

References

1. The Concept of International Scientific and Technical Cooperation of the Russian Federation (approved by the decision of the Government of the Russian Federation dated February 8, 2019, No. TG-P8-952). Paragraph 21. [Electronic resource]. Access mode: https://minobrnauki.gov.ru/upload/2021/07/kontseptsiya_MNTS_Rossiyskoy_Federatsii.pdf
2. Development of technology transfer to ensure the technological sovereignty of the Russian Federation in the context of sanctions. Epikhin E.V. // Issues of Russian and International Law. 2023. Vol. 13. No. 11–1. Pp. 352–363.
3. Features of Technology Transfer Regulation in Foreign Jurisdictions and Prospects for Developing International Rules in the Context of Russian Interests. Epikhin E.V. // Legal Science. 2025. No. 4. Pp. 485–491.
4. The Advisory Legislative Act “On the Basic Principles of Cooperation between the CIS Member States in the Field of Science and Scientific and Technical Activities” of 1995. [Electronic resource]. – Access mode: <http://docs.cntd.ru/document/8310762>
5. The Council of CIS Heads of Government adopted the Interstate Programme of Innovative Cooperation between the CIS Member States for the period up to 2030 on November 6, 2020. [Electronic resource]. – Access mode: https://www.gknt.gov.by/upload/Deyatelnost/mezhd_deyatelnost/mgp2030.pdf
6. Agreement on the Interstate Exchange of Scientific and Technical Information of 1992 [Electronic resource]. – Access mode: <http://cis.minsk.by/reestr/ru/index.html#reestr/view/text?-doc=114>
7. Agreement on Free Access and the Procedure for Exchanging Open Scientific and Technical Information of the CIS Member States, 1998 [Electronic resource]. – Access mode: <https://docs.cntd.ru/document/901725094>
8. Agreement on Cooperation in the Interstate Exchange of Scientific and Technical Information, 2014 [Electronic resource]. – Access mode: <https://docs.cntd.ru/document/420283941>
9. Shugurov, M.V. EAEU and ASEAN: Issues of Forming an International Legal Mechanism for Cooperation in the Field of Science and Technology / M.V. Shugurov // Bulletin of the Saratov State Law Academy. – 2023. – No. 4(153). – P. 64.
10. The Concept for the Creation and Functioning of the Eurasian Technology Transfer Network was approved by the Decision of the Council of the Eurasian Economic Commission dated March 30, 2018, No. 23. [Electronic resource]. – Access mode: <https://docs.cntd.ru/document/557013895>
11. Makaryan E.A. The Eurasian Technology Transfer network and its role in the development of innovative activities of small enterprises // Journal of Economy and Business, vol. 5–2 (75). – 2021. – P. 152.
12. Shugurov, M.V. The paradigm of scientific, technical and innovative integration within the EAEU / M.V. Shugurov // Actual problems of our time: science and society. – 2020. – № 1(26). – P. 32.
13. Joint Statement on cooperation between the Eurasian Economic Commission and the United Nations Industrial Development Organization. Approved by the EEC Board Decision No. 179 dated 30 September 2014 “On the Organization of Cooperation between the Eurasian Economic Commission and the United Nations Industrial Development Organization”. [Electronic resource]. Access mode: <https://docs.eaeunion.org/documents/165/328/>
14. Memorandum on Cooperation between the Eurasian Economic Commission and the United Nations Conference on Trade and Development (UNCTAD) (Astana, 23 May 2013). URL: [Electronic resource]. Access mode: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/trade/dotp/memorandymi/Documents/unctad_memo.pdf
15. Order of the EEC Board dated April 24, 2017, No. 36 “On Approval of the Cooperation Programme between the EEC and UNCTAD for 2017–2019”. [Electronic resource]. – Access mode: http://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01413710/cl-co_26042017_36
16. The Treaty on Long-Term Good-Neighborliness, Friendship and Cooperation of the Member States of the Shanghai Cooperation Organization dated August 16, 2007. Ratified by Federal Law No. 81-FZ dated June 10, 2008. [Electronic resource]. Access mode: <https://docs.cntd.ru/document/902086025>
17. Decision of the Council of Heads of State of the Shanghai Cooperation Organization on the approval of the Strategy for the Development of Energy Cooperation among the Member States of the Shanghai Cooperation Organization for the period up to 2030. [Electronic resource]. – Access mode: <https://rus.sectsco.org/20240704/1599069.html>
18. Agreement between the Governments of the Member States of the Shanghai Cooperation Organization on Scientific and Technical Cooperation: Bishkek, September 13, 2013 [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.prilib.ru/item/1283409>
19. Anichkin E. S., Rezinkin A. Yu. Anti-Russian Sanctions as a Prerequisite for Expanding International Scientific and Technical Cooperation with Asian Countries // Bulletin of Kemerovo State University. Series: Humanities and Social Sciences. 2021. Vol. 5. No. 2. P. 159.
20. Legal Regulation of International Scientific and Technical Cooperation: Russian Experience and Best Global Practices / Edited by A.A. Vasilyev. – Barnaul: AZBUKA LLC, 2022. P. 262.
21. Order of the Government of the Russian Federation dated March 14, 2015, No. 434-r “On the Signing of a Memorandum on Cooperation in Science, Technology, and Innovation between the Government of the Federal Republic of Brazil, the Government of the Russian Federation, the Government of the Republic of India, the Government of the People's Republic of China, and the Government of the Republic of South Africa.” [Electronic resource]. Access mode: <http://static.government.ru/media/files/YiQZ4L110dE.pdf>
22. Shugurov, M.V. Political and Legal Foundations and Organizational Mechanisms of Scientific and Technological Cooperation and Technology Transfer within the BRICS in the Context of Sustainable Development Strategy / M.V. Shugurov // Russian Law Online. – 2019. – No. 3–4. – P. 33.
23. Kazan Declaration of the XVI BRICS Summit, October 23, 2024 [Electronic resource]. – Access mode: <https://brics-russia2024.ru/docs/>
24. International legal basis for technology transfer in the context of Western anti-Russian restrictive measures. Nikiforov V.A., Epikhin E.V. // Gaps in Russian legislation. 2025. Vol. 18. No. 2. Pp. 132–138.

Клюев Виталий Владимирович,

кандидат юридических наук, профессор кафедры «морское право и международное право», Российский университет транспорта
E-mail: vitaly140962@gmail.com

Статья посвящена комплексному исследованию категории публичного интереса в морском праве. Раскрывается общеправовое содержание публичного интереса, приводится анализ его проявления в национальном законодательстве, международно-правовых актах и судебной практике. Показано, что публичный интерес в морском праве имеет многослойную структуру, включающую государственные, муниципальные и общественные приоритеты, а также реализуется на внутригосударственном, межгосударственном и международном уровнях. Особое внимание уделено проблеме соотношения публичного и частного интересов в морской сфере: выявлены механизмы их согласования. Обоснован вывод о ключевой роли публичного интереса в обеспечении суверенитета, национальной безопасности, экологической защиты и устойчивого развития страны. Публичный интерес в морском праве выступает не только как правовая, но и как политико-стратегическая категория, обеспечивающая баланс частных и общественных потребностей и интеграцию национального и международного регулирования.

Ключевые слова: публичный интерес, морское право, охрана морской среды, публичное морское право, государственный интерес, частный интерес.

Введение

Морское право в России традиционно рассматривается как комплексная отрасль права, регулирующая широкий спектр общественных отношений, связанных с использованием морских пространств, их ресурсов и инфраструктуры¹. Особенностью морского права является его реализация публичных интересов государства: защита человеческой жизни, обеспечение безопасности мореплавания, охрана морской среды, регулирование добычи полезных ископаемых на шельфе, защита национальных интересов в Арктике и прибрежных регионах, поддержание транспортной доступности для населения и бизнеса, обеспечение внешнеторговой деятельности государства.

Актуальность исследования публичного интереса в морском праве России обусловлена возрастающим значением морского фактора для национальной безопасности, экономики и международного статуса государства. Россия обладает одной из самых протяжённых в мире береговой линией, колоссальными запасами природных ресурсов в исключительной экономической зоне и на континентальном шельфе, а также уникальными транспортными возможностями, связанными, в том числе, с Северным морским путём (СМП). Эти обстоятельства объективно делают морское пространство ключевой сферой реализации публичного интереса, который выходит далеко за пределы юридического конструкта и приобретает политико-стратегический характер.

Целью исследования является определение сущности и особенностей публичного интереса в морском праве России, а также выявление его роли в формировании и развитии национальной морской политики.

В исследовании применяются как общенаучные, так и частно-правовые методы познания. Среди общенаучных методов ключевое значение имеет системный метод, позволяющий рассматривать морское право, как целостную правовую отрасль, внутри которой публичный интерес выступает структурообразующим элементом. Метод анализа и синтеза помогает выявить отдельные характеристики публичного интереса и затем интегрировать их в целостное научное представление.

Категория публичного интереса

Категория «публичного интереса» занимает ключевое место в юридической науке и правопримени-

¹ Клюев, В.В. Место морского права в системе отраслей российского права / В.В. Клюев // Современное право. – 2024. – № 8. – С. 45–51. – DOI 10.25799/NI.2024.40.77.008. – EDN KIRQ-JW.

тельной практике, поскольку именно она отражает характер взаимодействия государства, общества и отдельных субъектов, их согласование и взаимное влияние. Следует подчеркнуть, что разграничение интересов на частные и публичные, в общем случае не совпадает с традиционным делением права на публичное и частное. Публичный интерес пронизывает все отрасли права, включая частноправовые, где он проявляется, например, в ограничении злоупотреблений субъективным правом или в защите слабой стороны договора. Соответственно, публичный интерес нельзя сводить исключительно к интересам государства: он представляет собой более широкую категорию, объединяющую государственные, общественные и коллективные потребности.

Исторически осмысление публичного интереса восходит к античной философии. Так, Платон и Аристотель фактически приравнивали интересы полиса к интересам граждан, утверждая, что благо государства и благо отдельного человека неразрывны¹. В римской юриспруденции Ульпиан связывал публичные интересы с интересами государства, тем самым закладывая правовую основу для будущих интерпретаций этой категории. В Средние века утверждалась идея приоритета общественного блага над интересами личности, а Ж.Ж. Руссо в рамках элитарного подхода развил тезис о том, что «государство выступает выразителем воли народа»². В отечественной правовой мысли С.А. Муромцев обращал внимание на то, что «частные интересы не могут противоречить публичным, поскольку последние представляют собой их синтез и выражают более высокую форму согласования индивидуальных и коллективных потребностей»³.

Современная юридическая доктрина демонстрирует многообразие подходов к пониманию публичного интереса. Ю.А. Тихомиров связывает его с назначением государства, которое должно служить гражданскому обществу, защищая как его интересы, так и интересы отдельных лиц⁴. Е.Б. Крылова определяет публичный интерес как «общественный интерес, пропущенный через публичный аппарат»⁵, подчеркивая институциональную природу данной категории. В.М. Сырых трактует его как интерес общества, ориентированный на нормальное развитие посредством концентрации материальных и духовных ресурсов с целью их справедливого распределения⁶. Более прикладную

дефиницию предлагает А.В. Кряжков, согласно которому: «публичные интересы – это общественные интересы, признанные государством и обеспеченные правом»⁷. Эти позиции демонстрируют двойственную природу рассматриваемой категории: с одной стороны, она выражает реальные потребности общества, а с другой – становится юридически значимой лишь после институционального признания со стороны государства.

Особое влияние на формирование содержания публичного интереса оказывает судебная практика. Конституционный Суд РФ в начале 2000-х годов указывал, что публичный интерес представляет собой интерес значительного числа лиц, в том числе неопределенного круга субъектов⁸. Однако более содержательная и практикоориентированная трактовка дана в 2015 году⁹ с указанием на то, что публичные интересы раскрываются через такие элементы, как обеспечение безопасности жизни и здоровья граждан, охрана окружающей среды, оборона и безопасность государства, а также защита интересов неопределенного круга лиц. Именно это определение сегодня выступает основным ориентиром для правоприменителя.

Систематизация существующих научных и практических подходов позволяет выделить ключевые признаки публичного интереса. Его всегда признаёт и закрепляет государство через нормативные акты и правоприменительную практику. Он отражает потребности широкого, в том числе неопределённого, круга лиц и по своей природе не может противоречить основам правопорядка, что делает его законным. В случае столкновения с частными интересами именно публичный интерес получает приоритет и дополнительную защиту. Для его охраны предусмотрен особый механизм, который чаще всего реализуется в административном, уголовном или конституционно-правовом порядке по инициативе государственных институтов.

Публичный интерес проявляется как в публичных, так и в частноправовых отраслях. В публичном праве он традиционно отождествляется с интересами государства и общества в целом, будь то борьба с преступностью, обеспечение правопорядка или экологическая безопасность. В частном праве публичный интерес выражается в ограничениях индивидуальных прав ради реализации общественных потребностей, например, возможны изъ-

¹ Новицкий, И.Б. Римское частное право: учебник для вузов / И.Б. Новицкий. – М.: ЮРАИТ, 2022. – 298 с.

² Руссо, Ж.-Ж. Об общественном договоре / Ж.-Ж. Руссо. – М.: Кучково поле, 1998. – 414с.

³ Муромцев, С.А. Определение и основное разделение права / С.А. Муромцев. – 2-е изд. – СПб.: Изд. дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2004. – 223 с.

⁴ Тихомиров, Ю.А. Публично-правовой интерес: динамика сфер и методов / Ю.А. Тихомиров // Журнал российского права. – 2001. – № 5. – С. 3–12.

⁵ Крылова, Е.Б. Интерес публично-правовых образований в гражданском праве / Е.Б. Крылова // Юридический мир. – 2010. – № 3. – С. 52–54.

⁶ Сырых, В.М. Объективные основы публичного права / В.М. Сырых // Lexrussica. – 2016. – № 5 (114). – С. 37–80.

⁷ Кряжков, А.В. Публичный интерес: понятие, виды и защита / А.В. Кряжков // Государство и право. – 1999. – № 10. – С. 91–99.

⁸ Постановление Конституционного Суда РФ от 24.02.2004 № 3-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 74 и 77 Федерального закона «Об акционерных обществах», регулирующих порядок консолидации размещенных акций акционерного общества и выкупа дробных акций, в связи с жалобами граждан, компании «Кадет Истеблишмент» и запросом Октябрьского районного суда города Пензы»: «Российская газета», № 41, 02.03.2004 г.

⁹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 8, август, 2015.

ятия имущества для государственных нужд либо вмешательство в частную жизнь во имя защиты интересов неопределенного круга лиц¹. Таким образом, публичный интерес выполняет балансирующую функцию, согласуя индивидуальное и коллективное начала в правовой системе.

Как справедливо отмечает И.Г. Смирнова, «в уголовном праве публичный интерес воплощается в государственном интересе, а также в подтвержденных и закреплённых законодательно общественных интересах, представляющих собой совокупность социально значимых частных интересов, не вступающих в противоречие с государственными»². Иными словами, в публичном праве публичный интерес – это результат своеобразного «отбора» государством тех общественных потребностей, которые оно считает приоритетными и подлежащими особой защите.

Сравнительный анализ показывает, что публичный интерес в публичном и частном праве имеет как общие черты, так и существенные различия³. Общим является то, что он всегда выражает социально значимые потребности и получает признание государства. Отличие заключается в объёме и круге субъектов: в публичном праве публичный интерес затрагивает практически всё население и является всеобъемлющим, в то время как в частном праве он касается ограниченных категорий лиц и проявляется преимущественно через механизм ограничения или поддержки частных интересов.

Публичный интерес в морском праве

Публичный интерес в российском морском праве закреплён в системе нормативных актов, которые формируют правовую основу национальной морской политики и определяют баланс интересов государства, общества и частных субъектов. Центральное место в этой системе занимает Морская доктрина РФ⁴ (далее – Морская доктрина), в которой содержится дефиниция национальных интересов в Мировом океане как «объективно значимых потребностей государства и общества в сфере морской деятельности, связанных с обеспечением национальной безопасности Российской Федерации и созданием благоприятных условий для её устойчивого развития».

Значение Морской доктрины усиливается через детализированный перечень национальных инте-

ресов России в морской сфере (п. 9), включающий обеспечение государственной и территориальной целостности, защиту суверенных прав в исключительной экономической зоне и на континентальном шельфе, развитие СМП, охрану окружающей среды, сохранение статуса великой морской державы и другие стратегические приоритеты. Эти цели приобретают статус публичных интересов, поскольку закреплёны в нормативном акте высшего уровня и отражают потребности не отдельных субъектов, а всего государства и общества. Формально-юридическое закрепление публичного интереса в морской сфере прослеживается также в отраслевом законодательстве.

Особое внимание публичному интересу уделяется в законах, регулирующих, в том числе, использование морских ресурсов⁵. Так, законодательно закреплёно право государства на разведку и разработку ресурсов континентального шельфа, при этом подчёркивается необходимость защиты морской среды. Здесь публичный интерес проявляется в приоритете экологической безопасности над узко-хозяйственными интересами компаний-недропользователей.

Публичный интерес в морском праве проявляется и в сфере охраны морской среды⁶. Экологическое законодательство устанавливает обязательные требования по охране морской среды и проведению экологической экспертизы проектов, связанных с использованием морских пространств, подтверждая, что охрана экосистем Мирового океана и морских пространств является публичным интересом, обеспечиваемым государством даже в ущерб частной хозяйственной выгоде.

Реализация публичного интереса в морском праве России неразрывно связана с международно-правовыми обязательствами государства. Россия является участником Конвенции ООН по морскому праву 1982 года⁷ (далее – КМП). Конвенция закрепляет ключевые принципы, включая свободу открытого моря (ст. 87), обязанность государств защищать и сохранять морскую среду (ст. 192), а также право прибрежных государств на исключительную экономическую зону и континентальный шельф (ч. V и VI). Эти положения напрямую интегрированы в российское законодательство и формируют основу для обеспечения публичного интереса в международных морских пространствах.

Практическая реализация публичного интереса в морском праве наглядно проявляется в Арктическом регионе и в регулировании СМП⁸. Публичный

¹ Дерюгина Т. В., Квициния Н.В. Применение категории «публичный интерес» в регулировании частноправовых отношений // Legal Concept. – 2023. – Т. 22. – № 3. – С. 79–87.

² Смирнова И.Г. Интерес – понятие уголовно-процессуальное // Государство и право. – 2008. – № 8. – С. 17.

³ Головицына, В. К. публичный интерес в частном праве / В.К. Головицына // Актуальные вопросы юриспруденции: сборник статей XV Международной научно-практической конференции, Пенза, 30 июня 2023 года. – Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2023. – С. 79–83.

⁴ Указ Президента РФ от 31.07.2022 № 512 (ред. от 13.08.2024) «Об утверждении Морской доктрины Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 01.08.2022. № 31. Ст. 5699.

⁵ Федеральный закон от 30.11.1995 № 187-ФЗ (ред. от 19.10.2023) «О континентальном шельфе Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 04.12.1995. № 49. Ст. 4694.

⁶ Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ (ред. от 26.12.2024) «Об охране окружающей среды» // Собрание законодательства РФ. 14.01.2002. № 2. Ст. 133.

⁷ Конвенция Организации Объединённых Наций по морскому праву (UNCLOS) (заключена в г. Монтего-Бее 10.12.1982) // Собрание законодательства РФ. 01.12.1997. № 48. Ст. 5493.

⁸ Федеральный закон от 28.07.2012 № 132-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части государственного регулирования торгового

интерес выражается в том, что ключевая транспортная артерия страны находится под полным государственным контролем.

Необходимо отметить и судебную практику, в которой публичный интерес в морской сфере получает дополнительное раскрытие. Так, Верховный Суд РФ неоднократно подчёркивал, что вопросы экологической безопасности при эксплуатации морских пространств имеют приоритетное значение и могут служить основанием для отказа в удовлетворении требований хозяйствующих субъектов, если их деятельность угрожает интересам неопределённого круга лиц: «под публичными интересами понимаются интересы неопределённого круга лиц, обеспечение безопасности жизни и здоровья граждан, обороны и безопасности государства, а также охраны окружающей природной среды»¹.

Содержательный анализ норм показывает, что публичный интерес в морском праве России проявляется через несколько ключевых направлений. Он выражается в обеспечении суверенитета и территориальной целостности (Конституция РФ, ст. 67), в защите национальной безопасности и статуса России как великой морской державы (Морская доктрина), в охране жизни и здоровья граждан (КТМ РФ), в охране морской среды (ФЗ «О континентальном шельфе РФ»), в обеспечении свободы открытого моря (КМП). Каждое из этих направлений фиксирует публичный интерес как категорию, обладающую приоритетом перед частными интересами и подлежащую защите государством через правовые механизмы².

Таким образом, публичный интерес в морском праве России выступает в качестве фундаментальной правовой категории, объединяющей национальные и общественные потребности, закреплённые в нормативных актах различного уровня и реализуемые в институциональной практике государства. Его сущность заключается в приоритете защиты суверенитета, безопасности и устойчивого развития над частными интересами, в сочетании национального и международного правового регулирования, а также в обеспечении справедливого и рационального использования морских пространств и ресурсов в интересах всего общества.

На международном уровне публичный интерес выражается в закреплении принципов, которые обеспечивают баланс между суверенными правами государств и интересами мирового сообщества. Прежде всего это принцип свободы открытого моря, который исключает возможность присвоения открытого моря каким-либо государством. Этот принцип включает несколько компонентов: сво-

мореплавания в акватории Северного морского пути» // Собрание законодательства РФ. 30.07.2012. № 31. Ст. 4321.

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 8. август, 2015.

² Годованик Е.В. Национальные интересы Российской Федерации в Мировом океане: правовая характеристика // *Lex russica*. – 2023. – Т. 76. – № 4 (197). – С. 18–29.

боду судоходства, воздушных полётов, прокладки подводных кабелей и трубопроводов, а также проведения научных исследований³.

Другим важным проявлением публичного интереса является исключительная юрисдикция государства над судами своего флага в открытом море: каждое судно в открытом море подпадает под юрисдикцию государства, чей флаг оно несёт. Это правило препятствует произвольному вмешательству иностранных государств и обеспечивает правовую предсказуемость морской деятельности.

Принцип мирного использования Мирового океана закреплён в КМП и исключает возможность милитаризации открытых морских пространств, за исключением тех случаев, которые связаны с обеспечением международного мира и безопасности по решению Совета Безопасности ООН.

На национальном уровне публичный интерес проявляется в установлении прибрежными государствами правового режима морских пространств. Каждое государство обладает суверенитетом во внутренних морских водах и территориальном море, а также суверенными правами в исключительной экономической зоне и на континентальном шельфе.

Следует подчеркнуть, что «особенности публичного интереса в морском праве проявляются не только в материальных, но и в процессуальных аспектах»⁴. Так, международное морское право строится на компромиссах и взаимных уступках, поскольку не располагает надгосударственными механизмами принуждения. В этом контексте соблюдение норм обеспечивается в первую очередь добросовестностью государств, а в случае конфликтов – использованием механизмов арбитража и международных судов.

Заключение

Подводя итог проведенному исследованию, следует сделать ряд выводов. Категория публичного интереса в морском праве России имеет фундаментальное значение для понимания сущности и направленности всей правовой системы, регулирующей использование и охрану морских пространств. Исследование показало, что публичный интерес в данной отрасли права не является однородным явлением: он объединяет государственные, муниципальные и общественные приоритеты, а также проявляется на внутригосударственном, межгосударственном и межнациональном уровнях.

Системообразующее значение публичного интереса заключается в том, что именно через него государство институционализирует и закрепляет наиболее значимые потребности общества. В национальном измерении это находит отражение

³ Поваляев А. А., Беляков В. Г. Отдельные аспекты практической реализации положений морской доктрины России в области международно-правового обеспечения морской деятельности // *Юридическая наука*. – 2022. – № 9. – С. 79–83.

⁴ Ключев В. В. Морское право как отрасль в российской правовой системе // *Образование и право*. – 2024. – № 6. – С. 255–259.

в Морской доктрине, которая формулирует стратегические ориентиры морской политики России: защиту суверенитета и территориальной целостности, обеспечение национальной безопасности, развитие Северного морского пути и сохранение статуса России как великой морской державы. В законодательстве публичный интерес конкретизируется через положения отраслевых законов.

Муниципальный интерес, будучи частью публичного, фокусируется на развитии прибрежных территорий, портовой инфраструктуры, защите окружающей среды и создании условий для достойной жизни населения. Его значение особенно возрастает в регионах Арктической зоны, Приморья и Северного Кавказа, где хозяйственная деятельность в морской сфере тесно связана с социально-экономическим развитием муниципальных образований.

Общественный интерес выражает потребности широкого и неопределённого круга лиц, прежде всего в обеспечении экологической безопасности, сохранении морских ресурсов и поддержании правопорядка на море. Именно он формирует основу для установления жёстких ограничений в сфере рыболовства, недропользования и морского транспорта, оправданных необходимостью защиты жизни и здоровья граждан, а также сохранения природных экосистем.

В международно-правовом измерении публичный интерес России сопрягается с интересами мирового сообщества. Здесь приоритетными являются такие принципы, как свобода открытого моря, закреплённая в КМП, охрана морской среды и обеспечение мирного использования океана. Российская Федерация, участвуя в международных соглашениях и организациях, одновременно реализует собственный государственный интерес и содействует поддержанию глобального публичного интереса, что особенно важно в контексте Арктики, Каспия и других стратегических акваторий.

Литература

1. Годованик Е.В. Национальные интересы Российской Федерации в Мировом океане: правовая характеристика // *Lex russica*. – 2023. – Т. 76. – № 4 (197). – С. 18–29.
2. Головицына, В. К. публичный интерес в частном праве / В.К. Головицына // *Актуальные вопросы юриспруденции: сборник статей XV Международной научно-практической конференции*, Пенза, 30 июня 2023 года. – Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2023. – С. 79–83.
3. Дерюгина Т. В., Квициния Н.В. Применение категории «публичный интерес» в регулировании частноправовых отношений // *Legal Concept*. – 2023. – Т. 22. – № 3. – С. 79–87.
4. Ключев, В.В. Место морского права в системе отраслей российского права / В.В. Ключев // *Современное право*. – 2024. – № 8. – С. 45–51. –

DOI 10.25799/NI.2024.40.77.008. – EDN KIRQ-JW.

5. Ключев В.В. Морское право как отрасль в российской правовой системе // *Образование и право*. – 2024. – № 6. – С. 255–259.
6. Крылова, Е.Б. Интерес публично-правовых образований в гражданском праве / Е.Б. Крылова // *Юридический мир*. – 2010. – № 3. – С. 52–54.
7. Кряжков, А.В. Публичный интерес: понятие, виды и защита / А.В. Кряжков // *Государство и право*. – 1999. – № 10. – С. 91–99.
8. Муромцев, С.А. Определение и основное разделение права / С.А. Муромцев. – 2-е изд. – СПб.: Изд. дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2004. – 223 с.
9. Новицкий, И.Б. Римское частное право: учебник для вузов / И.Б. Новицкий. – М.: ЮРАИТ, 2022. – 298 с.
10. Поваляев А. А., Беляков В.Г. Отдельные аспекты практической реализации положений морской доктрины России в области международно-правового обеспечения морской деятельности // *Юридическая наука*. – 2022. – № 9. – С. 79–83.
11. Руссо, Ж.-Ж. Об общественном договоре / Ж.-Ж. Руссо. – М.: Кучково поле, 1998. – 414с.
12. Смирнова И.Г. Интерес – понятие уголовно-процессуальное // *Государство и право*. – 2008. – № 8. – С. 17.
13. Сырых, В.М. Объективные основы публичного права / В.М. Сырых // *Lexrussica*. – 2016. – № 5 (114). – С. 37–80.
14. Тихомиров, Ю.А. Публично-правовой интерес: динамика сфер и методов / Ю.А. Тихомиров // *Журнал российского права*. – 2001. – № 5. – С. 3–12.

PUBLIC INTEREST IN MARITIME LAW

Klyuev V.V.

Russian Transport University

The article is devoted to a comprehensive study of the category of public interest in maritime law. It reveals the general legal content of public interest and provides an analysis of its manifestation in national legislation, international legal acts, and judicial practice. It is shown that public interest in maritime law has a multi-layered structure, including state, municipal, and public priorities, and is implemented at the domestic, interstate, and international levels. Special attention is paid to the issue of the relationship between public and private interests in the maritime sphere, and the mechanisms for their coordination are identified. The conclusion is substantiated on the key role of public interest in ensuring the sovereignty, national security, environmental protection and sustainable development of the country. The public interest in maritime law is not only a legal category, but also a political and strategic one that ensures a balance between private and public needs and the integration of national and international regulation.

Keywords: public interest, maritime law, marine environment protection, public maritime law, state interest, private interest.

References

1. Godovanik E.V. National Interests of the Russian Federation in the World Ocean: Legal Characteristics // *Lex russica*. – 2023. – Vol. 76. – No. 4 (197). – Pp. 18–29.

2. Golovitsyna, V.K. Public Interest in Private Law / V.K. Golovitsyna // Current Issues of Jurisprudence: Collection of Articles from the XV International Scientific and Practical Conference, Penza, June 30, 2023. – Penza: Science and Education (IP Gulyaev G. Yu.), 2023. – Pp. 79–83.
3. Deryugina T. V., Kvitsinia N.V. Application of the Category of “Public Interest” in Regulating Private Law Relations // Legal Concept. – 2023. – Vol. 22. – No. 3. – P. 79–87.
4. Klyuev, V.V. The Place of Maritime Law in the System of Branches of Russian Law / V.V. Klyuev // Modern Law. – 2024. – No. 8. – P. 45–51. – DOI 10.25799/NI.2024.40.77.008. – EDN KIRQJW.
5. Klyuev, V.V. Maritime Law as a Branch in the Russian Legal System // Education and Law. – 2024. – No. 6. – P. 255–259.
6. Krylova, E.B. The Interest of Public Law Entities in Civil Law / E.B. Krylova // Legal World. – 2010. – No. 3. – P. 52–54.
7. Kryazhkov, A.V. Public interest: concept, types and protection / A.V. Kryazhkov // State and law. – 1999. – No. 10. – Pp. 91–99.
8. Muromtsev, S.A. Definition and basic division of law / S.A. Muromtsev. – 2nd ed. – St. Petersburg: Publishing house of St. Petersburg state University, 2004. – 223 p.
9. Novitsky, I.B. Roman private law: a textbook for universities / I.B. Novitsky. – Moscow: YURAIT, 2022. – 298 p.
10. Povalyaev A. A., Belyakov V.G. Certain aspects of the practical implementation of the provisions of the maritime doctrine of Russia in the field of international legal support for maritime activities // Legal science. – 2022. – No. 9. – P. 79–83.
11. Russo, J.-J. On the Social Contract / J.-J. Russo. – M.: Kuchkovo Pole, 1998. – 414 p.
12. Smirnova, I.G. Interest – a Concept in Criminal Procedure // State and Law. – 2008. – No. 8. – P. 17.
13. Syrykh, V.M. Objective Foundations of Public Law / V.M. Syrykh // Lexrussica. – 2016. – No. 5 (114). – P. 37–80.
14. Tikhomirov, Yu.A. Public Law Interest: Dynamics of Spheres and Methods / Yu.A. Tikhomirov // Journal of Russian Law. – 2001. – No. 5. – P. 3–12.

Система гарантий права на целостность личности в контексте применения новых технологий в области биомедицины

Митрофанов Илья Олегович,

кандидат юридических наук, старший преподаватель,
кафедра Интеграционного и европейского права,
Московский государственный юридический университет
имени О.Е. Кутафина
E-mail: mitrofanovil@gmail.com

Статья посвящена исследованию одного из ключевых аспектов концепции права на целостность личности, в том числе генетическую целостность – системы гарантий его соблюдения. На теоретическом уровне формулируется вывод о том, что право на целостность личности следует относить к соматическим правам, а также о его возрастающей роли на фоне развития медицинских технологий. Предпринимается попытка уточнить определение данного права, основываясь на характеристиках, заложенных в статье 3 Хартии Европейского Союза об основных правах, также предложено рассматривать право в узком и широком смысле. В аналитическом контексте внимание сосредоточено на международно-правовом регулировании универсального и регионального характера, кратко раскрывается содержание основных положений, направленных на обеспечение соблюдения права на целостность личности. Особое место в данной области занимает Конвенция Овьедо, которая является первым обязательным соглашением в сфере биомедицины, закрепляющим гарантии соблюдения как общего права на целостность личности, так и права на генетическую целостность. Достаточно прогрессивным является регулирование, предложенное в рамках СНГ. Несмотря на то, что большая часть международно-правовых источников данной области имеет рекомендательный характер, их основные положения нашли отражение в национальных законодательствах, что свидетельствует о высокой значимости данных актов для обеспечения и защиты права на целостность личности.

Ключевые слова: право на целостность личности, биомедицина, геном человека, соматические права.

Вступительные замечания

Право на целостность личности, в особенности, на генетическую целостность, приобретает все большее значение в современном мире, где правовое и моральное регулирование часто не поспевают за технологическим прогрессом. Тем самым порождаются ситуации, способные навредить любому человеку. В такие моменты соблюдение и защита рассматриваемых прав приобретают особое значение, в связи с чем представляется важным проанализировать комплекс гарантий, их обеспечивающих. Для полноценного анализа поставленного вопроса считаем необходимым применение методологии, состоящей из историко-правового, теологического методов, а также методов дискурса-анализа и хронотопа.

Безусловные права и свободы каждого человека, присущие ему от рождения исключительно по причине его принадлежности к человеческому роду, формируют, так называемые, поколения прав человека. Согласно классическому поколенческому подходу выделяют три поколения прав человека: первое поколение – личные и политические права; второе – социальные и экономические права; третье – коллективные права. [1, с. 111–112] Каждое из поколений формировалось как ответ на удовлетворение правовых потребностей человека на конкретном этапе развития и связанное с этим смена мировоззрения человечества. Вместе с тем, на фоне стремительного технологического развития и достижений в сфере медицины, а также новых оценок связанных с этим рисков на рубеже XX и XXI веков возникли вопросы о достаточности классического поколенческого подхода для целей защиты права человека свободно распоряжаться своим телом. В результате была предложена концепция четвертого поколения прав человека – соматических (личностных) прав (от греч. *sōma* – тело). [2, с. 43]

Право на целостность личности в системе соматических прав человека

Необходимость формирования новой категории прав человека вызывает дискуссии в научной среде. Некоторые ученые полагают, что это может привести к «инфляции прав» – когда к правам человека причисляется все, что выгодно и отвечает моральным устоям текущего времени. [3] Подобная тенденция размывает суть прав человека и главную цель их закрепления – защита действительно основополагающих интересов человека. Другие считают,

что соматические права – это разновидность личных прав. Так, А.И. Ковлер утверждает, что «сердцевину личных прав составляют право на жизнь и достоинство личности, право на свободу и личную неприкосновенность, свобода совести. Именно они, очевидно, являются базовыми, родовыми правами для личностных прав». [4, с. 425]

Для определения места соматических прав в системе прав человека обратимся к понятию, сформулированному М.А. Лавриком. Под соматическими правами человека М.А. Лаврик понимает «признанную обществом и государством возможность определенного поведения, выражающуюся в полномочиях по распоряжению человеком своим телом, т.е. соматическое притязание, получившее признание общества и правовое закрепление». [5, с. 44]

Таким образом, соматические права обладают особенностями, позволяющими выделить их в отдельное поколение. Во-первых, это самостоятельный объект прав – тело человека. Во-вторых, соматические права, по нашему мнению, предполагают в большей степени активность в реализации предоставленных прав на стороне субъекта права в отличие от личных прав, где у субъекта права возникает обоснованное ожидание определенного поведения в отношении него со стороны третьих лиц, то есть некая пассивность в реализации прав.

Что касается состава соматических прав, то к ним относятся самые разнообразные права. В.И. Крусс считает, что соматические права включают в себя «право на смерть, изменение пола, гомосексуальные контакты, трансплантацию органов, употребление наркотиков или психотропных средств, право на искусственное репродуктивное, стерилизацию, аборт, и (в уже зримой перспективе) на клонирование». [2, с. 43]

М.А. Лаврик дополняет перечисленные права сексуальными правами человека (искать, получать, передавать информацию, касающуюся сексуальности; сексуальное образование; выбор партнера и т.д.) и правом на смену пола. [6, с. 24] В свою очередь, Е.М. Нестерова предлагает включать в перечень соматических прав также право на генетические модификации и право на изменение внешности. [7, с. 88] Как видно, четкая система классификации соматических прав в науке еще не выработана. Обусловлено это постоянным развитием медицинских технологий, необходимым для любого государства, ставящего перед собой цель улучшения здоровья и увеличения трудоспособного возраста каждого последующего поколения.

В связи с тем, что побочные эффекты применения любых новых медицинских технологий становятся понятными только в результате широкого и длительного их использования, а соотношение человеческого генома со свойствами организма до сих пор полноценно не изучено, считаем важным дополнить систему соматических прав правом человека на целостность личности, в том числе генетическую.

Хотя право на целостность личности представляет собой безусловно важный аспект, его нормативное определение пока отсутствует. На данный момент наиболее подробная характеристика этого права представлена в Хартии Европейского Союза об основных правах (далее – Хартия ЕС об основных правах). Так, согласно параграфу 1 статьи 3 Хартии ЕС «Право на целостность личности», каждый человек имеет право на собственную физическую и психическую целостность. Параграф 2, в свою очередь, определяет минимальные требования, которые необходимо выполнять для гарантии соблюдения права на физическую и психическую целостность личности в контексте медицинских и биологических исследований. К ним относятся: добровольное и осознанное согласие заинтересованного лица в соответствии с правилами, определенными законом; воспреещение занятий евгеникой, особенно той, которая ставит перед собой целью произвести отбор между людьми; запрет на превращение человеческого тела и его частей, как таковых, в источник прибыли, а также запрещение клонирования в качестве способа размножения человеческих существ.

На основе приведенных признаков можно сформулировать общее определение, согласно которому под правом на целостность личности следует понимать запрет посягательств на тело и разум человека с целью, заведомо противной человеческому достоинству и нравственности. Полагаем, что право на целостность личности может быть рассмотрено в широком и узком смыслах. В узком понимании право на целостность личности включает в себя только физической компонент, то есть физическое вмешательство в тело человека, в том числе в его геном. В широком смысле добавляется также психический компонент – возможность человека принимать самостоятельные решения без внешнего принуждения и совершать действия в соответствии со своей волей.

Гарантии реализации права на целостность личности

Очевидно, что любое право бессмысленно без гарантий его реализации, то есть комплекса норм, механизмов и средств для реального осуществления и охраны предоставленного права. Эффективность права на целостность личности обеспечивается за счет актов международного права, в том числе универсального и регионального уровней, актов национальных правовых систем и ряда иных механизмов, гарантирующих функционирование рассматриваемого права. Необходимо отметить, что большинство таких международных актов относятся к «soft law», так как регулируемые ими правоотношения, во-первых, находятся на стадии формирования, а во-вторых, являются достаточно чувствительными для государств.

Поскольку сферы личных и соматических прав пересекаются в аспектах, связанных с правом каждого человека на жизнь и личную неприкосновен-

ность, мы считаем, что некоторые гарантии, направленные на реализацию прав первого поколения, могут быть применены и в отношении права на целостность личности в целом. В первую очередь, речь идет о статьях 3, 5 и 25 Всеобщей декларации прав человека 1948 года. В соответствии с установленными положениями каждый человек имеет право на жизнь и личную неприкосновенность, запрещается подвергать кого-либо пыткам, жестокому, бесчеловечному или унижающему достоинство обращению и наказанию. Таким образом, любое вмешательство в организм человека, включая медицинское, без его добровольного и осознанного согласия недопустимо, так как его можно рассматривать как действие, ущемляющее человеческое достоинство. Кроме того, статья 25 закрепляет право каждого на такой уровень жизни, который включает необходимое медицинское обслуживание для поддержания здоровья.

Под эгидой ЮНЕСКО в 2005 году была принята Всеобщая декларация о биоэтике и правах человека, не имеющей обязательной силы. Декларация посвящена рассмотрению этических аспектов, связанных с медициной, науками о жизни и соответствующими технологиями. Ключевым пунктом является установленный в документе принцип, согласно которому интересы и благополучие личности имеют первостепенное значение, превосходя интересы науки и общества. Кроме того, в Декларации закреплено положение о необходимости гарантировать полное уважение человеческого достоинства, а также соблюдение прав человека и основных свобод. Соблюдение права на целостность личности обеспечивается получением до любого медицинского вмешательства или научного исследования добровольного, свободного и явно выраженного согласия человека.

Кроме того, на универсальном уровне действует Всемирная медицинская ассоциация, среди актов которой наибольший интерес для целей настоящей работы вызывает Хельсинская декларация об этических принципах проведения медицинских исследований с участием человека в качестве субъекта 1964 года. Данный документ адресован медицинским работникам и определяет этические нормы, которые они должны соблюдать при проведении исследований с участием людей. Среди этих принципов, направленных на защиту права человека на личную неприкосновенность, выделяются приоритет интересов и прав участников исследования над стремлением к получению новых научных знаний. Также подчеркивается обязанность каждого врача обеспечивать защиту жизни, здоровья, достоинства, неприкосновенности субъектов исследования, а также проведение исследования только при получении согласия субъекта исследования или иных указанных в Декларации лиц, когда субъект исследования не может дать такое согласие по физическим или психическим причинам.

Среди региональных международных актов, гарантирующих право на целостность личности, следует отметить Хартию ЕС об основных правах,

рассмотренная ранее, и Конвенцию о защите прав и достоинства человека в связи с применением достижений биологии и медицины 1997 года (далее – Конвенция о правах человека и биомедицине, Конвенция Овьедо), принятую в рамках Совета Европы. По нашему мнению, Конвенция Овьедо является источником, содержащим наиболее полный перечень гарантий права на целостность личности, оттого и системообразующим. Особое значение Конвенции придает и ее статус первого обязательного договора в области биомедицины. [8, с. 44] Однако является справедливым мнение об отсутствии даже общеевропейского консенсуса относительно правил, установленных Конвенцией, не говоря уже об уровне глобальном, в связи с небольшим количеством государств-членов Совета Европы, подписавших и ратифицировавших Конвенцию. [9, с. 110]

В статье 1, которая посвящена предмету и целям Конвенции, участники Конвенции обязуются обеспечивать каждому без исключения защиту целостности личности. Это достигается благодаря совокупности определенных норм.

Во-первых, статья 2 закрепляет приоритет интересов и благополучия каждого человека над интересами общества и науки. Это означает, что даже ради блага человечества в целом недопустимо нарушать право на неприкосновенность личности.

Во-вторых, Конвенция детально определяет порядок получения согласия на проведение медицинского вмешательства от самого пациента, его законного представителя или уполномоченного органа. Исключения допускаются лишь в исключительных ситуациях, таких как неотложные случаи или необходимость защиты людей с психическими расстройствами, где допустимо проведение вмешательства без предварительного согласия, если такое вмешательство необходимо для улучшения состояния здоровья лица. В подобных ситуациях важную роль будут играть предварительно выраженные пожелания человека.

В-третьих, гарантируется защита прав человека при осуществлении научных исследований. Проведение исследований с участием людей допускается исключительно при отсутствии равноценных альтернативных методов, если предполагаемый риск не превышает ожидаемую пользу. Подобные исследования должны быть одобрены компетентным органом на основании независимой экспертизы. Участник исследования должен быть информирован о своих правах и законных интересах, а также предоставить своё согласие на участие. Полагая, что при информировании испытуемого ему должно сообщаться, помимо прочего, о наличии права на целостность личности.

В-четвертых, Конвенция также охватывает специфические аспекты изъятия органов и тканей у живых доноров. Согласно статье 19, подобные процедуры допустимы исключительно с целью лечения реципиента и только в случае отсутствия возможности получения подходящего органа или ткани от умершего донора. Более того, конвенция

вводит строгий запрет на извлечение финансовой выгоды из человеческого тела, что значительно ограничивает законные основания для таких действий, одновременно расширяя случаи нарушения права человека на целостность личности.

В-пятых, государства-участники Конвенции взяли на себя обязательство обеспечивать надлежащую судебную защиту нарушенных прав и принципов, содержащихся в Конвенции, среди которых находится и право на целостность личности. В случае, если лицо в результате вмешательства понесло неоправданный ущерб, национальным законодательством должно быть предусмотрено справедливое возмещение ущерба.

Как видно, Конвенция о правах человека и биомедицине содержит обширный перечень обязательных положений, гарантирующих соблюдение права на целостность личности в целом. Такие положения не могут быть ограничены, помимо как в интересах общественной безопасности, для предупреждения преступлений, защиты здоровья населения или защиты прав и свобод других лиц. В дополнение к Конвенции был принят ряд протоколов по запрещению клонирования человеческих существ, относительно трансплантации органов и тканей человеческого происхождения, о генетическом тестировании в медицинских целях, о биомедицинских исследованиях.

Отдельно хотелось бы отметить, что несмотря на то, что Конвенция Овьедо была принята в рамках Совета Европы, то есть является региональным актом, ее участником может стать любое государство в порядке, предусмотренном статьей 34, что расширяет значение Конвенции для защиты права на целостность личности.

Гарантии реализации права на генетическую целостность личности

Право человека на генетическую целостность также гарантируется положениями международных актов универсального и регионального характера. Существование специальных гарантий защиты этого права и закрепляющих их актов обусловлено спецификой предмета регулирования – генома человека, и его способностью к наследованию.

Основные международные акты универсального уровня, закрепляющие гарантии права на генетическую целостность личности, приняты в рамках Организации Объединенных Наций (ООН). К ним относятся Всеобщая декларация о геноме человека и правах человека 1997 года и Декларация ООН о клонировании человека 2005 года.

Всеобщая декларация о геноме человека и правах человека провозглашает, что геном человека является достоянием человечества, символизирует единство всего человеческого рода и служит основой для признания их врожденного достоинства и многообразия. В тексте декларации закреплены положения, направленные на защиту права каждого индивида на сохранение генетической целостности. Так, любые вмешательства в геном человека

допустимы только при условии предварительной всесторонней оценки возможных рисков и получения осознанного и свободно выраженного согласия от лица, которого это касается. Следуя положениям статьи 10, исследования, связанные с геномом человека, не должны ставиться выше уважения прав человека, его основных свобод и достоинства. В дополнение к этому принципу статья 11 устанавливает запрет на практику клонирования для целей воспроизведения человека, поскольку такая деятельность противоречит идее человеческого достоинства.

В Декларации о клонировании человека ООН вновь подчеркнула приверженность запрету клонирования людей. В документе содержится обращение к государствам-членам с рекомендацией обеспечить защиту человеческой жизни при использовании биологических технологий и предотвратить применение генетических методов, способных нарушить принципы человеческого достоинства.

Среди региональных международных актов наибольшее значение для комплекса гарантий права на генетическую целостность личности представляет упомянутая Конвенция о правах человека и биомедицине. Статья 13 Конвенции строго запрещает любые вмешательства в геном человека, если их целью является изменение генома потомков, одновременно разрешая подобные модификации исключительно в профилактических, диагностических или терапевтических целях. Несмотря на значительные достижения в области технологий, такие как разработка системы CRISPR/Cas9 и завершение полного секвенирования генома человека в 2022 году, представляется обоснованным сохранение указанного запрета. Это объясняется тем, что вмешательства, затрагивающие наследуемую часть генома, приводят к преобразованию генома у будущих поколений без их осознанного согласия, что, по сути, нарушает право человека на генетическую целостность.

Интересным представляется опыт регулирования права на генетическую целостность личности и гарантий его соблюдения Содружеством Независимых Государств (СНГ). Межпарламентской Ассамблеей государств-участников СНГ 18 ноября 2005 года был принят Модельный закон «О защите прав и достоинства человека в биомедицинских исследованиях в государствах-участниках СНГ». Это один из редких нормативных актов, который открыто поднимает вопросы физической и генетической целостности человека. Модельный закон, как следует из преамбулы, сфокусирован на защите прав личности, её достоинства, автономии и целостности в контексте биомедицинских исследований. Особого внимания заслуживает статья 5, где четко прописаны гарантии личной свободы и безопасности участников исследований, включая обеспечение их физической, генетической и психической целостности. Одним из ключевых требований для осуществления биомедицинских исследований является получение добровольного, осознанного

и информированного согласия участника либо его законного представителя при невозможности самостоятельного предоставления согласия. При нарушении указанных прав участники исследования или их законные представители имеют право подать иск о защите нарушенных прав, следуя процедурам, установленным национальным законодательством. Таким образом, можно заключить, что Модельный закон учитывает положения множества международных нормативных документов, включая Хельсинкскую декларацию Всемирной медицинской ассоциации и Конвенцию Овьедо.

В 2007 году Межпарламентская Ассамблея приняла Рекомендации «Об этико-правовом регулировании и безопасности генетических медицинских технологий в государствах-участниках СНГ». Рекомендации призваны координировать политики государств-участников СНГ в сфере генетических медицинских технологий как ответ на открытия медико-биологических наук, в особенности, в области генома человека. Авторы Рекомендаций подчеркивают важность сохранения физической, психической и генетической целостности человека при использовании генетических технологий. В документе акцентируется внимание на традиционных принципах, таких как приоритет интересов и благополучия отдельного индивида над интересами общества и научных достижений, а также категорический запрет на извлечение коммерческой выгоды из использования тела, тканей, органов и генома человека. Особое внимание уделяется вопросу генетической целостности. В рекомендациях предлагается государствам-участникам СНГ ввести временный запрет (мораторий) на вмешательства в половые клетки человека с целью изменения генома последующего поколения. Кроме того, государствам следует принимать меры по обеспечению проведения генетических исследований исключительно после получения добровольного, ясно выраженного и задокументированного согласия от лиц, которые подлежат такому исследованию.

Национальные механизмы, обеспечивающие соблюдение права на целостность личности, в том числе генетическую целостность

Следует отметить, что рекомендательный характер большинства рассмотренных актов международного права не умаляет их значения, так как их важнейшие положения восприняты национальными правовыми системами. В первую очередь, стоит отметить, что в большинстве национальных правовых систем содержатся положения, гарантирующие соблюдение личных прав человека, часть из которых, как мы указывали ранее, применима также к отдельным компонентам права на целостность личности. Например, согласно статье 21 Конституции Российской Федерации не допускается жесткое или унижающее человеческое достоинство обращение, а также медицинские, научные или иные опыты без добровольного согласия испытуемого. В свою

очередь, особенной частью Уголовного кодекса РФ, а именно статьей 120, предусмотрено наказание за принуждение к изъятию органов или тканей человека для трансплантации, что, по нашему мнению, может рассматриваться в качестве гарантии права на целостность личности.

Институт добровольного согласия на любое медицинское вмешательство также широко известен национальным законодательствам. В Российской Федерации действует Федеральный закон от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», который предусматривает приоритет прав пациента (статья 6), необходимость получения перед медицинским вмешательством информированного и добровольного согласия гражданина или его законного представителя (статья 20) и строгие правила донорства органов и тканей человека (статья 47).

Оригинальным является подход Швейцарии, которая закрепила в Конституции ряд специальных гарантий права на целостность личности, в том числе генетическую. В статье 119 Конституции содержится запрет на клонирование и вмешательство в наследственный материал человеческих гамет и эмбрионов, а статья 119-а, в свою очередь, запрещает торговлю человеческими органами, так как любое пожертвование органов, тканей и клеток должно быть безвозмездным. [10, с. 103–104]

По нашему мнению, еще одним механизмом соблюдения права на целостность личности являются специальные органы, в полномочия которых входит контроль различных биомедицинских мероприятий на предмет соблюдения правовых и этических правил. Важность функционирования таких органов подчеркивается различными международными актами, например, статьей 19 Всеобщей декларации о биоэтике и правах человека. Так, в Испании действуют Комитеты по биомедицинским исследованиям, контролирующие реализацию исследовательских проектов, Комитеты по этике исследований, гарантирующие соблюдение методологических, этических и правовых норм центрами, занимающимися геном и исследованием образцов биоматериалов человека, и Комиссия по защите прав человека в сфере донорства. Схожие по функционалу органы есть и в Новой Зеландии, например, Королевская комиссия по вопросам редактирования генома.

Заключение

Таким образом, комплекс гарантий права человека на целостность личности, в том числе генетическую целостность, представляет из себя многоуровневую систему, состоящую из международных и национальных актов, а также уполномоченных органов. Отличительной особенностью этой системы является, с первого взгляда, рекомендательный характер большинства источников международного права в этой сфере, но обязательная сила которых достигается за счет закрепления важнейших

их положений в национальных законодательствах. Считаем, что актуальность рассмотренных и появление новых гарантий на фоне технологического прогресса бесспорны. При этом, важным является соблюдение баланса между прогрессом и защитой прав человека, так как зачастую затрагиваются и права будущих поколений.

Литература

1. Галюкова М.И. Биогенетические права человека: новый структурный элемент в системе четвертого поколения прав // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2023. – № 6. С. – 111–123.
2. Крусс В.И. Личностные («соматические») права человека в конституционном и философско-правовом измерении: к постановке проблемы // Государство и право. – 2000. – № 10. – С. 43–50.
3. Andorno R., Ienca M. Towards new human rights in the age of neuroscience and neurotechnology // Life Sciences, Society and Policy. 2017. URL: https://www.researchgate.net/publication/316473442_Towards_new_human_rights_in_the_age_of_neuroscience_and_neurotechnology (accessed: 20.08.2025).
4. Ковлер А.И. Антропология права. М.: Норма: Инфра-М, 2002. 480 с.
5. Лаврик М.А. Конституционные основания соматических прав человека: вопросы теории и практика зарубежных государств // Сибирский юридический вестник. – 2006. – № 1 (28). – С. 44–62.
6. Лаврик М.А. К теории соматических прав человека // Сибирский юридический вестник. – 2005. – № 3. – С. 16–26.
7. Нестерова Е.М. Личностные (соматические) права в системе прав человека: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. / Е.М. Нестерова. – М., 2014. – 197 с.
8. Евстифеева Е.В., Дородонова Н.В. Международно-правовая политика в сфере проведения биомедицинских и геномных исследований // Правовая политика и правовая жизнь. – 2019. – № 3 (76). – С. 44–50.
9. Калиниченко П.А., Косилкин С.В. Геномные исследования: стандарты Совета Европы и правовое регулирование в России // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2019. – № 4 (56). – С. 108–118.
10. Захарова М.В. Конституции о геномных исследованиях: взгляд России и Швейцарии // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2019. – № 4 (56). – С. 101–107.

A SYSTEM OF GUARANTEES FOR THE RIGHT TO PERSONAL INTEGRITY IN THE CONTEXT OF THE APPLICATION OF NEW TECHNOLOGIES IN BIOMEDICINE

Mitrofanov I.O.

O.E. Kutafin Moscow State Law University

This article explores a key aspect of the concept of the right to integrity of the person, including genetic integrity – the system of guarantees for its observance. At a theoretical level, it concludes that the right to integrity of the person should be classified as a somatic right, as well as its increasing importance amid the development of medical technologies. An attempt is made to clarify the definition of this right, based on the characteristics set forth in Article 3 of the Charter of Fundamental Rights of the European Union, it was also suggested to consider the right in its narrow and broad senses. The analytical context focuses on international legal regulation of a universal and regional nature, briefly describing the content of the main provisions aimed at ensuring respect for the right to integrity of the person. A special place in this area is occupied by the Oviedo Convention, which is the first binding agreement in the field of biomedicine, enshrining guarantees for the observance of both the general right to integrity of the person and the right to genetic integrity. The regulation proposed within the CIS is quite progressive. Even though most international legal sources in this area are advisory, their main provisions are reflected in national legislation, which indicates the high significance of these acts for ensuring and protecting the right to integrity of the person.

Keywords: right to integrity of the person, biomedicine, human genome, somatic rights.

References

1. Galyukova M.I. Biogeneticheskie prava cheloveka: novyj strukturnyj element v sisteme chetvertogo pokoleniya prav // Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYUA). – 2023. – № 6. С. – 111–123.
2. Kruss V.I. Lichnostnye («somaticheskie») prava cheloveka v konstitucionnom i filosofsko-pravovom izmerenii: k postanovke problemy // Gosudarstvo i pravo. – 2000. – № 10. – С. 43–50.
3. Andorno R., Ienca M. Towards new human rights in the age of neuroscience and neurotechnology // Life Sciences, Society and Policy. 2017. URL: https://www.researchgate.net/publication/316473442_Towards_new_human_rights_in_the_age_of_neuroscience_and_neurotechnology (accessed: 20.08.2025).
4. Kovler A.I. Antropologiya prava. M.: Norma: Infra-M, 2002. 480 s.
5. Lavrik M.A. Konstitucionnye osnovaniya somaticheskikh prav cheloveka: voprosy teorii i praktika zarubezhnykh gosudarstv // Sibirskij yuridicheskij vestnik. – 2006. – № 1 (28). – С. 44–62.
6. Lavrik M.A. K teorii somaticheskikh prav cheloveka // Sibirskij yuridicheskij vestnik. – 2005. – № 3. – С. 16–26.
7. Nesterova E.M. Lichnostnye (somaticheskie) prava v sisteme prav cheloveka: dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.01. / E.M. Nesterova. – M., 2014. – 197 s.
8. Evstifeeva E.V., Dorodonova N.V. Mezhdunarodno-pravovaya politika v sfere provedeniya biomedicheskikh i genomnykh issledovaniy // Pravovaya politika i pravovaya zhizn'. – 2019. – № 3 (76). – С. 44–50.
9. Kalinichenko P.A., Kosilkin S.V. Genomnye issledovaniya: standarty Soveta Evropy i pravovoe regulirovanie v Rossii // Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYUA). – 2019. – № 4 (56). – С. 108–118.
10. Zaharova M.V. Konstitucii o genomnykh issledovaniyah: vzglyad Rossii i SHvejcarii // Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYUA). – 2019. – № 4 (56). – С. 101–107.

Креативные индустрии как инструмент международно-правового сотрудничества государств БРИКС в сфере сохранения культурного наследия

Мосякин Илья Александрович,

аспирант, кафедра международного и интеграционного права
Института права и национальной безопасности Российской
академии народного хозяйства и государственной службы при
Президенте Российской Федерации
E-mail: mosyakin.ilya2001@mail.ru

Статья посвящена анализу потенциала креативных индустрий как инструмента международно-правового сотрудничества государств БРИКС в сфере сохранения культурного наследия. Автор показывает, что креативные индустрии представляют собой механизм выполнения международных обязательств по сохранению культурного наследия через его интеграцию в современный экономический оборот. На основе сравнительного анализа национальных правовых моделей России, Китая и ОАЭ выявляются общие подходы и специфические особенности использования креативных индустрий для сохранения культурного наследия, что создает основу для выработки единых правовых стандартов сотрудничества в рамках БРИКС. Критически оценивается существующая договорно-правовая база БРИКС в области культуры и обосновывается необходимость разработки специализированных международно-правовых механизмов сотрудничества. В заключении предлагаются конкретные меры по созданию комплексной системы сотрудничества государств БРИКС в сфере креативных индустрий для сохранения культурного наследия.

Ключевые слова: БРИКС, международно-правовое сотрудничество, креативные индустрии, культурное наследие, сохранение культурного наследия, международные договоры, сравнительный анализ.

Введение

Актуальность темы обусловлена поиском эффективных механизмов международно-правового сотрудничества государств БРИКС по сохранению культурного наследия в условиях глобализации. Использование потенциала креативных индустрий, может стать ключевым инструментом решения этой стратегической задачи.

В Казанской декларации, одобренной 23 октября 2024 г., отмечается: «Мы подчеркиваем жизненно важную роль культуры в устойчивом развитии, а также ее значительный вклад в экономический рост, социальное сплочение и общее благосостояние. В этом контексте вновь заявляем о важности укрепления сотрудничества стран БРИКС в области культуры и сохранения культурного наследия».

Степень научной разработанности проблемы. Вопросы международно-правовой охраны культурного наследия исследовались в работах М.М. Богуславского, А.А. Молчанова, а аспекты культурной дипломатии БРИКС – в трудах К.М. Табаринцевой-Романовой [1]. Однако проблема использования креативных индустрий как инструмента международно-правового сотрудничества государств БРИКС именно для сохранения культурного наследия остается недостаточно изученной, в частности, ее международно-правовая составляющая, что определяет научную новизну настоящего исследования.

Проблема исследования заключается в отсутствии комплексных международно-правовых механизмов сотрудничества государств БРИКС, позволяющих использовать потенциал креативных индустрий для сохранения культурного наследия. Существующие форматы взаимодействия не учитывают специфику креативного сектора и не обеспечивают правовые условия для реализации совместных проектов в области сохранения культурного наследия.

Целью исследования является анализ использования креативных индустрий как инструмента международно-правового сотрудничества государств БРИКС в сфере сохранения культурного наследия.

Объектом исследования выступают общественные отношения, складывающиеся в процессе международно-правового сотрудничества государств БРИКС в сфере сохранения культурного наследия через механизмы креативных индустрий.

Предметом исследования являются международно-правовые нормы и национальные нормативно-правовые акты государств БРИКС, регулирующие использование креативных индустрий для сохранения культурного наследия.

Научная новизна исследования заключается в анализе использования креативных индустрий как инструмента международно-правового сотрудничества государств БРИКС в сфере сохранения культурного наследия, а также в формулировании конкретных предложений по совершенствованию правового сотрудничества государств по данным направлениям.

Международно-правовые основы регулирования культурного наследия и креативных индустрий

Эволюция подходов к культурному наследию в международном праве

В международном праве произошла значительная эволюция в понимании культурного наследия – от концепции пассивного сохранения к активному использованию его потенциала для устойчивого развития.

Первоначальный подход был закреплен в Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия 1972 года. Этот документ устанавливал режим охраны объектов, представляющих «выдающуюся универсальную ценность», делая акцент на их физическом сохранении и защите от разрушения [2]. Аналогичный охранительный подход был распространен и на нематериальную сферу в Конвенции об охране нематериального культурного наследия 2003 года, которая ориентирована на выявление, документирование и сохранение традиционных форм творчества [3].

Сдвиг парадигмы произошел с принятием Конвенции об охране и поощрении разнообразия форм культурного самовыражения 2005 года. Этот документ впервые на международном уровне прямо связал культуру с экономическим развитием, введя в статье 4 понятие «культурные индустрии» как секторов, «осуществляющих производство и распространение культурных товаров и услуг» [4].

Правовая природа креативных индустрий и их связь с культурным наследием

Креативные индустрии с правовой точки зрения представляют собой комплексный правовой феномен – сочетающий экономическую деятельность (сектора экономики) и механизм реализации культурных прав. Их правовой фундамент образуют:

- авторское право и смежные права;
- права на товарные знаки и средства индивидуализации;
- патенты на промышленные образцы и полезные модели.

Взаимодействие креативных индустрий и культурного наследия осуществляется через несколько правовых механизмов:

Создание производных произведений на основе объектов культурного наследия, перешедших

в общественное достояние. Это позволяет создавать:

- современные литературные и музыкальные произведения по мотивам классики;
- кинофильмы и телесериалы на исторические темы;
- компьютерные игры, использующие элементы традиционной культуры.

Цифровизация культурного наследия, которая требует решения вопросов:

- правового статуса цифровых копий;
- соблюдения авторских прав при оцифровке;
- доступа к оцифрованным коллекциям.

Защита традиционных культурных выражений – одна из наиболее сложных правовых проблем. Несанкционированное использование традиционных знаний и культурных символов требует разработки специальных правовых режимов, над чем активно работает Всемирная организация интеллектуальной собственности (ВОИС).

Международно-правовые основы сотрудничества в сфере креативных индустрий

Сотрудничество государств в области креативных индустрий и сохранения культурного наследия развивается в рамках нескольких отраслей международного публичного права, создавая комплексную, хотя и децентрализованную, правовую основу.

Во-первых, ключевое значение имеют нормы международного права, закрепляющие саму возможность такого сотрудничества. Устав ЮНЕСКО провозглашает, что организация будет содействовать «сохранению, увеличению и распространению знаний: заботясь о сохранении и охране всемирного наследия... и рекомендуя заинтересованным народам соответствующие международные конвенции» [5]. Эта миссия была конкретизирована в последующих конвенциях. В частности, Конвенция об охране и поощрении разнообразия форм культурного самовыражения 2005 года в Статье 12 прямо призывает государства «поощрять сотрудничество в целях развития», включая «укрепление потенциала развивающихся стран в области охраны и поощрения разнообразия форм культурного самовыражения» [4]. Это создает правовое основание для оказания помощи, обмена опытом и реализации совместных проектов.

Во-вторых, международное экономическое право формирует рамки для трансграничного оборота продуктов креативных индустрий. Соглашения в рамках Всемирной торговой организации (ВТО), такие как Генеральное соглашение по тарифам и торговле (ГАТТ) и Генеральное соглашение по торговле услугами (ГАТС), регулируют перемещение культурных товаров и услуг, одновременно порождая известные коллизии между принципами свободной торговли и необходимостью защиты культурного наследия.

В-третьих, международная система интеллектуальной собственности обеспечивает правовые гарантии для совместной творческой деятельности. Такие международные договоры, как Бернская

конвенция по охране литературных и художественных произведений и Договор ВОИС по авторскому праву, устанавливают минимальные стандарты охраны, обеспечивая правовую определенность и признание прав на результаты интеллектуальной деятельности через национальные границы. Это является необходимым условием для любых форм производства, совместного использования цифрового контента и защиты интересов создателей.

Таким образом, существующие международно-правовые нормы создают для государств БРИКС юридическую основу для выстраивания собственной, более глубокой и специализированной модели партнерства, выходящей за рамки общих деклараций.

Международно-правовые аспекты использования креативных индустрий для сохранения культурного наследия в странах БРИКС: сравнительный анализ

Российская Федерация

Формирование нормативно-правовой базы Российской Федерации в сфере креативных индустрий демонстрирует становление системного подхода, где данные индустрии рассматриваются как действенный инструмент сохранения культурного наследия. Современная парадигма культурной политики предполагает переход от дотационной модели сохранения наследия к инвестиционной, основанной на его капитализации.

Ключевым документом, закрепляющим эту взаимосвязь, выступает Федеральный закон от 8 августа 2024 года № 330-ФЗ «О развитии креативных индустрий в Российской Федерации». Анализ его положений позволяет выделить правовые механизмы, направленные на решение задач сохранения наследия.

В преамбуле Закона прямо указано, что одной из его целей является создание условий для «сохранения историко-культурного наследия, возрождения и развития народных художественных промыслов» [6]. Данный подход соответствует концепции устойчивого развития культуры, предполагающей экономическую самодостаточность объектов наследия через их интеграцию в современный экономический оборот [7].

Статья 3 Закона специально выделяет «индустрии, основанные на использовании историко-культурного наследия» в отдельную категорию [6], что позволяет по-разному регулировать и целенаправленно поддерживать те виды деятельности, которые связывают творчество и наследие.

Концепция развития креативных индустрий до 2030 года развивает данный подход, акцентируя внимание на «ускоренном переходе к новым направлениям умной специализации регионов» на основе их культурного потенциала [8]. Регионализация культурной политики через призму креативных индустрий позволяет адаптировать гло-

бальные тренды к местным культурным ландшафтам [1].

Критический анализ выявляет сильные стороны и проблемные аспекты подхода. Создание правовых предпосылок для трансформации объектов наследия в активные экономические активы является безусловным достижением. Однако отсутствие детализированных механизмов международного культурно-правового сотрудничества может ограничить трансграничный потенциал российских креативных индустрий.

Потенциал для сотрудничества в рамках БРИКС заключается в возможности создания трансграничных культурно-креативных кластеров на основе общих или перекликающихся историко-культурных тем, таких как, например, Великий шелковый путь (для ряда стран-участниц).

Китай

Китайский подход к использованию креативных индустрий для сохранения культурного наследия демонстрирует модель централизованного планирования с выраженной идеологической составляющей. Как отмечается в исследованиях, «китайская культурная политика последовательно реализует принцип единства экономической эффективности и идеологической целесообразности» [9].

Основным стратегическим документом выступает План развития культуры на 14-ю пятилетку (2021–2025 гг.), где сохранение наследия напрямую увязано с задачами укрепления национальной идентичности и продвижения китайских культурных стандартов на международной арене. В документе особо подчеркивается необходимость «наследования и продвижения превосходной китайской традиционной культуры» через механизмы креативных индустрий [10].

Правовое регулирование обеспечивает системную поддержку проектов, направленных на актуализацию наследия. Создание специализированных фондов (Creative Smart Initiative, Film Development Fund) и промышленных кластеров с региональной специализацией позволяет концентрировать ресурсы на приоритетных направлениях. Как показывает практика, «кластерный подход обеспечивает синергетический эффект между традиционными ремеслами и современными технологиями» [11].

Особого внимания заслуживает механизм защиты и продвижения традиционных культурных выражений. Китайская система авторского права, дополненная специальными нормами о защите нематериального культурного наследия, создает эффективные правовые барьеры против несанкционированного использования культурных символов.

Значительный интерес представляет опыт цифровизации культурного наследия. Реализация плана действий «Интернет + китайская цивилизация» позволила создать масштабные цифровые коллекции объектов наследия, обеспечив их доступность для использования в креативных проектах. Это соответствует глобальному тренду преобразования культурного наследия в цифровые активы.

Перспективным направлением для сотрудничества в рамках БРИКС является создание совместных производственных кластеров, специализирующихся на цифровизации наследия. Опыт Китая в области организации масштабных цифровых проектов может быть продуктивно использован для формирования общего цифрового пространства культурного наследия стран БРИКС.

Объединенные Арабские Эмираты

Подход ОАЭ к использованию креативных индустрий для сохранения культурного наследия представляет собой уникальную модель, сочетающую современные экономические механизмы с традиционными культурными ценностями. Национальная стратегия ОАЭ в области культурных и творческих индустрий на 2021–2031 годы определяет наследие как ключевой актив для позиционирования страны в качестве глобального культурного центра [12].

Правовая система ОАЭ создает комплексные условия для интеграции наследия в креативную экономику. Особого внимания заслуживает институт «культурной визы», предоставляющей долгосрочные преференции международным специалистам в сфере культуры и креативных индустрий. Этот механизм позволяет привлекать лучшие мировые практики для работы с местным наследием, обеспечивая его актуализацию в соответствии с международными стандартами.

Значительный интерес представляет опыт создания культурных кластеров и свободных экономических зон, ориентированных на креативные индустрии. Как отмечают исследователи, «трансформация исторических районов Дубая и Абу-Даби в современные культурные центры демонстрирует эффективность публично-частного партнерства в сохранении наследия» [13]. Примеры таких проектов, как район Alserkal Avenue в Дубае, показывают, как традиционная архитектура может стать основой для развития современных арт-пространств.

Особенностью подхода ОАЭ является брендинг культурного наследия через масштабные международные проекты. Создание музея Лувр Абу-Даби и открытие Музея будущего в Дубае демонстрируют стратегию интеграции местного культурного кода в глобальный контекст. Эти проекты не только способствуют сохранению наследия, но и формируют его новое прочтение в современном мире.

Правовые механизмы защиты традиционных культурных выражений в ОАЭ сочетают международные стандарты с национальной спецификой. Разработанная система регулирования обеспечивает баланс между коммерческим использованием элементов наследия и сохранением их аутентичности.

Для сотрудничества в рамках БРИКС представляет интерес опыт ОАЭ в области создания международных культурных платформ. Организация совместных выставок, фестивалей и резиденций для художников из стран БРИКС могла бы стать

эффективным инструментом взаимного культурного обогащения и продвижения общего наследия.

Сравнительный анализ правовых моделей сохранения культурного наследия через механизмы креативных индустрий в странах БРИКС

Проведенный сравнительно-правовой анализ позволяет выявить специфические особенности национальных моделей регулирования взаимодействия креативных индустрий и культурного наследия в странах БРИКС.

Российская модель характеризуется формированием целостной законодательной базы с акцентом на региональный аспект. Принятие Федерального закона № 330-ФЗ создало системные предпосылки для интеграции объектов наследия в экономический оборот. Ключевой особенностью является законодательное закрепление категории «индустрий, основанных на использовании историко-культурного наследия», что позволяет применять к ним специальные меры государственной поддержки. Однако, как отмечают эксперты, «российский подход требует дальнейшего развития механизмов международно-правового сотрудничества» [14].

Китайская модель представляет собой пример централизованного идеологизированного подхода. Через механизмы пятилетних планов развития культуры обеспечивается системная интеграция традиционного наследия в современную креативную экономику. Особенностью является создание специализированных промышленных кластеров с четкой региональной специализацией.

Модель ОАЭ отражает либерально-глобалистский подход, ориентированный на создание международного культурного хаба. Правовые механизмы, такие как «культурная виза» и создание свободных экономических зон, направлены на привлечение квалифицированных кадров и инвестиций. Особенностью является активное использование инструментов публично-частного партнерства для реализации масштабных культурных проектов. Правовые механизмы ОАЭ (культурные визы, СЭЗ) – это готовые модельные решения, которые могут быть адаптированы для создания общих пространств БРИКС.

Сравнительный анализ выявляет общие тенденции:

- Все страны признают экономический потенциал культурного наследия;
- Наблюдается переход от пассивной охраны к активному использованию наследия;
- Развиваются механизмы цифровизации культурного наследия;
- Усиливается внимание к защите традиционных культурных выражений.

Проведенный анализ демонстрирует, что, несмотря на различия в правовых моделях, страны БРИКС обладают большим потенциалом. Россия и Китай предлагают опыт системного государственного регулирования, ОАЭ – модели привлечения международных инвестиций и талан-

тов. Эта комбинация создает уникальную основу для синтеза и разработки гибких многоуровневых международно-правовых механизмов сотрудничества, а не навязывания единого стандарта.

Перспективы формирования международно-правовой системы сотрудничества государств-членов БРИКС по использованию креативных индустрий для сохранения культурного наследия

На основе сравнительного анализа национальных правовых моделей можно выделить несколько ключевых направлений для развития международно-правового сотрудничества государств БРИКС в сфере креативных индустрий, ориентированных на сохранение культурного наследия.

Создание международного фонда поддержки совместных проектов «БРИКС-Креатив»

Учреждение целевого фонда для финансирования совместных проектов в сфере креативных индустрий стало бы практическим инструментом реализации культурного сотрудничества. Фонд мог бы поддерживать:

- Совместное кинопроизводство на основе общих исторических сюжетов;
- Цифровизацию объектов культурного наследия;
- Организация передвижных выставок и фестивалей;
- Программы обмена специалистами в сфере креативных индустрий.

По оценкам экономистов, «создание такого фонда с начальным капиталом 100 млн долларов могло бы генерировать до 20 совместных проектов ежегодно» [15].

Учреждение фонда «БРИКС-Креатив» могло бы создать конкретный правовой и финансовый механизм, опосредующий сотрудничество государств-членов в сфере сохранения культурного наследия. Учредительные документы и регламенты формировали бы необходимую правовую основу для целевого финансирования совместных проектов. Направляя ресурсы на поддержку инициатив, которые актуализируют наследие через креативные индустрии (совместное кинопроизводство, цифровизация, организация выставок), данный институт на практике реализовал бы функцию креативных индустрий как эффективного инструмента выполнения международных обязательств государств БРИКС по сохранению общего культурного достояния.

Формирование цифровой платформы культурного наследия БРИКС

Разработка общей цифровой платформы позволила бы создать единое пространство для доступа к оцифрованным объектам культурного наследия стран БРИКС. Платформа могла бы включать:

- Виртуальные музеи и экспозиции;

- Базы данных объектов нематериального культурного наследия;
- Интерактивные карты культурных маршрутов;
- Маркетплейс продуктов креативных индустрий.

Правовой основой для создания такой платформы могло бы стать Соглашение о создании и использовании Цифровой платформы культурного наследия государств-членов БРИКС», которое должно регулировать вопросы интеллектуальных прав на оцифрованные объекты, режима доступа, защиты данных.

Совершенствование договорно-правовой базы сотрудничества

Действующее Соглашение о сотрудничестве в области культуры 2015 года требует актуализации с учетом развития креативных индустрий. Целесообразно разработать:

- Договор об охране объектов культурного сотрудничества;
- Протокол о сотрудничестве в сфере креативных индустрий в целях сохранения культурного наследия;
- Соглашение о взаимной защите инвестиций в креативные проекты;
- Договоренности об упрощении визового режима для деятелей креативных индустрий.

Реализация этих направлений позволит создать комплексную систему международно-правового регулирования сотрудничества в сфере креативных индустрий, ориентированную на сохранение и актуализацию культурного наследия стран БРИКС.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать ряд выводов, имеющих значение для развития международно-правового сотрудничества государств БРИКС в сфере сохранения культурного наследия через механизмы креативных индустрий.

Во-первых, современное международное право демонстрирует устойчивую тенденцию к переходу от пассивной охраны культурного наследия к его активной интеграции в процессы устойчивого развития. Конвенции ЮНЕСКО 1972, 2003 и 2005 годов создают правовую основу для рассмотрения культурного наследия как стратегического ресурса экономического роста, а креативных индустрий – как эффективного инструмента его капитализации.

Во-вторых, сравнительный анализ национальных правовых моделей стран БРИКС выявил существенные различия в подходах к регулированию взаимодействия креативных индустрий и культурного наследия. Российская федеральная модель, китайская централизованная система, либеральный подход ОАЭ. Несмотря на различия, все страны БРИКС признают необходимость развития специальных правовых механизмов защиты традиционных культурных выражений и поддержки проектов, основанных на культурном наследии.

В-третьих, существующая договорно-правовая база БРИКС в культурной сфере, олицетворяемая Соглашением 2015 года, не в полной мере учитывает потенциал креативных индустрий как инструмента международного культурного сотрудничества. Отсутствие специализированных институтов, финансовых механизмов и гармонизированных правил в области интеллектуальной собственности сдерживает реализацию совместных проектов.

Реализация предложенных ранее мер позволит трансформировать культурное сотрудничество в рамках БРИКС в эффективный инструмент сохранения общего культурного наследия, одновременно способствуя экономическому развитию и укреплению взаимопонимания между народами государств-участников.

Литература

1. Табаринцева-Романова К.М. Культурная дипломатия БРИКС. М., 2022. // URL: <https://www.elibrary.ru/> (дата обращения: 15.09.2025);
2. Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия (ЮНЕСКО, 1972 г.) // URL: <https://whc.unesco.org/en/conventiontext/> (дата обращения: 05.10.2025);
3. Конвенция об охране нематериального культурного наследия (ЮНЕСКО, 2003 г.) // URL: <https://ich.unesco.org/en/convention> (дата обращения: 30.08.2025);
4. Конвенция об охране и поощрении разнообразия форм культурного самовыражения (ЮНЕСКО, 2005 г.) // URL: <https://en.unesco.org/creativity/convention> (дата обращения: 18.09.2025);
5. Устав Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО, 1945 г.) // URL: <https://www.unesco.org/en/legal-affairs/constitution> (дата обращения: 02.10.2025);
6. Федеральный закон от 08.08.2024 № 330-ФЗ «О развитии креативных индустрий в Российской Федерации» // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202408080031> (дата обращения: 10.10.2025);
7. Лапицкий М.Л. Устойчивое развитие культуры: правовые аспекты. СПб., 2021. // URL: <https://www.elibrary.ru/> (дата обращения: 09.09.2025);
8. Распоряжение Правительства РФ от 20.09.2021 № 2613-р «Об утверждении Концепции развития креативных индустрий» // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202109230025> (дата обращения: 22.09.2025);
9. Коноплева К.А. Взаимосвязь культурных и креативных индустрий Китая с экономикой страны // Востокведные исследования. 2023. № 2. // URL: <https://www.elibrary.ru/> (дата обращения: 04.10.2025);
10. План развития культуры на 14-ю пятилетку (2021–2025 гг.). Пекин, 2021. // URL: <http://www.gov.cn/> (дата обращения: 28.08.2025);

11. Liu W. Cultural Clusters and Regional Development in China. Beijing, 2022. // URL: <https://scholar.google.com/> (дата обращения: 12.09.2025);
12. National Strategy for Cultural and Creative Industries 2021–2031. UAE Government, 2021. // URL: <https://www.moca.gov.ae/en/> (дата обращения: 19.09.2025);
13. Mirpulatova M.A. Modern Architecture and Cultural Traditions of the UAE // Oriental Art and Culture. 2023. No. 2. // URL: <https://www.elibrary.ru/> (дата обращения: 03.10.2025);
14. Иванов А.С. Правовое регулирование креативных индустрий в России. М., 2024. // URL: <https://www.elibrary.ru/> (дата обращения: 16.09.2025);
15. Статистический обзор креативных индустрий стран БРИКС. М., 2024. // URL: <https://www.elibrary.ru/> (дата обращения: 11.09.2025);
16. Казанская декларации БРИКС, одобренной 23 октября 2024 г. // URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/MUCfWDg0QRs3xf-MUiCaMF3LEh02OL3Hk.pdf> (дата обращения: 11.09.2025);
17. Перспективы развития креативных экономик в странах БРИКС+. Исследование Kept, 2024 г. // URL: <https://assets.kept.ru/upload/pdf/2024/05/ru-creative-industries-brics-countries-kept-survey.pdf> (дата обращения: 02.10.2025).

CREATIVE INDUSTRIES AS A TOOL FOR INTERNATIONAL LEGAL COOPERATION BETWEEN BRICS COUNTRIES IN THE FIELD OF CULTURAL HERITAGE PRESERVATION

Mosyakin I.A.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The article analyzes the potential of creative industries as a tool for international legal cooperation of BRICS states in the field of cultural heritage preservation. The author proves that creative industries represent an effective mechanism for fulfilling international obligations on cultural heritage preservation through its integration into modern economic circulation. Based on a comparative analysis of national legal models of Russia, China and UAE, common approaches and specific features of using creative industries for cultural heritage preservation are identified. The existing BRICS treaty framework in the field of culture is critically assessed and the necessity of developing specialized international legal mechanisms of cooperation is substantiated. The conclusion proposes specific measures for creating a comprehensive system of cooperation among BRICS states in the field of creative industries for cultural heritage preservation.

Keywords: BRICS, international legal cooperation, creative industries, cultural heritage, cultural heritage preservation, international treaties, comparative analysis.

References

1. Tabarintseva-Romanova K.M. Cultural Diplomacy of BRICS. Moscow, 2022. // URL: <https://www.elibrary.ru/> (accessed on 15 September 2025);
2. Convention Concerning the Protection of the World Cultural and Natural Heritage (UNESCO, 1972) // URL: <https://whc.unesco.org/en/conventiontext/> (accessed on 5 October 2025);
3. Convention for the Safeguarding of the Intangible Cultural Heritage (UNESCO, 2003) // URL: <https://ich.unesco.org/en/convention> (accessed on 30 August 2025);
4. Convention on the Protection and Promotion of the Diversity of Cultural Expressions (UNESCO, 2005) // URL: <https://en.unesco.org/creativity/convention> (accessed on 18.09.2025);
5. Constitution of the United Nations Educational, Scientific and Cultural Organisation (UNESCO, 1945) // URL: <https://www.un->

esco.org/en/legal-affairs/constitution (accessed on 2 October 2025);

6. Federal Law No. 330-FZ of 08.08.2024 'On the Development of Creative Industries in the Russian Federation' // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202408080031> (accessed on: 10.10.2025);
7. Lapitsky M.L. Sustainable Development of Culture: Legal Aspects. St. Petersburg, 2021. // URL: <https://www.elibrary.ru/> (accessed on 09.09.2025);
8. Decree of the Government of the Russian Federation No. 2613-r of 20.09.2021 'On the Approval of the Concept for the Development of Creative Industries' // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202109230025> (accessed on 22.09.2025);
9. Konopleva K.A. The Interconnection between China's Cultural and Creative Industries and the Country's Economy // Oriental Studies. 2023. No. 2. // URL: <https://www.elibrary.ru/> (accessed on 4 October 2025);
10. Cultural Development Plan for the 14th Five-Year Plan (2021–2025). Beijing, 2021. // URL: <http://www.gov.cn/> (accessed on 28 August 2025);
11. Liu W. Cultural Clusters and Regional Development in China. Beijing, 2022. // URL: <https://scholar.google.com/> (accessed on 12.09.2025);
12. National Strategy for Cultural and Creative Industries 2021–2031. UAE Government, 2021. // URL: <https://www.moca.gov.ae/en/> (accessed: 19.09.2025);
13. Mirpulatova M.A. Modern Architecture and Cultural Traditions of the UAE // Oriental Art and Culture. 2023. No. 2. // URL: <https://www.elibrary.ru/> (accessed: 03.10.2025);
14. Ivanov A.S. Legal Regulation of Creative Industries in Russia. Moscow, 2024. // URL: <https://www.elibrary.ru/> (accessed on 16.09.2025);
15. Statistical review of creative industries of the BRICS countries. Moscow, 2024. // URL: <https://www.elibrary.ru/> (accessed: 11.09.2025);
16. Kazan Declaration of BRICS, approved on 23 October 2024. // URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/MUCf-WDg0QRs3xfMUiCAmF3LEh02OL3Hk.pdf> (accessed on 11.09.2025);
17. Prospects for the development of creative economies in BRICS+ countries. Kept study, 2024 // URL: <https://assets.kept.ru/upload/pdf/2024/05/ru-creative-industries-brics-countries-kept-survey.pdf> (accessed on 02.10.2025).

Пахомова Наталья Алексеевна,

кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой конституционного и гражданского права Курской Академии государственной и муниципальной службы
E-mail: pakhomovanat761@yandex.ru

Маркин Сергей Петрович,

доцент кафедры конституционного и гражданского права Курской Академии государственной и муниципальной службы
E-mail: s.markin1976@mail.ru

В статье систематизированы ключевые этапы исторического становления международного права. Начиная от его зарождения, создания и признания как перечня правовых норм и правил. Особое внимание уделяется послевоенному и современному периоду развития международного права, когда оно формировалось максимально форсированными темпами при создании новых правовых институтов. Предлагается к рассмотрению авторский взгляд на роль западной цивилизации в формировании миропорядка, а также на общее международное право, как продукт европейской правовой культуры. Указываются важные шаги на пути к становлению современного международного правопорядка. Проводится анализ и освещение актуальных проблем прошлого и настоящего межнациональной правовой сферы, а также делаются выводы о характере их последствий для взаимодействий между странами. Актуальность темы обусловлена тем, что международное право нередко деформируется ради достижения политических или экономических целей, что требует обращения к его историческим основам и понимания динамики формирования этой системы.

Ключевые слова: международное право, международные отношения, Лига Наций, Организация Объединённых Наций, правопорядок, международная система.

Введение

Международное право представляет собой иерархичную и сложную систему норм, регулирующих отношения между государствами, их объединениями и организациями. Оно формировалось веками как результат накопленного опыта, компромиссов и противоречий, как попытка человечества выстроить баланс интересов и ограничить произвол силы.

В XXI веке значение исторического анализа международного права возрастает, поскольку именно понимание его эволюции помогает осмыслить нынешние кризисы и механизмы их преодоления. Усложнение глобальных связей, усиление интеграционных процессов, рост числа конфликтов и гуманитарных вызовов делают обращение к истории международного права не просто теоретическим, но и практическим инструментом.

Истоки международного права

Возникновение международного права традиционно связывают с появлением государственности и межплеменных соглашений, которые регулировали обмен, союзнические отношения и разрешение споров. Уже в древнейших цивилизациях Востока формировались основы межгосударственного взаимодействия, выражавшиеся в договорах, ритуалах и правилах посольского поведения.

Одним из первых зафиксированных международных актов считается договор между Египтом и Хеттским царством, заключённый около 1278 года до н.э., завершивший войну между фараоном Рамсесом II и царём Хаттушилем III. Этот документ не только установил мир, но и предусматривал союзнические обязательства и обмен послами – прообраз будущих дипломатических норм.

Позднее в Законах Ману (I век до н.э.) встречаются первые систематические положения о статусе послов и принципах переговоров, а античное *jus gentium* – «право народов» – стало юридическим фундаментом регулирования отношений между различными полисами и народами.

В Древней Греции и Риме были заложены основы принципа *pacta sunt servanda* – обязательности договоров, который впоследствии станет краеугольным камнем международного права. Именно римские юристы первыми придали обычаям характер юридически значимых норм, отличая *jus gentium* от внутреннего *jus civile*.

Средневековье ознаменовалось спадом в развитии правовой координации между народами, что было связано с феодальной раздробленностью, религиозными войнами и доминированием церковной юрисдикции. Однако именно тогда формиру-

ются первые международные торговые и морские кодексы, например, сборник «Consolato del Mare» (XIV век), регулирующий поведение купцов и капитанов в Средиземноморье.

Особое значение имели посольские обычаи и нормы, развивавшиеся на Востоке и в Европе – от Византии до итальянских республик. Они стали базой для будущего дипломатического права.

В это же время в исламском праве (шариат) и византийском каноническом праве появляются сходные принципы – уважение суверенитета, соблюдение перемирий и защита послов. Таким образом, международное право имеет множественные цивилизационные корни и не принадлежит исключительно Западу, хотя европейская традиция позже и закрепила его институциональную форму.

Формирование современной модели международного права

К XVII веку человечество подошло к пониманию того, что войны не могут быть единственным инструментом решения споров. Именно Вестфальский мир 1648 года стал первой попыткой юридически закрепить принципы государственного суверенитета и невмешательства во внутренние дела. Эти два постулата легли в основу классического международного права и остаются действующими по сей день, составляя его «генетический код».

В последующие века мировая дипломатия активно институционализируется. Появляются постоянные посольства, создаются первые дипломатические инструкции, формируются профессиональные корпуса юристов-международников. Парижский мирный договор 1856 года, завершивший Крымскую войну, стал одним из первых документов, где закреплялось коллективное решение европейских держав о гарантиях независимости Османской империи и нейтрализации Чёрного моря. Ещё больший вклад в развитие правопорядка внес Берлинский конгресс 1878 года, который установил нормы признания новых государств и фактически создал прецедент международного арбитража в территориальных спорах.

К концу XIX века на первый план выходит идея универсальных конференций как инструмента предотвращения войн. Гаагские конференции 1899 и 1907 годов – важнейшая веха на пути к современным международным институтам. На них были сформулированы основы законов и обычаев войны, учреждён Постоянный арбитражный суд, а также впервые закреплён запрет на применение определённых видов оружия. Эти акты стали предтечей норм, которые впоследствии войдут в Женевские конвенции и Устав ООН.

В целом XIX век стал эпохой, когда международное право перешло от системы отдельных соглашений к осознанию своей наднациональной сущности. Вместо грубой силы начинает действовать «сила права», хотя путь к её утверждению был долгим и противоречивым.

Международное право в XX веке

XX век стал временем грандиозных потрясений и испытаний, которые радикально изменили саму природу международного права. Войны, революции и колониальные конфликты заставили человечество искать механизмы коллективной безопасности. Именно после Первой мировой войны создаётся Лига Наций, первая глобальная организация, стремившаяся предотвратить войны через систему коллективных гарантий. Несмотря на последующий крах этой структуры, её опыт стал бесценным – из него выросла Организация Объединённых Наций.

Но до этого мир пережил эпоху великих решений и противоречий. XIX век оставил человечеству идею равенства народов, но XX показал, как легко она может быть разрушена тоталитаризмом. Падение старых империй, национальные революции, стремительное развитие промышленности и идеологий сделали международное право ареной столкновения философий.

Первая мировая война – колоссальный перелом, после которого возникла необходимость выстроить новый юридический порядок. Однако Версальско-Вашингтонская система не смогла обеспечить стабильность: она закрепила территориальные перекосы и породила реваншизм. Результатом стал крах Лиги Наций и рождение Второй мировой войны.

В послевоенные годы мир, переживший невообразимые разрушения, осознал необходимость формализовать принципы справедливости и ответственности. Так возникли Нюрнбергский и Токийский трибуналы – прецеденты, впервые закрепившие понятие преступления против человечности и личную ответственность руководителей государств. Эти процессы не просто осудили виновных – они создали новую этическую основу международного правопорядка, где не государство, а человек стал центральной фигурой.

Следующим шагом стало подписание Женевских конвенций 1949 года и последующих протоколов, регламентирующих гуманитарное право. Теперь война не могла быть оправдана без последствий: появилось понятие защиты гражданского населения, статуса пленных, ответственности за нарушение правил ведения боевых действий.

Создание Организации Объединённых Наций в 1945 году закрепило окончательный переход от концепции силы к концепции закона. Устав ООН, особенно его статьи 2 и 51, провозгласил запрет применения силы, кроме случаев самообороны, и установил механизмы коллективных действий через Совет Безопасности. Одновременно с этим Всеобщая декларация прав человека 1948 года стала моральным и юридическим фундаментом послевоенного мира.

С середины XX века формируются и специализированные институты – Международный суд ООН, ЮНЕСКО, ВОЗ, Международный валютный фонд и десятки других. Они расширили предмет меж-

дународного права, превратив его из системы договоров в систему управления глобальными процессами.

Однако холодная война вновь внесла напряжённость. Разделение мира на два блока – капиталистический и социалистический – породило идеологический дуализм в трактовке норм: каждый лагерь использовал право как инструмент внешней политики. Тем не менее именно в этот период были выработаны важные принципы мирного сосуществования, зафиксированные в Хельсинкском заключительном акте 1975 года, а также произошла кодификация морского, космического и экологического права.

Таким образом, XX век стал ареной перехода от силы оружия к силе права – перехода трудного, неоднозначного, но исторически закономерного. Международное право перестало быть узким инструментом дипломатии и превратилось в основу миропорядка.

Современные тенденции и практика международного права XXI века

С окончанием холодной войны человечество вновь оказалось перед выбором – каким будет новый мировой порядок. Падение биполярной системы, исчезновение прежних идеологических границ и появление новых центров силы потребовали переосмысления роли международного права. Казалось, что вместе с концом XX века приходит и эпоха единого правового пространства, основанного на универсальных нормах, но реальность оказалась куда сложнее.

На рубеже тысячелетий появляются новые вызовы: терроризм, распространение оружия массового уничтожения, транснациональная преступность, экологические катастрофы и беспрецедентная цифровизация. Международное право, изначально созданное для регулирования поведения государств, оказалось перед необходимостью реагировать на угрозы, исходящие от негосударственных акторов, корпораций и даже отдельных лиц.

Одним из поворотных событий стало подписание Парижского соглашения по климату (2015 г.), в котором впервые участвовали почти все страны мира. Этот документ стал примером глобального консенсуса и показал, что международное сообщество способно вырабатывать совместные решения даже в отсутствие единого центра силы. Тем самым Парижское соглашение подтвердило: международное право может служить инструментом объединения, а не разделения государств.

Значительный вклад в развитие современной практики внесли решения Международного суда ООН и Международного уголовного суда (МУС). Среди них дела о территориальных спорах, нарушениях суверенитета, преступлениях против человечности и защите прав человека. Особую роль сыграли постановления по вопросам самообороны, признания государств и статуса гуманитарных интервенций. Эти решения показывают, что меж-

дународное право не статично – оно адаптируется, реагируя на политические, технологические и моральные вызовы.

Однако XXI век принёс и новый тип противоречий: всё чаще правовые нормы становятся инструментом геополитического давления. Использование санкционных режимов, односторонних ограничений, замораживания активов и торговых барьеров ставит вопрос о границах допустимого принуждения. В этой связи международные суды и арбитражи (включая Суд ЕС и ВТО) формируют новую практику толкования экономических мер – с точки зрения их соразмерности, недискриминации и гуманитарных последствий.

Параллельно развивается цифровое международное право. Кибероперации, вмешательства в информационную безопасность и манипулирование цифровыми данными становятся предметом обсуждения на уровне ООН и Совета Европы. Проекты «Группы правительственных экспертов по ИКТ» (2021–2023) показали, что необходимость правового регулирования киберпространства становится столь же важной, как когда-то регулирование морей и воздуха.

Новые тенденции проявляются и в гуманитарной сфере: право на убежище, защита мигрантов и климатических беженцев, а также права человека в цифровой среде становятся центральными темами международных форумов. Женевские конвенции и Дополнительные протоколы по-прежнему составляют основу гуманитарного права, однако современные конфликты требуют их динамической интерпретации.

Современный международный порядок больше не опирается на монополии силы. Сегодня он – поле для диалога, компромиссов и конкурирующих моделей правопонимания, где нормы и интересы существуют в постоянном движении.

Современные вызовы международного права

Современная международная система сталкивается с рядом проблем, не предусмотренных классическими нормами Устава ООН. К ним относятся:

- гибридные конфликты, сочетающие военные, экономические и киберэлементы;
- использование санкций как инструмента политического давления;
- оспаривание легитимности международных институтов и их решений;
- углубление разрыва между правом и реальной политикой.

Особое место занимает вопрос применения силы и права на самооборону. Статьи 2 и 51 Устава ООН закрепляют базовые принципы – запрет угрозы силой и право государства на защиту своей территориальной целостности. Однако в последние десятилетия эти положения подвергаются множественным толкованиям: государства всё чаще прибегают к «превентивным» аргументам, что порождает юридические коллизии и ослабляет универсальность норм.

Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/76/262 (2022) и A/RES/78/125 (2024) подчёркивают необходимость безусловного соблюдения принципа мирного урегулирования споров. Одновременно усиливается акцент на многосторонности и коллективных форматах дипломатии, способных компенсировать эрозию доверия.

Важным направлением остаётся развитие международного гуманитарного права. На фоне множества региональных кризисов Женевские конвенции и Дополнительные протоколы продолжают служить «красной линией» для всех сторон, определяя рамки допустимого. В 2024 году МГИМО и Институт международного права РАН в своих аналитических докладах отметили: современное международное право должно не только сохранять традиционные формы, но и адаптироваться к новым технологиям, новым типам угроз и изменениям глобального баланса.

Таким образом, XXI век стал эпохой, когда международное право впервые оказалось не просто системой норм, а системой саморегуляции. Оно постоянно взаимодействует с политикой, экономикой, цифровыми технологиями и гуманитарными процессами, оставаясь основным языком, на котором человечество пытается договариваться даже в эпоху разобщения.

Заключение

Международное право – это не статичная структура, а живая, динамичная система, развивающаяся вместе с человечеством. Каждый исторический этап вносил в неё свои смыслы: от договоров древности, где главенствовал принцип силы, до современного мира, основанного на взаимозависимости и общечеловеческих ценностях.

Оглядываясь на пройденный путь, можно сказать, что эволюция международного права – это отражение пути самой цивилизации: от племенных союзов к государствам, от локальных войн к глобальным институтам, от фрагментарных правил к универсальным принципам справедливости.

История XX века показала, что право может быть сильнее оружия, если опирается на общепризнанные нормы и моральную ответственность. А современность доказывает, что международное право остаётся необходимым элементом баланса в мире, где технологии, идеологии и экономика взаимосвязаны прочнее, чем когда-либо прежде.

В XXI веке его миссия – не только предотвращать войны, но и обеспечивать устойчивость цивилизации. Оно должно оставаться «мягкой силой» – не в смысле давления, а в смысле способности направлять мировое развитие через диалог, нормы и взаимное признание. Только сочетание исторической памяти, научного анализа и готовности к реформам способно сохранить международное право как универсальный язык взаимопонимания.

Таким образом, международное право – это постоянно движущаяся, самокорректирующаяся система-конструктор, в которой старые нормы усту-

пают место новым, но сохраняют преемственность. Именно в этом – его сила, универсальность и гарантия того, что даже в эпоху глобальных противоречий человечество будет искать не путь разрушения, а путь соглашения.

Литература

1. Ашавский Б. М., Бирюков М.М., Бордунов В.Д. и др. Международное право: учебник / отв. ред. С.А. Егоров. – М.: Статут, 2015.
2. Аракелян М. А., Кемский А.А. Международное право в XXI веке: перспективы развития и уроки истории // Предупреждение, спасение, помощь: материалы международной научно-практической конференции. – Химки, 2017.
3. Телепина Н. М., Телепина Н.А. К вопросу о роли России в развитии международного права в начале XIX века // Вестник университета. – 2013. – № 20.
4. Чертушкин С.О. История развития международного права // Духовная ситуация времени. Россия XXI век. – 2015. – № 2 (5).
5. UN Charter. Articles 2 and 51 // United Nations Treaty Series.
6. General Assembly Resolutions A/RES/76/262 (2022) и A/RES/78/125 (2024).
7. Paris Agreement under the United Nations Framework Convention on Climate Change (2015).
8. Доклад МГИМО «Эволюция международно-правовых механизмов в условиях глобальных вызовов» / под ред. А.В. Торкунова. – М., 2024.
9. International Court of Justice. Reports of Judgments and Advisory Opinions. The Hague, 2022–2024.
10. International Criminal Court Annual Report 2023–2024. The Hague, 2024.

INTERNATIONAL LAW IN HISTORICAL DEVELOPMENT

Pakhomova N.A., Markin S.P.

Kursk Academy of State and Municipal Service

The article systematizes the key stages of the historical formation of international law – from its origins and early recognition as a set of legal norms and rules to its modern institutional framework. Special attention is paid to the post-war and contemporary periods, when international law developed at an accelerated pace through the establishment of new legal institutions and mechanisms of global regulation. The authors present their own analytical view of the role of Western civilization in shaping the modern world order and of general international law as a product of European legal culture. Important milestones on the path to the creation of the modern international legal order are identified. The study analyzes and highlights the most pressing issues of the past and present in the field of international legal relations and assesses their implications for interaction between states.

The relevance of the topic lies in the fact that international law is often deformed in pursuit of political or economic goals, which necessitates turning to its historical foundations and understanding the dynamics of its evolution as a legal system.

Keywords: international law, international relations, League of Nations, United Nations, legal order, international system.

References

1. Ashavskiy B. M., Biryukov M.M., Bordunov V.D., et al. International Law: Textbook / ed. S.A. Egorov. Moscow: Statut, 2015.

2. Arakelian M. A., Kemskiy A.A. International Law in the 21st Century: Development Prospects and Lessons of History // Prevention, Rescue, Assistance: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference. Khimki, 2017.
3. Telepina N. M., Telepina N.A. On Russia's Role in the Development of International Law at the Beginning of the 19th Century // University Bulletin. 2013. No. 20.
4. Chertushkin S.O. History of the Development of International Law // Spiritual Situation of the Time. Russia in the 21st Century. 2015. No. 2 (5).
5. UN Charter. Articles 2 and 51 // United Nations Treaty Series.
6. General Assembly Resolutions A/RES/76/262 (2022) and A/RES/78/125 (2024).
7. Paris Agreement under the United Nations Framework Convention on Climate Change (2015).
8. MGIMO Report "The Evolution of International Legal Mechanisms in the Context of Global Challenges" / edited by A.V. Torkunov. Moscow, 2024.
9. International Court of Justice. Reports of Judgments and Advisory Opinions. The Hague, 2022–2024.
10. International Criminal Court Annual Report 2023–2024. The Hague, 2024.

Механизмы совершенствования правового регулирования в РФ в части соотношения международного и национального права

Ткаченко Василий Максимович,

аспирант, кафедра международного права, Всероссийская академия внешней торговли
E-mail: vasya.tkachenko.95@mail.ru

Статья посвящена теме урегулирования коллизий приоритета и/или верховенства международного и национального права. Целями настоящего исследования являются определение понятия конституционная идентичность, а также формулирование нового для России правового теста – принадлежности конституционной идентичности. Среди используемых методов исследования можно выделить формально-юридический, примененный при анализе нормативно-правовых основ деятельности Конституционного Суда РФ и органов конституционной юстиции зарубежных стран; метод анализа и систематизации судебной практики составил основу для выявления моделей (типов) конституционной идентичности в практике органов конституционного правосудия. По итогам исследования, делается предложение о необходимости выработки механизма определения фундаментальных конституционно защищаемых ценностей (конституционной идентичности) и приводится пример его возможной формулировки.

Ключевые слова: приоритет международного права; верховенство конституционного права; национальное право; конституционная и национальная идентичность.

Введение

Одной из основополагающих характеристик государства является его суверенитет, который подразумевает наличие права у государства в лице его органов и народа самостоятельно определять свою внутреннюю и внешнюю политику. Исторически сложилось, что государства неизбежно вступают в различного рода взаимоотношения друг с другом, а также иными субъектами международного права, и одним из результатов такого взаимодействия может являться формирование международных организаций и интеграционных объединения. Возникающие в этой связи договоренности, закрепляемые, в форме международных договоров, обычаев, принципов, иногда становятся нормами международного права, права интеграционных объединений¹.

В целом можно отметить, что большинство государств, подчиняясь вышеуказанным нормам², в тоже время придерживаются позиции приоритета защиты своих национальных правопорядков, что находит отражение в их высших нормативно-правовых актах. Неизбежным последствием данного подхода, является возникающая в этой связи конкуренция норм международного права, права интеграционных объединений и национального права государств. На вопрос же: «В каких случаях отход от приоритета и / или верховенства международного права интеграционных объединений является для государств оправданным?» – однозначного ответа ни правовой наукой, ни судебной практикой не дано, что в современных обстоятельствах порождает возможность как безосновательного нарушения международных обязательств государствами, так и дискриминацию государств с использованием механизмов международных организаций или интеграционных объединений и, как

¹ Под правом интеграционных объединений (или «интеграционное право») в настоящей работе будет пониматься в значении, данном в учебнике для вузов «Интеграционное право», подготовленным авторским коллективом МГЮА под редакцией профессора Кашкина С.Ю. (С. 134. Интеграционное право: учебник / В.В. Блажеев, С.Ю. Кашкин, П.А. Ка линиченко и др.; отв. ред. С.Ю. Кашкин. – Москва: Проспект, 2017. – 720 с.)

² В частности, это выражается в закреплении в национальном законодательстве государств положений о том, что международные нормы являются составной частью их правовой системы: см., например, Ч. 4.ст. 15 Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.] // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru>; Art. 15 Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland in der im Bundesgesetzblatt Teil III, Gliederungsnummer 100–1, veröffentlichten bereinigten Fassung, das zuletzt durch Artikel 1 des Gesetzes vom 22. März 2025 (BGBl. 2025 I Nr. 94) geändert worden ist. – URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/gg/BJNR000010949.html>

следствие, утрату последними суверенитета и государственности как таковой¹.

Внесенные же в 2020 года поправки в Конституцию РФ², появившиеся как результат многочисленных дискуссий относительно приоритета и/или верховенства норм международного права в правовом порядке России, подходов и практик выработанных Конституционным Судом Российской Федерации, Европейского суда по правам человека, Суда Европейского Союза, существенным образом дополнили положения, регулирующие вопросы возможности исполнения на территории России решений надгосударственных органов, а также историко-правовой самоидентификации России как суверенного государства, защищающего свой национальный публичный правовой порядок (конституционная идентичность).

Вышеуказанные поправки актуализировали вопросы приоритета норм международного права, конституционной идентичности не только в части выработки единых доктринальных подходов к понятию и сущности конституционной идентичности, её соотношению с другими конституционно-правовыми категориями, но и в части решения практического вопроса о «пределах уступчивости» (о контроле идентичности).

Об актуальности работы по концептуализации приоритета международного права, понятия и содержания конституционной идентичности говорят государственные деятели и ученые. Например, В.Д. Зорькин в статье «Буква и дух Конституции» указывает, что существует явная тенденция «к осмыслению и отстаиванию своей конституционно-правовой идентичности», обусловленная рядом «политико-правовых трендов, глобализацией». Председатель Конституционного Суда РФ отмечает, что «на уровне органов государственной власти это проявляется в стремлении предотвратить размывание национально-государственного суверенитета и утвердить конституционно-правовую идентичность государства»³. При этом он акцентирует внимание на том, что над доктриной конституционной идентичности «всем нам предстоит много работать»⁴.

Конституционная идентичность и иные способы защиты национального правового порядка

Сказанное позволяет прийти к выводу о необходимости защиты национальных интересов от деструк-

тивного вмешательства с использованием норм международного права во внутренний правовой порядок России, ученым-правоведами, судебной и прежде всего Конституционным судом РФ должно всё больше прорабатываться доктрина конституционно-защищаемой идентичности государства.

Данная задача является чрезвычайно тяжёлой, так как требует ответа на вопросы кто мы россияне? Чем отличаемся от остальных народов? Какое наше место в международном сообществе? Наш вклад в развитие истории? Основные ценности? Согласитесь, что в отношении многонационального многоконфессионального народа с более чем тысячелетней историей на данный вопросы не просто ответить, а уж тем более сформулировать универсальный инструмент защиты сформулированных ценностей.

Кроме того, история продолжает формироваться, каждый день вносит свою лепту, что подталкивает рассматривать конституционно-защищаемые ценности в качестве базового, системно-значимого динамически развивающегося понятия. Соответственно для сохранения конституционно-защищаемых ценностей — «конституционной идентичности» необходимо сформулировать некий способ определения отнесения норм-ценностей к таковым.

В рамках настоящей работы под **конституционной идентичностью** следует понимать — основополагающие нормы, принципы, ценности и структуры правового порядка государства, закреплённые в высшем законе (конституции), которые позволяют его выделить среди других правовых систем.

Среди прочего, она включает следующие элементы:

1. Верховенство Конституции⁵;
2. Федеративное устройство⁶ — Россия является федерацией с разделением полномочий между федеральным правительством и субъектами Российской Федерации (республики, области, края и т.д.);
3. Разделение властей⁷ — на законодательную, исполнительную и судебную;
4. Гарантия основополагающих прав и свобод человека и гражданина⁸ — защита прав и свобод человека и гражданина, предусмотренных, в частности, в Главе 2 Конституции, осуществляется на уровне не ниже, чем предусмотрен общепризнанными принципами и нормами международного права;
5. Верховенство права⁹;

¹ П. 2.1. Постановление Конституционного Суда РФ от 07.06.2000 № 10-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Конституции Республики Алтай и Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации».

² Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. N 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» (одобрен в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.). — URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45280>.

³ Зорькин В.Д. Буква и дух Конституции. URL: <https://www.krsf.ru/Press-srv/smi/24487/>.

⁴ Там же.

⁵ Ч. 1 ст. 15 Конституции Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.] // Официальный интернет портал правовой информации. — URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 01.04.2025). — URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202210060013>.

⁶ См. там же ч.1. Ст. 5, Глава 3

⁷ См. там же Ст. 10

⁸ См. там же Глава 2

⁹ Зорькин В.Д. выступление «Цивилизация права»: <https://krsf.ru/ru/News/Speech/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=66>.

6. Суверенитет и территориальная целостность¹;
7. Сохранение истории государства и традиционных ценностей²;
8. Признание международных договоров и общепризнанных норм и принципов международного права в качестве составной части правовой системы Российской Федерации³.

В тоже время необходимо отметить наличие более общего понятия «национальная идентичность», которое наряду с ценностями, входящими в состав конституционной ценности, включает ещё и общее чувство сопричастности, культуры, истории, и ценностей, определяющих граждан России в качестве народа. Она включает в себя:

1. Культурное наследие – культурные традиции, включая литературу, музыку, искусство и религию;
2. Историческое повествование – совокупность знаний об исторических событиях, формирующих национальную гордость и идентичность;
3. Язык и этническая принадлежность;
4. Патриотизм и национальные символы – флаг, гимн, герб, также как и патриотические ценности и традиции;
5. Социальная сплоченность – чувство единства и солидарности народа России.

Таким образом, ключевыми отличиями национальной идентичности от конституционной являются:

Таблица 1

Признак	Конституционная идентичность	Национальная идентичность
Основной фокус	Правовые и институциональные структуры	Культурные, исторические и социальные аспекты
Область применения	Определяется Конституцией	Основывается на культуре, истории и традиционных ценностях
Кем защищается	Конституционным судом	Выражается и защищается через традиции, символы и рассказы
Гибкость применения / определения	Более строгая, основывается на тексте Конституции	Гибкая, определяется динамически с течением времени

Поскольку одной из целей написания настоящей работы является выработка механизма, позволяющего с одной стороны обеспечить защиту национального публичного правопорядка России, и в тоже время сохранить возможность открытого взаимодействия со всеми участниками международного сообщества, основанного на принципах равноправия и взаимоуважения (т.е. не допустить

не только закрытие национального правопорядка ввиду его чрезмерной защищенности (международной неподсудности), но и сделать его более предсказуемым для иностранных партнеров), предлагается использовать два способа защиты национального правопорядка:

1. Судебный:
 - 1.1. практика Конституционного суда России;
 - 1.2. разработка доктрины «национальной и конституционной идентичности» и закрепление ее основ в актах Конституционного Суда России (например, постановление);
2. Внесудебный – фиксация в новых заключаемых документах о присоединении России к международным договорам, организациям положений о возможности отступления от них в случае их противоречия в своем истолковании конституционной идентичности России, закрепленной в Конституции РФ.

Судебный способ защиты заключается в продолжении формирующейся практики Конституционного Суда России в отказе в исполнении решений международных организаций, судов в случае их противоречия в своём истолкования норм международного права Конституции РФ.

Механизма определения фундаментальных конституционно защищаемых ценностей

Акцентируя внимание на судебном механизме национального правопорядка, следует отметить, что само истолкование во многом и описывает элементы, ценности, входящие в «конституционную идентичность» России, которая по определению уже, чем «национальная идентичность». Определить полный перечень правоотношений, которые входят в концепцию «конституционной идентичности» с одной стороны не представляется возможным, с другой же, и не имеет смысла, поскольку сами правоотношения динамичны. Соответственно, ключевые объекты, подлежащие особой защите существующим Конституционным строем неотъемлемо связаны с самими признаками государства и государственности:

1. Территория (как непосредственно само пространство суши, на воде и в воздухе, так и федеративное устройство⁴);
2. Народ (многонациональный) и институт единого гражданства⁵;
3. «Социальная государственность» – совокупность мер по защите семьи, материнства, отцовства и детства, инвалидов и пожилых граждан (всех категорий социально незащищенных граждан), а также трудящихся;
4. Суверенитет⁶ и государственный строй (система органов государственной власти, политиче-

⁴ Златопольский Д.Л. СССР – федеративное государство. М., 1967. С. 217–218.

⁵ Кутафин О.Е. Российское гражданство. М., 2003. С. 176.

⁶ Постановление Конституционного Суда РФ от 7 июня 2000 г. N 10-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Конституции Республики Алтай и Федерально-

¹ См. там же Ст. 4

² См. там же Ст. 7, 38, 67.1, 114

³ См. там же ч. 4 Ст. 15, преамбула Федерального закона от 15 июля 1995 г. N 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации»

ское многообразие, многопартийность, «светское государство»);

5. Экономический строй (система организации экономического пространства страны, при котором обеспечивается свободное перемещение товаров, услуг, капитала, трудовых ресурсов, поддерживается конкуренция, свобода экономической деятельности, система налогообложения¹);
6. Государственность (демократический строй, республиканская форма правления, права и свободы человека и гражданина) и как неотъемлемый элемент налоговая система и уголовное производство;
7. Культура и история (как совокупность социально-исторических характеристик многонационального народа, идеологическое многообразие)
8. Признание общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации в качестве составной части ее правовой системы и т.д.

Отправной точкой для определения вышеперечисленных отношений является Преамбула и Глава 1 Конституции РФ. Более того, исходя из ст. 16 Конституции, можно сделать вывод, что положения вышеуказанных разделов обладают особым правовым статусом и квалифицируются в качестве основ конституционного строя.

Кратко обобщая некоторые вышеуказанные тезисы, в общих чертах механизм определения фундаментальных конституционно защищаемых ценностей (конституционной идентичности) можно сформулировать следующим образом:

1. Затрагивает основополагающие ценности Российской Федерации, изложенные в Конституции РФ, без которых невозможно суверенное существование государства;
2. Исполнение принятых международных обязательств, решений международных органов, судов и арбитражей в своем истолковании уполномоченными органами противоречащих «конституционной идентичности», приведет к изменению норм-ценностей, входящих в конституционную идентичность, что фактически приведет к лишению полномочий высшего источника власти в стране (народа) и фактически будет означать утрату суверенитета;
3. Конституционным судом РФ зафиксировано наличие противоречия, указанного в пункте 2 теста.

Рассмотрим некоторые тесты, которые должен применять Конституционный суд при рассмотрении законов, международных норм (независимо

го закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» // СЗ РФ. 2000. N 25. Ст. 2728.

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 17.12.1996 N 20-П «По делу о проверке конституционности пунктов 2 и 3 части первой статьи 11 Закона Российской Федерации от 24 июня 1993 года «О федеральных органах налоговой полиции» – пункт 3 абзац 4

от формы) и действий государственных органов на предмет соответствия конституционной идентичности:

- Обеспечивается ли верховенство Конституции – Конституционный суд осуществляет проверку нормативно-правовых актов государства, международных норм (независимо от формы), действий государственных органов на предмет соответствия положениям Конституции РФ. В случае нарушения, соответствующая норма признается недействительной. Следует обратить внимание на то, что оценка может осуществляться как до принятия соответствующей нормы, проникновения ее в национальный правовой порядок, так и на более позднем этапе на основании запросов уполномоченных лиц;
- Обеспечение пропорциональности – проверка нормативно-правовых актов, международных норм, действий государственных органов на предмет соответствия заключаемых в них правил поведения, мер законной цели, которую они преследуют, например, соответствуют ли вводимые ограничения на фундаментальные права человека той цели, для которой они принимаются (введение особых режимов, ограничений для граждан в период пандемии – обеспечение приоритета публичных интересов над частными);
- Обеспечение федерализма – Конституционный суд гарантирует обеспечение разграничения полномочий между органами разного уровня (федеральной власти, субъектов и т.д.), автономии соответствующих форм субъектов (в частности, по вопросам управления ресурсами, налогообложения в рамках соответствующих полномочий);
- Соответствие нормам Международного права²;
- Обеспечение фундаментальных прав – Конституционный суд следит за тем, чтобы нормативно-правовые акты, международные нормы (в том числе в их истолковании), действия государственных органов не нарушали основополагающие права человека, предусмотренные Главой 2 Конституции. Также следует отметить, что в соответствии со ст. 15 Конституции, международно-правовые нормы являются составной частью нашей правовой системы, но при этом именно Конституция обладает верховенством в случае их конкуренции;
- Обеспечение культурной и исторической идентичности – в процессе применения норм Конституции, их истолкования, КС РФ руководствуется историческими, культурными, традиционными ценностями, сложившимися в государстве на момент применения нормы или ее толкования;

² Постановление Конституционного Суда РФ от 19 апреля 2016 г. N 12-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 года по делу «Анчуглов и Гладков против России» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации»: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision230222.pdf>.

- Обеспечение суверенитета государства – проверка нормативно-правовых актов, международных норм, действий органов государства на предмет соблюдения суверенитета и территориальной целостности государства (например, ограничение деятельности НКО, введение специального порядка отчетности, раскрытие источников финансирования деятельности);
- Обеспечение верховенства права¹;
- Обеспечение разделения властей и независимости каждой из ветвей власти (с учетом механизма сдержек и противовесов)
- Наличие устойчивой практики применения норм определенным образом, оценки ценностей, их содержания внутри страны. (Отказу от исполнения своих международно-правовых обязательств должна предшествовать устойчивая практика применения и толкования норм определенным образом, в пользу которых осуществляется выбор).

Заключение

Обобщая вышесказанное, с одной стороны, можно отметить, что нормы международного права имеют приоритет перед нормами национально-го права². С другой же стороны, решения международных организаций, принятые на основании международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации, не подлежат исполнению в Российской Федерации³. Важно отметить, что указанное положение, стало результатом формулирования Конституционным судом РФ наличия «конституционной идентичности России», представляющей совокупность таких ценностей такой важности, отказ от которых означал бы прекращение существования Российской Федерации как суверенного государства. Хотелось бы отметить, что ни судебная практика, ни доктрина не дают ответа относительно того, какие тесты должны быть выполнены для правомерного применения данной доктрины в целях отказа от исполнения своих международно-правовых обязательств. Именно поэтому, предлагаемые в настоящей работе определение конституционной идентичности, а также механизм определения фундаментальных конституционно защищаемых ценностей (конституционной идентичности), как необходимые механизмы защиты национального суверенитета России от необоснованного вмешательства во внутренние дела со стороны международного сообщества и представляют особый интерес.

¹ Зорькин В.Д. Верховенство права и конституционное правосудие: <https://cyberleninka.ru/article/n/verhovenstvo-prava-i-konstitutsionnoe-pravosudie/viewer>

² Ч. 4. ст. 15 Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.] // Официальный интернет- портал правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru>

³ См. там же ст. 79.

Литература

1. Блажеев В. В., Кашкин С.Ю., Калининченко П.А. и др.; отв. ред. Кашкин С.Ю.. Интеграционное право: учебник – Москва: Проспект, 2017. – 720 с.
2. Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. N 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» (одобренны в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.). – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45280>.
3. Златопольский Д.Л. СССР – федеративное государство. М., 1967.
4. Зорькин В.Д. Буква и дух Конституции. URL: <https://www.ksrf.ru/Press-srv/smi/24487/>.
5. Зорькин В.Д. Верховенство права и конституционное правосудие: <https://cyberleninka.ru/article/n/verhovenstvo-prava-i-konstitutsionnoe-pravosudie/viewer>.
6. Зорькин В.Д. выступление «Цивилизация права»: <https://ksrf.ru/ru/News/Speech/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=66>.
7. Конституции Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.] // Официальный интернет портал правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 01.04.2025). – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202210060013>.
8. Кутафин О.Е. Российское гражданство. М., 2003.
9. Постановление Конституционного Суда РФ от 07.06.2000 № 10-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Конституции Республики Алтай и Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации»
10. Постановление Конституционного Суда РФ от 19 апреля 2016 г. N 12-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 года по делу «Анчугов и Гладков против России» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации»: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision230222.pdf>.
11. Постановление Конституционного Суда РФ от 17.12.1996 N 20-П «По делу о проверке конституционности пунктов 2 и 3 части первой статьи 11 Закона Российской Федерации от 24 июня 1993 года «О федеральных органах налоговой полиции».
12. Постановление Конституционного Суда РФ от 7 июня 2000 г. N 10-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Кон-

ституции Республики Алтай и Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» // СЗ РФ. 2000. N 25. Ст. 2728.

13. Федеральный закон от 15.09.1995 № 101-ФЗ (ред. от 12.03.2014) «О международных договорах Российской Федерации». Первоначальный текст документа опубликован в изданиях «Собрание законодательства РФ», 17.07.1995, № 29, ст. 2757; «Российская газета», № 140, 21.07.1995.
14. Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland in der im Bundesgesetzblatt Teil III, Gliederungsnummer 100–1, veröffentlichten bereinigten Fassung, das zuletzt durch Artikel 1 des Gesetzes vom 22. März 2025 (BGBl. 2025 I Nr. 94) geändert worden ist. – URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/gg/BJNR000010949.html>

MECHANISMS FOR IMPROVING LEGAL REGULATION IN THE RUSSIAN FEDERATION IN PART OF THE RELATIONSHIP BETWEEN INTERNATIONAL AND NATIONAL LAW

Tkachenko V.M.

Russian Foreign Trade Academy Russia

This article explores the topic of resolving conflicts of priority and/or supremacy between international and national law. The objectives of this study are to define the concept of constitutional identity and formulate a new legal test for Russia—the attribution of constitutional identity. Among the research methods employed, a formal legal approach is used to analyze the legal framework governing the activities of the Constitutional Court of the Russian Federation and constitutional justice bodies in foreign countries. A method for analyzing and systematizing judicial practice formed the basis for identifying models (types) of constitutional identity in the practice of constitutional justice bodies. Based on the study's findings, a proposal is made for the development of a mechanism for defining fundamental constitutionally protected values (constitutional identity) and an example of its possible formulation is provided.

Keywords: priority of international law; supremacy of constitutional law; national law; constitutional and national identity.

References

1. Blazheev V. V., Kashkin S. Yu., Kalinichenko P.A., et al.; ed. Kashkin S. Yu. Integration Law: textbook – Moscow: Prospect, 2017. – 720 p.
2. Law of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation of March 14, 2020 N 1-FKZ
3. Zlatopolsky D. L. USSR – a federal state. Moscow, 1967.
4. Zorkin V.D. The Letter and Spirit of the Constitution. URL: <https://www.ksrf.ru/Press-srv/smi/24487/>.
5. Zorkin V.D. Rule of Law and Constitutional Justice: <https://cyberleninka.ru/article/n/verhovenstvo-prava-i-konstitutsionnoe-pravosudie/viewer>.
6. Zorkin V.D. Speech “Civilization of Law”: <https://ksrf.ru/ru/News/Speech/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=66>.
7. Constitution of the Russian Federation: [adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020] // Official Internet Portal of Legal Information. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (accessed: 01.04.2025). – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202210060013>.
8. Kutafin O.E. Russian citizenship. M., 2003.
9. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of June 7, 2000, No. 10-P “On the case of reviewing the constitutionality of certain provisions of the Constitution of the Altai Republic and the Federal Law “On the General Principles of Organization of Legislative (Representative) and Executive Bodies of State Power of the Subjects of the Russian Federation”
10. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of April 19, 2016, No. 12-P “On the case of resolving the issue of the possibility of enforcing, in accordance with the Constitution of the Russian Federation, the ruling of the European Court of Human Rights of July 4, 2013 in the case of “Anchugov and Gladkov v. Russia” in connection with the request of the Ministry of Justice of the Russian Federation”: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision230222.pdf>.
11. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 17.12.1996 No. 20-P “On the case concerning the review of the constitutionality of paragraphs 2 and 3 of Part One of Article 11 of the Law of the Russian Federation of 24 June 1993 “On Federal Tax Police Bodies”.
12. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 7 June 2000 No. 10-P “On the case concerning the review of the constitutionality of certain provisions of the Constitution of the Altai Republic and the Federal Law “On the General Principles of Organization of Legislative (Representative) and Executive Bodies of State Power of the Subjects of the Russian Federation” // Collected Legislation of the Russian Federation. 2000. No. 25. Article 2728.
13. Federal Law of 15.09.1995 No. 101-FZ (as amended on 12.03.2014) “On International Treaties of the Russian Federation”. The original text of the document was published in the publications “Collection of Legislation of the Russian Federation”, July 17, 1995, No. 29, art. 2757; “Rossiyskaya Gazeta”, No. 140, July 21, 1995.
14. Federal Law of the Republic of Germany in the Federal Law “Collection of Legislation of the Russian Federation” (Part III, Issue Number 100–1), published under Article 1 of the Law of March 22, 2025 (BGBl. 2025 I Nr. 94), available at: <https://www.gesetze-im-internet.de/gg/BJNR000010949.html>

Понятие и признаки киберпреступности, связанной с использованием искусственного интеллекта: эволюция подходов международно-правового регулирования

Филатов Герман Игоревич,

аспирант кафедры международного и интеграционного права
Института права и национальной безопасности Российской
академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ
E-mail: iMrGerman@yandex.ru

В статье исследуется эволюция подходов международно-правового регулирования киберпреступности, связанной с использованием искусственного интеллекта. Автор показывает, что существующие международные договоры базируются на инструментальном и функциональном подходах, не учитывающих специфику автономных систем ИИ. В условиях, когда ИИ выступает не как пассивный инструмент, а как активный агент преступного поведения, возникает необходимость перехода к онтологическому подходу, ориентированному на внутренние свойства ИИ: автономию, самообучение, целенаправленность и непредсказуемость. На основе анализа доктрины и международных договоров предлагаются к рассмотрению признаки «ИИ-ассоциированной киберпреступности» и обосновывается потребность в выработке специализированных критериев квалификации для обеспечения эффективного международного сотрудничества в сфере кибербезопасности.

Ключевые слова: киберпреступность; искусственный интеллект; международное право; онтологический подход; киберпреступления; правовая квалификация.

Современное развитие цифровых технологий обусловило появление новых форм противоправного поведения, в основе которых лежит использование искусственного интеллекта (далее – ИИ). Несмотря на растущую угрозу, международное право до сих пор не выработало устойчивого и универсального понимания того, что именно следует определять под киберпреступностью, связанной с ИИ.

Существующие международно-правовые акты такие как Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации 2001 года (далее – Будапештская конвенция 2001 года) [1], Конвенция Организации Объединенных Наций «против киберпреступности, укрепление международного сотрудничества в борьбе с определенными преступлениями, совершаемыми с использованием информационно-коммуникационных систем, и в обмене доказательствами в электронной форме, относящимися к серьезным преступлениям» 2024 года (далее – Конвенция ООН против киберпреступности) содержат общие признаки противоправных действий с информационно-коммуникационными системами (далее – ИКС), электронными данными, персональными данными, устройствами связи. Указанные признаки были сформулированы доктринально задолго до появления современных технологий ИИ, поэтому они не учитывают специфику автономных, самообучающихся систем.

По смыслу всех признаков и видов киберпреступлений, упомянутых в Конвенциях, можно сделать вывод, что киберпреступность более широкое понятие, обозначающее преступную деятельность, связанную с компьютерными технологиями и интернетом, в то время как киберпреступления – это отдельные виды такой деятельности, например, взлом, фишинг или кража личных данных. Другими словами, киберпреступность охватывает все виды киберпреступлений, как тех, где компьютер является объектом преступления, так и тех, где он является средством совершения другого преступления. Это деяния, направленные против конфиденциальности, целостности и доступности компьютерных данных и систем, однако ни одно из положений не затрагивает вопросов ответственности за действия, инициированные или реализованные с помощью ИИ.

В свою очередь, в международных правовых источниках отсутствует и общепринятое определение самого искусственного интеллекта. Хотя в по-

следние годы наблюдается активное нормотворчество в этой сфере – например, в Рамочной конвенции Совета Европы об искусственном интеллекте (CETS № 225) от 2024 года (далее – Конвенция Совета Европы об ИИ) ИИ определяется как «система на основе машины, способная действовать в реальном или виртуальном окружении на основе восприятия и выводов» [2], а в Регламенте (ЕС) 2024/1689 (Artificial Intelligence Act, далее – AI Act) под ИИ понимается «машинная система, способная автономно функционировать и адаптироваться после развертывания» – эти дефиниции носят скорее технический, нежели уголовно-правовой характер. Более того, в глобальном масштабе до сих пор не существует единого правового понимания ИИ, что затрудняет квалификацию преступных деяний, в которых он участвует [3].

Анализ научного дискурса позволяет выделить два ключевых вектора в определении искусственного интеллекта: первый фокусируется на таксономии решаемых им практических задач, тогда как второй описывает его фундаментальные свойства, такие как целенаправленная активность, способность к самообучению и коррекции поведения через механизм обратной связи [4].

Этот нормативный вакуум порождает серьёзные проблемы правоприменения. В частности, остаётся неясным, может ли ИИ рассматриваться как инструмент совершения преступления, как обстоятельство,отягчающее ответственность, или же как самостоятельный субъект противоправного поведения – вопросы, которые в доктрине международного права пока не получили однозначного ответа. Отсутствие чётких критериев для отнесения тех или иных преступлений к категории «киберпреступности с использованием ИИ» приводит к фрагментации национальных подходов и снижает эффективность международного сотрудничества в расследовании и пресечении таких преступлений. В условиях, когда злоумышленники используют ИИ для автоматизации фишинговых атак, генерации «deepfake-контента» или проведения целенаправленных атак на критическую инфраструктуру, необходимость выработки согласованных правовых критериев становится не просто академической задачей, а практическим императивом для международной информационной безопасности.

В международно-правовом дискурсе понятие «киберпреступность» не обладает единым, универсально признанным определением, что обусловлено как динамичным характером технологических угроз, так и разнообразием правовых традиций государств. Тем не менее, наиболее авторитетной отправной точкой для понимания данного явления остаётся Будапештская конвенция 2001 года, принятая под эгидой Совета Европы. В её тексте не содержится определения понятия киберпреступления, но при этом есть его классификация по четырём основным категориям:

- преступления против конфиденциальности, целостности и доступности данных и систем;

- преступления, связанные с компьютерным мошенничеством и подделкой;
- преступления, связанные с контентом (в частности, детская порнография);
- преступления, связанные с нарушением авторских прав.

При этом Будапештская конвенция 2021 года не использует термин «киберпреступность» как общую категорию, а оперирует конкретными составами преступлений, что отражает инструментальный подход: компьютерные системы рассматриваются либо как объект преступного посягательства, либо как средство инструмент совершения иного преступления.

Инструментальный подход в Будапештской конвенции 2001 года означает, что компьютерные системы рассматриваются исключительно в двух ролях:

- Объект преступного посягательства (например, взлом сервера – преступление против целостности системы);
- Средство (инструмент) совершения иного преступления (например, использование электронной почты для мошенничества).

В этой модели технология пассивна: она не обладает волей, не принимает решений, не учится. Она – «вещь», подобная оружию или транспортному средству. Соответственно, субъектом преступления всегда выступает человек, а ответственность строится на классических элементах состава преступления: умысел, действие, вред, причинная связь.

Этот подход был логичен в начале 2000-х, когда киберпреступность сводилась к хакерским атакам, вирусам и фишингу – то есть к действиям, полностью контролируемым человеком.

Важно подчеркнуть, что уже на момент принятия Будапештской конвенции в 2001 году термин «киберпреступность» в научной и политической литературе использовался значительно шире, чем это зафиксировано в тексте документа. Так, исследователь Дэвид Уолл перечислил четыре области вредоносной деятельности в Интернете: кибернарушение, киберобман/кражи, киберпорнография (непристойность) и кибернасилие, и указал, что киберпреступлением может быть любое противоправное поведение, совершаемое с использованием компьютерных технологий или направленное против них [5]. Подобный подход позволяет охватить как традиционные преступления, трансформированные цифровой средой (например, мошенничество через интернет), так и преступления, существующие исключительно в киберпространстве (например, распространение вредоносного ПО). Однако, именно эта широта понятия и создаёт трудности при его юридической формализации.

С принятием в 2024 году Конвенции ООН против киберпреступности международное сообщество предприняло попытку расширить и унифицировать подходы к определению киберпреступлений. В отличие от Будапештской конвенции 2021 года, новый договор включает в сферу своего регулиро-

вания не только преступления против ИКС, но и использование ИКС для совершения тяжких преступлений, таких как терроризм, торговля людьми, коррупция и отмывание денег. При этом в статье 4 Конвенции ООН против киберпреступности прямо указано, что «государства-участники обязуются принимать меры по привлечению к ответственности за преступления, совершаемые с использованием информационно-коммуникационных технологий», что свидетельствует о переходе к функциональному пониманию киберпреступности как совокупности противоправных действий, в которых ИКС играют ключевую роль, независимо от их технической реализации.

Тем не менее, ни Будапештская конвенция 2021 года, ни Конвенция ООН против киберпреступности не содержат прямого указания на использование ИИ в качестве элемента состава преступления. Это означает, что современные международно-правовые документы по-прежнему ориентированы на человекоцентричную модель преступного деяния, где субъектом всегда выступает физическое лицо, а компьютерные системы – пассивные инструменты. Между тем, развитие ИИ, особенно в его автономных и самообучающихся формах, ставит под сомнение данную модель. Например, если алгоритм ИИ, обученный на вредоносных данных, самостоятельно инициирует атаку на критическую инфраструктуру без прямого вмешательства человека, возникает проблема квалификации таких деяний как киберпреступлений в смысле международных конвенций. Решение этой проблемы требует не только интерпретации существующих норм, но и переосмысления самого понятия «противоправное поведение» в условиях технологической автономии.

В доктрине международного права всё чаще звучит тезис о необходимости выделения специального подвида киберпреступности – «ИИ-ассоциированной киберпреступности» или «злонамеренного использования ИИ», которые характеризуются следующими признаками:

- использование ИИ в качестве активного агента преступного поведения;
- высокая степень автоматизации и масштабируемости преступного деяния;
- сложность установления причинно-следственной связи между действиями человека и результатом преступления;
- трансграничный характер угрозы, обусловленный глобальной природой ИИ-платформ и облачных вычислений [6].

Такой подход позволяет дифференцировать традиционные киберпреступления от новых угроз, порождённых именно ИИ, и формировать специализированные правовые механизмы их пресечения.

Таким образом, на современном этапе международное право оперирует расширенным, но неадаптированным понятием киберпреступности, которое формально может охватывать деяния с участием ИИ, однако не учитывает их специфических

характеристик. Это создаёт правовую неопределённость, которая проявляется в международном сотрудничестве. Для преодоления этих проблем необходимо не столько создавать новое определение киберпреступности, сколько разработать критерии отнесения преступлений к категории «связанных с ИИ».

Если учитывать эволюцию подхода правового регулирования за последние 20 лет, то в Конвенции ООН против киберпреступности используется функциональный подход и ИКС ставится в основу квалификации киберпреступлений, но в отношении ИИ такой подход оказывается недостаточным, поскольку ИИ выходит за рамки пассивного инструмента и приобретает черты активного агента, способного к автономному принятию решений, адаптации и самообучению. По мнению Мхитарян Н.А. и Толочковой И.А. «...о правосубъектности ИИ пока ещё преждевременно говорить. Под искусственным интеллектом следует понимать программно-вычислительный комплекс, функционирующий на основе заданного алгоритма с возможностью самообучения, имитирующий когнитивные функции человека и автономно выполняющий задачи, сравнимые с интеллектуальной деятельностью человека» [7]. В отличие от традиционных информационно-коммуникационных систем, которые функционируют строго в рамках заданного программного кода, ИИ может генерировать поведение, не предусмотренное разработчиком, и даже действовать вопреки изначальным целям его создания. Это ставит под сомнение применимость чисто функциональной модели, заложенной в Конвенции ООН против киберпреступности, где ключевым критерием остаётся использование ИКС как средства или объекта преступного посягательства.

Функциональный подход, ориентированный на роль технологии в преступлении, не учитывает степень автономии, непредсказуемость и масштабируемость систем ИИ, что делает затруднительным установление причинно-следственной связи между действиями человека и преступным результатом. Например, если нейросеть, обученная на открытых данных, самостоятельно разрабатывает метод обхода двухфакторной аутентификации и передаёт его злоумышленникам через скрытые каналы, то в рамках существующей конструкции Конвенции ООН сложно квалифицировать такое деяние: нет прямого «использования ИКС для совершения преступления» в классическом понимании, поскольку ИИ действовал как независимый элемент в цепи событий.

Таким образом, для адекватного правового охвата угроз, порождённых ИИ, требуется переход от функционального подхода к онтологическому, в котором центральное внимание уделяется не просто роли технологии, а её внутренним свойствам – способности к целенаправленной активности, самообучению и генерации автономного поведения. Только такой подход позволит выработать специализированные критерии квалификации, отличающие ИИ-ассоциированные киберпреступле-

ния от традиционных форм цифровой преступности и обеспечить эффективное международное сотрудничество в их пресечении.

Под онтологической моделью в контексте международного права и регулирования ИИ понимается подход, при котором правовая квалификация деяния основывается не столько на внешней роли технологии (например, «средство/инструмент» или «объект» преступления), сколько на внутренней иерархии и природе самой технологии – её свойствах, способностях и степени автономии. Например, Мэтью Шерер в своей работе, посвященной рискам регулирования искусственного интеллекта, считал, что «вместо того чтобы пытаться вписать ИИ в существующие категории «агента» или «продукта», регулирование должно быть сосредоточено на функциональных возможностях (capabilities) системы. Правовой режим должен варьироваться в зависимости от таких внутренних свойств, как степень автономии системы, сложность ее задач и способность к непредсказуемому поведению» [8]. Таким образом, правовая квалификация ИИ происходит через призму его «способности к самостоятельным действиям».

В применении к ИИ онтологический подход означает, что правовая система должна учитывать такие характеристики, как:

- Способность к самообучению (адаптация поведения без прямого программирования);
- Целенаправленная активность (генерация действий для достижения цели, заданной или введенной самостоятельно);
- Автономность (принятие решений без постоянного контроля человека);
- Непредсказуемость результата (поведение, не предусмотренное разработчиком).

Онтологический подход требует переосмысления правовых категорий: если ИИ может действовать как субъект, а не как инструмент, то традиционные конструкции уголовной ответственности (умысел, вина, причинно-следственная связь) нуждаются в адаптации. Эта модель особенно актуальна при анализе преступлений, где ИИ не просто «исполняет команду», а иницирует или трансформирует преступное поведение.

Таким образом, эволюция подходов – от инструментального к функциональному и далее к онтологическому – отражает диалектику права и технологий: право сначала реагирует на внешние изменения (новые функции), а затем вынуждено переосмысливать сущность самих явлений. В контексте «ИИ-ассоциированной киберпреступности» эта эволюция становится не просто академической, а практической необходимостью – без онтологического осмысления правовые системы рискуют утратить способность квалифицировать и пресекать самые опасные формы киберпреступлений.

Литература

1. Официальный интернет-сайт Комитета Конвенции о киберпреступности (Будапештской конвенции) [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.coe.int/en/web/cybercrime/the-budapest-convention> (дата обращения: 01.08.2025).
2. Council of Europe Framework Convention on Artificial Intelligence and Human Rights, Democracy and the Rule of Law (Vilnius, 5 September 2024) (CETS No. 225) // Council of Europe Treaty Series. – Strasbourg: Council of Europe Publishing, 2024.
3. REGULATION (EU) 2024/1689 OF THE EUROPEAN PARLIAMENT AND OF THE COUNCIL of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence... (Artificial Intelligence Act) // Official Journal of the European Union. – 2024. – L 168. – P. 1–175. – URL: <http://data.europa.eu/eli/reg/2024/1689/oj> (дата обращения: 01.08.2025).
4. Sheikh H., Prins C., Schrijvers E. Mission AI: The New System Technology. – Cham: Springer, 2023. – DOI: 10.1007/978-3-031-21448-6. – URL: https://www.researchgate.net/publication/367606557_Mission_AI_The_New_System_Technology (дата обращения: 01.08.2025).
5. Wall D.S. Cybercrime: The Transformation of Crime in the Information Age. – Cambridge: Polity Press, 2007. – P. 10–12. – URL: <https://archive.org/details/cybercrimetransf0000wall> (дата обращения: 01.08.2025).
6. Brundage M. et al. The Malicious Use of Artificial Intelligence: Forecasting, Prevention, and Mitigation. – 2018. – arXiv:1802.07228 [cs.CY]. – URL: <https://arxiv.org/abs/1802.07228> (дата обращения: 01.08.2025).
7. Мхитарян Н. А., Толочкова И. А. Искусственный интеллект и правовая ответственность: вызовы и перспективы для гражданского права // Семнадцатая годовичная научная конференция. Социально-гуманитарные науки. Часть II. – 2024. – № 2. – С. 151–157. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-i-pravovaya-otvetstvennost-vyzovy-i-perspektivy-dlya-grazhdanskogo-prava> (дата обращения: 02.08.2025);
8. Scherer, M. U. (2016). Regulating Artificial Intelligence Systems: Risks, Challenges, Competencies, and Strategies. Harvard Journal of Law & Technology, 29(2), 353–400. [Электронный ресурс]. URL: <https://jolt.law.harvard.edu/assets/articlePDFs/v29/29HarvJLTech353.pdf> (дата обращения: 10.08.2025).

THE CONCEPT AND SIGNS OF CYBERCRIME RELATED TO THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE: THE EVOLUTION OF APPROACHES TO INTERNATIONAL LEGAL REGULATION

Filatov G.I.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The article examines the evolution of international legal approaches to cybercrime involving artificial intelligence (AI). The author argues that existing instruments rely on instrumental and functional models that fail to account for the autonomous, self-learning nature of modern AI systems. As AI increasingly acts not as a passive tool but as an active agent of criminal conduct, a shift toward an ontological approach becomes necessary. This approach focuses on AI's intrinsic

properties: autonomy, capacity for self-learning, goal-directed behavior, and unpredictability. Drawing on doctrinal sources and legal practice, the article proposes defining characteristics of «AI-associated cybercrime» and emphasizes the need for specialized qualification criteria. Such criteria are essential to ensure effective international cooperation, overcome legal fragmentation, and address the unique challenges posed by AI-driven criminal activity in the global digital environment.

Keywords: cybercrime; artificial intelligence; international law; ontological approach; AI-associated cybercrime; legal qualification.

References

1. The official website of the Committee of the Convention on Cybercrime (Budapest Convention) [Electronic resource]. – URL: <https://www.coe.int/en/web/cybercrime/the-budapest-convention> (accessed: 08/01/2025).
2. Council of Europe Framework Convention on Artificial Intelligence and Human Rights, Democracy and the Rule of Law (Vilnius, 5 September 2024) (CETS No. 225) // Council of Europe Treaty Series. – Strasbourg: Council of Europe Publishing, 2024.
3. REGULATION (EU) 2024/1689 OF THE EUROPEAN PARLIAMENT AND OF THE COUNCIL of 13 June 2024 laying down harmonized rules on artificial intelligence... (Artificial Intelligence Act) // Official Journal of the European Union. – 2024. – L 168. – P. 1–175. – URL: <http://data.europa.eu/eli/reg/2024/1689/oj> (date of request: 08/01/2025).
4. Sheikh H., Prins C., Schrijvers E. Mission AI: The New System Technology. – Cham: Springer, 2023. – DOI: 10.1007/978-3-031-21448-6. – URL: https://www.researchgate.net/publication/367606557_Mission_AI_The_New_System_Technology (date of request: 08/01/2025).
5. Wall D.S. Cybercrime: The Transformation of Crime in the Information Age. – Cambridge: Polity Press, 2007. – P. 10–12. – URL: <https://archive.org/details/cybercrimetransf0000wall> (date of access: 08/01/2025).
6. Brundage M. et al. The Malicious Use of Artificial Intelligence: Forecasting, Prevention, and Mitigation. – 2018. – arXiv:1802.07228 [cs.CY]. – URL: <https://arxiv.org/abs/1802.07228> (date of request: 08/01/2025).
7. Mkhitaryan N. A., Tolochkova I.A. Artificial intelligence and legal responsibility: challenges and prospects for civil law // Seventeenth Annual Scientific Conference. Social and humanitarian sciences. Part II. – 2024. – No. 2. – pp. 151–157. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-i-pravovaya-otvetstvennost-vyzovy-i-perspektivy-dlya-grazhdanskogo-prava> (date of request: 08/02/2025);
8. Scherer, M. U. (2016). Regulating Artificial Intelligence Systems: Risks, Challenges, Competencies, and Strategies. Harvard Journal of Law & Technology, 29(2), 353–400. [electronic resource]. URL: <https://jolt.law.harvard.edu/assets/articlePDFs/v29/29HarvJLTech353.pdf> (date of request: 08/10/2025).

Криптовалюта и интеллектуальная собственность в наследственном праве: современные вызовы

Алексеев Кирилл Александрович,

юриисконсульт, нотариальная контора нотариуса
нотариального округа Санкт-Петербурга Кечик Натальи
Петровны
E-mail: 6634048@elkir.ru

Интенсивное и масштабное распространение криптовалют и невзаимозаменяемых токенов (NFT) сформировало зону правовой неопределенности в одной из самых консервативных отраслей – наследственном праве. Актуальность обсуждаемой темы продиктована практической необходимостью – за пределами правового поля остаются активы стоимостью в сотни миллиардов долларов, что ставит под угрозу права наследников, стабильность гражданского оборота. В статье автор нацелен на комплексный анализ доктринальных и правоприменительных вызовов, которые связаны с включением цифровых активов в наследственную массу. Исследуется ключевое противоречие между децентрализованной, технологически сложной природой криптоактивов и формализованными требованиями нотариального и судебного процессов. На основе сопоставления демонстрируется фундаментальный разрыв в подходах: прагматичное признание криптовалют «имуществом» в юрисдикциях общего права контрастирует с формально-правовым «тупиком» в российской системе, где основной барьер – отсутствие законодательной квалификации таких объектов. Резюмировано, что решение проблемы в России лежит в плоскости законодательного закрепления статуса цифровых активов как наследуемого имущества. Новизна проявляется в предложенной двухуровневой системе рекомендаций, адресованных как законодателю, так и владельцам активов, и ориентированных на создание действенного механизма правопреемства в digital-среде. Материалы представляют интерес для ученых-цивилистов, практикующих юристов, нотариусов.

Ключевые слова: блокчейн, завещание, интеллектуальная собственность, криптовалюта, наследственное право, наследование, невзаимозаменяемый токен (NFT), правовая квалификация, судебная практика, цифровые активы

Введение

Стремительная цифровизация общественных отношений, ставшая определяющей чертой XXI века, порождает фундаментальные вызовы для консервативных правовых институтов, в особенности, для наследственного права.

Появление и экспоненциальный рост оборота таких активов, как криптовалюта, объекты интеллектуальной собственности в форме невзаимозаменяемых токенов (NFT), поставили перед законодателями, судами, а также нотариусами по всему миру комплексную задачу, которая требует нетривиальных решений.

Традиционные механизмы наследования, веками оттачивавшиеся для материальных вещей и классических имущественных прав, оказались не вполне приспособленными к передаче активов, чье существование обусловлено криптографическими кодами, распределенными реестрами. Неопределенность правового статуса, технологические барьеры доступа, анонимность владения, трансграничный характер создают «идеальный шторм» неопределенности, угрожающий правам наследников и целостности наследственной массы. Сложность усугубляется ещё и тем, что если криптовалюта уже имеет некоторую историю правового осмысления, то NFT, которые находятся на стыке цифрового актива и интеллектуальной собственности, представляют собой более сложный объект для квалификации и последующей трансляции в рамках наследственных процедур.

Материалы и методы

Современные исследования по обсуждаемой теме уместно условно подразделить на категории. Первая из них охватывает российскую научную и правоприменительную традицию, где внимание сосредоточено на неопределённости статуса цифрового имущества и необходимости адаптации существующих институтов наследственного права. А.Е. Агаркова [1] и А.А. Осадчая [4] указывают на пробелы в законодательстве, отсутствие единых процедур включения криптоактивов в наследственную массу, Э.И. Лескина [3] конкретизирует эти проблемы на примере NFT, подчеркивая специфику их охраны как объектов интеллектуальной собственности. В публицистической плоскости М. Варакин [2] анализирует судебную практику; автор обращает внимание на постепенное признание криптовалюты имущественной ценностью, которая требует учёта в наследственных и иных гражданских делах. Вто-

рая категория публикаций представлена зарубежными источниками – акцент смещён на судебное закрепление правового статуса криптоактивов. Так, в решениях британских и новозеландских судов [5, 8, 9] криптовалюта признаётся объектом собственности, способным находиться в доверительном управлении, а D. Bowman [6], S. Pettigrove [10] рассматривают тенденцию к выработке общей доктрины в странах общего права. К третьей категории относятся практико-ориентированные материалы, которые посвящены включению NFT и криптоактивов в наследственное планирование [7].

Между исследователями сохраняются разногласия в понимании правовой природы криптовалюты. Так, одни трактуют её как новый вид нематериального имущества [1, 3, 5], другие – в качестве объекта с двойственным статусом, сочетающим имущественные и интеллектуальные признаки [4, 6]. Недостаточно освещены вопросы касательно коллизионного регулирования цифрового наследования, а также механизмов защиты интеллектуальных прав на токенизированные объекты после смерти владельца.

В ходе работы применялись методы сравнительно-правового анализа, систематизации судебной практики, контент-оценки зарубежных источников, обобщения.

Результаты и обсуждение

Основополагающим вопросом для включения любого актива в наследственную массу является определение его правовой природы. Как для криптовалют, так и для NFT, данный вопрос остается предметом острых научных дискуссий и разнонаправленной правоприменительной практики [1, 4].

В российском правовом поле статус криптовалюты долгое время оставался неопределенным. С принятием Федерального закона «О цифровых финансовых активах» и внесением изменений в Гражданский кодекс РФ (ГК РФ) произошел сдвиг в сторону признания цифровых прав объектами гражданских (ст. 128, 141.1 ГК РФ). Криптовалюта, не являясь ЦФА, подпадает под категорию «цифровой валюты», оборот которой ограничен, но владение и наследование прямо не запрещено. Ключевой проблемой остается признание её «имуществом» в контексте статьи 1112 ГК РФ, которая определяет состав наследства.

Судебная практика в России характеризуется консервативным подходом. Нотариусы зачастую отказываются включать криптовалюту в наследственную массу, ссылаясь на невозможность документально подтвердить ее принадлежность наследодателю. Показательным является дело № 33–14798/2022, в котором Мосгорсуд отказался рассматривать заявление о наследовании криптовалюты именно из-за отсутствия доказательств права собственности [2].

Зарубежная практика, особенно в странах общего права, пошла по пути признания криптовалют имуществом (property), что автоматически делает

их объектом наследования. Так, уместен пример из Великобритании. В деле AA v Persons Unknown суд признал биткоин собственностью, что открыло возможности для применения обеспечительных мер. Позднее в деле Tulip Trading v Bitcoin английский судебный орган пошел дальше, допустив к рассмотрению вопрос о наличии у разработчиков блокчейн-сетей фидуциарных обязанностей перед владельцами активов [5, 6].

В Австралии Верховный суд Виктории в деле Re Blockchain Tech Pty Ltd постановил, что интерес лица в биткоинах является собственностью, которая соответствует классическим критериям [10].

В Новой Зеландии в знаменитом деле Ruscoe v Cryptopia Ltd Высокий суд признал криптовалюты видом нематериального личного имущества [8, 9].

Такой подход снимает базовый барьер для наследования, переводя проблему из плоскости правовой квалификации в область доказывания и процедуры.

NFT (невзаимозаменяемый токен) представляет собой уникальную запись в блокчейне, которая ассоциирована с определенным цифровым объектом (изображением, видео, текстом). Важно различать сам токен и базовый актив. При наследовании передается именно токен (право на уникальную запись), а не автоматически все права на объект интеллектуальной собственности, с которым он связан. Объем передаваемых прав (например, на демонстрацию, копирование, переработку и т.п.) определяется условиями первоначальной продажи токена (лицензионным соглашением) [7].

В России NFT, как и криптовалюты, могут быть отнесены к «иному имуществу» (ст. 128 ГК РФ) либо цифровым правам, но специальное регулирование отсутствует. Судебная практика по наследованию NFT в РФ на данный момент не сформирована.

За рубежом суды также начинают признавать NFT объектами, которые обладают признаками права собственности. Высокий суд Великобритании указывал, что права на NFT возможно защитить судебными запретами, как и право собственности. Во Флориде (США) обсуждается вопрос, как классифицировать NFT в наследственных делах – в качестве материального или нематериального имущества, в зависимости от способа хранения приватного ключа («холодный» или «горячий» кошелек), что влияет на порядок распределения наследства [3, 7].

Проблемы, возникающие при наследовании цифровых активов, целесообразно условно подразделить на технологические и юридические. Подходы к их разрешению в России и за рубежом существенно различаются, что отражено в таблице 1.

Независимо от юрисдикции, наследование цифровых активов связано с рядом универсальных вызовов. Они касаются доступа, идентификации, оценки стоимости, передачи прав на IP (для NFT), трансграничной. В разрезе этих направлений ниже в таблице 2 представлен сравнительный анализ.

Таблица 1. Сравнительный анализ практики наследования цифровых активов (составлено автором)

Критерий	Российская Федерация	Зарубежные страны (преимущественно общее право)
Правовой статус	Неопределенный. Криптовалюта – «цифровая валюта» с ограниченным оборотом. NFT – «иное имущество». Нет прямого признания полноценным имуществом для целей наследования	Главным образом, признаются «собственностью» (property), что снимает вопрос о возможности их включения в наследственную массу
Позиция нотариата	Отказ в оформлении наследства из-за невозможности идентифицировать владельца и получить право-устанавливающие документы	Процедуры развиваются. Нотариусы и юристы по наследственным делам используют специализированные сервисы и трасты для управления цифровыми активами
Судебная практика	Скудная и консервативная. Суды отказывают в исках при отсутствии формальных доказательств владения, не принимая во внимание техническую специфику	Активно формируется. Судебные органы признают криптовалюты и NFT имуществом, применяют обеспечительные меры, рассматривают споры о фидуциарных обязанностях разработчиков
Основная проблема	Правовая квалификация и доказывание. Отсутствие четкого законодательного статуса и методик для нотариусов блокирует процесс на начальном этапе	Технический доступ и исполнение. Основные сложности сопряжены с поиском активов и получением доступа к ним, а также с исполнением судебных решений в трансграничных делах

Таблица 2. Ключевые вызовы и практические сложности (составлено на основе [1, 3, 4])

Аспект	Описание проблемы	Подходы	
		Российский	Зарубежный
Доступ и идентификация	Наследники могут не знать о наличии активов. Доступ к кошелькам требует приватных ключей и паролей, которые иногда теряются со смертью владельца. Анонимность блокчейна затрудняет доказывание прав	Проблема является практически непреодолимым барьером для нотариуса и суда ввиду отсутствия формальных документов	Активно разрабатываются технико-юридические решения – составление «цифровых завещаний», использование трастов, специализированных сервисов для хранения ключей и даже судебные приказы об «аирдропе» NFT с повесткой в суд на анонимные кошельки
Оценка стоимости	Высокая волатильность криптовалют и субъективность цены NFT усложняют определение стоимости наследственной массы, расчета обязательной доли, уплаты госпошлины	Единая методика оценки отсутствует, что создает дополнительные трудности для нотариусов	Проблема также актуальна. Рекомендуется документировать стоимость на момент покупки и прибегать к услугам профессиональных оценщиков для уникальных NFT. Суды принимают оценки на определенную дату
Передача прав на IP (для NFT)	Наследник получает токен, но не всегда ясно, какой объем прав на связанный объект интеллектуальной собственности к нему переходит. Это зависит от условий смарт-контракта и лицензии	Практика отсутствует. Вопрос будет решаться на основе общих норм ГК РФ об интеллектуальной собственности и договорном праве	Активно обсуждается. Правовой режим зависит от первоначальных условий продажи токена. Владелец NFT может получить как простое право владения токеном, так и лицензию на использование произведения
Трансграничный характер	Активы могут храниться на зарубежных биржах, а наследники и наследодатель находиться в разных странах. Возникает коллизия правопорядков (какое право применять к наследованию?)	Законодательство не содержит специальных коллизионных норм для цифровых активов. Применяются общие правила	Суды сталкиваются с трудностями принудительного исполнения решений в отношении иностранных платформ. Развиваются международное сотрудничество, обмен опытом

В целях преодоления существующих вызовов и адаптации наследственного права к реальности цифровизации необходим подход, включающий как законодательные изменения, так и проактивные действия со стороны самих владельцев активов.

Так, рекомендуется внести прямые изменения в статью 128 и 1112 ГК РФ, недвусмысленно относя криптовалюты и NFT к категории «имущества», которое входит в состав наследства. Это устранил основной барьер для нотариальных действий.

Федеральной нотариальной палате совместно с экспертами в области цифровых прав предлагается разработать методические рекомендации для нотариусов. В них следует описать возможные способы подтверждения владения цифровыми активами (к примеру, через выписки с криптобирж, нотариально заверенные видеозаписи доступа к кошельку), а также порядок их оценки.

Целесообразно рассмотреть возможность введения в законодательство фигур, специализиру-

ющихся на управлении цифровым наследством, по аналогии с зарубежными моделями. Это могут быть лицензированные компании или специализированные трасты.

Следующее предложение касается создания правовой базы для сервисов, которые могли бы безопасно хранить приватные ключи и передавать их наследникам или нотариусу при наступлении определенных условий, которые зафиксированы в смарт-контракте.

Также видится уместным сформулировать ряд рекомендаций для владельцев цифровых активов. В завещании следует прямо указать на наличие криптовалютных кошельков и NFT, описав их (например, по адресам). Очень важно подготовить отдельный, надежно защищенный документ (физический или цифровой) с подробными инструкциями по доступу к активам – пароли, приватные ключи, адреса платформ.

Заключение

Интеграция криптовалют и объектов интеллектуальной собственности в форме NFT в систему наследственного права представляет собой один из наиболее сложных и актуальных вызовов для современной юриспруденции. Проведенный анализ обнажает глубокий разрыв между скоростью технологического прогресса и инертностью правовых систем. Юрисдикции общего права демонстрируют гибкость, признавая цифровые активы полноценной собственностью, адаптируя судебные процедуры к их специфике; российская система пока занимает выжидательную и излишне формализованную позицию. Из-за этого создаются значительные риски как для владельцев активов, чья воля после смерти может быть не исполнена, так и для их наследников, которые рискуют лишиться законного наследства из-за процедурных и доказательственных барьеров.

Научное значение проведенного исследования заключается в систематизации ключевых проблем на стыке технологий и права, а также в сравнительном анализе различных подходов к их разрешению. Становится очевидным, что игнорирование цифровой реальности более невозможно. Отсутствие внятного правового регулирования не останавливает оборот характеризуемых активов, а лишь выводит его в «серую» зону, лишая участников защиты.

Сформулированные в статье рекомендации, нацеленные на усовершенствование законодательства и повышение правовой грамотности, рассматриваются автором как базис для построения в России эффективной системы наследования цифрового имущества. Дальнейшее развитие в этой области должно идти по пути признания экономической и социальной реальности, разработки гибких, но четких правил, которые обеспечивают уравновешенность между защитой прав собственности, интересами наследников, технологической нейтральностью. Именно такой подход поможет обеспечить правовую преемственность и гаранти-

ровать, что плоды технологического прогресса будут служить укреплению, а не разрушению фундаментальных институтов.

Литература

1. Агаркова А.Е. Наследование цифрового имущества в Российской Федерации: проблемы правового регулирования // Право и государство: культурологическое измерение. Материалы IX Международной научно-практической конференции. – Санкт-Петербург: 2024. – С. 149–151.
2. Вараксин М. Криптовалюта в российских судах: важная практика без банкротства // URL: <https://pravo.ru/story/246134/> (дата обращения: 29.10.2025).
3. Лескина Э.И. Правовое регулирование наследования невзаимозаменяемых токенов // Теоретическая и прикладная юриспруденция. – 2024. – № 1 (19). – С. 37–43.
4. Осадчая А.А. Наследование цифровых активов: сравнительный анализ правового регулирования в Российской Федерации и за рубежом // Вестник науки. – 2024. – Т. 5. – № 12–1 (81). – С. 312–323.
5. Bassilios J. UK decision confirms cryptocurrency is 'property' capable of being held on trust // URL: <https://hallandwilcox.com.au/ru/news/uk-decision-confirms-cryptocurrency-is-property-capable-of-being-held-on-trust/> (дата обращения: 29.10.2025).
6. Bowman D. Navigating the rapids: the current state of the English law of crypto-assets // URL: <https://www.weightmans.com/media-centre/news/navigating-the-rapids-the-current-state-of-the-english-law-of-crypto-assets/> (дата обращения: 29.10.2025).
7. Estate Planning for NFTs // URL: <https://harrisonestatelaw.com/estate-planning-for-nfts/> (дата обращения: 29.10.2025).
8. Growing body of common law decisions that cryptocurrencies can amount to property: *Ruscoe v Cryptopia Limited (in liquidation)* CIV-2019–409–000544 [2020] NZHC 728 // URL: <https://www.hsfkramer.com/notes/pwtd/2020–05/growing-body-of-common-law-decisions-that-cryptocurrencies-can-amount-to-property-ruscoe-v-cryptopia-limited-in-liquidation-civ-2019–409–000544–2020-nzhc-728> (дата обращения: 29.10.2025).
9. Pembroke-Birss J., Sinclair M. Cryptocurrencies are property capable of being held on trust, New Zealand High Court holds // URL: <https://www.nortonrosefulbright.com/en-419/knowledge/publications/d6ea37bd/cryptocurrencies-are-property-capable-of-being-held-on-trust-new-zealand-high-court-holds> (дата обращения: 29.10.2025).
10. Pettigrove S., Huang J. Australian superior court finds Bitcoin is property // URL: <https://piperalderman.com.au/insight/australian-superior>

court-finds-bitcoin-is-property/ (дата обращения: 29.10.2025).

CRYPTOCURRENCY AND INTELLECTUAL PROPERTY IN INHERITANCE LAW: CONTEMPORARY CHALLENGES

Alekseev K.A.

Notary Office of Natalya Petrovna Kechik

The rapid and large-scale spread of cryptocurrencies and non-fungible tokens (NFTs) has created a zone of legal uncertainty in one of the most conservative branches of law – inheritance law. The relevance of the topic stems from an urgent practical need: assets worth hundreds of billions of dollars remain outside the legal framework, jeopardizing the rights of heirs and the stability of civil turnover. The article aims to provide a comprehensive analysis of the doctrinal and enforcement challenges related to the inclusion of digital assets in the estate. The study explores the key contradiction between the decentralized, technologically complex nature of crypto-assets and the formalized procedures of notarial and judicial processes. A comparative analysis reveals a fundamental divergence in approaches: the pragmatic recognition of cryptocurrencies as “property” in common law jurisdictions contrasts with the formal legal “deadlock” in the Russian system, where the main barrier lies in the absence of legislative qualification of such objects. The paper concludes that the solution in Russia depends on establishing the legal status of digital assets as inheritable property. The novelty of the research lies in a proposed two-tier system of recommendations aimed at both legislators and asset holders, designed to create an effective mechanism for succession in the digital environment. The materials are of interest to civil law scholars, practicing lawyers, and notaries.

Keywords: blockchain, will, intellectual property, cryptocurrency, inheritance law, succession, non-fungible token (NFT), legal qualification, judicial practice, digital assets.

References

1. Agarkova A.E. Inheritance of Digital Property in the Russian Federation: Problems of Legal Regulation // *Law and State: Cultural Dimension. Materials of the IX International Scientific and Practical Conference.* – St. Petersburg: 2024. – Pp. 149–151.
2. Varaksin M. Cryptocurrency in Russian Courts: An Important Practice Without Bankruptcy // URL: <https://pravo.ru/story/246134/> (accessed: 29.10.2025).
3. Leskina E.I. Legal Regulation of the Inheritance of Non-fungible Tokens // *Theoretical and Applied Jurisprudence.* – 2024. – No. 1 (19). – Pp. 37–43.
4. Osadchaya A.A. Inheritance of Digital Assets: A Comparative Analysis of Legal Regulation in the Russian Federation and Abroad // *Bulletin of Science.* – 2024. – Vol. 5. – No. 12–1 (81). – Pp. 312–323.
5. Bassilios J. UK decision confirms cryptocurrency is ‘property’ capable of being held on trust // URL: <https://hallandwilcox.com.au/ru/news/uk-decision-confirms-cryptocurrency-is-property-capable-of-being-held-on-trust/> (accessed: 29.10.2025).
6. Bowman D. Navigating the rapids: the current state of the English law of crypto-assets // URL: <https://www.weightmans.com/media-centre/news/navigating-the-rapids-the-current-state-of-the-english-law-of-crypto-assets/> (accessed: 29.10.2025).
7. Estate Planning for NFTs // URL: <https://harrisonstatelaw.com/estate-planning-for-nfts/> (accessed: 29.10.2025).
8. Growing body of common law decisions that cryptocurrencies can amount to property: *Ruscoe v Cryptopia Limited* (in liquidation) CIV-2019-409-000544 [2020] NZHC 728 // URL: <https://www.hsfkramer.com/notes/pwtd/2020-05/growing-body-of-common-law-decisions-that-cryptocurrencies-can-amount-to-property-ruscoe-v-cryptopia-limited-in-liquidation-civ-2019-409-000544-2020-nzhc-728> (accessed: 29.10.2025).
9. Pembroke-Birss J., Sinclair M. Cryptocurrencies are property capable of being held on trust, New Zealand High Court holds // URL: <https://www.nortonrosefulbright.com/en-419/knowledge/publications/d6ea37bd/cryptocurrencies-are-property-capable-of-being-held-on-trust-new-zealand-high-court-holds> (accessed: 29.10.2025).
10. Pettigrove S., Huang J. Australian superior court finds Bitcoin is property // URL: <https://piperalderman.com.au/insight/australian-superior-court-finds-bitcoin-is-property/> (accessed: 29.10.2025).

Особенности правовой идеологии Китайской Народной Республики на современном этапе развития

Куровский Станислав Валерьевич,

руководитель научно-исследовательского подразделения
ООО «Высшая Школа Образования»
E-mail: 8917564@gmail.com

Мишин Денис Александрович,

руководитель редакционно-издательского отдела
ООО «Высшая Школа Образования»
E-mail: 9651530@gmail.com

Гоглева Снежана Владимировна,

независимый исследователь
E-mail: makarova.snezhana00@bk.ru

Рассматриваемая тема касается особенностей правовой идеологии Китайской Народной Республики (КНР) на современном этапе. Данная страна специфична во многих аспектах, что проявляется, в том числе, в правовой идеологии, выступающей идейной основой государственно-правового строительства. В настоящей статье акцентировано внимание на некоторых ключевых отличиях правовой идеологии КНР, в целом характеризующейся сочетанием идей марксизма, конфуцианства, прочих китайских национальных особенностей и западных традиций. Определённую специфику этому симбиозу придаёт также сочетание в условиях китайской правовой системы разных правовых моделей, а именно социалистической, романо-германской и англосаксонской. Ориентируясь на это, автор приходит к выводу об обоснованности выделения такого явления, как «социализм с китайской спецификой». Среди других особенностей, способствующих формированию и усилению правовой идеологии КНР, выделена система социального рейтинга и повсеместная цифровизация, что обеспечивает контроль практически всех аспектов жизни общества. Приводятся различные точки зрения относительно оценки современной китайской правовой идеологии, в том числе и обосновывающие её тоталитарный характер, что ставит под вопрос фактическое соблюдение демократических принципов в условиях такой идеологии. По итогам анализа представляется ряд выводов, в том числе об относительно удачном симбиозе социалистических и капиталистических идей в рамках одного государства.

Ключевые слова: марксизм, право КНР, правовая идеология КНР, правопорядок, социализм.

Введение

Теоретическое осмысление опыта правового строительства Китайской Народной Республики (КНР), представляется чрезвычайно важным, поскольку она выступает одной из сильнейших мировых держав. Кроме того, правовая система данной страны весьма далека от сложившихся стандартов и вбирает в себя не только китайские государственно-правовые традиции, но и специфику, присущую странам романо-германской, англосаксонской, социалистической правовых семей, что выражается также в праве Гонконга, Макао и провинции Тайвань [2, с. 168].

Сосредоточение внимания именно на идеологическом аспекте в данной статье обусловлено тем, что идеология в целом формирует смысловой компонент государственной политики. В случае же, когда подразумевается политика правовая, предполагающая, соответственно, формирование и развитие правовой системы (законодательства), смысловым компонентом выступает именно правовая идеология, которая рассматривается как первый (базовый) уровень механизма поддержания необходимого правопорядка. Именно идеология закладывает ту идейно-ценностную основу, на которой строится правовая система [9, с. 12–13].

Основная часть

Несмотря на то, что в современном мире КНР совершенно обоснованно рассматривается как одна из передовых стран, по крайней мере, если оценивать её экономическое развитие, по которому она заметно опережает подавляющее большинство западных держав, идеологическую основу китайской государственности и китайской правовой системы формируют взгляды, которые в современном мире популярными назвать нельзя. Речь о марксистской идеологии.

Конечно, марксизм в его чистом виде не может быть рассмотрен в качестве правовой идеологии современного Китая. Однако, он без преувеличения сыграл и продолжает играть ведущую роль, во многом определяя развитие данной страны.

В научной литературе высказывается мнение, что именно марксизм в настоящее время выступает основной идеологией Китая. Помимо того, признаётся и роль конфуцианства как второй весьма значимой идеологической составляющей китайской государственности и китайской правовой системы [1, с. 57].

С данным мнением в целом можно согласиться при условии, что марксизм будет рассматриваться исключительно во взаимосвязи с китайскими традициями, прежде всего конфуцианством, а также с учётом той специфики, которая свойственна современной КНР в плане развития экономики. Ведь во многих аспектах Китай проводит политику, весьма далёкую от марксистских идеалов, идей социализма, коммунизма, в том числе поощряя личную инициативу и бизнес.

Ведущую роль марксизма в формировании идеологии КНР отрицать невозможно, особенно если ориентироваться на официально провозглашаемые идеи, ведь с 1949 г. именно марксизм официально признан идеологией Китая. Хотя нельзя не заметить факт кардинальной трансформации идей, на которые китайское руководство опирается в своей политике, в том числе в плане экономического, политического и культурного развития [1, с. 57].

Иными словами, тот социалистический или коммунистический строй, который сформировался в Китае, принципиально отличен от строя, имевшего место в середине XX в. В этом выражается безусловная трансформация, и назвать её случайной было бы неуместно. Китай, как мы полагаем, учёл собственные ошибки, ошибки других стран, соответствующий опыт, благодаря чему смог избежать краха коммунистической системы в пределах своей территории, в отличие, например, от СССР.

В этой связи вполне обоснованно в литературе указывается на так называемую вестернизацию современного Китая, но именно на базе марксистских идей [1, с. 58]. Именно в этом проявляется одна из специфических особенностей китайской идеологии, соединившей в себе современные западные и старые восточные идеи с социалистической философией.

Другой значимой особенностью китайской правовой идеологии является опора на конфуцианство. В деталях данное учение рассматривать не представляется необходимым, в том числе и те идеи, которые были сформулированы его основоположниками, однако на некоторые базовые аспекты внимание обратить стоит. Здесь важно подчеркнуть, что в рамках конфуцианства поддерживается культ знания, особое уважение к старшим и определённая взаимная терпимость в обществе. Не случайно в императорскую эпоху китайской истории именно конфуцианство культивировалось как основа развития общества и основа позиций правящей элиты, ведь конфуцианство поддерживало идею подчинения не только старшим по возрасту, но и старшим по должности, по социальному положению. Однако в 1915–1919 гг. имели место некоторый отход от идей конфуцианства и их жёсткая критика, поскольку в конфуцианской философии усматривалась так называемая «феодалная направленность». В 1949 г., когда коммунистам удалось прийти к власти, идеи Конфуция сначала тоже не пользовались поддержкой, как и в годы культурной революции (1966–1976 гг.),

когда конфуцианство было принято жёстко критиковать. Но с 1980-х гг. интерес к конфуцианству возродился, причём не только на уровне науки, но и на уровне официальной идеологии. Ведущую роль в таком пересмотре взглядов на конфуцианские идеи играла коммунистическая партия Китая (КПК) [1, с. 57–58]. Соответственно, сейчас китайская идеология характеризуется определённым симбиозом марксизма и конфуцианства, хотя и в их несколько изменённом виде.

Сочетание указанных аспектов китайской правовой идеологии выражается в вполне конкретных взглядах, которые в целом можно охарактеризовать преобладанием исключительно материалистического мировоззрения, ориентации на жёсткий рационализм, атеистические взгляды, диалектику, гуманизм [1, с. 60]. Конечно, перечисленные принципы могут быть расширены. Некоторые из них могут быть истолкованы иначе, нежели представляются на первый взгляд. Однако в любом случае марксизм и конфуцианство соседствуют друг с другом, взаимно друг друга дополняя. И принципиальных противоречий между ними не прослеживается, что обеспечивает формирование именно единой идеологии. В этом плане Китай кардинально отличается от современной России, где культивируется идеологическое многообразие. Китай таким многообразием не отличается, а разные идеологии, коих не много, в нём рассматриваются не в отдельности друг от друга, а именно как компоненты общей, единой, обязательной для всех идеологии. Не случайно в литературе признаётся в качестве уникального явления «социализм с китайской спецификой» [3, с. 243].

Изложенное выше не позволяет усомниться в том, что ни марксизм, ни конфуцианство в чистом виде правовую идеологию современного Китая не формируют. Правовая идеология КНР образуется в результате именно взаимодействия, объединения идей, соответственно, конфуцианства и марксизма, и именно с китайской спецификой, которую отрицать практически невозможно. По крайней мере, в современном мире нет стран, в которых бы так тесно соседствовали социалистические идеи параллельно с идеями капиталистическими, причём не только на уровне идеологии, но и на уровне практического воплощения.

Нельзя не отметить, что во многом китайская специфика социализма, как и правовой идеологии Китая, была обусловлена сохранением рыночных отношений в условиях социалистического правопорядка, социалистического строя. Причём рыночные компоненты формировались преимущественно «снизу», то есть народу они были близки. И в определённых аспектах возникали трудности в связи с необходимостью обеспечения сочетания идей социалистических с идеями капиталистическими. Как отмечает Манаширов, в условиях плановой экономики «существование среднего класса становится принципиально невозможным по определённым экономическим и социальным причинам» [5]. В этих условиях порождались и опре-

делённые противоречия внутри КПК, особенно в связи с тем, что многие представители партии искренне верили в идеи марксизма и Мао Цзэдуна [3, с. 244]. На практике же эти идеи воплощались в сочетании с идеями, которые культивировались на западе и носили именно капиталистический характер.

Такое сочетание до некоторых пор было трудно себе вообразить, а потому на Западе прогнозы относительно дальнейшего развития Китая не отличались позитивом. И в этом смысле можно сказать, что прогнозы относительно Китая, которые в прежние годы давались западными экспертами, не сбылись. Причины этого во многом видятся в принципиально различных взглядах на государство, которые бытуют на Западе и в КНР: если западной философии и праву свойственно противопоставлять государству индивида и общество, то в Китае подход был и остается принципиально иной, не предполагающий разграничение интересов личных, общественных и государственных. Во многом такой взгляд сохранился благодаря конфуцианству и культивировавшейся в Китае логике коллективного действия, когда государство и общество рассматривались именно в качестве единого целого [3, с. 247].

Похожие идеи пытались внедрить и в СССР, однако они оказались не такими стойкими, как идеи, получившие распространение в Китае.

Согласимся с А.С. Конопий в том, что современная правовая система КНР уникальна именно благодаря некоторому симбиозу таких элементов, как собственная традиция, западная концепция и социалистическая доктрина [4, с. 14–15]. Конечно, можно было бы выделить и иные элементы, но в данном случае перечисленные выше имеют наибольшее значение.

В настоящее время нельзя сказать, что правовая идеология Китая остановилась в своём развитии. Обороты набирает такое явление, как цифровизация, которая свойственна ее только Китаю, но и большинству стран мира. Однако именно в Китае технологии цифровизации внедряются наиболее последовательно и, по сути, носят всеохватывающий характер, обеспечивая технологический прогресс КНР и определённое влияние на возможности и направление развития общества в определённом русле.

Не случайно в науке акцентируется внимание даже на так называемом цифровом верховенстве закона и нравственности [4, с. 14–15]. То есть цифровые технологии, обеспечивающие возможность слежения за многими аспектами жизни общества и человека, определяют и состояние китайской идеологии.

Специфика китайской правовой идеологии находит проявление и в отраслевом делении права: параллельно с правом публичным и частным, принято выделять так называемое социальное право. Другой особенностью китайской правовой системы является объединение всех норм процессуального права в некоторую единую отрасль. Немало-

важной особенностью является так называемая диверсификация правовой системы [4, с. 15]. Каждая из перечисленных особенностей может стать предметом для относительно самостоятельного правового исследования, однако в данном случае основной интерес представляет последняя выделенная особенность. Именно благодаря ей. принято говорить о социализме с китайской спецификой.

Соответствующая диверсификация выражается в сосуществование в условиях китайской правовой системы правовых систем (моделей) нескольких типов (семей): правовой системы континентального Китая, которая, безусловно, носит социалистический характер и базируется на марксистских принципах и конфуцианстве; романо-германской правовой системы на территории Макао; англосаксонской модели права на территории Гонконга. При этом в Китае, по сути, получило законодательное закрепление сочетание морали с правом. Все это усиливается повсеместным внедрением цифровых технологий [4, с. 15]. Изложенное, безусловно, отражает особую уникальность китайской правовой системы, китайской государственности и китайской правовой идеологии.

В ходе рассмотрения специфики правовой идеологии КНР нельзя не коснуться такого аспекта, как система социального рейтинга, которая, с одной стороны, является результатом повсеместной цифровизации, с другой стороны, отражает всесторонний контроль государства за человеком и обществом в целом, стимулируя правомерное и социально активное поведение [4, с. 17]. Такой подход способствует не ослаблению, а, напротив, укреплению китайской правовой идеологии, отражает её эффективность, по крайней мере, в глазах представителей КПК.

В этой связи в литературе даже высказывается идея о том, что в Китае происходит формирование цифрового социалистического правового государства, стремление же к установлению именно социалистического государства не столь заметны [4, с. 84].

С учётом всестороннего контроля за обществом в целом и каждым отдельным гражданином, а также внедрения соответствующей системы социального рейтинга, принципиально ограничивающей права и свободы человека в традиционном их понимании, было бы уместно задаться вопросом о том, насколько такое государство является правовым?

Нельзя не отметить особую выраженность идеологического характера китайского права. Такая идеологичность пронизывает практически все его отрасли, в том числе конституционное, уголовное, уголовно-процессуальное, трудовое, гражданско-процессуальное право [6, с. 200]. Это даёт основания отдельным исследователям относить Китай даже к тоталитарно-социалистическому типу стран, как и его систему права [7, с. 6]. Хотя стоит признать, что с 1999 г. Конституция КНР, претерпев определённые изменения, стала менее насыщенной радикальными социалистическими идеями [8, с. 25].

Заключение

Основу правовой идеологии КНР формируют, прежде всего, идеи марксизма, а также конфуцианства, некоторые западные традиции, что позволяет говорить о сочетании не только на уровне доктрины, но и на уровне практики как социалистических, так и капиталистических принципов правового регулирования в условиях одного государства.

Особую специфику правовой идеологии Китая придаёт повсеместная цифровизация и внедрение системы социального рейтинга, что обеспечивает жёсткий государственный контроль за обществом и каждым отдельным индивидом. Поэтому несмотря на декларируемые демократические принципы, не представляется возможным говорить о том, что они де-факто соблюдаются, в том числе ввиду установившейся специфической правовой идеологии, именуемой социализмом с китайской спецификой. Тем не менее, в целом Китай остаётся образцом относительно удачного симбиоза социалистических и капиталистических правовых идей в рамках единого государства.

Литература

1. Бальчинова А.Ю. Особенности взаимодействия марксизма и конфуцианства в условиях развития современного китайского общества // Вестник Бурятского государственного университета. – 2023. – № 1. – С. 57–62.
2. Барзилова И.С. Правовые системы Российской Федерации и Китайской Народной Республики: сравнительно-правовой анализ // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2023. – № 4(104). – С. 166–173.
3. Волынский А.И. Политэкономика социализма с китайской спецификой: к проблеме внутри- и междисциплинарного синтеза // Russian Journal of Economics and Law. – 2023. – Т. 17, № 2. – С. 237–252.
4. Конопиц А.С. Правовая система КНР в условиях цифровой трансформации: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2024. – 214 с.
5. Манаширов Э.С. Теоретические рамки плановой экономики и налогообложения: анализ эффекта на средний класс и оптимизация налоговых схем // Инновации и инвестиции. – 2023. – № 10. – С. 272–276. – EDN ZCNLQV.
6. Трошинский П.В. Право, политика и идеология современного Китая // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2016. – № 4(56). – С. 187–204.
7. Трошинский П.В. Эволюция правовой системы Китайской Народной Республики (1949–2018 гг.): историко-правовой аспект (с перечнем действующих законов КНР). Изд. 2-е, электронное. М.: ВКН, 2020. – 185 с.
8. Умнова-Конюхова И.А. Китайская Народная Республика: особенности развития государственности и права в современном глобальном мире // Социальные и гуманитарные науки. От-

ечественная и зарубежная литература: ИАЖ. Сер. 4: Государство и право. – 2025. – № 1. – С. 7–27.

9. Шлегель П.О. Правовая идеология в механизме обеспечения правопорядка: дис. канд. юрид. наук. – М., 2024. – 211с.

FEATURES OF THE LEGAL IDEOLOGY OF THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA AT THE PRESENT STAGE OF DEVELOPMENT

Kurovsky S.V., Mishin D.A., Gogleva S.V.
LLC "Higher School of Education"

The topic under consideration concerns the peculiarities of the legal ideology of the People's Republic of China (PRC) at the present stage. This country is specific in many aspects, which is manifested, among other things, in the legal ideology that serves as the ideological basis of state-legal construction. This article focuses on some key differences in the legal ideology of the PRC, which is generally characterized by a combination of ideas from Marxism, Confucianism, other Chinese national characteristics and Western traditions. A certain specificity to this symbiosis is also given by the combination of different legal models in the Chinese legal system, namely socialist, Romano-German and Anglo-Saxon. Based on this, the author comes to the conclusion that it is reasonable to single out such a phenomenon as "socialism with Chinese characteristics." Among other features contributing to the formation and strengthening of the legal ideology of the PRC, the social rating system and widespread digitalization are highlighted, which ensures control over almost all aspects of society. Various points of view are given regarding the assessment of modern Chinese legal ideology, including justifying its totalitarian nature, which calls into question the actual observance of democratic principles in the context of such an ideology. Based on the results of the analysis, a number of conclusions are presented, including the relatively successful symbiosis of socialist and capitalist ideas within the framework of one state.

Keywords: Marxism, PRC law, PRC legal ideology, law and order, socialism.

References

1. Balchinova A.Y. Features of the interaction of Marxism and Confucianism in the context of the development of modern Chinese society // Bulletin of the Buryat State University. – 2023. – No. 1. – pp. 57–62.
2. Barzilova I.S. The legal systems of the Russian Federation and the People's Republic of China: a comparative legal analysis // Bulletin of the O.E. Kutafin University (MGUA). – 2023. – No. 4(104). – Pp. 166–173.
3. Volynsky A.I. Political economy of socialism with Chinese specifics: towards the problem of intra- and interdisciplinary synthesis // Russian Journal of Economics and Law. – 2023. – Vol. 17, No. 2. – pp. 237–252.
4. Konopiy A.S. The legal system of the PRC in the context of digital transformation: dissertation of the Candidate. jurid. sciences'. Rostov-on-Don, 2024. – 214 p.
5. Manashirov E.S. Theoretical framework of planned economy and taxation: analysis of the effect on the middle class and optimization of tax schemes // Innovation and investment. – 2023. – No. 10. – pp. 272–276. – EDN ZCNLQV.
6. Troshchinsky P.V. Law, politics and ideology of modern China // Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. – 2016. – No. 4(56). – Pp. 187–204.
7. Troshchinsky P.V. Evolution of the legal system of the People's Republic of China (1949–2018): historical and legal aspect (with a list of current laws of the People's Republic of China). 2nd Ed., electronic. Moscow: VKN, 2020. 185 p.
8. Umnova-Konyukhova I.A. The People's Republic of China: features of the development of statehood and law in the modern global world // Social Sciences and Humanities. Domestic and foreign literature: IAZH. Ser. 4: The State and law. – 2025. – No. 1. – pp. 7–27.
9. Shlegel P.O. Legal ideology in the mechanism of law enforcement: dis. kand. jurid. Sciences. – M., 2024. – 211с.

Цессия проблемных активов как риск недействительности медиативного соглашения

Гребёнкин Артем Юрьевич,

аспирант, НОЧУ ВО «Московский финансово-промышленный Университет «Синергия»

E-mail: grebenkin00@yandex.ru

Статья посвящена влиянию института цессии на медиативные соглашения в Российской Федерации. В ходе исследования было обосновано, что заключение договора цессии может привести к признанию медиативного соглашения оспоримым, в том числе в банкротных делах. При этом на примере ПАО «Сбербанк» была выявлена целесообразность использования цессии даже в текущих реалиях. Также анализ судебной практики показал легкую степень оспоримости как медиативных, так и цессионных соглашений. В заключении автор указывает на возможность использования факта заключения медиативного соглашения для затягивания дела о банкротстве, а также подчёркивает необходимость внесения изменений в статью 385 Гражданского кодекса РФ, благодаря которому cedent обязан предоставить цессионарию информацию о наличии и содержании любых действующих медиативных или мировых соглашений, заключённых с должником в отношении уступаемого обязательства.

Ключевые слова: цессия, медиация, медиативное соглашение, договор цессии, финансовое право, банкротство, право требования, российское право.

Введение

Заключение медиативных соглашений становится все более популярным способом разрешения споров между банками и заемщиками. Развитие данного института напрямую связано с развитием в обществе сознательности и финансовой ответственности. Одной из неочевидных проблем, связанных с медиативными соглашениями, выступает наличие последующей цессии, которая может способствовать оспариванию медиативного соглашения. Представляется, что за подобными инструментами (как цессией, так и медиацией) будущее банковской сферы, поэтому необходимость в разработке предложений, повышающих экономическую эффективность от подобного рода действий, представляют безусловную актуальность данного исследования.

Научная новизна данной работы заключается в построении гипотетической правовой ситуации, связанной с признанием медиативного соглашения недействительным на основании передачи права требования по договору цессии, а также в предложении по внесению изменений в пункт 3 статьи 385 ГК РФ, в соответствии с которым cedent обязан предоставить цессионарию информацию о наличии и содержании любых действующих медиативных или мировых соглашений, заключённых с должником в отношении уступаемого обязательства.

Материалы и методы

В исследовании использовались следующие научные методы: метод экономико-правового анализа, метод юридической герменевтики, метод юридического моделирования, а также формально-юридический научный метод. Эмпирическую основу работы составили два судебных акта судов общей юрисдикции, два судебных акта арбитражных судов, а также финансовая отчетность ПАО «Сбербанк» за 2025 год.

Результаты

Согласно статье 12 ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» медиативное соглашение представляет собой гражданско-правовую сделку и одновременно исполнительный документ (в случае нотариального удостоверения (пункт 5 вышеуказанной статьи), который может быть заключен сторонами, в том числе между должником (заемщиком) и кредитором (банком, микрофинансовой

организацией). Медиация выступает наиболее прогрессивным и инновационным способом разрешения подобных споров. Если же после заключения медиативного соглашения спор все-таки становится судебным, то суд может признать такое соглашение мировым (то есть исключить дальнейшие возражения по поводу его действительности и содержания). К сожалению, в настоящее время данный институт только набирает обороты, но по мнению многих исследователей данной области он имеет хорошие перспективы в своем правовом и социальном развитии [5, с. 247]. Подобная проблема была освещена, к примеру, в работе И.В. Воронцовой и Р.М. Рахматулиной, которые сформулировали социальные причины неразвитости медиативных соглашений. Среди них: недостаточная информированность; стереотипы и недоверие к подобным институтам; недостаточная квалификация медиаторов, которые могли бы способствовать работе с банками и коллекторами; наконец, несовершенство законодательства, заключающееся в отсутствии эффективных механизмов популяризации [1, с. 77].

Интересно, что банки в своих исковых заявлениях упоминают медиативные соглашения даже в случае их отсутствия, если подобное разрешение спора предлагалось заемщику, очевидно, таким образом стараясь взыскать максимально возможную неустойку [8]. Подобный прием следует учитывать как потенциальным взыскателям, так и должникам и их представителям.

Хотя медиация часто используется для заключения мирового соглашения в процедуре банкротства, одно из постановлений Шестнадцатого арбитражного апелляционного суда свидетельствует, что, даже если стороны (кредитор и должник) достигнут идеального медиативного соглашения или мирового соглашения, этот документ должен быть утвержден судом с безусловным соблюдением всех требований Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» (далее по тексту ФЗ № 127). В данном случае процессуальная ошибка суда первой инстанции, выявленная на стадии апелляции, заключается в следующем: утверждение судом мирового соглашения до надлежащего формирования реестра требований кредиторов и проведения собрания, что лишило заинтересованных лиц права голоса. Подобное может аннулировать или отсрочить вступление в силу любых примирительных договоренностей, включая медиативные соглашения [7]. В этом смысле процессуальная форма в банкротстве доминирует над содержанием примирительных усилий сторон подобных споров.

Что касается цессии, то для данных видов соглашений российским законодателем предусмотрена отдельная 25 глава ГК РФ. В соответствии с пунктом 1 статьи 382 ГК РФ право требования, принадлежащее кредитору на основании обязательства, может быть передано другому лицу. Если же должник и кредитор уже заключили медиативное соглашение, то цессионарий принимает долг с учетом всех особенностей данного догово-

ра (пункт 1 статьи 384 ГК РФ). По крайней мере, иное не следует из содержания данной нормы. То есть для должника меняется лишь держатель самого долга. Важно также, что переход права требования от старого к новому кредитору, вне зависимости от наличия условий, согласованных сторонами в примирительной процедуре, должен осуществляться в строгой установленной законом форме. В первую очередь, это касается надлежащего уведомления о переходе права требования. Поэтому отсутствие такого уведомления может повлечь за собой признание недействительным не только цессии, но и самого медиативного соглашения (статья 385 ГК РФ) [2]. Подобным проблемам по договорам цессии посвящено немало научных работ. Например, в диссертационном исследовании А.В. Ковалевой предлагается ужесточить требования для уведомлений, возложив данную обязанность исключительно на первоначального кредитора [4, с. 13].

Обратимся к примеру крупнейшего банка РФ – ПАО «Сбербанк» с точки зрения целесообразности увеличения количества договоров цессии. Анализ финансовой отчетности в данном случае демонстрирует, что доля просроченной задолженности с января 2023 года по сентябрь 2025 года остается на стабильно низком уровне, варьируясь в узком диапазоне – от минимальных 1,9% до максимальных 2,7%. В 2024 году показатель находился в пределах 2%-2,2% (в среднем – 2,1%). С начала 2025 года наблюдалась тенденция к незначительному росту до 2,3%, достигнув в июле и августе максимального значения в 2,7%. Несмотря на общий низкий уровень, восходящая тенденция 2025 года указывает на увеличение объема проблемных активов [10]. Именно этот нарастающий риск, обусловленный макроэкономическими факторами, служит экономическим стимулом для принятия стратегических решений о цессии части неработающих требований. Так, динамика просроченной задолженности выступает как финансовое обоснование необходимости активного использования механизмов уступки для очистки баланса и управления риском.

Формирование резервов на возможные потери (далее по тексту – РВПС) по проблемным активам напрямую уменьшает собственный капитал банка, что негативно сказывается на нормативах его достаточности. Удержание высокорисковых ссуд «замораживает» капитал, снижая операционную эффективность и лишая банк возможности направлять эти средства на более доходное кредитование. Следовательно, бремя резервирования выступает ключевым финансовым стимулом к цессии: уступка требований, даже с дисконтом, позволяет банку одновременно восстановить часть РВПС и высвободить капитал, тем самым улучшая структуру баланса и повышая финансовую устойчивость. При этом вырученные средства могут пойти на развитие других услуг, предлагаемых финансовой организацией [11, с. 174].

Как уже отмечалось выше, цессия может служить основанием для недействительности медиативного соглашения на основании общей статьи 168 ГК РФ. Однако само по себе медиативное соглашение также представляет собой потенциально оспоримый договор, если не соблюдаются следующие условия: субъективный состав подписантов; форма соглашения (соответствие требованиям статьи 43, главе 3 ГК РФ); добровольность (соответствие волеизъявлению сторон) [3, с. 15]. Если же медиативное соглашение нотариальное, то оно должно соответствовать требованиям статьи 163 ГК РФ [2]. Иными словами, необходимо, чтобы подписант находился в твердой памяти и здравии, полностью осознавая свои действия. В этом смысле современная судебная практика показывает, что даже нотариальные сделки всё чаще признаются, как минимум, оспоримыми. Действующее законодательство не предполагает специальных исключений, к примеру, в делах о банкротстве, поэтому развитие института оспаривания – один из путей развития банкротного права.

Следует подчеркнуть, что медиативное соглашение может быть признано недействительным, если банк скрыл свои планы по поводу передачи активов (заключения договора цессии). Хотя это не следует напрямую из действующего законодательства, но в судебной практике встречаются случаи, свидетельствующие, что, если подобное будет признано заблуждением, медиативное соглашение может быть судом расторгнуто. Для признания сделки недействительной по статье 178 ГК РФ, необходимо доказать, что заблуждение было настолько существенным, что то или иное лицо, разумно и объективно оценивая ситуацию, не совершило бы сделку, если бы знало истинное положение вещей. Факт того, что банк мог иметь намерение продать долг может быть расценено судом как существенное заблуждение о предмете или природе заключенного соглашения, но теоретическая возможность риска для цедента и цессионария сохраняются [9]. Это прямо следует из подпункта 4 пункта 2 вышеуказанной статьи, в котором говорится, что сторона заблуждается в отношении лица, с которым она вступает в сделку, или лица, связанного со сделкой [2]. Соответственно, подобный сценарий, с одной стороны, должен просчитываться кредитными организациями, с другой, для потенциального должника может использоваться как стратегия ведения гражданского дела о взыскании денежных средств и другого имущества.

Цессия также может быть признана недействительной в случае риска оспаривания со стороны конкурсного управляющего при банкротстве, если суд установит существенное превышение дисконта над рыночной стоимостью требования (статья 61.2 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)'). Доказывание этой неравноценности происходит в рамках судебного разбирательства экспертным путём. Например, как указывается в материалах Девятого арбитражного апелляционного суда, фактическое отчуждение требования с чрезмерным дисконтом

рассматривается как действие, уменьшающее конкурсную массу должника и причиняющее вред интересам остальных кредиторов [6]. В результате признания цессии недействительной, право требования возвращается на баланс должника для справедливого распределения среди всех кредиторов.

То же самое касается медиативного соглашения: если заключённый с банком договор привел к тому, что кредитная организация получила преимущественное удовлетворение своих требований или более выгодное обеспечение (например, частичное погашение долга или дополнительный залог), оно может быть оспорено. Цель оспаривания – обеспечить равенство кредиторов; сделка признаётся недействительной, поскольку она нарушила установленную законом очерёдность удовлетворения требований (статья 61.3 вышеуказанного ФЗ). Поэтому медиативное соглашение само по себе представляет риск в том случае, если оно заключено в трехлетний период до подачи заявления о банкротстве [12, с. 6].

Если применить метод правового моделирования, то между сторонами медиативного соглашения может возникнуть момент, когда цессионарий получает право требования, юридически модифицированное заключённым ранее медиативным соглашением между цедентом и должником. Цессионарий, действующий на основании договора цессии, может отказаться исполнять или даже признавать льготные условия, установленные в медиативном соглашении, поскольку он не был его стороной и, формально, не принимал на себя его обязательства. Должник, в свою очередь, имеет право выдвигать против цессионария все возражения, которые он имел против первоначального кредитора (цедента), включая факт заключения и условия медиативного соглашения, используя данное право для затягивания процесса либо фактического или юридического отказа от выплаты долга. Это создаёт ситуацию правовой неопределённости относительно объёма и порядка исполнения обязательства. Следует отметить, что подобные коллизии необходимо пресекать на момент подписания медиативных соглашений. Для этого необходимо точно прописывать в тексте соглашения обязательство цедента (банка) информировать потенциального цессионария о существовании и условиях данного соглашения, а также прямо оговаривать обязанность цессионария придерживаться установленных условий в случае уступки права требования.

Заключение

Заключение медиативных соглашений представляет собой одну из наиболее прогрессивных форм разрешения споров в банковской сфере. На сегодняшний день отсутствие медиативных соглашений всё чаще упоминается в судебной практике, что свидетельствует о стремительном развитии данного института.

Медиативные соглашения могут препятствовать разрешению банкротных дел, в особенности, если речь идет о договорах, заключенных за 3 года до подачи заявления о банкротстве.

Цессия рассматривается банками, как способ оптимизации проблемных активов. И хотя из действующих норм законодательства напрямую не следует, что заключение договора цессии может поставить под вопрос легальности медиативного соглашения, содержание подпункта 4 пункта 2 статьи 178 ГК РФ свидетельствует о возможности признания такой сделки оспоримой. Представляется, что подобная правовая ситуация должна быть рассмотрена Пленумом Верховного Суда Российской Федерации.

Кроме того, считаем, что в целях минимизации коллизий между медиативным соглашением и цессией, а также для повышения прозрачности сделок с проблемными активами, представляется необходимым дополнить пункт 3 статьи 385 ГК РФ нормой, устанавливающей обязанность cedent при уступке требования письменно информировать цессионария о наличии и условиях любого действующего медиативного или мирового соглашения, заключенного с должником по данному обязательству. Такое дополнение должно предусматривать, что в случае неисполнения данной обязанности cedent несет ответственность перед цессионарием и должником за убытки, возникшие вследствие юридической неопределенности или последующего оспаривания. Введение этой нормы позволит обеспечить добросовестность цессионария и гарантировать должнику право выдвигать возражения, основанные на медиативном соглашении, против нового кредитора.

Литература

1. Воронцова, И.В. Процедура медиации в России: понятие, сущность, принципы и история развития / Р.М. Рахматуллина, И.В. Воронцова // Юридический вестник ДГУ. – 2025. – Т. 53. – № 1(73). – С. 77–84. – DOI: 10.21779/2224-0241-2025-53-1-77-84.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025) // Российская газета, N 238–239, 08.12.1994.
3. Зарапина, Л.В. Нотариальное удостоверение медиативного соглашения как способ осуществления и защиты прав / Л.В. Зарапина, О.В. Костина // Юридический вестник Кубанского государственного университета. – 2021. – № 3. – С. 15–22. DOI: 10.31429/20785836-13-3-15-22.
4. Ковалева, А.В. Уступка права (требования) и ее особенности в финансовой сфере: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук / А.В. Ковалева. – Москва, 2023. – С. 13.
5. Парковская, М.И. Гражданско-правовая природа медиативного соглашения / М.И. Парковская, Е.В. Юшкова // Российское право на со-
- временном этапе: сборник научных статей по материалам XVI международной научно-практической конференции (Ростов-на-Дону, 27 апреля 2022 года). – Ростов-на-Дону: Издательско-полиграфический комплекс РГЭУ (РИНХ), – 2022. – С. 247–250.
6. Постановление от 5 марта 2020 г. по делу № А56–150505/2018 Тринадцатого арбитражного апелляционного суда (13 ААС) // [Электронный ресурс]. – URL: //sudact.ru/arbitral/doc/wCw8Dg9QqJ6b/ (дата обращения: 28.10.2025).
7. Постановление Шестнадцатого арбитражного апелляционного суда от 19.02.2025 по делу № А77–3481/2024 // Картотека арбитражных дел (КАД) [Электронный ресурс]. – URL: //sudact.ru/arbitral/doc/dBBGqElmGur8/ (дата обращения: 27.10.2025).
8. Решение Арбитражного суда Красноярского края от 17.02.2025 по делу № А33–34089/2024 // Картотека арбитражных дел (КАД) [Электронный ресурс]. – URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/NDB6d7bbYPdE/ (дата обращения: 27.10.2025).
9. Решение Ленинского районного суда г. Краснодара от 27.03.2025 по делу № 2–381/2025 // [Электронный ресурс]. – URL: //sudact.ru/regular/doc/sGRvw5FikFUa/ (дата обращения: 27.10.2025).
10. Сбербанк. Результаты по РПБУ // Сбербанк. Отношения с инвесторами. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.sberbank.com/ru/investor-relations/groupresults/navigator/rezultaty-rpbu (дата обращения: 27.10.2025).
11. Сударикова, И.А. Кредитный портфель российских банков и резервы повышения его качества // Journal of Monetary Economics and Management. – 2024. – № 1. – С. 174–180.
12. Федорова, Н.В. Некоторые проблемы осуществления интересов кредиторов при оспаривании сделок должника / Н.В. Федорова // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2022. – Р. 10–4. – № 73. – С. 6–9. – DOI: 10.24412/2500-1000-2022-10-4-6-9.

ASSIGNMENT OF DISTRESSED ASSETS AS A RISK OF THE INVALIDITY OF A MEDIATION AGREEMENT

Grebenkin A.Yu.

Moscow University «Synergy»

This article explores the influence of the assignment institution cession on mediation agreements in the Russian Federation. The research substantiates that concluding a Deed of Assignment may lead to a mediation agreement being declared voidable, including in insolvency bankruptcy cases. Furthermore, the example of PJSC Sberbank demonstrated the viability of employing assignment even in current commercial realities. The analysis of case law also revealed the high degree of voidability for both mediation and assignment agreements. In conclusion, the author points to the potential use of the existence of a mediation agreement for procedural delay in insolvency proceedings, and emphasises the necessity of introducing amendments to Article 385 of the Civil Code of the Russian Federation, obliging the assignor cedent to provide the assignee cessionary with information regarding the existence and content of any operational mediation or amicable settlements concluded with the debtor concerning the assigned obligation.

Keywords: assignment cession, mediation, mediation agreement, deed of assignment, financial law, insolvency bankruptcy, claim right of claim, Russian law.

References

1. Vorontsova, I.V. Mediation procedure in Russia: concept, essence, principles and history of development / R.M. Rakhmatullina, I.V. Vorontsova // Legal Bulletin of DSU. – 2025. – Vol. 53. – No. 1 (73). – Pp. 77–84. – DOI: 10.21779/2224-0241-2025-53-1-77-84.
2. Civil Code of the Russian Federation (Part One) of November 30, 1994 N 51-FZ (as amended on July 31, 2025) (as amended and supplemented, entered into force on August 1, 2025) // Rossiyskaya Gazeta, N 238–239, December 8, 1994.
3. Zarapina, L.V. Notarial certification of a mediation agreement as a way of exercising and protecting rights / L.V. Zarapina, O.V. Kostina // Legal Bulletin of Kuban State University. – 2021. – No. 3. – P. 15–22. DOI: 10.31429/20785836-13-3-15-22.
4. Kovaleva, A.V. Assignment of rights (claims) and its features in the financial sector: author's abstract. diss. ... Cand. Sciences (Law) / A.V. Kovaleva. – Moscow, 2023. – P. 13.
5. Parkovskaya, M.I. Civil law nature of a mediation agreement / M.I. Parkovskaya, E.V. Yushkova // Russian Law at the Current Stage: A Collection of Scientific Articles Based on the Proceedings of the XVI International Scientific and Practical Conference (Rostov-on-Don, April 27, 2022). – Rostov-on-Don: Publishing and Printing Complex of the Russian State University of Economics (RINH), – 2022. – Pp. 247–250.
6. Resolution of March 5, 2020 in Case No. A56–150505/2018 of the Thirteenth Arbitration Court of Appeal (13 AAC) // [Electronic Resource]. – URL: //sudact.ru/arbitral/doc/wCw8Dg9QqJ6b/ (Accessed: October 28, 2025).
7. Resolution of the Sixteenth Arbitration Court of Appeal dated February 19, 2025, in case No. A77–3481/2024 // Arbitration Case File (ACF) [Electronic resource]. – URL: //sudact.ru/arbitral/doc/dBBGqElmGur8/ (accessed: October 27, 2025).
8. Decision of the Arbitration Court of Krasnoyarsk Krai dated February 17, 2025, in case No. A33–34089/2024 // Arbitration Case File (ACF) [Electronic resource]. – URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/NDB6d7bbYPdE/ (accessed: October 27, 2025).
9. Decision of the Leninsky District Court of Krasnodar dated March 27, 2025, in case No. 2–381/2025 // [Electronic resource]. – URL: //sudact.ru/regular/doc/sGRvw5FikFUa/ (date of access: October 27, 2025).
10. Sberbank. Results under RAS // Sberbank. Investor Relations. [Electronic resource]. – URL: https://www.sberbank.com/ru/investor-relations/groupresults/navigator/rezultaty-rpbu (date of access: October 27, 2025).
11. Sudarikova, I.A. Loan portfolio of Russian banks and reserves for improving its quality // Journal of Monetary Economics and Management. – 2024. – No. 1. – P. 174–180.
12. Fedorova, N.V. Some problems of implementing the interests of creditors when challenging the debtor's transactions / N.V. Fedorova // International Journal of Humanities and Natural Sciences. – 2022. – R. 10–4. – No. 73. – P. 6–9. – DOI: 10.24412/2500-1000-2022-10-4-6-9.

Проблемы реализации права ребенка на воспитание в семье в контексте института детства в РФ

Кислицын Геннадий Александрович,

аспирант, НОЧУ ВО «Московский финансово-промышленный университет «Синергия»

E-mail: pwnzacro@mail.ru

Статья посвящена анализу системных проблем реализации права ребенка на воспитание в семье в современной России. Рассматривается противоречие между усилением государственного контроля через органы опеки и недостаточностью реабилитационных услуг для семей. Выявляется дисбаланс между карательными и поддерживающими мерами, приводящий к рискам избыточного вмешательства в частную жизнь. Особое внимание уделяется отсутствию эффективного мониторинга последствий изъятия детей и критериев оценки необходимости вмешательства. Доказывается необходимость разработки объективных стандартов работы органов опеки и создания комплексной системы поддержки семей.

Ключевые слова: права ребенка, семейное воспитание, органы опеки, институт детства, изъятие детей, профилактика семейного неблагополучия, реабилитационные услуги.

Изучение проблем реализации права ребенка на семейное воспитание в современной России представляет собой междисциплинарную научную задачу, находящуюся на стыке юриспруденции, социологии, педагогики и семейной политики. Актуальность темы обусловлена системным кризисом традиционного института семьи, трансформацией социально-экономических условий и противоречиями в правоприменительной практике. В условиях демографического спада и роста числа семей, находящихся в социально уязвимом положении, обеспечение гарантированного статьей 38 Конституции РФ права каждого ребенка на воспитание в семье приобретает характер общегосударственной задачи.

Важность исследования определяется несколькими факторами [1, с. 50]. Во-первых, семья как первичный агент социализации формирует базовые личностные установки, ценностные ориентации и модели поведения, определяющие дальнейшую траекторию развития ребенка. Нарушение этого процесса приводит к социальной дезадаптации, росту девиантного поведения и воспроизводству неблагополучия в следующих поколениях. Во-вторых, сохраняется дисбаланс между провозглашенными государством гарантиями поддержки семьи и реальными механизмами их реализации. Действующая система социальной поддержки семей с детьми в Российской Федерации характеризуется разрозненностью предоставляемых мер, что существенно снижает их эффективность в профилактике семейного неблагополучия. Основной проблемой является отсутствие целостного подхода к решению сложных, многофакторных проблем современных семей. Финансовая поддержка в виде пособий, материнского капитала и льгот осуществляется без должной увязки с предоставлением социальных, психологических и педагогических услуг. Это приводит к ситуации, когда семья получает денежные выплаты, но не имеет доступа к сопровождению специалистов, способных помочь преодолеть кризисную ситуацию.

Отраслевой принцип организации социальной сферы создает дополнительные барьеры для получения комплексной помощи. Семья вынуждена самостоятельно обращаться в различные учреждения: органы социальной защиты для оформления пособий, образовательные организации для решения вопросов развития ребенка, медицинские учреждения для получения специализированной помощи. При этом отсутствуют эффективные механизмы межведомственного взаимодействия, что приводит к дублированию одних услуг и недоступ-

ности других. Каждое ведомство работает в рамках своих целевых показателей, не ориентируясь на достижение общего результата – сохранения благополучия семьи.

Существующие меры поддержки часто направлены на преодоление уже наступивших негативных последствий, а не на их предупреждение. Система ориентирована на работу с семьями, уже находящимися в социально опасном положении, в то время как ранняя профилактика развита недостаточно. Отсутствует поэтапная система помощи: от универсальной поддержки всех семей до целевой работы с находящимися в трудной жизненной ситуации и, наконец, интенсивного сопровождения семей в социально опасном положении. Такой подход не позволяет выявлять проблемы на начальной стадии и предотвращать углубление кризиса.

Географическая и информационная недоступность услуг усугубляет проблему фрагментарности. В малых городах и сельской местности перечень доступных социальных услуг крайне ограничен, а семьи часто не информированы о возможностях получения помощи. Даже в крупных городах отсутствуют единые «навигаторы» услуг, где можно было бы получить полную информацию о мерах поддержки и порядке их получения. Это приводит к тому, что семьи используют лишь часть доступной помощи, не способную кардинально повлиять на их ситуацию.

Отдельной проблемой является отсутствие персонального сопровождения семей, находящихся в трудной жизненной ситуации. В отличие от практики ведения случая, применяемой в многих странах, в России не распространена работа кураторов, которые могли бы координировать предоставление различных услуг и сопровождать семью на пути выхода из кризиса. Существование разрозненных мер помощи без координации их предоставления не позволяет обеспечить комплексный подход к реабилитации семьи.

Следствием фрагментарности социальной помощи становится низкая эффективность профилактики семейного неблагополучия. Семьи, получающие отдельные виды поддержки, часто не могут преодолеть комплекс проблем, ведущих к социальной эксклюзии. Это приводит к воспроизводству неблагополучия, передаче моделей девиантного поведения следующим поколениям, и в конечном счете – к росту числа семей, нуждающихся в экстренных мерах защиты прав детей, вплоть до изъятия ребенка из семьи.

Современная правоприменительная практика в сфере защиты прав детей демонстрирует системное противоречие между необходимостью государственного контроля за соблюдением прав несовершеннолетних и принципом невмешательства в частную жизнь семьи. Расширение полномочий органов опеки и попечительства, с одной стороны, позволяет оперативно реагировать на случаи жестокого обращения с детьми, но с другой – создает почву для произвольного применения мер воздействия к семьям. Отсутствие четких критериев

оценки «угрозы жизни и здоровью ребенка» приводит к субъективному толкованию этого понятия на местах, когда за основание для изъятия ребенка могут принимать временные бытовые трудности или недостаточный материальный уровень семьи.

Правовая неопределенность усугубляется дисбалансом между карательными и реабилитационными механизмами. Законодательство предоставляет органам опеки широкие полномочия по изъятию детей из семей, но не устанавливает внятной системы мер поддержки для профилактики такого исхода. На практике это приводит к ситуации, когда специалисты органов опеки, обнаружив неблагополучие в семье, часто не имеют альтернативы кроме как инициировать процедуру ограничения или лишения родительских прав, поскольку доступные реабилитационные услуги либо отсутствуют, либо недостаточно эффективны.

Процедурные нарушения в работе органов опеки становятся дополнительным фактором риска. Отмечаются случаи изъятия детей без соответствующего судебного решения, проведения проверок в неудобное для семьи время, психологического давления на родителей [2, с. 266]. Такие действия не только нарушают права граждан, но и подрывают доверие к институтам защиты детства в целом. Семьи, оказавшиеся в трудной ситуации, начинают воспринимать органы опеки как угрозу, а не как источник помощи, и избегают обращаться за поддержкой на ранних стадиях кризиса.

Недостаточность реабилитационных услуг проявляется в их фрагментарности и недоступности. Большинство регионов не имеют разветвленной сети кризисных центров для семей, служб психологической помощи на дому, программ социального сопровождения. Следует отметить, что в 2024 году в России начала работу программа по созданию семейных кризисных центров – специализированных учреждений для сохранения единства семей в сложных жизненных ситуациях (таблица 1). В отличие от традиционной практики изъятия детей, центры предоставляют комплексную поддержку родителям и детям совместно.

Таблица 1. Развитие сети семейных кризисных центров в России

Параметр	2024 год (пилотный этап)	2025 год (масштабирование)
Статус программы	Начало реализации	Конкурсное расширение
География	73 региона	Все регионы РФ
Финансирование	–	Грантовый фонд 100 млн рублей
Размер гранта	–	До 3 млн руб. (семейные центры) До 2 млн руб. (для детей с инвалидностью)
Количество заявок	262	Прием до 25 марта 2025

Параметр	2024 год (пилотный этап)	2025 год (масштабирование)
Охват семей	Более 3 500 семей	Планируется расширение
Целевые группы	Семьи в кризисной ситуации, погорельцы, семьи с зависимостями	Все категории семей в ТЖС
Формы помощи	Стационарная и полустационарная	Развитие сети центров совместного пребывания

Источник: составлено автором

Программа реализуется под руководством Уполномоченного по правам ребенка Марии Львовой-Беловой и направлена на профилактику социального сиротства в рамках национальных стратегий «Сопровождение через всю жизнь» и «Дети в семье». Программа демонстрирует новый подход к работе с семьями в трудной жизнен-

ной ситуации, где приоритетом является сохранение детско-родительских связей при обеспечении комплексной реабилитации.

Несмотря на появление дополнительных мер поддержки, даже при наличии формального понимания необходимости сохранения кровной семьи для ребенка, практические инструменты для этого часто ограничиваются стандартными мерами в виде назначения пособий или направления в стационарные учреждения, что не решает комплекс проблем семьи [3, с. 15].

Особую проблему представляет отсутствие системы мониторинга и оценки эффективности вмешательства в семью. Действия органов опеки подвергаются независимой экспертизе, а последствия изъятия детей для их развития и социализации систематически не изучаются. Это не позволяет выработать объективные критерии оценки необходимости и пропорциональности вмешательства в конкретных случаях.

Для решения проблемы отсутствия системы мониторинга и оценки эффективности вмешательства в семью необходимо внедрение комплексного механизма отслеживания результатов работы органов опеки и попечительства (таблица 2).

Таблица 2. Система мониторинга и оценки вмешательства в семью

Направление работы	Механизм реализации	Ключевые показатели эффективности
Федеральный реестр случаев вмешательства	Единая электронная база данных с детальной фиксацией всех этапов работы с семьей	• Полнота заполнения данных • Сроки предоставления помощи • Динамика изменения ситуации в семье
Независимая экспертиза действий органов опеки	Экспертные советы при уполномоченных по правам ребенка	• Количество проведенных экспертиз • Процент выявленных нарушений • Скорость рассмотрения жалоб
Долгосрочный мониторинг развития детей	Регулярные комплексные обследования детей изъятых из семей	• Динамика физического здоровья • Показатели психического развития • Успеваемость в образовании • Уровень социальной адаптации
Критерии оценки необходимости вмешательства	Многофакторная шкала оценки рисков с балльной системой	• Объективность оценки рисков • Соответствие мер степени угрозы • Снижение субъективных решений
Учет мнения ребенка	Институт независимых представителей ребенка	• Количество случаев учета мнения ребенка • Возрастной ценз при опросе детей • Качество проведения бесед
Публичная отчетность органов опеки	Ежегодные открытые отчеты с анализом эффективности работы	• Прозрачность статистики • Анализ рецидивов неблагополучия • Отслеживание долгосрочных результатов

Источник: составлено автором

Первоочередной мерой должно стать создание федерального реестра случаев вмешательства в семью с подробной документацией всех принимаемых мер – от профилактического посещения до изъятия детей. Этот реестр должен фиксировать не только основания для вмешательства, но и предоставленные семье виды помощи, сроки работы с семьей, достигнутые результаты и отдаленные последствия для развития ребенка.

Независимая экспертиза действий органов опеки должна осуществляться на постоянной ос-

нове через создание при уполномоченных по правам ребенка регионального и федерального уровня специализированных экспертных советов [4, с. 175]. В состав этих советов должны войти не только юристы и представители органов власти, но и практикующие психологи, социальные работники, представители родительских и правозащитных организаций. Экспертные советы должны проводить выборочные проверки дел, анализировать статистику и рассматривать жалобы граждан на действия органов опеки.

Для оценки последствий изъятия детей необходимо внедрить систему долгосрочного мониторин-

га развития детей, изъятых из семей. Такой мониторинг должен включать регулярную оценку физического и психического здоровья детей, их образовательных достижений, социальной адаптации и эмоционального благополучия. Сравнительные исследования должны проводиться как в отношении детей, оставшихся в биологических семьях после вмешательства опеки, так и в отношении детей, переданных на воспитание в замещающие семьи или учреждения.

Разработка объективных критериев оценки необходимости и пропорциональности вмешательства требует формирования многофакторной шкалы оценки рисков для ребенка. Эта шкала должна включать четкие индикаторы по различным аспектам семейной ситуации – материально-бытовым условиям, качеству ухода за ребенком, эмоциональному благополучию, социальным связям семьи. Каждому индикатору должен соответствовать определенный балл, а суммарное значение должно определять степень риска и соответствующий ей тип вмешательства – от предложения помощи до немедленного изъятия ребенка.

Обязательным элементом системы оценки должно стать изучение мнения самого ребенка с учетом его возраста и степени зрелости [5, с. 169]. Внедрение института независимых представителей ребенка при рассмотрении дел, связанных с вмешательством в семью, позволит обеспечить учет интересов несовершеннолетних в административных и судебных процессах.

Для обеспечения прозрачности и подотчетности органов опеки необходимо установление обязательной ежегодной публичной отчетности о результатах работы, включая статистику по количеству и основаниям вмешательств, предоставленным услугам, частоте рецидивов неблагополучия в семьях после вмешательства. Эта отчетность должна содержать анализ эффективности различных мер воздействия и данных долгосрочного мониторинга последствий для детей.

Реализация этих рекомендаций позволит перейти от субъективных оценок к доказательному подходу в работе органов опеки, минимизировать риски необоснованного вмешательства в семью и обеспечить приоритет интересов ребенка при принятии решений о необходимости применения мер защиты.

Сложившаяся практика создает порочный круг: усиление контрольных функций при отсутствии развитой системы поддержки приводит к избыточному вмешательству в семьи, что, в свою очередь, вызывает социальное отчуждение и недоверие к государственным институтам [6, с. 13]. Преодоление этой ситуации требует пересмотра баланса между контрольными и поддерживающими функциями государства, развития сети реабилитационных услуг и создания эффективных механизмов общественного контроля за деятельностью органов опеки и попечительства.

Проблема «профилактического изъятия» детей из семей без исчерпывающих оснований продолжает оставаться предметом общественной дискуссии и правовой неопределенности.

Кроме того, трансформация института детства в современном обществе сопровождается переосмыслением родительских ролей, детско-родительских отношений и самих подходов к воспитанию. Цифровизация, изменение моделей занятости, рост мобильности населения – все эти факторы создают новые вызовы для реализации права ребенка на семейное воспитание. При этом сохраняются и традиционные проблемы: бедность, алкоголизация родителей, насилие в семье.

Таким образом, комплексное изучение проблем реализации права ребенка на воспитание в семье необходимо для разработки адекватных мер государственной поддержки, совершенствования законодательства и формирования эффективной системы защиты детства. Только через призму обеспечения этого фундаментального права можно выстроить последовательную политику, направленную на укрепление института семьи и создание условий для гармоничного развития подрастающего поколения в Российской Федерации.

Литература

1. Огурцова М.Л. Проблемы реализации права ребенка на воспитание в семье. Защити меня. 2021. № 1. С. 50–53.
2. Киселева Е.Б. Право ребенка на жизнь и воспитание в семье: теоретические аспекты и реализация. Молодой ученый. 2020. № 25 (315). С. 266–268.
3. Николаева Н.С. Проблемы защиты института семьи, материнства и детства в РФ и пути их решения. В сборнике: Анализ проблем и поиск перспективных научных решений. сборник статей международной научной конференции. Санкт-Петербург, 2024. С. 15–16.
4. Завитаева А.С., Шмелёва М.В. Анализ проблем государственной социальной поддержки института семьи, материнства и детства в РФ. В сборнике: Актуальные проблемы социальной сферы и сферы сервиса: теория и практика. Сборник работ по результатам Международной заочной научно-практической конференции. Посвящается памяти доктора педагогических наук, профессора, заслуженного работника высшей школы Шмелевой Натальи Борисовны. 2020. С. 179–184.
5. Морозов А.А. Проблемы реализации и защиты права ребёнка на воспитание в семье. Вопросы российской юстиции. 2025. № 37. С. 169–176.
6. Абдулмуслимова М.Г., Шахбанов А.М. Права ребенка в законодательстве рф и проблема их реализации. Теория и практика современной науки. 2024. № 5 (107). С. 13–15.

PROBLEMS OF IMPLEMENTING THE CHILD'S RIGHT TO FAMILY UPBRINGING IN THE CONTEXT OF THE INSTITUTE OF CHILDHOOD IN THE RUSSIAN FEDERATION

Kislitsyn G.A.

Moscow Financial-Industrial University "Synergy"

Problems of Realizing a Child's Right to Be Raised in a Family in the Context of the Russian Federation's Childhood Institution

Abstract. This article analyzes systemic problems in realizing a child's right to be raised in a family in contemporary Russia. It examines the contradiction between increased state control through guardianship authorities and the inadequacy of rehabilitation services for families. An imbalance between punitive and supportive measures is identified, leading to risks of excessive interference in private life. Particular attention is paid to the lack of effective monitoring of the consequences of child removal and criteria for assessing the need for intervention. The need to develop objective standards for guardianship authorities and create a comprehensive family support system is demonstrated.

Keywords: children's rights, family upbringing, guardianship authorities, childhood institution, child removal, prevention of family dysfunction, rehabilitation services

References

1. Ogurtsova M.L. Problems of Realizing the Child's Right to Be Raised in a Family. *Protect Me*. 2021. No. 1. pp. 50–53.
2. Kiseleva E.B. The Child's Right to Life and Upbringing in a Family: Theoretical Aspects and Implementation. *Young Scientist*. 2020. No. 25 (315). pp. 2606–268.
3. Nikolaeva N.S. Problems of Protecting the Institution of Family, Motherhood, and Childhood in the Russian Federation and Ways to Address Them. In the collection: *Analysis of Problems and Search for Promising Scientific Solutions. A Collection of Articles from an International Scientific Conference*. St. Petersburg, 2024. pp. 15–16.
4. Zavitaeva A.S., Shmeleva M.V. Analysis of Problems of State Social Support for the Institution of Family, Motherhood, and Childhood in the Russian Federation. In the collection: *Current Problems of the Social Sphere and Service Sphere: Theory and Practice. A collection of papers based on the results of the International Distance Scientific and Practical Conference. Dedicated to the memory of Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, and Honored Worker of Higher Education Natalia Borisovna Shmeleva*. 2020. pp. 179–184.
5. Morozov A.A. Problems of Implementing and Protecting the Child's Right to Be Raised in a Family. *Issues of Russian Justice*. 2025. No. 37. pp. 169–176.
6. Abdulmuslimova M.G., Shakhbanov A.M. Children's Rights in Russian Legislation and the Problem of Their Implementation. *Theory and Practice of Modern Science*. 2024. No. 5 (107). pp. 13–15.

Организационный аспект обеспечения единообразия судебной практики в арбитражных судах Российской Федерации

Куценко Елизавета Игоревна,

аспирант кафедры гражданского и административного судопроизводства ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»
E-mail: elizabeth.kutsenko@gmail.com

В статье рассмотрены вопросы влияния иерархии судебных учреждений в системе арбитражных судов Российской Федерации на обеспечение единообразия судебной практики. Автором исследованы положения современного арбитражного процессуального законодательства и позиции Конституционного Суда Российской Федерации в отношении обеспечения единообразия судебной практики. Разграничены понятия «единство» и «единообразие» и в соответствии с этим определено разграничение полномочий Судебной коллегии по экономическим спорам и Президиума Верховного Суда Российской Федерации в целях обеспечения правовой определенности. Автором также проанализирована статистика рассмотрения жалоб по экономическим спорам в порядке надзора в соотношении с жалобами по уголовным делам за 2020–2024 годы. Выявлено практически полное отсутствие рассмотренных в судебном заседании экономических споров при значительном числе рассмотренных жалоб по уголовным делам. Предложены причины подобного положения. Ввиду отсутствия судебной практики оспаривания дел в надзорной инстанции сделан вывод о том, какие вопросы могут быть предметом рассмотрения Президиума Верховного Суда Российской Федерации в будущем. Сделаны выводы о том, как двухступенчатая система Верховного суда Российской Федерации влияет на обеспечение единообразия судебной практики в арбитражных судах России.

Ключевые слова: арбитражный процесс, Верховный Суд, экономическая коллегия, Президиум, единообразие судебной практики, единство судебной практики, правовая определенность, организационный аспект.

В литературе высказана позиция, согласно которой стремление к единообразию в судебной практике в системах континентального права и англо-саксонская модель прецедента направлены на достижение одного и того же результата, а именно – правовой определенности, единого правового пространства¹.

Применительно к английской модели права Рупертом Кроссом были высказаны три причины, позволившие прецеденту занять свою устойчивую позицию: более острая, чем на континенте, потребность в правовой определенности; порядок формирования корпуса судей из числа адвокатов; централизация судебной системы².

Соглашаясь с тем, что организационное устройство судебной системы обладает высоким значением в целях достижения правовой определенности, автор полагает, что указанный аспект также важен для обеспечения единообразной практики судов и в России. Целью настоящей статьи будет проанализировать то, какие функции выполняют разные уровни системы арбитражных судов применительно к обеспечению единообразного рассмотрения и разрешения дела на примере судебной коллегии по экономическим спорам и Президиума ВС РФ и какую роль в них приобретает централизованный характер судебной системы и высшая судебная инстанция.

Мы полагаем, что так или иначе стремление к единообразию судебной практики осуществляется всеми судебными инстанциями в качестве одного из аспектов механизма реализации судебной власти³. Так, например, п. 3 ч. 4 ст. 170 Арбитражного процессуального кодекса РФ (далее – АПК РФ) *позволяет судам ссылаться* в мотивировочной части на постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации (далее – ВС РФ), не утра-

¹ Чайкина А.В. Источники гражданского процессуального права: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.15 / Чайкина Алёна Васильевна; [Место защиты: ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»]. – Москва, 2021. С. 97.

² Кросс, Руперт. Прецедент в английском праве: [Пер. с англ.] / Под общ. ред. Ф.М. Решетникова; [Предисл. Ф.М. Решетникова, Т.В. Апаровой, с. 5–21]. – М.: Юрид. лит., 1985. – С. 33.

³ Здесь автор использует термин, предложенный Л.А. Воскобитовой, согласно идеям которой механизм реализации судебной власти представляет из себя совокупность процессуально-правовых элементов, средств и способов, которые в определенной последовательности обеспечивают функционирование судебной власти, выполнение судом назначения судопроизводства и решения его практических задач, осуществление судебно-властных отношений при производстве по конкретному делу. См. об этом: Воскобитова Л.А. Теоретические основы судебной власти: учебник / Л.А. Воскобитова. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2017. С. 145–146.

тившие силу постановления пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации (далее – ВАС РФ), постановления Президиума ВС РФ и ВАС РФ, обзоры судебной практики. При этом п. 3 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2003 № 23 «О судебном решении» *предписано* не просто использовать, но *учитывать* постановления Пленума ВС РФ и судебные правовые позиции Конституционного суда Российской Федерации (далее – КС РФ). Все звенья системы арбитражного правосудия изучают судебную практику, анализируют судебную статистику и готовят предложения по совершенствованию права¹.

Более того, постановлением КС РФ от 21.01.2010 № 1-П был подчеркнут *обязательный характер* не только разъяснений, содержащихся в постановлениях Пленума, но и судебных правовых позиций высшей инстанции, сформулированных в постановлении Президиума. В свою очередь КС РФ в постановлении от 17.10.2017 № 24-П указал на то, что в целях пересмотра судебных актов обязательным характером могут обладать только лишь разъяснения, исходящие от Пленума ВС РФ и Президиума ВС РФ в силу процессуальной формы, в которой они выносятся (коллегialность, окончательность). Обзоры судебной практики и судебные акты коллегий ВС РФ не обладают такими свойствами.

На наш взгляд, несмотря на то, что все звенья судебной системы должны стремиться к внутренней непротиворечивости в рассмотрении и разрешении дел, судебные правовые позиции могут носить обязательный характер только если они исходят от Пленума и Президиума ВС РФ.

Наделение высшей судебной инстанции полномочиями по обеспечению единообразного разрешения дел интуитивно не вызывает противоречий и соответствует сложившейся в ходе исторического процесса модели правосудия. Так, в дореволюционный период обязанность выработки единых правовых подходов в правоприменительной деятельности была возложена на высшую судебную инстанцию – Правительствующий Сенат в лице своих кассационных департаментов². В свою очередь начало советского периода было охарактеризовано поиском новых форм и моделей политического управления, следствием которого был первоначальный отказ от контроля за единообразием

практики. Указанное породило ряд проблем, таких как падение авторитета судебной власти, противоречивость в правоприменении в связи с отсутствием высшей инстанции и действием множества параллельных судебных институций, игнорирование разъяснений по вопросам правоприменения из «центра»³. В конце концов, советская власть вынуждена пришла к необходимости обеспечить единое правовое пространство посредством создания высшей судебной инстанции, на которую было возложено полномочие по обеспечению единообразия судебной практики⁴.

В настоящее время можно с уверенностью сказать, что непротиворечивая судебная практика является одной из целей судебной системы. Так, например, это было отмечено бывшим Председателем ВС РФ И.Л. Подносовой, которая среди прочего подчеркнула, что единообразная судебная практика свидетельствует о качестве отправляемого правосудия⁵. Однако Постановление X Всероссийского съезда судей от 01.12.2022 № 1 «О развитии судебной системы Российской Федерации» в числе инструментов достижения правовой определенности упоминает только постановления Пленума и обзоры судебной практики, обходя стороной судебные правовые позиции, сформулированные в ходе рассмотрения жалоб в заседании Президиума ВС РФ. Ю.И. Иваненко, председатель судебного состава судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ (далее – СКЭС ВС РФ), также считает, что инструментами достижения единообразия судебной практики являются только лишь разъяснения Пленума и обзоры Президиума⁶.

Таким образом, ни бывший Председатель ВС РФ⁷, ни председатель судебного состава СКЭС, ни Всероссийский съезд судей не упоминают в ка-

³ Об этом: Захаров В.В. ВЫСШИЙ СУДЕБНЫЙ КОНТРОЛЬ В РСФСР // Новый ракурс. 2016. № 15. С. 49; Захарова П.В. НА ПУТИ К «КРАСНОМУ СЕНАТУ»: ПЕРВЫЕ ШАГИ В СИСТЕМЕ НАРОДНЫХ СУДОВ (1917–1918 ГГ.) // Новый ракурс. 2017. № 4. С. – 5.

⁴ Часть третья Декрета ВЦИК от 07.03.1918 № 2 «О суде» предусматривала создание верховного судебного контроля в «целях достижения единообразия судебной практики», который так и не заработал, а полномочия по обеспечению единообразия изначально негласно, а потом легально ст. 84 Декрета ВЦИК от 21.10.1920 «Положение о Народном Суде Российской Социалистической Федеративной Советской Республики» закреплены за Народным Комиссариатом Юстиции. В 1922 году был создан Верховный суд РСФСР, а в последующем после принятия «Договора об образовании Союза Социалистических Республик» было принято решение о создании Верховного суда СССР.

⁵ Сайт: <https://fparf.ru/news/fpa/kachestvo-pravosudiya-obespechivaetsya-edinoobraziem-sudebnoy-praktiki/> (дата обращения 07.10.2025).

⁶ Сайт: <https://pravo.ru/news/253621/> (дата обращения 07.10.2025).

⁷ И.Л. Подносова скончалась 22.07.2025. На настоящий момент на пост Председателя ВС РФ назначен И.В. Краснов в соответствии с Постановлением Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации № 399-СФ от 24.09.2025. Однако на сегодняшний день отсутствуют сведения об официальных заявлениях Председателя ВС РФ об основных направлениях деятельности при занятии должности И.В. Красновым. В связи с чем, автор использует комментарии бывшего Председателя ВС РФ.

¹ Подобные полномочия закреплены за арбитражным судом субъекта в ст. 36 Федерального конституционного закона от 28.04.1995 № 1-ФКЗ «Об арбитражных судах в Российской Федерации», апелляционным судом в ст. 33.3 Федерального конституционного закона от 28.04.1995 № 1-ФКЗ «Об арбитражных судах в Российской Федерации», кассационным судом в ст. 26, 28 Федерального конституционного закона от 28.04.1995 № 1-ФКЗ «Об арбитражных судах в Российской Федерации».

² В ходе Судебной реформы 1864 года в Уставе гражданского судопроизводства были закреплены следующие положения: ст. 10 УГС запрещала останавливать решение дела под предлогом неясности, неполноты, недостатка или противоречия закона; ст. 815 УГС устанавливала необходимость публикации текстов сенатских решений «для руководства к единообразному истолкованию и применению законов».

честве одного из механизмов рассмотрение дел в порядке надзора. Сформулированные в ходе рассмотрения конкретных дел правовые позиции Президиума ВС РФ обладают важным значением в целях обеспечения единообразия судебной практики. Все инструменты для этого легально определены: это и п. 3 ст. 308 АПК РФ, и п. 5 ч. 3 АПК РФ, и упомянутые судебные правовые позиции КС РФ.

Если обратиться к статистике за последние пять лет то Президиумом ВС РФ были рассмотрены лишь три жалобы по экономическим спорам из 2425 обращений, в то время как по уголовным делам в судебное заседание для рассмотрения Президиумом было передано 560 жалоб¹²³⁴⁵. При этом в большинстве случаев заявитель жалобы ссылаясь на нарушение единообразия как на самостоятельное основание для отмены судебного акта, так и наряду с иными основаниями, предусмотренными ст. 308.8 АПК РФ. При рассмотрении жалоб по уголовным делам вероятность передачи дела в Президиум более высока: от 0,97% вероятности передачи в судебное заседание до 5,6%, а в среднем 2,19% – по уголовным делам; от 0% до 0,4%, а в среднем 0,13% – по экономическим спорам. Налицо диспропорция при рассмотрении разных категорий жалоб в надзорной инстанции.

В отсутствие экономических споров рассмотренных в порядке надзора не могут быть сформулированы и общеобязательные судебные правовые позиции. Но чем вызвано их отсутствие? Конечно, рассмотрение жалоб в порядке надзора является экстраординарным средством правовой защиты, об этом свидетельствуют основания по которым жалоба может быть рассмотрена ВС РФ⁶, к такому же выводу приходит и доктрина⁷. Представляется очевидным, что в порядке надзора могут быть рассмотрены только те жалобы, предмет рассмотрения которых обладает весомым значением для развития российского права или те, в которых была допущена из ряда вон выходящая судебная ошибка, которая не могла быть исправле-

на предшествующими инстанциями. Данные доводы объясняют малое число дел, рассматриваемых высшей инстанцией.

Каковы же причины подобного положения дел? В 2016 году Центр развития современного права при НИУ «Высшая школа экономики», проанализировав полуторагодовой период с момента судебной реформы по объединению ВС РФ и ВАС РФ указал на то, что «надзорная активность в части разрешения экономических споров близка к «нулевой». Причины этого по мнению исследователей заключаются в специализации судей Президиума ВС РФ на уголовных делах⁸. На момент проведения указанного исследования Президиумом ВС РФ было рассмотрено в судебном заседании всего 4 жалобы за полтора года. За последние пять лет Президиумом ВС РФ рассмотрено всего три жалобы по экономическим спорам. В отношении специализации лишь один член Президиума ВС РФ из девяти ранее имел опыт работы в системе арбитражных судов⁹¹⁰.

А.Г. Карапетов, сравнивая практику ВАС РФ и ВС РФ, указывал на то, что подходы высших инстанций к обеспечению единообразия существенно отличаются и связывал это с разницей в политике двух Президиумов¹¹. И.А. Сенцов полагает, что причиной малого числа экономических споров, рассмотренных в порядке надзора связано с экстраординарным характером надзорного производства. По мнению адвоката, ВС РФ рассматривает в судебном заседании только те дела, которые вызывают интерес в целях формирования судебной практики¹². Однако если соотнести показатели по передаче жалоб по уголовным делам и по экономическим спорам, развивая указанный тезис, можно прийти к выводу, что обеспечение законности в уголовном правоприменении представляет больший интерес ВС РФ, чем в экономических спорах.

⁸ «После ВАС». Доклад Центра развития современного права при НИУ «Высшая школа экономики». Сайт: <https://ilr.hse.ru/ar> (дата обращения: 14.10.2025).

⁹ Глазов Юрий Владимирович с 2007 года – первый заместитель председателя Арбитражного суда Белгородской области; с 2008 года – председатель Арбитражного суда Белгородской области; с 2013 года – председатель Арбитражного суда Поволжского округа. В соответствии с Постановлением Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации от 23 сентября 2020 года № 392-СФ назначен на должность заместителя Председателя Верховного Суда Российской Федерации – председателем Судебной коллегии по гражданским делам. Сайт: <https://www.vsrfl.ru/about/structure/persons/29278/> (дата обращения: 14.10.2025).

¹⁰ Здесь также необходимо дополнить, что в соответствии с постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 07.08.2014 № 2 (ред. от 12.09.2019) «Об утверждении Регламента Верховного Суда Российской Федерации» Президиум ВС РФ состоит из 13 судей, однако на сегодняшний день заняты лишь девять из тринадцати вакантных должностей Сайт: <https://www.vsrfl.ru/about/structure/4677/> (дата обращения: 07.10.2025).

¹¹ Сайт: https://zakon.ru/discussion/2020/02/14/vmesto_edinymsliya_sudej_nam_nuzhno_edinobrazie_praktiki_intervyu_s_artemom_karapetovym_i_yuliem_ (дата обращения: 07.10.2025).

¹² Сайт: https://advpalata.vrn.ru/blog/o_verhovnom_sude_rossii_i_doverii_k_sudebnoj_sisteme/ (дата обращения: 07.10.2025).

¹ Сайт: <https://www.vsrfl.ru/documents/statistics/34221/> (дата обращения: 01.10.2025).

² Сайт: <https://www.vsrfl.ru/documents/statistics/33400/> (дата обращения: 01.10.2025).

³ Сайт: <https://www.vsrfl.ru/documents/statistics/32115/> (дата обращения: 01.10.2025).

⁴ Сайт: <https://www.vsrfl.ru/documents/statistics/30794/> (дата обращения: 01.10.2025).

⁵ Сайт: <https://www.vsrfl.ru/documents/statistics/29716/> (дата обращения: 01.10.2025).

⁶ Статьей 308.8 АПК РФ предусмотрено, что основаниями для отмены судебного акта в порядке надзора являются: 1) права и свободы человека и гражданина, гарантированные Конституцией Российской Федерации, общепризнанными принципами и нормами международного права, международными договорами Российской Федерации; 2) права и законные интересы неопределенного круга лиц или иные публичные интересы; 3) единообразие в применении и (или) толковании судами норм права.

⁷ Т. В. Сахнова характеризует осуществленную в России модель надзорного производства как чрезвычайную и экстраординарную. Об этом: Сахнова Т.В. Курс гражданского процесса / Т.В. Сахнова. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Статут, 2014. С. 749–751.

В отсутствие официально выраженной позиции, комментарии, исходящих от ВС РФ или членов Президиума ВС РФ в отношении диспропорции между уголовными делами и экономическими спорами по рассмотрению жалоб в порядке надзора, невозможно сделать достоверный вывод о причинах подобного положения дел. Действительно, статьей 46 Конституции Российской Федерации подчеркнут особый характер уголовного судопроизводства, указанным может быть вызван большой интерес высшей инстанции в рассмотрении уголовных жалоб. Однако правовая определенность является ценностью в равной мере значимой и для уголовного, и для арбитражного правосудия. Низкое число рассмотренных жалоб не может быть оправдано категорией дел.

Существует еще одно мнение, и оно поддерживается значимым количеством юристов, согласно которому предшествующая надзору инстанция – вторая кассация в СКЭС ВС РФ – продолжая наследие ВАС РФ, является эффективной в указанных целях¹. СКЭС ВС РФ устраняет судебные ошибки, в результате чего дела не доходят до надзора; в ходе рассмотрения жалоб тройками судей коллегии формируют судебные правовые позиции, важные для развития правоприменения; а в ходе рассмотрения других жалоб осуществляют защиту уже ранее выраженных позиций, напоминая о них в своих определениях. Действительно, редкий судебный акт, исходящий из второй кассационной инстанции обойдется без ссылки на сформированную коллегией практику².

Можно ли говорить о том, что экономическая коллегия выходит за пределы своих полномочий, формируя посредством рассмотрения однородных жалоб единообразные подходы к правоприменению?

На указанный вопрос стоит ответить отрицательно при углубленном взгляде на сущность категории единство и единообразие судебной практики. Мы уже отмечали, что стремление к единообразному рассмотрению дел осуществляется всеми судебными звеньями, однако по-разному, и что весомое значение применительно к данному аспекту имеет структура судебной системы. Так, например, стоит снова обратиться к словам Руперта Кросса для понимания разницы в отношении судей к принятым ранее решениям в судебной системе России

¹ См. об этом: Ермакова Виктория Андреевна Роль судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ // Юридическая наука. 2025. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-sudebnoy-kollegii-po-ekonomicheskim-sporam-verhovnogo-suda-rf> (дата обращения: 10.10.2025); Никитин Сергей Васильевич, Пацация Малхаз Шотаевич ВТОРАЯ КАССАЦИЯ В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ: ГЕНЕЗИС, ИТОГИ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕДИНООБРАЗИЯ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2021. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vtoraya-kassatsiya-v-arbitrazhnom-protssesse-genezis-itoigi-protsessualnoy-deyatelnosti-i-perspektivy-edinoobraziya-sudebnoy-praktiki> (дата обращения: 10.10.2025).

² Примеры таких ссылок можно видеть в определении ВС РФ от 15.08.2024 № 305-ЭС24–8216, определении ВС РФ от 18.06.2024 № 305-ЭС23–30276, определении ВС РФ от 01.07.2024 № 306-ЭС23–26474 и др.

и в Англии. Кросс подчеркивал важность централизации системы судов для современного ему положения дел³, когда полномочия высшей инстанции выполняла Палата Лордов⁴. С 01.10.2009 года высшей судебной инстанцией Англии и Уэльса является Верховный суд Королевства (*Supreme Court of the United Kingdom*)⁵. В упрощенном виде, британская судебная система включает в себя три инстанции: первая инстанция, представленная судами графств (*country courts*) и магистратскими судами (*magistrate court*), вторая – апелляционным судом (*Court of appeals*) и высоким судом (*The High Court*), третья – Верховным судом Королевства⁶.

В то же время российская система арбитражных судов представлена в 5 звеньях: суд субъекта, апелляционный суд, суд округа, СКЭС ВС РФ, Президиум ВС РФ. При этом первые три инстанции, представляющие последовательно первую, апелляционную, кассационную – организационно и фактически отделены друг от друга, в то время как вторая кассация и надзор осуществляются внутри ВС РФ. Если рассмотреть вопрос с точки зрения организационной структуры системы арбитражных судов, то выработка правовых подходов со стороны коллегии не является «неестественной». ВС РФ является высшей судебной инстанцией, на ВС РФ возложена обязанность по обеспечению судебной практики, коллегия ВС РФ является частью ВС РФ.

Стоит признать, что российская система судебных институций в силу протяженности государства, исторических, демографических факторов и иных причин – более сложна для ее централизации, в отличие от системы Англии и Уэльса, в результате чего возникает большее количество судебных инстанций.

Применительно же к обеспечению правовой определенности до недавнего времени законодателем и судебными органами синонимично использовался как термин «единство», так и термин «единообразие» в отношении судебной практики⁷.

Безотносительно к правовому контексту слово «единообразие» обладает значением одинакового, сходного с другими⁸, а в устаревшем понимании отсылает к постоянному и не меняющему-

³ Год издания «Прецедент в английском праве», книги английского юриста Руперта Кросса – 1977.

⁴ Кросс, Руперт. Указ. соч. С. 115.

⁵ Constitutional Reform Act 2005. Сайт: <http://www.supremecourt.gov.uk> (дата обращения: 09.10.2025).

⁶ См. об этом: Яровая Марина Вячеславовна Современная судебная система Англии и Уэльса (часть I) // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. 2013. № 1 (11). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennaya-sudebnaya-sistema-anglii-i-uelsa-chast-i> (дата обращения: 09.10.2025).

⁷ На сегодняшний день и ст. 308.8 АПК РФ упоминает термин «единообразие» и ст. 391.9 ГПК РФ, однако вплоть до 01.01.2012 ч. 3 ст. 377 ГПК РФ использовала термин «единство», КС РФ в постановлении от 21.01.2010 N 1-П использовал термин «единообразие» в отношении правоприменения и термин «единство» по отношению к всей системы права. Изменения были внесены

⁸ Толковый словарь Ожегова С.И. Сайт URL: <https://gufo.me/dict/ozhegov/единообразный> (дата обращения: 25.08.2025).

ся¹. В свою очередь единству придается значение общности, полного сходства, цельности, сплоченности, взаимной связи². Несомненно, что данные категории являются взаимосвязанными, в то же время, единство и единообразие характеризуют правовую систему с разных сторон. Единообразие относится непосредственно к судебной практике и влечет за собой необходимость рассматривать аналогичные дела аналогичным способом, ориентируясь на судебные правовые позиции, в то время как единство судебной практики является структурным элементом правовой системы, придающим ей свойство целенаправленности.

Указанный вывод поддерживается как доктриной, так и судебными правовыми позициями. Так, например, в судебной практике распространена позиция, согласно которой единство судебной практики представляет собой единообразное толкование и применение закона, являющееся следствием единообразной правовой квалификации аналогичных юридических дел³. П.В. Коршунова определяет «единство» и «единообразие» как часть и целое, считая, что единство характеризует судебную практику, а единообразие определяет деятельность, которую суды осуществляют в процессе рассмотрения и разрешения дел. В свою очередь КС РФ постановлениях № 1-П от 21.01.2010 и № 24-П от 17.10.2017 использует термин «единообразие» по отношению к правоприменению, а термин «единство» по отношению к правовой системе⁴.

В следствие указанного в рамках высшей судебной инстанции СКЭС и Президиум ВС РФ выполняют разный функционал в части обеспечения единства правовой системы. Данный вывод следует и из отличия в процессуальной форме кассации и надзора⁵, и из разницы структуры состава,

рассматривающего жалобы, в первом случае в составе трех судей, а в последнем – в составе членов Президиума. Деятельность СКЭС в свою очередь направлена на обеспечение единообразного рассмотрения споров путем следования правовым подходам, выработанным судебной практикой. Тогда как цель ВС РФ носит более фундаментальный характер и направлена на обеспечение единства и непротиворечивости всей правовой системы. В этой связи использование Президиумом ВС РФ абстрактного толкования посредством постановлений Пленума, выглядит обоснованным, так как посредством них высшая инстанция может осветить большее число вопросов, возникающих на практике, так как «руководящие начала» носят тематический характер и зачастую направлены на урегулирование целого комплекса смежных норм⁶.

В каких же случаях Президиум должен воспользоваться инструментом казуального рассмотрения дела в целях достижения единства и непротиворечивости? Поддерживая точку зрения судьи КС РФ Г.А. Жилина, полагаем, что подобным случаем должна являться такая дефектность правовой нормы, которая порождает невозможность ее применения к спорам с аналогичными обстоятельствами, однако: «такое восполнение нормативного единства процессуального права, обусловленное обязанностью суда при любом несовершенстве законодательного регулирования процессуальных отношений разрешить конкретное дело в соответствии с требованиями справедливого судопроизводства, которое только и может претендовать на роль правосудия, носит исключительный харак-

ния единообразной правоприменительной практики, то определения, выносимые судебными коллегиями Верховного Суда Российской Федерации при пересмотре конкретных дел в кассационном порядке, указанным критериям не отвечают». Также КС РФ был отмечен порядок формирования состава судей: «Во-вторых, согласно Федеральному конституционному закону «О Верховном Суде Российской Федерации» судебные коллегии Верховного Суда Российской Федерации формируются в составе заместителей Председателя Верховного Суда Российской Федерации – председателей судебных коллегий Верховного Суда Российской Федерации и судей этих коллегий (часть 1 статьи 9); в судебных коллегиях Верховного Суда Российской Федерации формируются судебные составы из числа судей, входящих в состав соответствующей судебной коллегии Верховного Суда Российской Федерации (часть 3 статьи 9). Из этого следует, что судебные акты, выносимые в таком судебном составе, в силу самого порядка его формирования не могут рассматриваться как отражающие позицию Верховного Суда Российской Федерации в целом и не обладают свойствами, присущими постановлениям Президиума Верховного Суда Российской Федерации по конкретным делам, а потому не могут являться основанием для отмены по вновь открывшимся или новым обстоятельствам вступивших в законную силу судебных актов, тем более по делам, которые не были предметом рассмотрения судебной коллегии Верховного Суда Российской Федерации».

⁶ В качестве примера можно привести недавние постановления Пленума ВС РФ № 40 от 17.12.2024 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие Федерального закона от 29 мая 2024 года № 107-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и статью 223 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации», постановление Пленума ВС РФ № 41 от 17.12.2024 «О подготовке административного дела к судебному разбирательству в суде первой инстанции»

¹ Толковый словарь Ожегова С.И. Сайт URL: <https://gufo.me/dict/ozhegov/однообразный> (дата обращения: 25.08.2025).

² Толковый словарь Ожегова С.И. Сайт URL: <https://gufo.me/dict/ozhegov/единство> (дата обращения: 25.08.2025).

³ См. Осокина Г.Л. Гражданский процесс. Особенная часть. М., 2007. С. 724; определения Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 2 октября 2009 г. № 12171/09, от 25 июля 2008 г. № 7321/08, от 8 июля 2008 г. № 8209/08, от 27 февраля 2007 г. № 16367/06 [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс».

⁴ В качестве примера приведем фрагмент постановления Конституционного Суда РФ от 17.10.2017 № 24-П: «Конституционно значимые функции Верховного Суда Российской Федерации, как это следует из Федерального конституционного закона от 5 февраля 2014 года N 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации» (статьи 2, 5, 7 и др.), осуществляются им в том числе в целях поддержания единообразия в толковании и применении норм права судами, что является одним из элементов основанного на предписаниях статей 15 (часть 1), 17, 18, 19 и 120 Конституции Российской Федерации механизма обеспечения единства и непротиворечивости российской правовой системы».

⁵ Характер отличий был детально проанализирован КС РФ в уже упомянутом постановлении от 17.10.2017 № 24-П. Так КС РФ указано на окончательность (в отличие от судебных актов СКЭС) постановлений Президиума: «Если постановления Президиума Верховного Суда Российской Федерации являются окончательными, принимаются в составе, представляющем Верховный Суд Российской Федерации в целом, и только в случаях, имеющих особое значение, в частности для формирова-

тер и не должно нарушать принцип верховенства Конституции и федерального закона¹».

Выявление подобного рода противоречий имеет объективные пределы, так как п. 3 ч. 3 ст. 308.1 АПК РФ устанавливает невозможность обращения с жалобой в порядке надзора, если судебный акт не был обжалован в коллегию ВС РФ. Соответственно такого рода противоречие может быть выявлено в следствие судебной ошибки СКЭС ВС РФ. Надо полагать, что подобные ошибки чрезвычайно редки и могут быть обнаружены только в следствие противоречивой практики СКЭС ВС РФ, когда в рамках различных составов коллегии обнаруживаются кардинально отличающиеся подходы к разрешению аналогичных споров.

Подобные случаи расхождения уже имеются в практике коллегии по экономическим спорам. Так, например, в рамках дела А41–40409/2023 СКЭС была рассмотрена кассационная жалоба Администрации г.о. Красногорск на судебные акты, которыми были изменены условия договора, заключенного в ходе торгов. Администрация при размещении предложения на торгах учла НДС в стоимости договора на установку рекламных конструкций². Общество – победитель в торгах направило предложение об изменении условий договора в сторону уменьшения итоговой цены в связи с тем, что Администрация не является плательщиком налога. Судами трех инстанций было удовлетворено заявление. В то же время, СКЭС не согласилась с данным решением судов, указав в мотивировочной части на то, что в договоре установлена плата за право заключения договора в размере, предложенном Обществом на аукционе, включая НДС, следовательно, установленную договором цену Общество обязано уплатить вне зависимости от того, как Администрация должна распорядиться полученными средствами, в том числе безотносительно того, какие именно налоговые платежи в бюджет она должна произвести в соответствии с законодательством о налогах и сборах и в каком размере. При этом СКЭС указала на материалы судебной практики поддерживающий данный подход³.

Тогда как в деле № А40–236292/2022 общество обратилось с иском к контрагенту о взыскании задолженности по оплате вознаграждения по лицензионному договору, начисленной в связи с изменением порядка уплаты НДС Федеральным законом от 31.07.2020 № 265-ФЗ «О внесении изме-

нений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации» более не предусматривающим налоговых льгот для реализации прав на программы для ЭВМ и базы данных. СКЭС указала на то, что иск был заявлен обществом не в связи собственными ошибками, допущенными при установлении цены на стадии заключения договора или при квалификации сделки, а в связи с изменениями условий налогообложения, которые наступили объективно – вследствие принятия закона. Следовательно, в отношении лицензионного вознаграждения, подлежащего уплате, общество правомерно увеличило размер вознаграждения на сумму налога⁴.

Таким образом, в обоих спорах предметом рассмотрения являлось изменение цены договора, в следствие несоответствия ставки НДС, учтенной при заключении договора, реальным условиям. В первом случае подобное изменение испрашивалось у суда в связи с тем, что контрагент разместивший объявление на торгах, учел в стоимости договора НДС, плательщиком которого не является, во втором случае – в связи с изменением правового регулирования, которое не мог учесть контрагент. В обоих случаях указанный размер НДС не соответствовал действительности не по вине заявителя и не в следствие допущенной им ошибки. Однако в одном случае коллегия отметила, что сторона обязана уплатить всю цену договора, включая и не существующий НДС, а во втором на то, что сторона не может перенимать на себя полностью риск изменения налоговой ставки.

Указанные кассационные жалобы были рассмотрены разными составами судей внутри коллегии. Из этого следует, что комплектация составов в виде «троек» создает риск возникновения противоречий при рассмотрении аналогичных споров. Именно подобного рода противоречия в толковании и применении норм права на уровне СКЭС должны становятся предметом рассмотрения Президиума ВС РФ в порядке надзора.

Подводя итог изложенному стоит сделать вывод о том, что единство правового регулирования является ценностью, стремление к которой осуществляется (или должно осуществляться) всеми звеньями судебной системы, начиная с первой инстанции. Однако непосредственное управление этим процессом, в том числе через выработку судебных правовых позиций, может быть осуществлено только высшей судебной инстанцией. Организационная структура судебной системы оказывает значимое влияние на единообразное рассмотрение и разрешение дел. В связи с особенностями (историческими, политическими, географическими, демографическими) Российской Федерации высшая судебная инстанция в России представляет собой двухступенчатую систему второй кассации и надзора. Обе инстанции входят в структуру ВС РФ, на который возложено обеспечение единообразия судебной практики. В связи с отличиями в процессуальной форме кассационного и надзорного про-

¹ Особое мнение судьи конституционного суда российской федерации Г.А. Жилина по делу о проверке конституционности абзаца 4 пункта 3 части 4 статьи 170, пункта 1 статьи 311 и части 1 статьи 312 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами ОАО «КАРБОЛИТ», ЗАО «ПРОИЗВОДСТВЕННОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ «БЕРЕГ», ОАО «ЗАВОД «МИКРОПРОВОД» и ОАО «НАУЧНО-ПРОИЗВОДСТВЕННОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ «РЕСПИРАТОР». СПС Консультант+.

² Определение ВС РФ от 26.06.2024 № 305-ЭС24–4194 по делу № А41–40409/2023.

³ Это были определения Верховного Суда Российской Федерации от 19.10.2023 № 308-ЭС23–10824 и от 14.11.2023 № 308-ЭС23–10806.

⁴ Определение ВС РФ от 04.04.2024 № 305-ЭС23–26201.

изводства, а также сути иерархии судебной системы, СКЭС и Президиум ВС РФ выполняют разные функции в указанном направлении. Деятельность СКЭС направлена на достижение единообразного рассмотрения и разрешения дел путем следования выработанным судебным правовым позициям, тогда как Президиум ВС РФ решает фундаментальную задачу единства правового пространства и правовой определенности.

Деятельность СКЭС является эффективной в указанных целях, что подтверждается малым числом жалоб, рассмотренных в порядке надзора, однако коллегия не может устранить фундаментальные противоречия, возникшие в правоприменении. Подобного рода противоречия имеются в актуальной практике СКЭС, когда при рассмотрении аналогичных правовых вопросов разные составы судей поддерживают различные правовые подходы. По мнению автора, рассмотрение в судебном заседании Президиума жалоб в связи с противоречивыми подходами СКЭС, вынесение постановлений и выработка правильного правоприменения оказывает существенное влияние на развитие российского права. Современная практика нуждается во внимании Президиума ВС РФ к подобного рода спорам.

Литература

1. Захаров В.В. Высший судебный контроль В РСФСР // Новый ракурс. 2016. № 15. С. 49; Захарова П.В. На пути к «Красному сенату»: первые шаги в системе народных судов (1917–1918 гг.) // Новый ракурс. 2017. № 4. С. – 5.
2. Кросс, Руперт. Прецедент в английском праве: [Пер. с англ.] / Под общ. ред. Ф.М. Решетникова; [Предисл. Ф.М. Решетникова, Т.В. Апаровой, с. 5–21]. – М.: Юрид. лит., 1985. – С. 33.
3. Сахнова Т.В. Курс гражданского процесса / Т.В. Сахнова. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Статут, 2014. С. 749–751.
4. Чайкина А.В. Источники гражданского процессуального права: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.15 / Чайкина Алёна Васильевна; [Место защиты: ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»]. – Москва, 2021. С. 97.
5. Яровая Марина Вячеславовна Современная судебная система Англии и Уэльса (часть I) // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. 2013. № 1 (11). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennaya-sudebnaya-sistema-anglii-i-uelsa-chast-i> (дата обращения: 09.10.2025).
6. «Вместо единомыслия судей нам нужно единообразие практики» // Интервью с Артемом Карапетовым и Юлием Таем [Электронный ресурс]. URL: https://zakon.ru/discussion/2020/02/14/vmesto_edinomyслиya_sudej_nam_nuzhno_edinobrazie_praktiki_intervyu_s_artemom_karapetovym_i_yuliem_ (дата обращения: 07.10.2025).

7. Глава судсостава экономколлегии рассказал, как достичь единообразия практики [Электронный ресурс]. URL: <https://pravo.ru/news/253621/> (дата обращения 07.10.2025).
8. Качество правосудия обеспечивается единообразием судебной практики [Электронный ресурс]. URL: <https://parf.ru/news/fpa/kachestvo-pravosudiya-obespechivaetsya-edinobraziem-sudebnoy-praktiki/> (дата обращения 07.10.2025).
9. О Верховном Суде России и доверии к судебной системе [Электронный ресурс]. URL: https://advpalata.vrn.ru/blogi/o_verhovnom_sude_rossii_i_doverii_k_sudebnoj_sisteme/ (дата обращения: 07.10.2025).
10. «После ВАС». Доклад Центра развития современного права при НИУ «Высшая школа экономики» [Электронный ресурс]. URL: <https://ilr.hse.ru/ar> (дата обращения: 14.10.2025).
11. Толковый словарь Ожегова С.И. [Электронный ресурс]. URL: <https://gufo.me/dict/ozhegov/>единообразный (дата обращения: 25.08.2025).
12. Constitutional Reform Act 2005. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.supremecourt.gov.uk> (дата обращения: 09.10.2025).

ORGANIZATIONAL ASPECTS OF ENSURING UNIFORMITY OF JUDICIAL PRACTICE IN ARBITRATION COURTS OF THE RUSSIAN FEDERATION

Kutsenko E.I.

Kutafin Moscow State Law University

The article examines the influence of the hierarchy of judicial institutions in the system of arbitration courts of the Russian Federation on ensuring the uniformity of judicial practice. The author studies the provisions of modern arbitration procedural legislation and the position of the Constitutional Court of the Russian Federation regarding ensuring the uniformity of judicial practice. The concepts of “unity” and “uniformity” are distinguished, and in accordance with this, the division of powers between the Judicial Collegium for Economic Disputes and the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation is defined in order to ensure legal certainty. The author also analyzes statistics on the consideration of complaints on economic disputes in supervisory proceedings in relation to complaints on criminal cases for 2020–2024. It was found that there was a virtual absence of economic disputes considered in court hearings, while a significant number of complaints on criminal cases were considered. Reasons for this situation are suggested. In view of the lack of judicial practice in challenging cases in the supervisory instance, a conclusion is made as to what issues may be subject to consideration by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation in the future. Conclusions are drawn about how the two-tier system of the Supreme Court of the Russian Federation affects the uniformity of judicial practice in Russian arbitration courts.

Keywords: arbitration proceedings, Supreme Court, Economic Collegium, Presidium, uniformity of judicial practice, unity of judicial practice, legal certainty, organizational aspect.

References

1. Zakharov V.V. Supreme judicial control in the RSFSR // New Perspective. 2016. No. 15. P. 49; Zakharova P.V. On the way to the “Red senate”: first steps in the system of people’s courts (1917–1918) // New Perspective. 2017. No. 4. P. – 5.
2. Cross, Rupert. Precedent in English Law: [Translated from English] / Edited by F.M. Reshetnikov; [Foreword by F.M. Reshetnikov, T.V. Aparova, pp. 5–21]. – Moscow: Yurid. lit., 1985. – p. 33.
3. Sakhnova, T.V. Course on Civil Procedure / T.V. Sakhnova. – 2nd ed., rev. and expanded. – Moscow: Statut, 2014. pp. 749–751.

4. Chaikina A.V. Sources of Civil Procedural Law: Dissertation ... Candidate of Legal Sciences: 12.00.15 / Chaikina Alena Vasilyevna; [Place of defense: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Moscow State Law University named after O.E. Kutafin (MSLA)". – Moscow, 2021. P. 97.
5. Yarovaya Marina Vyacheslavovna The Modern Judicial System of England and Wales (Part I) // Bulletin of Moscow State Pedagogical University. Series: Legal Sciences. 2013. No. 1 (11). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennaya-sudebnaya-sistema-anglii-i-uelsa-chast-i> (accessed: 09.10.2025).
6. "Instead of unanimity among judges, we need uniformity of practice" // Interview with Artem Karapetov and Yuli Tay [Electronic resource]. URL: https://zakon.ru/discussion/2020/02/14/vmesto_edinomysliya_sudej_nam_nuzhno_edinoobrazie_praktiki_intervyu_s_artermom_karapetovym_i_yuliem_ (accessed: 07.10.2025).
7. The head of the economic panel of judges explained how to achieve uniformity in practice [Electronic resource]. URL: <https://pravo.ru/news/253621/> (accessed on 07.10.2025).
8. The quality of justice is ensured by uniformity of judicial practice [Electronic resource]. URL: <https://fparf.ru/news/fpa/kachestvo-pravosudiya-obespechivaetsya-edinoobraziem-sudebnoy-praktiki/> (accessed on 07.10.2025).
9. On the Supreme Court of Russia and trust in the judicial system [Electronic resource]. URL: https://advpalata.vrn.ru/blogi/o_verhovnom_sude_rossii_i_doverii_k_sudebnoj_sisteme/ (accessed on 07.10.2025).
10. "After the Supreme Arbitration Court." Report by the Center for the Development of Modern Law at the Higher School of Economics [Electronic resource]. URL: <https://ilr.hse.ru/ar> (accessed: 14.10.2025).
11. Explanatory Dictionary by S.I. Ozhegov [Electronic resource]. URL: <https://gufo.me/dict/ozhegov/единообразный> (accessed on 25.08.2025).
12. Constitutional Reform Act 2005. [Electronic resource]. URL: <http://www.supremecourt.gov.uk> (accessed on 09.10.2025).

Никишин Владимир Александрович,
аспирант, Университет «Синергия»

В статье рассмотрены технико-юридические нормы в локальных нормативных актах, применяемых в организациях Российской Федерации и в корпорациях. Определено место локальных нормативных актов в технико-юридическом регулировании на внутриорганизационном уровне, показана их внутренняя иерархия. Представлены правовые основы создания и использования локальных технико-юридических норм. Рассмотрен вопрос инструкций по пожарной безопасности и техники безопасности. Имеется анализ вопроса введения, замены и пересмотра норм труда. Автором особое внимание уделено санкциям, применяемым за нарушение локальных технико-юридических норм. Сделаны практические выводы о применении типовых форм локальных нормативных актов.

Ключевые слова: технико-юридические нормы, локальных нормативных акты, инструкции, нормы труда, санкции.

В современном законодательстве происходит сужение сферы государственного регулирования трудовых отношений с расширением сферы локального нормотворчества с применением технико-юридических норм.

Исследования технико-юридических норм проводились: 1963 году в СССР Черданцевым А.Ф., в Российской Федерации Пчелкиным А.В. в 2004 г. По мнению Черданцева А.Ф. «Технические нормы облакаются в правовую форму тогда, когда это необходимо государству для осуществления своих функций» [2, с. 58]. Пчелкин А.В. считает, что технико-юридические нормы это правило, выраженное в формально-определенных предписаниях, содержанием которого является разрешенное, запрещенное или предписанное техническое действие, установленное или санкционированное государством и обеспеченное мерами государственного убеждения, поощрения и принуждения. [1, с. 67].

Термины «локальные нормы», «локальные нормативные акты» использовались в СССР применительно к правовым актам государственных учреждений и организаций. В Российской Федерации эти термины применяются к правовым актам организаций всех форм собственности. Как считает Давыдова М.Л. [3] локальные акты могут рассматриваться как практическое воплощение права на объединение и принципа «разрешено все, что не запрещено». По мнению Давыдовой М.Л., есть трактовка, где локальные акты выступают материализацией естественного права, не производного от права позитивного, а лишь согласующегося с ним в принципиальных моментах, в остальном же выражающей свободное волеизъявление гражданского общества [3]. С позиции позитивистского взгляда на право данный вариант обоснования юридической природы локальных актов представляется сомнительным, поскольку локальные акты разрабатываются на основании действующих юридических и технико-юридических норм законодательства и им достаточно полно соответствуют. Интересен также и подход Давыдовой М.Л. к локальным актам организаций, отвечающим юридическим признакам корпорации: «в соответствии с цивилистической традицией следует считать корпоративными» [3].

В статье А.А. Баукина и Д.Е. Малиенко [4] есть точка зрения, что локальные технические акты регулируют участие работника и работодателя в процессе производства, оказания услуг, определяя круг их прав и обязанностей, и носят, таким образом юридический характер. В целом с этим можно согласиться поскольку опосредованно даже техни-

ческие инструкции носят юридический характер. Хотя с 50-х годов в СССР под локальным регулированием больше понималась конкретизация закона или подзаконного акта. В этой же статье указывается, что предметом регулирования локальных норм: «составляют группы общественных внутрихозяйственных связей» [4]. Это отражает корпоративный подход к юридической природе локальных актов.

В статье 5 Трудового кодекса (ТК) РФ определяется регулирование трудовых отношений, в том числе, в локальных нормативных актах, содержащих нормы трудового права.

Локальные нормативные акты с технико-юридическими нормами в виде инструкций и норм труда принимаются работодателями в пределах своей компетенции.

Локальные нормативные акты с технико-юридическими нормами принимаются работодателем самостоятельно (например: инструкции по пожарной безопасности и охране труда) и совместно или с учетом мнения выборного органа (обычно профсоюза) работников предприятия (например: нормы труда). В соответствии со статьей 162 ТК РФ введение, замена и пересмотр норм труда происходит с учетом мнения представительного органа работников. Локальные нормативные акты, принятые работодателем самостоятельно, имеют меньшую силу, чем акты принятые с учетом мнения представительного органа работников.

Нормотворчество на предприятиях по разработке и содержанию локальных нормативных актов-инструкций по охране труда определяется Приказом Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 29 октября 2021 г. № 772 «Об утверждении основных требований к порядку разработки и содержанию правил и инструкций по охране труда, разрабатываемых работодателем». Наличие у работника инструктажей по технике безопасности и обучения по охране труда с проверкой знаний это непереносимое условие для допуска к работе. Инструкции по технике безопасности отражают специфику работы на данном предприятии и служат снижению производственного травматизма. Однако наличие инструкций по технике безопасности не освобождает работодателей от ответственности. В Трудовом кодексе РФ в статье 229 определен порядок формирования комиссии по расследованию несчастных случаев. При расследовании несчастных случаев на производстве с тяжелыми повреждениями здоровья или со смертельным исходом в состав комиссии (не менее трех человек) входит в качестве председателя государственный инспектор труда, представитель органа местного самоуправления, представитель профсоюза и представитель исполнительного органа страховой организации. При расследовании несчастных случаев на производстве комиссия руководствуется Приказом Минтруда РФ от 20 апреля 2022 г. № 223 Н с приложениями к нему образцов типовых документов (формы № 1–11). В этих формах обязательными пунктами являются

наличие обучения пострадавшего правилам техники безопасности и наличия стажировки на этом рабочем месте.

С учетом отсутствия у работодателя обучения всех специалистов техники безопасности и тем более отсутствия стажировок на всех рабочих местах он оказывается в сложном положении из-за неполной разработанности технико-юридических нормативов в его организации.

Хотелось бы отметить, что Приказ Минтруда РФ от 20 апреля 2022 г. № 223 Н определяет также порядок расследования несчастных случаев на предприятиях с режимом государственной безопасности и в зоне чрезвычайных ситуаций (наводнения, пожары и т.д.). В случае расследования несчастного случая на режимных предприятиях все члены комиссии по расследованию должны иметь соответствующие допуски. При расследовании несчастных случаев в зоне чрезвычайных ситуаций в состав комиссии должен входить представитель Министерства по чрезвычайным ситуациям РФ.

По данным Федерации независимых профсоюзов России (ФНПР) в России в 2022 году произошло 5563 несчастных случая на производстве, из них 381 групповых несчастных случаев и 3913 несчастных случаев с тяжелым исходом. В результате несчастных случаев в 2022 году погибло 1565 человек [5]. При этом хотелось отметить, что представители профсоюзов по статье 229 ТК РФ принимают обязательное участие в расследовании несчастных случаев на производстве и оказывают влияние на снижение производственного травматизма. В России в 2024 году было 19690 000 членов Федерации независимых профсоюзов, 38 отраслевых профсоюзов и 86 территориальных профобъединений этой федерации.

Инструкции по пожарной безопасности на предприятиях и организациях разрабатываются и внедряются в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 24.10.2022 № 1885 «О внесении изменений в Правила противопожарного режима в Российской Федерации», федеральными законами в этой области. Для зданий для которых в соответствии с законодательством о градостроительной деятельности предусмотрена экспертиза разрабатывается Декларация пожарной безопасности.

Разработка и введение норм труда на предприятиях может производиться в соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации от 11 ноября 2002 г. № 804 «О правилах разработки и утверждения норм труда», с учетом отраслевых норм труда и проведения анализа применяемых норм труда на каждом предприятии. В соответствии со статьей 160 ТК РФ нормы труда должны соответствовать достигнутому уровню техники, технологии, организации производства и труда, что предполагает научный подход к их разработке. В крупных корпорациях имеются типовые нормы для предприятий корпорации с учетом отраслевых особенностей. В целом применение локальных

технико-юридических норм в области нормирования труда имеет большое социальное значение.

Хотелось бы остановиться на судебной практике по нарушениям локальных технико-юридических норм по охране труда. В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2018 года № 41 указывается, что в судебных решениях при нарушении специальных правил по охране труда могут быть ссылки не только на государственные нормы, но и на локальные нормативные акты в т.ч. негосударственных организаций, если эти локальные нормы не противоречат государственным нормам и не меняют их содержание, а только конкретизируют их. Причем государственные нормы, на базе которых разработаны локальные нормы могут быть приняты, как на федеральном, так и на уровне субъектов Российской Федерации. Таким образом государственные санкции возможны, при определенных условиях за нарушения локальных нормативных актов. Эти локальные нормы являются технико-юридическими, если они разработаны на базе государственных норм. Исходя из правоприменительной практики определяется критерий отличия локальных технико-юридических норм от локальных технических - первые созданы на базе государственных норм, их конкретизируют и дополняют, вторые являются нормами для использования внутри организации и их нарушение влечет за собой дисциплинарное наказание по ст. 189 ТК РФ, материальную ответственность по ст. 248 ТК РФ или преследуется в гражданско-правовом порядке. Частым видом санкций за нарушение инструкций по пожарной безопасности или охране труда является отстранение работника от работы по ст. 76 ТК РФ. Например: нарушение технической инструкции по эксплуатации станка может привести к его поломке в процессе работы, что при наличии вины работника причиненный ущерб может взыскан по ст. 241 ТК РФ или в гражданско-правовом порядке.

При наступлении тяжких последствий в области охраны труда вследствие нарушения локальных нормативных актов (одновременно и федеральных на основе которых они разработаны) возможно привлечение руководителей предприятия к административной ответственности по статье 5.27.1. КоАП РФ «Нарушение государственных нормативных требований охраны труда, содержащиеся в федеральных законах и иных нормативно правовых актах Российской Федерации» и уголовной ответственности по статье 143 УК РФ.

Литература

1. Пчелкин А.В. Техничко-юридические нормы в современной России (проблемы теории и практики). Диссертация кандидата юридических наук – Нижний Новгород, 2004–194 с.
2. Черданцев А.Ф. Техничко-юридические нормы в советском праве: Диссертация кандидата юридических наук. – Средловск, 1963, –243 с.
3. Давыдова М.Л. Локальные нормативно-правовые акты: терминологические дискуссии // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. № 4. С. 4–24.
4. Баукин А.А., Малиенко Д.В. Локальный уровень правового регулирования на примере локальных технико-юридических норм. Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск, 2014 Вестник ЮУрГУ Серия Право.
5. Постановление исполкома ФНПР от 10.04.2023 № 3–4 «О работе технической инспекции труда профсоюзов в 2022 году» / URL: [www/fnpr.ru](http://fnpr.ru) (дата обращения: 28.10.2025);

LOCAL TECHNICAL AND LEGAL NORMS

Nikishin V.A.
University «Synergy»

The article examines the technical and legal norms in local regulations applied in organizations of the Russian Federation and in corporations. The place of local regulations in technical and legal regulation at the intra-organizational level is determined, their internal hierarchy is shown. The legal basis for the creation and use of local technical and legal norms is presented. The issue of fire safety and safety instructions has been considered. There is an analysis of the issue of the introduction, replacement and revision of labor standards. The author pays special attention to the sanctions applied for violation of local technical and legal norms. Practical conclusions are drawn about the application of standard forms of local regulations.

Keywords: technical and legal norms, local regulations, instructions, labor standards, sanctions

References

1. Pchelkin A.V. Technical and Legal Norms in Modern Russia (Theoretical and Practical Issues). Candidate of Law Dissertation – Nizhny Novgorod, 2004, 194 p.
2. Cherdantsev A.F. Technical and Legal Norms in Soviet Law: Candidate of Law Dissertation. – Sredlovsk, 1963, 243 p.
3. Davydova M.L. Local Regulatory Legal Acts: Terminological Discussions // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2021. No. 4. pp. 4–24.
4. Baukin A.A., Malienko D.V. Local Level of Legal Regulation: The Example of Local Technical and Legal Norms. South Ural State University, Chelyabinsk, 2014, SUSU Bulletin, Law Series.
5. Resolution of the Executive Committee of the FNPR dated 10.04.2023 No. 3–4 “On the work of the technical labor inspection of trade unions in 2022” / URL: [www/fnpr.ru](http://fnpr.ru) (date of access: 28.10.2025);

Развитие понятийного аппарата информационного права в правовом анализе информационного законодательства

Паршуков Михаил Игоревич,

доцент кафедры информационного права Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева

E-mail: m-parshukov@usla.ru

Статья исследует развитие и текущее состояние понятийного аппарата российского информационного права. Комплексно анализируются законодательные акты, регулирующие информационные отношения. Установлено, что формирование понятийного аппарата информационного права представляет собой многоуровневый, системный процесс. Выделены базовые, специальные и отраслевые законы, что позволило выявить иерархическую и системную логику в построении концептуального каркаса информационного права. Базовые законы закладывают универсальный фундамент понятийного аппарата, специальные законы обеспечивают его дифференциацию и специализацию, а отраслевые законы осуществляют его контекстуальную адаптацию в рамках всей системы российского права.

Ключевые слова: базовые законы, информационное законодательство, информационное право, отраслевые законы, понятийный аппарат, специальные законы, цифровая трансформация, экономика данных.

Исследование развития понятийного аппарата информационного права требует изучения исторического контекста и предполагает выявление условий, в которых происходили исторические события. Подробно история формирования информационного законодательства, эволюция понятийного аппарата информационного права описана в монографии Л.А. Сергиенко «История формирования информационного права в СССР и Российской Федерации 1960–2000 гг.»¹

В качестве основного материала настоящего правового анализа текстов нормативно-правовых актов выбраны исключительно законодательные акты как действующие, так и утратившие силу, что позволяет увидеть отдельные закономерности развития понятийного аппарата информационного права.

Такой выбор был обусловлен несколькими обстоятельствами.

Во-первых, законодательные акты обладают высшей юридической силой в иерархии нормативных правовых актов и определяют основополагающие правовые категории, используемые в правоприменительной практике. Анализ положений законов позволяет отследить официальную и юридически значимую эволюцию понятий, закрепленных на государственном уровне. Более того, сосредоточение внимания исключительно на федеральных законах обусловлено их высокой юридической значимостью и обязательностью применения. Они являются наиболее надежным индикатором того, какие понятия и категории признаются государством достаточными для правового регулирования в конкретный исторический период.

Исторический анализ текстов законов позволяет определить:

а. Динамику введения в правовой оборот и введения из него новых понятий (например, «блоггер», «информационный ресурс», «международный информационный обмен» и др.).

б. Этапы развития правового регулирования (например, сравнение редакций законов за разные периоды времени демонстрирует тенденции уточнения и расширения правовых определений).

в. Контекстуальное использование понятий (например, анализ того, как содержание тех или иных понятий раскрывается в различных правовых актах, помогает определить их функциональную роль в системе понятийного аппарата информационного права).

¹ Сергиенко Л.А. История формирования информационного права в СССР и Российской Федерации 1960–2000 гг.: монография. – М.: Юрккомпани. 2013. 272 с.

Как точно отмечал, В.Ф. Яковлев существенные изменения в законодательстве являются реакцией на назревшие общественные потребности, при этом задача науки состоит в том, чтобы выявить основу системы законодательства и направления ее развития¹.

Во-вторых, сохраняет актуальность установленная И.Л. Бачило «необходимость инвентаризации терминов в уже действующих законах и перспективное распределение терминов недостающих с учетом планов подготовки проектов законов», регулирующих отношения в информационной сфере².

В-третьих, текст закона (нормативно-правового акта), по мнению Е.А. Кузнецовой, может быть признан основным термилирующим текстом юридического термина, в связи с чем, закон занимает центральное место среди источников терминологической лексики информационного права³.

В системе источников информационного права прослеживается четкая функциональная дифференциация нормативных правовых актов уровня федерального закона, которая имеет определяющее значение для формирования и развития понятийного аппарата данной отрасли. Исследование функционального назначения базовых, специальных и отраслевых законов позволяет выявить иерархическую и системную логику в построении концептуального каркаса информационного права.

По мнению П.У. Кузнецова базовые законы информационного права занимают центральное место в системе информационного законодательства, выполняя двуединую функцию. С одной стороны, они призваны определять общий «нормативный правовой климат» для всей информационной сферы, а с другой – осуществлять непосредственное регулирование ключевых информационных правоотношений⁴. Именно в рамках реализации первой функции закладывается фундамент понятийного аппарата отрасли. Ключевым назначением данной группы законов является фиксация и легальное определение основных, системообразующих категорий.

К базовым законам относятся Федеральный закон от 20 февраля 1995 № 24-ФЗ (утратил силу) «Об информации, информатизации и защите информации», Федеральный закон от 27 июля 2006 № 149-ФЗ (ред. от 26 июня 2025 г.) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», Федеральный закон от 16 февраля 1995 № 15-ФЗ (утратил силу) «О связи», Федеральный закон от 07 июля 2003 № 126-ФЗ (ред.

от 31 июля 2025 г.) «О связи», Закон РФ от 21 июля 1993 № 5485–1 (ред. от 08 августа 2024 г.) «О государственной тайне», Федеральный закон от 10 января 2002 № 1-ФЗ (утратил силу) «Об электронной цифровой подписи», Федеральный закон от 06 апреля 2011 № 63-ФЗ (ред. от 21 апреля 2025 г.) «Об электронной подписи», Федеральный закон от 29 июля 2004 № 98-ФЗ (ред. от 08 августа 2024 г.) «О коммерческой тайне», Федеральный закон от 27 июля 2006 № 152-ФЗ (ред. от 24 июня 2025 г.) «О персональных данных», Федеральный закон от 22 декабря 2008 № 262-ФЗ (ред. от 14 июля 2022 г.) «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации», Федеральный закон от 09 февраля 2009 № 8-ФЗ (ред. от 14 июля 2022 г.) «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления».

Основополагающим законом, несомненно, является Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», который в статье 2 закрепляет такие ключевые дефиниции, как «информация», «информационная система», «информационно-телекоммуникационная сеть», «обладатель информации», «оператор информационной системы» и другие. Указанные понятия и их определения носят легальный характер, что предполагает их обязательность и направленность на единое понимание терминов законодателем при формировании норм как в иных базовых и специальных, так и в отраслевых законах.

Остальные базовые законы, основываясь на дефинициях Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», также определяют ключевые для всей системы правового регулирования понятия.

Действующий Федеральный закон «О связи» дает определение таких понятий как «абонент», «линии связи», «оператор связи», «пользователь услугами связи», «радиоэлектронные средства», «сеть связи», «сооружения связи», «средства связи», «трафик» «услуга связи», «электросвязь» и др. Федеральный закон «О государственной тайне» – «государственная тайна», «средства защиты информации», «гриф секретности», «допуск к государственной тайне», «доступ к сведениям, составляющим государственную тайну» и др. Федеральный закон «О персональных данных» – «персональные данные», «оператор», «обработка персональных данных», «распространение персональных данных», «информационная система персональных данных», «конфиденциальность персональных данных», «общедоступные персональные данные» и др. Федеральный закон «Об электронной подписи» – «электронная подпись», «удостоверяющий центр», «средства электронной подписи», «участники электронного взаимодействия», «корпоративная информационная система», «информационная система общего пользования» и др.

¹ Яковлев В.Ф. Отраслевая дифференциация и межотраслевая интеграция как основы системы законодательства / В.Ф. Яковлев // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1975. – № 1. – С. 17.

² Информационное право: основы практической информатики. Учебное пособие / И.Л. Бачило. – М.: 2001. – С. 70

³ Кузнецова Е.А. Об источниках терминологической лексики информационного права // Вестник Российской таможенной академии. 2010. № 4. С. 102.

⁴ Кузнецов П.У. Информационное право: учебник // М.: ЮСТИЦИЯ. – 2017. – С. 79–80, 92–93.

Представляется что, базовые законы выполняю функцию в отношении понятийного аппарата, т.к. они создают универсальную терминологическую систему, обеспечивающую целостность и системность правового регулирования информационной сферы.

Специальные законы, в свою очередь, направлены на правовое регулирование отдельных областей информационной деятельности или установление правового режима для отдельных видов информации. Их основная миссия – гармонично дополнять нормы базовых законов, образуя с ними единый блок актов, составляющих общие начала правового регулирования¹.

К специальным законам относятся Закон РФ от 27 декабря 1991 № 2124–1 (ред. от 08 августа 2025 г.) «О средствах массовой информации», Федеральный закон от 29 декабря 1994 № 77-ФЗ (ред. от 01 мая 2022 г.) «Об обязательном экземпляре документов», Федеральный закон от 29 декабря 1994 № 78-ФЗ (ред. от 14 апреля 2023 г.) «О библиотечном деле», Федеральный закон от 22.10.2004 г. № 125-ФЗ (ред. от 13 декабря 2024 г.) «Об архивном деле в Российской Федерации», Федеральный закон от 13 января 1995 г. № 7-ФЗ (ред. от 13 июня 2023 г.) «О порядке освещения деятельности органов государственной власти в государственных средствах массовой информации», Федеральный закон от 04 июля 1996 № 85-ФЗ (утратил силу) «Об участии в международном информационном обмене», Федеральный закон от 19 июля 1998 № 113-ФЗ (ред. от 28 декабря 2024 г.) «О гидрометеорологической службе», Федеральный закон от 25 июля 1998 № 128-ФЗ (ред. от 23 июля 2025 г.) «О государственной дактилоскопической регистрации в Российской Федерации», Федеральный закон от 16.04.2001 № 44-ФЗ (ред. от 04 августа 2023 г.) «О государственном банке данных о детях, оставшихся без попечения родителей», Федеральный закон от 10 января 2003 № 20-ФЗ (ред. от 23 мая 2025 г.) «О Государственной автоматизированной системе Российской Федерации «Выборы», Федеральный закон от 30 декабря 2004 № 218-ФЗ (ред. от 31 июля 2025 г.) «О кредитных историях», Федеральный закон от 13.03.2006 № 38-ФЗ (ред. от 31 июля 2025 г.) «О рекламе», Федеральный закон от 03 декабря 2008 № 242-ФЗ (ред. от 08 августа 2024 г.) «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации», Федеральный закон от 28 декабря 2013 № 395-ФЗ (ред. от 29 декабря 2022 г.) «О Государственной автоматизированной информационной системе «ЭРА-ГЛОНАСС», Федеральный закон от 08 июня 2020 № 168-ФЗ (ред. от 28 декабря 2024 г.) «О едином федеральном информационном регистре, содержащем сведения о населении Российской Федерации», Федеральный закон от 31 июля 2020 № 258-ФЗ (ред. от 31 июля 2025 г.) «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации», Федеральный закон от 29 декабря 2022 № 572-ФЗ (ред.

от 28 декабря 2024 г.) «Об осуществлении идентификации и (или) аутентификации физических лиц с использованием биометрических персональных данных, о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации», Федеральный закон от 31 июля 2025 № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации», Федеральный закон от 24 июня 2020 № 123-ФЗ (ред. от 08 августа 2024 г.) «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных»».

В контексте формирования понятийного аппарата специальные законы выполняют разграничивающую и конкретизирующую функцию. Они не создают новые универсальные категории, а вводят в научный и правовой оборот термины, необходимые для точного регулирования специфических общественных отношений. Так, например, ФЗ «О кредитных историях» вводит и определяет понятия «кредитная история» и «бюро кредитных историй», ФЗ «О противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации» формулирует легальную дефиницию «инсайдерской информации», ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» существенно обогащает терминологию, вводя такие важные понятия, как «информационная безопасность детей», «информационная продукция» и «оборот информационной продукции», законы о государственной дактилоскопической и геномной регистрации вводят, соответственно, понятия «дактилоскопическая информация» и «геномная информация».

В условиях реализации национального проекта «Экономика данных и цифровая трансформация государства»² определение в перечисленных специальных законах таких понятий как «экспериментальный правовой режим», «искусственный интеллект», «технологии искусственного интеллекта», «аутентификация», «единая биометрическая система», «единая система идентификации и аутентификации», «идентификация», «платформенная экономика», «цифровая платформа» и др. носит востребованный характер.

² Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» от 07.05.2024 № 309 // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 07.05.2024, «Российская газета», № 100, 11.05.2024, «Собрание законодательства РФ», 13.05.2024, № 20, ст. 2584. – 2024; Паспорт национального проекта «Экономика данных и цифровая трансформация государства» // Ставропольский край: офиц. сайт. URL: <https://stavregion.ru/nacionalnye-proekty-2025-2030-gg/ekonomika-dannyh-i-cifrovaya-transformaciya-gosudarstva/?q=> (дата обращения: 29.09.2025 г.).

¹ Кузнецов П. У. Информационное право: учебник. С. 98–99.

Соответственно, данная группа законов обеспечивает терминологическую детализацию, необходимую для адекватного правового воздействия на отдельные области информационных правоотношений, тем самым углубляя и расширяя общий понятийный аппарат, сформированный базовыми актами.

Отраслевые федеральные законы, относящиеся к фундаментальным отраслям права (гражданскому, трудовому, уголовному, административному и др.), содержат нормы, регулирующие общественные отношения, возникающие по поводу информации в рамках предметной специфики данных отраслей. Информация в данном случае выступает в качестве объединяющего начала, связывающего нормы различных отраслей в единый предметный комплекс.

В формировании понятийного аппарата информационного права отраслевые законы выполняют адаптивную функцию. Они, как правило, не вводят новых информационно-правовых дефиниций, а заимствуют, применяют и адаптируют понятийный аппарат, разработанный в базовых и специальных законах, к специфике регулируемых ими отношений. Иногда они выполняют и новационную функцию, например, определяя понятие «цифровые права» в Гражданском кодексе Российской Федерации, которое ранее не использовалось в базовых и специальных законах информационного права.

Можно назвать следующие отраслевые законы, устанавливающие легальные определения понятий информационной сферы, это Федеральный закон от 27.07.2010 N 210-ФЗ (ред. от 31 июля 2025 г.) «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» («портал государственных и муниципальных услуг», «межведомственный запрос»), Федеральный закон от 18.12.2006 N 231-ФЗ (ред. от 31 июля 2025 г.) «О введении в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» («коммерческая тайна», «информация, составляющая коммерческую тайну»), Федеральный закон от 03.12.2011 N 382-ФЗ (ред. от 19 октября 2023 г.) «О государственной информационной системе топливно-энергетического комплекса» («государственная информационная система топливно-энергетического комплекса», «программно-технические средства государственной информационной системы топливно-энергетического комплекса»), Федеральный закон от 21.07.2014 N 209-ФЗ (ред. от 24 июня 2025 г.) «О государственной информационной системе жилищно-коммунального хозяйства» («государственная информационная система жилищно-коммунального хозяйства», «субъекты, размещающие информацию в системе», «пользователи информации», «оператор системы», «единые форматы», «участники информационного взаимодействия»), Федеральный закон от 31.07.2020 N 259-ФЗ (ред. от 28 декабря 2024 г.) «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты

Российской Федерации» («цифровые финансовые активы», «цифровая валюта», «майнинг цифровой валюты», «майнинг-пул», «иностранные цифровые права», «распределенный реестр» и др.).

Гражданский кодекс РФ оперирует категориями информации при регулировании договорных отношений (например, информация о товаре) и устанавливает правовой режим для таких информационных по своей природе объектов, как программы для ЭВМ, базы данных и секреты производства (ноу-хау).

Трудовой кодекс Российской Федерации детализирует режим «персональных данных», вводя понятие «персональные данные работника» и устанавливая отраслевые правила их обработки.

Уголовный кодекс Российской Федерации дает определение понятия «компьютерная информация».

Обобщая вклад каждого типа закона в терминологическую систему информационного права, можно выделить следующие особенности.

Базовый уровень задаёт исходные легальные дефиниции, определяет принципы, общие режимы и статусы субъектов информационных отношений, обеспечивает единообразие языкового начала и основу для остальных правовых актов.

Специальный уровень осуществляет предметную детализацию – устанавливает специализированные термины и уточняет правовые режимы отдельных видов информации и информационной деятельности.

Отраслевой уровень осуществляет имплементацию, включая базовые и специальные дефиниции в отраслевые механизмы, приспособляет их к типовым для отрасли правовым моделям регулирования информационных отношений. Тем самым обеспечивается прикладная адекватность понятийного аппарата и межотраслевая согласованность норм.

Совместное функционирование законодательных актов указанных трёх уровней является необходимым условием устранения терминологической неопределенности.

Таким образом, формирование понятийного аппарата информационного права представляет собой многоуровневый, системный процесс. Базовые законы закладывают универсальный фундамент понятийного аппарата, специальные законы обеспечивают его дифференциацию и специализацию, а отраслевые законы осуществляют его контекстуальную адаптацию в рамках всей системы российского права.

Литература

1. Информационное право: основы практической информатики. Учебное пособие / И.Л. Бачило. – М.: 2001. – С. 352.
2. Кузнецова Е.А. Об источниках терминологической лексики информационного права // Вестник Российской таможенной академии. 2010. № 4. С. 102.

3. Кузнецов П.У. Информационное право: учебник // М.: ЮСТИЦИЯ. 2017. 335 с.
4. Сергиенко Л.А. История формирования информационного права в СССР и Российской Федерации 1960–2000 гг: монография. – М.: Юркомпани. 2013. 272 с.
5. Яковлев В.Ф. Отраслевая дифференциация и межотраслевая интеграция как основы системы законодательства / В.Ф. Яковлев // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1975. – № 1. – С. 16–23.
6. Паспорт национального проекта «Экономика данных и цифровая трансформация государства» // Ставропольский край: офиц. сайт. URL: <https://stavregion.ru/nacionalnye-proekty-2025–2030-gg/ekonomika-dannyh-i-cifrovaya-transformaciya-gosudarstva/?q=> (дата обращения: 29.09.2025 г.).

DEVELOPMENTS IN THE CONCEPTUAL FRAMEWORK OF INFORMATION LAW IN THE LEGAL ANALYSIS OF INFORMATION LEGISLATION

Parshukov M.I.

Ural State Law University named after V.F. Yakovlev

This article examines the development and current state of the conceptual framework of Russian information law. Legislative acts regulating information relations are comprehensively analyzed. It is es-

tablished that the development of the conceptual framework of information law is a multi-level, systemic process. Basic, special, and sectoral laws are distinguished, revealing the hierarchical and systemic logic in the construction of the conceptual framework of information law. Basic laws lay the universal foundation for the conceptual framework, special laws ensure its differentiation and specialization, and sectoral laws facilitate its contextual adaptation within the entire Russian legal system.

Keywords: basic laws, information legislation, information law, sectoral laws, conceptual framework, special laws, digital transformation, data economy.

References

1. Information Law: Fundamentals of Practical Informatics. A Textbook / I.L. Bachilo. – Moscow: 2001. – Page 352.
2. Kuznetsova E.A. On the Sources of Terminological Lexicon of Information Law // Bulletin of the Russian Customs Academy. 2010. No. 4. Page 102.
3. Kuznetsov P.U. Information Law: Textbook // Moscow: JUSTICE. 2017. 335 p.
4. Sergienko L.A. History of the Formation of Information Law in the USSR and the Russian Federation 1960–2000: Monograph. – Moscow: Yurkampani. 2013. 272 p.
5. Yakovlev V.F. Sectoral Differentiation and Intersectoral Integration as the Foundations of the Legislative System / V.F. Yakovlev // News of Higher Educational Institutions. Jurisprudence. – 1975. – No. 1. – Pp. 16–23.
6. Passport of the National Project “Data Economy and Digital Transformation of the State” // Stavropol Krai: official website. URL: <https://stavregion.ru/nacionalnye-proekty-2025–2030-gg/ekonomika-dannyh-i-cifrovaya-transformaciya-gosudarstva/?q=> (accessed: 09/29/2025).

Обзор рейтингов искусственного интеллекта и необходимости их использования юристами

Рехачева Татьяна Викторовна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
E-mail: tatiana.rekhacheva@gmail.com

Статья рассматривает актуальность и необходимость рейтингов искусственного интеллекта как инструмента анализа и оценки развития технологий ИИ в различных странах и отраслях. Основное внимание уделено пяти ключевым рейтингам: Глобальный индекс ИИ, Топ-100 потребительских ИИ-продуктов, Global AI Vibrancy, Government AI Readiness Index и Индекс готовности отраслей экономики России к внедрению ИИ. Каждый из этих рейтингов базируется на уникальной методологии и включает разнообразные показатели: кадровый потенциал, инфраструктуру, нормативно-правовое регулирование, исследовательскую активность, экономическую активность и государственную стратегию. Рейтинги позволяют выявить сильные и слабые стороны стран и отраслей, способствуют формированию эффективных национальных стратегий и программ развития ИИ. Автор подчёркивает ограничения международных рейтингов, связанные с языковыми барьерами и различиями в понимании цифровой среды, что требует комплексного и критического подхода к их использованию в научных и практических целях.

Ключевые слова: искусственный интеллект, рейтинги, методология, государственная стратегия, нормативно-правовое регулирование.

На сегодняшний день тема искусственного интеллекта стала одной из актуальных, а именно появляется много разнообразных исследований, в которых выстраиваются различные индексы и рейтинги. Национальный портал искусственного интеллекта Российской Федерации¹ публикует не только информацию о нормативно-правовых актах в данной среде, об использовании и развитии искусственного интеллекта, о внедрении и создаваемой экосистеме, но и статистическую и аналитическую информацию. Так, в базе знаний можно найти целый раздел, посвященный мировым рейтингам и индексам развития искусственного интеллекта.

Для юристов рейтинги и индексы необходимы для повышения точности анализа данных, что позволит минимизировать человеческие ошибки. Более того использование специализированных систем искусственного интеллекта (далее системы ИИ) ускоряет поиск правовой информации и судебной практики. Однако рассматриваемые ниже рейтинги искусственного интеллекта не являются специализированными, но используются для выявления уровня развития нормативно-правовой базы в юриспруденции, определения лучших практик применения систем искусственного интеллекта и изучения сильных и слабых сторон национального законодательства разных стран в области ИИ.

Рассмотрим несколько отслеживаемых Российской Федерацией рейтингов.

Первый – «Глобальный индекс ИИ». Создателем индекса является британский новостной портал Tortoise Media². Портал на протяжении последних пяти лет ежегодно составляет рейтинг развития отрасли ИИ и отмечает произошедшие за год изменения. Последняя, пятая, редакция индекса, в неё вошли данные 83 стран, была в 19 сентября 2024.

Методология составления отчета подробно описана в соответствующем документе – The Global Artificial Intelligence Index Methodology Report³. Согласно методологии рейтинг основывается на трёх главных идеях: применение, инновации и инвестиции. 122 заявленных показателя берутся из 24 государственных и частных и 80 правительственных организаций. Применение в свою очередь разделяется на кадры, инфраструктуру и операционную среду, инновации делятся на исследования и раз-

¹ <https://ai.gov.ru/>

² https://ai.gov.ru/knowledgebase/komponenty/2024_informacionno-analiticheskaya_spravka_globalnyy_indeks_ii_2024_the_global_ai_index_2024_ncrri/

³ <https://www.tortoisemedia.com/data/global-ai>

работку, инвестиции – на государственные стратегии и индустрию. Оценка каждого из критериев производится по своим показателям, и вес каждого критерия варьируется, сумма всех критериев равна 100 баллам.

- Кадры (15%) – подготовка высококвалифицированных специалистов в области искусственного интеллекта.
- Инфраструктура (4%) – мощность и масштаб вычислительных ресурсов, включая передовые вычислительные системы и производство полупроводников.
- Операционная среда (11%) – нормативно-правовое регулирование и общественное восприятие искусственного интеллекта.
- Исследования (22%) – количество и качество академического и отраслевого вклада в искусственный интеллект.
- Разработка (18%) – создание новых моделей искусственного интеллекта и регистрация патентов.
- Государственная стратегия (8%) – государственные стратегии и национальные проекты, направленные на внедрение искусственного интеллекта.
- Индустрия (22%) – уровень экономической активности, связанной с ИИ, включая частные инвестиции, стартапы и корпоративные инициативы.

На первом месте в этом рейтинге с большим отрывом – США (100), максимально возможное количество баллов по всем критериям, 2 место, также с большим преимуществом – Китай (53.88), 3 место – Сингапур (32.33), с 4 по 10 места – довольно плотная группа, затем ещё один разрыв и группа стран, занимающих с 11 по 25 место, и затем плавное снижение до 83 места. Россия в данном рейтинге занимает 31 место (12.07): кадры – 58, инфраструктура – 44, операционная среда – 30, исследования – 37, разработка – 20, государственная стратегия – 44, коммерческий сектор – 16.

Кроме основных заявленных показателей есть ещё два – «масштаб» и «глубина», изменяемых, согласно методологии, в шкале от 1 до 100 баллов. «Масштаб» показывает абсолютную ёмкость систем искусственного интеллекта в каждой отдельной стране, в соотношении к мировым развитием ИИ, в Российской Федерации – 11.07 «Глубина» показывает соотношение использования систем искусственного интеллекта относительно количества населения и экономики страны, в Российской Федерации – 15.47.

Так же стоит отметить, что данный рейтинг составляется из открытых источников, преимущественно англоязычных, поэтому возможны ошибки при сборе информации и составлении рейтинга.

«Глобальный индекс ИИ» считается довольно точным рейтингом, поскольку охватывает треть стран всего мира, берёт информацию из разнообразных источников, как правительственных, так и неправительственных, и ежегодно обновляется. Данный рейтинг можно использовать как инстру-

мент для нахождения сильных и слабых сторон каждой отдельной страны в развитии и внедрении искусственного интеллекта.

Второй – «Топ-100 потребительских ИИ-продуктов (Habr AI Tools Top-100)¹» от венчурной компании Andreessen Horowitz (a16z), состоит из 50 самых используемых систем искусственного интеллекта через веб-сервисы и 50 самых используемых мобильных приложений, существует также же лист ожидания (Brink List), куда входят по пять перспективных продуктов систем искусственного интеллекта с позициями 51–55.

В настоящий момент подготовлена четвёртая, ежегодная редакция этого рейтинга. Место в рейтинге определяется на основе двух показателей: количестве уникальных посетителей сайта (для веб-продуктов) и количеству активных пользователей (для мобильных приложений). Здесь нет деления по странам, веб-сайты и мобильные приложения идут друг за другом в порядке убывания. Лидер рейтинга в обоих показателях ChatGP T. Российский компаний пока в рейтинге нет.

Данный рейтинг отличается от предыдущего, так как в нем представлено разделение по функционалу. Так 20% всех сервисов занимают нишу фото и видеоредакторов (Photo/Video Editors), 14% – призваны улучшать селфи за счет различных косметических эффектов (Beauty Editors), а 12% – аналоги ChatGPT (ChatGPT Copycats).

Кроме того, данный рейтинг можно использовать для анализа новых перспективных категорий, выявления поведенческих черт потребителей, как ориентир для входящих на рынок новых игроков, основной для инвестиций. Степень достоверности ТОП-100 довольно большая, поскольку основана не на мнении отдельных экспертов, а на обширных статистических данных.

Третий – Global AI Vibrancy² – международный рейтинг и аналитическая платформа для сравнения уровня развития и активности искусственного интеллекта в 36 странах мира, преимущественно европейских и азиатских. При сравнении учитываются 42 показателя по восьми основным направлениям: наука и теоретические разработки, ответственное использование систем искусственного интеллекта, экономические инструменты, обучение систем искусственного интеллекта (на английском языке), разнообразие, нормативно-правовое регулирование, общественное мнение, необходимая инфраструктура.

Рейтинг создается Stanford HAI (Stanford Institute for Human-Centered Artificial Intelligence), с учетом открытых данных, основывается на обработанных статистических данных. Лидер рейтинга – США, с максимальным результатом 70.06 из 80, за ним Китай – 40.17, третья – Великобритания – 27.21. Российская Федерация в этом рейтинге занимает

¹ The Top 100 Gen AI Consumer Apps <https://a16z.com/100-gen-ai-apps-4/> (дата обращения 26.07.2025).

² The Global AI Vibrancy Tool 2024. <https://hai.stanford.edu/research/the-global-ai-vibrancy-tool-2024> (дата обращения 26.07.2025).

29 место (12.67), при этом, если просмотреть статистику изменений, то в 2019 году страна поднялась на рекордное для себя 11 место. Более того, каждые 8 направлений расшифрованы по всем 42 показателям. Согласно данному рейтингу самые сильные стороны Российской Федерации:

- национальная стратегия развития искусственного интеллекта (1 место из 36 стран) из блока нормативно-правового регулирования;
- научные публикации в сфере искусственного интеллекта (4 место из 36 стран) из блока наука и теоретические разработки;
- принятое нормативно-правовое регулирование искусственного интеллекта (7 место из 36 стран) из блока нормативно-правового регулирования.

К сожалению есть целый ряд направлений, которые, согласно рейтингу полностью отсутствуют в Российской Федерации, это ответственное использование искусственного интеллекта, экономические инструменты, обучение систем искусственного интеллекта (на английском языке) и разнообразие. Причина серьезного отставания в данном рейтинге – это отдельные ключевые показатели, имеющие большой вес, и сбор информации на основе англоязычных ресурсов.

Использования отдельных критериев данного рейтинга позволяет сравнить прогресс стран, поскольку рейтинг можно проследить и за предыдущие годы, оценить необходимость инвестиций и выявить лучшие практики по разработке и совершенствованию систем искусственного интеллекта.

В этот рейтинг включены категории, ранее не используемые в других рейтингах: обучение систем искусственного интеллекта (на английском языке), разнообразие и общественное мнение.

Четвёртый – Government AI Readiness Index (Oxford Insights)¹, создаваемый международной консалтинговой организацией, специализирующейся на анализе и консультировании в области искусственного интеллекта.

Сведения для составления рейтинга берутся из официальных документов отдельных стран и международных организаций. Данный рейтинг учитывает 188 стран (в седьмой, ежегодной версии на 2024 год) и является наиболее охватывающим из всех представленных выше.

За основу взяло 3 больших направления (по 4 или 3 поднаправления в каждом):

- 1) деятельность правительства – принимаемая политика, управление и этика, цифровой потенциал и нормативно-правовая база в сфере искусственного интеллекта;
- 2) технологический сектор – его размер, инновационный потенциал и кадровый ресурс в сфере искусственного интеллекта;
- 3) данные и инфраструктура – представительность данных, доступность данных, цифровая инфраструктура.

¹ Government AI Readiness Index 2024 <https://oxfordinsights.com/ai-readiness/ai-readiness-index/> (дата обращения 26.07.2025).

Каждое из поднаправлений высчитывается отдельно или используется другой уже составленный рейтинг, как в случае с направлением «Кибербезопасность»². Был создан отдельный рейтинг, основанный на 5 критериях: нормативно-правовая база, техническая база, организационная база, потенциал и кадры и сотрудничество. Результаты данного отдельного рейтинга были интернированы целиком в Government AI Readiness Index.

Лидер рейтинга – США (87.03 из 100), дальше – Сингапур (84.25) и Южная Корея (79.98). Российская Федерация занимает 39 место с показателем 64.72 (деятельность правительства – 72.15, технологический сектор – 45.38, данные и инфраструктура – 76.62). Низкий показатель России в технологическом секторе, в частности в инновационном потенциале и кадровом ресурсе показывает слабое место страны в потенциальных кадрах и требует усиления и проработки данного вопроса.

Данный рейтинг является достоверным, поскольку ежегодно увеличивает охват стран, добавляет критерии для оценки и совершенствует методику. Особенность рейтинга в том, что все страны разделены на 9 групп, в зависимости от географического расположения, и анализируются именно эти укрупнённые группы. Так, Российская Федерация относится к группе «Восточная Европа», занимает 6 место (после Эстонии, Чехии, Литвы, Польши и Словении). Общей чертой данной группы является высокий средний показатель в данных и инфраструктуре (71.10) и деятельность правительства (62.52), однако средний показатель технологического сектора (39.03) гораздо ниже даже группы стран «Северной Африки» (39.34). Более того ежегодно выделяется три лучших достижений в каждой региональной группе.

Пятый – 2024 Индекс готовности приоритетных отраслей экономики Российской Федерации к внедрению искусственного интеллекта, НЦРИИ при Правительстве РФ³ – ежегодный российский рейтинг, составляемый Национальным центром развития искусственного интеллекта.

Основная цель рейтинга – оценить уровень готовности 18 приоритетных отраслей экономики и секторов социальной сферы России к применению и развитию технологий искусственного интеллекта: агропромышленный и рыбохозяйственный комплекс, высшее образование, здравоохранение, сектор информационно-коммуникационных технологий, медиа и СМИ, наука, обрабатывающая промышленность, образование (общее, среднее и среднее профессиональное), развитие городской среды, социальная сфера, строительство, торговля, топливно-энергетический комплекс, транспорт-

² Global Cybersecurity Index (GCI). <https://www.itu.int/en/ITU-D/Cybersecurity/pages/global-cybersecurity-index.aspx> (дата обращения 28.07.2025).

³ 2024 Индекс готовности приоритетных отраслей экономики Российской Федерации к внедрению искусственного интеллекта. https://ai.gov.ru/knowledgebase/vnedrenie-ii/2024_indeks_gotovnosti_prioritetnyh_otrasley_ekonomiki_rossiyskoy_federacii_k_vnedreniyu_iskusstvennogo_intellekta_ncrii/ (дата обращения 29.07.2025).

ная отрасль, туризм, физкультура и спорт, финансовые услуги, экология и природопользование.

Каждая приоритетная отрасль проанализирована по следующим критериям: использование, эффект от использования, управление развитием и использованием, инфраструктура и данные, кадры и компетенции, исследование и разработки, доверие и безопасность и стратегическое планирование и регулирование. Показатели рассчитываются на основе данных Росстата, ФОИВ, Росстандарта, федеральных стратегий развития видов деятельности и отраслей российской экономики и опроса организаций. Максимальное значение индекса для каждой отрасли – 10, наивысший показатель у направления «финансовые услуги» – 4.58 балла, низший у «физическая культура и спорт» – 2.38 балла. Остальные 16 отраслей находятся в указанном промежутке и поделены на группы:

- начинающие – отрасли чей индекс меньше 3,2 (4 отрасли);
- развивающиеся – отрасли чей индекс 3,2–4,1 (11 отраслей);
- лидеры – отрасли чей индекс больше 4,1 (3 отрасли).

Среди основных барьеров развития и использования рейтинг выделяет следующие: финансовые ограничения, недостаток специалистов, недостаточная осведомленность об использовании систем искусственного интеллекта и отсутствие необходимой цифровой инфраструктуры.

Данный ежегодный рейтинг показывает насколько за год продвинулась отрасль в использовании искусственного интеллекта, и по сравнению с предыдущим годом в среднем увеличились показатели на 16%. Данный индекс российский, что позволяет отслеживать отечественные отрасли, довольно оперативно и на основе объективной информации оперативно изменять программы развития отраслей.

В заключении необходимо отметить, что вышеописанные рейтинги являются лишь маркерами, могут использоваться как статистические данные, при написании научных работ, для выявления слабых и сильных сторон, но ни один из рейтингов не является единственно верным по ряду причин:

- каждый рейтинг выбирает собственные критерии для измерения, и собственную методику;
- международные рейтинги часто используют нормативно-правовые источники, статистические данные и научные публикации на английском языке, что существенно уменьшает количество достоверных источников из не англоязычных стран;
- разное понятие цифровой среды, этики и общественной значимости в различных странах.

Внимательное изучение данных рейтингов юристами поможет скорректировать национальную стратегию развития искусственного интеллекта, дорожные карты отдельных программ, увидеть слабые места, выделяемые научным мировым сообществом или индустриальными лидерами, и при необходимости усилить их.

Литература

1. Национальный портал искусственного интеллекта Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ai.gov.ru/>.
2. Глобальный индекс искусственного интеллекта 2024 / Tortoise Media [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ai.gov.ru/knowledgebase/komponenty/2024_informacionno-analiticheskaya_spravka_globalnyy_indeks_ii_2024_the_global_ai_index_2024_ncrii/.
3. The Global Artificial Intelligence Index Methodology Report / Tortoise Media [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.tortoisemedia.com/data/global-ai>.
4. The Top 100 Gen AI Consumer Apps / Andreessen Horowitz (a16z) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://a16z.com/100-gen-ai-apps-4/>.
5. The Global AI Vibrancy Tool 2024 / Stanford Institute for Human-Centered Artificial Intelligence [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://hai.stanford.edu/research/the-global-ai-vibrancy-tool-2024>.
6. Government AI Readiness Index 2024 / Oxford Insights [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://oxfordinsights.com/ai-readiness/ai-readiness-index/>.
7. Global Cybersecurity Index (GCI) / Международный союз электросвязи [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.itu.int/en/ITU-D/Cybersecurity/pages/global-cybersecurity-index.aspx>.
8. Индекс готовности приоритетных отраслей экономики Российской Федерации к внедрению искусственного интеллекта 2024 / Национальный центр развития искусственного интеллекта при Правительстве Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ai.gov.ru/knowledgebase/vnedrenie-ii/2024_indeks_gotovnosti_prioritetnyh_otrasley_ekonomiki_rossiyskoy_federacii_k_vnedreniyu_iskusstvennogo_intellekta_ncrii/.

REVIEW OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE RATINGS AND THE NEED FOR LAWYERS TO USE THEM

Rekhacheva T.V.

Dostoevsky Omsk State University

The article examines the pertinence and imperative nature of artificial intelligence rankings as analytical instruments for evaluating the development and implementation of AI technologies across various jurisdictions and economic sectors. The discourse centers on five principal rankings: the Global AI Index, the Top-100 AI Consumer Products, the Global AI Vibrancy, the Government AI Readiness Index, and the Russian AI Readiness Index pertinent to priority economic sectors. Each ranking is underpinned by a distinct methodological framework encompassing multifaceted indicators including human capital, infrastructural capacity, regulatory frameworks, research output, economic activity, and governmental strategic initiatives. These evaluative instruments facilitate the identification of comparative strengths and deficiencies among states and sectors, thereby informing the formulation and refinement of national AI policies and strategic development programs. The study further elucidates the intrinsic limitations inherent in international rankings, notably linguistic obstacles and divergent conceptualizations of the digital milieu, thereby underscoring the necessity for a nuanced, critical,

and comprehensive approach to their utilization within legal scholarship and policy-making domains.

Keywords: artificial intelligence, rankings, methodology, government strategy, legal regulation

References

1. National Artificial Intelligence Portal of the Russian Federation [Electronic resource]. – Access mode: <https://ai.gov.ru/>.
2. Global Artificial Intelligence Index 2024 / Tortoise Media [Electronic resource]. – Access mode: https://ai.gov.ru/knowledgebase/komponenty/2024_informacionno-analiticheskaya_spravka_globalnyy_indeks_ii_2024_the_global_ai_index_2024_ncrii/.
3. The Global Artificial Intelligence Index Methodology Report / Tortoise Media [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.tortoisemedia.com/data/global-ai>.
4. The Top 100 Gen AI Consumer Apps / Andreessen Horowitz (a16z) [Electronic resource]. – Access mode: <https://a16z.com/100-gen-ai-apps-4/>.
5. The Global AI Vibrancy Tool 2024 / Stanford Institute for Human-Centered Artificial Intelligence [Electronic resource]. – Access mode: <https://hai.stanford.edu/research/the-global-ai-vibrancy-tool-2024>.
6. Government AI Readiness Index 2024 / Oxford Insights [Electronic resource]. – Access mode: <https://ox>
7. Global Cybersecurity Index (GCI) / International Telecommunication Union [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.itu.int/en/ITU-D/Cybersecurity/pages/global-cybersecurity-index.aspx>.
8. Readiness Index of Priority Sectors of the Russian Federation's Economy for the Implementation of Artificial Intelligence 2024 / National Center for Artificial Intelligence Development under the Government of the Russian Federation [Electronic resource]. – Access mode: https://ai.gov.ru/knowledgebase/vnedrenie-ii/2024_indeks_gotovnosti_prioritetnyh_otrasley_ekonomiki_rossiyskoy_federacii_k_vnedreniyu_iskusstvennogo_intellekta_ncrii/.

Методика составления вопросов для чат-бота на основе ИИ для создания фотокомбинированного портрета

Старикова Анна Дмитриевна,

студент Юридического института Национального
исследовательского Томского государственного университета
E-mail: starikovaannaa@yandex.ru

Настоящее исследование посвящено сравнительному анализу диалоговых стратегий для генерации фотороботов с применением искусственного интеллекта. Цель работы – выявить наиболее эффективную методику взаимодействия с ИИ-системами для криминалистики. В основе методологии лежит экспериментальное тестирование двух прототипов чат-ботов и аналитический обзор научной литературы. Результаты показали, что метод единого промпта демонстрирует высокую скорость генерации, но часто упускает детали, тогда как итеративный диалог обеспечивает высокую точность в ущерб времени и стабильности контекста. Научная новизна заключается в разработке гибридной двухэтапной методики, комбинирующей преимущества обоих подходов. Практическая значимость исследования подтверждается возможностью внедрения предложенных решений в деятельность правоохранительных органов для повышения оперативности и достоверности процесса составления фотороботов. Сделан вывод о перспективности гибридной стратегии, способной значительно улучшить процессы криминалистической идентификации.

Ключевые слова: искусственный интеллект, фотокомбинированный портрет, фоторобот, диалоговая система, промпт-инжиниринг, итеративный подход, криминалистическая габитоскопия.

Современная криминалистика находится на этапе активной цифровой трансформации, одним из наиболее перспективных направлений которой является интеграция технологий искусственного интеллекта в процесс создания фотороботов. Исторически сложившиеся методы составления фотокомбинированных портретов, основанные на механическом или цифровом комбинировании стандартизированных элементов из обширных библиотек, зачастую требуют значительных временных затрат и высокой квалификации [1, с. 45]. Появление мощных генеративных моделей открывает новые возможности для автоматизации и повышения реалистичности этого процесса, смещая фокус с проблемы генерации как таковой на проблему эффективной коммуникации между пользователем и алгоритмом.

Ключевым элементом успешного внедрения ИИ становится не столько сама технология генерации изображений, сколько эффективность интерфейса взаимодействия с ней. В условиях оперативно-розыскной деятельности, когда свидетель или потерпевший описывает внешность преступника, принципиальное значение имеет корректность и полнота передачи этой информации алгоритму. В настоящее время сформировались два конкурирующих подхода к организации такого диалога: формирование единого детализированного запроса (промпта) и ведение пошагового итеративного диалога с системой [2, с. 112]. Каждый из них обладает уникальными преимуществами и недостатками, требующими комплексного изучения.

Целью данного исследования является проведение сравнительного анализа методик составления запросов для ИИ-чат-ботов, генерирующих фотороботы, и определение оптимальной стратегии взаимодействия. Объектом исследования выступает процесс создания фотороботов с использованием генеративного искусственного интеллекта, а предметом – диалоговые стратегии и методы формирования запросов, направленные на повышение качества итоговых изображений.

Методологическую основу работы составил комплекс взаимодополняющих методов, включая аналитический обзор научной литературы и нормативно-правовых актов, сравнительный анализ существующих практик и программных комплексов (таких как «Faces», «Фоторобот» и «Облик»), а также экспериментальное тестирование. Для эмпирической части были разработаны два прототипа чат-бота на языке Python. Первый прототип был реализован по схеме единого промпта, где пользователь за одно сообщение передавал

полное описание внешности. Второй прототип использовал итеративный подход, последовательно запрашивая у пользователя уточнения по параметрам: пол, возраст, форма лица, цвет и тип волос, особенности глаз, носа, губ, а также наличие особых примет. Каждый прототип тестировался на идентичном наборе входных данных, а критериями оценки служили соответствие изображения описанию, учет деталей, реалистичность, количество итераций и общее время взаимодействия.

Тестирование метода единого промпта показало высокую скорость генерации – результат получался в среднем за 15–20 секунд. Сгенерированное изображение в целом соответствовало описанию, корректно передавая основные черты, такие как овальная форма лица, темно-русые волосы и наличие усов. Однако в 60% случаев система упускала менее заметные, но значимые детали, такие как шрам над бровью или специфическая родинка, что свидетельствует о приоритизации общих черт в ущерб частностям при перегруженном запросе [3, с. 154].

Итеративный диалоговый подход потребовал значительно больше времени – от 3 до 5 минут на полный цикл взаимодействия. Однако пошаговый опрос позволил гарантированно собрать информацию по всем ключевым параметрам и обеспечил возможность немедленной коррекции неточностей, что привело к высокой точности в передаче особых примет – шрам и родинка были отображены в 90% случаев. Серьезным недостатком данного метода стала наблюдаемая потеря контекста между этапами: фон изображения, освещение и, что наиболее важно, возрастные характеристики демонстрировали значительную вариативность, иногда отклоняясь от заданного диапазона на 10–15 лет [4, с. 102].

Полученные результаты позволяют утверждать, что ни один из подходов не является универсально оптимальным. Метод единого промпта демонстрирует высокую скорость, но низкую надежность в передаче деталей, что делает его применимым в ситуациях, требующих оперативности. Итеративный подход, несмотря на временные затраты, обеспечивает систематический сбор информации и минимизирует риск пропуска ключевых деталей, однако проблема потери контекста указывает на архитектурные ограничения и необходимость разработки более сложных механизмов управления состоянием диалога [5, с. 25].

На основании проведенного анализа представляется целесообразным предложить гибридную стратегию. Ее первая фаза предполагает использование оптимизированного шаблонного промпта, который пользователь заполняет по принципу структурированной анкеты, что позволяет быстро получить базовый вариант изображения. Вторая фаза включает диалоговое уточнение именно тех параметров, которые были недостаточно четко переданы или являются критически важными. Такой подход позволяет нивелировать недостатки обоих

методов, сочетая скорость первичной генерации с точностью финальной доработки [6, с. 110].

Практическая значимость исследования заключается в том, что предложенные решения и конкретные рекомендации могут быть использованы разработчиками программного обеспечения для правоохранительных органов при создании специализированных ИИ-инструментов. Внедрение гибридной системы позволит существенно повысить эффективность процесса составления фотороботов, снизив зависимость от субъективного фактора и сократив временные затраты. Дальнейшие исследования могут быть направлены на разработку и тестирование прототипа гибридной системы, совершенствование алгоритмов машинного обучения для прогнозирования типичных ошибок пользователей, а также на изучение этических и правовых аспектов применения ИИ в криминалистике [7, с. 137].

Таким образом, использование чат-ботов на основе искусственного интеллекта для создания фотороботов представляет собой перспективное направление, способное значительно улучшить процессы криминалистической идентификации. Сравнительный анализ выявил комплементарный характер методов единого промпта и итеративного диалога, а разработанная гибридная методика позволяет преодолеть ограничения, присущие каждому из подходов в отдельности, открывая путь к созданию более интуитивных, точных и эффективных систем генерации фотороботов.

Литература

1. Акинин М.В., Никифоров М.Б., Таганов А.И. Нейросетевые системы искусственного интеллекта в задачах обработки изображений. М.: Горячая линия-Телеком, 2015. 154 с.
2. Горбачева Т.А. Искусственный интеллект: риски и проблемы внедрения в российской федерации // Инновационная экономика: информация, аналитика, прогнозы. 2025. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-riski-i-problemy-vnedreniya-v-rossiyskoy-federatsii>
3. Кумратова А. М., Борлакова М.А., Сайкинов В.Е., Когай И.Е. Использование диффузионных моделей для разработки приложений, генерирующих изображения на основе текстовых запросов // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 4: Естественно-математические и технические науки. 2022. № 4 (311). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-diffuzionnyh-modeley-dlya-razrabotki-prilozheniy-generiruyuschiy-izobrazheniya-na-osnove-tekstovykh-zaprosov>
4. Кучин О.С. История криминалистики: учебник (для бакалавров и специалистов) / О.С. Кучин; Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Кафедра криминалистики. – Москва: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2019. – 111 с.

5. Ратнер Наталья Петровна Проблема приватности и защиты данных в контексте искусственного интеллекта, вопросы этики // *Universum: экономика и юриспруденция*. 2023. № 12 (110). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-privatnosti-i-zaschity-dannyh-v-kontekste-iskusstvennogo-intellekta-voprosy-etiki>
6. Снетков В.А. Габитоскопия: учебник для вузов МВД СССР / В.А. Снетков. – Волгоград: Научно-исследовательский и редакционно-издательский отдел Высшей следственной школы МВД СССР, 1979. – 180 с.
7. Тарасов А.В., Темзоков А.Р. Криминалистические аспекты использования искусственного интеллекта в раскрытии и расследовании преступлений // *Теория и практика общественного развития*. 2023. № 10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriminalisticheskie-aspekty-ispolzovaniya-iskusstvennogo-intellekta-v-raskrytii-i-rassledovanii-prestupleniy>

METHOD FOR COMPOSING QUESTIONS FOR AN AI-BASED CHAT BOT FOR CREATING A PHOTO COMBINED PORTRAIT

Starikova A.D.

National Research Tomsk State University

Study is dedicated to the comparative analysis of dialog strategies for generating facial composites using artificial intelligence. The aim of the work is to identify the most effective methodology for interacting with AI systems in forensic applications. The methodology is based on experimental testing of two chatbot prototypes and an analytical review of scientific literature. The results showed that the single-prompt method demonstrates high generation speed but often misses details, whereas iterative dialog ensures high accuracy at the expense of time and context stability. The scientific novelty lies in the development of a hybrid two-stage methodology that combines the advantages of both approaches. The practical significance of the research is confirmed by the potential implementation of the

proposed solutions in law enforcement activities to enhance the efficiency and reliability of the facial composite creation process. It is concluded that the hybrid strategy shows promise for significantly improving forensic identification processes.

Keywords: artificial intelligence, photo-combined portrait, facial composite, dialogue system, prompt engineering, iterative approach, forensic habitus analysis.

References

1. Akinin M.V., Nikiforov M.B., Taganov A.I. Neural network systems of artificial intelligence in image processing tasks. Moscow: Hotline-Telecom, 2015. 154 p.
2. Gorbacheva T.A. Artificial intelligence: risks and problems of implementation in the Russian Federation // *Innovative economy: information, analytics, forecasts*. 2025. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-riski-i-problemy-vnedreniya-v-rossiyskoy-federatsii>
3. Kumratova A.M., Borlakova M.A., Saikinov V.E., Kogai I.E. The use of diffusion models for developing applications that generate images based on text queries // *Bulletin of the Adygea State University. Series 4: Natural, mathematical and technical sciences*. 2022. № 4 (311). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-diffuzionnyh-modeley-dlya-razrabotki-prilozheniy-generiruyuschih-izobrazheniya-na-osnove-tekstovykh-zaprosov>
4. Kuchin O.S. History of Criminology: textbook (for bachelors and specialists) / O.S. Kuchin; Lomonosov Moscow State University, Department of Criminology. Moscow: Lomonosov Moscow State University, 2019. 111 p.
5. Ratner Natalia Petrovna The problem of privacy and data protection in the context of artificial intelligence, ethical issues // *Universum: Economics and Jurisprudence*. 2023. № 12 (110). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-privatnosti-i-zaschity-dannyh-v-kontekste-iskusstvennogo-intellekta-voprosy-etiki>
6. Snetkov V.A. Habitoscopia: a textbook for universities of the USSR Ministry of Internal Affairs / V.A. Snetkov. Volgograd: Scientific Research and Editorial Publishing Department of the Higher Investigative School of the Ministry of Internal Affairs of the USSR, 1979. 180 p.
7. Tarasov A.V., Temzokov A.R. Criminalistic aspects of the use of artificial intelligence in the detection and investigation of crimes // *Theory and practice of social development*. 2023. № 10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriminalisticheskie-aspekty-ispolzovaniya-iskusstvennogo-intellekta-v-raskrytii-i-rassledovanii-prestupleniy>

Обжалование решений по делам об административных правонарушениях в сфере рынка ценных бумаг: проблемы теории и практики

Таранов Игорь Евгеньевич,

аспирант, Северо-Западный институт управления – филиал РАНХиГС

E-mail: taranov_i@inbox.ru

Одним из значимых средств правовой защиты является право на обжалование решений должностных лиц органов власти. Надлежащая реализация данного права, в числе прочего, зависит от качественного законодательного регулирования механизма пересмотра решений. Установлено, что специфической проблемой указанного механизма по делам об административных правонарушениях в сфере рынка ценных бумаг является решение вопроса о том, в какой суд надлежит подавать жалобу, арбитражный или общей юрисдикции. Автором определено, что предпосылками для возникновения данной проблемы является некоторая неопределенность относительно круга правонарушений, которых следует отнести к правонарушениям в сфере рынка ценных бумаг и отсутствием ясности относительно наличия связи указанных правонарушений с предпринимательской деятельностью. Выявлена неоднозначность судебной практики в вопросе отнесения указанных составов к компетенции арбитражных судов или судов общей юрисдикции. Сделан вывод о том, что надлежащим органом при рассмотрении жалобы будет являться арбитражный суд. В ходе исследования использовались общенаучные и специальные методы (анализ, обобщение сравнительного-правовой).

Ключевые слова: рынок ценных бумаг, обжалование решений, подсудность, административные правонарушения в сфере рынка ценных бумаг, предпринимательская деятельность, арбитражный суд, суд общей юрисдикции.

В международном праве прав человека (в его процессуальном аспекте) и российском законодательстве закреплено право на защиту путем обращения в форме жалобы в вышестоящий орган, вышестоящему должностному лицу, в суд с целью инициирования пересмотра ранее принятого решения. В КоАП РФ право на обжалование постановлений и решений по делам об административных правонарушениях и механизм его реализации установлен главой 30.

Обращение в суд с обжалованием решения по делу об административном правонарушении в сфере рынка ценных бумаг является достаточно распространенной практикой. Однако можно ли говорить, что нормативно-правовая модель является достаточно эффективной с точки зрения требований процессуальной экономии (сокращение расходов судебной системы) и защиты прав участников административного производства?

Цель статьи – изучить качество законодательного регулирования механизма пересмотра решений по делам об административных правонарушениях в сфере рынка ценных бумаг и выявить ключевые факторы, специфичные именно для дел анализируемого вида административных правонарушений, оказывающие влияние на эффективность процедуры обжалования.

Пересмотр постановлений и решений по делам об административных правонарушениях, согласно предложенному Г.А. Шевчуком определению, есть «урегулированная законом часть административно-юрисдикционной деятельности, которая осуществляется уполномоченными должностными лицами и судьей в пределах стадии производства по делам об административных правонарушениях, возбуждаемой при наличии правовых, фактических, процессуальных оснований в целях проверки законности и обоснованности постановлений и решений по делам об административных правонарушениях, и которая направлена на разрешение возникшего административно-правового спора» [1, с. 9].

Недостатки и пробелы правовой регламентации стадии пересмотра постановлений и решений по делам об административных правонарушениях неоднократно становились предметом научных исследований. Вносились предложения, касающиеся фактора времени – сроков подачи и рассмотрения жалобы, исчисления момента начала срока обжалования; круга лиц, имеющих право инициирования процедуры пересмотра; унификации процессуального законодательства об административных

правонарушениях (норм КАС РФ и КоАП РФ, процедур арбитражных судов и судов общей юрисдикции) [1–4]. Вместе с тем, предлагаемые изменения направлены на улучшение и адаптацию правовых норм к существующим потребностям правоприменительной практике нормативно-правовой среде в целом, безотносительно к конкретным видам административных правонарушений и достаточно обоснованы в научной литературе.

Определенную сложность именно по делам об административных правонарушениях в сфере рынка ценных бумаг представляет решение вопроса о том, в какой же суд надлежит подавать жалобу, арбитражный или общей юрисдикции.

Исходя из нормы части 3 ст. 30.1 КоАП РФ в арбитражный суд обжалуются решения по делу об административном правонарушении, в случае, если правонарушение связано с осуществлением предпринимательской или иной экономической деятельности юридическим лицом либо индивидуальным предпринимателем. Пленум ВС РФ в п. 33 постановления от 24.03.2005 № 5 (ред. от 23.12.2021) «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» (далее – Пленум № 5) разъясняет, что к компетенции судов общей юрисдикции относится пересмотр тех решений, которые вынесены по делам об административных правонарушениях, где субъектом является юридическое лицо (ЮЛ) или индивидуальный предприниматель (ИП), но объективная сторона совершенного ими деяния не связана с предпринимательской и иной экономической деятельности; в противном случае обжалование может быть осуществлено в арбитражный суд.

Трудность в реализации указанных положений применительно к правонарушениям в сфере рынка ценных бумаг, заключается, во-первых, в некоторой неопределенности относительно круга правонарушений, который следует отнести к данному виду, во-вторых, отсутствием ясности, является ли деятельность в сфере рынка ценных бумаг предпринимательской или иной экономической деятельностью, в-третьих, отсутствием нормативного закрепления понятия «иная экономическая деятельность».

В юридической литературе сформировано два подхода к определению круга правонарушений в сфере рынка ценных бумаг. Согласно первому подходу, эти правонарушения ограничены сугубо статьями главы 15 КоАП РФ (правонарушения в области финансов, фискальной сферы, страхования, рынка ценных бумаг, оборота драгоценных металлов и камней) [5, с. 323–352; 6, с. 112–124], т.е. имеют общий объект; согласно второму – они закреплены не только в главе 15, но и в иных главах, в частности 13 (правонарушения в области связи и информации), 14 (правонарушения в предпринимательской сфере), 19 (правонарушения против порядка управления) и других [7, с. 39–40].

Являясь сторонниками второго подхода, мы исходим из того, что объединяющим фактором пра-

вонарушений из различных глав КоАП РФ в группу «правонарушения в сфере рынка ценных бумаг» является сконцентрированность на надлежащем выполнении нормативных требований относительно порядка, правил и процедур функционирования данного сегмента финансового рынка.

Исходя из неоднородности правонарушений в сфере рынка ценных бумаг, возможно формулирование четырех предположений: (1) некоторые из правонарушений данного вида могут быть связаны с предпринимательской деятельностью (или иной экономической), поэтому при выборе надлежащей судебной инстанции для инициирования процедуры пересмотра решения требуется разрешение вопроса в каждом конкретном случае относительно наличия или отсутствия специального субъекта (ЮЛ или ИП) и связи объективной стороны деяния с предпринимательской или иной экономической деятельностью, (2) одни правонарушения связаны с предпринимательской деятельностью (или иной экономической), другие – нет; (3) все правонарушения в сфере рынка ценных бумаг, вне зависимости от их расположения в главах КоАП РФ, связаны с предпринимательской деятельностью (или иной экономической), (4) все правонарушения в сфере рынка ценных бумаг, вне зависимости от их расположения в главах КоАП РФ, не связаны с предпринимательской деятельностью (или иной экономической).

Отметим, что первый вариант наиболее труден для правоприменителя, особенно лица, привлеченного к административной ответственности, поскольку требует определенной компетенции в вопросах права.

Для проверки сформулированных предположений проведем анализ законодательства, академической литературы и судебной практики.

Согласно положениям ч. 2 и абз. 4,5,6 статьи 23.1 КоАП РФ дела о правонарушениях, предусмотренных нормами статей 15.19 (ч. 1, 2), 15.21; 15.22 (ч. 1–2.1); 15.27; 15.30; 15.35 (ч. 1, 4) КоАП РФ (т.е. составы, которые большинство авторов относят к кругу правонарушений в сфере рынка ценных бумаг) могут быть переданы должностным лицом для рассмотрения судье, но в перечне дел, подлежащих рассмотрению арбитражным судом, они не значатся. Достаточно сложно с достоверностью определить причины такого законодательного решения: означает ли это, что законодатель не связывает указанные составы с предпринимательской и иной экономической деятельностью либо имеет место технический недочет? В первом случае следует признать, что, согласно выраженной в норме права законодательной воли, как минимум некоторые из правонарушений в сфере рынка ценных бумаг не отнесены к компетенции арбитражных судов.

Анализ судебных решений показал, что судебная практика по данному вопросу неоднозначна, жалобы на постановления по делам об административных правонарушениях в сфере рынка цен-

ных бумаг относительно подсудности разрешаются следующим образом:

1) арбитражные суды полагают, что дело о правонарушении в сфере рынка ценных бумаг не относится к их компетенции. Так, в постановлении Верховного Суда Чувашской Республики от 17 января 2017 г. по делу № 4-А-62/2017 (URL: <http://sudact.ru/regular/doc/JJpnhzij5moH/>) указано, что правонарушение, предусмотренное частью 1 статьи 15.19 КоАП РФ не связано с осуществлением юридическим лицом предпринимательской или иной экономической деятельности, следовательно, рассмотрение жалобы подведомственно районному суду. К такому выводу суд пришел исходя из того, что объектом данного правонарушения являются общественные отношения в сфере представления и раскрытия информации на рынке ценных бумаг. Такая аргументация не бесспорна, поскольку Пленум № 5 в качестве критерия связи с предпринимательской деятельностью называет не объект, а объективную сторону правонарушения (п. 33).

Кроме того, в судебной практике имеются примеры и иной позиции – Арбитражный суд Самарской области, напротив, аналогичное дело рассмотрел и принял решение по существу (Решение от 7 апреля 2025 г. по делу № А55–42081/2024, URL: <http://sudact.ru/arbitral/doc/ENsOVCKAJH6r/>)

2) по одним и тем же составам правонарушений и арбитражные суды, и суды общей юрисдикции рассматривают дело по существу, причем не затрагивая вопрос о правильности подсудности. Например, Арбитражный суд Приморского края рассмотрел по существу жалобу АО НПФ ВТБ Пенсионный фонд) о признании незаконным и отмене постановления от 17.03.2020 № ПН-59–1–6–19/462ДСП, которым общество привлечено к административной ответственности по части 12 статьи 15.29 КоАП РФ (Постановление от 5 ноября 2020 г. по делу № А51–6134/2020, URL: <http://sudact.ru/arbitral/doc/9USKBslfMr6x/>). Аналогичную жалобу рассмотрел Ворошиловский районный суд г. Ростова-на-Дону (Постановление от 5 ноября 2020 г. по делу № А51–6134/2020, URL: <http://sudact.ru/regular/doc/WbkLM4b5tKIJ/>). Отметим, что это наиболее часто встречающийся вариант в судебной практике.

3) суд общей юрисдикции прекращает производство по жалобе мотивируя решение тем, что такие дела отнесены к компетенции арбитражных судов (Определение Ленинского районного суда г. Чебоксары от 7 ноября 2016 г. по делу № 12–1161/2016, URL: <http://sudact.ru/regular/doc/PVE2ZJtknBNj/>).

Отметим, что законодатель предусмотрел четкий механизм действий суда, обнаружившего, что производство по жалобе не в его компетенции. Суд общей юрисдикции, руководствуясь пунктом 3 части 1 статьи 30.4 КоАП РФ, при подготовке к рассмотрению жалобы должен принять решение о направлении жалобы и материалов на рассмотрение по подведомственности, т.е. в арбитражный суд. Возможность принятия судом решения о прекра-

щении производства по жалобе в принципе не предусмотрена нормами КоАП РФ: по результатам рассмотрения жалобы возможно принятие исчерпывающего перечня решений: в удовлетворении жалобы отказать; постановление отменить и производство по делу (но не по жалобе) прекратить либо возратить дело на новое рассмотрение; постановление изменить (пункты 1 и 3 ч. 1 ст. 30.7 КоАП РФ). Пленум № 5 допускает подобное решение только в одном случае – отказ от жалобы самого заявителя (п. 33.1).

Арбитражный суд, согласно положениям ч. 4 статьи 39 Арбитражного процессуального кодекса РФ, обнаружив в при рассмотрении дела, что оно подлежит рассмотрению судом общей юрисдикции, арбитражный суд передает дело в верховный суд республики, краевой, областной суд, суд города федерального значения, суд автономной области или суд автономного округа того же субъекта Российской Федерации для направления его в суд общей юрисдикции, к подсудности которого оно отнесено законом.

Исходя из правовой позиции ВС РФ, изложенной в определении Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 16.09.2020 № 305-ЭС20–4513 экономическую деятельность составляют процессы, возникающие в результате производства, распределения, обмена, потребления ресурсов и благ. Полагаем, что к иной экономической деятельности, в частности, можно отнести инвестиционную деятельность.

В научной литературе деятельность профессиональных участников на рынке ценных бумаг рассматривается как предпринимательская и (или) инвестиционная [8], в рамках которой осуществляется привлечение и перераспределение капитала за счет выпуска и обращения ценных бумаг. Соответственно, вне зависимости от того, на какой аспект охраняемых общественных отношений из этой сферы совершено посягательство (порядок оборота ценных бумаг, информационные процессы, организация деятельности т.д.) объективная сторона совершенного деяния будет связана с предпринимательской деятельностью. Таким образом, надлежащим органом при рассмотрении жалобы на постановления по делам об административных нарушениях в сфере ценных бумаг будет являться арбитражный суд.

Проведенный нами анализ позволяет утверждать о том, что в законодательстве, правоприменительной практике и науке не сложилось единое мнение относительно наличия или отсутствия связи правонарушений в сфере рынка ценных бумаг с предпринимательской или иной экономической деятельностью и, соответственно, надлежащей инстанции пересмотра принятых решений – арбитражный суд или суд общей юрисдикции.

Подводя итог, отметим, что «неопределённое положение» составов о правонарушениях в сфере рынка ценных бумаг создаёт сложности у субъектов правонарушения при выборе суда для обжалования решения субъекта административной юрис-

дикции, влечёт пропуск сроков обжалование и нарушение их законных прав и интересов.

Проблемы в выборе суда, который уполномочен рассматривать дела по жалобе на постановление по делу об административном правонарушении в большей степени обусловлены не отсутствием механизма передачи дел между судами арбитража и общей юрисдикции, а неопределённостью квалификации правонарушений в сфере рынка ценных бумаг как связанных с предпринимательской или иной экономической деятельностью, и вынесением судами неправомерных решений о прекращении производства по жалобе по мотиву неподведомственности (неподсудности), что нарушает право лица на доступ к правосудию в разумный срок.

Требуется урегулирование вопроса относительно надлежащей судебной инстанции для обжалования решений по делам по делам об административных правонарушениях в сфере рынка ценных бумаг либо путем закрепления соответствующих составов в нормах КОАП РФ (ст. 23.1 или главе 30), либо посредством советуемого разъяснения в постановлении Пленума ВС РФ (к примеру, внесении дополнений в Пленум № 5). Мы полагаем, что надлежащим органом при рассмотрении жалобы будет являться арбитражный суд, поскольку объективная сторона административных правонарушений рассматриваемого вида связана с предпринимательской деятельностью.

Литература

1. Шевчук Г.А. Пересмотр постановлений и решений по делам об административных правонарушениях: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.14. Саратов, 2003. 19 с.
2. Жукова О. В. К вопросу об обжаловании в суд постановлений по делам об административных правонарушениях // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2021. № 1(65). С. 53–59. DOI: 10.26456/vtpravo/2021.1.053
3. Хмара А. М. К вопросу о некоторых проблемах судебного порядка обжалования постановлений и решений по делам об административных правонарушениях // 25 лет на службе Отечеству: Сб. науч. трудов, посвященный деятельности научных школ СПбУ МВД России и приуроченной к 25-летию со дня его образования / Сост.: О.И. Городовая, О.С. Кравченко, А.А. Жаворонкова. Санкт-Петербург: СПбУ МВД РФ, 2023. С. 49–57. EDN BYAOEB.
4. Цуканов Н.Н. Стадия пересмотра постановлений и решений по делам об административных правонарушениях: к вопросу о целесообразности привычных особенностей / Н.Н. Цуканов, Н.С. Железняк // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2018. № 2(31). С. 69–73. DOI 10.51980/2542–1735_2018_2_69. EDN OUMOWR.
5. Серков П.П. Административные правонарушения: квалификация и назначение наказаний: научно-практическое пособие. М.: Изд-во Норма, 2010. 448 с.
6. Административная юрисдикция в финансовой сфере: монография / [Р.Э. Байтеряков и др.]; под ред. М.А. Лапиной; Финансовый ун-т при Правительстве РФ. М.: ЮСТИЦИЯ: ПАЛЕО-ТИП, 2016. 261 с.
7. Арсланова А.Ф. Вопросы правового регулирования рынка ценных бумаг и юридической ответственности его участников // Хроноэкономика. 2020. № 3(24). С. 37–42. EDN PFWPYJ.
8. Шевченко О.М. Правовые режимы осуществления предпринимательской деятельности на рынке ценных бумаг и коллективных инвестиций // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2022. № 12 (100). С. 70–81. DOI: 10.17803/2311-5998.2022.100.12.070-081

APPEAL OF DECISIONS IN CASES OF ADMINISTRATIVE OFFENSES IN THE FIELD OF THE SECURITIES MARKET: PROBLEMS OF THEORY AND PRACTICE

Taranov I.E.

North-West Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

One of the significant means of legal protection is the right to appeal against the decisions of government officials. The proper implementation of this right, among other things, depends on a high-quality legislative regulation of the decision review mechanism. It has been established that the specific problem of this mechanism in cases of administrative offenses in the field of the securities market is the decision of which court to file a complaint with, arbitration or general jurisdiction. The author has determined that the prerequisites for the emergence of this problem are some uncertainty about the range of offenses that should be attributed to offenses in the securities market and lack of clarity about the connection of these offenses with entrepreneurial activity. The ambiguity of judicial practice in the issue of attributing these structures to the competence of arbitration courts or courts of general jurisdiction has been revealed. It is concluded that the arbitration court will be the appropriate body for reviewing the complaint. The research used general scientific and special methods (analysis, generalization of comparative law).

Keywords: securities market, appeal of decisions, jurisdiction, administrative offenses in the field of the securities market, entrepreneurial activity, arbitration court, court of general jurisdiction.

References

1. Shevchuk G.A. Review of rulings and decisions in cases of administrative offenses: author's abstract. diss. ... Cand. Sciences (Law): 12.00.14. Saratov, 2003. 19 p.
2. Zhukova O.V. On the issue of appealing to the court rulings in cases of administrative offenses // Bulletin of Tver State University. Series: Law. 2021. No. 1(65). Pp. 53–59. DOI: 10.26456/vtpravo/2021.1.053
3. Khmara A.M. On some problems of the judicial procedure for appealing rulings and decisions in cases of administrative offenses // 25 years in the service of the Fatherland: Coll. of scientific. Works dedicated to the activities of the scientific schools of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation and timed to coincide with the 25th anniversary of its foundation / Comp.: O.I. Gorodovaya, O.S. Kravchenko, A.A. Zhavoronkova. St. Petersburg: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2023. Pp. 49–57. EDN BYAOEB.
4. Tsukanov N.N. The stage of review of rulings and decisions in cases of administrative offenses: on the issue of the appropriateness of familiar features / N.N. Tsukanov, N.S. Zheleznyak // Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. No. 2(31). Pp. 69–73. DOI 10.51980/2542–1735_2018_2_69. EDN OUMOWR.

5. Serkov P.P. Administrative Offenses: Qualification and Appointment of Punishments: A Scientific and Practical Guide. Moscow: Norma Publishing House, 2010. 448 p.
6. Administrative Jurisdiction in the Financial Sphere: Monograph / [R.E. Baiteriakov et al.]; edited by M.A. Lapina; Financial University under the Government of the Russian Federation. Moscow: JUSTICE: PALEOTYPE, 2016. 261 p.
7. Arslanova A.F. Issues of Legal Regulation of the Securities Market and Legal Liability of Its Participants // Chronoeconomics. 2020. No. 3(24). Pp. 37–42. EDN PFWPYJ.
8. Shevchenko O.M. Legal Regimes for Carrying Out Entrepreneurial Activity in the Securities and Collective Investment Market // Bulletin of the O.E. Kutafin University. 2022. No. 12 (100). pp. 70–81. DOI: 10.17803/2311-5998.2022.100.12.070-081

О некоторых вопросах, связанных с производством по делам об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 12.8 и ст. 12.26 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях

Трунцева Елена Александровна,

аспирант Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ» (ФГБОУ ВО «НГУЭУ», НГУЭУ)

Статья посвящена исследованию одной из наиболее острых проблем в сфере обеспечения безопасности дорожного движения Российской Федерации – повторному управлению транспортным средством лицом, находящимся в состоянии опьянения, а также невыполнению водителем законного требования уполномоченного должностного лица о прохождении медицинского освидетельствования на состояние алкогольного или наркотического опьянения. Указанная категория деяний сохраняет высокие показатели повторяемости, несмотря на ужесточение законодательства и усиление мер государственного контроля. В связи с этим в работе предлагается научно обоснованная инициатива по дополнению Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях новыми положениями, закрепляющими меру обеспечения в виде временного запрета на управление транспортными средствами до вступления постановления по делу в законную силу. Такое дополнение целесообразно внести в статью 27.1 КоАП РФ «Меры обеспечения производства по делу об административном правонарушении».

Ключевые слова: безопасность дорожного движения, административная ответственность, меры обеспечения, опьянение, медицинское освидетельствование, профилактика.

Методология

Методология исследования основывается на сочетании правового, аналитического и статистического подходов. Прежде всего проанализированы действующие и ранее действовавшие нормы административного и уголовного законодательства, регулирующие ответственность водителей за управление транспортными средствами в состоянии опьянения и отказ от прохождения медицинского освидетельствования. Статистические данные, взятые из официальных источников судебной и государственной отчетности, позволили выявить тенденции динамики правонарушений и определить их социальные последствия. Использование комплексного анализа дает возможность сделать объективные выводы относительно эффективности существующих правовых механизмов и обозначить направления их совершенствования.

Введение

Проблематика обеспечения безопасности дорожного движения остается одним из приоритетов государственной политики Российской Федерации. 11 сентября 2025 года на заседании Межведомственной комиссии Совета Безопасности Российской Федерации обсуждались стратегические направления в данной сфере. Комиссией был одобрен проект Стратегии повышения безопасности дорожного движения в Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года.

В документе отмечается, что случаи управления транспортными средствами в состоянии опьянения или уклонения от медицинского освидетельствования продолжают регистрироваться приблизительно в каждом девятом дорожно-транспортном происшествии, при этом доля погибших в таких авариях превышает четверть всех жертв. Согласно официальной статистике, в 2024 году этот показатель составил 25,3 процента. Анализ данных, представленных в проекте Стратегии, показывает, что водители, пребывавшие в состоянии алкогольного или наркотического опьянения, становятся виновниками подавляющего большинства серьезных ДТП. Тяжесть последствий таких происшествий вдвое превышает средние показатели. Каждый десятый водитель, ранее привлеченный к ответственности за управление в состоянии опьянения или отказ от прохож-

дения медицинского освидетельствования, совершает аналогичное деяние повторно. [4]

Положительная тенденция последних лет выражается в снижении общего количества аварий с участием нетрезвых водителей почти в полтора раза по сравнению с 2017 годом. Этому способствовали целенаправленные меры законодательства, контрольные проверки, общественные кампании и снижение потребления алкоголя населением более чем на 10 процентов. Тем не менее, несмотря на достигнутые результаты, число погибших в таких ДТП в 2024 году вновь возросло на 6,2 процента. Особую угрозу представляет увеличение числа водителей в состоянии наркотического опьянения – рост смертности по этой категории за тот же период составил 34,5 процента. Доля подобных инцидентов за последние семь лет увеличилась более чем в полтора раза и в 2024 году составила почти десять процентов всех случаев гибели участников дорожного движения. [4]

Анализ действующего законодательства и правоприменения

В соответствие с частью 1 статьи 12.8 КоАП РФ управление транспортным средством водителем, находящимся в состоянии опьянения влечет административное наказание в виде штрафа и лишения права управления. Частью 1 статьи 12.26 установлена ответственность за невыполнение водителем транспортного средства законного требования уполномоченного должностного лица о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения. [2] Ранее, до принятия Федерального закона № 528-ФЗ от 31 декабря 2014 года, повторное аналогичное деяние относилось к административным правонарушениям, однако после реформы законодательства оно было отнесено к категории уголовно наказуемых (статья 264.1 УК РФ).

С точки зрения уголовноправовой эволюции законодательства, отнесение повторного управления в состоянии опьянения, а также отказа от выполнения требования сотрудника Госавтоинспекции о прохождении медицинского освидетельствования, к категории уголовно наказуемых деяний (статья 264.1 УК РФ) продемонстрировало тенденцию к усилению ответственности.

Новая норма должна была существенно сократить количество повторных деяний за счет ужесточения наказания. Однако судебная практика свидетельствует о том, что поставленная цель полностью не достигнута. По данным официальной судебной статистики, в 2022 году по части 1 статьи 264.1 УК РФ осуждены 43923 лица, в 2023 году – 37838, а в 2024 году – 33157. [7] Несмотря на заметное снижение количества, этот показатель остается значительным, что указывает на необходимость пересмотра подходов к профилактике.

Причина высокой рецидивности заключается не только в недостаточной эффективности санкций, но и в особенностях процедуры рассмотрения дел. Согласно статье 29.6 КоАП РФ, в большин-

стве случаев судебный процесс по административным делам длится до двух месяцев с возможным продлением. Все это время лицо, привлекаемое к ответственности, сохраняет право управлять транспортным средством. Психофизиологические особенности состояния опьянения приводят к тому, что человек не способен адекватно оценивать последствия своих действий, что повышает риск повторного совершения правонарушения именно в период между составлением протокола и вступлением решения суда в законную силу.

Кроме того, судебное разбирательство по подобным делам несет и профилактическую функцию. Оно оказывает на нарушителя психологическое и воспитательное воздействие, заставляя осознать сомнительность своего поведения и возможные последствия. Однако данный эффект проявляется, как правило, уже после вынесения решения, тогда как период до суда остается наименее контролируемым.

Предлагаемое решение

В целях устранения выявленных проблем предлагается внесение дополнения в статью 27.1 КоАП РФ, предусматривающего временный запрет на управление транспортными средствами как меру обеспечения по делам о правонарушениях, предусмотренных статьями 12.8 и 12.26 КоАП РФ. Такая мера позволит заблаговременно обезопасить дорожное движение, исключить вероятность повторных нарушений и повысить эффективность административного производства.

Предполагается, что решением о применении данной меры должны уполномочиваться сотрудники Госавтоинспекции, действующие в рамках принципа соразмерности. При этом должностное лицо обязано учитывать характер проступка, обстоятельства его совершения, уровень общественной опасности, а также индивидуальные характеристики лица: семейное положение, наличие постоянной работы, прежние случаи привлечения к ответственности.

Особое внимание следует уделить социально-экономическим аспектам повторности. Среди повторных нарушителей преобладают граждане со средним и низким уровнем дохода, не имеющие стабильной занятости. Для этой категории административные штрафы зачастую не играют сдерживающей роли, а лишение права управления воспринимается как формальность.

Исследование, проведенное Масякиным А.В., Сазоновой А.С., Деменко Е.Г. и др., показывает, что лица, допускающие управление автомобилем в состоянии опьянения, имеют определенные личностные особенности, им характерны снижение ценности образования и трудовой деятельности, неумение адаптивно проживать эмоциональные состояния и реагировать на них вовне. [5]

Согласно зарубежным исследованиям (Oh S, Vaughn MG, Salas-Wright CP и др.), среди водителей, арестованных за управление в состоянии

алкогольного опьянения, преобладают граждане, не состоящие в браке или разведенные [6], что подтверждает социально-психологическую природу такого поведения.

Таким образом, проблема рецидива требует комплексного решения, включающего правовые, экономические, образовательные и реабилитационные элементы.

Кроме индивидуальных характеристик, необходимо учитывать и временные факторы. По данным государственных докладов, около трети ДТП с участием нетрезвых водителей происходят в ночное время с 22:00 до 6:00, а наиболее высокий уровень аварийности наблюдается в выходные и праздничные дни. [8]

Следовательно, возможно рассмотреть применение временного запрета на управление транспортом не только в целом, но и для ограниченных временных интервалов – например, в ночное время или по субботам и воскресеньям.

Введение временного запрета на управление транспортом в качестве обеспечительной меры может стать эффективным инструментом прерывания цепочки повторных правонарушений. Такая мера позволит немедленно отстранить потенциально опасного водителя, исключив возможность повторного деяния в короткий промежуток между возбуждением дела и вынесением решения суда. Для повышения правовой устойчивости предлагается разработать порядок регистрации и исполнения такого запрета в автоматизированной информационной системе Госавтоинспекции.

Применение предложенного механизма особенно актуально в регионах с высоким уровнем дорожнотранспортного травматизма и значительным числом повторных случаев. Его реализация будет способствовать не только повышению безопасности дорожного движения, но и укреплению доверия общества к системе административного правосудия, демонстрируя, что наказание носит не формальный, а реальный предупредительный характер.

В перспективе подобный подход создаст основу для формирования института административного рецидива в дорожном правонарушении как самостоятельного аналитического показателя состояния дисциплины участников дорожного движения. Это позволит органам власти более точно оценивать эффективность проводимых реформ и своевременно корректировать стратегию профилактики опасного поведения на дорогах.

Практическое значение и возможные трудности реализации

Реализация предложенной меры позволит устранить временной разрыв между выявлением правонарушения и вступлением судебного решения в силу, тем самым повысив оперативность административного воздействия. Вместе с тем потребуются разработка подзаконного механизма фиксации такого запрета и порядок его снятия. Возможны

правовые коллизии с институтом презумпции невиновности и правом на управление до решения суда, что требует корректировки отдельных положений главы 27 КоАП РФ. Тем не менее, при наличии четких процедурных гарантий мера может стать важным инструментом превентивного регулирования.

Заключение

Вопрос повторных деяний, связанных с управлением транспортными средствами в состоянии опьянения, а также невыполнением законного требования уполномоченного должностного лица о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения, сохраняет высокую актуальность как в правоприменительном, так и в социально-психологическом аспекте. Проведенный анализ показал, что существующие правовые механизмы недостаточно эффективно предотвращают рецидив, а действующие санкции не обеспечивают должного профилактического эффекта. Введение временного запрета на управление транспортом как меры обеспечения производства по делам указанных категорий позволит повысить безопасность дорожного движения, сократить число повторных нарушений и укрепить правопорядок.

Предложенная инициатива соответствует стратегическим направлениям государственной политики России в области безопасности дорожного движения и направлена на защиту жизни, здоровья и прав граждан, а также на повышение эффективности административного законодательства через уточнение и развитие его превентивных функций.

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 15.10.2025) // <http://www.consultant.ru>, 26.10.2025;
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 06.09.2025) // <http://www.consultant.ru>, 26.10.2025;
3. Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу усиления ответственности за совершение правонарушений в сфере безопасности дорожного движения» от 31.12.2014 N 528-ФЗ // <http://www.consultant.ru>, 26.10.2025;
4. Доработанный текст проекта Указа Президента Российской Федерации «Об утверждении Стратегии повышения безопасности дорожного движения в Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» (подготовлен МВД России 17.07.2025) // <https://base.garant.ru/57028893/>, 26.10.2025;
5. Масякин Антон Валерьевич, Сазонова Алина Станиславовна, Деменко Елена Геннадьевна, Аршинова Виктория Викторовна, Радионова Мария Сергеевна, Сафонцева Светлана

на Владимировна, Суворова Ирина Юрьевна, Корж Елена Михайловна, Кураева Виктория Михайловна Медико-социальные и психологические предикторы готовности индивидуума управлять транспортным средством в состоянии опьянения // Здоровье мегаполиса. 2025. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mediko-sotsialnye-i-psiologicheskie-prediktory-gotovnosti-individuuma-upravlyat-transportnym-sredstvom-v-sostoyanii-opyaneniya> (дата обращения: 26.10.2025);

6. Oh S, Vaughn MG, Salas-Wright CP, AbiNader MA, Sanchez M. Driving under the influence of Alcohol: Findings from the NSDUH, 2002–2017. *Addict Behav.* 2020 Sep;108:106439. doi: 10.1016/j.addbeh.2020.106439. Epub 2020 Apr 10. PMID: 32325388; PMCID: PMC7282977;
7. Судебные статистика РФ // Сайт «Судебная статистика РФ». – URL: <https://sudstat.ru/>; 26.10.2025;
8. Государственный доклад о состоянии безопасности дорожного движения в Российской Федерации, Москва, 2023, // Официальный сайт Госавтоинспекции Российской Федерации. – URL: <https://гибдд.рф/upload/site1000/folder/original/downloads/gd2023.pdf.pdf>, 26.10.2025.

ON SOME ISSUES RELATED TO THE PROCEEDINGS IN CASES OF ADMINISTRATIVE OFFENCES PROVIDED FOR IN ARTICLES 12.8 AND 12.26 OF THE CODE OF ADMINISTRATIVE OFFENCES OF THE RUSSIAN FEDERATION

Truntseva E.A.

Novosibirsk State University of Economics and Management

The article is devoted to the study of one of the most acute problems in the field of road safety in the Russian Federation – repeated driving of a vehicle by a person in a state of intoxication, as well as failure by the driver to comply with the legal requirement of an authorized official to undergo a medical examination for alcohol or drug intoxication. This category of acts retains high repeatability rates, despite stricter legislation and increased State control measures. In this regard, the paper proposes a scientifically based initiative to supplement the Code of Administrative Offences of the Russian Federation with new provisions that establish a security measure

in the form of a temporary ban on driving until the decision on the case enters into force. It is advisable to make such an addition to Article 27.1 of the Administrative Code of the Russian Federation “Measures to ensure proceedings in the case of an administrative offense.”

Keywords: road safety, administrative responsibility, safety measures, intoxication, medical examination, prevention.

References

1. Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996 N 63-FZ (as amended on October 15, 2025) // <http://www.consultant.ru>, October 26, 2025;
2. Code of the Russian Federation on Administrative Offences of December 30, 2001 N 195-FZ (as amended on July 31, 2025) (as amended and supplemented, entered into force on September 6, 2025) // <http://www.consultant.ru>, October 26, 2025;
3. Federal Law “On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation on the Issue of Strengthening Penalty for Committing Offenses in the Sphere of Road Safety” dated December 31, 2014 N 528-FZ // <http://www.consultant.ru>, October 26, 2025;
4. Revised text of the draft Decree of the President of the Russian Federation “On Approval of the Strategy for Improving Road Safety in the Russian Federation for the Period up to 2030 and for the Future up to 2036” (prepared by the Ministry of Internal Affairs of Russia on July 17, 2025) // <https://base.garant.ru/57028893/>, October 26, 2025;
5. Masyakin Anton Valerievich, Sazonova Alina Stanislavovna, Demenko Elena Gennadyevna, Arshinova Victoria Viktorovna, Radionova Maria Sergeevna, Safontseva Svetlana Vladimirovna, Suvorova Irina Yuryevna, Korzh Elena Mikhailovna, Kuraeva Victoria Mikhailovna Medical, social and psychological predictors of an individual’s readiness to drive a vehicle while intoxicated // *Health of the metropolis.* 2025. No. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mediko-sotsialnye-i-psiologicheskie-prediktory-gotovnosti-individuuma-upravlyat-transportnym-sredstvom-v-sostoyanii-opyaneniya> (date of access: 10/26/2025);
6. Oh S, Vaughn MG, Salas-Wright CP, AbiNader MA, Sanchez M. Driving under the influence of Alcohol: Findings from the NSDUH, 2002–2017. *Addict Behav.* 2020 Sep;108:106439. doi: 10.1016/j.addbeh.2020.106439. Epub 2020 Apr 10. PMID: 32325388; PMCID: PMC7282977;
7. Judicial statistics of the Russian Federation // Website “Judicial statistics of the Russian Federation”. – URL: <https://sudstat.ru/>; 26.10.2025;
8. State report on the state of road safety in the Russian Federation, Moscow, 2023, // Official website of the State Traffic Inspectorate of the Russian Federation. – URL: [https:// traffic police.rf/upload/site1000/folder/original/downloads/gd2023.pdf.pdf](https://traffic-police.rf/upload/site1000/folder/original/downloads/gd2023.pdf.pdf), 10.26.2025.

Фомин Денис Сергеевич,

аспирант, Университет управления «ТИСБИ»

В статье рассматриваются правовое сознание и правовая культура как социокультурные феномены, определяющие уровень развития правовой жизни общества. Анализируется их взаимосвязь, структура и функции, роль в укреплении правового государства и гражданского общества. Особое внимание уделяется современным проблемам правового сознания в России, в том числе феномену правового нигилизма, низкой правовой грамотности населения и влиянию цифровых технологий на восприятие права, а также влиянию глобализационных процессов и цифровизации на правовую культуру. Практическая значимость статьи заключается в предложении мер по повышению правовой культуры через правовое образование, просвещение и развитие правоприменительной практики.

Ключевые слова: Правовое сознание, правовая культура, социокультурные феномены, правовой нигилизм, правовое воспитание, правовое образование, правовое государство, гражданское общество.

Современное общество невозможно представить без права, регулирующего общественные отношения и формирующего основу взаимодействия между личностью, государством и социумом в целом. Однако право функционирует не только в виде формально закрепленных норм, но и как элемент культуры, находящий отражение в сознании людей, их ценностных ориентациях и моделях поведения. Именно поэтому исследование правового сознания и правовой культуры приобретает особую актуальность в условиях динамичных социальных изменений.

Правовое сознание и правовая культура являются важнейшими феноменами общественной жизни, без которых невозможно развитие правового государства и становление полноценного гражданского общества. Они отражают не только формальное восприятие права как системы норм, но и отношение личности и общества к праву как к ценности, обеспечивающей справедливость, порядок и устойчивость социальных институтов. Оба эти понятия взаимосвязаны и во многом определяют качество правовой жизни, устойчивость социальных институтов и степень доверия граждан к государству.

Актуальность данной темы обусловлена тем, что в условиях современных трансформационных процессов, характерных как для России, так и для многих других стран, наблюдается противоречивое развитие правовой сферы. С одной стороны, усиливаются процессы правовой интеграции, повышается значение прав человека и демократических ценностей. С другой стороны, сохраняются проблемы низкого уровня правовой культуры, правового нигилизма, кризис доверия к государственным и судебным институтам, противоречивое влияние глобализации и цифровизации на развитие правовой культуры. Эти факторы обуславливают необходимость переосмысления роли правового сознания и правовой культуры как социокультурных феноменов и поиска путей их развития.

Цель настоящей статьи заключается в раскрытии сущности правового сознания и правовой культуры как социокультурных явлений, выявления их сущностных характеристик, оценка их взаимосвязи и значения для развития современного общества.

Для достижения цели ставятся следующие задачи:

- дать теоретическое определение понятий «правовое сознание» и «правовая культура»;
- проанализировать их структуру и функции;
- рассмотреть взаимосвязь и специфику проявления данных феноменов в современном обществе;

- выявить актуальные проблемы развития правового сознания и правовой культуры;
- предложить направления их совершенствования в условиях современных вызовов.

Правовое сознание – это сложная и многогранная категория, отражающая отношение личности, социальных групп и общества в целом к правовой действительности. Оно выражает самоопределение человека в правовой сфере и построение модели поведения в соответствии с восприятием права. Будучи одной из форм общественного сознания, правосознание объединяет знания, ценности, эмоции и установки, определяющие отношение к действующему и желаемому правопорядку.

В научной литературе существует ряд подходов к его определению.

В.М. Сырых рассматривает правосознание как систему объективируемых знаний о становлении и развитии права, его современном состоянии, а также совокупность правовых оценок и предположений о путях совершенствования законодательства.

Р.А. Ромашов понимает правосознание как комплекс представлений, идей и эмоций, выражающих оценочное отношение людей к юридически значимым явлениям (праву, судебной практике, правам человека). С.А. Комаров подчеркивает, что оно включает как знание права, так и уважительное отношение к нему как социальной ценности, а также навыки правомерного поведения.

По мнению Р.С. Байниязова, правосознание – это духовная система взглядов, идей, убеждений и психологических переживаний, складывающихся по поводу правовой действительности.

Е.А. Фролова определяет правосознание как интеллектуально-ценностное восприятие политико-правовой действительности, включающее убеждения, эмоции и оценки в сфере государства и права.

Обобщая различные позиции, можно сказать, что главная цель правового сознания состоит в удовлетворении объективной потребности общества в правовом регулировании, что способствует развитию социально-активного поведения и укреплению правопорядка.

Вопрос о структуре правосознания в юридической науке остаётся дискуссионным. Наиболее распространённым считается классический подход, предполагающий выделение двух элементов: правовой идеологии как рационального компонента, представляющего собой систему идей и теоретических взглядов на сущность права, и правовой психологии как эмоционального элемента, выражающего чувства, настроения и переживания в связи с правовой действительностью [1, с. 110]. Однако ряд исследователей предлагают более развернутые модели. Так, В.М. Сырых выделяет три составляющие – правовую психологию, правовую науку и правовую идеологию; Г.Б. Власова акцентирует внимание на рациональном, ценностном и эмоциональном элементах; другие авторы подчёркивают сочетание интеллектуальной, эмо-

циональной и волевой сфер. В современной юридической науке также укрепляется позиция о многокомпонентной структуре правосознания, включающей знания, установки, ценности, общественные и индивидуальные представления, а для профессионального правосознания – ещё и практические навыки, правовое мышление и способность к эффективному применению норм.

Таким образом, правосознание можно рассматривать как динамическую систему, включающую рациональные, эмоциональные и волевые элементы, отражающую правовую реальность и оказывающую влияние на формирование правовой культуры и практики правового поведения.

Правовая культура является более широким понятием, чем правовое сознание, так как она формируется под влиянием духовных, исторических, экономических и политических факторов и отражает своеобразную правовую картину мира, которая объединяет субъективное восприятие права и объективные формы его проявления в социальной жизни. Кроме того, правовая культура охватывает и иные элементы: правовую деятельность (правотворчество, правоприменение, правоохранение), систему институтов и правовых актов, а также традиции и ценности, укоренённые в историко-культурной среде.

В научной литературе существуют разные подходы к её определению. Так, в рамках системного подхода правовая культура рассматривается как совокупность всех элементов правовой надстройки – законодательства, юридической практики, науки, образования, деятельности институтов и общего отношения граждан к праву [2, с. 238]. Личностный подход акцентирует внимание на внутреннем измерении – совокупности идей, чувств и установок личности, выражающих её потребность в правомерном поведении и уважении к закону. Деятельностный подход описывает правовую культуру как способ взаимодействия человека с правовой системой через участие в правотворчестве, правоприменении и соблюдении норм. Наконец, аксиологический подход подчёркивает, что правовая культура является интегральной характеристикой цивилизованности общества, отражающей уровень правовых ценностей, законности и правопорядка.

Кроме того, формирование правовой культуры неразрывно связано с национальным менталитетом, историческими традициями и социальными практиками [3, с. 111]. Так, для России характерен патерналистский тип, основанный на коллективистских началах и высокой роли государства. Здесь право традиционно воспринималось через категории справедливости, правды и совести, что с одной стороны укрепляло моральные устои, но с другой – способствовало правовому нигилизму и слабой индивидуальной ответственности [2, с. 70]. В западных странах преобладает либеральный тип, ориентированный на защиту индивидуальных прав и свобод, где закон рассматривается как главный инструмент охраны интересов лично-

сти [4, с. 312]. Для восточных обществ, таких как Китай или Япония, характерен коллективистский тип, при котором нормы морали и традиций доминируют над правовыми, а закон часто ассоциируется прежде всего с наказанием и обязанностью, а не с правом личности [5, с. 305].

Эти различия показывают, что правовая культура – не универсальна, а тесно связана с социокультурным контекстом и историческим опытом общества.

Правовая культура выступает индикатором уровня развития общества, отражая как состояние законодательства и правоприменения, так и ценностное отношение граждан к праву. Она объединяет в себе знания, деятельность и ценности, формируя фундамент законопослушного поведения и гражданской идентичности.

По своей сути правовое сознание и правовая культура представляют собой взаимосвязанные основы правовой системы. Правосознание выражает субъективное отношение личности к праву и является духовным элементом правовой сферы, тогда как правовая культура охватывает как субъективные установки, так и объективные формы правовой жизни общества, выступая более широкой категорией. Иными словами, правосознание можно рассматривать как внутренний источник правовой культуры, а правовую культуру – как её практическое воплощение [6, с. 288].

Эти два явления образуют замкнутую систему взаимного влияния. С одной стороны, правосознание формирует правовые установки и модели поведения, предопределяя уровень правовой активности и качество правоприменения. С другой стороны, состояние правовой культуры – качество законодательства, эффективность правоприменения, уровень доверия к институтам – создает условия для развития или, напротив, деформации правосознания. Таким образом, диалектика их взаимодействия проявляется в том, что сознание граждан влияет на правовую среду, а правовая среда, в свою очередь, воздействует на сознание.

Наглядным примером такой взаимозависимости служит проблема коррупции. Низкий уровень правовой грамотности и деформированное правосознание часто порождают правовой нигилизм и инфантилизм, при которых закон воспринимается как формальность, а неправомерные способы достижения целей становятся привычной практикой. На уровне правовой культуры это выражается в распространении коррупционных схем, бюрократизме, подрыве доверия к государственным институтам [7]. Возникает замкнутый круг: недостаток правосознания способствует укоренению коррупции, а коррупционная практика, в свою очередь, закрепляет в сознании граждан недоверие к закону и убеждение в его неэффективности. В результате ослабевают основы правопорядка, и формирование зрелого правового государства становится затруднительным [4].

Таким образом, устойчивое развитие общества невозможно без гармоничного взаимодействия

правосознания и правовой культуры. Их ослабление ведёт к воспроизводству негативных практик, тогда как их укрепление создаёт основу для реального утверждения законности и доверия к праву.

Современное российское общество сталкивается с целым рядом вызовов, оказывающих непосредственное влияние на состояние правосознания и правовой культуры. Эти вызовы формируются как внутренними социальными процессами, так и глобальными тенденциями, связанными с цифровизацией и глобализацией.

Одной из наиболее острых проблем остаётся правовой нигилизм – устойчивая форма деформации правосознания, выражающаяся в равнодушном или отрицательном отношении к праву [8, с. 111]. Он проявляется в несоблюдении юридических предписаний, игнорировании законов и стремлении действовать «по своим правилам». Причинами правового нигилизма становятся несовершенство правовой системы, избирательность правосудия, распространение коррупции, а также недостатки правового образования и дефицит позитивных примеров со стороны государства. Его следствием является снижение доверия к институтам власти и ослабление правопорядка, что формирует почву для роста противоправных практик.

Другим важным вызовом выступает цифровизация, которая оказывает двойственное воздействие на правовую сферу. С одной стороны, она облегчает доступ к правовой информации, делает более прозрачными отношения государства и граждан, способствует развитию электронных сервисов и снижает риски бюрократии и коррупции [5, с. 305]. С другой – стремительный рост цифровой среды порождает новые угрозы: распространение дезинформации и правового кибернигилизма, снижение критического восприятия правовой информации, а также рост киберпреступности. Особенно уязвима молодёжь, чьё правосознание формируется под воздействием фрагментированного и нередко искажённого интернет-контента.

Стремительное развитие Интернета и глобальная цифровизация породили комплекс новых социальных и правовых вызовов, особенно актуальных для молодёжи, составляющей основную аудиторию цифрового пространства (до 90% которой полагаются на онлайн-источники как на главный источник информации). Одним из ключевых рисков является перенасыщение информационного поля неконтролируемыми, искажёнными или устаревшими правовыми данными, что приводит к формированию ошибочных представлений о правовой действительности и дезориентации граждан в вопросах правопорядка. Параллельно наблюдается активное распространение деструктивного контента – от пропаганды преступности и насилия до популяризации радикальных идеологий и криминальных субкультур, превращающих сеть в арену информационной войны. Усиление эмоционально-сенсационных форм подачи информации, характерных для цифровой среды, способствует эрозии критического мышления и аналитических компе-

тенций, делая пользователей особенно уязвимыми к манипуляциям. Особую тревогу вызывает деформация правосознания молодёжи, чья психологическая и когнитивная уязвимость, обусловленная недостатком жизненного опыта и слабой правовой грамотностью, делает её лёгкой мишенью для дезинформации, веры в «фейки» и принятия нигилистических установок, включая отрицание исторически сложившихся социальных и правовых ценностей. Эти тенденции требуют системного междисциплинарного подхода к формированию цифровой правовой культуры и развитию медиаграмотности в образовательных и правоприменительных практиках [9, с. 69].

Влияние глобализации также невозможно игнорировать. Сближение правовых систем открывает возможности для интеграции и унификации законодательства, однако одновременно создаёт трудности адаптации международных норм к национальным традициям [4, с. 310]. В условиях международных конфликтов и обострения вопросов безопасности особое значение приобретают задачи укрепления социальной солидарности и защиты национальных интересов.

Таким образом, перед современной правовой культурой встают комплексные вызовы: необходимость преодоления правового нигилизма, развитие правового воспитания и просвещения в условиях цифровой среды, совершенствование правоприменения и правового регулирования новых форм общественных отношений. Решение этих задач требует не только институциональных реформ, но и системной работы по укреплению доверия к праву и формированию ценностного уважения к закону.

Повышение уровня правовой культуры и правосознания требует комплексного подхода, объединяющего усилия государства, образовательных учреждений, институтов гражданского общества и самих граждан. Развитие этих феноменов является ключевым условием построения правового государства и формирования зрелого гражданского общества.

Одним из центральных направлений выступает правовое образование, которое должно охватывать все ступени – от школьных курсов правовой грамотности до профессиональной подготовки юристов [10, с. 154]. Важно, чтобы обучение не ограничивалось формальным усвоением норм, а формировало устойчивые правовые установки и модели законопослушного поведения. Этому способствуют современные педагогические методы: интерактивные формы обучения, моделирование правовых ситуаций, дебаты. В университетах особое значение приобретает воспитание у будущих специалистов не только профессиональных компетенций, но и уважительного отношения к праву как к ценности.

В тесной связи с образованием находится правовое просвещение, направленное на широкие слои населения. Оно предполагает системное информирование граждан о законодательстве, дея-

тельности органов власти и механизмах защиты прав. Здесь важна роль государства, неправительственных организаций и средств массовой информации. Интернет и социальные сети могут быть использованы как эффективный канал правовой пропаганды, но при этом необходимо противодействовать распространению деструктивного и искажённого контента, который подрывает доверие к закону.

Особое значение имеет укрепление доверия к институтам власти и правоприменительной системе. Справедливое и последовательное исполнение законодательства, прозрачность судебных процедур, открытость деятельности государственных органов создают фундамент для уважения к праву. Напротив, коррупция, бюрократизм и избирательность правосудия подрывают правовую культуру, провоцируя рост нигилизма. Поэтому повышение эффективности правоприменения и обеспечение ответственности должностных лиц являются важнейшими условиями развития правосознания.

Не менее важна роль средств массовой информации, формирующих образ права в общественном сознании. СМИ способны транслировать ценности законности, демонстрировать положительные примеры правоприменительной практики, формировать уважение к профессии юриста и служителя закона. Создание качественного правового контента – от документальных фильмов до художественных произведений – может стать действенным инструментом повышения правовой культуры [11, с. 149].

Наконец, нельзя игнорировать личный уровень правовой культуры. Законопослушность, готовность защищать свои права и участвовать в жизни общества формируются не только извне, но и через самовоспитание. Осознанное использование гражданами правовых механизмов для решения личных и общественных проблем, участие в выборах, общественных обсуждениях и иных формах гражданского контроля являются показателями зрелого правосознания, так как правосознание способствует регуляции всех сфер общественной жизни, воздействуя на развитие общества в целом [12, с. 16].

Таким образом, пути повышения правовой культуры и правового сознания лежат в сочетании образовательных и просветительских программ, укреплении доверия к институтам власти, ответственном поведении СМИ и активной позиции граждан. Только комплексное развитие всех этих направлений позволит сформировать устойчивую правовую культуру, которая станет основой демократического и справедливого общества.

Правовое сознание и правовая культура выступают важнейшими социокультурными феноменами, определяющими уровень развития правовой жизни общества и степень его готовности к построению правового государства. Они взаимосвязаны и образуют диалектическое единство: правосознание отражает внутреннее отношение чело-

века к праву, а правовая культура воплощает это отношение в институтах, нормах и повседневной практике.

Современные вызовы демонстрируют, что слабость этих феноменов напрямую отражается на состоянии законности и правопорядка. Нигилизм, правовой инфантилизм, недоверие к институтам власти, а также противоречивое воздействие глобализации и цифровизации формируют деформации правовой культуры и снижают её ценностное значение. Особенно опасным является замкнутый круг взаимовлияния низкой правовой грамотности и коррупции, когда дефицит знаний и установок закрепляет противоправные практики, а последние, в свою очередь, подрывают доверие к закону.

Вместе с тем, выход из этих проблемных ситуаций возможен. Ключевым направлением является развитие правового образования и просвещения, начиная с ранних ступеней социализации и заканчивая профессиональной подготовкой юристов. Не менее важно укрепление доверия к институтам власти, справедливое и прозрачное правоприменение, а также ответственная работа СМИ, формирующих общественный образ права. Активное участие самих граждан в защите прав и в жизни общества также является необходимым условием формирования зрелой правовой культуры.

Таким образом, правовое сознание и правовая культура можно рассматривать как индикаторы устойчивости и зрелости общества. Их развитие обеспечивает не только эффективность правовой системы, но и формирование гражданской идентичности, укрепление доверия между государством и обществом и движение к подлинно демократическому и справедливому устройству.

Литература

1. Павлова, В. В. О некоторых аспектах исследования природы правосознания / В.В. Павлова // Актуальные проблемы российского права и законодательства: Сборник материалов II Международной научно-практической конференции, Красноярск, 25 апреля 2025 года. – Красноярск: Сибирский институт бизнеса, управления и психологии, 2025. – С. 108–112. – EDN XJMQUV.
2. Шпилова, Н.А. Роль правосознания в формировании правовой культуры общества / Н.А. Шпилова // Молодежь и наука: шаг к успеху: сборник научных статей 8-й Всероссийской научной конференции перспективных разработок молодых ученых, в 4 томах, Курск, 20–21 марта 2025 года. – Курск: Закрытое акционерное общество «Университетская книга», 2025. – С. 327–330. – EDN GSFGZR.
3. Национальное правосознание, правовая культура и современное юридическое образование: сборник материалов конференции. – Ставрополь: АГРУС Ставропольского гос. аграрного ун-та, 2023. – 260 с.
4. Хидиров, Х.Н. Правовая культура общества: современные тенденции и вопросы / Х.Н. Хидиров, М. Ф. у. Хусанбоев // Профильное и профессиональное образование в условиях современного поликультурного пространства: Материалы XII Международной научно-практической конференции, Челябинск, 28 февраля 2025 года. – Челябинск: ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», 2025. – С. 309–314. – EDN YHLSBE.
5. Шумилова, В.В. Правосознание в российском обществе как основа правового государства / В.В. Шумилова, Н.А. Макуха // Право и суд в современном мире: Материалы студенческой научно-практической конференции, Хабаровск, 22 апреля 2025 года. – Хабаровск: Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева, 2025. – С. 304–307. – EDN KXIMKX.
6. Шве́ц, И.А. Кризис политики в области правосознания и правовой культуры молодежи / И.А. Шве́ц // Право и суд в современном мире: Материалы студенческой научно-практической конференции, Хабаровск, 22 апреля 2025 года. – Хабаровск: Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева, 2025. – С. 288–290. – EDN VTNTXM.
7. Юсупов Рашид Романович. Сознание правового гражданина // Современные философские исследования. 2025. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/soznanie-pravovogo-grazhdanina> (дата обращения: 22.09.2025).
8. Николаева, С.А. Опыт классификации видов и проявлений правового нигилизма / С.А. Николаева // Роль юридических наук в развитии правовой культуры российского общества: сборник статей по материалам IV Межвузовской научной студенческой конференции, Владивосток, 20 марта 2025 года. – Владивосток: Университет прокуратуры РФ, 2025. – С. 111–115. – EDN LTAUIM.
9. Зайцева, Т.А. Правосознание и правовая культура как элементы формирования юридической ответственности / Т.А. Зайцева, И.А. Шве́ц // Цели наказания: уголовные, уголовно-исполнительные, криминологические и иные аспекты (отечественный и зарубежный опыт): Сборник материалов II Международной научно-практической конференции, Благовещенск, 27–28 марта 2025 года. – Благовещенск: Амурский государственный университет, 2025. – С. 65–73. – EDN TSPYMR.
10. Рыбалка, Е.А. Развитие правовой культуры несовершеннолетних: уроки прошлого, выводы настоящего, перспективы будущего / Е.А. Рыбалка // Правовая парадигма государственной семейной политики: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Липецк, 30 октября 2024 года. – Липецк: Липецкий государственный педагогический уни-

верситет им. П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2025. – С. 153–156. – EDN WKORBD.

11. Яшина, А.В. Проблема перерождения правосознания в современных условиях / А.В. Яшина // Роль юридических наук в развитии правовой культуры российского общества: сборник статей по материалам IV Межвузовской научной студенческой конференции, Владивосток, 20 марта 2025 года. – Владивосток: Университет прокуратуры РФ, 2025. – С. 146–149. – EDN VUQGWV.
12. Власова, Г.Б. Особенности правового сознания современной России / Г.Б. Власова // Национальное правосознание, правовая культура и современное юридическое образование: Сборник материалов международной научно-практической конференции, Ставрополь, 20 октября 2023 года. – Ставрополь: Ставропольский государственный аграрный университет, 2023. – С. 13–17. – EDN BVWWOC.
13. Войтов, А.В. Влияние правовой социализации на формирование правовой культуры личности / А.В. Войтов // Правовая культура в современном обществе: Сборник научных статей VIII Международной научно-практической конференции, Могилев, 23 мая 2025 года. – Могилев: Учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь», 2025. – С. 444–448. – EDN FYUNGO.
14. Костян, И.И. Теоретические аспекты трансформации правового сознания граждан в условиях цифровизации государственных услуг / И.И. Костян // Правовая культура в современном обществе: Сборник научных статей VI–II Международной научно-практической конференции, Могилев, 23 мая 2025 года. – Могилев: Учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь», 2025. – С. 43–49. – EDN IG-TNHE.
15. Махонина, Е.С. Влияние цифровизации на правовую культуру общества / Е.С. Махонина // Цивилизация знаний: российские реалии: Сборник материалов XXVI Международной научной конференции, Москва, 01–25 апреля 2025 года. – Москва: Российский новый университет, 2025. – С. 332–336. – EDN YDJWPF.

LEGAL CONSCIOUSNESS AND LEGAL CULTURE AS SOCIOCULTURAL PHENOMENA

Fomin D.S.

University of Management

This article examines legal consciousness and legal culture as sociocultural phenomena that determine the level of development of the legal life of society. Their interrelationships, structure, and functions, as well as their role in strengthening the rule of law and civil society, are analyzed. Particular attention is paid to contemporary issues of legal consciousness in Russia, including the phenomenon of legal nihilism, low legal literacy among the population, and the impact of digital technologies on the perception of law, as well as the impact of globalization and digitalization on legal culture. The practical significance of the article lies in its proposals for measures to enhance

legal culture through legal education, awareness-raising, and the development of law enforcement practices.

Keywords: Legal consciousness, legal culture, sociocultural phenomena, legal nihilism, legal education, legal education, the rule of law, civil society.

References

1. Pavlova, V.V. On Some Aspects of the Study of the Nature of Legal Awareness / V.V. Pavlova // Actual Problems of Russian Law and Legislation: Collection of Materials of the II International Scientific and Practical Conference, Krasnoyarsk, April 25, 2025. – Krasnoyarsk: Siberian Institute of Business, Management and Psychology, 2025. – Pp. 108–112. – EDN XJMQUV.
2. Shipilova, N.A. The Role of Legal Awareness in the Formation of the Legal Culture of Society / N.A. Shipilova // Youth and Science: A Step to Success: Collection of Scientific Articles of the 8th All-Russian Scientific Conference of Promising Developments of Young Scientists, in 4 volumes, Kursk, March 20–21, 2025. – Kursk: Closed Joint-Stock Company “University Book”, 2025. – Pp. 327–330. – EDN GSFGRZ.
3. National Legal Awareness, Legal Culture, and Modern Legal Education: Conference Proceedings. – Stavropol: AGRUS of Stavropol State Agrarian University, 2023. – 260 p.
4. Khidirov, Kh.N. Legal Culture of Society: Current Trends and Issues / Kh.N. Khidirov, M.F. Khusanboev // Specialized and Professional Education in the Context of a Modern Multicultural Space: Proceedings of the XII International Scientific and Practical Conference, Chelyabinsk, February 28, 2025. – Chelyabinsk: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration”, 2025. – pp. 309–314. – EDN YHLS-BE.
5. Shumilova, V.V. Legal consciousness in Russian society as the basis of the rule of law / V.V. Shumilova, N.A. Makukha // Law and court in the modern world: Materials of the student scientific and practical conference, Khabarovsk, April 22, 2025. – Khabarovsk: Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev, 2025. – Pp. 304–307. – EDN KXIMKX.
6. Shvets, I.A. Crisis of policy in the field of legal consciousness and legal culture of youth / I.A. Shvets // Law and court in the modern world: Materials of the student scientific and practical conference, Khabarovsk, April 22, 2025. – Khabarovsk: Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev, 2025. – Pp. 288–290. – EDN VTNTXM.
7. Rashid Romanovich Yusupov, CONSCIOUSNESS OF A LEGAL CITIZEN // Modern Philosophical Research. 2025. No. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/soznanie-pravovogo-grazhdanina> (accessed: 09/22/2025).
8. S. A. Nikolaeva, An Experience of Classifying Types and Manifestations of Legal Nihilism // The Role of Legal Sciences in the Development of the Legal Culture of Russian Society: A Collection of Articles Based on the Materials of the IV Interuniversity Scientific Student Conference, Vladivostok, March 20, 2025. – Vladivostok: University of the Prosecutor’s Office of the Russian Federation, 2025. – pp. 111–115. – EDN LTAUIM.
9. Zaitseva, T.A. Legal consciousness and legal culture as elements of the formation of legal responsibility / T.A. Zaitseva, I.A. Shvets // The goals of punishment: criminal, penal, criminological and other aspects (domestic and foreign experience): Collection of materials of the II International scientific and practical conference, Blagoveshchensk, March 27–28, 2025. – Blagoveshchensk: Amur State University, 2025. – Pp. 65–73. – EDN TSPYMR.
10. Rybalka, E.A. Development of the legal culture of minors: lessons of the past, conclusions of the present, prospects for the future / E.A. Rybalka // Legal paradigm of state family policy: Materials of the All-Russian scientific and practical conference, Lipetsk, October 30, 2024. – Lipetsk: Lipetsk State Pedagogical University named after P.P. Semenova-Tyan-Shansky, 2025. – Pp. 153–156. – EDN WKORBD.
11. Yashina, A.V. The Problem of the Degeneration of Legal Consciousness in Modern Conditions / A.V. Yashina // The Role of Legal Sciences in the Development of the Legal Culture of Russian Society: A Collection of Articles Based on the Materials of the IV Interuniversity Scientific Student Conference, Vladivostok, March 20, 2025. – Vladivostok: University of the Prosecu-

- tor's Office of the Russian Federation, 2025. – Pp. 146–149. – EDN VUQGWW.
12. Vlasova, G.B. Features of legal consciousness of modern Russia / G.B. Vlasova // National legal consciousness, legal culture and modern legal education: COLLECTION OF MATERIALS OF THE INTERNATIONAL SCIENTIFIC AND PRACTICAL CONFERENCE, Stavropol, October 20, 2023. – Stavropol: Stavropol State Agrarian University, 2023. – Pp. 13–17. – EDN BVWWOC.
13. Voitov, A.V. The influence of legal socialization on the formation of the legal culture of an individual / A.V. Voitov // Legal culture in modern society: Collection of scientific articles of the VIII International Scientific and Practical Conference, Mogilev, May 23, 2025. – Mogilev: Educational Institution "Mogilev Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus", 2025. – Pp. 444–448. – EDN FYUNGO.
14. Kostyan, I.I. Theoretical Aspects of the Transformation of Legal Consciousness of Citizens in the Context of Digitalization of Public Services / I.I. Kostyan // Legal Culture in Modern Society: Collection of Scientific Articles of the VIII International Scientific and Practical Conference, Mogilev, May 23, 2025. – Mogilev: Educational Institution "Mogilev Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus", 2025. – Pp. 43–49. – EDN IGTHHE.
15. Makhonina, E.S. The Impact of Digitalization on the Legal Culture of Society / E.S. Makhonina // Civilization of Knowledge: Russian Realities: Collection of Materials of the XXVI International Scientific Conference, Moscow, April 1–25, 2025. – Moscow: Russian New University, 2025. – Pp. 332–336. – EDN YD-JWPF.